

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ  
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ



Серия  
основана О. Л. Абышко  
в 1992 г.



ИСТОРИЧЕСКАЯ  
КНИГА

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ  
БИБЛИОТЕКА



ИССЛЕДОВАНИЯ



Редколлегия серии:

*акад. Г. М. Бонгард-Левин*,  
президент Российской ассоциации антиковедов;  
*чл.-корр. С. С. Аверинцев*; *акад. М. Л. Гаспаров*;  
*чл.-корр. Н. Н. Казанский*; *проф. Г. А. Кошеленко*;  
*проф. В. И. Кузицин*; *акад. Г. Г. Литаврин*; *Е. В. Ляпустина*;  
*к. ф. н. А. В. Муравьев*; *чл.-корр. М. Б. Пиотровский*;  
*д. и. н. А. В. Подосинов*; *проф. А. А. Россиус*; *проф. А. П. Скогорев*;  
*проф. А. А. Тахо-Годи*; *проф. В. И. Уколова*; *проф. Э. Д. Фролов*;  
*д. и. н. О. П. Цыбенко (ученый секретарь)*; *проф. И. С. Чичуров*;  
*О. Л. Абышко*; *И. А. Савкин*



**В. И. КУЗИЦИН**

**ИССЛЕДОВАНИЯ  
В ОБЛАСТИ  
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ  
АНТИЧНОСТИ**



Санкт-Петербург  
АЛЕТЕЙЯ  
2011

УДК94(37+38):338(091)  
ББК 63.3(0)32-2  
К891

*Печатается по решению Ученого совета исторического факультета  
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент И. А. ГВОЗДЕВА,  
доктор исторических наук С. Ю. САПРЫКИН

Подготовка материалов к публикации:

кандидат исторических наук М. Е. БОНДАРЕНКО

**Кузищин В. И.**

К891 Исследования в области экономической истории античности / В. И. Кузищин. —  
СПб. : Алетейя, 2011. — 654 с. — (Серия «Античная библиотека. Исследования».)  
ISBN 978-5-91419-541-7

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой собрание исследований известного российского ученого-антиковеда, профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ, доктора исторических наук В. И. Кузищина. Его перу принадлежат свыше 250 работ в области древней истории, полный список которых приводится в конце книги. В данном издании впервые собраны вместе статьи разных лет, посвященные различным проблемам античной экономической истории, как широко известные, так и публиковавшиеся ранее лишь в малотиражных и зарубежных изданиях, а также не издававшиеся вовсе.

Книга адресована не только специалистам-историкам, студентам и преподавателям ВУЗов, но и всем интересующимся античной историей и культурой.

УДК 94(37+38):338(091)  
ББК 63.3(0)32-2

ISBN 978-5-91419-541-7



9 785914 195417

©Кузищин В. И., 2011  
©Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011  
©«Алетейя. Историческая книга», 2011



### ***Кузицин Василий Иванович***

*Родился 01.XI.1930 г. в селе Покровское Рязанской области. В 1935 г. семья переехала в Москву. В 1948–1953 гг. учился на историческом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Специализировался на кафедре истории древнего мира. В 1953–1956 гг. обучался в аспирантуре. Научным руководителем был профессор Анатолий Георгиевич Бокицанин. В 1957 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крупное рабовладельческое хозяйство Италии в конце Республики». С 1956 г. зачислен в состав преподавателей МГУ сначала на должность ассистента, затем старшего преподавателя, доцента, профессора. В 1966 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э.». С 1973 г. по 2010 г. являлся заведующим кафедрой истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.*

*В. И. Кузицин постоянно ведет преподавательскую работу на кафедре истории древнего мира МГУ. Имеет звание заслуженного профессора МГУ и многие другие правительственные и почетные звания. Участвовал в работе нескольких международных конгрессов исторических наук: в Москве (1970 г.), Сан-Франциско (1975 г.), Бухаресте (1980 г.), и конгрессов экономической истории: в Ленинграде (1970 г.), Будапеште (1982 г.), Берне (1986 г.). В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах Софии, Праги, Варшавы, Афин, Сорбонны, Марселя, Мадрида, Толедо, Саламанки, Гранады, Боготы (Колумбия).*



## Оглавление

<b>Вместо предисловия</b> .....	9
<b>Раздел I. Аграрные отношения в Древнем Риме</b>	
О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики (1957).....	14
Земельные владения Цицерона (1958).....	30
Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э. (1958).....	45
Срастание сенаторской знати с верхушкой всадников в Риме в конце Республики (1959).....	57
О латифундиях во II в. до н. э. (О толковании 7-й гл. I книги «Гражданских войн» Аппиана) (1960).....	84
Цицерон-домовладелец (К вопросу о концентрации имущества в Риме в конце Республики) (1960).....	99
Хозяйство Плиния Младшего (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н. э.) (1962).....	109
Крестьянское хозяйство Древнего Рима как экономический тип (1973).....	138
О роли крестьянства в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э. (1973).....	157
Земельные владения Марка Порция Катона Старшего (Структура крупного землевладения в Италии во II в. до н. э. до реформ Гракхов) (1975).....	169
Формирование права частной собственности на землю в римской юриспруденции во II—I вв. до н. э. (2008).....	187
<b>Раздел II. Земледелие и агротехника древней Италии</b>	
Из истории сельского хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э. (Римское почвоведение и почвы древней Италии) (1964).....	200
О датировке катоновского «Земледелия» (1966).....	223
Теория почвенного плодородия в римской агрономии I в. до н. э. — I в. н. э. (1966).....	237
Восстановление почвенного плодородия у римлян (Применение удобрений в сельском хозяйстве в Италии II в. до н. э. — I в. н. э.) (1972).....	243
Из истории римской агрономии I в. н. э. (1977).....	262
Севооборот и его применение в Риме во II в. до н. э. (1977).....	266
О системах земледелия в Италии I в. до н. э. — I в. н. э. (1980).....	270
Италийское скотоводство как отрасль римской экономики от Катона до Колумеллы (почему ей «не везет» в современной историографии) (1986).....	279
Мать-земля как религиозно-философская категория у римских агрономов (1996).....	284
<b>Раздел III. Теоретические проблемы исторического процесса в античности</b>	
Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества (1974).....	288
С. Л. Утченко — историк античного мира (1977).....	306
К. Маркс об античном обществе (1983).....	317
К. Маркс об античной экономике (1983).....	328
Об изучении социально-экономической истории древнего мира в произведениях В. Д. Блаватского (1986).....	366

Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности (1986).....	373
Экономика и политика в античном обществе (1989).....	390
The Crisis of Historical Science: What is It? (1996–1997) .....	406
К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской державе (1997) .....	409
Этика труда в античности (1997).....	418
Исторические формы товарного хозяйства (1998) .....	435
Гений Александра (1998) .....	447
Эпопея Октавиана Августа (1998) .....	455
Античность Нового Света как цивилизационный центр мировой истории (1999) .....	461
Товарное производство в античности как исторический тип товарного производства (2000).....	462
Почему и как создаются и распадаются великие империи? Исторические реминисценции из опыта Римской империи (2006) .....	465
<b>Раздел IV. Античное рабство как экономическая система</b>	
Внеэкономическое принуждение и создание поместной администрации в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. (1965) .....	474
Эволюция италийского земледелия и возрастание эксплуатации рабского труда (1966) .....	489
Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. (Проблема производительности рабского труда и ее эволюции) (1967) .....	507
Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве (II в. до н. э. — I в. н. э.) (1970).....	514
Рабы—пленные и не—пленные в древнем Риме (1992).....	525
Transformation from <i>servus</i> through <i>libertinus</i> to <i>civis romanus</i> : the social and religious adaptation (Ist cent. B. C. — Ist cent. A. D.) (1994).....	536
<b>Раздел V. Историческая информатика и античная история</b>	
Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса (1976).....	544
Две модели античного поместья: Первичные опыты экономического моделирования (1999).....	562
<b>Раздел VI. История античного Причерноморья</b>	
Херсонес и Рим в начале II в. до н. э. Первые контакты (1996).....	573
«Усадьба Базилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического (Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.) (1998) .....	580
Региональная экономика Причерноморья в античности (2002).....	606
От кочевий к царству: этапы формирования скифской государственности (2003)....	612
<b>Раздел VII. Олимпийские игры как фактор исторического развития</b>	
Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры (1997).....	616
Древние Олимпийские игры как миротворческий фактор (2000).....	625
Список научных трудов профессора В. И. Кузичина.....	644
Список сокращений.....	655







## Вместо предисловия

Предлагаемое вниманию читателя издание состоит из нескольких десятков статей, посвященных различным проблемам античной экономической истории и опубликованных автором в научных журналах или озвученных на многих международных конференциях за последние пятьдесят лет. В структурном отношении издание делится на семь различных по величине разделов, но центральной частью являются исследования по древнеримской истории и, прежде всего, по истории аграрных отношений, римского производственного рабства и древнеримской экономики в целом. И это не случайно. Обозначенные выше проблемы рассматриваются в отечественной и мировой историографии если не как важнейшие, то, по крайней мере, как существенные. И хотя автор опубликовал в свое время несколько монографических исследований на эти темы, часть материалов не попала на их страницы. Они были опубликованы в редких изданиях или малодоступных публикациях, ставших уже библиографической редкостью.

Автор осмелился предложить к публикации данные материалы только потому, что многие положения, обсуждаемые в этих статьях, могут быть интересными для современного читателя. По мнению автора, в последние десятилетия в отечественной специальной литературе существенно снизился интерес к проблемам экономической истории античности. В этих условиях постановка некоторых «вечных» проблем экономической истории античности может рассматриваться как достаточно своевременная и актуальная. Кроме того, собранные вместе все эти материалы позволяют почувствовать научную атмосферу тех далеких лет, которая столь отличается от нашего времени.

Первые публикации, вошедшие в это издание, появились в середине 50-х гг., когда в отечественной науке господствовала концепция социально-экономических формаций в жесткой редакции «Краткого курса истории ВКП(б)», затем наше поколение пережило острую критику сталинизма во время так называемой «оттепели». В 70–80-х гг. «оттепель» сменилась легким «морозцем» официальной идеологии, однако в области исторической науки и, в частности, отечественного антиковедения теория общественно-экономических формаций подверглась довольно серьезной критике, хотя не утратила своего господствующего положения в отечественной науке. Коренным перелом в сфере методологии и философии истории произошел в последнее десятилетие XX в., когда марксизм-ленинизм как философская основа господствующей идеологии нашего общества был отвергнут, а вместе с ним была дезавуирована казавшаяся незыблемой концепция социально-экономических формаций.

Отечественные историки, в том числе и специалисты в области античности, должны были вести исследовательскую работу в этих сложных условиях. Бесспорно, в своих исследованиях в 1950–1980-х гг. они руководствовались господствующими идеологическими установками и, прежде всего, концепцией общественно-экономических формаций, в частности, концепцией рабовладельческой формации в той редакции, которая была разработана классиками советского антиковедения В. В. Струве, А. В. Мишулиным, С. И. Ковалевым и др. Однако, при исследовании конкретных проблем древней истории отечественные специалисты переходили на язык фактов и конкретных форм жизни, в то время как умозрительные методологические установки отходили на второй план.

Некоторой иллюстрацией этого процесса могут служить некоторые статьи настоящего издания, в частности исследования в области аграрной истории древнего Рима. Как в советской, так и в дореволюционной специальной историографии (можно даже констатировать и в европейской историографии) проблема аграрных отношений в древнем Риме изучалась преимущественно в плоскости борьбы крупного землевладения и мелкого крестьянского. Крупное землевладение понималось как латифундиальное натуральное хозяйство, обрабатываемое толпами рабов, подгоняемыми бичами надсмотрщиков. Крупное землевладение, как считалось, ко времени Гракхов вытеснило мелкое, что привело к упадку римского сельского хозяйства. В целом, «латифундии погубили сначала Италию, — писал Плиний, — а потом и провинцию».

В серии статей 1960–1970-х гг., приведенных в настоящем издании, был предложен более полный вариант аграрной проблемы, чем существующий в историографии того времени. По мнению автора, органической частью аграрных отношений (кроме форм землевладения) как законченного целого было собственно земледелие как таковое. Сюда входил набор сельскохозяйственных культур, включая виноградарство, оливководство, плодовые деревья, технология их возделывания, восстановление почвенного плодородия, существующие севообороты, принятые системы земледелия, освоение новых земель, размеры урожайности и т.д. В зависимости от этих технологических компонентов создавались благоприятные или неблагоприятные условия для распространения тех или иных форм крупного, среднего или мелкого землевладения в Италии в разные исторические периоды.

Очень важной частью аграрной проблемы как таковой, которая стала объектом научного анализа в ряде статей, стало изучение экологической составляющей сельскохозяйственной деятельности, а именно состояние почвенного покрова, ландшафтные условия, климатические явления, состояние речных систем на территории Италии. По мнению автора, именно системное рассмотрение этих важнейших компонентов позволяет понять и исследовать состояние аграрных отношений значительно полнее, чем это наблюдалось в историографии того времени.

Другим крупным направлением исследований, результаты которого составили содержание другого раздела данной работы, стало исследование состояния и характера рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве. Это направление представлено, прежде всего, систематическим исследованием рабского труда в сельском хозяйстве как самостоятельной большой проблемы. В историографии того времени эта проблема считалась решенной, по меньшей мере, в основных чертах. Рабский труд рассматривался как труд сугубо подневольный, малопроизводительный, даже рачительный; решающим принципом принуждения рабов к труду было прямое и неприкрытое насилие. Совершенно естественным было господствующее представление о том, что труд мелкого свободного и даже зависимого земледельца (например, колона) был более производительным, чем труд бесправного раба.

Внимательный анализ источников и исследование самого содержания рабского труда как рабочей силы позволило автору существенно скорректировать этот широко распространенный в историографии взгляд. В серии статей, приведенных в настоящем издании, автор обосновывает иное видение производительности рабского труда, которое он изложил на V Международном конгрессе экономической истории в Ленинграде (1970 г.). Его вывод заключался в том, что по многим показателям труд римского раба в I в. до н. э. — I в. н. э. был не менее, а зачастую более производительным, чем труд свободного земледельца. Этот вывод вызвал оживленную дискуссию участников Конгресса, но в целом, если и не был принят целиком, то заставил задуматься.

Изучение характера рабского труда показало, что в рабском коллективе была возможна и применялась с достаточной эффективностью кооперация и специализация труда, применялись более сложные технологии и орудия производства, чем в мелком хозяйстве. Проведенные автором исследования характера принуждения рабов к труду также показали, что оно базировалось не столько на голом приказе и прямом насилии под бичом надсмотрщика (хотя и это имело место), но на других методах, включая отлаженную систему надзора, вплоть до прямой заинтересованности рабов в результатах своего труда.

Проведенные в 60–70-х гг. исследования, упомянутые выше, привели автора к общему выводу о том, что центральной производительной ячейкой сельского хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э. была не огромная малопродуктивная латифундия, обрабатываемая толпами ленивых рабов, с натуральным хозяйством, а среднее по размерам (одна-две центурии площадью 200–400 югеров = 50–100 га) поместье с рабским контингентом в 15–30 работников, с хорошо организованным производством и тесно связанное с рынком. Тем самым был подорван господствующий в отечественной историографии тезис о сугубо натуральном, малопродуктивном рабовладельческом хозяйстве, связываемом, прежде всего, с латифундиальным производством. Приведенные автором новые направления исследования привлекли внимание наших зарубежных коллег, в частности были переведены на итальянский язык его монография о генезисе рабовладельческих латифундий (1984 г.), статьи о распространении латифундий в Италии в конце Республики (1982 г.), о крестьянском хозяйстве как особом экономическом типе (1988 г.)

В целом проблема товарного производства в древнем Риме, а древний Рим теоретически выступал в качестве «полномочного представителя всей античности», занимала автора постоянно. Его не удовлетворяли традиционные концепции Эд. Мейера—М. И. Ростовцева, К. Бюхера или М. Финли. Его видение проблемы товарного производства было другим. Он представлял наиболее распространенный тип товарного производства, а именно рабовладельческую виллу средних размеров как органическое сочетание товарного производства в части хозяйства (как правило, одной отрасли, например, виноградарство или хлебопашество) и другой части, ведущейся по натуральным рецептам, то есть представлял его как принципиальный экономический дуализм. Этот экономический дуализм представлял собой устойчивую хозяйственную систему, которая гибко и эффективно приспосабливалась и к существующим экологическим условиям (почвы, ландшафт, климат) и к меняющейся экономической и политической ситуации (падение спроса на продукцию, разорительные войны).

Еще одной особенностью товарного производства стало зачаточное состояние предпринимательской этики. Идеалом гражданина среднего достатка (не говоря о мелком земледельце) и вельможи были, прежде всего, доходы с земельных владений, которые обеспечивали его в целом небольшие потребности практически целиком, не обращаясь к рынку (кроме предметов роскоши). Получение прибыли, контроль за товарными потоками, конкуренция, вложения в развитие производства с целью получения большей прибыли его мало волновали. Финансовая инфраструктура была в зачаточном состоянии. В обществе осуждались ростовщичество, рискованные сделки, товарные операции. Античная трудовая этика была далека от протестантской предпринимательской этики европейского капитализма, о которой так блистательно писал М. Вебер.

Все эти проблемы и новые подходы к их решению исследовались на уровне конкретного материала реальной экономической истории Рима и, прежде всего, сельскохозяйственного производства.

Эти новые выводы конкретных исследований, естественно, приводили к пересмотру сложившихся в 30–40-х гг. теоретических положений о рабовладельческой социально-политической формации, а именно: о внутреннем единстве рабовладельческой формации и ее развитии от низших форм к высшим и ее падению, о господстве натурального хозяйства и минимизации роли товарного хозяйства, о сведении классовой и социальной структуры к двум большим классам рабов и рабовладельцев. Целиком и полностью разделяя концепцию общественно-экономических формаций, автор в теоретическом плане начал ее серьезную модификацию, о которой говорится в теоретических статьях данного издания. В частности, было заявлено, что развитие римского рабовладельческого общества четко делится на три этапа, отличающиеся между собой как содержанием, так и темпами развития и даже особыми законами развития. Что только зрелая эпоха II в. до н. э. — II в. н. э. может рассматриваться как сложившаяся рабовладельческая эпоха с довольно высоким уровнем товарного производства и своими собственными законами развития. Подчеркивалось не примитивное классовое деление на рабов и рабовладельцев, но сложная социальная стратификация римского общества. В особую стадию со своими законами развития и особенностями этого развития выделялась эпоха поздней Римской империи.

Конечно, в настоящее время, когда концепция социально-экономических формаций дезавуирована, все эти теоретические положения кажутся плоскими, но в то время они рассматривались как существенная теоретическая модернизация общепринятой теоретической установки. Очень существенное значение в этой работе по модернизации истории рабовладельческой формации имела проработка «Капитала» К. Маркса, связанная со столетием со дня его смерти в 1983 г. К. Маркс не плохо для своего времени и своего положения знал римскую историю и в своем «Капитале» сделал целый ряд глубоких замечаний о характере античного производства и экономики в целом, которые сохранили свою актуальность и до настоящего времени.

К теоретическим проблемам классовой структуры и классовой борьбы уже в современной историографии, проблемам соотношения экономики и политики в античном обществе, вместе с наиболее авторитетным исследователем римской истории Е. М. Штаерман, автор вернулся уже в конце 1980-х гг. В этих исследованиях дано современное видение этих сложных проблем уже в условиях самой острой критики концепции социально-экономических формаций.

Одним из разделов представленного издания является история античного Причерноморья. Включение этой проблемы объясняется двумя обстоятельствами: с одной стороны, продолжительным участием в археологических экспедициях под руководством известных отечественных археологов — специалистов по истории и археологии Северного Причерноморья — профессора В. Д. Блаватского и профессора М. М. Кобылиной, а, с другой стороны, открытием античных усадеб (т.е. вилл) в окрестностях древнего Херсонеса Таврического (совр. Севастополь). В течение двенадцати сезонов автор возглавлял большую историко-археологическую экспедицию исторического факультета МГУ, которая вела раскопки и исследования двух усадеб (вилл) в районе мыса Фиолент. Особенно интересными оказались раскопки самой большой по величине так называемой «виллы Басилида». Эта вилла оказалась усадьбой обширного поместья (около 300 га, т.е. 1200 югеров), т.е. она вполне подходила под римское определение латифундии. Это поместье, основанное на рубеже III–II вв. до н. э., просуществовало до конца V в. н. э. (т.е. около семи столетий) и проделало большой путь развития от средней по размерам усадьбы (около 150–200 югеров) до громадной латифундии (около 1200 югеров). Вместе с размерами изменя-

лось хозяйство виллы. Из интенсивного хозяйства с преобладанием виноградарства, в начале III в. н. э. она превратилась в хозяйство с экстенсивным хлебопашеством и полутгонным скотоводством. Характер этого хозяйства, расположенного на далекой периферии античного мира (Таврика), оказался довольно близким римским сельскохозяйственным образцам, что говорит о широком распространении римского сельскохозяйственного опыта в римских восточных провинциях. Кстати, было установлено вероятное имя владельца этого поместья — Басилид, что является редким случаем в археологических раскопках средиземноморских вилл. Так что эта статья органически дополняет исследования аграрных отношений в Италии. В этом же разделе помещена обобщающая статья по истории региональной экономики всего региона Причерноморья, начиная с колониационного периода и вплоть до поздней античности. Эта статья была предназначена первоначально для доклада на X международном конгрессе экономической истории в г. Лувене (1990 г.).

Из других проблем автор счел возможным включить в число публикаций небольшой раздел, состоящий из двух статей, посвященных первым опытам применения исторической информатики к изучению античной истории. Уже на заре современной исторической информатики в далеком 1976 г. в соавторстве со специалистами-программистами В. А. Устиновым, Ю. Н. Павловским и А. С. Гусейновой была опубликована статья «Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса». В качестве имитационной модели была избрана Пелопоннесская война (431–404 гг. до н. э.) и жизнь греческого общества того времени. Это стало первым опытом построения имитационной модели в античной истории. К сожалению, мне неизвестны другие работы в этом направлении в современной историографии античности. Статья была вскоре переведена на французский язык и опубликована в журнале *Quaderni di storia* (1980. Vol. 12). Более камерной стала попытка проанализировать две модели античного поместья на основе описания идеального поместья афинского владельца Исхомаха и римлянина Катона Старшего.

В 1996 г. исполнилась 100-летняя годовщина со времени I Всемирной олимпиады. Она стала восстановлением древних олимпийских игр, проводимых в античности с 776 г. до н. э. до 394 г. н. э., т.е. около 1200 лет. В связи с этим событием, автор посчитал необходимым заняться исследованием историко-культурного значения (по его мнению, очень большого) олимпийских игр для античности и античной культуры. Для такого исследования на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ был организован постоянно действующий научный семинар «Олимпийские игры как явление древнегреческой культуры. Античность и современность. К 100-летию первой современной олимпиады». Этот семинар работал пять лет регулярно. На основе этого семинара были подготовлены и защищены четыре кандидатских диссертации. Редакция афинского журнала *Mesogeios (Mediterranée)* любезно передала весь номер 24 (2004) для публикации исследований членов нашего семинара и кафедры истории древнего мира под моей общей редакцией под названием *Les Jeux Olympiques dans l'Antiquité (sous la direction V. I. Kuzishchin)*. Paris, 2004. Издание было приурочено к проведению XXVIII Олимпиады в Афинах в 2008 г.

Представленные в настоящем издании материалы позволяют дополнить авторскую концепцию античной, преимущественно древнеримской экономической истории, изложенную в опубликованных монографиях, учебниках и учебных пособиях автора, которая является определенным фактом отечественной историографии античности второй половины XX века.



# Раздел I

## Аграрные отношения в Древнем Риме

### О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики\*

В литературе уже давно прочно утвердилось мнение, что процесс складывания крупного землевладения в форме создания огромных поместий — латифундий — начался в Италии еще в III в. до н. э. и особенно усилился после второй пунической войны. К I в. до н. э. латифундии господствовали в Италии и являлись главной формой организации сельскохозяйственного производства. С решительной формулировкой этого тезиса выступил в свое время Родбертус, выдвинув идею ойкосного хозяйства в римском мире, идею, развитую в стройную экономическую систему К. Бюхером. В трудах названных ученых положение о крупном рабском хозяйстве — ойкосе — латифундии — покоилось скорее на теоретических основаниях, чем на кропотливом и тщательном исследовании источников.

Серьезную попытку доказать этот тезис предпринял русский ученый И. М. Гревс, опубликовавший в 1899 г. солидное исследование «Очерки из истории римского землевладения». Нет возможности рассматривать всю литературу вопроса, но следует указать, что взгляд о широком распространении латифундий разделялся такими исследователями, как А. Шультен<sup>1</sup>, М. Вебер<sup>2</sup>, Г. Сальвиоли<sup>3</sup>, Р. Ю. Виппер<sup>4</sup>, М. Ростовцев<sup>5</sup> и др. Правда, Тенни Франк в экономическом обзоре последних лет Республики считает возможным осторожно заявить: *how far large farms were absorbing small ones at this time it is difficult to say*<sup>6</sup>, — тем не менее в последних работах, посвященных экономической истории Италии, взгляд о широком развитии латифундий в конце Республики вполне разделяется. Несмотря на осторожность формулировок, современный итальянский историк Дж. Луццатто считает, что латифундия была одним из главных и преобладающих типов хозяйства эпохи Варрона и Колумеллы<sup>7</sup>. В специальном докладе, прочитанном на X Всемирном конгрессе историков в Риме в 1955 г., итальянский историк Тибилетти относит возникновение и широкое распро-

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 64–80. Вторая публикация: в сб. *L'agricultura romana: Guida storica e critica*. Roma, 1982. P. 41–63

<sup>1</sup> *Schulten A.* Die römischen Grundherrschaften. Weimar, 1896.

<sup>2</sup> *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 1923.

<sup>3</sup> *Сальвиоли Г.* Капитализм в античном мире. М., 1923.

<sup>4</sup> *Bunsep P. Ю.* Очерки истории римской империи. Берлин, 1923.

<sup>5</sup> *Rostovtzeff M.* Geschichte der alten Welt. Bd. 2. Rom. 132–133. Lpz., 1942.

<sup>6</sup> *Frank T.* An economic survey of ancient Rome. Vol. I. P. 368.

<sup>7</sup> *Луццатто Дж.* Экономическая история Италии. М.—Л., 1954. С. 120–121.

странение латифундий к эпохе Катона<sup>8</sup>. Точка зрения о расцвете латифундиального землевладения в конце Республики в Италии пользуется поддержкой и в советской историографии. «На время Суллы и последующие десятилетия, — пишет Н. А. Машкин, — падает расцвет крупного латифундиального хозяйства»<sup>9</sup>. Период широкого распространения латифундий в Италии В. Н. Дьяков относит к концу III — началу II в. до н. э.<sup>10</sup>.

Несмотря на широкое распространение указанного взгляда в литературе, нельзя сказать, чтобы проблема возникновения и развития латифундий была выяснена до конца. В сущности, тезис о раннем возникновении латифундий в Италии имеет шаткие доказательства и покоится на немногочисленных и неопределенных указаниях, принадлежащих более поздним историкам (Плинию Старшему, Плутарху, Аппиану).

Таким же традиционным и общепринятым является взгляд, согласно которому крупное землевладение тождественно латифундиальному в конце Республики. Это тождество считается само собой разумеющимся, и поэтому никогда не доказывалось, а только постулировалось.

Между тем ряд данных говорит о том, что латифундии в Италии I века до н. э. имели небольшое распространение, представляли явление редкое и в значительной степени повое. А крупное землевладение, сделавшее огромные успехи именно в I в. до н. э., складывалось не в форме латифундий, огромных хозяйств, включающих обширные пространства земли, а состояло из большого числа (иногда по несколько десятков) поместий мелкого и среднего размеров, расположенных в разных районах страны и мало связанных друг с другом в хозяйственном отношении.

Данные по этим вопросам содержатся в сочинениях Цицерона и Варрона, т.е. в источниках, современных периоду падения Республики. Сохранившиеся многочисленные письма Цицерона позволяют нам составить твердое представление о том, что Цицерон был крупным землевладельцем того времени. Он владел несколькими поместьями в Арпине<sup>11</sup>, имениями в окрестностях Тускула, Формий, Помпей, Анагнии, Астуры, Кум<sup>12</sup>, ПUTEОЛ<sup>13</sup>, Синуэссы, лесным участком близ Тускула, который он называет *saltus*<sup>14</sup>. Некоторое время Цицерон владел несколькими имениями неких Фуфидия (Ad Att. XI. 14. 3 и ел.), Бриния (Ad Att. XIII. 12. 4) и Овии (Ad Att. XIII. 22. 4). Сын Цицерона купил имение совместно с вольноотпущенником Цицерона Тироном (Ad Fam. XVI. 21. 7).

Самыми большими имениями Цицерона были куманское и путеоланское поместья, которые однажды были названы Цицероном царством (*regnum* — Ad Att. XIV. 16. 1). Правда, в ПUTEОЛАХ у Цицерона было несколько имений, скорее всего, два имения было и под Кумами (Ad Att. XIV. 13. 5), так что обозначение *regnum* скорее

<sup>8</sup> *Tibiletti G.* Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'impero // *Relationi X Congresso*. Т. II. P. 235–292; *Schrot G.* Die Verwendung des *ager publicus* in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischer Wirtschaftspolitik // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1956. Hft. 1. S. 39–61, также относит возникновение латифундий в Италии к весьма раннему времени.

<sup>9</sup> *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1950. С. 289.

<sup>10</sup> История древнего мира / Под ред. Н. М. Никольского и В. Н. Дьякова. М., 1952. С. 552–560.

<sup>11</sup> Цицерон получил по наследству от отца одно имение (Cic. De leg. agr. III. 8). Однако в 45 г. Цицерон сообщает о нескольких поместьях в Арпине (Cic. Ad Att. XIII. 9. 2; 11. 1).

<sup>12</sup> Cic. Ad Att. I. 6. 2; 4. 3; II. 1. 11; XII. 1. 1; 15; Cic. Ad Q. fr. II. 5. 4 (II. 7).

<sup>13</sup> В ПUTEОЛАХ у Цицерона было несколько поместий: одно из них он купил в мае 45 г. (Ad Fam. V. 15. 2); спустя несколько месяцев по завещанию Клувия Цицерон получил еще несколько (Ad Att. XIII. 45. 3 и др.). Ср.: *Schmidt O. E.* Ciceros Villen. Lpz., 1899. S. 50–53.

<sup>14</sup> Cic. Ad Att. XV. 1 B. 1; II. 4. 5.

относится к комплексу имений под Кумами и Путеолами, чем к характеристике одного имения. Во всяком случае, Плутарх отмечает, что имения Цицерона около Неаполя<sup>15</sup> и Помпей были небольшими (Plut. Cic. 8). Прочие поместья Цицерона были еще меньшими по размерам: арпинские поместья Цицерон называет даже *praediola* «именьица» (Ad Att. XIII. 9. 2).

Таким образом, в составе земельных владений крупного землевладельца конца Республики Цицерона не было ни одной латифундии; его земельные богатства состояли из множества имений средних и малых размеров,

О том, что данный факт не был случайным, говорит анализ сельскохозяйственного трактата Варрона, написанного в 37 г. до н. э., но отражающего условия более раннего времени — 60–50-х гг. до н. э.<sup>16</sup> Варрон, сам крупный землевладелец<sup>17</sup>, написал книги по сельскому хозяйству, имея в виду прежде всего нужды крупных землевладельцев. Именно он, вероятно, впервые ввел в употребление позднее столь распространенный термин для обозначения огромных имений — *latifundium*<sup>18</sup>. Другие авторы еще не знают этого понятия, как например, Цицерон, хорошо осведомленный в области специальной терминологии<sup>19</sup>, хотя в некоторых местах его сочинений содержатся определенные указания на образование больших имений — латифундий<sup>20</sup>. Насколько новым и малоупотребительным был этот термин, говорит то обстоятельство, что сам Варрон воспользовался им только один раз<sup>21</sup>. Латифундия, как особый тип хозяйства, противопоставляется Варроном поместью среднего размера. Эти типы хозяйства имеют различную организацию и неодинаковую доходность. По мнению Варрона, имение среднего размера обладает самой совершенной организацией хозяйства и наибольшей доходностью. Именно этот тип имения, который называется Варроном — в отличие от *latifundium* — *fundus, praedium*, и стоит в центре его трактата<sup>22</sup>. Вопросы организации хозяйства в латифундиях затрагиваются им лишь мимоходом, при характеристике различных сторон поместья среднего размера — *fundus*.

Вряд ли Варрон так явно игнорировал бы вопросы организации хозяйства в латифундиях и отвел им второстепенное место в сочинении, посвященном крупным землевладельцам, если бы латифундии господствовали в его время. Новизна и малая распространенность термина *latifundium* также отражает небольшое распространение латифундий в Италии в I в. до н. э.

<sup>15</sup> Под именем около Неаполя Плутарх имеет в виду путоланское имение Цицерона, как расположенное к Неаполю ближе, чем другие поместья.

<sup>16</sup> Frank T. Op. cit. P. 363.

<sup>17</sup> Варрон имел большие стада овец в Апулии, лошадей в Реате и, вероятно, арендовал там обширные пастбища (Varr. R.r. II. praef. 6), а также владел поместьями около Тускула и Кум (Cic. Ad Fam. IX. 1. 2; Varr. R.r. III. 13. 1; 3, 8), в Арпине (Cic. Ad Q. fr. III. 1. 4), Реате (Varr. R.r. III. 2. 3), Казине (Varr. R.r. III. 3. 9; 5. 8–9), несколько имений купила его жена Фундания (Varr. R.r. I. 1. 1).

<sup>18</sup> Varr. R.r. I. 16. 4:... *quam partem latifundi divites domesticae copiae mandare solent.*

<sup>19</sup> Как сообщает Плутарх (Cic. 7), Цицерон «прекрасно знал и о местожительстве каждого из сколько-нибудь видных людей, и об имениях, которыми они владели, и о лицах, дружбой которых они пользовались, и о соседях их, так что по какой бы дороге в Италии Цицерон ни проезжал, он легко мог и назвать и показать земли и виллы своих друзей» (рус. пер. под ред. С. Я. Лурье. 1941. С. 270).

<sup>20</sup> Cic. De leg. agr. III. 8. 14. Вместо краткого и точного термина *latifundium* Цицерон прибегает к описательному выражению: *ex multis praediis unam fundi regionem formamque perficeret*. Следует заметить, что как в первом, так и во втором случае возможно, что Цицерон преувеличивает размеры владений тестя Рулла.

<sup>21</sup> Varr. R.r. I. 16. 4. В другом месте он называет латифундию просто *fundus magnus* (I. 13. 3).

<sup>22</sup> Особенно хорошо это видно при характеристике оград поместья (Varr. R.r. I. 14).



Весьма интересно в этом отношении сравнение данных источников I века н. э. и I века до н. э. Источники I века н. э. содержат многочисленные свидетельства о широком развитии латифундии и много жалоб на то, что развитие латифундий привело к упадку сельского хозяйства, к истощению земли и падению урожайности. Философские трактаты<sup>23</sup>, литературные произведения (например, Петроний), риторические декламации<sup>24</sup> наполнены рассуждениями о широком развитии огромных поместий и их губительности для Италии. О безграничных пространствах вилл кратко, но выразительно повествует Тацит<sup>25</sup>. Плинию Старшему исследователи обязаны фразой о латифундиях, погубивших Италию<sup>26</sup>. Он же отчетливо видел губительность рабского труда в латифундиях для плодородия почвы (N.H. XVIII. 17–19. 21). Колумелла горячо полемизирует со сторонниками экстенсивного хозяйства (сторонником которого был Плиний<sup>27</sup>), столь присущего латифундиям, и резко выступает против запустения огромных пространств<sup>28</sup>.

Наконец, анализ эпиграфического материала позволил сделать выводы о развитии латифундиального землевладения в Италии в I в. н. э. более основательными и прочными<sup>29</sup>.

Столь согласные свидетельства самых разнообразных источников являются лучшим доказательством широкого и повсеместного распространения латифундий в Италии I в. н. э. и связанного с ними определенного упадка сельского хозяйства.

Между тем, по сравнению с этими сообщениями, источники I в. до н. э. представляют заметный контраст. Жалоб на повсеместное распространение латифундий и губительность их для сельского хозяйства страны, как правило, в источниках I века до н. э. нет.

Варрон ничего не говорит о том, что латифундия является источником упадка и запустения. Наоборот, из его книг создается твердое представление о значительном прогрессе и процветании сельского хозяйства в Италии, что является хорошим аргументом в пользу тезиса о малой распространенности латифундий в I в. до н. э.

Хозяйство латифундий, по мнению Варрона, целиком базировалось на непродуцируемом рабском труде и приносило весьма небольшой доход владельцу, который был мало заинтересован в интенсификации хозяйства, в больших вложениях в него. Делать большие вложения, особенно в обширное хозяйство, было рискованно, поскольку один неурожайный год мог совершенно разорить владельца. Особенно рискованно это было делать при распространенной практике абсентеизма владельца, когда хозяйство перекадывалось целиком на плечи рабов. При таких условиях отрицательные последствия резкой экстенсификации хозяйства в латифундиях, есте-

<sup>23</sup> Sen. Ep. 89. 20; 90. 39; Sen. Mai. Contr. V. 5: arata quondam populis rura singulorum nunc ergastulorum sunt latiusque vilici quam reges imperant.

<sup>24</sup> Ps.-Quintil. Declam. XIII. 4.

<sup>25</sup> Tac. Ann. III. 53: villarum infinita spatia.

<sup>26</sup> Plin. N.H. XVIII. 35: latifundia perdidere Italiam iam vero et provincias.

<sup>27</sup> См. *Сергеенко М. Е.* Два типа сельских хозяйств в Италии в I в. н. э. // Известия АН СССР. 1935. Сер. VII. С. 573–598.

<sup>28</sup> Colum. R.r. I. 3. 12: more praepotentium, qui possident fines gentium, quos ne circumire equis quidem valent, sed proculcandos pecudibus et vastandos (ac populandos) feris derelinquunt, aut occupatos nexu civium et ergastulis tenent.

<sup>29</sup> Велейская таблица (CIL. XI. 1147) и таблица Лигуров Бебианов (CIL. IX. 1455) определенно говорят о концентрации земельной собственности на севере Италии, где мелкое и среднее землевладение сохранялось дольше всего. Исследуя надписи из Кампании I века н. э., Моммзен заключает: hanc quoque Italiae regionem latifundia perdidere (CIL. X. s. 460).

ственно, должны были сказаться довольно быстро. Но Варрон пока ничего не знает об этом явлении; латифундия еще не раскрылась целиком перед взорами современников Варрона, а поэтому-то последний и ничего не говорит о губительности латифундиального хозяйства<sup>30</sup>, что лучше всего свидетельствует не только о редкости латифундий, но и о недавнем их происхождении.

Хорошо осведомлен в вопросах сельского хозяйства и аграрных отношений был Цицерон (Plut. Cic. 7), однако, в своих многочисленных речах, письмах и других сочинениях он ни разу не говорит о губительном влиянии латифундий на хозяйство страны. Мало того, даже в тех местах, где Цицерон обрушивается на образование больших хозяйств и стремится очернить их владельцев, он ни слова не говорит о губительности и вредном влиянии больших хозяйств<sup>31</sup>.

Однако неправильно было бы думать, что латифундий в Италии I века до н. э. совсем не было. О существовании латифундий, как мы видели, упоминает Варрон. В речах Цицерона хотя и нет термина *latifundium*, однако в ряде мест имеются в виду довольно крупные поместья, говорится о слиянии многих имений в одно<sup>32</sup>, о принадлежности одному лицу целой округи<sup>33</sup>; имеются указания, что некоторые области находятся в руках немногих, в частности область города Пренесте<sup>34</sup>. Тем не менее, латифундии в I в. до н. э. были в Италии редки, и это было отнюдь не случайным явлением, а объяснялось как историческими особенностями аграрного развития Рима, так и особенностями экономической организации хозяйства в латифундиях.

Малая доходность огромного поместья, латифундии, высокая стоимость содержания обширного штата рабов, резкая экстенсификация хозяйства, принцип наименьших затрат приводили к тому, что в некоторых областях Италии латифундия была просто невыгодна, доход не покрывал расходов. Поэтому-то огромные поместья, латифундии, могли появляться лишь в особо плодородных районах Италии<sup>35</sup> или в областях, где имелись возможности для пастбищного скотоводства, как в Апу-

<sup>30</sup> Если Колумелла постоянно говорит о соблюдении меры при покупке земли и о том, что огромные владения нельзя хорошо обрабатывать и они либо опустошаются дикими зверями, либо пустуют (R.r. I. 3; 8; 9; 12), то у Варрона нет никакого упоминания об этом предмете.

<sup>31</sup> См. Cic. De leg. agr. III. 8 и 14, где упоминается об обширном имении Hirpinus и поместье в Казине, образовавшемся в результате присоединения соседних имений тестем Сервилия Рулла, против законопроекта которого резко выступал Цицерон. См. также: Cic. De leg. agr. II. 78, о владениях в Кампании и в области Пренесте. В речи Pro Sulla. 71, Цицерон с негодованием говорит о грабежах и насилиях Аутрония. В речи Pro Mil. 74–75, упоминается о присоединении соседних поместий Клодием, злейшим врагом Цицерона. Уж здесь Цицерон не упустил бы случая попрекнуть лишний раз Клодия губительностью большого хозяйства, если бы она имела место, но он этого не сделал. Во всех этих речах Цицерона к тому же возможны большие преувеличения величины имений его врагов.

<sup>32</sup> Cic. De leg. agr. III. 8 и 14; II. 78. Во всех этих местах говорится *ista dena iugera continuabunt* о процессе, который совершается на глазах Цицерона или имеется в виду.

<sup>33</sup> Cic. De leg. agr. III. 8; *fundus Hirpinus sit sive ager Hirpinus (totum enim possidet)...*

<sup>34</sup> Cic. De leg. agr. II. 78: *agrum Praenestinum a paucis possideri*. Правда, здесь не сказано прямо о латифундиях и всего вероятнее, что и здесь преобладало поместье среднего размера, так как Пренесте был расположен недалеко от Рима и там преобладали пригородные имения, которые обычно были небольшими. Речь идет о том, что эти поместья средних размеров перешли в руки небольшого числа лиц; и в данном случае возможно также преувеличение со стороны Цицерона, ибо это было выгодно Цицерону, как подтверждение его основных мыслей.

<sup>35</sup> De leg. agr. II. 66, Цицерон перечисляет плодородные области Италии: *Albanus ager est Setinus, Privernas, Fundanus, Vescinus, Falernus, Litrernus, Cumanus, Casinas. Ab alia porta Capenas, Faliscus, Sabinus, ager Reatinus, Venafranus, Allifanus, Trebulanus*. О плодородии Кампании много говорит Страбон (V. 4. 8; 4. 3. 13). О плодородии других областей см.: Strab. V. 3. 10; 3. 5 и мн. др.

лии, Лукании, Калабрии<sup>36</sup>. В плодородных областях естественное плодородие почвы покрывало все дефекты экономической организации латифундии, а в пастбищных районах небольшие вложения, малый штат рабов (иногда лишь несколько человек<sup>37</sup>) при небольших расходах давали небольшой, но зато верный доход.

Отметим места образования больших поместий в различных районах Италии, о которых имеются надежные сведения в источниках. В III аграрной речи Цицерон говорит, что вся Гирпинская округа находится во власти тестя Рулла<sup>38</sup>. В той же речи упоминается, что он объединил несколько отдельных имений в одно в Казине<sup>39</sup>. Во II аграрной речи он называет Пренесте областью, находящейся во власти немногих<sup>40</sup>. В той же речи он указывает на стремление людей богатых завладеть Кампанской землей<sup>41</sup>. Плутарх сообщает, что, проезжая по Этрурии, Тиберий Гракх увидел картину запустелого края, а на пашнях и пастбищах в качестве пахарей и рабов — одних чужеземцев и варваров<sup>42</sup>. Вероятно, и здесь в некоторых местах возникли крупные поместья. Пастбищное скотоводство, практиковавшееся в южной Италии, требовало обширных пастбищ, исчислявшихся сотнями и тысячами югеров. Варрон сообщает, что скот перегонялся с одних мест на другие в зависимости от сезона (R.r. II. 1. 16). Особенности пастбищного скотоводства приводили к тому, что в руках частных лиц в южной Италии находились обширные пастбища. Варрон называет их общественными пастбищами, сдававшимися по закону цензоров на откуп публиканам<sup>43</sup>. Однако они превратились уже фактически в полную собственность их арендаторов, и публиканам доставляло много труда собирать с них законную пошлину<sup>44</sup>.

<sup>36</sup> Характерно, что Варрон в книге о животноводстве постоянно упоминает об Апулии и Лукании как областях, где имелись огромные стада скота (R.r. II. praef. 6; II. 1. 16; 2. 9; 6. 5; 7. 1 и 6; 10. 11 etc.).

Об обширных пастбищах Апулии см. Liv. XXXIX. 29. О том, что Апулия, Калабрия и Лукания, богаты скотом, см. также Ног. Carm. I. 31; III. 16; Epod. 1.

<sup>37</sup> О количестве пастухов см. Varr. R.r. II. 10. 10–11. Согласно этому расчету, солидное стадо в 700–800 голов обслуживалось 8–10 пастухами.

<sup>38</sup> Cic. De leg. agr. III. 8: ut meliore iure tui soceri fundus Hirpinus sit sive ager Hirpinus (totum enim possidet). К сожалению, нам не известно, было ли это одно огромное имение или множество отдельных имений в одной округе, как у Марка и Квинта Цицеронов в Арпине.

<sup>39</sup> Там же. 14.

<sup>40</sup> Cic. De leg. agr. II. 78: agrum Praenestinum a paucis possideri.

<sup>41</sup> Там же: nam agrum quidem Campanum quem vobis ostentant ipsi concupiverunt deducunt suos, quorum nomine ipsi teneant et fruuntur, coemeunt praeterea: ista dena iugera continuabunt. Здесь опять-таки идет речь о желании, а не о факте образования крупных поместий.

<sup>42</sup> Plut. Tib. Gracch. 8. Однако следует иметь в виду, что Плутарх писал в начале II в. н. э., когда латифундии господствовали в Италии, так что он мог перенести представление, сложившееся под влиянием более поздних процессов, в период более ранний. С другой стороны, говоря о запустении Этрурии, Гай Гракх, возможно, допустил большое преувеличение в интересах своей партии и для оправдания своих реформ, а Плутарх, некритически заимствуя это сообщение, интерпретировал его в духе представлений своего времени. Характерно, что Цицерон ничего не говорит о развитии крупной собственности в Этрурии, хотя и упоминает о Пренесте. В биографии Мария (41) тот же Плутарх упоминает о множестве землевладельцев в окрестностях Теламона, из которых Марий набрал целую армию в несколько дней. Вряд ли бы ему удалось это сделать, если бы там господствовали латифундии. С другой стороны, указание Варрона на то, что урожай в Этрурии самый высокий в Италии — сам-15 (Varr. R.r. I. 44. 1–2), предполагает интенсивное и рациональное использование земли, а это свойственно скорее среднему поместью, чем латифундии.

<sup>43</sup> Varr. R.r. II. 1. 16.

<sup>44</sup> Cic. Ad Att. II. 15. 4. Письмо очень хорошо показывает, что откупщики от некоторых владельцев агеi publicus не получали законного налога. Владельцы земель рассматривали их уже как свою собственность.

Все области, где распространились латифундии, или славились своим плодородием, как Казин, Гирпин<sup>45</sup>, Этрурия<sup>46</sup>, или были районами пастбищного скотоводства.

При рассмотрении тех мест источников, где сообщается о наличии латифундий в определенных районах, не может не броситься в глаза тот характерный факт, что латифундии образовались на глазах современников эпохи конца Республики<sup>47</sup>. Пренесте перешло в собственность немногих лиц лет через 10–15 после сулланской диктатуры<sup>48</sup>, т.е. в 70–60-х гг. Говоря о кампанских землях, Цицерон замечает, что пока там множество мелких и средних землевладельцев<sup>49</sup>, но у некоторых богатей появляются мысли об образовании и там крупных имений.

Моммзен, исследуя надписи из Кампании, относящиеся к I в. н. э., делает вывод, что именно эту область Италии погубили латифундии, считая возможным ограничить более широкую формулу Плиния рамками Кампании (СЛ. X. стр. 460). Отталкиваясь от данных Цицерона, можно прийти, в свою очередь, к выводу о том, что в его время, в период 70–60-х годов, латифундии только начинают складываться в Италии, и в частности в Кампании. Возникнув в это время, они к I в. н. э. получили повсеместное распространение, что позволило Моммзену сделать такой вывод.

Как указывалось, для Варрона, который обращал свой трактат к крупным землевладельцам, представлялись наиболее типичными все же поместья среднего размера. Хотя в источниках нет сведений, какие поместья преобладали в каждом районе Италии, однако по некоторым областям косвенные свидетельства все-таки сохранились. В районе города Америи (Южная Этрурия) преобладало поместье средних размеров; в частности Росций, знатный муниципал, владел 13 поместьями общей стоимостью в 6 млн. сест.<sup>50</sup> следовательно, каждое из этих поместий оценивалось в среднем в 460 тысяч сест. В речи за Цецину Цицерон говорит, что в области Тарквиний (Южная Этрурия) у Цецины было несколько поместий, также небольших<sup>51</sup>. Судя по письмам Цицерона, в Тускуле (Лациум) его соседями на относительно небольшом пространстве было двенадцать человек<sup>52</sup>. Страбон сообщает о хорошей застройке предместьев Тускула (V. 3. 12), что опять-таки свидетельствует о дробности земельных владений. Город Формии (Лациум) и его окрестности были заселены в основном

<sup>45</sup> И тот и другой округ славился своим плодородием (Cic. De leg. agr. II. 66). Около Гирпина протекала к тому же река Calor.

<sup>46</sup> Varr. R.r. I. 44. 1–2.

<sup>47</sup> Cic. De leg. agr. III. 14. Это был насильственный и недавний захват, потому-то и тесть Рулла ... quos nunc cum aliquo metu tenet.

<sup>48</sup> Cic. De leg. agr. II. 78. Пренесте был ассигнирован ветеранам Суллы; разорение ветеранов привело к объединению их участков в одних руках. Конечно, разорение последовало не сразу после выведения колонии, а через 10–15 лет (Cic. Cat. II. 20; о выведении колоний Суллы в Пренесте, см. Flor. III. 21. 27). Ср.: Strab. V. 3. 11.

<sup>49</sup> Cic. De leg. agr. II. 84: totus enim ager Campanus colitur et possidetur a plebe, et a plebe optima et modestissima.

<sup>50</sup> Cic. Pro Rosc. Amer. 20. Гревс. Указ. соч. С. 130, определяет стоимость югера земли в 1000 сест. (ср. Frank T. Op. cit. P. 365). Моммзен (Hermes. XIX. 398) и Фюстель де Куланж. Аллод и сельское поместье в мерovingскую эпоху. СПб., 1907. С. 31, югер хорошо обработанной земли определяют в 2000–2500 сест., следовательно, имение стоимостью в 460 тысяч сест. насчитывало 300–460 югеров. Ср.: Pro Rosc. Amer. 47, где говорится о том, что пример Росция типичен не только для Америи, но и для всей Умбрии, а также и для других старинных муниципиев.

<sup>51</sup> Cic. Pro Caec. 11: aliquando post iam argentaria dissoluta Fulcinius huic fundo uxoris continentia quaedam praedia atque adiuncta mercatur. О том, что имения были небольшие и рядом находились соседние, см. 21–22.

<sup>52</sup> Cic. Ad Q. fr. III. 1. 23; Ad Att. XV. 6. 2–3; VI. 1. 23; VII. 7. 6; IV. 16(16a). 3; XIII. 4. 2; Ad Fam. IX. 1. 2; Varr. R.r. III. 13. 1; Cic. Pro Caec. 54; Plin. N.H. XXXVI. 115.

мелкими и средними землевладельцами. «Со мной, — пишет Цицерон, — много говорят люди из муниципии, много говорят сельские жители; они совершенно ни о чем не заботятся кроме полей, кроме усадебок, кроме своих денежек»<sup>53</sup>.

В окрестностях Арпина (граница Лациума, Кампании и Самниума) основным типом имения было среднее поместье. Так, проведение небольшого участка дороги Квинтом Цицероном к своему имению Латерию затронуло сразу четыре поместья<sup>54</sup>. Квинт Цицерон владел пятью небольшими поместьями в Арпине, несколькими владел и Марк Цицерон<sup>55</sup>. Кампания была населена многими мелкими и средними землевладельцами<sup>56</sup>, много в Кампании было и имений знати<sup>57</sup>, но они, судя по описанию своих поместий Цицероном, были также средними по размерам, хотя и имели грандиозные виллы.

В речи за Туллия Цицерон передает спор из-за участка земли, расположенного около Фурий в Бруттии, между двумя землевладельцами Туллием и Фабием. Поместья того и другого довольно значительные<sup>58</sup>, однако по соседству с ними живет много и других владельцев<sup>59</sup>. Множественность соседей лучше всего говорит за средний размер их имений.

Цезарь рассказывает, что пропретор Сицилии 49 года М. Катон производил в Лукании и Бруттии набор римских граждан (В.С. I. 30). Во время гражданской войны Августа и Антония с Брутом и Кассием часто подвозился хлеб, собираемый и Лукания и Япигии (Калабрия) (Авр. В.С. IV. 100 и 108). Последние сообщения показывают, как ложно представлять себе Южную Италию только страной пастухов и скотоводческих латифундий. Оказывается, что в Лукании, Бруттии, Калабрии жило много римских граждан, скромных землевладельцев, что эти области имели также и много хлеба.

Таким образом, примеры, взятые из разных районов страны, Этрурии и Лация, Самниума и Кампании и, наконец, из Южной Италии<sup>60</sup>, Бруттия, говорят о широком распространении и преобладании имений среднего размера, а не латифундий.

<sup>53</sup> Cic. Ad Att. VIII. 13. 2; а также IX. 15. 3: non modo autem nulla querella est municipalium hominum ac rusticorum sed contra metuunt ut crudelem iratum. Под муниципалами и сельскими жителями, очевидно, подразумеваются скромные землевладельцы. Соседями Цицерона по формийскому имению были средние землевладельцы — Гай Аррий и Себос, друг Катулла (Ad Att. II. 14. 2). В окрестностях Формий и, вероятно, недалеко от имения Цицерона находилась усадьба Долабеллы (Ad Att. XV. 13b. 1), Манья Лепида (Ad Att. VIII. 6. 1) и Марка Эмилия Филемона в Помптинне (Ad Fam. VII. 18. 3).

<sup>54</sup> Cic. Ad Q. fr. III. 1. 4: поместья Лукусты, Варрона, Тавра, Велуина.

<sup>55</sup> Одно из них стоило всего 100 тысяч сест., другие — не больше (Cic. Ad Q. fr. III. 1. 1–5).

<sup>56</sup> Cic. De leg. agr. II. 84.

<sup>57</sup> Cic. Ad Att. VIII. 11b. 3(2): si tenendam hanc oram putas, quae et opportunitatem et dignitatem habet et egregios cives et ut arbitrator teneri potest. Около Байи имели поместья известные аристократы: Куррион (Ad Att. X. 4. 7), Гортензий (Ad Att. V. 17. 5), Помпей (Ad Att. IV. 10. 2), Фауст Сулла (Там же), Варрон (Ad Fam. IX. 1. 2), Марий (Ad Q. fr. II. 8. 10. 3) и мн. др.

<sup>58</sup> В поместье Туллия имелось различие между виликом и прокуратором, но имелся только один вилик и один прокуратор, так что имение не было большим (Pro Tull. 17); Цицерон один раз называет его saltus (Pro Tull. 18), Правда, в одном месте говорится о нескольких виллах (14); скорее всего Клавдио, а потом Фабию и Ацеронию принадлежало несколько небольших поместий, в сумме дающих значительное владение.

<sup>59</sup> Cic. Pro Tull. 22: Tullius statim dimittit ad amicos quorum ex vicinitate Thurina bona atque honesta copia praesto fuit.

<sup>60</sup> Varr. R.r. I. 29. 2: nonnulli postea qui segetes non tam latas habent (ut in Apulia) et id genus praedii per saritores occare solent, si quae in porcis relictas grandiores sunt glaebae. Скорее всего, это место говорит о наличии имений среднего размера и в Апулии, классической стране обширных пастбищ.

Поскольку основным типом имений Италии было среднее поместье, то и земельное богатство крупного землевладельца складывалось не из нескольких больших имений, а из большого числа мелких и средних, разбросанных в разных концах страны. Мы уже указывали на то, что Цицерон, Варрон и Росций владели рядом сравнительно небольших поместий. Владения Аттика были разбросаны по разным районам Италии<sup>61</sup>. Ярким примером типичной структуры земельного богатства крупнейшего землевладельца является структура земельных владений тестя народного трибуна Сервилия Рулла, предложившего знаменитый аграрный закон 63 года. Цицерон пишет: «Есть, говорит Рулл, у моего тестя несколько пустынных и далеких имений (*agros nonnullos desertos et longinquos*); их он по моему закону продаст за какую ему угодно будет цену. Есть у него, далее, владения непрочные, захваченные без всякого правового основания (*incertos ac nullo iure possessos*); они будут ему обеспечены, как пользующиеся наилучшим правом. Есть у него земли государственные (*publicos*), их я сделаю его частной собственностью. Наконец, он соединил в Казинском округе несколько прекрасных и плодородных имений, выживая своих соседей до тех пор, пока он, округляя свою землю, не сделал из многих имений (*ex multis praediis*) подобие одного сплошного поместья; за них он изредка трусит, а я сделаю, чтобы он владел ими безо всякой заботы»<sup>62</sup>. Земельные владения тестя Рулла складывались, следовательно, из большого числа средних поместий и одного крупного — сформировавшейся в глазах Цицерона латифундии<sup>63</sup>. Про фаворита Суллы Хризогона Цицерон говорит, что у него красивое пригородное имение и множество поместий, которые все в отличном состоянии и по соседству<sup>64</sup>. Крупный коммерсант того времени, имевший дела в Азии, Киликии, Испании, Мавритании и других провинциях, Ситтий из Нучерии, владел множеством поместий в Италии<sup>65</sup>. Бичуя крупных землевладельцев, Цицерон гневно замечает: «Вообще их богатству не достаёт только одного — таких имений, доходами с которых они могли бы покрывать расходы на свою огромную челядь и свои куманские и путоланские поместья»<sup>66</sup>. Здесь Цицерон говорит о мно-

<sup>61</sup> См. Гревс. Указ. соч. С. 306–338. Здесь Гревс перечисляет итальянские владения Аттика, которых он насчитывает около 7–8. Однако он без всяких доказательств полагает, что почти все эти поместья были латифундиями (С. 318, 319). Ни из писем Цицерона, ни из описаний Корнелия Непота этот вывод совершенно не вытекает. Гревс для доказательства своего тезиса прибегает к поздним источникам, в частности к свидетельствам Плиния Старшего, Колумеллы и Марциала, писавших спустя 100–150 лет в других условиях, весьма отличных от условий I в. до н. э., поэтому выводы его лишены убедительности, несмотря на кажущуюся обоснованность.

<sup>62</sup> Cic. De leg. agr. III. 14 (перевод под ред. Ф. Ф. Зелинского. СПб., 1901. Т. I. С. 641).

<sup>63</sup> У тестя Рулла имелось и второе крупное поместье в Гирпине (De leg. agr. III. 8). До чего широко распространился взгляд, что земельное богатство римской знати складывалось из одного или нескольких огромных поместий, показывает перевод речи Цицерона за Росция Америкского, сделанный под редакцией Ф. Ф. Зелинского. Множественное число он считает возможным переводить единственным числом, искажая содержание текста. Так, например, в Cic. Pro Rosc. 6: ...bona patris huic Sex. Roscii, quae sunt sexaginta quae... duobus millibus nummum sese dicit emisse... in alienam pecuniam tam plenam atque praeclaram... передано в переводе под ред. Ф. Ф. Зелинского: «Это отцовское имение моего клиента Росция. Имение это, стоившее 6 млн. сест., купил, по его собственным словам, за две тысячи сест. (Хризогон)... громадное, прекрасно устроенное имение другого...» Столь же волен в этом отношении и перевод Cic. Pro Rosc. 18. 23–24, 26 и 28.

<sup>64</sup> Cic. Pro Rosc. 133: rus amoenum et suburbanum, plura praeterea praedia neque tamen ullum nisi praeclarum et propinquum.

<sup>65</sup> Cic. Pro Sulla. 56: plurimis et pulcherrimis P. Sitti praediis venditis aes alienum eiusdem est dissolutum...

<sup>66</sup> Cic. De leg. agr. II. 78: ...neque istorum pecuniis quicquam aliud deesse video nisi eius modi fundos, quorum subsidio familiarum magnitudines et Cumanorum et Puteolanorum praediorum sumptus sustentare

жественности имений, имея в виду всех крупных землевладельцев. В письме к Папирию Пету Цицерон упоминает о множестве поместий Пета<sup>67</sup>.

Землемер Сикул Флакк, вероятно, хорошо знавший землевладельческую карту Италии, прямо заявляет: «... praeterea et in multis regionibus comperimus quosdam possessores non continuas habere terras sed particulas quasdam in diversis locis, interventibus complurium possessionibus (Corpus agrimensorum Rom. 116. 3)»<sup>68</sup>.

Помимо этих примеров, достаточно красноречивых, имеются другие косвенные соображения в пользу множественности имений у крупного землевладельца того времени. Одним из таких соображений является принцип наименования имений в Италии в I в. до н. э. Каждое поместье, fundus, praedium, обязательно носило определенное название. Фюгель де Куланж, исследовав принципы наименования поместий в I в. н. э., пришел к выводу, что их названия почти всегда происходят от имени владельца<sup>69</sup>. Однако исследование названий имений I века до н. э. дает иную картину: в I в. до н. э. наиболее употребительны были наименования, образованные от названий местностей, где было расположено поместье. Имена Цицерона назывались Tusculanus, Arpinas, Cumanus, Puteolanus, Sinuessanus, Anagninus, Formianus, Pompeianus etc. В письмах Цицерона часто говорится о Tusculanus Гирция, Аниция, Корнелия Бальба, Корнелия Лентула Спинтера, Лукулла, Лициния Красса, Марка Брута, Теренция Варрона, Лукция, о Formianus Мания Лепида, Долабеллы, Эмилия Филемона, о Cumanus Куриона, Гортензия, Помпея, Варрона, об Albanus Куриона, Помпея, Клодия, Брута<sup>70</sup>. Из других названий можно привести: Puteolanus Лукция, Falernus Макулы, Petrinus Лепты, Neapolitanus Понция, Cosanus Сестия, Liternus Марцелла, Frusinas, Alsiensis Цезаря, Anagninus Тита Тития, Vescinus, Herculansensis Квинта и Марка Фадия, Lanuvinus Лепида и Брута, Ficculensis Attici<sup>71</sup> (Корнелий Непот называет это поместье Nomentanus<sup>72</sup>), Pedanus Цезаря, Trebulanus Понция, Tiburtis fundus и Privernatis fundus Брута-обвинителя, Alsiensis Клодия, Oriculanus<sup>73</sup> Клодия и многие, многие другие.

Правда, встречаются, хотя и очень редко, названия имений, происшедшие от имени того или иного человека, например: Fufidiana praedia, praedium Fufidii, praedium Oviae, fundus Brinnianum, Cluvianus, fundus Sicci, Staberii, Seliciana villa<sup>74</sup>, однако вряд ли можно думать, что это были собственные названия поместий, прочно закрепленные за ним. Судя по смыслу писем, это, очевидно, обозначения, имеющие смысл только в данном контексте<sup>75</sup>. Приведенные примеры только подтверждают

possint... Здесь, кроме того, подчеркивается разделение поместий на поместья, приносящие доход, и убыточные.

<sup>67</sup> Cic. Ad Fam. IX. 20. 1: ...etsi numquam plura praedia habuisti...

<sup>68</sup> Цитирую по: *Грацианский П. Г.* Система полей по трактатам римских землемеров // ВДИ. 1940. № 1. С. 60.

<sup>69</sup> Фюгель де Куланж. Аллод и сельское поместье... С. 21–22; См.: Там же. С. 20.

<sup>70</sup> Cic. Ad Att. XV. 13. 5; Ad Fam. VII. 18. 3; Ad Att. X. 4. 7; V. 17. 5; IV. 10. 2; Ad Fam. IX. 1. 2; Ad Att. IX. 15. 1; IV. 11. 1; VII. 5. 3; Pro Mil. 54; Plut. Pomp. 80; Cic. Pro Mil. 46; Cic. Pro Cluent. 141.

<sup>71</sup> Cic. Ad Fam. V. 15. 2; VI. 19. 1; Ad Att. XIV. 21. 3; XV. 27. 1; X. 13. 2; XI. 4. 1; Ad Fam. IX. 6. 1; Ad Q. fr. 11. 5 (7). 4; Ad Att. XV. 2. 1; Ad Fam. IX. 25. 3; Ad Att. XIII. 46. 2; IX. 9. 4; XIII. 50. 1; XII. 34. 1.

<sup>72</sup> Corn. Nep. Att. 14. 3; о том, что это было одно и то же имение, см. Гревс. Указ. соч. С. 319. Прим. 2.

<sup>73</sup> Cic. Ad Att. IX. 18. 3; V. 3. 1; Pro Cluent. 141; Pro Mil. 54; 64; Ad Att. XI. 14. 3; VIII. 6. 1.

<sup>74</sup> Cic. Ad Att. XI. 14. 3; Ad Q. fr. III. 1. 3; Ad Att. XIII. 22. 4; 50. 2; XIV. 10. 3; III. 2; XIII. 8; Ad Fam. IX. 16. 10.

<sup>75</sup> Фуфидиевы имения Цицерон получил по наследству (Ad Att. XI. 13. 3) и, вероятно, вскоре продал; упоминая об этом факте, Цицерон не дает наименования каждого из них, называя их все одним именем их прежнего владельца. Имение Бриния Цицерон получил по наследству и вскоре про-

общее правило о том, что имения назывались по местности, в которой они находились.

Чем же объясняется это различие в принципах наименования поместий? Естественно думать, что наименования по городу были абсурдны в таких условиях, когда у одного владельца было по несколько имений в одном каком-либо районе Италии, например в окрестностях Тускула, Формия, Кум или Помпей. Однако они становятся вполне объяснимыми и понятными, если предположить, что у того или иного магната имелось по одному имению в разных районах Италии.

Во времена Августа была выработана декларация, которую давали собственники земли агентам ценза, сохраненная нам Ульпианом. Эта форма *sensualis* содержит: *nomen fundi cuiusque, et in qua civitate et in quo pago sit et quos duos vicinos proximos habet* (Dig. L. 15. 4). Здесь, таким образом, указывается не только название каждого поместья, но и места их расположения, так как, очевидно, имелась в виду разбросанность имений одного лица.

Процесс концентрации земли приводит сначала к тому, что у многих владельцев появляется уже по несколько имений в каком-либо одном районе, которые затем сливаются в одно огромное поместье, латифундию<sup>76</sup>.

Когда у одного владельца появляется несколько имений в одном районе, уже становится неудобным и бессмысленным называть имение по городу и начинают давать ему другие названия<sup>77</sup>, среди которых получает распространение личный принцип обозначения поместий, который уже и господствует до конца Империи<sup>78</sup>.

Следовательно, обычный для I в. до н. э. способ наименования поместий отражает разбросанность имений одного и того же владельца по разным районам страны. Именно скорее всего поэтому Варрон, написавший свои книги по сельскому хозяйству специально для крупных землевладельцев, постоянно имеет в виду и специально анализирует разные виды рельефа и почвы (R.r. I. 9. 6–7).

Таким образом, источники I века до н. э. отмечают в качестве особенности структуры крупного земельного богатства средний размер имений, редкость латифундий и их недавнее происхождение в той форме, в которой они предстанут в I в. н. э., и разбросанность небольших поместий по разным областям Италии.

Указанные особенности коренятся в самобытных условиях аграрного развития древнего Рима — мы имеем в виду характерный только для римлян способ лимитации, межевания границ, и так называемую систему римской ассигнации, распределения земель среди римских граждан по мере того, как завоевывалась вся Италия.

В литературе уже давно получило признание мнение, что источником образования крупных земельных состояний были оккупации *ager publicus* римскими нобилиями. *Ager publicus* был для римского нобилитета одним из основных источников образования крупных недвижимых состояний (App. В.С. I. 7). Разбирая историю образования *ager publicus*, нельзя не заметить того, что он был сильно разбросан не-

дал, возможно, не поинтересовавшись его названием, тем более что имение продавал его агент, а не он сам. Интересно отметить, что, говоря об этих имениях, Цицерон вместе с тем упоминает место их расположения: см. об имении Стаберия, Сикки, Селиция, Фуфидия.

<sup>76</sup> См. *Фюстель де Куланж*. Указ. соч. С. 32–33, и RE. s. v. Domänen.

<sup>77</sup> Брат Цицерона Квинт имел пять поместий в одном округе Арпине, поэтому все его имения носят названия особые, не связанные с именем города, а именно: Латерий, аркская усадьба, фуфидиево имение, усадьба близ Акв, манилиева усадьба.

<sup>78</sup> *Фюстель де Куланж*. Указ. соч. С. 20–22.



большими кусками по всей Италии<sup>79</sup>. Разбросанность *ager publicus* была, конечно, не случайным явлением, а логическим следствием римской захватнической политики. «На примере самнитов, — пишет Р. Ю. Виппер, — можно видеть характерные приемы этой римской политики, старавшейся ослабить большую племенную группу мозаичными вырезками из ее территории, отнятием у нее берега, разложением ее на мелкие союзы»<sup>80</sup>.

Являясь закономерным результатом римской завоевательной политики (частным случаем принципа «разделяй и властвуй»), разбросанность римского *ager publicus* по всей Италии обусловила и разбросанность владений римских нобилей по всей стране. Приведенные выше примеры Марка и Квита Цицеронов, Варрона, Аттика, тестя Сервилия Рулла Вальгия, Росция Америкского, Хризогона, Ситтия, Папирия Пета и др. ярко показывают разбросанность имений по разным районам и их самостоятельность еще в I в. до н. э.

Выше было указано на преобладание и господство имения среднего размера в Италии в I в. до н. э. и редкость латифундий в это время. Одной из причин этого явления была экономическая невыгодность латифундий и узкие возможности их распространения лишь в наиболее плодородных областях и районах пастбищного скотоводства. Важной причиной, тормозившей образование и развитие латифундий в Италии, была также исторически сложившаяся разбросанность имений крупных землевладельцев по всей стране. Однако, как показывает пример Вальгия, тестя Рулла, в I в. до н. э. вокруг одного из небольших поместий начинает складываться латифундия путем присоединения соседних *fundus*<sup>81</sup>.

Но здесь на пути образования латифундий путем захвата или скупки смежных поместий стояла преграда в виде особенности римского способа межевания полей, так называемой лимитации границ. Наиболее характерные черты римского способа межевания полей сложились еще в эпоху XII таблиц. Являясь отражением и закреплением в законе особенностей римского аграрного строя, он в свою очередь оказывал, конечно, значительное влияние на развитие аграрных отношений.

Наиболее характерные особенности римского межевания полей заключались в следующем. Предназначенная для лимитации земля разбивалась на правильные прямоугольники или квадратные участки по 200 югеров. Границы участков назывались *limites* и *rigores*, они имели определенную, установленную еще законами XII таблиц ширину от 8 до 12 футов (для этого отрезалось от каждой центурии по 4–6 футов) и являлись общественными дорогами. Землемеры зорко следили за тем, чтобы *limites* и *rigores* не уничтожались ни при каких условиях, а всякие попытки соседей захватить пограничные рубежи строго преследовались. После размежевания земли на центурии происходила *assignatio* их на отдельные участки, границы между которыми — *fines* — определялись в 5–6 футов; они служили соседскими дорогами и не могли запахиваться. Такая разветвленная система дорог

<sup>79</sup> Виппер Р. Ю. Указ. соч. С. 12–22, приводит карту увеличения римского *ager publicus* по мере завоевания Италии. Разбросанность *ager publicus* на картах Виппера показана наглядно.

<sup>80</sup> Виппер Р. Ю. Указ. соч. С. 15 и карта, относящаяся к приведенному отрывку, на С. 14. На разбросанность *ager publicus* и чрезвычайную пестроту политической карты Италии II–I вв. до н. э. указывает Тибилетти. Указ. соч. С. 262. Создание топографического плана Кампанского поля во времена Цезаря рассматривалось как огромный успех. Там же. С. 263.

<sup>81</sup> Cic. De leg. agr. III. 14: *denique eos fundos, quos in agro Casinati optimos fructuosissimosque continuavit cum usque eo vicinos proscriberet, quoad oculis conformando ex multis praediis unam fundi regionem formamque perficeret.*

и дорожек<sup>82</sup> устанавливалась и поддерживалась для того, чтобы обеспечить каждому владельцу возможность подъезда на свое поле, не стесняя соседа. Естественно предположить, что поместья, охватывающие пространства в 200 и более югеров, не имели *fines* внутри, но были обязаны соблюдать *limites* и *rigoges*, так как они были общественными дорогами<sup>83</sup>.

Ограниченное подобным образом имение заносилось на карту-план, так называемую *forma*. Имение получало определенное имя, которое также заносилось на карту и прочно оставалось за ним. Это название оставалось за ним даже при смене владельца.

Ограниченность имений от соседних поместий, необходимость тщательно соблюдать установленные законом границы, являющиеся одновременно общественными дорогами<sup>84</sup>, занесение этих границ на план и сложность изменения границ или их перепланировки (поскольку хозяин был связан разветвленной дорожной сетью, уничтожить которую он не имел никакого права) приводили к той необычайной устойчивости *fundus*, о которой Фюстель де Куланж считает возможным говорить еще в I в. до н. э.<sup>85</sup>. Отмеченная устойчивость границ поместья приводила к тому, что соединение в руках одного лица нескольких смежных поместий не приводило к автоматическому образованию одного целостного огромного имения, в котором немедленно растворились бы особенности организации каждого поместья; это соединение продолжало оставаться механическим<sup>86</sup>.

Конечно, практика повседневной жизни вносила существенные поправки и изменения в стройную систему межевания полей, приводила к запахиванию границ, уничтожению межей и объединению поместий, перекраиванию старых планов (*forma*). Однако следует думать, что выработанная издавна практика лимитации полей оказывала большое задерживающее влияние на образование сплошных поместий, лагифундий.

Все эти причины — экономическая невыгодность лагифундий, разбросанность имений по разным областям страны, сложившаяся исторически, и особенности римского способа межевания полей оказывали, помимо других причин, задерживающее

<sup>82</sup> Cic. Pro Caes. 74, говорит о множестве дорог и дорожек, проходов и проездов на римских полях и о тщательно установленных предками границах имений.

<sup>83</sup> Описанный выше способ межевания полей приводил к тому, что центурия считалась у римлян одной из основных мер площади (Varr. R. r. I. 10. 2). Данное обстоятельство привело к тому, что в источниках часто встречаются упоминания о поместьях в 100 и 200 югеров. Катон, как известно, дал описание поместья в 100 и 240 югеров. Варрон, рассматривая эти цифры (R. r. I. 18 и 19), особенно критикует описание поместья в 240 югеров, считая главным неудобством его то, что оно имеет в виду поверхность в 240, а не в 200 югеров (R. r. I. 18. 4–5), вполне принимая расчет Катона для поместья в 100 югеров. О поместьях в 200 югеров см. Varr. R. r. III. 2. 15; Cic. De leg. agr. II. 67.

<sup>84</sup> Cic. Pro Caes. 74: quid inquam, prodest fundum habere, si, quae diligentissime descripta a maioribus iura finium, possessionum, aquarum, itinerumque sunt, haec perturbari aliqua ratione commutarique possunt.

<sup>85</sup> Фюстель де Куланж. Указ. соч. С. 24.

<sup>86</sup> Авл Геллий сохранил нам (II. 20) отрывок из речи Сципиона Младшего против Клавдия Азеллы, где очень хорошо показано, как мало считались с особенностями поместья при проведении дорог: ubi agros optime cultos atque villas expolitissimas vidisset, in his regionibus excelsissimo loco grunum statuere aiebat; inde corrigere viam aliis per vineas medias, aliis per roborarium atque piscinam, aliis per villam «...где он видел прекрасно обработанные поля и красивейшие виллы, на самом возвышенном месте устраивают холм; оттуда исправляется дорога, в одних местах проходящая через середину виноградников, в других — через охотничий парк и рыбный садок, в третьих — через виллу».

влияние на развитие латифундий в Италии и объясняют небольшое распространение их в I в. до н. э.<sup>87</sup>

Тем не менее было бы неправильно сделать вывод, что в Италии I века до н. э. в связи с редкостью латифундий крупное землевладение, т.е. сосредоточение больших пространств земли в руках отдельных лиц, не получало своего развития и повсеместного распространения. Однако крупное землевладение в I в. до н. э. складывалось не из огромных поместий — латифундий, а из большого числа имений средних размеров (100–200–500 югеров), разбросанных в разных частях страны.

В источниках имеются немногие свидетельства об огромных (в совокупности) количествах земли, сосредоточенных в руках тех или иных представителей господствующего класса. Приведем несколько примеров. Один из крупных магнатов своего времени, представитель знатной древней фамилии Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, во время войны с Серторием объявил, что «убивший его (т.е. Сертория) получит от него (Метелла) сто талантов серебра и двадцать тысяч югеров земли»<sup>88</sup>, очевидно, из его собственных владений.

Другой представитель не менее знатной фамилии Л. Домиций Агенобарб владел огромным количеством земли. На военной сходке он обещал солдатам земельные участки из своих собственных владений по 4 югера на человека, а центурионам и добровольцам-ветеранам пропорционально больше<sup>89</sup>. У Домиция было, по словам Цезаря, 30 когорт; если в когорте насчитывалось по 500 человек (в условиях гражданской войны и быстрого набора количество солдат в когорте, по словам Ферреро, достигало 300<sup>90</sup>, т.е. всего солдат было 15 тысяч человек, по Ферреро — около 10 тысяч человек), то для наделения солдат участками по 4 югера требовалось 40–60 тысяч югеров земли<sup>91</sup>. Даже если это сообщение значительно преувеличено, все-таки

<sup>87</sup> Одним из наиболее ярких мест, иллюстрирующих распространение латифундий в Италии еще во времена Гракхов, не говоря уже о I в. до н. э., считается 7 глава I книги «Гражданских войн» Аппиана. Однако вряд ли следует доверять целиком Аппиану, который жил значительно позднее описываемых событий, в эпоху повсеместного распространения латифундий и вполне мог подойти к событиям далекого прошлого с точки зрения своего времени. К тому же Аппиан в небольшом отрывке дает лишь схему аграрного развития Рима, продолжавшегося несколько сот лет, не останавливаясь на деталях, интересуясь больше результатом, чем этапами процесса. Доказательная сила приведенного отрывка значительно ослабляется сообщением того же Аппиана о том, что деятельность аграрной комиссии Гракхов затронула громадное количество лиц, и что она фактически грозила привести к серьезному потрясению всех владельческих отношений (App. В.С. X). Именно этим обстоятельством можно объяснить ожесточенность борьбы и ее крайние формы. Сообщение о большом количестве лиц, затронутых аграрной реформой Гракхов, плохо согласуется с широким развитием латифундий, распространившихся по Италии. Если бы огромные комплексы имений, латифундии, уже господствовали в это время, то реформы Гракхов затронули бы узкую группу крупнейших землевладельцев, а не огромное число лиц.

<sup>88</sup> Plut. Sert. 22: ἐδύλωσε δὲ καὶ Μῆτελλος ἐκτεπληγμένους τὸν ἄνδρα καὶ μέγαν ἠγούμενον. Ἐλεκτήρῳζε γὰρ ἵ τις αὐτὸν ἀγέλοι Ῥωμαῖος ἑκατὸν ἀργυρίου τάλαντα δώσειν καὶ πλεῖθρα δισμυρια γῆς (конечно, плетром здесь назван югер).

<sup>89</sup> Caes. В.С. I. 17: militibus in contione agros ex suis possessionibus pollicetur quaterna in singulos iugera et pro rata parte centurionibus evocatisque; Ср.: I. 34. 56–58, где говорится о том, что Домиций посадил на семь судов своих рабов и колоннов.

<sup>90</sup> Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1916. Т. II. С. 212.

<sup>91</sup> Такой расчет допускает Р. Ю. Виннер (Указ. соч. С. 127). Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире... С. 63, значительно уменьшает цифру Цезаря, давая остроумную критику ее: он отмечает, с одной стороны, заинтересованность Цезаря в преувеличении сил противников и их обещаний своим солдатам, с другой стороны, заинтересованность Домиция в любых обещаниях, чтобы сохранить верность солдат. Ссылаясь на Caes. В.С. I. 15, Гревс понижает цифру солдат Домиция с 30 когорт,

земельные владения Домиция в совокупности были очень велики. Огромным количеством земли владел богатейший человек своего времени Красс<sup>92</sup>.

Крупнейшим землевладельцем своего времени был Помпей Великий. Помпей никогда не торговался из-за участков, смежных с его владениями (N.H. XVIII. 35), и, вероятно, скупал множество их. Нам, к сожалению, известны лишь немногие имения Помпея: это поместья в Пицене, великолепное альбанское имение под Римом, куманское имение с роскошной виллой, скорее всего обширные пастбища в Апулии или Калабрии<sup>93</sup>, возможно, и другие имения, сведения о которых не сохранились. Неизвестна также ни величина его земельных владений, ни их общая стоимость. Аппиан приводит в качестве одного из условий мира с Секстом Помпеем в 39 г. возвращение имущества отца Секста Помпея, Помпея Великого (B.C. V. 71–72), оценка которого достигала 70 млн. сест. (Dio. XLVIII. 36), включая сюда стоимость одних только недвижимостей, т.е. городских домов и сельских имений (App. B.C. V. 71–72; ср. III. 4). Много земли имел в своем личном распоряжении и Цезарь. На одной из военных сходов он говорил: «Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев... но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю» (App. B.C. II. 94). До нас дошли лишь случайные известия о трех поместьях Цезаря: педском, альсийском и лабиканском<sup>94</sup>. Светоний упоминает о прекраснейших поместьях (*amplissima praedia* — Div. Jul. 83)<sup>95</sup>, подаренных Цезарем матери Брута Сервилии; местоположение их неизвестно; о величине и стоимости их также нет сведений.

Крупнейшими землевладельцами были также тесть Сервилия Рулла Вальгий, обогатившийся в результате конфискации Суллы (Cic. De leg. agr. III. 14), Аттик и Цицерон. Варрон владел многими поместьями в Италии.

Рассматривая приведенные примеры огромных земельных владений, нельзя не отметить того характерного факта, что все они были недавно приобретены их владельцами. Красс получил в наследство от отца скромное состояние всего в 300 талантов, т.е. около 7 млн. сест., и явился сам создателем своего богатства. Аттик и Цицерон также лишь благодаря своим собственным операциям накопили солидное имущество. Особенно большую роль в деле концентрации земли в руках отдельных

т.е. с 15 тысяч человек, до 20 когорт, т.е. до 10 тысяч человек (Указ. соч. С. 366. Прим. 1). Среди писем Цицерона дошло одно подлинное письмо — приказ Помпея от 10 февраля 49 г. (Ad Att. VIII. 12a. 1. 3), где он говорит, что у Домиция Агенобарба было 12 своих когорт, т.е. 3600–6000 человек. Последней цифре следует доверять более всего, поскольку она взята из более достоверных источников, чем те, откуда мог почерпнуть свои сведения Цезарь, к тому же заинтересованный в преувеличении сил своих противников. Следуя последнему расчету, количество земли, обещанной Домицием Агенобарбом, понижается с 40–60 тыс. югеров до 15–20 тыс. югеров. *Tibiletti*. Op. cit. P. 286. f. 3, считает, что Домиций обещал каждому из 15 тысяч солдат по 40(!) югеров земли.

<sup>92</sup> Plin. N.H. XXXIII. 134: in agris HS IMMI possidet Quiritium post Sulla divitissimus. Плутарх (Crass. 2) говорит о 7100 + 710 талантах, т.е. около 200 млн. сест., которыми оценивалось все его имущество, а ведь земли составляли далеко не основную часть последнего. Плиний, вероятно, спутал эту цифру с общей стоимостью всего имущества Красса. Однако, хотя сообщение Плиния и преувеличено, следует думать, что оно все-таки говорит об огромных земельных владениях Красса.

<sup>93</sup> Plut. Pomp. 6; Vell. Pat. II. 29. 1; Plut. Pomp. 80; Cic. Pro Mil. 54; Cic. Ad Att. IV. 11. 1; VII. 5. 3; IV. 10. 2. Цезарь (B.C. I. 24; III. 4) говорит о том, что Помпей вооружил около Брундизия 300 своих рабов и пастухов; скорее всего, это были рабы и пастухи с его собственных пастбищ поблизости от Брундизия, судя по цифре (300 чел.), весьма обширных.

<sup>94</sup> Cic. Ad Att. IX. 18. 3; Ad Fam. IX. 6. 1; Suet. Div. Jul. 83.

<sup>95</sup> Цицерон в письме к Аттику от 11 мая 44 г. говорит (XIV. 21. 3), что мать Брута Сервилия владела неаполитанским имением Понция, может быть, это было одно из имений, подаренных Цезарем.

лиц имели конфискации Суллы. Огромные земельные владения Домиция<sup>96</sup>, Помпея<sup>97</sup>, Красса<sup>98</sup>, Вальгия<sup>99</sup> и, скорее всего, Метелла, о которых сказано выше, составились в результате скупки имений лиц, проскрибированных Суллой.

Сравнение этих огромных владений, насчитывающих десятки тысяч югеров, со скромной нормой в 500 югеров, установленной Гракхами, показывает, какой огромный скачок совершила концентрация земельной собственности в руках отдельных лиц. Тем не менее, успехи крупного землевладения не означали пропорционального успеха развития и распространения латифундиального землевладения, которое является лишь одной из форм крупного землевладения. Правда, сосредоточение больших массивов земли в руках отдельных лиц способствовало появлению и развитию латифундий — это бесспорно. Однако понятия крупного землевладения и латифундиального землевладения в I в. до н. э. в Италии не были тождественны друг другу. В начале Империи процесс аграрного развития привел к повсеместному распространению латифундиального землевладения; в это время и произошло отождествление понятия крупного землевладения с латифундиальным, но в I в. до н. э. в Италии этот процесс только начинался.

Заслуживает самого пристального внимания чрезвычайно остроумная мысль, высказанная Сальвиоли, которая хорошо выражает трудности, стоявшие на пути возникновения и развития латифундиальной собственности. Сальвиоли указывает, что в римском обществе не было институтов, способных поддерживать крупное землевладение, ибо римское право не обеспечивало нераздельность землевладения. Вот почему земля, перешедшая по наследству, обычно подвергалась разделу между наследниками<sup>100</sup>.

Переписка Цицерона дает много примеров дробления наследств, довольно значительных, причем иногда доли наследников были весьма маленькими, т.е. крупное состояние дробилось на несколько мелких. Так, в 54 г. Марк Цицерон получил 1/12 долю наследства Феликса, а его брат Квинт — 1/4, часть<sup>101</sup>. Богатый коммерсант Курий оставил 1/4 часть имущества Цицерону, а 3/4 — Аттику (Ad Att. VII. 2. 3). В 47 г. Цицерон получил часть имений Фуфидия, а остальная часть досталась другим наследникам, которых было несколько<sup>102</sup>. Цицерон получил только одно имение из имущества Бриния, а остальные поместья — прочие наследники (Ad Att. XIII. 12. 4), Богатый коммерсант из Путеол Клувий, имевший несколько имений, сделал наследниками нескольких человек: Цицерона, Цезаря, Оффилия, Гордеония и др. (Ad Att. XIII. 37. 5/4). Бабулий оставил 1/12 часть наследства Цезарю и 1/3 Лепте (Ad Att. XIII. 48. 1). Гай Албаний, получивший несколько имений от Лаберия, подвергался риску часть имений потерять (Ad Fam. XIII. 8. 2–3). Архитектор Кир поместил среди других наследников Клодия и Цицерона (Pro Mil. 48). Знатный тарквинийский

<sup>96</sup> Из Dio. XLI. 11, мы узнаем, что Домиций приобрел множество поместий во времена Суллы.

<sup>97</sup> Помпей, Красс и Метелл были самыми крупными полководцами Суллы во время борьбы последнего с марианцами (App. В.С. I. 80–115). Отец Помпея Великого Помпей Страбон обогатился по время Союзнической войны (Vell. Pat. II. 29. 1). Помпей приобрел много земель, конечно, после победы Суллы, ближайшим помощником которого он был.

<sup>98</sup> Об участии Красса в скупке имений проскрибированных прямо говорит Плутарх (Crass. 2 и 6).

<sup>99</sup> Cic. De leg. agr. III. 14, прямо говорит о скупке имений проскрибированных и захватах ager publicus Вальгием. В той же речи (III. 3) Цицерон говорит о семи тиранах и прочих владельцах дарованных Суллою земель. Frank T. Op. cit. P. 338, в числе семи тиранов называет Красса, Фауста Суллу, Савра, Гортензия, Метелла, Домиция и Катугла.

<sup>100</sup> Сальвиоли Г. Указ. соч. С. 74–75.

<sup>101</sup> Cic. Ad Att. IV. 19. 2 (по L. A. Constans); Ad Q. fr. III. 9. 8.

<sup>102</sup> Cic. Ad Att. XI. 14. 3; в предыдущем письме Цицерон говорит о своих сонаследниках (XI. 13. 3).

муниципал Фульциний скупил несколько имений, смежных с имением его жены Цезении. Таким образом, в его руках оказалось несколько поместий, пока отдельных, но имеющих тенденцию превратиться в одно большое, латифундию. Однако этому процессу не суждено было иметь место. После его смерти, а также смерти его сына имущество вновь раздробилось на три части между женой Фульциния Цезенией, женой его сына и неким Цезением, вероятно, шурином. А после смерти Цезении возник процесс по поводу одного из входивших в состав ее имущества имений, на которое претендовал еще один наследник Эбуций (Cic. Pro Caes. 10–17). Таким образом, дробление наследства происходит дальше.

В окрестностях Фурий в Бруттии у сенатора Клавдия было обширное поместье, возможно, даже несколько поместий. Однако в 70-х гг. оно было куплено Публием Фабием и Г. Ацерронием<sup>103</sup>, т.е. большое поместье раздробилось на два.

В 40-х годах и позже возник обычай оставлять часть наследства Цезарю, триумвирам, а потом Августу, с тем, чтобы обеспечить своим наследникам спокойное владение остальным имуществом. Однако этот обычай опять-таки приводил к дроблению имущества. Конфискации Цезаря, проскрипции триумвиров привели к массовому перемещению собственности, к дроблению больших земельных состояний, к превращению немногих латифундий, образовавшихся в результате слияния смежных поместий, в несколько самостоятельных имений, принадлежащих разным лицам.

Таким образом, крупное землевладение в конце Республики продолжало развиваться и сделало большие успехи. В руках отдельных лиц сосредоточились огромные массивы земли. Однако латифундий в Италии в конце Республики было мало, преобладали поместья средних размеров. На пути образования и укрепления латифундий стояли серьезные препятствия в виде невыгодности экономической организации хозяйства в больших поместьях и проистекающей отсюда узости распространения их только в особо плодородных районах, разбросанности поместий по разным областям страны и особенностей римского способа межевания полей. В римском праве не было институтов, способных поддерживать латифундиальную собственность. Возникающие из слияния смежных поместий латифундии обычно после смерти их владельцев опять дробились.

Особенности строения крупного землевладения в конце Республики заключались в том, что крупное землевладение складывалось не из нескольких латифундий, а из большого числа имений мелких и средних размеров, разбросанных в разных концах страны и ведущих свое хозяйство самостоятельно.

## Земельные владения Цицерона\*

Знаменитый писатель и оратор, идеолог сенаторской аристократии и ее вождь, Цицерон был родом из глухого южно-латинского городка Арпина. Плутарх приводит

<sup>103</sup> Cic. Pro Tull. 14–18. Цицерон называет поместье Клавдия fundus, т.е. определяет его как одно большое имение, но, с другой стороны, он говорит и о пожаре многих вилл (villas) во владениях Клавдия, подразумевая уже несколько поместий.

\* Первая публикация: в ж. Научные доклады высшей школы. Серия «Исторические науки». 1958. № 3. С. 127–140.

предание об отце Цицерона, который родился и вырос в какой-то сукновальне<sup>104</sup>. Сам Цицерон неоднократно говорил о своем скромном происхождении, противопоставляя его блестящему и почетному положению, которого он достиг благодаря неусыпным трудам и исключительным способностям<sup>105</sup>. Тем не менее, отец Цицерона имел всадническое достоинство и довольно значительное для «провинциала» состояние. В окрестностях у него было несколько поместий, по крайней мере не меньше 3–4<sup>106</sup>, вероятно, дом в Арпине, в Риме и в Каринах<sup>107</sup>. Возможно, имелось и другое имущество, сведений о котором не сохранилось. После смерти отца состояние было разделено между его сыновьями, Марком и Квинтом.

По наследству Марку Цицерону досталось одно имение. В одной из речей это имение называется дедовской и отцовской землей<sup>108</sup>. О том, что первоначально у М. Цицерона в Арпине было одно имение, говорит то обстоятельство, что во всех письмах, где идет речь об Арпинском поместье, стоит единственное число, *Arpinas*. В письме к Теренции от 7 июня 49 г., написанном в начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем, Цицерон предлагает своей семье уехать в Арпинское имение, *Fundo Arpinati*<sup>109</sup>. Если о своем Арпинском имении Цицерон всегда упоминает в единственном числе, то об имениях брата Квинта говорится уже во множественном<sup>110</sup>. Вероятно, Квинт получил по наследству от отца не одно имение, а несколько. Одно из писем позволяет точнее определить число арпинских поместий Квинта — последних было пять: имение близ Акв, Аркское, Манилиево, Фуфидиево, Латерий<sup>111</sup>. Имения были небольшие: так, Фуфидиево поместье насчитывало, вероятно, немногим больше сотни югеров и было куплено за 100 тыс. сестерций<sup>112</sup>. Скорее всего и имение Марка Цицерона было небольшим или средним по своим размерам, во всяком случае однажды он назвал свои арпинские владения *praediola* (именьица)<sup>113</sup>. Сам Цицерон называет свое арпинское имение удаленным от дорог<sup>114</sup>. Удаленность имения от дороги влияла на его доходность и накладывала определенный отпечаток на способ ведения хозяйства<sup>115</sup>. В одном месте Цицерон называет доходы с арпинского имения «доходишками», очевидно, подчеркивая их незначительность<sup>116</sup>. Но к концу жизни он владел в окрестностях своего родного города несколькими поместьями. «Мне необходимо съездить в Арпин, — пишет он в июле 45 г., — ведь нужно привести в порядок те именьица, *illa praediola*»<sup>117</sup>. Очевидно, Цицерон прикупил к своему наследственному имению несколько других, но нам, к сожалению, неизвестно, в каком

<sup>104</sup> Plut. Cicero. I (далее — Plut. Cic.).

<sup>105</sup> Cic. De lege agraria. II. I. 100 (далее — leg. agr.).

<sup>106</sup> Марк Цицерон получил по наследству одно имение. Квинт Цицерон владел несколькими имениями, тоже, очевидно, полученными по наследству от отца. См.: Cic. Ad Att. I. 6. 2 «...nunc (т.е. в 68 г.) in Arpinatibus praediis erat».

<sup>107</sup> Plut. Cic. 8. Этот дом достался по наследству Марку Цицерону.

<sup>108</sup> Cic. De leg. agr. III. 9. *meus paternus avitusque fundus Arpinas*.

<sup>109</sup> Cic. Ad Fam. XIV. 7. 3; *Fundo Arpinati bene poteris uti cum familia urbana, si annona carior fuerit..*

<sup>110</sup> Cic. Ad Att. I. 6. 2

<sup>111</sup> Cic. Ad Q. ir. III. 1–6.

<sup>112</sup> Ibid. 3; «*ex eo loco recta Vitularia via profecti fumus in Fufudianum fundum, quem tibi proximis nunciis Arpini de Fufidio HS emeramus*».

<sup>113</sup> Cic. Ad Att. XIII. 9. 2.

<sup>114</sup> Cic. Ad Fam. XIV. 7. 3; ср. Ad Att. XV. 16a. Cic. Ad Att. II. 16. 4.

<sup>115</sup> Varr. R.r. I. 16. 3 — называет такие имения *longinqua praedia*.

<sup>116</sup> Cic. Ad Att. XIII. 11. 1 «...*sed fuit faciendum, ut et constitueram mercedulas praediorum*». Письмо написано из Арпина.

<sup>117</sup> Cic. Ad Att. XIII. 9. 2; 11. 1. В последнем письме они названы *praedia*, а не *praediola*.

году<sup>118</sup>. Однако у нас нет оснований считать арпинские владения одной громадной латифундией, единым большим хозяйством. Поместья были небольшими, с особыми усадьбами, и каждое представляло собой самостоятельное хозяйство, мало связанное с другим<sup>119</sup>. Как уже было сказано, арпинские поместья были удалены от дорог, а доходность их была небольшой. В одном из поместий, скорее всего в имении, полученном по наследству, у Цицерона была построена роскошная и красивая *villa urbana*<sup>120</sup>, резиденция хозяина, обслуживавшаяся большим штатом рабов, содержание которой ложилось тяжелым бременем на хозяйство поместья, снижая его доходность.

Арпинское имение было единственным имением, полученным от отца. Все другие поместья были или куплены или получены по завещанию, или переданы в счет долга. По мере того, как Цицерон успешно проходил служебную лестницу магистратур, росло его земельное богатство, основа достоинства и благосостояния сенаторской аристократии, пробиться в ряды которой удалось Цицерону. Если в начале своей карьеры Цицерон владел только одним имением, то в конце жизни количество поместий возросло до полутора-двух десятков, а сам Цицерон выдвинулся в первые ряды римского магнатства.

Одним из самых ранних приобретений и любимым местом пребывания Цицерона было тускуланское поместье, *fundus Tusculanus, Tusculanus*<sup>121</sup>. Трудно установить точную дату покупки тускуланского имения, но скорее всего оно было куплено в 68 г. или незадолго до этого. В первом из дошедших до нас писем, написанном в ноябре 68 г., Цицерон выражает большое удовлетворение своей тускуланской виллой и стремится украсить ее по своему вкусу<sup>122</sup>; видно, покупка была сделана недавно, раз Цицерон хочет построить виллу на свой вкус.

Поместье раньше принадлежало Сулле, а затем перешло к Катутллу<sup>123</sup>. Цицерон приобрел его у последнего при посредстве ростовщика Веттия<sup>124</sup>. Естественно предположить, что как при Сулле, так и при Катутлле в поместье имелась роскошная *villa urbana*, так как и тот и другой были известными богачами. Однако Цицерон провел большие перестройки<sup>125</sup> и украсил виллу множеством картин, статуй<sup>126</sup>, барельефов,

<sup>118</sup> В письме к Теренции от 7 июня 49 г. (*Ad Fam. XIV. 71*) Цицерон еще говорит о *fundo Arpinati* в единственном числе; первое упоминание о *praedia, praediola* в Арпине относится к 45 г. (*Ad Att. XIII. 9. 2; 11. 1*). Таким образом, покупка состоялась между 49 и 45 г.

<sup>119</sup> В письмах имения названы *praedia*, т.е. несколько поместий и, как показывает пример с имением Квинта, с разными усадьбами. Имения Квинта, насколько нам известно (ср. *Ad Q. fr. III. 1. 1–6*), лежали неподалеку друг от друга, но не были смежными. О. Е. Schmidt (*Ciceros Villen. Lpz., 1899. S. 12–13*) говорит о том, что земля в арпинском имении Цицерона была разбита на отдельные парцеллы, сдаваемые в аренду. Данное предположение не находит своего обоснования в источниках, но его разделяет Carcopino I. *Les secretes de la correspondance de Ciceron. Paris, 1947. P. 78.*

<sup>120</sup> Plut. Cic. 8. «Правда» от 11 июня 1957 г. сообщила об открытии итальянскими археологами под руководством проф. М. Джакобелли развалин арпинской виллы Цицерона. Начавшиеся раскопки обнаружили фундамент стен и вход в дом. Данными специальной литературы об этом открытии мы пока не располагаем.

<sup>121</sup> В письмах тускуланское имение постоянно называется *Tusculanum*, в третьей речи об аграрном законе, — *fundus Tusculanus. Cic. De leg. arg. III. 9.*

<sup>122</sup> Cic. *Ad Att. I. 6. 2.*

<sup>123</sup> I. Carcopino. *Les secretes...* P. 80–82 говорит не об одном тускуланском поместье Цицерона, а о трех, имении Суллы, имении Катутла, имении Куллеона, приобретенных Цицероном в разное время.

<sup>124</sup> Cic. *Ad Att. IV. 5. 2.*

<sup>125</sup> Цицерон совершал перестройки до 65 г., т.е. около 3 лет. См.: *Ad Att. I. 1–11.*

<sup>126</sup> За статуи из мегарского мрамора Цицерон уплатил 20,4 тыс. сест. *Ad Att. I. 8. 2*; он просил Атика приобрести для него гермы, гармафины и гермараклы и другие украшения.



собрал там прекрасную библиотеку, о пополнении которой он постоянно просит Аттика<sup>127</sup>. Эту великолепную виллу обслуживал большой штат рабов; вокруг виллы раскинулся тенистый парк<sup>128</sup>, Крабрский водопровод снабжал многочисленные фонтаны водой<sup>129</sup>; около виллы было много цветочных и чисто декоративных древесных посадок. Как роскошна была тускуланская вилла Цицерона, показывает сенатская оценка восстановительных работ в ней после возвращения Цицерона из изгнания<sup>130</sup>. Стоимость их была определена в 500 тыс. сест., причем Цицерон считал эту оценку сильно заниженной и остался очень недоволен ею<sup>131</sup>. Вероятно, стоимость ремонтных работ была значительно выше. Следовательно, цена всей виллы достигала, по меньшей мере, 1 млн. сест., а, может быть, и больше. Общая же стоимость всего тускуланского имения (т.е. виллы + земельные угодья) поднималась еще выше, достигая огромной цифры.

Цицерон очень любил свою тускуланскую виллу и часто посещал ее. Особенно было приятно ему жить по соседству с наиболее известными аристократами. Тускул считался одним из излюбленных местопребываний римской знати. В окрестностях Тускула находились поместья Тита Аниция<sup>132</sup>, Гирция<sup>133</sup>, Корнелия Лентула Спинтера<sup>134</sup>, Лукция<sup>135</sup>, Корнелия Бальба<sup>136</sup>, Лициния Красса<sup>137</sup>, Марка Брута<sup>138</sup>, Теренция Варрона<sup>139</sup>, Пупия Пизона<sup>140</sup>, Марка Скавра<sup>141</sup>, Лукулла<sup>142</sup>. Иметь дом в Тускуле Гораций считал признаком богатства<sup>143</sup>.

Тускуланское поместье рассматривалось Цицероном как пригородное имение, *suburbanus fundus*. Агронмия того времени рекомендовала особый способ эксплуатации и хозяйства для подобных категорий имений<sup>144</sup>. Поместье это, несмотря на его большую стоимость, не было очень большим и вероятно насчитывало несколько сот югеров, поскольку пригородные имения лишь в редких случаях были большими<sup>145</sup>. Содержание роскошной резиденции ложилось тяжелым бременем на хозяйство имения, резко понижало его доходность. Поэтому Цицерон в тяжелые периоды своей

127 Cic. Ad Att. I. 4. 3; Ad Att. I. 11. 3.

128 Об обширных садах около Тускула см. Strab. V. 3. 12.

129 Cic. De leg. arg. III. 9.

130 Цицерон по закону Клодия, осуждавшего на изгнание магистрата, без суда казнившего римского гражданина, удалился в изгнание и пробыл там 16 месяцев. Его имения были конфискованы, виллы разграблены, а дом разрушен. После возвращения часть имущества вернули Цицерону, а постройки были восстановлены на общественный счет. Cic. Ad Att. IV. 2. 5; Plut. Cic. 33. Appianus *Bella civilia*. II. 16 (далее — App. B.C.).

131 Cic. Ad Att. IV. 2. «Quae aestimatio non modo vehementer ab optimo quoque, sed etiam a plebe reprehenditur».

132 Cic. Ad Q. fr. III. 1. 23.

133 Cic. Ad Q. Att. XV. 6. 2. 3.

134 Cic. Ad Att. VI. 1. 23.

135 Ibid.

136 Cic. Ad Att. VII. 7. 6.

137 Cic. Ad Att. IV. 16. 3.

138 Cic. Ad Att. XIII. 4. 2; Ad Att. XIII. 7. 32.

139 Cic. Ad Fam. IX. 1. 2.

140 Varr. R.r. III. 13.

141 Cic. Caec. 54; Plin. N.H. XXXVI. 115..

142 Plut. Luc. 39.

143 Hor. Epod. I. 29; Cic. Verg. act. II. lib. IV. 126.

144 Varr. R.r. I. 16. 3. См.: Сергеевко М. Е. Хозяйство итальянских *suburbana* // ВДИ. 1955. № 1.

145 Большинство исследователей говорят не об объединении трех поместий в одно, как полагает J. Carcopino, а об одном среднем по своим размерам поместье: Schmidt O. E. *Ciceros Villen...* S. 34.

жизни считал возможным продать тускуланскую усадьбу, как это было после возвращения из изгнания в 57 г., когда он оказался почти без средств<sup>146</sup>, или когда он выплачивал приданое Туллии для Долабеллы<sup>147</sup>. Продажей тускуланского дорогого имения Цицерон надеялся не только поправить свои дела, но избавиться и от обременительной для него усадьбы.

Другим ранним приобретением Цицерона было формианское поместье, *fundus Formianus*, расположенное близ Кайэты в южной части Лация на берегу моря, недалеко от Аппиевой дороги<sup>148</sup>. В письме, написанном в самом начале 66 г., в год, когда Цицерон был претором, он упоминает, судя по тону письма, о формийской усадьбе как о давнем приобретении<sup>149</sup>. Но вряд ли можно думать, что оно было куплено раньше тускуланского имения. Вероятнее всего формианское поместье было приобретено в 68–67 гг. Судя по вышеприведенному письму, в 66 г. формианская усадьба была не отделана и не выглядела великолепно, подобно *villa urbana*. Цицерон намеревался «украсить Кайэту» после отстройки тускуланской усадьбы<sup>150</sup>. В дальнейшем Цицерон, очевидно, осуществил свое желание, ибо согласно сенатской оценке, стоимость восстановительных работ на формианской вилле была определена в 250 тыс. сест., да и то считалась сильно заниженной<sup>151</sup>, несмотря на то, что сумма была значительной, равной целому скромному состоянию<sup>152</sup>.

Однако, по сравнению с тускуланской или, как увидим ниже, с куманской или путоланскими виллами, формианская вилла выглядела не столь роскошной. Имение было расположено очень удобно, недалеко от дороги, на берегу моря. Выгодное расположение повышало доходность имения, оно было связано с соседней округой какими-то, возможно, торговыми и иными деловыми связями. В одном из писем Цицерон жалуется на большое стечение народа в своем имении<sup>153</sup>. Вокруг имения находились имения скромных соседей, Гая Аррия и Себоса и, вероятно, других средних или мелких землевладельцев, навязчивая дружба которых не нравилась Цицерону<sup>154</sup>. Формианское имение Цицерона было весьма доходным, так как при денежных затруднениях после ссылки он счел возможным восстановить формианское имение, а тускуланскую усадьбу продать<sup>155</sup>, хотя последняя как пригородное имение представляла гораздо больше преимуществ в смысле удобств и к тому же было любимым имением Цицерона. И если у него в дальнейшем мелькала мысль о продаже других поместий, то формианское имение он никогда не думал продавать<sup>156</sup>. Оно, вероятно, не было большим. Плутарх называет его *τα χωρία*<sup>157</sup>, имея в виду, очевидно, разные уголья.

<sup>146</sup> Cic. Ad Att. IV. 2. 7.

<sup>147</sup> Cic. Ad Att. XI. 4. 1; Ad Fam. XIV. 6.

<sup>148</sup> О расположении вилл Цицерона, в том числе и формианской см. специальное исследование Schmidt O. E. *Ciceros Villen...* S. 23–30. Шмидт определяет время покупки 67 г.

<sup>149</sup> Cic. Ad Att. I. 4. 3.

<sup>150</sup> Ibid. «*Caetam, si quando abundare coepero ornamo*». Цицерон в это время строил тускуланскую виллу и не имел средств на украшение Формий.

<sup>151</sup> Cic. Ad Att. IV. 2. 5.

<sup>152</sup> Целое имение Фуфидия стоило 100 тыс. сест., а оно насчитывало, вероятно, больше сотни югов. Cic. Ad Q. fr. III. 1. 3.

<sup>153</sup> Cic. Ad Att. II. 14. 2. «*Basilicam habeo, non villam, frequentia Formianum*».

<sup>154</sup> Ibid. C. Arrius proximus est vicinus.

<sup>155</sup> Cic. Ad Att. IV. 2. 7. «...reficitur Formianum, quod ego nec relinquere possum nec videre Tusculanum proscripti, suburbano non facile careo».

<sup>156</sup> Cic. Ad Att. XI. 4. 1.

<sup>157</sup> Plut. Cic. 47. Однако в гл. 8 Плутарх почему-то о формианском поместье совсем не упоминает.

К 60 г. относится первое упоминание о помпейском имении Цицерона, *Pompeianus fundus, praedium Pompeianum*<sup>158</sup>. Куплено оно было скорее всего в этом году. Речь идет, очевидно, о недавней покупке, когда Цицерон пишет Аттику: «Мои усадьбы тускуланская и помпейская очень радуют меня; только они меня, защитника долгов, засыпали бронзой, не коринфской, а этой, взятой на форуме»<sup>159</sup>.

Цицерон редко бывал в помпейской усадьбе, обычно он приезжал туда тогда, когда хотел уединиться и отдохнуть от многочисленных знакомых и друзей. Хотя он купил помпейское имение в 60 г., еще в 56 г. вилла его была не отделана. Цицерон характеризует ее как незащищенную, открытую для ветров (*apertam*) и неотделанную, *rudem*<sup>160</sup>. Именно поэтому Цицерон не хотел приглашать туда соседа Мария, слабого здоровьем<sup>161</sup>, да и сам бывал там лишь наездами, иногда с перерывом в 2–3 года<sup>162</sup>. Как известно, в постановлении сената от 57 г. о восстановлении вилл Цицерона о помпейской усадьбе не было упомянуто скорее всего потому, что отряды Клодия просто не добрались до этой отдаленной виллы, а, может быть, из-за того, что вилла не была достроена.

Однако в конце 50-х и в 40-х гг. Цицерон, очевидно, отстроил виллу помпейского имения, так как у нас есть сведения о том, что он приглашал туда Мария, Аттика, Пансу, принимать которых в *villam apertam et rudem* вряд ли ему позволило его самолюбие. В письме от 44 г. он характеризует свои имения, в том числе и помпейское, как прекрасные построенные и достаточно привлекательные<sup>163</sup>.

Однако, с точки зрения получения дохода, помпейское имение ценилось. Несмотря на редкое посещение имения, Цицерон не думал об его продаже, даже при тяжелом финансовом положении. В переписке нет точных указаний на размер помпейского имения, Плутарх, однако, совершенно определенно называет его небольшим<sup>164</sup>, но, к сожалению, и Плутарх ограничивается только этим общим замечанием<sup>165</sup>.

Описанные имения составляли основной земельный фонд в составе имущества Цицерона до его изгнания из Рима по закону Клодия 58 г. Изгнание привело к конфискации имущества и разрушению его деревенских и городских построек<sup>166</sup>. За шестнадцать месяцев изгнания Цицерон потерял все имущество. Однако в июне 57 г. Цицерон вернулся в Рим. Сенат принял постановление о восстановлении его городского дома на Палатине, тускуланской и формийской усадеб.

<sup>158</sup> Cic. Ad Att. I. 20. 1.

<sup>159</sup> Cic. Ad Att. II. 1. 11.

<sup>160</sup> Cic. Ad Q. fr. II. 8(10). 2.

<sup>161</sup> Ibid. 3; «*Nam illorum praediorum scito mihi vicinum Marium lumen esse*».

<sup>162</sup> Со времени покупки имения в 60 г. Цицерон бывал в усадьбе около 5 раз, вплоть до отъезда в провинцию Киликию в 51 г. Ad Att. I. 20. 1–60; Ad Fam. XII. 1. 4–55 и др. Щепетильный в отношении удобств, Цицерон, возможно, редко наезжал в помпейскую усадьбу потому, что она была долгое время недостаточно отделана.

<sup>163</sup> Cic. Ad Att. XVI. 3. 4. «*in praediolis nostris et belle and aediftoatis et satis amoenis*». Письмо написано в июне 44 г. Открытый в 1763 г. роскошный дом, расположенный близ городских стен Помпей и названный без всяких оснований *villa di Cicerone*, конечно, не был виллой Цицерона. См.: *Laurand L. Ciceron. P., 1938. P. 95–96.*

<sup>164</sup> Plut. Cic. 8.

<sup>165</sup> Вряд ли следует понимать буквально это выражение Плутарха. Живший в период развития латифундий, Плутарх вполне мог принять значительное в свое время имение за небольшое, с его точки зрения. С другой стороны, Плутарх, большой поклонник Цицерона, вероятно, посетил бывшие имения Цицерона. См.: *App. В.С. II. 16.*

<sup>166</sup> Cic. Ad Att. IV. 2. 5; Plut. Cic. 33; App. В.С. II. 16; Cic. Pro domo suo. 20. 51; 56. 143.

Большую роль при восстановлении сыграла помощь многочисленных друзей<sup>167</sup>. Тем не менее, судя по словам Цицерона, имущество его уменьшилось<sup>168</sup>. Трудно ответить на вопрос о том, насколько это уменьшение относится непосредственно к земельным владениям, так как в количественном отношении число имений осталось прежним. Вероятно, столь продолжительное отсутствие и разрушение вилл оказалось губительным для хозяйства каждого имения, резко снизило его доходность и потребовало дополнительных ассигнований. Как бы то ни было, Цицерон быстро поправил свои дела, и уже в 56 г. он писал: «живу несколько шире, чем жил обычно»<sup>169</sup>, а в 54 г. он с удовлетворением замечает: «мой дом и мои владения в деревне меня чрезвычайно радуют; я вспоминаю, откуда я поднялся, а не откуда упал»<sup>170</sup>. Скорее всего, к этому времени относится окончание восстановительных работ в городе и в деревне.

Однако Цицерон продолжал увеличивать свои земельные богатства. Более того, начиная со второй половины 50-х гг. и в 40-х гг. этот процесс увеличения земельных владений становится особенно интенсивным.

Хотя в 56 г. еще продолжались восстановительные работы, требовавшие значительных денежных сумм, Цицерон смог купить себе Куманское имение, *Cumanum praedium*, одно из лучших и любимых<sup>171</sup>. Имение лежало близ известного и аристократического курортного района Бай. Крупнейшие богачи имели здесь роскошные резиденции. Соседями Цицерона были Помпей<sup>172</sup>, Курион<sup>173</sup>, Теренций Варрон<sup>174</sup>, сын Суллы Фауст<sup>175</sup>, Марий<sup>176</sup>. Вероятно, что до покупки Цицероном оно принадлежало какому-нибудь аристократу. Это соображение подтверждается тем, что Цицерон ничего не говорит об украшении своей куманской виллы и постройках в ней. А между тем резиденция хозяина была, судя по отдельным замечаниям, великолепной. Во-первых, столь аристократическое соседство обязывало иметь приличную для аристократа, т.е. великолепную виллу, во-вторых, Цицерон неоднократно принимал там известных магнатов — Помпея<sup>177</sup>, Гортензия<sup>178</sup>, Октавиана<sup>179</sup>, Бальба<sup>180</sup>, Мария<sup>181</sup>, Варрона<sup>182</sup> и др. Вряд ли Цицерон принял бы этих аристократов на вилле, построенной не по последней моде того времени; этого ему не позволило бы большое честолюбие «нового» человека. Цицерону доставляло большую радость посещение его виллы многочисленными знатными посетителями. С гордостью он пишет Аттику в мае 51 г.: «в куманской усадьбе у меня был как бы маленький Рим: такое

<sup>167</sup> Cic. Ad Att. IV. 3. 6.

<sup>168</sup> Cic. Ad Att. IV. 3. 6 — «re familiari comminuti sumus».

<sup>169</sup> Cic. Ad Att. Q. fr. II. 4a. 1.

<sup>170</sup> Cic. Ad Att. IV. 18. 2.

<sup>171</sup> Cic. Ad Q. fr. II. 5 (7). 4.

<sup>172</sup> Cic. Ad Att. IV. 10. 2.

<sup>173</sup> Cic. Ad Att. X. 4. 6.

<sup>174</sup> Cic. Ad Fam. IX. 1. 2.

<sup>175</sup> Cic. Ad Att. IV. 10. 1.

<sup>176</sup> Cic. Ad Q. fr. II. 8. 3.

<sup>177</sup> Cic. Ad Att. IV. 9. 1. Всякий римский вельможа, а в особенности Помпей, разезжал по стране в сопровождении большого кортежа сопровождающих. Принять такого гостя со спутниками можно было только в обширной усадьбе.

<sup>178</sup> Cic. Ad Att. V. 2. 2.

<sup>179</sup> Cic. Ad Att. XICV. 10. 3.

<sup>180</sup> Ibid.

<sup>181</sup> Cic. Ad Fam. VII. 1. 5.

<sup>182</sup> Cic. Ad Fam. IX. 5. 3.

многочудство в этих местах»<sup>183</sup>. Особенно часто посещали куманскую усадьбу знатные соседи Цицерона в тревожные дни после убийства Цезаря<sup>184</sup>. В том же письме он называет свое куманское имение царством, *regnum*, скорее всего из-за его обширности, и благоустроенности вилл. Насколько они были большими говорит то обстоятельство, что здесь имелось несколько вилл, во всяком случае, нам известно в точности о двух, вилле около Лукринского озера и какой-то меньшей вилле<sup>185</sup>. И та и другая вилла были предназначены не только для сельскохозяйственных целей, так как в одной из них Цицерон устроил жену Аттика Пилию<sup>186</sup>. В обеих виллах имелся огромный персонал рабов. «Нашей Пилии я передал виллу у Лукринского озера, а также виликов и прокураторов»<sup>187</sup>. Таким образом, рабский персонал был настолько велик, что существовала целая иерархия начальства, деление на виликов и прокураторов, причем имелось несколько виликов и несколько прокураторов<sup>188</sup>. Громадный рабский персонал и роскошные постройки требовали больших расходов. Куманское имение было своего рода виллой или дачей в нашем смысле слова, которое содержалось не столько из-за дохода, сколько для отдыха и развлечения. В одной из речей Цицерон называет куманские имения знати дефицитными, требующими вложений для их содержания<sup>189</sup>. Вероятно этим можно объяснить то, что иногда у него возникали мысли о продаже всего куманского имения<sup>190</sup>, которым тем не менее так и не удалось осуществиться. Хотя Цицерон ни разу не упоминает о хозяйственной деятельности в имении, однако, трудно допустить, чтобы она не имела места. Согласно агрономической науке того времени, *praedium*, *fundus* обязательно включало в себя полевые угодья, являясь самостоятельным хозяйством. Цицерон упоминает среди рабов *vilicos*, виликов; а вилики, обычно, занимались вопросами хозяйства в имении. Относительно размеров имения у нас нет точных сведений, косвенные упоминания позволяют его считать довольно значительным<sup>191</sup>, однако, оно не было лагифундией. Цицерон называет его всегда *praedium*, а этим термином обычно обозначалось имение среднего размера.

Неподалеку от куманского имения, в окрестностях важного порта ПUTEОЛ лежало другое прекрасное имение Цицерона, ПUTEОЛАНСКОЕ, *Puteolanum praedium*. Первое упоминание о нем относится к маю 45 г.<sup>192</sup>, оно было куплено, вероятно, незадолго перед этим. В августе 45 г. умер богатый puteольский ростовщик КЛУВИЙ, с которым Цицерон поддерживал продолжительные деловые связи. По завещанию его имущество, в состав которого входили и поместья<sup>193</sup>, было разделено между наследниками: Цезарем, Гердонием и Цицероном<sup>194</sup>. Однако Цицерон скупил часть имущества

183 Cic. Ad Att. V. 7. 2.

184 Cic. Ad Att. XIV. 16. 1.

185 Cic. Ad Att. XIV. 13. 5. «Redeo nunc ad epistolam tuam: scribis enim esse rumores me, ad lacum quod habeo, venditurum, minusculam vero villam Quinto traditurum». О размерах виллы см.: *Schmidt O. E. Ciceros Villen...* S. 45–46.

186 Cic. Ad Att. XIV. 15. 4.

187 Cic. Ad Att. XIV. 16. 1.

188 Piliae nostrae villam ad Luorinam, villicos, procuratores tradidissem.

189 De leg. arg. orat. II. 78.

190 Cic. Ad Att. XIV. 16. 2.

191 *L. Laurand* (Ciceron. Paris, 1938. P. 93) считает куманское имение Цицерона наиболее значительным среди прочих его имений.

192 Cic. Ad Fam. V. 15. 2. Цицерон пишет Лукцию: «...essemus vicini in Tusculano, in Puteolano». Письмо написано 10–12 мая 45 г.

193 Cic. Ad Att. XIII. 45. 3.

194 Cic. Ad Att. XIII. 37. 4; Ad Att. XIII. 46. 2. 3. 4.

Клувия, продаваемую сонаследниками с торгов<sup>195</sup>, в частности обширные сады<sup>196</sup> и имения<sup>197</sup>. Как пишет Цицерон, поместья Клувия приносили большой доход и, вероятно, были приобретены из-за их доходности; так к первоначальному имению присоединилось несколько имений Клувия<sup>198</sup>. Свою путеоланскую виллу Цицерон очень любил и бывал там подолгу. Вилла была роскошная, Цицерон однажды назвал ее царством<sup>199</sup>. Как велика была путеоланская вилла, говорит то, что при посещении виллы Цезарем 18 декабря 45 г. только в трех триклинных смогли разместиться около двух тысяч его спутников<sup>200</sup>. Соседство в этой местности было аристократическое, многие из знатных соседей часто навещали Цицерона. Путеоланская вилла, подобно куманской и тускуланской, обслуживалась огромным штатом рабов<sup>201</sup>. Содержание роскошной резиденции ложилось тяжелым бременем на хозяйство имения и сильно понижало его доходность. Во всяком случае, судя по отдельным штрихам, путеоланскую и куманскую виллы следует считать более обширными и более отделанными, чем тускуланскую, которая, согласно нашим соображениям, оценивалась около 1 млн. сест. Однако само имение под Путеолами было скорее всего имением среднего размера. Плутарх определенно называет его имением небольшим<sup>202</sup>.

О величине и местах расположения имений Клувия, полученных Цицероном по наследству, данных нет. Судя по тому, что они назывались во множественном числе *praedia* и судя по доходу в 100 тыс., который давало все наследство Клувия, включая лавки, дома и проч., они были небольшими по своим размерам<sup>203</sup>.

В декабре 50 г. Цицерон в одном из писем к Аттику упоминает об альбанском имении: «можешь без вреда приехать ко мне в альбанскую усадьбу за два дня до январских нон»<sup>204</sup>.

В. О. Горенштейн, переводчик писем Цицерона<sup>205</sup> видит в этом отрывке указание на альбанское имение. Но вряд ли возможно считать упомянутую здесь усадьбу принадлежащей Цицерону. В следующих письмах Цицерон больше никогда не упоминает о своей альбанской усадьбе. Вряд ли можно думать, что Цицерон не заезжал туда, тем более что усадьба находилась около Рима, на дороге из формианского поместья. Если усадьба была продана Цицероном, то этот факт получил бы

<sup>195</sup> Cic. Ad Att. XVI. 6. 3. *Bella reliqui, sed opus est diligentia: coheredibus pro Cluviano Kal. Sextil. persolutum ut sit.*

<sup>196</sup> Cic. Ad Att. XIII. 46. 3.

<sup>197</sup> Cic. Ad Att. XIV. 9. 1 и 10, 3 включают, вероятно, имения.

<sup>198</sup> Исследователь местонахождения вилл Цицерона О. Е. Schmidt (*Ciceros Villen...* S. 50–53) считает, что под Путеолами было одно поместье, полученное по наследству от ростовщика Клувия. Вряд ли это так. О путеоланском имении Цицерон сообщает в мае 45 г. (*Ad Fam. V. 15. 2*), при этом покупка состоялась, видно, раньше. Наследство Клувия Цицерон получил позднее, в августе (*Ad Att. XIII. 37. 4*) только велись переговоры о торгах, а вступил во владение наследством Цицерон, возможно, в конце 45 г.

<sup>199</sup> Cic. Ad Att. XIV. 16. 1.

<sup>200</sup> Cic. Ad Att. XIII. 52. 1. 2.

<sup>201</sup> Cic. De leg. arg. II. 78. *familiarum magnitudines.*

<sup>202</sup> Plut. Cic. 8. Вероятнее всего, под имением около Неаполя Плутарх понимает путеоланское как расположенное ближе всего к Неаполю. Куманское имение находилось значительно дальше и вряд ли поэтому могло называться имением «около Неаполя», о других же имениях вблизи Неаполя нам ничего не известно.

<sup>203</sup> О. Е. Schmidt, L. Laurand, M. Masé-Dari, J. Carcopino говорят лишь об одном имении под Путеолами, полученным по наследству от Клувия. А. Lichtenberger. *La fortune de Ciceron // Revue internationale de sociologie.* 1896. № 6.

<sup>204</sup> Cic. Ad Att. VII. 8. «...non incommode ad me tu Albanum venire, III, Nonas Januar».

<sup>205</sup> Письма Марка Туллия Цицерона. 1951. Т. 3. С. 741.

какое-нибудь отражение в его письмах. Вспомним, что о продаже тускуланского имения говорится во многих письмах, так же как и о куманском. Скорее всего, под упомянутой здесь усадьбой разумелась знаменитая альбанская усадьба Помпея<sup>206</sup>, где Цицерон предполагал остановиться для переговоров с Помпеем. Об этом прямо говорится в письме от 16 декабря 50 г.: «но из формианской усадьбы направлюсь в конце январских календ — в Таррацину; затем на верхний конец Помптинской дороги; оттуда в альбанскую усадьбу Помпея и так в Рим за два дня до нон, в день моего рождения»<sup>207</sup>. Именно к этому дню — за два дня до январских нон — Цицерон предлагал Аттику приехать к нему в альбанскую усадьбу<sup>208</sup>. Благодаря тому обстоятельству, что это не была его садьба, Цицерон не хотел стеснять рабов, празднующих праздник Компиталий<sup>209</sup>, вряд ли бы он стал церемониться со своими рабами.

В марте 47 г. сообщается об имениях, полученных Цицероном по завещанию некоего Фуфидия<sup>210</sup>. Нам, к сожалению, неизвестно ни число этих имений, ни места их расположения, ни величина каждого из них. Цицерон называет их «Fufiada praedia». «Я удивился бы, — пишет он Аттику, — что ты мог уплатить 30 тыс. сест., если имения Фуфидия не давали много»<sup>211</sup>. Это место свидетельствует, конечно, не о продаже имений, а о доходе с них, и, судя по тому, что они давали большой доход — «много», их было несколько. Из переписки известно, что в марте, апреле и мае имения были в составе имущества Цицерона<sup>212</sup>, но затем о них ничего не сообщается. Может быть, они были проданы<sup>213</sup>, а, возможно, остались у Цицерона, но он не заезжал туда, так как мало интересовался жизнью своих имений.

Невозможно указать точную дату приобретения Цицероном анагнийского имения, Anagninum, так же как и ответить на вопрос, было ли оно куплено, получено по завещанию или передано в счет долга. Первое упоминание о нем относится к 46 г.<sup>214</sup>; в одном из своих писем Цицерон рассматривает его уже как свое давнее владение. По своему положению (в окрестностях Анагнии) это было пригородное имение, suburbanus fundus, и лежало оно по дороге в Арпин, так что, выехав на рассвете из Арпина, он к вечеру того же дня был в анагнийской, а на следующий день в тускуланской вилле<sup>215</sup>. Цицерон очень редко бывал в этой усадьбе; другое упоминание об анагнийском имении относится уже к 44 г.<sup>216</sup>. Неизвестно, какова была резиденция хозяина в имении и производились ли там какие-либо перестройки. Мы ничего не знаем о величине и о доходности этого имения.

В феврале 47 г. умерла любимая дочь Цицерона Туллия, смерть которой он переживал очень тяжело: он избегает общества, ищет уединения, ему не хочется видеть

<sup>206</sup> Cic. Pro Mil. 54; Plut. Pomp. 6. 80; Ad Att. IV. 11. 1; Cic. Ad Att. VII. 5. 3.

<sup>207</sup> Cic. Ad Att. VII. 5. 3.

<sup>208</sup> Cic. Ad Att. VII. 11. 2.

<sup>209</sup> Cic. Ad Att. VII. 7. 3.

<sup>210</sup> Cic. Ad Att. XI. 13. 3.

<sup>211</sup> Cic. Ad Att. XI. 14. 3.

<sup>212</sup> Письмо, в котором впервые говорится о наследстве Фуфидия, написано в марте (Ad Att. XI. 13 3), последнее письмо о фуфидиевых имениях написано в мае (Ad Att. XI. 15).

<sup>213</sup> Часть наследства Фуфидия была продана с торгов. См.: Cic. Ad Att. XI. 15. 4.

<sup>214</sup> Cic. Ad Att. XII. 1. 1; J. Carcopino (Les secretes... P. 88–89), не аргументируя своего мнения, говорит не об анагнийском имении, а о diversorium; A. Lichtenberger (La fortune...) говорит об анагнийской вилле Цицерона, как приносящей доход, т.е. об имении.

<sup>215</sup> Cic. Ad Att. XII. 1. 1.

<sup>216</sup> Cic. Ad Att. XV. 26. 1. Возможно, речь идет об анагнийской усадьбе в письме Ad Att. XVI. 13; «*malo enim esse in Tusculano aut uspiam in suburbano*». Из всех имений, кроме тускуланского, анагнийское было ближе всего расположено к Риму.

свои благоустроенные усадьбы. Он ищет пристанища для своей скорби и находит его в имении, лежащем на берегу моря, недалеко от Астуры. Свою астурскую виллу он купил в конце февраля — начале марта 47 г. Море, холмы, мрачный и большой лес, в котором любил бродить Цицерон, отсутствие докучливых соседей, понемногу смягчили скорбь Цицерона. Имение, судя по косвенным описаниям, было небольшим. Цицерон называет его *villa*<sup>217</sup>, Плутарх — приморским имением<sup>218</sup>. Цицерон любил астурскую виллу и часто бывал там, но вряд ли она играла какую-нибудь серьезную роль как доходная статья в его бюджете.

По завещанию Бринния Цицерон получил имение, *fundus Brinianus* в июле 45 г.<sup>219</sup>, которое он в августе того же года продал некоему Гетерию при посредстве раба Вестория<sup>220</sup>, ростовщика, близкого Цицерону.

За полтора года до своей смерти, в мае 44 г. а может быть, немного раньше, Цицерон приобрел синуэское имение, *Sinuessanum praedium*<sup>221</sup>. В ранних письмах о Синуэссе говорится довольно часто, где Цицерон бывал и имел свой небольшой заезжий двор<sup>222</sup>. Имение лежало недалеко от дороги, по которой Цицерон возвращался в Рим из куманского и путеоланского имений. Расположенное в плодородной местности, на берегу моря и недалеко от сухопутной дороги, имение, возможно, приносило неплохой для того времени доход. К сожалению, кроме краткого, упоминания, наши сведения о синуэском имении этим исчерпываются<sup>223</sup>.

Кроме многочисленных имений, Цицерону, вернее его жене Теренции, принадлежал лесной участок, *сальтус*, расположенный, как полагают, около Тускула, и входящий в состав государственных земель, *ager publicus*<sup>224</sup>. Неизвестна величина *сальтуса*, но, судя по сравнению его с Эпиром, где располагались обширные имения и леса Аттика, он был большим<sup>225</sup>. Варрон сообщает, что *сальтусами* называются большие участки земли в 800 югеров<sup>226</sup>. Возможно, что *сальтус* Теренции — Цицерона был приблизительно такого размера. Хотя юридически *сальтус* был государственной землей, и Теренция была обязана платить налог за пользование им, однако, она налога не платила, вероятно, рассматривая его как свою собственность<sup>227</sup>.

217 Cic. Ad Att. XII. 13.

218 Plut. Cic. 47. Корабли непосредственно причаливали к вилле Цицерона, см. Cic. Ad Att. XIII. 21. 3.

219 Cic. Ad Att. XIII. 12. 4.

220 Cic. Ad Att. XIII. 50. 2.

221 Cic. Ad Att. XV. 1a. 1. *Maneo igitur eo die in Sinuessano.*

222 Cic. Ad Att. XIV. 8. 1.

223 О синуэской усадьбе содержатся упоминания в письмах: Ad Att. XV. 1a. 1; Ad Att. XV. 2. 2; Ad Att. XVI. 10. 1–2; Ad Att. XVI. 13a. 1. См.: *Lichtenberger A. La fortune...*

224 Cic. Ad Att. II. 4. 5.

225 *Ibid.* Terentiae saltum perspeximus. Quid quaeris? Praetor quereum Dodonaeum nihil desideramus quo minus Epirum ipsam possidere videatur. Возможно, что этот участок был куплен Цицероном незадолго до этого письма на деньги, входящие в состав приданого Теренции и потому называется *saltus Terentiae*. Может быть, он входил в приданое в момент женитьбы Цицерона (правда, об этом ничего не говорит Плутарх. См.: Plut. Cic. 8). Тогда длительный срок (он женился в 80 г.) вплоть до 59 г., за который Цицерон не удосужился его посмотреть, говорит о том, что он придавал ему очень мало значения.

226 Varr. R.r. I. 10. 2.

227 Cic. Ad Att. II. 15. 4. «Terentia per grata est absiduitas tua et diligentia in controversia Mulviana. Neseit omnino te communem causam defendere eorum, qui agros publicos possideant. Sed, tamen tu aliquid publicanis pendis: haec etiam id recusat». Этот любопытный отрывок показывает, что к середине I в. до н. э. даже в Средней Италии имелись резервы *ager publicus*. Однако, хотя юридически эти земли принадлежали государству, фактически они рассматривались как частная собственность: владельцы отказывались платить налог.



В дальнейшей переписке нет больше сведений об этом салтыусе, и нам неизвестна его судьба. Следует, однако, предположить, что даже если он и оставался в составе имущества Цицерона, последний возвратил его Теренции после развода как часть приданого.

В сентябре 44 г. сын Цицерона в письме к секретарю и теще, а затем любимому вольноотпущеннику Тируну сообщает о совместной покупке имения<sup>228</sup>. Известно, какое хорошее отношение было у Цицерона к Тируну, которое последний заслужил продолжительной и усердной службой. Поэтому скорее всего можно считать, что в награду за усердие Цицерон-сын, с согласия отца, помог Тируну купить имение. Однако вряд ли следует думать, что оно входило в состав земельных владений Цицерона или играло какую-нибудь роль для его бюджета, хотя Цицерон-сын и называет это имение как купленное вместе (*communem*).

Кроме всех этих имений Цицерон имел намерение купить еще несколько, главным образом, в 40-х гг. Характерно, что ни разорительная гражданская война между Цезарем и Помпеем, ни долги, ни тяжелое материальное положение не смогли уничтожить горячего желания Цицерона увеличить свое земельное богатство. Так, в начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем, в марте 49 г. он просит Аттика купить для него ланувийское поместье Фамеи, стоившее 500 тыс. сест., хотя и считает: «все это уже кажется мне приговоренным к опустошению»<sup>229</sup> в связи с гражданской войной.

Через два года, в марте 47 г., из-за ухудшившегося положения своих дел и больших долгов, Цицерон был вынужден часть своих имений объявить к продаже, чтобы получить какие-то деньги. Однако и в это время он просит Аттика купить ему фрузинское имение, *fundus Frusinatus*<sup>230</sup>.

В июле 45 г. он запрашивает Аттика о том, можно ли приобрести какое-нибудь имение около Помпей или около Нолы<sup>231</sup>.

В июле того же года, может быть, одно из имений некоего Овии<sup>232</sup> было приобретено Цицероном, в результате чего возник долг Цицерона в 100 тыс. сест.<sup>233</sup> Это имение, можно предполагать, также вошло в состав его имущества, однако, никаких упоминаний о нем в дальнейших письмах не содержится.

Однако планам о покупке имений Фамеи, Фрузинского имения или поместья около Помпей или Нолы не суждено было осуществиться; вместо них за это время были приобретены другие: анагийское имение (46 г.), астуриское поместье (45 г.), путеоланское (45 г.) и синуэское поместье (44 г.).

Таким образом, к концу своей жизни Цицерон имел около полутора-двух десятков имений<sup>234</sup>, расположенных, главным образом, в Лациуме и Кампании, куплен-

228 Cic. Ad Fam. XVI. 21. 7. «Emissione te praedium... sciam communem nobis emptum esse istum fundum».

229 Cic. Ad Att. IX. 9. 4.

230 Cic. Ad Att. XI. 13. 4. «...defundo Frusinati redimento iam pridem intellexisti voluntatem meam, etsi tum meliore loco res erant nostrae neque tam mihi desperatum iri videbantur, tamen in eadem sum voluntate».

231 Cic. Ad Att. XIII. 8. «Aliqui des negotium, qui quaerat, Q. Staberil fundus num quis in Pompeiano Nolanove venalis sit».

232 Cic. Ad Att. XIII. 22. 4: «Attributos quod appelas, valde probe. Te de praedio Oviae exerceri moleste fero».

233 Cic. Ad Att. XII. 21. 4 — письмо написано в марте 45 г.

234 Цицерон владел несколькими имениями в Арпине (допустим тремя — Тускуланским, Форманским, Помпейским), несколькими (двумя) под Кумами, несколькими под Путеолами (допустим тре-

ных им или приобретенных каким-либо другим путем. Имея в начале своей карьеры скромное земельное состояние, он в конце своей жизни превратился в одного из крупнейших земельных собственников. У нас нет, к сожалению, цифр, определяющих величину каждого поместья и его ценность, благодаря которым можно было бы определить общую стоимость его земельных владений. Однако приблизительные размеры его земельного богатства можно представить, исходя из сенаторской оценки восстановительных работ тускуланской и формианской усадеб. Стоимость ремонта тускуланской усадьбы была определена в 500 тыс. сест., а формианской в 250 тыс. сест. Оценка была, по словам Цицерона, сильно занижена, притом настолько, что он не мог с помощью этих средств восстановить ее и объявил к продаже. Исходя из этих соображений, можно попытаться определить стоимость всей усадьбы, а не только ремонтных работ, цифрой, немногим превышающей миллион сестерций, а стоимость всего имения (не только усадьбы) цифрой в 1,2–1,5 млн. сест. Так как стоимость формийской усадьбы была в два раза меньше, то она достигала 600 тыс.—1 млн. сест. Судя по описаниям, путеоланские и куманское имения превышали стоимость тускуланской. Плутарх говорит, что стоимость имения Гая Мария около Бай, т.е. недалеко от поместий Цицерона, достигала 2,5 млн. ден. или 10 млн. сест.<sup>235</sup>, имения арпинское и помпейское как удаленные оценивались меньше и, может быть, равнялись стоимости формианского. Если все эти соображения хотя бы приблизительно верны, то общую стоимость всех земель Цицерона можно определить цифрой примерно 12–15–20 млн. сест.

Такое громадное земельное богатство, вероятно, рассматривалось как наиболее надежный способ помещения денег, как основа благосостояния и высокого социального положения. Однако, несмотря на самый живой интерес Цицерона к накоплению земельных владений в письмах Цицерона очень немного, почти ничего не сообщается о занятии Цицероном собственно хозяйством имений, повышении его доходности, их непосредственной эксплуатации. Среди огромного количества писем — сохранилось около 1000 писем — лишь в трех имеются сведения о занятии Цицерона хозяйством в имениях. В одном из них он с досадой говорит: «...мне следует поехать в Арпин; мне нужно привести в порядок те именища»<sup>236</sup>; в другом письме, написанном через пять дней после первого, он сообщает: «...следует постараться установить доходишки с имений»<sup>237</sup>. В обоих письмах поездка в Арпин рассматривается как экстраординарная и чрезвычайная. Вероятно, в связи с этими вынужденными поездками Цицерон жалуется Аттику: «Верь мне: мои владеньища доставляют мне больше неприятностей, чем удовольствия. Ведь я больше скорблю оттого, что мне некому их передать, нежели радуюсь, что у меня есть, чем пользоваться»<sup>238</sup>. Некоторые факты биографии Цицерона показывают, как мало имели значения для него доходы с земли, с его имений. В 58 г. после принятия закона Клодия, осуждавшего на изгнание магистрата, казнившего без суда римского гражданина, Цицерон покинул Италию. Его городские и деревенские постройки были

мя), Астурским, Анагийским, Синуэским, лесным участком, имением Овии, имениями Фуфидия и т.д. Masé-Dari (Т. М. Cicerone e le sue idee sociali ed economiche. Torino, 1901) говорит о 18 поместьях.

<sup>235</sup> Plut. Marius. 34.

<sup>236</sup> Cic. Ad Att. XIII. 9. 2. «Mihi Arpinum eundam est; nam et opus est constitui a nobis illa praediola».

<sup>237</sup> Cic. Ad Att. XIII. 11. «...sed fuit faciendum ut et constituerem mercedulas praediorum». Доходы с имений названы доходишками, вероятно, из-за своей незначительности.

<sup>238</sup> Cic. Ad Att. XIII. 23. 3.

разрушены<sup>239</sup>, имения конфискованы и объявлены к продаже с аукциона<sup>240</sup>. Вернувшись через 16 месяцев в Рим, он только четыре месяца спустя после возвращения получил некоторую компенсацию за свое имущество<sup>241</sup>. Столь длительное отсутствие владельца, особенно же огромные разрушения и конфискации должны были губительно сказаться на хозяйстве его имений: эксплуатация земли прекратилась, поля, виноградники были не обработаны, рабы разбежались или были проданы с аукциона<sup>242</sup>, виллы разрушены. Не только заботливый и внимательный хозяин, но даже самый беззаботный человек, если только доходы с земли имели для него какое-то важное значение, принялся бы по возвращении за быстрейшее восстановление хозяйства. Письма человека, занимающегося столь важным делом, должны были бы иметь сведения о деталях, мелочах хозяйства. Однако, кроме глухих сведений о восстановительных работах на виллах, ни одно письмо ничего не говорит о налаживании собственно хозяйства имения, о подборе рабского персонала, об обработке земли, вопросах хозяйства и посадки, т.е. тех вопросах, которые особенно должны быть близки хозяину, заинтересованному в интенсивной эксплуатации своих поместий.

Правда, в нескольких письмах Цицерона сообщается о восстановительных работах в формианской и тускуланской виллах<sup>243</sup>. Скорее всего, в связи с работами по восстановлению вилл Цицерон был вынужден заниматься и вопросами организации и налаживания хозяйства в имениях. Между прочим, большим контрастом к беглым сообщениям о восстановлении деревенских усадеб может послужить заботливое отношение к восстановлению его палатинского дома, о котором он пишет, как о деле, сильно волнующем и важном, почти в каждом письме к брату<sup>244</sup>, Аттику<sup>245</sup> и др.

Другой факт. В конце 51 г. Цицерон, получив в управление Киликию на 50 год, выехал из Рима и уже не возвращался туда до осени 47 г., так как после возвращения из Киликии и короткого пребывания в своих усадьбах в 49 г.<sup>246</sup> он присоединился к Помпею и выехал в Грецию. Таким образом, почти четыре года Цицерон не имел возможности посетить усадьбу и заняться личным ведением хозяйства. Хозяйство целиком было переложено на плечи рабов, что, по мнению агрономов того периода, было по меньшей мере невыгодно. Но даже если предположить, что управлением и контролем за имениями занимались оставшиеся в Риме Теренция и Аттик, заботившийся о делах Цицерона при его отъезде, то и в этом случае трудно понять, почему за столь долгий промежуток времени ни в одном письме не выражается никаких жалоб, распоряжений и соображений о хозяйстве в имениях, хотя в письмах этого времени имеется много

239 Cic. Pro domo sua. XX. 51; LVI. 143 и вся речь De haruspicum presensio; о сенатской оценке разрушений построек Цицерона см. Ad Att. IV. 3. 5; ср. то же письмо 2–4. Plut. Cic. 32–33, также App. B.C. II. 15–16.

240 Plut. Cic. 33.

241 Cic. Ad Att. IV. 2. 5. Цицерон говорит лишь о частичном восстановлении своего имущества; Аппиан (B.C. II. 16.) «дом и его виллы были восстановлены на государственный счет».

242 Cic. Ad Fam. XIV. 4. 4; Ad Fam. XIV. 1. 3.

243 О восстановлении тускуланской и формианской вилл упоминается в двух местах только: Cic. Ad Att. IV. 2. 7; Ad Q. fr. II. 4a. 1. Интересно отметить, что Цицерон, не желая восстанавливать тускуланскую виллу, которая требовала больших издержек, времени и внимания, объявил об ее продаже (Ad Att. IV. 2. 7), намереваясь купить другое имение (Ad Att. IX. 9. 4). Однако тускуланскую усадьбу никто не купил, и Цицерон вынужден был восстановить ее сам.

244 Cic. Ad Q. fr. II. 4. 2; Ad Q. fr. II. 5. 3. 2; Ad Q. fr. III. 3. 1.

245 Cic. Ad Att. IV. 2. 5; Ad Att. IV. 7. 3; Ad Att. IV. 5. 2; Ad Att. IV. 18. 2.

246 Цицерон пробыл в усадьбах и в Риме с декабря 50 г. до января 48 г. Cic. Ad Att. VII. 4; Ad Att. XI. 1.

указаний о долгах и различных расплатах иногда довольно мелких<sup>247</sup>. Это молчание тем более странно, из-за того, что Цицерон весьма ревниво вел свои имущественные дела и заботился о своих доходах. Скорее всего, это объясняется тем, что эта часть его имущества как источник дохода не играла большой роли в его бюджете. Кроме изложенных умозаключений и аргументации *ex silentio*, которая в данном случае является весьма основательной, одно из писем к Аттику, написанное в марте 49 г., прямо говорит о том, как мало Цицерон уделял внимания доходности имения при его покупке: «Что касается ланувийской усадьбы, то как только я услышал, что Фамаев умер, я тотчас же пожелал, чтобы кто-либо из моих, если только государство будет существовать, купил ее. Однако, о тебе, который наиболее всего мой, я не подумал; ведь я знал, что ты склонен спрашивать «в который по счету год» и «сколько в земле» и видел твою опись не только в Риме, но и на Мелосе»<sup>248</sup>. Цицерон не хотел поручить своему другу и до некоторой степени агенту покупку имения из-за того, что тот стал бы отговаривать его от этого, ссылаясь на малую доходность и т.д.

Определив величину земельных владений Цицерона и места их расположения, можно сделать некоторые более общие выводы. Цицерон проявлял самый непосредственный интерес к накоплению своих земельных владений, и ни опустошения гражданской войны, ни тяжелое материальное положение, в котором он иногда оказывался, не смогли ослабить страстного желания выбиться в ряды крупных землевладельцев. Данное стремление Цицерона к накоплению и росту земельного богатства, несомненно, было свойственно всей римской знати, являясь проявлением давней тенденции к увеличению земельной собственности и созданию крупных состояний.

С другой стороны, этот интерес был выражением индивидуальных особенностей личности Цицерона, человека, попавшего благодаря своим заслугам, в ряды римской знати, но не получившего по наследству от отца солидного земельного состояния.

Имения Цицерона лежали, главным образом, в Лациуме и Кампании, т.е. в областях Средней Италии, однако, несмотря на компактное расположение, они в хозяйственном отношении были мало связаны друг с другом; даже имения, лежащие в окрестностях одного города, например Арпина, представляли из себя не одно большое владение, латифундию или громадное единое хозяйство, а самостоятельные имения, не смежные друг с другом, с особыми типами хозяйства, независимые друг от друга. Земельное богатство Цицерона складывалось не из одной или двух огромных латифундий, а из большого числа имений среднего и мелкого размеров<sup>249</sup>. Среди этих имений можно видеть: имения пригородные (тускуланское, может быть, анагийское), имения приморские (куманское, путеоланское), имения отдаленные (арпинские, помпейское), имение, расположенное на дороге в Рим и недалеко от него (формианское) и др.

Однако, несмотря на создание громадного земельного состояния, Цицерон чрезвычайно мало уделял внимания непосредственно эксплуатации своих имений, очевидно, рассматривая доходы с земли, с имений не как главные для своего бюджета, считая свои поместья наиболее надежным способом помещения денег и высокого социального положения.

<sup>247</sup> Cic. Ad Att. X. 5. 3; Ad Att. X. 11. 2; Ad Att. XI. 11. 2. 2; Ad Att. XI. 15. 2.

<sup>248</sup> Cic. Ad Att.

<sup>249</sup> Дробность земельных владений Цицерона была не случайным явлением, свойственным одному Цицерону, она отражала особенности крупного землевладения конца Республики вообще. См.: Кузицин В. И. О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики // ВДИ. 1957. № 1.

## Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э.\*

Почти во всех сочинениях, касающихся экономической или аграрной истории Рима, вопрос о латифундиях и их хозяйстве так или иначе затрагивался; с этой точки зрения он является одним из наиболее известных в науке. Тем не менее, вопрос о латифундиях не принадлежит к числу исследованных до конца и имеет стороны, мало затронутые исследованием. В сущности говоря, в литературе отсутствует даже единое общепринятое определение самого понятия латифундии.

Среди специалистов существуют самые разнообразные точки зрения по этому вопросу. Так, Г. Сальвиоли выдвинул определение латифундии как противопоставление *heredium*, понимая под понятием *latifundium* участок земли, превышавший потребности одной семьи, или такой участок, который римская семья не могла обработать своими силами. Таким образом, во времена Катона поместье в 200 югеров было латифундией, в конце Республики — в 1000 юг., а в эпоху Колумеллы латифундией составлял еще больший участок<sup>250</sup>. Искусственность определения латифундии Сальвиоли очевидна. Непонятно, почему так росли непосредственные потребности римской семьи — в эпоху Катона они удовлетворялись доходом от 200 юг., в эпоху Варрона — от 1000 юг., а в эпоху Колумеллы еще больше; почему одна римская семья могла обработать во времена Катона лишь 200 юг., а в эпоху Варрона уже 1000 юг.

Другая точка зрения представлена А. Шультеном. Понятие латифундии, по его мнению, сложилось не сразу. Латифундия первоначально обозначала крупный единый участок оккупированной земли, иначе говоря, огромное поместье, но затем это обозначение было забыто<sup>251</sup>. Единый крупный участок был разделен на несколько отдельных имений *fundi*, совокупность которых стала составлять латифундию, так что владельцем латифундии считался в начале Империи тот, кто имел по одному поместью в 10 городах Италии<sup>252</sup>. Но в последующую эпоху процесс складывания участков воедино привел к созданию огромного замкнутого поместья, так сказать, замкнутой латифундии вроде африканских сальтусов<sup>253</sup>.

Иное, опять-таки не единое определение латифундии, дается М. И. Ростовцевым. По его мнению, латифундия может быть двух типов. Так, в Кампании латифундия представляет не что иное, как совокупность *fundi* и *villae*, обособленных небольших поместий, производивших вино или масло<sup>254</sup>. В других местах, в южной Италии, Этрурии, Сардинии, Африке, латифундии — это огромные поместья с огромным количеством рабов, многочисленным инвентарем и обширной виллой<sup>255</sup>. Однако чаще Ростовцев говорит о латифундиях как об огромных поместьях<sup>256</sup>.

К. Бюхер считает латифундией крупное рабовладельческое хозяйство с огромным числом рабов, разделенных на отряды и отделы, смотря по их занятиям, во главе

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1958. № 4. С. 15–29.

<sup>250</sup> Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Харьков, 1923. С. 47.

<sup>251</sup> Schulten A. Die römischen Grundherrschaften. Weimar, 1896. S. 19.

<sup>252</sup> Ibid. S. 14.

<sup>253</sup> Ibid. S. 14–18.

<sup>254</sup> Rostovtzev M. The social and economic History of Roman Empire. Oxford, 1927. P. 63. С другой стороны, М. Ростовцев полагает, что раскопанные в окрестностях Помпей и Стабий *villa rusticae* не относятся к латифундии.

<sup>255</sup> Там же.

<sup>256</sup> Там же. С. 61.

с особыми надсмотрщиками — начальниками под общим управлением вилика, живущих в казарме на вилле и выходивших на работу в военном порядке<sup>257</sup>. Так же представляет себе латифундию и Петрушевский<sup>258</sup>. Для И. М. Гревса латифундия — это «недвижимое состояние положительно огромных размеров»<sup>259</sup>, это крупное единое хозяйство как результат слияния отдельных *fundi* в одно большое хозяйство, с новой, латифундиальной организацией хозяйства<sup>260</sup>.

В советской историографии также имеются некоторые неясности в определении понятия латифундии. В. С. Сергеев считает латифундией крупное поместье, охватывающее целые равнины<sup>261</sup>, крупную посессию, крупное владение, противопоставляя их поместьям катоновского типа<sup>262</sup>.

С. И. Ковалев понимает под латифундией крупное имение, насчитывающее сотни и тысячи гектаров, причем в южной Италии это были скотоводческие латифундии, а в Сицилии и Африке — крупные зерновые хозяйства<sup>263</sup>. В. Н. Дьяков считает латифундией обширное поместье с виллой в центре<sup>264</sup>, С. Л. Утченко — поместье в несколько тысяч югеров, где часть земли обрабатывалась рабами, а часть использовалась под огромные пастбища для скота<sup>265</sup>. Некоторые неясности в определении понятия латифундии содержатся у Н. А. Машкина. С одной стороны, он понимает под латифундией огромное имение с особым типом хозяйства, отличающееся от поместья среднего размера<sup>266</sup>. В другом месте он пишет: «...крупные имения не все были сосредоточены в одном месте. Нередко они состояли из поместий, находившихся в различных частях Италии»<sup>267</sup>. М. Е. Сергеенко считает латифундией огромное имение<sup>268</sup>, но в другом месте определяет хозяйство в 100–240 юг. как крупное хозяйство для Италии<sup>269</sup>.

Решающее значение для определения понятия латифундия имеют высказывания Ф. Энгельса. «В Италии громадные комплексы имений (латифундий) с конца республики, охватывавшие почти всю территорию, использовались двойным образом: или для пастбищ, где население было заменено овцами и быками, надзор за которыми требовал лишь небольшого числа рабов, или в качестве вилл, где при помощи массы рабов велось садоводство в больших размерах — отчасти для производства предметов роскоши владельцам их, отчасти для сбыта на городских рынках». Далее Ф. Энгельс определяет хозяйство латифундии как основанное на рабском труде<sup>270</sup>. Латифундия, по мнению Энгельса, это или огромное пастбище или обширное имение с интенсивным хозяйством.

257 *Бюхер К.* Возникновение народного хозяйства. Пг., 1922. С. 166.

258 *Петрушевский Д. М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М., 1928. С. 112.

259 *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1899. С. 155.

260 Там же. С. 341–342.

261 *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Т. I. С. 152.

262 Там же. С. 167.

263 *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948. С. 328.

264 История древнего мира. Изд. 2-е. М., 1957. С. 513–516.

265 Всемирная история. М., 1956. Т. II. С. 346.

266 *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1957. С. 190.

267 Там же. С. 258.

268 *Сергеенко М. Е.* Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э. // Известия АН СССР. 1935. VII серия.

269 *Сергеенко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949. С. 300; Ср.: *Сальвиоли Г.* Указ. соч. С. 47.

270 *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951. С. 154.

Некоторая неясность в определении латифундии в литературе, очевидно, объясняется тем, что в источниках нет такого четкого определения латифундии, как, скажем, определения *fundus* (Dig. L. 16. 115). Следует к тому же учесть довольно позднее появление самого термина *latifundium*<sup>271</sup>. Однако в нашем распоряжении есть некоторые данные, позволяющие определить понятие *latifundium*. Эти данные содержатся у Варрона, впервые введшего в употребление этот позднее столь распространенный термин. Для Варрона хозяйство *fundus* и хозяйство *latifundium* — понятия совершенно различные, которые противопоставляются друг другу<sup>272</sup>. В другом месте Варрон называет латифундию как *magnus fundus*<sup>273</sup>, иначе говоря, латифундия — это не комплекс *fundi*, а огромное поместье. Лучше всего Варрон определяет содержание латифундии в I. 22. 3, где он характеризует ее как поместье с широко раздвинутыми границами<sup>274</sup> — определение, прекрасно совпадающее с этимологией самого слова *latus fundus*. Итак, латифундия, по Варрону, — это огромное имение, поместье с широко раздвинутыми границами, с особым типом хозяйства, отличным от хозяйства имения средних размеров и обозначаемым терминами *fundus*, *praedium*.

Еще большие разногласия существуют в литературе относительно определения характера хозяйства в латифундиях. Еще Родбертус определил хозяйство латифундии как громадный, самодовлеющий, изолированный ойкиос — определение, развитое в дальнейшем К. Бюхером<sup>275</sup>. И. М. Гревс принимает в основных чертах данное определение, подчеркивающее специфические натуральные основы хозяйства латифундии<sup>276</sup>.

В буржуазной науке широко распространено и другое определение, согласно которому латифундия — это крупное сельскохозяйственное предприятие капиталистического типа, ведущее плантационное хозяйство, специализирующееся на производстве какого-нибудь продукта, монокультуры, производимой на продажу. Подобное понимание подразумевает интенсивное хозяйство, солидные вложения в обработку земли, тесные связи с рынком. Изложенное определение сущности латифундиального крупного хозяйства разделяют Эд. Мейер<sup>277</sup>, М. Вебер<sup>278</sup>, М. И. Ростовцев<sup>279</sup>. Научная несостоятельность обеих точек зрения несомненна и очевидна.

В советской литературе на основе марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях разработано новое, принципиально отличное от точек зрения буржуазных ученых, определение латифундиального хозяйства. Латифундиальное хозяйство — это крупное хозяйство в несколько тысяч югеров, основанное на рабском труде<sup>280</sup>, как правило, слабо связанное с рынком,

271 Термин *latifundium* впервые ввел в оборот Варрон. Varr. R.r. I. 16. 4. Цицерон, хороший знаток специальной терминологии, еще не употребляет его.

272 Varr. R.r. I. 16. 4. Латифундия резко отличается от среднего поместья прежде всего тем, что на ее вилле имеются разнообразные ремесленники и многочисленные ремесленные помещения.

273 Varr. R.r. I. 13. 3.

274 Varr. R.r. I. 22. 2: *Cuius instrumentivaria discrimina ac multitudo agri magnitudine finitur, quod plura opus sunt, si fines distant late* (курсив мой — В. К.).

275 Бюхер К. Указ. соч. С. 158.

276 Гревс И. М. Указ. соч. С. 155 и специальное исследование «Очерки из истории римского землевладения (Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического расцвета римского мира). Данные Петрония по аграрной истории I века Империи». М., 1905.

277 Мейер Эд. Экономическое развитие древнего мира. М., 1910.

278 Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 342–346.

279 Ростовцев М. Указ. соч. С. 61–63.

280 Всемирная история... Т. II. С. 346. Автор главы считает, что часть земли в латифундии обрабатывалась руками зависимых должников и клиентов.

с небольшой степенью товарности, экстенсивным методом ведения хозяйства, противопоставленное интенсивному товарному хозяйству поместий среднего размера катоновского типа<sup>281</sup>.

Однако, несмотря на то, что общее определение хозяйства латифундии в советской историографии признается большинством исследователей, существуют большие неясности и разногласия в характеристике частных моментов хозяйства латифундии, проблемы снабжения рабочей силой, в определении соотношения культур в рамках латифундии, степени товарности ее продукции и т.д. К тому же хозяйство латифундий еще не было предметом специального рассмотрения в советской науке. Задачей нашей статьи не является обработка всех дошедших до нас известий о хозяйстве римских латифундий или хотя бы их сбор. Задача ее гораздо скромнее — попытаться сопоставить сведения о латифундиях, сообщаемые Варроном в трактате «О сельском хозяйстве», с некоторыми данными, извлеченными из анализа соответствующих *villae rusticae*, раскопанных в Кампании, попытаться наметить некоторые принципы хозяйства латифундии, отличие их от хозяйства среднего размера, наконец, представить несколько конкретнее хозяйственный центр латифундии — ее виллу.

Автор статьи обращает особое внимание на остатки кампанских *villae rusticae*, один из важнейших источников по аграрной истории Италии I в. до н. э. — I в. н. э. К настоящему времени известны остатки 39 вилл<sup>282</sup>. Несмотря на то, что большая часть их не раскопана до конца (несовершенство методов раскопок, погоня за богатыми находками приводила к тому, что, открыв одну часть виллы и не обнаружив в помещениях богатых находок, раскопки прекращали<sup>283</sup>; иногда раскопки прекращались из-за неблагоприятных природных условий<sup>284</sup>), несмотря на неполноту отчетов о раскопках<sup>285</sup> и т.д., то немногое, что можно, использовать, дает в руки специалиста массу нового материала. Т. Франк<sup>286</sup>, М. Ростовцев<sup>287</sup>, Р. Каррингтон<sup>288</sup>, занимавшиеся изучением этих вилл, показали, на какие существенные выводы наталкивают данные этих раскопок. В советской литературе лишь в работе М. Е. Сергеевко «Помпеи» дано описание трех вилл с хозяйственной точки зрения. Остатки кампанских вилл, однако, еще далеко не изучены, и до сих пор сохраняет силу высказывание М. Ростовцева о том, что должное внимание к этим виллам принесет исследователю обильные плоды<sup>289</sup>.

Большинство раскопанных вилл принадлежит к виллам, площадь которых лишь в редких случаях превышает площадь в 1000 кв. м, и относится к имениям среднего размера. Прекрасным образцом такой виллы поместья среднего размера является знаменитая вилла Боскореале (№ 13 по классификации кампанских вилл, предло-

281 Там же. С. 347.

282 М. Ростовцев (Указ. соч. С. 496–497) дает список 36 вилл. R. C. Carrington (Studies in the Campanian villae rusticae // Journal of Roman Studies — в дальнейшем JRS — Vol. 21. 1931. P. 110) добавляет еще три виллы.

283 Например, Notizie degli Scavi di Antichita (в дальнейшем NSA). 1923. P. 284–287.

284 Вилла Агриппы Постума была не раскопана до конца из-за неожиданного извержения Везувия в 1906 г. (NSA. 1922. P. 459).

285 За редкими исключениями краткие отчеты о раскопках вилл публиковались в NSA.

286 Franc T. An Economic History of Rome. 1927. P. 209.

287 Ростовцев М. Указ. соч. С. 503–504.

288 Carrington R. C. Op. cit. и статья Some Ancient Italian Country Houses // Antiquity. 1934. No. 3. В последней статье Каррингтон считает, что из всех раскопанных вилл целям научного изучения вполне удовлетворяют лишь 14 вилл.

289 Ростовцев М. Указ. соч. С. 497.



женной М. Ростовцевым), раскопанная и 1893–1895 гг., лежащая недалеко от Помпей на склонах Везувия, в 25 минутах ходьбы от улицы Морил. Прекрасная сохранность, подробное описание виллы позволяют хорошо воссоздать хозяйство имения среднего размера. Хотя двор виллы датируется II в. н. э., так как колонны и пилястры его сложены из кирпича, особым образом облицованного, обычно применявшегося в I в. н. э., однако вилла как таковая построена в самом начале I в. до н. э.<sup>290</sup> В нашу задачу не входит подробное описание этой виллы<sup>291</sup>, отметим лишь наиболее важные хозяйственные помещения. Размеры виллы —  $40 \times 25$  м, т.е. 1000 кв. м. Центром виллы был двор А, направо от которого находилась громадная кладовая для вина *cella vinaria* размером  $15 \times 13$  м = 195 кв. м, т.е. она занимала 1/5 площади виллы. Значительную площадь —  $16 \times 7$  м = 112 кв. м с двумя давяльными площадками занимала винодавильня. Таким образом, *cella vinaria* и *torcular* занимали почти 1/3 всей площади виллы, резко выделяясь по размерам из других помещений виллы. В восточном углу виллы находилась оливкодавильня площадью  $4 \times 12$  м = 48 кв. м, значительно меньшая, чем винодавильня. В южном углу виллы, примыкая к *cella vinaria* и оливкодавильне, находился сарай площадью в 50 кв. м с остатками разобранных телег, дверных косяков и железных орудий. К сараю примыкал обширный, хорошо вымощенный ток площадью  $11 \times 13,5$  м = около 150 кв. м. Близ покоев хозяйна помещалась пекарня (16 кв. м) с печью и мельницей, а также кладовая для железного инструмента. Рядом с кухней помещался хлев площадью в 27 кв. м, вытянутый в длину и предназначенный для овец, хотя в хлеву найдены скелеты лошадей, свиней и кур<sup>292</sup>. Между винодавильней и оливкодавильней находились несколько (до 5) маленьких каморок (несколько больше 8 кв. м каждая) для рабов, составлявших, очевидно, постоянный штат данного поместья. Здесь же находилась ручная мельница. Наличие отдельных хозяйственных помещений и их размеры лучше всего говорят об основах хозяйства поместья, его товарности, об удельном весе отдельных культур и т.д. Наличие *cella vinaria*, винодавильни, оливкодавильни, стойл для скота, тока, хлебного амбара (над сараем), пекарни, мельницы говорит о том, что здесь велось комбинированное многоотраслевое хозяйство<sup>293</sup>. Имение было обеспечено своей сельскохозяйственной продукцией и в этом отношении было независимым от соседней округи. Иначе говоря, здесь не было монокультуры<sup>294</sup>, основы хозяйства были натуральными. Вместе с тем наличие громадной *cella vinaria* и обширной винодавильни, составляющих имеее 1/3 площади виллы, не оставляет никакого сомнения в том, что в этом хозяйстве была одна культура — виноград, — резко выделяющаяся по своему удельному весу из остальных, главная культура имения, которая опреде-

<sup>290</sup> Carrington R. C. Some Ancient Italian Country Houses // *Antiquity*. 1934. No. 3. Более подробно вопрос о датировке этой виллы разбирается Каррингтоном во второй статье *JRS*. 1931. Vol. 21. 1931. P. 128. На раннее возникновение виллы указывают: живопись во II помпейском стиле господских покоев, *lagarium* близ печи весьма древней конструкции; особое вместилище на кухне из больших туфовых блоков, относящихся к так называемому туфовому периоду, предшествующему основанию в Помпеях сулланских колоний; вдоль стены, отделяющей двор от *cella vinaria*, найдено несколько черепиц с осскими надписями. Таким образом, вилла построена, по меньшей мере, в начале I в. до н. э.

<sup>291</sup> Подробное описание виллы Боскорале дала М. Е. Сергеенко в указанной выше работе «Помпеи». С. 282–303.

<sup>292</sup> М. Е. Сергеенко (Помпеи. С. 299) объясняет отсутствие скелетов овец тем, что в момент катастрофы они паслись, а не находились в хлеву. По мнению Сергеенко, в усадьбе было 40 овец.

<sup>293</sup> Сергеенко М. Е. Помпеи... С. 293–297.

<sup>294</sup> Луццатто Д. Экономическая история Италии. М., 1954. С. 74.

ляла специализацию имения как виноградарского и винодельческого, ориентированного на рынок. Таким образом, особенность древней специализации имений заключалась в том, что она не противоречила, не противостояла натуральному хозяйству, а вырастала на его основе, являлась его дополнением и развитием, в то время как современная капиталистическая специализация отрицает натуральные основы.

В качестве других примеров специализированных виноградарских поместий можно привести *villa rustica* № 7 (список М. Делла Корте), лежащую в 2 км к югу от Помпей, в самой середине долины Сарно. Эта вилла, к сожалению, не раскопанная до конца, имела обширную *cella vinaria*, большую винодавильню с тремя отделами. Обнаружено также огромное количество деревянных кольев — подпорок для винограда<sup>295</sup>. К виноградарскому хозяйству относится также вилла IX (списка М. Делла Корте), лежащая в 1,5 км к востоку от Помпей, также не раскопанная до конца, *cella vinaria* которой (только раскопанная часть) достигает 77 кв. м<sup>296</sup>.

Данные раскопок, в частности анализ хозяйства виллы Боскореале, совпадают с описаниями вилл, оставленных Катонем, Варроном, Витрувием<sup>297</sup>. Многолетнее изучение хозяйства Катона М. Е. Сергеевко весьма убедительно показало, что катоновское хозяйство — это хозяйство многоотраслевое, комбинирующее самые различные культуры в пределах одного имения<sup>298</sup>. Данные Варрона относительно хозяйства *fundus* поместья среднего размера как нельзя больше соответствуют выводам, полученным от изучения остатков *villa rustica*. Приводить их — значит повторяться<sup>299</sup>.

Окрестности Помпей — область, весьма удобная для разведения винограда. Поэтому вполне понятно, что в большинстве раскопанных вилл, *cella vinaria* по своим размерам превосходит другие помещения, что указывает на виноградарское направление хозяйства. К сожалению, таких остатков *villa rustica* в других областях Италии нет, но данные других источников, в частности Варрона, с несомненностью показывают, что имения, специализирующиеся на других продуктах, были распространены в других областях. Несомненно, что «оливковые» поместья, вроде описанного Катонем, преобладали в районе Венафра, славившегося своим оливковым маслом<sup>300</sup>. В Этрурии, возможно, большое место в хозяйстве поместий занимали зерновые культуры<sup>301</sup>.

Одним из ярких проявлений роста специализации поместий и товарности их продукции является выделение ремесла из хозяйства имения, выделение ремесленников из состава рабской фамилии поместья. Отделение это наметилось еще при Катоне. Несмотря на пунктуальность при перечислении инвентаря и рабочей силы имения, Катон хранил упорное молчание относительно ремесленников и ремесленных работ на вилле<sup>302</sup>. Варрон уже совершенно определенно заявляет, что в поместьях среднего размера со специализированным интенсивным хозяйством, самым доходным, с его

<sup>295</sup> NSA. 1923. P. 271–274. По классификации М. Ростовцева № 33.

<sup>296</sup> Там же. С. 280–284. У М. Ростовцева — № 35.

<sup>297</sup> Varr. R. I. 11–12, особенно гл. 13; Vitr. VI. 2.

<sup>298</sup> М. П. Катон. Земледелие. М.—Л., 1950. С. 126–127.

<sup>299</sup> Кроме гл. 13 книги I, подразумевающей комбинацию культур, аналогичной на вилле Боскореале, можно указать на главы XV, XXII, XXIII и т.д.

<sup>300</sup> Varr. R. I. 2. 6, а также Strab. V. 3. 10; V. 4. 3.

<sup>301</sup> Этрурия славилась плодородием своих хлебных полей — Varr. R. I. 44. 2, а также I. 9. 6.

<sup>302</sup> Луццатто Д. Указ. соч. С. 74–75; М. Е. Сергеевко (Катон. С. 150) указывает на наличие ткацкого станка в описи инвентаря масличного сада и высказывает предположение, что в таких хозяйствах и ткали и пряли.

точки зрения, ремесленников нет<sup>303</sup>. Нет следов каких-либо ремесленных помещений и на вилле Боскореале и на двух других упомянутых виллах. Хозяин подобного имения покупал орудия труда и другие ремесленные изделия в городе, что не могло не способствовать специализации поместья, усилению и упрочению связей с соседней округой. Специализированному интенсивному хозяйству средних размеров, работающему на рынок, при небольших ремесленных работах на вилле, держать дорогостоящих ремесленников было не только экономически нецелесообразно, а иногда и разорительно<sup>304</sup>. Рабская фамилия была строго ограничена определенным количеством единиц, при которых хозяйство могло дать наивысший доход; увеличение рабской фамилии не только резко уменьшало доходность имения, но и в корне подрывало его товарные основы, сводя на нет столь рискованную в условиях рабского труда интенсификацию хозяйства. Вот почему вопрос о снабжении имения определенным числом рабских единиц — центральный вопрос в трактатах Катона, Сазерны, Варрона, Колумеллы<sup>305</sup>. На вилле Боскореале постоянно было 13–15 рабов, что хорошо согласуется с данными Катона<sup>306</sup>.

Таким образом, особенностями передового хозяйства среднего размера в конце Республики были: сохранение натуральных основ хозяйства; комбинация различных отраслей в рамках одного имения; наличие ведущей культуры, продукт которой шел на рынок, придавая всему хозяйству «виноградарский», «оливковый», «зерновой» и другой профиль; интенсификация хозяйства, ведение его на основе передовой агрономической литературы того времени<sup>307</sup>, строгое ограничение количества рабов рассчитанным минимумом; выделение всех ремесленных работ и ремесленников с виллы как наиболее яркий показатель специализации, интенсификации и наивысшей в условиях рабовладельческого труда доходности данного типа хозяйства.

Каким же было хозяйство латифундий, крупных имений, поместий с широко раздвинутыми границами? Воспроизводили ли они описанный выше тип небольших имений или представляли особый тип хозяйства. Какое соотношение культур, какая товарность характерны для них?

Воссоздать хозяйство латифундии труднее, чем хозяйство имений небольших, ибо Катон говорит лишь о последних, книги Сазерны не сохранились, в Варрон говорит о хозяйстве латифундий мимоходом, сосредоточившись на описании хозяйства среднего размера. Тем большее значение имеют остатки кампанских вилл, среди которых одна (№ 34 — у Ростовцева) является, скорее всего, виллой латифундии<sup>308</sup>.

<sup>303</sup> Varr. R.r. I. 16. 4. Удаление ремесленников из имения повышает доход имения. В другом месте Варрон, полемизируя с Сазерной, теоретически обосновывает отделение ремесла от сельского хозяйства (Varr. R.r. I. 2. 22–23).

<sup>304</sup> Varr. R.r. I. 16. 4: «...non numquam unius artificis mors tollit fundi fructum».

<sup>305</sup> Катон со свойственной ему категоричностью, основанной на опыте, дал расчет рабов для виноградника в 100 юг. — 15 единиц и для оливкового сада в 240 юг. — 13 единиц (см. Cat. 10–11). Варрон (I. 18) подробно анализирует цифры Катона и Сазерны (см. Col. R.r. I. 7–9).

<sup>306</sup> М. Е. Сергеевко (Указ. соч. С. 301–303) насчитывает в Боскореале 13 рабов: виллик, ключница, ostiarius, 10 работников, из них две женщины; предполагая общие размеры имения в 100 юг., Катон (11) говорит о 15 рабах.

<sup>307</sup> М. Ростовцев (Указ. соч. С. 63) говорит о раскопках в Кампании villa rustica: планировка, составленная по раскопкам, совпадает с описаниями Варрона и Колумеллы, что наталкивает на мысль, что это хозяйство велось на основе агрономических знаний того времени.

<sup>308</sup> Описание виллы № 34 (VIII по списку М. Della Corte) см. в Notizie degli Scavi di Antichita. M., 1923. P. 275–280. Делла Корте называет это хозяйство громадной факторией (grande fattoria). М. Ростовцев (Указ. соч. С. 504) — сельскохозяйственной фабрикой, Р. Каррингтон (JRS. 1931. P. 115–123) также определяет виллу как обширную фабрику.

Эта вилла раскопана в самом начале XX в. Карло-Росси-Филанджери и описана Маттео Делла Корте. Вилла расположена в 2 км от Помпей, в самой низине долины Сарно, восточнее современной дороги Скафати — Гранано в местечке Карита, в Comune di Gragnano. Вилла относится Каррингтоном к типу villas с перистилем (так называемый II тип), возникшим в начале I в. до н. э.<sup>309</sup>, хотя сама вилла датируется I в. н. э. Из раскопанных в Кампании эта вилла одна из самых больших, если не наибольшая. Ее площадь почти достигает размеров югера —  $54 \times 45 \text{ м} = 2430 \text{ кв. м}$ . Вилла была в некоторых частях двухэтажная, о чем говорят наличие двух лестниц — Г и Д, т.е. общая площадь villas еще более увеличивается. Особенностью villas было то, что господских помещений (villa urbana) не обнаружено, весь первый и, вероятно, второй этажи<sup>310</sup> были заняты хозяйственными помещениями.

Центром villas был огромный двор — около 300 кв. м, окруженный перистилем. Вдоль восточной части villas — вилла ориентирована почти правильно — справа от входа тянутся два помещения: № 1 — 30 кв. м и № 2 — 78 кв. м, с отдельными входами, но сообщающиеся друг с другом. Помещение № 2 — стойло, ибо здесь обнаружены скелеты лошадей и волов. Весьма вероятно предположение М. Е. Сергеевко, что и помещение № 1 использовалось под стойло<sup>311</sup>. Таким образом, стойла занимали площадь около 110 кв. м; судя по их размерам, в хозяйстве было значительное количество скота: лошадей, волов, и главным образом овец<sup>312</sup>. Юго-восточную часть villas занимало громадное помещение около 350 кв. м, разделенное на 11 комнат. Здесь найден громадный бронзовый котел диаметром 106 см и высотой 32 см на специальной подставке. Вероятно, котел предназначался для сбивания большого количества молока, на основе чего выдвинуто предположение, что все помещение В было сыроварней<sup>313</sup>.

К сыроварне примыкала обширная пекарня *pistrinum* (около 60 кв. м), состоящая из небольшой ручной мельницы высотой 52 см, громадной мельницы высотой 1,85 м и большой печи диаметром 2,5 м (одна из наиболее крупных печей, найденных в Помпеях<sup>314</sup>) и своеобразного аппарата для толчения и очистки зерна. Обширные размеры пекарни, громоздкая печь, внушительная мельница свидетельствуют о том, что в имении перерабатывались значительные количества зерна. Весьма вероятно предположение М. Е. Сергеевко, что зернохранилище помещалось, как обычно на италийских villas (например, на вилле Боскореале), на втором этаже, куда вела лестница Д, в непосредственной близости от пекарни<sup>315</sup>.

Юго-западную часть villas занимало обширное помещение Д — около 180 кв. м, разделенное на несколько небольших камер. Это помещение имело два

<sup>309</sup> Классификация кампанских villas как архитектурных типов и их хронология составили предмет специального исследования. См.: *Carrington R. C. Some Ancient Italian Country Houses // Antiquity. 1934. No. 3.*

<sup>310</sup> Господским этажом в римских домах всегда был первый этаж, так что, если нет господских помещений на 1-м этаже, трудно допустить, что они находились на 2-м. К тому же помещение на 2-м этаже, куда вела лестница Д, скорее всего, было зернохранилищем (*Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 304*), а помещение, куда вела лестница Г, расположенное над *cella vinaria*, было построено позднее (Там же. С. 307).

<sup>311</sup> *Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 304–305.* Делла Корте, так же как М. Ростовцев и Р. Каррингтон, считают помещение № 1 *cella ostiaria*.

<sup>312</sup> Там же. С. 305–306.

<sup>313</sup> Эта гипотеза разделяется всеми специалистами, изучающими виллу Гранано.

<sup>314</sup> Самая большая печь в Помпеях (городе) имела 3 м в диаметре. См.: *Carrington R. C. JRS. P. 126.*

<sup>315</sup> *Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 304.*

выхода во двор и один выход в пекарню. Отсюда проходила лестница, ведущая в зернохранилище, т.е. оно непосредственно соприкасалось с наиболее важными хозяйственными помещениями виллы. Здесь же найдены кандалы на 14 человек, прикрепленные к врытому столбу. Наличие кандалов, прикрепленных к столбу, натолкнуло исследователей на мысль, весьма вероятную<sup>316</sup>, что это помещение было рабской тюрьмой *ergastulum*, которая была одним из наиболее необходимых помещений на вилле латифундии<sup>317</sup>.

Семь небольших каморок (4, 6–7 кв. м), тянувшихся вдоль западной стены, распределяются как рабские каморки, расположение и площадь которых аналогичны расположению рабских каморок на вилле Агриппы Постума<sup>318</sup>. Наличие эргастула и нескольких рабских каморок вдоль западной стены говорит о том, что на вилле постоянно было значительное число рабов. На большое число рабов на вилле указывает громадная пекарня, обслуживающая, очевидно, внутренние потребности имения<sup>319</sup>.

Одной из особенностей планировки виллы является вынос за пределы двора *cella vinaria* винодавильни и сарая с железными инструментами, деревянными брусками и т.д., которые образовывали как бы особый комплекс, мало связанный с хозяйственными помещениями двора. *Cella vinaria* занимала довольно обширную площадь — около 200 кв. м, причем она использовалась как хранилище не только для вина, но и для масла<sup>320</sup>. Но относительно *cella vinaria* занимала небольшую площадь — 1/12 всей площади виллы, в то время как в Боскореале она занимала 1/5 всей площади. Винодавильня занимала около 60 кв. м, т.е. 1/40 всей площади, в то время как в Боскореале — 112 кв. м — 1/9 всей площади. Таким образом, площадь *cella vinaria* и винодавильни вместе составляла около 1/10 всей площади виллы (в Боскореале около 1/3), хотя в абсолютных цифрах эти площади расходятся не особенно сильно (в Гранано 195 + 63 = около 260 кв. м, в Боскореале 195 + 112 = около 310 кв. м). Относительно небольшие размеры указанных площадей, выделение их в отдельный хозяйственный комплекс, мало связанный с прочими хозяйственными постройками, говорят о том, что виноделие и маслоделие не были главными отраслями этого хозяйства.

Уже обращалось внимание на то, что обширное стойло — 110 кв. м и громадная сыроварня указывают на наличие на вилле большого стада молочного и другого скота и птицы. Предположение М. Е. Сергеевко о том, что обширный двор виллы (около 300 кв. м) служил загонем для овец<sup>321</sup>, позволяет сделать вывод, что на вилле Гранано было громадное овечьё стадо. О том, что на вилле было много разнообраз-

<sup>316</sup> М. Е. Сергеевко (Указ. соч. С. 306) эту мысль оспаривает, объясняя наличие здесь кандалов в момент катастрофы случайностью.

<sup>317</sup> Положение Колумеллы (Col. I. 7. 1) о делении рабов на две категории — рабов свободных *servi soluti* и закованных *vinci*, — конечно, имело в виду наличие большого количества рабов в латифундии. Характерно, что Колумелла первый дал нам описание эргастула; Варрон и Катон ничего не говорят об этом. Строить специальный эргастул в среднем имении катоновского типа с 13–15 рабами было, по меньшей мере, экономически нецелесообразно, в то время как в латифундии он был необходим. Так, на вилле Гранано кандалы предназначались для 14 рабов. Это число больше, чем обычное количество рабов в среднем поместье.

<sup>318</sup> См. NSA. 1922. P. 459–479. На вилле Агриппы Постума вдоль восточной части сельского двора тянулись 9 одинаковых (6 кв. м) рабских каморок.

<sup>319</sup> Пекарня в Боскореале была значительно меньше — 16 кв. м, рабский персонал виллы составлял всего 13–15 человек.

<sup>320</sup> Пекарня в Боскореале была значительно меньше — 16 кв. м, рабский персонал виллы составлял всего 13–15 человек.

<sup>321</sup> Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 304

ного скота, говорят многочисленные и обширные водопои для скота (по плану — А, Б, В), причем один из них расположен внутри двора. Небольшие стада овец, коз, свиней, лошадей, а также птицы имелись и на виллах средних специализированных поместий<sup>322</sup>, однако в латифундии удельный вес скотоводства был значительно выше. Варрон совершенно определенно говорит о том, что в обширных имениях *magnus fundus* следует делать два двора *cohortes*, один из которых целиком отводится скоту<sup>323</sup>. Естественно предположить, что обширные пространства латифундии создавали гораздо более благоприятные условия для развития животноводства и повышения его удельного веса. План расположения хозяйственных помещений виллы Гранано, который предстает перед исследователем на основании археологических источников, прекрасно согласуется с данными Варрона.

Среди многочисленных помещений виллы (всего 35) не удалось обнаружить ремесленных мастерских. А, между прочим, Варрон совершенно определенно говорит, что на вилле латифундии имелись самые разнообразные ремесленники: *medici, fullones, fabri*<sup>324</sup>, *textores et alii artifices*<sup>325</sup>, противопоставляя в данном случае хозяйство латифундии имению среднего размера. Были ли ремесленники на вилле Гранано? Делла Корте в своем отчете обходит этот вопрос молчанием. Р. Каррингтон на плане виллы определяет помещение между южной частью перистилия и северными стенами эргастула, пекарни и сыроварни как *Handroom* ремесленную мастерскую, к сожалению, совершенно не аргументируя своего мнения<sup>326</sup>. М. Е. Сергеенко также не останавливается на этом вопросе<sup>327</sup>. Как бы то ни было, определенные ремесленные работы на вилле Гранано имели место, на что указывает наличие двух тиглей (в пом. № 13 и № 20), остатки какого-то неизвестного органического вещества, обилие разнообразной глиняной посуды, железных орудий. Хорошо отесанные бруски, найденные в сарае (№ 27), очевидно, были приготовлены своими плотниками. Скорее всего, ремесленные помещения на вилле были, только они не обнаружены, может быть, они были в каком-либо из помещений № 31–35, назначение которых неизвестно<sup>328</sup>. Возможно, что часть ремесленных изделий, обработка которых стоила дорого, покупалась в Помпеях, тем более что вилла находилась всего лишь в 2 км от города. Вероятно, в данном случае перед нами не общее правило, а исключение из правила, объясняемое близостью города. Совершенно ясные высказывания Варрона не оставляют никакого сомнения в том, что в латифундиях, расположенных на большом расстоянии от города, среди рабской фамилии имелись разнообразные ремесленники, а среди помещений виллы — ремесленные мастерские.

<sup>322</sup> Например, на вилле Боскореале. См. также: *Varr. I. 13; II. praef.; II. 2. 7–10; II. 3; II. 4. 3; II. 9. 16; Vitr. VI. 2.*

<sup>323</sup> *Varr. R.r. I. 13. 3.*

<sup>324</sup> *Varr. R.r. I. 16. 4: «itaque in hoc genus coloni potius anniversarios habent vicinos, quibus imperent, medicos, fullones, fabros, quam in villa suos habeant... quam partem latifundii divites domesticae copiae mandare solent».*

<sup>325</sup> *Varr. R.r. I. 2. 21.*

<sup>326</sup> Речь идет о плане виллы, помещенном в цитированной статье журнала *Antiquity*. 1934. № 3.

<sup>327</sup> М. Е. Сергеенко (Указ. соч. С. 306), правда, определенно говорит об обработке шерсти на вилле и определяет помещение Г как мастерскую для обработки шерсти.

<sup>328</sup> М. Е. Сергеенко (Указ. соч. С. 305) определяет помещение № 29–35 как хозяйскую половину. Вряд ли это так, особенно объединение помещений № 29–30 с № 31–35, ибо первая группа помещений совершенно изолирована от второй и связана, скорее всего, с винодельческими помещениями. Если помещение № 1 — стойло, а не *cella ostiaria*, то вероятно, *cella ostiaria* (а она, конечно, была в этом громадном хозяйстве) служило помещению № 35.

Другое определенное указание Варрона о том, что на богатых виллах, естественно думать, виллах латифундий, можно недорого купить разнообразный вспомогательный материал, вроде кольев-подпорок<sup>329</sup>, говорит не только о больших заготовительных работах на вилле, но и об обширных посадках для изготовления этих материалов. «Во внешнем дворе латифундии *fundus magnus* следует иметь бассейн, где смачивают лупин, а также все другое, годное к употреблению лишь в смоченном виде»<sup>330</sup>. Варрон опять-таки указывает, во-первых, на большой размах первичной (а может быть, не только первичной) обработки сельскохозяйственной продукции латифундии, т.е. некоторых ремесленных работ, но и о значительных посадках вспомогательных культур, кормовых трав и т.д. «О прочих немых орудиях (Варрон уже разобрал вопрос о говорящих орудиях — рабах и мычащих — волах и переходит к немым орудиям), как-то: корзинках, доляях и прочем следует иметь в виду следующее: не следует покупать из них того, что может быть сделано своими рабами из материалов, имеющихся в имении, например, из ивовых прутьев и других аналогичных материалов, вроде корзин, лукошек, молотилок, жердей<sup>331</sup>, мотыг<sup>332</sup>, а также из конопли, льна, камыша, пальмы, тростника, *cella vinaria* вроде канатов, веревок, циновок»<sup>333</sup>. Это место из книги Варрона опять-таки предполагает довольно обширные посадки и проведение ремесленных работ на вилле.

Итак, какие же отрасли были главными на рассмотренной нами вилле Гранано, вернее в помпейской латифундии? Одной из главных отраслей было, очевидно, животноводство, в частности овцеводство и разведение молочного скота<sup>334</sup>, имелись небольшие стада лошадей, свиней, а также птица<sup>335</sup>. Большое место в данном хозяйстве занимали посевы зерновых: громадная мельница и пекарня, несомненно, перерабатывали собственное зерно<sup>336</sup>. Как мы видели, в хозяйстве имелись виноградники и оливковые посадки, в абсолютных цифрах довольно солидные, но удельный вес этих культур по сравнению с зерновыми или животноводством был небольшим. В имении имелось пастбище, может быть, заливные луга<sup>337</sup>, посадки кормовых трав, камыша, ивовых деревьев и др. На вилле изготовлялся сыр и другие молочные продукты, вероятно, имелись шерстоткацкие помещения и производились другие ремесленные работы. Таким образом, соотношение культур и отраслей в латифундии было иным, чем на вилле среднего размера. Отрасли, резко выделявшейся по своему удельному весу, не было; возможно, было некоторое преобладание животноводства. С другой стороны, комбинация различных культур в пределах одного имения, натуральные основы хозяйства, изолированность в хозяйственном отношении от округи, разрыв некоторых связей с ней (например, обеспечение собственными ремесленными изделиями) уменьшали товарность латифундии до минимума, придавали хозяйству самодовлеющий характер.

<sup>329</sup> Varr. R.r. I. 16. 3.

<sup>330</sup> Varr. R.r. I. 13. 3; «in cohorte exteriore lacum esse oportet, ubi maceretur lupinum, item alia, quae demissa in aquam ad usum aptiora fiunt». Если понадобился особый двор для смачивания вспомогательных материалов, то, вероятно, их посадки были велики.

<sup>331</sup> По другому чтению — молотков *mallei*.

<sup>332</sup> Rastelli — возможно, грабли.

<sup>333</sup> Varr. R.r. I. 22. 1.

<sup>334</sup> Существование большой сыроварни — лучшее тому доказательство.

<sup>335</sup> В помещении № 2 обнаружены скелеты лошадей и овец. См.: NSA. 1923. P. 275–280.

<sup>336</sup> *Carrington R. C.* JRS. 1931. P. 125.

<sup>337</sup> Della Corte. NSA. 1923. P. 275. Вилла расположена в самой низкой части долины р. Сарно, она была залита водой, раскопки производились с помощью гидравлических машин.

Следует обратить внимание на то, что удельный вес интенсивных культур (виноград и оливки) в хозяйстве латифундии резко падает, а значение экстенсивных отраслей — зерновых, скотоводства — соответствующим образом возрастает. Естественно думать, что в местах отдаленных от рынков сбыта — городов, при состоянии античного транспорта и трудностях перевозки продуктов и грузов<sup>338</sup> в хозяйстве латифундий экстенсивные отрасли получали преобладание, а резкая экстенсификация становилась важнейшим принципом ведения хозяйства. Одним из главных проявлений экстенсификации было сокращение расходов. Говоря о вложениях в хозяйство специализированных товарных имений, Варрон проявляет известную сдержанность<sup>339</sup>, так как малопродуктивный рабский труд значительно уменьшал экономический эффект господских вложений. Риск потерять вложенные капиталы и разориться был для хозяина весьма реален. Особенно это касалось громадного хозяйства латифундий, где требовались колоссальные вложения, могущие пойти на ветер при неурожае. Известно несколько случаев, когда крупные вложения приводили лишь к разорению владельцев<sup>340</sup>. В связи с этим резкая экстенсификация хозяйства являлась основным принципом латифундиального хозяйства. Экстенсификация приводила к истощению почвы, падению урожайности и упадку сельского хозяйства, о котором так хорошо сказал Плиний<sup>341</sup>.

Что касается рабочей силы латифундии, то рассмотренный пример виллы Гранано говорит о том, что рабский персонал виллы довольно велик. Кроме вилика и вилики<sup>342</sup>, живущих, вероятно, на втором этаже, куда вела лестница Г<sup>343</sup>, сторожа, живущего, возможно, в помещении № 35, особого помещения для закованных рабов — эргастула (только обнаруженные колодки рассчитаны на 14 человек), в качестве рабочих каморок определяются помещения № 20–26. Рабы, работающие в сыроварне, жили, возможно, в некоторых помещениях внутри мастерской<sup>344</sup>. Колумелла говорит о том, что пастухи и волопасы (*bubulci* должны иметь свои каморки близ своего скота<sup>345</sup>; может быть, пастухи виллы Гранано жили прямо в хлеву, в помещениях № 1–2. Уже само по себе деление рабского персонала на рабов свободных и закованных, а также наличие громадной пекарни говорят о том, что в имении постоянно было значительное количество рабов. В связи с этим следует признать спорным мнение некоторых исследователей, считающих, что основной рабочей силой латифундий конца Республики — начала Империи были не рабы, а свободное, но зависимое от владельца население<sup>346</sup>. Столь четкое определение раба как *instrumentum vocale* говорящего орудия, данное Варроном, опирается, конечно,

<sup>338</sup> Луциатто Д. Указ. соч. С. 77; перевозка трапета на 30 км составляла 14,5% его стоимости, а перевозка на 100 км (из Помпей в Венафр) — уже 73% всей цены, что фактически делало торговлю невозможной.

<sup>339</sup> Var. R. I. 7. 10; 19. 3; 21 гл., а также I. 8; I. 3.

<sup>340</sup> Cic. pro Tullio. 6–7, 14–17 — о разорении Фабия в Брутии; Pin. N.H. XVIII. 37 — о разорении Тария Руфа в Пицене.

<sup>341</sup> Plin. N.H. XVIII. 35.

<sup>342</sup> Скорее всего, вилике принадлежали найденные в № 20 пара золотых сережек с жемчужинами и серебряный плечевой браслет. См.: NSA. 1923. P. 275–280.

<sup>343</sup> Отсюда очень удобно было наблюдать как за жизнью вокруг двора, так и за работами на винодавильне и в сарае. Может быть, сережки вилики, найденные в № 20, упали сюда со второго этажа. Делла Корте эту часть второго этажа отводит хозяевам. См.: NSA. 1923. P. 276.

<sup>344</sup> Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 305.

<sup>345</sup> Col. I. 6. 3.

<sup>346</sup> Ковалев С. И., Штаерман Е. М. Очерки по истории древнего Рима. М., 1956. С. 159. Ср.: Всемирная история... Т. II. С. 346.



на всеобщее господство в производстве рабского труда, в том числе и в хозяйстве латифундии — типичном рабовладельческом хозяйстве. Правда, в жаркие дни уборки урожая, возможно, и владелец латифундии использовал свободных наемников, но ведь наемниками пользовались также и хозяйства средних размеров, катоновские имения.

В заключение можно сделать некоторые выводы о хозяйстве латифундии. Латифундия — это громадное имение, поместье с широко раздвинутыми границами, с особым типом хозяйства, отличным от хозяйства имения средних размеров, а не комплекс *fundi*. Натуральные основы в хозяйстве латифундии проявляются гораздо резче, чем в поместьях среднего размера. Соотношение культур и отраслей в латифундии более равномерное; правда, удельный вес интенсивных культур падает, увеличивается роль экстенсивных отраслей, особенно скотоводство. Хозяйство латифундии резко экстенсивное, с минимумом вложения, оно мало связано с округой в хозяйственном отношении. Основной контингент рабочей силы — рабы, среди которых имеются многочисленные ремесленники, рабы, закованные и живущие в эргастуле.

## Срастание сенаторской знати с верхушкой всадников в Риме в конце Республики\*

### 1

В земледельческой общине Рима имущество богатого римлянина, особенно сенатора, составляла главным образом земля. Земля считалась синонимом богатства, главным и почти единственным источником доходов, доходы с земли играли первостепенную роль в бюджете римского сенатора. Именно из таких предпосылок исходил закон Клавдия 220 г. до н. э., запрещавший сенаторам всякую коммерческую деятельность (*Liv. XXI. 63*). Катон считает доходы с земли самыми верными и самыми чистыми (*Cat. praef.*).

Однако в I в. до н. э. положение изменилось существенным образом. Завоевание богатых, высокоразвитых стран восточного Средиземноморья, объединение под властью Рима всех стран Средиземноморского бассейна значительно расширили поле деятельности для римского ростовщического капитала. Римский денежно-ростовщический капитал интенсивно и широко использовал представившиеся возможности. «В древнем Риме, — пишет Маркс, — уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии»<sup>347</sup>. «Развитие ростовщического капитала, — продолжает Маркс в другом месте, — связано с развитием купеческого капитала и специально денежно-торгового капитала. В древнем Риме, начиная с последних лет республики, когда мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пре-

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия историко-филологическая. 1959. № 2. С. 209–237.

<sup>347</sup> Маркс К. Капитал. М., 1950. Т. III. С. 344.

делах античных форм — высшего пункта развития»<sup>348</sup>. Высшее развитие торговоростовщического капитала в конце Республики, отмеченное Марксом, объясняется, прежде всего, присоединением к Риму многочисленных стран и народов, созданием огромного государства, поработанные народы которого были принесены в жертву хищному римскому торговоростовщическому капиталу.

Римские всадники, составившие к I в. до н. э. могущественную и богатую денежную аристократию, в самых широких размерах занимались известными тогда финансовыми операциями, особенно ростовщичеством и откупами. Не менее энергично занималась финансовыми операциями и римская сенаторская, согласно традиции, землевладельческая знать. Доказательств того, что сенаторская знать широко занималась разнообразными коммерческими операциями в дошедших до нас источниках так много, что перечисление их заняло бы много места. Отметим только то важное обстоятельство, что доходы от подобных операций были весьма велики и намного превосходили доходы с имений. По сведениям Варрона, доходность поместья в 200–300 югеров колебалась от 10 до 30 тыс. сестерций в год<sup>349</sup>.

Смерть одного ремесленника на вилле означала потерю дохода поместья среднего размера<sup>350</sup>, которое имеет в виду в своих книгах Варрон. О малой доходности занятий сельским хозяйством как об общеизвестном факте, говорит Цицерон<sup>351</sup>. Доходы от своих арпинских поместий тот же Цицерон называет доходишками (*mercedula*)<sup>352</sup>. Среди имений римского сенатора были такие, которые совсем не приносили дохода, были убыточными<sup>353</sup>. В литературе того времени деление поместий на доходные и недоходные довольно распространено<sup>354</sup>.

Эти скромные доходы не могли идти ни в какое сравнение с колоссальными доходами от занятий ростовщическими и другими операциями, доходившими до нескольких миллионов сестерций. Только с одной Каппадокии Помпей получал ежегодно в виде процентов 400 талантов, т.е. до 10 млн. сест.<sup>355</sup>, а ему были должны также города Карики<sup>356</sup>, Киликии<sup>357</sup>, египетский царь<sup>358</sup>. Брут имел 200 тал.<sup>359</sup> процентов в год с города Саламина, а с царя Каппадокии — 100 тал.<sup>360</sup>, всего 300 тал., т.е. 7,2 млн. сест. Наместник Сицилии 73–71 гг. Веррес получал в год процентов около 3 млн. сест.<sup>361</sup>.

Увеличение расходов в связи с развитием роскоши и необходимостью подкупа народа при выборах на магистратские должности<sup>362</sup>, с одной стороны, скромные доходы с земли, с другой, заставляли сенатскую знать конца Республики искать других путей обогащения. И такие пути находились: взяточничество и казнокрадство

<sup>348</sup> Там же. С. 607.

<sup>349</sup> Varr. *Res. rust. lib.* III. 2. 15. 17. 13. 14; Cic. *Verr. act. II. lib.* III. 119.

<sup>350</sup> Varr. I. 16. 4.

<sup>351</sup> Cic. *Verr. act. II. lib.* III. 200.

<sup>352</sup> Cic. *Ad Att.* XIII. 11.

<sup>353</sup> Cic. *De leg. agr. or.* II. 78.

<sup>354</sup> Cic. *Pro Quint.* 12; Cic. *Pro Rosc. Am.* 99; Cic. *Pro Caec.* 20; Cic. *De leg. agr. or.* II. 78; Cic. *Cat. or.* II. 18; Cic. *Pro Tull.* 14; Cic. *Pro Rosc. Coem.* 33–34; Cic. *Pro Sulla.* 56.

<sup>355</sup> Cic. *Ad Att.* VI. 3. 5.

<sup>356</sup> Cic. *Ad Fam.* XIII. 56. 3.

<sup>357</sup> Cic. *Ad Att.* VI. 1. 6.

<sup>358</sup> Franc T. *An Economic Survey of Ancient Rome.* Baltimore, 1933. Vol. I. P. 389.

<sup>359</sup> Cic. *Ad Att.* V. 21. 12.

<sup>360</sup> Cic. *Ad Att.* VI. 3. 5.

<sup>361</sup> Cic. *Verr. act. II. lib.* III. 163.

<sup>362</sup> Plut. *Caes.* 28; App. *B.C.* II. 19.

во время исполнения должности в Риме, ограбление провинций наместниками, участие в ростовщических, откупных и иных коммерческих операциях, обогащение на войне, наконец, извлечение доходов из занятия политикой (римских сенаторов часто подкупали иностранные цари и послы<sup>363</sup>). Естественно, что в этих условиях закон Клавдия потерял всякую силу и стал рассматриваться как анахронизм<sup>364</sup>. Интерес знати к другим источникам дохода явился оборотной стороной определенного упадка интереса к эксплуатации земельных владений, который наметился в конце Республики и особенно ярко отразился в сочинениях Цицерона. Анализ писем Цицерона показывает, что он проявлял пренебрежение к ведению хозяйства в имениях. Из огромной переписки (свыше 800 писем) лишь в нескольких мимоходом говорится о том, что «мне нужно привести в порядок те имения»<sup>365</sup>.

Широкое участие сенаторской знати в различных коммерческих операциях не могло не привести к изменению структуры имущества богатого римлянина. Если в III–II вв. до н. э. имущество состояло в основном из земельных владений, то в I в. до н. э. земельные владения составляют лишь часть имущества. Наряду с землей значительную часть имущества составляют многочисленные городские дома, обширный рабский персонал и деньги наличные или вложенные в те или иные операции.

Судя по переписке, имущество Цицерона делилось на несколько частей. Кроме земельных владений (арпинские поместья, тускуланское, формианское, куманское, путеоланские имения, синуэское, анагийское, астурское и другие владения), у Цицерона было много домов в Риме и других городах Италии. В Риме он имел дом, полученный от отца<sup>366</sup>, роскошный Палатинский дворец<sup>367</sup>, *insula* в Аргилете и Авентине<sup>368</sup>, какие-то здания близ храма Стрения<sup>369</sup>. Кроме того, Цицерон имел в разное время дома в Анции (Ad Att. XIII. 47b. I), Солонии (Ad Att. II. 3. 3), Арпине (Ad Att. XIII. 46. 4), Ланувии (Ad Att. XII. 41), возможно, в Неаполе (Ad Fam. IX. 15. 3. 5) и других городах. Стоимость домов, вероятно, лишь немного уступала стоимости имений, ибо некоторые дома стоили очень дорого, например, Палатинский дом стоил 3,5 млн. сест., стоимость *insula* достигала, скорее всего, 2 млн. сест.<sup>370</sup>. Переписка показывает, что Цицерон много занимался разнообразными коммерческими операциями<sup>371</sup>. В этих операциях обращались весьма крупные суммы, равные, по всей видимости, стоимости его земель и домов<sup>372</sup> и составлявшие половину состояния. Солидную часть состояния Цицерона составляли его рабы, персонал его

<sup>363</sup> Cic. Ad Fam. I. 1. 3 и след. письмо.

<sup>364</sup> Cic. Verr. act. II. V. 44–46 дано в высшей степени интересное рассуждение о *lex Claudia* 220 г. в условиях I в. до н. э.

<sup>365</sup> Cic. Ad Att. XIII. 9. 2; Ad Att. XIII. 11.

<sup>366</sup> Plut. Cic. 8. В 63–62 гг. Цицерон передал этот дом своему брату Квинту.

<sup>367</sup> Дом стоил 3,5 млн. сест. Cic. Ad Fam. V. 6. 2.

<sup>368</sup> Cic. Ad Att. XV. 17. 1; Ad Att. XVI. 1. 5. Эти дома приносили весьма солидный доход — от 80 до 100 тыс. сест.

<sup>369</sup> Cic. Ad Att. XV. 26. 4.

<sup>370</sup> Доходные дома Цицерона приносили 80–100 тыс. сест. дохода, обычный процент в Риме при ростовщических (самых выгодных) операциях был 6% (Ad Fam. V. 6. 2), процент дохода с домов был меньше, но если и его принять за 6%, то стоимость *insula* Цицерона колебалась от 1,3 до 1,7 млн. сест.

<sup>371</sup> *Carcopino J.* Les secretes de correspondance de Ciceron. Paris, 1947. Vol. I. P. 92–111.

<sup>372</sup> *Буассье Г.* Цицерон и его друзья. М., 1914. С. 87. У азиатских откупщиков было им вложено 2,2 млн. сест. (Ad Fam. V. 20. 9): об огромной сумме в несколько миллионов сестерций говорит письмо (Ad Att. VI. 1. 19). Много денег — до нескольких миллионов — Цицерон вкладывал в долговые операции.

многочисленных имений и домов<sup>373</sup>. Во всяком случае, земельные владения Цицерона уже не были главной частью его имущества.

Подобная структура была характерна не только для имущества Цицерона.

Более или менее подробные сведения сообщает переписка Цицерона об имуществе его брата Квинта, видного сенатора и военного. У Квинта Цицерона было несколько поместий. Известно, что пять небольших имений располагались в окрестностях Арпина<sup>374</sup>, одно поместье — недалеко от Рима (так называемый *suburbanus* — Ad Q. fr. III. 1. 23), может быть, еще несколько, сведений о которых не сохранилось. Квинт Цицерон был, кроме того, крупным домовладельцем. Нам известно более или менее точно, что в разное время Квинт владел 5–6 довольно обширными домами, некоторые из которых стоили 1 млн. сест. и даже больше. Квинт Цицерон владел домом в Арпине, в окрестностях которого у него было пять имений. В Риме Квинту принадлежал дом в Каринах<sup>375</sup>, здание в Аргилете, стоившее 1 млн. сест.<sup>376</sup>, дом Пацилиев<sup>377</sup>, он снимал также дом Лициниев, около рощи Пизона<sup>378</sup>. Дома в Каринах и в Аргилете сдавались им в наем<sup>379</sup>.

Есть все основания полагать, что у Квинта Цицерона было много наличных денег. Квинт три года был наместником богатейшей провинции Азии и, возможно, привез оттуда несколько миллионов сестерций<sup>380</sup>. Цицерон сообщает, что он «напрасно сорил деньгами, полученными на твое имя (письмо адресовано Квинту. — *В. К.*), из казны»<sup>381</sup>. Здесь же он говорит о расплатах с кредиторами деньгами того же Квинта.

Много денег приобрел Квинт Цицерон в Галлии, где он находился в течение трех лет в качестве легата Цезаря и оказался энергичным военачальником<sup>382</sup>. Цицерон в нескольких местах упоминает о «божественной щедрости» Цезаря по отношению к нему и брату Квинту<sup>383</sup>. В письме, написанном в июле 54 г., Цицерон пишет Квинту: «... и также придаю для себя большое значение твоему изобилию и избавлению от долгов»<sup>384</sup>. Несомненно, что Квинт Цицерон привез из Галлии большое количество денег<sup>385</sup>. Квинт постоянно находился на военной службе, то в качестве претора, то пропретора, то легата Помпея и Цезаря и вряд ли имел время заниматься разнообразными финансовыми операциями. Дела его вел брат Марк и, вероятно, Квинт имел некоторую часть в многочисленных коммерческих операциях Марка Цицерона.

373 О том, сколько рабов было в имениях Цицерона, можно составить представление по тому факту, что только в одном кумском среди рабов было несколько вилликов и прокураторов (Cic. Ad Att. XIV. 16. 1).

374 Цицерон (Ad Q. fr. III. 1. 1–6) перечисляет эти поместья: Латерий, аркское, фуфидиево, имение близ Акв, манилиево. Одно из них — фуфидиево — было куплено за 101 тыс. сест.; после построек Цицерона стоимость его возросла (там же).

375 Plut. Cic. 8.

376 Cic. Ad Att. I. 14. 7.

377 Ibid.

378 Cic. Ad Q. fr. II. 3. 7.

379 Ibid.

380 Цицерон, по его словам, мягко управлявший относительно бедной провинцией Киликией, за 10 месяцев собрал 2,2 млн. сест. *salvis legibus* (Ad Fam. V. 20. 9). В богатейшей Азии за три года добыча наместника должна была быть много больше.

381 Cic. Ad Q. fr. I. 3. 7.

382 Caes. De bel. Gall. V. 52. 1–4.

383 Cic. Ad Q. fr. II. 14. 3; Ad Fam. I. 9. 18.

384 Cic. Ad Q. fr. II. 14. 3.

385 О массовых денежных наградах Цезаря своим воинам, а тем более легатам, каковым был Квинт Цицерон, см. Plut. Caes. 17.

Не только Квинт Цицерон, но и другие аристократы, бывшие легатами Цезаря в галльских войнах, привезли огромные богатства, главным образом деньги. Начальник инженерной службы Цезаря (*praefectum fabrum*) Мамурра стал одним из самых богатейших людей своего времени<sup>386</sup>. Нет сомнения, что определенная часть добычи была вложена в землю, а другая часть истрачена на постройку или покупку дворцов. Однако значительная часть богатств заключалась в наличных деньгах. Грандиозные пиры, царская роскошь, огромные постройки, роскошные садки, оказавшиеся предметом страстной сатиры Катуллы<sup>387</sup>, — все это требовало большого количества денег.

Легат Цезаря Тит Лабие Старший был настолько богат, что на собственный счет отстроил целый город Цингул в Пицене<sup>388</sup>. Вероятно, часть денег, приобретенных в Галлии, Лабие вложил в землю, может быть, неподалеку от основанного им Цингула. Тем не менее, у него оставалось и большое движимое имущество. Так, по словам Плутарха, Лабие, перейдя на сторону Помпея, бежал из Пицена, захватив большое имущество<sup>389</sup>. Видный цезарианец Корнелий Бальб, по сведениям Диона Кассия, собрал огромное богатство<sup>390</sup>, большую часть которого составляли наличные деньги или деньги, вложенные в различные операции<sup>391</sup>.

Не только легаты Цезаря, но и легаты Помпея привезли с Востока много золота и серебра. Сторонник Помпея Габиний получил от египетского царя Птолемея Авлета 10 тыс. тал., т.е. около 240 млн. сест.<sup>392</sup> И это были именно наличные деньги, полученные путем займа в Риме. Просто невероятно, что все эти деньги Габиний вложил в землю, по-видимому, большая часть их была оставлена в виде движимого имущества.

Некоторые косвенные соображения говорят о том, что структура имущества крупнейших землевладельцев того времени — Помпея, Красса, Цезаря, Домиция Агенобарба — была аналогичной структуре имущества Цицерона, Лабиена или Мамурры.

Помпей был крупнейшим землевладельцем, в этом отношении его не превзошли позднейшие императоры<sup>393</sup>. Вероятнее всего, Дион Кассий называет общую цифру стоимости всего недвижимого состояния Помпея, когда повествует о переговорах в Брундизии между Секстом Помпеем, Антонием и Октавианом. По сведениям Диона Кассия, Секст Помпей получал от сената в качестве компенсации за конфискованное имущество отца 70 млн. сест.<sup>394</sup> Аппиан сообщает, что речь шла только о возвращении недвижимого имущества<sup>395</sup>. О том, что цифра, приводимая Дионом Кассием, относилась не ко всему имуществу, а только к недвижимому — земле, говорит то обстоятельство, что, по сведениям Аппиана, подтвержденным другими источниками (в частности, перепиской Цицерона), общее имущество Помпея оце-

<sup>386</sup> Cic. Ad Att. VII. 7. 6; Suet. Jul. 73.

<sup>387</sup> Catul. 29; 57; 114.

<sup>388</sup> Caes. B.C. I. 15. 2 — etiam Cingulo, quod oppidum Labiunus constituerat suaque pecunia exaedificaverat ad eum (Caesarem) legati veniunt...

<sup>389</sup> Plut. Caes. 34.

<sup>390</sup> Dio. XLVIII. 32.

<sup>391</sup> Корнелий Бальб вместе с Опнием был финансовым агентом Цезаря в Риме и поддерживал связи Цезаря с политическими деятелями, известными финансистами, богатейшими откупщиками. Cic. Ad Att. XIII. 2; Ad Att. XIII. 33. 1–2 и мн. др.

<sup>392</sup> Cic. Pro Rabir. Post. 30–31. Трудно поверить, чтобы такая колоссальная сумма досталась только одному Габинию; вероятно, солидную часть ее получил патрон Габиния Помпей и другие лица.

<sup>393</sup> *Brunner P. Ю.* Очерки истории римской империи. Берлин, 1923. С. 127.

<sup>394</sup> Dio. XLVIII. 36.

<sup>395</sup> App. B.C. V. 72.

нивалось в 50 млн. атт. драхм, или 200 млн. сест.<sup>396</sup>. Таким образом, имущество Помпея, крупнейшего землевладельца и государственного деятеля, делилось на две неравные части: около 34% приходилось на недвижимое имущество, а большая часть (130 млн. — 66%) — на движимое.

Такая структура имущества, свойственная скорее имуществу коммерсанта, чем одного из наиболее видных представителей сенатской, землевладельческой (в теории) знати, могла бы вызвать недоверие, если бы другие свидетельства не подтверждали этого вывода. Письма Цицерона сообщают, что Помпей вел грандиозные ростовщические операции в провинциях: Каппадокии, Кари, Египте, Киликии. Только в Каппадокии у Помпея, по нашим подсчетам, было вложено 3200 тал. — 80 млн. сест.<sup>397</sup>. Кроме того, по вероятному предположению Тенни Франка, в азиатские операции (в Кари, Египте, Киликии) была вложена большая часть восточной добычи Помпея<sup>398</sup>. Сколь велика была азиатская добыча Помпея можно судить по тому, что только с Тиграна Помпей получил 6000 тал., т.е. 144 млн. сест.<sup>399</sup>.

Однако не только после митридатских войн у Помпея появилось огромное количество денег, которые обусловили столь своеобразную структуру имущества. Еще в середине 70-х годов у Помпея было большое движимое имущество, в частности наличные деньги. Это, возможно, следует из слов биографии Сертория, написанной Плутархом. «Помпей страшно нуждался в деньгах. Он писал в сенат, что ответит войско назад, и что, сражаясь за Италию, он уже истратил свое состояние»<sup>400</sup>. Нужно очень большое количество денег, чтобы в течение нескольких лет содержать на свой счет (т.е. уплачивать деньги солдатам) несколько легионов<sup>401</sup>. Нет никакого сомнения в том, что митридатская добыча Помпея еще более усилила перевес движимой части имущества над недвижимой и земельные владения Помпея стали составлять только 1/3 всего имущества.

Другой крупнейший политический деятель конца Республики, представитель знатной древней фамилии Марк Лициний Красс являлся вместе с тем виднейшим финансистом своего времени. Если большая часть богатств Помпея была приобретена им на войне, то огромное имущество Красса было результатом многочисленных спекуляций и разнообразных коммерческих операций. Тем не менее, структура имущества Красса была аналогична имуществу Помпея или Цицерона.

Проанализируем знаменитое место из биографии Красса, написанной Плутархом, в котором дается общее описание имущества Красса: «Лучшим доказательством его корыстолюбия служат и те способы, которыми он добывал деньги, и огромные размеры его состояния. Ибо первоначально Красс имел не более 300 талантов, а когда он стал во главе государства, то, посвятив Геркулесу десятую часть своего имущества, устроив угощение для народа, выдав каждому римлянину из своих средств на три месяца продовольствия, — все же при подсчете своих богатств, сделанном им перед парфянским походом, нашел, что стоимость их равна 7 100 тал. Большую

<sup>396</sup> App. В.С. III. 4. В этом отрывке речь идет обо всем имуществе Помпея без подразделения его на движимое и недвижимое. Многочисленные цифры, сообщаемые Аппианом, в частности о количестве войск, заслуживают большого доверия, ибо взяты, вероятно, непосредственно из Азиния Поллиона, известного военного деятеля и поэтому уделявшего большое внимание описанию войск.

<sup>397</sup> Считая, что Помпей получал 12% в год от вложенной суммы, можно определить общую вложенную сумму:  $400 \div 12 \times 100 = 3200$  тал.

<sup>398</sup> Frank T. Op. cit. P. 289.

<sup>399</sup> App. Mithr. 104.

<sup>400</sup> Plut. Sert. 21.

<sup>401</sup> Ibid. 12.

часть этих богатств, если говорить правду, далеко не делавшую ему чести, добыл он из пламени пожаров и войны, воспользовавшись общественными бедствиями, как средством для накопления огромных барышей. Ибо когда Сулла, овладев Римом, стал распродавать имущество проскрибированных, считая и называя его своей добычей и стремясь навязать это преступление возможно большему числу лиц, притом самых влиятельных, — Красс не отказывался ни брать от него, ни покупать. Вместе с тем, имея перед глазами присущие Риму постоянные бедствия — пожары и оседания строений, как следствия их громоздкости и скученности, он стал приобретать рабов — архитекторов и строителей, а затем, когда их набралось у него более пятисот, начал скупать горевшие и смежные с ними постройки, которые задешево продавались хозяевами, побуждаемыми к тому страхом и неуверенностью. Таким-то образом большая часть Рима стала его собственностью... Было у него и великое множество серебряных рудников, ценных земель, обеспеченных рабочей силой, и, однако, все это можно считать ничтожным по сравнению со стоимостью его рабов — столькими владел он, да притом такими, как чтецы, писцы, банкиры, домоправители, дворецкие»<sup>402</sup>.

Таким образом, все богатство Красса перед парфянским походом составляли: 7 100 тал., 710 тал. (1/10 имущества, пожертвованная Крассом Геркулесу), разнообразные раздачи — всего около 8 000 тал., т.е. около 200 млн. сест.

Главными составными частями этого огромного имущества являются следующие: земли, огромное количество которых Красс скупил во времена Суллы, городские участки (поскольку большая часть Рима была собственностью Красса, то эта часть его состояния была весьма значительной), наконец, рабы, составлявшие самую значительную часть имущества. Некоторые факты заставляют предполагать, что наличные деньги, а также деньги, вложенные в различные финансовые операции, являлись важнейшей частью состояния Красса. Красс часто выступал кредитором знатных лиц в Риме и неоднократно был поручителем. Он был участником комиссий публиканов и участвовал в ростовщических операциях в провинциях<sup>403</sup>, а все эти операции требовали большого количества наличных денег.

Крупных сумм наличных денег требовала покупка многочисленных рабов, эксплуатация которых была для Красса обильным источником дохода также в виде наличных денег. Наконец, продажа земельных участков в Риме при высокой стоимости их в тот период<sup>404</sup> принесла множество наличных денег Крассу<sup>405</sup>. В составе его имущества были серебряные рудники, разработка которых давала большое количество серебра, легко обращаемого в монету<sup>406</sup>. Среди рабов у него были специальные банкиры, задачей которых, вероятно, было обращение серебра в монету, а также постоянный учет многочисленной монеты, поступавшей к Крассу со всех сторон. Разнообразные писцы, траpezиты, правители, дворецкие<sup>407</sup> составляли обширный штат его финансовой администрации, а столь дробная специализация их указывает на широкий размах коммерческих операций Красса. Весьма популярно

<sup>402</sup> Plut. Crass. 2.

<sup>403</sup> Plut. Crass. 7; Cic. Ad Att. I. 17. 9; См.: Ферреро Г. Величие и падение Рима. Т. I. С. 284.

<sup>404</sup> Plut. Crass. 2; Cic. Ad Fam. V. 6. 2.

<sup>405</sup> Красс строил дома на своих участках с помощью собственных рабов-мастеров и продавал их. Так, Цицерон заплатил Крассу за Палатинский дом 3,5 млн. сест. Об обогащении Красса на спекуляциях городскими участками см. Plut. Lucul. 2. 4; Plut. Crass. 2.

<sup>406</sup> Цицерон несколько раз прибегал к такому размену — см. Ad Att. XI. 25. 3, а также Ad Att. XII. 6. 1.

<sup>407</sup> Plut. Crass. 2.

изречение Красса о том, что не следует считать достаточно богатым того человека, кто не в состоянии содержать на свои средства целое войско<sup>408</sup>. Подобный афоризм может принадлежать только человеку с огромным богатством в виде наличных денег, ибо жалование солдатам уплачивалось звонкой монетой.

Собранные факты и приведенные выше соображения позволяют дополнить характеристику структуры имущества Красса, вытекающей из слов Плутарха. Имущество Красса, насчитывающее, как и имущество Помпея<sup>409</sup>, 200 млн. сест., делилось на четыре основные части: земельные владения, городские участки, огромное количество рабов и деньги наличные или вложенные в различные финансовые операции. К сожалению, невозможно определить процентное соотношение этих частей точно, но следует предполагать, что часть имущества, заключенная в рабах и наличных деньгах, превосходила первые две части<sup>410</sup>.

В апреле 59 г. Цицерон писал Аттику: «Как ненавидят нашего друга Велико-го, прозвание которого становится устаревшим, как прозвание Красса «Богатый»<sup>411</sup>. Приведенный отрывок следует понимать в том смысле, что к 59 г. богатства нескольких лиц достигли размеров богатства Красса. Таких, правда, было немного. С большой вероятностью Тенни Франк включает в их число, кроме Помпея и Красса, также Лукулла и Цезаря<sup>412</sup>.

Лукулл и его брат до получения ими командования на Востоке были знатными, но бедными сенаторами. После отозвания с театра военных действий Лукулл привез в Италию из Понта огромное количество золота и серебра в монете и слитках<sup>413</sup> и превратился в первостепенного магната. Часть денег Лукулл употребил на приоб-

<sup>408</sup> Еще более определенно выражает эту мысль Красса Цицерон: «...ut nuper M. Crassus negabat ullam satis magnam pecuniam esse ei., qui in re publica princeps vellet esse cuius fructibus exercitum alere non posset» (de off. I. 8. 25). Несколько иначе говорит об этом Плиний: «Ex ea gente M. Crassus negabat occupetum esse nisi qui reditu annuo legionem tueri posset» (Plin. N.H. XXXIII. 134). См. также: Dio. XL. 27. 3; Cic. Parad. VI. 45; «Neminem esse divitem, nisi qui exercitum alere posset suis fructibus». Подразумеваемые этим афоризмом огромные доходы могла давать, конечно, не земля, а другие источники: грабежи, коммерческие операции и т.

<sup>409</sup> По традиции, переданной особенно хорошо поздними писателями — Плутархом и Плинием, Красс считался самым богатым человеком своего времени (после Суллы); известно, что за огромное богатство Красс был прозван «Богатым» («Dives»). Однако одно место из переписки Цицерона (quanto in odio noster amicus Magnus cuius cognomen una cum Grassi Divitis cognomine consenescit — Cic. Ad Att. II. 13. 2) показывает, что в 59 г. по крайней мере несколько человек обладали таким же состоянием, и что Красс не был самым богатым человеком своего времени. Следовательно, традиция, рассматривающая Красса как самого богатого человека конца Республики, сложилась не при жизни Красса, а несколько времени спустя после его смерти; ее-то сохранили нам Плутарх (Plut. Crass. 2; Pomp. 22) и Плиний (N.H. XXXIII. 134).

<sup>410</sup> Plin. (N.H. XXXIII. 134) сообщает, что Красс in agris HS IMMT possedit. Вряд ли это так, ибо все имущество Красса оценивалось Плутархом в сумму около 200 млн. сест., а земля была далеко не самой важной частью имущества Красса. Вероятно, Плиний здесь дает оценку всему имуществу Красса, наивно полагая, что земля и составляла все имущество (эволюция хозяйства в I в. до н. э. и I в. н. э. привела к тому, что в I в. н. э. имущество сосредоточивалось главным образом в земле). Исходя из представлений своего времени, Плиний полагал, что, имущество Красса сосредоточено главным образом в земле. Плиний говорит (N.H. XVIII. 35), что Помпей был одним из самых крупнейших землевладельцев, которого не превзошли даже императоры, а он, по сведениям Диона Кассия (Dio. XLVIII. 36), имел земель только на 70 млн. сест. Если бы земельные владения Красса в три раза превосходили поместья Помпея, то этот факт, как невероятный, был бы как-нибудь отражен в источниках.

<sup>411</sup> Cic. Ad Att. II. 13. 2.

<sup>412</sup> Tenney Franc. Op cit. P. 398–399.

<sup>413</sup> Plut. Luc. 37.



ретение поместий, роскошных садов и дворцов<sup>414</sup>, тем не менее, у него было много и наличных денег. Во всяком случае, знаменитые лукулловские пиры, грандиозные постройки, роскошные рыбные садки требовали наличных денег. Известно, что Лукулл охотно раздавал деньги в долг своим друзьям в Риме под небольшой процент<sup>415</sup>.

Личное имущество Цезаря в 50–40-х годах по величине, конечно, не уступало имуществу Помпея или Красса, если не превосходило его. Известно в то же время, что Цезарь являлся одним из самых крупнейших землевладельцев своего времени<sup>416</sup>. Будучи пропретором Дальней Испании, особенно же во время проконсульства в Галлии, Цезарь собрал себе колоссальное богатство. Какими суммами располагал Цезарь в Галлии, можно представить по тому, что он подкупил многих римских политических деятелей, причем взятки достигали 1500 тал. и больше<sup>417</sup>. Не считая таких раздач, в триумфальном шествии Цезаря, по словам Аппиана, имелось 65 тыс. тал., т.е. 1,56 млрд. сест., 2822 золотых венка, весивших около 20414 фунтов<sup>418</sup>. Львиная часть этой добычи досталась лично Цезарю. Правда, Цезарь, по примеру многих военных деятелей конца Республики, широко раздавал личные деньги своим солдатам<sup>419</sup>.

Вероятно, в 54 г. Цезарь ссудил Птолемию Авлету, скорее всего за определенный процент, 17,5 млн. драхм. Позднее он потребовал возврата только 10 млн. драхм (40 млн. сест.)<sup>420</sup>. После убийства Цезаря в марте 44 г. у него в доме оказалось 100 млн. сест. наличных денег и много драгоценностей, принадлежавших лично ему, которыми завладел Антоний<sup>421</sup>. Многие сенаторы, в частности Цицерон, были должниками Цезаря<sup>422</sup>. Факты говорят о том, что Цезарь не пренебрегал участием в откупных операциях известной азиатской компании<sup>423</sup>. Несмотря на отсутствие точных данных о состоянии Цезаря, его движимом и недвижимом имуществе, собранные выше факты говорят о том, что деньги наличные или вложенные в различные операции составляли весьма значительную часть огромного имущества Цезаря<sup>424</sup>.

Но здесь у исследователя возникает законное возражение, сущность которого заключается в следующем: колоссальные состояния Помпея, Красса, Лукулла и Цезаря были единственными в своем роде, они создавались в результате многолетнего

<sup>414</sup> За одно поместье в Кумах Лукулл заплатил 10 млн. сест. (Plut. Mar. 34; Frontin. De Aquis. I. 5. 8. 10). У Лукулла был великолепный дворец в Риме. Цицерон так говорит о блеске вилл Лукулла: *ut Luculli summi viri virtutem quis? at quam multi villarum magnificentiam imitati sunt* (De off. I. 39. 120), а также De fin. II. 33. 107.

<sup>415</sup> Cic. Ad Att. I. 1. 3.

<sup>416</sup> App. B.C. II. 94.

<sup>417</sup> App. B.C. II. 26; консула 50 г. П. Эмилия Павла Цезарь подкупил за 1500 тал. (36 млн. сест.), а Куриону, народному трибуну, дал взятку на большую сумму (Plut. Caes. 29). Vell. Pat. II. 48. 4 — приводит меньшие цифры, в частности, по его сообщению, взятка Куриону достигала только 10 млн. сест.

<sup>418</sup> App. B.C. II. 102; Веллей Патеркул говорит, что Цезарь вез во время триумфов только 600 млн. сест. (Vell. Pat. II. 56. 4); правда, в II. 60. 4 Веллей Патеркул сообщает, что Цезарь вложил в храм богини Опы 700 млн. сест., скорее всего, последняя сумма явилась остатком добычи Цезаря после расплаты его с войсками (App. B.C. II. 103); в связи с этим первая цифра вызывает недоумение как противоречащая второй, более вероятной. Возможно, под 600 млн. сест. Веллей понимал только галльскую добычу.

<sup>419</sup> App. B.C. II. 102; Plut. Caes. 17.

<sup>420</sup> Plut. Caes. 48, ср. Suet. Caes. 54; Dio. 42. 9.

<sup>421</sup> Suet. Caes.

<sup>422</sup> Cic. Ad Att. VII. 8. 5.

<sup>423</sup> Cic. Vatin. 29.

<sup>424</sup> Вероятно, и недвижимая собственность Цезаря приблизительно была одинакова с земельной собственностью Помпея.

систематического грабежа цветущих провинций. Этот грабеж и обусловил столь своеобразную структуру имущества, где движимое имущество превалировало над недвижимым. Типична ли подобная структура для состояний более скромных, порядка нескольких десятков млн. сест., — это еще не выяснено.

Лучшим ответом на такое возражение явился бы анализ состояний более скромных римских политических и военных деятелей. Пропретор Сицилии 73–71 гг. Гай Веррес был далеко не выдающейся политической фигурой и состояние его было, конечно, не первоклассным. По сведениям Цицерона, Веррес, будучи пропретором Сицилии, нагребил 40 млн. сест.<sup>425</sup> В доме Верреса стояло большое количество корзин с деньгами<sup>426</sup>. Веррес отдал в рост, по меньшей мере, 12 млн. сест. и получал в год одних только процентов 3 млн. сест.<sup>427</sup> Веррес, несмотря на изгнание, удержал основную часть своего имущества и погиб вместе с Цицероном в 43 г. при проскрипциях, куда он был внесен, очевидно, из-за своего богатства<sup>428</sup>, ибо после 70 г. не принимал участия в политической жизни.

Автор известных книг по сельскому хозяйству Варрон, по сведениям Плиния, привез с пиратской и митридатовой войн, в которых он участвовал в качестве легата Помпея и командующего флотом, добычу в 1000 тал., т.е. 24 млн. сест.<sup>429</sup> Являясь одним из крупнейших землевладельцев своего времени, Варрон имел много наличных денег. Децим Брут, сообщая в одном из писем Цицерону о трудностях содержания войска, добавляет: «Даже если бы я имел сокровища Варрона, я не смог бы выдержать этого расхода!» (Децим Брут кормил семь легионов)<sup>430</sup>. В данном контексте слово *thesaurus* означает сокровищницу с деньгами. Вероятнее всего, наличие подобной сокровищницы явилось главной причиной занесения в проскрипционные списки старого ученого, уже отошедшего от политики<sup>431</sup>.

Известным финансистом I в. до н. э. был знаменитый друг Цицерона Помпониий Атик. Дошедшие до нас интимные письма Цицерона к Атику говорят об интенсивной коммерческой деятельности Атика, активно участвовавшего в солидных ростовщических операциях и откупных компаниях, в поручительстве. Атик был постоянным кредитором многих знатных лиц, покупал и продавал дома и земли, занимался книгопроизводством, отдавал в наем гладиаторов и т.д.<sup>432</sup> Естественно думать, что во всех этих операциях обращалась солидные суммы, исчисляемые в миллионах сестерций. Следует предполагать, что эти суммы составили крупную часть общего имущества Атика<sup>433</sup>. Биограф последнего Корнелий Непот отмечает в качестве особенности строения имущества Атика наличие большого количества городской собственности (*urbanae possessiones*)<sup>434</sup>. Ловкий финансист с успехом использовал столь выгодный способ помещения денежного капитала, как эксплуатация доходных до-

425 Cic. Caec. 19; Verr. act. I. 56; Verr. act II. lib. II. 26.

426 Cic. Verr. act. I. 22.

427 Cic. Verr. act. II. lib. III. 165–169.

428 Plin. N.H. XXXIV. 6.

429 Plin. XXXVII. 6.

430 Cic. Ad Fam. XI. 10. 5; non, si Varronis thesauros haberem, subsistere sumptui possem.

431 App. B.C. IV. 47.

432 Гревс И. М. Происхождение Атика и разнообразные пути его обогащения // Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1899. С. 246–288.

433 Непот сообщает (Att. 5), что Атик получил наследство в 10 млн. сест. От своего дяди ростовщика Цецилия. Скорее всего, большая часть этого наследства состояла из наличных денег.

434 Corn. Nep. Att. 14: «...omnisque eius pecuniae reditus constabat in Epiroticis et urbanis possessionibus».

мов. Отсутствие сведений не позволяет детально рассмотреть структуру имущества Атика, но имеющиеся данные говорят о том, что его имущество делилось на три основных части: земля, недвижимое имущество в городах и деньги, главным образом вложенные в различные финансовые операции.

Много наличных денег имели в своих руках крупнейшие землевладельцы своего времени, представители старейших и знатнейших патрицианских фамилии Рима — Домиций Агенобарб, консул 54 г., и Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, с успехом боровшийся с армией Сертория в 70-х годах. Плутарх сообщает, что Метелл объявил, что поймавший Сертория воин получит от него 20 тыс. югеров земли и 100 тал. серебра, или 2,4 млн. сест.<sup>435</sup> Метелл, так же как и Помпей, не получая денег из Италии, был вынужден содержать войска в количестве нескольких легионов на свои собственные деньги<sup>436</sup>.

Во время гражданской войны между Цезарем и Помпеем Луций Домиций Агенобарб на свои собственные средства (*per se*) сформировал двенадцать когорт из Альбы, из области марсов, пелингов и соседних местностей<sup>437</sup>. Скорее всего, Домиций Агенобарб целиком содержал на свои средства указанные 12 когорт, т.е. 3600–5000 чел.<sup>438</sup> Известно, что Домиций Агенобарб набрал из собственных колонов и рабов экипаж семи судов и отправился с ними для защиты Массилии<sup>439</sup>. Естественно думать, что этот весьма солидный отряд Домиций содержал на свои средства. Следует напомнить, что тот же Домиций при выборах в консулы на 53 год получил вместе с Аппием Клавдием Пульхром от кандидатов в консулы Кальвина и Меммия взятку в 4 млн. сест.<sup>440</sup>

В письме к Цицерону, написанном в мае 43 г., Децим Брут писал Цицерону: «Я уже не могу прокормить солдат. Когда я приступал к освобождению государства, у меня было более 40 млн. сест. Я так далек от того, чтобы какая-либо часть из моего имущества была свободна, что я уже опутал долгами всех своих друзей. Теперь я кормлю семь легионов, с какими затруднениями — ты себе представляешь. Если бы я располагал даже сокровищами Варрона, я не мог бы выдержать расходы»<sup>441</sup>. Следовательно, в течение некоторого времени Децим Брут содержал на свои личные средства семь легионов, т.е. 35 тыс. чел., не считая вспомогательные войска.

У нас очень мало сведений как обо всем имуществе, так и об отдельных частях его у Домиция Агенобарба, Метелла и Децима Брута, чтобы сделать определенные выводы о структуре их имущества. Приведенные выше факты говорят о том, что наличные деньги составляли солидную часть состояния каждого из них.

<sup>435</sup> Plut. Sert. 22.

<sup>436</sup> Прямых свидетельств о том, что Метелл нуждался в деньгах для содержания войск, не сохранилось. Однако это очень вероятное предположение; известно, что Помпей часто жаловался на то, что он кормит войска на свои средства (Plut. Sert. 20–21; Pomp. 20). Естественно думать, что в аналогичном положении был и Метелл; нет никаких оснований полагать, что сенат посылал деньги Метеллу, но не посылал Помпею.

<sup>437</sup> *Caes. B.C. I. 15*. Как показывают дошедшие до нас приказы Помпея (Cic. Ad Att. VIII. 12a. 12b. 12c. 12d), сохранившиеся среди писем Цицерона, Домиций укомплектовал на свои средства 12 когорт.

<sup>438</sup> О том, что Домиций содержал 12 когорт на свои средства, говорит Цезарь (I. 15 — «*per se coegetat*»). В приказах Помпея 12 когорт постоянно называются как *suas* и противопоставляются остальным 19 когортам, хотя последние находились под общим командованием Домиция Агенобарба. См. особенно: Cic. Ad Att. VIII. 11a. 12a. 12b.

<sup>439</sup> *Caes. B.C. I. 34. 56. 57*.

<sup>440</sup> Cic. Ad Att. IV. 17. 2: «...ambo HS quadragesa consulibus darent».

<sup>441</sup> Cic. Ad Fam. XI. 10. 5.

Образец староримских добродетелей, представитель древнейшей аристократической фамилии Марк Юний Брут в грандиозных масштабах занимался ростовщичеством в его самых жестоких формах. С ведома Брута его агенты Скапций и Матиний предприняли настоящую военную блокаду Саламина, которая вызвала жертвы<sup>442</sup>. Согласно нашим подсчетам, в ростовщические операции в Каппадокии и Кипре Брут вложил свыше 1000 тал., т.е. свыше 30 млн. сест. Только процентов Брут получал в год 300 тал., т.е. свыше 7,2 млн. сест. — сумму, равную солидному состоянию сенатора, например Катона<sup>443</sup>. Брут, как представитель знатной фамилии, вероятно, имел много земли и являлся крупным землевладельцем своего времени. К сожалению, неизвестна величина всего имущества Брута, так что конкретный разбор структуры его состояния невозможен. Но можно сказать, что огромная сумма, вложенная Брутом в ростовщические операции, составляла, вероятно, большую часть его имущества<sup>444</sup>. Во всяком случае, земля не была ни единственным, ни ведущим компонентом состояния Брута.

Знаменитый борец за республику, ожесточенный противник первых триумвиров, Марк Порций Катон обладал относительно небольшим состоянием<sup>445</sup>. Плутарх сообщает, что Катон получил по наследству от отца имущество в 720 тыс. ден.; кроме того, он получил от племянника состояние в 600 тыс. ден., а также наследство своего брата Цепиона, вероятно, равное по стоимости первым двум суммам. Все имущество Катона, по данным Плутарха, оценивалось приблизительно в 2 млн. ден. Все имущество, полученное по наследству от племянника — 600 тыс. ден. — Катон полностью обратил в наличные деньги<sup>446</sup>. Хотя и неизвестно, как распорядился он этими деньгами, но весьма показателен факт обращения им в наличные деньги сразу 1/3 имущества. Вероятно, и среди имущества, полученного Катонем по завещанию от отца и брата, имелась часть наличных денег, так что в имуществе Катона наличные деньги составляли свыше 1/3<sup>447</sup>.

Один текст из биографии Аттика, составленной Корнелием Непотом, говорит о том, что и Катон занимался какими-то коммерческими делами. «Все коммерческие операции (Корнелий Непот называет их *negotia* — техническим термином для обозначения торговых, откупных или ростовщических операций — см. *Früchtel A. Die Geldgeschäfte bei Cicero. 1912. S. 105*) Цицеронов, М. Катона, Кв. Гортензия, А. Торквата, кроме того, многих римских всадников, тщательно велись Аттиком»<sup>448</sup>. Как мы знаем, Цицерон, Торкват, не говоря об упомянутых здесь всадниках, интенсивно занимались коммерческими операциями. И Катон оказался в их числе, поручив непосредственное ведение своих дел опытному Аттику.

<sup>442</sup> Cic. Ad Fam. VI. I. 6, сообщает, что во время блокады умерло пять сенаторов г. Саламина.

<sup>443</sup> Plut. Cat. Ut. Состояние Катона складывалось из 720 тыс. ден. + 600 тыс. ден. + наследство, вероятно, такого же размера (600–700 тыс. ден.).

<sup>444</sup> Брут не был таким крупным землевладельцем, как Помпей, который имел земель на 70 млн. сест., его земельное состояние было гораздо меньшим. Общее состояние Брута также не было таким огромным, как у Красса, Лукулла, Помпея, Цезаря; скорее всего, оно было аналогичным по величине состоянию Цицерона.

<sup>445</sup> Val. Max. II. 10. 8; «...exiguum viri patrimonium».

<sup>446</sup> Plut. Cat. Ut.

<sup>447</sup> Катон был ярким противником публиканов (Cic. Ad Att. I. 17. 9; Ad Att. II. 1. 8, а также Val. Max. II. 10. 7), поэтому в противоположность многим сенаторам, вероятно, не участвовал в откупных операциях, а занимался другими коммерческими делами.

<sup>448</sup> Corn. Nep. Att. 15: quo fiebat ut omnia Ciceronum M. Catonis, Q. Hortensii, A. Torquati, multorum praeterea, equitum Romanorum negotia procuraret.

Знаменитый поэт Вергилий имел состояние в 10 млн. сест.<sup>449</sup>. А между тем биографы Вергилия указывают только на одно имение среднего размера, подаренное поэту Августом, которое, конечно, далеко не исчерпывало всего его состояния.

В заключение следует привести точные цифры состояния Цецилия Исидора, умершего в 8 г. до н. э., сохранившиеся у Плиния: «В консульство Г. Азиния Галла и . Марция Цензорина за шесть дней до февральских календ Г. Цецилий Исидор распорядился относительно своего завещания; хотя он много потерял во время гражданской войны, однако оставил (после себя) 4116 рабов, 3600 пар волов, 257 тысяч голов прочего скота, наличных денег 60 млн. сест., приказал отпустить на похороны 1 млн. сест.»<sup>450</sup>. Таким образом, имущество Исидора состояло из обширных земельных владений<sup>451</sup> и колоссальной суммы наличных денег в 60 млн. сест., причем по стоимости наличные деньги превосходили недвижимую часть имущества.

При анализе структуры имущества богатейших людей Рима в I в. н. э. обращает внимание то, что пути создания их богатств были неодинаковы. В самом деле, среди них находятся такие лица, как Лукулл, Помпей и Цезарь, создавшие огромные состояния за счет беспощадного военного ограбления завоеванных стран. Состояния их легатов Лабиена, Мамурры, Квинта Цицерона и многих других были более скромными, чем богатства их начальников, но были приобретены тем же путем. Веррес, Габиний и многие другие создали себе состояние, управляя в течение нескольких лет провинцией, беспощадно эксплуатируя и обирая ее жителей. Эмилий Павел и Курион обогатились, получив грандиозные взятки в 1500 тал. и выше, исполняя магистратуры. Колоссальное имущество Красса, не уступающее по своим размерам имуществу Помпея или Цезаря, первоклассные состояния Цицерона, Брута и Аттика были созданы в результате многочисленных и разнообразных финансовых операций в провинциях.

Отмечая различие путей создания крупнейших имуществ указанных лиц, следует подчеркнуть и некоторые черты сходства, а именно то, что все они создавались внеэкономическим путем — или посредством открытого военного грабежа, или скрытого ограбления провинций при отправлении должности наместника, легата и т.д., или хищнической и бесчеловечной эксплуатации в самых жестоких формах при помощи ростовщических сделок, участия в откупных и иных операциях. Последний путь, как по результатам, так и по методам мало чем отличался от военного грабежа, ибо часто для сбора процентов, налогов в пользу римских финансистов использовались войска, устраивающие настоящие осады и блокады, как это делал Атик в Сикионе<sup>452</sup> и Брут в Саламине<sup>453</sup>. Уплачивая Помпею проценты, вся Каппадокия была истощена и разорена так, что представляла самую бедную и опустошенную область Малой Азии<sup>454</sup>, как будто после какой-нибудь жестокой войны. Такая же картина наблюдается в Саламине на Кипре, где бесчинствовали агенты Брута.

Весьма показателен и пример с имуществом Катона. Катон пытался в своем лице осуществить идеал древнего сенатора, честного и неподкупного, живущего скромно

<sup>449</sup> Donat. Vita. P. 63; R. Probus. P. I; K. Servius. Prooem. Aen.

<sup>450</sup> Plin. N.H. XXXIII. 135; C. Asinio Gallo C. Marcio Gensorino coss. a. d. VI Kal. Febr. C. Caecilium C. F. Isidorus testamento suo edixit quamvis multa bello perdidisset, tamen relinquere servorum IIIICXVI, iuga bouum IIIIC reliqui pecoris CCLVII in numerato NS IDCi, funerari si iussit NSIXI.

<sup>451</sup> Только при таком предположении становится понятным наличие стольких рабов и огромного количества скота.

<sup>452</sup> Cic. Ad Att. I. 13. 1.

<sup>453</sup> Cic. Ad Att. VI. 1. 6.

<sup>454</sup> Cic. Ad Att. VI. 1. 4: «nihil illo regno spoliatus rege equentius».

на небольшие доходы с поместий. Катон принципиально не брал взяток, не использовал магистратуры в качестве источника обогащения, общеизвестна его честность в расходовании государственных средств<sup>455</sup>. Мало того, Катон выступал против некоторых азиатских компаний публиканов. Тем не менее, и этот представитель древнего сената, живой обломок старины, не устоял против соблазна подзаработать и через Аттика вел некоторые *negotia* (самому, конечно, было неудобно), а 1/3 имущества Катона составляли наличные деньги. Положение защитника древних идеалов приводило к тому, что Катон не мог в широких масштабах заниматься коммерческими операциями. Именно этим объясняется, на наш взгляд, небольшой размер имущества Катона<sup>456</sup>, ибо источники его увеличения были незначительны.

Эти примеры приводят исследователя к неизбежному выводу о довольно сложном строении имущества римского сенатора в I в. до н. э., которое заключалось в земле, городской собственности и деньгах — наличных (иногда хранимых как сокровище) или вкладываемых в различные коммерческие предприятия.

Хорошим подтверждением такого вывода, кроме анализа имущества отдельных представителей римского нобилитета, являются сохранившиеся в сочинениях Цицерона характеристики имущества не того или иного конкретного лица, а целого слоя сенаторской знати. Во второй речи против Катилины Цицерон перечисляет сторонников заговора, разбивая их на разряды: «Первая группа, — заявляет он, — состоит из людей с большими долгами, но с еще большим имуществом, из любви к которому они никак не решаются расплатиться со своими кредиторами. Они с виду, как люди зажиточные, принадлежат к хорошему обществу, но намерения и принципы у них самые неприличные. Как! Вы изобилуете землями, домами, серебром, челядью, всякого рода добром, вы — богачи и не решаетесь урезать часть вашего состояния, чтобы этим увеличить ваш кредит?»<sup>457</sup>.

Кого имеет в виду Цицерон в своей речи? Людей хорошего общества с большими долгами и большим имуществом, поддерживавших Катилину, т.е. определенную прослойку сенаторской знати. Не останавливаясь на деталях и индивидуальных особенностях, Цицерон дает общую характеристику имущества всего слоя, подчеркивая наиболее характерные моменты, типичные для каждого. А наиболее характерным моментом, по мнению Цицерона, является отмеченная выше своеобразная структура имущества римского сенатора.

Во второй аграрной речи Цицерон в общей форме перечисляет различные виды собственности, включая, кроме поместий и зданий, также толпы рабов, скот, золото, серебро, слоновую кость, материю, домашнюю утварь<sup>458</sup>. Характерно, что в контексте все перечисленные виды собственности рассматриваются как источник доходов. Можно думать, что все они в различной комбинации составляли общее имущество, в особенности имущество представителей наиболее богатого и знатного сословия — сенаторского.

<sup>455</sup> Aur. Vict. Cato Ut.

<sup>456</sup> Val. Max. II. 10. 8: «...exiguum viri patrimonium».

<sup>457</sup> Cic. Cat. II or. 18: «Unum genus est eorum, qui magno in aere alieno maiores etiam possessiones habent quarum amore adducti dissolvi nullo modo possunt. Horum hominum species est honestissima (sunt enim locupletes) voluntas vero et causa impudentissima. Tu agris, tu aedificiis, tu argento, tu familia, tu rebus omnibus ornatus et copiosus sis et dubites de possessione detrahere, acquirere ad fidem?».

<sup>458</sup> Cic. De leg. agr. or. II. 38: «habetis unum venditionis genus, quod magnum videri vobis intellego, sed attendite animos ad ea, quae consequuntur... Qui agri, quae loca, aedificia. Quid est praeterea? Multa in mancipiis, in pecore, auro, argento, ebores, veste, suppellectili, ceteris rebus».

Усложнение структуры имущества и появление, кроме земельных владений, также других видов собственности — домов, денег и т.д. (причем часто стоимость домов и денег превосходила стоимость всех земельных владений) — привело к тому, что в I в. до н. э. земля составляла только часть имущества, а не все имущество, как это имело место в III и II в. до н. э., причем часто далеко не основную часть. В связи с этим в I в. появляется четкое различие между понятием «земельная собственность» и понятием «имущество», которые в предшествующее время были идентичны и в основном покрывали друг друга. *Res, res familiares, fortuna, bona, resipia* — это различные обозначения понятия «имущество» — движимое и недвижимое. Несмотря на неразработанность терминологии, недвижимое имущество, главным образом сельские поместья, обычно обозначалось термином *possesiones*. Было бы весьма интересно остановиться на анализе терминологии, обозначающей имущество движимое и недвижимое, и проследить ее эволюцию. Но ограничимся только указанием на различие между понятиями «имущество» и «земельное богатство», которое наметилось в I в. до н. э. в связи с эволюцией имущества римского магната, приведшей к усложнению структуры.

Цицерон в ранней речи за Квинкцию, произнесенной еще в 81 г., прекрасно показал разницу между понятиями «имущество» и «часть имущества», в частности «имением»: «Наконец я доказал, — говорит Цицерон, — что он вообще не владел имуществом (*bona*) Квинкция, так как такое владение (*bonorum possessio*) относится не к какой-нибудь части, а должно распространяться на все то, что может быть предметом владения (*quod bonorum possessio spectet non in aliqua parte, sed in universis, quae teneri et possideri possint*). Я обратил внимание на то, что у моего клиента был в Риме дом, на который истец не заявил даже претензий, много рабов, из которых он не взял себе и даже не дотронулся ни до одного. Я указал вам, что Невий не тронул даже частные имения Квинкция, даже в Галлии, наконец, из того самого поместья, из которого он выселил силой своего товарища, наложив запрещение на его имение, были изгнаны все рабы, лично принадлежащие Квинкцию»<sup>459</sup>.

Основная мысль Цицерона следующая: отдельное имение или даже все имения не исчерпывают всего имущества, как часть не исчерпывает целого, ибо в понятие имущество, кроме недвижимого имущества, входит также и движимое.

Нет никакого сомнения в том, что среди сенаторского сословия были представители, в составе имущества которых земля, земельные владения занимали основное место. Но, как показывает пример Катона, это были сенаторы бедные, с незначительным состоянием, мало связанные с эксплуатацией провинций, не занимающие высоких государственных постов. Однако и состояния таких лиц начинают эволюционировать в том же направлении усложнения структуры. И об этом весьма красноречиво говорит пример Катона. Состояния более солидные, насчитывающие десятки и сотни миллионов сестерций, имели в своем составе, кроме земли, большое движимое имущество, часто намного превосходившее недвижимое. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на большой процент движимого имущества, недвижимая часть состояния абсолютно заметно возросла.

Скромным размером земельных владений III и II вв. до н. э., относительно которых можно судить по тем нормам в 1000 юг., которыми Гракхи предлагали ограничить земельные оккупации *ager publicus*, в I в. до н. э. противостоят грандиозные земельные владения Помпея, Красса, Метелла, Домиция Агенобарба, Цезаря и дру-

<sup>459</sup> Полное собрание речей М. Т. Цицерона / Пер. под ред. Ф. Ф. Зелинского. СПб., 1901. Т. I. С. 29.

гих, насчитывавшие десятки тысяч югеров. Тем не менее, несмотря на быстрый рост земельных владений и концентрацию земельной собственности в одних руках, движимая часть имущества растет несравненно быстрее и в ряде случаев составляет основную часть имущества.

Завоевание богатых и высокоразвитых стран Средиземноморья и выдача их на поток и разграбление римским должностным лицам и хищному торговоростовщическому капиталу привели к потрясающей концентрации самого разнообразного имущества в руках небольшого числа лиц. Богатейшие люди конца Республики в результате подобной концентрации соединяли в одном лице крупнейшего землевладельца, богатейшего домовладельца и могущественнейшего финансиста, имевшего в руках или вложившего в операции десятки миллионов сестерций.

## 2

Эволюция крупного состояния в сторону усложнения структуры имущества, уменьшение в процентном отношении доли недвижимой части и увеличение движимой отражало широкий интерес знати к разнообразным финансовым операциям. В сущности говоря, последние являлись лишь разновидностью ограбления провинций. Господствовавшая в конце Республики система провинциального управления отдавала всю провинцию в руки наместника, который в период наместничества был ее бесконтрольным господином. Распространенная точка зрения на провинции как на доходные поместья римского народа узаконивала и санкционировала этот грабеж<sup>460</sup>. Провинция рассматривалась ее наместником как Эльдorado, где он имел право покрыть все расходы во время соискания должности и ее отправления. Только в обстановке бесконтрольного управления и господства подобных взглядов на провинцию могли создаваться путем неприкрытого грабежа огромные имущества в несколько сот миллионов сестерций. При относительной бедности государственной казны частные лица зачастую имели состояние, превышающее общую сумму государственного бюджета<sup>461</sup>. Ни в предшествующее, ни в последующее время в Риме не было сосредоточено таких колоссальных богатств у частных лиц.

Насколько шагнула вперед концентрация различных видов богатства в руках частных лиц, можно видеть из сравнения некоторых аналогичных состояний II и I вв. до н. э.

Корнелий Сципион Старший обладал первоклассным состоянием в 160 тал. (3,84 млн. сест.), Эмилий Павел — в 60 тал. (1,44 млн. сест.), по Плутарху — 370 тыс. драхм, т.е. 1,48 млн. сест., Сципион Эмилиан — 60 тал. (1,44 млн. сест.). Таковы были крупнейшие состояния II в. до н. э. Имущества крупнейших богачей

<sup>460</sup> Как бы по иронии Цицерон четко сформулировал эту точку зрения в речах против Верреса, где Цицерон «защищает» интересы сицилийцев: *et quoniam quasi quaedam praedia populi Romani sunt vestigalia nostra atque provinciae* (Cic. Ver. I. 11. 7). Те же Веррины Цицерона показывают наглядно весь произвол наместника в его неприкрашенном виде. Однако подробнее эта мысль была развита Цицероном в речи pro Flacco, где необходимость брать деньги, т.е. открытый грабеж провинций возводится в принципы управления (Cic. Pro Flacco. 86). В заключении речи Цицерон обращается к судьям: «*non iudicatis in hac causa de exteris nationibus, non de sociis; de vobis as de vestra re publica iudicatis*» (Cic. Pro Flacco. 99), т.е. судьи должны судить провинившегося наместника не с точки зрения интересов ограбленной провинции, а с отвлеченной точки зрения государства. Ср.: Cic. Pro Flacco. fragm. mediolans. 5.

<sup>461</sup> По сведениям Плутарха, государство в конце 60-х годов получало доходов на 50 млн. драхм (Plut. Pomp. 45). Состояния Помпея, Красса были не меньше.



I в. до н. э. Красса, Лукулла, Помпея, Цезаря, Рабирия насчитывали уже до двухсот миллионов сестерций. Эти цифры приблизительно в 60–70 раз превосходят суммы наиболее крупных состояний II в. до н. э. Внук цензора Марка Катона Гай Катон был осужден за вымогательства в провинции Македонии на сумму 18 тыс. сест.<sup>462</sup> Поскольку штраф в 2,5 раза превышал сумму взятых денег, то Гай Катон вывез из провинции около 7 тыс. сест. Так было во II в. до н. э. В I в. до н. э. Веррес награбил в Сицилии уже 40 млн. сест.<sup>463</sup>, а Цезарь после наместничества в Испании сумел расплатиться с долгами в 830 тал. (20 млн. сест.), да еще и сам обогатился<sup>464</sup>.

Цензоры Кассий Лонгин и Цепион в 125 г. до н. э. осудили за расточительство и оштрафовали Эмилия Лепида, так как он нанял дом за 6 тыс. сест.<sup>465</sup> «А теперь, — комментирует это место Веллей Патеркул, — если кто живет в таком доме, вряд ли считается за сенатора»<sup>466</sup>. В I в. до н. э. дом Клодия оценивался в 14,8 млн. сест.<sup>467</sup> Корнелия Руфина осудили в сенате за то, что у него оказалось серебряной посуды на 10 фунтов<sup>468</sup>. Гая Гракха упрекали за то, что он купил несколько столов, стоивших по 1250 драхм каждый<sup>469</sup>. А позднее небольшое Тускуланское поместье Скавра с роскошным дворцом и обстановкой стоило 30 млн. сест.<sup>470</sup> Куманская вилла Лукулла, стоившая 75 тыс. ден., после сооружения роскошных построек в ней стала стоить 2,5 млн. ден., в 30 раз больше<sup>471</sup>.

Концентрация богатств шла по самым различным направлениям; в руках отдельных представителей сосредоточивались огромные земельные владения, многочисленные земельные участки и дома в городах, колоссальные суммы пускаются в оборот, чтобы дополнить открытый военный грабеж скрытым, но не менее жестоким. Один и тот же человек становится крупнейшим землевладельцем, домовладельцем и финансистом. Только в условиях неслыханной концентрации имущества могла зародиться мысль, приписываемая Крассу, но имеющая большую популярность в литературе, о том, что не богат тот, кто не может содержать за свой счет войска в 6 легионов<sup>472</sup>. Эта мысль выражена Цицероном в его «Paradoxa»: «Многие слышали, что ты сказал: «ни один человек не может считаться богатым, если он не сможет на свои доходы содержать войска», а это, как известно, с помощью столь обильных налогов едва сможет выдержать даже римский народ. Итак, предположим — никогда ты не будешь богат, если ты не получишь со своих владений столько, что сможешь кормить шесть легионов, большое количество конницы и многие вспомогательные отряды пехоты»<sup>473</sup>.

462 Vell. Pat. II. 8.

463 Cic. Verr. act. I. 56; act. II. lib. I. 27.

464 Plut. Caes. 11–12.

465 Vell. Pat. II. 10. 1.

466 Ibid.

467 Plin. N.H. XXXVI. 103.

468 Val. Max. II. 9. 4.

469 Plut. Tib. Gracch. 2.

470 Plin. N.H. XXXVI. 115.

471 Plut. Mar. 34.

472 У Цицерона эта мысль встречается еще в «De officiis» I. 8. 25; См. С. 15. Прим. 2, где собраны отрывки из Плутарха, Цицерона, Плиния и Диона Кассия.

473 Cic. Parad. VI. 1: multi ex te audierunt, cum diceres neminem esse divitem, nisi qui exercitum alere posset suis fructibus, quod populus Romanus tantis vectigalibus fampridem vix potest: ergo hoc proposito, numquam eris dives ante, quam tibi ex tuis possessionibus tantum reficiatur, ut ex eo tueri sex legionibus et magna equitum, ac peditum auxilia possis.

В предшествующей главе были собраны некоторые примеры, когда полководцы Метелл Пий, Помпей, Домиций Агенобарб, Красс, Цезарь, Децим Брут и другие содержали большие войска на свои личные средства, претворяя на практике мысль Красса, которая сама была отражением общераспространенной практики. Данная мысль, столь понятная современникам, была уже непонятна Плинию и Плутарху, жившим спустя 100–150 лет после крушения Республики, в совершенно другую эпоху, когда произошло повсеместное уменьшение частных богатств в пользу центральной императорской власти. Сохранилось превосходное свидетельство Тацита, принципиального противника императорской власти, который, однако, отмечает в качестве заслуги новой власти уменьшение крупных богатств, возвращение высших классов к умеренности и простоте древних<sup>474</sup>.

Уменьшение частных богатств в I в. н. э. привело к тому, что Плиний не мог представить себе содержание афоризма Красса в его первоначальном объеме, столь хорошо памятном современникам Красса, в частности Цицерону. Поэтому Плиний начинает понимать под словом «*exercitum*» не 6 легионов + конница + вспомогательные отряды, а один легион — Плинию трудно представить себе столь великое богатство, сосредоточенное в руках частного человека. «Марк Красс, — передает Плиний, — не признавал богатым человека, который не мог содержать на свой годовой доход легиона»<sup>475</sup>. Сравнение отрывка из Плиния с отрывком из Цицерона показывает, как различно понимали одну и ту же мысль в разные эпохи.

Плутарху, жившему несколько позднее, мысль Красса представится совершенно фантастической: «Неумно было бы с его стороны не признавать и называть богатым того, кто не в состоянии содержать на свои средства целого войска. Ибо, — как сказал Архидам, — война питается не по норме; не ограничены, следовательно, денежные средства, требуемые войной»<sup>476</sup>. Таким образом, мысль Красса непонятна и Плутарху, ссылавшемуся на пример Спарты и Архидама, армия и средства которого были ничтожны по сравнению с огромной армией Рима, завоевавшей все Средиземноморье, и колоссальными средствами Рима, награбленными со всего Средиземноморья и разделенными среди узкой группы нобилитета.

Обладание огромными средствами, на которые можно было содержать войска, наличие многочисленного рабского персонала и обширной клиентелы, финансовые операции, в результате которых целые провинции, обширные страны фактически превращались в личные поместья, — все это приводило к необычайному усилению политического авторитета отдельных лиц и создавало реальные условия борьбы за власть между ними. Эта борьба завершилась грандиозной гражданской войной между Цезарем и Помпеем за власть, в результате которой нашла свою гибель римская аристократическая республика, установившая в I в. до н. э. господство небольшой кучки нобилитета над миром.

Сосредоточение богатств в руках небольшой кучки нобилитета не могло не привести к усилению неравномерности в распределении богатства в обществе. Небольшой группе магнатов, обладателей огромных и разнообразных богатств противостояла вся остальная масса римского гражданства, не говоря о рабах, нищая и фактически бесправная, существовавшая жалкими подачками могущественных лиц.

<sup>474</sup> Tac. Ann. III. 55: *Luxusque mensae, a fine Actiati belli ad ea arma, quis Ser. Galba rerum adeptus est, per annos centum profusis sumptibus exerciti, paulatim exolvere.*

<sup>475</sup> Plin. N.H. XXXIII. 134: *ex ea gente M. Crassus negabat locupletem esse nisi qui redditu annuo legionem tueri posset.*

<sup>476</sup> Плутарх. Избранные биографии. М.—Л.: Соцэкгиз, 1941. С. 245.

Народный трибун 93 г. Филипп лучше всего выразил мысль о создавшейся аномалии в распределении богатства, заявив: «В государстве нет и двух тысяч человек, которые бы имели состояние»<sup>477</sup>. Одной из наиболее важных обязанностей правителя Цицерон считал обязанность заботиться о том, чтобы имущество частных лиц не уменьшалось и чтобы в обществе не создавалась аномалия в распределении богатств<sup>478</sup>. В знаменитом «De petitione consulatus» Квинт Цицерон писал, что в Риме мало всадников, т.е. мало лиц, ценз которых был установлен впоследствии в 400 тыс. сест.<sup>479</sup> Отражая условия, создавшиеся в конце Республики, Саллюстий писал: «Дела внутри государства велись по произволу немногих; в руках тех же лиц находилась государственная казна, провинции, государственные должности, слава и триумфы; народ был обременен военной службой и нуждой, военную добычу расхищали главнокомандующие с немногими приближенными»<sup>480</sup>.

Ту же мысль вкладывает Саллюстий в уста Катилины, возможно передавая подлинную речь его: «В самом деле, после того как государство попало в полную власть и господство немногих могущественных лиц, им платят дани цари и тетрархи, им вносят налоги и пошлины цивилизованные народы и дикие племена, мы же, все остальные граждане, достойные, знатные и незнатные, попали в положение черни без всякого влияния и значения, сделались подчиненными тех, которые должны были бы дрожать перед нами, если бы республиканский строй сохранил свою силу. Итак, все влияние, могущество, почет, богатство находятся у них там, где они хотят. Нам на долю они оставили опасности, неудачи на выборах, суды и нищету... Действительно, кто из смертных, мужественных сердцем, может примириться с тем, что у них в избытке богатства, которые они расточают, застраивая моря и срывая горы, а нам не хватает всего нашего добра даже на необходимое. Они строят себе по два и более дома подряд, а у нас нет нигде даже домашнего очага. Они покупают картины, статуи, украшенные гравировкой, ломают еще новые дома и строят другие, наконец, всеми средствами расточают и тратят свои деньги, и все-таки не могут победить необузданной расточительностью своего богатства. У нас дома — нужда, вне стен его — долги, дурное настоящее, еще хуже будущее, в конце концов, ничего, кроме жалкого существования»<sup>481</sup>.

Характеризуя заговор Катилины, Плутарх замечает: «Да и в Риме замечалась крайняя шаткость настроений из-за создавшейся аномалии в распределении богатств: люди самые известные и знатные обнищали, разорившись на зрелища, пиры, на траты, связанные с властолюбивыми стремлениями, и на постройки, а их богатства стеклись к людям низкого звания и рода. При таком положении дел достаточно было немногого, чтобы нарушилось равновесие, и всякий отважный человек мог подорвать государственный строй, уже сам по себе нездоровый»<sup>482</sup>.

Итак, в результате ограбления провинций в руках частных лиц сосредоточились колоссальные состояния и, с другой стороны, росло обнищание на другом полюсе. Анализ структуры крупных имуществ показал, что преобладающую часть их составляли деньги, часто употребляемые для различных операций с провинциями (пред-

477 Cic. De off. II. 21. 73; «...non esse in civitate duo milia hominum, qui rem habent».

478 Ibid. «...in primis autem vivendum erit ei, qui rem publicam administabit, ut suum quisque teneat, neque de bonis privatorum publice deminutio fiat».

479 Cic. De pet. cons. 33: primum cognosci equites: pauci enim sunt. Sall. Bell. Jugurth. 41.

480 Sall. Bell. Jugurth. 41.

481 Sall. Cat. 20.

482 Plut. Cic. 10.

ставлявшими из себя несколько замаскированный грабеж), но нередко лежащими как сокровище.

Означало ли, однако, резкое укрупнение состояний, созданных, как правило, внеэкономическим путем, путем грабежа целых стран, соответствующее увеличение производства как провинций, так Рима и Италии. Иначе говоря, использовались ли производителем те деньги, которые в изобилии текли в Рим со всего Средиземноморья. На поставленный вопрос следует ответить отрицательно.

Римская знать, а также всадничество в самых широких размерах занимались разнообразными финансовыми операциями. Но последние носили совершенно иной характер, чем финансовые операции, имеющие место при капитализме. Это были главным образом ростовщические, откупные и торговые операции. Деньги, вложенные в них, не стали капиталом в собственном смысле, а были лишь торгово-ростовщическим капиталом, развивавшимся самостоятельно. А «самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества»<sup>483</sup>.

Аналогичную роль играет и ростовщический капитал. «Ростовщичество, — писал Маркс, — централизует денежное имущество там, где средства производства раздроблены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях.

Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, создающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращения их в капитал»<sup>484</sup>.

Таким образом, огромное количество денег, оказавшееся в руках частных лиц в конце Республики, не использовалось для развития собственно производства, но лежало как сокровище или пускалось в ростовщические и другие, сходные с ними операции. А грандиозное ростовщичество, достигшее наибольшего развития именно в конце Республики в связи с ростом частных состояний, не приводило к развитию производства, капитализма. Оно только истощало и разоряло провинции, но вместе с тем оказало лишь небольшое влияние на развитие ремесленного и сельскохозяйственного производства в собственно Италии. Было бы неправильным утверждать, что деньги, награбленные в провинциях, совсем не вкладывались в производство, в частности, в сельское хозяйство. Громадное увеличение состояний было вместе с тем и интенсивной концентрацией земельной собственности в одних руках. На приобретение земли, естественно думать, шла некоторая часть добычи, награбленной в провинциях. Тем не менее, если эта часть абсолютно и была большой, но относительно, по сравнению с ростом движимой части, была весьма малой. Малая доходность земельных владений по сравнению с огромными поступлениями из провинций отвлекала от интенсивной эксплуатации земельной собственности, не создавала стимула к солидным вложениям в хозяйство имений. Вот почему высокое развитие

483 Маркс К. Капитал. М., 1950. Т. III. С. 340.

484 Там же. С. 610–611.

ростовщического капитала в Риме мало отразилось на развитии производительных форм капитала. «В древнем Риме уже в позднейший республиканский период купеческий капитал достиг более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в промышленном развитии...»<sup>485</sup>.

Но куда же девались те крупные суммы денег, оказавшиеся в руках частных лиц. Лучший ответ на этот вопрос содержится у Маркса: «...древние и не думали о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления). Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на художественные произведения, религиозные сооружения, общественные работы. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве. Фактически они в общем и целом так и не пошли дальше ремесленного труда. Поэтому то богатство, которое они создавали для частного потребления, было относительно невелико, и кажется оно большим только потому, что скопилось в руках немногих, которые к тому же не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было *перепроизводства*, то было *перепотребление* у богатей, которое в последнюю эпоху Рима и Греции выливается в безумную расточительность»<sup>486</sup>.

Большое количество источников подтверждает эту мысль Маркса. Выше приводились многочисленные примеры наличия крупных сумм денег в составе имущества сенаторов. А это было основой чрезмерного потребления и безумного расточительства<sup>487</sup>. Необычайное развитие роскоши, как яркое проявление чрезмерного потребления богатых, многократно засвидетельствовано источниками и уже стало в литературе общим местом<sup>488</sup>. Следует только отметить, что сосредоточение крупных богатств в одних руках привело к тому, что роскошь в Риме достигла наибольшего развития именно в конце Республики. Наличие огромного количества денег приводило к появлению такого вида расточительства, которое не было известно ни в прежние, ни в последующие времена, а именно: содержание целого войска на частные средства, а также «траты, связанные с властолюбивыми стремлениями», — подкуп народа, устройство зрелищ, пиров, общественные постройки за свой счет. Так, Красс перед парфянским походом пожертвовал в храм Геркулеса около 800 тал. (19,2 млн. сест.), устроил угощение для римского плебса и выдал каждому римлянину из своих средств продовольствия на три месяца<sup>489</sup>. Консул 50 г. Эмилий Павел построил за свой счет роскошную базилику, истратив большую часть взятки Цезаря в 1500 тал.<sup>490</sup>. Расточительность Помпея и Цезаря<sup>491</sup> общеизвестна. Исполнение должности эдила в I в. до н. э. требовало огромных средств и часто поглощало крупные состояния<sup>492</sup>. В трактате «De officiis» Цицерон много места уделяет раз-

<sup>485</sup> Маркс К. Капитал. М., 1950. Т. III. С. 344.

<sup>486</sup> Маркс К. Теории прибавочной стоимости. М., 1957. Ч. 2. С. 533.

<sup>487</sup> Саллюстий (Cat. 20) имеет в виду Лукулла, который, по сведениям Варрона (Varr. R.г. I. III. 17. 9), срыл гору (perfordisset montem), чтобы провести морскую воду в свой рыбный садок в имении близ Неаполя.

<sup>488</sup> Гревс И. М. Указ. соч. С. 160–164.

<sup>489</sup> Plut. Crass. 2.

<sup>490</sup> App. В.С. II. 26; Plut. Caes. 29.

<sup>491</sup> Помпей построил роскошный театр в Риме (Plut. Pomp. 5; Plut. Caes. 5; App. В.С. II. 1).

<sup>492</sup> Commentarii Asconii Pediani de orat. Cic. pro Aemilio Scauro об эдилитете Эмилия Сквава.

яснению различия между расточительством, получившим большое распространение в его время, и истинной щедростью, которая необходима<sup>493</sup>.

До чего дошло чрезмерное расточительство богатых, показывает их отношение к сельскому хозяйству. На сельское хозяйство стали смотреть не как на производительную деятельность, а как на удовольствие. Как известно, даже в таком серьезном агрономическом труде, как «*Rerum rusticarum libri tres*» Варрона, господствует взгляд, что от имени хозяин ждет не только пользы, но и удовольствия, наслаждения<sup>494</sup>. Естественно думать, что подобная формулировка отражала и синтезировала широко распространенную практику того времени. Не говоря о необычайной роскоши загородных вилл, превратившихся в величественные дворцы, где размещалась огромная дворня, создаются целые отрасли сельского хозяйства, занятие которыми представляло собой безумное расточительство. Появляются большие парки для дичи и охотничьи загоны, процветает цветоводство, появляются грандиозные садки, «почти судоходных размеров», разводятся улитки, дрозды, сони и т.д.<sup>495</sup>

Иногда грандиозная вилла занимала все поместье, и в ней больше подметали, чем пахали<sup>496</sup>. Как резко возрастала цена поместья в зависимости от стоимости виллы, говорит следующий пример: Корнелия купила поместье, в Байях, около Мизена, за 75 тыс. ден., т.е. 300 тыс. сест.; это было поместье средних размеров (200–300 юг.) со скромной виллой. После построек, произведенных в том же поместье Мари-ем и Лукуллом, к которым последовательно переходило поместье, стоимость его без увеличения территории возросла до 10 млн. сест.<sup>497</sup> Только наличием роскошной виллы можно объяснить огромную цену среднего тускуланского поместья Эмилия Скавра в 30 млн. сест.<sup>498</sup> Подобные виллы имелись у Лукулла, Метелла<sup>499</sup>, Помпе<sup>500</sup>, Клодия<sup>501</sup> и др.

Нет никакого сомнения в том, что часть огромных капиталов, награбленных в провинциях или полученных в результате финансовых операций, шла на приобретение земли и покупку поместий. Были случаи вложений денег в обработку земли. Однако это не имело широкого распространения, ибо обладатели огромных состояний в этом не были заинтересованы. Вот почему огромные суммы денег в руках частных лиц лежали как сокровища и использовались лишь на чрезмерное потребление,

Из анализа структуры имущества римской сенаторской знати напрашивается также и другой важный вывод.

Многочисленные финансовые операции римской сенаторской знати в провинциях, прямая заинтересованность их в ограблении провинций, перенесение центра экономической деятельности знати в провинции, отсутствие заинтересованности в интенсивном ведении хозяйства в италийских имениях — все это не могло не привести к сближению с другой социальной группировкой римского общества, кровно заинтересованной в эксплуатации провинций, — римским всадничеством. В источниках имеются прямые указания, на основе которых написаны многочисленные исследования, детально показывающие энергичную деятельность римских всадников

493 Cic. De off. II. 7. 21; особенно II. 15. 52–55–57, а также II. 18. 61.

494 Varr. R.r. I. 4. 1.

495 Почти вся третья книга Варрона посвящена этим отраслям сельского хозяйства.

496 Plin. N.H. XVIII. 32 (о виллах Лукулла).

497 Plut. Mar. 34.

498 Plin. N.H. XXXVI. 115.

499 Varr. R.r. I. 13. 7. О роскоши вилл Лукулла см.: Cic. De off. I. 39. 140.

500 Cic. Ad Att. IV. 11. 1; Plut. Pomp. 80; Cic. Pro Mil. 20. 53.

501 Cic. Pro Mil. 20. 53.

в провинциях. В литературе господствует бесспорное мнение о том, что в конце Республики римское всадничество превратилось в специфически денежную аристократию, сосредоточившую в своих руках огромные денежные суммы, приобретенные благодаря хищной эксплуатации провинций. Предполагают, и не без основания, что в составе имущества всадников движимая часть намного превосходила недвижимую и в руках их сосредоточивались большие денежные суммы, пускаемые в оборот.

Поскольку земля считалась наиболее надежным источником помещения денежного капитала и основой социального положения в обществе, можно думать, что многие богатые всадники вкладывали деньги в землю, становились не только финансистами, но и землевладельцами. Помпоний Аттик *princeps equitum* был не только виднейшим финансистом, но и крупным землевладельцем. Крупнейшие финансисты своего времени Клувий из ПUTEОЛ<sup>502</sup> и Ситтий из НУЦЕРИИ<sup>503</sup> имели множество поместий и домов в разных местах Италии. О превращении одного богатого финансиста Фабия в землевладельца и скотовода говорит Цицерон в речи за Туллия<sup>504</sup>. О ценных владениях (*pretiosas possessiones*) римского всадника Сауфея и Юлия Калида в Африке, где у него было много владений (*multas Africanas possessiones*), говорит Корнелий Непот в биографии Аттика<sup>505</sup>. Приведенные примеры, которые легко могут быть увеличены, показывают, что земельные владения занимали солидную часть в имуществе римских всадников, тем не менее, главную его часть составляло движимое имущество, деньги, пускаемые в оборот в провинциях.

Таким образом, если структура имущества сенаторской знати эволюционировала в сторону увеличения движимой части, то имущество богатейших всадников, верхушки всаднического сословия, тесно связанного с эксплуатацией провинций, эволюционировало в сторону роста недвижимой части. Это приводило к тому, что структура имущества сенаторской знати, связанной с эксплуатацией провинций и верхушки римского владычества, становилась одинаковой. Последнее обстоятельство наряду с общей заинтересованностью в хищнической эксплуатации провинций не могло не привести к созданию прочной экономической базы для образования тесного союза всадников и сенаторов, получившего наиболее полное выражение в лозунге *concordia ordinum* вождя сенаторской партии, выходца из кругов всадничества Цицерона.

В конце Республики всадничество было тесно связано с нобилитетом, сенаторской знатью. Сенаторы, управляющие провинциями, командовавшие войсками, люди, занятые государственной и военной деятельностью, нуждались в использовании всадников как своих агентов, через которых удобно участвовать в финансовых операциях в провинциях. Всадникам же была необходима военная и судебная поддержка наместника, а иногда и сената, для выколачивания средств из провинциального населения. Таким образом, этот сложившийся на общей заинтересованности союз был взаимовыгодным для обеих сторон. В конце Республики сложился союз между римскими дельцами и наместниками. О таком союзе между наместником и публиканами говорил Цицерон в речи против Верреса<sup>506</sup>. Будучи наместниками в Азии

<sup>502</sup> Cic. *Ad Att.* XIII. 45. 3.

<sup>503</sup> Cic. *Pro Sulla.* 56.

<sup>504</sup> Cic. *Pro Tullio.* 19.

<sup>505</sup> Corn. Nep. *Att.* 12. 3–4.

<sup>506</sup> Cic. *Verr. act.* II. lib. III; обвинения в сделке с откупщиками рассеяны по всей книге: 21, 25, 30; 32, 33; 50; 55–57; 59–63; 97, 109; см. особенно 130–140.

и Киликии, Марк и Квинт Цицероны, постоянно выполняли требования публиканов и других финансистов<sup>507</sup>. Многочисленные рекомендации Цицерона наместникам провинций Азии, Вифинии, Македонии, Африки, Галлии, Киликии и др. преследовали цель содействия римским всадникам. Содействие наместника обычно хорошо вознаграждалось благодарными и богатыми финансистами. Однако римский сенатор оказывался в тесных деловых отношениях с всадниками не только во время исполнения наместничества, но и после.

Уже говорилось о том, что Цицерон, так же как и его брат, в течение длительного времени был в оживленных деловых отношениях почти со всеми крупными финансистами своего времени: публиканами разных обществ, банкирами, торговцами, ростовщиками и т.д.<sup>508</sup> Нет оснований отрицать столь же тесные деловые отношения между римскими финансистами и Крассом<sup>509</sup>. Известно, что Цезарь был в тесные деловые и дружеские отношения с богатым всадником Луккеем<sup>510</sup>, энергично поддерживал требование откупщиков о снижении откупной суммы с провинции Азии<sup>511</sup> и был обладателем большого количества *partes*<sup>512</sup>. Помпей, ростовщические операции которого отличались особым размахом, был в тесных отношениях с крупнейшим ростовщиком Клувием из Путеол<sup>513</sup>, Секстом Стацием<sup>514</sup> и другими выступающими в качестве его агентов. Племянник Суллы Публий Сулла был доверенным лицом крупнейшего дельца Ситтия из Нуцерии и неоднократно выполнял деловые поручения последнего<sup>515</sup>.

В результате совместной операции проконсул Сирии Габиний и крупнейший финансист Рабирий Постум восстановили Птолемея Авлета на египетском престоле и заработали огромные суммы<sup>516</sup>. Кроме того, Рабирий Постум был в тесных деловых отношениях с Цезарем<sup>517</sup>, Помпеем<sup>518</sup> и Цицероном<sup>519</sup>.

Римские всадники Скапций и Гавий в Каппадокии<sup>520</sup>, а Скапций и Матиний на Кипре были финансовыми агентами по сбору огромных процентов в пользу Брута<sup>521</sup>. Марк Лений играл такую же роль при сборе процентов с населения Киликии в пользу Торквата<sup>522</sup>. Особенно обширны были связи Атика с сенаторской аристократией, который раздавал деньги в долг многим ее представителям, а дела Марка и Квинта Цицеронов, Гортензия, Торквата и Катона вел в течение нескольких лет<sup>523</sup>. Определенные связи существовали между азиатской компанией публиканов и Ватинием<sup>524</sup>. Многие могущественные лица становились патронами выдающихся финансистов

<sup>507</sup> Cic. Ad Q. fr. I. 1. 32–36; Cic. Ad Att. VI. 2. 5.

<sup>508</sup> О том, что содействие наместника было небескорыстным, показывает письмо Cic. Ad Att. VI. 2. 5.

<sup>509</sup> Cic. Ad Att. I. 17. 9.

<sup>510</sup> Cic. Ad Att. I. 17. 11.

<sup>511</sup> Val. Max. II. 10. 7.

<sup>512</sup> Cic. Vat. 29.

<sup>513</sup> Cic. Ad Fam. XIII. 56. 8.

<sup>514</sup> Cic. Ad Att. VI. 1. 6.

<sup>515</sup> Cic. Pro Sulla. 56. 58.

<sup>516</sup> Cic. Pro Rabir. Post. passim, особенно 30–32.

<sup>517</sup> Cic. Pro Rabir. Post. 41–42.

<sup>518</sup> Рабирий предоставил заем Птолемею Авлету в альбанской вилле Помпея (Ibid. 6–7).

<sup>519</sup> Cic. Pro Rabir. Post. 45–47.

<sup>520</sup> Cic. Ad Att. VI. 1. 4.

<sup>521</sup> Ibid. 5.

<sup>522</sup> Ibid. 6.

<sup>523</sup> Corn. Nep. Att. 15. 2–3.

<sup>524</sup> Cic. Vat. 29. Ватиний имел много *partes* азиатской компании публиканов.



и поддерживали их дела в сенате, защищали их перед судом<sup>525</sup>, давали наместникам рекомендательные письма, обеспечивавшие им поддержку в завершении многих дел<sup>526</sup>.

Оживленные деловые связи сенаторской и всаднической верхушек на почве общих интересов по ограблению провинций приводили к появлению дружеских и родственных связей между родовыми аристократами и представителями верхушки римского всадничества и слиянию их в одну могущественную группу магнатов. Например, один из главных представителей всаднического сословия Помпоний Атик, находившийся в дружественных отношениях с виднейшими аристократами, породнился с Квинтом и Марком Цицеронами<sup>527</sup>, под конец своей жизни выдал дочь замуж за ближайшего помощника Августа Випсания Агриппу<sup>528</sup>.

Родственник Цицерона Теренций был магистратом одного из обществ публиканов<sup>529</sup>. Некто П. Веттий Хилон, магистрат другой компании публиканов, действующей в Сицилии, был шурином Гая Верреса<sup>530</sup>. В. Друман собрал сведения о том, что одна из самых аристократических фамилий Рима — Юлии — искала родственных и иных связей с богатыми представителями римского делового мира, надеясь спастись от разорения<sup>531</sup>.

Общность экономических интересов, оживленные деловые и родственные связи явились той основой, на которой появились предложения целого ряда выдающихся политических деятелей Римской республики ввести наиболее богатых римских всадников в сенат, завершив даже формально консолидацию этих групп с сенаторской знатью.

Чрезвычайно интересные сведения о законе Гая Гракха содержатся в эпитоме 60-й книги Тита Ливия. Перечисляя ряд законов Гая Гракха, эпитоматор продолжает: «...следующим законом он разделял всадническое сословие, в то время согласное [по основным вопросам] с сенатом [предложив], чтобы 600 всадников были избраны в курию, а так как в то время было всего триста сенаторов, присоединил к 300 сенаторам 600 всадников, т.е. [имел в виду], чтобы всадническое сословие имело в два раза больше представителей в сенате»<sup>532</sup>.

Согласно сведениям Плутарха, сначала Тиберий Гракх<sup>533</sup>, а затем Гай Гракх<sup>534</sup>, предложили закон, согласно которому постоянные судебные комиссии по разбору злоупотреблений в провинциях должны были иметь 300 сенаторов и 300 всадников. Известно, что все эти три проекта не были приняты; большая часть сенаторской знати еще не могла увидеть уже начинающий складываться союз двух сословий, который проницательно заметили наиболее дальновидные представители сенаторской знати.

Раздраженный узколобым эгоизмом сената, Гай Гракх предложил и провел в жизнь закон о предоставлении всадническому сословию суда над провинившимися-

525 Cic. Brut. 22.

526 Переписка Цицерона показывает, как необходимы и важны были рекомендации наместникам.

527 Сестра Атика была женой Квинта Цицерона (Corn. Nep. Att. 5).

528 Corn. Nep. Att. 19.

529 Cic. Ad Att. XI. 10. 1.

530 Cic. Verr. act. II. lib. III. 167.

531 Drumann W., Groebe P. Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republicanischer zur monarchische Verfassung. Berlin, 1899–1929. T. III. S. 733.

532 Liv. Ep. LX.

533 Plut. Tib. Gracch. 16.

534 Plut. G. Gracch. 5.

ся наместниками, нанося мощный удар заседавшему в сенате нобилитету, и обеспечил себе поддержку могущественного всаднического сословия. Захватив в свои руки суды по разбору злоупотреблений в провинциях, римские всадники получили орудие контроля над действиями всех наместников и имели реальные возможности заставить наместников действовать в желательном для всадников духе.

В сущности говоря, наместники были заинтересованы как прямо, так и косвенно поддерживать согласие с действующими в провинции всадниками и оказывать им всяческое содействие. Вот почему, несмотря на отделение судебной функции от сената и передачу ее всадникам, в период от Гракхов до Ливия Друза (123–91 гг. до н. э.) не наблюдается острых столкновений по этому вопросу между нобилитетом и всадничеством. Правда, в источниках есть единичные примеры злоупотреблений всаднических судов, но они случайны<sup>535</sup>.

Следует полагать, что именно в этот период союз всадничества с сенаторской знатью еще более укрепился и это укрепление получило выражение в предложении Ливия Друза, трибуна 91 г., ввести 300 наиболее богатых и знатных всадников в сенат<sup>536</sup>. Убийство Ливия Друза и вспыхнувшая затем союзническая война помешали проведению в жизнь его законопроекта, но в 88 г. Сулла, этот ярый враг всадничества, как принято считать в литературе, осуществляет проект Друза и вводит в сенат 300 новых членов, состоящих главным образом из всадников<sup>537</sup>. Отъезд Суллы на войну с Митридатом привел к аннулированию его законов, в том числе, вероятно, и упомянутого. Однако в 81 г. Сулла провел реорганизацию сената в духе закона 88 г. Число членов сената было увеличено с 300 до 600, причем большинство новых членов составляли именно всадники<sup>538</sup>.

Реформы 70-х годов передали всадникам частично также право судебного разбирательства совместно с сенаторами<sup>539</sup> злоупотреблений в провинциях. Юлий Цезарь ввел в сенат много всадников, Дион Кассий замечает, что всадническое сословие было постоянным источником пополнения сената<sup>540</sup>.

В литературе прочно утвердилось мнение о том, что в последние десятилетия Республики всадническое сословие оказывало сильное влияние на римскую внешнюю политику. Именно поддержка всадничества дала в руки Помпея командование на Востоке, в результате которого были присоединены к Риму многие провинции, а доходы римского государства увеличились на 70%<sup>541</sup>. Огромные территории, присоединенные Лукуллом, Помпеем, Цезарем на Востоке и на Западе, открывали новое обширное поле деятельности для римского ростовщического капитала, олицетворенного в крепком союзе верхушки сенаторской и всаднической знати.

Таким образом, союз верхушки всадничества и сенаторской знати был не эфемерным образованием, а прочным и длительным. Он был подготовлен экономическими причинами: общностью интересов по ограблению провинций, сосредоточением колоссальных богатств в одних руках и аналогичным строением имущества,

<sup>535</sup> Случайность этих примеров видна из того, что, например, осуждение Рутилия Руфа и упоминание о несправедливостях всадников (Vell. Pat. II. 13. 2) относится к середине 90-х годов, когда основные коллизии борьбы всадников и сенаторов прошли (Марий, Апулей Сатурнин).

<sup>536</sup> App. B.C. I. 35.

<sup>537</sup> App. B.C. I. 59.

<sup>538</sup> App. B.C. I. 100. См.: Liv. Ep. LXXXIX: senatum ex equestri ordine supplevit. См.: Dion. Halicarn. V. 77; а также Sall. Cat. 37.

<sup>539</sup> Vell. Pat. II. 32. 2–4.

<sup>540</sup> Dio. Cass. XLII. 51; Willems. Le senat romain. P., 1885. T. I. C. 593.

<sup>541</sup> Plut. Pomp. 45; См.: Franc T. Econom. Surv. Vol. I. P. 322.

тесными деловыми и родственными отношениями представителей обоих сословий. Свое завершение этот союз нашел во включении наиболее знатных и богатых членов всаднического сословия в сенат, в совместной дружеской работе всадников и сенаторов в постоянных судебных комиссиях.

Неоднократные предложения наиболее дальновидных представителей нобилитета (Грахов, Ливия, Друза) ввести в состав сената всадников, включение всадников в сенат Суллой, реформы 70-х годов, пополнение сената Цезарем, показали, как созрел и окреп этот союз; вместе с тем они показывают, что идея такого союза была отчетливо ясна тогдашним выдающимся политикам.

Союз верхушки всадничества с нобилитетом получил, кроме того, идеологическое обоснование. Оно нашло свое наиболее полное выражение в знаменитом лозунге *concordia ordinum* Цицерона. Личность Цицерона как нельзя лучше подходила для провозглашения этого лозунга. Всадник по происхождению, он с конца 60-х годов становится признанным вождем сенаторской партии. Активно занимаясь политикой, Цицерон имел самые тесные связи с наиболее выдающимися представителями нобилитета; вместе с тем интенсивные финансовые операции и судебная практика способствовали его обширным связям с многочисленными дельцами.

С. Л. Утченко в работе об идейно-политической борьбе в Риме накануне падения Республики специально исследовал теорию Цицерона о совершенном государственном устройстве, которое, по мнению С. Л. Утченко, представляет собой «сенаторский режим эпохи расцвета Республики» до гракханских смут<sup>542</sup>. С. Л. Утченко обратил внимание на то, что при анализе особенностей совершенного государственного строя Цицерон придает большое значение лозунгу *concordia ordinum*. Анализируя зарождение и оформление лозунга *concordia ordinum*, С. Л. Утченко подчеркивает, что это был не временный лозунг, а некое политическое кредо, исповедуемое Цицероном со времени его речи за Клуенция до самой смерти. В специальном трактате «*De re publica*» Цицерон не только пропагандирует излюбленный лозунг, но и пытается дать ему философско-теоретическое обоснование.

«Это обстоятельство доказывает со всей очевидностью, — пишет С. Л. Утченко, — что *concordia ordinum* и *consensus bonorum* не были для Цицерона только злободневными лозунгами, которые приспособлены к определенной политической ситуации и имеют значение лишь для нее, но теми принципиальными политическими задачами, той целью, к которой следует стремиться в любой обстановке»<sup>543</sup>.

Подобное понимание лозунга *concordia ordinum* Цицероном опиралось на реально сложившийся в конце Республики прочный союз верхушки всадничества и нобилитета, имеющий экономические и политические основы, о которых речь шла выше. Вместе с тем четкая формулировка и обоснование лозунга *concordia ordinum* отражали реальность политического чутья Цицерона и делают честь его государственному уму. *Concordia ordinum* рассматривалась Цицероном в качестве основы совершенного государственного устройства, которое при ближайшем рассмотрении оказывается несколько идеализированной аристократической республикой. И это понимание *concordia ordinum* опять-таки опиралось на реальные факты жизни и глубоко соответствовало сложившемуся в конце Республики порядку вещей. Система римской аристократической республики открывала широкие просторы для беспощадной эксплуатации провинций, а, следовательно, для перенесения центра тяжести

<sup>542</sup> Утченко С. Л. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952. С. 175.

<sup>543</sup> Там же. С. 181.

экономической деятельности и появления крупных частных состояний. Только в таких условиях мог сложиться и укрепиться союз всадничества и нобилитета, превратившийся в господство небольшой кучки магнатов над всем миром.

При новой императорской власти эксплуатация провинций была не менее жестокой, но императоры упорядочили управление провинциями, уменьшили произвол наместников и эксплуатировали провинции уже в свою пользу, в пользу центральной власти. Тем самым было отнято у частных лиц столь обширное и обильное поле обогащения и создания огромного имущества. В связи с этим исчезла экономическая основа союза верхушки всадничества и нобилитета, а союз, сложившийся в конце Республики, должен был распасться. Однако в конце Республики этот союз был довольно прочным объединением и оказывал большое влияние на политику.

### **О латифундиях во II веке до н. э. (О толковании 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана)\***

Седьмая глава I книги «Гражданских войн» Аппиана считается классическим местом, свидетельствующим о широком распространении латифундий в догракханскую эпоху. В литературе это мнение считается общепринятым. Не говоря о более ранних работах, указанное выше толкование допускают Т. Франк<sup>544</sup>, авторы VIII тома Кембриджской древней истории<sup>545</sup>, Пиганьоль<sup>546</sup>, П. Дукати<sup>547</sup>, Л. Парети<sup>548</sup>, Дж. Тибилетти<sup>549</sup>. Принято оно также в советской историографии, это нашло отражение в наших учебниках и учебных пособиях, например, в работах В. С. Сергеева<sup>550</sup>, Н. А. Машкина<sup>551</sup>, С. И. Ковалева<sup>552</sup>, В. Н. Дьякова<sup>553</sup>, а также и во II томе «Всемирной истории»<sup>554</sup>.

В нашей отечественной историографии нам известна лишь одна попытка поставить под сомнение изложение Аппиана о движении Гракхов, сделанная Д. Кончаловским<sup>555</sup>.

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1960. № 1. С. 46–60.

<sup>544</sup> *Franc T.* ESAR. T. I. Baltimore, 1933.

<sup>545</sup> САН. Т. VIII. Cambr., 1930.

<sup>546</sup> *Piganiol A.* Histoire de Rome. P., 1954.

<sup>547</sup> *Ducati P.* L'Italia antica. Milano, 1936.

<sup>548</sup> *Pareti L.* Storia di Roma. T. II. Torino, 1952.

<sup>549</sup> *Tibiletti G.* Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi // Athenaeum. XXVI (1948) — XXVII (1949).

<sup>550</sup> *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Т. I.

<sup>551</sup> *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1957.

<sup>552</sup> *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1948.

<sup>553</sup> История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалева и В. Н. Дьякова. М., 1956.

<sup>554</sup> Всемирная история. М., 1956. Т. II.

<sup>555</sup> *Кончаловский Д.* Критика данных Аппиана и Плутарха о причинах гракховского аграрного движения // Из далекого и близкого прошлого. Пг., 1923. С. 41–53; *Burdese A.* Studi sull'ager publicus. Torino, 1952. P. 15, называет некоторых исследователей, подвергающих сомнению достоверность сведений Аппиана о статусе ager publicus.

Однако, несмотря на сравнительную давность этого общепринятого толкования, оно не представляется столь бесспорным, как это может показаться с первого взгляда. Ряд мест того же Аппиана и особенно синхронные II в. до н. э. источники обнаруживают, что рисуемая Аппианом картина не соответствует условиям III и II вв. до н. э. Ввиду особой важности этого места стоит привести его целиком: «Дело в том, что богатые (οἱ πλούσιοι), захватив себе большую часть неразделенной на участки земли (ἀνεμήτου γῆς), с течением времени пришли к уверенности, что никто ее у них никогда не отнимет. Расположенные поблизости от принадлежащих им участков небольшие участки бедняков (ὄσα... βραχέα πενήτων) богатые отчасти скупили с их согласия (ὠνούμενοι πειθοῖ), отчасти отнимали силой (βίᾳ). Таким образом, богатые стали возделывать обширные пространства земли на равнинах вместо участков, входивших в состав их поместий (πεδία μακρὰ ἀντὶ χωρίων). При этом богатые пользовались покупными рабами (ὠνητοῖς) как рабочей силой в качестве земледельцев и пастухов с тем, чтобы не отвлекать земледельческими работами свободнорожденных (τοὺς ἐλευθέρους) от несения военной службы. К тому же обладание рабами приносило богатым большую выгоду: у свободных от военной службы рабов (θεράποντων) беспрепятственно увеличивалось потомство. Все это приводило к чрезмерному обогащению богатых (οἱ μὲν δυνατοί), а вместе с тем и к увеличению в стране числа рабов (τὸ τῶν θεράποντων γένος). Напротив, число италийцев (τοὺς δ' Ἰταλιώτας) уменьшалось, они теряли энергию, так как их угнетала бедность, налоги, военная служба (πενία τε καὶ ἐσφοραῖς καὶ στρατείας). Если же даже они были свободны от нее, все же они продолжали оставаться бездеятельными: ведь землю владели богатые, для земледельческих же работ они пользовались рабами, а не свободнорожденными» (τῆς γῆς ὑπὸ τῶν πλουσίων ἐχομένης καὶ γεωργοῖς χρωμένων θεράπουσιν ἀντὶ ἐλευθέρων)<sup>556</sup>.

Следуя точному смыслу отрывка, приходится прийти к выводу, что к середине II в. до н. э. весь ager publicus или, по крайней мере, большая его часть были захвачены богатыми (οἱ πλούσιοι), превратившимися в крупнейших землевладельцев, могущественных лиц (οἱ δυνατοί)<sup>557</sup>, обладателей огромных латифундий<sup>558</sup>. Огромные латифундии обслуживались обширным штатом покупных рабов. Основная масса крестьян разорилась и превратилась в безземельных бедняков, настолько бедных, что они не могли прокормить своих детей и были готовы идти на работы в качестве наемных рабочих к богатым. Но богатые не принимали их, ибо рабский труд был более выгоден.

Изложение Аппиана в хронологическом отношении имеет в виду довольно продолжительный период от завоевания Италии до эпохи Гракхов, иначе говоря, III в. и первую половину II в. до н. э. Именно в этот период произошли отмеченные Аппианом изменения, результатом которых и было развитие латифундий и обезземеливание плебса. Таким образом, распространение латифундий в Италии, по Аппиану,

<sup>556</sup> App. В.С. I. 7, пер. Жебелева С. А. Аппиан. Гражданские войны. Л., 1935. С. 20.

<sup>557</sup> Gabba E. Appiano e la storia delle guerre civili. Firenze, 1956. С. 55, относит δυνατοί к другой политической группе, идентифицируя πλούσιοι и κτηματῆκοί, включая в состав последней также и богатых союзников.

<sup>558</sup> Аппиан называет такие владения πεδία μακρὰ — обширные равнины. Аппиан явно противопоставляет πεδία μακρὰ, т.е. огромные латифундии, — χωρία, т.е. поместьям среднего размера (...πεδία μακρὰ ἀντὶ χωρίων ἐγεώργουν...). Латинский переводчик переводит этот термин Аппиана как ampla latifundia. Appiani Alexandrini romanorum historiarum quae supersunt / Didot. P., MDCCCXL. Сергеев В. С. Указ. соч. С. 152; Маликин Н. А. Указ. соч. С. 199; Дьяков В. Н. Указ. соч. С. 514; Всемирная история... Т. II. С. 346, переводят «огромные латифундии». В польском переводе Л. Пиотрович переводит ...cale latifundia. См.: Appian z Aleksandrii. Historia Rzymaska. Wroclaw, 1957. Т. II. S. 9.

относится еще к III в. до н. э. Однако в настоящее время даже сторонники раннего возникновения латифундий в Италии считают, что это сообщение Аппиана вряд ли может отражать условия III в. до н. э., а имеет в виду, скорее, картину аграрных отношений в Италии после Второй пунической войны<sup>559</sup>.

Итак, принимая эту поправку, мы должны все же признать, что уже к эпохе Гракхов создалась на одной стороне узкая группа крупнейших землевладельцев, обладателей колоссальных латифундий, на другой — нищий, безземельный плебс. Таково традиционное толкование, и оно на первый взгляд точно соответствует тексту 7-й главы. Однако внимательный анализ приведенного текста, а также дальнейшего изложения реформ Гракхов позволяет усмотреть некоторые противоречия у Аппиана.

Прежде всего, трудно согласовать со смыслом 7-й главы ту норму общественно-го поля, которую предложил Т. Гракх, определив ее в 500 югеров и лишь в некоторых случаях прибавив по 250 югеров на каждого из двух сыновей с тем, однако, чтобы владения семьи не превышали 1000 югеров. Во всем изложении Аппиана речь идет обычно о 500 югерах, так что, вероятно, это была основная норма<sup>560</sup>. Нет никакого сомнения, что 500 югеров не составляли *τεδίων μακρόν*, обширной латифундии, которая противопоставляется Аппианом поместью средних размеров, *τὸ χωρίον*. В этом отношении прав Тибилетти, отмечая, что латифундию составляли не 500 югеров, а количество земли, в четыре-пять раз большее<sup>561</sup>. Однако возникает возражение следующего порядка: Гракх предлагал оставить в руках владельцев 500 югеров общественной земли, но фактически ее у них могло быть гораздо больше. Кроме того, Гракх оставлял в руках владельцев их частные (не общественные) земли, являвшиеся собственностью на полном квинритском праве, хотя можно думать, что участки эти, вероятно, были незначительными и вряд ли они лежали в основе возникновения крупного имения. Последнее складывалось прежде всего и главным образом из оккупации *ager publicus*, который захватывался именно знатью<sup>562</sup>.

<sup>559</sup> Наиболее ярко эта точка зрения выражена Tibiletti G. *Il possesso...* // *Athenaeum*. XXVII (1949). P. 40..., а также в его докладе на Международном конгрессе историков в Риме. *Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'impero* // *Relazioni del X Congresso*. T. II. P. 244–248; Burdese A. *Op. cit.* P. 66; *Westermann W. The Slave systems of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955. P. 61–62; *Rostovtzeff M. The social and economic History of the Roman Empire*. Oxf., 1926. P. 15–19; *RE. Domänen*. Suppl. IV. 238–240; *Gabba E. Op. cit.* P. 35.

<sup>560</sup> *Tibiletti G. Il possesso...* // *Athenaeum*. XXVII (1949). P. 204, считает, что в число 500–1000 югеров включалась по закону Семпрония не только культивируемая, но и пастбищная земля. И в этом одно из отличий закона Семпрония от более раннего — второго закона *de modo agrogum*, о котором говорят *Caton*; *Aul. Gell.* VI. 3. 37; *Plut. Tib. Gracch.* 8; *App. B.C. I.* 8, который, кроме 500 югеров культивированной земли, предписывал еще и пастбище на 100 голов крупного и 500 голов мелкого скота. *Burdese A. Op. cit.* P. 72. Прим. 3; P. 73 и др., разделяет это мнение Тибилетти. О соотношении проблемы латифундий и проблемы пастбищ см. также: *Tibiletti G. Lo sviluppo...* P. 256–258.

<sup>561</sup> В другом месте, правда, Тибилетти (*Tibiletti G. Lo sviluppo...* P. 252–255), называет участки в 500 югеров латифундиями. Сальвиоли считает, что в эпоху Катона участок в 200 югеров был латифундией (Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Харьков, 1923. С. 47). Подробнее о понимании термина «латифундия» в литературе см.: Кузицин В. И. Хозяйство италийской латифундии в конце Республики // *Вестник Московского университета*. 1958. № 4.

<sup>562</sup> *Schrot Gerh. Die Verwendung des ager publicus in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischer Wirtschaftspolitik* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1956. № 1. S. 58–61; *Гревс И. М. Большое сельское поместье в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I в. Империи* // *ЖМНП*. 1897. Сентябрь — Октябрь; *Кончаловский Д. Указ. соч.* С. 50; *App. B.C. I.* 7–8; *Plut. Tib. Gracch.* 8, единодушно говорят об этом.

Отсутствие прямых данных о величине земельного надела того или иного лица во II в. до н. э. затрудняет ответ на вопрос о том, насколько превосходили владения крупного землевладельца II в. до н. э., взятые все вместе (т.е. частные и общественные земли), цифру в 500 югеров. Тем не менее, некоторые косвенные данные свидетельствуют, что все вместе владения ненамного превышали 500–1000 югеров. Так, Плутарх сообщает, что Фабий Максим, представитель одного из наиболее знатных и богатых римских родов, имел земель только на 6 талантов, т.е. на 144 тысячи сестерциев<sup>563</sup>. Противник Т. Гракха М. Октавий был крупным землевладельцем своего времени, тем не менее, Т. Гракх вполне мог возместить стоимость всех земель Октавия из своих, как подчеркивает Плутарх, не очень больших средств (ἐκ τῶν ἰδίῳν, καίτερον οὐ λαμπρῶν ὄντων)<sup>564</sup>. Хотя мы не знаем, какими средствами располагал Тиберий, но уже покупка столов его братом Гаем за 1250 драхм считалась расточительством<sup>565</sup>. Наконец, Аппиан сообщает, что Т. Гракх в одной из своих речей заявил, что переход 500 югеров земли в собственность, согласно закону, является достаточной компенсацией не только за остальную (сверх 500 югеров) землю, но также за те посадки и строения, которые были сделаны там раньше<sup>566</sup>. Тиберий не сказал бы этого, если бы земли, которые он отбирал, намного превосходили 500 югеров, скажем, в несколько раз; в этом случае этот аргумент Тиберия не имел бы никакой силы у слушателей<sup>567</sup>.

В нашем изложении мы исходили из произвольной предпосылки, что указанные Аппианом цифры в 500–750–1000 югеров относились к одному сплошному имению<sup>568</sup>. Однако для такой предпосылки нет достаточно веских доказательств. Уже сама округлость цифр 250, 500 югеров не может не навести на мысль, что перед нами не одно имение, а совокупность нескольких, дающих в целом этот круглый результат. К счастью, у нас имеется возможность сопоставить цифры и характеристики Аппиана с данными такого добротного и почти синхронного эпохе Гракхов источника, как «Земледелие» Катона<sup>569</sup>. В центре внимания Катона, как известно, стоят виноградник в 100 югеров и оливковый сад в 240 югеров (гл. 10–11), кроме описания этих видов имений, Катон сообщает о пригородном поместье (гл. 7. 1), которое также, судя по всему, было небольшим. Наилучшим, наиболее доходным, по мнению Катона, является поместье всего в 100 югеров (I. 7) с самыми различными посадками<sup>570</sup>. Тот факт, что, с одной стороны, в центре внимания Катона стоит неболь-

<sup>563</sup> Plut. Fab. Max. 7; Аврелий Виктор говорит о 200 тыс. сестерциев (ducentis millibus..., Aur. Vict. Fab. Max.). К сожалению, нам неизвестна даже приблизительно стоимость одного югера земли в это время.

<sup>564</sup> Plut. Tib. Gracch. 10.

<sup>565</sup> Там же. Плутарх подчеркивает, что в этом отношении Тиберий был даже умереннее брата.

<sup>566</sup> App. В.С. I. 11: μισθὸν ἄμα τῆς πελονημένης ἐξεργασίας ἀντάρκη φερομένουσ τὴν ἐξαίρετον ἄνευ τιμῆς κτήσιν ἐς ἀεὶ βέβαλον ἐκάστω πεντακοσίων πλέθρων...

<sup>567</sup> Tibiletti G. Il possessore... // Athenaeum. XXVI (1948). P. 197–201, считает, что в изложение Аппиана включены отрывки подлинных речей Тиберия и Гая Гракхов.

<sup>568</sup> Сам Аппиан не допускал, что могло существовать сплошное поместье в 750–1000 югеров; последняя цифра, по его мнению, возникла из сложения трех (500 + 250 + 250 югеров) или двух (500 + 250 югеров) поместий.

<sup>569</sup> Книга Катона появилась, вероятно, в самом конце его долгой жизни, т.е. около середины II в. до н. э. См.: Gummerus H. Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. Lpz., 1906. S. 16; Луццатто Д. Экономическая история Италии. М., 1954. С. 71; Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комм. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950. С. 122.

<sup>570</sup> Сергеевко М. Е. Катонская шкала различных доходностей // ВДИ. 1949. № 1; Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комм. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950. С. 126–127.

шое поместье, а с другой, — подразумевается множественность имений у одного хозяина, приводил исследователей к мысли о том, что перед нами различные части одного целого, крупного хозяйства, обширной латифундии. Еще в свое время К. Нич считал, что имение Катона распалось на три части: первая часть состояла из двух вилл, оливкового сада (под Венафром) в 240 югеров и виноградника (под Казином) в 100 югеров; вторая — из хлебного поля, обрабатываемого арендаторами и, наконец, третья часть — из *ager publicus*, использовавшегося как пастбище и находившегося между виноградником и оливковой рощей<sup>571</sup>. Однако это предположение Нича нельзя считать доказанным<sup>572</sup>. Ему, прежде всего, противоречит сам дух катоновского трактата, пронизывающее его стремление к максимальной интенсификации, утилизации каждого клочка земли, что, естественно, могло иметь место лишь в небольших хозяйствах, а не на обширных площадях латифундий. Для Катона виноградник и оливковый сад — не различные части одного целого, а различные хозяйства, каждое со своим укладом, со своими отраслями, с определенным контингентом рабочей силы, наконец, со своим руководителем, виликом. Хозяин выполняет лишь функции контроля, он смотрит за тем лишь, как выполняются работы. Характерно, что столь практичный хозяин, как Катон, не проронил ни слова о координации деятельности виноградного и оливкового хозяйства, он еще не понимает выгоды единого сельскохозяйственного комплекса в 500, или 1000 югеров. С другой стороны, несомненно, что интерес Катона к различным видам имений, виноградному, оливковому саду, пригородному имению свидетельствует о множественности небольших имений у одного хозяина<sup>573</sup>. Исследование сельскохозяйственного трактата Варрона, сочинений Цицерона показало, что даже к концу Республики в Италии преобладали поместья средних размеров, а не латифундии<sup>574</sup>. Изучение архитектурных остатков кампанских сельских вилл, проведенное Каррингтоном, показало, что именно к концу III — началу II в. до н. э. относится возникновение и развитие в Италии того типа *villa rustica*, который столь характерен для небольшого поместья и столь соответствует описаниям Катона<sup>575</sup>.

Таким образом, сопоставление более ранних как литературных, так и некоторых археологических данных<sup>576</sup> со свидетельствами Аппиана не может не привести нас к выводу, так хорошо сформулированному Тибилетти: «тот факт, что сам Катон в своей книге не обнаруживает сознания экономической выгоды единого сельскохозяйственного комплекса в 500 югеров, а говорит о поместье в 100 югеров, оливковом саде в 120 и 240 югеров, винограднике в 100 югеров, представляет какой-то вес, если предположить, что 500 или больше югеров могли быть результатом сложения

<sup>571</sup> Nitzsch K. Über Gatos Buch von Landbau... См.: Gummerus H. Op. cit. S. 17. Точки зрения Нича придерживался Гревс И. М. (Очерки истории римского землевладения. СПб., 1899. С. 260–262). К этой же точке зрения склоняется и W. Westermann (Op. cit. P. 68–69). См. также: Всемирная история. Т. II. С. 347.

<sup>572</sup> Концепция К. Нича подвергнута критике: Gummerus H. Op. cit. S. 17–19.

<sup>573</sup> Скорее всего, у самого Катона было не меньше трех имений: пригородное, виноградник и оливковый сад.

<sup>574</sup> Кузицин В. И. О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики // ВДИ. 1957. № 1.

<sup>575</sup> Carrington R. C. Some Ancient Italian Country Houses // Antiquity. 1934. Т. VIII. № 31. По мнению Каррингтона, этот так называемый первый тип вилл был самым распространенным, в нем лучше всего сохранился италийский сельский дом в его первоначальной и чистой форме.

<sup>576</sup> Аэрофотосъемки Брэдфорда в Апулии в 1950 г. показали широкое распространение небольших ферм, принадлежащих римским колонистам, типичный способ лимитации полей. См.: Braedford J. S. P. The Apulia Expedition. An Interim Report // Antiquity. 1950. № 94. P. 88–91.



различных имений, лежащих в окрестности или в различных областях»<sup>577</sup>. Следует думать, что нормы, предложенные Тиберием Гракхом в 500 и 250 югеров, не только механически дублировали более ранние, но исходили из общераспространенной практики своего времени, находясь в полном соответствии с советами Катона.

Таково первое противоречие конкретного изложения Аппиана с общей картиной аграрных отношений, данной им в 7-й главе.

Ряд других сведений Аппиана о земельных владениях «богатых» также не дает нам оснований назвать эти имения латифундиями, *δαί μακρά*. Аппиан в двух местах определяет эти владения *οἱ κλήροι*<sup>578</sup>, т.е. участки, наделы. Но известно, что этот столь конкретный термин применялся обычно к небольшому имению<sup>579</sup>. Следовательно, в этих примерах речь идет не об обширных равнинах.

Интересны в этом отношении характеристики Аппиана земельных владений «богатых», к сожалению, случайные и немногочисленные. Богатые указывают на давнюю и, вероятно, интенсивную обработку отбираемых у них участков (*ἀρχαία τε ἔργα ἑαυτῶν*), на сделанные ими садовые насаждения (...καὶ φυτά), на возведение многочисленных построек (...καὶ οἰκοδομίας) (I. 10), на разнообразные орудия труда (καὶ κατασκευῆς — I. 8). В другом месте (I. 18) они опять ссылаются на произведенные древесные посадки<sup>580</sup> на земле (...ἐκ τεφυτευμένης), на находящиеся на ней постройки (...καὶ ἐπαυλέων)<sup>581</sup>, плодородие и хорошую обработку владений богатых.

Естественно, что хорошая обработка земли и разнообразный инвентарь требовали известных вложений. Возможно, именно о вложениях в землю следует думать, читая замечание Аппиана о том, что часть земельных владений богатых связана с долговыми обязательствами (*δανεσταὶ τε χρέα καὶ ταύτης ἐπεδείκνυον* — I. 10). Очевидно, часть «богатых», обрабатывающих и застраивающих свои участки, отцовские наделы (*πατρῴοι κλήροι*), попадала в лапы ростовщика и разорялась. Вероятно, не случайно Катон в самом начале своей книги о земледелии столь сурово оценивает деятельность ростовщика, ссылаясь на предков, испытавших на себе все «прелести» ростовщичества<sup>582</sup>.

Несмотря на недостаточность и случайность этих замечаний Аппиана, создается впечатление о существовании небольших интенсивных хозяйств, требующих значительных вложений и постоянной заботы, т.е. картина, весьма напоминающая хозяйство катоновского типа<sup>583</sup>. Именно создание таких интенсивных небольших

<sup>577</sup> *Tibiletti G. Lo sviluppo...* P. 245.

<sup>578</sup> *App. B.C. I. 1. 10: ἰτάφους τε ἔνιοι πατέρων ἐν τῇ γῆ καὶ διαίρεσεις ἐπὶ τοῖς κλήροις ὡς πατρῴοις; I. 18: ἴοῦτε τὰ συμβόλαια οὔτε τὰς κληρουχίας ἐπὶ ἐχόντων ἀπάντων...*

<sup>579</sup> *Thesaurus linguae graecae. IV. 1638: ...specialius etiam dicitur κλήρος inquit idem Bud., haerediolium, paedium, fundus...*

<sup>580</sup> *App. B.C. I. 8: ἐκ τοσοῦδε χρόνου κτήσιν τοσήνδε...* опять указывается на давность посадок, обработки и т.д.

<sup>581</sup> Говоря о древесных посадках (*τά φυτά*), Аппиан, вернее, его источник, очевидно, прежде всего имеет в виду виноградники и оливковые посадки, как раз широко разводившиеся именно во II в. до н. э. См.: *Сергеевко М. Е.* Характерные черты сельскохозяйственной жизни средней Италии во II в. до н. э. // ВДИ. 1952. № 4, а также Катон. Земледелие... С. 132.

<sup>582</sup> *Cato. praef. 1: Maiores nostri hoc sic habuerunt et ita in legibus posuerunt, furem dupli condemnari, foeneratorem quadrupli. Quanto paiorem civem existimarint foeneratorem quam furem, hinc licet existimari.*

<sup>583</sup> Нельзя не согласиться с остроумным наблюдением Тибилетти, что Гракхи должны были раздавать плебсу плодородные, хорошо обработанные участки, а не залежные или необработанные земли, пастбища, подъем которых требовал громадных средств и сил, которых у плебса не было: *Tibiletti G. Lo sviluppo...* P. 252. А эти плодородные земли изымались у богатых.

хозяйств привело к тому подъему сельского хозяйства Италии, который мы застаем в конце Республики и который превратил Италию в сплошной фруктовый сад, где каждый клочок земли интенсивно обрабатывался<sup>584</sup>. Эта картина резко контрастирует с экстенсивным хозяйством громадных латифундий, где отдавалось предпочтение скотоводству, и где иногда значительная часть земли совсем не обрабатывалась, опустошалась дикими зверями<sup>585</sup>.

Тибилетти указывает, что между проблемой латифундий и проблемой пастбищ существует тесная связь. Однако сам же Тибилетти признает, что проблема пастбищ не нашла отражения в наших источниках<sup>586</sup>, и это кажется странным. Однако эта странность немедленно исчезает, если предположить, что во II в. до н. э. не существовало ни проблемы пастбищ, о чем говорит Тибилетти, ни проблемы латифундий. Италия II в. до н. э. была покрыта не громадными экстенсивными латифундиями, *πεδία μακρά*, а множеством мелких поместий, *τὰ χωρία*, *οἱ κλήροι* катоновских размеров<sup>587</sup>. Однако это не значит, что во II в. до н. э. не было ни одной латифундии. Они, возможно, уже появились в ряде мест Этрурии и Апулии, в Сицилии, но были настолько немногочисленны и случайны, что не могли еще привлечь к себе общественное мнение, в том числе и Гракхов.

Следующие данные Аппиана также находятся в противоречии с выводом о широком распространении в Италии II в. до н. э. латифундий, о господстве узкой, но могущественной группы богатых, по терминологии Аппиана. Кроме общего и расплывчатого понятия «богатые» (*οἱ πλούσιοι*, *οἱ κεκτημένοι*, *οἱ κτηματικοί*, *οἱ δυνατοί*), самым обычным термином для обозначения богатых у Аппиана является *οἱ πλούσιοι*. Некоторые же частные характеристики богатых, которые приводятся главным образом при конкретном изложении борьбы за аграрный закон Гракха, не позволяют видеть в них могущественных землевладельцев, обладателей колоссальных латифундий.

Во-первых, у Аппиана есть ясное указание на то, что сенат, сенатская аристократия составляла лишь небольшую часть «богатых»: «Богатые» (*οἱ δυνατοί*) предложили трибунам передать дело в сенат (*τῇ βουλῇ*) для рассмотрения их разногласий. Гракх ухватился за это предложение, считая, что его законопроект понравится всем благомыслящим людям (*πᾶσι τοῖς εὐφρονοῦσιν*), он бросился к курии (*εἰς τὸ βουλευτήριον*). Там, оставшись в небольшом числе (*ἕκειδ' ὡς ἐν ὀλίγοις*), богатые (*ὑπὸ τῶν πλουσίων*) стали издеваться над ним (I. 12)<sup>588</sup>. Это не верхушка сената, не большая часть сената,

584 Varr. R.r. I. I. 2. 6: Contra quid in Italia utensile non modo non nascitur, sed etiam non egregium fit? quod far conferam Campano? quod triticum Apulo? quod vinum Falerno? quod oleum Venafro? non arboribus consito Italia ut tota pomarium videatur? См. также: Rostovtzeff M. Op. cit. P. 30.

585 Plut. Tib. Gracch. 8, ясно говорит о запустении Этрурии, о распространении там латифундий. Возможно, Плутарх преувеличивает развитие латифундий в Этрурии во II в. до н. э., но, несомненно, он правильно уловил связь между развитием латифундий и запустением области. Об экстенсивности хозяйства латифундий отчетливо свидетельствуют Col. I. 3. 8; 9. 12; и Plin. N.H. XVIII. 35.

586 Tibiletti G. Lo sviluppo... P. 250–258.

587 App. B.C. I. 18 излагает деятельность аграрной комиссии по выявлению излишков общественной земли и говорит о возникших при этом трудностях. Главная трудность состояла в том, что было невозможно отличить первоначальный участок, так как все участки имели одинаковый вид (...ἐπὶ τῆρ πολλοὺς τὰ πλεῖστον ἐκ πονοῦντας τὴν ἑκατέρωθεν ὄψιν συγχέει): были засажены деревьями, хорошо обработаны, имели строения, что также свидетельствует о том, что Италия была покрыта массой небольших имений. Ср.: Gabba E. Op. cit. P. 50.

588 Цитированное место, где «богатые» обозначены терминами *δυνατοί* и *πλούσιοι*, а также гл. 7-я, например, *οἱ γὰρ πλούσιοι*, *τῆσδε τῆς ἀνημίτου γῆς* ... и т.д., *ἀπὸ δε τούτων οἱ μὲν δυνατοί πόμπαν* ... и т.д., показывают, что этими терминами обозначался один и тот же общественный слой, а не различные слои, как считает Gabba E. Op. cit. P. 55.

наконец, не весь сенат, а обозначение гораздо более многочисленного слоя землевладельцев, в котором сенатская аристократия занимала небольшое место.

С другой стороны, весьма показательное обращение Тиберия Гракха к сенату, апелляция к разуму благомыслящих людей. Известно, что в состав аграрной комиссии входили такие знатнейшие и, очевидно, богатые землевладельцы, как Аппий Клавдий Пульхр, Фульвий Флакк, Папирий Карбон; аграрный закон Тиберия разрабатывался при участии таких «знаменитых и доблестных людей в Риме, как Красс, бывший тогда верховным понтификом, законовед Муций Сцевола, в то время консул, и Аппий Клавдий, его тесть» (Plut. Tib. Gracch. 9). Не углубляясь в этот сложный вопрос, требующий специального исследования, можно, однако, с известным основанием предположить, что часть сената, крупные землевладельцы своего времени, находили закон Тиберия Гракха приемлемым, и мы осмелимся предположить потому, что их земельные владения, вероятно, ненамного превышали законную норму, так что вследствие принятия законопроекта они бы не понесли ущерба<sup>589</sup>.

В 10-й гл. Аппиан рассказывает об ожесточенной борьбе, кипевшей между «богатыми» οἱ πλούσιοι и «бедными» οἱ πένητες вокруг аграрного закона. И те и другие выдвигали свои доводы за и против закона. Любопытны соображения богатых против закона: горько плача, одни из них указывали бедным на продолжительную обработку участков, на сделанные древесные насаждения и постройки. Другие говорили: мы заплатили за наши участки соседям (γείτοσιν); неужели мы должны лишиться вместе с этой землей и уплаченных денег? Третьи сетовали: на этой земле могилы наших предков (τάφοις τε πατέρων); поэтому имеющиеся у нас надельные являются наследственными (ἐπὶ τοῖς κλήροις ὡς πατρίοις). Некоторые указывали на то, что на приобретение своих участков они израсходовали приданое жен, что часть земли (τὴν γῆν πασῶν ἐμπρόκτιον) они дали в приданое своим дочерям. Займодавцы (δανεισταί) ссылались на долговые обязательства, связанные с землей (...χρέα καὶ ταύτης ἐπεδείκνυον — I. 10). Здесь что ни фраза, то опровержение основных мыслей 7-й гл. о господстве узкой, но могущественной группы латифундистов.

Интересно упоминание о покупке земли у соседей (γείτοσιν), уплата за эту землю приданого жен. Перед нами не захват общественной земли, а коммерческая операция, требовавшая наличных денег, а за большое количество земли солидной суммы<sup>590</sup>. А денег, не говоря III в. до н. э., и во II в. до н. э. в Риме и в Италии в руках частных лиц было еще немного. Вот почему покупка Гаем Гракхом столов за 5000 сестерций каждый считалась расточительством (Plut. Tib. Gracch. 2)<sup>591</sup>. Эмилия Лепида цензоры оштрафовали за наем дома стоимостью в 6 тысяч сестерциев как за расточитель-

<sup>589</sup> Если предположить, что описанные Катонем виноградное поместье в 100 югеров, оливковый сад в 240 югеров, пригородное имение принадлежали одному лицу, тому же Катону, прибавив сюда некоторое количество югеров (100–200–300) общественной земли, использованной Катонем под пастбище (Cic. De off. II. 25. 89), то в сумме (100 + 240 + 100 (?) югеров + 200–300 (?), получится 600–800 югеров земли, включая пастбища и культивируемую землю, как и предполагают *Tibiletti G. Il possesso...* // Athenaeum. XXVI (1948). P. 204 и *Burdese A. Op. cit.* P. 73.

<sup>590</sup> Термином γείτων, судя по смыслу 7-й гл., Аппиан обозначает «бедных» (οἱ πένητες), теряющих землю. Однако в контексте 10-й гл. им, возможно, названы и зажиточные соседи, по каким-либо причинам продающие свою землю. Так как речь идет о покупке, о заключении официальных договоров (τὰ συμβόλαια — I. 18), об уплате определенной ἢ τιμῆ (I. 10), то, очевидно, здесь имеется в виду продажа—покупка *ager privatus*, не *ager publicus*. *Ager privatus*, как уже отмечалось, в это время еще не был большим.

<sup>591</sup> *Луциатто Д.* Указ. соч. С. 68. Прим. 1. Римский асс только около 217 г. до н. э. был уменьшен до 1 унции, т.е. 27 г, иными словами, 100 тыс. ассов (25 000 сестерциев) весили 2,7 т, т.е. были совершенно не пригодны для обмена.

ство (Vell. Pat. II. 10. 1), Корнелия Руфина осудили за то, что у него в доме оказалось 10 фунтов серебряной посуды (Val. Max. II. 9. 1). Гая Катона осудили за вымогательство в провинции, исчисленное всего в 7 тыс. сестерциев<sup>592</sup>.

Сципион Эмилиан, вероятно, один из богатейших людей своего времени, имел состояние в 60 талантов (1,44 млн. сестерциев)<sup>593</sup>. Эмилий Павел, победитель Персея, также имел имущества на 60 талантов<sup>594</sup>. А ведь это были, так сказать, уникальные состояния. Так что указания Аппиана на покупку земли за наличные деньги, из приданого жен можно понимать только в том смысле, что купленные в результате подобной операции земли были не особенно большими, во всяком случае, это не были латифундии.

Упоминания о том, что часть земли была отдана дочерям в качестве приданого (ἐμπροίκιος — I. 10), о продаже земли и дележе ее между совладельцами (I. 18)<sup>595</sup>, о разделе земель на участки (I. 18) позволяют думать, что наряду с процессом концентрации земли в одних руках происходит до некоторой степени и обратный процесс.

Возвращаясь к анализу 10-й гл., где Аппиан излагает доводы «богатых» против аграрного закона: одни указывали на значительные вложения в землю, другие на то, что земля куплена, третьи — на наследственный характер владения, четвертые на долговые обязательства, отдачу земель как приданое, продажу и разделы, — исследователь приходит к невольному выводу о том, что аграрный закон затронул не какую-то узкую группу латифундистов, владения которых образовались в результате наглого захвата, а многочисленный слой владельцев самого разнообразного типа<sup>596</sup>.

В той же 10-й гл. Аппиан сообщает о появлении в Риме «другой громадной толпы» (πλήτος ἄλλο ὄσον) из колоний и муниципий (ἐν ταῖς ἀποίκαις πόλεσιν ἢ ταῖς ἰσολολίτισιν), лиц, имеющих свою долю в общественной земле (...ἢ ἄλλως ἐκοινώνει τῆσδε τῆς γῆς) и присоединившихся не только к «бедным», но и, что особенно важно, к «богатым». В связи с этим число сторонников «богатых» возросло значительно, и Аппиан говорит уже о многолюдстве (...πλήθει) «богатых»<sup>597</sup>.

Данные других авторов, более близких к эпохе Гракхов и поэтому, можно предполагать, более достоверных при изложении событий эпохи Гракхов, — Цицерона, Тита Ливия, Веллея Патеркула, позволяють еще более конкретизировать термин Аппиана «богатые». Так, Тит Ливий говорит о том, что аграрный закон Тиберия был

<sup>592</sup> Vell. Pat. II. 8. 1. Его присудили к штрафу в 18 тыс. сестерциев; штраф в два с половиной раза превышал награбленную сумму.

<sup>593</sup> Polyb. XXXI. 28. 1–8.

<sup>594</sup> Polyb. Там же; Plut. Aemil. Paul. 39. 1 и 5 — 370 тыс. денариев, т.е. 1,48 млн. сестерциев.

<sup>595</sup> App. B.C. I. 18: ...ἢ τοῖς συμμάχοις ἐπιδηρήτο: «среди союзников», но вряд ли имелись в виду в данном контексте, где речь идет о продаже-покупке, италийцы-союзники. Перевод этого термина С. А. Жебелевым (см. Аппиан. Гражданские войны... С. 26) как «совладельцы», представляется более приемлемым.

<sup>596</sup> Очень хорошо восстанавливает содержание 10-й гл. А. Валлон (Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 446: «Многочисленные граждане, которые приобрели небольшую часть захваченных государственных земель на тяжелых для себя условиях, полили ее своим потом, видоизменили своим трудом, покрыли виноградниками, насаждениями из маслин и постройками, так что сама земля стала чем-то второстепенным, если рассматривать как главное то, что имело большую ценность и т.д.»). О большом количестве «богатых» ясно говорит и сам Аппиан. App. B.C. I. 8: διόρθωσιν δ' οὐκ ἐπινοοῦντες, ὡς οὐδὲ ῥάδιον ὄν οὐδὲ πάντη δίκαιον, ἀνδρας τοσοῦσδε ἐκ τοσοῦδε χρόνου κτήσιν τοσῆνδε ἀφελέσθαι φυτῶν τε ἰδίων καὶ οἰκοδομημάτων καὶ κατασκευῆς.

<sup>597</sup> Plut. Tib. Gracch. 12, говорит о стоявших толпой богачах и собственниках: ἰὼς μέντοι πρὸς τοὺς πλουσίους καὶ τοὺς κτηματικοὺς συνεστῶτας...

внесен не только против желания сената, но и всаднического сословия (*adversus voluntatem senatus et equestris ordinis*. Ep. 58)<sup>598</sup>. Веллей Патеркул включает в состав противников Гракха не только сенаторов и большую часть всадников, но и не участвующий в пагубных планах народ (*intacta perniciosis conciliis plebs* — II. 3. 2)<sup>599</sup>, т.е. он значительно расширяет социальное содержание термина Аппиана «богатые». Наконец, Цицерон, автор, наиболее близкий хронологически к эпохе Гракхов, говорит о том, что трибунал Тиберия расколол римский народ на две части (*mors Tib. Gracchi et iam ante tota illius ratio tribunatus divisit populum in duas partes* — Cic. De rep. I. 19. 31). Эти указания источников опровергают вывод о сложившейся в эпоху Гракхов узкой группе владельцев огромных латифундий, захвативших весь *ager publicus* в свою пользу, которым противостоял на другом полюсе безземельный плебс.

С другой стороны, аргументы «богатых» против аграрного закона, по крайней мере в изложении Аппиана, весьма основательны, и сам Аппиан вынужден признать: «Таким образом, несправедливые действия богатых (*τὸ τῶν πλουσίων ἀδίκημα*), хотя они были и значительны, с трудом могли быть доказаны (*δυσεπίγνωστον ἦν*)» (I. 18). Последнее соображение опять-таки вряд ли имеет в виду владельцев огромных латифундий, образованных в результате захвата и насилия, как об этом говорилось в 7-й гл., несправедливость приобретения которых доказать было бы, конечно, нетрудно<sup>600</sup>.

В связи со всеми этими предположениями становится понятным, почему и перед комиссией аграрных триумвиров встало множество непреодолимых трудностей, возникло большое количество сложных судебных процессов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что консул Тудитан, которому было предоставлено право судебного разбирательства, занявшись этим делом и увидев всю его трудность, отправился в поход в Иллирию и свой отъезд выставил как предлог, чтобы избавиться от судебных разбирательств (I. 19)<sup>601</sup>.

Вероятно, количество лиц, затронутых аграрным законом, было так велико, что проведение закона в жизнь могло привести к серьезному потрясению всех владельческих отношений на полуострове<sup>602</sup>. Отсюда множество судебных процессов,

<sup>598</sup> *Tibiletti G. Il possessore... // Athenaeum. XXVI (1948). P. 203–204*, указывает на усилия гракханской пропаганды доказать выгодность реформы всадникам, по терминологии Тибилетти, «капиталистам». Тибилетти приписывает эти аргументы самому Тиберию. М. Е. Сергеевко (Земельная реформа Тиберия и рассказ Аппиана // ВДИ. 1958. № 2), подчеркивая стремление Тиберия доказать выгодность своего закона всадникам, приписывает его не Тиберию, а памфлету его брата Гая Гракха.

<sup>599</sup> *Tibiletti G. Il possessore... // Athenaeum. XXVI (1948). P. 196*, говорит о незаинтересованности городского пролетариата в земельной реформе. Развитие этой мысли см.: *Tibiletti G. Lo sviluppo... P. 275*.

<sup>600</sup> Вызывает возражение положение Аппиана о полном захвате *ager publicus* «богатыми» во II в. до н. э. Известно, что в 60-х годах I в. до н. э. в качестве *ager publicus* выступает ряд областей в Кампании, например, *ager Campanus* и *ager Stellas* (Cic. De leg. agr. II. 35; Suet. Caes. 20), и в других районах Италии (Cic. De leg. agr. I. 34; II. 36–37). В письме к Аттику (Cic. Ad Att. II. 15. 4) Цицерон сообщает о многих лицах, владевших государственной землей, (...eorum, qui agros publicos possideant...) и плативших налог публиканам. В числе владельцев *ager publicus*, в частности, были жена Цицерона Теренция и Помпоний Атик.

<sup>601</sup> *Ducati P. Op. cit. P. 512–513*, сообщает о миссиях Л. Постумия Альбина, консула 173 г., и П. Лентула, консула 165 г., по решению сената изымавших у владельцев захваченный *ager publicus* (*ager Campanus*). Действия консулов вызывали множество самых разнообразных процессов.

<sup>602</sup> *Tibiletti G. Il possessore... // Athenaeum. XXVI (1948). P. 203*, говорит, что Тиберий сам отлично понимал серьезность своего закона, который затрагивал аграрную организацию большей части италийского полуострова.

бурное развитие событий, небывалое ожесточение и крайние методы борьбы. Аппиан, описывая борьбу сторонников Гракха с «богатыми», отмечает большое смятение (I. 15). Характерно, что консул отказался принять диктаторские полномочия и поддержать военной силой сторону «богатых» (Plut. Tib. Gracch. 19), так что «богатые» вынуждены были бороться со сторонниками Тиберия своими силами. Опираясь на свое многолюдство, богатые разгромили сторонников Тиберия Гракха. Это большое количество лиц самых разнообразных сословий и прослоек, затронутых аграрным законом Тиберия Гракха, плохо согласуется со смыслом 7-й гл., где имеется в виду узкая прослойка крупнейших магнатов.

Таким образом, конкретное изложение Аппиана относительно реформ Гракхов наводит исследователя на мысль о том, что Италия III–II вв. до н. э. не представляла страну латифундий, пастбищ и пустырей, а была покрыта множеством тесно примыкавших друг к другу имений катоновских размеров, ведущих интенсивное хозяйство и ориентировавшихся на рынок. А эти выводы находятся в противоречии со смыслом 7-й гл.

Вместе с тем невозможно согласиться с мнением Д. Кончаловского, считавшего все описание Аппиана риторическим местом, не имеющим ценности исторического документа<sup>603</sup>. Следует думать, что конкретное изложение реформ Гракхов заимствовано Аппианом из более ранних и достоверных источников. Подавляющее большинство исследователей Аппиана согласно приходят к заключению, что он или использованный им источник имели в своем распоряжении речи Тиберия и Гая Гракхов, произведения гракханской пропаганды<sup>604</sup>.

Если, таким образом, конкретные данные Аппиана вполне точны и соответствуют эпохе II в. до н. э., то главные мысли 7-й гл. принадлежат целиком Аппиану или его эпохе и представляют собой уже определенную концепцию, сложившуюся в эпоху I–II вв. н. э. под влиянием современных ей процессов и искусственно проецированную в прошлое, в эпоху Гракхов.

Подтверждением нашего тезиса можно считать также следующие соображения.

Седьмая глава композиционно не связана тесно с конкретным изложением реформ и является не чем иным, как введением к ним, причем введением тенденциозным, преследующим цель оправдать и объяснить реформаторскую деятельность Гракхов<sup>605</sup>. Естественно думать, что подобное введение принадлежит целиком Аппиану или близкому ему источнику<sup>606</sup>. Ряд данных показывает, что 7-я гл. Аппиана

<sup>603</sup> Кончаловский Д. Указ. соч. С. 53.

<sup>604</sup> Carcopino J. Autour des Gracques. P., 1928. P. 5 сл., историческую ценность рассказа Аппиана о Гракхах оценивает выше, чем рассказ Плутарха. Ср.: *Daremborg Ch. et Saglio E. Dictionnaire des Antiquités*. P., 1877. ст. agrariae leges. Tibiletti G. Il possessore... // *Athenaeum*. XXVI (1948). P. 193 сл. отмечает ценность и точность конкретных данных Аппиана. Ср.: *Burdese A. Op. cit.* P. 13. На использование ранних документов эпохи II в. до н. э., хотя и тенденциозное, указывает *Gabba E. Op. cit.* P. 34–72. *Piotrowitz L.* Plutarch a Appjan. Studja źródłowe do historii Rzymu w epoce rewolucji. Ok res I (133–70). Poznań, 1921. S. 179–181, особенно высоко ставит ценность рассказа Аппиана, отметив, что Аппиан ничего не изменял в своих источниках в угоду своему времени.

<sup>605</sup> *Gabba E. Op. cit.* P. 40, прямо говорит о «сильной односторонности», о прямолинейности изложения, желании достичь заранее поставленных целей, опущении других аспектов проблемы, которые бы придали всей проблеме иной колорит, о сильном *reductio ad unum* разнородных явлений, о тенденциозном подборе отрывков из речей Тиберия Гракха.

<sup>606</sup> *Gabba E. Op. cit.* P. 56, пытается наметить мысли, принадлежащие собственно Аппиану, и мотивы, заимствованные непосредственно из источника. Tibiletti G. Il possessore... // *Athenaeum*. XXVI

содержала определенную концепцию аграрного развития Рима и Италии, сложившуюся в конце I в. н. э. Прежде всего, если бы кто-нибудь из современников конца I в. н. э. попытался кратко изложить схему аграрного развития Италии от завоевания Италии до конца I в. н. э., не останавливаясь на деталях и имея в виду конечную цель (широкое распространение латифундий, которые действительно господствовали в I в. н. э.), а не отдельные этапы, он бы сделал это в стиле Аппиана и был бы прав, ибо это описание как схема развития аграрных отношений до конца I в. н. э. соответствовало исторической действительности конца I в. н. э. Подобная схема и была выработана в I в. н. э. и довольно широко распространена в то время. Во всяком случае Плутарх воспроизводит ее в несколько краткой форме в биографии Тиберия Гракха<sup>607</sup>.

Оставляя в стороне сложный вопрос об общности источников Аппиана и Плутарха, столь близкое сходство в изложении этого вопроса у двух писателей<sup>608</sup> может служить доказательством не только общности концепций о распространении латифундий во II в. до н. э., но и о ее широкой распространенности.

(1948). Р. 193, разбирая § 7–8 Аппиана по фразам, восстанавливает фактические данные, подчеркивая их достоверность и точность, в то время как собственные суждения Аппиана обычно путаны и противоречивы. К сожалению, Тибилетти обрывает свой анализ как раз в самом начале интересующего нас места 7-й гл., так как его это место не интересовало.

<sup>607</sup> «Земли, завоеванные у соседних народов (τῆς τῶν ἄστυγειτόνων χώρας), римляне частью продавали (ἐπίπρασκον), частью обращали в государственное имущество (δημόσιον) и раздавали в пользование малоимущим гражданам (νέμεσθαι τοῖς ἀκτήμοσι καὶ ἀπόροις τῶν πολιτῶν) за небольшую плату. Богатые (...δὲ τῶν πλουσίων) стали повышать арендную цену (ὑπερβάλλειν τὰς ἀποφοράς) и вытеснять, таким образом, бедных (τοὺς πένητας) с их участков, вследствие чего был издан закон, не позволявший ни одному гражданину держать более 500 югеров земли. Закон этот положил на некоторое время предел корыстолюбию (...τὴν πλεονεξίαν) богатых и помог бедным (τοῖς πένησιν) удержаться на арендуемых ими участках и сохранить те доли (μοῖραν), которые достались им при первоначальной разверстке. Но вскоре богатые стали переводить на себя аренду через посредство подставных лиц, а в конце концов открыто закрепили за собой большую часть земель (τὰ πλεῖστα). Вытесненные с участков бедняки (ἐξωσθέντες οἱ πένητες) уже не проявляли готовности исправно нести военную службу и растить с должной заботой своих сыновей, так что в Италии стали замечаться, с одной стороны, убыль в свободных гражданах, а с другой, — наплыв рабов, варваров, с помощью которых богатые обрабатывала отнятую у граждан землю (τὰ χωρία)». Плутарх. Избранные биографии / Пер. под ред. С. Я. Лурье. М.—Л., 1941. С. 200. Сравним отрывок Плутарха с 7-й гл. Аппиана, можно указать на некоторые совпадения, в частности на широкое распространение латифундий в догракховскую эпоху, главным образом за счет ager publicus, на громадный наплыв рабов, на обеднение свободных, на неспособность их нести военную службу и растить сыновей. Однако имеются большие отличия. Если цель реформы у Аппиана — поддержать всех италийцев, то у Плутарха речь идет, очевидно, о римском народе. Если, по Аппиану, богатые большую часть земель захватили насильем, то у Плутарха они ее прибрали к рукам, повышая арендную плату. У Аппиана ager publicus не разделен на участки, а по Плутарху — разделен; Плутарх называет государственную землю ἡ δημοσία, Аппиан не пользуется этим понятием. Ср.: Кончаловский Д. Указ. соч. С. 40–42.

<sup>608</sup> На различия в изложении Плутарха и Аппиана относительно реформ Гракхов и судьбе ager publicus во II в. до н. э. исследователи указывали давно, например, Валлон А. Указ. соч. С. 444; Humbert H. Agrariae leges. Dictionnaires des Antiquités Greques et Romaines... S. 162; Кончаловский Д. Указ. соч. С. 40–42; Carcopino J. Op. cit. P. 7 сл.; Tibiletti G. Il possessore... // Athenaeum. XXVI (1949). P. 206–209; Burdese A. Op. cit. P. 57; Gabba E. Op. cit. P. 55–56; Piotrowicz L. Plutarch a Appjan..., указывая на совпадение духа рассказа, многочисленных сентенций, часто выраженных даже в одних терминах, говорит об общем греческом источнике как Плутарха, так и Аппиана. Некоторые итоги этой дискуссии подвел Тибилетти, Указ. место, предложивший свою теорию, объясняющую указанные различия. Burdese A. Указ. место, разделяет это мнение Тибилетти; М. Е. Сергеевко (ВДИ. 1958. № 2. С. 155): «Между рассказом Аппиана и биографией Тиберия у Плутарха лежит пропасть...».

Но почему концепцию, изложенную Аппианом в 7-й гл. I книги и Плутархом в 8-й гл. биографии Тиберия Гракха, следует отнести к концу I в. н. э., а не к концу II в. до н. э. или к концу I в. до н. э.? Есть ли для этого какие-либо основания? Такие основания содержатся в главах Аппиана.

Аппиан постоянно отождествляет италиков с римским народом: объектом аграрной реформы Гракха является не римский народ, а италики. Говоря о распределении *ager publicus*, завоеванного у тех же италиков, Аппиан резко противоречит себе, заявляя: «римляне делали это для увеличения численности италиковского племени» (ἐς πολυανδρίαν τοῦ Ἰταλικοῦ γένους. I. 7). Описывая захваты «богатых» и обнищание бедных, Аппиан под последними подразумевает именно италиков (τοὺς δ'Ἰταλιώτας ὀλιγότες καὶ δυσανδρία κατελάμβανε τρυχομένους πενία τε καὶ ἐσφοραῖς καὶ στρατείας. I. 7). Тиберий Гракх произносит речь не о ком ином, как об италиковском племени (περὶ τοῦ Ἰταλικοῦ γένους. I. 9), о его бедственном положении, о его количественном уменьшении. Аграрная реформа рассматривается Тиберием как дело, полезное всей Италии (ἔργον ὀσιώτατον καὶ χρησιμώτατον Ἰταλία πάση. I. 12), причем имеются в виду все народы Италии (οὐδ' ἑνός γένους ἄλλα πάντων ὅσα Ἰταλία ἔθνη. I. 15)<sup>609</sup>. Италики рассматриваются у Аппиана в качестве основной военной силы Рима, как основной контингент римских легионов. Бедность, налоги, военная служба считаются главными причинами бедствий италиков. Италики — это главная опора Сципиона Эмилиана во время его многочисленных военных походов (I. 19).

Отождествление италиков с римским народом, конечно, не могло быть допущено Тиберием Гракхом<sup>610</sup>, тем более что в то время большая часть Италии не имела гражданских прав и хотя бы поэтому резко отличалась от римского народа<sup>611</sup>. Еще в 40-х годах I в. до н. э., когда италики уже около столетия пользовались правами римского гражданства и действительно составляли основную силу римских

<sup>609</sup> На различия в изложении Плутарха и Аппиана относительно реформ Гракхов и судьбе *ager publicus* во II в. до н. э. исследователи указывали давно, например, *Валлон А.* Указ. соч. С. 444; *Humbert H.* Agrariae leges. Dictionnaires des Antiquités Grecques et Romaines... S. 162; *Кончаловский Д.* Указ. соч. С. 40–42; *Carcopino J.* Op. cit. P. 7 сл.; *Tibiletti G.* Il possessore... // *Athenaeum.* XXVI (1949). P. 206–209; *Burdese A.* Op. cit. P. 57; *Gabba E.* Op. cit. P. 55–56; *Piotrowicz L.* Plutarch a Appjan..., указывая на совпадение духа рассказа, многочисленных сентенций, часто выраженных даже в одних терминах, говорит об общем греческом источнике как Плутарха, так и Аппиана. Некоторые итоги этой дискуссии подвел Тибилетти, Указ. место, предложивший свою теорию, объясняющую указанные различия. *Burdese A.* Указ. место, разделяет это мнение Тибилетти; *М. Е. Сергеевко* (ВДИ. 1958. № 2. С. 155): «Между рассказом Аппиана и биографией Тиберия у Плутарха лежит пропасть...».

<sup>610</sup> В этом отношении интересен отрывок Цицерона: *Ti. Gracchus purseveravit in civibus, sociorum nominisque Latini jura neglexit ac foedera. Quae si consuetudo ac quicquid manere coeperit latius, imperiumque nostrum ad vim a iure traduxerit, ut qui adhuc voluntate nobis obediunt terrore teneantur.* *Cic. De rep.* III. 29. 41. Таким образом, Тиберий Гракх не только не отождествлял италиков с римскими гражданами, но даже относился к первым пренебрежительно. Несмотря на возможную тенденциозность Цицерона, это свидетельство — хронологически самое близкое к эпохе Гракхов и, на наш взгляд, имеет большую ценность. См.: *Кончаловский Д.* Указ. соч. С. 43–46.

<sup>611</sup> *И. Л. Маяк* (Характер и роль «*colonia romana*» в распространении римской власти на Апеннинском полуострове // ВДИ. 1956. № 2), отмечает, что именно во II в. до н. э. увеличивается значение прав римского гражданства, углубляется грань между римскими гражданами и негражданами, усиливается угнетение союзников. *Gabba E.* Op. cit. P. 43–46, пытается доказать правильность сведений Аппиана о том, что к использованию *ager publicus* с самого начала допускались союзники, и, таким образом, большая часть отобранной у завоеванного города земли, в конце концов, попадала жителям этого же города. Нельзя не видеть, что этим автор значительно преуменьшает (вернее отрицает) жестокость римского господства на полуострове.



легионов, Цицерон и Цезарь говорили о *populus romanus* и *tota Italia*<sup>612</sup>, разделяя эти два понятия.

Лишь в I в. н. э., в особенности в эпоху Флавиев, выходцев из италийской муниципальной знати, вероятно, произошло окончательное отождествление понятия римского народа и Италии, отождествление, приведшее к появлению специального термина *cives Romani ex Italia*, выделявшего италийских римских граждан от римских граждан других областей Империи, к созданию специфического *jus italicum* с его солидными привилегиями, позволившего Стацию с такой гордостью противопоставить италийца пунийцу (*Stat. Silv. IV. 5. 45. 46*)<sup>613</sup>. Тождество этих двух понятий, столь различных во II в. до н. э., было для Аппиана само собой разумеющимся, и как естественное оно переносилось им в эпоху Гракхов<sup>614</sup>. В 7-й гл. одной из основных мыслей Аппиана является следующая: обладание большим количеством рабов обогащало богатых из-за того, что у рабов, свободных от военной службы, беспрепятственно увеличивалось потомство. Все это приводило к увеличению числа рабов в стране. Чтобы подчеркнуть рост потомства рабов, Аппиан противопоставляет ему уменьшение числа италийцев (I. 7).

Данная мысль Аппиана вряд ли отражает условия III–II вв. до н. э., когда основным источником рабов были, бесспорно, войны, а не рождение их в доме<sup>615</sup>. Известно, как изобретателен был Катон в вопросе выжимания из рабов разнообразной прибыли (*Plut. Cat. Mai. 21*), вряд ли бы он обошел своим вниманием эту, по мнению Аппиана, весьма доходную часть. Тем не менее, Катон по этому поводу хранил молчание. Лишь уменьшение притока рабов, захваченных во время войны, столь характерное для ранней Империи, привело к повышению удельного веса домашних рабов (*vernae*) и поощрению рождаемости среди рабов (*Westermann. P. 86; 97–98*). Таким образом, и эта деталь концепции Аппиана заимствована им из своего времени и принесена во II в. до н. э.

Очень интересна и хронологически более точна мысль Аппиана, которую он вкладывает в уста «бедных». Упрекая «богатых» в захвате земель, «бедные» приводят такой довод: вследствие бедности их жены бесплодны (*ἔς ἀγονίαν*), а они сами не могут воспитывать детей (*οὐ δύνασθεοι παιδοτροφεῖν. I. 10*). Этот аргумент бедности получает распространение в литературе I в. н. э. Как известно, при Нерве в государственном масштабе был учрежден специальный алиментарный фонд, имеющий

<sup>612</sup> Cic. *Ad Fam. XI. 8; XII. 8; XII. 5: populi vero Romani totiusque Italiae mira consensio est; Caes. B. C. III. 12: atque omnis Italia populusque Romanus iudicavisset.*

<sup>613</sup> *Momigliano A.* Рец. на кн. *Sherwin-White A. W. The Roman citizenship // JRS. 1941. T. 31. P. 162–163*, приводит надпись (II в. н. э.) из *CIL. III. 5212: cives Romani ex Italia et aliis provinciis in Raetia consistentes.* *Momigliano* считает ее весьма знаменательной.

<sup>614</sup> *Gabba E.* *Op. cit. P. 81–82.* Прим. 1, возражает против того, что «союзнический аспект» работы Аппиана принадлежал самому Аппиану, а не был заимствован им из его источника, т.е. Азиния Поллиона. Главные доводы Габба следующие: а) у Аппиана имеется тесная связь союзнической и аграрной проблем. Центр тяжести лежит на союзнической проблеме, и это понятно, если предположить, что Аппиан заимствовал из Азиния Поллиона, писавшего именно в тот период, когда союзнический вопрос стоял в центре внимания. К эпохе Аппиана союзнический вопрос потерял всякую остроту. Вряд ли можно согласиться с Габба, что аграрной проблеме уделено Аппианом меньшее внимание, чем союзнической; б) у Аппиана нигде больше не говорится о том, что в эпоху Антонинов приобретение прав римского гражданства для отдельных лиц или целых социальных групп рассматривалось в качестве необходимого условия участия в *ἡγεμονία*, иначе говоря, произошел упадок политического значения права гражданства, хотя автор и признает весомость противоположных аргументов.

<sup>615</sup> *Westermann W.* *Op. cit. P. 60–62.*

целью поддержать мелкое землевладение и, в частности, выделить определенную часть средств для воспитания детей бедных родителей<sup>616</sup>. Широко практиковалась раздача денег для воспитания детей бедняков богатыми частными лицами, например Плинием Младшим<sup>617</sup>. Мы осмеливаемся высказать предположение, что трактовка Аппианом реформы Тиберия Гракха как средства поддерживать всех италийцев, всю Италию, создать для «бедных» условия растить сыновей, увеличивать потомство, была навеяна мероприятиями Антонинов по установлению алиментарных учреждений.

Аппиан влагает в уста бедных и следующий невероятный для II в. до н. э. упрек по адресу богатых: «бедные упрекали тех, кто вместо них, свободнорожденных граждан-воинов (ἀντί ἐλευθέρων καὶ πολιτῶν καὶ στρατιωτῶν), брал на работы рабов, людей, не заслуживающих доверия (ἀπιστόν ἔθνος), всегда неверных и вследствие этого не пригодных для военной службы» (I. 10). Тот же мотив противопоставления гражданина, как война, рабу, как человеку не сражающемуся, прослеживается у Аппиана в речи Тиберия Гракха. «Разве гражданин равен рабу, разве воин не полезнее человека не сражающегося»<sup>618</sup>. В 7-й гл. свобода от военной службы рабов (ἀστρατεία) выдвигается Аппианом в качестве контраста многочисленным походам свободных.

Трудно представить подобный довод в условиях III–II вв. до н. э., когда раб рассматривался как вещь, как говорящее орудие. Могла ли возникнуть в таких условиях мысль о сравнении свободного гражданина (ὁ πολίτης) с рабом, считавшимся вещью. Это тем более невероятно, что основным преимуществом римского гражданина по сравнению с рабом, по Аппиану, является то, что первый — это воин, человек сражающийся — ὁ στρατιώτης (I. 11), а раб свободен от военной службы. Взгляд на раба как на человека, по природе такого же, как и свободный, характерен для эпохи I–II вв. н. э., и появление таких взглядов отражало скорее не расцвет рабовладения в Риме II–I вв. до н. э., а его начинающийся кризис<sup>619</sup>.

Подводя итог изложению, следует еще раз подчеркнуть, что рассказ Аппиана о реформе Тиберия Гракха наряду со многими сведениями, заимствованными автором из более ранних источников и соответствующими эпохе Гракхов, содержит положения, характерные уже для более позднего времени — второй половины I и начала II в. н. э.<sup>620</sup> Эта картина перенесена Аппианом в эпоху Гракхов. Отсюда противоречия в изложении Аппиана, столь естественные, с нашей точки зрения. Схема аграрного развития Рима и Италии, данная Аппианом в 7-й гл. I книги, (обширные латифундии) не принадлежит к эпохе Гракхов, а отражает более поздние условия.

<sup>616</sup> Dessau. ILS. 977.

<sup>617</sup> Plin. Ep. IV. 1. 4–6; VII. 18 — последнее письмо показывает, что и этой мере прибегали многие богатые римляне.

<sup>618</sup> App. B.C. I. 11: καὶ ἐι γνησιώτερος ἀεὶ θεράπωντος ὁ πολίτης καὶ χρησιώτερος ὁ στρατιώτης ἀπολέμου. Ср.: Сергеевко М. Е. ВДИ. 1958. № 2.

<sup>619</sup> Mazzarino S. Storia romana e storiografia moderna. Napoli, 1954. P. 71. (к сожалению, эта работа оказалась для меня недоступной; см. Gabba E. Op. cit. P. 82), высказывает предположение, что большое внимание, уделяемое Аппианом социальным факторам в этой части его работы, является результатом понимания историками императорского времени, в том числе и самим Аппианом, социальных и экономических явлений. Габба полемизирует с этим.

<sup>620</sup> Каркопино, основываясь на филологическом анализе некоторых терминов Аппиана, в частности выражения τρεῖς ἄνδρας ἐναλασσομένους κατ' ἔτος, которое он считает греческим переводом латинского tres viros quotannis alternatos (а пассив глагола alterno в латинском языке появляется, начиная с Колумеллы и Сенеки), полагает, что источник Аппиана относится к эпохе Флавиев — не раньше — и является великим предшественником Тацита. См.: Carcopino J. Op. cit. P. 202–205.

## Цицерон—домовладелец

### (К вопросу о концентрации имущества в Риме в конце Республики)\*

Последнее столетие Римской Республики было не только насыщено бурными политическими событиями и переворотами. В сущности говоря, напряженная политическая жизнь умирающей республики была следствием той ожесточенной классово-социальной борьбы, которая раздирала римское рабовладельческое общество. В связи с этим представляет значительный интерес рассмотрение основ этой острой социальной борьбы. Одним из главных материальных источников обострения классовых противоречий в I в. до н. э. была усилившаяся резкая поляризация римского общества, приведшая к концентрации разнообразного имущества в руках небольшой кучки сказочно богатых магнатов и к созданию наряду с классом рабов люмпен-пролетариата. Концентрация имущества в руках немногих шла в различных направлениях, проявлялась в различных сферах деятельности.

Именно в I в. до н. э. происходит невиданное ранее сосредоточение земельной собственности, создаются громадные земельные состояния<sup>621</sup>. Типичен в этом отношении пример Марка Туллия Цицерона, из скромного землевладельца превратившегося в земельного магната<sup>622</sup>.

Вопрос о концентрации земельной собственности в конце Республики в настоящее время является одним из наиболее точно установленных фактов римской истории, стал общим местом в научной литературе. Однако другие направления процесса концентрации богатств гораздо менее привлекают внимание исследователей. Одним из таких менее исследованных процессов концентрации имущества является сосредоточение в одних руках собственности на дома и другую городскую недвижимость. Малочисленность, разбросанность и отрывочность сохранившихся данных о домовладении в Риме в конце Республики затрудняют исследование этой проблемы. К счастью, до нас дошла большая часть обширной корреспонденции Цицерона, которая представляет наиболее полные данные о домовладении одного из представителей римского магнатства — самого Цицерона.

Прежде всего, Марк Цицерон был собственником многочисленных гостиниц (*diversoria*), расположенных на оживленных дорогах и в больших городах. Цицерон постоянно ездил в свои усадьбы, часто выезжал из Италии. Разъезжая по стране, он останавливался либо в усадьбах своих друзей<sup>623</sup>, либо в гостиницах, построенных в большом количестве на итальянских дорогах<sup>624</sup>. Некоторые из гостиниц принадлежали государству, но многие из них были собственностью частных лиц. Рано усвоив привычки римской знати к роскоши, Цицерон считал ниже своего достоинства прибегать к услугам владельцев небольших гостиниц<sup>625</sup>. К 49 г. относится покупка гости-

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия 9. Исторические науки. 1960. № 5. С. 69–79.

<sup>621</sup> См. Гревс И. М. Очерки из истории римского землевладения. СПб., 1899.

<sup>622</sup> См. Кузицин В. И. Земельные владения Цицерона // Научные доклады высшей школы. Серия Исторические науки. 1958. № 3.

<sup>623</sup> По пути в Грецию в 44 г. Цицерон часто останавливался у своих друзей. См.: Ad Att. XVI. 6. 1; 7. 1; Ad Fam. VII. 19.

<sup>624</sup> Hor. Sat. I. 5, насчитывает около десяти гостиниц на пути Мецената из Рима в Брундизий по Аппиевой дороге. Гораций дает превосходное описание деятельности одной из них.

<sup>625</sup> См.: Carcopino J. Les secretes de correspondance de Ciceron. P., 1947. P. 77.

ницы Канулея, к сожалению, неизвестно где расположенной. Ее стоимость равнялась 50 тыс. сест., но при посредстве ростовщика Веттиена Цицерон купил ее за 30 тыс. сест. Судя по цене, это было довольно значительное строение, ибо иногда имение около сотни югеров, как имение Фуфидия в Арпине, стоило 100 тыс. сест.<sup>626</sup> Цицерона, как и всякого римского магната, сопровождало обычно большое количество лиц, для размещения которых требовалось большое помещение и значительные припасы<sup>627</sup>.

В начале 40-х гг. Цицерон приобрел небольшую гостиницу в г. Синуэссе, о которой впервые упомянуто в письме в Корнифицию в 46 г.<sup>628</sup>. Хотя она и названа *diversoriolum, villa pusilla*, однако, судя по тому, что Цицерон приглашает туда важного гостя, она была не так уж мала. Немного позднее, в 44 г., в окрестностях Синуэссы Цицерон приобрел имение,

В письме к Фадию Галлу, дата которого неизвестна, Цицерон сообщает о своем желании купить гостиницу в Таррацине<sup>629</sup>, лежащем на Аппиевой дороге. Неизвестно, осуществил ли свое желание Цицерон, но, поскольку он часто ездил по этой дороге в свои кампанские имения, и так как дела его были в хорошем состоянии, о чем говорят непрерывные покупки имений в 50–40-х гг., весьма вероятно, что он купил гостиницу и в Таррацине<sup>630</sup>.

До нас дошли лишь случайные известия о трех гостиницах Цицерона. Следует думать, что подобных заведений было гораздо больше у человека, часто путешествующего<sup>631</sup>. Отсутствие подходящих гостиниц около Брундизия явилось для Цицерона серьезным аргументом за то, чтобы не выезжать из города в 48 г.<sup>632</sup>

В переписке нет прямых указаний о хозяйственной эксплуатации гостиниц Цицерона и о значении дохода с них для его бюджета. Однако Варрон определенно говорит об использовании гостиниц для получения дохода<sup>633</sup>. Едва ли значительные гостиницы на оживленных дорогах или в крупных городах пустовали после нескольких кратких наездов своего владельца.

<sup>626</sup> Cic. Ad Q. fr. III. 1. 3.

<sup>627</sup> Интересен в этом отношении отрывок из письма Цицерона к Лепте, написанного в июле 45 г.: «*Macula officio functum esse gaudeo. Fius Falernum mihi semper idoneum visum est diversorio, si modo tecti satis est comitatum nostrum recipiendum*» — Ad Fam. VI. 19. 1. У Цицерона было так много спутников, что он опасался, хватит ли места для них в целой усадьбе. Здесь Falernum не поместье, а, конечно, усадьба.

<sup>628</sup> Cic. Ad Fam. VII. 20.

<sup>629</sup> Cic. Ad Fam. VII. 23. 3.

<sup>630</sup> Таррацина несколько раз фигурирует в разных письмах Цицерона. См.: Ad Att. VII. 5. 3; VIII. 11b. 1.

<sup>631</sup> Очевидно, у Цицерона был *diversorium* также и в Минтурнах. Последние часто фигурируют в его переписке: Ad Att. V. 1; V. 3. 2; VII. 13. 13a. 14; VIII. 11b. 1; XVI. 10. 2.

<sup>632</sup> Cic. Ad Att. XI. 5. 2. О количестве постоянных дворов Цицерона нет единого мнения среди исследователей его имущества. А. Lichtenberger, автор капитальной работы «*De Ciceronis re privata*» (Р., 1995), сокращенное изложение которой помещено в журнале «*Revue internationale de sociologie*», в статье «*La fortune de Ciceron*» говорит о многочисленных *diversoria* Цицерона, разбросанных по всей Италии, не останавливаясь ближе на этом предмете. Masé-Dari (М. Т. Cicerone e le sue idee sociale ed economiche. Torino, 1901. P. 64) в общей форме говорит о том, что *diversoria* Цицерона располагались на главных военных дорогах Италии. L. Laurand (Ciceron. 1938. P. 85) говорит, что число *diversoria* Цицерона неизвестно, причем трудно определить, его ли это гостиницы, о которых он сам упоминает. L. Sarcorino (Op. cit. P. 77), стремясь подчеркнуть привычку Цицерона к роскоши, говорит о десятке гостиниц (*dizaine de pied-a-terre ou diversoria*), принадлежащих Цицерону.

<sup>633</sup> Varr. R. r. I. 2. 23: «*ut etiam si ager secundum viam et opportunus viatoribus locus aedificandae tabernae diversoriae; quae tamen quamvis sint fructuosae*».

Гораздо более определенными и многочисленными являются свидетельства о домах Цицерона. Прежде всего, поражает география его городской собственности. Цицерону принадлежали дома в Риме, Путеолах, Арпине, Анции, Солонии, Неаполе, Ланувии и в других городах. В Риме у него было несколько очень больших домов. По наследству от отца Цицерон получил дом в Каринах<sup>634</sup>. Хотя нам неизвестна величина и приблизительная стоимость этого дома, но можно предполагать, что он был небольшим и не столь пышным, как дома знати: вряд ли дом жителя глухого городка Арпина, каким был отец Цицерона, обладавший скромным состоянием, был особенно роскошным. Поэтому, по словам Плутарха, предоставив брату унаследованный отцовский дом, Цицерон поселился на Палатине для того, чтобы не обременять посетителей дальностью пути<sup>635</sup>. Полученный от брата дом Квинт сдал в аренду жильцам; доход с дома, может быть, шел и Марку Цицерону<sup>636</sup>. Скорее всего, Марк Цицерон, так же как и позднее его брат, сдавал дом внаем.

К 63 г., или вероятнее к 62 г.<sup>637</sup> относится приобретение Цицероном дома Красса на Палатинском холме. До покупки дома Цицерон жил в нем в течение нескольких лет в качестве нанимателя<sup>638</sup>. Дом был построен еще знаменитым народным трибуном Друзом Младшим, от него перешел к Крассу, а затем, в 62 г., к Цицерону<sup>639</sup>. Расположен он был очень удобно, в самой аристократической части Рима, около Форума. Дом был громадный, он стоил 3,5 млн. сест., т.е. его стоимость равнялась целому состоянию довольно знатного сенатора. Участок под домом был также очень велик, он стоил около 1,5 млн. сест., за которые можно купить большое имение<sup>640</sup>. Цицерон был в восторге от нового дома. «Сложилось мнение, пишет он Аттику, — что я удачно купил дом»<sup>641</sup>. «Покупка нового дома, — хвастается он в другом месте, — придала моему имени некоторый вес»<sup>642</sup>. Находясь в изгнании, Цицерон больше всего беспокоится о своем Палатинском доме, рассматривая его зачастую как лучшую часть имущества: «Мне только тогда будет казаться, что я восстановлен, когда нам его возвратят»<sup>643</sup>. Дом был настолько велик<sup>644</sup> и хорошо украшен, что злейший враг Цицерона Клодий сразу же стал упрекать Цицерона в расточительстве<sup>645</sup>, а во время изгнания приложил все усилия, чтобы часть участка захватить для себя<sup>646</sup>. Естественно предположить что содержание этого дома ложилось тяжелым бременем на бюджет Цицерона.

634 Plut. Cic. 8.

635 Ibid.

636 Cic. Ad Q. fr. II. 3. 7. Цицерон сдавал дома брата Квинта внаем, см. в том же письме.

637 Первое упоминание о доме на Палатине содержится в письме к Сестию, написанном в декабре 63 г.: «...de Crasso domum emissem, emi ipsam domum HS XXXV...» (Ad Fam. V. 6. 2). Дом был куплен незадолго до написания этого письма.

638 Invest. Sall. adscr. 2.

639 Vell. Pat. II. 14.

640 Cic. Ad Att. IV. 2. 5. Стоимость построек Цицерона оценена в 2 млн. сест., следовательно, стоимость участка под домом составляла 1,5 млн. сест.

641 Cic. Ad Att. I. 13. 6.

642 Cic. Ad Att. I. 13. 6.

643 «Quid de bonis? quid de domo? poteritne restitui?» — спрашивает он, — Ad Att. III. 15. 6; См. также: Ad Att. III. 20. 2; Ad Fam. XIV. 2. 3.

644 О величине дома можно судить по следующему весьма колоритному отрывку: «...aedificta mea me delectabant et ocium. Domum est quae nulli mearum villarum cedat ocium omni desertissime regione maius» (Ad Fam. VI. 18. 5).

645 Cic. Ad Att. I. 16. 10.

646 Cic. Pro domo sua. 62. 104. 107–108.

Кроме великолепного Палатинского дворца в Риме, у Цицерона имелось несколько домов, сдаваемых им в аренду и приносящих солидный доход, называвшихся *insula*<sup>647</sup>. Дома эти Цицерон получил в составе приданого Теренции<sup>648</sup>, а доходы от них были предназначены для воспитания их сына Марка<sup>649</sup>, так что они остались в составе имущества Цицерона даже после его развода с Теренцией в 46 г., в то время как остальное приданое Цицерон был вынужден выплатить<sup>650</sup>. Эти дома были расположены на Аргилете и Авентине<sup>651</sup>. Так как Цицерон называет их иногда *vicī*, можно предполагать, что ему принадлежало в указанных районах несколько домов, объединенных в кварталы.

Обширность или многочисленность доходных домов подтверждается также солидным для того времени доходом — от 72 до 100 тыс. сест. в год<sup>652</sup>. Так как Аргилет и Авентин считались бедными районами, то, вероятно, Цицерон сдавал дома в наем мелкими частями за небольшую плату.

Цицерон ревностно занимался делами, связанными со сдачей в аренду домов, постоянно интересовался, какие наниматели снимают его дома и за какую сумму, особенно настаивая на том, чтобы получить плату в срок<sup>653</sup>. Большое внимание, уделяемое Цицероном доходным домам в Риме, проявилось и в том, что во время наибольших финансовых затруднений, например, во время изгнания<sup>654</sup>, он не думал продавать их, предпочитая продать некоторые из своих поместий. Стремление Цицерона сохранить дома в Аргилете и Авентине объясняется как, солидной цифрой дохода, так и его обеспеченностью.

В переписке нет данных, позволяющих определить точную стоимость *insulae* Цицерона, однако косвенные соображения могут представить хотя бы приблизительную величину ее. Обычно при ростовщических операциях в Риме прибыль составляла 6% в год<sup>655</sup>. Ростовщические операции считались самыми выгодными, так что следует думать, что доходность домов равнялась меньшему проценту. Но даже если она равнялась 6%, то стоимость домов Цицерона исходя из дохода в 72–100 тыс. сест. в год составляла 1,2–1,7 млн. сест. Если же принять во внимание несколько меньший процент дохода, то стоимость домов поднимется до 2 млн. сест. и больше. В одном

647 Определение *domus* как дома для сдачи квартир и *domus* как местопребывания хозяина дано очень четко Светонием в биографии Нерона: «Praeter immensorum numerum insularum domus priscorum ducum arserunt» (Nero. 38). Свои доходные дома Цицерон также определяет термином *insula* (см. Ad Att. XVI. 1. 5; Cic. Pro Cael. 7. 17). В латинском языке имелось и другое выражение для обозначения понятия «доходный дом», а именно *vicus*. См.: Ad Att. I. 43; Ad Att. 3. 6; Ad Fam. XIV. 1, 5. Однако термином *vicus* определялся скорее не сам дом, как таковой, а совокупность домов, квартал; вот почему Цицерон употребляет слово *insula*, когда говорит об отдельном доме (Pro Cael. 17) или о доходе с отдельных домов (Ad Att. XV. 17. 1). Указанные термины не исчерпывают, однако, понятия «доходный дом», в переписке (Ad Att. XII. 32. 2) и в речах (Pro Cael. 7. 17) имеется выражение *conduco domum* — нанимать дом, однако в обоих местах речь идет о снятии дома целиком богатым нанимателем (вроде Целия или сына Цицерона); *insula* же обычно населялись мелкими нанимателями.

648 В одном месте она названы *dotalia praedia* (см. Ad Att. XV. 20. 4).

649 Cic. Ad Att. XII. 32. 2.

650 Cic. Ad Att. XII. 19. 4.

651 Cic. Ad Att. XII. 32. 2.

652 Об обширности домов говорит их название *praedia* — Ad Att. XV. 20. 4. О доходе домов см.: Ad Att. XV. 17. 1; XVI. 1. 5.

653 Cic. Ad Att. XII. 32. 2.

654 Cic. Ad Fam. XIV. 1. 5. Теренция, не имея средств для жизни, хотела продать один из домов. Цицерон умолял ее не делать этого.

655 Cic. Ad Fam. V. 6. 2; Früchtel A. Die Geldgeschäfte bei Cicero. Erlangen, 1912. S. 130.

из писем Цицерон сообщает о том, что Квинт Цицерон купил доходный дом в Аргилете за 1 млн. сест.<sup>656</sup> Если предполагать, что дом Квинта более или менее равноценен домам Марка в Аргилете и поскольку у последнего имелись еще дома на Авентине, то общая стоимость их будет опять-таки превышать 2 млн. сест., если не больше.

Ж. Каркопино совершенно определенно говорит о том, что у Цицерона был третий доходный дом, не уступающий по величине домам в Аргилете и на Авентине. Каркопино ссылается при этом на одно место из письма Цицерона к Аттику (XV. 26. 4), где Цицерон рекомендует уменьшить на 1/8 окна дома, расположенного у храма Стрении, в верхней части священной дороги<sup>657</sup>. На основании письма Цицерона к брату, написанного в 56 г. (Ad Q. fr. II. 4. 3), Каркопино считает, что число доходных домов Цицерона нужно удвоить, т.е. что ему принадлежало шесть домов, а не три<sup>658</sup>.

Цицерон проявлял постоянный и самый живой интерес к приобретению доходных домов в различных городах. С раздражением он пишет Аттику в декабре 50 г.: «Но почему ему (Целию. — В. К.) присудили доходные дома Лукцея (vici Lucsei). Меня удивляет, что ты это пропустил»<sup>659</sup>. В том же письме он продолжает: «Я не вижу оснований, почему бы мне, если Целий занял Флументанские ворота (здесь, вероятно, располагались доходные дома Лукцея. — В. К.), не овладеть ПUTEОЛАМИ»<sup>660</sup>. Это письмо говорит о желании приобрести доходные дома в ПUTEОЛАХ, одним из крупнейших портовых городов древней Италии. Желание Цицерона исполнилось через несколько лет. В 45 г. умер богатый puteolanский ростовщик КЛУВИЙ, назначивший Цицерона одним из основных наследников своего имущества. Цицерон сообщает, что у него однажды обрушились две лавки, *duae tabernae*, что нанесло ему значительный убыток. Как показывают археологические раскопки, лавки обычно занимали нижние этажи зданий<sup>661</sup>. Вряд ли можно думать, что эти лавки располагались не в собственном доме. Эксплуатация доходных домов была очень выгодной в то время<sup>662</sup> и опытный ростовщик КЛУВИЙ не упустил бы возможности извлечь из нее

<sup>656</sup> Cic. Ad Att. I. 14. 7: «Quintus frater qui Argiletani aedificii reliquum dodrantem emit. HS DCC XXV» (общая стоимость около 1 млн.).

<sup>657</sup> См. *Carcopino J.* Op. cit. P. 75–76. Указанное предположение Каркопино весьма вероятно, однако следует указать, что место, на которое он ссылается, испорчено и имеются другие чтения его.

<sup>658</sup> См. *Carcopino J.* Op. cit. P. 76. Вряд ли это предположение справедливо. Следует думать, что в указанном месте речь идет не о строительстве трех новых домов в Риме, а о восстановлении тускуланской, формианской вилл и Палатинского дома Цицерона, подвергшихся наибольшему разрушению и на этом основании включенных в оценку сената. См.: Cic. Ad Att. IV. 2. 5.

<sup>659</sup> Cic. Ad Att. VII. 3. 6.

<sup>660</sup> Ibid. 9.

<sup>661</sup> «Это доказывают раскопки Помпеи, в результате которых было обнаружено большое количество домов, где помещения нижнего этажа, выходявшие на улицу, использовались в качестве мелких мастерских, полностью отделенных от жилых помещений. То же самое наблюдалось в Остии: в больших трех- или четырехэтажных домах (носивших название *insulae*) города, где помещались квартиры, сдаваемые внаем, нижний этаж большей частью был занят под мастерские. Последние были одновременно лавками, в которых продавались товары» (Луццато Дж. Экономическая история Италии. М., 1954. С. 41). Подробное описание доходных домов в Остии с планами и изображениями, особенностями планировки, отличие от *insula* Помпей дано чешским ученым Г. Хейцларом (Hejzlar G. La maison d'habitation et de commerce à Ostie. Prague, 1933).

<sup>662</sup> Diod. (XXXI. 18) прямо говорит о высоких ценах на квартиры в то время (время Цезаря). О высокой стоимости городских владений свидетельствуют огромные суммы, выплаченные владельцам городских земель за их отчуждение. Так, при устройстве Форума Цезаря пришлось заплатить владельцам земельных участков около 100 млн. сест. (Suet. Caes. 26; Plin. N.H. XXXVI. 103), а затем еще 60 млн. сест. для его расширения. См.: Cic. Ad Att. IV. 16. 8.

доход, имея в разных городах Италии, и прежде всего в Путеолах, несколько домов, которые затем перешли к Цицерону. Высокая доходность наследства Клувия, которая так радовала Цицерона<sup>663</sup>, вероятнее всего объясняется наличием доходных домов (*insulae, vici*) с лавками (*tabernae*) в нижних этажах. Возможно, что и доходные дома в Аргилете и Авентине в своих нижних этажах имели лавки, подобные лавкам в Путеолах.

В одном из писем 46 г. к Папирию Пету, владевшему многочисленными поместьями в окрестностях Неаполя и домами в этом городе, Цицерон выражает желание купить дом Суллы в Неаполе<sup>664</sup>, который был дорогим и предназначался для пребывания самого Цицерона. «Надежда на покупку этого дома очень плоха», — пишет Цицерон. Однако в том же письме имеются указания на то, что какой-то дом в Неаполе, в конце концов, был куплен. Немного раньше Цицерон просит Папирия Пета купить для него какую-нибудь усадьбу около Неаполя<sup>665</sup>. Еще раньше, в 68 г. Цицерон интересовался неаполитанским домом Рабириев, стоившим 130 тыс. сест.<sup>666</sup>

Кроме домов в Риме, Путеолах и, возможно, в Неаполе<sup>667</sup>, у Цицерона были дома также и в менее значительных городах Италии. Прежде всего, у него был дом, может быть, полученный по наследству от отца, а, возможно, купленный Цицероном в родном городе Арпине. Вряд ли Цицерон, который всячески покровительствовал Арпину, вел коммерческие дела с его жителями и должностными лицами<sup>668</sup>, имел в окрестностях несколько имений<sup>669</sup>, наконец, где жили его предки и родился он сам, не имел дома в Арпине<sup>670</sup>. Помимо этих косвенных соображений, есть и непосредственное свидетельство, правда, относящееся к более позднему времени, о существовании дома в Арпине<sup>671</sup>. К сожалению, у нас нет никаких сведений о величине этого дома; весьма вероятно, что он был не очень большим и роскошным.

В письмах Цицерона Арпин выступает как удаленная муниципия, где можно в приятном уединении отдохнуть от столичного шума, интриг и многочисленных посетителей<sup>672</sup>. В подобного рода муниципиях Анции и Солонии, расположенных в малопосещаемых местах Лация, Цицерон имел по одному дому. Особенно любил Цицерон свой дом в Анции и часто посещал его. Этот дом, как и все дома Цицерона, был хорошо отделан и украшен. По неизвестным нам причинам, скорее всего из-за денежных затруднений, после возвращения из изгнания Цицерон продал его известному богачу Лепиду<sup>673</sup>. В письмах после 60 г. Солонии не упоминается: очевидно, и дом в Солонии либо был разрушен соратниками Клодия во время изгнания

<sup>663</sup> Cic. Ad Att. XIV. 9. 1.

<sup>664</sup> Cic. Ad Fam. IX. 15. 5.

<sup>665</sup> Cic. Ad Fam. IX. 16. 10.

<sup>666</sup> Cic. Ad Fam. IX. 16. 10.

<sup>667</sup> Plut. Cic. 8. говорит о неаполитанском имении Цицерона. Весьма вероятно, что Плутарх имеет в виду путеоланское имение Цицерона, расположенное к Неаполю ближе, чем другие поместья Цицерона, но, может быть, он говорит о доме Цицерона в Неаполе.

<sup>668</sup> L. Laurand (Op. cit. P. 86–87) сообщает, что до сих пор Арпин хранит почтительное воспоминание о своем великом земляке. Лучшая и другие улицы современного Арпина носят имя Цицерона. На главной площади города возвышается Лисео Tulliano с бюстами Цицерона, Мария и Агриппы.

<sup>669</sup> Cic. Ad Att. XIII. 46. 4: «Quinto delegato, si quit aeri meo alienis superebit et emptionibus, ex quibus mihi etiam aes alienum faciendum puto. De domo Arpini nihil scio». Может быть, Цицерон хотел продать дом в Арпине, может быть, он его только купил; несомненно то, что он им владел.

<sup>670</sup> Cic. Ad Att. XV. 15. 1.

<sup>671</sup> Cic. Ad Att. XIII. 11. 1; XIII. 9. 2.

<sup>672</sup> Cic. Ad Att. XV. 16a.

<sup>673</sup> Cic. Ad Att. VIII. 47b. 1; IX. 9. 4.



Цицерона, либо был продан по тем же причинам, что и дом в Анции<sup>674</sup>. Цицерон владел также домом в латинском городе Ланувии. Первое сообщение об этом доме относится к маю 45 г. до н. э.; он или был куплен или перешел по завещанию незадолго перед этим<sup>675</sup>.

Подводя некоторый итог обзору городских владений Цицерона, можно с уверенностью сказать, что знаменитый оратор был одним из крупнейших домовладельцев своего времени и городские недвижимости составляли важную составную часть его имущества. У нас, к сожалению, нет цифр стоимости каждого дома Цицерона и поэтому мы лишены возможности точно определить величину этой части его имущества. Правда, стоимость Палатинского дома нам известна точно — 3,5 млн. сест., стоимость *insulae* в Аргилете и Авентине была определена до 2 млн. сест., неаполитанский дом и дома в ПUTEОЛАХ были также дорогими. Исходя из всех этих приблизительных подсчетов, можно с известной долей вероятности определить общую стоимость городских владений Цицерона в 8–10 млн. сест.

Сравнивая стоимость домов Цицерона со стоимостью его земельных владений, мы увидим, что стоимость домов лишь немногим уступает стоимости его земель. Анализ других сохранившихся данных позволяет сделать вывод о том, что пример Цицерона весьма типичен для большинства римской сенаторской знати. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о домовладении других римских магнатов убедительно подтверждают этот вывод. И. М. Гревс, исследуя состояние Аттика, подчеркнул наличие у него нескольких домов<sup>676</sup>. Ряд других источников говорит о том, что домовладение превратилось в I в. до н. э. в выгодное место приложения денежного капитала. Наплыв большого количества людей в столицу и другие города привел к резкому подъему цен на квартиры. Диодор прямо говорит о высоких квартирных ценах в то время<sup>677</sup>. Каждый сенатор владел великолепным дворцом, занимающим огромное количество земли<sup>678</sup>. О величине этих дворцов красноречиво говорят цены на них. Как мы уже говорили выше, дом Цицерона на Палатине стоил 3,5 млн. сест.<sup>679</sup>, дом отца Красса стоил 6 млн. сест.<sup>680</sup>, консул 61 г. Мессала купил у Аутрониев дом за 13,4 млн. сест.<sup>681</sup> Роскошными были дворцы Цезаря, в переходах которого Клодий заблудился<sup>682</sup>, дворцы Помпея, Лукулла и других вельмож. Огромный дворец был окружен парком с тенистыми аллеями и местами для прогулок. Сады

<sup>674</sup> О доме в Солонии см.: *Ad Att.* II. 3. 3.

<sup>675</sup> *Cic. Ad Att.* XII. 44. 3; 41. 1; XII. 46. Во всех местах переписки, где речь идет о Ланувии, последний всегда упоминается как город (*Lanuvium*), а не имение (*Lanuvinum*). Правда, в одном месте (*Ad Att.* XIII. 50. 1) говорится «*mihī Balbus nuper in Lanuvino dixisset*». Однако, судя по контексту, а также имея в виду, что Цицерон в других местах ничего не говорит о ланувийском имении, вероятно, здесь упоминается ланувийское поместье Бальба, а не Цицерона.

<sup>676</sup> См. *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 290–300. К сожалению, И. М. Гревс основывает свой вывод о множественности домов Аттика в Риме только на предположении. Неизвестно, почему он называет их «городскими латифундиями».

<sup>677</sup> *Diod.* XXXI. 18.

<sup>678</sup> *Val. Max.* IV. 4. 7: «*..anguste se habitare nunc putat cuius domus tantum patet, quantum Cincinnati rura patebant*». См. также примеры великолепных домов Катюла, победителя кимвров, на Палатине и Аквилія на Виминале у *Plin.* N.H. XVII. 2.

<sup>679</sup> *Cic. Ad Fam.* V. 6. 2.

<sup>680</sup> *Plin.* N.H. XVII. 2.

<sup>681</sup> *Cic. Ad Att.* I. 13. 6. В. Горенштейн переводит сообщаемые здесь цифры как 3 млн. сест., в подлиннике же стоит CXXXIV, т.е. 134 по 100 тыс., т.е. 13,4 млн. сест. — Письма М. Т. Цицерона. М.—Л., 1949. Т. 1. С. 53.

<sup>682</sup> *Plut. Caes.* 10.

Саллюстия, окружавшие дворец хозяина, славились на весь Рим и впоследствии достались императорам<sup>683</sup>. Иметь обширный дворец в Риме издавна было делом чести и достоинства сенатора. Цицерон в трактате об обязанностях сенатора считает необходимым особо подчеркнуть, что дом сенатора должен быть великолепным<sup>684</sup>. В архитектурном руководстве, написанном в 40–20-х гг. I в. до н. э., Витрувий прекрасно показал в деталях обычный тип подобного дворца, стоившего миллионы и занимавшего несколько гектаров<sup>685</sup>. Как правило, подобный дворец обслуживала обширная рабская фамилия, насчитывавшая до нескольких сот человек<sup>686</sup> и имевшая весьма дробную дифференциацию<sup>687</sup>.

В условиях большого наплыва в столицу и скученности населения, в условиях высоких квартирных цен, отмечаемых источниками того времени, получила распространение система постройки и сдачи внаем доходных домов, так называемых *insulae* и *vici*<sup>688</sup>. Данные археологических раскопок позволяют нам воочию представить себе образовавшийся тип подобного дома<sup>689</sup>. Обычно это было обширное 3–4-этажное здание с множеством небольших комнат, которые снимал мелкий люд; располагались эти дома в наиболее оживленных частях Рима; близ Форума, на Аргилете и Авентине и в других местах. Отсутствие транспорта мешало развитию пригородов и являлось важной причиной повышения квартирных цен на дома и городские участки<sup>690</sup>. О высокой стоимости домов и участков в городе можно составить некоторое представление по той огромной сумме, которая была выплачена владельцам городских участков при небольшом расширении форума в Риме — было выплачено сначала 100 млн. сест.<sup>691</sup>, а затем еще 60 млн. сест.<sup>692</sup> Столь выгодное помещение денег, как владение доходными домами, широко использовалось сенаторским сословием, тем более что владение домами, как владение землей, считалось занятием весьма почетным<sup>693</sup>. Мы уже видели раньше, как горячо интересовался этим делом Цицерон. Известно, что и Кв. Гортензий весьма интенсивно покупал дома в Риме<sup>694</sup>. Одно место из письма Цицерона к Аттику говорит о том, что у Гортензия имелись доходные дома также и в ПUTEОЛАХ, оживленном портовом городе, где они приносили приличный доход<sup>695</sup>.

683 См. *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 427–428.

684 *Cic. De off.* I. 138–140.

685 *Vitr.* VI. 5.

686 Уже приводился отрывок из Валерия Максима, где сообщалось, что дом в 4 югера, т.е. несколько больше гектара, во времена Тиберия считался малопоместительным.

687 *Cic. Pro Roscio Amer.* 134 — о доме Хризогона. Согласно сведениям Тацита (*Ann.* XIV. 43), у Педания Секунда в доме было 400 рабов.

688 О характеристике этих терминов и их различиях см. прим. 27.

689 Описание *insula* с чертежами см.: Всеобщая история архитектуры. Т. I. Архитектура древнего Рима. М., 1958. С. 224; Блаватский В. Д. Архитектура древнего Рима. М., 1938. С. 99–100; Луццато Д. Указ. соч. С. 91.

690 См. *Гревс И. М.* Указ. соч. С. 301–302.

691 *Suet. Caes.* 26; *Plin. N.H.* XXXVI. 103.

692 *Cic. Ad Att.* IV. 16. 8: «...cum privatis non poterat transsigi minore pecunia», — считает нужным добавить Цицерон.

693 Панегирист Аттика Корнелий Непот, старательно загушевывавший его финансовые операции, считавшиеся в обществе недостойными, однако, подчеркивает: «...omnisque eius pecuniae reditus constabat in epiroticis et urbanis possessionibus» (*Corn. Nep. Att.* 14. 3).

694 *Vell. Pat.* II. 81. 4; *Suet. Aug.* 72.

695 Речь идет о письме от декабря 50 г. (*Ad Att.* VII. 3). В § 6 этого письма Цицерон с раздражением спрашивает Аттика: «se quid est quod vici Luccei sint addicti? Hoc te praetermississe miro». В § 9 он сообщает о завещании Гортензия и о намерении его сына устроить аукцион, где, возможно, должны

Роскошный дворец Клодия в Риме был одним из самых пышных: по сведениям Плиния он стоил 14,8 млн. сест.<sup>696</sup> Одно место из речи Цицерона за Целия заставляет предполагать, что известный народный трибун сторонник Цезаря Публий Клодий также имел доходные дома в Риме и сдавал их в аренду. Цицерон сообщает, что Целий снимал часть такого дома Клодия за 30 тыс. сест.<sup>697</sup> Судя по речи Цицерона, дом Клодия был весьма велик. Интересно заметить, что тот же Клодий пытался завладеть частью Палатинского дома Цицерона во время изгнания последнего<sup>698</sup>. Жена Клодия, а затем Антония, Фульвия долгое время хотела приобрести прекрасный доходный дом, принадлежащий некоему Руфу, но не имела успеха. Ей удалось осуществить свое желание только во времена проскрипций второго триумvirата, когда она просто конфисковала его в свою пользу<sup>699</sup>.

Несколько большими и более конкретными сведениями располагаем мы относительно городских владений другого видного римского сенатора — Квинта Цицерона, брата оратора. Квинт владел значительным домом в Каринах<sup>700</sup>. Цицерон ясно говорит о том, что дом в Каринах сдавался внаем жильцам, т.е. был *insula*<sup>701</sup>. Сам же Квинт, как видный сенатор, жил в другом хорошем доме, по-видимому, не столь роскошном, как Палатинский дом Марка Цицерона.

В 61 г. Квинт получил по наследству четвертую долю здания, расположенного в Аргилете<sup>702</sup>, возможно, недалеко от доходных домов своего брата Марка; остальную часть здания Квинту удалось купить за 725 тыс. сест.<sup>703</sup> Таким образом, все здание (которое хотя и названо несколько неопределенно — *aedificium Argiletii*, но скорее всего было доходным домом, *vicus, insula*<sup>704</sup>), стоило 968 тыс. сест. В том же году Квинт Цицерон продал свое тускуланское имение и хотел приобрести еще один дом в Риме, дом Пацилиев, *Patiliana domus*<sup>705</sup>. Судя по тому, что для покупки дома продавалось целое имение, следует полагать, что стоимость дома была весьма велика — тускуланские имения обычно стоили больших денег. Скорее всего, Квинт купил дом Пацилиев, так как мы знаем, что тускуланское имение он продал<sup>706</sup>.

В 58 г. в связи с изгнанием Марка Цицерона было конфисковано и разграблено его имущество, а также дома Квинта, однако после возвращения Марк Цицерон быстро восстановил и отстроил дома своего брата<sup>707</sup>. В 56 г. Цицерон снял для брата Лициниев дом около рощи Пизона<sup>708</sup>; к сожалению, неизвестно, продолжал

---

были продаваться и доходные дома. В связи с этим Цицерон спрашивает Аттика: «*nescio enim cur quum portam Flumentanam occupavit ego Puteolas non meos faciam*», т.е. Цицерон, упустив случай купить *visi* Лукция у Флументанских ворот, хочет купить *visi* Гортензия в ПUTEОЛАХ, если сын Гортензия будет продавать их с торгов.

<sup>696</sup> Plin. N.H. XXXVI. 103.

<sup>697</sup> Cic. Pro Caelio. 17: «...sumptus unius generis obiectus est habitationis triginta millibus dixistis eum habitare. Nunc eum intellego P. Clodii insulam esse venalem, cuius hic in aediculis habitat decem, ut opinor, millibus».

<sup>698</sup> Cic. Pro domo sua. 116.

<sup>699</sup> App. B.C. IV. 29.

<sup>700</sup> Plut. Cic. 8.

<sup>701</sup> Cic. Ad Q. fr. II. 3. 7: «...tuam in Carinis mundi habitatores Lamiae conduxerunt».

<sup>702</sup> Cic. Ad Att. I. 14. 7.

<sup>703</sup> Ibid.

<sup>704</sup> Известно, что у Марка Цицерона на Аргилете были доходные дома; это была оживленная улица, заселенная мелким людом, где иметь доходные дома было выгодно.

<sup>705</sup> Cic. Ad Att. I. 14. 7.

<sup>706</sup> Cic. Ad Q. fr. III. 1. 23.

<sup>707</sup> О восстановлении домов Квинта Марком Цицероном см.: Cic. Ad Q. fr. II. 4. 2; II. 5. 3; III. 3. 1 и др.

<sup>708</sup> Cic. Ad Q. fr. II. 3. 7.

ли снимать этот дом Квинт Цицерон и в последующее время, был ли он куплен им или же Квинт, восстановив свои дома, от него отказался. Как бы то ни было, но Квинт Цицерон некоторое время, во всяком случае, не менее года, владел также и Лициниевым домом. Скорее всего, Квинт Цицерон имел дом и в родном муниципии Арпине, в окрестностях которого располагались его пять небольших поместий. Может быть, он достался ему по наследству от отца, знатного арпинского муниципала. Будучи легатом Цезаря, Квинт Цицерон приобрел большие богатства и множество рабов в Галлии<sup>709</sup>. Вполне можно допустить (особенно вероятно это в связи с интересом Квинта к домам и высокими квартирными ценами в это время), что Квинт Цицерон купил себе еще несколько домов в Риме и других городах, вложив часть галльских богатств в такой солидный источник дохода, как дома. Сохранившиеся точные данные говорят о том, что Квинт Цицерон, так же как его брат Марк, превратился в крупного домовладельца своего времени, имеющего 5–6 солидных домов<sup>710</sup>. Множество домов в Риме принадлежало самому богатому человеку Рима<sup>711</sup>, представителю одного из знатных римских родов Марку Лицинию Крассу. «Большая часть Рима стала его собственностью», — пишет Плутарх<sup>712</sup>. Располагая большим числом рабов—архитекторов и строителей и имея в своем распоряжении множество земельных участков, Красс строил дома и продавал их по огромной цене нуждающимся<sup>713</sup>. Нет никакого сомнения, что ловкий финансист, вся жизнь которого была в непрерывном лихорадочном стяжании, оставил без внимания такой источник дохода, как владение *insulae, vici*. Большое число *insulae* как в Риме, так и в других городах принадлежали Крассу<sup>714</sup>. Хотя источники, к сожалению, не дают перечисления многочисленных домов Красса, но определенно говорят о том, что дома и земельные участки в городе были одной из главных составных частей имущества Красса<sup>715</sup>. Спекуляция домами и земельными участками, а также, вероятно, эксплуатация многочисленных домов явилась одним из важных источников создания огромного состояния Красса<sup>716</sup>. По-видимому, Красс был самым богатым домовладельцем Рима.

Доходными домами владел известный богач и историк Луций Лукцей<sup>717</sup>, часть домов которого затем перешла в руки автора закона о снижении долгов Целия Руфа<sup>718</sup>. Спекуляция земельными участками и домами была весьма развита в Риме. Страбон с удивлением отмечает, как часто покупали и продавали дома в Риме<sup>719</sup>. Дома, так же как и земля, имения, рассматривались в обществе как лучший вид имущества<sup>720</sup>.

<sup>709</sup> Об обогащении Квинта в Галлии см. Cic. Ad Q. fr. II. 14. 3, о приобретении рабов см.: Cic. Ad Q. fr. III. 7.

<sup>710</sup> Дом на Аргилете стоил 1 млн. сест.; дом в Каринах, дом Пацилиев и дворец самого Квинта стоили каждый не меньше этой суммы.

<sup>711</sup> Plin. N.H. XXXIII. 134.

<sup>712</sup> Plut. Crass. 2.

<sup>713</sup> Ibid. Плутарх сообщает, что у Красса было до 500 рабов—строителей и архитекторов.

<sup>714</sup> Об этом прямо говорится в письме Цицерона к Аттику, написанном в 66 г. Cic. Ad Att. I. 4. 3: «...Libros tuos conserva et noli desperare eos meos facere posse. Quod si adsequor, supero Crassum divitiis atque omnium vicos et prata contemno».

<sup>715</sup> Plut. Crass. 2.

<sup>716</sup> Об этом прямо говорит Плутарх.

<sup>717</sup> Cic. Ad Att. VII. 3. 6: «...vici Luccei».

<sup>718</sup> Cic. Ad Att. VII. 3. 6. 9.

<sup>719</sup> Strab. V. 3. 7.

<sup>720</sup> Cic. De off. II. 26. 83: «...dubium, quin fundos et insulas amicis anteponamus».

А в теоретическом трактате «De officiis» Цицерон отдает явное предпочтение доходам с домов (*vectigalia urbana*) перед доходами с земли (*vectigalia praedia*)<sup>721</sup>.

Вышеприведенные факты позволяют сделать вывод о том, что успехи крупного землевладения в Италии нашли свое отражение также и в концентрации городской собственности в одних руках. Владельцами многих домов выступают владельцы многочисленных поместий — наиболее знатные и богатые римские аристократы. Анализ деятельности Цицерона—домовладельца, а также приведенные данные об имуществе его брата Квинта<sup>722</sup>, Аттика<sup>723</sup>, Красса<sup>724</sup> и др. свидетельствуют, что в домах этих магнатов заключалась значительная часть их состояния, которая зачистую по своей ценности и значимости не уступала стоимости их земельных владений, а у Красса, возможно и превосходила. Вместе с тем доходы с домов рассматривались как солидная часть в бюджете римского сенатора. Римский магнат I в. до н. э., был уже не только крупнейшим землевладельцем, но и крупнейшим домовладельцем, сосредоточивал в своих руках самые различные виды богатства, еще больше увеличивая поляризацию римского общества.

## Хозяйство Плиния Младшего

### (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н. э.)\*

Гай Цецилий Плиний Секунд Младший родился в 61 или в 62 году<sup>725</sup> в транпаданском городе Новум Комум, расположенном на берегу озера Лария, в знатной и богатой муниципальной семье. У нас очень мало сведений об отце Плиния, неизвестно даже его личное имя. Сам Плиний в переписке ни разу не упоминает о нем. Однако следует думать, что его отец имел солидное состояние, земельные владения в окрестностях Новум Комум<sup>726</sup>, принадлежал к знатной семье, о чем говорит известное родовое имя, аристократическое окружение сына, наконец, женитьба на сестре крупного политического деятеля, а затем и высокопоставленного чиновника эпохи Флавиев — Плиния Старшего. Отец Плиния умер, вероятно, когда Плиний был еще ребенком<sup>727</sup>. Мать Плиния упоминается им в письме 79 г. и, скорее всего, вскоре умерла, не выдержав потрясения от страшного извержения Везувия, свидетельницей которого она

<sup>721</sup> Cic. De off. II. 25. 88: «...externorum autem, ut gloria divitiis, vectigalia urbana rusticis».

<sup>722</sup> Судя по всему, стоимость домов, принадлежащих Квинту Цицерону, достигала нескольких миллионов, может быть, 5–6 млн., ибо из его 5–6 домов по крайней мере 3 дома стоили по 1 млн. сест.

<sup>723</sup> Corn. Nep. Att. (14. 3) прямо называет городские владения наряду с бутротскими землями основными частями имущества Аттика.

<sup>724</sup> Plut. Crass. 2, говоря о структуре имущества Красса, прежде всего говорит о его домах, вероятно, из-за важности этой статьи.

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1962. № 2. С. 27–55.

<sup>725</sup> Plin. Ep. VI. Плиний указывает, что в момент извержения Везувия в августе 79 г. ему было 18 лет.

<sup>726</sup> Plin. Ep. VII. 11. 5: ...ego illi ex praediis meis, quod vellet, et quanti vellet, obtuli, exceptis paternis maternisque...

<sup>727</sup> См. Опацкий С. Плиний Младший — литературный деятель времен Нервы и Траяна. Варшава, 1878. С. 12.

была (Ер. VI. 16. 20). Матери Плиния принадлежала земельная собственность в районе озера Лария (Ер. VII. 11. 5) и города Тиферна на Тибре<sup>728</sup>, а ее сын Плиний еще мальчиком был избран его патроном<sup>729</sup>. Происходя из богатой и знатной семьи, Плиний в течение всей жизни имел самое аристократическое окружение. После смерти отца<sup>730</sup> его опекуном стал знаменитый Вергиний Руф, затем Плиний был усыновлен своим дядей Плинием Старшим и принял имя Гая Цецилия Плиния Секунда Младшего. После гибели Плиния Старшего племянник, очевидно, получил по наследству его состояние<sup>731</sup>. Знатное происхождение, богатство, аристократические знакомства и связи, покровительство таких крупных деятелей, как Вергиний Руф, Кореллий Руф, Аруслен Рустик и особенно дядя и приемный отец, обеспечили Плинию Младшему блестящую карьеру. В молодости он был военным трибуном III Галльского легиона, прошел квестуру, народный трибунат раньше законного срока, по милости Домициана был избран претором<sup>732</sup>, в течение трех лет (94–96 или же 95–97 гг.) заведовал военной казной, был префектом казны Сатурна, в сентябре — октябре 100 г. исполнял должность консула, в 103–104 гг. назначен авгуром, затем выполнял важную должность куратора русла Тибра и клоак города Рима, наконец, в 111 г. был послан в провинцию Вифинию в качестве наместника<sup>733</sup>. Плиний Младший был довольно активным и влиятельным членом сената, и ему давались ответственные поручения (Ер. VI. 29. 7–11). Наконец, ему доверяли и оказывали милости сами императоры: Домициан, в правление которого он прошел все магистратуры, кроме консульства<sup>734</sup>, Нерва и, особенно, Траян. Траян весьма доверял Плинию и ценил его, неоднократно принимал у себя, всегда был внимателен к его просьбам и, возможно, сделал его членом *consilium principis*<sup>735</sup>, накануне парфянской войны послал наместником с широкими полномочиями в провинции Вифиния и Понт.

Таким образом, как по своему происхождению, так и по служебному положению Плиний Младший был типичным представителем рабовладельческой аристократии последней четверти I в. и начала II в. н. э., богатой, знатной и чиновной. Вот почему изучение хозяйства Плиния поможет конкретно представить экономическое положение, хозяйственные запросы, интересы и требования этого слоя.

По наследству Плиний Младший получил несколько имений, расположенных на территории родного Новум Комум, в районе озера Лария. Он соединил в своих руках земельные владения, принадлежавшие семье отца, знатного гражданина Комо, и матери, имевшей несколько поместий в окрестностях Комо. Третьей женой Плиния

<sup>728</sup> Mommsen Th. Zur Lebensgeschichte des jüngeren Plinius // Gesammelte Schriften. B., 1906. IV. S. 437.

<sup>729</sup> Plin. Ер. IV. 1. 3; VIII. 10. 3; Плиний говорит с гордостью о своей родословной.

<sup>730</sup> V. A. Sirago (L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958. P. 22), следуя Аллену (Allain E. Pline le Jeune et ses héritiers. T. I–III. P., 1901–1902), относит смерть отца Плиния к 70 г., а матери — к 83 г., усыновление Плиния его дядей — к 73 г.

<sup>731</sup> Получение наследства Плиния Старшего само по себе очень вероятно, косвенно это подтверждает Ер. III. 5. 17; См. также: Опацкий С. Указ. соч. С. 81; Sirago V. A. Op. cit. P. 22.

<sup>732</sup> Плиний был претором в 93–94 гг. в возрасте 32 лет, за два года до законного срока.

<sup>733</sup> См. Mommsen Th. Op. cit. S. 376; С. Опацкий (Указ. соч. С. 15–20), В. С. Соколов (Плиний Младший. М., 1956. С. 21 сл.) принимают хронологию служебной карьеры, установленную Моммзенем.

<sup>734</sup> Расположение Домициана к Плинию было настолько известным, что Плиний указал на него даже в «Панегирике Траяну», гл. 95. Оно объясняется не только осторожностью, политической пассивностью и лояльностью Плиния, но, на наш взгляд, также и тем обстоятельством, что дядя и приемный отец Плиния был очень близок к Веспасиану и, возможно, к его сыновьям Титу и Домициану, и последний это как-то учитывал.

<sup>735</sup> Плиний дважды (Ер. IV. 22. 1; VI. 31) упоминает о приглашении его в совет принцепса.

была также уроженка Комо, представительница знатного местного рода Кальпурниев Фабатов, которая, вероятно, имела в составе приданого земельную собственность, расположенную на территории этого же города<sup>736</sup>. Соединение в одних руках земельных владений, до того принадлежавших трем знатным и богатым родам, привело к созданию весьма крупного земельного массива. В дальнейшем, в течение всей жизни Плиний продолжал расширять свою земельную собственность на территории Комо. Вероятно, в 105–106 гг.<sup>737</sup> земляк Плиния, некто Сатурнин, оставил ему 3/4 наследства в сумме около 1,2 млн. сест.<sup>738</sup> среди которого, очевидно, были и земельные владения на территории Комо<sup>739</sup>. В 106–107 гг. Плиний получил по какому-то завещанию 5/12 наследства, состоящего из земельной собственности стоимостью в 900 тыс. сест., расположенной близ Лария; правда, этот земельный участок был вскоре продан (Ер. VII. 11. 14). Последнее письмо Плиния сообщает о смерти деда жены Кальпурния Фабата (Ер. X. 120. 2), с которым Плиний был очень близок, неоднократно выполнял его поручения и просьбы<sup>740</sup>. Естественно предположить, что земельная собственность богатого Кальпурния Фабата опять-таки перешла в руки того же Плиния<sup>741</sup>. Таким образом, к концу жизни в окрестностях Комо, близ Лария, Плинию принадлежала крупная земельная собственность<sup>742</sup>. Точные размеры ее, правда, неизвестны, так же как и ее структура, но некоторые косвенные данные, а также логические соображения позволяют определить ее приблизительную величину и стоимость.

Следует полагать, что эти обширные земельные владения состояли из нескольких имений, однако они не находились далеко друг от друга, но были расположены более или менее компактно, образуя в целом огромный земельный массив. Говоря о своих владениях в Комо, Плиний неизменно употребляет множественное число, называя их *praedia paterna et materna* (Ер. VII. 11. 5), *mei agri* (Ер. VII. 18. 2), *mei agelli* (Ер. V. 14. 8), говорит о *plures villas* (Ер. IX. 7. 2). Да и сама история создания земельной собственности Плиния в Комо свидетельствует о том, что она состояла не из одного, а из нескольких поместий. Сообщение о многих виллах указывает на то, что они (*villae*) были, очевидно, хозяйственными центрами этих имений.

<sup>736</sup> Кальпурний Фабат был уроженцем Комо и его патроном, неоднократно украшал свой город (Plin. Ер. V. 11), имел сына и дочь. Дочь Кальпурния Гиспулла не имела своей семьи, сын умер, оставив дочь Кальпурнию, единственную, нежно любимую наследницу. Семейства Кальпурниев и Плиниев были дружны между собой и, естественно, брак Плиния с Кальпурнией дал ему богатое приданое. См.: Plin. Ер. IV. 19.

<sup>737</sup> Plin. Ер. V. 7. 1. По Моммзену (Op. cit. S. 382 сл.), пятая книга писем Плиния написана около 106 г. Ср.: Соколов В. С. Указ. соч. С. 13.

<sup>738</sup> Plin. Ер. V. 7. 1. Сатурнин, завещав Плинию свое состояние, 1/4 часть его оставил городу, но затем вместо этой четверти выделил 400 тыс. сест. Скорее всего, эти 400 тыс. сест. были выделены наличными деньгами и приблизительно равнялись четверти всего состояния. Таким образом, все наследство Сатурнина равнялось 1,6 млн. сест., т.е. Плиний получил 1,2 млн. сест. Из контекста письма видно, что эта сумма заключалась не в наличных деньгах. Ср.: Sirago V. A. Op. cit. P. 40.

<sup>739</sup> Уроженец Комо Сатурнин, конечно, имел земельную собственность.

<sup>740</sup> Plin. Ер. VI. 12; 30; VII. 11; 16; 23; 32.

<sup>741</sup> Кальпурния была единственной прямой наследницей имущества Фабата. Возможно, что срочный отъезд Кальпурнии из Вифинии (Ер. X. 120; 121) объясняется также необходимостью принятия наследства. Еще при жизни деда Плиний фактически управлял его поместьями (Ер. VI. 30; VIII. 20. 3; V. 14. 8).

<sup>742</sup> V. A. Sirago (Op. cit. P. 27) приводит мнение Е. Аллена о том, что земельная собственность, полученная по наследству от родителей, составляла к концу жизни Плиния лишь 1/3 команских владений, а 2/3 были приобретены Плинием от друзей и иными путями.

Тем не менее, нет никаких оснований считать, что поместья Плиния были разбросаны, не связаны друг с другом и каждая вилла представляла отдельный хозяйственный организм. Плиний совершенно определенно говорит о том, что поместья расположены на берегу (*in litore*) Лария (Ер. IX. 7. 1–2). Приехав в Комо, он обходит свои земли (...*circumibam agellos*... — Ер. V. 14. 8), выслушивает жалобы, бегло просматривает счета, что при разбросанности имений было бы довольно трудно сделать, учитывая кратковременность пребывания Плиния (*nam includor angustiis commeatus* — Ер. V. 14. 8). Упомянув о Вергинии Руфе, Плиний пишет: «Мы оба были из одной области, из соседних муниципиев, даже поля и владения наши (*agri et possessiones*) были смежными» (Ер. II. 1. 8). Опять-таки Плиний говорит об общей массе своих земельных владений, подразумевая их компактное расположение. Интересные данные о структуре земельной собственности и характере хозяйства можно извлечь из анализа двух отрывков: Ер. IX. 7 и III. 19. В первом отрывке Плиний, сообщая о многих виллах (*plures villae meae*) на берегу Лария, особенно выделяет две, знаменитые «трагедию» и «комедию». Судя по описанию Плиния, они были действительно великолепны и обширны<sup>743</sup>, но, тем не менее, Плиний еще больше украшает их. В письме к Кальвизию Руфу Плиний приводит соображения «за» и «против» покупки смежного имения. Среди них одно очень любопытно: «полезно и приятно иметь возможность навещать оба имения заодно, без лишних трудов и дорожных расходов, держать одного прокуратора и, пожалуй, одних и тех же акторов: одну усадьбу заботливо украшать, другую только поддерживать (...*unam villam colere et ornare, alteram tueri*...). В этот расчет входят и расходы на утварь, на прислугу (*atriensium*), на садовников, ремесленников, а также на охотничье снаряжение: гораздо выгоднее собрать все это в одном месте, а не рассеивать по разным» (Ер. III. 19. 2–3). Иначе говоря, Плиний отлично понимал невыгодность содержания роскошных и дорогостоящих *villae urbanae* в смежных поместьях и отчетливо представлял себе выход из этого положения: выделить и украсить какую-либо одну, а остальные виллы поддерживать, т.е. превратить их главным образом в сельскохозяйственные постройки. Скорее всего, именно так и поступил он в своих транспаданских владениях: «комедию» и «трагедию» превратил в *villae urbanae*, а остальные *plures villae*, расположенные на том же берегу, только поддерживал как *villae rusticae*. И недаром Плиний пишет об обширном строительстве в своих транспаданских владениях: перед нами раскрывается процесс довольно радикальной перестройки управления имениями, превращение нескольких имений среднего и крупного размера в громадную латифундию, обширный сельскохозяйственный массив, единое колоссальное хозяйство во главе с одним прокуратором, одними и теми же распорядителями.

Какова же приблизительная величина земельных владений Плиния в Комо и их стоимость? К сожалению, в нашем распоряжении лишь отрывочные, косвенные, очень неполные данные, случайные цифры. Неизвестный земляк Плиния, оставивший ему 5/12 наследства стоимостью в 900 тыс. сест., имел земельную собственность стоимостью около 2,16 млн. сест.<sup>744</sup> Другой земляк Плиния — Сатурнин имел

<sup>743</sup> Plin. Ер. IX. 7; это единственное письмо, столь подробно рассказывающее о строительстве Плиния, скорее всего, потому, что строительство было обширным. Интересно отметить, что, судя по контексту, Плиний перестраивает свои виллы: пристраивает недостающие части, лишние ломает (Ер. IX. 4).

<sup>744</sup> Plin. Ер. VII. 11; 14; 5/12 наследства составляют 900 тыс. сест., следовательно, все наследство (недвижимое имущество) — 2,16 млн. сест.



земельную собственность стоимостью около 1,6 млн. сест.<sup>745</sup> Вряд ли, однако, они были богаты так же, как Плиний, сосредоточивший в своих руках земельную собственность Цецилиев, Плиниев, Фабатов, получивший земли по завещанию других лиц стоимостью около 2 млн. сест.<sup>746</sup> Плиний с полным основанием говорит о *plures villas*, иначе говоря, о *plures fundos*, *plura praedia* в Комо: следует думать, их было гораздо более десятка<sup>747</sup>. В Ер. VII. 18, 2–3, он указывает стоимость одного из них. Оно стоит гораздо более 500 тыс. сест.<sup>748</sup> Исходя из этой гипотетической цифры, можно в общих чертах определить стоимость транспаданских земельных владений Плиния в 10–12 млн. сест. Стоимость одного югера земли в I в. н. э., по сведениям Колумеллы, достигала 1 тыс. сест.<sup>749</sup> Таким образом, общая величина транспаданской латифундии Плиния в конце его жизни достигала 10–12 тыс. югеров, и Плиний был самым крупным землевладельцем и, бесспорно, самым могущественным лицом в Комо<sup>750</sup>.

Транспаданские владения были очень доходны. Страбон в общей форме говорит о плодородии почвы и изобилии в этих местах (Strab. V. 1. 6. 12). Плиний, часто указывающий на неурожаи в различных областях Италии<sup>751</sup>, ни разу не говорит о неурожае в области Комо<sup>752</sup>. Наоборот, в письме к Юлию Назону он пишет об очень большом урожае (*summa abundantia*) в транспаданской области (Ер. IV. 6. 1). Именно из-за высоких доходов своих земельных владений Плиний вместо 500 тыс. наличными берет в аренду свое имение, подаренное городу, выплачивая ежегодно 30 тыс. сест.<sup>753</sup> Содержание письма заставляет предполагать, что доходность этого имения<sup>754</sup> в год равнялась 6 %, а это довольно высокая доходность<sup>755</sup>.

<sup>745</sup> Plin. Ер. V. 7.

<sup>746</sup> 5/12 наследства равны 900 тыс., а в сумме 3/4 наследства Сатурнина — 1,2 млн. составляют 2,1 млн. сест.

<sup>747</sup> Плиний упоминает *paterna praedia* (т.е. 2–3–4?) и *materna praedia* (2–3–4?) (Ер. VII. 11. 5), несколько поместий он, очевидно, получил в качестве приданого (2–3), несколько — после смерти Кальпурния Фабата (2–3–4?), несколько (2?) по завещанию Сатурнина (V. 7) и т.д.

<sup>748</sup> Плиний указывает, что стоимость имения *longe pluris*, чем 500 тыс. сест., и это не пустая фраза, так как он же сообщает, что доход с этого поместья *vectigal large supercurrit*. 30 тыс. сест. — это 6 % дохода в год от поместья в 500 тыс. сест. Если бы доход с подаренного поместья ненамного превосходил сумму в 30 тыс. сест., например, на 5–10 тыс. сест., то вряд ли бы такой крупный землевладелец, как Плиний, стал бы обрабатывать это имение и говорить о большом доходе. Скорее всего, действительный доход с этого поместья минимум раза в полтора превышал 30 тыс. сест. В таком случае стоимость данного поместья составляла около 750 тыс. сест.

<sup>749</sup> Col. III. 3. 3; Ср.: ESAR. 1940. T. V. P. 149; Sirago V. A. Op. cit. P. 30.

<sup>750</sup> *V. A. Sirago* (Op. cit. P. 30, 34–35) определяет размеры команских владений приблизительно в 8 тыс. югеров, но следует заметить, что, по Сираго, земельные владения Плиния в северной Италии делились на две части: одни владения на берегах Лария, а другие *trans Padum*, соседившие с землями Вергиния Руфа (Р. 26–28). Иначе говоря, совокупность тех и других составляла около 16 тыс. югеров. К сожалению, автор не объясняет, каким образом он определяет величину транспаданских владений Плиния, он просто исходит из предположения, что они были равны его Тускам, с чем нельзя согласиться.

<sup>751</sup> См. Сергеевко М. Е. // Письма Плиния Младшего. М.—Л., 1950. С. 436. Прим. 111.

<sup>752</sup> Упомянутые в Ер. II. 15. 1, материнские имения, очевидно, были расположены не на территории Комо, а близ Тиферна.

<sup>753</sup> Th. Mommsen (Op. cit. S. 435) также говорит о 30 тыс. сест. М. Е. Сергеевко переводит как 300 тыс. сест. (Письма Плиния Младшего... С. 215). Очевидно, здесь просто опечатка.

<sup>754</sup> Характерно, что Плиний называет его не *praedium*, *fundus*, а *ager* (...*agrum ex meis*), выражая таким образом его тесную хозяйственную связь с прочими владениями.

<sup>755</sup> Самыми доходными считались ростовщические проценты, которые достигали в Риме и Италии 1/2 % в месяц, т.е. 6 % в год. О малой доходности земельных владений в I в. н. э. см. Col. III. 3.

Несмотря на обширность и благоустроенность своих транспаданских владений, родственные и деловые связи, происхождение, Плиний все-таки бывал в них довольно редко и предпочитал оставаться там недолго (Ер. V. 14. 8), скорее всего, в силу известной отдаленности от Рима. Любимым местопребыванием его было этрусское поместье, его *Tusci*. Оно лежало относительно недалеко от Рима, на расстоянии около 150 миль (около 200 км), в нескольких часах езды от столицы<sup>756</sup>, с которой, кроме дороги, его связывал Тибр (Ер. V. 6. 12). В письмах Плиния, кроме тускских владений, раскинувшихся на холмистых отрогах Апеннин (Ер. V. 6. 2), упоминаются также и *praedia* близ города Тиферна Тибрского, лежащего в Умбрии (Ер. IV. 1. 4). Различные ли это поместья или речь идет об одном и том же владении? Ряд свидетельств самого Плиния говорит в пользу последнего предположения. «Я выехал к себе в Туски, — пишет Плиний, — рассчитывая на собственные деньги начать постройку общественного здания и получив отпуск как префект эрария» (Ер. III. 4. 2)<sup>757</sup>. В другом письме Плиний сообщает о поездке в Комо. «Будет одна короткая задержка: мы свернем в Этрурию (*in Tuscos*) не для того, чтобы собственными глазами осмотреть наши земли и владения (*agros remque familiarem*), — это можно отложить, — а чтобы выполнить необходимый долг. По соседству с моими имениями (*praediis nostris*) есть город (имя ему Тиферн на Тибре). Я был еще мальчиком, когда его жители избрали меня своим патроном» (Ер. IV. 1. 3–4). Итак, сам Плиний называет владения близ Тиферна именем *Tusci*, а с другой стороны, указывает, что рядом с его *Tusci* находится город, где он строит общественное здание<sup>758</sup>.

Неизвестно, при каких обстоятельствах Плиний стал владельцем этрусского имения. Скорее всего, оно перешло к нему по наследству от матери<sup>759</sup>. Очевидно, жители Тиферна выбрали патроном своего города ребенка Плиния как отпрыска богатой и влиятельной семьи<sup>760</sup>, располагавшей значительной земельной собственностью на территории Тиферна.

Но, очевидно, и здесь Плиний не был удовлетворен доставшейся ему по наследству земельной собственностью. В Ер. V. 6. 41, он с гордостью сообщает: «Я люблю то, чему в значительной части положил основание сам или что довел до конца». Не содержится ли здесь ясный намек на расширение его этрусского владения? «Продается имение, — пишет Плиний, — соседнее с моей землей<sup>761</sup>, почти в нее вклиненное. Многое побуждает меня к этой покупке; немалые соображения отпугивают... Остается тебе узнать, за сколько это имение можно купить: за три миллиона сестерций. Когда-то оно стоило пять» (Ер. III. 19. 1. 7). В нашем распоряжении нет

<sup>756</sup> Plin. Ер. X. 8. 6; речь идет, конечно, о Тиферне. В. С. Соколов (Указ. соч. С. 48) понимает под упомянутым здесь городом Комо.

<sup>757</sup> Префектом эрария Плиний был в 98 г.

<sup>758</sup> Plin. Ер. IV. 1 и X. 8, позволяют уточнить, что Плиний строил храм Цезарей.

<sup>759</sup> Mommsen Th. Op. cit. S. 437. Упомянув в Ер. II. 15. 2 *praedia materna*, которые плохо с ним обходятся, Плиний имеет в виду неурожай, скорее всего, именно в тифернских владениях.

<sup>760</sup> В это время был жив дядя и приемный отец Плиний Старший, приближенный императора Веспасиана.

<sup>761</sup> Очевидно, речь идет об этрусском имении Плиния. Вот некоторые соображения в пользу этого: а) тучная, жирная земля; ср. Ер. V. 6. 8; б) охотничий инвентарь; богатая и разнообразная охота была у Плиния как раз в Тусках (Ер. V. 6. 7; 18. 2; IX. 10; 16); в) жалобы на неурожай были особенно часты именно здесь; см. Ер. IV. 6. 1; VIII. 2; X. 8. 5; г) наконец, Плиний говорит об одной вилле, в Комо же было, по крайней мере, две *villae urbanae* (Ер. IX. 7. 2); д) сообщение о садовниках (*topiarios*); в Тусках был роскошный парк; см. Ер. V. 6. 16–18. 35 сл.

полных сведений, купил ли это имение Плиний, но ряд косвенных свидетельств говорит за покупку<sup>762</sup>.

Плиний на протяжении всей переписки неизменно называет свое этрусское поместье во множественном числе *praedia* (II. 15. 2) *materna, nostra praedia* (IV. 1. 4), *praedia sua* (VIII. 2. 1), *praedia* (IX. 15. 3), *tusci* (III. 4. 2; IV. 1. 3; 6. 1; V. 6. 1), *agri mei* (III. 19. 1; IV. 1. 3 и т.д.), но все имеющиеся данные с очевидностью говорят о том, что перед нами одно огромное хозяйство, колоссальное имение, громадный земельный комплекс. В этих местах у хозяина была одна *villa urbana*, других vill не было<sup>763</sup>. Если Плиний прикупил соседнее имение, упомянутое в Ер. III. 19, то он, скорее всего, поступил так, как и предполагал: одну villу украшал и строил, другую только поддерживал. Очевидно, процесс слияния нескольких хозяйственных организмов, отдельных имений, который в Комо еще происходит на наших глазах, в этрусских владениях в основных чертах был уже завершен. *Villa urbana* здесь была весьма обширна и даже роскошна, сам Плиний, склонный к преуменьшению своих богатств<sup>764</sup>, признает, что villa очень велика (Ер. V. 6. 44)<sup>765</sup>.

Каковы же приблизительные размеры этрусского, вернее, тифернского имения? К сожалению, по этому вопросу мы располагаем лишь косвенными данными. В Ер. III. 19, Плиний говорит, что имение в 5 млн. сест. (Ер. III. 19. 7), иными словами, около 5 тыс. югеров, вклинено (*inserta*) в его поместье. Естественно, вклиниться может меньшее в большее и в значительно большее, а не наоборот. «Иногда, — пишет он в другом месте, — я сажусь верхом и разыгрываю в некоторой степени роль хозяина: объезжаю часть поместий ради прогулки»<sup>766</sup>. В Комо Плиний обходит своя владения, вернее, часть их, пешком; в Тиферне имение уже настолько велико, что приходится объезжать его на лошади, да и то лишь часть поместья. Следует думать, что тифернские владения не только не уступали транспаданским, но и превосходили их. В Ер. V. 6, Плиний описывает свои *Tusci*: «Вниз по горе спускаются леса, листья которых идут на корм животным. Среди них холмы с жирной почвой..., которые плодородием не уступают равнине и где вызревает несколько позже, но такая же тучная жатва. Ниже по всему склону простираются виноградники, представляющие, насколько хватит глаз (курсив мой. — В. К.), однообразное зрелище; по краю внизу они окаймлены деревьями, по которым вьются лозы. Дальше луга и поля... Он (Тибр) течет среди полей... Ты получишь большое удовольствие, оглядывая все местоположение с горы, тебе покажется, что ты видишь не землю, а какую-то картину исключительной красоты: куда бы ни упал твой взгляд, он будет отдыхать на этом

<sup>762</sup> Плиний приводит соображения «за» и «против» покупки этого имения. Но соображения в пользу покупки поражают своей солидностью и разнообразием. Плиний очень хочет его купить, он уже рассматривает его как свое, выработал план включения в состав своих полей, предполагает снабдить колonoн честными рабами, наконец, достать сумму денег в 3 млн. сест. для него не представляется труда. Это письмо писалось в 101–102 гг.; некоторый намек на покупку этого имения содержится в уже приведенном отрывке (Ер. V. 6. 41). Sirago V. A. (Op. cit. P. 120) склонен думать о наличии двух громадных латифундий в этой области, одна из которых была куплена уже самим Плинием.

<sup>763</sup> Плиний нигде о них не упоминает, очевидно, потому, что их не было.

<sup>764</sup> Свою транспаданскую латифундию он лицемерно называет *agelli* (Ер. V. 41. 8); в другом месте он пишет: «У меня средства вообще небольшие...» (Ер. II. 4. 3) и т.д.

<sup>765</sup> Попытку реконструкции плана этрусской villы Плиния см.: Tanzer E. *The Villas of Pliny of Younger*. N.Y., 1924; Tanzer E. *The Letters of Pliny of Younger*. N.Y., 1937. Об архитектурном устройстве тускской villы см.: Swoboda K. M. *Römische und romanische Paläste*. Wien, 1919. S. 77–79; Cp. Winnefeld H. *Tusci und Laurentinum des jüngeren Plinius // Jahrbuch des deutsch. archäol. Instituts*. 1892. VI.

<sup>766</sup> Plin. Ep. IX. 15. 3: *aliquem partem praediorum, sed pro gestatio percurro*.

разнообразии и на этой упорядоченности». Перед нами уже масштабы — «насколько хватает глаз (*longe lateque contexunt*)». Более конкретное представление о величине земельной собственности Плиния в Тиферне дает анализ одной очень любопытной цифры. В письме к Траяну (Ер. X. 8. 5), написанном в 98 г., иначе говоря, еще до возможной покупки имения, о котором говорится в Ер. III. 19<sup>767</sup>, Плиний сообщает: «Сдачу в аренду земель, которыми я владею в этой области и которые дают вообще более 400 тыс. сест., невозможно больше откладывать...»<sup>768</sup>. Таким образом, Плиний получал в год дохода больше 400 тыс. и, очевидно, менее 500 тыс. сест. Следует учесть, что в эту сумму не входят скидки, о которых говорится в том же письме. В Ер. VIII. 2, Плиний разъясняет характер некоторых из этих скидок; они в целом, вероятно, составляли свыше 1/7, всей суммы — около 60 тыс. сест., т.е. обычный доход от сдачи в аренду составлял около 500 тыс. сест. Сумма в 400 тыс. сест. названа в связи с колонами и в нее, может быть, не входила сумма дохода от собственно господского хозяйства, ведущегося с помощью рабов. Будет, на наш взгляд, более осторожным предположить, что нормальным доходом с *Tusci* (т.е. доходом от хозяйства колоннов и господского хозяйства) был доход около 800 тыс. сест., 6 % дохода в год — это обычный ростовщический процент, в Италии он считался самым высоким. Доходность *insula*, а тем более поместий, была гораздо ниже (Col. III. 3). Сам Плиний постоянно жалуется на неурожай в этой местности<sup>769</sup>. Поэтому следует думать, что доходность этрусского имения не превышала 3–4 % в год. Иначе говоря, по самым скромным предположениям, стоимость тускского имения Плиния достигала 20 млн. сест.; учитывая стоимость югера в 1 тыс. сест., можно определить величину его до 20 тыс. югеров, а после покупки соседнего имения (Ер. III. 19) до 25 тыс. югеров. Эта цифра хорошо согласуется с разобранными выше косвенными данными<sup>770</sup>.

Плиний очень любил свое этрусское поместье и предпочитал его всем другим. Переписка пестрит сообщениями о наездах и пребывании здесь<sup>771</sup>. Это объяснялось не только тем, что здесь уединение было более полным, а охота более разнообразной. Анализ сообщений о пребывании Плиния в Тусках с очевидностью говорит, что он много внимания уделял как раз налаживанию хозяйства. В 98 г. он добивается у Траяна отпуска в 30 дней для упорядочения своих хозяйственных дел (Ер. X. 8), разрабатывает план прикупа соседнего имения и слияния его со своим (Ер. III. 19), беспокоится по поводу ущерб, причиненного градом (Ер. IV. 6. 1), по пути в Комо сворачивает в Туски, чтобы лишний раз лично осмотреть свои владения и имущество (...*ut agros remque familiarem oculis subjiciamus*... — Ер. IV. 3), специально выезжает с разработанной и продуманной заранее системой дифференциальных скидок<sup>772</sup>. Он много раз разбирает жалобы своих колоннов (Ер. X. 8; VII. 30. 2–3; IX. 15; 36), принимает новые решения, экспериментирует (IX. 37), объезжает свои владения

<sup>767</sup> Plin. Ер. X. 8. 3. Плиний был префектом эрария в 98 г., третья книга писем писалась, по Моммзену (Op. cit. S. 376), в 101–102 гг.

<sup>768</sup> Plin. Ер. X. 8. 5: *agrorum enim quos in eadem regione possideo, locutio alioqui CCCC excedat, adeo non potest differri...*

<sup>769</sup> Plin. Ер. II. 15. 2; III. 19. 6–7; IV. 6. 1; VIII. 2; IX. 37; X. 8. 5.

<sup>770</sup> *V. A. Sirago* (Op. cit. P. 30), исходя из цифры в 400 тыс. сест., а также принимая доход с имений в 6 % и не учитывая отмеченных нами обстоятельств, определяет величину Тусков в 8 тыс. югеров.

<sup>771</sup> Plin. Ер. V. 18. 2; также IX. 10; 16; 36; особенно же V. 6. 45.

<sup>772</sup> Плиний (Ер. VIII. 2), правда, не говорит, что эти скидки он делал в Тусках, но ряд соображений косвенного характера подтверждает это предположение. В данном случае, речь идет о скидках со съемщиков винограда, о неурожая винограда, причем Плиний говорит о значительных убытках, следовательно, виноградник был велик. Но именно в Тусках у Плиния был громадный виноградник.

(IX. 15), лично контролирует сбор винограда (IX. 20), занимается строительством, строит храм Цереры (IX. 39). Большую часть лета, т.е. самую важную для сельскохозяйственных работ часть года, он проводит в Тусках<sup>773</sup>. Сообщений о пребывании Плиния в других имениях гораздо меньше<sup>774</sup>. Большая работа и постоянное внимание его к тускскому владению объясняется, скорее всего, тем, что оно было, очевидно, самым крупным, приносило большой доход<sup>775</sup> и рассматривалось хозяином в качестве основной части его земельного состояния.

На территории Тиферна Плиний был, бесспорно, самым крупным, возможно, единственным столь богатым землевладельцем. «В моих Тусках, — пишет он, — отдых глубже, уютнее, вернее: нет необходимости надевать тогу; по соседству нет никого, кто бы меня пригласил, все тихо и спокойно» (Ер. V. 6. 45). Иначе говоря, в ближайшей округе нет равных Плинию соседей, которые могли, как равные равного, пригласить такого знатного и богатого вельможу или захватить к нему в гости. Иногда, продолжает он в другом месте, «приезжают друзья из соседних городов (ex proximis oppidis), часть дня отбирают для себя и порою своевременным вмешательством помогают мне, утомленному» (Ер. IX. 36. 5). Этот отрывок лишний раз доказывает, что на территории Тиферна равных Плинию земельных собственников не было. Мало того, латифундия Плиния становится до некоторой степени центром ближайшего района. Имеющийся в его владениях старый храм Цереры становится тесен и переполняется народом. «В сентябрьские иды сюда сходятся из всей области много людей: тут вершат много дел, дают и выполняют много обетов, а поблизости нигде нет убежища от дождя и солнца» (Ер. IX. 39. 2). Плиний хочет расширить храм, отстроить его в мраморе с четырьмя колоннами, построить несколько портиков на очень широком лугу. Он не довольствуется знанием доморожденных строителей и пишет письмо, очевидно, к известному архитектору Мустию. Судя по масштабам предполагаемого строительства, данное место посещается большим количеством народа и здесь образуется нечто вроде рынка-ярмарки местного значения<sup>776</sup>.

Огромная латифундия Плиния была обширным и разнообразным хозяйством. Его обслуживало, очевидно, большое количество работников самого различного сорта.

Для определения характера рабочей силы тифернской латифундии Плиния следует отметить, прежде всего, что она в хозяйственном отношении делилась на две

О сборе винограда в Тусках и о большом значении его в хозяйстве см. Ер. IX. 15; 16; 20. Наконец, сообщение о неурожае также характерно для Этрурии (см. Sirago V. A. Op. cit. P. 117).

<sup>773</sup> Plin. Ер. V. 6. 1; IX. 40. 1; 36. 1.

<sup>774</sup> Так, в Комо Плиний ездил довольно редко (Ер. III. 6. 6–7; IV. 1. 3; V. 14. 8; VI. 1. 1; IX. 7) и долго там не задерживался (Ер. V. 14. 8–9). О посещении тускуланского имения упоминается лишь один раз (Ер. IV. 13. 1).

<sup>775</sup> Доход только от колонов в 400 тыс. (Ер. X. 8. 5) весьма велик, ведь весь сенаторский ценз равнялся 1 млн. сеет. Цицерон пишет, что для достойного образа жизни сенатора достаточен ежегодный доход в 600 тыс. сеет. (Cic. Parad. 49).

<sup>776</sup> Plin. Ер. V. 4. 1. Плиний сообщает, что некий преторий Соллерс тоже открыл рынок в своем имении, расположенном на территории г. Викетии (область венетов). Естественно, открытие рынка в имении задевало экономические интересы города, поэтому представители Викетии принесли жалобу в сенат. Положение Плиния было более благоприятным, чем Соллерса. Патрон Тиферна, он был слишком могущественен, влиятелен и богат, чтобы жители Тиферна могли протестовать против открытия рынка в его тускской латифундии. Тиферн настолько зависел от Плиния, что последний, например, сам выбирал подходящий участок городской земли для строительства храма Цезарей: illi in honorem operis ipsius electionem loci mihi obtuleral (Ер. X. 8. 2). Дело здесь, конечно, не в уважении, а в зависимости.

части: на хозяйства колонов, приносивших господину 500 тыс. сест. дохода, и собственно господское хозяйство, ведущееся с помощью рабов. Громадный, насколько хватает глаз, однообразный виноградник, по краям которого растут деревья, обозначающие границы; раскинувшиеся по холмам и равнинам обширные поля зерновых, луга, леса, все это заставляет предполагать, что господское хозяйство занимало в процентном отношении не меньшую, а большую часть общего количества земли. Кто же обслуживал это господское хозяйство? Это были рабы. Никаких точных цифр у нас нет, но косвенные данные довольно надежно это подтверждают. Уборка виноградника — занятие очень трудоемкое, оно требует множества рабочих рук, и владельцы виноградников приглашают в горячие дни уборки наемников со стороны в помощь своим рабам<sup>777</sup>. Плиний же обходится своими рабами, хотя и приводит им на помощь городских рабов. Очевидно, рабов у Плиния было вполне достаточно для этой трудоемкой работы<sup>778</sup>. Об обширности рабского персонала говорит разветвленная рабская администрация. Во главе стоит уже не виллик, как это имело место в средних поместьях до 1500 югеров<sup>779</sup>, а по примеру африканских салтусов прокуратор, скорее всего, из вольноотпущенников, которому хозяин безусловно доверял<sup>780</sup>. Прокуратору подчинялись разнообразные распорядители, управляющие, акторы (*actores*)<sup>781</sup>, которым, в свою очередь, подчинялись мелкие представители рабской администрации, о них Плиний просто не упоминает, но мы знаем о них из Колумеллы (I. 8): это *magistri officiorum* (I. 8. 11), надзиратели (*monitores* — I. 9. 7), начальники декурий (*Ibid.*), ключники, сторожа и т.д.

О большом количестве рабов Плиния можно судить еще и по тому, что он не только обходился в обширном хозяйстве силами своих рабов, не прибегая к наемникам со стороны, но и имел их относительный избыток, снабжая своих многочисленных колонов многими честными рабами — *complures mancipes frugi* (Ep. III. 19. 7) — прежде всего для сельскохозяйственных работ. В Ep. I. 21, говорится, что Плиний покупает рабов и выражает надежду, что они будут честными (*frugi*). Следовательно, и рабский персонал, занятый сельскохозяйственными работами в Тусках, был весьма велик. Однако Плиний совершенно определенно заявляет, что в составе его рабской фамилии в Тусках нет колодников<sup>782</sup>, т.е. закованных рабов, живущих в эргастуле<sup>783</sup>. Иначе говоря, на вилле Плиния не было, скорее всего, и самого эргастула. Плиний много раз подчеркивает мягкое отношение к своим рабам<sup>784</sup>: они якобы

<sup>777</sup> Сугубо рабовладельческие хозяйства Катона, Варрона, Колумеллы не могли обходиться без наемников. См.: *Cat.* 5. 4; 144 и др.; *Varr.* I. 17. 2.

<sup>778</sup> Часть виноградника убирается силами *negotiatores*, поэтому трудно сказать, с какой площади виноград убирается силами своих рабов, но личное участие в сборе винограда вельможи-хозяина говорит о том, что она немалая. И недаром Плиний проводит все лето в Тусках, он не столько отдыхает, сколько наблюдает за сбором, и наблюдает зорко. См.: Ep. IX. 20. 2.

<sup>779</sup> *Gummerus H.* Die römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. Lpz., 1905. S. 78–73.

<sup>780</sup> Плиний охотно отпускал на волю (Ep. VIII. 16. 1) и имел в составе своей фамилии большое число отпущенников, обязанных и преданных ему, и считал возможным поручать им ответственные дела. Так, отпущенник Гермес продает имения стоимостью в 900 тыс. сест. (Ep. VII. 11). Сам Плиний ценит преданность и деловитость своих отпущенников (Ep. V. 19) и, как известно, оставил по завещанию сумму около 2 млн. сест., проценты от которой шли на содержание 100 наиболее заслуженных отпущенников в Комо (*Mommsen Th. Op. cit.* S. 436).

<sup>781</sup> Судя по смыслу письма, таких распорядителей было много (Ep. III. 19. 2).

<sup>782</sup> *Plin.* Ep. III. 19. 7: *nam nec ipse usquam vincetos habeo, nec ibi quisquam.*

<sup>783</sup> *Col.* I. 6. 3; *Plin. N.H.* XVIII. 19–21.

<sup>784</sup> *Plin.* Ep. III. 14. 5; VII. 32. 1; VIII. 16. 1; IX. 21.

встречают хозяина «беспечно и почти нерадиво» (*secure ac prope negligenter* — Ep. I. 4. 3), он предоставляет им некоторую самостоятельность в делах, разрешает делать завещания, делить, дарить, оставлять, «лишь бы в пределах моего дома, так как для рабов господский дом — это своего рода государство» (*nam servis respublica quaedam et quasi civitas domus est* — Ep. VII. 16. 2). Отличный хозяин, Плиний, очевидно, прекрасно усвоил основные мысли своего дяди и приемного отца Плиния Старшего о губительности труда рабов-колодников из эргастула<sup>785</sup> и предпринял ряд попыток создать у своих рабов какой-то стимул в труде (отпуск на волю, некоторая хозяйственная «самостоятельность», забота о здоровье и достоинстве и т.д.). Следует думать, что эти попытки имели хороший результат. Во всей переписке нет ни одной жалобы на леность, небрежность в работе плиниевых рабов. Наоборот, в некоторых местах Плиний говорит о многих честных рабах<sup>786</sup>, а ведь он любил лишний раз пожаловаться на неурожай, недоимки, скидки и т.д. Кроме сельскохозяйственных рабов, в Тусках находился, бесспорно, обширный штат рабов, обслуживавших нужды усадьбы; один роскошный парк требовал многочисленных садовников; богатая охота предполагает рабов-охотников (Ep. III. 19. 3). Во главе их, следует думать, стояла своя администрация. К сожалению, Плиний совсем не дает описания *villa rustica*, что затрудняет более детальное определение характера хозяйства тускской латифундии. Но в Ep. III. 19. 3, указана одна очень интересная деталь: перечисляя некоторые категории рабов, Плиний упоминает о ремесленниках (*fabri*) на вилле. Любопытен контекст этого упоминания: он предполагает присутствие *fabri* в присоединяемом поместье, которое гораздо меньше плиниева. Следует думать, что в последнем персонал ремесленников и более разнообразен и велик: здесь были плотники, кузнецы, каменщики, многочисленные строители<sup>787</sup>, валяльщики, ткачи и т.д.<sup>788</sup> Потребности громадной латифундии в ремесленных работах были, естественно, весьма велики и разнообразны, и они удовлетворялись на месте. Иначе говоря, плиниева латифундия была независима от города в хозяйственном отношении, представляла собой самодовлеющий экономический организм. Имение представляет собой полную чашу; оно включает самые различные отрасли хозяйства: громадный виноградник, дающий виноград, который сразу же перерабатывают в вино; привольно раскинувшиеся хлебные нивы; обширные луга, леса, листья которых идут на корм скоту, что предполагает развитие животноводства; обилие воды и близость Тибра обеспечили посадку ивняка, лозняка и других вспомогательных культур. Правда, по климатическим условиям здесь не растут маслины, мирты и другие теплолюбивые растения (Ep. I. 20. 16; V. 6. 4–12).

Таким образом, господское хозяйство, т.е. та часть, которая обрабатывается рабами, очень велика и именно она, на наш взгляд, определяла физиономию всего хозяйства, как специфически рабовладельческого, хотя и трудно определить соотношение рабского и свободного труда в нем.

Исследование данных Плиния о рабочей силе его тифернской латифундии представляет в более ярком свете еще более скудные свидетельства о рабочей силе его транспаданской латифундии. Нет никакого сомнения в том, что «трагедия» и «коме-

<sup>785</sup> Plin. N.H. XVIII. 19–21.

<sup>786</sup> Plin. Ep. III. 19. 7; I. 21.

<sup>787</sup> Плиний часто и много строил: Ep. III. 4. 2; IV. 1. 4; V. 6. 41; IX. 39; X. 8. 1–2. Очевидно, это строительство производилось силами собственных архитекторов, каменщиков, плотников и т.д.

<sup>788</sup> См. Varr. I. 16. 4. Ср.: Кузицин В. И. Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э. // Вестник Московского университета. 1958. № 4.

дия», т.е. *villae urbanae*, по примеру Тусок, были наполнены многочисленной и разнообразной прислугой, среди которой были всевозможные ремесленники, и т.д. Обращалось внимание на то, что латифундия в Комо образовалась из слияния многочисленных имений разнообразных, вероятно, средних размеров. Да и сам Плиний указывает на *plures villae*, подразумевая под *villae* хозяйственные центры имений среднего размера, как это обычно было во времена Катона и вплоть до Колумеллы. Если это так, то, как правило, эти небольшие и средние поместья обрабатывались рабами, как основной рабочей силой, во главе с виликом. Воссоединение множества таких имений в одну латифундию не могло изменить в корне характера рабочей силы, несмотря на известные перестройки хозяйства, и оно продолжало носить ярко выраженный рабовладельческий характер. Очевидно, эти места (за Падом) имеет в виду Плиний, когда сообщает о частых болезнях и смерти многих рабов (Ер. VIII. 16. 1; 19. 1)<sup>789</sup>. В другом месте содержатся любопытные указания на частый и охотный отпуск рабов на волю Плинием (Ер. VIII. 16. 1). Речь идет, очевидно, об отпуске рабов на волю именно за Падом<sup>790</sup>. Как много отпущенников было у Плиния (и, стало быть, рабов), показывает его завещание, согласно которому на проценты от суммы 1 866 666 2/3 сест. получали ежегодное содержание 100 его отпущенников в Комо, и Моммзен совершенно справедливо отмечает, что 100 человек — это лишь небольшая часть вольноотпущенников Плиния<sup>791</sup>.

Отпуск рабов на волю большого числа рабов не был результатом, так сказать, гуманизма Плиния, а объясняется его расчетами, стремлением обеспечить преданность и более интенсивный труд своих бывших рабов, по-прежнему всецело зависевших от бывшего господина. Следует думать, что Плиний, понимая невыгодность рабского труда вообще (Ер. III. 19. 7) и отдавая себе отчет в сложности надзора за рабами в далеком Комо, охотно отпускал на волю своих рабов именно в своем отдаленном поместье<sup>792</sup>. Однако, кроме большого, как можно предположить, количества рабов, в хозяйстве его транспаданской латифундии использовались и свободные, которых Плиний называет довольно неопределенно как *rustici*. Эти *rustici* не рабы, а свободные, мелкие арендаторы, скорее всего, колоны. Они уже попали в зависимость и приносят жалобы на администрацию плиниевых имений, и Плинию приходится выслушивать их при каждом наезде (Ер. V. 14. 8). К сожалению, этим одним местом и ограничиваются наши сведения о *rustici* в Комо, и трудно сказать о них что-нибудь более определенное. Вероятно, их положение аналогично положению *coloni* тифернской латифундии. Каково их происхождение? Может быть, часть *rustici* — это бывшие рабы Плиния, отпущенные им на волю и посаженные на клочок земли. Не является ли частый отпуск рабов на волю Плинием попыткой активизировать труд работника в отдаленном поместье, предоставляя ему клочок земли и относительную свободу?

Рассмотренные сообщения Плиния не позволяют определить соотношение рабского и свободного населения в транспаданской латифундии Плиния более или менее точно, однако следует думать, что удельный вес рабского труда был значителен, хотя и начинал сокращаться за счет появления *rustici*.

<sup>789</sup> Plin. Ер. V. 6. 46, пишет, что в Тусках он не потерял еще ни одного человека. Sirago V. A. Op. cit. P. 120, отмечает, что транспаданские владения были хорошо снабжены рабочей силой, а основные работы производились рабами.

<sup>790</sup> Plin. Ер. VII. 16 и 32: вероятно, Кальпурний Фабат, отпуская на волю своих рабов, следовал в данном случае не только совету, но и примеру Плиния.

<sup>791</sup> Mommsen Th. Op. cit. S. 436.

<sup>792</sup> К этому направлены были советы опытных сельских хозяев, см. Col. I. 7. 6.



Трудно сказать, какая отрасль в тифернской латифундии выделялась по своему удельному весу, так как масштабы всех отраслей были весьма велики, но, судя по постоянному вниманию, частым упоминаниям о винограде и виноградниках<sup>793</sup>, следует думать, что виноградарство получило некоторое преобладание. Тускское хозяйство было довольно доходным. Почвы Этрурии вообще славилась плодородием и высокой урожайностью (Varr. I. 44. 2), сам Плиний неоднократно указывает на плодородие почвы, обилие влаги, роскошную растительность<sup>794</sup>. Частые неурожаи, о которых говорит Плиний, и которые относятся как раз к Этрурии, являются результатом не плохой почвы самой по себе, а плохого хозяйничанья земледельцев (Ер. III. 19. 5). Помимо естественного плодородия почвы, большая или меньшая доходность имения зависела от возможности иметь емкие рынки сбыта своей продукции. Древность не знала развитой системы продолжительного хранения скоропортящихся продуктов, к тому же несовершенство античного транспорта приводило к высоким транспортным издержкам<sup>795</sup> и сильно затрудняло сухопутную торговлю. Вот почему перед каждым владельцем остро стояла проблема сбыта, дорог. При прочих равных условиях имение, расположенное близ дороги, было гораздо доходнее имения, удаленного от дороги<sup>796</sup>. Идеальным путем, дешевым, удобным и емким, могла быть река. Как раз в таких идеальных условиях находилась тускская латифундия Плиния; среди его владений протекала вторая по величине река Италии Тибр. «Он течет среди полей, неся на себе суда (navium ratiens) и доставляя в Рим (in urbem) всяческие плоды (omnes que fruges) по крайней мере, зимой и весной» (Ер. V. 6. 12). Определенная часть продуктов шла на рынки соседнего Тиферна, но, конечно, основная их масса направлялась на практически безграничные рынки великого города. Все эти обстоятельства повышали товарность хозяйства и резко увеличивали его доходность. Отсюда понятна постоянная забота и внимание Плиния к налаживанию и ведению хозяйства в Тусках<sup>797</sup>.

Однако, как ни был велик рабский персонал, тифернские владения были настолько обширны, что их потребность в рабочей силе не могла быть удовлетворена только за счет рабов. Даже в эпоху Катона и Варрона, в эпоху бурного подъема рабовладельческого хозяйства, в условиях непрерывного и обильного поступления рабов, даже мелкие и средние рабовладельческие имения не могли обходиться без дополнительной рабочей силы свободных наемников. В I в. н. э. при сокращении основных источников рабства, проявляющейся невыгодности самого рабского труда, увеличившегося отпуска на волю перед рабовладельцами-землевладельцами встала особо остро проблема рабочей силы. В рабовладельческих хозяйствах возрастает удельный вес свободного труда. Он уже довольно велик в поместье, описываемом Колумеллой<sup>798</sup>. Весьма велик он и в Тусках Плиния, хотя собственно господское хозяйство было обширным и большим. Поместья Плиния обрабатывали свободные самых различных категорий. Нет ничего ошибочнее полагать, что эти свободные — однород-

<sup>793</sup> Plin. Ер. VIII. 2; 15. 2; IX. 16; 20. 2; 28. 2; X. 8. 5.

<sup>794</sup> Plin. Ер. III. 19. 5: agri sunt fertiles, pingues, aquosi...; felicitas terrae...; более подробно об этом см. Ер. V. 6. 7–12; отчасти VIII. 2. 1; IX. 20. 1.

<sup>795</sup> Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954. С. 77: перевозка пресса на 70 км повышала его стоимость на 73 %.

<sup>796</sup> Varr. I. 16. 3; 6; Col. I. 1. 19–20; 2. 3.

<sup>797</sup> Plin. Ер. X. 8. 5; недаром он пишет самому Траяну: ...obiter te plurimum collaturum utilitatibus rei familiaris meae..., и так настойчиво добивается довольно большого отпуска.

<sup>798</sup> Колумелла (I. 7) делит рабочую силу поместья на две категория; колонов и рабов. Варрон (I. 17–18) говорит, когда речь идет о поместье, только о рабах.

ная масса забитых и зависимых мелких колонов. В переписке Плиния содержится много данных, позволяющих несколько ближе ознакомиться с положением этих свободных. Любопытна применяемая Плинием терминология. Они обозначаются чаще всего как *coloni* (Ер. X. 8. 5; IX. 36. 6; III. 19. 6. 7; возможно IX. 37), иногда он называет их *rustici* (Ер. VII. 30. 2; IX. 15. 1)<sup>799</sup>; однако в двух местах он применяет термин *negotiatores* (Ер. VIII. 2. 1), а в Ер. VII. 30. 3, говорит о *idoneos conductores*. Каково же их положение? Упомянутые *coloni*, прежде всего, свободны и заключают с хозяином, вернее с прокуратором, договор *locatio* — *conductio* как равноправная сторона (Ер. VII. 30. 3; X. 8. 5). Арендная плата фиксировалась в договоре и платилась деньгами<sup>800</sup>. В разных областях сроки договора были различные, в Тусках договор, очевидно, заключался на пять лет<sup>801</sup>. Землевладелец был заинтересован в обеспечении своего хозяйства постоянной рабочей силой и, следовательно, был не заинтересован в частой смене колонов<sup>802</sup>. Не всегда это удавалось, и одно место в Ер. X. 8. 5 определенно говорит о смене арендаторов-колонов у Плиния, очевидно, после окончания договорного срока. В обеспечение условий договора *coloni* вносили определенный залог<sup>803</sup>, что свидетельствует об их некоторой состоятельности. Тем не менее, колоны вскоре попадают в полную зависимость от землевладельца. Несмотря на плодородие земли<sup>804</sup>, на их землях бывают частые неурожаи<sup>805</sup>, и колоны не в силах выплатить арендную плату. Катастрофически растут недоимки колонов; колоны часто жалуются хозяину на неурожай, большую арендную плату, произвол поместной администрации. Хозяин разбирает их жалобы, он тем самым уже выступает не в роли равной стороны, а до некоторой степени в роли господина (Ер. VII. 30. 2; IX. 15. 1; 36. 6). Расчетливый хозяин, Плиний хорошо понимал, что обессиленный земледelec не может быть хорошим работником. «За прошлое пятилетие недоимки возросли..., поэтому большинство, отчаявшись в возможности уплатить долги, вовсе не заботится об уменьшении их. Люди тащат и тратят все, что у них появляется в хозяйстве, считая, что им уже нечего жалеть себя. Надо прийти с помощью и лекарством к этой растущей беде» (Ер. IX. 37. 2–3). Иначе говоря, колон попадает в полную зависимость от землевладельца. Его имущество заложено и уже рассматривается им как чужое, и он растаскивает его; недоимки таковы, что выплатить их, следовательно, переменить владельца нельзя; колон уже прочно привязан к имени. Плиний и рассматривает таких задолжавших колонов как часть своего хозяйства, он старается не продавать их имущество, а оставляет его, конечно, на прекарном праве, снабжает колонов орудиями труда и работниками — честными рабами<sup>806</sup>, больше заботится о хорошей обработке земли, чем о долгах (ср. Col. I. 7. 1). У колона нет ничего своего — все хозяйское, и сам он становится неотъемлемой частью этого хозяйства. В связи с этим понятно, почему Плиний часто делает большие скидки (*magnae*

<sup>799</sup> Плиний (Ер. III. 19. 6) упоминает *imbecilles cultores*, которые, судя по контексту, тождественны с *coloni*.

<sup>800</sup> Plin. Ер. IX. 37. 3.

<sup>801</sup> Plin. Ер. IX. 37. 2: *nam priore lustro* и т.д.

<sup>802</sup> Col. I. 7. 3: *...felicissimum fundum esse, qui colonos indigenas baberet, et tamquam in paterna possessione natos jam inde, a cunabulis longa familiaritate retineret.*

<sup>803</sup> Plin. Ер. III. 19. 6: судя по контексту, *pinoga* составляло большую часть имущества колонов; продажа *pinoga* подрывает силы колонов.

<sup>804</sup> Почвы здесь были плодородные, но очень тяжелые, требовали хороших орудий труда, крепких волов, многократной вспашки. См.: Ер. V. 6. 10.

<sup>805</sup> Plin. Ер. III. 19. 7; VIII. 2. 1; IX. 37. 2; X. 8. 5.

<sup>806</sup> Plin. Ер. III. 19. 6; ср. IX. 37. 3–4.

remissiones — Ep. IX. 37. 2), он хочет создать уже отчаявшемуся колону какой-то стимул для увеличения производительности его труда. Но скидки, даже большие, не могли решить вопроса. Дело в том, что при денежной арендной плате колон для получения денег должен продать продукты на рынке, реализовать их в деньгах. Однако в античных условиях реализация эта была хлопотливым и дорогим делом даже для крупных хозяев, располагавших большими возможностями, чем мелкий колон. Трудности с транспортом, колебания цен на рынке и прочее отвлекала его силы от его собственного хозяйства, от непосредственной обработки земли. Пока у колона было его собственное имущество, пока он был свободным и независимым, он мирился со всем этим, но, попав в полную зависимость от землевладельца, он, естественно, не мог работать с должной старательностью, ибо не было заинтересованности в результатах этого труда. Плиний, прекрасно разбирающийся в тонкостях хозяйства, одним из первых пошел на смелый и обдуманый эксперимент — он заменил денежную арендную плату платой за долю урожая<sup>807</sup>. Этим он достигал нескольких целей: устранялись возможности роста недоимок, экономились силы земледельца и целиком направлялись на обработку земли, создавались условия улучшения обработки земли, а у колона создавался понятный стимул для роста производительности труда. Теперь реализация товарной части продукции на рынке целиком переходила к землевладельцу, располагавшему большими возможностями. Вскоре этот опыт Плиния был принят в большей части Италии, настолько хорошо он отвечал потребностям времени. Колоны эпохи Плиния, судя по переписке, кроме арендной платы не делали каких-либо иных взносов; переход к арендной плате из доли урожая создавал потенциальные возможности для отработок, взносов дополнительных продуктов и т.п., что так характерно для колоната II и последующих веков. Таким образом, в силу внутренней логики самого процесса развития, обнищание и закабаление колона ведет к замене денежной арендной платы платой из части урожая и тем самым создает основу для превращения колона и его хозяйства в придаток господского хозяйства, к ухудшению его социального положения. Переход к парциарному колонату был весьма выгоден крупным землевладельцам, так как обеспечивал их постоянной рабочей силой, улучшал качество обработки почвы и приводил, следовательно, к подъему урожайности, позволял увеличивать старые и налагать новые поборы на земледельца, ставил его в полную зависимость от собственника земли<sup>808</sup>. Основная масса колонов, работавших у Плиния, была бедна и находилась в полной зависимости от землевладельца. Но среди свободных, работавших у Плиния, были и более зажиточные люди. Их положение характеризуется в Ep. VIII. 2. Названы они не *coloni*, не *rustici*, а *negotiatores* — крупными торговцами-дельцами. Они покупают (*emerent*) у хозяина урожай винограда, а не арендуют тот или иной участок. Эта продажа урожая происходила не в момент сбора, а несколько раньше, вероятно, в начале года<sup>809</sup>, и некоторые из них заранее вносили значительную часть условленной платы. Плиний называет две цифры: плата в 10 и в 15 тыс. сест. Вероятно, первая была обычной платой,

<sup>807</sup> Plin. Ep. IX. 37. 3–4: *occurrendum ergo augescentibus vitibus et medendum est. Medendi una ratio, si non nummo, sed partibus locem, ac deinde ex meis aliquos operis exactores custodes fructibus ponam: et alioqui nullum justius genus reditus, quam quod terra, coelum, annus refert* (курсив мой. — В. К.). *At hoc magnam fidem, acros oculos, numerosas manus poscit, experiendum tamen et quasi in veteri morbo, quaelibet mutationis auxilia tentanda sunt.*

<sup>808</sup> Sirago V. A. Op. cit. P. 110–111, о невыгодности парциарного колоната для землевладельцев.

<sup>809</sup> В момент заключения договора надежды на урожай и цены на виноград были хорошие, но затем случился неурожай, т.е. между заключением договора и сбором прошло некоторое время (Plin. Ep. VIII. 2. 1).

а вторая — наивысшей. Плата в 10 тыс. взималась с меньшего участка, плата в 15 тыс. — с большего. Негоциаторы сами не обрабатывали землю, а только собирали урожай с определенного, указанного в договоре участка<sup>810</sup>. Анализ приведенных у Плиния цифр позволяет сделать некоторые предположения о размере этих участков. 10 тыс. сест. шли хозяину, вероятно, не меньшая сумма выручалась как доход самого негоциатора<sup>811</sup>, т.е. общая доходность всего участка равнялась 20 тыс. сест. (или на большем участке — 30 тыс. сест.). Колумелла (Ш. 3. 10) определяет среднюю доходность югера виноградника в 300 сест., т.е. доход в 20 тыс. сест. получали с площади около 60–70 югеров, а 30 тыс. сест. — с площади около 100 югеров. Таким образом, перед нами целое маленькое имение, по площади равное виноградному поместью Катона. Естественно думать, что негоциатор производил сбор винограда с помощью своих собственных рабов, по крайней мере, не менее полутора — двух десятков<sup>812</sup>. Такой негоциатор — это рабовладелец, имеющий небольшие средства, некоторое количество рабов, скорее всего, городской житель<sup>813</sup>, может быть, крупный торговец по профессии, для которого выгодно купить урожай на корню, убрать его и перевезти в город. Данная операция была выгодна и хозяину, так как избавляла его от хлопот по сбору винограда, приготовлению вина, сбыту на рынке и т.д. Конечно, отношения хозяина с подобным негоциатором были совершенно отличными от отношений его с колонами, и ни о какой зависимости негоциатора, аналогичной зависимости колона, не может быть и речи. Правда, неурожай может разорить и негоциаторов, и Плинию приходится делать для них скидки, но никакой зависимости здесь еще не появлялось, во всяком случае, о ней мы ничего не знаем. Скидки, делаемые хозяином, преследуют цель не отпугнуть этих выгодных съемщиков на будущее, обеспечить возобновление договора на следующий год<sup>814</sup>. Детально разработанная система дифференцированных скидок показывает, что таких негоциаторов у Плиния было довольно много<sup>815</sup>, иначе говоря, солидная часть его виноградника обрабатывалась (имеется в виду сбор урожая) силами этих лиц.

«Меня даже здесь преследуют городские дела, — пишет Плиний, — к этому присоединяются жалобы селян (*rusticorum*), которые после долгого перерыва по праву злоупотребляют моим слухом. Стала настоящей и очень тягостной необходимостью сдача в аренду земель (*necessitas agrorum locandorum*): так редко можно найти подходящих арендаторов (*idoneos conductores*)» (Ер. VII. 30. 2–3). Кто такие *conductores*, аналогичны ли они *coloni* или *rustici*? Они берут в аренду участок земли, заключают особый договор, а не покупают урожай на корню, как негоциаторы. Упоминание о них так бегло, что ответить на поставленный вопрос трудно. Не аналогич-

<sup>810</sup> Этот участок входил, конечно, не в состав участков колоннов, а в состав господского виноградника.

<sup>811</sup> Как известно, бедный и забитый колон вносил господину 1/3 урожая, оставляя себе 2/3. Поэтому наше предположение о том, что негоциаторы получали половину дохода (включая дни отработки и некоторые мелкие взносы, практически колон получал половину дохода), является вероятным, так как вряд ли можно думать, что богатый оптовый торговец — *negotiator* (см. Шмальфельд. Латинская синонимика. М., 1890. s. v. *Negotiator*, С. 341) получал меньший процент дохода, чей жалкий забитый колон.

<sup>812</sup> В винограднике Катона (Cat. 11) работают 16 человек, а сбор ведь требовал дополнительных рабочих рук.

<sup>813</sup> Может быть, богатый житель того же города Тиферна, возможно, даже декуршон.

<sup>814</sup> Об этом прямо говорит Плиний (Ер. VIII. 2. 7–8): *et in futurum omnes quum ad emendum tum etiam ad solvendum allici videbantur*. Во всей области, добавляет он, хвалят этот вид скидки.

<sup>815</sup> Plin. Ер. VIII. 2, кроме съемщиков за 10–15 тыс. сест., у Плиния много съемщиков за гораздо меньшие суммы, о судьбе которых он беспокоится очень мало.

ны ли эти *conductores coloni urbani* Колумеллы (Col. I. 7. 3), которые обрабатывают арендуемый участок силами своих рабов<sup>816</sup>, или *conductores* обширных африканских сальтусов, так хорошо известным по надписям.

Рассмотрение различных категорий свободных, связанных так или иначе с хозяйством Плиния, показывает, что доля свободного труда была достаточно велика. Но это усиление роли свободного труда еще не приводило к потере рабовладельческого характера хозяйства в целом. Интересно, что, помимо использования рабского труда самим землевладельцем, этот труд применяется, очевидно, негочиторами и кондукторами, и даже забитому, целиком зависимому от хозяина колону землевладелец даст рабов для налаживания хозяйства. Иначе говоря, хозяйство Плиния — это ярко выраженное рабовладельческое хозяйство, приспособляющее новые отношения зависимости к своим нуждам. Громадное собственное хозяйство, ведущееся с помощью рабов из *familia rustica*, многочисленные мелкие хозяйства колонов, множество *negotiatores* и *conductores* еще раз говорят о колоссальных размерах тифернской латифундии Плиния Младшего. С другой стороны, разнообразие и многочисленность свободных самых различных категории, так или иначе связанных с хозяйством Плиния, свидетельствует о силе, экономической мощи и влиянии Плиния как землевладельца на всю городскую территорию. По существу, Плиний из простого землевладельца превращается не только в патрона, но, до некоторой степени, в господина, хозяина громадной территории. Он выслушивает просьбы крупных арендаторов, негочиторов, кондукторов, делает им скидки, уже обязывая их чем-то на будущее, разбирает жалобы колонов, причем жалоб так много, поступают они отовсюду<sup>817</sup> и, вероятно, настолько мелки, что Плинию это ужасно надоедает<sup>818</sup>; наконец, его часто выбирают в судьи или посредники (Ер. VII. 30. 2). В своих владениях он строит храм Цереры, где собирается народ со всей округи и создается нечто вроде рынка (IX 39. 2). Латифундия Плиния становится своеобразным центром притяжения для всего муниципия. Можно представить себе, с каким уважением городские декурионы<sup>819</sup> относились к своему всемогущему патрону, сколько почетных постановлений и с каким усердием было принято в его честь. «Город празднует мое прибытие, огорчается отъездом, радуется моим почестям», — пишет Плиний<sup>820</sup>. Письмо Плиния в городскую курию о предоставлении участка для постройки храма Цезарей воспринимается скорее как приказ: «Из уважения к этому делу они предоставили мне выбор места» (Ер. X. 8. 2), т.е. любой участок городской земли был в распоряжении Плиния.

Третьим более или менее известным нам поместьем было лаурентинское. Лежало оно в окрестностях Рима, в 17 милях (около 25 км) от города, на самом берегу моря<sup>821</sup>. Близ него проходили сразу две дороги: лаурентинская, от которой оно отстояло на 3 мили (около 4,5 км), и остийская, от которой оно было удалено на 6 миль (около 9 км)<sup>822</sup>. «Так что ты можешь, — пишет Плиний, — завершив все, что нужно было

<sup>816</sup> Col. I. 7. 3: ...peiores tamen urbanum colonum, qui per familiam mavult agrum quam per se colere.

<sup>817</sup> Plin. Ep. IX. 15. 1: tam multis undique rusticorum libellis et tam querulis inquietor...

<sup>818</sup> Ibid. 2: ...quos aliquanto magis invitus... lego. Ср. Ер. VII. 30. 2; IX. 36. 6.

<sup>819</sup> Может быть, некоторые из них сами или их родственники и друзья выступали иной раз как кондукторы или негочиторы Плиния.

<sup>820</sup> Plin. Ep. IV. 1. 4: adventus meos celebrat, profectionibus angitur, honoribus gaudet.

<sup>821</sup> Plin. Ep. II. 17. 5: во время прибой волны омывают стены виллы.

<sup>822</sup> Plin. Ep. II. 17. 2. Вилла удалена от Рима на 17 миль, а поворот к вилле с лаурентинской дороги находится на четырнадцатой миле, т.е. расстояние до виллы от дороги — 3 мили; соответственно от остийской дороги — 6 миль.

сделать, и не нарушая порядка дня, побывать там» (Ер. II. 17. 2). В отличие от своих транспаданских и тифернских имений, обозначаемых множественным числом: *praedia nostra, agri, Tusci*, лаурентинское поместье называется всегда в единственном: *Laurentinus fundus*, чаще просто *Laurentinum*<sup>823</sup>. Подобное различие в терминологии вряд ли является случайным. Оно служит известным указанием на относительно небольшие размеры его по сравнению с транспаданской или тифернской латифундиями. В другом месте Плиний говорит об этом с полной ясностью: «Мое имение в Этрурии выбито градом; сообщают, что в транспаданской области очень большой урожай, но такая же дешевизна. Только от лаурентинского есть доход (*solum mihi Laurentinum meum in reditu*). Там у меня ничего нет, кроме крыши и сада и песков сразу же за ними (*nihil quidem ibi possideo praeter tectum et hortum, statimque arenos*) — и все же только там есть доход; там я очень много пишу и возделываю не поле (*pec agrum*), которого там нет, — а занятиями — собственный ум» (Ер. IV. 6. 1–2). Ряд косвенных данных опять-таки указывает на относительно небольшие размеры лаурентинского поместья. Оно находилось на самом берегу моря, а по соседству возвышались многочисленные виллы других владельцев, так что кажется, «что перед тобой множество городов»<sup>824</sup>, иначе говоря, берег густо населен и плотно застроен и предполагает небольшие или средние размеры владений. Где-то неподалеку<sup>825</sup>, очевидно, расположена деревня (*vicus*), которая отделена от лаурентинского поместья Плиния еще каким-то поместьем<sup>826</sup>. При каких обстоятельствах перешло оно в руки Плиния, сказать трудно.

До нас дошло подробное описание лаурентинской виллы, которое позволяет несколько ближе ознакомиться с хозяйством всего поместья. Мы не будем давать характеристику *villa urbana*, а отошлем читателя к плану и реконструкции виллы, составленным Е. Танцер<sup>827</sup>. Укажем, что она была весьма велика и прекрасно отделана<sup>828</sup>, хотя, по всей видимости, значительно уступала вилле в Тусках<sup>829</sup>. Лаурентинское поместье было расположено недалеко от Рима и являлось пригородным имением, *suburbana*, с определенной структурой хозяйства<sup>830</sup>. Почвы здесь не отличались плодородием, были песчаными, но близость оживленной Остии, особенно же римского рынка, создавала все условия для ведения доходного хозяйства, диктовала характер возделываемых культур (сам Плиний особо выделяет сад).

Кроме сада, у самого входа в виллу раскинулся «богатый деревенский огород (*hortus alius, pinguior et rusticus*)», где выращивались столь ценившиеся римлянами

823 Plin. Ер. I. 9. 4; II. 17. 1; IV. 6. 1; V. 2. 1; VII. 4. 3; IX. 40. 1, т.е. все отрывки, где говорится об этом поместье.

824 Plin. Ер. II. 17. 27: *litus ornant varietate gratissima nunc continua, nunc intermissa tecta villarum, quae praestant multarum urbium faciem...*

825 Plin. Ер. II. 17. 26: Плиний иногда использовал деревенские бани для своих гостей. Вряд ли это было бы возможно, если бы деревня находилась далеко.

826 Там же: *vicus, quem una villa discernit...*

827 План и реконструкция лаурентинской виллы даны Tanzer E. *The Letters of Pliny of Younger...* Ср.: *Tanzer E. The Villas of Pliny of Younger...*; Winnefeld H. *Op. cit.*

828 Например, в бане бассейны были достаточно вместительны, «если подумать, что море находится поблизости», а криптопортик настолько велик, что пришлось бы «пожалуй, впору и для общественного здания» (Plin. Ер. II. 17. 11; 16).

829 Очевидно, поэтому Плиний пишет (Ер. II. 17. 4), что лаурентинская вилла не требует больших расходов.

830 *Сергеенко М. Е. Хозяйство итальянских suburbana // ВДИ. 1955. № 1; Она же. Очерки по истории сельского хозяйства древней Италии. М.—Л., 1959. Гл. VII.*

овощи<sup>831</sup>. Разнообразные овощи в свежем виде через несколько часов езды могли быть доставлены в Рим и охотно раскупались. Огород был также весьма доходной статьей этого поместья. Его обработка и уход за ним облегчались обилием влаги в этих местах (Ер. II. 17. 25). Плодовый сад и огород — обычные явления в италийских *suburbana*.

Рядом с садом был разбит молодой виноградник, он занимал значительную площадь, так как Плиний среди помещений виллы упоминает просторный винный склад. Конечно, какая-то часть винограда в свежем виде вывозилась в Рим, ибо перерабатывать весь виноград в вино, при близости римского рынка, вряд ли было целесообразно. Следует обратить особое внимание на прекрасную обработку виноградника; почва так обработана, так мягка, что в нее свободно уходит «даже босая нога» (Ер. II. 17. 15). Разбитый недавно виноградник, возможно, был предметом большой и постоянной заботы хозяина. В Ер. IV. 6. 2, Плиний определенно заявляет, что в лаурентинском имении нет хлебного поля (*agrum non habeo*), хотя при перечислении помещений виллы называет амбар (*horreum*) для хранения хлеба. Нельзя думать, что хлеб, хранимый в этом амбаре, привозился из других поместий Плиния или покупался, ведь перевозка хлеба была дорогим и хлопотливым делом. Скорее всего, зерновые выращивались здесь же, на полях лаурентинского поместья<sup>832</sup>. Хлебное поле было здесь небольшим<sup>833</sup>, но достаточным для снабжения населения поместья. Заявляя, что у него в этом поместье нет *agrum*, Плиний подчеркивает лишь небольшие размеры этого поля, конечно, не идущие ни в какое сравнение с громадными нивами тускской латифундии<sup>834</sup>.

Одно беглое упоминание (Ер. V. 2. 1) позволяет думать, что в Лаурентине уделялось определенное внимание так называемой *villatica pastio*, в частности, разводились дрозды (Ер. V. 2. 1), что было обычным явлением в *suburbana*<sup>835</sup>. Естественно думать, что такой знатный вельможа, как Плиний, получал дроздов, павлинов и т.п. из своих поместий, и в первую очередь из ближайшего к Риму — лаурентинского<sup>836</sup>. Таким образом, и *villatica pastio* являлась важной отраслью этого поместья<sup>837</sup>.

Но особенно развито в поместье было скотоводство пригородного типа, особенно разведение молочного скота. «Наша вилла — пишет Плиний, — поставляет сельские продукты, молоко в первую очередь: сюда с пастбищ собирается скот в поисках воды и тени» (Ер. II. 17. 28). Если сам Плиний, обычно не выделявший той или иной отрасли своих поместий, говорит о поставках молока, то, вероятно, молочное животноводство на вилле было весьма развито. Скорее всего, это было не стойловое животноводство; обилие лугов, летних естественных пастбищ и зимних пастбищ в горах (Ер. II. 17. 3; 28) обеспечивало скот естественным кормом, и стада Плиния пригонялись зимой с гор, а летом угонялись в горы.

<sup>831</sup> Сергеенко М. Е. Очерки... С. 23.

<sup>832</sup> В Ер. IV. 6, говорится, что в лаурентинском поместье есть только сад, а выше мы видели упоминание об огороде, винограднике и т.д.

<sup>833</sup> С другой стороны, Плиний говорит о просторном амбаре (*lato post apotheca et horreum* — Ер. II. 17. 13), что предполагает не столь уж малые посевы. К тому же потребности многочисленной рабской фамилии поместья были не так уж малы.

<sup>834</sup> Следует также учесть, что почвы в Лаурентине были не столь плодородны (песок), как в Этрурии.

<sup>835</sup> Сергеенко М. Е. Очерки... Гл. VII.

<sup>836</sup> О всевозможных запасах этого рода см. Ер. V. 2. 1.

<sup>837</sup> Вполне возможно, что здесь же добывались рыба и крабы (Ер. II. 17. 28).

Описание виллы лаурентинского поместья позволяет определить количество и характер рабочей силы, необходимой для обработки имения, нормального функционирования его разнообразного хозяйства. В имении было большое число рабов, на вилле имелось много помещений, специально предназначенных для них. Так, «зимний лагерь» для рабов расположен в самом теплом месте виллы, залитом солнцем. Для них же отведена целая часть крыла, причем большинство комнат — это не маленькие каморки, какие мы видим в раскопанных *villae rusticae* в Кампании, порядка 6–8 кв. м<sup>838</sup>, а просторные комнаты, где «так нарядно, что здесь можно было бы принимать гостей»<sup>839</sup>. Плиний, как хороший хозяин, заботился о здоровье своих «говорящих орудий», устроил для них гимнасий. В Лаурентине были рабы разного возраста, в том числе молодые (Ер. II. 17, 22)<sup>840</sup>. Рабов на вилле так много, что хозяину пришлось построить специальную комнату, где не было бы слышно крика рабов, особенно в Сатурналии, «когда весь остальной дом звенит праздничным разгулом и криками рабов» (Ер. II. 17. 24). В состав *familia rustica*, кроме рабов, входили также вольноотпущенники, работающие в лаурентинском поместье и живущие в том же крыле виллы, где располагались рабы<sup>841</sup>. Многочисленность *familia rustica* объясняется, во-первых, разнообразием хозяйственных отраслей, во-вторых, интенсивным характером культур и товарной направленностью хозяйства в целом. Среди рабов, вероятно, были скотники: коровники, овчары, коневоды, садоводы, специалисты *villatica pastio*, виноградари и т.д. С другой стороны, интенсивный характер главных отраслей затруднял использование труда колоннов, мелких производителей. Сама товарная направленность главных отраслей хозяйства диктовала единое господское хозяйство с централизованным руководством, применением известных тогда агрономических приемов. К тому же близость Рима и Остии, обилие поместий порождало конкуренцию землевладельцев при привлечении колоннов, затрудняло закабаление колона, а, следовательно, замедляло развитие колоната в данном районе. Плиний, скорее всего, вполне обходился силами своих рабов и не нуждался в труде колоннов или других свободных работников<sup>842</sup>, во всяком случае, он ничего не говорит об этом. Близость Рима обеспечивала почти постоянное присутствие господина и действенный контроль за состоянием всего хозяйства<sup>843</sup>. Таким образом, лаурентинское поместье Плиния — это типичное рабовладельческое хозяйство пригородного типа, в котором, при сохранении натуральных основ, получили сильное развитие товарные отрасли, а обработка земли носила интенсивный характер и обеспечивала хорошую доходность хозяйства в целом. С другой стороны, детальное знакомство с различными отраслями, многочисленной рабской фамилией, обширной виллой показывает, что поместье Плиния не было таким уж маленьким, как это представлялось ему

<sup>838</sup> *Сергеенко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949. С. 304–305. См. также: *Кузицин В. И.* Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э. ... С. 24–25.

<sup>839</sup> В таких комнатах жило, очевидно, по несколько человек.

<sup>840</sup> В Ер. VII. 27. 12, упоминается детская комната, где спят молодые рабы; в Ер. VIII. 16. 1, речь идет о высокой смертности среди молодых рабов.

<sup>841</sup> *Plin.* Ер. II. 17. 9: может быть, отпущенники составляли администрацию поместья, а нарядные комнаты предназначались для них?

<sup>842</sup> Следует думать, что ремесленников на вилле не было и ремесленные изделия покупались в соседней деревне, в Остии или в Риме. Не об этом ли говорят слова Ер. II. 17. 26: *ceteras copias Ostiensis colonia ministrat?* Держать дорогостоящих ремесленников, когда по соседству Остия и Рим, не имело никакого смысла (ср. *Varr.* I. 16. 4).

<sup>843</sup> В имении хорошо обработан виноградник. Возможно, что так же обработана и прочая часть поместья. Во всяком случае, в переписке Плиния нет жалоб на неурожай и убытки в Лаурентине.



самому. Оно не могло идти в сравнение с его Тусками или владениями за Падом, но само по себе было довольно крупным, может быть, порядка 1000–1500 югеров.

Таковы три земельных владения Плиния Младшего, о характере хозяйства и величине которых мы знаем более или менее подробно. Однако только ими земельное состояние Плиния далеко не исчерпывалось. В письмах содержатся указания и на другие поместья. Заканчивая характеристику тускского имения и виллы, Плиний пишет: «Вот тебе причины, но которым я предпочитаю мое имение в Этрурии тускуланскому, тибуртинскому и пренестинскому» (Ер. V. 6. 45). В этих районах обычно располагались пригородные поместья с роскошными *villa urbana* наиболее богатых и знатных римлян еще со времен конца Республики<sup>844</sup>. К сожалению, это единственное упоминание<sup>845</sup> не дает возможности сказать что-нибудь определенное об этих имениях Плиния. Можно предположить, что они были *suburbana* и имели хозяйство, аналогичное лаурентинскому. Характерно, что Плиний обозначает свое тускуланское, тибуртинское и пренестинское имения как *tusculana mea*<sup>846</sup>, *tiburtina mea*, *praenestina mea*, т.е. во множественном числе. Данный факт, а также сравнение с Тусками наводят на предположение, что они были отнюдь не малыми, во всяком случае, каждое из них, вероятно, не уступало лаурентинскому. Сравнение с Тусками, где у Плиния была роскошная *villa urbana*, а также специфический характер этих районов, где, конечно, имели свои виллы друзья Плиния из высшего римского общества, заставляет думать, что в каждом из них была достойная богатства Плиния *villa urbana*<sup>847</sup>.

В письме к Веру (Ер. VI. 3) Плиний сообщает о том, что подарил своей кормилице *agellum* стоимостью в 100 тыс. сест., т.е. маленькое имение в 100 югеров земли, где имелся, возможно, виноградник и сад (*arbores*) и хлебное поле (*terram*). Плиний не говорит, где находится это имение, но, скорее всего, в районе родного Комо, где, очевидно, жила кормилица, а в раннем детстве воспитывался Плиний. Глухое и не совсем ясное упоминание о *longinquos agros*<sup>848</sup>, в которых хранятся статуи императоров, полученные через много рук, тоже свидетельствует о какой-то земельной собственности, расположение которой неизвестно<sup>849</sup>.

Несколько выше приводились соображения о тесной родственной и деловой связи Плиния с дедом жены Кальпурнием Фабатом и высказывалось предположение, что земельное состояние Фабата после его смерти перешло в руки единственной наследницы, Кальпурнии, жены Плиния, т.е. в руки самого Плиния<sup>850</sup>. У нас есть сведения, что, кроме земельной собственности в Комо, у Фабата были поместья на территории Америи (Умбрия) (Ер. VIII. 20. 3) и в Кампании (VI. 30). Старый Фабат,

<sup>844</sup> Здесь находились имения Цицерона, Красса, Лукулла, Метелла и др. В Тибуре находилось имение Цезаря.

<sup>845</sup> О тускуланском имении имеется еще одно упоминание в Ер. IV. 13. 1; о тибуртинском, возможно, речь идет в Ер. VII. 29. 2.

<sup>846</sup> В Ер. IV. 13. 1, Плиний называет его *Tusculanum*, т.е., как и лаурентинское имение.

<sup>847</sup> *Sirago V. A.* Op. cit. P. 33–35, считает, что эти виллы не уступали Тускам. Судя по всему, автор считает и земельные владения их приблизительно одинаковыми с тифернской латифундией или землями за Падом. Вряд ли с этим предположением можно согласиться.

<sup>848</sup> *Сергеенко М. Е.* Письма Плиния Младшего... С. 301, переводит *in longinquis agros* как «в отдельных поместьях».

<sup>849</sup> Место не совсем ясное. Может быть, говоря об отдаленных имениях, Плиний имел в виду транспаданские владения? Вместе с тем, во всем письме речь идет о тифернской латифундии и, может быть, подразумеваются отдаленные поля именно ее?

<sup>850</sup> См. выше.

живший за Падом, конечно, не мог сам заниматься управлением своими далекими поместьями и целиком передоверил их Плинию<sup>851</sup>. В частности, последний инспектировал хозяйство америнских имений<sup>852</sup>, расположенных неподалеку от тускской лагифундии, занимался перестройкой и налаживанием хозяйства в камиллиановом имении в Кампании<sup>853</sup>. Имения были очень большие, так как Плиний подыскивает в управляющие кампанского поместья Фабата свободного человека и отвергает кандидатуру некоего Руфа, друга сына Фабата (Ер. VI. 30, 3–5), т.е., очевидно, человека состоятельного. Свободного и состоятельного человека, имеющего некоторое положение в обществе, конечно, не заставишь управлять мелким или средним поместьем; речь может идти, разумеется, о крупной лагифундии<sup>854</sup>. После смерти Фабата его америнские и кампанские владения и юридически стали собственностью Плиния, вошли в состав его земельного имущества. Вполне может быть, что в состав наследств, полученных Плинием от Помпонии Галлы и некой Сабинны (Ер. V. 1. 1. 9–10; IV. 10. 1), входили также и имения, которые, в свою очередь, пополнили его земельное богатство. К сожалению, Плиний не раскрывает перед нами структуры этих наследств, но трудно представить в условиях I в. н. э. более или менее значительное имущество, в состав которого не входили бы поместья<sup>855</sup>.

Таким образом, земельная собственность Плиния была исключительно велика, она состояла из громадных лагифундий, насчитывавших десятки тысяч югеров, расположенных на территории нескольких городов: Тиферна в Этрурии, Комо за Падом, в Кампании, в Америке. Ему принадлежали доходные крупные *suburbana* в Лаурентине, Тускуле, Тибуре, Пренесте; имелись и некоторые другие поместья. Каждое из них представляло громадное и разнообразное хозяйство, связанное торговыми и иными связями с округой и Римом, обслуживающееся колоссальным штатом рабов, колоннов, негоциаторов и т.д. Естественно думать, что они не обходились без развитого счетоводства, бухгалтерии, а систематическая отчетность и аккуратное ведение счетов являлись важнейшей обязанностью прокуратора каждой лагифундии. Сам хозяин регулярно и тщательно при каждом наезде проверял *rationes*<sup>856</sup>. Следует предположить, что, кроме этой развитой поместной бухгалтерии, в римском дворце Плиния помещалась центральная бухгалтерия, систематизирующая данные каждого хозяйства и обеспечивающая хозяину знание общего положения в его земельных владениях, столь для него необходимое. Бесспорно, задача общего руководства и распоряжения столь громадным хозяйством ложилась на плечи его господина, самого Плиния, и была далеко не легкой. Можно поверить в искренность заявления Плиния о неприятном сельском труде<sup>857</sup>, о тяжелой необходимости сдачи имений в аренду (Ер. VII. 30. 2), о бесчисленных жалобах<sup>858</sup> и других будничных делах большого хозяйства.

<sup>851</sup> Plin. Ер. VI. 4; 28. 1, говорит о продолжительном пребывании своей жены в Кампании, очевидно, в поместье своего деда, и о своем пребывании там же.

<sup>852</sup> Plin. Ер. VIII. 20. 3: *exegerat prosocer meus, ut Amerina praedia sua insciperem*.

<sup>853</sup> Plin. Ер. VI. 30; хозяйство запущено, так как владельца здесь не было уже давно, и усадьба стала разваливаться от ветхости.

<sup>854</sup> Plin. Ер. VI. 4. 2, говорит об изобилии и роскошной неге этого уединенного места, т.е., очевидно, соседей-владельцев здесь мало.

<sup>855</sup> *Sirago V. A.* Op. cit. P. 35–36, склонен утвердительно ответить на вопрос, была ли земельная собственность у Плиния еще и в Беневенте.

<sup>856</sup> Plin. Ер. V. 14. 8: *circumibam agellos audiebam multum rusticarum querelarum: rationes legebam...*; Ер. IX. 15. 1.

<sup>857</sup> Plin. Ер. IX. 10. 3; I. 3. 3: *...humiles et sordidos curas...*; IX. 36. 5; *...non delicata causa*.

<sup>858</sup> Plin. Ер. V. 14. 8; VII. 30. 2; IX. 15. 1; 36. 6; 37.

Но переписка с очевидностью констатирует, что Плиний был выдающимся сельским хозяином, отличным организатором. Правда, он иногда жалуется на необходимость занятия сельским хозяйством, часто, желая разыграть из себя оратора, писателя и политического деятеля, целиком погруженного в умственные штудии (Ер. I. 3. 3; IV. 6. 2), иронизирует в письмах к друзьям на эти «мелочные» заботы, как бы оправдываясь в трате времени на них (Ер. VIII. 2; IX. 37; 15). Ряд исследователей принял за чистую монету эти жалобы Плиния<sup>859</sup>, оставив без внимания главное: его дела, состояние его хозяйства.

Прежде всего, Плиний, получивший от отца, матери и дяди крупную земельную собственность, неустанно в течение всей своей жизни заботился о расширении и «округлении» (*jungendo* — Ер. III. 19. 2) поместий и превратил их в громадные латифундии. Процесс создания такой латифундии, который разворачивается на наших глазах в Комо, несомненно, имел место и в Тиферне. Земельная собственность Плиния в конце его жизни во много раз превышала то, что он получил по наследству. При этом Плиний расширяет свои земельные владения не ради процесса расширения как такового, а для укрепления, развития и расширения хозяйства. Он с явным неодобрением пишет о Силии Италике, о его мании к покупкам: «У него было множество вилл в одних и тех же местах, увлеченный новыми, он забрасывал прежние» (Ер. III. 7. 8).

Сам Плиний поступал не так. Приобретение соседних имений приводило к слиянию их в единое хозяйство во главе с одним прокуратором, теми же акторами, с одной *villa urbana*, одной *familia rustica* и *familia urbana* (Ер. III. 19. 2–4). Слияние в единое хозяйство приводило к известной перестройке на вилле и в имении, требовало больших затрат, и поэтому, прежде чем купить соседнее имение, нужно тщательно взвесить все эти обстоятельства. Именно так и поступает Плиний. Не полагаясь только на себя, он советуется с компетентными людьми (Ер. III. 19. 9). И все же он много строит и перестраивает: особенно обширное строительство производилось в транспаданских владениях (Ер. IX. 7), перестраивается тускская вилла (Ер. V. 6. 41), есть сведения о строительстве на лаурентинской вилле (Ер. II. 17. 20). Плиний, возможно, заново перестраивает камиллианову виллу в Кампании (Ер. VI. 30. 2–3), возводит мраморный храм Цереры в тифернских владениях (Ер. IX. 39). Это обширное строительство не было данью моде, как полагают некоторые исследователи<sup>860</sup>, а является логическим результатом процесса расширения и округления земельных владений Плиния, как он представлялся его хозяйственному уму. Следует обратить внимание на прекрасное расположение всех имений Плиния. Транспаданская, кампанская, этруская латифундии были расположены в самых плодородных районах Италии. Наиболее крупная латифундия — тускская — к тому же лежала на Тибре, бывшем идеальным торговым путем, связывавшим хозяйство с Тиферном и Римом. Лаурентинское, тускуланское, тибуртинское, пренестинское поместья лежали в окрестностях Рима и пользовались всеми выгодами близости громадного столичного рынка.

Как хороший хозяин, зачастую имеющий дело с довольно мелкими поступлениями, например колонов, Плиний очень экономен и расчетлив<sup>861</sup>: он экономит на комнатной прислуге, садовниках, охотничьем инвентаре (Ер. III. 19. 2–3), старает-

<sup>859</sup> См. Задергольм К. Плиний Младший // Пропилеи. 1856. Т. V. С. 119; Опацкий С. Указ. соч. С. 132; Соколов В. С. Указ. соч. С. 176; Sirago V. A. Op. cit. P. 103, указывает еще на Аллена.

<sup>860</sup> Задергольм К. Указ. соч. С. 119; Соколов В. С. Указ. соч. С. 237.

<sup>861</sup> Ср.: Опацкий С. Указ. соч. С. 82.

ся как можно расчетливее (*quam saluberrime*) починить камиллианову виллу (Ер. VI. 30. 2), подчеркивает с удовлетворением, что лаурентинская вилла не требует больших расходов (Ер. II. 17. 4); превышение дохода с имения на 20–30 тыс. сест. в год не позволяет передать имение в собственность города (Ер. VII. 18); скудный урожай винограда, на самом деле оказавшийся более обильным, чем он ожидал (*uberiores tamen quam exspectaveram* — Ер. IX. 20. 2), выводит его из себя так, что он не может охотиться (Ер. IX. 16. 1). Иногда эта расчетливость переходит в крестьянскую скардность. «В деревне, — пишет он Галлу, — есть три общественные бани — большое удобство на случай внезапного приезда или очень краткого пребывания, когда домашнюю баню топить не стоит» (Ер. II. 17. 20). Правда, Плиний делает большие скидки колонам и негоциаторам, но здесь им руководит, бесспорно, не щедрость магната, а трезвый и дальновидный хозяйский расчет, что он сам, всегда подчеркивающий свои благодеяния, признает<sup>862</sup>.

В условиях некоторого сокращения источников рабства, проявляющейся и осознающейся невыгодности рабского труда одной из важнейших хозяйственных проблем I в. н. э. становится проблема рабочей силы. Естественно, пришлось столкнуться с ней также и Плинию. Судя по переписке, он решил ее блестяще. Прежде всего, следует отметить хорошую организацию рабского труда в его поместьях. Его четыре *suburbana*, вероятно, целиком обрабатывались рабами и вольноотпущенниками. В его этрусской латифундии собственное рабское хозяйство занимало ведущее место. Достаточно прочитать таких авторитетных свидетелей, как Колумелла или Плиний Старший, чтобы понять, что жалобы на невыгодность рабского труда во второй половине I в. н. э. были общим местом<sup>863</sup>. В переписке Плиния Младшего содержится много жалоб на труд колонов, а на рабов нет ни одной жалобы! Наоборот, чтобы поднять хозяйство колонов, Плиний снабжает их честными рабами<sup>864</sup>. Удивительный, но бесспорный факт<sup>865</sup>. В той же переписке, однако, содержится ответ на эту загадку. Плиний много говорит о мягком и гуманном отношении, с его точки зрения, к своим рабам, он предоставляет им некоторую хозяйственную самостоятельность, заботится о здоровье, строит для них гимнасий (Ер. II. 17. 7), помещения для рабов и вольноотпущенников чисты, гигиеничны и просторны (Ер. II. 17. 9), он не заковывает их в кандалы (Ер. III. 19. 7), охотно отпускает на волю (Ер. VIII. 16. 1). Подобное отношение к рабам объясняется не мягкостью и кротостью Плиния<sup>866</sup>, а заботой расчетливого хозяина о нормальном функционировании своих «одушевленных орудий»<sup>867</sup>. Наконец, для поднятия производительности рабского труда у Плиния была создана разветвленная поместная администрация, обеспечивающая постоянный неусыпный контроль над массой рабов. В хозяйстве Плиния было очень много вольноотпущенников. Плиний вообще заботился о своих вольноотпущенниках<sup>868</sup>. И опять-таки у него был определенный расчет. Он создавал из них круг доверенных, преданных

<sup>862</sup> Plin. Ер. VIII. 2. 8: *magno mihi seu ratio haec, seu facilitas stetit* и т.д.

<sup>863</sup> Plin. N.H. XVIII. 19–21; 39–43; 36; Col. I. 7; 8; 9; а также III. 20; IV. 24; 27 и др.

<sup>864</sup> Plin. Ер. III. 19. 7; *sunt ergo instruendi complures frugi mancipes*.

<sup>865</sup> Плиний, у которого хозяйственные дела шли хорошо, любил пожаловаться иногда, не имея на это особых оснований, но стараясь попасть в унисон со временем.

<sup>866</sup> См. Соколов В. С. Указ. соч. С. 177–180.

<sup>867</sup> Плиний отлично понимал глубокую, непримиримую противоположность раба и господина; так, говоря о расправе рабов со своим господином, он продолжает (Ер. III. 14. 5): *vides, quot periculis, quot contumeliis, quot ludibriis simus obnoxii. Nec est quod quisquam pussit esse securus, quia sit remissus et mitis. Nam enim iudicio domini, sed scelere perimuntur*.

<sup>868</sup> Например, посылал на лечение к своим друзьям (Ер. V. 19).

людей, способных выполнить любое приказание хозяина. Так, Гермес проводит аукцион крупного имения стоимостью в 900 тыс. сест. (Ер. VII. 11. 1). Вольноотпущенники работали в Лаурентине и, конечно, и других поместьях. Очень вероятно, что вся верхушка поместной администрации, прокураторы и акторы, рекрутировались как раз из вольноотпущенников, на верность и преданность которых Плиний мог положиться. Таким образом, относительно заботливое отношение к рабам, с одной стороны, и хорошая постановка надзора над ними, с другой, обеспечили неплохую производительность рабского труда.

Кроме рабов, в поместьях Плиния было множество свободных работников, особенно колонов. Вот на колонов Плиний жалуется очень часто: они задолжали, отчаялись в выплате долгов, плохо обрабатывают земли, на их землях частые неурожаи, они тащат и продают все<sup>869</sup>. У нас нет никаких оснований не доверять этим важным сообщениям Плиния. Но признание тяжелого положения колонов во второй половине I — начале II в. н. э. отнюдь не означает, что рабский труд был более производительнее, чем труд колона. Наоборот, труд колона как такового был производительнее труда рабов. Но при умелой и продуманной организации труда рабов хозяин имел большие возможности для лучшей обработки земли, мог маневрировать рабочей силой с большей свободой, мог организовать более детальную специализацию и кооперацию труда. Недаром Колумелла, так ясно указавший на недостатки рабского труда, предпочитает рабское хозяйство колонатному, если только хозяин берет его в свои руки (I. 7).

Как отличный хозяин, Плиний понимал тяжелое положение колонов и, вместе с тем, большие преимущества их труда перед трудом рабов. Вот почему он уже не пренебрегает трудом колонов, как многие крупные землевладельцы, оставлявшие свои поля необработанными, а предпринимает энергичные попытки исправить положение. Закабалив колона, привязав его к имению, он затем помогает ему: снабжает рабами, орудиями труда, оставляет его заложенное имущество, делает постоянные скидки<sup>870</sup>, стремится заинтересовать его в результатах своего труда, много раз разбирает жалобы колонов, в том числе и на поместную администрацию и т.д. Наконец, решается на радикальное средство, демонстрируя свою дальновидность и новаторство. «Лекарство одно, — пишет Плиний, — я буду сдавать землю не за деньги, а за часть урожая, и буду ставить своих людей надзирать за работой и хранить урожай» (Ер. IX. 37. 3). Плиний один из первых в Италии применил ту систему эксплуатации колонов, которая вскоре получила широкое распространение.

Плиний не оставляет без внимания и другие категории свободных работников: он ищет подходящих крупных съемщиков<sup>871</sup>, старается заинтересовать негоциаторов, покупающих урожай на корню, продуманной системой дифференциальной скидки. Короче говоря, Плиний уделяет много сил и внимания решению столь острой в его время проблемы рабочей силы. Ряд косвенных данных говорит за то, что все имения Плиния в достаточном количестве были обеспечены рабочей силой. В переписке нет никаких указаний на то, что его владения не обработаны и пустуют. Напротив, есть прямые свидетельства хорошей обработки земель Плиния и, как следствие этого, неплохие, иногда обильные урожаи. Молодой виноградник в Лаурентине обработан

<sup>869</sup> Plin. Ер. III. 19. 5; V. 14. 8; VIII. 2. 1; 15; IX. 15. 1; 16; 36. 6; 37. 2–4; X. 8. 6.

<sup>870</sup> О скидках он говорит в 98 г. (Ер. X. 8), о больших скидках упоминается в 109 г. (Ер. IX. 37. 2–4).

<sup>871</sup> PPlin. Ер. VII. 30. 3: ...idoneos conductores. Скорее всего, упомянутые кондукторы — крупные съемщики.

так, что в него свободно уходит босая нога (Ер. II. 17. 15). Тяжелые почвы Этрурии подвергаются девятикратной вспашке огромными волами и крепкими плугами (Ер. V. 6. 10). Сам Плиний, любящий лишний раз пожаловаться на неурожай и убытки, говорит о большом урожае за Падом<sup>872</sup>. В другом месте (Ер. VII. 18. 3–5) он определяет свои поместья и Комо как *pulcherrimi agri*. При обычных в Этрурии, по словам того же Плиния, неурожаях он сообщает об умеренном урожае (*modicas vindemias* — Ер. IX. 28. 2), хотя до этого лицемерно жаловался на неурожай (Ер. IX. 16). Нет ни какого сомнения, что, несмотря на все организаторские способности и усилия Плиния, неурожай иногда были и в его имениях и принесли большие убытки в хозяйстве. Здесь важно другое: в рамках своего времени Плиний как передовой хозяин делал очень много для обработки своих земель и получения высоких урожаев.

Катон, Варрон и Колумелла единогласно говорят о большой роли управляющего имением — виллика — и предъявляют к нему целый ряд серьезных требований<sup>873</sup>. Громадные латифундии Плиния управляются уже прокуратором, и, естественно думать, хозяин отлично понимал, как важно иметь добросовестного, преданного управляющего. Плиний уделял очень большое внимание этому вопросу. Узнав о падении доходности имения своей кормилицы, он нашел подходящего человека, который поднял бы доходность этого имения (Ер. VI. 3). По мнению Плиния, прокуратор должен удовлетворять следующим требованиям: он должен быть закаленным селянином, а не горожанином, т.е. должен любить деревню; должен любить хлопотливый сельский труд, зачастую мелочный; стойко переносить сельское одиночество (Ер. VI. 30. 4). Очевидно, прокураторы плиниевых имений были специально подобраны хозяином и отвечали всем этим требованиям.

Однако, как бы хорош ни был прокуратор, как ни налажено хозяйство, как ни обеспечено оно рабочей силой, без постоянного хозяйского контроля оно скоро и неизбежно придет в упадок. Это было хорошо известно римским рабовладельцам еще со времен Катона (Cato. 4). На это обращал самое большое внимание Колумелла<sup>874</sup>. Плиний как нельзя лучше усвоил эту мысль. Переписка пестрит указаниями о поездках по его владениям. В лаурентинском поместье он жил всю зиму (Ер. IX. 40. 1), прочие *suburbana*, конечно, посещал очень часто. Плиний часто бывал в Комо, все лето проводил в Тусках. Иногда он — крупнейший римский землевладелец — лично следит за жатвой<sup>875</sup>. Мы уже приводили данные о том, что посещения Плиния были всегда заполнены хозяйственными делами: дела по временам так занимали Плиния, что он не мог вырваться на один день и поздравить друга со вступлением в консульство (Ер. IX. 37). В случае необходимости, для урегулирования своих хозяйственных дел Плиний обращается с довольно настойчивой просьбой о большом отпуске (30 дней!) к самому императору Траяну. «Я не могу сократить этот срок», — заключает он (Ер. X. 8. 6). Плинию уже не хватает времени, остающегося после отправления должности, ему нужно специально сосредоточиться на урегулировании своих домашних дел. Собранные некоторые факты и следующие из них соображения по-

<sup>872</sup> Plin. Ер. IV. 6. 1: in regione Transpadana summa abundantia, причем имеются в виду именно поместья Плиния.

<sup>873</sup> Cato. 5; Varr. I. 17; Колумелла посвящает описанию обязанностей виллика и виллики целых две книги: 11 и 12.

<sup>874</sup> Замечания по этому поводу разбросаны по всем 12 книгам, но полнее всего Колумелла говорит об этом во введении к первой книге.

<sup>875</sup> Plin. Ер. IX. 20. 1: ipse... vindemias... colligo...

зволяют сделать вывод о том, что Плиний ревностно занимался управлением своим громадным земельным хозяйством<sup>876</sup>.

Рассмотрение хозяйства Плиния Младшего важно для понимания экономического и политического положения всей верхушки римской имперской знати конца I — начала II в. н. э. При некоторой индивидуальности пример Плиния в то же время представляется нам весьма типичным.

Горячий интерес Плиния к накоплению земельного имущества является отражением общего процесса концентрации земельной собственности в I в. н. э., которая вступает с началом Империи в новую фазу, обретает новое качество, заключающееся в создании феноменальных земельных состояний, охватывающих целые области и районы.

Земельные владения римского магната I в. н. э. уже не идут ни в какое сравнение с собственностью сенаторов конца Республики. Один из крупных римских земельных собственников конца Республики — Цицерон вряд ли имел больше 6–8 тыс. югеров земли<sup>877</sup>, к тому же разбросанной в разных уголках Италии. Плиний Младший уже имеет 60–70 тыс. югеров. Если земельная собственность Цицерона слагалась из 15–20 имений мелкого и среднего размера, каждое из которых представляло особый хозяйственный организм, то структура владений Плиния была иной: число имений сокращается, их размеры резко увеличиваются. У Плиния вместо полутора-двух десятков имений было четыре громадных латифундии, каждая из которых раза в два превосходила величину всей собственности сенатора конца Республики, и четыре крупных пригородных хозяйства. Иначе говоря, процесс концентрации земельной собственности в I в. н. э. принял уже другую форму: если в конце Республики он выражался в увеличении числа поместий мелкого и среднего размера, что обусловливало, так сказать, раздробленную структуру земельного богатства, то в I в. н. э., процесс концентрации выразился в объединении средних и крупных, а иногда и очень крупных хозяйств в громадные латифундии. Создание латифундий — вот новая форма процесса концентрации земельной собственности в I в. н. э.<sup>878</sup> Письма Плиния Младшего дают ценнейшие указания на *ход процесса* создания такой латифундии, укрупнение, расширение хозяйства из присоединяемых смежных имений, когда создается одна вилла, объединяется рабочая сила, создается единый план и т.д. Этот процесс происходил и в Тусках, и в Комо.

Концентрация земельной собственности приводит к появлению новых отношений между ее обладателем и окружающим населением. Следует обратить особое внимание на расположение земельных владений Плиния: его громадные латифундии расположены на территории муниципиев Новум Комум, Тиферна, Америи, в Кампании. Причем на территории Новум Комум и Тиферна Плиний был единственным столь крупным собственником, к тому же он был патроном Тиферна, а возможно, по-

<sup>876</sup> *Sirago V. A.* Op. cit. P. 103–125, отмечает большие хозяйственные способности Плиния, его смелость, реализм, новаторство при решении некоторых вопросов.

<sup>877</sup> См. *Кузицин В. И.* Земельные владения Цицерона // Научные доклады высшей школы. Серия Исторические науки. 1958. № 2.

<sup>878</sup> *Луццатто Дж.* Указ. соч. С. 121, говорит об обратном: о дроблении крупных хозяйств на мелкие в I–II вв. н. э. — и ссылается при этом на Плиния. Луццатто не приводит доказательств, но нить его рассуждений ясна: хозяйство, описанное Варроном и Колумеллой, — это громадное крупное хозяйство (почему?), а у Плиния имения разбросаны в 3–4 областях, значит, у Плиния нет единого массива земель и единого хозяйства. Автор исходит из неправильной посылки, признавая хозяйство Варрона крупным, т.е. латифундией, а с другой стороны, совершенно не принимает во внимание величину каждого имения Плиния.

сле смерти Фабата, и Новум Комум. В его Тусках устраивается нечто вроде местной ярмарки, он строит храм Цереры и храм Цезарей для города, его многочисленные колонны, целиком от него зависевшие и ставшие фактически под его юрисдикцию и власть, — это, скорее всего, тифернские горожане, очевидно, его *negotiatores*, тоже попавшие от него в некоторую экономическую зависимость, это зажиточные горожане того же Тиферна, может быть, декурионы. Таким образом, отношения земельного магната к соседней округе теряют характер отношений равноправных сторон и начинают приобретать характер экономической и фактически некоторой юридической зависимости. Фактически весь муниципий Тиферн находится в руках Плиния и выполняет распоряжения земельного магната и благодетеля, который субсидирует городскую казну, дает работу бедным горожанам, возможность подработать зажиточным, снабжает городской рынок продуктами и т.д. Отношения Плиния с жителями Тиферна, как они представлены в переписке, имеют уже мало общего с отношениями между свободными и равными земельными собственниками, составляющими коллектив как принципиальную основу античного города. Громадная латифундия Плиния представляла собой особый организм, на который не распространялась власть муниципия, особую экзимирированную территорию; мало того, этот организм начинает оказывать экономическое и фактическое давление на соседнюю округу.

Исследование хозяйства Плиния Младшего в его совокупности позволяет дать ответ на важнейший вопрос о характере хозяйства римского магната I в. н. э. Ответ этот ясен: хозяйство римского магната I в. н. э. было хозяйством рабовладельческим и в этом отношении не отличалось принципиально от рабовладельческих хозяйств, описанных Катонем, Варроном и Колумеллой. Рабский труд в имениях Плиния занимал господствующее положение, играл главную роль. Лаурентинское, пренестинское, тибуртинское и тускуланское пригородные имения были чисто рабовладельческими хозяйствами пригородного типа, никаких сообщений о свободном труде в них у нас нет. Детальное рассмотрение рабочей силы тифернской латифундии показало, что собственно рабовладельческое хозяйство занимает здесь основное место. Правда, здесь много колоннов, уже попавших в прочную зависимость от владельца, но хозяйство колоннов само по себе не меняло общего характера хозяйства латифундии, а лишь дополняло, усиливало его. С другой стороны, ведь колон Плиния — это не просто забытый крестьянин, а человек, имеющий некоторое имущество и обрабатывающий свой участок с помощью рабов. Иначе говоря, само хозяйство колона — это мельчайшее рабовладельческое хозяйство, имеющее, на наш взгляд, мало общего по своему существу с хозяйством колона последующего времени. Часть земли обрабатывается, вероятно, крупными съемщиками, кондукторами, урожай собирается неготиаторами, но и первые, и вторые также работали с помощью своих рабов, и это опять-таки не меняло рабовладельческого характера хозяйства, а дополняло его. Бесспорно, увеличение удельного веса труда колоннов и других категорий свободных в хозяйстве крупного магната является весьма характерным симптомом и зародышем новых отношений, но в I в. н. э. он еще не подрывал, а дополнял рабовладельческий характер хозяйства.

С другой стороны, сам характер хозяйства каждой латифундии Плиния как особого производственного организма принципиально не отличался от наиболее распространенного типа рабовладельческого хозяйства; при всем экономическом самодовлении его, хозяйство Плиния — не натуральное хозяйство целиком и полностью. В нем еще сильны элементы товарности, экономические связи с ближайшей территорией довольно крепкие. Не говоря о *suburbana*, где товарная направленность хозяйства выражена наиболее сильно, даже громадная тифернская латифундия тесно свя-



зана и с городским рынком Тиферна, и с необъятным рынком великой столицы, и эти связи обуславливали известную направленность хозяйства на рынок. Интересно отметить, что развитие колонатных отношений и здесь не подрывало определенной товарной направленности хозяйства. Ведь колон был тесно связан с рынком, он платил денежную арендную плату и был вынужден продавать свои продукты, превращая их в товары. Характерно, что переход к арендной плате из части продукта на первых порах также не менял известной товарной направленности всего хозяйства крупного латифундиста. Как показывает пример тифернской латифундии Плиния, полученная от колонов арендная плата в виде продуктов не оставалась лежать в кладовых рабовладельца в качестве совокупности потребительных стоимостей, а выбрасывалась рабовладельцем на рынок. Мало того, концентрация значительной массы продуктов, полученных в качестве арендной платы, в руках господина, бесспорно, располагавшего большими возможностями для реализации их на рынке, чем мелкие колоны, привела на первых порах к усилению товарности хозяйства, к оживлению экономических связей античного поместья с рынком, к развитию денежных отношений.

Правда, и в этом отношении развитие колонатных отношений приводило к обратному результату. Сама по себе латифундия — это натуральное хозяйство, его связи с рынком односторонни; обеспечивая себя всем, в том числе и ремесленными изделиями, выбрасывая на рынок большое количество продукции, владелец латифундии мало покупал. Если к тому же латифундия была обеспечена постоянной рабочей силой в лице постоянных прикрепленных колонов, она начинает замыкаться в себе, превращаясь в замкнутое натуральное хозяйство. В этом противоречивость развития и латифундии как хозяйственного организма и колонатных отношений.

Судя по переписке, рабовладельческие хозяйства Плиния Младшего приносили хороший доход, у нас нет никаких данных и сообщений об убыточности тех или иных имений Плиния, хорошо они были снабжены и рабочей силой самого разнообразного характера. Данное наблюдение представляется нам весьма ценным. Оно указывает на то, что при умелой организации хозяйства рабское хозяйство (т.е. хозяйство, ведущееся силами рабов) в I в. н. э. еще приносило доход, оно еще не изжило себя экономически. Как известно, Колумелла отдавал предпочтение рабскому хозяйству, если оно ведется под непосредственным руководством самого хозяина, перед всеми другими видами хозяйства. Правда, в нашем распоряжении много данных, в том числе принадлежащих тем же Плинию и Колумелле, о губительности рабского труда, снижении урожайности и т.д., и эти сведения заслуживают самого пристального внимания, так как отражают определенные симптомы надвигающегося кризиса рабовладения. Но ведь симптомы кризиса не означают самого кризиса.

И последний вывод. Самой распространенной жалобой Колумеллы является жалоба на невнимание, пренебрежение рабовладельцев к ведению хозяйства. Да и сам Плиний, как было показано выше, очень много занимавшийся налаживанием и ведением своего громадного хозяйства, часто вынужден оправдываться перед друзьями за трату времени и внимания на такие «мелочи». Очевидно, все это было отражением реальных настроений среди высшей римской аристократии, получивших широкое распространение еще с конца Республики<sup>879</sup> и, очевидно, сохранившихся в I в. н. э. Но, как показывает анализ деятельности Плиния, и здесь опять-таки намечился поворот. Плиний, очевидно, раньше других понял, что соз-

<sup>879</sup> См. Кузицин В. И. Экономические основы срастания сенаторской знати с верхушкой всадников // ВМГУ. 1959. № 2.

дание и ведение громадного хозяйства является важным средством для увеличения экономической мощи и политического веса в обществе. И Плиний в этом отношении не был одинок; многие знатные и богатые лица начинают уединяться в деревне и заниматься налаживанием своего хозяйства, например, знаменитый Вергиний Руф (Ер. II. 1. 8), Арриан (II. 11. 1), Валериан (II. 15. 1), Кальвиций Руф (III. 19. 1), Теренций Юниор (VII. 25. 2) и многие другие. Иначе говоря, среди высшей римской аристократии появляется и растет интерес к своим хозяйственным делам, к ведению громадного хозяйства в деревне. Следует думать, что усиление автократических тенденций императорской власти, полная политическая пассивность сенаторской знати способствовали политическому индифферентизму и усилению ее внимания к своим имущественным делам.

### Крестьянское хозяйство Древнего Рима как экономический тип\*

В раннем Риме господствовали относительно простые аграрные отношения, а ведущими типами хозяйств, по всей вероятности, были крестьянский двор и более или менее крупное (по территории) имение, видимо, обрабатываемое арендаторами или клиентами<sup>880</sup>. Широкое проникновение рабства в сельское хозяйство Италии начиная со II в. до н. э. привело к усложнению традиционной картины. Появляются новые типы хозяйств — рабовладельческие поместья, ранее малоизвестные, отличающиеся по своей организации, приемам обработки земли, направленности производства. Тем не менее, крестьянское хозяйство не исчезает: оно продолжает существовать и играть заметную роль в сельскохозяйственном производстве II—I вв. до н. э. В современной науке вопрос о роли крестьянства в римском обществе и крестьянского хозяйства в судьбах италийского земледелия и аграрных отношений II в. до н. э. — I в. н. э. решали по-разному<sup>881</sup>, однако как общую тенденцию следует отметить стремление преуменьшить его значение<sup>882</sup>. При исследовании экономики

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1973. № 1. С. 35–54.

<sup>880</sup> К I в. до н. э. в Риме уже сложилась устойчивая традиция, восхваляющая доблесть, простоту и скромность «предков» V–IV вв. до н. э. Сенаторы, консулы и диктаторы того времени изображались как владельцы небольших, крестьянских участков, на которых трудились сами их почтенные владельцы (Varr. III. praef.; Col. praef. 13–14; Plin. N.H. XVIII. 18–21). При всей искусственности этой традиции она, видимо, отражает действительное преобладание мелких крестьянских хозяйств в римской деревне V–IV вв. до н. э. См.: Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. Ч. III. Гл. 1; Луццатто Д. Экономическая история Италии. М., 1954. Ч. I. С. 46–65; Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в V–III вв. до н. э. М., 1964, особенно — гл. V; Dureau de la Malle. La économie politique des Romains. P., 1840; Toutain J. The Economic Life of the Ancient World. N. Y., 1968; Frank T. An Economic History of Rome. L., 1927; Frank T. ESAR. Vol. 1. Intr. 4; Rostovtzev M. Storia economica e sociale dell'impero romano. Firenze, 1933. гл. 1; Histoire générale du travail. Publ. sous la dir. de L.-H. Parias, T. I. Préhistoire et antiquité par L. R. Nougier, P. Garelli, e. a. P., 1959; Livre V. Le monde romain, par R. Remodon. Гл. II. С. 284–294.

<sup>881</sup> Ряд исследователей, например, Ж. Тутен, Дж. Луццатто, отмечают повышение роли мелкого производства уже в I в. н. э.

<sup>882</sup> Помимо указанных работ, можно сослаться на: Heitland W. E. Agricola. A Study of Agriculture and Rustic Life in the Greco-Roman World from the Point of View of Labour. Camb., 1921; Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo in Italia dell'epoca Graccana al principio dell'Impero // Relazioni del

и аграрных отношений Италии этого времени крестьянское хозяйство, как правило, недостаточно принимается в расчет, основное внимание исследователей обращено на рабовладельческие виллы, имения, латифундии<sup>883</sup>.

По нашему мнению, от пренебрежительного отношения к исследованию крестьянского хозяйства в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. нужно отказаться. Хотя нет сомнений, что к этому времени ведущим типом в сельском хозяйстве Италии стала рабовладельческая вилла, но рядом с виллами жили мелкие производители — крестьяне-собственники или колонны-арендаторы. Недостаточное внимание современных ученых к данному типу хозяйства может, впрочем, найти некоторое оправдание в состоянии наших источников. Если для характеристики рабовладельческих поместий мы располагаем такими добротными источниками, как сочинения римских аграрных писателей, многочисленные, хотя и разбросанные сведения других авторов, остатки сельских вилл, то для воссоздания картины крестьянского хозяйства данных гораздо меньше: они разбросаны часто по крупницам в разных сочинениях, беден эпиграфический и археологический материал. Тем не менее, положение не так уж безнадежно. При внимательном и целенаправленном изучении источников в руках исследователя оказывается материал, позволяющий говорить об основных особенностях крестьянского хозяйства как экономического типа. С нашей точки зрения, большую ценность представляют сведения, которые можно почерпнуть из римской художественной литературы, в частности, из стихотворений Тибулла и Горация. Сохранились также два произведения, которые целиком посвящены описанию крестьянского хозяйства и деревенского скромного быта и сведения которых для данной темы особенно ценны. Речь идет о довольно крупном отрывке, дошедшем под названием «Moretum», и поэме Вергилия «Георгики»<sup>884</sup>.

Собранный материал позволяет охарактеризовать крестьянское хозяйство как раз с экономической точки зрения и установить черты, отличающие его от других хозяйственных типов, распространившихся на итальянской земле во II в. до н. э. — I в. н. э.

### Рабочая сила и ее организация

Одна из важнейших проблем любого хозяйства — вопрос его обеспеченности рабочей силой. Для иных типов хозяйств, например для тех, которые используют главным образом арендаторов, наемников или рабов, эта проблема оказывается очень острой. В крестьянском хозяйстве положение несколько иное. Крестьянское хозяйство может быть определено как трудовое, т.е. использующее труд семьи, си-

X Congresso Internazionale di Scienze storiche. Roma, 1955. Т. II; Nicolet C. Les Gracques ou la crise agraire et la révolution à Rome. P., 1967; Billard R. L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Vergile. P., 1928. Introduction.

<sup>883</sup> Среди довольно обширной литературы о римском сельском хозяйстве и его разных аспектах нам известны немногие специальные исследования о римском крестьянстве (и том числе колонате) II в. до н. э. — I в. н. э. Можно указать, например: Steiner G. The Fortunate Farmer in Ancient Italy // Classical Journal. 1955. LI. P. 57–67; Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958. Гл. 3 и 4, раздел II. Интересные замечания о характере крестьянского труда и об оплате различных категорий наемников см. в Histoire générale du travail... P., 1959. Т. 1. P. 324–333; Korneman E. Bauernstand // RE. Suppl. Bd IV. 1924. 96–108. Интересные соображения высказаны в кн. Dohr H. Die italische Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros. Köln, 1965.

<sup>884</sup> Кроме работ Р. Бийара и Г. Стейнера, см. также Wilkinson L. The Georgics of Vergil. A Critical Survey. Cambr., 1969.

дающей на данном земельном участке<sup>885</sup>. Поэтому для такого мелкого производства не существует острой проблемы рабочей силы. Иными словами, крестьянин, трудящийся на земле сам вместе со своей семьей, обычно мало зависит от посторонних работников<sup>886</sup>.

Количество занятых на участке людей зависит от общей численности и возрастного состава крестьянской семьи. Хотя средний состав древнеримской крестьянской семьи нам неизвестен, тем не менее, видимо, не лишены некоторого исторического смысла упоминания об отцах троих, четверых и пятерых детей в римском законодательстве конца Республики и I в. н. э. Видимо, семья из пяти человек считалась своего рода нормой. Правда, сам факт дарования серьезных привилегий, особенно представителям господствующего класса, говорит об иной численности их семей, тем не менее, мы считаем возможным допустить известное значение этой нормы для сельского населения Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

Юлий Цезарь в аграрном законе 59 г. предусматривал наделение 10-югеровыми участками отцов троих детей (Cic. Ad Att. 2. 16; Liv. Ep. 103; Suet. Div. Jul. 20). Видимо, нечто аналогичное содержалось или предполагалось в законопроекте Сервилия Рулла 64 г. до н. э.<sup>887</sup> По закону Юлия 18 г. до н. э. и Папия—Поппея 9 г. н. э. предусматривалось дарование разных льгот и привилегий отцам троих детей — жителям города Рима, четверых детей — италийским жителям, пятерых детей — римским гражданам, обосновавшимся в провинциях<sup>888</sup>. Эти законы предполагали, таким образом, семьи в пять—семь человек, причем считалось само собою разумеющимся, что сельские семьи более многочисленны, чем городские<sup>889</sup>.

Для крестьянских семей в других странах и в другие исторические эпохи мы также знаем, что семьи в шесть—восемь человек были преобладающими, хотя были и меньшие семьи и даже одинокие крестьяне, бобыли.

В типичном крестьянском хозяйстве используется рабочая сила всех трудоспособных членов семьи: главы семьи, его жены, взрослых детей и подростков. В литературе, посвященной крестьянскому хозяйству России конца XIX — начала XX в., обычно принимались такие расчеты рабочей силы крестьянской семьи: полная рабочая единица — глава семьи, его жена — 0,8 условной рабочей единицы, подростки с 13 лет — 0,5 единицы, с 15 лет — 0,7, а с 18 лет — 1,0 единица. Таким образом, на хозяйственных работах были заняты самое меньшее 1,8 условных рабочих еди-

<sup>885</sup> Маркс К. Капитал. М., 1969. Т. 1. С. 87–88, 756–757; Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Соч. Т. 3. Особенно гл. I, §§ 1–3, 9; гл. II, § 1; гл. III; гл. IV, § 9.

<sup>886</sup> Dureau de la Malle. Op. cit. II. P. 2–7; Heitland E. W. Op. cit. P. 149–150, 156, 160, 201; Kolendo I. Le travail à bras et le progrès technique dans l'agriculture de l'Italie antique // Acta Poloniae Historica. T. 18. 1968. P. 62.

<sup>887</sup> Сервилий Рулл, как и Цезарь, предусматривал наделение участками в 10–12 юг. кампанской земли.

<sup>888</sup> Rotondi G. Leges publicae populi romani. [б.м.]. 1962. P. 445–447, 457–462; Berger A. Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. P. 530, 553. О политике Августа в вопросах народонаселения см. Spruit J. E. De lex Julia et Papia Poppaea. Deventer, 1969.

<sup>889</sup> Ср. также: Juv. Sat. XIV. 167–171: «...такого клочка им (предкам.— В. К.) хватало, / Сыт был отец и вся куча в избе, где супруга / Родов ждала, и играли ребята — хозяина трое, / Рабский один; а старших их братьям, вернувшимся с пашни / Иль от копания ям, готовился ужин особый...» (пер. Д. Недовича и Ф. Петровского). Ср. современные данные: Hawthorn H. B. The Sociology of Rural Life. N. Y.—L., 1926. P. 138–146. Образцом римского крестьянина середины II в. до н. э., по Ливию, был Спурий Лигустин из Сабинии, собственник небольшого клочка земли, отец шести сыновей и двух дочерей: Liv. 42. 34.

ниц, а при наличии двух-трех детей через 13 лет супружеской жизни рабочая сила семьи возрастала до 2,3, а затем и до 2,5 и 2,8 работников<sup>890</sup>.

В Риме мальчик считался совершеннолетним в 16 лет, а девочка в 14 лет, поэтому они активно вовлекались в процесс производства, видимо, с 11–12 лет, и крестьянская семья в Риме получала дополнительную рабочую силу несколько раньше, чем, например, в России конца XIX в. Упомянутые о мелких земледельцах римские писатели постоянно подчеркивают, что они обрабатывают земли вместе со своим потомством (*plerique pauperculi cum sua progenie* — Varr. I. 17. 2) или семейством (*subole, suo colono* — Plin. N.H. XVIII. 38). Трудолюбие сельской молодежи постоянно подчеркивается древними авторами<sup>891</sup>. По всей вероятности, эти упоминания имеют в виду лиц, работавших на отцовских участках и еще не имевших собственного хозяйства<sup>892</sup>. Видимо, описание некоторых бытовых черт сельской жизни, сделанное Вергилием, близко к исторической действительности. Такова картина зимних досугов крестьянской семьи, во время которых сам хозяин «...перед огнем светильника в бдении время проводит, точа железом факелы острым; свой тем временем труд утешая песнею долгой, звонко бегущий челнок пропускает жена по основе» (I. 291–295), когда девушки «сучат уроки ночные» (I. 390–392) и «терпелива в трудах молодежь, довольная малым» (II. 472)<sup>893</sup>. Как бы ни был мал земельный участок, он обрабатывался всей семьей. Если же участок был крупнее, порядка 20–30 юг., то, по всей вероятности, кроме членов семьи, могла применяться и дополнительная рабочая сила, например рабы. Так, Плиний говорит, что «хорошо обрабатывать землю необходимо, а превосходно убыточно, если только земледелец не обрабатывает ее сам с семейством или с теми, кого он и без того содержит» (XVIII. 38), под последними словами, очевидно, подразумеваемая рабов<sup>894</sup>. В этой связи очень показателен рассказ Плиния (XVIII. 41) о хозяйстве Гая Фурия Кресима: «Когда Гай Фурий Кресим по освобождении из рабства стал получать с довольно маленького участка урожай гораздо обильнее тех, которые получала вся округа с громадных участков, то ему начали сильно завидовать... Он принес на форум весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, выхоленных, хорошо одетых, как говорит Пизон, с железными орудиями превосходной работы, с тяжелыми кирками, увесистыми лемехами и сытыми волами, а затем сказал: «Вот мое колдовство, квириты, но я не могу показать вам или привести на форум мои ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот». Этот отрывок несет на себе явные следы литературной обработки, целью которой было более яркое противопоставление личного труда свободного человека труду не заинтересованного в работе раба. Однако в рассказе есть и реальное содержание, вполне соответствующее практике крестьянского хозяйства. Как известно, после 167 г. до н. э. в сельские трибы стали записывать тех отпущенников, которые имели сельских владений больше, чем на 30 тыс. сест.,

<sup>890</sup> Чаянов А. В. Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность // Труды Имп. Вольного экономического общества. 1912; Он же. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. С. 76–78.

<sup>891</sup> Cic. De leg. agr. II. 84; Sall. Cat. 37. 4; Verg. Georg. II. 458–474; I. 343.

<sup>892</sup> Когда авторы говорят о деревенской молодежи (*pubes agrestis juvenetus*), они имеют в виду людей, не имеющих собственной семьи и хозяйства.

<sup>893</sup> Здесь и ниже пер. С. Шервинского, цит. по изд.: Вергилий. Сельские поэмы. Буколики. Георгики. М.—Л., 1933.

<sup>894</sup> Любопытно, что здесь использован термин *pasco*, обычно применяемый к скоту.

т.е. больше 30 юг<sup>895</sup>. Следовательно, у Кресима был довольно крупный участок и потому неудивительно, что в его хозяйстве упоминаются рабы, хотя рассказ Плиния в первую очередь имеет в виду собственный земледельческий труд Кресима и членов его семьи. Видимо, и другие зажиточные крестьяне (среди которых было много ветеранов), владевшие значительными участками, держали по несколько рабов, вместе с которыми трудились члены семьи<sup>896</sup>.

Во времена Плиния Младшего сидевшие на его землях колонны, бедствовавшие в тисках недоимок, обрабатывали свои участки, тем не менее, с помощью рабов<sup>897</sup>. О том, что колонны могли иметь рабов, говорится в Дигестах (IX. 2. 27. 9. 11). Было бы упрощением распространять эти примеры на всю массу свободных крестьян и арендаторов. У значительной их части, владевшей небольшими участками, не было возможности, да и необходимости, приобрести рабов — участок в 10–20 югеров мог быть хорошо возделан силами крестьянской семьи, но более крупные крестьянские участки могли обрабатываться с помощью дополнительной рабской силы.

Как бы ни была велика крестьянская семья, как бы ни обеспечено постоянной рабочей силой мелкое хозяйство, в ходе годового сельскохозяйственного цикла временное привлечение дополнительных работников оказывалось иногда не только желательным, но и необходимым, — например, во время жатвы, сенокоса, уборки винограда<sup>898</sup>. В этих случаях покупать постоянного работника-раба вряд ли представлялось целесообразным, так как после срочных работ рабская сила не могла быть использована с должной эффективностью. Нет ничего невероятного в том, что собственники небольших земельных участков могли нанимать мерценнариев так же, как это делали владельцы рабовладельческих вилл<sup>899</sup>. Однако подобная практика, видимо, не имела широкого применения в крестьянских хозяйствах: прежде всего в силу экономической маломощности их и крайней экономии — постоянной спутницы мелкого производства<sup>900</sup>. Более дешевой и потому более приемлемой формой мобилизации дополнительной рабочей силы была, скорее всего, своего рода хозяйственная взаимопомощь — экономическая кооперация ближайших соседей, таких же скромных землевладельцев<sup>901</sup>. О подобной практике данных мало. Прямое ука-

<sup>895</sup> Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 91–93.

<sup>896</sup> Гракки наделяли плебеев, видимо, 30-югерными участками и вместе с тем некоторой денежной суммой на покупку сельскохозяйственного инвентаря и, может быть, рабов. См.: Plut. Tib. Gracch. 14; Nicolet C. Op. cit. P. 105; Нечай Ф. М. Рим и италийки. Минск, 1965. С. 58.

<sup>897</sup> Plin. Ep. III. 19. 6: sed haec felicitas terrae imbecillis cultoribus fatigatur. Nam possessor prior saepius vendidit pignora, et dum reliqua colonorum minuit ad tempus, vires in posterum exhausit, quarum defectione rursus reliqua creverunt. Sunt ergo instruendi eo pluris quod frugi mancipiis...

<sup>898</sup> Varr. I. 17. 2. Варрон, правда, подразумевает рабовладельческие виллы, но в данном случае его сообщение может иметь и общий характер.

<sup>899</sup> Не о найме ли мерценнария речь идет в «Георгиках» Вергилия. I. 316: «...cum flavis messorum induceret arvis agricola et fragili iam stringeret hordea culmo»? На наш взгляд, messor, упомянутый здесь, — наемник. Ср.: Brunt P. A. The Army and the Land in the Roman Revolution // JRS. 1962. № 62. P. 69–70.

<sup>900</sup> Насколько экономны в своих расходах был крестьянин, показывает пример, приводимый Апулеем: Apul. Apol. 56: крестьянин даже не приносит жертв богам частью из-за экономии, частью из-за недостатка средств.

<sup>901</sup> Наемникам и издольщикам приходилось платить не так мало, по крайней мере, во времена Катона. См.: Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 15–16; Штаерман Е. М. Расцвет... С. 15–16, 86–87; см. также: Remodon R. в Histoire generale du travail. P. 327–328.

зание на этот счет относится к Триполитании середины II в. н. э., но В. А. Сираго, видимо, прав, когда относит такую практику и к другим частям Империи, в том числе к Италии<sup>902</sup>. Некоторые косвенные данные говорят о существовании соседской взаимопомощи и в более раннее время<sup>903</sup>. Возможно, ее имел в виду Катон, когда писал: «Будь хорош — к соседям (*vicinis*)... Если соседи (*vicinitas*) будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабочих (*operarios conduce*). Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом. Если, упаси бог, случится нужда, — они благожелательно защитят тебя» (Cat. 4). Перечисляя обязанности виллика, Катон пишет: «Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства (*duas aut tres familias habet*), где он может попросить, что ему нужно, и которым он сам даст в долг, — но больше никого» (Cat. 5. 3). Рекомендую различные способы организации рабовладельческой виллы, Катон, как известно, полной мерой черпает из традиционной практики крестьянского хозяйства<sup>904</sup>. Зависимость новых рекомендаций от старых норм проявляется и во взаимоотношениях катоновских имений с соседней округой. Аграрные писатели последующего времени — Варрон, Колумелла и Плиний Младший — тоже уделяли большое внимание этой же проблеме<sup>905</sup>, так как были заинтересованы в наличии дешевых рабочих рук, удобных путей сообщения, безопасности местности. Но их взаимоотношения с соседней округой носят характер равноправных деловых отношений с соседями-помещиками или богатого владельца с бедными арендаторами<sup>906</sup>; отношения, описанные Катоном, предполагают нечто иное — именно взаимопомощь: работой, подвозом, материалом; хозяева одалживают друг другу семена, съестные припасы. Причем особо тесные связи налажены с двумя-тремя хозяйствами<sup>907</sup>. Крестьянский характер соседской взаимопомощи выдает фраза «если, упаси бог, случится нужда...» и т.д.<sup>908</sup> Видимо, описывая соседские взаимоотношения, Катон заимствовал опыт крестьянской практики и переносил ее особенности на отношения собственников рабовладельческих вилл.

О совместном использовании несколькими ближайшими соседями общественного выпаса на пастбищах, на пойменных землях, лесах и других неудобных и потому

<sup>902</sup> *Sirago V. A. Op. cit. P. 130.*

<sup>903</sup> Э. Дютюа на заседании Общества латинских исследований прочитал специальный доклад: *Dutoit E. Vicinus, vicinitas ou les rapports de voisinage dans l'antiquité romaine* — резюме доклада см. в REL. XLVII. 1969. P. 25–26. Автор, однако, исследует понятия *vicinus, vicinitas* в моральном плане.

<sup>904</sup> Некоторые примеры подобраны нами в статье: «О датировке катоновского «Земледелия» (ВДИ. 1966. № 2. С. 60–61, со ссылками на литературу). См. также: *Tibiletti G. Lo sviluppo...* P. 247; *Remodon R. Op. cit. P. 292.*

<sup>905</sup> *Varr. I. 16. 1–4; 17. 2; Col. I. 2. 1–3; 3. 1–7; соответствующие места из переписки Плиния Младшего подобраны нами в статье «Хозяйство Плиния Младшего» (ВДИ. 1962. № 2. С. 39–40).*

<sup>906</sup> Когда Варрон говорит (I. 16. 3), что имение приносит большой доход, если есть возможность недорого купить в соседних городах и деревнях необходимое для хозяйства и продать свои излишки, нанять ремесленников и лекарей, то эти отношения с соседями никак не предполагают взаимопомощь, а являются обычными деловыми отношениями. См. также, например: *Col. I. 7. 1–5* и особенно *Plin. Ep. III. 19. 5; V. 14. 8; VIII. 2. 1–15; IX. 1; 16. 36. 6; 37. 2–4; X. 86*, где предполагаются отношения зависимости соседних арендаторов-колонов от землевладельца-патрона.

<sup>907</sup> Скорее всего, это были ближайшие соседи. Употребленные здесь термины (*familias*) могли означать не чисто рабские коллективы, как это характерно для I в. до н. э., а всю семью мелкого производителя, включая всех его домочадцев (*Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue Latine. P., 1939. P. 329–330.*)

<sup>908</sup> *Cat. 4: Si aedificabis, operis, iumentis, materia adiuwabunt. Si quid (bona salute) usus venerit bene defendent.*

не подлежащих межеванию местях, говорится в трактатах римских землемеров, относящихся к I—II вв. н. э. и, по всей вероятности, отражающих древнюю практику<sup>909</sup>. Действительно, трудно себе представить нормальное существование крестьянского хозяйства без права выпаса скотины, пользования лесными угодьями на общественных землях: ведь небольшой участок крестьянина, конечно, не имел собственного леса или пастбища, как рабовладельческие имения или латифундии. Соответствующее право — одно из необходимых, и оно оставалось нерушимым при Империи<sup>910</sup>.

Право совместного использования некоторых угодий создавало известную основу и для других форм соседской взаимопомощи, в том числе и мобилизации дополнительной рабочей силы в экстренных случаях (строительство, горячие работы и т.п.). Насколько необходима и живуча была эта практика, показывает ее существование в Италии в течение всей древности, средневековья и вплоть до настоящего времени в некоторых отсталых районах (в Аbruццях)<sup>911</sup>. Своего рода естественность такой взаимопомощи ближайших соседей, искони свойственная крестьянскому быту, осознавалась столь сильно, что, видимо, лежала в основе философских рассуждений, на первый взгляд, довольно далеких от крестьянского мировоззрения. В этой связи любопытно одно из рассуждений Цицерона в трактате «Об обязанностях» (I. 7. 20—22). Он исследует принципы товарищества (*societas*) или как бы некоторой общности (*communitas*) людей, считая наиболее фундаментальными ее основами: справедливость — *iustitia* и благожелательство — *beneficentia*. «Но первая обязанность справедливости, — продолжает он, — чтобы никто никому не наносил вреда, если он не раздражен несправедливостью. Затем, чтобы общим пользоваться как общим, частным как своим. Ведь частное дается не от природы, но или давним владением, когда кто-то некогда овладел никому не принадлежащим, или победой, когда кто-то захватил во время войны, или по закону, договору, условию, жребию. Отсюда случилось, что арпинская область называется областью арпинцев, тускуланская — тускуланцев, аналогично положение и частных владений. Поэтому, поскольку каждому требуется необходимое из того, что является общественным по природе, пусть каждый пользуется тем, что каждому досталось, если же кто стремится к большему, тот насилует право человеческого союза. Однако, как прекрасно было сказано Платоном, поскольку мы рождены не только для нас самих, часть нашего существа требует родина, часть — родичи, часть — друзья. По мнению стоиков, все, что рождает земля, создано для пользы людей, следовательно, сами люди рождены для людей, чтобы они сами между собой, друг для друга могли приносить пользу. В этом мы должны следовать указанию природы и ставить в центр внимания общие интересы путем обмена услуг, взаимным предоставлением то мастерства, то рабочей силы,

<sup>909</sup> *Corpus agrimensorum romanorum*. rec. C. Thulin. MCMXIII (далее — CAR Thulin). Sic. Fl. De cond. agr. P. 116 (о совместном пользовании лесом и пастьбе скота), P. 118 (о *compascua publicisque solis*), P. 122 (об использовании пойменных земель соседями), P. 127—129 (об использовании пустующих земель и *subseciva, silvae, loca aspra*); Hug. Grom. Const. P. 164 (об отдаче излишков земли ближайшим владельцам для совместного использования *compascua*: Hug. De gen. cont. *pascua*); Hug. De gener. agror. P. 88 (об использовании ближайшими соседями полей, прилегающих к рекам и, видимо, затопляемых (С. 79)). Об *agri compascuae* см. также P. 77—78. Правда, Леонид Тарентский при описании участка Климена, наряду с полосками для засева зерновых и крошечным виноградником, упоминает маленькую рощицу для рубки.

<sup>910</sup> Weber M. Die römische Agrargeschichte in ihrer Beziehung für das Staats und Privatrecht. Stuttgart, 1891. S. 119—125; Burdese A. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952. P. 111—123; Sereni. *Comunità rurale nell'Italia antica*. Roma, 1955. P. 494—512.

<sup>911</sup> Sirago V. A. Op. cit. P. 130.



то своих средств, чтобы крепить товарищество людей ради людей»<sup>912</sup>. Приведенное рассуждение Цицерона, предполагающее какое-то товарищество, основанное на сочетании пользования общественного и частного, взаимного обмена услугами, имуществом и рабочей силой, отражает полисную в основе своей идеологию мелких производителей, краеугольным камнем которой была взаимопомощь равноправных собственников и граждан.

Итак, источником рабочей силы, необходимой для обработки крестьянского участка, были прежде всего члены семьи мелкого производителя и соседская помощь, второстепенное значение (в относительно зажиточных хозяйствах) имели немногие рабы, наконец, наем мерценнариев. Поэтому хозяйство было относительно хорошо обеспечено рабочей силой и мало зависело от колебаний рабского рынка и притока мерценнариев.

### Организация хозяйства

Весьма интересен вопрос об исследовании непосредственной организации хозяйства мелкого производителя, в том числе набора сельскохозяйственных культур, системы земледелия и обработки почвы, урожайности. Земледелие крестьянское, конечно, не совпадало с научным<sup>913</sup> (как оно понималось во II в. до н. э. — I в. н. э.) земледелием. Крестьянину недосуг было изучать специальные руководства типа сочинений Катона, Варрона, Колумеллы и другие, к тому же и предназначенные не для него. Хозяйствование крестьянства основано больше не на руководствах, а на наблюдении над природой, насколько оно доступно простому труженику, и на дедовском опыте<sup>914</sup>. Вот почему Вергилий, отражавший опыт крестьянских хозяйств, советует: «Ветры вызнать и нрав различной надо погоды, дедовский также прием и обычай местности данной. Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет» (I. 51–53).

Насколько можно судить по «Георгикам» Вергилия, набор сельскохозяйственных орудий в крестьянском хозяйстве был невелик: это тяжелый плуг (I. 97; 162) с железным лемехом (I. 162; 356) и плетенки-бороны (I. 95), повозки с медленным ходом (I. 163), тяжелые мотыги (I. 94; 155; 164; 355), молотильные волокни (I. 164), корзины и разнообразные плетенки (I. 165–166), двуругие вилы (I. 264), серпы (I. 157). Этот нехитрый инвентарь, за редкими исключениями, изготовлялся самим хозяином. Так, Вергилий красочно описывает процесс изготовления даже относительно сложного орудия — плуга, начиная от выбора дерева до его окончательной отделки<sup>915</sup>.

<sup>912</sup> Cic. De off. I. 7. 22: in hoc naturam debemus ducem sequi communes utilitates in medium afferre mutatione officiorum, dando accipiendo tum artibus, tum opera, tum facultatibus devincire hominum inter homines societatem. Некоторой аналогией к словам Цицерона могут служить Dig. XVII. 2. 52. 2, в частности: si in coeundo societate, inquit, artem operamve pollicitus est alter... и т. д. Разбираемые места из Цицерона и Дигест указаны мне Е. М. Штаерман, за что приношу ей сердечную благодарность.

<sup>913</sup> Т. Франк (Frank T. An Econ. Hist. P. 436–437) возражает против этого. Он считает, что агротехника на мелких участках и на плантациях была одинаковой (Ibid. P. 100). Однако Р. Ремодон (Указ. соч. С. 306) справедливо говорит о научном земледелии (с точки зрения того времени). Насколько сложной и требующей специальной подготовки наукой стала римская агрономия к I в. н. э., говорит Колумелла (praef. 21–30).

<sup>914</sup> Консерватизм и приверженность к дедовским традициям обычно присущи крестьянству. Об этом см. Heitland W. E. Op. cit. P. 201; Papasogli G. L'agricultura dei Etruschi e dei Romani. Roma, 1942. P. 69–77; Tibiletti G. Lo sviluppo... P. 239–242.

<sup>915</sup> Verg. Georg. I. 169–175: «Без промедленья, чтоб сделать в лесу рукоятку, вязину / С силой великою гнут, кривизну придавая ей плуга. / В восемь ступеней у него от корня протянуто дышло, / Пара ушков и с двойным приспособлена тылом рассоха, / Валят и липу еще для ярма, и рослые буки, —

Сельскохозяйственные орудия по большей части были деревянные, железных частей было немного: съемный сошник, заканчивающийся зубом (I. 262), тяжелая лопатообразная мотыга-растр (I. 94; 155; 164; 355), вилы двузубые (I. 264), серп (I. 157). Железные орудия или их части, конечно, приобретались земледельцем у деревенского ремесленника или в соседнем городе. Поскольку крестьянин работал сам и бережно относился к орудиям труда, особенно железным, то однажды купленные на рынке железные части служили долго. Ограниченный ассортимент сельскохозяйственных орудий, приобретаемый на рынке, предполагает небольшие вложения.

Одной из важнейших операций в земледелии было удобрение полей с целью восстановления почвенного плодородия. В каждом крестьянском хозяйстве обычно содержался скот, но в небольшом числе, так что получение достаточного количества удобрения было не простой задачей. Вергилий предполагает использовать для полей три вида удобрений: жирный навоз (*fmus pinguis* — I. 81), золу (*cinis immundus* — I. 81), иногда советует палить истощенную ниву, т.е. сжигать оставшуюся солому, лишь срезав колосья (ср. *Varr. I. 50. 1–2*). В поэме нигде не упоминается о собирании и хранении навоза (как, например, в сочинении Варрона). Очевидно, его было немного и само собой разумеется, что каждый крестьянин его тщательно сохранял. Удобрялись не только нивы, но и виноградники, причем принимались меры против размывания почвы и растрескивания земли во время летних каникул (*Verg. Georg. II. 346–353*). Из описания Вергилия неясно, насколько решили проблему восстановления почвенного плодородия в мелких хозяйствах. Скорее всего, в подобных хозяйствах удобрения не доставало<sup>916</sup>: несколько голов скота давали мало навоза, золу вряд ли можно было получить в более или менее значительных количествах. Более удобным средством было сжигание соломы, но крестьянин, как правило, дорожил ею как кормом для скота<sup>917</sup> и не всегда мог пойти на это. Скорее всего, проблема восстановления почвенного плодородия путем удобрения решалась лишь частично<sup>918</sup>.

Более эффективным методом было восстановление истощенных сил земли в крестьянских хозяйствах использованием соответствующей системы земледелия и применением примитивных севооборотов. Вергилий упоминает три системы земледелия. Наилучшей, с его точки зрения, является трехполье: «Нива ответит тогда пожеланиям всех землепашцев жадных, козь два раза зной испытает и два раза холод; жатвы с нивы такой столь огромны, что треснут амбары» (I. 47–49). Однако наряду с трехпольем упоминается как вполне приемлемая и двухпольная система:

«Также терпи, чтобы год отдыхало под паром,  
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая»

(I. 71–72)

/ Заднюю ручку, — чтобы низ поворачивать сооруженья. / Взвешены у очага, деревья испытуются дымом». Основываясь на словах Вергилия, *quae cingus a tergo torqueat*, комментатор Вергилия Сервий полагал, что Вергилий описывает колесный плуг. См.: *Serv. Comm. Georg. I. 174*. Некоторые исследователи принимают это толкование Сервия. См., например, *Del Pelo Pardi. Gli attrezzi rurali e il lavoro agricolo nell'antichita. Roma. P. 44*. М. Е. Сергеевко (Очерки... С. 50–51) категорически высказывается против этого толкования. Наиболее детальное исследование проблемы «плуга Вергилия» см. *Aitken R. Virgil's Plough // JRS. 1956. № 46. P. 97–106*. Не считая плуг Вергилия колесным, Эйткин говорит о его широком распространении в римском мире и в последующие столетия.

<sup>916</sup> Ср.: *Cat. 61. 1*, где он, видимо, отдавая дань традиционной крестьянской практике, удобрение полей ставит на последнее место.

<sup>917</sup> См. *Сергеевко М. Е. Очерки... С. 65, 216*. Прим. 7.

<sup>918</sup> *P. Buiar (Billard R. Op. cit. P. 76–87)* очень обстоятельно описывает применение удобрений, но, к сожалению, он оперирует больше данными Колумеллы и Плиния, чем Вергилия.

«А с промежутками в год — труд спорый: лишь бы скупую  
Почву вдоволь питать навозом жирным, а также  
Грязную сыпать золу поверх истощенного поля» (I. 79–81)

Здесь мы не станем подробно останавливаться на истории систем римского земледелия. Можно лишь обратить внимание на то, что, в отличие от традиционного двухполья, трехполье было сложной системой, освоенной в передовых хозяйствах того времени относительно поздно, — видимо, не ранее II в. до н. э. На крестьянские участки трехполье проникло, по всей вероятности, в I в. до н. э., и Вергилий правильно подчеркивает его преимущества. Однако упомянутая им же двухпольная система изображается если не как наилучшая, то как привычная и, очевидно, широко распространенная.

Заслуживает внимания следующее место из «Георгик» Вергилия (продолжающее цитированные выше стихи I. 71–72):

«... Или златые там сей, — как солнце сменится, — злаки,  
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,  
Или же вики плоды невеликие, или лупинов  
Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвонящий» (I. 73–76).

Этот отрывок предполагает посев бобов, вики или лупина на ранее пустовавшем под паром (см. выше) участке и использование его под пшеницу в следующем году. Иначе говоря, здесь речь идет о чередовании культур — пусть о примитивном, но тем не менее о севообороте<sup>919</sup>. Примитивные севообороты выросли на основе традиционной двухпольной системы и были тесно с ней связаны. Их освоение в крестьянских хозяйствах — показатель развития последних; это второй путь (наряду с переходом к трехполью) интенсификации и известного движения вперед консервативного мелкого земледелия. Переход к трехпольной системе земледелия и использование парового участка под посев бобовых в традиционном двухполье открывали перед крестьянским хозяйством дополнительные возможности: увеличивалось количество получаемой продукции и в какой-то степени (даже при малом применении удобрений) решалась проблема восстановления почвенного плодородия.

Применение нескольких систем земледелия, в частности трехполья, двухполья простого и двухполья с примитивными севооборотами отражает известную дифференциацию среди крестьянских хозяйств Италии I в. до н. э. Существовали как относительно интенсивные хозяйства, применявшие передовые системы земледелия, так и более консервативные по своей организации. К первым по большей части принадлежали зажиточные крестьянские и ветеранские хозяйства (порядка 20–30 юг.), имевшие возможность вкладывать некоторые средства и применять рабскую силу, в то время как основная масса крестьянских хозяйств относилась ко второй категории. Возможно, что хозяйства первого типа располагались вблизи городов и были теснее связаны с городским рынком, чем хозяйства крестьян, владевших земельным участком до 20 юг.

Важнейшая операция в земледелии и в то же время показатель интенсивности обработки — вспашка. Вергилий дает рекомендации о вспашке двух видов почв: плотных — жирных и тощих — рыхлых. Жирные почвы рекомендуется первый раз

<sup>919</sup> Об освоении севооборотов говорит Т. Франк (An. Econ. Hist... С. 429). М. Е. Сергеев склонна недооценить эту сторону италийского земледелия (Очерки... С. 59); См. также: Бурский М. И. Введение // Катон, Варрон, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1957. С. 37–38.

вспахать в начале года, т.е. в январе-феврале и «лежащие глыбы... пусть пропечет жарой накалившейся лето» (I. 64—66), затем необходимо провести вторую вспашку с помощью наклоненного плуга. После двух вспашек нужно землю бороновать («борону, кто из лозин влачит, тот полю на пользу» — I. 95). «Если же почва скупа, тогда перед самым Арктуром (т.е. в конце сентября. — В. К.) будет довольно ее поднять бороздой неглубокой, — и чтоб обидеть не мог урожаев радостных плевел, и чтоб бесплодный песок не утратил влажности скудной» — I. 67–70); на таких почвах вторую вспашку, видимо, не проводили, а образовавшиеся комья дробили мотыгой<sup>920</sup> или ограничивались боронованием (I. 94–95). Таким образом, Вергилий предлагает ограничиваться двойной вспашкой на плотных жирных почвах и одной на рыхлых, при обязательности боронования, считая это достаточным для нормального посева. В рабовладельческих же виллах обычно была принята тройная, а на плотных землях даже и многократная вспашка<sup>921</sup>. Из других операций Вергилий советует многократное мотыжение, орошение страдающих от засухи полей и, напротив, отведение с полей лишней влаги (I. 105–117). Как можно видеть из этих рекомендаций, в мелком хозяйстве проводили значительно меньшее число сельскохозяйственных операций, а общий агротехнический уровень был ниже, чем в передовых рабовладельческих поместьях<sup>922</sup>.

При посеве обращают внимание на отбор наиболее крупных семян и их предварительную предпосевную обработку селитрой (nitro) и масляным отстоем (I. 193–199)<sup>923</sup>. Представляет интерес исследование ассортимента сельскохозяйственных культур, высеваемых на мелких земельных участках. Вергилий сообщает о следующих культурах: дважды упоминаются полба (farra — I. 73; 219), вика (vicia — I. 75; 227), лен, овес (linum, avena — I. 77; 212), по одному разу — пшеница (triticum — I. 219), ячмень (hordeum — I. 210), фасоль (phaseolus — I. 227), чечевица (lens), просо (milium — I. 216), бобы (faba — I. 215), мидийская трава (medica — I. 215), люпин (lupinum — I. 75); вполне возможно, что описательное выражение в I. 74 — *laetum siliqua quassante legumen* — означает горох — *pisum*. Возможно, список Вергилия не совсем полон и ряд важных для мелкого хозяйства культур не упомянут по случайным причинам, например, репа — довольно распространенный и выгодный продукт. Во всяком случае, этот перечень до известной степени отражает набор наиболее популярных культур<sup>924</sup> в крестьянских хозяйствах и позволяет подметить некоторое своеобразие крестьянского земледелия. Из 15 названий различных культур яровыми совершенно определенно названы лишь бобы, мидийская трава и просо, все же остальные рассматривались как озимые. Вергилий не упоминает яровую пшеницу,

<sup>920</sup> Georg. I. 94 заставляет предполагать, что в ряде хозяйств почву рыхлили не плугом, а мотыгой. В II. 354–357 говорится о земледельцах, которые вспахивают виноградник не плугом, а прочными мотыгами (*duros bidentes*). Не говорят ли эти данные об очень бедных бесплужных хозяйствах? О подобной практике упоминает и Варрон (I. 37. 4). М. Е. Сергеенко (и кн. Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., 1963. С. 152) пишет по этому поводу: «Интереснейшее место, свидетельствующее о наличии участков столь небольших, и хозяйствах таких бедных, что поля обрабатывали лопатой вручную».

<sup>921</sup> Varr. I. 29. 2; Col. II. 4. 83. 11; XI. 2. 46–47; Plin. N.H. XVIII. 181; Plin. Ep. V. 6. 10. Ср.: Сергеенко М. Е. Очерки... С. 54–57.

<sup>922</sup> Сергеенко М. Е. Очерки... Гл. 2–3. С. 25–77; Кузицин В. И. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966. С. 167–193; Ср.: Frank T. An Econ. Hist... P. 100.

<sup>923</sup> Кузицин В. И. Очерки... С. 178–180, где собраны свидетельства о семенном деле в рабовладельческих имениях.

<sup>924</sup> В качестве обычной пищи деревенского жителя Гораций называет нут, бобы, люпин (Sat. II. 3. 182), нут и овес (Sat. II. 6. 84).

которая в рабовладельческих виллах занимала некоторое место<sup>925</sup>. С другой стороны, помещение таких растений, как вика, горох, овес, фасоль, чечевица, люпин среди озимых показывает, что они рассматривались в качестве продовольственных, а не кормовых культур. Особенно любопытно упоминание о возделывании льна и овса в крестьянских хозяйствах. Как известно, лен сильно истощал почву, и многие владельцы рабовладельческих вилл скептически относились к этой привередливой культуре (Col. II. 10. 17; Plin. XIX. 6–7), но в крестьянском хозяйстве лен был необходим для изготовления пряжи и полотна (ср. Georg. I. 291–294, а также I. 285–286). Следует обратить внимание на то, что среди возделываемых культур есть и овес. Это первое литературное свидетельство о возделывании культурного овса в Европе вообще<sup>926</sup>. Он, видимо, был окультурен впервые в Заальпийской Галлии и раньше всего проник в Предальпийскую Галлию, где широко распространился в крестьянских хозяйствах. В рабовладельческих поместьях овес был культурой очень редкой не только в I в. до н. э., но и в I в. н. э. и лишь в последующие столетия стал высеваться чаще<sup>927</sup>. Можно говорить о широком распространении пшеницы в Италии I в. до н. э. — I в. н. э. и относительном снижении удельного веса полбы<sup>928</sup>. Однако из описания Вергилия нельзя уловить какое-либо предпочтение пшенице. Напротив, создается впечатление даже о несколько большем внимании к полбе. Пшеница была культурой капризной, требовавшей хороших земель и тщательного ухода, полба же была надежна и неприхотлива (сам Вергилий называет ее выносливой полбой — *robusta farrago* — I. 219), и весьма вероятно, что ее-то и предпочитали в крестьянских хозяйствах<sup>929</sup>. Из многочисленных сортов пшеницы упоминается только один — *triticum*; очевидно, силито и яровые сорта возделывались меньше<sup>930</sup>.

Исследование списка сельскохозяйственных культур, упомянутых Вергилием, таким образом приводит к некоторым выводам: в крестьянских хозяйствах высевались наиболее важные продовольственные культуры, которые обеспечивали крестьянский двор необходимыми продуктами, однако по сравнению с рабовладельческими виллами ассортимент культур в мелком хозяйстве был значительно меньшим (например, Варрон, Колумелла, Плиний Старший упоминают приблизительно в два раза больше разных растений и сортов<sup>931</sup>). Из названных растений значительно место занимают бобовые, которые рассматривались преимущественно как продовольственные культуры<sup>932</sup>. Из зерновых большее значение имела полба, а не пшеница. Важное место занимали лен и овес. Значительный удельный вес бобовых и полбы скорее всего объ-

<sup>925</sup> В имениях Колумеллы посеvy яровой пшеницы могли занимать до 1/3 всех посевных площадей (Col. II. 12. 7–8).

<sup>926</sup> А. И. Мордвикина («К истории культуры овса в СССР») считает первым упоминанием о культурном овсе отрывок из Plin. N.H. XVIII. 149 — см. Кузицин В. И. Очерки... С. 116–121. Овес как продовольственную культуру упоминает, видимо, и Гораций (Sat. II. 6. 84).

<sup>927</sup> Кузицин В. И. Очерки... С. 118–121.

<sup>928</sup> André J. L'Alimentation et la cuisine à Rome. P., 1961. P. 53–54.

<sup>929</sup> В Georg. I. 267 Вергилий описывает, как земледелец, задержанный под крышей дождем, просушивает зерно на огне (*torrete igni fruges*): опять-таки здесь имеется в виду полба. Ср.: Кузицин В. И. Очерки... С. 90–101.

<sup>930</sup> Г. Дор (Dohr H. Op. cit. S. 74) отмечает преобладание зерновых в крестьянских хозяйствах.

<sup>931</sup> Варрон упоминает о трех десятках различных названий полевых культур (в том числе силито, яровая пшеница, нут, чина, могар, горошек, виковая чечевица, сезам, конопля, репа и брюква, разные кормовые смеси, ситник, спарт и др. — Var. I. 23. 1–6).

<sup>932</sup> О воспитании на бобовых (*cicer, faba, lupinum*) говорит Гораций (Sat. II. 3. 182). О большой роли бобовых в питании населения см.: André J. Op. cit. P. 35–42; Сергеев М. Е. Жизнь древнего Рима. М.—Л., 1964. С. 124.

яняется тем, что они меньше истощали землю, требовали меньших затрат труда, не нуждались в обильном удобрении, неплохо шли на разных, в том числе и на плохих землях, применялись в примитивных севооборотах и вместе с тем играли большую роль в снабжении крестьянской семьи продовольствием. Лен же, хотя и истощал землю и был весьма трудоемок, однако был необходим в хозяйстве<sup>933</sup>. Подобный подбор сельскохозяйственных культур обеспечивал устойчивое существование крестьянской семьи, делал ее независимой от рыночных колебаний, вместе с тем позволял восстанавливать почвенное плодородие в условиях недостатка удобрений.

Кроме полевых культур в каждом крестьянском хозяйстве непременно возделывали виноград. Виноградное вино было одним из основных продуктов питания древнего италийца, и Вергилий не раз живописует мирный деревенский быт скромных землевладельцев, которые коротают долгий зимний досуг за чашей вина, устраивают дружеские пирушки<sup>934</sup>. Вергилий посвятил уходу за виноградниками целую книгу (вторую). Его рекомендации довольно полны и касаются всех основных вопросов агротехники виноградников, начиная с выбора почвы, посадки саженцев и кончая приготовлением вина<sup>935</sup>. Чтение второй книги не оставляет сомнений, что все симпатии автора на стороне виноградника, вьющегося по деревьям, — *arbustum*, а не шпалерного.

«Может быть, как глубоки должны быть ямы, ты спросишь?  
Я бы решался лозу борозде неглубокой доверить.  
Много глубже зато сажают в землю деревья...» (II. 288–290).

Вергилий не советует сажать среди виноградных рядов ореховое дерево, дикую маслину (II. 298–303) — совет, имеющий смысл только в том случае, если речь идет о подборе деревьев, по которым должны виться лозы.

Кончив посадку кустов, остается окучивать лозы  
Чаще у самых корней и взмахивать крепкой мотыгой,  
Или же почву трудить нажимом плуга и между  
Лоз виноградных самих прогонять волов напряженных.  
Легкие тут камыши, из ободранных веток поддержки,  
Вязовых колышков ряд приспособь и рогатки-двурожки,  
Чтобы при помощи их укреплялись, выдерживать ветры  
Приобвыкали и вверх постепенно взбирались на вязы.  
С нежной доколе листвой взрослеет младенческий возраст,  
Юную нужно беречь. Пока веселая к небу  
Ветки тянет она и привольная в воздух стремится  
Трогать не время ее серпа острием, но, согнувши  
Пальцы, листву хватать, ее обрывать, чтоб редела.  
А как начнут обнимать, едва лишь окрепнув корнями,  
Вязы, режь им листву, обстригай боковые побеги» (II. 354–368).

<sup>933</sup> Культура льна занимала заметное место в крестьянском хозяйстве и в других странах, например в России конца XIX — начала XX в. См.: *Кауфман А.* Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства. М., 1918. С. 238–245; *Чаянов А. В.* Место льна в организованном плане крестьянского хозяйства. М., 1914.

<sup>934</sup> *Verg. Georg. I.* 295–296; 300–301, 344; II. 4–8; 380–396, 527–529. См. также: *Hor. Sat. II. 2.* 121–125 и др.; *André J.* *Op. cit.* P. 164–176.

<sup>935</sup> *Billard R.* *Op. cit.* P. 165–251. Однако автор скорее описывает общее состояние италийского виноградарства I в. до н. э. — I в. н. э., чем, собственно, виноградарство по данным Вергилия.

Рассказывая о последних работах на винограднике перед зимой, Вергилий прямо говорит об *arbusta* (II. 416)<sup>936</sup>. Предпочтение, отдаваемое Вергилием виноградному саду, скорее всего объясняется тем, что при описании агротехники виноградника он зависит от местного опыта родной Мантуи и Цизальпийской Галлии, где арбуст был издавна очень популярен<sup>937</sup>. Но вряд ли оно объясняется только этим. Видимо, Вергилий больше отражал обычную практику мелких хозяйств, где арбуст предпочитался винограднику на подпорках. Этот вывод подкрепляется некоторыми сообщениями Горация. Рассказывая о деревенской жизни Волтея Мены, обрабатывающего участок в 14 югеров, Гораций говорит о нем, как о человеке, поглощенном лишь своими лозами, бороздами да вязами<sup>938</sup>. Шпалерный виноградник был трудоемкой и дорогостоящей культурой, хотя и давал больший сбор и более высокого качества виноград<sup>939</sup>. Лучшие итальянские вина готовились из винограда, выращенного таким способом. Одним из горячих его пропагандистов был Колумелла, который считал возделывание таких виноградников самым прибыльным делом (III. 3. 3. 10). По всей вероятности, точку зрения Колумеллы разделяли многие сторонники интенсивного хозяйства, владельцы рабовладельческих вилл. Виноградный сад — арбуст, как требующий меньших расходов и рабочей силы, предпочитали более экономные рабовладельцы<sup>940</sup>. Согласно данным Вергилия, виноградный сад — обычное явление на крестьянском участке, что не было случайным. Крестьянину было не просто устраивать плантаж почвы на 3–2,5 фута, как это делали в рабовладельческих виллах, и он предпочитал сажать лозу в неглубокую борозду. В его винограднике не было большого разнообразия сортов, он мог не знать ряда агротехнических приемов, ему было недосуг производить разнообразные прививки и улучшения (Вергилий, кстати, об этом не говорит)<sup>941</sup>. Крестьянину было хлопотно заготавливать громоздкое приданое, стоимость которого, по подсчетам Колумеллы, превышала в два раза стоимость югера земли<sup>942</sup>. Разведение же лоз на деревьях было удобно во всех отношениях: оно требовало меньших расходов и труда, давало необходимое количество винограда и вина, к тому же с деревьев можно было нарезать листьев для скота и хворосту для очага. Конечно, получавшееся из такого винограда вино не отличалось высокими качествами, но вполне подходило для домашнего употребления. Такое вино вряд ли могло идти на продажу в более или менее значительных количествах — оно было слишком дешевым, да и не могло конкурировать с винами рабовладельческих вилл. Рекомендует Вергилий разводить и маслину:

<sup>936</sup> *Billard R.* Op. cit. P. 189.

<sup>937</sup> *Sereni E.* Storia del paesaggio agrario italiano. Roma, 1961. P. 15.

<sup>938</sup> Hor. Epist. I. 7. 83–84: ex nitido fit rusticus atque sulcos et vineta crepat mera, praeparat ulmos.

<sup>939</sup> Col. III. 2. 1–32; Plin. N.H. XVII. 199. 203. В. Сираго (Op. cit. P. 251–264) подробно говорит о виноделии в Италии. См. также: *Bellini L.* La viticoltura nella politica economica di Roma Republican. Roma, 1947; *Dalmaso L.* La viticoltura al tempi dell'impero Romano. Roma, 1940. О больших затратах труда и некоторых операциях по уходу за виноградником см.: *Кузицин В. И.* Очерки... С. 212–214. Об этом подробно говорит Колумелла в III. 3.

<sup>940</sup> Plin. N.H. XVII. 203. Напротив, Колумелла к арбусту относится очень сдержанно. См.: De arb. 6–7, а также De arb. 5.

<sup>941</sup> В *Georg.* II. 9–109 говорится о разных способах посадок, прививках и т.п., но здесь Вергилий имеет в виду в этом месте общий высокий уровень итальянского виноградарства, а не специально практику крестьянского хозяйства: напр., греческие и индийские сорта вряд ли были известны в крестьянских хозяйствах. См.: *Billard R.* Op. cit. P. 165–251, а также *Бурский М. И.* Введение... С. 49.

<sup>942</sup> Стоимость 1 югера земли была 1 тыс. сест., а цена приданого — 2 тыс., общая же стоимость шпалерного виноградника в 7 юг., включая все расходные статьи, достигала громадной для крестьянина суммы — 29–32,5 тыс. сест. Col. III. 3. 8–10.

Наоборот, для маслин обработки не нужно. Маслины  
 Не ожидают серпа никакого, ни цепкой мотыги,  
 Лишь укрепятся в земле и к воздуху станут привычны...  
 Жирную, кроткую ты питай же мира оливу!  
 Что до плодовых дерев, — лишь ствол почувствуют крепким,  
 Силы свои обретут, они к созвездьям поспешно  
 Собственной мощью стремятся, в подмоге от нас не нуждаясь  
 (II. 420–428).

Оливковое масло и маринованные маслины — необходимые продукты питания италийца<sup>943</sup>. Неудивительно, что Вергилий называет оливы в числе деревьев, обычных на крестьянском участке. Они, например, росли даже на крошечном участке Симила, героя «*Moretum*»<sup>944</sup>.

Оливу, как и виноградник, относят к интенсивным культурам, требующим большого внимания и ухода<sup>945</sup>. Однако в приведенном отрывке Вергилий говорит, что «для маслин обработки не нужно». В своей поэме Вергилий не дает никаких советов по уходу за маслинами (например, подчистки, обрезка, прививка и т.п.), подчеркивая их неприхотливость. Насколько нам известно, в передовых хозяйствах отношение к оливе было иным, и вряд ли Вергилию это не было известно<sup>946</sup>.

Однако поэт правильно отражает практику крестьянского хозяйства, где за маслинами, видимо, не присматривали столь тщательно, как в рабовладельческих виллах. Несколько оливковых деревьев росли на крестьянском участке, не обременяя хозяина заботами, приносили немного корзин плодов невысокого качества, которые частично мариновались, частично использовались для получения масла, далеко не первосортного, но вполне пригодного к употреблению.

В I. 273–274 Вергилий говорит о продаже масла на городском рынке, что предполагает известную заинтересованность крестьянина в его качестве и в получении его в большем количестве. Видимо, при этих условиях уход за маслинами, росшими на участке, был более тщательным, требуя и больших знаний, и большего труда.

На крестьянском участке росли некоторые плодовые деревья — несколько яблонь<sup>947</sup>, груш, слива (*Verg. Georg. IV. 142–146*), смоковница (*Hor. Sat. II. 2. 122*), — уход за которыми требовал еще меньше хлопот, чем за прихотливой маслиной<sup>948</sup>. Получаемые продукты потреблялись крестьянской семьей, однако некоторые, как можно думать из I. 273—274, предназначались и на продажу, хотя поэт называет их дешевыми плодами — *vilia roma*.

Важное место в питании древнего италийца, и особенно сельского жителя, занимали овощи: чеснок, лук, капуста и др.<sup>949</sup> Неудивительно, что на любом крестьянском участке, как бы он ни был мал, огород с посевами овощей был непременной частью. В некоторых надписях небольшие участки прямо называются огородами,

<sup>943</sup> *André J. Op. cit. P. 183–185.*

<sup>944</sup> *Moretum. 113–115: ergo Palladii guttas instillat olivi* и т.д.

<sup>945</sup> Это показано М. Е. Сергеевко в ее комментарии к трактату Катона. См.: *Катон. Земледелие. М.—Л., 1950. С. 120–122.*

<sup>946</sup> *Billard R. Op. cit. P. 252–269; Dohr H. Op. cit. S. 59–61; Бурский М. И. Указ. соч. С. 49–50.*

<sup>947</sup> Скорее всего, яблоки подразумеваются в *Georg. II. 516; IV. 142.*

<sup>948</sup> *P. Буйар* (*Billard R. Op. cit. P. 160*) отмечает слабое внимание Вергилия к фруктовым деревьям. См. также: *Wilkinson L. The Georgics of Vergil. A Critical Survey. Camb., 1969. P. 242.*

<sup>949</sup> *André J. Op. cit. P. 49–51; Сергеевко М. Е. Жизнь древнего Рима... С. 123.*



огородиками<sup>950</sup>, скорее всего, видимо, потому, что при сокращении площади под зерновыми, виноградниками, огород приобретал несколько большее значение, а его удельный вес на маленьких участках относительно возрастал. Корикийский старик, имевший несколько югеров земли, непригодной для полевых культур и виноградника, тем не менее, имел огород (IV. 127–130). Еще более убедителен пример Симила, который разбил недалеко от своей хижины огородик, обсаженный ивами, небольшой по площади, но засаженный всеми необходимыми для сельского жителя огородными растениями<sup>951</sup>. Здесь у него росли: капуста (*holus*), свекла (*beta*), шавель (*rumex*), мальва (*malva*), девясил (*inula*), морковь (*siser*), лук (*porrum*), салат (*lactuca*), редька (*radix*) и даже тыква (*cucurbita*). Из этих овощей Симил готовил себе салат — *moretum*, который наряду с хлебом и был его основным кушаньем (Мор. 87–120). Огород не требовал особых забот, и Симил находился в нем лишь при перерывах в полевых работах (в дождь, в праздничные дни) или после их окончания<sup>952</sup>. Лишенный тщательной обработки, огород приносил овощи, необходимые для потребления, однако если городской рынок был относительно недалеко (так, чтобы до него дойти пешком), часть овощей продавалась. Во всяком случае, в огороде Симила росла тыква, которая специально предназначалась на продажу (Мор. 78–81). По всей вероятности, товарные овощи были объектом более внимательной заботы<sup>953</sup>.

Разведению скота Вергилий посвящает третью книгу, где он описывает правила ухода за крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми. Хотя в III книге нет раздела об уходе за свиньями, но по отдельным замечаниям, разбросанным в I–II книгах, можно думать, что в большинстве крестьянских хозяйств были и свиньи<sup>954</sup>.

Значительное внимание, уделяемое Вергилием разведению лошадей<sup>955</sup> и крупного рогатого скота, кажется, не очень соответствует практике мелкого крестьянского хозяйства. Его советы по уходу за коровами могли пригодиться крестьянам, но лошадь в подобных хозяйствах не находила применения: пахали на волах, перевозили тяжести на мулах и ослах. Крупные скотоводы разводили лошадей для конницы, ристаний и т.п., но в мелких хозяйствах уход за лошадьми вряд ли экономически оправдывая себя. Тем не менее, трудно допустить, что Вергилий в данном случае отражал не хозяйственную практику своего времени, а создал сугубо литературное описание, насыщенное многими мифологизмами. Скорее всего, поэт имеет в виду в данном случае практику хозяйства многочисленных ветеранов, которые как бывшие военные, во многих случаях служившие в коннице, располагая средствами, позволяли себе роскошь содержать коня<sup>956</sup>. На наш взгляд, Вергилий не случайно в III. 288 говорит о сильных земледельцах — *fortes coloni*. Скорее всего, он имеет в виду более зажиточных, крепких хозяев и, в частности, ветеранов. В большей части крестьянских

<sup>950</sup> CIL. VI. 33840; Dessau. 7455a; 8376; CIL. X. 3159. Ср.: Sirago V. A. Op. cit. P. 131.

<sup>951</sup> *Moretum*. 61–65: Hortus erat iunctus casulae, quem vimina pauca et calamo rediviva levi munibat harundo exiguo spatio, variis sed fertilis herbis nil illi derat quod pauperis exigit usus interdum locuples a paupere plura petebat.

<sup>952</sup> *Moretum*. 66–69: nec sumptus erat illud opus sed recula curae si quando vacuum casula pluviaeve tenebant festave lux, si forte labor cessabat aratri horti opus illud erat.

<sup>953</sup> На это, возможно, указывает строчка *Moretum*. 78: et gravis in latum demissa cucurbita ventrem.

<sup>954</sup> Verg. Georg. I. 399–400; 305 (сбор желудей); II. 520. Живущий очень скромно Офелла (Нор. Sat. II. 2. 117) со своим многочисленным потомством ест свинину. Однако Симил (Мор. 56–59) в своей кладовой не имеет никаких окороков, хотя там висит круг сыра.

<sup>955</sup> Billard R. Op. cit. P. 296–319.

<sup>956</sup> Бурский М. И. Введение... С. 48–49.

хозяйств лошадей, видимо, не разводили, однако прочий скот — пара волов, коровы, несколько овец и коз, свиней — был обычен.

Нельзя не обратить внимания на тщательность описания и полноту советов Вергилия по уходу за скотом. Отбор скотины, улучшение породы, уход за молодым, состав кормов и устройство хлебов, выпас в разные части дня, болезни и их лечение — все это находит отражение в поэме.

По всей вероятности, большое внимание, уделяемое Вергилием разведению скота, отражает значительный удельный вес его в крестьянском хозяйстве<sup>957</sup>. Без скота невозможно само существование крестьянского хозяйства. Даже у Симила, видимо, одного из беднейших землевладельцев, к тому же лишённого семьи, есть козы, быки, на которых он пашет (Мог. 68. 124), и, возможно, овцы. Бедняк Волтей Мена, владеющий 14 юг. земли, постоянно в заботах о волах, овцах, козах (Нор. Epist. I. 75. 85–86).

### Связи крестьянского хозяйства с рынком

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о рыночных связях крестьянского хозяйства. Оно, конечно, не было изолированным: ряд необходимых вещей приобретался на рынке, некоторые продукты крестьянского производства продавались. В тех хозяйствах, где имелись рабы, они, несомненно, покупались на рынке. Правда, ветераны могли приобрести себе несколько рабов во время военной службы, тем не менее, после нескольких лет мирной жизни такие рабы могли быть потеряны и утрату нужно было восполнять. Покупались некоторые орудия труда, главным образом железные: сошники для плуга, серпы, ножи, вилы, мотыги и т.п. Как сообщает Вергилий, из города крестьянин привозит черную смолу и тесаный камень (I. 274–275). Деньги иногда были нужны крестьянину для расплаты с поденщиком, а для получения денег нужно было продавать часть производимого продукта. Вергилий сообщает в нескольких местах о том, что везет на продажу в город крестьянин.

Часто осла нагружает ленивого маслом погонщик  
Или простыми плодами<sup>958</sup>; из города ж он, возвращаясь,  
Черной смолы с собой привезет иль тесаный камень (I. 273–275).

В III. 400–402 он пишет:

То молоко, что они на заре надоили, иль в полдень,—  
Ночью сжимают; а то, что доили во тьме, на закате —  
Рано поутру пастух относит корзинами в город...

В других местах Вергилий упоминает о пастухах, которые сгоняют в небольшой город приплод овец (Verg. Buc. I. 21), видимо, молодых барашков, продают на городском рынке творог (Там же. 32–35). Симила также связан с городским рынком, куда он везет овощи со своего огорода, а возвращается домой с кошельком, набитым деньгами, скорее всего медными (Мог. 79–84). Таким образом, здесь в качестве товарных продуктов названы оливковое масло, овощи, дешевые яблоки, скорее всего вообще фрукты, молоко, творог, молодой, возможно, пшеница.

В крестьянском земледелии основное внимание уделялось бобовым и полбе, которые ценились невысоко и потому не могли быть товарными культурами, но более

<sup>957</sup> Dohr H. Op. cit. S. 75.

<sup>958</sup> Точнее «дешевыми плодами» — *vilia roma*.

дорогая пшеница, которая высевалась на крестьянских полях, могла вывозиться и на рынок. Насколько нам известно, наличных денег было мало, и крестьянин ими дорожил. Хотя Цицерон несколько сгущает краски, но, видимо, правильно передает существо мелкого производства: «Когда вы грабили и расхищали урожай земледельцев, — пишет он, — земледелец терял, по крайней мере, не более того, что он сам добыл своим плугом, что дала ему его работа, его нивы, его посевы... Но чтобы дать деньги, которые он не выпашет, которые он не добывает плугом и рукою, земледелец должен продать и быков, и самый плуг, и все свои сельскохозяйственные орудия...» (Сic. Verг. III. 198–199). Несколько дальше Цицерон говорит о том, что сумму в 8 тыс. сест. крестьянин (arator), конечно, не может выручить в течение трех лет и, чтобы ее собрать, вынужден продать свой сельскохозяйственный инвентарь (Там же. 201).

Нужно, однако, подчеркнуть, что некоторые сообщения Вергилия должны быть отнесены к хозяйствам, расположенным в относительной близости к городу. Ведь везти свежую зелень, надоенное на заре молоко, молоденького барашка на примитивных повозках и без специально оборудованных хранилищ имело смысл лишь на близкое расстояние. Вино, масло, некоторые фрукты, пшеницу, мясной скот можно было транспортировать и на относительно далекие расстояния. Упоминание Вергилием тесаного камня и смолы, которую закупает в городе крестьянин, продавший там свое масло, однако, показывает, что в данном случае имеется в виду торговля в ближайших окрестностях. Крестьянские хозяйства, расположенные в известном отдалении от городов, были связаны с рынком еще слабее.

Немногие примеры рыночных связей крестьянского хозяйства показывают, что они были эпизодичны и случайны. Они не затрагивали его основ, основная масса продукции крестьянского двора производилась и потреблялась здесь же, а за его пределы попадали ничтожные излишки. Реализация этих излишков играла роль лишь дополнительного фактора в нормальном функционировании крестьянского хозяйства.

По своей внутренней структуре крестьянское хозяйство было мало связано с рыночными отношениями. Крестьянский двор был обеспечен собственной рабочей силой, а необходимость в дополнительной покрывал за счет соседской помощи; основные и несложные орудия труда, за небольшими исключениями, делались самими владельцем и его соседями. Набор культур был таков, что позволял снабдить крестьянскую семью необходимыми продуктами питания. Крестьянин — собственник своего участка на полном квинритском праве — не платил и налогов.

Бесспорно, в ряде крестьянских хозяйств, особенно расположенных в пригородной местности, рыночные связи приводили к интенсификации хозяйства, повышению доходности, обогащению владельцев. Однако большая часть крестьянских дворов была мало затронута рыночными отношениями и потому колебания торговой конъюнктуры не отражались на них болезненно. При неблагоприятной конъюнктуре крестьянские хозяйства, как-то связанные с рынком, относительно безболезненно рвали товарные связи, продолжая функционировать как особый хозяйственный тип.

Иным было положение другой разновидности крестьянского хозяйства, а именно хозяйств различных категорий арендаторов, в том числе и колонов, выплачивавших арендную плату в денежном выражении.

Владельцы подобных хозяйств нуждались в звонкой монете для регулярной выплаты арендной платы и потому, видимо, должны были до известной степени ориентировать свое хозяйство на рынок. Вполне возможно, что в хозяйстве колонов получили большое значение товарные отрасли и культуры, и сила необходимости заставляла их возделывать в большем размере пшеницу, разводить ценные сорта винограда и изготавливать качественное вино, получаемое со шпалерных виноградников,

выращивать дефицитные овощи. Возможно, что в таких хозяйствах чаще находили применение рабы, а общий уровень агротехники был выше, чем у собственников-крестьян.

Необходимость ориентировать небольшие хозяйства на рынок ставила перед их владельцами много сложных и тяжелых проблем, решить которые, пользуясь слабыми возможностями мелкого производства, было, видимо, трудно. Хозяйство арендаторов-колонов, в связи с этим, было менее устойчивым, в большей степени подвержено превратностям рыночной конъюнктуры и колебаниям цен, чем товарные рабовладельческие виллы, с одной стороны, и хозяйства крестьян-собственников — с другой<sup>959</sup>. Угроза разорения была для колонов реальной и, выражаясь словами Плиния Младшего, лучшим лекарством для них был перевод арендной платы из денежной формы в натуральную — из доли урожая.

Такое нововведение Плиния Младшего должно было привести к серьезным последствиям и перестройке хозяйства колона. Оно, видимо, способствовало сближению обеих разновидностей мелкого производства, резко сокращало хлопотливые рыночные связи, связанные с ними расходы и трудовые затраты. Колон, выплачивавший аренду из доли урожая, терял интерес к интенсификации хозяйства, высокой агротехнике, отказывался от товарных культур, от дополнительной рабской рабочей силы. Колон теперь стремится к возделыванию таких культур, которые обеспечивали бы его семью основными продуктами питания, главным образом зерновыми и бобовыми. Он заинтересован в такой урожайности, которая обеспечила бы ему прожиточный минимум и долю арендной платы землевладельцу.

Колонатное хозяйство становится самодовлеющим, мало связанным с рынком, но, при известном понижении общего агротехнического уровня, оно, тем не менее, приобретает большую, чем раньше, устойчивость и жизнеспособность.

\* \* \*

Исследование крестьянского хозяйства как экономического типа позволяет сделать вывод о его известной жизнеспособности. Крестьянский двор мог пережить сложную рыночную конъюнктуру, подъем или падение цен, трудности денежного обращения.

Основами определенной устойчивости крестьянского хозяйства как типа были: натуральное производство, обеспеченность рабочей силой, низкий уровень агротехники, слабая степень интенсификации. Крестьянский двор, как нам представляется, не был экономическим конкурентом рабовладельческой виллы или какому-нибудь другому типу поместья, он напоминал нейтральный газ в сложной газовой смеси, сосуществовал с другими компонентами, не вступая с ними в прямое соединение.

Экономические взаимоотношения крестьянского двора и рабовладельческой виллы во II в. до н. э. — I в. н. э., т.е. в эпоху максимального развития товарного производства, в римском рабовладельческом обществе были иными, чем, скажем, отношения крестьянского хозяйства и крупного земельного производства в эпоху капитализма, когда последнее подчиняло и поглощало первое, главным образом, экономическим путем, в результате стихийного действия законов товарного производства.

---

<sup>959</sup> О тяжелом положении колонов, вносивших денежную арендную плату, совершенно недвусмысленно говорят Колумелла (I. 7. 1–2) и особенно Плиний Младший (Plin. Ep. III. 19. 5; V. 14. 8; VIII. 2. 1; IX. 15. 1; 16; 36. 6; 37. 2–2; X. 8. 6).

Тем не менее, сделанный вывод об экономической устойчивости крестьянского хозяйства в Риме требует известных коррективов. Ведь римские крестьянские хозяйства находились в своеобразных социально-политических условиях. Не вдаваясь здесь в разбор этих условий, отметим лишь, что бесспорная тенденция к падению роли крестьянского хозяйства в Риме II в. до н. э. — I в. н. э. (которую преувеличивают многие исследователи) может быть объяснена не столько игрой экономических сил, сколько специфической социально-политической обстановкой того времени.

С другой стороны, внутренняя устойчивость крестьянского хозяйства как экономического типа оказалась основой его постоянного сосуществования с рабовладельческими виллами, его высокой сопротивляемостью напору других типов хозяйств и определила значительную роль крестьянства и крестьянского хозяйства в римском обществе и римской экономике II в. до н. э. — I в. н. э.

В более бедственном положении находились маломощные крестьянские хозяйства с земельным участком до 10 югеров и хозяйства арендаторов, выплачивавших арендную плату в денежном исчислении. По всей вероятности, именно эти категории римских крестьян испытывали на себе первые удары, вызывавшиеся экономическими и социально-политическими потрясениями, а их земли создавали один из резервов крупного землевладения,

Анализ экономики крестьянского хозяйства показал, что по своей организации оно было отсталым, консервативным, архаичным. Столбовая дорога италийского сельского хозяйства пролегла через укрепление и распространение других, более динамичных хозяйственных типов — рабовладельческих вилл.

## О роли крестьянства в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э.\*

В раннем Риме господствовали относительно простые аграрные отношения, а ведущими типами хозяйства, по всей вероятности, были крестьянский двор и более или менее крупное (по территории) имение, обрабатываемое арендаторами или клиентами<sup>960</sup>. Широкое проникновение рабства в сельское хозяйство Италии начиная со II в. до н. э., привело к усложнению традиционной картины. Появляются новые

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1973. № 2. С. 79–91.

<sup>960</sup> К I в. до н. э. в Риме уже сложилась устойчивая традиция, восхваляющая доблесть, простоту и скромность их предков V–IV вв. до н. э. Сенаторы, консулы и диктаторы того времени изображались как владельцы небольших крестьянских участков, на которых трудились сами их почтенные владельцы (Varr. III. praef.; Col. praef. 13–14; Plin. XVIII. 18–21). При всей искусственности этой традиции она, видимо, правильно отражает преобладание мелких крестьянских хозяйств в римской деревне V–IV вв. до н. э. (См.: Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. Ч. III. Гл. I; Луццатто Д. Экономическая история Италии. М., 1954. Ч. I. С. 46–65; Ельницкий Л. А. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII–III вв. до н. э. М., 1964. особ. гл. V; Dureau de la Malle M. Economie politique des Romains. Paris, 1840. T. II. Ch. I; Frank T. An Economic History of Rome. London, 1927; Rostovzev M. Storia economica e sociale dell'impero romano. Firenze, 1933. Cap. I; Heitland W. Agricola. Cambr., 1921. Ch. 20–21; Toutain I. The Economic Life of the Ancient World. N. Y., 1968. P. 218–221; Histoire générale du travail. Publ. sous la dir. de L.—H. Paris. T. I. Paris, 1959).

типы хозяйств — рабовладельческие поместья, ранее малоизвестные, отличающиеся по своей организации, приемам обработки, направленности производства. Тем не менее, нельзя говорить об исчезновении крестьянского хозяйства во II—I вв. до н. э. Оно становится одним из типов, продолжавших существовать и играть заметную роль в сельскохозяйственном производстве. Вопрос о роли крестьянства в римском обществе и крестьянского хозяйства в судьбах италийского земледелия и аграрных отношений II в. до н. э. — I в. н. э. решается различно в современной науке<sup>961</sup>, однако общей тенденцией является стремление преуменьшить его значение<sup>962</sup>. При исследовании экономики и аграрных отношений Италии этого времени крестьянское хозяйство, как правило, в расчет принимается мало, основное внимание исследователей обращено на рабовладельческие виллы, имения, латифундии<sup>963</sup>.

Известное невнимание современных ученых к данному экономическому типу находит себе некоторое оправдание в состоянии наших источников. Если для характеристики рабовладельческих поместий имеются такие добротные источники, как сочинения римских аграрных писателей, многочисленные, хотя и разбросанные сведения других авторов, остатки сельских вилл, то для воссоздания крестьянского хозяйства данных гораздо меньше, они разбросаны часто по отдельным крупницам в разных сочинениях, беден эпиграфический и археологический материал. Тем не менее, положение не так уже безнадежно. При более внимательном и целенаправленном изучении наших источников в руках современного исследователя оказывается материал, позволяющий наметить основные особенности крестьянского хозяйства как экономического типа. С нашей точки зрения, представляют большую ценность данные римской художественной литературы, в частности ряд сведений, разбросанных в стихотворениях Тибулла и Горация. Сохранились, например, два произведения, которые посвящены описанию крестьянского хозяйства и деревенского скромного быта. Речь идет о довольно крупном отрывке, дошедшем под названием «Moretum», и поэме о сельском хозяйстве Вергилия «Георгики»<sup>964</sup>.

Собранный материал позволяет охарактеризовать крестьянское хозяйство как раз с экономической точки зрения и наметить его отличие от других хозяйственных типов, распространенных в италийской деревне II в. до н. э. — I в. н. э.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на некоторые данные, которые говорят о том, что крестьянство в Риме II в. до н. э. — I в. н. э. было довольно многочисленным классом, а крестьяне играли видную роль в римской экономической и политической жизни.

<sup>961</sup> Ряд исследователей, например, Ж. Тутен, Дж. Луццатто, отмечает повышение роли мелкого производства уже в I в. н. э.

<sup>962</sup> Помимо указанных работ можно сослаться на: Tibiletti I. Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'impero // *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*. Roma, 1955. Vol. II.; Nicolet C. *Les Gracques ou la crise agraire et la révolution à Rome*. Paris, 1967; Billard R. *L'agriculture dans l'antiquité d'après les Georgiques de Vergile*. Paris, 1928. Intr.

<sup>963</sup> Среди довольно обширной литературы о римском сельском хозяйстве и его разных аспектах мало специальных исследований о римском крестьянстве (в том числе колонате) II в. до н. э. — I в. н. э. В качестве некоторых можно указать: Steiner G. *The Fortunate farmer in ancient Italy* // *Classical Journal*. 1955. Vol. 51. P. 57–67; Sirago V. A. *L'Italia agraria sotto Traiano*. Louvain, 1958. Parte II. Cap. 3 и 4. Интересные замечания о характере крестьянского труда и об оплате различных категорий наемников см.: *Histoire generale du travail*. T. I. P. 324–333; раздел, написанный Роже Ремодоном, в ст. E. Kornemann *Bauerstand* // Pauly—Wissowa. 1924. Suppl. IV. P. 98–108; Dohr H. *Die italische Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros*. Köln, 1965.

<sup>964</sup> Кроме работ Р. Бийяра и Г. Стейнера см. также: Wilkinson L. *The Georgics of Virgil. A Critical Survey*. Camb., 1969.

До II в. до н. э. Италия была преимущественно крестьянской страной<sup>965</sup>. Завоевание Италии и приобретение обширного *ager publicus* позволило обеспечить наделами путем колонизации часть безземельного или малоземельного сельского свободного плебса и клиентов<sup>966</sup> и тем самым увеличить число свободных римских крестьян. Благодаря многочисленному и обеспеченному крестьянству Риму удалось победить во II пунической войне, разбить грозных галлов<sup>967</sup>.

Широкое проникновение рабского труда и бурное строительство рабовладельческих вилл, получившее столь яркое отражение в сочинении Катона, началось со II в. до н. э. Оно не могло не привести к известной конкуренции, а то и насильственному сгону крестьян с их участков и их численному уменьшению. Однако этот процесс не был внезапным и быстрым. К тому же он в какой-то степени был нейтрализован довольно интенсивной колонизацией в первой половине II в. до н. э. Со 194 по 157 г. до н. э. было основано 28 римских и латинских колоний, в то время как за 120-летний промежуток времени (338–218 гг. до н. э.) — всего 31 колония<sup>968</sup>. Колонизация пополняла ряды римского крестьянства во II в. до н. э., что, к сожалению, мало учитывается некоторыми исследователями, иногда излишне драматизировавшими картины римской жизни накануне движения братьев Гракхов<sup>969</sup>.

Исследование М. Е. Сергеенко показало, что в момент составления Катонского трактата, т.е. в конце 90-х годов II в. до н. э., крестьянство Средней Италии, т.е. как раз той области, которая стала испытывать наиболее сильное воздействие рабовладельческих отношений, отнюдь не бедствовало и представляло довольно устойчивую силу<sup>970</sup>. Некоторые данные о состоянии римского крестьянства дошли от эпохи Гракхов, т.е. от 30–20-х годов II в. Аграрное движение Гракхов показало, что римское крестьянство в это время представляло собой крупную политическую силу, победа над которой не так проста<sup>971</sup>. На поддержку законопроектов Гракхов приходят многочисленные толпы сельского плебса, которые отрывались от работ, чтобы поддержать реформатора (Diod. XXXIV–XXXV. 6. 1). И, напротив, занятые на спешных летних работах крестьяне не могли присутствовать на июльских выборах в народные трибуны, и Тиберий Гракх был забаллотирован (App. I. 14). Несмотря на гибель реформаторов, аграрная комиссия смогла за восемь лет работы наделить несколько десятков тысяч малоземельных участками по 30 юг. плодородной

<sup>965</sup> Еще Т. Моммзен причислял к самому высшему, первому разряду римских граждан — владельцев земельного участка в 20 юг, (Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. I. С. 87–92). Ф. М. Нечай повышает эту норму до 30 юг. (Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963. С. 57). См. также: Нечай Ф. М. К вопросу об аграрных отношениях в начальный период Рима // Уч. зап. Белорусского гос. ун-та им. В. И. Ленина. 1956. Вып. 30; Bilinski B. Problem pracy w starozytnym Rzymie. I. Czasy krolewskie i weczesna republika (VIII–IV/III w przed n.e.) // Archeologia. 1952. No. III; Besnier K. L'état économique de Rome de 509 a 264 av J. C. // Revue Historique de droit français étranger. 1955. No. 2.

<sup>966</sup> Frank T. An Econ. Survey. Vol. I. P. 40–42, 59–61. И более подробно: Нечай Ф. М. Рим и италики... С. 45–76.

<sup>967</sup> Полибий приводит весьма внушительные цифры римского войска и их союзников во II в. до н. э. — 700 тыс. пехоты и 70 тыс. конницы (Polyb. II. 24).

<sup>968</sup> Т. Франк приводит более полный список (Frank T. An Econ. Survey. Vol. I. P. 114–125); Ф. М. Нечай указывает 22 колонии (Нечай Ф. М. Рим и италики... С. 49–50).

<sup>969</sup> Например, Nicolet C. Op. cit. P. 85–105.

<sup>970</sup> См.: Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1953. С. 16–17.

<sup>971</sup> Аппиан подчеркивает, что аграрная реформа Тиберия Гракха всколыхнула всю Италию и противникам Гракха пришлось принять и проводить в жизнь *lex Semproniana*, который так и не был отменен (App. I. 9–13).

земли<sup>972</sup>. Иначе говоря, римское крестьянство в эпоху Гракхов несколько укрепило свои экономические и политические позиции, хотя общее развитие заключалось в том, что рабовладельческие поместья крепли, а крестьянские хозяйства деградировали<sup>973</sup>. Первое консульство Марию обеспечила поддержка римских солдат, т.е. тех же римских крестьян, ремесленников и сельских жителей<sup>974</sup>. Дарование прав римского гражданства италикам, видимо, несколько усилило политическую роль крестьянства. У италиков действовали те же процессы экономического развития, что и у римских граждан, тем не менее, этот процесс у них был несколько замедлен, а разъедающее действие рабовладельческих отношений оказывалось в несколько меньшей степени<sup>975</sup>.

После реформы Мария римская армия потеряла преимущественно крестьянский характер, так как в легионы был открыт широкий путь неимущему городскому населению; тем не менее, было бы неосторожным предполагать, что римская армия последнего столетия Республики набиралась исключительно из городского люмпен-пролетариата. Достаточно проследить комплектование войск Цезарем и Помпеем, а затем Августом и Антонием, чтобы убедиться, что сельское население, в первую очередь свободное римское крестьянство, широко привлекалось в римскую армию и составляло значительную часть римских легионов<sup>976</sup>.

В римской публицистике и литературе начиная с Катона Старшего крестьянин выступал в качестве наиболее прочной опоры армии и римского общества, как стойкий солдат и наиболее достойный гражданин<sup>977</sup>. Хотя подобный образ был до известной степени литературным, он, тем не менее, отражал и некоторые черты современной ему действительности, т.е. свидетельствовал об известной роли крестьянства в италийском обществе, экономике и армии. Наиболее ярким выражением этого представления и его некоторого претворения в жизнь является военная колонизация, проводившаяся в массовом масштабе римским правительством, начиная с Суллы. От Суллы до Августа около полумиллиона римских воинов получили земельные участки, главным образом в Италии, и тем самым укрепили сословие италийского крестьянства<sup>978</sup>. Насколько можно судить по дошедшим источникам, надел ветерана

<sup>972</sup> См.: Заборовский Я. Ю. К вопросу о достоверности цензовых списков II в. до н. э. // ВДИ. 1962. № 2. Генри Борен в ст. Livius Drusus tribunus plebis 122 and his anti-Gracchan Program (Classical Journal. 1956. Vol. 52. No. 1. P. 27–36) подчеркивает, что и противники Гракхов уделяли большое внимание наделению крестьян землей.

<sup>973</sup> См. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике, М., 1964. С. 7–8; Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo... P. 252–259.

<sup>974</sup> Sall. Jug. 73: denique plebes sic adensa uti opifices agrestesque omnes, quorum res fidesque in manibus sitae erant, relictis operibus frequentarent... Таким образом, появление в городе крестьян сразу же меняло соотношение сил разных политических группировок.

<sup>975</sup> См.: Нечай Ф. М. Рим и италики... С. 143–170.

<sup>976</sup> Cic. Ad Fam. XI. 8. 2; XII. 8. 1; Caes. B.C. III. 12, 1, 7, 12, 14, 15, 16, 18, 24, 30 и др.; App. B.C. III. 12, 31, 35, 39, 40, 42, 66, 69, 76, 87, 96, 97; а также повсюду в IV–V книгах. Это хорошо показано Р. А. Брунт (Brunt P. A. The Army and the Land in the Roman Revolution // The Journal of Roman Studies. 1962. Vol. 52. No. 1–2. P. 69–86). Подробнее о проблемах комплектования римской армии в первой половине I в. до н. э. см.: Harmand I. L'armee et le soldat á Rome de 107 a 50 av. notre ere. Paris, 1967. P. 245–258.

<sup>977</sup> Mihaescu H. Economia agricola la Varro // Studi si cercetari de istorie. 1953. Vol. IV. No. 3–4. P. 525–533; App. B.C. I. 9 (изложение речи Гракха). Cic. De leg. agr. II. 30. 84; Sall. Jug. II. 2–5. Но особенно хорошо у поэтов: Verg. Georg. II. 458–474. 513–532; Tibul. I. 1. 1–49; 10. 40–52; II. 5. 81–105; Prop. II. 19. 1–26; Hor. Ep. 2; Saf. II. 112–136.

<sup>978</sup> Rostovzev M. Op. cit. P. 37; Frank T. An Economic Survey... Vol. 1. P. 314–322; Dohr H. Die italischen Gutshöfe. S. 27. О взаимоотношении ветеранского и крупного землевладения в конце республики



в Италии, как правило, не превышал обычные крестьянские участки, колеблясь от 10 до 30 юг.<sup>979</sup>, а сам ветеран принимал непосредственное участие в его обработке<sup>980</sup>. Императоры династии Юлиев — Клавдиев, хотя и в меньшем размере, но продолжали проводить политику военной колонизации, выводя колонии и в районы северной и южной Италии<sup>981</sup>.

Приведем другие данные, говорящие о наличии свободного или зависимого крестьянства. Во II—I в. до н. э. и в I в. н. э. мелкое производство занимало заметное место<sup>982</sup>. В одном из наиболее рабовладельческих районов Италии, Кампании, в 60–50-х годах находилось несколько десятков тысяч крестьян, наделенных землей<sup>983</sup>.

Саллюстий говорит о том, что армия Спартака, оказавшаяся в Лукании, встретила многих земледельцев, работающих на полях и имеющих свои собственные дома, где жили их семьи<sup>984</sup>. Аппиан сообщает о присоединении к спартаковцам, действующим в Кампании, «свободных с полей» (I. 116). А. В. Мишулин, конечно, сильно преувеличил число свободных римских крестьян в армии Спартака, и вряд ли возможно принять его концепцию социального состава спартаковцев<sup>985</sup>, тем не менее, и указания Саллюстия и отрывок из Аппиана указывают, что Спартак проходил по районам, населенным крестьянами<sup>986</sup>.

Е. М. Штаерман приходит к довольно обоснованному выводу о том, что движение Катилины в районе Фезул и возможно даже Апулии и Лукании опиралось, прежде всего, на массу сельского плебса, который, правда, находился к тяжелому положению, но тем не менее существовал<sup>987</sup>. В произведениях Саллюстия нарисован традиционный образ римского крестьянина, страдающего от притеснений богатого соседа, образ, при создании которого, видимо, были использованы как литературные,

см.: *Tibiletti G.* Lo sviluppo del latifondo... P. 281 и след. Полный перечень колоний ветеранов, основанных со времени Суллы, приводится в ст.: *Brunt P. A.* Op. cit. P. 80.

<sup>979</sup> *Skydsgaard I. E.* Den romerske Villa rustica. 1961. P. 85–87. В этой работе сравниваются участки римских колонистов и ветеранов. По мнению автора, Август раздавал ветеранам по 8–10 юг. земли. См. также: *Frank T.* An Econ. Surv... Vol. V. P. 4.

<sup>980</sup> Как, например, это делал трибун Гай Кастриций Кальв (CIL. XI. 600), хотя ему помогали и рабы. Простые же солдаты тем более трудились на участке. Как, например, это делал трибун Гай Кастриций Кальв (CIL. XI. 600), хотя ему помогали и рабы. Простые же солдаты тем более трудились на участке.

<sup>981</sup> *Frank T.* An Econ. Surv... Vol. V. P. 30–32; Tac. Ann. I. 28; II. 13; XIII. 31; XIV. 27; Hist. IV. 46; Suet. Nero. 9.

<sup>982</sup> См.: *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 161–173; *Chilver.* Cisalpin Gaul. Social and Economic History from 49 b. c. to the Death of Traian. Oxf., P. 146–150; *Frank T.* An Econ. History... P. 433. О процветании северной Италии в начале I в. н. э. хорошо говорит Страбон (Strab. V. 1. 12).

<sup>983</sup> Suet. Jul. 20; Aug. 4; Cic. De leg. agr. II. 78.

<sup>984</sup> Sall. Hist. fr. 11d.

<sup>985</sup> См.: *Мишулин А. В.* Спартаковское восстание. М., 1936. С. 125. Концепция Мишулина подвергнута критике в ст.: *Мотус-Беккер А. А.* Из истории восстания Спартака // Уч. зап. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1948. Т. 68. С. 55–78; *Ратнер А. В.* К вопросу о разногласиях в армии Спартака // Уч. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 1948. Т. 3. Вып. 1.

<sup>986</sup> Ср.: *Burian J.* Ελευτεροι εκ των αγρων povstani Spartacovo // Listy filologické. 1957. LXXX. 2. P. 197–203. В отличие от А. В. Мишулина, Ян Буриан склонен думать, что «свободные с полей» Аппиана не итальянские крестьяне, владевшие наделами, а деклассированные наемные сельскохозяйственные рабочие. Как бы то ни было — это был сельский плебс, живший, очевидно, в деревнях (vici). Трудно согласиться с Я. Бурианом, если он думает, что они только батрачили. Более вероятна точка зрения Бранта на них как владельцев столь малых наделов, что они были вынуждены подрабатывать в соседних поместьях (см. *Brunt P. A.* Op. cit. P. 71–72).

<sup>987</sup> *Штаерман Е. М.* Расцвет... С. 228–230; Cic. Cat. II. 5–6; Sall. Cat. 27–30.

так и исторические краски<sup>988</sup>. В трактате Варрона говорится в общей форме о том, что земли могут быть обработаны не только рабами, но и свободными, причем совершенно определенно под последними он понимает бедняков—крестьян, обрабатывающих со своим потомством собственные участки<sup>989</sup>. Наконец, появление поэмы о сельском хозяйстве Вергилия, адресованной, прежде всего, к мелким землевладельцам, вряд ли было бы понятным, если бы это сословие не имело большого значения в общественной жизни Италии 40–30-х годов до н. э. Август был серьезно обеспокоен наплывом в город сельского плебса и пытался его несколько ограничить<sup>990</sup>.

В отличие от рабовладельцев, собственников поместий и проживавших в своих виллах — хозяйственных и административных центрах имений, крестьянство проживало, очевидно, в сельских поселениях — деревнях, которые римские писатели обычно называют *vicus*<sup>991</sup>. Наряду со свободными крестьянами в подобных викус, очевидно, жили и арендаторы, т.е. те же мелкие производители. Следовательно, указание в источниках на викус свидетельствует о крестьянском населении.

Для Варрона соседство имений и деревень не только обычный факт, но и имеет важное значение, так как позволяет организовать хозяйство самым выгодным образом<sup>992</sup>. Веспасиан родился в небольшой деревушке (*vico modico*) близ Peate (Suet. *Vesp.* 2). О селениях около Рима (Suet. *Nero.* 5) в эпоху Калигулы упоминает Светоний. О селах марсов в начале I в. н. э. упоминает Тацит (Ann. I. 50). Согласно Страбону, в северной Этрурии некоторая часть населения проживает в деревнях (Strab. V. 1. 11). В Лигурии большая часть жителей живет в селениях (Strab. V. 2. 1).

Справедливость слов древнего географа прекрасно подтверждается сведениями Велейской таблицы. Затерянная в Апеннинских горах вдалеке от сухопутных дорог, рек и моря, Велейя была медвежьим углом северной Италии, где, естественно, пережитки старых отношений и традиционное деление населения по округам — пагам и селам — деревням были довольно устойчивы. Так, к моменту составления таблицы (начало II в. н. э.) велейская территория представляла собой сочетание многих рабовладельческих имений, исконных административных округов — пагов и их более мелких подразделений — деревень — викус с местным крестьянским населением. Особенно подробно прослеживается деление на территориальные округа — паги в соседних городских общинах Велейи и Плаценции<sup>993</sup>. Насколько известно по Таблице территория всей велейской общины подразделялась на 15 пагов: альбензий-

<sup>988</sup> Sall. *Jug.* 41. 78: «Народ был обременен военной службой и нуждой, военную добычу расхищали военачальники с немногими приближенными. Между тем родители солдат и их малолетние дети изгонялись со своих земельных участков, если оказывались соседями могущественного человека».

<sup>989</sup> Varr. I. 17. 2: *omnes agri coluntur hominibus servis aut liberis aut utrisque: liberis aut cum ipsi colunt ut plerique pauperculi cum sua progenie.*

<sup>990</sup> Suet. *Aug.* 42; *Res gestae divi Augusti* 3. 15. 16. 28. Август проводил самую энергичную политику вывода ветеранов, а также мелкоземельного плебса в колонии (*Rostovzev M.* *Op. cit.* P. 33–35; См. также: *Heitland W.* *Op. cit.* P. 200–201; *Frank T.* *An Economic Survey...* Vol. V. P. 2–4).

<sup>991</sup> Как выглядела италийская *vicus* и чем отличалась, например, от поселений германцев, хорошо говорит Тацит: *Germ.* 16 *nullas Germanorum populis urbis habitari, satis notum est; ne pati quidem inter se iunctis sedes. Colunt discreti ac diversi, ut campus, ut nemus placuit. Vicos locant non in nostrum morem connexis et coherentibus aedificiis, quam suam quisque domum spatio circumdat sive adversus usus ignis remedium sive inscitia aedificandi.*

<sup>992</sup> Varr. I. 17. 4; I. 16. 3: *item si ea oppida aut vici in vicinia... unde non care emere possis quae opus sunt in fundum guibus quae supersunt venire possint... fructuosior fit fundus.*

<sup>993</sup> Более подробно о пагах и распределении в них упомянутых в таблице земельных участков и поместий см.: *De Pachter.* *La table hypothecaire de Veleia. Etude sur la propriété foncière dans l'Appennine de Plaisance.* Paris, Ch. III. P. 24–44.

ский (Albensis), домициев (Domitius), амбитрибийский (Ambitrebius), багиенский (Bagiennus), дианов (Dianius), флорейский (Frogeius), юниониев (Junonius), луратский (Luras), медутиев (Meditius), сальвийский (Salvius), салютарский (Salutaris), статиеллиев (Statiellius), сульский (Sulcus), велийский (Veleius) и валериев (Valerius)<sup>994</sup>. Территория Плаценции делилась на еще большее число пагов — на семнадцать. Территория пагов объединяла многочисленное сельское свободное или полузависимое население, а также рабовладельческие имения с его рабскими контингентами.

Несколько меньше (по сравнению с данными о пагах) сведений о деревнях — викус на территории Велейи, да это и понятно, если принять во внимание характер исследуемой таблицы. Ведь в ней были зафиксированы в большинстве случаев имения — *fundi praedia*, принадлежащие не крестьянам, а рабовладельцам-землевладельцам, которые хотя, так же как и крестьяне, являлись жителями пагов, однако, в отличие от последних, исключались из деревень. Вот почему названия пагов фигурируют в надписи очень часто, в то время как деревни лишь эпизодически. Однако некоторые названия деревень все-таки упоминаются, хотя эти упоминания никак не исчерпывают всех или даже большей части деревень велейской общины. Перечислим встречающиеся упоминания деревень: в альбензийском паге названы деревни Блонделия (CIL. IX. 1147; I. 75, 77, 79, 81, 84, 85, 86, 89; IV. 23), Лубелий (VI. 50), Сецения (I. 67, 69, 70, 72 — дважды, IV. 23); в багинском паге деревни Юанелий (I. 42) и Нителлий (I. 44), в домициевом паге деревня Катурниак (II. 93), в амбитребиевом паге деревня Флания (II. 56), в сальвиевом паге деревня Ирвак (VI. 14), в велийском паге деревня Уккия (VI. 20). По предположению Е. Бормана, упомянутые в таблице (VI. 66) названия Барга, Берузетис, Бойелис, Баратиола, Лавелус, Лес, Меттия, Попе, Тарбония, Тигуллия (CIL. XI. 1147. VI. 66–70) являются также деревнями, причем, судя по названиям, восходящие к доримским временам. Видимо, на территории каждого пага существовало множество деревень и слова Страбона о том, что «жители живут там по деревням» столь же верны для начала I в. н. э., как и для начала II в. н. э.<sup>995</sup> О поселениях-деревнях Сабинии Страбон говорит несколько раз, что, видимо, позволяет думать об их известной распространенности в этой области (Strab. V. 2. 1). О селениях в Минтурнах, Фрегеллах и вдоль Латинской дороги сообщается в других местах «Географии» Страбона (Strab. V. 3. 6. 9. 10). Большая часть местных племен — марсов, пелингов, марукинов, френтанов, по словам Страбона, живут в деревнях (Strab. I. 4. 2), так же как, видимо, гирпины и левканы (Strab. V. 4. 13).

Одной из самых рабовладельческих областей Италии была, бесспорно, Кампания. Тот же Страбон пишет о том, что прибрежная ее часть почти сплошь застроена виллами римских рабовладельцев. Однако внутренняя часть Кампании имела много мелких селений, состав населения которых, конечно, отличался от рабовладельческих вилл побережья (Strab. V. 4. 11). Несколько южнее Кампании на Тирренском склоне проживает небольшое племя пикентов, которые обитали опять-таки в небольших селениях (Strab. I. 4. 13). О поселениях сельского типа во внутренней Лукании сообщается и в других местах «Географии» (Strab. VI. 1. 2–3).

Деление общинной территории на паги было обычным явлением и для многих других областей Италии. Так, например, в Беневенте, по данным таблицы Лигуров Бэбианов, общинная территория Беневенте подразделялась на 19 пагов. В надписи

<sup>994</sup> *De Pachtere*. Op. cit. P. 30 составил прекрасную карту-схему велейских пагов.

<sup>995</sup> Весьма обстоятельный анализ генезиса *pagus* и *vicus* от родовых поселений к территориальным поселкам и их организации дан в книге: *Sereni E. Comunità rurale nell'Italia antica*. Roma, 1955. Cap. 12 и 13. P. 329–440.

ни разу не упомянута деревня — викус, однако это обстоятельство вряд ли говорит о полном отсутствии деревень в данном районе.

Насколько обычным было соседство рабовладельческих имений и крестьянских деревень, показывает следующий отрывок из письма Плиния Младшего: «Дрова в изобилии поставляют ближайшие леса, все остальное привозится из Остии. Человека скромного, впрочем, удовлетворит и деревня (*vicus*), от которой меня отделяет одна усадьба. В деревне есть три общественные бани — большое удобство на случай внезапного приезда или очень краткого пребывания, когда домашнюю баню топить не стоит. Усадьбы, идущие то непрерывным рядом, то одинокие, украшают берег, приятно его разнообразя: с моря, да и с самого берега кажется, что перед тобой множество городов» (Plin. Ep. II. 17. 26–27)<sup>996</sup>. Если в таких районах Италии, как окрестности Рима и Кампании, наиболее удобные для существования рабовладельческих вилл, нередко упоминаются селения, жители которых были мелкие производители, то внутренние области, скорее всего, имели еще больше крестьянского населения, живущего в деревнях<sup>997</sup>.

Немногие примеры о существовании крестьянства в Италии II в. до н. э. — I в. н. э., т. е. населения, которое возделывало небольшой участок земли главным образом силами собственной семьи, отнюдь не претендуют на детальное исследование этой интересной проблемы. Тщательный сбор и обработка немногочисленных данных по этому вопросу — задача не одной работы<sup>998</sup>. Приведенные примеры имеют своей целью лишь поставить эту важную проблему, обратить внимание специалистов на то, что при анализе сельского хозяйства и аграрных отношений II в. до н. э. — I в. н. э. нельзя сбрасывать со счетов крестьянское хозяйство и его судьбы. Следует обратить внимание и подчеркнуть важность хозяйственных взаимоотношений рабовладельческой виллы и крестьянского двора и тем самым полнее отразить реальное содержание италийской действительности<sup>999</sup>.

Наряду со свободными римскими крестьянами — собственниками земли в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. существовал слой свободных и полузависимых земледельцев, лишенных собственной земли или имевших ее в малом количестве и потому арендовавших ее у землевладельцев небольшими участками. Несмотря на некоторые различия, хозяйство арендаторов по своей организации мало отличалось от хозяйств собственников крестьян и в целом представляло единый экономический тип.

<sup>996</sup> Для Колумеллы колон-арендатор столь же обычный работник, как и раб. Колоны в течение нескольких поколений живут в одном и том же имении и уже попали в зависимость от землевладельца (Col. I. 7. 3, а также I. 6. 2. 1). Много арендаторов обрабатывали поля и виноградники Плиния Младшего (Plin. Ep. III. 19. 5; V. 14. 8; VIII. 2. 1. 16; IX. 15. 1. 16; 36. 6; 36. 2–4; X. 8. 6). Где жили эти колонны, теоретически свободные люди? На виллах Плиния, в соседних городах? Конечно нет, иначе какой смысл называть их сельчанами, деревенским людом (*rustici*). Они, конечно, жили в соседних деревнях — *vici*.

<sup>997</sup> Dohr H. Op. cit. S. 74–75.

<sup>998</sup> Е. М. Штаерман приводит надписи сельских жителей из различных пагов Италии, что косвенным образом говорит о значении крестьянского населения Италии в I–II вв. н. э. (Штаерман Е. М. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971. С. 59–60).

<sup>999</sup> В данной статье не ставится вопрос о внутренней эволюции крестьянства; бесспорно италийское крестьянство II в. до н. э. — I в. н. э. различалось по своей внутренней структуре, экономическому и социальному положению; существенно изменилась за это время и общая хозяйственная ситуация. Также остается в стороне такая важная проблема, как различие юридического статуса разных категорий крестьян, различных разрядов земель (см. например: Nicolet C. Op. cit. P. 94–95) и их влияние на положение крестьянского хозяйства (Toutain J. Op. cit. P. 272–274).

В современной литературе, к сожалению, мало привлекает внимание такая важная проблема аграрных отношений Италии II в. до н. э. — I в. н. э., как арендные отношения и роль арендаторов. Основное внимание специалистов сосредоточено на изучении различных сторон рабовладельческих вилл, некоторое внимание уделяется судьбам свободного крестьянства, а арендным отношениям и того меньше. Е. М. Штаерман собрала интересный материал, который показывает, что арендаторы, клиенты и колонны составляли известную прослойку в италийской деревне II–I вв. до н. э.<sup>1000</sup> В эпоху I в. н. э. роль арендаторов в Италии возросла по сравнению с предшествующим столетием<sup>1001</sup>. В имениях Колумеллы и Плиния Младшего арендаторы становятся обычными фигурами и сидят на своих участках уже не один десяток лет<sup>1002</sup>. Не вдаваясь в обсуждение сложного вопроса о причинах увеличения роли арендаторов, следует обратить внимание, что разорение свободного крестьянства и его численное сокращение в I в. н. э. до известной степени компенсировалось ростом прослойки арендаторов, так что мелкое производство в италийской деревне продолжало удерживать довольно прочные позиции.

\* \* \*

Определенный интерес представляет вопрос о величине участков мелкого производителя во II–I вв. до н. э. Принимая во внимание характер наших источников, невозможно решить этот вопрос окончательно, но можно установить хотя бы приблизительно минимальные и максимальные границы, в пределах которых колебались наиболее вероятные величины участков.

Некоторое представление о размерах крестьянских участков могут дать сведения о величине наделов римских колонистов. Наделы римских колонистов вплоть до II в. до н. э. были небольшими, начиная от 2 юг. и не превышали 7 юг. (1 югер равен 0,25 гектара). Во II в. до н. э. эти нормы повышаются: вот некоторые примеры о размерах земельных участков римских колонистов во II в. до н. э. Ветеранам Публия Корнелия Сципиона в 200 г. до н. э. нарезали участки по 2 юг. (Liv. 31. 49. 5), колонистам Копия (бывшие Фурии) давали: пехотинцам — 20 юг., всадникам — 40 юг., в Вибо-Валенции же пехотинцам — 15 юг., всадникам — 30 юг. (35. 40. 5–6), в Боннии же соответственно пехотинцам — по 50 юг., всадникам — по 140, центурионам — по 100 юг., (189 г., Liv. 37. 57. 7–8), колонистам в Потенции и Пизауре (в Пицене) в 184 г. — по 6 юг. (Liv. 39. 44. 10), колонистам Мутины и Пармы в 193 г. — по 5 и 8 юг. соответственно (Liv. 39. 55. 5–9), поселенцам Сатурнии (183 г.) — по 10 юг. (Liv. там же), колонистам Грависок — по 5 юг. (181 г., Liv. 40. 29. 1–2); самые большие наделы получили в том же году поселенцы в Аквилее: пехотинцы по 50 юг., центурионы по 100, а всадники по 140 юг. (Liv. 40. 34. 2–4 и 43. IV. 1), колонистам в Луне по 51,5 юг. (177 г., Liv. 41. 13. 4–5).

Земельный надел в колониях паданской долины составлял для римских граждан 10 юг., а для союзников — 3 юг. По предположению Т. Франка, поселенцы 9 морских колоний юга получили обычную норму надела, которую он определяет в 15–20 юг.<sup>1003</sup>

<sup>1000</sup>См.: Штаерман Е. М. Расцвет... С. 68–78.

<sup>1001</sup>См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 148; Heitland W. Op. cit. P. 201 и след.; Toutain J. Op. cit. P. 275–278; Sirago V. Op. cit. P. 150–186; Frank T. Econ. Surv... Vol. V. P. 431–433; Луццатто Д. Указ. соч. С. 106–109.

<sup>1002</sup>См.: Луццатто Д. Указ. соч. С. 107–108; Сергеевко М. Е. К истории колонатных отношений // ВИ. 1949. № 2; Кузицин В. И. Хозяйство Плиния Младшего // ВДИ. 1962. № 2.

<sup>1003</sup>Frank T. An Econ. Surv... Vol. I. P. 122–124.

Гракхи наделяли своих колонистов, скорее всего, участками по 30 юг.<sup>1004</sup>. Отпущенники, владевшие 30 тыс. сестерций имущества, что приравнивается к 30 юг. земли, по предложению отца Гракха, записывались в сельские трибы<sup>1005</sup>. Т. Моммзен рассматривал участок в 20 юг. в качестве полного земельного надела римского гражданина, способного прокормить семью и содержать тяжеловооруженного легионера<sup>1006</sup>. В то же время Ф. М. Нечай повышает эту норму до 32 юг.<sup>1007</sup>. Гай Марий раздавал своим ветеранам земельные участки по 14 юг., считая их вполне достаточными для пропитания семьи<sup>1008</sup>. В 60-х годах I в. до н. э. Сервилий Рулл предлагал наделить римский плебс участками, правда, плодородной кампанской земли по 10–12 юг.<sup>1009</sup>. В общей же форме писатели конца Республики говорят о сельских плебейх как о владельцах маленьких участков, страдающих от притеснений богатых соседей<sup>1010</sup>.

Заслуживают большого внимания данные об аграрном законе, предложенном и проведенном Юлием Цезарем в 59 г. до н. э. Как известно, этот закон предусматривал наделение участками в 10 юг., в плодородной Кампании римских граждан — отцов трех детей, т.е. семьи, состоящей не менее чем из 5 человек. Законодатель, видимо, исходил из представления, что участок в 10 юг. был достаточным для того, чтобы обеспечить содержание крестьянской семьи в 5 человек<sup>1011</sup>.

Гораций, описывая жизнь Мены Волтея в деревне, определяет стоимость его земельного участка в 14 тыс. сестерций, что соответствует 14 юг. (Нор. Ер. I. 7. 80–95).

На мраморном обломке плана римской колонии в Араузионе (Нарбонская Галлия), основанной по правилам римского земельного искусства в 35 г. до н. э.<sup>1012</sup>, можно прочесть имена некоторых владельцев и величину их участков: так Варий Калидий имел 20 юг.; Апулей Пегула — 42 юг., а Валерий Секунд — всего 4 юг. (CIL. I. 1244).

Исследование размеров земельных участков в Араузионе, проведенное А. Пиганьолем, привело его к выводу о том, что средние размеры первоначальных участков, очевидно, были близки к 30 юг., вернее составляли 33,5 юг. или 66 2/3 юг. (1/6 или 1/3 центурии). Правда, нужно принять во внимание, что ветеранские участки, к тому же во внеиталийских колониях, были, как правило, несколько большими, чем в Италии<sup>1013</sup>. Триумвиры раздавали своим ветеранам в тревожные годы гражданской войны земельные участки в 50 юг.<sup>1014</sup>. Однако Август после своей победы уже распределял более скромные наделы в 8–10 юг.<sup>1015</sup>

<sup>1004</sup> Вопрос о величине наделов, утвержденных по закону Семпрония, не совсем ясен (См.: Нечай Ф. М. Указ. соч. С. 177. Прим. 158 со ссылками на литературу: Nicolet C. Op. cit. P. 105).

<sup>1005</sup> См. Штаерман Е. М. Расцвет... С. 91, со ссылкой на: Liv. 44. 45 и Cic. De orat. I. 9.

<sup>1006</sup> См. Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. I. С. 175–177.

<sup>1007</sup> См. Нечай Ф. М. Указ. соч. С. 58. Видимо, здесь вкралась опечатка, и речь идет о 30 юг.

<sup>1008</sup> Plut. Grass. 7. Особенно интересны слова: 14 юг. вполне достаточны для пропитания семьи. Видимо, они принадлежат Марию. Правда, Апулей Сатурнин предлагал наделить ветеранов Мария, поселенных вне Италии, более солидными участками в 100 юг. (Aug. Vict. De vir. ill. 73).

<sup>1009</sup> Cic. De leg. agr. II. 28. 78: по 10 юг. в Кампанской области, скорее всего в районе Капуи, и по 12 юг. (II. 31. 85) в Стеллатской области.

<sup>1010</sup> Sall. Jug. 41. 7–8; Cic. De leg. agr. II. 30. 84; Varr. R.r. I. 17. 2; Verg. Ecl. II. 27; Georg. II. 458–474; Tibul. II. 5. 81–105; I. 1. 1–49; Hor. Carm. II. 18. 25–28; Apul. Metam. IX. 35–37; Hor. Sat. II. 3. 112–136; Hor. Carm. II. 18. 25–28; Apul. IX. 35–37.

<sup>1011</sup> Cic. Ad Att. 2. 16. 1; Liv. 103; Suet. Jul. 20.

<sup>1012</sup> Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange // XVI-e Supplement a «Gallia». Paris, 1962. P. 31–32. Пиганьоль считает эту дату лишь вероятной, возможна и более ранняя датировка 46–45 гг. до н. э.

<sup>1013</sup> Piganiol A. Op. cit. P. 56.

<sup>1014</sup> Piganiol A. Op. cit. P. 56.

<sup>1015</sup> Frank T. An Econ. Surv... Vol. V. P. 4.

И. Бредфорд в 1947–1949 гг. проводил аэрофотосъемку и небольшие археологические изыскания в Апулии, в частности в районе городов Луцерии, Орта Нова, Чернивола. Согласно его данным, в этих районах обширные пространства были разделены на центурии и внутри них на более мелкие участки, которые обычно давались римским колонистам. Найденная здесь керамика указывает на II в. до н. э., когда нормы наделов колонистов известны и были приведены выше. Произведенные им измерения выявленных границ виноградников, в частности по вырубкам в скале, дали следующие результаты: подавляющее большинство виноградников имеет размеры  $200 \times 300$  ярдов ( $182 \times 273$  м), т.е. около 4,8 га, а очень многие — еще меньшие размеры<sup>1016</sup>.

Вергилий говорит об одном старике, который имел только несколько югеров малоплодородной земли в тарантской области (Georg. IV. 125–140). Домиций Агенобарб, находящийся в затруднительных обстоятельствах и заинтересованный в преданности своих солдат, обещает каждому по 4 юг. Земли<sup>1017</sup>. Видимо, это обещание считалось достаточно щедрым, а предложенный участок не столь уж мизерным, во всяком случае, достаточным, чтобы расценить предложение Домиция как заманчивое. В районе крупных городов земельные участки могли быть совсем небольшие и надписи называют их огородами (hortuli). Есть данные о таких огородах в районе Рима (CIL. VI. 33840. Д. 7455a), Пренесте (Д 8376), ПUTEОЛ (CIL. X. 3159)<sup>1018</sup>.

Приведенные выше данные, несмотря на их отрывочность и случайность, тем не менее позволяют наметить некоторые выводы. Они показывают, что участки крестьян, т.е. сельских жителей, обрабатывающих землю силами своей семьи, колебались в пределах от нескольких до 30 юг. Наиболее распространенным и чаще всего упоминаемым в источниках участком римского свободного крестьянина-собственника был надел в 10–20 юг. Такой участок рассматривался как вполне достаточный для обеспечения основных нужд сельской семьи в 5 человек. Как показывают приведенные данные, существовали и семьи, владевшие участками от нескольких до 10 юг. Такие семьи, видимо, испытывали материальные затруднения и принадлежали к самым обездоленным слоям римского свободного крестьянства. У нас нет причин разделять сомнения некоторых исследователей, отвергающих возможность существования таких семей на том основании, что, по их мнению, с такого надела нельзя прокормить семью<sup>1019</sup>. Факты говорят о другом<sup>1020</sup>. Можно говорить и о таких крестьянских семьях, которые владели наделом порядка 20–30 юг. Подобные семьи могли не только удовлетворять свои нужды за счет получаемого дохода, но и располагали излишками сельскохозяйственной продукции, которую они могли реализовать на рынке или каким-либо иным способом. Собственники подобных наделов могли наладить крепкое хозяйство, обеспечивающее известный достаток его владельцу. По всей ве-

<sup>1016</sup>Bradford I. The Apulia Expedition. An Interiw // Report. Antiquity. 1950. Vol. XXIV. No. 94. P. 88–91.

<sup>1017</sup>Caes. B. C. I. 17: milibus in contione agros ex suis possessionibus pollicetur quaterna in singulos ingera et pro rata parte centurionibus evocatisque.

<sup>1018</sup>Sirago V. Op. cit. P. 130–132.

<sup>1019</sup>См.: Моммзен Т. История Рима... Т. I. С. 92; Вебер М. Аграрная история древнего мира... С. 283; Гревс И. М. Большое сельское поместье // ЖМНП. 1897. Сентябрь—Октябрь; Синайский В. И. Подушный надел в древнем Риме. Юрьев б. г.; Луццатто Д. Указ. соч. С. 48; Tibiletti G. Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi // Athenaeum. 1948. Vol. XXXVI.

<sup>1020</sup>Хотя исследователи, приурочивающие низкие надельные нормы (в 2 юг.) к одному лицу мужского пола, очевидно, правы. Можно напомнить и о точках зрения Яна Буриана и Бранта. Они считали возможным существование крестьянских семей даже безземельных и живущих за счет работы в соседних поместьях (Burian J. Op. cit. P. 197–203) или подрабатывающих в них при владении небольшим собственным участком (Brunt P. Op. cit. P. 71–72).

роятности, среди таких собственников было много бывших ветеранов, получивших землю после выхода в отставку. Эти семьи располагали денежными средствами, излишками сельскохозяйственной продукции, видимо, чаще, чем другие категории крестьянства, привлекая дополнительную рабскую силу, и могли создать устойчивое и крепкое хозяйство.

Во времена Империи, видимо, повышаются средние размеры участков, нарезаемых в колониях по сравнению с республиканским периодом. Так, Дион Хрисостом во времена Траяна в своей «Евбейской речи» сообщает, что средние размеры земельного участка гражданина Евбеи достигали 200 плетров (около 64 юг.). Римские землемеры считают нормальными участками колонистов I–II вв. в 1/3 центурии, т.е. около 66 2/3 юг.<sup>1021</sup>

Правда, следует принять во внимание то важное обстоятельство, что все эти данные имеют в виду колонии ветеранов, основанных в провинциях. А ветераны, вышедшие в отставку в I–II вв., имели некоторое состояние и, получая участки свыше 30 юг., в сущности говоря, пополняли не только ряды собственно мелких производителей, но и мелких рабовладельцев и относились к господствующему классу рабовладельцев.

К сожалению, в нашем распоряжении нет даже тех разрозненных данных, которыми мы располагаем о наделах римских крестьян-собственников, относительно размеров участков, арендуемых колонами или иными арендаторами на условиях долгосрочной аренды. Можно лишь высказать некоторые предположения на этот счет. По всей вероятности, размеры арендованных участков, если таковой являлся единственным источником существования семьи, не превышали размеров участков крестьян-собственников. Арендатор, как известно, не покупал землю, т.е. не затрачивал крупную (для мелкого собственника) денежную сумму, а арендовал землю, выплачивая в качестве арендной платы некоторую денежную сумму или часть урожая. Иначе говоря, он имел возможность арендовать не только мелкий, но и большой участок. Причем, по нашему мнению, чаще колон арендовал именно крупный участок порядка 20–30 юг. Ведь если крестьянин-собственник, располагающий всем урожаем, мог содержать свою семью на 10–20-югерном участке, то арендатор выплачивал арендную плату собственнику земли, на что уходила часть урожая, и для содержания своей семьи должен был обрабатывать более значительные, чем крестьяне-собственники, наделы.

Однако хотя арендаторы-колоны возделывали участки порядка 20–30 юг., по степени своего благосостояния они, по всей вероятности, относились не к зажиточной группе крестьянства, а к средней или даже низшей категории. Классификация римских крестьян на три категории, тем не менее, не меняет того важного положения, что все они образуют один класс римского общества, а их хозяйство при некоторых различиях является единым экономическим типом. Вместе с тем можно говорить об известной дифференциации италийского крестьянства, его довольно сложной внутренней структуре, а с другой стороны, — о его многочисленности и разнообразии связей с рабовладельческими хозяйствами и городскими центрами.

\* \* \*

Крестьянство, включая также клиентов и колонов, в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. в период наивысшего развития рабовладельческих хозяйств представляло собой

<sup>1021</sup> *Piganiol A.* Op. cit. P. 56.



многочисленный слой населения, а его роль в экономике Италии и в политической жизни была весьма велика и без ее учета невозможно правильно обрисовать общую экономическую ситуацию и главные направления политики. Взаимоотношения крестьянских дворов и рабовладельческих вилл были важным элементом хозяйственной жизни и, абстрагируясь от них, нельзя понять многие стороны экономики того же рабовладельческого поместья, в частности особенности его специализации, мобилизации рабочей силы и др.

Крестьяне составляли основное население в окрестностях многочисленных городов Италии, они часто заполняли его улицы и площади, храмы и рынки и без них нельзя представить себе полнокровную жизнь любого городского центра. Крестьянство оказывало определенное давление на политику как центрального правительства, так и ближайших муниципиев. Многочисленные законодательные акты римского сената, а впоследствии императоров, свидетельствуют об их интересе к нуждам мелкого производства. Правда, прямое участие крестьянства в политической жизни вряд ли было активным. Занятые нелегким трудом, живущие в условиях деревенской изоляции мелкие производители, как правило, были политически пассивны, за исключением некоторых исторических периодов (движение братьев Гракхов, Сатурнина, союзническая война), когда они бывали вовлечены в политические водовороты силой обстоятельств.

Кризис полисных учреждений, усложнение государственной жизни, да и сознательная деятельность римских политиков не могли не способствовать усилению политического индифферентизма италийского крестьянства. Но его роль в экономической жизни и классовых отношениях того времени была очень важной, а само крестьянство можно определить как один из основных классов римского рабовладельческого общества II в. до н. э. наряду с классом рабов и рабовладельцев.

### **Земельные владения Марка Порция Катона Старшего (Структура крупного землевладения в Италии во II в. до н. э. до реформ Гракхов)\***

Марк Порций Катон Старший (234–149 гг. до н. э.) был одним из крупнейших политических деятелей в Риме первой половины II в. до н. э. Он успешно прошел всю лестницу магистратур, был претором, консулом, цензором, управлял провинциями, неоднократно выполнял ответственные поручения римского сената, вплоть до самой смерти занимался активной государственной деятельностью, оказывал большое влияние на политическую жизнь. В начале II в. до н. э. Катон стал одним из лидеров довольно сильной группировки, которая успешно конкурировала на политической арене с «партией» Сципионов. Женив своего старшего сына на дочери знатного аристократа Эмилия Павла, Катон породнился с известным патрицианским родом<sup>1022</sup>. Несмотря на незнатность происхождения, Катон во вторую половину своей жизни

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1975. № 4. С. 41–59.

<sup>1022</sup> Литература о жизни и деятельности Катона велика, здесь упомянем *Della Corte F. Cato Censore, la vita e la fortuna.* Torino, 1949; *Marmorale E. V. Cato Maior.* Bari, 1949; *Kienast D. Cato der Zensor.* Heidelberg, 1954.

вращался в среде римской знати и усвоил многие привычки аристократии<sup>1023</sup>. Катон получил по наследству небольшое имущество, но в течение всей своей жизни он энергично увеличивал свое состояние и стал одним из римских магнатов. К 80-м гг. II в. до н. э. Катон располагал большим состоянием, занимал высокое социальное положение, был связан с самыми известными аристократами, иными словами, стал типичным представителем римского нобилитета того времени.

Катон был «новым человеком» (*homo novus*) среди римской аристократии, по своему происхождению он был выходцем из зажиточного муниципального дома. Его род происходил из старого латинского города Тускула<sup>1024</sup>, прадед его прославился тем, что потерял в сражениях пять коней и, значит, принадлежал к прослойке римских граждан, служивших в коннице<sup>1025</sup>, т.е. располагавших достатком. Отец Катона приобрел земельную собственность в Сабинии, и молодой Катон воспитывался здесь до поступления на военную службу (в 217 г. до н. э.). По смерти отца сабинское владение было унаследовано Катоном<sup>1026</sup>. В руках исследователя мало данных об этом имении, но можно думать, что оно было не крестьянским наделом<sup>1027</sup>, а рабовладельческим хозяйством. Согласно Плутарху, 17-летний Катон отправился на военную службу в сопровождении раба, выделенного отцом из его рабской фамилии. Рядом с владениями Катона находился участок Мания Курия Дентата<sup>1028</sup>, судя по описанию Плутарха, уступавший им по размерам. Катон, восхищаясь умеренностью Дентата, «обращал свой взор на собственный дом, поля, слуг, образ жизни и еще усердней трудился»<sup>1029</sup>. Плутарх упоминает о рабах, с которыми вместе Катон в молодости работал в поле<sup>1030</sup>.

Таким образом, земельная собственность Катона, полученная по наследству, представляла собой владение, превышавшее крестьянский участок и обрабатывавшееся рабами. По размерам оно, конечно, уступало владениям столь знатного соседа Катона, как Валерий Флакк<sup>1031</sup>, но превышало участок Мания Курия. В последующей традиции Катон считался образцом старого римлянина, мудрого, сурового, неподкупного, сдержанного в желаниях<sup>1032</sup>, но не изображался бедняком. Его имя не ставилось рядом с легендарными Цинциннатом, Серраном, Манием Курием, кото-

<sup>1023</sup>Плутарх противопоставляет первую половину жизни Катона, когда он был беден, экономен и скромен в своих привычках, и вторую, когда он разбогател, приобрел множество рабов, устраивал роскошные пиры и т.д. (*Plut. Cat. Mai.* 3–6. 21. 25).

<sup>1024</sup>*Corn. Nep. Cat.*; *Plut. Cat. Mai.* 1; Della Corte F. *Op. cit.* P. 3 (автор считает, что Катон родился в Тускуле и что его отец переехал в Сабинию, когда Катон был ребенком).

<sup>1025</sup>См. *Kienast D. Op. cit.* S. 33.

<sup>1026</sup>*Corn. Nep. Cat.* 1. M. Cato versatus est in Sabinis, quod ubi heredium a patre relictum habebat.

<sup>1027</sup>Плутарх определяет земельную собственность отца Катона как *τά χωρία πατρῶα*. Крестьянский участок обычного размера мог называться просто *τὸ χωρίον*. Терминология Плутарха подразумевает, следовательно, владение, в несколько раз превышающее крестьянские участки.

<sup>1028</sup>О жизни и политической деятельности Курия Дентата см. Forni G. *Manio Curio Dentato, uomo democratico // Athenaeum.* 1953. No. 31. P. 170–239.

<sup>1029</sup>*Plut. Cat. Mai.* 3, здесь владение Катона опять названо *τά χωρία*.

<sup>1030</sup>*Plut. Cat. Mai.* 3: ἐργασίμενος μετὰ τῶν οἰκετῶν. В § 3 рабы названы οἱ θεράποντες, возможно, здесь подразумеваются рабы, обслуживающие виллу, а не полевые работники.

<sup>1031</sup>Насколько можно судить по описанию Плутарха, Валерий Флакк был своего рода покровителем молодого Катона. Ср.: *Della Corte F. Op. cit.* P. 6.

<sup>1032</sup>Видимо, одним из первых авторов легенды о Катоне был Цицерон. Сам новый человек среди римской аристократии, он, как и Катон, создал себе собственными трудами и положение, и богатство. Об образе мудрого старца Катона см. трактат Цицерона «О старости». Ср.: *Della Corte F. Op. cit.* P. 101–108.

рые, согласно традиции, довольствовались крестьянскими участками, обрабатывали их собственными руками и были образцами добродетельной бедности.

Унаследовав от отца, видимо, лишь сабинское имение, Катон позже приобрел несколько других. «Он предпочитал, — рассказывает Плутарх (Cat. Mai. 4), — покупать такие участки земли, на которых можно сеять хлеб или пасти скот, а не те, которые придется подметать и поливать». Речь явно идет о поместьях, предназначенных для извлечения дохода посредством организации интенсивного хозяйства, а не для строительства летних резиденций.

К сожалению, сообщения Плутарха слишком общи и не могут ответить на вопрос о том, сколько и какие поместья купил Катон. Некоторые более конкретные сведения о характере поместий Катона и об их количестве можно получить из анализа катоновского трактата «О земледелии». В настоящее время большинство исследователей признают, что главным источником сочинения Катона был, прежде всего, личный опыт автора<sup>1033</sup>, в особенности опыт организации собственных поместий. Причем он излагает, так сказать, полный цикл такой организации, начиная с выбора места для покупки имения, советов, как делать первые древесные посадки, кончая скрупулезным описанием строительства и оборудования виллы. О собственном опыте, как главном источнике Катона, говорит и география его «Земледелия» — это главным образом Лациум, Сабиния и Кампания, очевидно, хорошо ему знакомые.

По нашему мнению, глубоко личный характер катоновского трактата позволяет не только определить характер катоновских поместий, но даже наметить некоторый порядок их приобретения<sup>1034</sup>.

Рассмотрим, например, главы 3–6. Судя по их смыслу (а он в данном контексте отражает, бесспорно, опыт самого Катона), хозяин купил земельное владение без древесных посадок и без здания виллы. Земля куплена в первой молодости, немедленно началась посадка деревьев и кустарников, а к строительству виллы владелец приступил с 36-летнего возраста, т.е. поскольку, как мы полагаем, речь идет о Катоне, — с 198 г. до н. э.<sup>1035</sup> Так как вновь разбитый виноградник начинает плодоносить через 3–5 лет, а оливковые деревья через 10 лет, предполагается, что между приобретением земли и началом капитального строительства виллы прошло около 6–7 лет. Иначе говоря, если это приурочить опять-таки к самому Катону, он где-то в 205–204 гг. до н. э. купил то самое поместье, об опыте организации которого рассказывает в главах 3–6.

Само по себе такое предположение весьма вероятно, оно соответствует и общей ситуации в Италии, и обстоятельствам жизни Катона. Катон находился в армии и принимал участие в войне с Ганнибалом с 217 г., в 214 г. он был избран военным трибуном, в 204 г. квестором<sup>1036</sup>. Бесспорно, участие в войне позволило Катону ско-

<sup>1033</sup> *Gummerus H.* Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. Lpz., 1906. S. 15–49; *Сергеенко М. Е.* Катон и его «Земледелие» // Катон. Земледелие. М.—Л., 1950. С. 87–123; *Thielscher P.* Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft. B., 1963. S. 16–18; *Mazzarino A.* Introduzione al “De Agricultura” di Catone. Roma, 1952; из последних работ: *White K. D.* Roman Farming. N.Y., 1970. P. 19–20; *Martin R.* Les recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales. P., 1971. P. 84–93; *White K. D.* Roman Agricultural Writers. Varro and his Predecessors // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. T. I. B.—N.Y., 1973. S. 447–457.

<sup>1034</sup> Однако есть и другие точки зрения, см. *Gummerus H.* Op. cit. S. 17–18, а также *Сергеенко М. Е.* Очерки по истории сельского хозяйства древней Италии. М.—Л., 1958. С. 3–4.

<sup>1035</sup> *Thielscher P.* Op. cit. S. 16.

<sup>1036</sup> *Della Corte F.* Op. cit. P. 6–10; *Marmorale E. V.* Op. cit. P. 41–42; *Kienast D.* Op. cit. S. 37–38.

пить известное количество денег и других средств из военной добычи и из других источников<sup>1037</sup>. Римское государство, нуждаясь в деньгах для организации флота и войск, пустило в продажу часть государственных земель на кампанском побережье (Liv. XXVIII. 46)<sup>1038</sup>. В связи с этим земля продавалась, видимо, на льготных условиях, а предприимчивый Катон — в числе других римских граждан — мог приобрести имение как раз в этой области.

После же окончания Ганнибаловой войны Катон, очевидно, приступил к капитальному строительству и устройству имения. Катон определенно указывает величину этого поместья — 120 югеров (около 30 га). Строительством помещений начинается, так сказать, с нулевой отметки. Поражает детальность катоновских советов, которые предполагают, прежде всего, собственное строительство. «Полагается иметь два хороших трапета — по одному на каждый пресс — разной величины, чтобы, если жернова в одном пооботрут, ты мог бы переставить их в другой, по ремённому канату на каждый пресс, рычагов 6, креплений 12..., два греческих блока, которые приводятся в движение двумя канатами из спарта: с верхними колесиками в 8 и нижними в 6 пальцев. Ты будешь работать быстрее с простыми колесами; с воротом работать медленнее, но легче» (3. 5 — пер. М. Е. Сергеевко).

Катон дает самые обстоятельные советы, как строить хлева для волов, каковы обязанности виллика, как нужно ухаживать за волами, овцами, какие участки и какой полевой культурой нужно заниматься. Иначе говоря, в главах 3–6 Катон дает наиболее обстоятельное описание, видимо, своего первого купленного поместья в 120 югеров, которое было им лично организовано и устроено и представляло собой хозяйство со всеми основными необходимыми отраслями, но которое называется масличным (*oletum*), потому что оливковая роща занимала большее место, чем другие культуры.

На наш взгляд, одно место этого описания, а именно б. 1, позволяет подтвердить предположение, что это имение было расположено в Кампании. Катон говорит: *idem ager si nebulosus est rapa, raphanos, milium, panicum, id maxime seri oportet* (б. 1).

По нашему мнению, и Катон, и Вергилий (*Georg. II. 217–225*), и Плиний (*N.H. XVII. 25*) имеют в виду одну и ту же почву: знаменитую кампанскую пуллу, которую трудно спутать с какой-либо другой почвой. Вергилий локализует ее еще точнее: в районе Капуи и около Везувия<sup>1039</sup>. Кстати, тот же Вергилий подчеркивает особую пригодность этой почвы для оливковых деревьев, что хорошо согласуется с описанием Катона.

После благоустройства кампанского имения Катон в течение 90-х годов II в. до н. э., видимо, прикупил несколько других имений, опыт организации которых он также отразил в трактате. Сразу же после подробной характеристики хозяйства в 120 югеров Катон переходит к рассмотрению особенностей пригородного поместья (*suburbanum*). Под этим термином автор понимает имение, расположенное в пригородах Рима, работающее на огромный римский рынок<sup>1040</sup>. Место расположения

<sup>1037</sup> Катону как военному трибуну, а затем и квестору следовала совершенно определенная, вполне законная доля из военной добычи. См.: *Frank T. ESAR. I. P. 147.*

<sup>1038</sup> Речь идет о «части Кампанской области, которая от Греческого канала обращена к морю» (пер. под ред. П. Адрианова).

<sup>1039</sup> *Verg. Georg. II. 224–225; talem dives arat Capua et vicina Vesaevo ora iugo et vacuis Clanius non aequos Aceris.*

<sup>1040</sup> Рим обычно называют просто *urbs*, поэтому название *suburbanum* означало имение под Римом. О расположении *fundus suburbanus* см. Сергеевко М. Е. Очерки... С. 150–160; Dohr H. Die italische

этого поместья и его размеры неизвестны, однако нет оснований считать его громадным: ярко выраженный интенсивный характер его хозяйства, тщательное возделывание каждого клочка земли, стремление извлечь выгоду из любой отрасли свидетельствуют о скромных его размерах. Судя по описанию (гл. 7–9), основными отраслями были специализированное виноградарство и оливководство, большая часть продукции которых шла не на приготовление масла или вина, а на продажу в свежем или сушеном (маринованном) виде на городском рынке. Часть имения, видимо, занимал фруктовый сад и огород, на вилле откармливался молочный скот, для которого содержали поливной луг, дающий много сена<sup>1041</sup>.

Место расположения пригородного имения Катона неизвестно. Вряд ли можно отождествлять описанное Катонем в гл. 7–9 пригородное поместье и полученное им по наследству имение в Сабинии, хотя некоторые основания для такого отождествления все же имеются: Плутарх, рассказывая о юношеских годах Катона, жившего тогда в отцовском имении, говорит, что «спозаранку он отправлялся на форум и вел там дела тех, кто испытывал в этом нужду» (Cat. Mai. 3). Однако вероятнее другое: все-таки сабинское поместье лежало вне пределов Лация, т.е. относительно далеко от Рима.

Налегке можно было довольно быстро покрыть это расстояние и в течение нескольких часов оказаться в Риме, но везти скоропортящиеся продукты — молоко или зелень — на малопоместительных повозках на такое расстояние было бы неприятным опасным. Гораций имел поместье на границах Лация и Сабинии (т.е. ближе, чем Катон), но его поместье не считалось пригородным<sup>1042</sup>. Не располагалось ли пригородное имение Катона где-нибудь в районе Тускула? Как сообщают Корнелий Непот и Плутарх, род Катона происходил из Тускула, а сам Катон родился как раз в этом городе, очевидно в родовом владении. Не исключено, что и сам Катон, разбогатев, приобрел некоторую земельную собственность в родном муниципии<sup>1043</sup>. Не намекает ли на Тускул упоминание о поливных лугах в местах, обильных водой (8. 1. 9)? Страбон определяет местность в этом районе как плодородную и обильную водой (V. 3. 12).

В 10-й главе Катон самым подробным образом перечисляет инвентарь масличного имения в 240 югеров. Здесь упомянуты прессы и трапеты, металлическая и керамическая посуда, мотыги, лопаты, грабли, садовые ножи, серпы, тара для хранения масла и вина, выжимок, хлеба; полный набор постельного белья и одежды для рабов. Хотя Катон называет имение оливковым садом, здесь было хлебное поле и виноградник<sup>1044</sup>. На вилле были ткацкий и валяльный станок, в имении паслись стада свиней и овец, за которыми ходили специальные свинопас и овчар. Ослы работали на мель-

Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros. Köln, 1965. S. 69–71; White K. D. Roman Farming... P. 393–394.

<sup>1041</sup> Хозяйство пригородного поместья описано в главах 7–9, П. Тильшер (Указ. соч. С. 7, а также С. 357 сл.) полагает, что о нем же речь идет и в 140-й главе.

<sup>1042</sup> Поместье Горация находилось близ селения Вариы, расположенного в 12–14 км от Тибура, а от Рима всего в 35–37 км. Об имении Горация см. Кузицин В. И. Рабовладельческое поместье... С. 169–172 со ссылками на литературу.

<sup>1043</sup> Цицерон (De Leg. II. 6) и Корнелий Непот (Cat. 1) говорят, что Катон родился в Тускуле. Видимо, отец его имел здесь какое-то владение, которое могло перейти к Катону по наследству. О связях Катона с Тускулом, где он занимался сельским хозяйством, см. Marmorale E. V. Op. cit. P. 32–36, а также Della Corte F. Op. cit. P. 3–4. Делла Корте обратил внимание на то, что Катон всячески прославлял историю Тускула в своих сочинениях (Указ. соч. С. 41–42).

<sup>1044</sup> См. Кузицин В. И. Рабовладельческое поместье... С. 71–72.

нице и перевозили грузы. В оливковом саду представлены таким образом многие отрасли, а сам сад представляется Катону отдельным обособленным хозяйством, мало связанным с другими.

Имение обеспечено полным штатом рабской силы, включая распорядителя-вилика и разных по специальности рабочих: разнорабочих, пахарей, погонщиков ослов, свинопасов и овчаров. Самое подробное перечисление инвентаря оливкового имения, включая малозначительные мелочи, объясняется, видимо, тем, что имение организуется заново, на пустом месте и его владельцу интересно знать все детали его устройства<sup>1045</sup>. Исследователи катоновского трактата полагают, что упомянутое в главе 10. 12–13 имение можно с известной долей вероятности локализовать где-то в районе Венафра, позже одним из крупнейших центров италийского маслиноводства<sup>1046</sup>.

В 11-й главе Катон перечисляет оборудование имения виноградарского направления величиной в 100 югеров (25 га). Сравнение инвентаря оливкового поместья и виноградника показывает, что описание последнего составлено Катонем менее тщательно. «Насколько продуман и строго целесообразен инвентарь маслинника, настолько произвольно и случайно подобран ряд вещей, входящих в инвентарь виноградника»<sup>1047</sup>. М. Е. Сергеенко полагает, что виноградарское имение было куплено Катонем спустя некоторое время после приобретения «оливкового сада» и глава 11 представляет собой не нормативный список необходимого инвентаря, а опись предметов, именно в этот момент оказавшихся в данном хозяйстве. Следовательно, этот виноградник был, видимо, приобретен незадолго до окончания трактата, а Катон, всецело поглощенный устройством своих масличных имений, еще не занялся вплотную устройством виноградных поместий<sup>1048</sup>. Возможно, культура виноградников была в Средней Италии известна римским землевладельцам лучше, чем маслиноводство, и не требовала столь же подробного описания. Как бы то ни было, по данным 11-й главы можно представить хозяйство виноградника. Виноградник снабжен необходимым штатом рабской силы во главе с виликом, что позволяет считать и его не частью какого-то огромного хозяйства, но отдельным обособленным имением<sup>1049</sup>. При ближайшем рассмотрении он тоже оказывается помещьем с другими отраслями хозяйства<sup>1050</sup>.

<sup>1045</sup> Любопытно сравнить характеристику масличного имения в 120 юг. (в главах 3–6) и имения такого же направления в 240 юг. Оба описания очень подробны, но при всей обстоятельности здесь нет повторений. В главе 10 Катон как бы конкретизирует и заполняет пробелы, которые имели место в гл. 3–6.

<sup>1046</sup> Венафр часто упоминается в катоновском трактате. См. гл. 136; 146. 1. *Гуммерус* (Указ. соч. С. 17–18) показал, что указанные Катонем расходы по доставке трапета из Суэссы или Помпей (Cat. 22. 3) предполагают конечный пункт прибытия где-то в Венафре.

<sup>1047</sup> *Сергеенко М. Е.* Очерки... С. 203. Прим. 15.

<sup>1048</sup> *Кузицин В. И.* О датировке катоновского «Земледелия» // ВДИ. 1966. № 2. Катон завершил свой трактат где-то в начале 80-х гг. II в. до н. э.

<sup>1049</sup> *Dohr H.* Op. cit. S. 46–52.

<sup>1050</sup> Среди рабского персонала виллы находим погонщика ослов, саликтария и свинопаса, что говорит о наличии ослов, стада свиней в несколько десятков голов, вспомогательных посадок ивняка, камыша и ситника. Среди инвентаря упомянуты ножи для обрезки лесных деревьев (*falces silvaticas* VI), ножи для обрезки плодовых деревьев (*falces arborarias* III), чан для вымачивания лупина (*labrum lupinagium*), 20 доливов для хлеба (т.е. столько же, сколько в маслиннике). Видимо, какая-то часть имения была занята лесом (несколько югеров? или деревья росли вдоль границы), росли плодовые деревья. Хлебного поля, судя по всему, не было; лупин, а может быть, и другие корма сеяли между рядами лоз (см. 33. 3). Откуда же брался столь необходимый для жителей виллы хлеб и для хране-

Кроме оливководческих поместий в 120 и 240 югеров и виноградарского имения в 100 югеров Катон подробно анализирует еще один тип хозяйства, которое не является конкретным владением, а неким идеальным типом, своего рода образцом наиболее рационального рабовладельческого предприятия того времени<sup>1051</sup>. Здесь нет необходимости описывать его особенности, это сделано нами в другом месте<sup>1052</sup>. Отметим только, что Катон оптимальным размером такого поместья считает 100 югеров, на которых предусмотрено размещение самых разнообразных культур и посадок, начиная от огорода и кончая лесом, что, как нельзя лучше, соответствует основным принципам организации и всех других поместий. К тому же такое имение в 100 югеров (25 га) мыслится как самостоятельная производственная единица<sup>1053</sup>.

Были ли в составе земельных владений Катона другие поместья? Присмотримся к главам 136–137 его трактата. Здесь речь идет об особом случае, а именно о взаимоотношениях землевладельца с издольщиком. Катон рекомендует в казинской и венафрской областях установить в качестве платы издольщика на плодородном поле 1/8 урожая, на среднем — 1/7, на плохом — 1/6, если делится урожай корзинами (видимо, вместе с остатками обмолота), а если делится полученное зерно, то принимается общая норма вне зависимости от качества поля — пятая часть для издольщика. Особо оговаривается случай об урожае па венафрском поле, видимо особо плодородном, так как доля партиария уменьшается до 1/9 урожая. Предусматривается также случай, когда хозяин и издольщик мелют зерно совместно и определяют соответствующие доли выплаты мельнику. Особым договором устанавливаются доли сбора ячменя и бобов (1/5 часть). Очень интересна 137-я глава. «Уход за виноградником сдается издольщику. Он должен хорошо смотреть за имением, виноградным садом, хлебным полем. Издольщик получает столько хлеба и кормов, чтобы их хватило для волов, которые там есть. Все остальное поровну»<sup>1054</sup>. В этих главах речь идет о другом типе поместья, отличающемся по принципам хозяйствования от описанных выше. Подразумевается имение (его площадь не определена) в казинской или венафрской областях, состоящее главным образом из виноградного сада-арбуста и хлебной нивы. Такое поместье либо полностью сдается в аренду на условиях полонинной аренды (т.е. из 50% дохода), либо сдается лишь жатва за значительно более низкую плату (от 1/9 до 1/5 в зависимости от величины урожая). Судя по условиям аренды, в первом случае поместье целиком занимал один арендатор, который, очевидно, обрабатывал его с помощью своей рабской фамилии<sup>1055</sup>, тогда как во втором случае речь идет о крестьянах, нанимавшихся к землевладельцу для того, чтобы подработать<sup>1056</sup>.

---

ния которого стояло 20 долиев? М. Е. Сергеевко полагает, что хлеб «хозяин получал с какого-то полевого участка» (Катон. Земледелие... С. 146. Прим. 2), т.е. участка, расположенного за пределами виноградника. Может быть, этот полевой участок примыкал к границам виноградника, но обрабатывался не рабами, а политорями или издольщиками, о которых речь идет в 136 и в 5. 4.

<sup>1051</sup> Cat. I. 7: praedium quod primum siet, si me rogabis sic dicam: de omnibus agris optimoque loco iugera agri centum...

<sup>1052</sup> Кузицин В. И. Рабовладельческое поместье... С. 65 сл.

<sup>1053</sup> Дор (Dohr H. Op. cit. S. 59) воспроизводит размещение отраслей на 100 югерах и пытается определить размеры участков под каждой культурой.

<sup>1054</sup> Cat. 137: vineam curandam partiario. Bene curet fundum, arbustum, agrum frumentarium. Partiario faenum et pabulum, quod bubus satis siet, qui illic sient. Cetera omnia pro indiviso.

<sup>1055</sup> Об этом прямо говорят Сазерна и Колумелла (Col. R.r. I. 7. 3). Это же подразумевается из самого текста Катона.

<sup>1056</sup> Сергеевко М. Е. Очерки... С. 16–17.

Можно ли допустить, что такое поместье входило в состав земельных владений Катона? По нашему предположению, вряд ли. Дело в том, что такая практика — особенно первый случай — не соответствовала духу трактата Катона — активная эксплуатация земли с помощью собственной рабской фамилии: именно здесь лежат основные цели Катона, именно на этом построены его принципы организации наиболее рациональных, с его точки зрения, рабовладельческих хозяйств<sup>1057</sup>. Вместе с тем Катон хорошо знал местные условия Венафра и Казина, где, скорее всего, лежали его оливководческое и виноградарское поместья, и, видимо, отразил бытовавшие здесь обычаи, которые он уже не применял в своих имениях, построенных на новых принципах жестокой прямой эксплуатации<sup>1058</sup>. Вместе с тем можно допустить, что хлебное поле, сдаваемое в аренду издольщикам, могло дополнять виноградарское поместье Катона в 100 югеров, которому, судя по описанию инвентаря в 11-й главе, действительно не хватает для полного удовлетворения как раз участка с зерновыми культурами<sup>1059</sup>. Однако, это весьма правдоподобное предположение М. Е. Сергеенко нуждается в дополнительных доказательствах.

По мнению Пауля Тильшера, описанные в главе 18 маслодавлильня с четырьмя прессами и трапетами, а в 145-й главе давильня с шестью прессами позволяют говорить о существовании еще двух поместий Катона оливководческого профиля дополнительно к прежним двум в 120 и 240 югеров, где соответственно предусмотрено 2 и 5 прессов<sup>1060</sup>. Однако вряд ли можно согласиться с этим соображением Тильшера. В 145-й главе речь идет об особом случае, когда необходимость может заставить работать на большем числе прессов, в то время как нормальная работа может проходить на 5 или 4 прессах. Подробное же описание давильни с 4 прессами, расположенными попарно друг против друга, вполне может быть вариантом того же самого поместья в 240 югеров. К тому же сомнительно, чтобы у одного собственника уже двух поместий оливководческого профиля было еще два таких же имения.

Упомянутые Катонем цифры земельной площади разных поместий, таким образом, следующие: идеальное поместье — в 100, виноградник — в 100, маслинник — в 120 и 240 югеров. Варрон, спустя полтора столетия, специально разбирая эти цифры, подверг критике расчеты Катона относительно нормы поместья в 240 югеров, поскольку, с точки зрения Варрона, этот размер площади не является единицей измерения (таковой является, по Варрону, центурия в 200 югеров)<sup>1061</sup>.

Однако критика Варрона несправедлива. Дело в том, что величина римской центурии не была столь жестко одинаковой для всех местностей Италии. Римские землемеры совершенно недвусмысленно упоминают наряду с центуриями в 200 югеров также центурии в 240 и 210 югеров<sup>1062</sup>. О популярности центурий в 210 и 240 югеров

<sup>1057</sup> Р. Мартэн (*Martin R. Les recherches...* P. 90–93) особенно подчеркивает этот деловой дух Катона. Ср.: *White K. D. Roman Agricultural Writers...* P. 456–458.

<sup>1058</sup> *Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo in Italia dell'epoca graccana al principio dell'impero // Relat. d. X Congr. int. di sc. stor. Roma, 1955. T. II. P. 247.*

<sup>1059</sup> См. *Katon. Земледелие. С. 146. Прим. 2.*

<sup>1060</sup> *Thielscher P. Op. cit. S. 7–8.*

<sup>1061</sup> *Varr. R.r. I. 18. 4: mitto illud, quod modum neque unum nec modicum proposuit CCXL iugerum (modicos enim centuria, et ea CC iugerum).*

<sup>1062</sup> *Corpus agrimensorum romanorum / Ed. C. Thulin. Lipsiae, 1913. P. 123 (из трактата Sic. Fl. de cond. agr.): centuriae autem non per omnes regiones ducenta iugera obtinent: in quibusdam ducentena dena invenimus in quibusdam ducentena quadragena и т. д. См. также: *Hugini grom. Const. (p. 135).* Сикул Флакк, упоминая о центуриях в 210 и 240 югеров, относит их к древним колониям, т. е. ко времени до реформы Тиберия Гракха.*



в первой половине II в. до н. э. говорят нормы наделения землей римских колонистов этого времени. Очень часты наделы, размеры которых кратны цифрам 3, 7, 8 (например, участки по 6, 8, 15, 30, 40, 70, 140 югеров) и которые предполагают величину центурии в 210 и 240 югеров<sup>1063</sup>.

Катон, таким образом, приводит цифровые нормы, которые предполагают две разновидности центурии: одну в 200 (и именно из этого расчета он исходит при организации поместья идеального и виноградарского) и центурию в 240 югеров в другой местности, где была принята эта мера центуриации. Различие этих цифр в трактате Катона наряду с приведенными выше аргументами также говорит о разбросанности поместий Катона в разных местностях, о существовании самостоятельных поместий-хозяйств.

С другой стороны, тесная связь указанных площадей имений Катона с основными единицами измерения при центуриации полей показывает, что Катон оформил свои владения согласно всем юридическим правилам. Его владения были расположены на ассигнированной земле, а не на захваченном *ager publicus*. Катон мог и, скорее всего, купил несколько своих поместий, но не исключена возможность, что он мог получить землю от государства и по ассигнации. Нам известны случаи больших пожалований до 100—140 югеров центурионам и всадникам<sup>1064</sup>, а Катон уже с 214 г. был военным трибуном, а затем прошел все обычные магистратуры. Во всяком случае, очевидно, поместья Катона юридически были оформлены как его полная собственность, и он мог, опираясь на это прочное основание, делать крупные вложения и заводить интенсивное хозяйство, не беспокоясь об опасностях, связанных с изданием аграрных законов<sup>1065</sup>.

Итак, ко времени написания трактата, т.е. к началу 80-х гг. II в. до н. э., у Катона были следующие поместья: небольшое отцовское поместье в Сабинии, пригородное имение (возможно, в Тускуле), масличное поместье в 120 югеров, скорее всего в Кампании, которое он купил в 205–204 гг., второе оливководческое поместье в 240 (в Венафре) и виноградарское имение в 100 югеров (предположительно в Казине), возможно, дополненное хлебным полем. Причем виноградник был, вероятно, куплен перед самым написанием трактата, т.е. в начале 80-х гг. II в. до н. э. Такая последовательность приобретения Катонем своих поместий согласуется с обстоятельствами его жизни: после наместничеств в Сардинии в 198 г. и Испании в 195 г. он, очевидно, вновь приобрел некоторые средства из своей доли военной добычи<sup>1066</sup> и вполне мог не только благоустраивать имевшиеся имения, но и покупать новые.

Катон в имениях не живет, его резиденция находится в Риме. Там, в Риме, он занят политической деятельностью, но хозяйство поместий находится под его пристальным контролем. Хозяин наезжает сюда для инспекции. Любопытно,

<sup>1063</sup>Т. Франк (ESAR. I. P. 122–124) приводит все ссылки на источники. См. также: *Нечай Ф. М.* Рим и Италия. Минск, 1963. С. 45–55; *Маяк И. Л.* Взаимоотношения Рима и итальянцев в III–II вв. до н. э. М., 1971. С. 112–119.

<sup>1064</sup>При основании колонии в Бононии (Liv. 37. 57. 7) воину нарежали 50 юг., всаднику 70 юг., в Аквиле воину-легионеру — 50 юг., центуриону 100 юг., всаднику 140 юг. (Liv. 40. 34. 1).

<sup>1065</sup>*Tibiletti G.* Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi // *Athenaeum*. 1948. Vol. XXVI. Fasc. III–IV. P. 202–209; См. также: *Schrot G.* Die Verwendung des ager publicus in der Zeit der römischen Republik als Ausdruck patrizischen Wirtschaftspolitik // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1956. No. 1. S. 39–61.

<sup>1066</sup>Хотя Плутарх (Cat. Mai. 6; 10) и подчеркивает бескорыстие Катона как наместника провинций Сардиния и Испания, это не исключает законную норму военной добычи и содержания от государства. См.: *Frank T.* ESAR. P. 147–148.

что при таких нечастых наездах господин не проявляет никакого интереса к координации хозяйства своих разбросанных владений. Для него каждое поместье существует как автономная производственная единица, не связанная экономически с другими принадлежащими ему же имениями.

Если допустить, что пригородное поместье имеет около 100 югеров, то общая величина земельных владений Катона в 20-летний промежуток жизни, от 205 до 185 г., была приблизительно порядка 600–700 югеров, т.е. для начала II в. это было первоклассное земельное состояние на правах, повторяем, полной квиритской собственности.

Возникает новый вопрос: а не арендовал ли Катон государственную землю и не имел ли других земельных владений?

Некоторые сведения об этом сообщает Плутарх. В частности, он говорит, что Катон усердно занимался земледелием, стремясь превратить поместья в доходные предприятия в первый период своей жизни<sup>1067</sup>, очевидно как раз нашедший отражение в трактате. Но затем его взгляды изменились. «Усердно хлопча о приумножении своего имущества, — писал Плутарх, — он пришел к мысли, что земледелие скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобретал водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства валяльной мастерской, доходные земли с пастбищами и лесами — ни те, ни другие не требуют забот, и все это приносило ему много денег, меж тем как, по словам самого Катона, даже Юпитер не в силах был причинить ущерб его собственности. Занимался он и ростовщичеством» (Plut. Cat. Mai. 21). К сожалению, мы лишены возможности проследить, как повлияло изменение взглядов Катона на характер хозяйства, структуру его земельной собственности: сохранил ли он все свои имения, какие продал, какие приобрел; наконец, продолжал ли он заниматься интенсивным ведением хозяйства, о чем он говорит в «Земледелии». Слова Плутарха позволяют все-таки предположить, что степень интенсификации его хозяйства, видимо, уменьшилась. Несколько изменилась и структура его земельного богатства. Наряду с имениями с организованным хозяйством он приобрел земли с пастбищами и лесами, которые требовали меньших забот и затрат, т.е. предполагают весьма экстенсивное хозяйство. Эти сведения Плутарха дополняются сообщениями Цицерона (De off. II. 89) и Колумеллы (VI. praef. 4–5) о доходности скотоводства, восходящими, возможно, к словам самого Катона. В изложении Цицерона Катон в деле накопления имущества на первое место ставит хороший уход за скотом (*bene pascere*), на второе — средний (*satis bene pascere*), на третье место — плохой (*male pascere*) и лишь на четвертое — земледелие (*agrarum*). Судя по всему, это высказывание Катона относится ко второму периоду его жизни, когда он несколько охладил к земледелию. Бесспорно, за этими словами Катона стоит собственный опыт. Это вместе с сообщениями Плутарха позволяет предположить, что Катон занимался скотоводством, очевидно, на государственных пастбищах. Выражение Плутарха *κατατιθέμενος* несколько неопределенно и может означать как куплю в собственность, так и выплату арендной платы за пользование общественными

<sup>1067</sup>Трудно определить, когда закончился этот первый период жизни, наполненный напряженным трудом и бережливостью, и когда Катон изменил свои привычки. Вряд ли это произошло до цензуры Катона или сразу после цензуры. Строго преследуя роскошь и излишество, Катон должен был подавать пример в этом отношении. Скорее всего, перелом в жизни Катона начался с 70-летнего возраста, т.е. с 164 г. до н. э., когда он, по сообщению Авла Геллия, впервые отделал свои виллы с некоторой роскошью (см. Aul. Gell. XIII. 21. 1, а также Plut. Cat. 4).

пастбищами и лесами. Последнее более вероятно, так как пастбищных угодий в первой половине II в. до н. э. было много, и они были мало пригодны для колонизации. В этих условиях аренда государственных пастбищ была более естественной, чем покупка. К сожалению, совершенно неизвестны ни размер этой части земельных владений Катона, ни их место.

Можно только предположить, что Катон, строгий ревнитель римских законов, в том числе и аграрного закона об ограничении нормы аренды государственной земли<sup>1068</sup>, старался не нарушать установленную законом цифру в 500 югеров допустимой оккупации.

Таким образом, Катон владел в целом довольно крупной земельной собственностью, которая состояла из двух частей: одну часть составляли его благоустроенные имения, ориентированные на рынок, ведущие интенсивное хозяйство и обрабатывавшиеся рабами. Таких поместий было около пяти, каждое из них по площади достигало половины или полной центурии, было автономным, не связанным с другим хозяйством (здесь нет речи о покупке ремесленных изделий). Эти имения покупались не одновременно, а по мере накопления денежных средств, полученных или во время военной службы, или из других источников.

Вторая часть его владений состояла из земель, арендованных у государства или занятых по праву оккупации. Хозяйство на них велось по-другому: вместо организации интенсивных земледельческих хозяйств, связанных с серьезными вложениями, Катон здесь занимался пастбищным или кочевым скотоводством. У нас нет никаких сведений о том, что Катон заводил рабовладельческое хозяйство на арендованных или оккупированных землях, так же как и том, что Катон нарушал закон о норме владения общественной землей и захватил большие участки государственной земли типа тех обширных равнин, о которых упоминает Аппиан (В.С. I. 7–8).

Катон в течение своей долгой жизни постоянно стремился увеличить свое земельное богатство, вкладывая в него все свои свободные средства. Целиком разделяя общие воззрения римского нобилитета о земельном состоянии как основе высокого социального состояния и богатства, Катон хотел выбиться в ряды крупнейших землевладельцев, в чем и преуспел.

Земельное состояние Катона увеличивалось не путем расширения какого-либо одного имения, которое окружилось бы за счет приобретения соседних участков и соответствующего расширения хозяйства, не за счет противозаконного и насильственного захвата общественной земли, а иным путем — через покупку отдельных среднего размера поместий в собственность. Правда, в составе его владений были и участки государственной земли, но характер хозяйства на них был иным.

Исследование структуры земельных владений и основных идей трактата Катона показывает, что он не имел ни одного крупного поместья, которое можно было бы обозначить термином «латифундия». А сам Катон совершенно не обнаруживает знакомства с возможностью организации огромного единого хозяйства.

\* \* \*

Приходится с сожалением констатировать, что в распоряжении современного исследователя очень мало данных о землевладении римской аристократии этого

---

<sup>1068</sup> Сам Катон в речи *pro Rhodiensibus* (Gell. VI. 3. 37) призывает к соблюдению нормы оккупации в 500 югеров и предлагает строго наказывать нарушителей. По поводу принадлежности этой речи Катону. См.: *Tibiletti G. Il possesso dell'ager publicus...* P. 191–192.

времени. И можно вместе с Т. Франком только недоумевать по этому поводу: ведь при наличии громадного земельного фонда у государства и льготных условиях оккупации (если учесть и прямые свидетельства Аппиана о массовых захватах *ager publicus*) можно было ожидать более обильных сведений<sup>1069</sup>.

Рассмотрим некоторые свидетельства о землевладении таких известных римских аристократов, представителей наиболее прославленных родов Рима, как Сципион Старший, Эмилий Павел, Сципион Эмилиан и Марк Юний Брут.

Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (236/5–183 гг.) был не только представителем одного из самых древних и знатных аристократических родов, но и, очевидно, самым богатым человеком первых десятилетий II в. до н. э.<sup>1070</sup> В отличие от сторонников соблюдения нравов предков, включающих бережливость, умеренность и бедность, Сципион не отказывал себе в удовольствии быть щедрым и пожить на широкую ногу<sup>1071</sup>. Победитель Ганнибала во время своих удачных военных кампаний, очевидно, позволял себе значительно чаще, чем другие римские полководцы, использовать военную добычу для собственного обогащения. По словам Полибия, Сципион оставил имущество, которое оценивалось в 160 талантов, или около 1 млн. драхм (4 млн. сест.), — поразительное для начала II в. до н. э. состояние<sup>1072</sup>. После его смерти оно было разделено между двумя дочерьми и сыном: дочери получили по 50 талантов, или по 300 тыс. драхм (1,2 млн. сест.), а сын — 60 талантов, или 360 тыс. драхм (1,44 млн. сест.)<sup>1073</sup>. Нам неизвестно соотношение движимой и недвижимой (земли, городских домов) части имущества Сципиона. Согласно Полибию, дочери Сципиона при замужестве получили по 25 талантов (150 тыс. драхм), в то время как обещанный отцом остальных 50 талантов (по 25 талантов для каждой дочери) в наличии не оказалось и эту часть их приданого должен был выплатить приемный внук Сципиона Сципион Эмилиан уже после смерти Сципиона Старшего. Причем Полибий прямо говорит, что эти суммы состояли из наличных денег и выплачивались через менялу<sup>1074</sup>.

Вполне возможно, что в составе имущества Сципиона Старшего (60 талантов, унаследованных сыном, и по 25 талантов, переданных дочерям) было как недвижимое имущество, т.е. земля, городские дома, поместья, так и движимое имущество (наличные деньги, изделия из драгоценных металлов, украшения). Таким образом, общая стоимость земельных владений Сципиона Старшего из всей суммы в 160 талантов, видимо, вряд ли составляла больше половины.

Нам очень мало известно о земельных владениях Сципиона. Многие авторы упоминают литературское поместье, где он провел последние годы своей жизни и был похоронен<sup>1075</sup>. Оно, по предположению Т. Франка, было приобретено им в 194 г. до н. э. при выводе в Литерн римской колонии<sup>1076</sup>. Это имение в середине I в. н. э. посетил Сенека, и тамошняя вилла ему представилась невзрачной и тесной, а сама

<sup>1069</sup>См. *Frank T. ESAR. P. 208.*

<sup>1070</sup>*Сергеенко М. Е. Очерки...* С. 16–17.

<sup>1071</sup>*Scullard H. Scipio Africanus: Soldier and Politician. L., 1970.* Это одно из наиболее полных исследований жизни и деятельности Сципиона; о его имущественном положении см. стр. 290 сл.

<sup>1072</sup>*Polyb. 32. 13.* Имущество Фабия Максима, соперника Сципиона на политическом поприще, оценивалось в 200 тыс. денариев (*Plut. Fab. Max. 7; Aug. Vict. Fab. Max.*).

<sup>1073</sup>*Polyb. 32. 13; Frank T. ESAR. P. 209.*

<sup>1074</sup>*Polyb. 32. 13; Scullard H. Op. cit. P. 209.*

<sup>1075</sup>*Val. Max. 2. 10; Strab. V. 4. 4; Sen. Ep. 86. 4–6.*

<sup>1076</sup>*Frank T. ESAR. P. 208 со ссылкой на Liv. 28. 46.*

местность — глухим углом<sup>1077</sup>. Сенека жил в эпоху повсеместного распространения латифундий — вилла и поместье Сципиона были совсем непохожи на то, что он видел в Италии I в. н. э.<sup>1078</sup> Литернское поместье было не единственным у Сципиона. Скорее всего, ему принадлежало имение около Мизена, перешедшее в составе приданого к его дочери Корнелии, матери Гракхов (Plut. C. Gracch. 19). Вряд ли можно сомневаться, что и вторая дочь получила в наследство какое-то, а возможно, и какие-то имения, ранее принадлежавшие ее отцу. Упомянутые поместья расположены в Кампании, куда в конце III и начале II в. устремились многие римские землевладельцы, в том числе Катон и Сципион. Наряду с этими поместьями у Сципиона, принадлежавшего к знатному роду, конечно, была какая-то земельная собственность в Лации. Может быть, она приблизительно равнялась величине земельных владений Фабия Максима, столь же знатного и, видимо, не менее богатого<sup>1079</sup>. Во всяком случае, вряд ли родовое владение знатных Сципионов в Лации уступало семейному поместью неизвестных Порциев, к которым принадлежал Катон.

Таким образом, анализ немногих свидетельств о землевладении Сципиона Старшего показывает, что земельное богатство крупнейшего римского богача того времени состояло из нескольких (самое меньшее четырех) поместий, расположенных в Лации и Кампании, общей стоимостью до 2 млн. сест. Возможно, они казались современникам II в. большими<sup>1080</sup>, но на деле были средними по размерам рабовладельческими поместьями приблизительно катоновского типа. Ни одно из них нельзя определить термином «латифундия», и ни один из авторов не называет Сципиона в качестве некоего латифундиста. С другой стороны, произведенный раздел имущества почти на равные доли между всеми наследниками свидетельствует лишний раз в пользу известной разбросанности недвижимой собственности, земельных владений Сципиона. Не приходится говорить ни о каком стремлении к сохранению единого огромного латифундиального хозяйства.

Общее состояние Сципиона Старшего было, видимо, уникальным. Это кажется ясным, если его сравнить с имуществом представителя не менее древнего и знатного римского рода, Луция Эмилия Павла (228–160 гг. до н. э.), знаменитого победителя македонского царя Персея. Плутарх подчеркивает такие его отличительные черты, как умеренность и сдержанность, снискавшие ему славу бескорыстного полководца и наместника провинции<sup>1081</sup>. Возможно, Плутарх идеализирует Эмилия Павла, желая изобразить его римлянином старого закала, но вполне вероятно, эта характери-

<sup>1077</sup>Sen. Ep. 86. 4: *vidi villam extractam lapide quadrato, murum circumdatum silvae, turres quoque in propugnaculum villae utrimque subrectas, cisternam aedificiis ac viridibus subditam, quae sufficere in usum vel exercitus posset, balneoolum angustum tenebricosum*. Литерн в то время был настолько глухим углом, что в его окрестностях бродили толпы разбойников, которые однажды напали на виллу Сципиона (Val. Max. II. 10. 2). Вероятно, поэтому Сципион построил башни, а Сенека говорит о *propugnaculum*.

<sup>1078</sup>Sen. Ep. 86. 5–6: *magna ergo me voluptas subiit contemplantem mores Scipionis ac nostros: in hoc angulo ille Carthaginis horror, cui Roma debet quod tantum semel capta est, abluebat corpus laborisque rusticis fessum. Exercebat enim opere se terramque, ut mos fuit priscis, ipse subigebat. Sub hoc ille tecto tam sordido stetit, hoc illum pavimento tam vile sustinuit: at nunc quis est, qui sic lavari sustineat. Pauper sibi videtur ac sordidus, nisi parietes magnis et pretiosis orbibus refulserunt etc.*

<sup>1079</sup>Plut. Fab. Max. 7; Aur. Vict. Fab. Max. Аврелий Виктор оценивает земельную собственность Фабия Максима в 200 тысяч сестерциев.

<sup>1080</sup>Sen. Ep. 86. 4. — говорит о парке (*silva*), окруженном стеной (*murum*), об огромной цистерне, о цветниках и зданиях (*aedificiis ac viridibus*).

<sup>1081</sup>Plut. Paul. 4 и 38. Вместе с тем Плутарх отмечает щедрость Павла.

стика соответствует его характеру. Вполне реален факт передачи значительной части своей доли военной добычи в храм, а также на организацию праздника<sup>1082</sup>.

Однако было бы неосторожным считать, что Эмилий Павел не пополнил своего личного имущества во время военных действий и наместничества в провинции. Слова Плутарха о его воздержности и бескорыстии, скорее всего, означают, что Павел довольствовался лишь законной частью добычи, не злоупотреблял своим правом победителя. Согласно Полибию (32. 14), Эмилий Павел оставил после смерти имущество общей стоимостью в 60 талантов, или 360 тыс. драхм; Плутарх (Paul. 39) говорит о 370 тыс. драхм. Бесспорно, все наследство состояло из движимой части, а также из земельных владений и городских домов (или дома). Плутарх (там же) случайно упоминает лишь одно имение Эмилия Павла, в котором он провел последние годы, расположенное в районе Элии Итальянской на берегу моря (ἐν παραλίοις ἄγραϊς). Там он жил среди тишины и покоя, вдали от Рима в глубоком уединении. Эти слова Плутарха, очевидно, предполагают, что здесь не было таких видных землевладельцев, подобных знатному Павлу<sup>1083</sup>.

Следует предполагать, что Эмилию Павлу принадлежала дедовская земля древнего и знатного рода Эмилиев Павлов где-нибудь в Лации или Сабинии. Во всяком случае, трудно допустить, что у него было лишь одно поместье в далекой Лукании.

Родной сын Эмилия Павла, усыновленный родом Сципиона Африканского, Сципион Эмилиан (185–129 гг. до н. э.) как бы совмещал в себе самые яркие черты родного отца и приемного деда и действительно стал одним из выдающихся полководцев и политических деятелей третьей четверти II в. до н. э.<sup>1084</sup> Сципион Эмилиан должен был унаследовать часть имущества своего родного отца, Эмилия Павла, но отказался от своей доли в пользу родного брата, Фабия Максима. Большая часть наследства Эмилия Павла (общая сумма в 60 талантов) перешла к последнему<sup>1085</sup>. Сципион Эмилиан получил наследство своего приемного отца в сумме около 60 талантов (Polyb. 32. 13). Бесспорно, Сципион Эмилиан получил значительные средства из военной добычи. Римская традиция сохраняет молчание о скромности и умеренности Сципиона Эмилиана; видимо, в этом отношении он следовал больше приемному деду, чем родному отцу. Во всяком случае, Полибий сообщает об очень крупных тратах Сципиона Эмилиана. Он выплатил 50 талантов из своих средств в качестве приданого дочерям Сципиона Старшего (Polyb. 32. 13), он затратил на организацию праздника в честь своего отца 30 талантов наличными (32. 14), т.е. его траты в целом составили 80 талантов. И после всех этих расходов Сципион Эмилиан был далеко не бедным человеком.

К сожалению, у нас мало данных о его земельных владениях. Конечно, у него были земли, полученные по наследству от приемного отца, сына Сципиона Старшего, общей стоимостью в 60 талантов<sup>1086</sup>. Цицерон сообщает о его пригородном имении, где он беседует со своими друзьями о лучшем государственном строе<sup>1087</sup>.

<sup>1082</sup> Frank T. ESAR. P. 148.

<sup>1083</sup> Слова Плутарха об уединении, тишине и покое нельзя понимать таким образом, что имение Эмилия Павла было расположено в малолюдной местности.

<sup>1084</sup> Наиболее обстоятельное исследование: Astin A. E. Scipio Aemilianus. Oxford, 1967 (См. С. 12–14).

<sup>1085</sup> Polyb. 32. 14; Plut. Paul. 39; Frank T. ESAR. P. 208.

<sup>1086</sup> Весьма вероятно, что Сципион Эмилиан получил по наследству литературское поместье, а также имение под Римом.

<sup>1087</sup> Цицерон (De rep. I. 9. 14) называет его horti, а не fundus. Весьма вероятно, что это пригородное имение подразумевает Валерий Максим в VIII. 8. 1: constat namque eos (т.е. Scipio et Laelius) Caiete et

Тот же Цицерон упоминает, видимо, и его поместье в Формиях на самом юге Лация близ границ с Кампанией<sup>1088</sup>. Вполне вероятно, что некоторую земельную собственность ему принесла в качестве приданого его жена, сестра знаменитых реформаторов Гракхов, дочь крупного политического деятеля второй четверти II в. до н. э. Тиберия Семпрония Гракха и дочери Сципиона Старшего Корнелии<sup>1089</sup>. Таким образом, Сципион Эмилиан был владельцем не менее трех-четырёх поместий.

Еще два случайных примера земельных владений видных представителей римского нобилитета: Марка Юния Брута, автора нескольких книг о римском праве<sup>1090</sup>, и знаменитого Гая Лелия, друга Сципиона Эмилиана. В трактате «Об ораторе» и в речи «За Клуенция» Цицерон цитирует отрывок из сочинения Марка Брута, где перечислены три его поместья: имение в Приверне, поместье около Альбанского озера и хозяйство под Тибуром<sup>1091</sup>.

У Гая Лелия также было несколько поместий: нам известны из случайных упоминаний его имение в ПUTEОЛАХ<sup>1092</sup> и ФОРМИЯХ<sup>1093</sup>, причем вполне вероятно, что путоланское поместье было приобретено на землях, куда в 194 г. до н. э. была выведена римская колония.

Приведенные выше случайные данные, конечно, не отражают всего земельного состояния каждого из указанных выше крупнейших римских политических деятелей и землевладельцев. Следует также сделать весьма вероятное предположение, что каждый из них, видимо, арендовал часть земель из фондов *ager publicus*, следуя примеру Катона.

Однако при всей случайности известий о землевладении этих лиц бросается в глаза известная закономерность. Все они располагали огромным для своего времени земельным состоянием, которое состояло главным образом из поместий среднего размера (так называемого катоновского типа), разбросанных, лежавших далеко друг от друга. Поместья были приобретены в полную собственность, а не были организованы на общественной земле. Это были рабовладельческие поместья, снабженные рабочей силой, во главе рабской фамилии стоял вилик. Любопытная подробность: почти все имеющиеся в нашем распоряжении данные о местоположении поместий относятся к Лацию и Кампании, упоминания о других местах единичны<sup>1094</sup>. Очевидно, именно эти районы Средней Италии в первой половине II в. переживали наиболее бурный рост рабовладельческих хозяйств катоновского типа.

Кроме примеров конкретных земельных состояний отдельных представителей римского крупного землевладения есть и некоторые общие свидетельства о рассеянной структуре крупного землевладения во II в. до н. э. В одной из речей Сципио-

Laurenti vagos litoribus conchulas et umbilicos lectitasse, idque se P. Crassus ex socero suo Scaevola, qui gener Laelii fuit, audisse saepe numero praedicavit. В упомянутых районах, т.е. в Кайете и Лавренте, находились виллы и поместья Лелия (в Кайете) и Сципиона Эмилиана (в Лавренте).

<sup>1088</sup>Cic. De fat. fr. 5; Val. Max. VIII. 8. 1; см. Frank T. ESAR. P. 295.

<sup>1089</sup>Включение в состав приданого среди различного имущества также и земель было обычным явлением.

<sup>1090</sup>Cic. De or. II. 55. 224; De fin. I. 4. 12; Cic. Pro Cluent. 146; Dig. VII. 1. 68; XLI. 2. 3. 3.

<sup>1091</sup>Этот Брут жил около середины II в. до н. э. Cic. De or. II. 55. 224: forte evenit ut in Privernati essemus... in Tiburti forte assedimus ego et Marcus filius... in Albano eramus ego et Marcus filius.

<sup>1092</sup>Suet. Vita Ter.; Frank T. ESAR. P. 208.

<sup>1093</sup>Cic. De ger. 1. 61; Val. Max. VIII. 8. 1. Очевидно, Formianum, упомянутый Цицероном, и Caieta Валерия Максима — одно и то же поместье.

<sup>1094</sup>Это поместье Эмилия Павла в Велии (Лукания), имение Эмилия Перцины в Альсии (Южная Этрурия). См.: Val. Max. 5. 1. 7D; Frank T. ESAR. P. 295.

на Эмилиана рассказывается, вероятно, о злоупотреблениях должностных лиц при проведении землемерных работ. Насколько можно судить по предполагаемой ситуации, планируется дорога, которая пересекает многие хорошо оборудованные виллы на относительно небольшом пространстве<sup>1095</sup>. Другой пример децентрализованной структуры крупной земельной собственности II в. до н. э. приводит Цицерон (*De leg. agr.* II. 82). «Когда предки наши, — говорил он, — послали в те самые местности (речь идет о Кампании. — *В. К.*) Публия Лентула (консул 162 г. до н. э. — *В. К.*), который был принцепсом сената, для покупки за счет государства земель, вклинившихся в государственные земли Кампании, он, говорят, сообщил, что одно имение ему не удалось купить ни за какие деньги и что человек, отказавшийся его продать, заявил, что его ничем не удастся склонить к этой продаже, так как он, *имея много поместий* (курсив мой. — *В. К.*), только из одного этого имения никогда не получал дурных вестей».

Разбросанность земельных владений римской знати во II в. до н. э., видимо, была общим явлением. Владения были по своим размерам мелкими и средними рабовладельческими хозяйствами, не связанными друг с другом. У нас нет каких-либо свидетельств о существовании обширных равнин-латифундий, обслуживавшихся толпами рабов или зависимыми земледельцами типа позднейших колонов<sup>1096</sup>.

Италия II в. до н. э. (во всяком случае, Центральная Италия) представляется страной, где повсеместно распространяются рабовладельческие хозяйства «катоновского» типа с интенсивным земледелием и связанные с рынком. Организация и распространение подобных хозяйств облегчались тем, что приобретение и устройство имений с относительно небольшим рабским коллективом с экономической точки зрения было менее сложной задачей, чем огромных латифундий.

Покупка же или захват огромных территорий в условиях II в. до н. э. были делом непростоим с многих точек зрения: наличных денег было еще мало, оккупации общественной земли юридически ненадежны, налаживание хозяйства с громадным рабским коллективом было мало знакомо римским хозяевам и требовало больших средств. К тому же латифундия как тип хозяйства была менее доходна, чем катоновские имения.

Увеличение земельного состояния римского землевладельца происходило, скорее всего, не сразу, не в виде единовременного приобретения какого-то обширного имения, а постепенно, по мере сосредоточения денежных сумм после успешного военного похода, счастливого наместничества, удачной финансовой операции. По мере накопления денег землевладелец приобретал одно имение за другим, чем и объясняется их разбросанность по разным районам Италии.

Затруднена была организация громадных латифундиальных хозяйств и на территории *ager publicus*. Оккупированная земля считалась государственной собственностью и, несмотря ни на какую давность владения, всегда могла быть отобрана. Особо велика опасность изъятия государственной земли была в плодородных районах, так как такая земля в любой момент могла быть предназначена для колонизации, и поэтому была объектом внимания центрального правительства.

<sup>1095</sup> Aul. Gell. II. 20. 6 (*Oratio pro se contra T. Claudium Asellum*): *ubi agros optime cultos atque villas expolitissimas vidisset, in his regionibus excelsissimo loco gruman statuere aiebat.*

<sup>1096</sup> Здесь мы не касаемся нашего понимания концепции Аппиана с В.С. I. 7–8. См. об этом нашу статью «О латифундиях во II в. до н. э.» (ВДИ. 1960. № 1. С. 46–60) о толковании 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана.



Примером такого опасного для владельцев оккупированной земли вмешательства государственной власти может быть известная история с кампанским *ager publicus*. Он появился после разгрома Капуи в 210 г. до н. э. (Liv. 26. 33); пять лет спустя для пополнения казны квесторам было приказано продать часть его, и вот тогда-то впервые потребовалось официально разграничить проданные участки от прочей общественной земли (Liv. 28. 46). Эта операция по размежеванию затронула интересы многих местных жителей, которым была даже обещана премия в размере десятой доли стоимости участка за правильные сведения относительно его статуса. Был издан специальный сенатусконсульт относительно сгоняемых местных жителей.

После этой продажи на плодородной кампанской земле обособались многие частные лица. Не довольствуясь купленными участками, они, «понемногу отодвигая межи на своих участках, захватили в свои руки огромное количество земли» (Liv. 42. 1<sup>1097</sup>). Для восстановления государственных границ был послан в Кампанию консул 173 г. Авл Постумий. Он провел все лето, занимаясь расследованием злоупотреблений. Дело кончилось тем, что «большая часть кампанского поля, которой до сих пор повсюду владели без разбора частные лица, была возвращена государству, а народный трибун М. Лукреций внес законопроект, по которому цензоры должны были сдать эти земли в аренду, чего они не делали столько лет, предоставляя полный простор жадности частных лиц» (Liv. 42. 19).

В 165 г. до н. э. в Кампанию вновь был послан претор П. Корнелий Лентул, который скупил некоторые участки частных лиц, вклинившиеся в *ager publicus*, и составил официальную земельную карту<sup>1098</sup>. С этих пор государственная собственность на кампанском поле была ограждена от всех захватов и, по словам Цицерона, стала местом жительства многочисленных мелких земледельцев, видимо владевших землей на условиях внесения в казну арендной платы<sup>1099</sup>.

Таким образом, в Кампании не предполагается крупных хозяйств-латифундий: она была заселена мелкими и средними землевладельцами. С другой стороны, операция сената показывает, что при некоторых условиях владельцам государственной земли приходилось туго. Можно думать, что оккупанты *ager publicus* опасались заводить интенсивное хозяйство на государственных землях, тем более в крупных масштабах; гораздо меньшим был риск при налаживании небольшого рабовладельческого хозяйства.

Какова была структура крупной земельной собственности в других областях Италии? Существует распространенная точка зрения о существовании крупных латифундиальных хозяйств в Южной Италии: в Апулии или Лукании<sup>1100</sup>. Этот взгляд основывается на весьма неопределенных и, как нам представляется, шатких свидетельствах общего характера. Если не брать данных Варрона о крупном скотоводстве, предполагающих ситуацию середины I в. до н. э., то в распоряжении исследователя

<sup>1097</sup> *Senatui placuit L. Postumium consulem ad agrum publicum a privato terminandum in Campaniam ire; cuius ingentem modum possidere privatos paulatim proferendo fines constabat.* Как можно видеть, захват государственной земли совершался не путем оккупации огромного куска, а постепенно, по-немногу.

<sup>1098</sup> *Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo... P. 251.*

<sup>1099</sup> *Cic. De leg. agr. II. 31. 84. Ager Campanus оставался государственной собственностью до 59 г. до н. э., когда он был распределен Цезарем среди 20 тыс. колонистов.*

<sup>1100</sup> *Frank T. ESAR. P. 94–96; Toutain G. An Economic Life of the Ancient World. N.Y., 1968. P. 230–232; Magaldi. Lucania romana... P. 47–48; White K. D. Roman Farming... P. 204–206; White K. D. Latifundia // BICS. 1974. No. 14. P. 74–75; Сергеевко М. Е. Очерки... С. 139–140.*

имеются следующие данные: сообщение Тита Ливия (39. 29. 9) о волнениях среди пастухов Апулии в середине 180 г., которое заставляет думать о большом сосредоточении пастухов в этой части Италии<sup>1101</sup>; высказывание Катона о выгодности скотоводства по сравнению с земледелием<sup>1102</sup> и сообщение Плутарха о занятиях самого Катона этим прибыльным делом<sup>1103</sup>. Очень важно свидетельство Катона в речи за родосцев о существовании закона, ограничивающего число голов скота на общественной земле, закона, видимо приводимого Аппианом<sup>1104</sup>. Согласно свидетельствам Аппиана, количество скота на государственных пастбищах ограничивалось нормой в 100 голов крупного и 500 голов мелкого скота. Эти нормы заметно контрастируют с высокими цифрами Варрона и его собеседников из II книги «О сельском хозяйстве»<sup>1105</sup>.

Бесспорно, очень важным представляется общее наблюдение о существовании обширного и, очевидно, не всегда пригодного для колонизации и земледелия фонда *ager publicus* в Южной Италии: льготные условия аренды государственных пастбищ не могли не способствовать развитию пастбищного или отгонного скотоводства<sup>1106</sup>.

Как можно видеть, все эти данные очень неопределенны и вывод о господстве крупного (как варианта латифундиального хозяйства) скотоводства во II в. до н. э. скорее умозрительен, чем твердо обоснован источниками. Исходя из общей ситуации аграрных отношений в Италии этого времени, характеризовавшихся организацией и распространением новой формы поместного рабовладельческого хозяйства, связанного с интенсивной эксплуатацией земли и работой на рынок (производство необходимых для увеличивающегося городского населения продуктов — вина, масла, зерна, овощей и фруктов и др.), можно, напротив, думать, что еще не созрели благоприятные условия для развития в больших масштабах крупного скотоводства, как это было в I в. до н. э. К тому же, очевидно, нужно не сбрасывать со счетов государственных законов, определявших норму выпаса стад на государственной земле.

Вместе с тем следует признать, что скотоводство было той самой отраслью, где принципы крупного хозяйства могли быть реализованы раньше, чем в хозяйстве собственно поместном. И дело не только в том, что аренда крупных массивов общественной земли (а то и просто плата за право прогона стада) была более легкой для крупных рабовладельцев, а центральное правительство сквозь пальцы смотрело на нарушение принятых максимальных норм выпаса. Экономически организация крупного скотоводческого хозяйства была более простым и выгодным делом. Кочевое или пастбищное скотоводство не требовало столь больших предварительных вложений. Его можно было легко расширить и безболезненно свернуть.

Многочисленность пастухов в Апулии, законодательные ограничения нормы выпаса скота, очевидно принятые именно в первой половине II в. до н. э., — все это говорит о развитии в южных районах Италии крупного скотоводства. Тем не менее, нельзя и преувеличивать степень его распространения во II в. до н. э.

<sup>1101</sup> М. Е. Сергеев (Очерки... С. 134) полагает, что только в одной Апулии насчитывалось не менее 20 тыс. пастухов.

<sup>1102</sup> Cic. De off. II. 89; Col. VI. praef. 4–5.

<sup>1103</sup> Plut. Cat. Mai. 21 (именно так нужно понимать: ἐργατησίαν χώραν ἔχουσαν αὐτοφυεῖς νομάς καὶ ὕλας ἀφ' ὧν αὐτῶ χρήματα προσηεῖ πολλά).

<sup>1104</sup> См. Tibiletti G. Il possesso dell'ager publicus... P. 191–195, а также Burdese A. Studi sull'ager publicus. Torino, 1952. P. 111.

<sup>1105</sup> Варрон упоминает тысячные стада (Varr. II. praef. 6; II. 10. 10–11) как обычное явление для своего времени.

<sup>1106</sup> Rostovzev M. Storia sociale... P. 17–18; Frank T. Econ. Hist... P. 94–96; ESAR. P. 124.

Как было сказано, Катон активно занимался скотоводством на государственных землях, но у нас нет уверенности, что его пример типичен для римского нобилитета. Возможно, скотоводство было той областью сельского хозяйства, которую предпочитали предприимчивые всадники, люди деловые, обычно греющие руки в тех отраслях, которые сулят более быстрый доход при относительно небольших затратах<sup>1107</sup>.

Подводя некоторый общий итог всему предшествующему изложению, можно сделать несколько общих выводов о структуре земельной собственности крупных землевладельцев-нобилей II в. до н. э. Первая половина этого века была временем бурного развития процесса концентрации земельной собственности и создания крупных земельных состояний. Концентрация земельной собственности проходила не в форме насильственного одновременного захвата больших массивов общественной земли, а в виде постепенного приобретения поместий средних («катоновских» размеров), разбросанных в разных областях и хозяйственно мало связанных друг с другом. В таких поместьях организовывалось централизованное рабское производство с интенсивным земледелием и устанавливались тесные связи с рынком. Некоторые из таких поместий организуются и на государственной земле, а их владельцы, естественно, стремятся упрочить их правовой статус и превратить в полную собственность.

Большие перспективы открываются перед крупными рабовладельцами в аренде государственных пастбищ, где создаются особо благоприятные условия для организации крупного скотоводства. Кочевое скотоводство, видимо, было той отраслью италийского сельского хозяйства, где раньше, чем в других, были реализованы принципы крупного рабского (латифундиального) централизованного производства.

Если отвлечься от аренды больших массивов государственных пастбищ, то можно наметить еще один важный вывод. Как показывает анализ наиболее крупных земельных состояний первой половины II в., их общая величина вряд ли превышала норму в 1000 югеров для земли, находившейся в частной собственности. Видимо, в очень редких случаях эта цифра бывала превзойдена и при оккупации государственной земли.

### **Формирование права частной собственности на землю в римской юриспруденции во II–I вв. до н. э.\***

Формирование частной собственности в римском обществе и права частной собственности в римской юриспруденции особенно активно происходило во II–I вв. до н. э., когда Рим превращался в великую державу Средиземноморья, римский социально-экономический строй переживал глубокие изменения, а Римская республика гибла в огне гражданских войн. На фоне этих событий понятие «частная собственность» и его юридическая разработка достигла большой полноты как по содержанию, так и по форме. В современной исторической и юридической литературе

<sup>1107</sup> Диодор (XXXIV–XXXV. 2. 4) прямо говорит о том, что большая часть крупных землевладельцев в Сицилии II в. до н. э. были римскими всадниками. А в Сицилии было много пастухов, процветало скотоводство.

\* Первая публикация: в ж. Вопросы истории. 2008. № 6. С. 26–36.

внимательно рассматриваются самые разные аспекты истории создания, терминологии, внутреннего содержания, соотношения его с другими понятиями, выражающими отношения собственности и владения<sup>1108</sup>.

Особенно трудно и долго решался вопрос о понятии «частная собственность на землю». Для того, чтобы выработать ясный взгляд на землю как на свою собственность, предполагающий право господства над нею, оформить этот взгляд в адекватное юридическое понятие, нужно было преодолеть наиболее стойкие, наиболее присущие природе человека представления, которые к тому же обладали свойством постоянного воспроизводства при самых разных исторических обстоятельствах, например, в кризисные периоды. Имеются в виду религиозные представления о земле как божественной праматери, общей прародительнице всего живого. Земля как место всей жизнедеятельности коллектива, состоящего из отдельных лиц, рассматривалась как божественная субстанция и потому изначально воспринималась как принадлежащая всему коллективу, частью которого выступало отдельное лицо. Обожевление земли как всеобщей матери или праматери было отражением врожденного представления о ее общей принадлежности<sup>1109</sup>, восходящее к родовому строю.

Понятие «полная частная собственность на землю» не могло быть сформулировано без преодоления этого религиозного постулата. Конечно, это архаическое представление было если не окончательно преодолено, то существенно трансформировано в философско-религиозной мысли последних столетий существования Республики. Во всяком случае, в поэме Лукреция или многочисленных трактатах Цицерона (особенно «О природе богов») представлялась иная концепция религиозного мира<sup>1110</sup>. Развернутое опровержение архаической концепции о земле как праматери всего сущего было дано аграрным писателем, автором «Сельскохозяйственной энциклопедии» Луцием Модератом Колумеллой. Ссылаясь на существующие философские воззрения и свой опыт успешного сельского хозяина, он опровергал представления о том, что Земля похожа на женское существо, которое в его годы состарилось и перестало приносить, как женщина в старости, богатые урожаи. По его мнению, которое подтверждалось личными успехами в хозяйствовании, Земля есть вечно цветущая субстанция, которая щедро вознаграждает энергичных, знающих и трудолюбивых хозяев<sup>1111</sup>.

<sup>1108</sup>См., например: *Capogrossi-Colognesi L.* La struttura della proprietà e la formazione dei iura praediorum nell' età repubblicana. V. I-II. Milano, 1969, 1976; Idem. La terra in Roma antica: Forme di proprietà e rapporti produttivi. Roma, 1981; Idem. Proprietà e signoria in Roma antica. Roma, 1986; *Diošdi J.* Ownership in ancient and preclassical Roman law. Budapest, 1970; *Kaser M.* «Relutio Eigentum» im älteren römischen Recht // *Zeitschrift der Savigny, Stiftung für Rechtsgeschichte.* Weimar, 1985. Bd. 102. S. 1–40; Idem. Eigentum und Besitz im älteren römischen Recht, 2 Aufl. Köln, 1956.

<sup>1109</sup>В римской религии существовал один из древнейших и почитаемых культов, культ Tellus Mater, храм которой находился в Каринах на склоне Эсквилина. Именно в этом храме ведет диалог с собеседниками Варрон, составивший первую книгу трактата «О сельском хозяйстве». Среди первых покровителей земледелия он упоминает Юпитера и Землю, называя их великими родителями — Юпитера отцом, Землю — матерью: *Iovem et Tellurem: itaque quod ii parentes magni dicuntur, Iuppiter pater appellatur, Tellus terra mater* (Var. R.r. I. 1. 5).

<sup>1110</sup>В сочинениях Цицерона, особенно в трактатах «De natura deorum» и «De divinatione», развивается философское представление о сущности и природе богов, причем речь идет об олимпийском пантеоне и усилении культа Юпитера. В этой картине совершенно не находит себе места представление о Земле как всеобщей матери. См. подробнее: *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.

<sup>1111</sup>Col. II. 1. 2; *nec te ignoro cum et aliorum inlustrium scriptorium tum praecipue Tremeli auctoritatem revereri, qui, cum plurima rusticarum rerum praeccepta simul eleganter et scite memoriae prodiderit,*

Другим древним представлением, которое, по существу, является проекцией данной религиозной концепции, ее реализацией в главных институтах гражданской жизни, была идея изначальной коллективной собственности римской общины на всю принадлежащую ей земельную территорию (*ager Romanus*), из которой лишь одна часть распределялась среди глав семей в бессрочное и наследственное владение<sup>1112</sup>. Коллектив римских граждан может раздать часть этой земли во владение отдельных граждан, но может и отнять, может и перераспределить ее, руководствуясь высшими интересами общины в целом. При устойчивом существовании такого представления, опирающегося на религиозные установления, не могло быть в принципе полного права частной собственности на земельный участок. Отдельный гражданин имел участок не как полноправный собственник как таковой, а как член гражданского коллектива, который наделял его землей, гарантировал его владение, но который мог и перераспределить участки, т.е., если говорить о праве, то именно община в целом рассматривала себя как полного собственника, а отдельного гражданина как владельца.

В истории Римской республики, начиная с ее первых десятилетий (закон Спурия Кассия 486 г. до н. э.), и вплоть до эпохи грандиозного перераспределения земель при Августе, постоянно возникал аграрный вопрос в форме требования распределения и перераспределения земельных участков среди граждан от имени всей общины. Но ведь само существование аграрного вопроса в такой форме есть не что иное, как признание верховенства государства, общины в целом, над всем земельным фондом, из которого граждане получают свой определенный пай<sup>1113</sup>. Кроме того, само существование общинного земельного фонда (*ager publicus*), как возможного источника будущих земельных пожалований, питало общественное сознание верховенства общины над всеми земельными участками, как полученными от государства в недавние или незапамятные времена<sup>1114</sup>.

Одним из условий формирования права частной собственности на землю могло стать исчерпанность аграрного вопроса, проводившегося в форме распределения и перераспределения земельных участков из общественного поля и от имени общины в целом. Не вдаваясь в подробное изложение этого тезиса, можно сказать, что ко времени Октавиана Августа фонд *ager publicus* был практически исчерпан, а аграрный вопрос начал решаться на новых основаниях, во всяком случае в Италии<sup>1115</sup>.

*videlicet inlectus nimio favore priscorum de simili materia disserentium falso creditit, parentem omnium terram sicut muliebrem sexum aetate anili iam confectam prognerandis esse fetibus inhabilem.* Колумелла резко полемизирует с этим взглядом Тремеллия Скрофы.

<sup>1112</sup> Цицерон в своих Трех речах против аграрного закона Сервилия Рулла эффектно реанимирует это древнее представление о суверенитете и контроле общины над распределением земель римским гражданам. См. также: *App. B.C. I. 7.*

<sup>1113</sup> *Tibiletti G. Il possesso dell' ager publicus e le norme de modo agrorum fino ai Gracchi // Athenaeum. 1948. V. XXVI. fasc. 3–4; 1949. V. XXVII. fasc. 1–2; Idem. Lo sviluppo dell'latifondo in Italia dall'epoca grassana al principio dell' Impero. Roma, 1955; Штаерман Е. М. Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978.*

<sup>1114</sup> Насколько народное собрание рассматривалось верховным распорядителем земельного фонда, показывает Вторая речь о земельном законе Цицерона. По его мнению, даже купленные на средства казны земли (т.е. на *ager publicus*) должны были распределяться по строгому усмотрению и под контролем народа. См. подробнее: *Cic. De leg. agr. II. XXVI–XXVIII. fasc. 68–78.*

<sup>1115</sup> Последний резерв римского *ager publicus*, а именно государственные земли в Кампании, были использованы Цезарем после издания *lex Iulia 59 г.* Об *ager publicus* см.: *Burdese A. Studi sull' ager publicus. Torino, 1952; Moatti Cl. Studi sur l'occupation des terres publiques à la fin de la Republique romaine // Cahiers du Centre G. Glotz. III. 1992. P. 57–73.*

Эти новые основания стали утверждаться с тех пор (уже со времени Аппулея Сатурнина), когда земельными участками стали наделять ветеранов Мария, Суллы, Помпея, Цезаря или вторых триумвиров. Земли раздавались теперь не столько гражданам, как членам гражданского коллектива, сколько воинам, бывшим профессиональным военным, которые относились к полученным участкам не столько как к доле положенной им по гражданскому закону общинной земли, а как к заработанной в войне, если хотите, как *peculium castrense*, как к приобретенному имуществу, наряду с рабами, т.е. правовой статус ветеранского участка мог интерпретироваться с иных позиций, чем участок полученный из *ager publicus*<sup>1116</sup>. Это важное обстоятельство не могло не открывать возможностей для разработки полного права частной собственности, по крайней мере на италийскую землю.

Другой аспект проблемы формирования представления о частной собственности связан с преодолением глубоко архаических представлений о сущности властных полномочий отца семейства над своей фамилией. Еще Законы XII Таблиц сформулировали власть отца семейства (*patria potestas*) как власть неограниченную над членами семьи, включая родственников, зависимых лиц и рабов, так и над вещами, т.е. всем имуществом. Однако эта власть и полномочия при всей их неограниченности носили специфический характер. Это была власть не столько частного лица, а полномочия домовладыки, отца семейства, которое (семейство и его имущество) он должен был беречь, приумножать, и передать своим потомкам. При всем своем всевластии домовладыка не может рассматриваться как полноправный частный собственник строго в юридическом смысле: его право распоряжения регламентируется целым сводом традиционных норм религиозного или полурелигиозного характера, которые ограничивают его как полноправного частного собственника. Например, он фактически не мог продать участок, свободно завещать<sup>1117</sup>.

Власть римского домовладыки, однако, эволюционировала, решающее влияние на что стало оказывать внедрение рабства, увеличение роли рабов в жизни и производстве. Римская фамилия меняет свою структуру. Из организации кровных родственников и свойственников она все более превращается в организацию зависимых лиц, среди которых вырастает численность чужеземных рабов. Очень важными веками на этом пути стали два закона: закон Петелия-Папирия 326 г. до н. э. и знаменитый закон Аквилы (первая половина III в. до н. э.)<sup>1118</sup>. Запрет на превращение в раба гражданина, с одной стороны, а с другой, приравнивание раба к вещи и наделение его господина всей полнотой власти не могло не расколоть ранее единую фамилию на две части: собственно свободных родственников и бесправных рабов. И если для первых домовладыка оставался *pater familias*, то для вторых он превратился в господина, в *dominus*. И этот процесс нашел свое выражение в пьесах Плавта, где термин «*dominus*» становится весьма употребительным и вполне заменяет более древний «*erus*»<sup>1119</sup>.

<sup>1116</sup> Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 179–188; Gabba E. *Esercito e società nella tarda repubblica*. Firenze, 1983. P. 45–70.

<sup>1117</sup> В раннем римском праве, по мнению В. М. Смирнова, представление о собственности растворено в более общем понятии единой «отеческой» (или «домашней») власти, охватывающей собой и личные и имущественные отношения (см.: Смирин В. М. Культура древнего Рима. М., 1985. Т. 2. С. 75). См. также: Watson A. *Rome of XII Tables*. Princeton, 1975; Diošdi J. *Op. cit.* P. 60–61.

<sup>1118</sup> О законе Петелия см. подробнее: Martino Fr. *De. Diritto e società nell' antico Roma*. Roma, 1979. P. 193–203.

<sup>1119</sup> Подробная аргументация приведена Капогросси Колоньези (*La struttura della proprietà... V. I.* P. 414–452). *Lex Aquilia*, время принятия которого большинством исследователей датируется пер-

В течение II–I вв. до н. э. шло расширение власти *dominus* над рабами до ее, так сказать, абсолютного размера, и оформление ее как власти очерченной прежде всего юридически, зафиксированной новым правовым сознанием, а не архаическими представлениями<sup>1120</sup>. Римлянин, купивший на рынке какого-либо греческого образованного раба или искусного ремесленника, прекрасно осознавал, что этот человек не является вещью, а напротив зачастую превосходит его по многим профессиональным качествам, и с точки зрения *ius naturale* является равным ему, но вместе с тем он отчетливо понимал и то, что по закону, по юридическим нормам он имеет право абсолютного распоряжения его личностью, включая право жизни и смерти. Вот это накопление юридических признаков частной собственности вытекало естественным образом из права неограниченного распоряжения рабом-иноплеменником, захваченным на войне или купленным на рынке, человеком другой религии и другого образа жизни, что служило неким моральным и юридическим оправданием рассматривать его как вещь. Внутреннее содержание термина «*dominus*», который стал столь интенсивно и быстро внедряться в юридическую и повседневную практику в римском обществе II–I вв. до н. э., стало одним из центральных понятий, вокруг которого формировалось право полной частной собственности и абсолютного распоряжения, в данном случае на такой специфический объект владения как человек, превращенный в раба<sup>1121</sup>. Это правовое осознание полной собственности на личность раба, юридическая трактовка раба как вещи корректировало смысл естественного закона *ius naturale*, утверждая приоритет юридической силы, устанавливаемой вопреки естественному состоянию, по которому было очевидно, что раб — это не вещь, а одаренный сознанием и волей человек. Это четкое противопоставление понятия права полной частной собственности на раба вопреки его естественному состоянию особенно хорошо видно в том, что раб только что рассматривающийся по закону как вещь, после легитимно выполненной процедуры отпуска на волю (*emancipatio*) немедленно превращался в свободного человека и даже римского гражданина. Именно эти юридические манипуляции, распространяемые в римском обществе, формировали то абстрактное право полной собственности, которое могло быть перенесено и на другие объекты, которые по божескому и естественному закону могли рассматриваться иначе, как, например, правовая принадлежность земельных участков.

Но почему же именно превращение полноценного, зачастую образованного человека в раба раньше всего стало путем формирования полной частной собственности как абстрактной формы частной собственности вообще? Не нарушались ли здесь довольно развитые в других законодательных системах, в том числе и в римском праве, идеи справедливости (*aequitas*) как базисе права? Не вдаваясь в детали,

---

вой половиной III в. до н. э. — один из основных законодательных актов, четко зафиксировал полное бесправие рабов и надолго определил юридическое положение раба в римском обществе. Он часто цитируется, например, в Дигестах. О законе Аквилы см. подробнее: *Hausmaniger H. Das Schadenersatzrecht der Lex Aquilia*. Wien, 1976 (здесь автор датирует закон Аквилы концом III в. до н. э., точнее — 209–195 гг. до н. э.).

<sup>1120</sup>Вероятно, переделом такой власти стала известная классификация орудий у Варрона на *instrumentum mutum, semivocale* и *vocale* (Varr. R.r. I. 17. 1). Причем эта терминология фактически лишь пространная редакция правовой нормы, заложенной в *lex Aquilia*.

<sup>1121</sup>В. М. Смирин преувеличивает силу архаических представлений о власти над рабом, связанных с существованием института римской *familia*. Юридическое пространство *familia* в конце Республики и ранней Республики резко отличалось и потому переносить правовые отношения архаического времени на позднюю Республику вряд ли корректно. См.: *Смирин В. М.* Указ. соч. С.75–77.

можно сказать, что сохранение жизни пленному, порабощение пленного противника, а не его убийство как врага, рассматривалось как некий акт милосердия и, следовательно, как акт справедливый. Так же как покупка раба за деньги расценивалась как акция вполне законная и справедливая. Порабощение согражданина, своего единоплеменника, например, в раннем Риме за долги считалось актом несправедливости, и потому XII Таблиц предписывали продавать должника за Тибр, т.е. за границу, а закон Петелия вообще запретил превращать задолжавшего гражданина в раба. Таким образом сглаживалось некое противостояние между законом *ius naturale* и законом юридическим (*ius Quiritum*), а стадо быть открывался еще один путь к формированию понятия права частной собственности на объект, который по естественному закону таковым быть не мог, например на земельный участок, принадлежащий изначально римскому народу.

Одним из важнейших событий, повлиявших на развитие римско-италийского общества стала Союзническая война 91–88 гг. до н. э. Несмотря на трудную победу над италиками, римляне были вынуждены удовлетворить их требования: всем жителям Италии было предоставлено римское гражданство. Однако новые римские граждане, количество которых превосходило коренных граждан, не были связаны ни исторически, ни правовыми нормами со сложившейся с древних времен римской *civitas*, которая считалась верховным собственником *ager Romanus*. Поэтому италики, владевшие своими земельными участками еще до войны, став римскими гражданами, рассматривали земельные наделы на других экономических и правовых основаниях, включая ограничения в распоряжении земельной собственностью.

Еще одним важным фактором, который оказал существенное влияние на формирование правосознания и восприятие земли как частной собственности, стало растущее правовое противопоставление Италии, в которой проживали теперь (после Союзнической войны) римские граждане и жители римских провинций, считавшихся завоеванными территориями. Верховным собственником земли в провинциях выступал *populus Romanus*, а провинциалы считались владельцами земельных участков, обязанных платить налог. В правовом отношении формировались два правовых поля: «поле» Италии и «поле» провинций, что вело к формированию принципиально разных юридических состояний, привилегированного италийского землевладельца и зависимого провинциального землевладельца. В этих условиях правового контраста понятие «частная собственность на италийскую землю» получило более благоприятные возможности для своего юридического оформления.

Мощным фактором формирования права частной собственности на землю также был фактор экономического, и прежде всего развитие товарного производства в Италии во II–I вв. до н. э., создание и распространение товарных рабовладельческих вилл катонического типа. При этом как ни рассматривай товарное производство в Италии в данный период, бесспорным фактом является включение в действие новых экономических законов<sup>1122</sup>. Суть их — определенный диктат рынка, необходимость для собственника товарной виллы, известной свободы предприниматель-

<sup>1122</sup>Рене Мартин провел интересное исследование об эволюции экономических концепций, заявленных в трудах так называемых римских агрономов в связи с изменением общей экономической ситуации в Италии (см.: *Martin R. Recherches sur les agronomes Latins et leurs conceptions économiques et sociales*. P., 1971). См. также: *Sirago A. L'agricultura italiana nel II sec. A. C. Napoli, 1971; Kolendo G. L'agricultura nell'Italia Romana*. 1980; *Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии*. М., 1958; *Штерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития*. М., 1978.



ства, требующей самостоятельности в распоряжении ресурсами, включая землю, живой и мертвый инвентарь. Как показывает анализ экономических, и прежде всего аграрных отношений, общая политика римского правительства заключалась в том, чтобы обеспечить свободу предпринимательства для собственников товарных рабовладельческих вилл. Было проведено несколько фундаментальных мероприятий. Особо следует подчеркнуть значение отмены трибута (*tributum*) в 167 г. до н. э., который был прежде всего поземельным налогом. Это было подлинно революционным актом, который стал одним из важнейших этапов в утверждении частной собственности на землю и гарантом этого права. С этого времени стало утверждаться и в общественном мнении и в юридической теории, что только свободная от обложения земля может рассматриваться как частная собственность<sup>1123</sup>. Отмена поземельного налога обрубила самые прочные, самые древние путы между земельным владельцем и общиной, лишала общину рычагов воздействия на землевладельца, приобретающего подлинную экономическую и правовую независимость, право распоряжения своим участком, по своему усмотрению, а не по усмотрению общины<sup>1124</sup>.

Были проведены и другие законодательные меры для укрепления владельческих прав индивидуальных лиц на их земельные владения. Здесь прежде всего нужно отметить законодательство братьев Гракхов, которое закрепило юридически не только земельные участки мелких колонистов, но и солидные поместья общей площадью в 1000 югеров на семью. Конечно, это юридическое оформление коснулось не всей земли, располагавшейся в Италии, но, тем не менее, землевладение в рамках этих норм получило законодательное закрепление именно в полную собственность, как об этом говорил Тиберий Гракх. После смерти Гая Гракха в 122 г. и до гибели Аппулея Сатурнина в 100 г. до н. э. в Риме были приняты еще 7 аграрных законов, которые стали основой для правового формирования земельной собственности. Отдельно следует отметить законы 111 г. до н. э. и Манилия 109 г. до н. э. Последний регулирует частнопровые отношения между соседями и определяющий принципы межевания и установления границ. В тексте закона 111 г. до н. э. впервые сформулированы структурные конструкции права частной собственности, а именно *uti, frui, possidere, habere*. Ко времени Сервилия Рулла в Италии сложился столь внушительный товарный земельный фонд, что он рассчитывал скупить достаточное количество земли для наделения участками безземельных плебеев<sup>1125</sup>. Купля-продажа земли предполагает ее юридический статус, если и не как полную, то близкую к полной частную собственность. Распределение участков среди демобилизованных ветеранов, проводившееся по всем правилам землемерного искусства, также обеспечивало максимальную гарантию распоряжения землей, близкую к понятию полной частной собственности.

<sup>1123</sup> В современной литературе этот акт (отмена трибута) и его влияние на экономические отношения и юридическую мысль недооценивается и не получает должной исследовательской разработки. *Е. М. Штаерман* также обращает внимание на этот закон, но не развивает его последствия для укрепления частной собственности на землю.

<sup>1124</sup> Ф. де Мартино провел специальное исследование правовой природы такой категории земель как «ager privatus vectigalisque» (термин из закона 111 г. до н. э.) как своего рода переходный тип между частной и государственной собственностью (см.: *Martino Fr. De. Diritto e società nell' antico Roma. Roma, 1979. P. 357–379*).

<sup>1125</sup> Наличие большого количества земли предполагает, кроме того, активный земельный товарооборот, что свидетельствует о глубоком внедрении частной собственности на землю в римском обществе.

Насколько можно понять из источников, ко времени Октавиана Августа в Италии практически не осталось свободных общинных земель (*ager publicus*)<sup>1126</sup>. Вся земля оказалась разделенной среди римских граждан, владельческие права которых оказались закрепленными целой серией законодательных актов. Если же принять во внимание, что эта земля не облагалась налогом, то можно думать, что ее юридический статус рассматривался общиной в целом, и самими владельцами воспринимался как полная частная собственность.

Оформлению провозглашенной частной собственности на землю способствовало также доведение до совершенства римской техники межевания полей, римского землемерного искусства. Интенсивное распределение земель, начиная с Гракхов, необходимость решения аграрных коллизий, привели к созданию законченной системы измерения, распределения и закрепления на местности через тщательно проведенную дорожную сеть и систему межевых знаков земельных участков. Их границы заносились на земельные карты и подлежали хранению в государственном архиве. Пограничные знаки, сами границы рассматривались как священные, и их нарушение строго каралось<sup>1127</sup>. Поместье или ветеранский участок зрительно, на местности, воспринимался как совершенно индивидуальный, ничем не связанный с соседними. Если принять во внимание, что земля не облагалась налогом, а закон провозглашал право неограниченного и полного распоряжения землей — все это вместе и формировало сложное и очень емкое «полная частная собственность». Его утверждению в обществе и праве, преодолению традиционного взгляда на *rorulus Romanus* как верховного собственника *ager Romanus* способствовала тяжелая обстановка кровопролитной гражданской войны, в огне которой погибла Римская республика (*res publica Romana*). Эпоха гражданских войн стала временем сложных переходных процессов, когда активно разлагались традиционные отношения и рождались новые.

И далеко не случайно этот термин («*dominium*») появился ко времени Октавиана Августа<sup>1128</sup>. К этому моменту завершилось формирование и осознание права частной полной собственности на землю. И такой термин был найден, впервые он прозвучал в труде Публия Альфена Вара «Дигесты», опубликованного скорее всего в 30–20-е гг. I в. до н. э.<sup>1129</sup> Вар вводит юридическое понятие «*dominium*» применительно к земельному участку. Возникает вопрос, был ли он создателем этого понятия или, возможно, ранее оно уже использовалось его учителем Сервием Сульпицием Руфом, современником Цицерона.

Скорее всего, авторство этого понятия все же следует приписать Альфену Вару. И вот по каким обстоятельствам. Термин «*dominium*» неизвестен Цицерону, который прекрасно знал юридическую терминологию. В сочинениях Цицерона фактически содержится ясное понимание самого института частной собственности на землю, он ясно понимает правомочия, связанные с этим институтом: *uti, frui, possidere*,

<sup>1126</sup> Именно отсутствие резервов *ager publicus* в Италии для наделения ветеранов земельными участками заставило Цезаря и Октавиана прибегать к насильственным конфискациям, покупке земли или выведению ветеранских колоний в провинции.

<sup>1127</sup> См.: *Hinricht F. T. Geschichte der gromatischen Institutione, Untersuchung zur Landverteilung, Landvermessung und Bodenrecht im Römischen Reich.* Wiesbaden, 1974; *Die römische Feldmäßkunst: interdisziplinäre Beiträge / Hrsg. von Behrends O., Capogrossi Colognesi L.* Göttingen, 1992.

<sup>1128</sup> О поместье как особом хозяйственном организме и его правовом положении см.: *Steinwenter A. Fundus cum instrumento. Ein agrar- und rechtsgeschichtliche Studie.* Wien-Lpz., 1942.

<sup>1129</sup> Предполагается, что Вар был в комиссии с А. Поллионом и К. Галлом, которая занималась конфискацией земель в Транспаданской Галлии и распределении земельных участков среди ветеранов Октавиана в 41 г. до н. э.

habere, но термина «dominium» не знает. В его трудах широко применяются термины «domination» и «dominatus», но они имеют более политическое, несколько отвлеченное от правового содержание. Вряд ли это было случайно.

В бурную эпоху гражданских катаклизмов, времени падения Римской республики и связанной с ней системой политических и правовых ценностей, сложного и противоречивого переплетения традиционного легитимизма и военного насилия, Цицерон, да и другие политики, оказались на распутье. Возможно предположить, что такое понятие («dominium») как итог длительных процессов и не могло появиться во времена Цицерона. Не могло появиться потому, что последнее пятидесятилетие Римской республики, начиная с Суллы, было временем сложных переходных процессов, когда разлагались старые отношения и рождались новые. Это был период глубокого потрясения всех сложившихся владельческих отношений. Грандиозные конфискации земельных владений и выведение на них колоний сулланских ветеранов показало, насколько неустойчивыми были сложившиеся владельческие отношения. Но эти грандиозные конфискации и перераспределение земли диктатором Суллой нельзя рассматривать только как чистое насилие над правом и законностью<sup>1130</sup>. Сулла действовал если не на вполне законном, то на полузаконном основании, как легально назначенный сенатом римский магистрат, наделенный чрезвычайными полномочиями. Действуя от имени общины как ее магистрат, он располагал неким правом распоряжения землей и имуществом ее граждан, правом ее раздела и передела. Сулла в своей репрессивной политике опирался на идеологию верховенства общины над гражданином, использовал в полной мере приоритет гражданского коллектива в целом над его отдельными членами. По этому пути пойдут впоследствии и вторые триумвиры, когда они станут выводить в колонии своих многочисленных ветеранов, не останавливаясь перед конфискациями уже распределенных земель, нарушая сложившиеся владельческие отношения, подчиненные верховенству законных римских магистратов, выражавших интересы всей общины.

Вместе с тем можно отметить и другую правовую основу грандиозных земельных конфискаций и перераспределения земли Суллой и вторыми триумвирами. Эти земельные конфискации были проведены после победы в военных действиях поддерживающими их сторонниками из числа римской аристократии или италийских городов. Естественно, победители, в частности Сулла, в меньшей степени Цезарь, в большей степени вторые триумвиры относились к побежденным по праву войны, т.е. их имущество, включая землю, переходило в собственность победителя, которая могла распределяться по их усмотрению. В политике земельных конфискаций и перераспределения земли в конце Республики во время гражданских войн в действиях пришедших к власти диктаторов (Суллы или триумвиров) нашли причудливое сочетание противоположные правовые основания: с одной стороны, их полномочия как законно утвержденных магистратов, действующих от имени всей общины, с другой стороны, право войны, исконное право победителей на все имущество побежденных противников. И в постоянном противоборстве этих правовых принципов формировалось право частной собственности на землю<sup>1131</sup>.

<sup>1130</sup> Очень сложную проблему соотношения насилия-произвола и права в конце Республики успешно разрабатывает профессор Л. Лабруна. См.: *Labruna L. Vim fieri veto. Napoli, 1971; Idem. Tutela del possesso fondario e ideologia repressiva della violenza nella Roma repubblicana. Napoli, 1981; Idem. La violence, instrument de lutte politique a la fin de la republique // Dialogue d'histoire ancienne. 1991. P. 119–137.*

<sup>1131</sup> *Штаерман Е. М. Древний Рим... С. 76–85.*

Цицерон как непосредственный участник и очевидец всех этих потрясений не мог сформулировать как однозначное, как незыблемо установленное понятие «неприкосновенная частная собственность», воплощенное в термине «*dominium ex iure Quiritium*». Как сторонник и идеолог уходящих в прошлое республиканских порядков<sup>1132</sup>, в том числе принципа верховенства интересов общины над отдельным гражданином, Цицерон видимо еще не воспринимал во всем объеме полноту частной собственности по аналогии с понятием «полнота власти господина над рабом», заключенное в термине «*dominus*». Вот почему в его лексиконе используются понятия «*domination*» и «*dominatus*», но не «*dominium*»<sup>1133</sup>.

Пришедшая к власти партия Октавиана Августа, приступив к формированию нового имперского порядка, прекрасно понимала, что укрепление владельческих отношений есть основа общественного порядка, спокойствия и экономического процветания в обширной державе. Среди множества различных мер по укреплению владельческих отношений происходило четкое юридическое определение понятия полной и неприкосновенной частной собственности на землю, предполагающей свободное от всяких опутывающих связей, налогов, гарантированное государством хозяйствование на земле. Только что появившийся термин «*dominium*» лучше всего и полнее всего выражающий сложное понятие «частная собственность» оказался включенным в римское право<sup>1134</sup>. Объявив распределенные земли в Италии как *dominium ex iure quiritium*, осятив религиозными обрядами, объявив установленные границы участков священными и неприкосновенными, обеспечив реальное хозяйственное использование земель без нарушения прав соседних собственников, Октавиан Август вывел юридически итальянские земли из-под верховной юрисдикции римской общины. Тем самым он ликвидировал опасность насильственных переделов и новых конфискаций.

Захвативший в результате гражданской войны высшую власть в потрясенной междоусобицами державе, Октавиан Август и его сторонники решили подвести черту под полустабильным прошлым, взяв курс на построение того, что сейчас можно назвать правовым государством. В сущности говоря, он выполнял завет великого предшественника Цицерона: «Тот, кто презирает гражданское право, низвергает совместную жизнь и общую пользу граждан. Гражданское право необходимо охранять, ибо, если оно будет уничтожено, нельзя будет знать, что свое и что чужое, не будет равных для всех прав, никто не будет уверен в том, что сохранит полученное от отца имущество, которое рассчитывает оставить детям. Какая польза от приобретения без уверенности в том, что его оставит по праву собственности, какая польза обладать имением без установленного предками права границ, права владения? Ведь в большей степени граждане получают наследство благодаря праву и закону, чем благодаря тому, кто его завещал» (*Cic. Pro Caec. 25–26*). И в этом утверждении гражданского права как системы одной из важнейших основ стало найденное понятие «*dominium ex iure Quiritium*».

<sup>1132</sup>О противоборстве новых и старых принципов мышления Цицерона см.: *Moatti Cl. Tradition et raison cher Cicéron: l'émergence de la rationalité politique à la fin de la République romaine // Melanges de l'Ecole française de Rome antique. 1988. T. 10. P. 379–430.*

<sup>1133</sup>*Capogrossi-Colognesi L. La struttura della proprietà... Vol. I. P. 480–489.*

<sup>1134</sup>Приведем это первое упоминание *dominium ex iure Quiritium* Варом из его сочинения «*Alfeni digestorum*»: *Qui dua praedia habebat in unius venditione aquam, quae in fundo nascebatur, et circa eam aquam late decem pedes exceperat: quaesitum est utrum dominium loci ad eum pertineat an ut per eum locum accedere possit. Respondit, si ita recepisset: circa eam aquam late pedes decem, iter dumtaxat videri venditoris esse (D. VIII. 3. 30).*

Ко времени окончания гражданских войн в римском обществе и правосознании римских граждан институт частной собственности на землю уже рассматривался как определенная гарантия хозяйственного развития и социальной стабильности в обществе. К тому же богатый исторический опыт аграрных и общественных катаклизмов II–I вв. до н. э. создавал много прецедентов, которые закладывали основы для завершения юридической разработки понятия права частной собственности: здесь и отмена налога на землю, и резкое ослабление верховенства *civitas*, и активизация гражданского оборота, и понимание полноты собственности на раба. Наконец, в законодательстве Гракхов и последующих реформаторов была найдена лучшая юридическая формулировка правомочий собственника, а именно — *uti, frui, possidere, habere*. Не доставало только четкого, краткого, всеобъемлющего термина, обозначающего право частной собственности как совокупности уже сформированных правомочий. То, чего не сделал Цицерон и Сульпиций Руф, сделал Альфен Вар, активный сторонник идущего к победе Октавиана, проводник его конфискаций и раздачи участков ветеранам в Транспаданской Галлии, удостоенный высокого звания *consul suffectus* в 39 г. до н. э. Кстати, его сын во 2 г. до н. э. был удостоен избрания в консулы, т.е. семья Альфена Вара была повлечена в ту активную деятельность Октавиана Августа, которая должна была внести успокоение и стабилизацию в уставшем от гражданских потрясений и аграрных кризисов римском обществе.

Вместе с тем процесс формирования института частной собственности на земельный участок в римском обществе в целом, и в правосознании римских граждан, в частности был далеко не гладким процессом. В обществе и правосознании устойчиво сохранялись традиционные взгляды и стереотипы правового мышления о том, что земля принадлежит всему римскому народу, а каждый гражданин-земледелец выступает только ее владельцем. Например, еще во время Колумеллы, т.е. в 60 г. I в. н. э., религиозный взгляд на землю как всеобщую мать, так сказать, принадлежащую всем людям, продолжал сохраняться, и Колумелле приходилось страстно оспаривать с его точки зрения это заблуждение. А это заблуждение, по мнению Колумеллы, разделяли не только простые сельские жители, но и такие высокообразованные люди как Теренций Варрон и Трелллий Скрофа. Не чужд был этому взгляду Туллий Цицерон, Гораций и др. Так Цицерон в трактате «*De officiis*» утверждал, что ничто не является частным по природе, но частная земля возникает или через древнюю оккупацию или через занятие пустующего участка, или вследствие договора, жребия или закона. Например, территория Тускула — это земля тускуланцев, а частные земли — лишь ее часть. Частное владение происходит от того, что по природе было общим владением народа (*De off. I. 7*). Еще более определенно по этому поводу высказывался современник Колумеллы философ Сенека. Хотя твоя земля, — писал он, — перешла к тебе от отца и деда, но раньше она была у других людей. Ты ею владеешь не как собственник (*dominus*), а как колон (*colonus*). Она — общая собственность (*publicum*) человеческого рода, а согласно юристам, общественную собственность нельзя приобрести долгим пользованием (*usucapio*) (*Sen. De trang. animi. II*).

Весьма устойчивым в обществе, особенно в среде сельского населения было представление о земле как объекте прежде всего трудовой деятельности ее обладателя. Владелец земельного участка и в общественном мнении и в правосознании граждан обязан был его обрабатывать. Если владелец свой участок не обрабатывает и он, к примеру, зарастает кустарником, то другой гражданин, начавший его обработку, получает на него владельческие права, в том числе и против прежнего хозяина (*Dig. XLI. 3, 4, 25, 27*). Приобретение имущества на том основании, что оно пустовало,

было столь же законно, как если бы оно было куплено или получено по наследству (Cic. Ad Her. IV. 29).

В сущности говоря, среди правомочий земельного собственника *uti, frui, possidere, habere*, перечисленных в законе 111 г. до н. э. термин «*frui*» как раз и предполагал ее обработку, и тем самым создавал легитимную возможность перехода земельного участка от собственника, который не использует это правомочие, к новому владельцу, который его реализует. Конечно, такое и общественное мнение, и его правовое толкование не могло не тормозить выработку, так сказать, неприкосновенного права частной собственности на земельный участок.

Тесная связь права собственности на участок с его обработкой, с одной стороны, восходит к традиционным представлениям об активной трудовой деятельности каждого гражданина как его гражданском долге перед общиной, выделявшей ему земельный участок, а, с другой стороны, община осуществляла контроль за использованием земельного участка на благо всей общины.

Раздача со времени Цезаря ветеранам земельных участков, которые по существу уже не рассматривались как часть общинного фонда, а как военная добыча, имела любопытную правовую деталь. Эти участки, полученные ветеранами от своего полководца, объявлялись неотчуждаемыми, т.е. не подлежащими продаже. Тем самым с правовой точки зрения правомочия владельца этого участка ограничивались. Понятно, чем руководствовались диктаторы, распределяющие земли своим ветеранам: они хотели их закрепления на земле, хотели оградить от возможных кредиторов. Но с правовой точки зрения этот запрет отчуждения серьезно ограничивал правомочия землевладельца и по существу восходил к традиционным представлениям о верховенстве общинной собственности. Правда, ветераны, получившие земельные владения, как сообщают источники, вскоре стали их продавать, т.е. нарушать важнейшее условие их первоначального статуса. Цезарь был вынужден пойти на компромисс, ограничив срок неотчуждаемости двадцатью годами, а Август снял всякое ограничение, тем самым придав им правовой статус частного собственника, предполагающий полноправное правомочие по распоряжению имуществом. Однако до Августа запрет на отчуждение земельного участка действовал и означал серьезное ограничение правомочий владельца земли и тем самым его права частного собственника.

В классическом римском праве, когда проблемы с определением правомочий частного собственника земельного участка были определены, а его *dominium* воспринимался правосознанием общества как частная собственность в ее полном объеме, началась активная юридическая разработка данного института. Действительно, правовое сознание I–III вв. считало несправедливым, если в *dominium* какого-либо гражданина открывался один источник воды на всю округу, единственный прогон на общее пастбище, общий лесной массив или единственный глиняный карьер. В таком случае по закону или традиции собственник *dominium*'а обязан был обслужить (*servire*) соседние участки доступом к источнику воды, проходу на пастбище, в лес, к глиняному карьеру, месту добычи извести, обеспечив место для проведения общественной дороги. Правда, римское право предусматривало специальные меры, защищающие права частного собственника в виде точно фиксированных границ таких сервитутов. Иначе говоря, законодательство учитывало особенности правосознания граждан, рассматривающих свое право на землю, хотя бы в форме обязательного предоставления на *dominium*'е частного собственника определенных прав на использование необходимых сервитутов, как остатков некогда общего права на общинную территорию. Кстати, и в современных правовых системах предусматривается

верховенство общественного интереса над правом частной собственности на земельный участок.

Таким образом, формирование как самого института частной собственности на землю, так и его правовая разработка в римской юриспруденции, отражая самые различные, даже самые крупные изменения в социально-экономическом и политическом развитии римского общества, проходило в сложном постоянном противоборстве двух главных тенденций в правосознании римских граждан. С одной стороны, традиционная ориентация, восходящая к древним временам, трансформировавшаяся в правосознание граждан римской *civitas* как единого *populus Romanus*, по природе собственника своей земли, своей страны (Cic. De off. I. 7). С другой стороны, усложнение социально-экономической и политической структуры, вышедшей за пределы небольшой *civitas romana*, требовали интенсификации гражданского оборота, постановки новых глобальных задач. А решить их можно было через формирование нового правосознания, внедрение института частной собственности на землю и его всестороннюю разработку в римской правовой системе.

В конечном итоге в римском классическом праве это противоборство двух главных тенденций завершилось историческим компромиссом, столь ярко обозначившимся в сложном правовом термине «*dominium ex iure Quiritum*». В этом термине получили выражение и максимальная для римской классической древности полнота правомочий собственника, в данном случае на землю, и в скрытом виде остатки традиционного взгляда о высшей юрисдикции римской *civitas*, как коллектива римских граждан на землю своей страны как естественной среды обитания.

В зависимости от той или иной точки зрения специалистов (историков, экономистов или юристов), в содержании понятия «частная собственность» или «право частной собственности на землю» в римской древности выдвигается то одна сторона проблемы (полнота частной собственности и его права), то другая (большие или меньшие остатки традиционного взгляда на верховенство коллектива *populus Romanus*). И этот научный спор будет продолжаться и в будущем, поскольку частичная истина будет на стороне каждого оппонента.





## Раздел II

# Земледелие и агротехника древней Италии

**Из истории сельского хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э.  
(Римское почвоведение и почвы древней Италии)\***

### I

Вопросы античного почвоведения и географии почв Древней Италии слабо исследованы как в исторической, так и в специальной историко-агрономической литературе. В настоящей статье мы попытаемся суммировать представления древнеримских агрономов о почве и их взгляды на этот предмет, а также набросать контуры «почвенной карты» древней Италии, выяснить степень плодородия почв в разных областях Италии, их пригодность для тех или иных культур.

Следует сразу же оговориться, что в распоряжении исследователя мало данных, и многие важные вопросы остаются нерешенными или неясными. Основные сведения о почвах Италии содержатся в работах римских агрономов: Катона, Варрона, Вергилия, Колумеллы, Плиния<sup>1</sup>. Их данные неполны, неточны, расплывчаты, это беглые замечания, случайно упомянутые названия, иногда одинокие термины<sup>2</sup>. Тем не менее, собрав эти отрывочные и разрозненные заметки, можно получить хотя и неполную, может быть однобокую и туманную, но все-таки некоторую картину античного почвоведения.

Для решения вопроса о почвах древней Италии ценные данные могло бы дать «археологическое почвоведение», тщательный рентгеноскопический и агрохимический анализ древних ножи, остатков растений и других органических веществ. Как известно, работы по определению возраста перегноя (гумуса) под курганами и в ковыльной степи, начатые в начале XX в. Городцовым, при всем несовершенстве тогдашних методов исследования дали ценные результаты<sup>3</sup>. К сожалению, в наших руках подобных анализов древних почв Италии пока нет. Сведения о почвах современной Италии могут дать некоторое представление о почвах древности, однако следует учитывать, что за 18–20 столетий произошли изменения в мощности слоя, структуре почв, возможно, в самом характере почвообразовательного процесса.

Древние агрономы, понятно, не могли иметь научных представлений о ходе почвообразовательного процесса, сложном химическом составе почвы, деятельности

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1964. № 3. С. 15–37.

<sup>1</sup> При ссылках на: Cat. De agr.; Varr. De re rust.; Col. De re rust.; Plin. Nat. Hist. названия произведений опущены.

<sup>2</sup> К сожалению, до нас не дошел специальный список почв, составленный римским агрономом начала I в. н. э. Юлием Грецином (Col. III. 12. 1).

<sup>3</sup> Бурский М. И. Перегной почв и история агрикультуры // История агрикультуры. М.—Л., 1940. С. 6–18.



микроорганизмов, об аэрации и т.п., а потому их представление о почве было сугубо эмпирическим, утилитарным, а то или иное воздействие на нее, в конечном счете, было случайным, делалось на ощупь, было малоэффективным.

Однако такие свойства почвы, как ее механический состав, физические качества, структурность или бесструктурность, тепловой и водный режимы, профиль и соотношение слоев, плодородие и его восстановление, были так или иначе известны древнеримским авторам, которые писали о них иногда с удивительной для того времени обстоятельностью и полнотой.

Начнем с анализа механического состава почвы. Почва, вернее ее твердая фаза, состоит из частиц минеральных, органоминеральных и органических веществ разной величины — от грубых частиц размером более 1 мм до тончайших коллоидных частичек менее 0,0001 мм. Размеры частиц, составляющих почву, и количество частиц разного размера характеризуют механический состав почвы, с которым связаны физические, физико-механические, физико-химические и даже химические ее свойства. В зависимости от преобладания в почве частиц той или иной величины в современном почвоведении различают почвы глинистые, суглинистые, супесчаные, песчаные, хрящеватые или щебневатые<sup>4</sup>.

Самые полные сведения о составе почвы находим у Варрона (I. 9. 2): почва состоит, пишет он, из многих самых разнообразных элементов — камня (*lapis*), извести (по переводу М. Е. Сергеевко — стр. 7 — *marmor*), щебня (*rudus*), песка (*harena*), гравия (*sabulo*), белой глины (*argilla*), красной глины (*rubrica*), пыли (*pulvis* — следует понимать, очевидно, — очень мелкого песка), мела (*creta*), золы (*cinis*), угля (*carbunculus*). Колумелла добавляет еще *glarea* (крупный песок). Свое перечисление Варрон начинает с камня, т.е. с самых грубых, громоздких частей (частицами и не назовешь), далее идет известь, имеющая более мелкие частицы, и т.д. В сущности говоря, здесь видна определенная система — от более крупных частиц до более мелких<sup>5</sup>. Если привести современные данные о размерах почвенных частиц, то можно сказать, что Варрон дает перечисление частиц от довольно крупных до 0,001 мм, так как пыль и «зола»<sup>6</sup> скорее всего состоят из частиц порядка 0,001 мм, во всяком случае гораздо меньших, чем частицы глины и мела, которые обычно определяются в 0,01 мм. Ни Варрон, ни другие римские сельскохозяйственные писатели не говорят о своих методах определения механического состава почвы, однако трудно допустить, чтобы отчетливое понимание этого предмета и выделение разных категорий почв, состоящих из столь мелких частиц, вплоть до 0,001 мм, могло быть достигнуто лишь путем практического наблюдения, без каких-либо пусть даже и примитивных анализов<sup>7</sup>.

<sup>4</sup> Виленский Д. Г. Почвоведение. М., 1954. С. 107, 136, 143.

<sup>5</sup> Правда, есть два исключения: *harena* (мелкий песок) назван перед *sabulo*, а на последнем месте стоит не вполне понятный термин *carbunculus*, который М. Е. Сергеевко определяет как «какую-то составную часть почвы, которая под действием солнечных лучей накаляется так, что обжигает корень» — см. Варрон. Сельское хозяйство. М.—Л., 1963. Перевод, комментариев и вступительная статья М. Е. Сергеевко. С. 137.

<sup>6</sup> В рукописном тексте стоит *ignis*, но Кейль справедливо предложил более понятный и вытекающий из контекста термин *cinis* (см. Варрон. Сельское хозяйство... С. 137). *Cinis* в данном случае не зола как таковая, как вещество, а особый вид почвы, определяемой в качестве зольной, рыхлой, рассыпчатой, состоящей из очень мелких частиц (см. Варр. I. 9. 7).

<sup>7</sup> Д. Г. Виленский (Указ. соч. С. 138) пишет, что попытки механического анализа почв имели место еще в глубокой древности. Так, в трактате IV или V в. до н. э., приписываемом Гиппократу, описаны

В зависимости от преобладания того или иного компонента почва получала название меловой или белоглиняной (*cretosa* — Cat. 34; Varr. I. 9. 3; Col. II. 2. 9; Plin. XVII. 25), гравистой (*sabulosa* — Varr. I. 9. 5) — причем делалось различие между гравием белым и красноватым (*albus* и *rubicundus*), — каменной (*saxosum* — Col. II. 2. 12), подзолистой<sup>8</sup> (*terra cinerei coloris* — Col. II. 2. 14–15), илистой (*sola limosa*), засоленной (*campi salinarum, area salinarum* — *ibid.*; Plin. XVII. 27).

Различали глинистую почву (Plin. XVIII. 175), красную землю (*rubricolus*, — возможно, разновидность глинистых почв — Cat. 34; Plin. XVII. 25), интересно упоминание об углеизвестковой, т.е. содержащей в преобладающем количестве карбонатные соединения, земле (*carbunculus* — Plin. XVII. 26), о туфовой почве<sup>9</sup>, песке — причем отличали песок красный (*rubrum sabulum*), от белого (*album*) и черного (*nigrum*), считавшихся бесплодными (Plin. XVII. 25).

Есть упоминание о красной земле (Plin. XVII. 33), о плодородных кампанских мягких черных почвах (*pulla* — Cat. 34), о щебенистых (*redecta* — Cat. 34; 35; 131) почвах.

Вышеприведенные данные можно свести в своего рода таблицу почв по размерам частиц:

- I. Каменистая (*saxosa*)
- II. Хрящеватая (*rudecta*)
- III. Песчаные почвы
  1. Песчаный туф (*tufosa*)
  2. Гравистая (*sabulosa*)
  3. Крупнопесчаная (*glareosa*)
  4. Песок (*harena*)
- IV. Глинистые почвы (которые отличались между собой по механическому признаку, но ближе эти различия нам неизвестны).
  1. Белоглиняные (*argilla*)
  2. Красноглиняные (*rubrica*)
  3. Меловые (*creta*)
- V. *Pulla* — кампанская рыхлая
- VI. Зольная (*cineasea*)
- VII. Илистая (*limosa*)
- VIII. Углеизвестковая (*carbunculus*)

При рассмотрении этой классификации не может не броситься в глаза отсутствие в ней столь известных сейчас и широко распространенных суглинистых и супесчаных почв и их разновидностей. Римские агрономы знали, конечно, о существовании этих разновидностей почв<sup>10</sup> и определяли их качество именно количественным соотношением разных почвенных частиц, как это делается и сейчас. Так, Колумелла (V. 8. 5) пишет о смеси *sabulo* с *creta*, лежащей на слое *glarea*. А что такое сочетание крупного песка с глиной, состоящей из очень мелких частиц, как не супесчаная или суглинистая почва (в данном случае скорее супесчаная)? Определение этого рода

вается метод механического анализа посредством осаждения (седиментации) частиц почвы в воде. О значении эксперимента в практике сельского хозяйства см. Varr. I. 18. 7–8.

<sup>8</sup> Термин «подзолистая почва», «подзол» здесь условен и обозначает почву цвета золы.

<sup>9</sup> Verg. Georg. II. 212; Plin. XVII. 20

<sup>10</sup> См. Verg. Georg. 177 и сл.; Varr. I. 9. Под «средней» землей Варрон, видимо, понимает как раз суглинистые или супесчаные почвы. См. также: Col. II. 15. 4, особенно III. 11. 7 (гравий, смешанный с жирной землей — глиной).

почвы дается на основе того представления, что здесь смешаны не просто различные вещества как таковые, но вещества, состоящие из разных по размеру частиц. Перед нами свидетельство того, как римские агрономы преодолевают свойственные многим отсталым народам примитивные представления о почве как совокупности веществ и приближаются к пониманию механического состава почвы в современном значении этого понятия.

Однако, дифференцируя и выделяя более или менее четко различные по величине почвенные частицы, иногда очень мелкие, римляне весьма смутно понимали значение количественного соотношения разных почвенных частиц и потому упрощали сложную картину почвенных видов, сбиваясь на понимание скорее вещественного состава почвы, чем механического.

Потому-то они не могли четко различить и выделить разные переходные почвы, вроде различных категорий суглинистых и супесчаных почв, хотя и различали многие виды глин и песка вплоть до пяти его подвидов.

От механического состава почвы зависят такие свойства почв, как их окраска, влагоемкость и водопроницаемость, плотность и порозность, тепловой режим и т.д. Определенное понимание механического состава почвы у римлян приводило к соответствующему объяснению физических и физико-механических свойств.

В произведениях римских агрономов большое внимание уделено цвету, окраске почвы. Окраской прежде всего почва отличается от материнской породы; от того или иного цвета почвы зависят ее свойства, в частности способность к поглощению солнечной радиации, теплопроводность, теплоемкость и температурный режим почвы в целом. Считалось даже, что цвет почвы служит показателем ее плодородия. «Я вспоминаю, что многие писавшие в старину о сельском хозяйстве, — пишет Колумелла (II. 2. 14–15), — приводили в качестве общепризнанных и несомненных признаков жирной и плодородной земли сладимость, ей присущую, хороший рост трав и деревьев, черный или серый цвет. Относительно прочего не спорю, что же касается цвета, то я не могу надивиться как на остальных, так особенно на Корнелия Цельза...: так заблуждаться, быть настолько слепым, чтобы не видеть множества болот, множество солончаков именно указанного цвета» (пер. М. Е. Сергеевко). Древние писатели не понимали, чем определяется цвет почвы, а эмпирически устанавливали сравнительное плодородие разных по окраске почв. Особое предпочтение отдавалось черному и серому цвету почвы, что было понятно, так как обычно такой цвет обусловлен обилием перегнойных веществ, создает благоприятный тепловой режим. В римской литературе приводятся названия различных по цвету категорий почв: черная, пепельная, красная, красноватая, белая, меловая. Все эти почвы существенно различались и по своим качествам, плодородию, методам и приемам обработки<sup>11</sup>.

Очень важным критерием при классификации почв считалась влажность поля, да это и понятно для Италии, где осадки неравномерно распределяются по разным районам, много рек и речек, рельеф пересеченный, грунтовые воды обильны. В пределах одного района, даже одной латифундии, крутые склоны, отлогие холмы, низины имели разные по влажности почвы. Поэтому классификация почв по признаку влажности у римлян была разработана довольно полно.

Наиболее подробно разрабатывает ее Колумелла. Он упоминает так называемую мокрую, «т.е. содержащую излишнюю влагу» почву (*terra lutosa, limosa* — II. 4. 5–6; ср. *Cat. 131: aquasissima*), видимо, отличая от нее сырую или влажную почву (*humida*,

<sup>11</sup> Varr. I. 9. 5; Plin. XVII. 25–31.

uliginosa — III. 12. 1 и 3; III. 1. 5; Plin. XVII. 33; ср. Varr. I. 9. 4: *umidiora*), надо думать с несколько меньшей влажностью, чем *lutosa*. Далее шли средние (*mediocres* — Varr. I. 9. 4) и, наконец, сухие (*aridiores, sicca* — Col. II. 2. I)<sup>12</sup>. Естественно, для каждого из этих видов почв существовали свои особые приемы обработки. Так, Колумелла (II. 4. 5) предостерегает от несвоевременной вспашки мокрой земли, которая от этого делается бесплодной на несколько лет.

Отдельного рассмотрения заслуживает деление почв по жирности, которому все римские агрономы уделяли особое внимание. Почвы подразделялись на жирные (*praeringuis, pinguis*), средние и тощие (*macer, exilis, tenuis* — Varr. I. 9. 4–5; Col. II. 2. 1 и 13). Заметим, однако, что представление о жирности и самое понятие «жирность почвы» не было достаточно ясным. Жирными считались плотные почвы, т.е. глинистые или суглинистые<sup>13</sup>. Жирными могли называть и песчаные почвы<sup>14</sup>, и меловые (*cretosa*)<sup>15</sup>, и наносные почвы долин (Verg. Georg. II. 184), и вулканического происхождения черноземы Кампании (Strabo. V. 4. 8).

Жирные почвы не считались идеальными (Col. III. 12. 3), пригодными для всех культур. Эти почвы требовали небольших расходов при обработке (Col. II. 2. 5), так как не нуждались или мало нуждались в удобрении. Часто жирная земля определялась как плодородная — *laeta* (Col. III. 12. 3) и *fertilis* (Col. II. 2. 14), в другом месте (III. 12. 3) Колумелла говорит об избытке (*luxuria*) питательных соков в такой земле.

Характерным признаком жирной почвы было то, что она мазалась, липла к рукам, т.е. обладала большой вязкостью (Verg. Georg. II. 248)<sup>16</sup>, что при недостатке влаги делало ее необычайно плотной и требовало очень больших усилий при вспашке и особых плугов<sup>17</sup>.

Примитивность пахотных орудий делала древнего земледельца очень чувствительным к плотности или рыхлости почвы, иначе говоря, ставила перед ним проблему связности почвы.

Чрезмерная плотность или связность почвы не только затрудняет ее обработку, но и служит препятствием для проникновения корней культурных растений<sup>18</sup>. Связность почв тесно связана с их влажностью. При повышении влажности глинистых и суглинистых почв их связность уменьшается, а у песчаных почв, обычно сухих, зависимость обратная. Как известно, довольно плотные земли были в Лации и Этрурии<sup>19</sup>, а Плиний Старший в общей форме сообщает, что «в Италии во многих местах по восемь волов в одном плуге выбиваются из сил» (XVIII. 170). Тем не менее, несмотря на большую плотность почв Этрурии и Лация — скорее всего глинистых

<sup>12</sup> В современном почвоведении классификация почв по степени влажности (см. Виленский Д. Г. Указ. соч. С. 108) в основных чертах совпадает с делением римских агрономов.

<sup>13</sup> Plin. Ep. V. 6. 8 и 10. Судя по тому, что на этих почвах «трудно найти камень», следует думать, что в Тусках были как раз глинистые почвы.

<sup>14</sup> Col. II. 2. 25: *atque eiusmodi terram pinguibus arenis putrem veluti cinerem solutam.*

<sup>15</sup> Plin. XVII. 25: «Меловые почвы Альбы Помпейской предпочитают всем другим для винограда, хотя это и жирные почвы».

<sup>16</sup> Высокая степень связности характерна для почв глинистых или суглинистых и менее характерна для других почв, однако, как замечает Плиний (XVII. 26), вязкость не всегда может служить показателем жирности.

<sup>17</sup> Plin. Ep. V. 6. 10; Plin. XVIII. 170.

<sup>18</sup> Col. III. 12. 2–3: *perdensam humum caelesteis aquas non sorbere, nec facile perfiari, facillime perrumpi et praebere rimas, quibus sol ad radices stirpium penetret* и т.д.

<sup>19</sup> Cat. 135; Strab. V. 3. 5; Plin. Ep. V. 6. 10; III. 19. 5. Производство получивших известность крепких плугов в Риме, очевидно, было вызвано преобладанием плотных почв в Лации.

и суглинистых — их обработка облегчалась достаточным количеством осадков, а недостаток осадков в Апулии делал ее плотные почвы очень трудными для вспашки<sup>20</sup>.

Древние агрономы четко и детально описывали разные по плотности почвы и приемы их обработки. Так, все почвы делились на три вида: плотные (*densa, spissa, valida*), средние (*mediocra*) и рыхлые (*soluta, resoluta, levis, puter*)<sup>21</sup>.

Особо славился рыхлостью, малой связностью и, следовательно, легкостью обработки мягкий чернозем — так называемая *pulla* — Кампании<sup>22</sup>, где пахали легкими плугами и на осликах.

Наряду со связностью и плотностью римские агрономы знали и о других физико-механических качествах почвы, таких, как ее липкость<sup>23</sup>, о набухании или усадке почвы<sup>24</sup>, наконец, о ее спелости. Спелость почвы — это такое ее состояние, когда она легче всего подвергается обработке, когда наиболее благоприятны ее влажность и тепловой режим. Выбору наиболее удачного момента для вспашки и в литературе и в практике уделялось большое внимание. Как известно, к I в. н. э. был разработан весьма подробный сельскохозяйственный календарь, где вспашку разных категорий земель рекомендовалось производить в строго определенные дни (особенно подробно — Col. IX. 2).

Начиная с Катона все сельскохозяйственные писатели придавали большое значение делению почв по тепловому признаку, четко различая почвы: горячую (*calda* — Cat. 6. 1; Varr. I. 24. 1; Col. III. 12. 1 и 3), теплую (*tepida*), холодную (*frigida* — Cat. 6. 2; Col. II. 7), причем Катон указывал на самые горячие (*caldissima* — 34. 1) и самые холодные почвы (*frigidissima* — там же, ср. Col. III. 12. 1: *praegelida*). Следует обратить внимание на то, что наиболее четко представление о горячих и холодных почвах у Катона<sup>25</sup> и Колумеллы, особенно у последнего, различавшего также и теплую почву (*tepida*). Однако и для него (как и для Катона) важно было лишь указать на такое деление и показать его практическое значение. Ни тот, ни другой не пытаются объяснить или хотя бы определить различие между горячей и холодной почвой.

А между тем перед нами одно из крупных достижений античного почвоведения — представление, хотя и смутное, о тепловом режиме почвы. Значение теплового режима почвы, ее температуры, теплового излучения и поглощения, теплоемкости и теплопроводности для роста и развития растений огромно. Семена различных культур по-разному прорастают, корневая, система по-разному развивается при разных температурах. От температуры зависит и деятельность различных микроорганизмов почвы<sup>26</sup>.

<sup>20</sup> Ср. Plin. XVII. 41: «Легкость обработки для некоторых почв зависит и от погоды, и иногда плодородие почвы имеет ту невыгодную сторону, что она после дождя становится вязкой и ее нельзя пахать. Напротив того, в Бизации, в Африке, мы видели, как поле, приносящее урожай сам-150, вспахать которое в сухую погоду не могут никакие быки, после дождей пашет слабый ослик».

<sup>21</sup> Cat. 135; Varr. I. 20. 3; Col. II. 2. 1; III. 12. 3.

<sup>22</sup> Cat. 34; 135; 151. 2; Varr. I. 20. 3.

<sup>23</sup> Verg. Georg. II. 250–255 — о жирной земле, которая липнет к рукам, мажется; Plin. XVII. 27 — о земле, пристающей к пальцам; Col. II. 2. 18. Подробнее см. *Strzemski M. Gleboznawstwo Rzymu starozytnego // Meander. 1958. № 10.*

<sup>24</sup> См. ниже о *limosa arva, lutosus ager*.

<sup>25</sup> Характерно, что Варрон лишь дословно повторяет утверждения Катона о горячих и холодных почвах, не высказывая к ним своего отношения. Следует думать, что Варрон не совсем понимал агрономическое значение этого деления. Во всяком случае, в гл. 9, где речь идет о почвах и ее разновидностях, он ничего не говорит о горячих и холодных почвах.

<sup>26</sup> *Вербин А. А. и др. Земледелие. М., 1958. С. 86 сл.*

В связи с этим меняются сроки вспашки и посева, вегетационного периода в целом, вырабатываются особые приемы агротехники.

Современному исследователю даже не совсем ясно, какие почвы считались у римлян горячими, теплыми или холодными. Р. Бийяр полагает, что под холодными почвами Вергилия следует понимать скорее влажные почвы, чем почвы полей, обращенных на север<sup>27</sup>. Вопрос о горячей и теплой почве Бийяр оставляет открытым. Тем не менее, некоторый материал для более детального определения характера горячих и холодных почв появляется, если рассмотреть контекст, в котором встречаются интересные нас термины.

Особенно часты упоминания о холодной почве<sup>28</sup>. Очевидно, холодных земель было очень много, и сельскохозяйственное использование их было важной проблемой. Холодное поле — это вместе с тем очень часто и тощее поле (Cat. 6. 2). Обычно холодная почва упоминается и как залитая водой (aquasissima) или влажная (uliginosa). С этим хорошо согласуется характеристика, данная Колумеллой (III. 12. 1) холодной земле как почве с излишней влагой, которая, обладая малой теплопроводностью, холодом сковывает корни растений<sup>29</sup>. Как известно, малой водопроницаемостью и высокой влагоемкостью, плохой водоотдачей, слабой аэрацией и неблагоприятными тепловыми свойствами обладают чисто глинистые почвы<sup>30</sup>. Очевидно, холодные почвы древних авторов — это некоторые категории глинистых почв.

Немногочисленность и неясность упоминаний о горячей, определяемой также как жирной (crassa — Cat. 6. 2), почве несколько затрудняет более точное определение такого рода почв. Во всяком случае, горячая почва не считалась наилучшей (Col. III. 12. 1). Такие почвы считались особенно подходящими для хлебных культур, для столовых сортов маслин<sup>31</sup>, менее пригодными для виноградников (Там же). Сеять на горячем поле следует позже, чем на холодном и сыром (Cat. 6. 1–2). Но все эти указания весьма неясны. Для определения горячих почв важно указание на то, что они особенно хороши для маслин. Колумелла подробно описывает наилучшую почву для маслин: подпочва состоит из гравия, верхний слой представляет смесь крупного песка и белой (меловой) глины<sup>32</sup> — такая почва отличается очень хорошими тепловыми качествами<sup>33</sup>. Итак, горячие почвы древних, — возможно, супесчано-суглинистые почвы с достаточно мощным гумусным слоем, обычным для открытых ровных мест.

Большим достижением римского почвоведения было относительно четкое представление о профиле почвы, о ее различных слоях. Оно, очевидно, сложилось при наблюдении вертикального среза почвы в довольно глубоких (до 4 футов) ямах, выкапывавшихся для оливок и плодовых деревьев. Следует заметить, что в сочинениях Катона и Варрона никаких сведений о различных слоях почвы нет, но Колумелла о них знает уже хорошо. Ему известны два основных слоя: верхний и нижний, последний лежит, очевидно, на материнской породе<sup>34</sup>. Верхний слой — гумус — состав-

<sup>27</sup> Billard R. L'Agriculture dans l'antiquité. P., 1928. P. 35.

<sup>28</sup> Cat. 6. 2; Varr. I. 23. 7; 24. 1; Col. II. 7; III. 12. 1; Plin. XVII. 33.

<sup>29</sup> Col. III. 12. 1.

<sup>30</sup> Виленский Д. Г. Указ. соч. С. 144. О тощей бесплодной глинистой почве см. Plin. XVIII. 175.

<sup>31</sup> Древние, как правило, сажали оливковые деревья на хлебном поле, а маслинник засеивали зерновыми (Cat. 10; Col. V. 8).

<sup>32</sup> Col. V. 8. 5: aptissimum genus terrae est oleis cui glarea subest, si superposita creta sabulo admista est.

<sup>33</sup> Виленский Д. Г. Указ. соч. С. 144.

<sup>34</sup> Col. I. 5; II. 2. 21; 4. 5; 4. 7; III. 11. 2; 15. 5; de arb. 3.

ляет около 60 см<sup>35</sup>. Характеристика слоев очень общая, верхний слой определяется как самая плодородная часть почвы, а нижний как тощий<sup>36</sup>. Мало того, Колумелла обращает некоторое внимание на подпочву, предлагая самым тщательным образом исследовать ее<sup>37</sup>. Однако, впрочем, цитированное упоминание остается единичным, да и сведения Колумеллы об этом предмете были весьма смутны и неясны<sup>38</sup>.

Как бы то ни было, античные агрономы, видимо, начинали смутно догадываться о сложных связях между слоями почвы, о некоторых важных сторонах почвообразовательного процесса. Четкое понимание нарастания плодородия от подстилающих материнских пород до травяного покрова говорит о том, что почва рассматривалась как некое живое развивающееся тело, все части которого тесно связаны друг с другом. Следует думать, что Колумелла имел некоторое представление об особенностях подпахотного слоя, т.е. слоя ниже 3/4 фута<sup>39</sup>. Иначе говоря, сам верхний слой он делил на два подслоя (так сказать верхний слой I и верхний слой II) и во всяком случае уже четко понимал, что подпахотный слой менее плодороден: он имеет меньше питания, небогат органическими остатками в виде опавших листьев и т.п. (Col. II. 1. 6). Как известно, взаимодействию пахотного и подпахотного слоев в современном почвоведении и земледелии придается большое значение. Особенности, мощность этих слоев определяют систему обработки земли: виды и набор сельскохозяйственных орудий, борьбу с сорной растительностью и т.д.

Итак, вертикальный разрез почвы, ее профиль представлялся Колумелле таким: 1 — верхний горизонт, подразделяющийся в свою очередь на а) слой перегноя, пронизанный корнями трав, дерниной, гниющими листьями, сучьями и т.д., б) пахотный слой глубиной до 0,3 м, в) подпахотный слой, пронизанный корнями злаков, бобовых до глубины 0,6 м; все эти три подслоя составляют верхний слой, объединенный какими-то общими свойствами и определяемый в целом как гумус; 2 — горизонт до глубины 1,2 м; 3 — подпочва, иногда состоящая из гравия; 4 — материнская порода или скала (*saxum*).

Следует обратить внимание, что столь расчлененный профиль почвы отличается большой полнотой<sup>40</sup>.

Интересно сравнить приведенные данные Колумеллы с представлениями Феофраста, который подытожил и систематизировал сведения древнегреческих теоретиков и земледельцев. Феофраст также делил всю почву на три горизонта: 1 — эпихто-

<sup>35</sup> *Humus* обычно был обозначением почвы вообще, но в II. 2. 21 Колумелла четко называет гумусом слой в два фута (*bipedanea humus*), ср. IV. 22. 6.

<sup>36</sup> Col. II. 4. 7: *accedit huc, quod omnis humus quamvis laetissima tamen inferiorem partem jejuniorem habet*. В II. 1. 6. Колумелла говорит, что нижний слой почвы бывает по большей части малоплодородным: *...et inferiori solo, quod plerumque est exilius*. Как видно из III. 11. 2, это еще не подпочва, а именно нижний слой почвы. В V. 8. 5 (цитировавшееся уже описание лучшей для маслин почвы) эти разные слои описаны несколько конкретнее.

<sup>37</sup> Col. II. 2. 21: *nec contentos esse nos oportet prima specie summi soli sed diligenter exploranda est interioris materiae qualitas, terrena necne sit*.

<sup>38</sup> Плиний (XVII. 30) так же бегло и неясно упоминает о подпочве, скорее всего, о материнской породе (*... quia subest saxum*).

<sup>39</sup> Плиний (XVIII. 178) предлагал пахать на глубину в 3/4 фута. Колумелла в общей форме настаивал на глубокой вспашке (II. 2. 24).

<sup>40</sup> Ср., например, полный почвенный профиль, описанный американским ученым Э. Хигби (см. его кн.: География сельского хозяйства США. М., 1961. С. 47). Почти все перечисленные им горизонты так или иначе упомянуты и Колумеллой: лесной опад, собственно почва, разделенная на два слоя — верхний и нижний (у современного исследователя они определяются как зоны вымывания и аккумуляции), материнская порода или подпочва и подстилающая порода, скала.

нический, подразделяющийся в свою очередь на три слоя: а) поверхность хлебных полей, б) слой, питающий корни деревьев, в) так называемый жировой слой; 2 — кахтонический, который можно определить современным термином — материнские и подстилающие породы; 3 — подпочва (мертвая земля — Тартар)<sup>41</sup>.

Как легко можно видеть, представления Феофраста о профиле почвы, различных слоях и горизонтах основаны не столько на тщательном изучении или наблюдении за почвой, сколько на абстрактно-теоретических представлениях. Системы Феофраста и Колумеллы отражают разные этапы в развитии античного почвоведения.

Как известно, в современном почвоведении и практике сельского хозяйства важную роль играет понятие структуры почвы. Почва может быть структурной и бесструктурной. Улучшение и поддержание соответствующей структуры — один из путей повышения плодородия почвы. Всякая почва состоит из частиц определенного размера или, как выражаются почвоведы, из разных отдельностей, от микроагрегатов до частиц больше 5 см в диаметре. У римских сельскохозяйственных писателей можно найти намеки на то, что они имели некоторое понятие о структуре почвы.

Нет никакого сомнения в том, что Варрон имел в виду структурную почву, когда писал о земле, которая легко рассыпается, по природе своей не слишком плотна и не слишком рыхла<sup>42</sup>.

Интересны с этой точки зрения определения так называемых порочных или бесплодных почв. Подобные почвы Колумелла называет *lutosus ager*, *limosa arva*. Судя по описанию, это бесструктурная почва, которая отличается низкой водопроницаемостью и интенсивной водоподъемностью, из-за чего она не может поглотить талые воды или атмосферные осадки; вода либо застаивается, заливая почву в низких или ровных местах, либо стекает по уклону, размывая поверхность, и сносит верхний более плодородный слой, что приводит к эрозии почвы. С другой стороны, не усвоенная корнями растений, застаивавшаяся весной вода в жаркое время года быстро испаряется в атмосферу, лишенная влаги почва ссыхается в плотную твердую корку, которую невозможно поднять при пахоте, проникновение в почву атмосферных осадков затрудняется, и корни растений остаются без нужной влаги<sup>43</sup>. Эта твердая бесплодная корка еще со времен Катона получила название «гнилой земли» (*cariosa terra*)<sup>44</sup>. *Lutosus ager* Колумеллы<sup>45</sup>, на наш взгляд, есть лишь иное название той же почвы, так как *limosa arva* весной превращается в *cariosa terra*. Это земля состарившаяся, т.е. некоторое время обрабатывавшаяся или выпаханная, иными словами, бесструктурная почва. Подобного рода земли, очевидно, изымались из оборота и забрасывались в залежь.

«Со структурой почвы тесно связана ее порозность или скважность, т.е. суммарный объем пор в почве, заполненных почвенным раствором и почвенным воздухом.

<sup>41</sup> *Богаевский Б.* Земля и почва в земледельческих представлениях древней Греции. СПб., 1912.

<sup>42</sup> Varr. I. 9. 7: *si sit terra...*, quae cum fodiat, facile frietur, natura quae non sit cineracea neve vehementer densa. Вергилий, описывая почву Кампании (см. ниже, прим. 47), упоминает по крайней мере четыре признака структурных почв: прекрасная водопроницаемость, хорошая водоподъемность, постоянный травяной покров, хороший обмен с атмосферой.

<sup>43</sup> Col. III. 12. 2: *perdensam humum caelesteis aquas non sorbere nec facile perflari, facillissime perumpi, et praeberere rimas, quibus sol ad radices stirpium penetret.*

<sup>44</sup> Cat. 5. 6; 34; 37. 1; однако, ближе характер этой почвы Катон не определяет. Подробнее описывает ее Плиний (XVII. 34) — это земля сухая, растрескавшаяся, корявая, седая, изъеденная, ноздреватая.

<sup>45</sup> Col. II. 4. 5: *sed quandoque arabitur, observabimus, ne lutosus ager tractetur, neve exiguis nimbis semimadidus quam terram rustici variam cariosamque appellant* и т.д.



Для определения порозности необходимо знать удельный, или, как его обычно называют, объемный вес почвы и удельный вес твердой фазы почвы»<sup>46</sup>. Имели ли древние какое-либо представление об этих предметах? Почвы в районе Капуи Вергилий<sup>47</sup> описывает так:

«Почва, что легкий туман и пар выдыхает воздушный.  
Влагу пьет и потом, коль хочет, обратно выводит,  
Та, что всегда зелена, свежа, одета травой».

О капуанской почве, «испускающей тонкие испарения» (*tenues exhalat nebulas*), говорит и Плиний (XVII. 25). Нет ли в этих примерах указаний на газообмен между почвой и почвенным воздухом и атмосферным воздухом? Во всяком случае, Колумелла писал, что «очень плотная почва не впитывает дождевой влаги, с трудом пропускает воздух, очень легко трескается и образует щели» (III. 12. 2). Приведенные данные, на наш взгляд, показывают, что древние агрономы догадывались о наличии воздуха в почве, о газообмене между почвой и атмосферой, понимали, что он является необходимым для питания растений.

Рассмотрим следующее сообщение Плиния (XVIII. 110): «Земля ее (Кампании. — *B. K.*) на поверхности, чтобы сразу сказать о свойствах почвы, представляет собой тонкую пыль, далее в глубину она пориста, как пемза, и впитывает влагу... Земля здесь пропускает частые дожди, процеживая их сквозь себя и при этом не обнаруживая склонности ни превратиться в грязь, ни быть размытой... Полученную влагу она не отдает ни одному источнику, но, постепенно усваивая, удерживает в себе в виде питательного сока». О питательном соке (*sucum*), его изобилии или недостатке часто говорит Колумелла (II. 2. 18; III. 11. 7; 12. 3). «Питательный сок» Плиния и Колумеллы — это не просто дождевая влага, попавшая в почву, но гораздо более сложное соединение. Очевидно, эти авторы ясно понимали, что в почве, в ее порах, находится, выражаясь языком современного почвоведов, почвенный раствор.

Плиний и Колумелла, как мы видели, четко различают твердую, жидкую и, может быть, газообразную фазы почвы<sup>48</sup>, ясно говорят о порозности почв Кампании.

Колумелла (III. 12. 3) говорит о делении почв на легкие и тяжелые (*levis et gravis*). Понятия легкой и тяжелой почвы хорошо известны римским агрономам. Но у Катона и Варрона<sup>49</sup> они суть синонимы плотной и рыхлой почв и только<sup>50</sup>. Однако, Колумелла, следуя Грецину, совершенно определенно различает эти понятия: «Земля может быть горячей или холодной, сырой или сухой, рыхлой или плотной, легкой или тяжелой, жирной или тощей»<sup>51</sup>. Тяжелые и легкие почвы Колумеллы (или Грецина),

<sup>46</sup> Виленский Д. Г. Указ. соч. С. 149.

<sup>47</sup> Verg. Georg. II. 217–219: Quae tenuem exhalat nebulam fumosque volucris / et bibit umorem et cum volt, et se ipsa remittit / quaeque suo semper viridi se gramine vestit.

<sup>48</sup> О проникновении воздуха в почву и, стало быть, о его наличии там совершенно определенно говорит Колумелла (III. 12. 2).

<sup>49</sup> Cat., 135; 151. 2; Varr. I. 9. 7; 20. 4–5.

<sup>50</sup> У Варрона об этом сказано очень ясно (I. 9. 7): ...levis, quae cum fodiat, facile frietur... и т.д. Ср. Verg. Georg. II. 250.

<sup>51</sup> Col. III. 12. 1: esse aliquam terram calidam vel frigidam, humidam vel siccam, raram vel densam, levem aut gravem, pinguem magram. Однако более развернутая характеристика легких и тяжелых почв, приводимая Колумеллой в следующих параграфах, очень неясна и напоминает определение рыхлой и плотной почв: «Очень плотная почва не впитывает дождевой влаги, с трудом пропускает воздух, очень легко трескается и образует щели, через которые солнце попадает прямо на корни: такая земля, словно закрываясь, сжимается и, сдавливая посаженные растения, душает их. Слишком рыхлая пропускает дождевую воду, как сквозь воронку, и от солнца и ветра она пересыхает до самой

видимо, надо понимать как почвы с разным объемным и удельным весом<sup>52</sup>. Понятно становится, почему «с тяжелой землей никакой культуре не справиться, а на легкой ничего почти не идет», так как излишне тяжелые или легкие почвы находятся за пределами норм обычных для культурной пашни. Догадка об удельном весе почвы была настолько необычной, что ее решительно отвергал Плиний Старший, знаток различной, в том числе и агрономической литературы. «Не бывает, — писал он, — земли чрезмерно тяжелой или более легкой по весу, Действительно, какой вес можно подразумевать под правильным весом земли?»<sup>53</sup>. Следовало бы предположить, что ввиду столь решительной оппозиции сторонники иного взгляда должны были подробнее останавливаться на этом вопросе, но Колумелла не сделал этого; видимо, его собственные представления не были достаточно ясны.

Вершиной античного почвоведения, великим вкладом римлян в сокровищницу мировой науки надо считать ясное представление некоторых римских агрономов о неисчерпаемости плодородия почвы при правильной ее обработке и удобрении. Даже в современную нам эпоху, эпоху развития и расцвета агрохимии, развитого научного почвоведения среди части почвоведов и экономистов распространена пресловутая теория убывающего плодородия почвы. А Колумелла в I в. н. э., в эпоху донаучной, сугубо наблюдательной агрономии, ясно и определенно писал: «Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожая неравномерности. Некоторые как бы смягчают эти жалобы ссылкой на определенный закон, земля, но их мнению, усталая и истощенная роскошными урожаями старых времен, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание. Я уверен, Сильвин, что эти причины далеко отстоят от истины. Нечестиво думать, что природа, которую отец мира наделил вечным плодородием, постигнута, как некоей болезнью, бесплодием, и разумный человек не поверит, что земля, получившая в удел божественную и вечную юность и именуемая всеобщей матерью, потому что она и рождает все и будет рождать и впредь, состарилась будто человек» (Col. praef. 1–2, пер. М. Е. Сергеенко). Этой полемике Колумелла, видимо, придавал особое значение — недаром он возвращается к ней, начиная свою вторую книгу, специально посвященную вопросам земледелия: «Спросишь меня, о Публий Сильвин, а я и не отказываюсь сразу же заявить об этом, почему я в первой же книге с самого начала и немедленно отверг старое мнение, разделяемое почти всеми, кто писал о земледелии, и буду опровергать как ложное воззрение тех, кто полагает, что вследствие старости, дряхлости и длительного использования почва, как бы уставшая и выродившаяся, состарилась». «Чем объяснить..., — пишет он ниже, — наблюдение Тремеллия о том, что нетронутые лесистые поля при их начальной обработке приносят изобильные урожаи, а с течением времени не отвечают с такой же щедростью на труды земледельца? Он правильно подметил это обстоятельство, но происхождение его не смог правильно объяснить. Ведь целина и лесной участок, только что превращенные в пашню, имеют очень плодородную почву не потому, что она юная и отдохнувшая, но потому, что как бы обильно вскормленная

глубины и теряет силы. С тяжелой землей никакой культуре не справиться, на легкой ничего почти не идет». Но ср. классификацию почв в Col. II. 2.

<sup>52</sup> Виленский Д. Г. Указ. соч. С. 149: «Объемный вес различных почв колеблется от 0,9 до 1,8. Для культурной пашни он равен 1,0–1,1... Удельный вес твердой фазы для разных почв колеблется от 2,4 (черноземы) до 2,7 (красноземы)».

<sup>53</sup> Plin. XVII. 27: nec gravis aut levior iusto deprehenditur pondere: quod enim pondus terrae justum intelligi potest.

в течение многих лет опавшей листвой и травами, произраставшими сами по себе, она предрасположена к произрастанию урожая. Но как только мотыга или плуг подрежут корни трав, а после вырубки лесов их листва, обычно осенью густо покрывающая землю, перестанет питать свою (землю), затем перевернутый плугом слой земли смешается с нижним более тощим слоем, все это приведет к тому, что лишенная прежнего питания почва истощится. Следовательно, не от утомления, как думает большинство писателей, и не от старости, но главным образом *от нашей небрежности земля отвечает нам меньшим плодородием. Ведь можно получать все возрастающие урожаи, если подкреплять почву частым, своевременным и умеренным унавоживанием*» (курсив мой. — В. К.) (Col. II. 1. 1–7).

Следует обратить внимание на зрелость и определенную научную обоснованность мысли Колумеллы о неисчерпаемости плодородия почвы. Это не просто гениальная догадка, но и проверенный практикой самого Колумеллы и подобных ему новаторов вывод. Правда, подавляющее большинство древних авторов не согласны с Колумеллой, они, наблюдая падение плодородия почвы в условиях господства рабского труда, оправдывали его «законом утомления почвы вследствие обработки»<sup>54</sup>, законом, весьма напоминающим пресловутый «закон убывающего плодородия почвы» эпохи капитализма. Заслуга Колумеллы в том, что он сформулировал и попытался обосновать положение о неисчерпаемом почвенном плодородии, вывод на много столетий опередивший свое время, пророчески предвосхитивший основное положение передовой агрономии XIX–XX вв. Как известно, К. Маркс и В. И. Ленин, блестяще разоблачившие лженаучный характер пресловутого закона убывающего плодородия почвы, указывали на то, что особенность почвы как средства производства заключается в том, что земля при рациональном возделывании не только не утрачивает, а даже повышает свое плодородие, в отличие от средств производства в промышленности, которые при их использовании теряют свою ценность, изнашиваются<sup>55</sup>.

Практическим выводом из цитированных положений Колумеллы был тот, что «энергичный хозяин сумеет сделать доходным и приносящим пользу всякий участок, какой бы он ни купил или получил. Дело в том, что предки наши оставили нам много средств против вредного климата, с помощью которых можно смягчить его губительное действие, а на плохой земле знание и усердие хозяина смогут победить ее бесплодие» (I. 4. 3).

Большое внимание уделяют римские агрономы определению и описанию наилучшей, идеальной почвы. Да это и понятно, так как это было практически важно для римских землевладельцев.

Катон (34; 151. 2) называет terra pulla — мягкие кампанские почвы черного цвета. Варрон не говорит о наилучшей почве, он в самой общей форме указывает (I. 9. 6; 44. 2) лишь на жирность этрусских почв и их плодородие. Несколько подробнее на этом предмете останавливается Вергилий (см. выше). Это та почва, которая легко усваивает воду, обладает достаточной водоудерживающей способностью, обеспечивает наилучшие возможности для проникновения атмосферного воздуха, плодородна, жирна, тучна,

<sup>54</sup> Колумелла (II. 1. 7) в общей форме говорит о «почти всех» (opinio fere omnium), которые придерживаются этого взгляда, особенно выделяя Тремеллия Скрофу. Сюда следует прибавить Катона (См. 5. 6; 34; 37. 1) и особенно Плиния Старшего, прямо говорившего (XVII. 34) о состарившейся, а потому и бесплодной и бессильной земле. Гораздо труднее назвать единомышленников Колумеллы, скорее всего таким был его дядя Марк Колумелла, doctissimus et diligentissimus agricola (II. 15. 3).

<sup>55</sup> См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 515; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 100–113.

богата влагой и одинаково хороша для виноградников, маслин, лугов и зерновых культур. Такие почвы встречаются в горных долинах (наносные почвы), а также в окрестностях Капуи и вокруг Везувия<sup>56</sup>.

Еще обстоятельнее вопрос о наилучшей почве разбирают Колумелла и Плиний (первый — подробнее). «...Земля может быть горячей или холодной, — пишет Колумелла (III. 12. 2. 4), — сырой или сухой, рыхлой или плотной, легкой или тяжелой, жирной или тощей. Требуется, чтобы эти столь разные качества находились в состоянии равновесия, которое желательно и для нашего тела, здоровье заключается в определенном и проверенном сочетании горячего и холодного, сырого и сухого, плотного и рыхлого. Однако в земле, предназначенной для виноградников, это равновесие не должно быть полным, а с уклоном в одну сторону — пусть теплоты в земле будет больше, чем холода, сухости больше, чем сырости, рыхлости больше, чем плотности и так со всеми качествами»<sup>57</sup>.

Все определения наилучшей почвы, принадлежащие разным авторам, в сущности говоря, сходны между собой, все они имеют в виду почву с хорошей структурой, благоприятным тепловым и воздушным режимом, плодородием, черного цвета.

Опираясь на известные им свойства почвы, некоторые римские сельскохозяйственные писатели предприняли смелую попытку классификации почв. К великому сожалению, до нас не дошел единственный в своем роде список разнообразных почв, составленный автором начала I в. н. э. Юлием Грецином. Список Грецина, его классификация «бесконечного числа почвенных видов», судя по сообщению Колумеллы (III. 12. 1), был построен не на одном общем признаке, а на нескольких: тепловом, влажности, плотности, тяжести, жирности. Скорее всего, он делил почвы на несколько категорий по принципу тепловому, затем по влажности и т.д. Такая классификация была громоздкой, неудобной и малоприменимой для практических нужд земледелия, тем не менее, создание даже такой классификации и разработка соответствующих приемов обработки для каждого вида почвы была большим достижением римской агрономии.

Поэтому для практических нужд использовались более простые и удобные классификации, о которых упоминает Варрон (I. 9), например, по окраске, по степени каменистости, по влажности, жирности, — в отличие от Грецина Варрон делит почвы только на три категории: высшую (жирную, влажную), среднюю и низшую (тощие и сухие).

Даже такой выдающийся теоретик и практик римского земледелия, как Колумелла, во II книге приводит несколько иную, сугубо прикладную и потому удобную систему почвенных видов, приспособленных для зерновых культур. Основной принцип его классификации — чисто практический критерий — доходность.

На первом месте стоит *ager pinguis et puter*, он требует малых затрат и приносит большие урожаи. Это уже известная нам идеальная почва. Второе место отводится жирной плодородной, но плотной почве, т.е. обладающей большой связностью, требовавшей больших усилий и, стало быть, затрат при ее обработке. К этой категории земель следует отнести почвы Этрурии. На третьем месте стоят естественно орошаемые луга, не нуждающиеся ни в каких затратах, очевидно, песчаные или супесча-

<sup>56</sup> Verg. Georg. II. 184–185. Очевидно, почвы Капуи и предгорьев Везувия — это *terra pulla* Катона. Более подробно об идеальной почве Вергилия см.: *Billard R.* Op. cit. P. 23; Ср.: Plin. XVIII. 109–110.

<sup>57</sup> Ср. Plin. XVII. 37: «Земля умеренного плодородия, земля мягкая и легко обрабатываемая, не мокрая и не сухая, земля, блистающая вслед плугу» (пер. М. Е. Сергеевко).

ные почвы. На самом последнем месте стоят почвы сухие, плотные и тощие (*pariter siccum et densum et macrum*). Эти почвы, скорее всего выпаханные и истощенные в результате их использования, совсем не нужно обрабатывать.

Несмотря на известную примитивность этой классификации, в ней можно разглядеть попытку подчинить многочисленные признаки почвы одному главному, выработать своего рода единую классификацию почв.

Таковы были представления древнеримских агрономов о почвах. Они интересовались не столько теоретическим, сколько, если можно так выразиться, прикладным почвоведением. Отражая богатую практику античного земледелия Средиземноморья, они разработали относительно подробное учение о почвах. В пределах дохимического почвоведения нет таких вопросов, какие не ставились бы и не решались бы столь практично римскими сельскохозяйственными писателями и хозяевами. Мало того, римскими агрономами были предвосхищены некоторые положения современного почвоведения: представление о различных слоях, о составе почвы, о ее структуре, положение о неисчерпаемости плодородия почвы при ее правильной обработке, догадки о тепловом режиме и удельном весе почвы.

Правда, целый ряд положений римских агрономов приходил в противоречие с практикой рабовладельческого хозяйства. Теория провозглашала неисчерпаемость почвенного плодородия, возможность сделать доходным самый бесплодный участок, а практика свидетельствовала о снижении почвенного плодородия, уменьшении урожайности, вырождении сортов, забросе в залежь высокоплодородных ранее земель. Теория предписывала определенный набор орудий для различных почв, а практика диктовала сокращение вложений, замену дорогостоящих тяжелых плугов и крепких волов осликами и легкими плугами, лишь царапавшими землю. Раб, как правило, вносил свои поправки в предписания теоретиков, делал их утопическими. Но, на наш взгляд, высокий уровень римского почвоведения не был лишь чисто теоретическим достижением ряда утопистов, оторвавшихся от действительности, но, отражая общее высокое состояние римского земледелия, его зенит, получил до известной степени практическое воплощение пусть в немногих, но все-таки реально существовавших рабовладельческих хозяйствах.

## II

При разработке истории сельского хозяйства большой интерес представляет исследование почв. Изучение почвенных разностей позволяет выяснить возможности той или иной области для занятия земледелием и тем самым делает понятным динамику распределения и плотность населения в тех или иных районах, степень развития техники обработки. Особое плодородие Сицилии или Кампании объясняет раннее возникновение и обилие городов, процветающее земледелие, богатство населения. Плодородным почвам, так же как и богатству полезными ископаемыми, Этрурия обязана своим столь же ранним, сколь и блестящим развитием. В распоряжении исследователя почв Италии, к сожалению, очень мало данных, они отрывочны и случайны. Возможно, поэтому в литературе по истории сельского хозяйства древней Италии, насколько мне известно, такая задача не ставилась и не ставится<sup>58</sup>.

На образование почв Италии оказали большое влияние три обстоятельства: горный характер страны, вулканическая деятельность, сложность гидрографии. Рельеф

<sup>58</sup> Биро П., Дреш Д. Средиземноморье. М., 1960. С. 258: «Систематическое изучение почв даже современной Италии только начинается».

Италии — гористо-холмистый. На долю равнин, долин и низменностей (в современных границах страны) приходится лишь 21,6 % всей территории, в то время как горы занимают 38,7 %, а холмы 39,7 %<sup>59</sup>. Горный характер страны обуславливает сложность гидрографии, обилие рек и речек, текущих с гор, несущих массу обломочного материала горных пород, которая оседает в долинах, образуя плодородные аллювиальные почвы. С другой стороны, многочисленные реки, дожди и ливни размывают слой плодородной почвы холмистых и горных склонов, уменьшают мощность почвенного слоя, сносят массу почвенного материала в долины или выбрасывают его в море.

На плодородие почвы влияет то или иное качественное состояние коренных пород. Так, например, подстилающие гранитные породы западной части Северной Италии и Бруттия, бедные столь необходимым для развития растений кальцием и фосфором, обусловили малое естественное плодородие здешних почв. Напротив, материнские породы вулканического происхождения, богатые фосфатами и известью, обеспечили условия для создания высокого естественного плодородия почв Кампании, Лация, Этрурии, Венеции<sup>60</sup>. «Особым фактором, усложняющим процесс формирования почв Италии, являются золотые отложения вулканической пыли, которые нарушают нормальный ход педологического развития материнской породы»<sup>61</sup>. Из наносных почв, легких для обработки, имеющих хорошую связность, совершенную структуру, значительные резервы пищевого материала и воды, современные исследователи отмечают аллювиальные почвы Ломбардской равнины, образовавшиеся из наносов размытых пород Альп и Аппенин, а также почвы долин многочисленных рек и речек Аппенинского п-ова, особенно его тирренского побережья<sup>62</sup>. Естественно думать, что именно эти самые плодородные земли, которые можно обрабатывать даже самым примитивным плугом, и были колыбелью древнеиталийского земледелия.

Низкие и отлогие берега Италии образовались из морских отложений и речных наносов. В связи с этим почвы береговой полосы Италии — песчаные, как правило, засоленные или сильно заболоченные, очень бедны минеральными питательными веществами, мало пригодны, а зачастую и совсем непригодны для земледелия<sup>63</sup>.

Лесной покров обеспечивает быстрое увеличение мощности почвенного слоя, накопление органических веществ, образование перегноя, хорошую структурность и механические свойства почвы. Источники упоминают о многочисленных лесах древней Италии<sup>64</sup>. Не говоря уже о горах и холмах, и в пределах италийских равнин, в том числе небольших долин п-ова, мощные лесные массивы были не редкостью. Обилие смолы, процветание свиноводства (а свиньи откармливались в дубовых лесах) говорит об обширных лесах в паданской равнине (Strab. V. 1. 12)<sup>65</sup>. Лучший строевой лес получался из пизанской области (Strab. V. 2. 7) и района Луны (V. 2. 5), есть сведения о лесах в Лации (Strab. V. 3. 5; Plin. Ep. II. 17. 3). В Кампании было много лесов в районе Кум<sup>66</sup>. Лес около Авернского залива был вырублен по распоряжению

<sup>59</sup> *Conosci l'Italia*. I. Italia fisica. Milano, 1956. P. 169.

<sup>60</sup> *Quattrocchi A. Agraria*. Milano, 1956. P. 42 сл.

<sup>61</sup> *Биро П., Древи Д.* Указ. соч. С. 259.

<sup>62</sup> Там же. С. 240–249.

<sup>63</sup> О засоленных почвах см. Varr. I. 9. 5; Plin. Ep. IV. 6. 2; CoI. II. 2. 14–15.

<sup>64</sup> См. *Sirago A. L'Italia agraria sotto Traiano*. Louvaine, 1958.

<sup>65</sup> *Conosci l'Italia*. II. 1957. P. 123 сл.

<sup>66</sup> Strab. V. 4. 4: «Подле залива есть лес, похожий на кустарник, занимающий большое пространство, безводный, на песчаном грунте и называется Галиартским лесом».

Агриппы (Strab. V. 4. 5). Об обширном, простирающемся в длину на 700 стадий (130 км) лесе сообщает тот же Страбон (VI. 1. 9), упоминает он и о лесе в античной Калабрии (VI. 3. 5)<sup>67</sup>. У нас нет точных данных о площади лесов в древней Италии, тем не менее следует признать вполне обоснованным предположение А. Сираго о том, что она намного превосходила нынешнюю лесную площадь Италии, определяемую приблизительно в 6 млн. га (19,5 % всей территории страны)<sup>68</sup>. Обилие лесов хотя и сокращало полезную площадь, пригодную для земледелия, но создавало большие резервы для его развития, так как вырубка лесов и освоение лесных пространств вводило в сельскохозяйственный оборот весьма плодородные земли.

Большое значение для получения высоких урожаев и в целом для занятия земледелием имеет мощность почвенного слоя. Тонкий почвенный слой, лежащий на коренной материнской породе, может быть легко смыт и разрушен даже при небольших дождях, иначе говоря, опасность эрозии становится повседневной. Зерновые культуры, травы, не говоря о кустарниках и деревьях, развивают мощную корневую систему и не могут плодоносить должным образом, если слой почвы слишком тонок. На равнинах и в долинах почвенный слой наносного, как говорилось, происхождения был достаточно мощным, но на холмах и в горных склонах толщина его была много меньшей, так как при стоке дождевых вод часть плодородной почвы вымывалась и сносилась вниз.

Как было отмечено, наиболее пригодные для земледелия долины и равнины составляли лишь 1/5 ее территории, очевидно, использовалась и часть холмов. Полезную сельскохозяйственную площадь страны сокращали леса, не входила в нее бесплодная засоленная приморская полоса, маремма. Какую-то часть удобных для земледелия долин и низменностей отнимали многочисленные болота.

После этих замечаний общего характера перейдем к рассмотрению почв различных областей Италии. Начнем с обзора почв Кампании, которая славилась плодородной и легкой для вспашки почвой (*pulla*). Эта черного цвета, рыхлая, нежная земля хорошо удерживала влагу, обладала хорошей водопроницаемостью, благоприятными тепловыми свойствами, хорошей структурой. Эти вулканические почвы особого рода, обладавшие высоким естественным плодородием, не требовавшим особых затрат на его восстановление, вряд ли встречались где-либо, кроме Кампании<sup>69</sup>. В пределах благодатной кампанской равнины особо выделялась ее плодороднейшая часть, так называемые Лебории. Леборейское, или Флегрейское, поле<sup>70</sup> имело столь жирные почвы, что Плиний (XVII. 28) говорит о его земле как о такой, которая «своими достоинствами чуть ли не больше утомляет земледельца, чем могла бы утомить своими недостатками».

Кампанская почва была одинаково хороша для виноградников, для злаков, для маслин и плодовых деревьев<sup>71</sup>.

<sup>67</sup> Strab. VI. 3. 5: «Страна, лежащая далее за япигами, необыкновенно прелестна. Почва ее, хотя на поверхности камениста, оказывается при обработке плугом плодородною и, несмотря на недостаток влаги, изобилует пастбищами и лесами».

<sup>68</sup> *Sirago A.* Op. cit. P. 240; *Enciclopedia agraria italiana*. T. I. s. v. Bosco.

<sup>69</sup> Plin. XVIII. 109: «...Эта равнина, лежащая у подножья богатых дождями гор, протяжением в 40 тыс. шагов (60 км. — В. К.) и совершенно плоская». О кампанских почвах см. Plin. XVII. 25; Col. praef. 24; III. 2. 10; V. 4; Varr. I. 20. 4; Cat. 34. 151. 2; Verg. Georg. II. 217–225.

<sup>70</sup> Plin. XVIII. 110. Это поле с двух сторон ограничивалось консульскими дорогами, ведшими в Капую (одна из ПUTEОЛ, другая из КУМ).

<sup>71</sup> Strab. V. 4. 3; Plin. XVII. 25; Col. III. 2. 10; 7. 4; Verg. Georg. II. 217–225.

Кроме Кампании, особо выделялись своим плодородием почвы в районе Фурий, древнего Сибариса, по сведениям Варрона для этой области обычным был урожай сам-100<sup>72</sup>, совершенно фантастический. К сожалению, это одинокое указание не позволяет определить ближе характер сибаритских почв<sup>73</sup>.

Отличались высоким плодородием и почвы Этрурии, где собирались в эпоху Варрона наибольшие для Италии урожаи сам-15 (Varr. I. 44). Спустя полтора столетия Плиний Младший, владелец огромной латифундии, хорошо знавший эти места по своему опыту, указывает на плодородие здешних почв, их жирность, обилие влаги (III. 19. 5; V. 6. 8), но с другой стороны и на их особую плотность, настолько высокую, что их могут вспахать лишь огромные волю и самыми крепкими плугами (Plin. Ep. V. 6. 10)<sup>74</sup>. Следует думать, что эти плотные, плодородные, изобилующие водой почвы — не что иное, как разновидности глинистых почв, скорее всего красноземов *terra rossa*, обладающих высоким плодородием<sup>75</sup>. Можно ли сведения о плодородии и плотности этих почв распространить на всю Этрурию или большую ее часть? Варрон и Плиний Старший говорят о всей Этрурии, не выделяя какой-либо области. Плиний Младший имеет в виду свое имение Туски, расположенное около Тиферна на берегу Тибра недалеко от Аппенин в 150 милях от Рима, т.е. юго-восточный угол Этрурии. Песчаные почвы береговой полосы, как уже говорилось, были засоленными и бесплодными. В долинах наиболее крупных рек Этрурии, Арно, Цецины, Умбра почвы, видимо, были несколько иные, аллювиальные, плодородные, но не столь плотные, как во внутренних областях Этрурии. Для болотистого района Клузия — Пелузии были, очевидно, характерны неплотные, насыщенные органическими остатками, темные, влажные почвы<sup>76</sup>. Что касается северо-восточного угла Этрурии, предгорных районов, то есть основания предполагать, что их почвы были подобны глинистым почвам юго-восточных районов. Ведь издавна процветавшее гончарное производство Арреция развивалось на базе местных красных глин, распространенных во всей области<sup>77</sup>. Итак, для Этрурии можно выделить четыре рода почв: 1) песчаная полоса вдоль моря; 2) аллювиальные почвы в речных долинах; 3) заболоченные почвы вокруг Тразименского озера; 4) плотные глинистые почвы внутренней Этрурии (возможно, *terra rossa*, красноземы), освоение и хозяйственное использование которых стало возможным лишь при относительно высоком уровне античной цивилизации и сельского хозяйства в частности.

Несколько больше мы знаем о почвах различных районов Лация. «Весь Лаций, — говорит Страбон, — плодороден и имеет всего вдоволь — весь, за исключением немногих местностей, болотистых и нездоровых, какова, например, Ардеатская, между Анцием и Ланувием, окрестности Терацины и Цирцеи и некоторые до По-

<sup>72</sup> Varr. I. 44. 2. Следует заметить, что другие писатели — Страбон, Колумелла и Плиний — ничего не говорят о столь фантастическом плодородии земель Сибариса.

<sup>73</sup> Вот как описывают современное состояние Сибариса Биро и Дреш (С. 275): «Там, где некогда красовался Сибарис, стоит лишь убогая железнодорожная станция... Лишь незначительная часть поверхности занята полями пшеницы, а остальное отдано во власть кустарника и пастбищ или же в низовьях конусов, заболоченного леса».

<sup>74</sup> Ср. Plin. XVIII. 181: «Почву более плотную, которая обычна для Италии, лучше засеивать после пятикратной вспашки, а в Этрурии и после девятикратной». О девятикратной вспашке говорит и Плиний Младший (Ep. V. 6. 10).

<sup>75</sup> Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 259.

<sup>76</sup> Ливий (XXII. 2) сообщает о непроходимых болотах, по которым двигалось войско Ганнибала в течение нескольких суток.

<sup>77</sup> Плиний (XVII. 25) говорит о красной глине, которую многие хвалят за ее плодородие.



ментины, затем некоторые части Сетины, другие гористые и каменистые» (V. 3. 5). Очевидно, морское побережье Лация, как и Этрурии, представляло собой бесплодную, засоленную полосу, ту самую зачумленную местность, не трогать которую советовали и Варрон и Колумелла<sup>78</sup>. Обширная равнина к юго-западу от Рима — *ager Laurens* — имела, судя по сведениям Плиния Младшего, песчаную (*harenosa*) почву, по которой было трудно ехать даже в повозке (II. 17. 2; IV. 6. 1–2). Почвы были мало благоприятны для зерновых культур, поэтому здесь преобладали леса и луга, а в хозяйстве основное место занимало овощеводство и молочное скотоводство (Plin. Ep. II. 17. 3; 3. 28). Тощие земли Пупинии были известны своим бесплодием — там не было ничего, кроме вырождающихся, покрытых мхом высыхающих лугов (Varr. I. 9. 5). В Тибуре почвы средние по своему плодородию и своим основным качествам, пригодные для всех культур, злаков, лоз, маслин и т.д. (Varr. I. 9. 6). Район между Тибуром и Габиями — долина реки Аниона — определяется Страбоном как плодороднейшая местность (V. 3. 11). Район Тускула характеризуется как плодородный холм с хорошо орошенной почвой (V. 3. 12); видимо, почвы здесь были аналогичны тибуртинским. Известно, как велики были урожаи с виноградников в номентанских имениях Сенеки<sup>79</sup>. А наиболее подходящими для виноградников считались отлогие холмы с почвой плодородной, но не жирной, хорошо орошенной<sup>80</sup>. Близость этого района (т.е. Номентана — Тибура — Тускула) к Аппенинам определяла неровный, несколько холмистый характер рельефа, достаточное количество осадков. Таким образом, по своим почвенно-климатическим особенностям эта часть Лация была более или менее однородна. Следует заметить, что в условиях античной агротехники такие средние по плодородию и другим качествам почвы были более удобны для использования, чем, например, более плодородные, но очень плотные почвы соседней Этрурии. Вот почему район римской равнины был одним из древнейших и густонаселенных районов Лация и Италии.

Не совсем ясен характер почв одного из древнейших сельскохозяйственных районов Лация — вокруг Альбанского озера и Альбанской горы. В общей форме Плутарх (Самил. 3) сообщает, что озеро окружено плодородными холмами, но, с другой стороны, указывает на большое число пастухов, что предполагает обширные пастбища, как правило, занимавшие земли, малопригодные для пахотных культур. Древнейшей культурой латинян и здесь была, как известно, неприхотливая полба<sup>81</sup>. Варрон (III. 2. 17) рассказывает о некоем землевладельце, получавшем в альбанском имении дохода от полевого хозяйства в два раза меньше, чем от усадебного. В альбанской области имел поместье и Колумелла, но он успешно выращивал там аминейские лозы, славившиеся урожайностью и благородными качествами своего вина<sup>82</sup>. Под почвенным покровом Лация — и особенно в районе Альбанского озера — лежат вулканические породы, обеспечивающие местным почвам достаточное плодородие и среднюю (меньшую, чем в Этрурии<sup>83</sup>) плотность.

<sup>78</sup> Varr. I. 9. 5; Col. II. 2. 14–15; ср. Plin. XVII. 33.

<sup>79</sup> Col. III. 3. 2–3 — вместо обычных трех-четырёх мехов вина с югера Сенекa получал восемь.

<sup>80</sup> Verg. Georg. II. 184–192; Col. III. 12. 1–4.

<sup>81</sup> Col. II. 8. 1–2 и особенно Plin. XVIII. 83.

<sup>82</sup> Col. II. 7. 5; 9. 2. Урожайность эту, может быть, следует приписать не столько естественному плодородию почвы, сколько рациональному ведению хозяйства. Ведь высокие урожаи Колумелла получал и в ардеатском имении, но, по Страбону, в Ардее были довольно тощие и неплодородные земли (V. 3. 5).

<sup>83</sup> Cic. De leg. agr. II. 25. 66: «...Есть земли Альбы, Сетии, Приверна, Фунд, Весции, Фалерна, Литерна, Кум, Ацерр... При выезде из других ворот — земли Капена, Фалиска, сабинские, земли Реате».

Лучше известны почвы юго-восточной части Лация — района Венафра и прилегающих к нему местностей Казина и Аллиф. Район Венафра славился по всей Италии производством оливкового масла, лучшего в Италии. Почвы этого района определяются Плинием как крупнопесчаные (*glareosum solum*. XVII. 31). Скорее всего, это не чисто песчаные, а либо суглинистые, либо, скорее, супесчаные почвы. Именно такая почва определяется Колумеллой (V. 8. 5) как наилучшая для маслин. Одно указание Катона позволяет предположить, что естественное плодородие почв в Казине было несколько ниже, чем в Венафре<sup>84</sup>.

Таким образом, в Лации возможно выделить четыре основных рода почв: 1) прибрежная полоса, простиравшаяся приблизительно до Аппиевой дороги — песчаные почвы, возможно, засоленные, малоплодородные, обычно использовавшиеся под пастбище; 2) Римская равнина, охватывавшая районы Номенты, Тибура, Тускула и Пренесте — хорошие средние почвы, пригодные для всех культур, уступающие по своему естественному плодородию жирным почвам соседней Этрурии, но зато не столь плотные и потому более пригодные для обработки; 3) альбанская округа — тоже средние по плодородию, но, возможно, менее плотные почвы вулканического происхождения; 4) почвы юго-восточной части Лация (район Венафра — Казина — Аллиф) — супесчаные, также небольшой плотности и среднего плодородия, весьма удобные для земледелия. Следует особо выделить довольно обширные в Лации неудобные или бесплодные земли: горные, каменистые и болотистые почвы в округах Ардеи, Сетии, Террацины, Цирцеи, знаменитые помптинские болота. Видимо, недостаток пригодных для земледелия почв заставлял местных жителей осваивать свои неудобные земли, вкладывая в них значительные средства. Этим же, возможно, объясняются многочисленные в доримской истории Лация войны с соседними племенами за удобные земли.

Почвы сабинской области были мало пригодны для зерновых, но оливковые деревья и виноградные лозы росли здесь хорошо (Strab. V. 3. 1; Col. V. 8). Районы Розеи и Реате славились лугами и скотоводством<sup>85</sup>. Можно предположить, что почвы горной Сабинии не отличались плодородием, были каменисты, довольно плотны и трудны для обработки плугом под зерновые<sup>86</sup>.

Почвы соседней Умбрии, скорее всего, были аналогичны сабинским, так как и здесь при достаточных осадках и горном или холмистом рельефе основными культурами были маслины, виноградные лозы, плодовые деревья<sup>87</sup>. Наши источники единодушно говорят о большом значении скотоводства в этих областях<sup>88</sup>. Из зерновых культур при минимальных посевах пшеницы, ячменя и т.п., очевидно, и здесь преобладала полба (Plin. XVIII. 83 и 106). Сравнивая природные условия Умбрии

Упоминание Альбы в одном ряду с городами Кампании говорит за то, что, возможно, и почвы Альбы были приблизительно аналогичными.

<sup>84</sup> Cat. 136: на хорошем, т.е., очевидно, на плодородном поле издолщик в Казине получал в качестве платы 1/8 корзины, т.е. 12,5 % урожая, в Венафре 1/9, т.е. 11,1 %. Меньшая плата в венафрской области, может быть, объясняется меньшими затратами труда, иначе говоря, большим плодородием почвы. Возможно, меньшее плодородие почвы заставляло более интенсивно заниматься так называемым *villatica pastio* (см. Varr. III. 4. 2).

<sup>85</sup> Varr. II. praef. 6 (о разведении лошадей); II. 1. 14 (мулов); 1. 16 (овец); III. 1. 17; Plin. XVII. 32; Varr. I. 7. 10; II. 2. 9; 7. 6; III. 1.

<sup>86</sup> Verg. Georg. II. 177 и сл.: «...Земля неудобная, горки скупые, / Где и суглинок залег и камни на поле кустистом, / То для маслины...». Кажется, это описание почв сделано Вергилием для Сабинии.

<sup>87</sup> Strab. V. 4. 2 (о Пицене); V. 2. 10 (об Умбрии).

<sup>88</sup> Varr. II. 9. 6; Col. VI. 1. 1.

и Сабинии, Страбон (V. 2. 10) отмечает большое плодородие почвы и более гористый рельеф Умбрии. Это свидетельство подтверждают другие источники. Лучшие репа и брюква, по Плинию (XVIII. 150), росли в районах умбрских городов Нурсии и Амитерна, расположенных в юго-восточном углу области. Колумелла (II. 10. 22–23) считает, что наилучшая земля для репы и брюквы — это крупный песок, *glarea* и *abulo*, при его достаточной увлажненности, — т.е. песчаные или песчаниковые почвы. Вероятно, именно такие почвы и были в указанных районах Умбрии<sup>89</sup>. В целом почвы Умбрии можно определить как каменистые и менее плодородные, чем почвы римской равнины<sup>90</sup>.

Несколько иными по характеру и происхождению были почвы Пицена. Его рельеф был ровнее и, возможно, напоминал холмистую поверхность Этрурии. К тому же в долинах рек, стекающих к Адриатическому морю, и в прибрежной полосе было мало равнин и низменностей, удобных для земледелия<sup>91</sup>.

В приморской полосе и долинах характер почв, очевидно, был иным, чем в холмистой и гористой частях области. В общей форме Страбон (V. 4. 2) отмечает, что земля Пицена хороша главным образом для плодовых деревьев, но не для злаков. Однако здесь же он сообщает, что в Анконе возделывают много пшеницы. О посевах зерновых в Пицене сообщают Варрон (I. 50. 1) и Плиний (XVIII. 106). Очевидно, зерновые сеяли по преимуществу в равнинных частях области. Данных о плодородии пиценских почв очень мало. Северная приморская часть во времена Варрона была известна баснословными урожаями виноградарников (Varr. I. 2. 7; ср. Col. III. 3. 2–3), однако, остальная часть Пицена особым плодородием не славилась никогда<sup>92</sup>. Варрон (I. 50. 1) рассказывает, что при жатве зерновых в Пицене обрывались только колосья, а солома оставалась на поле. Не вызван ли пиценский способ жатвы необходимостью восстановления плодородия тощей почвы посредством сжигания оставшейся соломы?

Одной из самых плодородных областей Италии была Апулия, занимающая обширную, вторую по величине после Ломбардской низменности равнину. Римские сельскохозяйственные писатели постоянно сопоставляют Кампанию и Апулию<sup>93</sup>. Это, очевидно, не случайность. Такое сопоставление говорит о том, что и Апулия имела процветавшее сельское хозяйство<sup>94</sup>. Видимо, и почвы Апулии были достаточно плодородны. Правда, в разных местах Апулии они были не одинаковы.

<sup>89</sup> Plin. XVIII. 128: «В выборе земли она (репа. — В. К.) неприхотлива и сеять ее можно там, где, пожалуй, не посеешь ничего другого». Иначе говоря, почвы Нурсии и Амитерна были малоплодородными.

<sup>90</sup> Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 283: «В холмистых областях основным источником денежного дохода является либо птицеводство, либо продажа телят (например, и Умбрии...)». Из особенностей здешней почвы авторы указывают на развитие овражной эрозии и оползни, обнажение плотных материнских пород, на которых не могут развиваться корни деревьев. Почвы здесь известковые, песчаниковые и песчаные.

<sup>91</sup> А. Сираго (Указ. соч. С. 235) отмечает: «Вся приморская и холмистая полоса с ее плодородной почвой была одной из самых лучше всего возделанных и наиболее богатых областей Италии». К сожалению, автор не ссылается на источники, и высказанная мысль, на наш взгляд, представляется не доказанной, хотя Сираго прав, указывая на известное плодородие прибрежной полосы Пицена.

<sup>92</sup> Об особенностях рельефа адриатического склона, в частности, о слабом развитии аллювиальной равнины, сильной морской эрозии, слабо выраженной береговой линии, см. Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 245.

<sup>93</sup> Plin. XVIII. 336; Varr. I. 2. 6; 6. 3; Col. III. 7. 4.

<sup>94</sup> Это противоречит широко распространенному в литературе мнению об упадке и запустении Апулии. Здесь нет возможности приводить развернутые возражения против этого мнения. Мы сделаем это в другом месте.

Апулия определяется как страна, где нет недостатка в роскошных нивах<sup>95</sup>, как страна обширных хлебных полей<sup>96</sup>. Апулийская пшеница считалась наилучшей в Италии и даже в Средиземноморье<sup>97</sup>. А хлебные нивы, особенно же пшеница, обычно занимали места ровные, жирные и горячие (Cat. 6. 1; Col. II. 4. 9). Вергилий (Georg. II. 250) особо указывает, что для зерновых подходят земли плотные. Скорее всего, именно такими и были почвы большей части Апулии: жирные, плотные, горячие — они, по классификации Колумеллы, стояли на втором месте по своей пригодности для земледелия после кампанских черных почв (Col. II. 2. 4). По основным свойствам почвы Апулии, как нам представляется, напоминали плодородные глинистые почвы Этрурии.

В современной Апулии много черноземных почв, аналогичных степным черноземам с большим содержанием гумуса (от 8 до 10 %), накопление которого следует приписать обильному травяному покрову<sup>98</sup>. Не было ли это характерно и для древних почв? Если бы дело было так, то понятными стали бы и сопоставления с Кампанией, а также такие свойства апулийских почв, как жирность и тепловые качества.

Несколько иными были почвы на плоскогорье Мурдже. Известняковые породы здесь часто лежат на поверхности, почвенный слой очень тонок и пахотных земель немного<sup>99</sup>. Но зато эта часть Апулии довольно удобна для скотоводства.

Возможно, почвенный слой был недостаточно мощным и в Калабрии. Сообщения Страбона (VI. 3. 5) о каменистости здешних почв предполагают залегание материнских известняковых пород довольно близко к поверхности. Поэтому хороших пахотных земель в Калабрии было мало, а на имевшихся участках к тому же было трудно вести зерновое хозяйство из-за недостатка влаги. Все это способствовало развитию скотоводства<sup>100</sup>.

Не вся апулийская равнина могла быть использована для земледелия, в ее северной части встречались заболоченные места. Скорее всего, они занимали какую-то часть обширных так называемых Диомедовых полей, совр. равнины Тавольере, расположенной к югу от п-ова Гаргано<sup>101</sup>. Лежащая на севере Апулии равнина Тавольере — одна из самых обширных на полуострове, но ее природные условия неблагоприятны. Обширные пространства покрыты жесткой коркой, кремнистой или известковой. Там, где корка не несет поверхностного слоя, растет лишь чахлая трава. Эта часть, составляющая 1/3 общей площади, используется под выгоны. Почва пригодна для обработки без дополнительной подготовки лишь там, где лежат

<sup>95</sup> Col. III. 8. 3: nec tamen Apulos Campanosque agros opimis defici segetibus...

<sup>96</sup> Varr. I. 29. 2: segetes non tam latas... ut in Apulia.

<sup>97</sup> Varr. I. 2. 6: contra quid in Italia utensile non modo non nascitur, sed etiam non egregium fit? Quod far confertur Campano? Quod triticum Apulo? Плиний (XVIII. 63), очевидно, имеет в виду апулийскую пшеницу, когда говорит: «Существует много сортов пшеницы, выведенных разными народами. Однако же ни один из них не сравнил бы я с итальянской по белизне и весу».

<sup>98</sup> Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 259.

<sup>99</sup> Страбон (VI. 3. 6) прямо говорит: «...Эта (Брундизийская. — В. К.) область лучше тарентинской и, хотя почва ее тоща, однако, производит хорошие плоды».

<sup>100</sup> Там же — о почвах Тарента, которые еще более тощи, чем почвы Брундизия. Зато тарентские овцы и их шерсть славились по всему Средиземноморью (Col. VII. 2. 3). Страбон, впрочем, говорит о славе брундизийской шерсти.

<sup>101</sup> О болотах в этих местах см. Cic. De leg. agr. II. 71; ср. Vitruv. I. 4. 12. В примечаниях к последнему переводу речей Цицерона (Цицерон. Речи. Т. I. М., 1962. С. 426. Прим. 70) они локализованы почему-то в Этрурии.

современные наносы. Урожай пшеницы здесь низки и ввиду малоблагоприятного климата очень неустойчивы<sup>102</sup>.

Рассматривая почвенный покров Апулии, следует, таким образом, различать низменные равнины с достаточным почвенным слоем, близким к степным черноземам, пригодные для земледелия, и плоскогорье с выходами жесткой кремнистой или известковой корки, где возделывание зерновых было затруднено и, напротив, создавались условия для развития скотоводства. Но даже на равнинных участках с хорошими почвами, за исключением приморской зоны, неблагоприятные климатические условия усложняли ведение полевого хозяйства, требовали дополнительных затрат на орошение этих земель и вместе с тем были очень удобны для скотоводства.

О почвах Лукании нет почти никаких данных, кроме беглых указаний Страбона (VI. 1. 1) на скудость почвы в районе Велии. Большая часть области была занята лесистыми горами, и лишь на ионическом побережье в районах Гераклеи, Метапонта и ЛагариИ находились небольшие ровные пространства, более или менее удобные для земледелия<sup>103</sup>. Но и они вряд ли отличались большим плодородием и, может быть, были аналогичны тощим землям соседнего Тарента.

Данных о почвах паданской равнины в нашем распоряжении тоже немного. Широко известные сообщения Полибия (II. 15) и Страбона (V. 1) о плодородии паданских почв, богатстве области, процветающем сельском хозяйстве, казалось, облегчают задачу исследователя. Однако эти сообщения нуждаются в некоторых исправлениях и уточнениях. До нас не дошло никаких сведений об особо высоких урожаях в Северной Италии, таких, например, как в Кампании, Этрурии, не говоря о Сибарисе. Нет у нас никаких данных и о выдающихся качествах паданских зерновых, вин, бобовых, подобно прославленной апулийской пшенице, кампанской полбе, фалернскому вину или венафрскому маслу. Здесь выращивали неприхотливые просо и полбу<sup>104</sup>, овес, мак (Plin. XVIII. 205), большое место занимали посеы репы (Plin. XVIII. 126–127). Действительную же славу области принесли ее многочисленные лесные уголья, особенно дубовые леса и процветающее свино- и овцеводство. Уже характер возделывавшихся здесь культур показывает, что почвы не отличались большим плодородием. Косвенные данные подтверждают это заключение. Так, Плиний сообщает, что белый песок (*album sabulum*), встречающийся в долине Тицина (XVIII. 33), и черный песок (*nigrum sabulum*), имеющийся во многих местах (XVII. 25), вообще бесплодны. Посеы репы также предполагают песчаную почву (Col. II. 10. 22–23).

Подстилающие аллювиальные наносы, образовавшиеся из размыва глинистых и песчаниковых горных пород Аппенин, характер лесного покрова с обильным опадом обеспечивали образование бурых лесных почв с общей тенденцией к их оподзоливанию<sup>105</sup>. Может быть, безадресные упоминания о подзолистой или пепельной почве, содержащиеся у разных авторов, имеют в виду как раз почвы Северной Италии. Может быть, упоминание Плиния о подзоле и белом песке, который встречается в Тицине, не случайно.

Таким образом, у нас нет оснований преувеличивать естественное плодородие почв Цизальпинской Галлии вслед за Полибием и Страбоном, очевидно, заимствовавшими свои сведения из вторых рук, однако было бы другой крайностью преумень-

<sup>102</sup> Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 266.

<sup>103</sup> Sirago A. Op. cit. P. 219 сл.

<sup>104</sup> Plin. XVIII. 66; 109–110; Strab. V. 1. 12.

<sup>105</sup> См. Биро П., Дреш Д. Указ. соч. С. 252 сл.

шать это плодородие. Обширные леса паданской равнины обеспечивали хорошее накопление гумуса, органических питательных веществ и достаточное количество пищи для растений. К тому же паданские аллювиальные почвы были довольно легки для обработки и тем самым облегчалась их эффективная, действительная эксплуатация, а следовательно, возрастало их экономическое плодородие. Однако для этого необходимо было расчистить землю от лесных зарослей, провести обширные мелиоративные работы по обузданию реки По и ее многочисленных притоков и приспособиться к континентальному климату, столь отличному от климата полуостровной части страны. Все эти обстоятельства наложили отпечаток резкого своеобразия на эволюцию и состояние сельского хозяйства Северной Италии.

Нижнее течение По и приморская часть Венеции, т.е. обширная область от Аквилеи до Равенны, была покрыта многочисленными болотами<sup>106</sup>. Однако эти болота не были зачумленными и зараженными землями, исключенными из сельскохозяйственного оборота. Образовавшиеся из наносов, ежегодно затоплявшиеся разливами По и ее многочисленных притоков, несущими ил, эти местности, при соответствующих дренажных работах превращались в плодороднейшие уголки Италии (Var. I. 4. 11)<sup>107</sup>. Таким образом, своеобразие почв и природных условий паданской равнины выражалось в том, что они раскрывали свои возможности не сразу, а по мере развития техники, создания мелиоративных сооружений, что обеспечивало введение в сельскохозяйственный оборот новых экономически эффективных, хотя и средних по своему естественному плодородию земель.

Рассмотрение почвенного покрова различных областей Италии позволяет сделать несколько важных для понимания развития сельского хозяйства страны выводов. Прежде всего, в Италии, как это ни покажется странным, было мало плодородных земель, особо пригодных для земледелия и, в частности, для зерновых культур, кроме Этрурии, Апулии и Кампании. Но дороговизна доставки апулийского хлеба через весь полуостров уменьшала значение Апулии как хлебной житницы Рима. Напротив, характер рельефа, обилие солнца и осадков, особенности почвы создавали в Италии весьма благоприятные возможности для занятия виноградарством, оливководством, плодоводством, наконец, для разведения скота, т.е. определяли своеобразное лицо итальянского сельского хозяйства, его комплексный характер, своеобразие соотношения культур и отраслей.

Развитие сельского хозяйства вообще и земледелия в частности ограничивалось недостатком удобных земель, а прогресс земледелия должен был неизбежно поставить вопрос о введении в оборот земель, ранее считавшихся непригодными: холмистых, каменистых, очень плотных и болотистых, заставлял осваивать речные поймы и расчищать леса, т.е. производить такие операции, которые невозможны без определенного технического прогресса, без затраты значительных денежных средств, привлечения большого количества рабочей силы. До II в. до н. э. не могло быть и речи об освоении и использовании новых земель, так как ни у римского государства, ни у частных лиц не было достаточного количества рабочей силы и средств. Но, начиная со II в. до н. э., положение изменилось. Золотой дождь полился на итальянскую почву из провинций, толпы рабов прибыли на землю Италии, чтобы осушить болота и раскорчевать леса, вспахать и засеять новые земли. Создались условия для расцвета сельского хозяйства Италии в I в. до н. э. — I в. н. э.

<sup>106</sup> Страбон (V. 1. 11) говорит о том, что болота покрывали большую часть Циспаданской области.

<sup>107</sup> О баснословных урожаях виноградарников *ager Gallicus* см. Var. I. 2. 7.

С другой стороны, подобные предварительные работы требовали новых орудий труда, новой организации хозяйства, иначе говоря, стимулировали деятельность италийца, развивали его хозяйственные способности, создавали у него представление о всемогуществе человеческого разума, нашедшее наиболее четкое выражение в гениальной догадке Колумеллы о неисчерпаемости плодородия почвы, в смелых практических попытках победить естественное бесплодие каждого клочка земли.

### О датировке катоновского «Земледелия»\*

«Земледелие» — не только первое агрономическое сочинение, но и вообще первое прозаическое произведение на латинском языке, сохранившееся до нашего времени<sup>108</sup>. Его популярность и влияние на латинскую литературу были огромны. Естественно, что катоновский трактат привлек пристальное внимание современной науки, и к настоящему времени библиография работ о Катоне — одна из самых обширных<sup>109</sup>. Хотя в научной литературе нашли отражение самые несходные взгляды на композицию трактата и другие вопросы<sup>110</sup>, большинство исследователей с редким единодушием придерживаются одной точки зрения на приблизительную датировку этого произведения. Такой приблизительной датой считается середина II в. до н. э.<sup>111</sup> Отклонения от этой датировки немногочисленны. Ф. Делла Корте полагает, что Катон написал это сочинение в конце 60-х гг.<sup>112</sup> Более широкую датировку — а именно 175–150 гг. до н. э. — предлагает Тенни Франк<sup>113</sup>. Еще дальше идет Пауль Тильшер, который считает, что Катон писал свое агрономическое произведение, как Гете «Фауста», всю жизнь — с 36 лет (т.е. с 198 г.) и вплоть до смерти. П. Тильшер полагает, что написание отдельных глав было более или менее строго подчинено накоплению хозяйственного опыта Катона, так что первые главы написаны раньше (в 90-х гг.), последующие — позже (в частности глава 128 после 164 г.), а заключительные 34 главы — перед самой смертью. Смерть застала Катона с пером в руке, когда он среди прочих дел сажал спаржу и солил окорока, о чем и успел записать в последних двух главах. На основе трактата, полагает П. Тильшер, можно даже восстановить последовательное течение жизни Катона, постепенное

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1966. № 2. С. 54–67.

<sup>108</sup> RE. Hbd. 43. S. 147–148.

<sup>109</sup> См. библиографию в работах: *Marmorale E. Cato Maior*. Bari, 1949. P. 162–163; *Kienast D. Cato der Zensor*. Heidelberg, 1954. P. 167–168; de Regibus L. *Il Censore e l'Africano*. Genova, 1959. P. 47–48; а также и Zucarelli U. *Rassegna bibliografica di studi e pubblicazioni su Catone (1940–1950)* // *Paideia*. 1952. P. 213, сл.

<sup>110</sup> RE. Hbd. 43. S. 147–156; *Сергеенко М. Е.* Катон и его «Земледелие» // *Марк Порций Катон. Земледелие* / Пер. и комм. М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1950. С. 97–122.

<sup>111</sup> Например, *Gummerus H. Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus*. Lpz., 1906. S. 13; САН. VIII. S. 337–379; Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1937. С. 11; Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 123; Луццатто Дж. *Экономическая история Италии*. М., 1954. С. 71.

<sup>112</sup> *Della Corte Fr. Catone Censore. La vita e la fortuna*. Torino, 1949. P. 52–55; *Marmorale E. Cato Maior...* P. 160–161.

<sup>113</sup> ESAR. I. P. 160–161.

приобретение имений, пристройки и посадки в молодые годы, заболевания, вывихи в старости, обращение выживающего из ума старика к заговорам<sup>114</sup>. П. Тильшер наиболее подробно обосновывает свою попытку датировки катоновского трактата, обычно же этот вопрос решается без аргументации. Попробуем и мы привести некоторые более развернутые соображения относительно датировки сочинения Катона.

Плутарх пишет, что в молодости Катон занимался земледелием по необходимости, поскольку в ту пору у него было лишь два источника дохода — земледелие и бережливость, а позже сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение, равно как и пищу для размышлений (Plut. Cat. Mai. 25). «Усердно хлопоча о приумножении своего имущества, он пришел к мысли, что земледелие — скорее приятное времяпрепровождение, нежели источник дохода, и потому стал помещать деньги надежно и основательно: он приобрел водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства валяльной мастерской, плодородные земли с пастбищами и лесами (ни те, ни другие не требуют забот) — и все это приносило ему много денег... Занимался он и ростовщичеством, и вдобавок самым гнусным его видом: ссудой под залог кораблей... Он ссужал в долг и собственным рабам» (Там же. 21)<sup>115</sup>. Таким образом, Плутарх сообщает об определенной эволюции в хозяйственном мировоззрении Катона: на первом этапе его жизни земледелие для него было главным источником доходов, во втором — стало развлечением и отдыхом. Сравним это сообщение Плутарха с тем, что говорится у самого Катона. В трактате недвусмысленно сказано, что доход от земледелия самый чистый и самый верный, что он даже предпочтительнее, чем доход ростовщика и торговца<sup>116</sup>. Весь дух трактата, характер описанного в нем хозяйства пронизан меркантильными интересами. Расчеты, доходящие до сестерция, свирепая экономия, тесные связи с рынком, денежные вложения рисуют хозяйство доходное, рентабельное. Ярко выраженная товарная направленность катоновского имения — общее место в современной литературе. Нет ни одной главы, ни одного намека, который позволил бы предполагать, что занятие земледелием «скорее приятное времяпрепровождение». Хозяин сразу же по приезде обходит поля, участки, расспрашивает виллика, внимательно просматривает счета, намечает план дальнейших работ, вникает во все мелочи хозяйственных работ. Катона мало заботят красоты господской половины или деревенский стол<sup>117</sup>. К приезду хозяина, видимо, даже не особенно готовятся, а кулинарные рецепты Катона не отличаются совершенством<sup>118</sup>. Господин, как он обрисован в трактате, приезжает в деревню не для отдыха, а для работы, для внимательного инспектирования своего доходного предприятия. По нашему мнению, сопоставление этих особенностей катоновского трактата с данными Плутарха позволяет прийти к выводу, что дух, идеи, характер трактата соответствуют не тому времени, когда Катон считал уже деревню местом отдыха и развлечения, но перво-

<sup>114</sup> Thielscher P. Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft. B., 1963. S. 16–18.

<sup>115</sup> Выдержки из Плутарха — в переводе С. П. Маркиина, из Катона — в переводе М. Е. Сергеевко.

<sup>116</sup> Cat. praef.: est interdum praestare mercaturis rem quaerere nisi tam periculosum sit, et item foenerari, si tam honestum sit... maximeque pius quaestus stabilissimusque consequitur minimeque invidiosus...

<sup>117</sup> О господской половине Катон глухо упоминает только один раз (4. 1: villam pro copia aedificato), в то время как о сельской вилле несколько раз и очень подробно. Судя по описанию, господская половина Катона была очень невзрачна. См.: Plut. Cat. 4, а также Aul. Gell. XIII. 23. 1.

<sup>118</sup> Плутарх (Cat. 21; 25) говорит том, что во второй период жизни, когда Катон разбогател, он стал задавать пиры в деревне для своих друзей, т.е. его привычки заметно изменились.



му этапу жизни Катона, когда земледелие было для него важнейшим источником дохода. Тогда-то, надо думать, и был написан трактат.

Каким же временем можно датировать этот период жизни Катона?

Известно, что он в 199 г. был претором, в 198 г. — управлял Сардинией, проявляя крайнюю бережливость и скромность; будучи консулом в 195 г., Катон прославился строгостью и неподкупностью в Испании, которые позволяют думать, что он и в сорок лет не изменил своим привычкам. В «Земледелии» (3. 1) есть очень любопытное замечание о возрасте хозяина, которому следует приступить к постройке виллы: «В первой молодости хозяину следует ревностно засаживать имение. Над застройкой следует думать долго; над посадкой думать не следует: тут следует действовать. Когда твой возраст дойдет до 36 лет, тогда следует строиться, если имение у тебя засажено». П. Тильшер совершенно прав, приурочивая это замечание о возрасте к самому Катону и его собственному опыту<sup>119</sup>. Видимо, сам Катон начал деятельно строить свои виллы примерно с 198 г., после возвращения из Сардинии. В трактате уделено очень большое внимание различным проблемам и аспектам строительства вилл, организации и налаживанию хозяйств различных имений в целом. Достаточно рассмотреть инвентарь оливкового сада в 10-й главе и виноградника в 11-й, чтобы понять, что перед нами самый начальный процесс организации подобных хозяйств. Видимо, достаточного опыта еще не было, и Катон должен был перечислять самым подробным образом орудия, рабский персонал, оборудование вплоть до лоханей, скамеек, стульев, кресел, тюфяков, мешков, полотенец и даже ночных горшков. При наличии некоторого опыта ведения таких имений столь подробное перечисление инвентаря не имело бы особого смысла. Напротив, оно приобретало большое значение при начале создания этих хозяйств.

Строительные рекомендации Катона тоже очень обстоятельны. Предусматриваются все возможности: каменный фундамент, стены из мелкого щебня на известковом растворе или из сырцового кирпича. «Крыша высчитывается так: пересчитываются все цельные черепицы: черепицы, в которых не хватает одной четвертой части, идут две за одну; черепица для водосточков ставится каждая в две, стоящая над стоками считается каждая за четыре (14. 4). Столь же подробны советы Катона по сооружению масло- и винодельни (См. гл. 18–22). Советы Катона обращены к тому, кто начинает строиться заново, от фундамента (14. 1).

Исследование эволюции италийских вилл (на примерах остатков помпейских сельских вилл) привело специально занимавшегося этим вопросом Р. Каррингтона к выводу, что самый ранний тип сельских вилл, наиболее близко связанный с архаическим италийским сельским домом и лучше всего согласующийся с указаниями древних авторов, в том числе и Катона, появляется на рубеже III и II вв. до н. э.<sup>120</sup> Видимо, Катон не просто отразил самое начало строительства нового для того времени типа сельской виллы, в последующее время широко распространявшегося по всему римскому миру, но и сам принимал непосредственное участие в создании этого типа сооружения. Детальные указания о способах кладки, количестве черепиц, форме

<sup>119</sup> Thielscher P. Op. cit. P. 16.

<sup>120</sup> Carrington R. C. Some Ancient Italian Country Hoses // *Antiquity*. Vol. VIII. No 31. Sept. 1934. Сравнение этого типа виллы с ранним домом Сергия в Помпеях позволяет автору сделать вывод об архитектурных источниках того и другого. Таким источником был древнейший деревенский комплекс, объединяющий несколько хижин вокруг некоего пустого пространства — двора. В дальнейшем в деревне он развился в виллу, а в городе в дом атриумного типа, вокруг двора в вилле и атриума в городском доме сгруппировались помещения.

фундамента, о породах дерева для стояков, подробные вычисления длины ремней, величины двора, количества каморок, ставен, окон и пр. (гл. 14–15, 18–22), надо думать, основаны, прежде всего, на собственном опыте Катона.

Есть в сочинении Катона еще одно довольно существенное указание на рубеж III и II вв. — начальные десятилетия II в. до н. э. Речь идет об употреблении в строительстве так называемого бетона. Как известно, римский бетон начинает вводиться в строительную практику и конце III — начале II в. до н. э., причем ранний бетон был близок к мелкой бутовой кладке и применялся лишь эпизодически. Только несколько позже, скорее всего, к середине II в. до н. э. бетон как массовый стеновой материал вытеснил все другие<sup>121</sup>. Сведения же Катона о бетоне еще очень скудны и отражают лишь самое начало применения этого материала. Например, наряду с возведением стен из мелкого щебня на известковом растворе со столбами из квадратного камня (14. 1: *parietes omne uti iussitur, calce et caementis, pilas ex lapide angulari...*), Катон предлагает строить усадьбу с каменным на известном фундаментом, высотой в фут от земли и со стенами из необожженного кирпича (14. 4: *villa lapide calce fundamenta supra terra, pede, ceteros parietes ex latere...*).

Видимо, последний способ строительства более архаичен и, тем не менее, довольно употребителен, поскольку Катон его рекомендует так же, как и первый. Однако Катон гораздо большее внимание уделяет более новому методу строительства: даже стены вокруг виллы он рекомендует возводить «из мелкого щебня и твердого камня на известковом растворе» (15. 1: *maceries ex calce caementis silice, uti dominus omnia ad opus praebet...*). При заключении строительного контракта с подрядчиком хозяин предоставляет все необходимое для приготовления бетона: камень, известь, песок, воду, мятую солому, глину для обмазки (14. 3). Две главы (16 и 38) Катон посвящает описанию обжига извести, важнейшего компонента римского бетона, причем, видимо, в поместье была постоянная печь для обжига извести. Однако катоновский бетон был еще очень несовершенен (не говоря о том, что он не вытеснил целиком из употребления сырцовую технику) и в него не добавлялся еще мелкий вулканический песок (так называемая пуццолана), обеспечивавший римскому бетону чрезвычайную прочность и водонепроницаемость<sup>122</sup>. Иначе говоря, советы Катона отражают самую зарю бетонной техники, самое начало создания типа римской сельской виллы, самый ранний этап строительства вилл и создания рабовладельческих имений в Италии, т.е. отражают условия рубежа III и II вв. — первых десятилетий II в. до н. э. Эти сообщения хорошо соответствуют словам Катона о начале строительства с 36-летнего возраста и рассмотренным уже сообщениям Плутарха.

При самом беглом чтении Катонина «Земледелия», — пишет М. Е. Сергеенко, — нельзя не заметить, что маслина в хозяйстве Средней Италии занимает в это время

<sup>121</sup> Так, например, грандиозный портик Эмилиев построен целиком в бетонной технике, свидетельствуя о том, что римские строители хорошо овладели новым материалом. См.: Всеобщая история архитектуры / Под ред. Д. Е. Аркина и др. Т. II, 2. Архитектура древнего Рима. М., 1948. С. 57; Шузи О. Строительное искусство древних римлян. М., 1938. С. 27–28. См. также: *Enciclopedia Italiana*. Vol. IX. *Cementizia opera*. P. 701; *van Deman B. Methods of Determining the Date of Roman Concrete Monuments // American Journal of Archaeology*. 1912. No. XVI. P. 230.

<sup>122</sup> Витрувий. Об архитектуре. II. 6. 1: «Есть также сорт песочной пыли, которая совершенно естественным путем производит изумительное действие. Месторождение ее в Байанских краях, на земле муниципий, лежащей около горы Везувия. В соединении с известью и битым камнем она придает свойство нерушимой крепости не только всяким вообще постройкам, но под ее действием приобретают незыблемую твердость даже сооружаемые на море молы».

чуть ли не первое место<sup>123</sup>. Следуя своей манере неоднократно возвращаться к предметам, которые он считает важными, Катон говорит о масличном дереве во всех отделах своей книги, где есть основание его упомянуть»<sup>124</sup>. Среди речей Катона была речь (к сожалению, неизвестно когда произнесенная) «Об оливковом имении» (*De fundo oleario*)<sup>125</sup>. Видимо, он считался знатоком этого предмета<sup>126</sup>. Особый интерес Катона к маслиноводству (причем он говорит очень подробно о начальной разбивке, о молодых посадках масличных деревьев, об оборудовании масличного имения, так сказать, на голом месте) свидетельствует о самом начале широкого маслиноводства в Италии. К какому времени следует приурочить этот начальный процесс, столь точно отраженный катоновским трактатом? Таким, как кажется, наиболее подходящим временем для интенсивной посадки маслин были 90-е годы II в. до н. э. В самом деле, только что закончилась Ганнибалова война, только в 205 г. Ганнибал покинул Италию, которую опустошал 14 лет. Особенно сильно пострадала от военных действий Средняя и Южная Италия — области, самые подходящие для разведения маслин. Видимо, военные опустошения больше всего повредили оливковым посадкам. Разграбленное поле может вновь принести урожай уже на следующий год, чтобы восстановить вырубленный виноградник — нужно 4–5 лет, но новые посадки оливковых деревьев начнут приносить урожай лишь через 10–15 лет. Надо думать, что восстановление оливковых посадок было первоочередной проблемой в тогдашнем сельском хозяйстве<sup>127</sup>. К тому же начал открываться для итальяского масла громадный рынок в Цизальпинской Галлии, где маслина не растет<sup>128</sup>. Маслина становилась выгодной, очень доходной культурой, и сразу же после окончания войны итальяские хозяева принялись усердно насаживать оливковые сады. Катон, видимо, вовремя пришел им на помощь со своими подробными советами — как сажать деревья, устраивать питомники, собирать плоды, строить давяльни и приготавливать масло, рассчитывать с подрядчиками, продавать масло и т.п. Подробнейший инвентарь оливкового сада в 240 юг.<sup>129</sup> говорит о начальном процессе создания специализированных оливководческих поместий с определенным рабским персоналом, имений, способных удовлетворить широкий рынок. Эти советы Катона, на наш взгляд, труднее понять, исходя из условий середины века, когда уже полностью затянулись раны Ганнибаловой войны и хозяйственная жизнь целиком нормализовалась. К тому времени, видимо, завершился начальный процесс, связанный с интенсивными посадками и организацией оливководческих имений, и эти советы должны были уже потерять свой смысл, тогда как в начале века они были весьма актуальны.

<sup>123</sup> Т. Франк (САН. VIII. Р. 338 сл.), говоря о большом развитии маслиноводства в это время, ставит маслину на второе место после винограда.

<sup>124</sup> Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 7 сл.; См. также: Сергеенко М. Е. Катон и его «Земледелие»... С. 110—122.

<sup>125</sup> Гельцер в RE (Hbd. 43. S. 128) приурочивает эту речь к цензуре Катона, т.е. к 184–183 гг. Кинаст (*Kienast D.* Op. cit. P. 165) помещает ее среди речей, время произнесения которых неизвестно.

<sup>126</sup> Любопытно, что среди многочисленных речей Катона, Цицерон (*Brutus*. 17. 65) говорит о 150 речах, имеется только одна речь, произнесенная, так сказать, на сельскохозяйственную тему и как раз о маслиноводческом имении. Правда, среди речей Катона встречается и такая — *de agna musta pascenda* (см. *Kienast D.* Op. cit. P. 165).

<sup>127</sup> Об этом прекрасно говорит Т. Франк (САН. VIII. Р. 338).

<sup>128</sup> На значение цизальпинского рынка для развития маслиноводства в полуостровной Италии указала М. Е. Сергеенко (Очерки... С. 7 и 202).

<sup>129</sup> Сергеенко М. Е. Очерки... С. 203. Прим. 15; «Насколько продуман и строго целесообразен инвентарь маслинника, настолько произвольно и случайно подобран ряд вещей, входящих в инвентарь виноградника».

К тому же, как мы помним, Катон прямо говорит: «В первой молодости (т.е. до 36 лет. — В. К.) хозяину следует ревностно засаживать имение (3. 1: *agrum conserere studere oportet*)». Дальнейшее изложение показывает, что Катон имеет в виду, прежде всего, посадки оливы. Иначе говоря, вновь посаженный сад принесет свои первые плоды и первое масло к тому времени, когда будет построена вилла — имеется в виду, что между посадкой олив и постройкой давлен и погребов пройдет 10–15 лет. Если допустить, что сам Катон начал посадки в последние годы III в., например, в 205–204 г.<sup>130</sup>, то окончательная постройка помещений виллы придется на конец 90-х гг. II в. до н. э.

Посадка оливковых деревьев, разбивка виноградников, посев новых культур, строительство вилл предполагает наличие большого количества ранее пустовавшей земли, интенсивно вводимой в сельскохозяйственный оборот. Вот советы Катона относительно покупки нового имения: «Когда ты задумаешь приобрести имение, положи себе за правило следующее: не бросайся на покупку — не жалея своего труда на осмотр и не считай, что достаточно один раз обойти его кругом. Хорошее имение будет тебе нравиться больше и больше с каждым разом, как ты туда пойдешь» (1. 1). Имение должно быть с хорошей землей, которая сама родит, у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водоем, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога (2–3). Видимо, было достаточно хороших пустыющих или заброшенных земель, если можно было столь долго и безбоязненно торговаться. Как раз после Ганнибаловой войны в Италии появился некоторый фонд таких земель<sup>131</sup>, и предписания Катона имеют в виду, скорее всего, этот период времени. От опустошений Ганнибала пострадали особенно сильно Кампания и Южная Италия, конфискации и репрессии римлян довершили разорение и создали определенные излишки плодородных земель, на которые, видимо, устремились римские рабовладельцы и дельцы, среди них и сам Катон<sup>132</sup>. Катон по наследству получил некоторое количество земли в Сабинии (*Plut. Cat. 1*), однако, в трактате основное внимание Катона привлекает не Сабиния, а Южный Лаций и Кампания, один раз он называет Луканию (гл. 135)<sup>133</sup>. Видимо, в этих областях он приобрел имения и начинал оборудовать оливководческое и виноградарское хозяйство. Процесс приобретения земель в Кампании и Южном Лации и организацию новых хозяйств в этих местах, скорее всего, следует относить к первому десятилетию после Ганнибаловой войны, но никак не к середине II в. до н. э., когда был земельный голод, а, следовательно, и цены на землю должны были быть высокими<sup>134</sup>. Если бы катоновский трактат появился в середине II в. до н. э., он, так или иначе, должен был бы отразить обстановку, сложившуюся в Италии и приведшую в середине 30-х гг. к бурным событиям, связанным с именем

<sup>130</sup> В самом деле, Катон предлагает приступить к строительству виллы с 36 лет. 36 лет ему исполнилось в 198 г., к этому времени молодые посадки оливковых деревьев уже сделаны, видимо, несколько лет назад (примерно 4–5), т.е. начало посадок падает на 204–202 гг.

<sup>131</sup> *Tibiletti G. Lo sviluppo del latifondo in Italia dall'epoca Graccana al principio dell'impero // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche. T. II. S. 248–250; RE. Splbd. IV. S. 239. s. v. Domänen; Toynbee A. Economic and Social Consequences of the Hannibalic War // Bull. of the J. Rylands Libr. XXVII (1954).*

<sup>132</sup> П. Тильшер (Указ. соч. С. 6–8) насчитывает у Катона семь имений.

<sup>133</sup> П. Тильшер (Указ. соч. С. 8–9) восстанавливает географическое положение катоновских имений.

<sup>134</sup> Во всяком случае, в 173 г., а потом в 165 г. с большим трудом пришлось восстанавливать захваченный частными лицами *ager publicus* Кампании (*Liv. 42. 1. 6; 9. 7; 19. 1–2*).

Тиберия Гракха. Крестьянское движение возникло не сразу, и его основные причины начали действовать раньше. Это — наводнение Италии рабами, широкое распространение рабовладельческих имений, разорение крестьянства, невозможность для разоренных крестьян жить в деревне, где они даже не могли работать у богатых, поскольку те пользовались покупными рабами<sup>135</sup>. На мой взгляд, такая напряженная обстановка не могла не отразиться в земледельческом трактате. Однако общая атмосфера катоновского произведения совсем иная. Вот что говорит по этому поводу М. Е. Сергеенко: «Книга Катона рисует нам среднюю Италию того времени как цветущий край. Раны, нанесенные войной Ганнибаловой, затянулись быстро. Города Лация и Кампании оживлены ремесленной деятельностью и торговлей, поля засеяны хлебом и засажены виноградными лозами и фруктовыми деревьями. Недалеко одна от другой разбросаны усадьбы, из которых каждая является центром имения, небольшого по площади, но организованного с расчетом на то, чтобы насытить вином, маслом и хлебом крупный рынок. Хозяйство, особенно масличное, идет в гору, страна заселена густо. Рядом с рабовладельческими имениями находятся крестьянские хозяйства: у крестьянина есть свой земельный участок и своя скотина. Он не настолько богат, чтобы отказаться от приработка, и охотно идет работать поденно или сдельно к соседнему землевладельцу, но это не безземельный батрак и даже не малоземельный пахарь, которого можно заставить работать на самых жестких условиях, пользуясь тем, что он вынужден выбирать только между двумя возможностями: соглашаться или умирать с голоду. Обездолена только главная рабочая сила поместья — рабы»<sup>136</sup>.

М. Е. Сергеенко приходит к выводу о том, что оплата наемных работников и батраков у Катона была довольно высока и никак не свидетельствует об их бедственном положении<sup>137</sup>. Сами взаимоотношения Катона с соседней округой, в том числе с соседями-крестьянами характеризуются довольно оживленными и относительно дружественными связями. «Будь хорош к соседям, рабам провинностей не спускай. Если соседи будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабочих. Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом» (Cat. 4). Одно из строгих предписаний виллику состоит в том, чтобы виллик не задерживал после выполнения работ дольше одного дня работника, нанятого за деньги, или за долю в урожае (5. 4), видимо, Катон усматривал в более длительном задержании работников известный произвол виллика<sup>138</sup>. Положение среднеиталийского крестьянина, его взаимоотношения с владельцами соседних рабовладельческих усадеб, как они рисуются катоновским трактатом, заметно контрастируют с положением италийского крестьянства середины II в. до н. э., насколько оно известно по фрагментам речей Гракхов и соответствующих описаний Аппиана и Плутарха. Скорее всего, катоновский трактат отражает другую эпоху и другие взаимоотношения, отделенные от времени великого аграрного движения несколькими десятилетиями и принадлежащие не середине, а началу II в. до н. э. Рабовладельческие имения и виллы только-только начинают складываться, еще много пустующих земель, рабство еще не овладело производством, для крестьянина находится работа в соседних поместьях в строительстве, на обжиге извести, при возделывании зерно-

<sup>135</sup> См. App. В.С. I. 7–10; Plut. Tib. Gracch. 8; Tibiletti G. Op. cit. S. 247 сл.

<sup>136</sup> Сергеенко М. Е. Очерки... С. 16–17.

<sup>137</sup> Там же. С. 15–16.

<sup>138</sup> Иное толкование этого предписания см. в статье Сергеенко М. Е. Катон. Земледелие. 5. 4. // Древний мир. М., 1962. С. 618–619.

вых, сборе маслин и приготовлении масла. Еще не создались условия для резкого антагонизма между собственниками рабовладельческих вилл и крестьянством. Все эти особенности катонской картины указывают на начало II в. до н. э.

В трактате Катона есть много архаических дедовских советов, указания на примитивную агротехнику, в ряде случаев Катон, рабовладелец и крупный делец, наделен чертами мелкого производителя-крестьянина<sup>139</sup>. С этой точки зрения особенно любопытно введение к трактату. Для Катона здесь характерны антиростовщические настроения, при всех формациях наиболее близкие именно мелкому производителю. Катонский идеал сугубо крестьянский: «И хорошего человека, когда хвалили, то хвалили его так: «хороший земледелец и хороший хозяин». Считалось, что кого так хвалили, тот взыскан наивысшей похвалой... ..Из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкий солдаты. И доход этот самый чистый, самый верный и вовсе не вызывает зависти, и люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» (Cat. praef. 2–3). Содержание же самого трактата показывает, насколько далек был этот идеал от действительности. Владелец катонского поместья — это не патриархальный крестьянин, а ловкий, прожженный делец-предприниматель, заботящийся, прежде всего, о прибыли. Однако и в этом дельце много крестьянских черт. Катон имеет дело с солидными именьями, большим количеством рабочей силы, ворочает громадными денежными суммами, но при этом сам ведет счет стульям и ночным горшкам, мешкам и полотенкам. Катон определяет число воронок, губок, черпаков и разливательных ложек, замков и ключей, длину веревок и ремней, но ничего не говорит о нормах дневной выработки рабов. Во многих его советах сквозит скорее узкий крестьянский экономизм, чей трезвый деловой расчет крупного хозяина-организатора<sup>140</sup>. Тесное переплетение старых крестьянских взглядов с представлениями владельца большого хозяйства, столь заметное в катонском трактате, как нам кажется, отражает первый этап жизни Катона, когда его собственный опыт занятий сельским хозяйством в небольшом отцовском хозяйстве был еще свеж в его памяти и, так сказать, осложнял его новые хозяйственные взгляды уже господина нескольких имений.

Важным аргументом в пользу ранней датировки катонского сочинения служит упоминание Катонем викториатов, монетных номиналов, имевших относительно небольшое хождение и лишь несколько выпусков. Согласно новейшим исследованиям<sup>141</sup> первый выпуск викториатов датируется 205 г., и в течение 205–187 гг.

<sup>139</sup> О традиционализме и консерватизме в мировоззрении Катона, проявившихся в трактате, очень подробно говорят Дж. Тибилетти (Указ. соч. С. 237–251, с богатой библиографией). Ср.: *Сергеенко М. Е.* Очерки... С. 25: «...Сквозь неуклюжие и деловые строчки проглядывает облик старозаветного италийского хозяина».

<sup>140</sup> *Tibiletti G.* Op. cit. S. 247: «Катон, правда, допускает вложение капитала для получения далекого дохода посредством создании поместья, но судьба такого вложения оказывается затем неясной, если ожидать дохода от небольших компенсаций, которые получают от распродаж, совершаемых им (в 2. 7. — В. К.). Эти патриархальные наставления — хотя возможно, они в некоторой степени подделаны под прошлое — больше подходят к небольшому полю старого времени с его натуральным хозяйством, чем к именованию в сотни югеров со специализированной культурой». Эти советы дают другой хороший пример переходной эпохи, о которой пишет Катон.

<sup>141</sup> В дальнейшем изложении мы следуем выводам Э. О. Сайденхема (*Sydenham Ed. A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. P. XVIII–XXVIII, 8—38*), см. также его работы «Aes grave» (L, 1926); «Victoriates» (Numism. Chron. 1932); «Problems of the Early Roman Denarius» (Transactions of the International Numismatic Congress. 1936). Выводы Эд. Сайденхема о датировке первых выпусков денариев близко соприкасаются с выводами Г. Маттингли и Робинсона, как известно, серьезно пересмотревших прежние датировки римского монетного дела. См.: *Mattingly H. Roman Coins*

викториаты были единственной серебряной монетой в Рапе. Этот выпуск викториатов (так называемый класс I) считается монетой, подготовившей выпуск денария и рассматривается как преденарий. Викториаты имели свою особую весовую систему, связанную с римско-кампанским серебром, но не были связаны с весовой системой последующего денария. Когда началась чеканка денариев в 187 г., выпуск викториатов класса I (преденарии) прекратился, и вскоре они исчезли из обращения. Возрождение викториатов началось после 172 г., когда их выпустили вместо исчезнувшего квинария. Викториат нового выпуска (так называемый класс II) имел меньший вес, чем викториат I класса и был приведен в соответствие с весом денария, составляя 3/4 денария. Чеканка викториатов II класса прекратилась в 150 г. Хотя викториаты во второй четверти II в. обращались на внутреннем рынке наряду с денариями, но они имели гораздо меньшее значение в монетной и расчетной практике, чем денарии, которые стали безраздельно господствующим номиналом. В расчетах же, которые приводит Катон, упоминаются лишь викториаты и сестерции, но ни разу не упоминается денарий, т.е. самая распространенная, самая обычная после 187 г. монета. Приведем места, где упоминаются викториаты: гл. 15. «Если хозяин сдает с подряда постройку стен в усадьбе в 100 футов, — 10 футов в квадрате + то цена ей 10 викториатов» (*parietes villae si locet in p. C., id est p. X. quoquo versum, libellis in ped. V et perticam I p. vic. n. X. sesquipedalem parietem*)<sup>142</sup>; гл. 145. 3: «Добавкой ему (подрядчику. — В. К.) будет масла и соли по его потребе и по два викториата на каждый пресс»<sup>143</sup>. Специально занимавшийся вопросом об упоминении Катонном викториатов П. Тильшер<sup>144</sup> полагает, что именно викториаты имеются в виду еще в трех местах в 14. 3 (два раза) и 5, где они названы просто *nummi*<sup>145</sup>. Таким образом, следует думать, что Катон упоминает о викториатах пять раз, причем викториаты использовались при повседневных расчетах: для оплаты строителя, при покупке черепицы, расчетах с подрядчиком и его бригадой наемных рабочих. Иначе говоря, это — обычная распространенная монета. Но денарий Катонном не упомянут ни разу. Очевидно, Катон, когда писал свой трактат, еще не знал денария как основной монеты. Естественно заключить, что «Земледелие» написано до чеканки денариев, т.е. до 187 г. Кроме викториатов, Катон упоминает, и довольно часто, также сестерции. «Как известно, — пишет А. Н. Зограф, — сестерций был довольно редким

from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. L., 1962. P. 15–18 (в этом последнем издании своего труда Маттингли не считает исключенной и более позднюю датировку первых денариев — 169 годом до н. э.). А. Н. Зограф (Античные монеты. М.—Л., 1951. С. 52) считает доводы Г. Маттингли относительно новой датировки очень убедительными. Иной точке зрения придерживается Гамберини ди Скарфеа (*Camberini di Scarfea. La monetazione di Roma durante la Republica. Bologna, 1962. P. 40–41*).

<sup>142</sup> П. Тильшер расшифровывает этот текст так: *parietes villae si locet in p(edes) C — id est p(edes) X quoquo versum [libellis in ped. V] et perticam i[n] p(edes) [V] — vic(toriatos) n(ummos) X sesquipedalem parietem*.

<sup>143</sup> Cat. 145. 3: *Accedit oleum et sale suae usioni quod satis siet vasarium vict. II.*

<sup>144</sup> См. *Jungst E., Thielscher P. Cato und Victoriate // Philologus. 1937. Vol. 92. No. 46. 1937. P. 331–343* (мне недоступно).

<sup>145</sup> Cat. 14. 3: *Huic operi pretium ab domino bono, qui bene praebeat quae opus sunt et nummos fide bona solvat in tegulas singulas II* (По мнению П. Тильшера, подразумевается: *in tegulas singulas II nummos* — по аналогии с 14. 5 — В. К.); Cat. 14. 5: *cetera lex uti villa ex calce caementis. Pretium in tegulas singulas n. s.* (П. Тильшер расшифровывает *n. s.* как *n(ummos) s(ingulos)* — Указ. соч. С. 17). Некоторые издатели и переводчики понимают под *nummos* не викториаты, а сестерции — См. *Marcus Porcius Cato. On agriculture. L., 1936; Cato the Censor. On Farming. N. Y., 1933; Катон. Земледелие. М.—Л., 1950.*

монетным номиналом, чеканился в небольшом количестве, но вплоть до III в. н. э. оставался основной счетной монетной единицей. Большинство расчетов обычно совершалось в сестерциях. Широкая популярность сестерция в качестве основной расчетной денежной единицы объясняется тем, что по весу он представлял собою один скрипул, издавна излюбленную единицу (ср. сицилийскую литру) монетного счета, положенную еще в основу римско-кампанских монет и, может быть, заимствованную из Этрурии вместе с десятичной системой деления, примененной к денарию»<sup>146</sup>. В связи с этим, может быть, сестерций, упомянутый Катон, представлял собой не монетный номинал, тесно связанный с денарием, а счетную монетную единицу.

Основные источники катоновского трактата, как это общепризнано, — собственный опыт его автора и заветы предков. Однако в «Земледелии» можно проследить ясные следы и иноземного опыта. В нескольких местах Катон пишет о предметах, явно заимствованных из Карфагена. Он называет в числе других сортов — африканскую смоковницу (*Africanas*. 8. 1), приводит рецепт пунийской каши (*pultem Punicam*. 85), наконец, при изготовлении круглой доски для выдавливания маслин он советует придерживаться пунийского образца (18. 9). Дважды Катон называет предметы, заимствованные из Испании: сагунтскую смоковницу (*sacontinas hibernas*. 8. 1) и испанскую мельницу (*molas... hispaniensis unas*. 10. 4). Откуда мог ваять все эти сведения Катон? Несколько лет он провел в Африке как квестор Сципиона Старшего и вполне мог ознакомиться с некоторыми сторонами сельского хозяйства Карфагена. В 195 г. Катон находился в Испании и, видимо, не только подавлял восстание испанских племен, но и находил время присмотреться и к их сельскохозяйственному опыту и привезти в Италию и новые породы деревьев, и более совершенные мельницы. Вернувшись из Испании Катон, надо думать, продолжал приводить свои поместья и виллы в окончательный порядок в течение нескольких лет, а в 192–191 г. принимал участие в военных действиях против Антиоха III уже в должности военного трибуна у консула Мания Ацилия Глабриона. В качестве легата он объехал всю Балканскую Грецию. Как сообщает Плутарх, дольше всего Катон задержался в Афинах<sup>147</sup>, одном из крупных центров греческого оливководства. Видимо, по своему обыкновению Катон не только выполнял военно-дипломатические поручения, но и не оставил без внимания богатый сельскохозяйственный опыт греков. К тому же Катон, покушая поместья главным образом в Кампании, мог заимствовать многое из опыта греков кампанских и южно-италийских. Нет никакого сомнения в том, что подробные и обстоятельные рекомендации Катона по уходу за маслиной и шпалерным виноградником в большей части иноземного — и греческого, в частности, — происхождения. И если практичный Катон столь скрупулезно излагает все необходимые правила ухода за ними, то, видно, они были мало знакомы его аудитории. Характерно, что с наибольшей подробностью изложены правила ухода за маслиной и шпалерным виноградником, в то время как полеводство в узком смысле слова, отрасль хозяйства более консервативная и лучше известная итальянским земледельцам, описана несколько схематично<sup>148</sup>. Кстати, греческий опыт вряд ли давал здесь что-либо существенное по сравнению с италийским, в области же оливководства и виноградарства греки были крупнейшие специалисты. О заимствовании греческого опыта Катон иногда говорит прямо. Так, при монтаже трапетов

<sup>146</sup> Зограф А. Н. Указ. соч. С. 52.

<sup>147</sup> Plut. Cat. 12. Об отношении Катона к греческой культуре см.: *Marmorale E. Cato Maior...* P. 147-155.

<sup>148</sup> Сергеев М. Е. Очерки... С. 25–26.



Катон рекомендует использовать два греческих блока (*trochileas Graecanicas*. 3. 5) и дает им подробное описание, видимо, как новым, ранее не известным элементам<sup>149</sup>. Катон часто называет некоторые деревья, кустарники и растения, которые определяются им как греческие, например, греческая ива (*salicem graecam*. 6. 3; 40. 2), мегарский лук, дельфийский лавр, греческие орехи (8. 2), греческое сено одна из самых популярных кормовых трав (*foenum graecum*. 27. 1; 35. 1; 37. 1), о приготовлении греческого и косского вина автор говорит во многих местах (20; 105. 1–2; 112. 1–2; 158. 2). Любопытно отметить, что Катон в некоторых главах наряду с исконными римскими мерами жидких тел использует и греческие, в частности метрет (100), киаф (114. 2). В гл. 127 Катон упоминает такую чисто специфическую единицу веса, весьма редкую у римлян, как драхма<sup>150</sup>. Очень вероятно предположение ряда специалистов о том, что и часть 157-й главы заимствована из какого-то греческого медицинского сочинения<sup>151</sup>. Иначе говоря, влияние греческого сельскохозяйственного опыта в произведении Катона довольно значительно<sup>152</sup>. По нашему мнению, это влияние объясняется не только тем, что Катон мог многое из него позаимствовать через кампанских греков, но также и тем, что Катон лично побывал в Балканской Греции в конце 90-х гг. и собственными глазами видел успехи греческого виноградарства и маслиноводства. Видимо, сельскохозяйственный трактат был написан им после возвращения из Греции, т.е. после 191 г., под свежим впечатлением.

Итак, трактат составлен, скорее всего, после 191 г., т.е. после возвращения Катона из Греции, но до 187 г., когда стали чеканить денарии. Предлагаемая датировка хорошо согласуется со всеми приведенными выше данными и соображениями. В самом деле, Катон, который начал приобретать и засаживать кампанские поместья сразу же после Ганнибаловой войны, видимо, приступил к более или менее систематической застройке своих вилл после 36-летнего возраста, т.е. после 198 г. Этот процесс продолжался несколько лет, и, по крайней мере, к концу 90-х гг. имения и виллы Катона были им приведены в образцовый порядок. Посадки маслин превратились в цветущие рощи, дававшие желанный урожай и ожидаемую прибыль. Катон на собственном опыте должен был узнать и испытать доходность подобных хозяйств, чтобы писать о них в своей книге. По возвращении из Греции Катон объехал свои благоустроенные поместья, взвесил их достоинства и недостатки по сравнению с опытом греческих хозяйств, с которыми он только что ознакомился. К этому времени Катон был прекрасно, по тем временам, подготовлен к составлению агрономического сочинения. За его плечами стоял уже солидный собственный опыт полутора десятков лет. Нечего говорить о том, что Катон хорошо был знаком с крестьянским хозяйством и традиционной италийской агротехникой, поскольку он долгое время возделывал собственными руками участок земли, полученный им по наследству. Военная и го-

<sup>149</sup> Катон. Земледелие... С. 133 (комментарий М. Е. Сергеевко).

<sup>150</sup> Cat. 127. 1–2: tres minas in amphoram infundito... postridie, turis drachmam unam conterito et mel coctum drachmam unam et vini sextarium organiti. Dato ieiuno et puero pro aetate triobolum et vini heminam. Столь частое, нигде больше не встречаемое упоминание о греческих мерах веса (мина, драхма, обол, гемина) наталкивают на мысль, что эта глава почерпнута Катонем из какого-нибудь греческого медицинского сочинения. См. комментарий к этому месту у Тильшера (Указ. соч. С. 313–314).

<sup>151</sup> См. комментарий М. Е. Сергеевко (Катон. Земледелие... С. 212–213), а также *Thielscher P.* Op. cit. P. 374–383, где приводится ряд мест, доказывающих заимствование части 157-й главы (обозначено литерой С) из сочинения Хрисиппа Книдского.

<sup>152</sup> В RE. Hbd. 43. S. 155–156 приводится ряд данных, свидетельствующих о знакомстве Катона с греческой специальной литературой.

сударственная служба бросала Катона по разным углам Западного Средиземноморья: он побывал в африканских владениях Карфагена, Испании, Балканской Греции, что позволило ему познакомиться с богатым опытом ведения рабовладельческих хозяйств в Греции и Карфагене и многое от них позаимствовать.

Пример Катона, который начинает столь интенсивно скупать земли и организовывать на них оливководческие или винодельческие имения, строить виллы, т.е. создавать рабовладельческие сельскохозяйственные предприятия, от эксплуатации которых ожидают солидный доход, был, видимо, типичен. При организации подобных имений должно было быть много экспериментов, много неудач. Появилась нужда в руководстве, которое помогло бы в организации новых хозяйств. Честолюбивый Катон прекрасно понимал, что составление такого сочинения обеспечило бы его автору большую популярность и славу. А популярность Катону в начале 80-х гг. была очень нужна и потому, что он хотел стать цензором и готовился к выборам. Как известно, Катон первый в Риме понял важное значение ораторского искусства в политической борьбе (Plut. Cat. Mai. 1; 15.) По преданию, он произнес около 150 речей, первый из римских ораторов стал записывать их и издавать<sup>153</sup>. Иначе говоря, Катон прекрасно понимал значение слова для приобретения политической популярности. В этой связи, по нашему мнению, следует рассматривать и издание его сельскохозяйственного трактата.

Предлагаемая нами более ранняя, чем принятая в историографии датировка трактата 190–187 годами позволяет более логично понять и некоторые филологические особенности этого сочинения. Если наше предположение верно, то составленная Катонем для малолетнего сына и написанная крупными буквами «История Рима» (Plut. Cat. 20) была уже его вторым произведением (сын Катона родился в 192 г., ему должно было исполниться лет 8–10, чтобы он мог читать написанную отцом книгу, поэтому она, надо полагать, была составлена не ранее 184–182 гг.)<sup>154</sup>. Естественно думать, что «Земледелие» как первое произведение Катона, а вместе с тем, видимо, и первое прозаическое произведение латинской литературы<sup>155</sup> было составлено неумело композиционно, написано «языком трудным и необработанным»<sup>156</sup>. Если верить Плутарху, Катон в преклонном возрасте познакомился с греческой образованностью, изучал Фукидида и Демосфена. «Его сочинения, — пишет Плутарх, — в достаточной мере украшены мыслями греческих философов и примерами из греческой истории, а среди его метких слов и изречений немало прямо переведенных с греческого» (Cato. 2). Логично предположить, что ознакомившись с греческой литературой, Катон писал свои поздние произведения более искусно. Утрата остальных сочинений Катона не позволяет проверить это предположение, тем не менее, остается несомненным, что на стиле и композиции его «Земледелия» не заметно какого-либо влияния греческой литературы.

Серьезным аргументом в пользу поздней датировки считается сопоставление 128-й главы трактата с Gell. XIII. 21. 1 и Plut. Cat. 4. Остановимся на этом несколько подробнее. Приведем текст 128-й главы: «Штукатурка помещения. Возьми самой глинистой или красной земли, влей туда маслянистого отстоя, подбавь мятой соло-

<sup>153</sup> Cic. Brut. 17. 65. О Катоне как ораторе см. *Marmorale E. Cato Maior...* P. 199–224.

<sup>154</sup> Марморале (Указ. соч. С. 156–157) относит составление libri ad filium к 185–180 гг.

<sup>155</sup> Прозаическое произведение Энния, содержащее пересказ Эвгемера, было написано скорее всего уже после катонского «Земледелия», к тому же оно до нас не дошло. См.: RE. Hbd. 43. S. 147; Дератани Н. Ф. История римской литературы. М., 1954. С. 79–80.

<sup>156</sup> Толстой И. И. // Катон. Земледелие... С. 85.

мы. Оставь четыре дня мокнуть. Когда хорошенько размокнет, порежь совком. Порезав, штукатурь. Так ни стены у тебя не запотеют, ни мыши не прогрызут дыр, ни трава не вырастет, ни штукатурка не потрескается»<sup>157</sup>. Это место сравнивают с отрывками из Авла Геллия: «Катон, бывший консул и цензор, говорит, что, хотя и государство и собственное его хозяйство процветали, но усадьбы свои он до семидесятилетнего возраста оставлял без всякого украшения и убранства, не позволяя их даже штукатурить»<sup>158</sup> и из Плутарха: «Ни один из его деревенских домов не был оштукатурен»<sup>159</sup>. П. Тильшер, таким образом, приходит к выводу, что поскольку в главе 128-й речь идет о штукатурке деревенских вилл Катона, а по его же словам, он начал их отделку только после 70 лет, т.е. после 164 г., то данная глава и следующие за ней записаны после этого времени. На наш взгляд, сопоставление приведенных мест Катона, Плутарха и Авла Геллия не имеют доказательной силы. В 128-й главе речь идет не о цементной штукатурке (*tectorium*), покрывавшей гладким и тонким слоем поверхность стен, которые приобретали таким образом отделанный и нарядный вид и по влажной поверхности которой могли наносить фрески<sup>160</sup>, а о примитивной глиняной обмазке (*lutamenta*), которая была широко распространена в сельских домах Италии начиная с древнейших времен<sup>161</sup>. Древнейшие глинобитные хижины в Италии вероятно были оштукатурены этим материалом<sup>162</sup>. Обмазка стен совершенно необходима при строительстве деревенских помещений, и об этом ясно говорит конец 128-й главы: «Так ни стены у тебя не запотеют, ни мыши не прогрызут дыр, ни трава не вырастет, ни штукатурка не потрескается». Здесь нет и намека на то, чтобы подобная штукатурка рассматривалась в качестве элемента украшения, отделки. Между тем в отрывке из Авла Геллия речь идет как раз о том, чтобы снять с Катона обвинение в некотором излишестве, в стремлении к роскоши, к некоей изысканной отделке. По нашему мнению, 128-ю главу и отрывок из Авла Геллия нельзя сопоставлять механически, здесь имеются в виду разные вещи. Скорее всего, после 70-летнего возраста Катон приступил к некоторой реконструкции своих вилл, в ходе которой заменил традиционную глиняную обмазку стен более тонкой и красивой цементной штукатуркой и, может быть, покрыл некоторые из них фресковой росписью. Видимо, подобное толкование ближе соответствует смыслу обоих отрывков, чем предложенное Тильшером.

Сравнение (с точки зрения содержания, композиции и стиля) первых глав, по мнению П. Тильшера, более ранних, с последними, написанными, как он считает, после 164 г. и вплоть до 149 г., доказывает известную искусственность его кон-

<sup>157</sup> Cat. 128: *Habitationem delutare. Si habitationem delutare vis, terram quam maximam cretosam vel rubricosam sumito, eo amurcam infundito, paleas indito. Sinito quatridduum fracescat. Ubi bene fracuerit, rutro concidito. Ubi concideris, delutato. Ita neque aspergo nocebit neque mures cava facient, neque herba nascetur, neque lutamenta scindent se.*

<sup>158</sup> Aul. Gell. XIII. 23. 1: *M. Cato, consularis et censorius publicis iam privatisque opulentis rebus, villas suas inexcultas et rudes, ne tectorio quidem praelitas fuisse dicit ad annum usque aetatis suae septuagesimum...*

<sup>159</sup> Plut. Cat. 4.

<sup>160</sup> Такая цементная штукатурка называлась *tectorium*, как это и видим у Авла Геллия. Слово *tectorium* значит еще и «притирание, белила, румяна», таким образом, оно содержит в себе какой-то оттенок украшения, нарядности, особой отделки.

<sup>161</sup> Катон говорит о приготовлении этой штукатурки совершенно ясно: это смесь глины или глинистой земли с масляным отстоем и мятой соломой, здесь совершенно нет извести, необходимого компонента для цементной штукатурки, в которой к тому же никогда не было измельченной соломы.

<sup>162</sup> Такой «штукатуркой», — пишет М. Е. Сергеенко, — обмазывали раньше хаты на Украине» (в кн.: *Катон. Земледелие...* С. 201).

цепции. За 50 лет, которые Тильшер отводит на работу Катона над «Земледелием», многое изменилось и в Италии, в ее сельском хозяйстве, положении крестьянства, и в концепциях и мировоззрении Катона. Между тем катоновский трактат производит цельное впечатление на всем протяжении, и в первых и в последних главах речь идет об одних и тех же предметах, так же подчеркивается роль маслины, положение крестьян и наемных работников оказывается одинаковым, и здесь и там мы видим те же домоводческие советы, медицинские рецепты, ту же композицию глав, тот же стиль. По всей вероятности катоновское «Земледелие» писалось в течение какого-то довольно ограниченного срока и отражало взгляды и мировоззрение его автора именно этого времени. Несколько позже, к старости, взгляды Катона, его литературный стиль изменились, но это произошло много времени спустя, после опубликования «Земледелия».

Последнее соображение. Если согласиться со сторонниками поздней датировки катоновского трактата и считать, что он появился в конце долгой жизни автора, в середине II в. до н. э., то будет выглядеть несколько странным решение римского сената о переводе на латинский язык сельскохозяйственной энциклопедии пунийца Магона. По сведениям Плиния Старшего (XVIII. 22–23), специальная комиссия во главе с Децием Сираном приступила к переводу сочинения Магона сразу же после падения Карфагена (146 г.) и закончила перевод всех 28 книг к 141 г. Иначе говоря, принимая позднюю датировку «Земледелия», мы должны будем считать, что перевод Магона вышел в свет буквально вслед за катоновским трактатом. Это предположение возможное само по себе, практически все-таки маловероятно: катоновский трактат, составленный, конечно, для нужд определенной прослойки италийских рабовладельцев, должен был на некоторое время удовлетворить эту потребность и какое-то время особой надобности в переводных работах на эту тему не могло возникнуть. Напротив, если принять более раннюю датировку, а именно 191–187 гг., то появление перевода Магоновой сельскохозяйственной энциклопедии будет выглядеть более естественно. Со времени выхода катоновского трактата до середины 40-х гг. II в. прошло много времени, около полувека, бурное развитие рабовладельческих хозяйств в деревне привело к серьезным переменам в италийской деревне, и катоновский трактат, написанный в раннюю эпоху, связанный и с дедовской агротехникой и с элементами крестьянского мелкого производства, уже несколько устарел. В этих условиях могла возникнуть потребность в новом, более современном, произведении. Видимо, трактат Магона лучше других удовлетворял этой потребности и поэтому был переведен на язык Катона.

Изданием своего «Земледелия» Катон стремился завоевать популярность и обеспечить себе избрание в цензоры. Он пишет первый в истории римской литературы крупный трактат на латинском языке, чтобы его могли прочитать широкие круги римского общества. И как все, что он делал, он и эту работу выполнил тщательно, основательно, без украшательства и легкомыслия. Книга, как его виллы, была построена на века, хоть и появилась под влиянием определенных потребностей и конкретных политических соображений.

Катон не ошибся. Из всех его сочинений именно это оказалось самым популярным и самым уважаемым. Его жадно читали не только современники, к которым обращался автор, его изучали и переписывали потомки. Варрона, Колумеллу, Плиния невозможно представить без этой книжечки<sup>163</sup>. Была она заботливо сохранена

<sup>163</sup> *Mazzarino A.* Introduzione al de agri cultura di Catone. Roma, 1952. P. 123–132

и в последующее время и дошла до нас. На тернистом пути человечества всегда труден первый шаг, и люди лучше помнят о первом, чем о втором усилии. Видимо, еще и поэтому сочинение Катона о земледелии, составленное очень неумело, написанное архаическим, иногда малопонятным языком сохранилось, а его поздние и более совершенные в литературном отношении произведения канули в Лету.

## Теория почвенного плодородия в римской агрономии I в. до н. э. — I в. н. э.\*

Основным вопросом сельского хозяйства всех времен и народов, а следовательно и агрономии, является восстановление и поддержание на определенном уровне плодородия почвы. Как известно, засеваемая в течение некоторого времени почва истощается, теряет свое плодородие и, если его не восстанавливать, может вообще выпасть из сельскохозяйственного оборота.

Вопрос о восстановлении плодородия почвы стал особенно острым в Италии во II—I вв. до н. э., когда господствующим типом земледельческого хозяйства стала рабовладельческая вилла, связанная с рынком. Теперь хозяин уже не мог довольствоваться тем небольшим урожаем, который ему давала земля в меру присущего ей от природы плодородия. Он был заинтересован в получении возможно большего урожая. Поэтому обращается внимание на лучшую обработку почвы, на приобретение особо крепких волов, улучшаются орудия труда, расширяется их ассортимент, особое внимание уделяется удобрениям, вводятся прогрессивные по тем временам системы земледелия. Благодаря этим мерам и усилению эксплуатации труда рабов римским рабовладельцам удалось поднять италийское земледелие на весьма высокую ступень. Из сочинения Варрона мы знаем, что Италия в I в. до н. э. была хорошо возделана и приносила прекрасные урожаи, сам-десять, а в более плодородной Этрурии — сам-пятнадцать<sup>164</sup>.

Однако на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. наметился решительный перелом. Италийское земледелие стало деградировать, урожайность катастрофически упала. В эпоху Колумеллы (50–60 годы I в. н. э.) урожай хлебов сам-четыре считался очень хорошим. Те денежные вложения, которые раньше приводили к увеличению урожайности, теперь оказались неэффективными. Естественно, что перед рабовладельцами и их теоретиками — агрономами встал вопрос о причине падения урожайности. Ответ на этот вопрос был различным у представителей разных агрономических школ<sup>165</sup>. Практика рабовладельческого хозяйства поставила перед римской агрономией один из сложнейших теоретических и практических вопросов.

При примитивной сельскохозяйственной технике, отсутствии научных знаний в области химии, физики, почвоведения римские агрономы были не в состоянии правильно понять причину падения плодородия почвы.

\* Первая публикация: в сб. Культура античного мира. М., 1966. С. 116–123.

<sup>164</sup> Варрон. Сельское хозяйство. I. 44. 1–2. М.—Л., 1963. С. 52.

<sup>165</sup> Характеристика двух направлений в римской агрономии этого времени дана в работе: Сергеевко М. Е. Два типа сельских хозяйств в Италии в I в. н. э. // Известия АН СССР. № 6. VII серия. Отделение общественных наук. 1935. С. 573–598.

Не удивительно поэтому, что подавляющее большинство римских земледельцев и теоретиков, наблюдая сокращение урожайности и неэффективность в связи с этим денежных вложений на землях, ранее приносивших высокие урожаи, просто делало вывод, что истощение почвы неотвратимо: земля приносит все меньшие урожаи, перестает приносить доход и неизбежно выбывает из сельскохозяйственного оборота. «Я слышу — пишет Колумелла, — как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожаев неравномерности. Некоторые как бы смягчают эти жалобы ссылкой на определенный закон: земля, по их мнению, усталая и истощенная роскошными урожаями старых времен, не в силах с прежней щедростью доставлять людям пропитание»<sup>166</sup>. Во второй книге, специально посвященной вопросам земледелия, тот же Колумелла опять говорит о старом мнении, разделяемом почти всеми, кто писал о сельском хозяйстве, что вследствие старости, дряхлости и длительного использования почва, как бы уставшая, выродилась (Col. II. I. 1–2). Плиний также упоминает тех, «кто считает почву Италии уже истощившейся» (Plin. N.H. XVII. 40).

Иначе говоря, уменьшение урожайности зерновых, вырождение виноградников и оливковых плантаций<sup>167</sup> объяснялось истощением почвы. Вопрос о причинах истощения мало интересовал хозяев-практиков типа Катона или Варрона. Но для агрономов-теоретиков он был важнейшим. Из богатой агрономической литературы Рима только Колумелла да вскользь Плиний касаются этого вопроса. Но и те сведения, которые сообщает нам Колумелла, позволяют наметить три основных ответа на этот вопрос.

Наиболее общий ответ был следующий: почва, земля — это мать всего существого и подобна женщине; земля, как состарившаяся женщина, постепенно перестает приносить плоды, и никакие усилия человека не помогут ей вернуть ее плодородие. Ярким представителем этого взгляда был писатель середины I в. до н. э. Тремеллий Скрофа<sup>168</sup>, который «ошибочно думал, что родительница всех вещей — земля, подобно старой и потому неспособной к деторождению женщине, неспособна к производству плодов» (Col. II. 1)<sup>169</sup>.

Представление о земле, как о женском существе, очевидно, очень древнее и восходит к первобытным представлениям о земле — всеобщей праматери. И тот факт, что это примитивное воззрение фигурирует в серьезной агрономической литературе, а крупнейшие римские агрономы, Скрофа и Колумелла, его обсуждают, говорит о донаучном характере римской агрономии, о сильном влиянии примитивных религиозных представлений на научную литературу того времени.

Другое объяснение причин истощения почвы Италии исходит из представления о том, что почвы Италии сами по себе не очень плодородны, а климат неблагоприятен. От неплодородных земель нельзя ждать хороших урожаев.

<sup>166</sup> Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве. М., 1957. С. 153. Col. Praef. 1.

<sup>167</sup> Col. Praef. 19, 20, I. 7. 6–7, II. 1. 7, III. 3. 1–2, III. 3. 3–4. 5, III. 10. 6–7. 18, III. 11. 1–3, IV. 3. 2–5; Plin. N.H. XVII. 40; Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 122–126.

<sup>168</sup> О Скрофе см.: Сергеевко М. Е. Скрофа и апология крупного землевладения // ВДИ. 1947. № 4. С. 64–69.

<sup>169</sup> Характерно, что ни Катон, ни Сазерна никогда ничего не говорят об утомлении земли. Следовательно, Тремеллий Скрофа мог почерпнуть эту теорию из других сочинений, видимо, из обширной греческой агрономической литературы (см.: Var. I. I. 8–9).

Кто же были сторонники этой, более реалистической и, к слову сказать, более обоснованной теории малого плодородия итальянских почв?<sup>170</sup> Колумелла называет их неопределенно — «первые люди нашего государства». Под этим определением скрываются, вероятно, советники императора и их ученые консультанты, ведающие вопросами хлебного снабжения империи и потому хорошо знакомые с состоянием сельского хозяйства, как в самой Италии, так и в различных провинциях империи<sup>171</sup>. Этим лиц интересовали не абстрактные философские теории, а практические возможности получения урожая на землях Италии, которые были не столь плодородными, как, например, в Испании, южной Галлии, Африке или Египте.

Третья точка зрения на причины истощения итальянских почв представляет особый интерес. Сторонники этой теории считали, что падение плодородия, истощение почвы является закономерным следствием обработки и интенсивного использования земли. Земля устает, утомляется, подобно тому, как устает человек после чрезмерного физического напряжения. И этому падению плодородия помочь ничем нельзя, так как здесь действует с неодолимой силой своеобразный закон — закон неизбежного утомления почвы.

Представители этой точки зрения объясняли причину истощения почвы не плохой ее обработкой, а самим фактом обработки земли. Истощение почвы считали неизбежным вследствие ее хорошей, т.е. интенсивно ведущейся на основе последних результатов тогдашней агрономии обработки. В качестве наглядного примера подобного закона приводили использование под пашню земель, только что очищенных из-под леса. Лесные почвы в первое время приносят очень большой урожай, затем, при тех же затратах труда, урожайность снижается, а затем почва вообще вырождается (Col. II. I. 4).

Таковы три теории в римской агрономии I в. до н. э. — I в. н. э., объяснявшие наступившее истощение почв Италии в I в. н. э. При всем их различии их объединяет одна общая мысль, что естественное плодородие почвы уменьшается по мере ее обработки и необратимо ведет к выпадению ранее возделанных земель из сельскохозяйственного оборота. А если дело обстоит так, то для хозяина не имеет никакого смысла вкладывать большие средства в хозяйство, так как снижение урожая ничем нельзя задержать.

Чем интенсивнее мы будем возделывать землю, стремясь выжать из нее максимальный урожай, тем быстрее она утомится, истощится; наши старания окажутся напрасными, а денежные вложения не дадут экономического эффекта; напротив, большие денежные вложения, интенсификация обработки, не принося дохода, лишь ускорят истощение земли. Именно так, на наш взгляд, следует понимать слова Плиния Старшего (N.H. XVIII. 35—39): «Безрассудным и, пожалуй, невероятным, если не вдуматься глубже, могло бы показаться одно утверждение старинных авторов: нет ничего убыточнее наилучшей обработки земли» (N.H. XVIII. 36). И далее: «Хорошо обрабатывать землю необходимо, а превосходно — убыточно» (там же, 38). И хотя Плиний нигде прямо не говорит об истощении почвы, как о результате «утомления» земли, однако приводимые слова его отражают, по-видимому, это обычное

<sup>170</sup> Исследование почв Италии подтверждает эту оценку итальянских земель: Кузицин В. И. Из истории сельского хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э. Римское почвоведение и почвы древней Италии // ВДИ. 1964. № 3. С. 15–37. Также статья: L. Alfonsi. Laudes Italiae // Studi Romani. 1962. № 6.

<sup>171</sup> Ср.: Tac. Ann. III. 53–54, где излагается речь императора Тиберия о плодородии провинций и скудности Италии.

в то время представление о земле, уподобляющее ее человеческому организму. Таким образом, практика ведения экстенсивного хозяйства, сокращение затрат, сознательный курс на средние, а то и низкие урожаи, практика, которая была продиктована условиями рабовладельческого способа производства, получила теоретическое обоснование.

Хищническое отношение к средствам производства закономерно для классического рабовладельческого способа производства. Следовательно, преждевременная гибель непосредственных производителей от чрезмерного физического напряжения, истощение основного средства производства — почвы — были неизбежны. Правильно, научно объяснить эти явления, в частности истощение плодородия почвы, теоретики рабовладельческого класса не могли: для этого не было ни экономических, ни социальных, ни научных предпосылок. Поэтому отрицательные явления в сельском хозяйстве, присущие рабовладельческому способу производства, его апологеты могли объяснить только законом неизбежного истощения земли в результате ее обработки. Не случайно поэтому, что закон этот признается подавляющим большинством древних агрономов или, как говорит Колумелла, «почти всеми», в том числе и такими выдающимися практиками и теоретиками рабовладельческого сельского хозяйства, как Тремеллий Скрофа, Корнелий Цельз, Плиний Старший.

Таково было наиболее глубокое теоретическое обоснование широко распространенной практики экстенсивного ведения хозяйства. Однако наряду с ним в Италии I в. до н. э. — I в. н. э. существовало интенсивное рабовладельческое хозяйство, сторонники которого призывали вести его на основе новейших для своего времени данных сельскохозяйственной науки, превосходно обрабатывать землю, глубже пахать, бороновать, пропалывать, удобрять, подбирать здоровых пахарей и крепких волов, т.е. вкладывать большие средства в сельское хозяйство. В отличие от сторонников экстенсивного земледелия, они считали, что все, даже большие затраты окупятся, так как большой урожай, реализованный на рынке, оправдает все расходы<sup>172</sup>. И такие хозяйства действительно существовали в Италии в I в. до н. э. — I в. н. э.

Какие же теоретические основы подводили под эту практику ее приверженцы?

Всем разновидностям теории неизбежно убывающего плодородия почвы Колумелла смело противопоставил новую теорию — теорию неисчерпаемого плодородия почвы — и попытался найти ей рациональное обоснование. Постановка и обоснование этой великой оптимистической и материалистической теории является величайшей заслугой римского агронома Луция Юния Модерата Колумеллы перед всем человечеством, его незабвенным вкладом в сокровищницу мировой науки, ибо теория эта представляет собой одно из крупнейших завоеваний сельскохозяйственной науки. Теория эта выдвигает своего создателя в ряды таких гениев, как Гераклит, Аристотель, Аристарх, Колумб, Коперник и другие, проницательный ум и смелость которых облегчали человечеству дорогу к светлому будущему.

Ввиду исключительной важности этих мыслей Колумеллы, следует привести их целиком: «Спросишь меня, о Публий Сильвин, а я и не отказываюсь сразу же заявить об этом, почему я в первой же книге с самого начала и немедленно отверг старое мнение, разделяемое почти всеми, кто писал о земледелии, и буду опровергать, как ложное, воззрение тех, кто полагает, что вследствие старости, дряхлости и длительного использования почва, как бы уставшая и выродившаяся, состарилась. Я знаю,

<sup>172</sup> Колумелла (III. 3) посвящает целую главу обоснованию выгоды вложения денежных средств в земледелие, приводит подробные расчеты всех затрат. По этому вопросу см.: Шрот Г. О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце Республики // ВДИ. 1959. № 2. С. 56.



что ты с большим уважением относишься как к другим прославленным писателям, так особенно к Тремеллию, который со знанием дела и вместе с тем изящно передал памяти потомства многие наставления по сельскому хозяйству. Однако, увлеченный чрезмерным почтением к древним сельскохозяйственным писателям, он ошибочно думал, что родительница всех вещей — земля, подобно старой и потому неспособной к рождению женщине, неспособна к производству плодов. Я бы сам согласился с этим, если бы нигде не рождались никакие плоды. А почва же, наоборот, предоставленная самой себе или по какой-либо причине заброшенная, как только вновь будет подвергнута обработке, ответит земледельцу большим доходом. Следовательно, причиной уменьшения плодородия почвы является не ее старость, так как, уж если однажды старость наступила, молодость не может возвратиться, а силы не могут появиться вновь. Но так же и усталость (т.е. результат длительного использования земли. — *В. К.*) почвы не есть причина уменьшения урожая. Ведь неразумно думать, что обработка земли ведет к утомлению почвы, подобно тому, как у людей чрезмерное напряжение сил или тяжелая работа. Чем же объяснить, спросишь ты, наблюдение Тремеллия о том, что нетронутые и лесные поля при их начальной обработке приносят изобильные урожаи, а с течением времени не отвечают с такой же щедростью на труды земледельца? Он действительно заметил это явление, но почему оно произошло, Тремеллий не смог объяснить. Ведь целина и лесной участок, только что превращенные в пашню, имеют очень плодородную почву не потому, что она весьма юная и отдохнувшая, но потому, что как бы обильно вскормленная в течение многих лет опавшей листвой и травами, произраставшими сами по себе, она предрасположена к производству урожая. Но как только мотыга или плуг подрежут корни трав, а после вырубki лесов их листва, обычно осенью густо покрывающая землю, перестанет питать свою мать (землю — *В. К.*), затем перевернутый плугом слой земли смешается с нижним, более тощим, слоем, все это приведет к тому, что лишенная прежнего питания почва истощается. Следовательно, не от утомления, как думает большинство писателей, и не от старости, но главным образом от нашей небрежности земля отвечает нам меньшим плодородием. Ведь можно получать все возрастающие урожаи, если подкреплять почву частым, своевременным и умеренным унавоживанием» (Col. II. I).

Итак, Колумелла пункт за пунктом опровергает доводы сторонников теории старения почвы. Разумный человек знает, что землю не следует уподоблять человеческому существу, которое стареет и с годами теряет способность производить потомство. Земля обладает вечным плодородием, она вечно юна, она рождала плоды и будет рождать их и впредь. Даже совсем истощенная, она, будучи предоставлена самой себе, восстанавливает и даже увеличивает свое плодородие. Следовательно, сравнение земли с человеком, выполняющим тяжелую работу, не выдерживает критики. Почва — не человек и утомиться не может.

Исходный пункт этих рассуждений представителей как той, так и другой школ казался аксиомой. Сравнение земли с женщиной — это постулат, от которого начинается рассуждение. Также аксиоматично построение Колумеллы, отвергающего эту аналогию. Ссылки на истощение заброшенных земель, которые с течением времени восстанавливают свое плодородие, являются не доказательством, а иллюстрацией. Основное доказательство Колумеллы сугубо умозрительно: он доводит до логического конца мысль сторонников сравнения земли с человеческим существом. Человек умирает, значит, и земля должна перестать совсем приносить плоды. Но так как везде люди занимаются земледелием, а почва приносит плоды, значит, она имеет постоянное плодородие и по своей природе коренным образом отличается от чело-

веческого существа. Постепенное падение плодородия целинных и лесных почв Колумелла объясняет так: постепенное падение их плодородия действительно происходит, но оно происходит не в силу действия какого-то неумолимого закона утомления или старения, а в силу того, что целинная почва имеет большие запасы питательных веществ, которые постепенно истощаются. И если эти запасы пищи для растения не пополнять, то почва может совсем не дать урожая. Если же подкреплять почву частым, своевременным и умеренным унавоживанием, то можно получать все возрастающие урожаи; иначе говоря, плодородие ее не уменьшится, а будет возрастать (Col. II. 1. 7).

Перед нами два диаметрально противоположных метода объяснения явлений, два совершенно различных мировоззрения. Тремеллий Скрофа подходит к объяснению непонятных ему явлений с мифологической точки зрения. Непонятное ему явление падения плодородия целинных земель объясняется очень просто религиозным представлением о земле, как о матери, женщине, человеческом существе. Его мысль, как и мысль многих его предшественников и современников, вращается в привычных ему рамках, без какой-либо попытки выйти за пределы этих границ. При таком подходе нет места смелости, дерзости мысли, без которой невозможно никакое движение вперед. Диаметрально противоположна ему позиция Колумеллы, хотя и он, как сын своего времени, также был проникнут религиозно мифологическими представлениями и отдавал им дань. Однако мысль его проникла глубже в сущность вещей: он пытался понять естественные законы и связи между явлениями, он отбросил прочь мифологические представления, порвал путы, обволакивающие ему сознание, сковывавшие творческую мысль. В эпоху донаучной агрономии, зачаточного состояния науки вообще Колумелла сумел понять и почти объяснить идею неисчерпаемого плодородия почвы, опередив свое время на 18 столетий. Колумелла правильно объяснил уменьшение плодородия целинной почвы уменьшением запасов питательных веществ. Он гениально предугадал, что, пополняя эти запасы, правильно и своевременно обрабатывая почву, можно добиться неисчерпаемого плодородия земли.

Эта его теория вполне научна и материалистична. Она служила научным обоснованием интенсивного типа рабовладельческого хозяйства, она открывала перед его сторонниками безграничные горизонты. «Энергичный хозяин сумеет сделать доходным и приносящим пользу всякий участок, какой бы он ни купил или получил; на плохой земле знание и усердие хозяина могут победить ее бесплодие» (Col. I. 4. 3). Сам Колумелла, например, на неплодородной и нездоровой земле Ардеи (Strab. V. 3. 5) сумел вырастить виноградные лозы, поражающие своей плодovitостью (Col. III. 9. 2). Колумелла и его дядя, а может быть, и другие столь же образованные и энергичные хозяева, достигали в своих хозяйствах больших результатов. Тем не менее, сам же автор идеи неограниченного плодородия признает, что почвы Италии истощаются, урожаи зерновых очень низки, виноградники обессилены, оливководство приходит в упадок. Чем же все это можно объяснить? С точки зрения Колумеллы, естественными, объективными причинами объяснить это нельзя. Причина явления — чисто субъективный фактор — небрежность обработки почвы (*nostra scilicet inertia*). За этой краткой формулой скрывается многое. Владелец земли не занимается и не хочет заниматься своим хозяйством, оно целиком возложено на вилка и рабов, которые оказались в деревне не потому, что они знают сельские работы и любят их, а в наказание. Деятельность вилка и рабов не контролируется, и те плохо пашут, воруют семена, изнуряют волов. Естественно, что при таких условиях урожайность уменьшается, плодородие земли падает, и она истощается (Col. I. 7. 7). Не рабский труд, как таковой, является причиной падения земледелия, подчеркивает Колумелла,

а, так сказать, неумение и нежелание организовать его должным образом. Как истинный сын своего класса, Колумелла не мог представить себе сельского хозяйства без рабского труда. Поэтому он и не допускает мысли отказаться от него. Его сочинение — это страстный призыв к своему классу заняться всерьез сельским хозяйством, которое может принести большие и постоянные доходы, — призыв, обоснованный и собственным примером, и новой теорией неисчерпаемого плодородия почвы. Но этот призыв оказался, в конечном счете, гласом вопиющего в пустыне. Подавляющее большинство сельских хозяев-рабовладельцев были к нему глухи. Как рабовладельцы, они знали лишь хищнический характер рабского труда и поощряли его, поэтому эксперименты и теории Колумеллы казались ненадежными, раскованными. Приверженцы старой теории оказались более правы и дальновидны: действительно, в условиях рабовладельческого способа производства интенсивное сельское хозяйство, предлагаемое Колумеллой, могло существовать лишь короткое время, пока позволяло естественное плодородие почвы; а затем оно разорилось<sup>173</sup>.

Замечательный практик земледелия, ученый, смело проникший в тайны природы, оказался беспомощным в оценке возможностей рабовладельческой системы. За это так невзлюбили его более практичные представители противоположного направления в агрономии, а теория Колумеллы оказалась непонятой и забытой. Колумелла как ученый опередил свое время. В этом его трагедия как рабовладельца, но в то же время и его величайшая заслуга перед мировой наукой.

## **Восстановление почвенного плодородия у римлян (Применение удобрений в сельском хозяйстве в Италии II в. до н. э. — I в. н. э.)\***

В почве в естественном состоянии содержатся большие запасы пищи для самых разнообразных растений. Химический анализ сухого вещества растений показывает, что зольные элементы и азот, наиболее важные для развития и извлекаемые из почвы, составляют не более 1–2% общего веса растения. Остальная же масса образуется из элементов воздушной пищи и воды. Поскольку последние поступают непрерывно, а запасы зольных элементов и азота в почве много, то естественное плодородие почвы может поддерживаться очень долго. Тем не менее, эти природные запасы непрерывно расходуются и их нужно пополнять. Пополнение этих запасов производится путем внесения в почву удобрения. Древние земледельцы не сразу пришли к мысли об удобрении полей. Когда земли было много, истощенный участок забрасывали и распахивали новый, свежий (так называемая залежная система земледелия). Недостаток целинных земель неизбежно диктовал переход к более интенсивному и рациональному использованию обрабатываемых площадей, к переходу к другим системам земледелия и применению удобрения — один из признаков интенсификации и прогресса в сельском хозяйстве любой страны, в том числе и Италии.

<sup>173</sup> Попытка Тария Руфа организовать интенсивное хозяйство (именно так следует понимать слова Плиния — N.H. XVIII. 37 — о землях, «обработанных на славу») привела этого хозяина к полному разорению после того, как он вложил в свое хозяйство колоссальную сумму в 100 млн. сестерций.

\* Первая публикация: в сб. Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 184–208.

Исследование сельскохозяйственных трактатов от Катона до Плиния Старшего позволит набросать конкретную картину эволюции взглядов на удобрение в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. В сочинении Катона уделяется большое внимание унавоживанию. Об удобрительной силе навоза, конечно, знали и до Катона, видимо, было известно и о зеленом удобрении (Cat. 37. 2). Тем не менее, интерес к удобрению у римских хозяев IV–III вв. был невелик; они были глубоко убеждены, что земля сильна своей силой (*sua virtute vallit* — Cat. 1. 2). При обработке поля они, прежде всего, обращали внимание на хорошую пахоту, а унавоживанию отводили последнее место (Cat. 61. 1). Судя по тому, что Катон много раз поучает своих современников сохранять навоз, видимо, им дорожили мало. Одним из древних способов унавоживания полей, которое применялось и при Катоне и позже, был выпас скота по сжатому полю (Cat. 30; Varr. I. 19. 3; II. praef. 4; II. 2. 12).

Положение изменилось в начале II в. до н. э., когда в Италии начинают повсеместно распространяться рабовладельческие имения, развиваются виноградарство и оливководство. Установление связей с рынком, развитие товарного хозяйства, толкали владельцев рабовладельческих вилл на повышение доходности своих полей, виноградников, оливковых рощ. Теперь они уже не довольствуются естественной силой земли, а стремятся получить большие урожаи. Пытливый ум италийского хозяина обратился, прежде всего, к разработке вопросов удобрения. «Нет ни одного отдела в италийской агротехнике, который был бы разработан до такого совершенства, как учение об удобрении. Ни над чем, кажется, италийский хозяин не раздумывал так упорно, как над способом повысить урожайность своей земли, ни в какой области не выискивал так упрямо и напряженно новых возможностей, ни над чем не наблюдал так пристально и зорко, как над действием разных удобрений»<sup>174</sup>.

Первым, кто стал напряженно раздумывать над проблемами удобрения, был Катон Старший. Правда и он еще не освободился от традиционных взглядов и отводил унавоживанию последнее место в системе основных агротехнических приемов (Cat. 61. 1), но эти древние правила в его устах уже анахронизм. В самом трактате Катон подробно рассматривает вопросы удобрения. Нет ни одного вопроса, за исключением маслиноводства, который бы исследовался им столь же подробно, как удобрение. Катон обращает внимание своих современников на тщательное собирание и сохранение навоза: «Постарайся иметь большую навозную кучу, навоз старательно сохраняй... (5. 8)». «Старательно сохраняй козий, овечий, коровий и всякий прочий навоз» (36), особенно же голубиный помет (там же). «Из чего навоз сделаешь, из соломы, лупиновых стеблей, мятой соломы, бобовины, мякины, листы дубовой и каменного дуба. На ниве дергай дикую бузину и цикуту, а вокруг ивняка — высокую траву и осоку подстилай овцам, волам, а также палые листья» (37. 2). Катон, таким образом, дает ряд рецептов не только для тщательного собирания имеющегося навоза, но и рекомендует увеличить его количество путем густой подстилки. Рядом с виллой имела большую навозную кучу, куда собирался навоз (5. 8). Нам неизвестно, как сохранялись полезные свойства навоза; Катон об этом не говорит, так как, видимо, еще не знает самой проблемы сохранения питательных свойств удобрения, но он рекомендует перед вывозом его на поля, очищать и размельчать (*spargito et comminuito* 5. 8), т.е. навоз должен достаточно перепреть, так как только в этом случае его можно измельчать<sup>175</sup>. Катон уже знал, что удобрять поля целесообразно

<sup>174</sup> Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958. С. 33–34.

<sup>175</sup> См. Cat. 48. 2 о мелком навозе (*stercus minutum*), который заделывался в грядки для кипарисовых семян.

нее перепревшим, а не свежим навозом<sup>176</sup>, указание на размельчение навоза говорит о каких-то специальных работах в навозной куче. Катон называет разные виды навоза: голубиный, козий, овечий, коровий и всякий прочий (36), однако он упоминает только одну навозную кучу. Скорее всего, в этом хранилище навоз разных сортов сохранялся вместе: сюда сбрасывали навоз после чистки хлебов (2. 3; 39). Вместе с навозом разных сортов и густой подстилкой в эту кучу сносились нечистоты двора и усадьбы (39). После некоторого времени получалось весьма своеобразное удобрение, своего рода полунавоз — полукомпост. Исключение составлял очень ценный голубиный помет. Катон рекомендует разбрасывать его по полю, лугу и огороду (36). М. Е. Сергеенко обоснованно полагает, что гуано хранилось отдельно от общей навозной кучи и в сухом виде, на что указывает глагол *spargere*<sup>177</sup>, с другой стороны, рекомендация Катона разбрасывать голубиный помет по полю и лугу, говорит о значительном количестве этого ценного удобрения на вилле.

Помимо рецептов по собиранию и хранению навоза Катон дает советы по его распределению на полях.

Для вывоза навоза он предусматривает 3-х ослов со специальными выюками<sup>178</sup>, среди инвентаря названы также особые навозные плетенки *crateas stercolarias* и навозные камышовые короба (*sirpeas stercolarias*, Cat. 10. 3). Среди различных угодий навоз распространялся следующим образом: «навоз дели так: половинную долю вывози на ниву, где будешь сеять корма, и если там будут маслины, то... четвертую долю подложи под окопанные маслины в самое подходящее время и прикрой навоз землей. Другую часть сохрани для луга» (29).

Важной особенностью катоновской агротехники было удобрение масличных деревьев, виноградников и трав, т.е., тех угодий, которые прежде, скорее всего, не удобрялись. Причем особенно тщательно удобрялись оливы. Под них Катон рекомендует подкладывать до одной четверти всего количества навоза (29), хранимого на вилле. Судя по тому, что Катон советует очищать подобранные маслины от листьев и навоза (65. 1), следует думать, что почва под оливами была хорошо удобрена<sup>179</sup>. (При закладке же питомника для масличных саженцев выбиралось самое хорошее, совсем открытое и очень унавоженное место (*locum... stercorosissimum* 46. 1). Наряду с навозом применялся в качестве удобрения для оливок масличный отстой (*амигса*), разбавленный водой. «Деревья обрызгивай или поливай масличным отстоем: под большое дерево амфору, под меньшее пол-амфоры отстоя, пополам с водой (36)<sup>180</sup>. Кроме этой смеси, рекомендуется также несколько загадочная смесь—месиво из отмоченных масличных косточек и золы от этих косточек (37. 2). При посадке же оливкового дерева в яму кладется земля с поверхности (28. 2), которая, перемешиваясь с глубоким слоем, делает почву в целом более плодородной, являясь своего рода зародышем так называемого почвенного горизонта. Унавоживанию нив Катон уделяет внимание не меньшее, чем маслиннику. Удобрение хлебного поля, по его мнению, необходимо (61. 1). Под него вывозится около половины всего навоза, хранимого на вилле (29), по полю рассыпают ценнейший голубиный помет (36). Репу и редьку,

<sup>176</sup> См. Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958.

<sup>177</sup> Сергеенко М. Е. Удобрение хлебных полей в Древней Италии // Труды Института истории науки и техники АН СССР. 1935. Серия I. Вып. 4. С. 136.

<sup>178</sup> Cat. 10. 1: «...ослов с выюками, чтобы возить навоз — 3». См. также: Varr. I. 19. 3.

<sup>179</sup> См. Cat. 5. 8: «...маслины осенью окопай воронкой и подложи туда навозу».

<sup>180</sup> В 93-й главе Катон рекомендует тот же рецепт, но несколько измененной нормы: под большое дерево пол амфоры, под деревья меньше лей, смотря по величине.

которые были предшественниками зерновых, высаживали на хорошо унавоженном участке (35. 2 *in loco stercorato bene*). Помимо навоза Катон рекомендует и зеленое удобрение, т.е. посев вики, бобов и люпина, которые удобряют почву (37. 2).

Не оставлены без внимания виноградники и луга. Следует особо отметить удобрение лугов. На унавоживание луга выделено около четверти общего количества навоза (29), т.е. как для маслинника. По лугу рекомендуется рассыпать голубиный помет (36). В 50. 1 Катон советует удобрять неорошаемые луга ранней весной. Орошение и удобрение лугов означало создание интенсивного луговодства<sup>181</sup>, тесно связанного как с рациональным скотоводством, так и хлебопашеством, так как распахивание лугов вводило в сельскохозяйственный оборот весьма плодородные земли.

Виноградник в рабовладельческих имениях II в. до н. э., занимал почетное место; не удивительно, что его удобрение также было предметом заботы господина. Хотя в перечне инвентаря виноградника нет ни навозных плетенок, ни коробов, два упряжных осла, скорее всего, предназначались для перевозки навоза. Для улучшения старого виноградника, по совету Катона, нужно между лозами сеять кормовую смесь, а вокруг каждой лозы подкладывать навоз, мякину, виноградные выжимки (33. 3). Однако об унавоживании молодых или зрелых виноградников Катон хранит молчание. Видимо, удобрение виноградников волновало хозяев того времени несколько меньше, чем других угодий.

Катон знал о существовании зеленого удобрения (см. *Cat.* 33. 3; 37. 2), однако в изложении Катона оно занимает малозаметное место, говорится о нем мимоходом, бегло и невразумительно, в то время как о навозе гораздо подробнее и много раз. Мало того, под те же самые растения, которые удобряют землю, он советует подкладывать навоз, что свидетельствует о том, как мало надеялся на собственно зеленое удобрение сам Катон. В чем причина этого недоверия? Скорее всего в том, что земледельцы II в. до н. э. еще не умели правильно заделывать зеленое удобрение и его полезные качества утрачивались. Из 37. 2 следует, что люпиновые стебли и бобы скашивали, получали семена, а сами стебли пускали на подстилку скоту. Припахивали, видимо, оставшиеся в поле стерни. Через эти стерни испарялось большое количество почвенной влаги, земля отвердевала, а удобрительные свойства зеленого удобрения резко понижались. Правильной заделке зеленого удобрения научатся в Италии несколько позже<sup>182</sup>.

Кроме навоза, голубиного помета, полукомпоста и зеленого удобрения Катон упоминает в одном месте и золу. «Хворост, какой у тебя останется лишним от употребления, пали на ниве. Где сожжешь его, то на огнище посеи маку» (38. 4). Видимо зольное удобрение было малоупотребительно в тех краях, сельскохозяйственную практику которых отражал Катон<sup>183</sup>. Из всех видов удобрения самым употребительным был навоз, а наибольшее внимание сосредоточено на удобрении оливковых рощ, хлебных нив и лугов.

Большое внимание проблемам удобрения уделяет Варрон, трактат которого «О сельском хозяйстве» написан в 30-х годах I в. н. э. Если Катону приходилось настаивать на том, чтобы иметь побольше навозу в хозяйстве, то для Варрона этот вопрос не нуждается в каких-то комментариях. Современники Варрона хорошо понимают, что земледелие и скотоводство тесно связаны друг с другом, главным образом потому, что скот дает навоз (I. 2. 21). Получение навоза настолько важно,

<sup>181</sup> *Cat.* 9. Катон доход от лугов предпочитал всем другим.

<sup>182</sup> *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству... С. 34–35.

<sup>183</sup> Там же.

что скот держат даже те хозяйства, у которых нет лугов, и держат скот они прежде всего из-за навоза (I. 19)<sup>184</sup>. Для получения наибольшего количества навоза двор густо устилают соломой, стеблями и мякиной (I. 13. 4). Особой заботы требовало сохранение его удобрительных свойств. В навозной куче они бесполезно растрчивались, поскольку при каждой чистке хлебов складывался вперемежку свежий с уже перепревшим; навоз получался неоднородным, к тому же навозная жижа уходила в землю, а под действием солнца навоз высыхал. Рекомендации Варрона составлены уже с учетом всех этих обстоятельств. Он предлагает иметь две навозных кучи, или одну, разделенную на две части. В одну складывают свежий навоз, в другую уже перепревший, предназначенный к вывозу на поля. Благодаря этому обеспечивалось лучшее хранение, а вывезенное на поля удобрение было более однородным и качественным. Для предохранения от высыхания навозные кучи с боков и сверху защищались зелеными ветками, так как «нельзя допустить, чтобы солнце высосало жижу, которую требует земля» (I. 13. 4). Мало того, некоторые «опытные хозяйства, если могут, делают так, чтобы в кучу стекала вода» (таким образом лучше всего сохраняется навозная жижа), а некоторые «устраивают на ней отхожие места для «рабов» (I. 13. 4). Судя по контексту, такие усовершенствованные навозохранилища, которые периодически поливаются водой, были не везде, а лишь в передовых хозяйствах, где проблемам удобрения уделяли большое внимание. Более обычным типом хранилища был другой: две, или разделенная на две части навозная яма, защищенная от солнца зелеными ветвями. Она располагалась рядом с виллой, чтобы навоз выносили с наименьшей затратой труда. Для предохранения от змей, забивали дубовый кол (I. 38. 3). Описание Варрона показывает, что его хранилище более совершенное и сложное по устройству и обеспечивает лучшее сохранение удобрительных качеств навоза.

Расширился ассортимент навоза. В качестве такового стали использовать человеческие экскременты, которые высоко ценились и по своим качествам были поставлены на 2-е место после голубиного помета (I. 38. 2). Катону не была известна сравнительная сила разных видов навоза, в то время как Варрон дает настоящую классификацию, заимствуя ее у греческого агронома Кассия (I. 38). Однако указанная глава не просто списана; греческая классификация проверена на опыте римских землевладельцев. Лучшим удобрением считался птичий помет, особенно голубиный или помет от дроздов. Его раскладывают по полю не кучками, как остальной навоз, а рассеивают как семена. Этот вид удобрения настолько ценился, что при аренде птичников арендная плата уменьшалась, если хозяин оставлял птичий помет для себя (I. 38. 2). На втором месте как удобрение стояли человеческие нечистоты, а на третьем навоз козий, овечий и ослиный. Лошадиный навоз, так же как и выючных животных, считался бесполезным для хлебных нив, но для лугов — это лучшее удобрение, так как он способствует росту трав. Таким образом, современники Варрона знали о свойствах разных сортов навоза гораздо лучше, чем 150 лет назад.

Некоторые хозяева с особой тщательностью занимаются удобрением полей и получают большие урожаи. Видимо, в передовых хозяйствах заботились о тщательном сохранении питательных свойств навоза, устройстве специальных навозохранилищ. Если следовать советам Варрона иметь две навозных кучи, причем одну для свежего, другую для перепревшего навоза, то придется допустить, что в каждую кучу сноси-

<sup>184</sup> Свиноводство, как известно, само по себе очень выгодно (II. 4) и в каждом имении свиней разводили, однако в I. 19. 3 Варрон считает возможным написать: «Из скота стараются завести скорее овец, чем свиней, прежде всего из-за навоза».

ли все виды навоза, в том числе птичий помет, человеческие экскременты, овечьих, козий, лошадиный и т.д. При этом, естественно, смешивались разные сорта навоза. Следует думать, что такое смешение в большинстве случаев и имело место. Однако в передовых хозяйствах дело обстоит иначе. Нет никакого сомнения, что птичий помет хранили отдельно и иначе, чем прочий навоз; на это указывает и то, что его разбрасывали не кучками, а рассыпали как семена, т.е. предполагается, что его хранили в сухом виде. Видимо лошадиный навоз, особо пригодный для лугов, также хранили отдельно, так как смешивать его с другими сортами, предназначенными, например, для хлебных нив, значило лишь ухудшать полезные качества удобрения. Только при хранении навоза по сортам можно понять целесообразность следующего совета: «надо учесть, какие места в имении следует унавоживать, каким образом и каким видом навоза (*quo genere potissimum facere* I. 38. 1). Специальное удобрение лугов, о котором говорится в I. 29. 1, очевидно, предполагает унавоживание лошадиным или аналогичным навозом, а не просто любым его сортом.

Как и при Катоне, рекомендовалось утаивание или выпас овечьего стада по жнивью; сами овцы «наедаются опавшими колосьями, а перетертая их ногами солома и навоз увеличивают урожай будущего года» (*Varr. II. 2. 12*).

Не обошел молчанием Варрон и зеленое удобрение. Некоторые растения, — пишет он, — следует сеять не столько ради нынешнего урожая, сколько ради будущего года: если их скосить и оставить на месте, то они улучшат (*meliorem*) землю. Поэтому лупин, пока стручков на нем еще почти нет, а иногда и бобы, если стручки на них еще не стоит собирать, запахивают на тощем поле вместо навоза (*pro stercore inarare* I. 23. 3). Любопытно сравнить подход к зеленому удобрению Катона, Сазерны и Варрона. Как уже было замечено, Катон не особенно надеялся на силу зеленого удобрения, не умел его правильно запахивать и использовать. В качестве полезных растений он называл лупин, бобы и вику<sup>185</sup>. Сазерна несколько расширил этот список, включив в него горох, чину, кормовую чечевицу и виковую чечевицу (*Col. II. 13. 1*). Отрывок из Сазерны слишком краток, однако при всей его краткости напрашивается вывод, что интерес к зеленому удобрению через 100 лет после Катона усиливается и в него включаются многие виды кормовых растений. Видимо, хозяева экспериментируют и ищут новые виды зеленого удобрения. К эпохе Варрона очевидно уже накопился некоторый опыт. Ряд растений оказался неподходящим для этой роли и расширенный список Сазерны пришлось сократить. В нем сохранились лишь два растения — лупин и бобы, была усовершенствована техника их заделки. Катон не умел заделывать зеленое удобрение, Варрон уже умеет. Правильная заделка обеспечивала полноценное использование лупина и бобов как хорошего удобрения.

Из других видов удобрения Варрон упоминает о белой ископаемой глине, скорее всего мергеле (I. 7. 8). Мергель не органическое, а минеральное удобрение. Оно в Италии не применялось, а лишь во внутренней Галлии, тем не менее, сельские хозяева Италии о нем знают, что говорит об их интересе к проблемам удобрения. В отличие от Катона, Варрон ничего не сообщает о золе. Некоторым дополнением к его сведениям могут послужить данные Вергилия. Вергилий отражал опыт Цизальпинской Галлии, в то время как Варрон полуостровной Италии. Если зола в качестве удобрения не упоминается Варроном, то для Вергилия она столь же обычное удобрение, как и навоз. Судя по смыслу отрывка (*Georg. I. 79–87*), зола более употребительна, чем унавоживание. Зола (грязный пепел — *cinerem immundum* I. 81)

<sup>185</sup> Судя по *Cat. 33. 3* в состав зеленого удобрения включалась и кормовая смесь — *osimum*.



рассыпают по полю, как навоз, сжигают оставшуюся солому<sup>186</sup>. Видимо, удобрение золой и сжигание жнивья были обычными в Северной Италии<sup>187</sup>.

Как ни подробно касались проблем унавоживания Катон и Варрон, тем не менее, Колумелла (60-е годы I в. н. э.) считал возможным упрекнуть их за некоторую поверхностность при изложении этого важного вопроса<sup>188</sup>. Для агронома I в. н. э. проблемы удобрения приобрели исключительно важное значение. И действительно, в трудах Плиния и Колумеллы, содержится много новых сведений об удобрении. К середине I в. н. э. был уже накоплен достаточно богатый опыт, на основе которого можно было разработать своего рода теорию унавоживания. Прежде удобряли поля, деревья или виноградники потому, что это приносило большие урожаи, и не особенно теоретизировали. Для Колумеллы земля, почва — это живой организм, который не только истощается посевами и посадками, но отравляется вредными выделениями (III. 11. 2). Удобрение это корм (*rabulum*), пища (*alimentum*); с его помощью почва восстанавливает истощенные силы (II. 13. 3). Вместе с тем оно есть и лекарство (*medicina*) для засеянной земли<sup>189</sup>. С помощью удобрения не только пополняется запас пищи, взятый растениями из почвы, но сама она стряхивает благодаря ему некоторое оцепенение (III. 11. 2), унавоживание приводит почву в состояние брожения (II. 14. 2), сообщает земле теплоту, в то время как неудобренное поле остывает (II. 15. 2).

Агроном I в. н. э. уже преодолел примитивные представления о земле как о человеческом существе, как о всеобщей матери, которую нужно кормить. Правда и Колумелла часто говорит об удобрении как о корме, от которого земля жиреет (*pinguescat*), отъедается (*gliscere*), насыщается (*saginare*), но для него эти слова лишь метафоры, обозначающие более сложное понятие<sup>190</sup>. Вся I глава II книги Колумеллы посвящена опровержению представлений о земле, как о женском существе богини-матери. Основываясь на более или менее научном понимании роли удобрения, он формирует гениальную мысль о неисчерпаемом почвенном плодородии. Ведь можно получать все возрастающие урожаи, если подкреплять почву частым, своевременным и умеренным унавоживанием<sup>191</sup>. Вывод о неисчерпаемости почвенного плодородия,

<sup>186</sup> Verg. Georg. I. 84–93.

«Часто бывает полезно спалить истощенную ниву,  
Легкое в поле сжигать трещащим пламенем жнивье.  
То ли тайную мощь и питание жирное земли  
Так получают, иль в них бывает пламенем выжжен  
Всякий порок, и, как пот, выходит ненужная влага  
Или же множество жар путей и пор открывает  
Тайных, которыми сок проходит к растениям новый,  
То ль укрепляет сильней и сжимает разверстие жилы,  
Чтоб ни мелкий дождь, ни сила палящего солнца,  
Разгорячася не сожгла, ни Бореем пронзительный холод»

(Пер. С. Шервинского. С. 67–68.)

<sup>187</sup> Сто лет спустя Плиний Старший писал: «В транспаданской Италии зола настолько употребительна, что ее предпочитают навозу, а потому навоз вьючных животных там сжигают» — XVII. 49. Видимо, и во времена Вергилия было то же самое.

<sup>188</sup> Col. II. 13. 4: «Поскольку этот предмет (удобрение) является полезнейшим для земледельцев, о нем, по моему мнению, нужно поговорить повнимательнее; между тем как древние авторы, хотя и не проходили мимо него, но касались его мимоходом, не со всею тщательностью».

<sup>189</sup> Col. II. 9. 13: «унавоживание уничтожает весь яд, накопившийся в почве».

<sup>190</sup> Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей... С. 125–126.

<sup>191</sup> Col. II. 1. 7: «Licet enim maiorem fructum percipere si frequenti et tempestiva et modica stercoreatione terra refoveatur».

конечно, не мог бы появиться, если бы в агрономии I в. н. э. не существовала более или менее разработанная теория почвенного удобрения. С помощью удобрения, его умелого применения, а также хорошей агротехники, передовые сельские хозяйства I в. н. э. могли получать хорошие урожаи на любом, даже самом бесплодном участке (Col. I. 4. 2). Сам Колумелла получал высокие урожаи в альбанской и ардеантской областях (III. 7. 5; 9. 2), хотя, согласно Страбону (V. 3. 5), эти области славились тощими землями.

Хозяйство I в. н. э. невозможно представить себе без удобрения. Все полевые культуры<sup>192</sup> и луга<sup>193</sup>, виноградники<sup>194</sup> и плодовые деревья<sup>195</sup>, питомники и посевы тростника<sup>196</sup>, окультуривание целинного участка<sup>197</sup>, оливковые посадки<sup>198</sup>, огородные растения<sup>199</sup> и цветочные плантации<sup>200</sup> требовали самого тщательного унавоживания. Слова Плиния Старшего: «Одно, во всяком случае, известно всякому: сеять следует только на унавоженной земле»<sup>201</sup>, — видимо, отражают общераспространенную практику I в. н. э.

Возрастание роли удобрения в земледелии, естественно, привело к стремлению получить его большое количество.

Главным его видом, как и прежде, было органическое удобрение, а его основным источником скот. Следовательно, союз земледелия и скотоводства, о котором в свое время говорил Варрон, продолжал укрепляться, несмотря на все растущую специализацию в сельском хозяйстве. Получение удобрения — одна из главных идей этого великого единения (*quaedam societas atque coniunctio*. VI. praef. 2).

Заботливо сохраняется навоз всяких животных: лошадей, овец, ослов, коз, свиней, волов и коров. Как и при Катоне им густо подстилают (Plin. XVIII. 194; Col. II. 14, 8). Хлева козляные чистятся ежедневно, загоны для овец и волов во время дождливых дней (Col. II. 14, 6). Стремление получить наибольшее количество удобрения привело хозяев к выработке нормы выхода навоза от каждой штуки скота: обычная месячная норма — 1 воз от 1 штуки мелкого скота (в каждом возе по 80 модиев (Col. XI. 2, 85) и 10 возов от штуки крупного скота<sup>202</sup> (Col. II. 14, 8; Plin. XVIII. 194). Если же этой нормы, кстати, очень высокой, тот или иной хозяин не получает, его считают недостаточно прилежным. Для того чтобы получить эту высокую норму, Колумелла, вероятно, также и Плиний, рекомендуют подстилать крупному скоту солому, прямо указывая, «если подложить скоту соломы, то получится больше навоза.» (Col. VI. 3. 1). Следует заметить, что ни Катон, ни Варрон этот совет не приводят, в их время солома больше шла в корм<sup>203</sup>. Насколько ценились разные сорта навоза, показывает такой пример. Колумелла считает свиной навоз самым наихудшим (II. 14. 4); тем

<sup>192</sup> Col. II. 9. 13; 10. 5. 21. 24; II. 10. 10. 7. 27; 13. 3; 14. 4 и др. Plin. XVIII. 120. 134. 187. 192–194. 300 и др.

<sup>193</sup> Col. II. 17. 2. 3–4; XI. 2. 22.

<sup>194</sup> Col. De arb. 3. 8. 10. 11; De re rust. III. 2–3. 9; 15. 5–6; IV. 8. 3; 32. 3–5; Plin. XVII. 196. 258. 263–264.

<sup>195</sup> Col. De arb. 17. 21–23; De re rust. V. 10. 12.

<sup>196</sup> Col. De arb. 3. 25; De re rust. V. 12.

<sup>197</sup> Col. II. 2. 5.

<sup>198</sup> Col. De arb. 17; De re rust. V. 91; V. 8; XI. 2. 20; 25; Plin. XVII. 127. 130.

<sup>199</sup> Col. XI. 3.

<sup>200</sup> Col. XI. 3.

<sup>201</sup> Plin. XVIII. 192.

<sup>202</sup> Сергеевко М. Е. Удобрение хлебных полей... С. 140.

<sup>203</sup> Там же. С. 137.

не менее, даже его тщательно собирают и находят применение в хозяйстве (De arb. 23, De re rust. V. 9–10).

Улучшилось хранение навоза. Навозные кучи, упомянутые Катонем и Варроном, не имели твердого пола, питательная жидкость уходила в землю, а полезные свойства растрчивались. На смену примитивным кучам пришло настоящее навозохранилище. Оно устраивалось в земле (*depressa fossa locum concavum*, II. 14. 2), с немного покатым цементным полом, который не пропускал жидкости — Col. I. 6. 26. <sup>1204</sup>. Если в эпоху Варрона смачивались влагой лишь нижние слои, что могло привести к разжижению, а то и вымыванию питательных веществ, подземное хранилище Колумеллы обильно смачивается (I. 6. 21), усердно насыщается влагой (II. 14. 7) сверху, равномерно орошая верхние и нижние слои<sup>205</sup>. Сверху хранилище прикрывалось ветками, защищающими его содержимое от солнца (Col. I. 6. 22). Для ускорения процесса разложения летом вся навозная яма перекапывалась вилами или мотыгой, чтобы навоз «был более пригоден для полей» (*sit arvis idoneum*, II. 14. 7). Эти операции, рекомендуемые древнеримским агрономом, осуществляются и в современной практике<sup>206</sup>.

Как и во времена Варрона, в каждом имении было, как правило, два хранилища. Одно для свежего навоза, другое для перепревшего и уже пригодного для удобрения полей (Col. I. 6. 21). Колумелла, единственный из римских сельскохозяйственных писателей, который определяет точный срок готовности навоза — один год<sup>207</sup>. Общее хранилище для свежего навоза предназначено для всех его сортов: овечьего, свиного, крупного скота, ослиного и т.д. И, видимо, это было общей практикой в имениях, где засеивались преимущественно зерновые (Col. II. 14. 7), «но если поместья имеют деревья и кустарники, хлебные поля и луга, навоз следует хранить по сортам, также, как козий и птичий помет» (там же). Видимо, в ряде имений<sup>208</sup>, общее хранилище имело несколько отделений, в которые складывались разные сорта<sup>209</sup>. Особым образом сохранялся козий навоз. Козам никакой подстилки не подстиляли и они обычно стояли в хлеву с каменным полом (Col. VII. 6). Козьи закутки чистились ежедневно (II. 1. 14. 6). Чистый, не смешанный с соломой, мякиной или ветвями козий навоз хранился, очевидно, вне общего хранилища. Когда он перепревал, его возможно даже просеивали (Plin. XVII. 53), наподобие птичьего помета. Во всяком случае, его не поливали, а напротив, сохраняли в сухом виде. Козий навоз ценился довольно высоко, им часто удобряли бесплодные или малоурожайные оливки (V. 9; XI. 2. 85); к его полезным качествам обращались в крайнем случае, если поле не смогли вовремя удобрить, а голубинового помета не оказалось (Col. II. 15. 2).

<sup>204</sup> Там же. С. 135. Col. I. 6. 21.

<sup>205</sup> *Сергеенко М. Е.* (Удобрение хлебных полей... С. 135) приводит высказывание акад. Приришников: «Поливка обеспечивает разложение кучи во всех частях (при высыхании разложение останавливается), уменьшает излишнюю вентиляцию, связанную с потерями NH<sub>3</sub>, предохраняет от развития плесеней. Поливка сильно способствует сохранению азота, понижая улетучивание аммиака как непосредственно, так и косвенно, вызывая энергичное разложение и заполнение углекислотой пор, не занятых водой».

<sup>206</sup> *Сергеенко М. Е.* Удобрение хлебных полей... С. 134–136.

<sup>207</sup> Col. II. 14. 8: «*Illud quoque praecipendum habeo, stercua omne quod tempestive anno requieverit, segetibus esse maxime utile, nam et vires adhuc solidas habet, et herbas non creat quanto autem vetustius sit, minus prodesse; quoniam minus valeat*».

<sup>208</sup> Поместья, в которых было лишь одно хлебное поле, были большой редкостью в Италии; более распространенным типом было хозяйство многоотраслевое.

<sup>209</sup> *Сергеенко М. Е.* Удобрение хлебных полей... С. 136.

Важным достижением в области удобрений в I в. н. э. было установление наилучших норм удобрений для полей разных категорий. Катон и Варрон говорят просто об унавоживании полей. Колумелла и Плиний советуют учитывать рельеф местности, характер почвы, особенности климатических условий<sup>210</sup>. Так, холмистое поле требует более обильного удобрения, чем ровное. Если на первое вывозится 24 воза, то на второе только 18 возов (Col. II. 5. 2; II. 15. 1; Plin. XVIII. 199)<sup>211</sup>. Более обильное удобрение холмистых полей объясняется тем, что на склонах при дождях часть навоза сносится в низменные части<sup>212</sup>. Большая норма унавоживания верхних участков компенсировала этот смысл, причем агрономы установили нужную дополнительную норму.

Нормы удобрения зависели и от характера земель. Так, увлажненное поле требовало большего удобрения, чем сухое. «Первое — этого требовало потому, что орошаемое постоянной влагой, оно охлаждалось, а от удобрения получало необходимую ему теплоту, в то время как второе, в силу своей внутренней сухости, получив много удобрения, выгорало. Поэтому нужно следить, чтобы удобрение сухого поля было в меру, но никак не излишним» (II. 15. 2).

Совершенствуется заделка навоза в почву. Для лучшего сохранения его полезных свойств навоз вывозили после дождя, при убывающей луне (это, считалось, препятствует росту сорняков) и раскладывали кучками по 5 модиев (на равнине на расстоянии в 8 футов, на склоне в 6 футов друг от друга)<sup>213</sup>. Вывезенный навоз тотчас же разбрасывается по полю и сразу же запахивается, чтобы он не потерял силы от солнечного жара. Вывозить рекомендовалось не больше того, что можно было запахать в тот же день (Col. II. 5. 2)<sup>214</sup>.

Наряду с описанной, довольно сложной системой накопления и применения удобрения, продолжал сохраняться примитивный способ унавоживания путем устаивания, выпаса скота на поле. Однако Колумелла ни разу не упоминает об этом, а Плиний очень глухо сообщает, что устаивание применяют только некоторые хозяева (Plin. XVIII. 194). Сам Плиний не одобрял этот способ унавоживания. Это было связано и с известными недостатками устаивания. При таком способе, действительно, земля удобряется, но при выпасе скота почва утаптывалась, уплотнялась, что затрудняло ее аэрацию и связанные с ней важные процессы почвенного питания; ее вспашка требовала больших усилий скота и пахаря. При устаивании восстановление почвенного плодородия происходило лишь частично, не столь эффективно, как при удобрении сохраненным и обработанным навозом. Как показывают рекомендации Колумеллы и Плиния, в рабовладельческих хозяйствах применялась более эффективная система удобрения.

Навоз был важнейшим, но не единственным удобрением. Широкое применение имел и птичий помет. Птичий помет считался наилучшим видом. Катон и Варрон хорошо знали высокие качества помета голубей и дроздов. Колумелла и Плиний так-

<sup>210</sup> Как справедливо писал Плиний (XVIII. 192): «Nec tantum enim in confesso est nisi stercoreto seri non oportere, quamquam et hic leges sunt propriae».

<sup>211</sup> Говоря: «На каждом югере полагается разложить по 18 возов», Плиний имеет в виду, видимо, ровные места.

<sup>212</sup> Col. II. 17. 6: «Atque ideo fere prudentes agricolae etiam in aratis collem magis, quam vallem stercoreant: quoniam, ut dixi, pluviae semper omnem pinguiorem materiam in ima deducunt».

<sup>213</sup> Col. II. 6. 1.

<sup>214</sup> Плиний (XVII. 57) приводит ряд других советов по сохранению удобрительных качеств навоза при его заделке.

же ставят на первое место голубиный помет<sup>215</sup>. Появились некоторые новые сорта, в частности, помет кур и других пернатых (Col. 14. 1). Многочисленные эксперименты с птичьим пометом разных сортов привели агрономов I в. н. э. к выводу о том, что помет болотных и водоплавающих птиц не приносит пользы и даже вреден<sup>216</sup>. Как известно, в пригородных поместьях Рима и Кампании имело место промышленное птицеводство, поставленное на широкую ногу<sup>217</sup>. В связи с этим роль птичьего помета в системе удобрений заметно повышалась, а он приобрел важное практическое значение в ряде хозяйств. Однако он широко применялся, скорее всего, лишь в немногих пригородных областях. В большинстве же имений он далеко уступил навозу — был довольно редким и использовался очень экономно. Птичий помет хранился отдельно и скорее всего по сортам, его сушили и даже просеивали сквозь решето, превращая в порошок (pulvis) Col. II. 15. 2; Plin. XVIII. 193<sup>218</sup>. Следует заметить, что о хранении птичьего помета ни Плиний, ни Колумелла ничего не сообщают, кроме оброненного указания на порошок из птичников (ex aviariis pulverem stercoris. II. 15. 2). Поскольку птичий помет был очень ценным, но редким удобрением, его применяли лишь в чрезвычайных обстоятельствах. Например, разбрасывание и запахивание голубиного помета на засоленных почвах позволяет ввести в сельскохозяйственный оборот эти бросовые земли (Col. II. 9. 8). Если по каким-либо причинам не смогли удобрить поле перед вспашкой, то рекомендовали разбрасывать птичий помет из птичников после посева (Plin. XVIII. 193; Col. II. 15. 2)<sup>219</sup>.

Голубиный помет вносили к открытым лозам (Col. XI. 2. 86) и оливковым деревьям (Col. V. 9), причем Колумелла рекомендует вносить по одному секстарию в первом случае и одному модию во втором. Иначе говоря, если для удобрения хлебных полей птичий помет применялся изредка, то для подкормки виноградных лоз и оливковых деревьев он был более или менее обычным делом. Во всяком случае, роль птичьего помета как удобрения в I в. н. э. несколько возросла по сравнению с I в. до н. э., скорее всего за счет большего применения в виноградниках и масличных рощах.

Поиски новых видов удобрения привели к использованию в этих целях человеческих экскрементов. Катон ничего не говорит об этом предмете; согласно Варрону, некоторые хозяева обращались к этому виду. Судя по этому замечанию, видимо, не все решались использовать это удобрение. Скорее всего, последнее только начинает входить в употребление, но еще не стало повседневным явлением в италийских усадьбах. В эпоху Колумеллы и Плиния «съеденное людьми» — обычный вид удобрения. По своим полезным свойствам он, по мнению Колумеллы и Плиния, превосходит навоз от скота. «На втором месте (после птичьего помета. — В. К.) стоит человеческий навоз, если его перемешать с другими отбросами виллы; поскольку его природа очень горяча, он в чистом виде сжигает поле. Очень полезна для деревьев человеческая моча; если ее применить к фруктовым деревьям и виноградникам

<sup>215</sup> Col. II. 14. 1; Plin. XVII. 51.

<sup>216</sup> Col. II. 14. 1; Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей... С. 132: «Это, конечно, преувеличение, но отрицательное отношение к помету водяных птиц имеет свое основание: гуси и утки дают продукты наиболее водянистые, содержащие до 75% воды и от 1/2 до 3/4 % азота, что близко по составу к навозу, а не к концентрированным удобрениям».

<sup>217</sup> Сергеев М. Е. Хозяйство италийских suburbana // ВДИ. 1955. № 3; Она же. Очерки по сельскому хозяйству... С. 150–161.

<sup>218</sup> Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей... С. 136–137.

<sup>219</sup> Данная операция требовала значительного количества этого вида удобрения, поскольку речь шла о целом поле.

после шестимесячной выдержки, то ни одно другое удобрение не дает более обильного урожая, причем она не только увеличивает урожайность, но даже улучшает вкус и залах вина и фруктов» — (Col. II. 14. 2). Плиний пишет о своего рода состязании (XVII. 51) среди хозяев в стремлении применить этот вид удобрения, о единодушии среди авторов о его ценности (XVII. 51). Были изучены его свойства, разработана своего рода система наилучшего приготовления. Мочевину хранили отдельно и выдерживали, видимо, или в долях или небольших цистернах в течение определенного срока — шести месяцев. Экскременты перемешивались с нечистотами двора и кухни, скорее всего, в известной пропорции, и эта смесь дозревала до необходимых кондиций в специальном хранилище<sup>220</sup>. Готовое удобрение вывозилось на поля, под смоковницы (Col. V. 10) и фруктовые деревья (Col. V. 10; De arb. 23).

Удобрительное воздействие человеческих отходов на почву было изучено настолько, что рекомендовалось его особое применение на некоторых почвах, в частности, на чистых гравистых почвах или очень рыхлых песчаных, которые нуждались в особо усиленном питании<sup>221</sup>.

Под виноградники и маслины этот вид удобрения не вносился, но моча использовалась для улучшения виноградников и плодовых деревьев очень часто (Col. II. 14. 2; V. 9. 3; V. 10. 2; XI. 2. 86; Plin. XVII. 51)<sup>222</sup>. Для усиления полезных качеств этого удобрения готовились своего рода разнообразные смеси, например, смешивали свиной навоз, человеческие отбросы и выдержанную мочу (Col. V. 10. 2), или свиной навоз, человеческие экскременты и старые помои (Col. De arb. 23). Мочу употребляли только в смеси с водой в строго определенной пропорции, а именно в несколько «большем количестве, чем то, которое подливали к вину» (Plin. XVII. 51). Иногда ее смешивали не только с водой, но с масляным отстоем и свиной мочой (Col. V. 9. 3).

В системе удобрения I в. н. э. большое внимание уделялось зеленому удобрению. В эпоху Варрона, как уже отмечалось, была уточнена удобрительная сила разных растений, научились правильной заделке его в почву. Ко времени Колумеллы и Плиния использование зеленого удобрения обогатилось новым опытом. Продолжалось уточнение списка растений, от которых уточняются поля (*stercorari et iuvagi agros*. II. 13. 1). Большая часть италийских хозяев включала в этот список лупин, бобы, вику<sup>223</sup>. В северо-западном углу Северной Италии, где окультивировали рожь, она также рассматривалась в качестве удобрения<sup>224</sup>. Судя по смыслу отрывка из Plin

<sup>220</sup> Правда, ни Колумелла, ни Плиний ничего не говорят о таком специальном хранилище, но если бы такового не было, а отбросы сваливались в общую яму, где хранился навоз от скота, то потеряли бы всякий смысл все их предписания об особом применении этого удобрения.

<sup>221</sup> Col. XI. 3. 9: «*Nam quod homines faciunt, quamvis habeatur excellentissimum, non tamen necesse est adhibere, nisi aut nudae glareae aut sine ullo robore solutissimae arenae, cum maior scilicet vis alimenti desideratur*».

<sup>222</sup> О моче много говорится в XVII. 259: «гранаты надо поливать человеческой мочой, разведенной водой, четыре раза в год по одной амфоре»; XVII. 262: «срезав лозу у корня, смочить рану и волокна крепким уксусом и старой мочой, покрыть жидкой массой, замешанной на этом»; XVII. 265: «большинство приписывает моче не меньше полезных и питательных свойств, чем Катон оливковому отстою, только при том условии, чтобы разбавить ее равным количеством воды, потому что иначе она вредит».

<sup>223</sup> Плиний называет эти растения много раз: XVII. 56; XVIII. 120. 134. 137. 187. Колумелла, который исключал бобы, вернее преуменьшал их удобрительную силу — II. 10. 7; II. 13. 2., — однако, проговаривается, что большинство признает за бобами, викой и лупином значение зеленого удобрения без всяких оговорок — XI. 2. 79.

<sup>224</sup> Plin. XVIII. 141.

(XVIII. 187) «лупбу следует сеять после лупина, вики, бобов и вообще тех растений, которые удобряют почву», следует думать, что в ряде хозяйств в состав зеленого удобрения включали еще какие-то растения<sup>225</sup>. Так, придирчивый Колумелла, много экспериментировавший с разными видами удобрения, включил в состав его сидеральных разрядов мидийскую траву (*eximia est herba Medica... quod agrum stercorat*. II. 10. 27). Накопленный в течение двух с половиной столетий опыт позволил ближе познакомиться с разными видами зеленого удобрения. Из всех его сортов наилучшим был признан лупин. И Колумелла и Плиний считают его наилучшим навозом (*fimo ut optumi*. XVIII. 134), *maxime ex iis quae seruntur juvat agrum... et arvis optimum stercus praebet* (Col. II. 10. 1).

«Если земледелец будет лишен всякого навоза, — пишет Колумелла, — у него, конечно, не будет недостатка в такой превосходной защите, как лупин. Если его засеять на настоящей земле около сентябрьских ид, а потом своевременно запахивать, он окажется наилучшим удобрением (Col. II. 15. 6). Лупин высевался на вводимой в оборот целине (Col. II. 2. 5), был наилучшим предшественником зерновых культур, т.е. высевался на полях и парах (Col. II. 13. 2; Plin. XVIII. 187; Col. II. 10. 1; II. 15. 7). От его посевов утучняются виноградники (Plin. XVIII. 134; Col. XI. 2. 61), масличные и плодовые деревья (Plin. XVIII. 259–260). Широкое применение лупина, легкость получения делали этот вид удобрения надежным, дешевым и популярным. Видимо, в имениях, где было мало скота и птицы, лупин рассматривался в качестве основного вида удобрения.

В I в. н. э. усовершенствовалась техника его заделки в почву. Пропахивание лупина происходило во время его цветения, и это особо было полезно потому, что азотистые вещества как раз во время цветения находятся в форме наиболее доступной для усвоения<sup>226</sup>. «Если посеять лупин на тощей земле около сентябрьских ид, а летом своевременно запахать в почву плугом или мотыгой, он окажется наилучшим удобрением. На песчаных почвах его следует срезать, когда он выгонит второй цветок, а на красноватой земле, когда — третий. В первом случае он заделывается, пока еще он нежный, чтобы быстрее перегнив, смешался с тощей почвой, во втором случае он должен быть покрепче, чтобы смог выдержать тяжелые земельные глыбы» (Col. II. 15. 7)<sup>227</sup>. На меловой и илистой почве, однако, лупин принимался плохо (Col. II. 10. 3; Plin. XVIII. 135). На один югер поля высевали 10 модиев лупина, а в виноградниках по 3–4 модия (Col. XI. 2. 61). О способах заделки в почву других видов зеленого удобрения Колумелла и Плиний сообщают мало. Вряд ли следует думать, что на вику, бобы, мидийскую траву и другие растения механически переносились приемы заделки лупина. Видимо, их применение было реже и не имело практического значения. Их также запахивали при цветении (Plin. XVII. 120; Col. XI. 2. 81), но когда и на каких почвах, неизвестно<sup>228</sup>. Скорее всего, к этим видам зеленого удобрения обращались в том случае, когда не было навоза, не имелось возможности посеять

<sup>225</sup> Так, в старых виноградниках высевали для удобрения кормовую смесь — *osinum*. См.: Cat. 33. 3; Plin. XVII. 196.

<sup>226</sup> Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей... С. 144.

<sup>227</sup> В XVII. 6. 54 Плиний рекомендует запахивать лупин до того, как он завяжет стручки, в XVIII. 135: «Для удобрения ее (красноватой глины) его следует запахивать после появления третьего цветка, на песках — после второго».

<sup>228</sup> Col. II. 13. 2: «Если вику срезать зеленой и сразу же пройти плугом, заделав в почву то, что оставил серп, пока оно не высохнет, она заменит навоз». Plin. XVIII. 137, «вика (*vicia*) утучняет землю».

и лупин. К тому же в ряде хозяйств удобрительная сила бобов была поставлена под известное сомнение<sup>229</sup>.

Колумелла единственный автор, который говорит о приготовлении и такого вида удобрения как компост. «Мне хорошо известно, — пишет он, — что есть такие деревни, в которых нельзя содержать ни скот, ни птицу: и тем не менее даже здесь только нерадивый земледелец окажется без навоза. Ведь можно собрать любую листву, натаскать ее с терновых кустов, с дорог и перекрестков, можно срезать папоротник, не причиняя неприятностей соседу, перемешать все это с нечистотами двора, можно выкопав яму для хранения навоза... собрать там золу, нечистоты клоак, солому, весь сор. Посредине нужно вкопать прочный столб, чтобы помешать укрыться в навозохранилище вредным змеям. Это все делается в имениях, где совсем нет скота» (Col. II. 14. 5). Перечисленные здесь составные части компоста и его хранение позволяют сделать вывод о высоких качествах этого удобрения. Сравнение советов Колумеллы с рекомендациями современных специалистов, проведенное М. Е. Сергеенко, показывает, насколько полны и точны предписания древнего агронома<sup>230</sup>. Колумелла, видимо, первый, или один из первых, кто разработал правила приготовления компоста. Плиний об этом не упоминает совсем, не говоря о более ранних авторах. Правда, еще во времена Катона, кухонные отбросы и нечистоты виллы собирались и сносились в навозные кучи (Cat. 39; Varr. I. 13. 4; I. 44. 2), но это был не компост. Как справедливо пишет М. Е. Сергеенко, в пользу недавнего происхождения компоста говорит горячность его (Колумеллы) тона и некоторый пафос, который звучит у него всякий раз, когда он говорит о вещах необычайных и неприятных<sup>231</sup>. Однако сам Колумелла в дальнейшем не упоминает о применении компоста, и нам неизвестно, для каких культур и посадок, на каких землях и в каком размере использовался этот вид удобрения. Скорее всего, он был довольно редким видом, к которому прибегали в исключительных случаях, когда не было ни скота, ни птицы, ни зеленого удобрения и т.д.

«Если же под рукой не окажется никакого удобрения, земледельцу принесет много пользы, если он сделает то, что применяет и о чем я часто вспоминаю, мой дядя Марк Колумелла, ученейший и прилежнейший хозяин, а именно вносить на песчаные почвы белую глину, а на белую глину и слишком плотную почву песок. Благодаря этому он делал урожайными не только посевы, но улучшал виноградники. Он даже считал, что не следует вносить под лозы навоз, так как он портит вкус вина, а наилучшим удобрением для изобильного виноградного сбора, по его мнению, была бы земля, принесенная из терновников и вообще наносная почва» (Col. II. 15. 5). Это сообщение прямо говорит о хорошем знакомстве еще с одним видом удобрения, который в современной практике получил название «почвенного горизонта». Как и о компосте, Колумелла и о почвенном горизонте в дальнейшем почти ничего не говорит. Судя по смыслу приведенного отрывка, можно заключить, что сам Колумелла, хотя и знал о почвенном горизонте, но в своих поместьях его не применял. Он ссылается не на свой опыт, а на опыт дяди, проживающего в Испании. Об этом виде удобрения знает и Плиний, но в отличие от Колумеллы он его резко порицает. «Улучшить же землю землей, как это советуют некоторые, насыпая на то-

<sup>229</sup> См. Col. II. 10. 7; II. 13. 2. Ср.: Plin. XVIII. 120: «Почву, на которой посеяны (бобы. — В. К.), они удобряют не хуже навоза, а потому в Македонии и Фессалии (но не в Италии. — В. К.) их запахивают, когда они зацветут».

<sup>230</sup> М. Е. Сергеенко (Удобрение хлебных полей... С. 138) приводит рецепты приготовления компоста, имеющиеся у Д. Н. Прянишникова.

<sup>231</sup> Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству... С. 38.



щую жирной или на влажную и чрезмерно жирную тощую и сухую, — это сумасбродство. На что может надеяться тот, кто обрабатывает такую землю?» (XVII. 41). Сравнение этого отрывка и сообщения Колумеллы показывает, что Плиний порицал в нем не Колумеллу, а каких-то других хозяев, ведь Колумелла ничего не говорит о жирной, влажной или сухой земле<sup>232</sup>. Видимо, в Италии в ряде хозяйств почвенный горизонт получил некоторое распространение. Мало того, его элементы можно разглядеть даже у Катона. Катон (28. 2) советовал при посадке маслин сыпать в яму землю, взятую сверху (совет, кстати, без особых изменений повторенный и Колумеллой (V. 9. 8)). Тот же Колумелла воспроизводит рекомендации Магона, современника Катона о том, чтобы при посадке виноградных лоз насыпать в ямы жирной земли, принесенной хотя бы издалека (III. 15. 5). При разбивке нового виноградника и подготовке почвы для лоз он советует: «густо укрыть землю или старым навозом — от него не заводится сорняков — или **землю, нарытой между кустарниками**» (Col. III. 11. 4), прямо воспроизводя советы своего дяди.

Таким образом, элементы почвенного горизонта были известны со II в. до н. э. и применялись при посадке лоз, маслин, восстановлении виноградников. В начале I в. н. э. ряд хозяев, среди них Марк Колумелла в Испании, использовали почвенный горизонт для удобрения полей и виноградников. Ко времени Плиния уже накопился известный опыт и удобряли не только песчаную почву меловой, и наоборот, плотную рыхлой, но и тощую жирной, а влажную сухой. Иначе говоря, постепенно распространялся и почвенный горизонт, хотя в большинстве хозяйств удобрение землей применялось редко, к тому же подвоз земли требовал больших затрат и множества рабочих рук, и, как указывал Колумелла: «выгодно ли это делать, об этом мы будем судить, смотря по ценам на съестные припасы и на рабочую силу» — III. 15. 5. Во всяком случае, употребление почвенного горизонта в Италии I в. н. э. было известным новшеством, он не был хорошо освоен и применялся относительно редко<sup>233</sup>.

Из других видов удобрения были известны и некоторые сорта минерального удобрения. Как уже отмечалось, в Северной Италии популярным его видом была зола. В эпоху же Плиния эта практика не изменилась. Жители областей к северу от реки По настолько предпочитали золу навозу, что даже пережигали последний для получения первой (Plin. XVII. 49). В эпоху Катона и Варрона полуостровная Италия почти не использовала золу в качестве удобрения и обходилась другими его видами. В I в. н. э. зола получает большое распространение и в этой части Италии. Колумелла советовал использовать золу для приготовления компоста (II. 14. 5). Зола рассматри-

<sup>232</sup> Колумелла говорит о песчаных почвах (*sabulo*), белой глине (*creta*), слишком плотной земле (*nimum denso*). Плиний упоминает совсем о других разрядах жирных (*pinguis*), влажных (*umida*), очень жирных (*praepinguis*) почв. Отрывок Плиния с упоминанием о почвенном горизонте следует после сообщений о баснословных урожаях в Африке. Не имеет ли Плиний в виду в данном месте советы Магона или каких-либо африканских рабовладельцев? Любопытно отметить, что Колумелла в III. 15. 5 прямо говорит о советах Магона: «если земля, в которую сажают лозу, окажется бесплодной, то, по его мнению, следует насыпать жирной земли (*pinguis humus*), привезенной издалека». Терминология Магона здесь близка Плинию (XVII. 41).

<sup>233</sup> Почвенный горизонт, видимо, гораздо чаще применялся в римских провинциях. Так Плиний, столь неодобрительно отзывавшийся об этом виде удобрения, однако, упоминает о его применении у галльского племени убиев (XVII. 47). Об удобрении полей землей из развалин, заброшенных поселений — так называемых «себах» в Египте говорит У. Вилькен (*Archiv für Papyrusforschung*. Т. II. С. 304) и О. О. Крюгер (Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры // Из истории материального производства античного мира. М.—Л., 1935. С. 47–48). О. О. Крюгер относит его к римскому времени.

валась им в качестве наиболее эффективного удобрения при обновлении вырождающихся лугов (II. 17. 2). Сжигание соломенных куч, разложенных вокруг виноградных лоз (Col. De arb. 13) и плодовых деревьев (V. 9. 6; V. 10. 2) приносит им большую пользу. Смесь острого уксуса с золой излечивает виноградные лозы от бесплодия (Plin. XVII. 2. 61; Col. De arb. 8), а смесь навоза и золы очень полезна для молодых саженцев маслины (Col. V. 9. 3). В ряде мест сжигали оставшуюся на поле солому, что приводило к выжиганию сорняков и удобрению нивы, предназначенной под полевые культуры (Plin. XVIII. 300). Было известно, что зола обладает «свойствами соли, но смягченными...; поэтому ее подсыпают к смоковницам, а также к руту — чтобы они не червивели и чтобы не гнили корни» — Plin. XVII. 261. Особенно часто применялась зола для удобрения огородов и цветников. Колумелла настоятельно рекомендует удобрять большим количеством золы артишоки, руту и другие огородные растения (Col. IX. 3). Удобрительные свойства золы уже стали хорошо известны; было замечено, что она обладает смягченными качествами соли (Plin. XVII. 261), что она непригодна для виноградников и некоторых злаков (Plin. XVII. 49), были уточнены культуры и деревья, которым она особенно полезна, составлены эффективные смеси, в состав которых входила зола.

Знали ли древнеиталийские хозяева другие виды минерального удобрения, кроме золы? Колумелла, столь заботливо относившийся к поискам новых видов удобрения и сообщивший, например, о компосте и почвенном горизонте, кроме золы, ни о чем другом не упоминает. Однако Плиний сообщает о различных сортах мергеля в семи главах (!) XVIII книги (42–48). Мергель разных видов — белый, рыжий, сизый, глинистый, туфовый, песчаный, по его словам, широко применялся в Галльских провинциях и Британии. Он подробно описывает питательные свойства всех его сортов, применение для лугов, хлебных нив, виноградников, сообщает о местах добычи, способах обработки, внесения и заделки в почву. Насколько подробные сведения о мергеле были у хозяев эпохи Плиния, показывает следующий отрывок: «Всякий мергель нужно рассыпать на вспаханной почве, чтобы его целебное действие было воспринято. Он также требует некоторого количества навоза, будучи вначале слишком жестким и плохо проникающим в травы; иначе, каков бы он ни был, он своей новизной вредит почве; да и с примесью он не увеличивает урожая в первый год. Важно и то, для какой почвы он предназначается. Сухой предпочтителен для влажной, для сухой — жирный, для смешанной подходит любой из двух родов — мел или сизая земля» (Plin. XVII. 48). Для столь точных сведений о мергеле как удобрении, нужен был опыт и хорошая информация. Самое замечательное в этом отрывке — это указание на приготовление смесей мергеля, минерального удобрения с навозом, органическим, органоминеральных смесей и их наибольшей эффективности для восстановления почвенного плодородия. Несколько выше приводилось сообщение Варрона об удобрении белой глиной во внутренних частях Галлии, что свидетельствует о давних местных традициях. Однако и здесь в I в. н. э. были найдены другие виды минерального удобрения. «Раньше было известно два вида, — пишет Плиний, — но с недавнего времени, при развившейся изобретательности, стало применяться их больше. Бывает мергель белый, рыжий, сизый, глинистый, туфовый, песчаный» (XVII. 43). Интерес и поиск новых видов удобрения в Галлии и Британии в I в. н. э. тесно связан с интенсификацией сельского хозяйства этих стран, с проникновением в них классического рабства римского типа, иначе говоря, с распространением рабовладельческих вилл, уже господствующих в Италии. По словам того же Плиния удобрение белой глиной имело место и в Греции, в частности, в Мегаре (XVII. 42). Что касается применения мергелей в Италии, то этот вопрос остается открытым.

О естественных залежах мергелей, таких, как в Галлии и Британии, в Италии неизвестно. Перевозить мергель из столь далеких мест в Италию вряд ли было целесообразно<sup>234</sup>. Тем не менее, высокие удобрительные свойства мергеля, делающие поля плодородными в течение 30, 50 и даже 80 лет, точные сведения о его заделке в почву, свидетельствуют о большом интересе к нему со стороны италийских хозяев. Нет ничего невероятного в том, что последние проводили эксперименты в этом направлении и искали нечто подобное в родных местах. Одно место из Плиния (XVII. 46) заставляет предполагать, что некоторые виды мергеля употреблялись и в Италии. «Третий род белой земли называется *glisomarga*. Это мел валяльщиков, смешанный с жирной землей, более плодородный для трав, чем для злаков, так что, собрав жатву, на нем до следующего посева получают богатейший покос. Пока же эта земля под злаками, она не растит никаких других трав. Действует тридцать лет. В количестве, превосходящем правильную меру, ухудшает почву наподобие сигнийской земли» (*densior iusto signini modo strangulat solum*, XVII. 46).

Мел для валяльщиков был употребителен в Италии, так же как и в Галлии, а сопоставление удобренной им почвы с сигнийской землей, т.е. почвой латинского города Сигния<sup>235</sup>, воспроизводит италийские ассоциации. О поисках минеральных удобрений и попытках ввести их в сельскохозяйственный оборот говорит применение извести (*calx*). Об ее использовании в предшествующее время совершенно неизвестно, но у Плиния и Колумеллы это уже известное удобрение. Она присыпалась к корням вишневых деревьев и ускоряла их созревание<sup>236</sup>. Если олива переставала плодоносить, то под малое дерево вносили один модий, а под крупное несколько большее количество, и это хорошо помогало (*Col. V. 9. 17*), причем любопытно отметить, что известь вносили не под корни маслины, а в почву, улучшали не дерево, а землю<sup>237</sup>. Иначе говоря, проводилось своего рода известкование почв. Насколько сознателен и обычен был этот процесс, показывают точно рассчитанные нормы внесения извести в почву. Эксперименты с известью привели к открытию того, что для маслин особо полезной оказалась не она сама, а зола из печей для пережигания извести. Как сообщает Плиний, это открытие было сделано «недавно» (*purat*, XVII. 53). Видимо, само по себе применение извести и известкование почв было новшеством I в. н. э.

Наряду с этими видами удобрения применялись в ряде хозяйств в зависимости от обстоятельств и другие, правда, менее употребительные, чем вышеперечисленные. Для удобрения маслин довольно широко использовался оливковый отстой (*Col. XI. 2; V. 9, 15–17; V. 10. 8; De arb. 21; Plin. XVII. 263. 265*), так называемый несоленый, красный или чаще в смеси с мочой и другими видами навоза. Из других видов удобрения упоминаются виноградные выжимки (*Col. III. 15. 5*), кожевенные отбросы (*Plin. XVII. 258*), соленая вода (*Plin. XVII. 261*), старые помои (*lotio humana veteris — Col. De arb. 23*), ячменная солома (*XVII. 260*), сажка, собранная под очагами (*Col. XI. 3*), отвар лупина (*Plin. XVII. 260*), солома и даже папоротник, последние, но словам Плиния, лишь в том случае, если нет совсем скота (*XVII. 54*).

<sup>234</sup> Правда, одно из мест Плиния (XVII. 44) заставляет предполагать, что мергель могли и привозить: «*Inpendio amen minuto levitate dimidio minoris quam ceterae invehitur*».

<sup>235</sup> О Сигнии см. *Strab. V. 3. 10*.

<sup>236</sup> *Plin. XVII. 260*.

<sup>237</sup> *Col. V. 9. 17*: «*Solent etiam vitio soll fructum oleae negare. Cui rei sic medebimur. Altis gyris ablaqueabimus eas, deinde calcis pro magnitudine abroris plus minusve circumdabimus: sed minima arbor modium postulat*».

Таким образом, в распоряжении италийского землевладельца I в. н. э. имелось много видов удобрения, предназначенных для различных категорий земель, деревьев, кустарников, виноградных лоз. Он научился получать удобрения при любых обстоятельствах: когда не было скота совсем или его было недостаточно, он использовал естественные месторождения минеральных удобрений, наконец, он приходил на помощь земле даже в том случае, если по каким-то обстоятельствам не смог своевременно удобрить ее. Был накоплен достаточный опыт, чтобы определить наилучшее удобрение для любой разновидности почв и культуры, включая сложные смеси, в том числе и органоминеральные, известкование почв и улучшение засоленных земель. Научились хорошо хранить и заделывать удобрение в почву, чтобы сохранить его питательную силу. Важным показателем взрослого умения обращаться с удобрением в I в. н. э. была выработка определенных норм для заделки их в почву. В процессе долгого экспериментирования было подмечено, что почве приносит наибольшую пользу не всякое удобрение, в частности, чрезмерное удобрение пользы не приносит. Насколько можно судить по советам Катона и Варрона, для их современников не существовало даже самой проблемы чрезмерного унавоживания. Видимо, считалось само собой разумеющимся, что чем обильнее удобрять поля, тем большим будет урожай. Накопленный в середине I в. н. э. опыт по использованию удобрения показал, что максимальный эффект приносит не произвольное, а лишь разумное, нормированное унавоживание. Суля по тому, что Колумелла и Плиний предупреждают против чрезмерного унавоживания, оно, видимо, имело место в сельскохозяйственной жизни I в. н. э.<sup>238</sup> Старинная практика удобрения на глазок уступала нормированному унавоживанию. Разработанные агрономами I в. н. э. нормы рассматривались в качестве наиболее эффективных для получения оптимального урожая и варьировались в зависимости от видов удобрения, характера почвы, особенностей растений. На один югер ровного поля рекомендовалось вывозить 18 возов навоза, по 80 модиев в каждом, а на один югер холмистой поверхности вывозилось на 6 возов (33%) больше, т.е. 24 воза<sup>239</sup>. Удобрение раскладывалось по полю небольшими кучками определенных размеров так, что на 100 кв. футов площади приходилось ровно 5 модиев. На ровных полях кучи лежат друг от друга на расстоянии 8 футов (2,4 м), а на холмах — 6 футов (1,8 м)<sup>240</sup>. Очевидно, не было полного единогласия относительно норм унавоживания. Так, даже Колумелла во второй книге предлагает разбрасывать 5 модиев на 8 x 8 кв. футов, а в XI. 2. 86, написанной несколько позже уже на 10 x 10 кв. футов, т.е. несколько снижает норму унавоживания. Плиний же

<sup>238</sup> Col. II. 15. 2: «nec ignorare colonos oportet, sicuti refrigerescere agrum, qui non stercoretur, ita peruri, si nimium stercoretur: magisque conducere agricolae, frequenter id potius, quam immodice facere». См. также: Col. II. 1. 15. 3; Plin. XVII. 258; XVIII. 194.

<sup>239</sup> О нормах унавоживания полей Колумелла говорит в трех местах: II. 5. 1–2; II. 15. 1, но особенно обстоятельно в XI. 2. 86: «Satia erit in singula iugera vehes stercoris comportare numero decem octo. Vehis autem stercoris una habet in denos quoquo versus pedes modios quinos stercoris spagere. Quae ratio docet iugero satisfacere modios». См. также: Plin. XVIII. 193. Как показывает приведенный отрывок из Колумеллы, исходной расчетной нормой был 1 югер ровного поля. Правда в II. 10. 6. под посевы бобов на ежегодно засеваемом поле, скорее всего, ровном, кладется 24 воза. Однако несколько большая норма унавоживания в данном случае объясняется: во-первых, тем, что поле засеивается каждый год, не отдыхает под паром и, следовательно, сильно истощается; во-вторых, после бобов, видимо, сеялись зерновые, так что удобрение имело целью урожай не только этого года, но и будущего.

<sup>240</sup> Col. II. 5. 1: «In campo rarius, in colle spissius acervi stercoris instar quinque modiorum disponentur, atque in plano pedes intervalli quoquo versus octo, in clivo duobus minus relinquat sat erit». Однако в XI. 2. 86 кучка в 5 модиев пред-назначалась уже не на участок 8 x 8 футов, а на 10 x 10, т.е. норма унавоживания несколько понижалась (на 25%).

считает возможным на пространстве 10 x 10 кв. футов разбрасывать не 5 модиев, а 3 модия, т.е. на 40% меньше<sup>241</sup>. Однако общее количество навоза на один югер совпадает у того и другого писателя. Эксперименты по наилучшему нормированию и больших пространств и очень маленьких площадей, очевидно, продолжались.

Наряду с нормами унавоживания полей, были выработаны и нормы удобрения для деревьев и виноградных лоз. О них сообщает Колумелла. Так, было установлено, что для удобрения большой маслины требуется 4 модия сухого козлиного навоза или 6 конгиев (ок. 20 л.) оливкового отстоя (Col. XI. 2. 8; XI. 2. 18). Плиний же воспроизводит совет Катона об удобрении большого масличного дерева одной амфорой (26,26 л.) отстоя, а среднего — 1 урной (13 л.), а малого еще меньшим количеством (XVII. 263). Этому же совету придерживался и Колумелла (XI. 2. 18).

Для удобрения плодовых деревьев существовали другие нормы. Так, на одно дерево необходимо было внести 6 футов козлиного или один модий сухого навоза (*stercoris sicci*), может быть, птичьего помета, обычно сохраняемого в сухом виде, и один конгий несоленого отстоя (Col. V. 9. 15). На одно большое плодородное дерево достаточно одной урны (13 л.) человеческой мочи, для известкования вырождающихся почв под одну небольшую оливу клали один модий извести, а под крупную несколько больше (Col. V. 9. 18). Для получения сладких плодов гранатовое дерево поливали разбавленной человеческой мочой четыре раза в год по одной амфоре (Plin. XVII. 259). Для удобрения виноградных лоз вносили на каждую один секстариий (0,55 л.) голубиного помета или один конгий человеческой мочи (3,3 л.) или четыре секстариия (2,2 л.) другого жидкого удобрения (Col. XI. 2. 87). Насколько далеко зашло стремление к дозированию удобрения, видно из того, что даже лупин высевался в виноградниках не по 10 модиев, как обычно на полях, (Col. II. 10. 3), а по три-четыре модия (XI. 2. 44) на один югер.

Присмотревшись к нормам удобрения, предлагаемым Колумеллой и Плинием, нельзя не обратить внимания на их высоту. В самом деле, если югер ровного поля требовал 1440 модиев навоза, то пространство в 100–200 югеров требовало 144–288 тыс. модиев. Если одна лоза нуждалась в 1 секстариий голубиного помета или 1 конгий человеческой мочи (3,3 л.), то на удобрение 10 тыс. лоз, которые покрывали всего лишь 20–30 югеров, требовалось 10 тыс. секстариев ценного гуано, 33 тыс. литров мочевины. Выполнение этих высоких норм унавоживания, а их скорее всего придерживались в рабовладельческих виллах, требовало большого количества самого разнообразного удобрения. Ведь хозяйство было, как правило, комбинированное, многоотраслевое, где были поля, виноградники, оливковые и плодовые посадки, огород и т.д. Потребность в удобрениях самых разнообразных была очень велика. Вот почему так тщательно собирался любой сор на вилле, скот превращали в машину для производства навоза, нашли компост, почвенный горизонт, человеческие нечистоты, минеральное удобрение. Среди различных видов удобрения господствующее место принадлежало навозу, но это не значит, что им одним и ограничивались. Тщательно собирались и использовались все имеющиеся под рукой виды удобрения, включая его самые разнообразные сорта.

Систематическое удобрение навозом, согласно установленным, высоким, основанным на длительном опыте нормам, действующим в I в. н. э., могло поддерживать естественное плодородие почвы на высоком уровне.

<sup>241</sup> Плиний (XVII. 258) считает нормальной нормой унавоживания — 3 модия на десять квадратных футов. *Deni pedes quadrati* Плиния видимо то же самое, что и *denes quoquo versus pedes* Колумеллы (XI. 2. 86). Иначе говоря, нормы унавоживания Плиния ниже норм Колумеллы.

Небольшие и средние рабовладельческие поместья с площадью в одну-две центурии имели реальные возможности для тщательного унавоживания своих относительно небольших полей. Однако для более крупных хозяйств получение таких громадных количеств удобрения было затруднительным. Видимо, даже в средних по размерам рабовладельческих виллах столь интенсивное унавоживание было нелегкой проблемой и, скорее всего, удобрений не хватало, а, следовательно, полного восстановления растроченного почвенного плодородия не достигалось, о чем говорят жалобы на истощение земель и падение урожайности в Италии I в. н. э.

### Из истории римской агрономии I в. н. э.\*

Проблема севооборотов в итальянском сельском хозяйстве и агрономии слабо исследована в современной литературе. Этой проблемы касаются мимоходом М. Е. Сергеенко, В. Сираго, Р. Бийяр<sup>242</sup>.

В капитальной работе о римском сельском хозяйстве К. Уайт более обстоятельно затронул эту проблему<sup>243</sup>, тем не менее, она до сих пор не стала предметом специального анализа.

Интенсивная система земледелия, рекомендуемая Катонем в начале II в. до н. э., ко времени Варрона (середина I в. до н. э.) должна была показать свои сильные и слабые стороны. Долговременное использование почвенного плодородия в ряде областей Италии в течение почти полутора веков должно было научить земледельцев более бережному отношению к земле. Варрон и Вергилий часто говорят о необходимости чистого пара<sup>244</sup>, они ясно понимают, что поля, засеваемые ежегодно, истощаются<sup>245</sup> и им требуется отдых под паром или на следующий год их следует оставлять под посев более легкий, т.е. такой, который меньше истощает землю<sup>246</sup>. Вергилий прямо говорит о необходимости смены посевов на одном и том же участке<sup>247</sup>. Как и при Катоне, довольно обычным явлением был посев бобовых, с частотой кормовой смеси из ячменя, вики и бобовых, на участке, который на следующий год засевался полбой<sup>248</sup>. Большое внимание к чистому пару, отчетливое представление о регулярном чередовании культур были новым моментом в раз-

\* Первая публикация: в сб. Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977. С. 45–62.

<sup>242</sup> См.: Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 59; Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958. P. 196–197.

<sup>243</sup> White K. D. Roman farming. New York, 1970. P. 112–123; См. также сб.: Античная цивилизация. М., 1973. С. 162.

<sup>244</sup> Varr. I. 27. 2; 29. 1; 44. 2; Verg. Georg. I. 47–49; 67–77.

<sup>245</sup> Varr. II. 7. 11; III. 16. 3.

<sup>246</sup> Varr. I. 44. 2: agrum alternis annis relinquī oportet paulo levioribus sationibus, id est quae minus sugunt terram. Более легкие посадки в данном случае играют роль занятого пара. Данный текст показывает, что значение чередования культур еще не понимали.

<sup>247</sup> Verg. Georg. I. 82; sic quoque mutatis requiescunt fetibus arva. Эта фраза, кажется, свидетельствует о ясном понимании значения чередования культур для повышения плодородия почвы. Однако, взятая в контексте, она теряет свою ясность, так как раньше у этого автора говорилось и о чистом, и о занятом паре, и об удобрении, но отнюдь не о чередовании разных культур.

<sup>248</sup> Varr. I. 31. 5.

витии римской агрономии, что свидетельствовало об успехах римского земледелия по сравнению с эпохой Катона. Представления римских агрономов о севообороте в I в. н. э. значительно расширились и углубились. От начала века сохранились ясные указания Страбона о севооборотах в Кампании. «Как передают, — пишет он, — некоторые поля там (т.е. в Кампании. — *В. К.*) засевают в течение года дважды полбой, в третий раз просом, а на иных полях даже в четвертый раз сажают овощи». Эти сообщения можно истолковать таким образом: двойной посев полбы предполагает две возможности: или озимый и яровой посев, следующие друг за другом, или, вероятнее, два озимых посева, между которыми вклинивалось просо (оно могло поспеть за 2–2,5 месяца) и даже огородные растения. Просо и овощи являются хорошими предшественниками зерновых и позволяют поддерживать общую урожайность всех культур, участвующих в севообороте, на высоком уровне. Если сравнить рекомендации Катона с советами Страбона, то можно заметить, что отличие страбоновского севооборота от катоновского состоит в том, что первый более насыщен зерновыми (полбой) и более ценными овощами за счет репы и брюквы и представляется с хозяйственной точки зрения более выгодным. Возможно, такой севооборот был местным вариантом, но не исключено, что перед нами результат сознательных поисков кампанских агрономов, заменивших менее ценные культуры более доходными. Как можно видеть, эта замена агрономически была вполне обоснованной и не вредила почвенному плодородию. Данное обстоятельство свидетельствует о понимании роли севооборотов в сельскохозяйственной практике<sup>249</sup>.

Плиний и особенно Колумелла делают новые шаги в этом направлении. Оба автора хорошо понимают отрицательное влияние бессменных посевов одной культуры на ее урожайность. «Зерновые предпочитают пашни, отдохнувшие под паром в течение некоторого времени, а также унавоженные и специально подготовленные»<sup>250</sup>. После уборки ячменя лучше всего оставить почву под паром. Паровое поле считалось наилучшим под посевы всех культур<sup>251</sup>. «Вергилий убеждает, — сообщает Плиний (Plin. XVIII. 187), — оставлять нивы через год под паром: если размеры имения допускают, это, несомненно, самое лучшее». Таким образом, роль чистого пара для поддержания почвенного плодородия и, следовательно, урожайности очень хорошо известна. Нет никакого сомнения, что в ряде хозяйств широко применялась паровая система земледелия, обеспечивавшая восстановление плодородия почвы.

Однако основное внимание Колумеллы и Плиния привлекают не эти хозяйства, а другие, где чистый пар сведен к минимуму, как, например, в Кампании до четырех месяцев (Plin. XVIII. 191) или ликвидирован совсем. Ежегодно засеваемая земля так называемая *restibilis*<sup>252</sup> — главный объект их внимания. Плиний прямо указывает, что зачастую по условиям хозяйства невозможно выделить паровое

<sup>249</sup> Strab. V. 4. 3. Страбон расхваливает превосходные качества кампанской пшеницы. Посевы пшеницы в Кампании вряд ли уступали по величине посевам полбы. Если на полбренных полях использовались севообороты для повышения урожайности культур, то, очевидно, они были характерны и для пшеничных участков.

<sup>250</sup> Col. II. 9. 3: *atque illa* (т.е. пшеницы и полбы. — *В. К.*); см. также: II. 10. 7.

<sup>251</sup> Например, под посевы фасоли (Col. II. 10. 4), бобов (Col. II. 10. 5), ячменя (Col. II. 9. 13), очевидно, и после посевов растений, особенно сильно истощающих почву, таких как лен (Col. II. 10. 17), чина (Col. II. 10. 20), конопля (Col. II. 10. 21).

<sup>252</sup> Определение *restibilis* как ежегодно засеваемого поля дано еще Варроном (Varr. I. 44. 2). О *restibilis* у Колумеллы см.: II. 9. 13; 10; 4–5. 6; II. 10. 18. 24. 30; II. 12. 2; у Плиния — XVIII. 110. 164. 187.

поле<sup>253</sup>. Колумелла дает подробные советы, как наиболее эффективно готовить такое поле под следующий посев, не прибегая к пару. Не говоря о пшенице и полбе, даже растения, сильно истощающие землю, такие как ячмень (Col. II. 9. 12–13), лен (Ibid. II. 10. 17), конопля (Ibid. II. 10. 21), нут (Ibid. II. 10. 20) и другие, высевались несколько лет подряд на одном поле.

Под поле отводились участки с высоким естественным плодородием. Для поддержания плодородия поля на достаточном уровне оно ежегодно обильно унавоживалось. Так, под посев бобов вносилось 24 воза навоза, а не обычная норма — 18 возов на 1 югер (Col. II. 10. 6). Однако даже обильное унавоживание не могло при бессменных посевах решить проблему поддержания плодородия<sup>254</sup>.

В этих условиях неизбежно земледельцы должны были обратить внимание на чередование культур. Особый интерес проявляли собственники средних вилл, связанные с рынком и заинтересованные в наиболее интенсивном использовании земли. Они стремились получать доход с каждого участка и шли на сокращение, а то и на уничтожение чистых паров. Фраза Плиния о том, что паровое поле можно иметь лишь в обширных имениях вместе с его ссылками на Вергилия, обращавшегося, как известно, к мелким землевладельцам, ясно свидетельствует об отличии систем земледелия в средних виллах связанных с рынком, от системы земледелия в мелких и крупных, где чистые пары заменяли обильным унавоживанием земли, хотя и изымали значительный процент (от 1/2 до 1/3) посевной площади под пар. Таким образом, обращение собственников рабовладельческих вилл к чередованию культур было неизбежным.

Еще со времени Катона было подмечено положительное влияние предварительных посевов кормовых растений, репы и брюквы на зерновые. В I в. н. э. это явление уже хорошо известно и применяется сознательно. Вот, например, что пишет Колумелла о репе: «Репа и брюква требуют, чтобы почва была обработана частыми повторными вспашками и насыщена большим количеством навоза. Ведь это важно не только потому, что они приносят сами по себе хороший урожай, но и потому, что после их посевов таким образом обработанная почва дает обильные зерновые» (Col. II. 10. 24). Репа и брюква ко времени Колумеллы хорошо известные предшественники зерновых и широко применялись в хозяйствах. В литературе уже обращалось внимание на возрастающее значение этих растений в I в. н. э., на появление новых сортов, на освоение самых разных посевов от марта до октября. Очень вероятно, что увеличение роли репы и брюквы в системе полевых культур связано с широким внедрением их в качестве обычных предшественников зерновых. Наличие разных сортов репы яровых и озимых позволяло хорошо чередовать их посадки с соответствующими посевами яровыми или озимыми зерновых, не оставляя землю под паром в самых различных климатических условиях от Северной Италии до Сицилии.

Как сообщает Плиний, особенно велики были посевы репы в Транспаданской области, где она занимала третье место после виноградников и зерновых

<sup>253</sup> Plin. XVIII. 187.

<sup>254</sup> См.: Вербин А. А. и др. Земледелие. М., 1958. С. 305: «Если повторные посевы многих видов культурных растений обуславливают снижение урожая, то тем более затруднительна, а часто и невозможна их бессменная культура. При длительном бессменном посеве одного растения на том же участке иногда наблюдается явление так называемого «утомления почвы» по отношению к данному виду растения. Это явление выражается в том, что урожай данного растения катастрофически падают, несмотря даже на внесение удобрений. В то же время эта почва может обеспечить высокие урожаи других культур».



(Plin. XVIII. 127). Эта область Италии самая суровая по климату, здесь холодные зимы с заморозками, неблагоприятные для озимых посевов зерновых. В связи с этим преобладают яровые, так называемые трехмесячные сорта. Естественно думать, что озимые посевы репы, которая не боится холодов, были естественными и желанными предшественниками, а их чередование было регулярным. Очевидно, тесная связь посевов яровых хлебов и репы обеспечила большое значение ее как в системе североиталийского земледелия, так и в питании населения.

В полуостровной части Италии роль репы и брюквы в севооборотах была меньшей. Здесь основными посевами были озимые зерновые, которые продолжались ряд лет, а посадки репы лишь раз в несколько лет могли их прерывать. Правда, вполне возможно, производились посадки весенних сортов репы в промежутках между двумя озимыми посадками зерновых, но из-за длительного вегетационного периода эти яровые сорта, видимо, не отличались высокими пищевыми свойствами и шли, главным образом, на корм скоту. К тому же в распоряжении земледельцев имелись более скороспелые яровые сорта зерновых, например просо, могар, ячмень, которые могли на равных конкурировать с репой и брюквой. Вот, например, как выглядит один из кампанских севооборотов с репой. «На нежной земле можно, сняв ячмень, сеять просо, убрав его — репу, и сняв ее, опять ячмень или пшеницу, как в Кампании» (Plin. XVIII. 191). В этом севообороте озимые посевы репы прерывают культуру зерновых не регулярно, а раз в несколько лет.

Предшественниками зерновых, кроме репы и брюквы, были бобы и вообще бобовые. Как это было известно еще Катону, бобы удобряли почву<sup>255</sup>. Колумелла уточнил это древнее наблюдение и говорил не об удобрении земли их посевом, а о том, что бобы меньше, чем другие растения, истощали силу земли (Col. II. 10. 7). Поскольку бобы удобряли почву, то, по логике вещей, их можно было бы сеять на тощих и неплодородных участках, что и делали в ряде хозяйств (Var. I. 23. 2; Col. II. 10. 8). Однако Колумелла дает другие советы. Он рекомендует отводить под них либо плодородную, либо унавоженную или же отдохнувшую под паром землю (Col. II. 10. 5), или свежий целинный участок (Ibid. II. 10. 6). Если же высевают на ежегодно засеваемом поле, то после сбора урожая на 1 юг. вывозится максимальная доза удобрения в 24 воза (Ibid. II. 10. 6).

Вывоз такого большого количества удобрений на бобовое поле был бы абсурдным, если бы предполагались бессменные посевы бобов. Напротив, и выбор почвы и обильное унавоживание станет понятным, если допустить, что после бобов поле будет засеяно ценными зерновыми или техническими культурами, например, льном или иными, истощающими почву. Бобы и бобовые считались в большинстве хозяйств естественными предшественниками зерновых (Col. II. 10. 7).

При окультуривании целинного участка предварительный бобовый посев предшествует зерновым<sup>256</sup>. Из всех зерновых бобы, вика и другие бобовые, видимо, предшествовали, прежде всего, пшенице. Пшеница была самой ценной культурой, к тому же сильно истощающей почву. Колумелла подтверждает этот вывод. Вот что он пишет: «При допущенном нами расчете одной упряжке волов можно будет засеять 125 модиев пшеницы (triticum), столько же бобовых (т.е. 125 модиев — *В. К.*),

<sup>255</sup> Col. II. 10. 7. Однако сам Колумелла не прибегал к чистым парам. Следовательно, бобовый посев был и для него, судя по всему, наилучшим предшественником зерновых.

<sup>256</sup> Col. II. 2. 8. Любопытно заметить, что и в этом случае целинный участок унавоживали, а потом засевали бобами (или люпином), затем уже и зерновыми. Предварительное унавоживание и бобовый посев делали участок особо пригодным для зерновых.

так, чтобы озимый посев составлял 250 модиев и после этого вполне возможно посеять 75 модиев яровых»<sup>257</sup>. Здесь бросается в глаза любопытное соответствие между посевами пшеницы и бобовых, они в точности совпадают; 125 модиев тех и других<sup>258</sup>. Очень вероятно, что эти равные участки чередовались в известной последовательности через 1, 2 или 3 года<sup>259</sup>. Во всяком случае, посевы бобовых совершенно определенно предшествуют пшенице.

Бобы и бобовые, упомянутые во всех выше разобранных случаях, это именно культуры-предшественники, но отнюдь не зеленое удобрение: собирают их плоды и семена, убирают зеленую массу (Col. II. 10. 5–9), но нет и речи о запахивании их в почву. Да это и понятно. Вряд ли было экономически целесообразным на жирнейшей и обильно унавоженной земле бобы пускать на зеленое удобрение, а не собирать их широко употребляемые плоды. С другой стороны, пускать столь прекрасно подготовленные почвы под менее ценные зерновые, как полба или ячмень, было бы расточительством. По нашему мнению, везде, где Колумелла и Плиний ведут речь о жирных, унавоженных почвах и о посевах на них бобовых, предшествующих зерновым, под зерновыми подразумевается, главным образом, пшеница (Col. II. 2. 8; II. 10. 5–7; II. 17. 3–4; XI. 2. 41; Plin. XVIII. 187. 191). Видимо, посевы полбы и ячменя практиковали реже, хотя они, конечно, имели место, например, ячмень (Col. II. 9. 12–13; Plin. XVIII. 164). Озимым посевам полбы в некоторых случаях предшествовали так называемые весенние бобы (*vernā fabam*, Plin. XVIII. 191), т.е. бобы, у которых мало зеленой массы и стручков и которые низко ценились (Col. II. 10. 9), и, скорее всего, поэтому запахивались в качестве зеленого удобрения.

Репа, брюква, бобы и другие бобовые не ограничивали список культур предшественников в древних севооборотах. Хорошо освоенными и довольно употребительными для этих целей растениями были просо и могар. Эти яровые с поздним посевом — скороспелые культуры естественным образом заполняли неизбежный перерыв между двумя озимыми посевами, позволяя более эффективно использовать высокое плодородие почвы.

## Севооборот и его применение в Риме во II в. до н. э.\*

Под севооборотом современная агрономия понимает определенное чередование культур во времени и на территории, обеспечивающее повышение плодородия почвы и рост урожайности возделываемых растений. Благодаря севообороту естественное плодородие почвы не только используется самым эффективным образом всеми растениями, участвующими в чередовании, но при условии правильной агротехники и соответствующих удобрений даже повышается. Как показывает химический ана-

<sup>257</sup> Col. II. 12. 7.

<sup>258</sup> Правда, такие точные совпадения не всегда имели место. Например, в Col. XI. 2. 41 участок под зерновыми засевался 150 модиями, а под бобовыми 100 (1 модий — 8,7 литра).

<sup>259</sup> Судя по Плинию (XVIII. 191), на чрезмерно жирной почве (*nimis pinguis*) после двух подряд посевов хлеба, т.е. пшеницы, на третий год сеют бобовые, т.е. бобы сменяют зерновые раз в три года, на более слабых почвах чередование, вероятно, было чаще.

\* Первая публикация: в сб. История и культура античного мира. М., 1977. С. 91–95.

лиз сухого вещества растений, зольные элементы и азот, усваиваемые растением непосредственно из почвы, составляют не более 1–2% веса растения. Остальная же масса образуется из элементов воздушной пищи и воды, которые поступают к растению непрерывно. В почве содержатся практически безграничные запасы почти всех минеральных элементов пищи растений, но каждое растение нуждается лишь в определенном комплексе этих элементов. Если одно и то же растение сеять в течение некоторого времени на одном и том же участке, то оно вскоре истощит именно эти элементы, содержащиеся в почве, в то время как множество других элементов, необходимых для других растений, будет бесцельно пропадать, вовлекаться в стихийный геологический кругооборот, надолго выключаясь из биологического кругооборота: естественное плодородие почвы резко упадет. При рациональном и дозированном удобрении, обеспечивающем возвращение усвоенных элементов пищи, естественное плодородие почвы увеличивается, так как некоторые растения служат сами по себе удобрением для других, оставляя после себя полезные органические остатки, накапливают в почве азот, перерабатывая мертвые минеральные вещества в доступную для усвоения растений форму, т.е. из стихийного геологического кругооборота вовлекают их в биологический.

Чередование культур во времени означает смену одних растений другими на данном поле. Чередование же культур на территории означает, что каждая культура проходит через все поля севооборота в течение определенного периода, называемого ротацией. Как правило, продолжительность ротации равна числу полей в севообороте, например 4 года при четырехпольном, 5 лет при пятипольном и т.д.

Севообороты обеспечивают не только высокую урожайность и повышение почвенного плодородия, но и позволяют рационально использовать все земельные угодья, включая неплодородные земли, малопродуктивные площади лугов, пастбищ, залежей, кустарников и заболоченных участков.

Севообороты характеризуются сочетанием нескольких типичных признаков: характером основных восстановителей почвы (например, пары, травы, зеленое удобрение), составом культур в севообороте (например, полевые, кормовые, овощные и т.д.), специализацией по ведущим культурам (например, зерновые, льняные, конопляные) и числом полей (4-польные, 5-польные, вплоть до 12-польных севооборотов).

Понимание севооборотов и их применение является показателем высокого уровня агротехнической науки и сельскохозяйственной техники.

Сейчас большая часть специалистов по римскому земледелию считает, что примитивные севообороты были известны римлянам и применялись ими в I в. н. э. (время жизни Колумеллы и Плиния)<sup>260</sup>. Вопрос о том, были ли известны севообороты или хотя бы их элементы передовым хозяйствам времени Катона или Варрона, остается открытым, хотя К. Уайт и склонен решать его положительно<sup>261</sup>.

Попытаемся присмотреться к «Земледелию» Катона. Катону известно, что некоторые растения истощают почву, а другие ее удобряют. К первым он относит: нут, ячмень, греческое сено, виковую чечевицу и другие, которые обозначены неопределенно: «все растения, которые выдергивают» (Cat. 37. 1). Удобряют же ниву лупин, бобы и вика. Следует думать, что указанное наблюдение вело к тому, что бессеменные посевы растений, сильно истощавших землю, не производились, за исключени-

<sup>260</sup> Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 59; Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958. P. 197; White K. Roman farming. New York, 1970. P. 121–123; Античная цивилизация. М., 1973. С. 162.

<sup>261</sup> White K. Указ. соч. С. 112.

ем может быть ячменя. После этих растений поля засеивались другими, в частности теми, которые удобряют почву.

«Вот что следует соблюдать, — пишет Катон в другом месте, — при засаживании отдельных мест в имении. Где хорошее жирное поле без деревьев, то следует ему быть хлебным полем. Это же самое поле, если над ним стоят испарения, следует преимущественно засаживать репой и брюквой и засеивать просом и могаром» (Cat. 6. 1). Репа и брюква высаживались осенью, а просо и могар весной (в апреле), причем все эти растения считались неприхотливыми и могли высеваться на неплодородных землях. В данном же случае под те и другие шло хорошее жирное поле, которое обычно отводилось под хлебную ниву. В ряде случаев почву под посевы репы хорошо унавоживали (Cat. 35. 2). Таким образом, просо, могар, репа и брюква сеялись на почвах, не характерных как раз для них, но вполне подходящих для злаковых культур: пшеницы и полбы. Данное место предполагает, скорее всего, следующий порядок посевов на землях такого рода: посевы пшеницы или полбы, очевидно многолетние, сменялись осенними посадками репы или брюквы, которые весной уступали место просу и могоару. Удобренное после этих культур поле опять засеивалось более ценными зерновыми. Подобный севооборот является привычным для Кампании I в. н. э., как об этом прямо говорит Плиний (XVIII. 191)<sup>262</sup>. Причем в разбираемом месте Катон имеет в виду также Кампанию, вернее ту ее часть, которая славилась плодородной нежной землей, так называемой *pulla*<sup>263</sup>. Следует обратить внимание на хороший подбор предшественников при этом севообороте. Действительно, репа и брюква — лучшие предшественники не только для непосредственно следующих за ними проса и могоара, но и для последующих зерновых. Столь удачный подбор культур-предшественников, видимо, был не случайной комбинацией растений только по срокам посева, но отражал понимание, скорее всего смутное, о положительном влиянии разных растений друг на друга и на почву<sup>264</sup>.

Катон (35. 2) вообще рекомендует сажать репу и редьку на хорошо унавоженном или жирном поле. Вряд ли речь идет здесь только об их бессменных посевах. Отводить под эти неприхотливые культуры, хорошо идущие на тощих землях, наилучшие участки вряд ли было целесообразно. В то же время все становится на свои места, если истолковать совет Катона в том смысле, что репа и брюква в данном случае рассматриваются в качестве предшественников зерновых и прерывают их многолетние посевы. Контекст отрывка подтверждает это толкование, так как в данном месте речь идет как раз о посевах зерновых: ячменя и пшеницы и притом на плодородных почвах, т.е. пригодных прежде всего для злаковых.

О чередовании культур прямо говорится также в главе 27: «Сей корма волам: кормовую смесь, вику, греческое сено, бобы, виковую чечевицу. Сей корма и во вто-

<sup>262</sup> Страбон (V. 4. 3), правда, приводит несколько иной севооборот для этих мест, а именно: два раза полба, просо, а в некоторых местах еще и огородные растения. О репе и брюкве ничего не говорится. Видимо, это был один из местных севооборотов.

<sup>263</sup> Об этом говорит термин *nebulas*: кампанская *pulla* испускала *nebulas*. См.: Verg. Georg. II. 217, а также: Plin. N.H. XVII. 25.

<sup>264</sup> Представление о севообороте было очень смутным. Высеивая именно эти культуры, больше руководствовались тем, что они позволяли наилучшим образом использовать исключительное плодородие кампанской почвы и хорошо подходили по срокам. В октябре сажали репу и собирали ее в марте, в апреле высаживали просо и убирали его в июле, а в октябре землю засеивали зерновыми. В некоторых местах, видимо, отрезок времени в августе-сентябре использовали для посадок огородных растений. См.: Strab. V. 4. 3.

рой и в третий раз. Затем сей другие злаки»<sup>265</sup>. О предварительных посевах кормовых на хлебной ниве речь идет также в 29-й главе<sup>266</sup>. При этих посевах кормовые растения выступали не в роли зеленого удобрения (среди них были, например, греческое сено, виковая чечевица, которые не удобряли, а истощали землю), а считались определенно предшественниками зерновых.

В катоновском поместье имели дело с культурами, среди которых главными были: полба, пшеница, ячмень, бобы и репа (Cat. 134. 1). Из них репа и, очевидно, бобы использовались как предшественники зерновых. Нет ничего невероятного и в том, что полба, пшеница и ячмень высевались не одновременно на разных полях, а могли чередоваться на одном и том же поле. Некоторое основание к такому заключению дает Катон в другом месте (35. 2). Здесь Катон рекомендует сеять яровую пшеницу там, где своевременный озимый посев не был сделан, т.е. после ярового посева пшеницы так называемого трехмесячного сорта приступали к озимому севу (и это могли быть посевы полбы или ячменя). Катон говорит о полях, которые из-за высокого естественного плодородия могут, не отдыхая, засеиваться зерном (*qui locus restibilis crassitudine fieri poterit* — 35. 2). Вместе с тем Катон знает, что ряд растений истощает почву, в том числе и ячмень, что его бессменные посевы могут привести к истощению земли. Это заставляло хозяев или прерывать бессменные посевы, или вводить регулярное чередование культур, т.е. севообороты.

При анализе катоновского «Земледелия» бросается в глаза, что автор нигде не упоминает о парах, или, вернее, о чистых парах. Нет никакого сомнения в том, что отдых земли под паром был издавна известен италийским земледельцам. То же самое место (Cat. 35. 2) позволяет думать, что пар хорошо знаком и Катону, тем не менее чистые пары в его трактате прямо не называются. Мало того, если взглянуть в характер хозяйства идеального имения (Cat. 1. 7), пригородной виллы (Cat. 8. 2), маслинника (Cat. 10) или виноградника (Cat. 11), то можно заметить, что в них нет места чистым парам. Все участки имения, даже самые неплодородные, засажены той или иной культурой. Например, в идеальном поместье в 100 юг (25 га) предусмотрены шпалерный виноградник, огород, ивняк, масличный сад, луг, хлебная нива, роща, виноградный сад. Здесь просто нет места для чистого пара. Земли настолько мало, что начинают широко использовать сочетание ранних культур, т.е. на участке, занятом одной культурой, засеивают в промежутках другую<sup>267</sup>. Самый распространенный вариант — это комбинация масличного сада с хлебной нивой, а также плодового сада, виноградных лоз, вьющихся по деревьям, и зернового поля.

Хотя Катон не упоминает о чистых парах, однако вряд ли он мог обойтись в своем хозяйстве без паров вообще. Ряд упоминаний о посевах кормовых на хлебной ниве говорит о том, что они часто играли роль так называемого занятого

<sup>265</sup> Cat. 27: *sementim facito, ocinum, viciam, foenum graecum, fabam ervum, pabulum sationem facito Deinde alias fruges serito*. М. Е. Сергеевко (в кн.: Катон. Земледелие. М.—Л., 1950. С. 160) понимает это место иначе: как посевы разных кормовых растений в течение одного года, например первый посев весной, второй позже, третий осенью. Толкование вполне возможное. Но оно имеет и уязвимые места. Если следовать ему, нужно признать, что кормовая смесь, вика, греческое сено, бобы, виковая чечевица высевались в первый срок, т.е. весной. Однако большинство названных здесь растений высевались осенью.

<sup>266</sup> Cat. 29. Итак, один год сеяли корма, а на следующий, очевидно, зерновые. Катон (137) говорит также о хлебном поле и множестве кормов, которые, видимо, на нем сеялись.

<sup>267</sup> О переходе к комбинированным культурам см.: Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 9–10. Особенно хорошо — White K. Указ. соч. С. 123–124.

пара<sup>268</sup>, позволявшего более продуктивно использовать отдыхающую под паром землю. В ряде передовых хозяйств, располагающих плодородными землями, хозяева совсем отказались от паров как чистых, так и занятых, например, в Кампании и, возможно, в других местах<sup>269</sup>. Уничтожение чистых паров, а в ряде случаев и занятых, освоение комбинированных культур означало переход к интенсивной обработке земли, к повышенному расходу источников почвенного плодородия. Эти явления вызывались стремлением рабовладельцев, собственников средних по размерам поместий, установивших более или менее тесные связи с рынком, получить наибольший доход. В этих условиях возрастала заинтересованность в восстановлении источников почвенного плодородия: лучше унавоживании полей, экспериментах по чередованию различных культур, поисках наилучших предшественников растений. В практике Катона уделено много внимания удобрению, но унавоживание не могло решить полностью проблему восстановления почвенного плодородия. Тогда-то обратили внимание на полезность чередования разных культур и отобрали в качестве предшественников зерновых корма, репу, брюкву, просо и могар.

Однако многое было неясным, еще не было достигнуто понимание необходимости регулярного чередования культур, их смены во времени и в пространстве. В основе примитивного чередования лежала архаическая система земледелия — двухпольная, которая часто дополнялась занятым паром или системой комбинированных культур. Вот почему освоенные и каким-то образом понятые элементы севооборотов могли быть реализованы лишь на немногих землях, а именно — на очень плодородных почвах типа кампанской мягкой почвы; они были подчинены основной задаче: повышению урожайности зерновых культур, для этих целей подбирались предшественники, удобрялись поля и проводились другие профилактические мероприятия.

Но начало было положено, и на основе катоновских идей итальянские агрономы более позднего времени, особенно I в. н. э., разработают более насыщенные севообороты и достигнут более отчетливого понимания этого сложного агрономического явления, о чем нам сообщают Страбон (V. 4. 3), Колумелла (II. 2, 8, 9, 3, 10, 7, 17, 4 и др.) и Плиний Старший (XVII. 191; XVIII. 259).

## О системах земледелия в Италии I в. до н. э. — I в. н. э.\*

Исследование сельского хозяйства Италии I в. до н. э. — I в. н. э. выявляет многообразие различных типов его организации: крестьянский двор, типичная товарная рабовладельческая вилла средних размеров, связанная с рынком, отдаленное хозяйство, пригородное поместье и латифундия (централизованная — с преимущественным использованием рабского труда и децентрализованная — с широким приме-

<sup>268</sup> Все хлебное поле скорее всего делилось на два участка: один засевался кормами, другой — зерновыми. На следующий год корма и зерновые менялись местами. При этих условиях участок, засаженный кормами, являлся занятым паром.

<sup>269</sup> В частности в Этрурии и Апулии, где были очень плодородные почвы. Варрон, например, говорит о щедрых, не знающих отдыха нивах (*segetes fructuosas ac restibilis* — 1, 9, 6).

\* Первая публикация: в сб. Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 220–234.

нием труда колонов). Каждый из них предполагает определенные хозяйственные принципы, неодинаковую рентабельность и организацию<sup>270</sup>. Это различие распространяется также и на уровень технической оснащенности, агротехники и функционирования рабочей силы. Естественно, возникает вопрос, не распространяется ли это различие и на системы земледелия, а если распространяется, то до какой степени и какие в таком случае сложились системы земледелия в перечисленных типовых хозяйствах<sup>271</sup>.

Каждая система земледелия выступает как определенная совокупность агротехнических мероприятий, включающих подбор тех или иных севооборотов, определенные приемы восстановления почвенного плодородия, набор сельскохозяйственных орудий, использование агрономических достижений, состояние животноводства.

Проблема систем земледелия является одной из центральных при изучении любой страны, так как господствующая система земледелия аккумулирует в себе агротехнические достижения своего времени, создает условия для расширенного воспроизводства сельскохозяйственной продукции и сырья для многих ремесленных отраслей. Та или иная система земледелия складывается на основе определенного уровня агротехники, требований общества к количеству сельскохозяйственной продукции и учета природно-экономических условий, зависит также от уровня животноводства и степени его обеспеченности кормовой базой.

Прежде всего, представляет особый интерес определение системы земледелия в господствующем типе поместий, которыми в I в. до н. э. — I в. н. э. в Италии были товарные рабовладельческие виллы с интенсивным хозяйством. Важнейшими экономическими принципами указанных хозяйств были: товарная направленность ведущей отрасли, рациональная организация рабочей силы, передовая агротехника, высокая производительность труда и степень эксплуатации, наибольшая рентабельность.

В свое время мы специально исследовали проблемы севооборота у римлян и приемы восстановления почвенного плодородия в указанное время<sup>272</sup>. Был сделан вывод, что в I в. до н. э. — I в. н. э. итальянские рабовладельцы располагали довольно сложной системой удобрений, которая включала практически все его виды, за исключением минеральных. Был разработан, хотя без глубокой теоретической основы, ряд севооборотов, позволяющих максимально использовать земельный участок, отказаться от чистых паров и получать тем самым значительное количество сельскохозяйственной продукции. И еще одно немаловажное условие передовых хозяйств того времени — высокий уровень животноводства (включая птицеводство), что требовало создания надежной кормовой базы и вместе с тем позволяло получать основное удобрение.

Иначе говоря, в рационально организованных поместьях с интенсивным хозяйством логика сельскохозяйственного производства вела к созданию такой системы

<sup>270</sup> Подробнее см.: Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.

<sup>271</sup> Вопрос о системах земледелия мало привлекал внимание ученых. См., например: Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М., 1958, а также фундаментальное исследование: White K. D. Roman Farming. L., 1970; Billard R. L'agriculture dans l'Antiquité. P., 1928.

<sup>272</sup> Кузицин В. И. Теория почвенного плодородия в римской агрономии I в. до н. э. — I в. н. э. // Культура античного мира. М., 1966; Он же. Восстановление почвенного плодородия у римлян (применение удобрений в сельском хозяйстве в Италии II в. до н. э. — I в. н. э.) // Древний Восток и античный мир. М., 1972; Он же. Из истории римской агрономии // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1977.

земледелия, которая предполагала максимальное использование земельной площади, отказ от парового клина, комбинирование и уплотнение культур и вместе с тем обильное унавоживание и применение правильных севооборотов, что обеспечивало известное восстановление почвенного плодородия. Такая интенсивная система земледелия имела многие признаки так называемой плодопеременной системы или плодосмена. Приведем агрономическое определение плодосмена. «Плодосмен состоит из следующих составных частей: 1) посев многолетних бобовых, трав и корнеплодов, 2) замена чистого пара посевом корнеплодов, 3) накопление в каждом хозяйстве и внесение на поля навоза в большом количестве и хорошего качества. Таким образом, при плодосмене вся пахотная земля хозяйства засеивалась культурными растениями, чистый пар заменялся посевом корнеплодов, устранялся посев культур по зерновым даже два года подряд, естественный перелог заменялся посевом клевера, животные получали полноценные зеленые и сочные корма»<sup>273</sup>.

Многие из перечисленных признаков плодопеременной системы земледелия были характерны для многих хозяйств Италии I в. н. э., хотя и с небольшими отклонениями. У древних земледельцев был ограничен набор корнеплодов (главным образом репа и меньше — брюква), им неизвестен был картофель; свекла еще не стала полевой культурой. Очень мало использовался и клевер, в современных условиях обычный компонент в севообороте, но в то время широко применялись посевы бобов, вики, люпина, фасоли и «индийской травы» — люцерны<sup>274</sup>.

Плодосмен в поместьях Италии появился не сразу и раньше всего, видимо, в Кампании. Плотные кампанские севообороты использовали высокое естественное плодородие прекрасных почв. Поскольку Катон уже знает об этих севооборотах, очевидно, они были известны еще в III в. до н. э. и, вероятно, были разработаны еще кампанскими греками<sup>275</sup>. Катон рекомендует отказаться от чистых паров, внедрять посевы кормовых трав и бобовых, что предполагает интенсификацию традиционной системы земледелия. Однако рекомендуемая им система была еще далека от плодосмена и обнаруживала свою генетическую преемственность от примитивного двухполья<sup>276</sup>.

Распространение и укрепление рабовладельческих вилл, связанных с рынком, общее увеличение городского населения Италии и расширение спроса на сельскохозяйственные продукты во II–I вв. до н. э. привели к распространению интенсивной системы во многих областях Италии. Этому способствовало развитие скотоводства, превращение его из примитивного занятия в рационально организованную отрасль и необходимость обеспечения скота кормовой базой. В I в. до н. э. наблюдается повсеместное развитие луговодства. По свидетельствам Варрона, появляются имения, где есть луга, но нет скота (I. 21)<sup>277</sup>. Как и при Катоне, предварительные посевы кормовых бобовых перед зерновыми — обычное явление (Varr. I. 31. 5). Среди трав появ-

<sup>273</sup> *Вербин А. А.* и др. Земледелие. М., 1958. С. 365.

<sup>274</sup> Бобы, вика, фасоль не многолетние, а однолетние растения. В севооборотах I в. н. э. они высевались и на зеленый корм, и на семена, причем в зависимости от назначения почв и климата соответственно менялись сроки посева (Col. XI. 2). Но люпин и особенно люцерна — это многолетние травы, и они играли роль клевера в современных севооборотах.

<sup>275</sup> *White K. D.* Op. cit. P. 113–114.

<sup>276</sup> Катон советует вывозить половину навоза на ниву, на которой сеются корма, то есть вся нива делилась на две части: одна засеивалась кормами, другая — зерновыми; на следующий год поля чередовались (Cat. 29).

<sup>277</sup> В этом случае рекомендуется сдать луг в аренду. Скорее всего, луга в данном случае лишь необходимая часть в севообороте (Varr. I. 21).



ляется новый сорт — мидийка-люцерна<sup>278</sup>. Известные слова Варрона о превращении нив в луга<sup>279</sup>, очевидно, отражают не только зарождение особой отрасли луговодства, но и внедрение трав как парозаменяющей культуры при севооборотах. Его совет о чередовании истощающих почву и легких культур предполагает посев бобовых растений, срезаемых и на корм и на семена (I. 44. 2). По нашему мнению, сообщения Варрона (I. 9. 6; 31. 5; 44. 2) о земле, которая засеивается ежегодно (*restibilis*) и вместе с тем его советы через год отводить поле под более легкий посев предполагает введение элементов плодосмена на *restibilis*. Слова о «щедрых, не знающих отдыха нивах» Этрурии (I. 9. 6) предполагают чередование зерновых и бобовых. Высокие урожаи зерновых Этрурии, в полтора раза превышающие урожаи других областей Италии (I. 44. 2), были невозможны при бесменной культуре, скорее всего, они были результатом применения всех достижений тогдашней агротехники, включая унавоживание и чередование растений. Насыщение севооборотов травами и кормовыми бобовыми было, видимо, обычным для хозяйства с относительным обилием скота, если размеры имения не позволяли иметь обширные естественные пастбища. В I в. н. э. в Италии наблюдаются дальнейшее развитие интенсивной системы земледелия и создание из разных элементов системы плодосмена. Этому способствовал ряд факторов: тщательно разработанная к указанному времени система удобрений<sup>280</sup>, понимание значения чередования культур, правильные севообороты. Среди полевых культур возросло значение репы-брюквы, бобов и бобовых, собираемых на семена<sup>281</sup>, велик был удельный вес разных трав. Видимо, плодотворная система стала обычной системой земледелия в большинстве товарных рабовладельческих вилл, лучший образец которых представлен поместьем Колумеллы. В руках итальянских рабовладельцев I в. н. э. оказалось достаточно удобрений, агрономических знаний и опыта, чтобы эффективно применять эту интенсивную систему, позволяющую максимально использовать плодородие почвы<sup>282</sup>. Улучшению плодосменных севооборотов способствовали широкое внедрение люцерны и клевера и освоение особых и правильно построенных луговых севооборотов<sup>283</sup>.

Колумелла и Плиний сообщают о луговых севооборотах, которые мало отличаются от современных. Луга удобряли навозом, выродившиеся луга умели исправлять. По мнению Колумеллы, луг должен был быть в каждом интенсивном имении (II. 16–17)<sup>284</sup>. Причем было хорошо известно, что почва, некоторое время занятая луговыми травами, набирается сил и необычайно пригодна для зерновых (II. 1. 4). «Если устраивать новые луга или возобновлять старые (существует множество лугов, которые выродились из-за небрежности и стали бесплодными), будет полезным иногда распахивать их под зерновые, так как такое поле после долгого бездействия

278 Кузицин В. И. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966. С. 162–164.

279 Varr. II. Praef. 4.

280 Сергеев М. Е. Удобрение хлебных полей в Древней Италии // Труды Института истории науки и техники АН СССР. 1935. Серия I. Вып. 4; Кузицин В. И. Восстановление почвенного плодородия у римлян... С. 191–208.

281 Кузицин В. И. Очерки... С. 134–161.

282 Макаров Г. Происхождение и развитие земледелия. М.—Л., 1930. С. 41–43. Ср.: White K. D. Op. cit. P. 112–123.

283 ПВ I в. н. э. приобрел важное значение в луговых севооборотах и клевер. Мало того, для Катона (Plin. XVIII. 34) и Колумеллы (II. 2. 10) клевер — лучший показатель пригодности почвы для зерновых.

284 White K. D. Op. cit. P. 208–211.

приносит большой урожай» (II. 17. 3). Итальянские агрономы I в. н. э. практически использовали это наблюдение, совмещая на одних участках севообороты, насыщенные бобовыми, репой, брюквой, просом и могоаром с другими, где основную роль играли травы, и меняли их местами. В цензовой формуле, выработанной во времена Августа и сохраненной Ульпианом (Dig. L. 15. 4), имеется требование, чтобы в цензе была указана «пашня, которая засеивалась в ближайшие десять лет» (et id arvom quod in decem annos proximos satum erit). Во II книге Колумеллы говорится об урожаях люцерны в течение 10 лет, после которых, видимо, ее посевы приходится возобновлять (II. 10. 25). Скорее всего, десятилетний срок, указанный здесь, не случайная цифра, а, возможно, период, в течение которого проходило чередование пашни и луга.

Поскольку в большинстве имений пашня и луг — обязательные угодья, разумное сочетание полевых и луговых севооборотов и их чередование обеспечивали, с одной стороны, получение большого количества сельскохозяйственной продукции, с другой — поддержание почвенного плодородия. По сведениям Колумеллы, многие хозяева даже отдавали предпочтение луговодству, считая его более выгодным (III. 3. 1). Следует думать, что луговодство и насыщенная травами система земледелия имели особое распространение в хозяйствах с хорошо поставленным животноводством. В то же время в имениях с преобладанием хлебопашества более популярен мог быть другой вариант плодосменной системы. Несколько больший крен в сторону травосеяния позволял сократить издержки и на удобрение, и на рабочую силу, и вместе с тем принести высокий доход, хотя и в тех и в других хозяйствах могло иметь место сочетание нескольких вариантов.

Говоря о плодопеременной системе как преобладающей во многих рабовладельческих хозяйствах в Италии I в. н. э., следует отметить некоторые границы ее распространения в данный исторический период. Плодосмен предполагает, как мы видели выше, довольно большой набор вспомогательных культур корнеплодов, бобовых и т.п., разных трав для установления правильного чередования культур и обильного унавоживания. Итальянское земледелие в I в. н. э., однако, располагало довольно ограниченным набором таких культур и трав. Те высокие нормы удобрения полей, которые поражают даже современного специалиста, требовали бы слишком большого количества удобрений, чтобы его можно было реально получить. Римские агрономы не понимали многих элементарных особенностей почвообразующего процесса, поскольку химии как науки не существовало. Естественно, в подобных условиях повышенные требования к почвенному плодородию не компенсировались восстановлением его источников, а, следовательно, и правильный плодосмен был вряд ли возможен. Скорее всего, для Италии I в. н. э. можно говорить об элементах плодосмена, своего рода приближении к этой очень интенсивной системе земледелия.

Наряду с интенсивным плодосменом в его разных вариантах, применяемых в товарных рабовладельческих виллах, в I в. н. э. широко применялась и паровая система. Активные сторонники интенсивной беспаровой системы Варрон, Колумелла и Плиний отчетливо понимают значение чистых паров для урожайности растений. «Чрезмерно жирная (земля. — В. К.), — писал Плиний, — допускает такое чередование, при котором, сняв хлеба, на третий раз сеют бобовые. Более слабая земля остается под паром и на третий год. Некоторые предписывают сеять хлеба только на той земле, которая в прошлом году отдыхала» (Plin. XVIII. 191). Чистый пар, скорее всего, применялся при посевах ячменя (Col. II. 9. 13), пшеницы (II. 10. 7), нута (II. 10. 20) и льна (II. 10. 17), то есть растений, сильно истощающих землю. Как свидетельствует Плиний, чистый пар был необходим на тощих и, очевидно, средних землях, каких в Италии было много. Приведенный отрывок из Плиния предполагает

трехпольную и двухпольную систему земледелия. При трехпольной системе после двухлетних посевов зерновых поле на третий год отдыхало под паром, а при двухполье посев и пар чередовались каждый год. О применении чистых паров говорит и Колумелла (II. 12. 7–8), возможно, только повторяя Сазерну<sup>285</sup>. По мнению Колумеллы, хлебное поле в 200 юг. может быть обработано двумя упряжками быков, двумя пахарями и шестью разнорабочими. Одна пара быков обеспечивает вспашку участка, засеянного 125 модиями пшеницы (то есть 25 юг.), 125 модиями бобовых (то есть 25 юг.) и 75 модиями яровых хлебов (то есть 15 юг.). Один пахарь с упряжкой теоретически обслуживает 100 юг., но в течение года он поднимает землю под 25 юг. пшеницы + 25 юг. бобовых + 15 юг. яровых, то есть 65 югеров. Остаток в (100–65) = 35 юг. он не обрабатывает, его в расчетах нет. Следовательно, эти 35 юг. не обрабатывались и пускались под пар. 35 юг. составляют как раз 1/3 всей площади, что предполагает трехпольную систему земледелия, где в более или менее правильной последовательности чередуются посевы озимой пшеницы, бобовых и в перерывах между ними яровых хлебов и парового участка. Зерновое поле в 200 юг. для Италии нельзя назвать малым, на этом пространстве было достаточно места, чтобы можно было развернуть довольно громоздкую трехпольную систему земледелия. В имениях же с интенсивным производством в 100–300 юг., где наряду с хлебным полем были и виноградник, и маслинник, и лес и луг, не было места для трехполья, здесь дорожили каждым югером. Таким образом, при укрупнении размеров поместий, увеличении полевого клина появлялись более благоприятные условия для применения трехпольной системы земледелия, чем в небольших и средних рабовладельческих виллах. Плиний говорит об этом определенно: «Вергилий убеждает оставлять нивы через год под паром; если размеры имения это допускают, то, несомненно, это самое лучшее. Если же по условиям хозяйства это невозможно, то полбу следует сеять на том самом месте, с которого сняты люпин, вика, бобы» (XVIII. 187). Трехполье — более экстенсивная система земледелия, чем плодосмен, однако при тогдашнем уровне почвоведения и агрономии в целом оно было довольно эффективным для восстановления почвенного плодородия, поскольку не требовало обильного унавоживания и тем самым снимала тяжелую проблему получения большого количества навоза. Урожай в них были, может быть, несколько ниже, чем при плодосмене, но более стабильными. Вместе с тем изъятие ежегодно 1/3 паровой земли, отведение 1/3 участка под бобовые уменьшало в целом выход товарной продукции этих имений. Скорее всего, эта система применялась в удаленных от торговых путей поместьях с экстенсивным хозяйством, оторванных в силу каких-либо причин от рыночных центров.

Несколько выше приводились выдержки из Плиния (XVIII. 187. 191), где говорилось о применении в условиях Италии и более примитивной двухпольной системы земледелия. Двухполье было господствующим в докатоновские времена, так как более интенсивная система земледелия, предложенная Катонем, хранит тесную близость с двухпольем. В отличие от прежней практики, Катон лишь советовал засеивать паровое поле кормами и, очевидно, менять их местами с зерновыми. Предшествующее рассуждение показало, что в рабовладельческих виллах среднего размера, связанных с рынком, двухполье не применялось; ни Варрон, ни Колумелла, ни Плиний не отдают ему своих симпатий. Тем не менее, эта система продолжала существовать в италийском земледелии I в. до н. э. — I в. н. э. В каких же хозяйствах она применялась? Сторонником двухполья был Вергилий, который, скорее всего, отражал в своей

<sup>285</sup> *Kolendo I. Le traité d'agronomie des Saserna. Warszawa, 1973. P. 21–34.*

поэме опыт владельцев небольших земельных участков — крестьян<sup>286</sup>. Приведем соответствующее место из «Георгик»:

Так же терпи, чтоб год отдыхало поле под паром,  
 Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая:  
 Или златые там сей, как солнце сменится, злаки,  
 Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный.  
 Или же вики плоды невеликие, или лупинов горьких  
 Горькие ломкие стебли и лес их гулко звенящий.  
 Ниву спалает посев льняной, спалает овсяный,  
 Так же спалает и мак, напитанный дремой летейской.  
 А с промежутками в год — труд спорый: лишь бы скупую  
 Почву вдоволь питать навозом жирным, а также  
 Грязную сыпать золу поверх истощенного поля (I. 71–81)<sup>287</sup>.

Плиний следующим образом комментирует это место: «Вергилий убеждает оставлять нивы через год под паром; если размеры имения это допускают, то, несомненно, это самое лучшее. Если же по условиям хозяйства это невозможно, то полбу следует сеять на том самом месте, с которого сняты люпин, бобы, вика» (XVIII. 187). Плиний связывает двухполье с размерами имения. Судя по контексту, это рассуждение следует понимать так, что при больших размерах имения применение этой системы целесообразно, поскольку она обеспечивает восстановление почвенного плодородия без больших затрат, т.е. Плиний, говоря о двухполье, в данном случае имеет в виду не мелкие крестьянские участки, как Вергилий, а более крупные имения, скорее всего латифундии.

На просторах латифундий было трудно применить интенсивную систему земледелия, требующую больших вложений. Весьма показателен в этом отношении пример с Тарием Руфом, рассказанный Плинием (XVIII. 37): «Люций Тарий Руф, из весьма низкого по рождению сословия, дослужившийся путем военных заслуг до консульства, и человек по-старинному бережливый, собрав щедротами боже-ственного Августа около ста миллионов сестерций, довел дело до того, что наследник отказался от наследства: деньги поглотила покупка земель в Пиценской области и на славу производившаяся обработка их». Одиночные попытки наладить интенсивное производство в латифундиях, ввести «наилучшую обработку земли» разбивались о незаинтересованность и пассивность рабов, уследить за которыми на обширных просторах было трудно. Вот почему владельцы латифундий обращались к более дешевым приемам обработки, применяли систему земледелия, не требующую большого числа рабочих рук и денежных средств. В свою очередь, двухполье гарантировало даже без особого уваживания хотя и низкие, но устойчивые урожаи и обеспечивало восстановление почвенного плодородия. Резкая экстенсификация хозяйства — наиболее характерная черта латифундий. Приведем несколько примеров: «Несомненно, что огромное, худо возделанное пространство дает меньше, чем маленький, превосходно обработанный участок» (Col. I 39); «...семь люциниевых югеров ...приносили в старину больше дохода, чем мы получаем сейчас от наших обширнейших нив» (I. 3. 10); «Вельможи, владеющие целыми странами, которые они не могут даже обойти и которые оставляют на вытаптывание стадам

<sup>286</sup> Кузицин В. И. Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. 1973. № 4. Ср.: Сергеев М. Е. «Георгики» Вергилия как трактат по сельскому хозяйству // ВДИ. 1974. № 3.

<sup>287</sup> Вергилий. Сельские поэмы. М.—Л., 1933. С. 67 (перевод С. Шервинского).

и опустошение диким зверям... Недостаточно ведь... одного желания владеть землей, если не сможешь ее обрабатывать» (I. 3. 12); «Фурий Кресим с маленького участка получал урожай обильнее, чем вся округа с громадных участков» (Plin. XVIII. 42). Низкая рентабельность латифундий объяснялась не только ее плохой обработкой, малым применением удобрений, но и тем, что около половины земли при двухпольной системе земледелия забрасывалось под пар и изымалось из оборота. Конечно, в ряде латифундий могло применяться и трехполье и чередование культур, однако многочисленные свидетельства Колумеллы и Плиния о плохом возделывании земли в латифундиях, об упадке полеводства, скорее всего, имеют в виду применение двухпольной системы. Господство двухполья в крестьянских хозяйствах и на обширных пространствах латифундий создавало известные точки соприкосновения между этими на первый взгляд очень далекими друг от друга типами хозяйств, порождало некоторую производственную близость. Применение двухпольной системы земледелия в латифундиях при господстве рабского труда с его сложной и дорогой организацией еще более понижало доходность этих громадных хозяйств. Горячий сторонник централизованного хозяйства с рабами Колумелла, тем не менее, указывал на невыгодность рабского труда как раз для хлебного поля (I. 7. 6), расположенного в пределах среднего по размерам поместья, где можно было наладить наблюдение и принуждение рабов к труду. В пределах же обширной латифундии это сделать было гораздо сложнее, а, следовательно, нецелесообразность обработки хлебных полей трудом рабов становилась очевидной. В этих условиях их владельцы предпочитали, раздробив поместье на множество мелких участков, сдать их в аренду колонам. Как и крестьяне у Вергилия, колонны на арендованных землях воспринимали существующую двухпольную систему земледелия, а в ряде случаев осваивали и трехполье<sup>288</sup>. С агротехнической точки зрения переход от централизованной обработки обширных пространств к мелкому земледелию происходил безболезненно, так как и там и здесь применялись близкие системы земледелия.

Если в небольших и средних поместьях, связанных с рынком, дорожили каждым югером, стремились производительно использовать и ввести в сельскохозяйственный оборот каждую полосу земли, применяя удобрения, чередование культур, передовую агротехнику, то в латифундиях дело обстояло иначе. Земли было очень много, и перед ее владельцем стояла в первую очередь задача использования самых плодородных участков, в то время как менее плодородные и тощие земли могли изыматься из оборота и использоваться под пастбища. Для I в. н. э. характерно распространение пастбищ, тесно связанное с бурным развитием латифундий<sup>289</sup>. Приведенные выше слова Колумеллы о вельможах, которые не могут обработать свои огромные поместья и оставляют их на вытаптывание стадам и опустошение диким зверям, говорят о том, что значительная часть земельных пространств латифундий на долгое время изымалась из сельскохозяйственного оборота и забрасывалась под пастбища или охотничьи загоны. «Многие (курсив мой. — В. К.) боятся и избегают виноградного хозяйства, — жалуется Колумелла, — и считают более желательным иметь луга и пастбища или лес, что идет на сруб» (I. 3. 1). Насколько популярно среди землевладельцев I в. н. э. было устройство охотничьих загонов, говорит то обстоятельство, что даже Колумелла, так дороживший каждым клочком земли, счел возможным рассмотреть с присущей ему доскональностью этот вопрос в первой главе кн. IX. Уве-

<sup>288</sup> Об этом подробнее см.: Кузицин В. И. Крестьянское хозяйство... С. 43–44, 52–53.

<sup>289</sup> Sirago V. L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain, 1958. P. 250, 267–268; Frank T. An Economic History of Rome. L., 1927. P. 431–439.

личение пастбищ, охотничьих загонов, кустарниковых посадок, естественно, сокращало количество пригодной к культурной обработке земли во многих латифундиях. Эта часть практически изымалась из сельскохозяйственного оборота и оставлялась под залежь. Через ряд лет на этих площадях вновь возвращались к посевам тех или иных культур. Иначе говоря, на значительных площадях многих латифундий, которые стремительно увеличивались в числе как раз в I в. н. э. практиковали залежную систему земледелия, которая дополняла двухполье на более плодородных и регулярно культивируемых участках крупных поместий. И та и другая системы представляли большой шаг назад в итальянском земледелии, означали отказ от высоких достижений римской агрономии, свидетельствовали о нарастании кризисной ситуации в сельском хозяйстве. Распространение двухполья и залежной системы указывало на начинающийся процесс перестройки в сельском хозяйстве Италии, в частности, на увеличение удельного веса хлебопашества и пастбищного скотоводства в их примитивном варианте, на сокращение интенсивных культур, требующих большего труда и средств (включая обильное удобрение)<sup>290</sup>.

Таким образом, если товарная вилла предполагала интенсификацию производства, введение плодопеременной системы земледелия, предъявлявшей повышенные требования к почвенному плодородию, которое было очень трудно восстановить в силу исторических условий (недостаток удобрений, ограниченный набор культур в севооборотах, младенческое состояние почвоведения, примитивный в целом характер орудий труда, особенности рабского труда), то в рабовладельческой централизованной латифундии наблюдается резкая экстенсификация производства, распространение элементарных систем земледелия — двухполья и залежи, возвращение сельского хозяйства Италии к примитивному уровню. Ни товарные виллы, ни централизованные латифундии поэтому не могли решить проблему реального выхода из тяжелой кризисной ситуации. Такой выход, как показало последующее развитие итальянского сельского хозяйства, намечался в переходе к мелкому производству крестьянского типа, в котором, как правило, применялась трехпольная в комбинации с двухпольем система земледелия с использованием труда земледельца и членов его семьи. В мелком крестьянском хозяйстве не могли применять плодосмен, не располагали такой разработанной системой удобрений, не освоили довольно сложных севооборотов, но в хозяйстве мелкого земледельца достигалось восстановление источников почвенного плодородия через трех- и двухпольную систему земледелия, с другой стороны, отказались от примитивной залежной системы. Итальянский мелкий земледelec, а им все больше и больше становился не столько свободный собственник, сколько зависимый колон, не получал столь высоких урожаев, как в товарных виллах, но его урожаи были стабильны в течение долгого времени, его участок возделывался самим владельцем, посредством чистых паров обеспечивалось восстановление источников почвенного плодородия, к которому, кстати, и не предъявлялось таких повышенных требований, как в рабовладельческих виллах.

Мелкое производство в земледелии выводило сельское хозяйство из того тупика, куда его завел рабовладельческий способ производства, который в конечном итоге подрывал основы общественного производства: землю и рабочего<sup>291</sup>.

<sup>290</sup> *Sirago V. Op. cit. P. 267–273; White K. Op. cit. P. 47–49, 65; Idem. The Efficiency of Roman Farming under the Empire // Agricultural History. 1956. V. 30. N. 2. P. 85–89.*

<sup>291</sup> См.: *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 148.*

## **Итальянское скотоводство как отрасль римской экономики от Катона до Колумеллы (почему ей «не везет» в современной историографии)\***

Прежде всего, хотелось бы поблагодарить организаторов данной секции IX Международного конгресса экономической истории за постановку проблемы «Пастбищная экономика в античном мире (Греция и Рим)». Нет сомнения в том, что выдвижение такой проблемы на международном конгрессе отражает появление в литературе или будет способствовать такому появлению новых точек зрения или даже новых концепций пастбищной экономики в общей системе сельского хозяйства и античной экономики в целом.

Если взглянуть на состояние современной историографии об античной (древнегреческой и древнеримской) экономике, то можно сказать, что ее изучение как определенной экономической системы только начинается. За последние десятилетия происходит все более решительный отрыв проблем собственно экономической истории от ее филологического, источниковедческого, политического и социального антуража, хотя бесспорно все эти аспекты изучения античной экономики останутся как ее непререкаемые части. Новые взгляды на определение существа античной экономики способствуют преодолению стереотипов, сложившихся в предшествующее время, когда античная цивилизация изучалась главным образом как политический или социальный феномен.

Одним из таких стереотипов в изучении античной экономики в европейской историографии XIX — начала XX вв. было преимущественное внимание к проблеме аграрных отношений, которые понимались и изучались преимущественно и главным образом через состояние земледелия. Данный ракурс исследования античной экономики предполагал (если можно так выразиться) абсолютизацию собственно земледелия и как явление античной действительности и как объект ее изучения в европейской историографии XIX–XX вв.

Если мы с вами посмотрим на библиографию работ в области античного сельского хозяйства, то явно обнаружим, что подавляющее количество трудов относится, прежде всего, к изучению проблем античного земледелия, зернового хозяйства, виноградарства, маслиноводства, садоводства, техники и агрикультуры, организации земледельческого хозяйства, аграрного строительства и архитектуры и др. В общих трудах по истории античной экономики господствующее место опять-таки занимает земледельческий сектор и его разнообразные части. Много ли в этом потоке литературы исследований другой великой отрасли сельского хозяйства — скотоводства? Можно ответить, таких исследований необычайно мало. Внимание исследовательской мысли современных ученых к этой проблеме невелико, хотя следует отметить, то ни один исследователь аграрной экономики древности не отрицает, что роль скотоводства в общей системе сельскохозяйственного производства и в жизни античных обществ была достаточно велика. Например, в прекрасном компендиуме профессора К. Уайта «О римском сельском хозяйстве» собран очень интересный материал о состоянии римского скотоводства от Катона до Палладия.

---

\* Доклад был представлен на IX Международном конгрессе экономической истории (Берн, 1986 г.), секция «Пастбищная экономика в античном мире (Греция и Рим)».

Таким образом, в специальной историографии об античном сельском хозяйстве и экономике в целом намечается некоторое противоречие между теоретическим тезисом о важной роли скотоводства и практической его реализацией в исторических исследованиях, что бесспорно отражает традиционную недооценку роли скотоводства в жизни античных народов.

Ведущиеся исследования различных сторон античной жизни, будь это само сельскохозяйственное производство, социальные отношения или политические учреждения, военное дело, структура питания, неизбежно выводят нас на сферу скотоводства, его состояния, стоящих за ним социальных прослоек, получаемых от него продуктов питания и ремесленного сырья и т.д.

Вот почему хотелось бы отметить научную актуальность, и, я бы сказал, своевременность поставленной на IX Международном конгрессе экономической истории проблемы пастбищной экономики в античном мире.

В своем сегодняшнем выступлении мне хотелось бы поставить три основных проблемы, тесно связанных между собой.

1. Общее место скотоводства в общей системе сельскохозяйственного производства Италии в период расцвета античной цивилизации, т.е. в период со II в. до н. э. — I в. н. э.

2. Общий уровень италийского скотоводства в этот период и в частности проследить его достижения по сравнению с предшествующим временем.

3. Были ли какие-то границы в развитии италийского скотоводства, чем определялись эти границы и почему, начиная со II в. н. э., можно говорить об известном понижении общего уровня италийского скотоводства.

Первая проблема: общее место италийского скотоводства в общей системе сельскохозяйственной экономики, в частности, соотношение скотоводства и земледелия. Сказать, что скотоводство занимало важное место в жизни и экономике, это будет констатацией правильной, но слишком абстрактной мысли. Важно показать, как этот тезис вытекает из конкретной жизни и производства, в Италии в период расцвета античной цивилизации. Можно отметить, что в римской Италии II в. до н. э. — I в. н. э. происходит резкое увеличение роли скотоводства (в его различных вариантах и типах) в общей структуре сельскохозяйственного производства. Скотоводство стало не только важной сельскохозяйственной отраслью, но столь же ведущей отраслью, как и земледелие. Античное общество в Италии в период расцвета требовало и потребляло больше продукции скотоводства для питания, населения, разнообразного сырья для ремесленного производства и военного дела, а караваны мулов, ослов и волов практически обеспечивали все торговые операции.

Следует поставить такой вопрос: возможно ли было развитие и расцвет римской цивилизации как целостной системы без того фундамента, который был создан в аграрной экономике, т.е. земледелием и скотоводством. Вряд ли. Можно ли представить себе существование довольно рафинированной городской жизни без продукции скотоводства, в частности структуру питания населения, работу ремесленных мастерских по производству одежды, обуви, кож и т.п. Можно ли представить себе экипировку римской армии без продуктов скотоводства. Можно ли представить себе высокий уровень италийского земледелия без решения проблемы тягловой силы или проблемы удобрения для интенсивно используемых земель. Конечно нет. Коротко говоря, можно сказать так: повышение удельного веса скотоводства в общей системе сельского хозяйства во II в. до н. э. — I в. н. э. явление не случайное, оно есть отражение наступающего расцвета римской цивилизации в целом, усложнения и ин-



тенсификации сельского хозяйства, которое обеспечивало этот высокий уровень, и, с другой стороны, было одной из его наиболее глубоких причин.

Вторая проблема — можно ли говорить о больших достижениях в итальянском скотоводстве II в. до н. э. — I в. н. э. Вопрос о достижениях в итальянском скотоводстве в европейской историографии очень и очень дискуссионен. Общеизвестна точка зрения о том, что увеличение роли скотоводства так же как зернового хозяйства в итальянской сельской экономике считается признаком деградации и упадка общего уровня сельского хозяйства. Сторонники этой точки зрения связывают успехи и достижения итальянской деревни с внедрением виноградарства, садоводства и маслиноводства. Правда, в последние десятилетия точка зрения о расцвете виноградарства и маслиноводства за счет упадка зерновых сильно потеснена и уже не формулируется в столь категорическом виде, тем не менее, мы не можем говорить, что она ушла из историографии. Однако если зерновые несколько реабилитированы, то этого нельзя сказать об итальянском скотоводстве, хотя, повторяю, высказываний о важной роли скотоводства в специальной литературе довольно много. По моему мнению, на современном уровне понимания античной экономики необходимо отказаться от традиционного взгляда об органической (чуть ли не генетической) отсталости скотоводства как одной из сельскохозяйственных отраслей по сравнению с виноградарством, садоводством или маслиноводством. По моему мнению, скотоводство вполне равноправная отрасль сельского хозяйства, и также как может существовать примитивное скотоводство и передовое развитое виноградарство, так и наоборот. Дело здесь так сказать не в природе отрасли, а в особенностях хозяйств.

Применительно к условиям римской Италии II в. до н. э. — I в. н. э. можно говорить о том, что повышение роли скотоводства в системе аграрной экономики в целом сопровождалось большими достижениями самого разного плана в итальянском скотоводстве, которые поставили его, видимо, на самую высокую ступеньку в развитии мирового животноводства, который был превзойден лишь в Европе Нового времени.

Итак, какие достижения в итальянском скотоводстве получили отражение в наших источниках. Можно назвать лишь наиболее главные. Самым важным видимо следует признать то обстоятельство, что скотоводство в данный период времени превратилось в правильно организованную ветвь сельского хозяйства, ставшую предметом экономических расчетов, общественных интересов и государственного законодательства, а не только как традиционное занятие примитивных народов, да и тех же самых итальянцев царского времени или ранней Республики. Как в любой правильно организованной сельскохозяйственной ветви в ней выделялись свои отрасли, такие как разведение крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, свиноводство, птицеводство и др. Достаточно вспомнить 31 пункт Варрона, сформулированные в его II книге трактата «О сельском хозяйстве», чтобы представить тщательно продуманную организацию скотоводства и его различных отраслей. Скотоводство в конце Республики отделилось от земледелия, уже рассматривалось не как дополнение к земледелию, а как самостоятельная ветвь сельского хозяйства со своими принципами организации, набором технических правил, направлением экономического расчета и другими аспектами. Уже само по себе такое общественное разделение труда показатель более высокого развития всего сельского хозяйства, в том числе и скотоводства в целом, как его одного из важнейших направлений.

Хотя скотоводство и земледелие выделялись в качестве важнейших ветвей и стали так сказать особыми экономическими системами. Однако как неоднократно подчеркивали Варрон и Колумелла, между ними был заключен великий союз, без ко-

того по существу не могло развиваться ни земледелие, ни скотоводство. Хотелось бы особенно подчеркнуть последний вывод. Без тесного объединения скотоводства и земледелия не могло существовать и развиваться ни земледелие, ни скотоводство. Конечно, совсем не трудно представить (и это уже традиционная точка зрения), что земледелие как главное занятие вполне может существовать без скотоводства как занятия второстепенного и дополнительного. Возможно, такое положение и существовало для более раннего времени в той же Италии, но в период расцвета античной цивилизации в Римской Италии существование высокого уровня земледелия без такого же высокого уровня скотоводства и их постоянного взаимодействия с экономической точки зрения уже было невозможно. Высокий уровень агротехники, зернового хозяйства, виноградарства, оливководства, садоводства был невозможен без интенсивного унавоживания, наличия хорошего тягла, обеспечивающего глубокую вспашку, без вывоза продукции, без окультуривания новых площадей, без определенных севооборотов, непреременными участниками которых были фуражно-кормовые культуры и травы, без рационализма в организации всего хозяйства, которое предполагает экономное использование всех компонентов хозяйства, всех пустошей, неудобных земель, которые могли использоваться лишь как пастбище. Земледелие и скотоводство стали своего рода сямскими близнецами, которые не могли существовать друг без друга и питающими друг друга. Можно ли в таких условиях представить, чтобы одна ветвь (земледелие) процветала, а другая — была отсталой. С экономической точки зрения это невозможно, поскольку они были органическими частями общей системы италийской аграрной экономики.

Если говорить более конкретно о достижениях в италийском скотоводстве, как они отразились в дошедших до нас источниках, то можно сказать, что они были достаточно велики в разном плане. Можно их объединить по трем основным направлениям: организационно-законодательном, технологическом, научно-сельскохозяйственном. В области организационно-законодательной можно говорить о создании нескольких типов скотоводческих хозяйств со своими принципами организации: отгонно-пастбищное, поместно-пастбищное и поместно-стойловое типы скотоводства. С разной направленностью хозяйств (на рынок, собственное потребление или как дополняющая земледелие отрасль), разной организацией производства и рабочей силы, решением проблемы кормовой базы и т.д. Как в области земледелия можно говорить о создании разных типов поместного хозяйства (пригородное, отдаленное, среднее, латифундия), так и в области скотоводства конца Республики можно говорить о разных типах скотоводческого хозяйства (в том числе о крупном скотоводческом ранчо, среднем и мелком скотоводческих хозяйствах, каждое из которых имеют свои принципы организации).

В области законодательства можно говорить о том, что римское государство со всем вниманием относилось к развитию скотоводства, разработало правила, регулирующие продажу и покупку стад, аренду стада и выпаса их на лугах и пастбищах, причем закон различал пастбища государственные и частные, пастбища в пределах имений и вне их, пастбища зимние и летние. Предметом законодательного регулирования были отношения между крупными съемщиками (и кондукторами) и крупными собственниками стад (ср. отношения кондукторов и прокураторов императорских имений II–III вв. н. э. в Африке). Столь подробно разработанные законодательные правила — бесспорное свидетельство большого внимания общества к проблемам скотоводства как одному из основных направлений сельскохозяйственного производства.

Любопытным примером законодательно обеспеченной организации пастбищного хозяйства на плотно освоенной территории являются правила устройства римской колонии с мелочным межеванием и ассигнацией нарезанных участков колонистам. Как известно из трактатов римских землемеров, при всей самой скрупулезной регламентации территории римской колонии законодатель самым внимательным образом обеспечивает будущих колонистов пастбищными участками, как для ближайших групп колонистов, так и всей колонии в целом.

Крупные достижения итальянского скотоводство можно видеть в технологическом плане; это — улучшение состава и питательности кормовых культур и их смесей, в частности самое широкое использование таких ценных трав как люцерна (мидийская трава) и особенно клевер, вообще впервые окультуренный в широких масштабах на итальянских полях, широкое внедрение их в состав севооборотов, что послужило важной причиной подъема итальянской агротехники вообще. Это проявление селекционной целенаправленной работы и выведение новых высокопродуктивных для того времени пород скота (новых пород быков, мулов, ослов, овец, коз, не говоря о различных породах разнообразной птицы). Важным технологическим достижением является создание зачатков ветеринарной службы (появление специальных руководств по ветеринарии). Я имею в виду сочинение о ветеринарии, найденное среди рукописей Колумеллы и не без основания приписываемое именно ему, а не позднему Палладию. Напомним также, что Колумелла рекомендует иметь специалиста-ветеринара в своем поместье, старший пастух, согласно рекомендациям Варрона и Колумеллы, имел специальные записи по ветеринарии. Все это позволяет рассматривать итальянское скотоводство разных типов как высокопродуктивное и достаточно интенсивное. И еще большой вопрос, что можно считать более интенсивными отраслями итальянского сельского хозяйства во II в. до н. э. — I в. н. э.: маслиноводство и виноградарство или разведение апулийских или пармских овец, реатинских мулов или умбрских быков, или разных видов птицы. И еще один важный показатель высоты итальянского животноводства — это появление первых элементов так сказать научного животноводства, хотя бы на уровне обобщения экспериментальных данных, получение новых пород и наблюдения над проблемами целенаправленной селекции, понимание значимости разных видов кормов, создание первых азов ветеринарии и др. Не развивая дальше этот тезис, скажу, что с нашей точки зрения, степень «научного» подхода в скотоводстве этого времени был не ниже, чем в самых интенсивных отраслях, в частности, виноградарстве и маслиноводстве.

И последнее, о чем хотелось бы сказать. Можно ли считать, что достигнутый во II в. до н. э. — I в. н. э. высокий уровень итальянского скотоводства сохранялся и в более поздних столетиях римской истории. Вопрос тем более резонный, что как общепринято, начиная со II в. н. э. в связи с кризисом и упадком итальянского виноградарства и маслиноводства и вообще *arboricultura* констатируется возрастанием его удельного веса в Италии. Видимо, здесь положение более сложное. Увеличение удельного веса в итальянской аграрной экономике пастбищного скотоводства во II–V вв. не означало дальнейшего развития этой ветви итальянского сельского хозяйства. Более того, по моему мнению, можно говорить даже о деградации тех достижений в области интенсивного скотоводства II в. до н. э. — I в. н. э. В целом наблюдается переход от интенсивных форм скотоводческого хозяйства к формам экстенсивным, более примитивным. Выход продукции с одной головы уменьшается. С чем это связано? Это связано, прежде всего, с тем, что великий союзник интенсивного животноводства и его питающий источник, а именно интенсивное земледелие

в силу многих причин, о которых сейчас нет возможности говорить, переживает кризис и переходит на рельсы экстенсивной экономики. Скотоводство II–V вв. как бы подстраивается к тому уровню земледелия, которое начинает господствовать в италийской аграрной экономике II–V вв. и теряет целый ряд достижений предшествующего времени. Италийское скотоводство нисходит на более низкий уровень развития, в рамках которого оно существует в долгий период средневековья. Его золотой век совпал с расцветом италийского земледелия и падает на трехсотлетний отрезок италийской истории со II в. до н. э. по I в. н. э.

В заключение я хотел бы еще раз сказать, что специалисты в области классической экономики должны более внимательно отнестись к исследованию различных аспектов античного скотоводства.

### **Мать-земля как религиозно-философская категория у римских агрономов\***

Как известно мне приходится заниматься различными проблемами аграрной истории древнего Рима, и естественно моими излюбленными источниками являются произведения римских агрономических писателей: Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния Старшего, Палладия и других. Закономерно возникает вопрос: а какая связь между сугубо практическими аспектами античного земледелия и агрономическими трактатами, повествующими о том, как устраивать хлевы, молотить зерно, подрезать виноград и др. и высокой философией античности, античной эстетикой или диалектикой, т.е. теми проблемами, которыми занимался А. Ф. Лосев.

Оказывается, такая связь есть, и связь более тесная, чем это можно предположить на первый взгляд. Дело в том, что в своем мощном творчестве А. Ф. Лосев разработал некоторые основополагающие идеи и важнейшие принципы античного мирозерцания, которые являются общими для всех сторон античной жизни, истории и культуры, античной цивилизации в целом. Тем более это относится к такой ключевой сфере античной цивилизации как возделывание земли, жизнь на этой земле и возникающая на этой основе глубинная связь между обрабатывающим землю человеком и матушкой землей.

Напомню, что в общей философии античной истории А. Ф. Лосева понятие земли играет необычайно большую, можно сказать интегрирующую роль. Земля понимается им в качестве универсального принципа всей античной жизни, как структурообразующее начало всего космоса. Земля все порождает и в землю все возвращается, здесь начало и конец жизни. Подобное понимание роли земли как важнейшего принципа античной жизни, развиваемое А. Ф. Лосевым, находит блестящее подтверждение в произведениях римских агрономических писателей.

В трактатах римских агрономов речь идет не только о конкретных операциях, связанных с возделыванием земли, но отражается и общее мирозерцание античных земледельцев, своего рода земледельческая философия, которая представляет

\* Доклад представлен на симпозиуме «Античная философия истории и творчество А.Ф. Лосева» (Москва, март 1996 г.).

большой интерес, но которая, как правило, оказывается вне поля зрения профессиональных философов.

Конечно, сейчас невозможно определить основные особенности этой особой ветви античного мирозерцания, но мне хотелось бы проиллюстрировать сегодня лишь один философский тезис античных агрономов, а именно понятие «мать-земля» и ее определенная философская разработка. Причем объектом анализа избрана концепция лишь одного римского агрономического писателя, а именно Луция Юния Модерата Колумеллы, автора I в. н. э.

Колумелла один из интересных римских авторов был человеком весьма образованным, очень начитанным в античной, как специально агрономической, так и общей литературе, в том числе и философской. После отставки с военной службы всю оставшуюся жизнь провел в собственных поместьях, много занимался хозяйством и достиг выдающихся успехов в этом деле. Результатом его практических занятий, жизненных наблюдений и философских размышлений стало создание его знаменитой сельскохозяйственной энциклопедии в 12 книгах, видимо, самого лучшего агрономического произведения всей древности и средних веков. Труд Колумеллы это не только агрономическое произведение, но и памятник хорошей латинской литературы, произведение, написанное классическим латинским языком, к тому же пронизанное оригинальной философской концепцией. Не удивительно, что в размышлениях Колумеллы получила разработку и свое осмысление и такая категория как понятие «мать-земля». Своего рода синтезом земледельческого опыта, агрономических знаний, философских размышлений и религиозных традиций стало создание концепции неисчерпаемости земельного плодородия.

Теория неисчерпаемости почвенного плодородия Коллумеллы — одно из интереснейших научных открытий всей древней и средневековой эпохи вплоть до сер. XIX века. Хочется напомнить, что в европейской агрономии теория неисчерпаемости почвенного плодородия является научной основой современного земледелия и как таковая она была сформулирована на основе самых последних достижений естественных, технических наук, передовой агрономии и мощной современной индустрии, которая снабжает современное сельское хозяйство сложнейшей техникой и различными видами минеральных удобрений.

В I в. н. э. ничего этого не было; естественно возникает вопрос: на каких промышленных, научных, философских основаниях Колумелла смог прийти к созданию такой агрономической концепции, которая опередила свое время на добрых 18 столетий. Колумелла развивает свою концепцию в полемике с широко распространенной в Риме I в. до н. э. — I в. н. э. теорией старения и неизбежного угасания земельного плодородия. Наиболее видным сторонником этой теории был римский агрономический автор и политический деятель последнего столетия Республики Тремеллий Скрофа. «Я в первой книге своей, — писал Колумелла, — сразу же с самого начала отверг мнение почти всех старых писателей, говоривших о злодеянии и отрекся от ложной мысли, будто земля состарилась, устав от возраста, истощившись веками от деятельности. Мне хорошо известно, что среди прочих знаменитых писателей ты особенно чтить Тремеллия... Чрезмерное пристрастие к древним, рассуждающим о подобных же предметах, заставило его напрасно поверить, что земля, наша всеобщая мать, словно существо женского пола уже изнурена старостью и неспособна рожать» (II. 1–2).

Итак, большинство римских писателей разделяют представление, восходящее к древним временам о земле как женском существе, которому отпущено лимитированное по времени плодородие. Данная точка зрения естественно восходит к очень

древним религиозным представлениям о матери-земле, которая и почиталась в женском образе и по существу воспринималась как женщина со всеми ее физическими особенностями. Конечно, для первобытного или раннеантичного земледельца данная особенность земли как матери, как женского существа не подчеркивалась и оставалась по существу мало разработанной. Если говорить о Риме, то еще в трактате Катона Старшего «О земледелии», написанном в начале II в. до н. э., эта проблема — ограниченности плодородия Земли, как присущей женской природе — совершенно отсутствует. Положение, однако, изменилось к середине I в. до н. э. Около 1,5 столетий интенсивной культуры на почвах Италии, окультуривание и введение в сельскохозяйственный оборот новых площадей стало приводить к истощенности многих земельных площадей, падению урожайности. Так, например, сельскохозяйственный кризис поразил многие области южной Италии, ранее имеющей процветающее земледелие. Постепенное исчерпание свободных земель, падение урожайности в результате непрерывной интенсивной культуры заставило наиболее просвещенных римских хозяев поставить вопрос о причинах истощения земельного плодородия. Самым естественным объяснением стало переосмысление традиционных представлений о земле как матери, как женском существе, которому отпущен временной лимит плодovitости, а стало быть, в перспективе должен наступить фатальный конец. Таким образом, происходит переосмысление древнего мифологического представления о матери-земле, выдвигание на первый план новых его сторон.

Ко времени Колумеллы, т.е. через столетний промежуток времени процессы аграрного кризиса, истощения земель, снижение урожайности, падение почвенного плодородия стали еще более острыми. И это не могло не питать и не усиливать представления о земле как о стареющем женском существе. В сущности говоря, это было уже философское переосмысление традиционного мифологического представления, происходящее под влиянием экономических условий.

И вот в этих условиях выдвигается принципиально новая концепция неисчерпаемости почвенного плодородия, концепция новаторская, неожиданная, оппонирующая столь естественным и традиционным представлениям. Представляет огромный интерес та аргументация, которую выдвигает в ее пользу Колумелла. Прежде всего, следует еще раз отметить, что Колумелла был человеком философски образованным, прекрасным сельским хозяином, человеком с большим жизненным опытом. Поэтому его аргументация носит довольно продуманный, логичный и довольно глубокий характер.

Прежде всего, Колумелла прибегает к разнообразной аргументации, включающей апелляцию к традиционным религиозным представлениям, к философским размышлениям и к практическому сельскохозяйственному опыту. Одним из его аргументов является апелляция к традиционным представлениям о земле-матери, женском начале. Однако Колумелла коренным образом переосмысливает эти представления в противоположном Тремеллию Скрофе направлении. Схема рассуждений Колумеллы такова: земля наша всеобщая мать, но ее природа — это не природа обычной женщины, которая может состариться, одряхлеть и погибнуть. Нет — земля надедена неиссякаемой плодovitостью, ее основное качество — божественная и вечная юность, она общая мать всех, она всегда и все рожала, будет рожать и впредь, все из нее рождается и все в нее возвращается. Она находится в непрерывном процессе обновления, иначе говоря, Колумеллой развивается совершенно другая концепция. Он отказывается от наивного традиционного антропоморфизма, отождествлявшего землю с женским существом. На первый план выдвигается новое, чисто философское представление о земле как вечно юной, постоянно обновлявшемся творческом

начале, источнике всякой жизни. Земля — это не только высшая творческая сила, она воспринимается Колумеллой как сложное материальное начало. Для Колумеллы земля имеет значительную глубину, мощный почвенный слой, которые разделяется на четыре больших слоя: эпихтонический, ближайший к поверхности слой, следующий катахтонический, подпочва и материнская порода. Иначе говоря, земля — это не только обрабатываемая верхняя поверхность, но включает ту ее часть, которая воспринимается в мифологии как подземный мир. Вместе с тем то внимание, которое Колумелла постоянно уделяет погодным явлениям, как он сопрягает, например, осадки, ветры, температуру с жизнью растений и состоянием полей, показывает, что для Колумеллы земля является единством ее с подземным слоем и с ближайшей воздушной средой. Таким образом для Колумеллы земля из простого места приложения сил и средств земледельца превращается в сложную философскую категорию, которая представляет собой органическое единство собственно земли, ее подземной части и ближайшей воздушной среды, т.е. выступает как центр ближайшего космоса, упорядоченной и живой вселенной. И Колумелла произносит в ее честь, вечно юной, божественной, неиссякаемой творческой силы, центра упорядоченного и гармонически устроенного космоса блестящий панегирик.

И этот панегирик тем более любопытен, что сам же Колумелла дал многочисленные примеры аграрного кризиса, упадка земледелия, выпаванности почв, падения урожайности ранее щедрых нив. Т.е. примеров, которые, казалось, столь уверенно подтверждают выводы о матери-земле как женском начале, переживающем период естественного одряхления. Однако Колумелла находит убедительное опровержение такому выводу. Истощение земли, падение урожайности, заявляет он, объясняется не тем, что земля как женщина состарилась, а потому что сами люди своим невежеством, тупостью и равнодушием довели ее до такого состояния. «Не от усталости поэтому, — говорит он, — как думало большинство, не от старости, а от нашей собственной небрежности поля оскудели, Можно получать большие урожаи, если восстанавливать силы земли частым, своевременным и умеренным унавоживанием» (II.7).

Развивая свою концепцию вечной юности и непрерывного обновления производящих сил земли, рассматривая землю как вечное творческое начало, Колумелла сделал гигантский шаг вперед в развитии науки. Он радикально пересмотрел традиционный мифологический взгляд на землю, как антропоморфный образ и стал рассматривать землю как структурообразующее ядро, высшее материальное творческое начало всего гармонически упорядоченного космоса. Это представление стало одной из вершин античной науки и философской мысли тем более интересным, что оно развивалось на особом, чисто агрономическом материале.

Иначе говоря, выявляя эту концепцию Колумеллы, в его сельскохозяйственной энциклопедии, мы еще раз приходим к выводу о том, насколько плодотворны и адекватны античному мирозерцанию принципиальные установки общего учения об античности, развиваемые в творчестве великого ученого нашего времени Алексея Федоровича Лосева.



## Раздел III

# Теоретические проблемы исторического процесса в античности

### Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества\*

Понятие общественно-экономической формации было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом как одно из основных понятий исторического материализма. «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные и случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества или правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс»<sup>1</sup>.

Это основное понятие материалистической и исторической науки получило детальную разработку в произведениях В. И. Ленина, где оно проанализировано с разных сторон, где дано четкое определение этого понятия и выявлены его составные части.

Полное определение формации дано В. И. Лениным в работе «Экономическое содержание народничества». Излагая здесь основные положения марксизма, В. И. Ленин писал: «Во-первых, эта теория выработала понятие *общественно-экономической формации*. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений («производственных отношений», по терминологии Маркса) указала ту *основу* общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом... На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как *содержанием*,

---

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1974. № 3. С. 69–87.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.



и политической и идейной *формой*<sup>2</sup>. Изложив содержание экономической теории, разработанной К. Марксом в «Капитале», В. И. Ленин заключает: «...Таков скелет «Капитала». Все дело, однако, в том, что Маркс этим скелетом не удовлетворился, что он одной «экономической теорией» в обычном смысле не ограничился, что — *объясняя* строение и развитие данной общественной формации *исключительно* производственными отношениями — он тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью. Поэтому-то «Капитал» имел такой гигантский успех, что эта книга «немецкого экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с уржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями»<sup>3</sup>. Приведенные здесь высказывания В. И. Ленина не оставляют сомнения в том, что понятие «общественно-экономическая формация» охватывает человеческое общество в определенный период времени во всех его проявлениях, во всем его многообразии и сложности, включая производство, классовые и социальные отношения, формы политической организации и идеологию. Производство, экономическая и социальная структура общества составляют скелет формации, ее основу, а политическая организация и идеология — надстройку, как плоть и кровь, облегающую скелет и превращающую формацию в полнокровный исторический организм.

Понятие общественно-экономической формации поэтому предполагается сложным; в состав его входят более узкие понятия, такие, как способ производства (т.е. определенное единство производительных сил и производственных отношений), гражданское общество (классовая и социальная структура, семейные отношения), государство и идеология. Причем определяющим, структурообразующим понятием выступает в этом единстве, в этой системе способ производства. Этим объясняется то, что в некоторых произведениях В. И. Ленин вместо полного понятия «общественно-экономическая формация» употребляет в качестве его своеобразного эквивалента более узкое понятие: «способ производства»<sup>4</sup>, «система производственных отношений»<sup>5</sup>, «организация общественного труда» (например, крепостническая организация общественного труда, капиталистическая организация общественного труда, «коммунистическая организация общественного труда»<sup>6</sup>).

Понятие общественно-экономической формации как одно из фундаментальных понятий исторического материализма тесно связано с общим учением о развитии. Определение главных особенностей развития дано Лениным в статье «Карл Маркс»: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 429.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 138–139.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 21–22, 45, 183–184; Т. 1. С. 173; Т. 13. С. 14; Т. 26. С. 57 и мн. др.

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139, 430; Т. 2. С. 420; Т. 3. С. 544, 548; Т. 18. С. 343; Т. 42. С. 276.

<sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 13–18.

и тенденций, действующих на данное тело в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии»<sup>7</sup>.

На основе общего учения о развитии была разработана теория исторического прогресса. Основные положения этой теории следующие: развитие как движение от простого к сложному, от низшего к высшему, т.е. прогрессивное (однако это не значит, что это развитие в любой исторический момент идет вперед, и тем самым отрицается представление о частичном регрессе)<sup>8</sup>; положение о развитии по спирали, а не о прямолинейном движении (что предполагает известную повторяемость явлений и процессов в истории, хотя и на более высокой стадии развития)<sup>9</sup>; единство мирового исторического процесса (т.е. единое направление, общие законы); закономерность исторического развития. Здесь нет необходимости останавливаться на анализе всех этих важнейших положений теории исторического прогресса. Отметим лишь, что понятие формации тесно с ними связано. В истории человечества движение вперед происходит путем медленного количественного изменения, которое в какой-то момент завершается перерывом постепенности, скачком, после чего оформляется иное качественное состояние, отличающееся от прежнего большинством своих характеристик. То или иное качественное состояние имеет определенную длительность во времени. Человеческое общество в пределах этого временного отрезка характеризуется общностью своих основных показателей и составляет содержание понятия данной общественно-экономической формации.

Важнейшим положением марксистско-ленинской теории исторического прогресса является положение об общих исторических законах, действующих в человеческом обществе на протяжении всех формаций или многих из них (например, в формациях с классами-антагонистами), и закономерностях, действующих в пределах одной формации, так сказать специфических закономерностях, возникающих и прекращающих свое действие в данной формации.

«Каждая такая система производственных отношений, — писал Ленин, — является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»<sup>10</sup>.

«Марксист считает необходимым, — продолжает В. И. Ленин в другом месте, — объяснить и связать вместе эти явления эксплуатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению»<sup>11</sup>. Специфические закономерности формации действуют на основе общих законов диалектики и общих исторических законов, оказываясь конкретным их проявлением на данном историческом этапе. Между специфическими закономерностями и общими историческими законами существует нерасторжимое единство и взаи-

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 55.

<sup>8</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 6: «...Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно».

<sup>9</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43–44, 116.

<sup>10</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 429.

<sup>11</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 65.

мосвязь. Одностороннее подчеркивание специфичности законов одной формации чревато опасностью разрыва единства мирового развития и приводит к заключению о существовании замкнутых, изолированных, не связанных с другими цивилизаций (как, например, в теоретических построениях А. Тойнби). С другой стороны, одностороннее подчеркивание общих законов грозит превратиться в разговоры об обществе вообще, об историческом прогрессе в целом, как это было обычным у русских либеральных народников<sup>12</sup>.

Краеугольный камень теории развития — положение о самодвижении, о борьбе противоположностей как движущей силе развития<sup>13</sup>. Применительно к истории общества это положение диалектики находит свое выражение в учении о классовой борьбе, противоречиях и антагонизме классов. Здесь нет необходимости останавливаться на изложении этой подробнее разработанной В. И. Лениным теории; следует отметить лишь некоторые положения, имеющие отношение к проблеме понятия формации, и в частности к проблеме периодизации формации. Речь идет о разработке положений о главных и неглавных движущих силах классовой борьбы и о конкретном воплощении их в реальной исторической действительности. Важнейшим является положение об основном противоречии в пределах каждой формации как отражении раскола общества на основные классы-антагонисты. «И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда, как основной факт. Развитие всех человеческих обществ и течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое... Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы...

За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне»<sup>14</sup>.

Существование основных классов и их антагонизм порождает главное противоречие формации, которое образует основу главной движущей силы формации. Однако это положение В. И. Ленина никак не отрицает существования других социальных прослоек и неосновных классов, существующих наряду с основными, играющих свою роль в общей системе классовых антагонизмов и образующих основу действия других, неглавных движущих сил, которые, тем не менее, никак нельзя сбрасывать со счетов. Мастерский анализ пореформенной классовой и социальной структуры русского общества показал, как В. И. Ленин учитывал сложное переплетение разных классовых и социальных антагонизмов<sup>15</sup>.

При анализе классовой структуры того или иного общества В. И. Ленин требовал тщательного исследования «положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса»<sup>16</sup>. Для учета всей равнодействующей

<sup>12</sup> Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 1.

<sup>13</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 53–54; Т. 29. С. 316–322.

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 70.

<sup>15</sup> В работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», «Экономическое содержание народничества», «Развитие капитализма в России».

<sup>16</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 60.

исторического развития необходимо выяснить «сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому»<sup>17</sup>.

Принципиальное значение для понимания специфики классовой и социальной структуры общества имеют положения классиков марксизма-ленинизма об упрощении этой структуры при капитализме. В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин цитирует одно из мест «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса: «...Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых. Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»<sup>18</sup>.

Эта мысль предполагает, что в условиях докапиталистических формаций классовая структура общества была значительно более дробной и сложной, чем при капитализме. И особенно большая дробность и сложность классовой и социальной структуры, очевидно, была характерна для самого раннего классового общества рабовладельческого, только что вышедшего из недр первобытнообщинных отношений. В свете этих соображений становится понятным, что сводить классовую структуру рабовладельческого общества только к делению на рабов и рабовладельцев было бы искажением подлинных мыслей классиков марксизма-ленинизма, модернизацией классовой структуры рабовладельческого общества по примеру капиталистического. При правильном понимании классовой структуры античного общества должна получить решение столь актуальная проблема, как вопрос о роли крестьянства, о роли мелкого производителя в рабовладельческом обществе. Грубым упрощением действительности было бы механически причислять античных крестьян, мелких производителей к классу рабовладельцев (действительных или потенциальных), так как по всем классовым признакам<sup>19</sup> они от этого класса отличались. Более правомерным было бы рассмотрение мелких производителей в рабовладельческом обществе в качестве самостоятельного класса, игравшего крупную роль в историческом процессе, на что неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма<sup>20</sup> и о чем, в сущности, говорят источники.

Эти положения о более сложной классовой структуре раннеклассовых обществ, об основных и неосновных классовых антагонизмах, о сложном переплетении разных линий классовой борьбы имеют большое значение для изучения истории рабовладельческого общества, понимания его исторического развития. Они важны и для выделения основного антагонизма в системе классовой борьбы в тот или иной период развития формации. Слабое развитие рабства в ранний период, преобладание мелких свободных производителей может говорить об иной расстановке классовых сил, чем в такой период, когда раб становится основным производителем, когда происходит относительно четкое оформление основных классов рабовладельческого общества — рабов и рабовладельцев.

Основой классовых антагонизмов является различное экономическое положение классов, т.е. различное отношение их к средствам производства. Особенно сти экономического положения получают оформление в общественном положении

<sup>17</sup> Там же.

<sup>18</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 59.

<sup>19</sup> Определение основных признаков класса дано В. И. Лениным в статье «Великий почин» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15).

<sup>20</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 375; Т. 25. С. 350 и мн. др.

классов-антагонистов, а экономические противоречия образуют основу для классовых и социальных противоречий.

Своеобразием классовой структуры докапиталистических общественно-экономических формаций (рабовладельческой и феодальной) является существование не бессловных классов, а классов-сословий. «Известно, — писал В. И. Ленин, — что в рабском и феодальном обществе различие классов фиксировалось и в *сословном* делении населения, сопровождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями. Напротив, в капиталистическом, буржуазном обществе юридически все граждане равноправны, сословные деления уничтожены (по крайней мере в принципе), и потому классы перестали быть сословиями. Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессловные»<sup>21</sup>.

Положение о классах-сословиях в рабском и феодальном обществах предполагает известные особенности классовых взаимоотношений, в частности экономическая основа классовых антагонизмов прикрыта здесь юридическими, сословными перегородками и, следовательно, велика роль иных — неэкономических — факторов в классовой и социальной борьбе того времени. Особенно велико значение юридических факторов и интересов в классовой и социальной борьбе тех периодов, когда еще не оформились основные классы-антагонисты (в рабовладельческом обществе классы рабов и рабовладельцев), а классовая структура была относительно аморфной и дробной<sup>22</sup>. Иначе говоря, зависимость между экономическими противоречиями и, как говорил В. И. Ленин, «фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов» (см. прим. 3) не простая, а более сложная и разнообразная; эта зависимость определяется многообразными историческими условиями и особенно усложнена в наиболее раннем классовом обществе — рабовладельческом. Сложность этих взаимоотношений иногда не позволяет прямо выводить то или иное проявление социальных и классовых антагонизмов из экономического положения. Теоретически вполне возможно, и конкретное исследование это подтверждает, что при экономическом кризисе и обострении экономического положения порой наблюдается относительное спокойствие на фронте классовой и социальной борьбы (например, в эллинистических государствах II в. до н. э. или в провинции Ахайе времен Империи). И, напротив, возможны сильные всплески классовой и социальной борьбы при относительно стабильном экономическом положении (например, в Греции IV в. до н. э. или в конце римской республики).

В теории классовой борьбы весьма важно положение о роли стихийности и сознательности. Стихийность борьбы классов или, напротив, вооруженность их сознанием своих целей — далеко не мало важный фактор развития<sup>23</sup>. Достаточно указать на роль партии пролетариата и ее руководства в социалистической революции<sup>24</sup>.

<sup>21</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

<sup>22</sup> На данное обстоятельство обратили внимание И. М. Дьяконов и С. Л. Утченко в их докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве «Социальная стратификация древнего общества» (М., 1970).

<sup>23</sup> Особенно подробно эти вопросы исследуются В. И. Лениным в работе «Что делать?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 1–192).

<sup>24</sup> См. Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378–382.

Общеизвестное положение о стихийном характере рабских и крестьянских восстаний как одной из коренных причин их неудач, разумеется, справедливо<sup>25</sup>, но не следует понимать его так, будто у рабов и крестьян не было и не могло быть никакой идеологической программы во время восстания. Такая постановка проблемы неверна и теоретически, и фактически. Невозможно себе представить, чтобы в действиях тех или иных классов не было никакой идеологической программы, так как нет классов или сословий, лишенных идеологии. Идеологическая программа может быть неполно разработана, не оформлена, подана в очень своеобразной форме, но она всегда есть. В частности, во время рабских восстаний эта программа находила свое выражение в своеобразных религиозных системах. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на работу А. Донини как одного из первых, кто обратил внимание на этот весьма интересный вопрос<sup>26</sup>, который требует на современном уровне исследования тщательной специальной разработки.

Однако стихийностью классовой борьбы одного класса, в частности угнетенного, эта общая проблема не исчерпывается. Роль сознательного элемента в истории значительнее. Так, борьба третьего сословия — буржуазии, скажем, во Франции или в Англии, получила проявление, например, в философии, политической мысли, литературе. Рождающийся класс рабовладельцев в период становления рабовладельческой формации обладал достаточными материальными и духовными средствами для сознательного участия в разыгрывавшейся исторической драме. Сохранившиеся произведения литературы и философии греков VII—VI вв. до н. э. отражают эти стремления восходящего класса.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов значение самосознания господствующего класса — будь то рабовладельцы, феодалы или буржуазия — в ходе классовой борьбы. Контролируя экономическое развитие, будучи сплоченным классом (хотя и среди его фракций происходит борьба, порой ожесточенная), имея в своих руках политическую власть, религию и идеологию, господствующий класс сознательно участвует в классовых битвах. В этом его сила, поэтому-то так непросто свергнуть его, пусть даже все экономические и социальные предпосылки для его уничтожения уже созрели, или, выражаясь словами В. И. Ленина, сложилась революционная ситуация. «Почему? Потому, что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят»<sup>27</sup>.

Значительная роль общественного сознания в консервации или, напротив, в подрыве существующих порядков, таким образом, еще более осложняет классовые антагонизмы и их связь с экономической основой.

К сожалению, в существующей у нас исторической литературе по проблемам докапиталистических формаций нередко преувеличивалась роль стихийности в классовой борьбе и недооценивалась роль сознательности, что приводило иной раз к упрощению понятия классовой борьбы, схематическому сведению ее к одной экономической основе и, следовательно, искажению. В качестве положительного примера из последних работ в области древней истории хотелось бы отметить ис-

<sup>25</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 77, 82–83.

<sup>26</sup> Донини А. Люди, идолы, боги. М., 1966.

<sup>27</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 219.

следования Е. М. Штаерман о роли христианства в общественной жизни Рима эпохи Империи, где уделяется большое внимание идеологическим аспектам классовой борьбы.

В теории классовой борьбы большое внимание уделяется роли государства как органа, непосредственно регулирующего классовую борьбу в интересах господствующего класса. Создание нового учения о формах и сущности государства — крупнейшая научная заслуга К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Не останавливаясь здесь на детальном рассмотрении роли государства в классовой борьбе, отметим лишь одну важную сторону этой проблемы, а именно связанную с вопросом о бонапартизме. В. И. Ленин в работе «Государство и революция» цитирует слова Ф. Энгельса: «...»Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса...». Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению, к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними...» Такова абсолютная монархия XVII и XVIII вв., бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

Таково — добавим от себя — правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов уже бессильны, а буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их»<sup>28</sup>.

Иначе говоря, бонапартизм — явление само по себе исключительное, но такие явления могут повторяться в истории даже одной страны и иметь разную продолжительность: от нескольких месяцев (правительство Керенского) до двух столетий (монархия во Франции XVII—XVIII вв.).

В этих положениях о бонапартизме важно указание на периоды относительно равновесия сил в классовой борьбе как особого состояния общества, настолько специфического, что оно до известной степени изменяет положение государства, придавая ему некоторую самостоятельность. Упоминая о бонапартизме, Ленин часто подчеркивал, что «бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране»<sup>29</sup>. Ф. Энгельс упоминает об абсолютной монархии во Франции XVII—XVIII вв. как о бонапартизме в условиях последней стадии феодализма. Возникает вопрос о возможности подобных бонапартизму явлений и в условиях рабовладельческой общественно-экономической формации. Н. А. Машкин в свое время говорил о том, что бонапартизм в той форме, о которой говорят Ф. Энгельс и В. И. Ленин, не был известен в римском обществе конца Республики, так как из борющихся классов, которые уравнивают друг друга и тем самым создают условия для появления известной самостоятельности политической власти как кажущейся посредницы между ними, нужно исключить класс рабов. Поэто-

<sup>28</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 12, 13.

<sup>29</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 274.

му римский цезаризм, по определению Н. А. Машкина, принципиально отличался от бонапартизма тем, что служил посредником не между основными борющимися классами (рабов и рабовладельцев), а между различными классами и прослойками свободного населения<sup>30</sup>.

Это наблюдение Н. А. Машкина имеет силу для периода, когда господствовал классический рабовладельческий способ производства, а основной классовый антагонизм развивался как антагонизм между рабами и рабовладельцами. Однако в другие эпохи положение было иным. Так, например, в период поздней Империи, когда на смену рабовладельческому обществу шли новые общественные отношения и новые классы, могло возникать положение, когда враждующие классы и сословия в своей взаимной борьбе достигали известного равновесия сил, а государственная власть получала известную самостоятельность как кажущаяся посредница между ними. Римский доминат по своему существу, можно полагать, и был римским «бонапартизмом», периодом значительной самостоятельности государства по отношению к борющимся классам.

Заслуживает внимания вопрос о носителях нового уклада и основных участниках классовой борьбы в разных формациях.

В капиталистической формации один из классов-антагонистов — пролетариат — есть в то же время носитель нового способа производств. В силу самого своего положения в обществе пролетариат является и самым решительным противником существующего строя, не заинтересованным ни в каких компромиссах с остатками старых классов. Эта особенность классового антагонизма в капиталистическом обществе обуславливает и решительность слома старой классовой структуры, и уничтожение его политической и идеологической надстройки — четкий и полный разрыв с прошлым<sup>31</sup>.

Иначе действовал механизм классовой борьбы в более ранних формациях. В условиях, например, рабовладельческого общества класс рабов не был носителем нового способа производства и потому как класс был обречен на исчезновение в новой формации. Кто же в рабовладельческом обществе был носителем нового способа производства, заинтересованным в новой форме эксплуатации? Им был, теоретически рассуждая, нарождающийся класс феодалов, а также класс крестьян (ибо рабовладельческие порядки лишь ухудшали его положение как класса). Но между классом рабовладельцев как таковых и классом феодалов как новым классом нет такой коренной противоположности интересов, как, например, между буржуазией и пролетариатом. Их трансформация друг в друга замедлена, осложнена, незаметна, между ними много преемственности; мало того, новый класс отчасти даже заинтересован в сохранении многих остатков старого общества. В силу всего этого здесь нет столь резкого перелома между формациями, четкой грани между ними. Мало того, в этих условиях и не может быть ничего подобного революции пролетарской и даже буржуазной, не может быть революционного скачка в форме захвата политической власти.

Но как же осуществляется перерыв постепенности, превращение прежнего количества в качество и что является социальной революцией, если не восстание и захват власти? Отличительные черты социальной революции на данном этапе развития

<sup>30</sup> Машкин Н. А. Принципат Августа. М.—Л., 1949. С. 74–84.

<sup>31</sup> Особенно полно исследует этот вопрос В. И. Ленин в работе «Государство и революция» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5–22).



общества состоят в том, что она, во-первых, растягивается иногда на несколько столетий и, во-вторых, проходит не в форме восстания. Как показывает исторический опыт, при известных условиях, она может находить свое проявление в завоевании. Так, вторжения варваров в IV–V вв. объективно играли роль революционного скачка, подытоживающего длительное предшествующее социально-экономическое развитие как у завоеванных, так и у завоевателей.

В других обществах эволюционное развитие формации подытоживалось революционным скачком, более длительным по времени, и находило свое завершение в системе реформ (таковы были, например, реформы Солона — Писистрата — Клисфена<sup>32</sup>).

Какую бы форму ни принимал переход политической власти к новому классу, в досоциалистических революциях не происходит решительного и коренного разрыва старого класса с новым, скорее можно говорить об их известном амальгамировании. Прежние классы постепенно трансформируются в новые.

Вот почему, чем древнее социальная революция, тем больше преемственность между старой и новой формацией, тем медленнее трансформация прежних классов, тем, следовательно, продолжительнее период становления новой формации. Даже в условиях буржуазной революции после передачи государственной власти классу буржуазии происходит амальгамирование феодального класса с буржуазией, которое замедляет процесс становления капитализма (например, в Германии). И только в условиях социалистической революции такого явления быть не может, хотя после революции и может существовать какое-то время капиталистический уклад, более или менее быстро распадающийся<sup>33</sup>.

Классовая борьба представляет собой очень сложное переплетение различных противоречий (классовых, социальных, политических, религиозных, национальных и др.), в каждый исторический момент может выступить на передний план одна из форм, а порой несколько и даже все, например, в России, в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в этом замысловатом сплетении, как в сложном музыкальном произведении, есть своя ведущая тема, основной мотив — противоречие основных антагонистических классов. Это противоречие может не раскрыться, оно может быть приглушено другими, но оно присутствует постоянно, определяя основное содержание классовой борьбы.

Общественно-экономическая формация — особое качественное состояние общества в его развитии, которое, как и всякое историческое явление, переживает периоды своего становления, оформления и упадка. В связи с этим очень важное значение при анализе понятия формации приобретает проблема периодизации, определение таких стадий развития формации, которые характеризуются некоторыми общими особенностями. В ряде произведений В. И. Ленин выделяет три больших периода в развитии формации: периоды становления, функционирования зрелых форм и период упадка. «Каждая такая система производственных отношений, — писал В. И. Ленин, — является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»<sup>34</sup>. В другом месте В. И. Ленин говорит о том, что в процессе исследования нельзя игнорировать «исто-

<sup>32</sup> На что обратил внимание Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 114–117).

<sup>33</sup> См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 272.

<sup>34</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423.

рически особые системы общественных отношений и стадии их развития»<sup>35</sup>. Эти общие положения нашли свое конкретное воплощение при анализе капиталистической общественно-экономической формации. В. И. Ленин выделяет стадии раннего капитализма, промышленного капитализма, столь блестяще проанализированного Марксом, и империализма как последней стадии капитализма, мастерский анализ которого В. И. Ленин дал в своих трудах.

Три стадии можно выделить и для феодальной формации. В своем замечательном исследовании «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин перечисляет основные признаки зрелых форм русского феодализма и дает самое тщательное описание процесса их распада и превращения в капиталистические формы в недрах феодализма. Хотя В. И. Ленин не останавливался специально на анализе периода становления феодализма, однако из его изложения совершенно ясно, что такая стадия существовала и в феодальной формации.

В коммунистической формации специально выделяется первая фаза или стадия социализма.

Видимо, и рабовладельческая общественно-экономическая формация не представляет исключения и ее также можно подразделить на три фазы или стадии, которые условно определяются как стадия патриархальная или раннерабовладельческая, стадия развитых форм рабовладельческого общества или «классическое» рабство, стадия позднего рабовладельческого общества.

Вычленение отдельных стадий или фаз формации важно в теоретическом отношении и играет большую роль в анализе понятия формации. В. И. Ленин подробно останавливается на анализе исторического процесса смены различных стадий развития капитализма в русской промышленности. Он писал: «Главных стадий этого развития три: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия). ...Связь и преемственность указанных нами форм промышленности — самая непосредственная и самая тесная. Факты совершенно ясно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию... Три основные формы промышленности, названные выше, отличаются прежде всего различным укладом техники... В связи с различным укладом техники мы видим различные стадии развития капитализма... Самый характер развития производства изменяется на различных стадиях капитализма»<sup>36</sup>.

В другом месте В. И. Ленин писал: «Теория же Маркса называет крупной машинной (фабричной) индустрией лишь определенную, именно высшую, ступень капитализма в промышленности. Основной и наиболее существенный признак этой стадии состоит в употреблении для производства системы машин. Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный технический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц, полный разрыв с традицией, обострение и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капитализмом»<sup>37</sup>.

<sup>35</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 483.

<sup>36</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 542–544.

<sup>37</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 455.

Характеризуя смену разных стадий капитализма, В. И. Ленин особенно подчеркивает изменения в производстве, употребляя даже термин «полный технический переворот». Он указывает на серьезные изменения в системе производственных отношений при переходе из одной стадии в другую. Анализируя роль государства в эпоху империализма как последней стадии капитализма, В. И. Ленин указывал и на изменения в системе государственной организации, происходящие в пределах этой стадии и отличающие империалистическое государство<sup>38</sup>. Таким образом, каждая фаза или стадия выступает в виде особого качественного состояния общества, характеризующегося специфическими производственными особенностями, социальной структурой и своеобразной политической организацией.

Однако этим специфические качественные состояния общества имеют и общие признаки, которые позволяют говорить о них, как о разных стадиях или фазах одной формации при всех их различиях.

В работах В. И. Ленина дано решение важнейшего вопроса о превращении одной стадии формации в другую. Особенно наглядно это показано на примерах превращения раннего капитализма в примышленный капитализм и последнего в империализм, на примере трансформации развитого феодализма в его последнюю стадию, стадию разложения. Такое превращение одной стадии в другую проходит принципиально иным образом, чем превращение одной формации в другую.

При превращении одной стадии формации в другую не происходит коренного изменения классовой структуры общества и государства, хотя значительно усложняется социальная структура и особенно сильно перестраивается хозяйственная жизнь. Именно известная стабильность классовой структуры и государственной организации при прочих существенных изменениях (особенно больших как раз в производстве) обеспечивает в целом преемственность в развитии, позволяет рассматривать предшествующую и последующую стадии как две фазы одной и той же формации, а характер этого перехода определить не как социальную революцию, а как явление другого порядка, который можно даже определить термином «переворот». Именно таким переходным временем был III век до н. э. — век, который для римского общества был веком превращения ранней стадии рабовладельческого общества в зрелую, оформившуюся к началу II в. до н. э.

При теоретическом анализе смены разных стадий одной формации следует учитывать некоторые особенности, характерные только для капиталистической формации. Поэтому неосторожным было бы распространять все приемы и результаты анализа различных фаз капиталистической формации на общую характеристику фаз формации вообще. В докапиталистических формациях, в частности рабовладельческой и феодальной, производство базировалось на ручном труде, а не на машинной технике, и потому разные фазы формации не могли столь резко различаться по техническому уровню производства, как, например, мануфактурная стадия и фаза промышленного капитализма. Точно так же и прочие изменения не были столь резко очерченными и глубокими, преемственность и черты сходства главных характеристик различных стадий были значительно большими, чем при капитализме, а границы стадий были нечеткими и размытыми.

В рабовладельческой формации в ее зрелой стадии получает известное развитие товарное производство<sup>39</sup>, значительно ускорившее развитие производства вообще и

<sup>38</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 354–356, 370, 398–400.

<sup>39</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 364–365. Маркс говорит о рабовладельческой системе, направленной на производство прибавочной стоимости.

приведшее к серьезным изменениям в области социальных отношений, политической организации и идеологии. Известные успехи товарного производства наложили черты значительного своеобразия на стадию классического рабства в рабовладельческой формации и относительно четко отграничили ее от других стадий.

В. И. Ленин многократно подчеркивал, что в пределах каждой формации действуют свои специфические законы, свойственные именно данной формации и никакой другой, развивающиеся и действующие на основе общих исторических законов. Возникает вопрос: а не развиваются ли в пределах отдельных стадий формации и закономерности более низкого порядка? Ленинский анализ последней стадии развития капитализма — империализма показывает нам некоторые новые закономерности более частного порядка, ранее неизвестные; так, например, начинает действовать закон неравномерного развития отдельных стран, знаменитый закон, на основе которого В. И. Ленин сделал свой гениальный вывод о возможности победы социалистической революции в отдельно взятой стране<sup>40</sup>. Ленинское исследование особенностей империализма также показывает, как видоизменились классовые взаимоотношения и производство, какие новые закономерности, развившиеся на основе более общих законов капитализма, появились в экономической и общественной жизни<sup>41</sup>.

Эти ленинские положения имеют общее значение: они применимы к анализу не только одного периода и одной формации, но формаций вообще. Поэтому теоретически необходимо при анализе различных стадий рабовладельческой формации исследовать специфические закономерности, которые действуют в пределах одной стадии и видоизменяются или утрачивают свое действие в новой фазе. Причем если в капиталистической формации такие специфические закономерности развиваются в период империализма, который имеет столь много общего с предшествующей стадией, то с тем большей силой это правило должно действовать в условиях докапиталистических формаций, особенно рабовладельческой, когда вариантность развития, вызванная разнообразными природными и историческими условиями, была очень большой.

Три стадии или фазы формации — это полный цикл ее развития, подразумеваемого самим понятием общественно-экономической формации. Однако это отнюдь не означает, что все без исключения общества той или иной формации должны обязательно пройти все три стадии или фазы развития. В одних обществах, например, в силу конкретных исторических условий затягивается период становления формации, период функционирования зрелых форм может быть очень краток с быстрым переходом в последнюю стадию, которая тоже может растягиваться на длительное время. В России и Германии капиталистическая формация имела, например, недолгий период расцвета и быстро перешла от затяжной начальной стадии капитализма почти непосредственно в последнюю — империализм. Во Франции фаза становления капитализма была гораздо менее длительной, чем, скажем, в Англии или Италии. В древности стадия становления рабовладельческой формации в Италии, Галлии, Испании была короче, чем, например, в греческих полисах. Третья фаза формации, стадия кризиса также имеет различную длительность в различных обществах. Например, в России период империализма был очень коротким (около двух десятилетий). В античном Западном Средиземноморье последний этап рабовладельческой формации был относительно коротким, около двух с половиной столетий, в то время как в Восточном — Византии — он затянулся на пять-шесть столетий.

<sup>40</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354; Т. 30. С. 133.

<sup>41</sup> Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 301–426.

Остановимся несколько подробнее на особенностях каждой стадии или фазы, и в частности, первой фазы — становления формации. «Теоретически не подлежит сомнению, что между капитализмом и коммунизмом лежит известный переходный период. Он не может не соединять в себе черты или свойства обоих этих укладов общественного хозяйства. Этот переходный период не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом; — или иными словами: между побежденным, но не уничтоженным, капитализмом и родившимся, но совсем еще слабым коммунизмом.

Не только для марксиста, но для всякого образованного человека, знакомого так или иначе с теорией развития, необходимость целой исторической эпохи, которая отличается этими чертами переходного периода, должна быть ясна сама собою»<sup>42</sup>.

Это теоретическое положение Ленина имеет силу для анализа понятия формации в целом, позволяя, в частности, говорить об особой фазе, низшей фазе, особом периоде становления новой формации, соединяющем в себе черты и свойства старой и новой формации.

В работах, посвященных анализу империализма, В. И. Ленин распространяет свойства переходного периода также и на какой-то период в развитии империализма, понимая под переходным периодом конец старой формации и низшую стадию новой. «Капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу»<sup>43</sup>. Таким образом, сам переходный период можно подразделить на две подфазы: первая подфаза, так сказать, утробного развития в лоне старой формации и вторая подфаза — собственно становление новой в борьбе с побежденной, но не уничтоженной старой. Особо важен период «внутриутробного» развития для досоциалистических формаций, он имеет значительную хронологическую протяженность, в силу замедленного темпа развития, классовой преемственности формаций, отсутствия четкой грани между ними.

В этот период происходит складывание экономических предпосылок новой формации наряду с существованием старой экономической структуры, частичное перерождение старой структуры в новую и, наоборот, обременение новой структуры элементами старой. Следовательно, происходит усложнение экономической структуры, она становится разнохарактерной и разнотипной. Аналогичный процесс происходит и в классовой, и в сословной структуре — она усложняется. Новые классы и сословия, связанные с новым укладом, в это время еще не окрепли и не организовались. К тому же старые классы, более сплоченные, кроме экономического и социального могущества, располагают громадной политической и идеологической надстройкой, действующей в их интересах. Все эти обстоятельства тормозят процесс «внутриутробного» развития, но не могут прекратить его, причем особенно интенсивно из-

<sup>42</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 271–272.

<sup>43</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385; Там же. С. 420–421: «Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу»; С. 422: «Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала».

меняется в ходе этого развития старый способ производства, т.е. экономические отношения.

Вторая подфаза переходного периода, собственно время становления новой формации, начинается после перехода политической власти в руки нового класса.

С этого времени становление новой формации значительно ускоряется, ибо новый способ производства развивается в более благоприятной классовой и социальной обстановке, в условиях активного содействия политической и идеологической надстройки (хотя и теперь остатки старой формации еще существуют в виде уклада и оказывают свое тормозящее действие). В течение этой подфазы завершается создание экономической и общественной структуры, а также, что особенно важно, новой надстройки, политической и идеологической, т. е. оформление новой формации сверху донизу и изживание элементов старой формации.

Отражая единый в сущности процесс складывания новых производственных отношений, период становления принимает, однако, в разных странах разные, часто несходные формы. Например, становление капиталистических отношений, более или менее однородных по своему существу, протекало в разных формах в Англии, во Франции, США, Германии, в России, в Японии. Это различие форм определялось разными итогами в борьбе между остатками старой и новой формации, историческими и географическими особенностями каждой страны. Эти же условия определили и различную продолжительность периода становления капитализма: от 150 лет в Англии до нескольких десятилетий во Франции, Японии, России.

Продолжительность периода становления формации зависит также от наличия или отсутствия опыта других стран. В Англии такой период растянулся на 150 лет, а во Франции он потребовал времени, приблизительно в два раза меньшего. В США, России, Японии, вступивших на этот путь позже, период становления капитализма был еще короче. Это объясняется тем, что указанные страны развивались уже в таких условиях, когда преимущества новой формации принципиально были известны на конкретном примере некоторых стран, — тем самым в действиях новых классов проявлялось больше сознательности, не говоря уже о том, что к передовым странам были развиты мощные производственные силы, использование которых на почве той или иной страны было несравненно легче, чем их создание, так сказать, на новом месте.

Общественно-экономическая формация достигает своего наиболее полного развития лишь на стадии функционирования зрелых форм. Эта стадия характеризуется наиболее полным соответствием производительных сил и производственных отношений, создающим максимально благоприятные условия для расцвета всех сторон общества, его экономики. Именно в этот период производительные силы развиваются наиболее быстро, что находит свое отражение в появлении новых орудий труда, в выработке наиболее рациональной организации и оптимальной формы хозяйства, в наивысшей для формации производительности труда. Происходит оформление типичной для данной формации классовой и социальной структуры, ее известное упрочение, поскольку именно теперь достигает наиболее четкого проявления основной классовой антагонизм, подчиняющий себе все другие.

Так как основной классовой антагонизм проявляется в этой фазе наиболее остро, то при благоприятных условиях он выливается в крупные восстания (какими были, например, сицилийские восстания, движение Спартака). Эти восстания хотя и наносили сильные удары по общественной системе, но тем самым совершенствовали ее, оказываясь, по сути, проявлениями нормального функционирования этой системы.

В этой фазе происходит завершение оформления политической и идеологической надстройки. Именно теперь она наиболее адекватно отвечает экономике и классово-социальной структуре. Такое соответствие — наиболее глубокая основа культурного расцвета данного общества.

Функционирование зрелых форм, их наиболее полное раскрытие позволяет отразить их в виде модели данной общественно-экономической формации. Как известно, мастерский анализ промышленного капитализма К. Марксом дал ему возможность построить модель этой формации в его гениальном «Капитале». В сущности говоря, наши представления о рабовладельческой и феодальной формациях опираются как раз на те отношения, которые оформились во второй фазе их развития — фазе зрелости.

Внутренняя основа развития второй фазы формации — относительное соответствие производственных отношений характеру производительных сил, а это соответствие, это равновесие не может быть устойчивым в течение длительного периода. Не может быть потому, что процесс развития производительных сил непрерывен. Следовательно, теоретически вторая фаза или стадия развития формации не может быть очень длительной по времени.

Правда, при замедленном темпе развития производительных сил, например рабовладельческой или феодальной формации, этот период был значительно продолжительнее, чем в условиях капитализма. Так, в Риме он охватывал около четырех столетий, четыре-пять столетий продолжалось функционирование зрелых форм европейского феодализма.

Несколько выше уже говорилось, что в самых общих чертах деление формации на три стадии и выделение в качестве особой фазы периода кризиса и разложения было дано В. И. Лениным еще в ранних работах.

Однако всесторонняя и полная разработка этой важнейшей проблемы была предпринята В. И. Лениным в период мировой войны в связи с его гениальным анализом империализма и определением империализма как особой последней стадии капитализма. Как известно, не только буржуазные теоретики, но и теоретики II Интернационала (например, К. Каутский) не смогли установить появление этой стадии. Ленинские работы, содержащие анализ особенностей империализма, не только важны для понимания капиталистической формации, но имеют и общетеоретическое значение для анализа понятия формации.

В. И. Ленин определяет империализм как последнюю стадию загнивания капитализма, как канун новой формации. Однако это не означает, что в пределах этой стадии нет движения производства и общества вперед. При империализме, писал В. И. Ленин, «нисколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды»<sup>44</sup>. «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)»<sup>45</sup>. Иначе говоря, в последней стадии еще проявляется жизнеспособность системы. В новой стадии развиваются и действуют

<sup>44</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 164.

<sup>45</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 422–423.

уже несколько иные движущие силы, чем в зрелой фазе. Особенность состоит в том, что происходит развитие элементов нового уклада, трансформация прежних отношений в новые, и все это в условиях экономического и политического господства старых отношений, еще способных к развитию. Постепенно в это время складываются по всем линиям элементы переходного периода, и непосредственно начинается общий кризис системы.

Сложный характер последней стадии развития формации, противоречивость процесса развития на этой стадии могут затемнить ее сущность, если обратить внимание только на одну сторону явления. Очевидно, так бывает с исследователями, например, общественной жизни позднеимперского общества, когда одни указывают, например, на рождение новых феодальных отношений, а другие обращают внимание лишь на существование старых.

Другой недостаток некоторых работ — отрицание движения вперед в это время в отдельных отраслях, в отдельных странах, в отдельные периоды. Одни видят в римском обществе IV–V вв. сплошной упадок и кризис, без какого бы то ни было движения вперед. Другие говорят о развитии производительных сил, но связывают это развитие лишь с новым укладом, считая возможности рабовладельческой системы уже целиком исчерпанными.

Наиболее динамичная и определяющая сила в развитии формации — производительные силы. Именно здесь раньше всего начинается движение вперед и закладывается основа новой формации.

Производственные отношения сначала видоизменяются и совершенствуются, не теряя своего качества, в рамках старой формации, что и обеспечивает поступательное движение производительных сил. Поскольку производственные отношения зависят от развития производительных сил и отражают это развитие, то качественные изменения в них запаздывают во времени по сравнению с ростом последних. Изменения же классовой и социальной структуры запаздывают сравнительно с развитием производственных отношений, наконец, политическая надстройка и идеология завершают это развитие позже всех других частей системы. Иначе говоря, производственные отношения, общественная структура, политическая организация более консервативны, а в какой-то момент и реакционны и, следовательно, нуждаются в том, чтобы их «уронили», т.е. уничтожили насильственно, революционным путем.

Как известно, В. И. Ленину принадлежит детально разработанная теория социальной революции. Не вдаваясь здесь в разбор этой теории (это особый и большой вопрос), следует остановиться лишь на одном из ее положений: о складывании предпосылок социальной революции в последнюю стадию формации. В этот период складываются объективные условия социальной революции, ее экономические и отчасти социальные предпосылки, оформляется новый социально-экономический уклад. Сама последняя стадия развития формации может быть разделена на две подфазы: первую, когда формация обнаруживает свою жизнеспособность, вторую, когда начинается движение вниз, когда созрели не только экономические, но и социальные предпосылки для захвата власти, т.е. превращения политической организации и идеологической надстройки из орудия старых классов в инструмент новой социальной организации. Именно во время этой второй подфазы последней стадии складываются очень часто революционные ситуация, могущие перерасти в революцию.

Отсутствие революционного организованного класса может привести к тому, что существующие экономические и социальные предпосылки и даже складываю-



щиеся революционные ситуации не перерастают в революции и последняя стадия старой отжившей формации растягивается во времени, а общий процесс развития приобретает длительный и мучительный характер. Последняя стадия является временем особого обострения классовой борьбы, в которой переплетаются обострившиеся основные классовые противоречия старой формации (поскольку старые производственные отношения еще господствуют), к которым присоединяется все более и более нараставшее противоречие между старым господствующим классом и новыми классами новой формации. Вот почему различные вспышки классовой борьбы этого периода особенно опасны для господствующего класса, так как они непосредственно угрожают его политическому господству.

Объективно на последней стадии той или иной формации (мы имеем в виду докапиталистические формации) приобретает особое значение борьба внутри господствующего класса, и его борьба с нарождающимся новым господствующим классом, ибо теоретически борьба между отживающим классом (как классом), например, рабовладельцев, и новым классом феодалов выступает как борьба антагонистических классов в конечном счете (так же как, например, борьба между дворянством и буржуазией в конце феодальной формации), хотя между ними существует и много точек соприкосновения. Восстания же угнетенных масс (как угнетенного класса старой формации, так и угнетенного класса новой формации) образуют почву, базис, основание, на которых развертывается основной антагонизм между ведущими классами новой и старой общественных систем.

Последний вопрос, на который хотелось бы обратить внимание, — вопрос, вытекающий из теории развития общества по спирали, из коренного отличия первобытнообщинного строя от классовых формаций и классовых антагонистических формаций от коммунистической общественно-экономической формации. Последнее положение предполагает известную близость между антагонистическими формациями в силу того важнейшего обстоятельства, что все три — рабовладельческая, феодальная и капиталистическая — характеризуются ожесточенной классовой борьбой, которая требует мощной государственной организации. Именно в силу этого каждый новый класс, овладевавший государственной машиной, не разрушал ее, а лишь доделывал и совершенствовал. Поэтому в политической надстройке и идеологии этих трех формаций много преемственности и общности. Эта общность проявляется не только в методах политического подавления, но и в методах социального и классового угнетения, так как наиболее общие задачи социального угнетения в любом классово-антагонистическом обществе более или менее сходны.

Известное сходство между рабовладельческой и феодальной или феодальной и капиталистической формациями вызывается и генетическими причинами, так как последний период старой формации и первый период новой формации имеют много общих черт, иногда столь много, что за хронологическую грань между ними приходится принимать какой-нибудь условный рубеж.

Понятие общественно-экономической формации, одно из фундаментальных понятий исторического материализма, богато содержанием и велико по объему, как та разнообразная историческая действительность на определенном отрезке развития человечества, отражением которой оно является. Это понятие, всесторонне разработанное в трудах В. И. Ленина, богато и многообразно. Как правильно отражающее богатую и сложную историческую действительность, это понятие не насилует реальную жизнь, не загоняет ее в прокрустово ложе произвольной абстракции, а раскрывает ее многие стороны, доселе неизвестные, объясняя темные места, вскрывает главные связи, т.е. служит могущественным инструментом познания.

**С. Л. Утченко — историк античного мира\***

Оценивая вклад С. Л. Утченко в науку о древности, прежде всего надо отметить, что все его научное творчество было тесно связано с основными направлениями развития советской историографии античности в послевоенный период. Каждый этап этого развития нашел то или иное отражение в его деятельности и как исследователя, и как организатора науки.

В конце 40-х — начале 50-х гг., когда С. Л. Утченко после демобилизации из Советской армии активно включился в научную работу, в нашей науке об античности в связи с началом работы над томами «Всемирной истории», посвященными древнему Востоку и античности, возникла необходимость заново рассмотреть целый ряд теоретических вопросов, таких, как проблема кризиса и крушения рабовладельческого способа производства, вопрос о социальной структуре античного общества и роли классовой борьбы в его развитии, проблема периодизации древней истории и теоретической оценки таких явлений в социально-политической жизни древнего мира, как становление, расцвет и кризис полиса в Греции, как падение республики и возникновение империи в Риме и многих других. Все эти вопросы настоятельно требовали разрешения или хотя бы достаточно четкой формулировки, чтобы обеспечить дальнейшее развитие марксистской исторической науки об античности. Со всей остротой они встали во время дискуссий, связанных с обсуждением проспекта второго тома «Всемирной истории», посвященного эпохе развитой рабовладельческой формации.

Уже в ходе этих дискуссий С. Л. Утченко выступил против отождествления кульминационного пункта развития рабовладельческого способа производства, рабовладельческой формации с наивысшим расцветом античного полиса и отождествления кризиса полиса с кризисом рабовладельческого строя. Он сформулировал и достаточно убедительно аргументировал для того времени новое и, казалось бы, спорное, теперь же общепринятое положение: классический полис, каким были Афины и до известного периода Рим, не представлял собой наиболее адекватную форму функционирования рабовладельческого способа производства, достигшего наивысшего расцвета. Полис, хотя в нем и использовался труд рабов, основывался (что, как известно, отметил еще К. Маркс<sup>46</sup>) на мелком производстве свободных крестьян и ремесленников — собственников земли и средств производства, когда, в неразрывной связи с углублением имущественного и социального неравенства, с возникновением более или менее крупных состояний, расширяется использование труда рабов, когда рабство овладевает производством<sup>47</sup>, начинается кризис полиса, возникают новые социально-политические образования, дающие наибольший простор развитию рабовладельческих отношений. Именно в результате разложения классического полиса они достигают своего максимального расцвета, и лишь много времени спустя начинается их упадок и кризис рабовладельческого способа производства.

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1977. № 1. С. 17–24 (совместно с Е. М. Штаерман и М. А. Коростовцевым).

<sup>46</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 346. Прим. 24.

<sup>47</sup> Там же.

Такая трактовка судеб полиса, в полной мере отвечавшая историческим фактам<sup>48</sup> позволяла построить историю рабовладельческой формации (как и отдельных ее периодов) на значительно более прочной теоретической и методологической основе.

В тех же дискуссиях обсуждался и вопрос о природе полиса: можно ли его определить только как политическую структуру, или он представлял собой систему неразрывно связанных социально-экономических и политических отношений, определявших также социальную психологию, идеологию, культуру его граждан. С. Л. Утченко решительно стал на последнюю, несомненно более правильную и теперь, видимо, уже не вызывающую сомнений точку зрения. Отсюда его постоянный интерес к полису, к античной гражданской общине и ее типам. Свою первую большую монографию «Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики» (М., 1952) он начал с вводной главы, посвященной сопоставлению греческого полиса и римской *civitas*. Исходя из темы всего исследования, он останавливался здесь, главным образом, на тех моментах, которые определили специфику политической и идеологической жизни полиса и *civitas*: преобладание торгово-ремесленных слоев в первом, аграрных — во второй, чему отвечала иная структура и соответственно иная роль афинского демоса и римского плебса; различные пути становления полиса и *civitas* и их политических институтов, — в частности, в первом случае — «чистый», обусловленный лишь внутренними движущими силами, путь формирования полиса, его классов и институтов, более четких (т. е. шедших в рамках одной общины) социальных конфликтов, более полная победа демоса и определяющая роль народного собрания. Исходя из тех же моментов, объяснялся осложненный борьбой двух общин, патрицианской и плебейской, а также внешней экспансией путь становления римской *civitas*, путь, с которым были связаны политическая слабость плебса, обусловленная малым влиянием торгово-ремесленных слоев, оторванность от плебса сословия всадников, владевших наиболее значительными торговыми и финансовыми капиталами, менее демократическое устройство римской *civitas*, преобладающее значение наделенных империем магистратов.

Уже в этой работе С. Л. Утченко исходил из основных черт античной гражданской общины как отправных пунктов для анализа протекавших в Греции и Риме процессов общественного развития. Значительно шире методология такого анализа разрабатывается и аргументируется им в его капитальном труде «Кризис и падение римской республики» (М., 1965). За годы, прошедшие между написанием этих монографий, проблема полиса так или иначе продолжала обсуждаться в связи с начатым тогда детальным исследованием истории античного рабства, с дискуссиями об общем и особенном в структуре и истории древневосточных и античных обществ, с изучением римских провинций, для характеристики которых первостепенное значение имеет установление сущности и эволюции основывавшихся в них римлянами городов античного типа. К этому же времени в нашей научной литературе было в полной мере оценено значение рукописи К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и, соответственно, значение античной формы собственности как основы античной гражданской общины, представлявшей собой совокупность особых, неповторимых социально-экономических и политических структур. Такой подход полностью исключал возможность какой бы то ни было модернизации

<sup>48</sup> Например, тому обстоятельству, что рабовладельческий способ производства достиг своего наибольшего распространения и шири, и вглубь в I в. до н. э. — II в. н. э., т. е. когда разложение классических полисов осталось далеко позади.

античности и давал отправную точку для анализа имевших место в ее рамках процессов исторического развития.

Основные специфические черты античной гражданской общины, присущие (несмотря на их различия) и греческому полису, и римской *civitas*, С. Л. Утченко четко охарактеризовал, проанализировав их значение, во введении к вышеупомянутой монографии. Он подчеркивал, что полис не был только политической надстройкой над античной формой собственности, сохранение и защиту которой обеспечивали все полисные институты, вся проводившаяся полисом политика, руководившаяся необходимостью гарантировать воспроизводство античной формы собственности, ее стабильность. Сюда относятся взаимосвязь земельной собственности с гражданством, наличие *ager publicus*, признание города верховным собственником земли, замкнутость гражданства, элементы демократии в самой основе полисного устройства — роль народного собрания, связь прав и обязанностей с размерами земельной собственности.

Данная С. Л. Утченко характеристика античной гражданской общины, антично-го полиса не может не приниматься во внимание изучающими древний мир историками, стремящимися понять специфику древних обществ.

Но, поскольку такая специфика установлена, становится ясно, что ее следует искать по всем областям жизни и истории греко-римского мира, в частности, в его социальной структуре, пытаться конструировать которую по образу и подобию социальной структуры мира капиталистического — совершенно неправомерно. Еще в 1951 г. С. Л. Утченко выступил со статьей о классах античного общества<sup>49</sup>, где полемизировал с упрощенными представлениями о наличии в древности только двух классов — рабов и рабовладельцев. Согласно этим представлениям к последним причислялись все свободные на том основании, что они были «потенциальными рабовладельцами», или, что они, получая вспомоществование от государства и богатых сограждан, тоже участвовали в эксплуатации рабов. Соответственно едва ли не единственной движущей силой истории античного мира признавалась борьба рабов против рабовладельцев. Рабы и рабовладельцы рассматривались как классы монолитные, что затрудняло изучение конфликтов в среде рабовладельцев и вело к более или менее полному игнорированию сущности и направленности различных политических идеологических течений, которые все квалифицировались, в основном, как идеология рабовладельцев.

В противоположность такой точке зрения, С. Л. Утченко доказывал, что если упомянутые два класса были основными антагонистическими классами рабовладельческого общества, то нельзя сбрасывать со счетов и класс свободных мелких производителей — крестьян и ремесленников. Впоследствии он не раз возвращался к этой проблеме, вырабатывая новые подходы к ее разрешению, изучая труды классиков марксизма о классах и классовой борьбе. Свою сложившуюся таким образом точку зрения он изложил в написанном совместно с И. М. Дьяконовым докладе для XIII Международного конгресса исторических наук<sup>50</sup> и в книге «Цицерон и го время» (М., 1972).

С. Л. Утченко, опираясь на известные высказывания В. И. Ленина о классах-сословиях докапиталистических обществ, отличных от «чистых», бессловных клас-

<sup>49</sup> Утченко С. Л. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества // ВДИ. 1951. № 4. С. 15–21.

<sup>50</sup> Дьяконов И. М., Утченко С. Л. Социальная стратификация древнего общества. М., 1970.

сов общества капиталистического<sup>51</sup>, и К. Маркса о своеобразии положения в Греции и Риме рабов, стоявших вне гражданского общества и служивших «пьедесталом»<sup>52</sup> в борьбе между свободными богачами и свободными бедняками, уточняет проблему социального строя античности. Он не отказался от своей прежней общей характеристики ее социальной структуры как включавшей классы рабов, рабовладельцев и свободных мелких производителей, но признал ее несколько схематичной, нуждающейся в известной детализации. Наличие классов-сословий, переплетение классового и сословного деления, пишет он, затрудняет адекватное описание античного общества с помощью двух- или трехчленной схемы. Его нельзя «модернизировать», строить по образу и подобию общества капиталистического. Четкой и ясной картины классовых отношений, характерной для последнего, в древности не было, как не было и не связанных так или иначе с сословным и статусным делением классов. Игнорировать этот факт, продолжает С. Л. Утченко, значит отрицать развитие от формации к формации классов и классовой борьбы как общественных и исторических категорий. Следует, подчеркивает он, постоянно иметь в виду, что социальная структура античного общества была классово-сословной структурой, а это обуславливало неоднозначность связей между производственным положением и правовым статусом. К одному сословию могли относиться и эксплуатируемые, и эксплуататоры, а люди, отношение которых к средствам производства было одинаковым, могли входить в разные сословия, обладать разным правовым статусом. Уточнения, пишет он, требуют и наши представления об основных классах — рабовладельцах и рабах. Термин «рабовладельцы», по мнению С. Л. Утченко, носит слишком общий, нивелирующий характер. На деле же господствующий класс античного мира в разные эпохи его истории и в разных его регионах был неодинаков; так, например, несомненно различие между правящим классом Афин эпохи расцвета и эллинистического Египта, раннего Рима и Римской империи. Рабы также не представляли собой монолитного класса. С развитием римского рабовладельческого общества класс-сословие рабов дифференцируется, для ряда групп рабов классовая и сословная принадлежность перестает совпадать. Антагонизмы различных общественных классов, как и классовая борьба в античном мире, усложнены тем, что наряду с классами и в тесном переплетении с ними существовали сословия, статусы, иерархически соподчиненные группировки, и в этой усложненности — специфика структуры античного общества. Не замечать ее так же неправомерно, как игнорировать классы и классовую дифференциацию, — то и другое может повести к антиисторическому подходу, к модернизации («Цицерон и его время». С. 58–64).

Приведенные соображения С. Л. Утченко имеют тем большее значение, что вопрос о социальной структуре античного и, в частности, римского мира привлекает все большее внимание зарубежных историков, как далеких от марксизма, так и в той или иной степени к нему приближающихся, причем представляет значительные трудности и для последних. Многочисленность сословных и статусных (в основном связанных с правами гражданства) групп и слоев затемняет для них наличие классов, тем более, что, как известно, само понятие «класс» в западной литературе разными историками и социологами толкуется по-разному и, по большей части, весьма произвольно и нечетко. Даже те из них, которые пытаются разобраться в марксистском понимании этого вопроса, не используют ленинского определения классов-сословий,

<sup>51</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 476; Т. 6. С. 311.

<sup>52</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 375.

характерных для докапиталистических формаций, почему соотношение статусного, сословного и классового деления, так же как и определяющая роль последнего, остаются для них непонятными. Без сомнения, С. Л. Утченко был совершенно прав, выступая против игнорирования специфики социальной структуры древних обществ, мешающего с достаточной глубиной изучать особенности классовой борьбы и обусловленные ею процессы. Ведь и при анализе тех или иных событий или периодов в истории капиталистической формации с ее ничем не затемненным, предельно четким делением общества на два антагонистических класса, основоположники марксизма тщательнейшим образом вскрывали и анализировали положение, роль, значение, интересы неосновных классов, промежуточных социальных слоев и групп в их соотношении с основными классами, с основной линией классовой борьбы. Столь же тщательно, без сомнения, должны учитываться различные слои и группы в разные периоды существования античного мира, с их не только классовыми, но и сословными и статусными связями, с их эволюцией, обусловленной развитием социально-экономических отношений в целом и исторически сложившимися особенностями того или иного региона.

Стоит, между прочим, упомянуть, что С. Л. Утченко впервые обратил внимание на такой слой римского общества, как интеллигенция, которая формировалась из различных общественных элементов — от рабов до средних слоев свободнорожденных граждан — и, несомненно, играла важную роль в истории последних веков республики и в эпоху империи. Как одного из самых ярких представителей такой интеллигенции С. Л. Утченко характеризовал и Цицерона.

Исходя из своей концепции полиса, как специфической основы античного мира, социальной структуры последнего, а, следовательно, и особенностей классовой борьбы, С. Л. Утченко развил оригинальную и глубоко аргументированную концепцию падения римской республики и возникновения империи (прежде всего в его вышеупомянутой книге «Кризис и падение Римской республики»).

Чтобы по достоинству оценить эту концепцию С. Л. Утченко, напомним некоторые бытовавшие в нашей науке в период его работы над книгой точки зрения на эту проблему. Высказывались мнения, что переход от республики к империи был результатом подавления революционных движений рабов и, особенно, восстания Спартака, результатом консолидации класса рабовладельцев, сплотившихся против рабов. Но такое слишком ригористическое толкование событий не давало достаточно исчерпывающего объяснения перипетиям начавшихся с Гракхов гражданских войн и конфликтов среди свободных (рассматривавшихся как актуальные и «потенциальные» рабовладельцы), не объясняло, чем отличалась социальная база империи от социальной базы республики и что лежало в основе последующих социальных конфликтов времен Юлиев-Клавдиев и Флавиев.

Поскольку четкий анализ социальной базы империи отсутствовал, ее определяли как военную диктатуру, опиравшуюся на деклассированную армию и проводившую политику лавирования между различными социальными слоями, что (с учетом разницы между капиталистическим и рабовладельческим обществом) позволяло проводить параллели между «цезаризмом» и «бонапартизмом». Но при такой трактовке неизбежно возникают вопросы, которые остаются без ответа. Как могла в течение пятисот лет просуществовать проводящая политику лавирования военная диктатура, т.е. государство, не имеющее достаточно широкой и прочной социальной опоры, когда весь опыт истории показывает, что подобные государственные формы обычно существовали лишь в течение кратких промежутков времени, при переходе от одного государственного или общественного строя к другому? Как могло это государство ве-

ками опираться на деклассированную армию, тогда как армия, так же как и управленческий аппарат, всегда бывает тысячью нитей (по выражению В. И. Ленина<sup>53</sup>) связана с господствующим классом или теми или иными его фракциями? Такая аномалия требовала бы специальных разъяснений. Да и сам переворот, знаменовавший переход от республики к империи, оставался без четкой квалификации, поскольку все внимание сосредоточивалось на положении рабов и в стороне оставалась проблема собственности. Между тем, не подлежит сомнению, что формы эксплуатации в отрыве от форм собственности не могут стать основой исчерпывающей характеристики общества и сущности общественных движений. Сопровождалась ли эпоха римских гражданских войн, закончившаяся установлением империи, «вторжением в отношения собственности»? А от ответа на этот вопрос зависел и ответ на вопрос, имела ли в то время в Риме место революция? Не просто смена одной государственной формы другой (как склонны понимать революцию некоторые западные историки) и не «революция рабов», не выдержавшая проверки фактами, а политическая и социальная революция, в основе которой лежит совершающаяся в результате широких массовых движений смена отношений собственности и, как следствие, смена у власти одного класса другим или одной фракции господствующего класса другой его фракцией.

Концепция, предложенная С. Л. Утченко, давала ответ на многие из этих вопросов. С его точки зрения, в основе протекавших в Риме в последние полтора века существования республики процессов, завершившихся установлением единоличной власти Августа, лежало обусловленное превращением Рима в огромную державу разложение античной формы собственности и всех порожденных ею полисных институтов. С. Л. Утченко рассматривает историю каждого из них со времен его установления и процветания до более или менее полного упадка, вскрывая его причины.

Один из важнейших симптомов кризиса политического устройства республики он видит в кризисе комиций, падении значения народного собрания, что связывает с разложением коллективной собственности, неотъемлемого элемента античной формы собственности, и с утверждением новых видов собственности, что знаменовало эволюцию собственности в сторону частной, неограниченной и неконтролируемой. Падает и роль терявшего свои земельные наделы плебса, расколовшегося на плебс сельский и городской, причем роль последнего возрастала за счет первого. Большое значение в эволюции полисной собственности, в исчезновении или, во всяком случае, ослаблении связи владельческих и гражданских прав С. Л. Утченко придает возникновению новой наемной армии, сменившей гражданскую ополчение. Ветераны со времени Мария начинают получать земельные наделы не по праву граждан, а в награду за свою службу. Земля из обеспечения бытия гражданина как такового превращается просто в один из видов недвижимого имущества. Традиционная линия аграрного законодательства — наделение земель неимущих граждан — сменяется сходной по форме, но отличной по содержанию линией — наделением земель ветеранов. Соответственно полисные традиции, полисные институты теряют для солдат и ветеранов свое значение, армия превращается в новую социально-политическую силу, не связанную с античной формой собственности, с античной гражданской общиной. Однако римская армия для С. Л. Утченко ни в коей мере не является деклассированной, оторванной от общества корпорацией, какой ее, как уже упоминалось выше, нередко считали и в зарубежной, и в нашей литературе. Напротив, армия, по его мнению, представляла интересы тех слоев, которые были в наименьшей сте-

<sup>53</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 440.

пени связаны с полисными институтами и полисной собственностью. Очень важна и нова также и его точка зрения на население провинций как на активного участника событий эпохи гражданских войн, особенно войн цезарианцев с помпеянцами и триумвиров с республиканцами, когда часть провинциалов поддерживала одну, часть — другую сторону, что оказывало большое влияние на ход военных действий и их конечный результат.

Рассмотрев, таким образом, разложение Рима как полиса, охарактеризовав те силы, которые участвовали в обусловленной трансформацией прежних отношений борьбе, а также события последних десятилетий республики, свидетельствовавшие о невозможности восстановить эти отношения и, в частности, опиравшуюся на плебс демократию, С. Л. Утченко переходит к анализу сущности имевшего место переворота. С его точки зрения, эпоха от Гракхов до Августа может быть квалифицирована как эпоха социальной революции. Однако для него сущность этой революции состоит не в смене политических форм, а ее кульминация падает не на последний период гражданских войн, предшествовавших непосредственно установлению империи, и не на восстание Спартака. Исходя из данных источников и отталкиваясь от высказываний классиков марксизма о характере классовой борьбы в античном мире, С. Л. Утченко говорит о двух линиях революционных массовых движений — крестьянской аграрной и рабской. Обе они были порождены кризисом полиса и развитием рабовладельческих отношений, но они не перекрещивались и не сливались в единый поток. Некогда бытовавшие в нашей науке представления о рабах как о «классе-гегемоне» революции, а о крестьянах как о «попутчиках», представления, основанные на модернизации античных отношений, не соответствуют ни известным нам фактам, ни марксистской теории классовой борьбы — борьбы, эволюционирующей с точки зрения ее организованности, сознательности, ясности целей от формации к формации и достигающей своего наивысшего развития при капитализме, когда классом-гегемоном революционного движения становится пролетариат. При всем значении спартаковского восстания, при всем уважении к героической борьбе его участников и выдающимся качествам самого Спартака как революционного и военного вождя, восстание его нельзя считать главной (а тем более — единственной) причиной перехода от республики к империи, как военной диктатуры рабовладельцев, сплотившихся против рабов. С. Л. Утченко, еще употреблявший термин «военная диктатура» в своей первой монографии, отказывается от него в книге «Кризис и падение Римской республики». Что же касается «консолидации класса рабовладельцев», то исследователь подчеркивает тот факт, что гражданские войны конца республики были, напротив, результатом раскола господствующего класса, отдельные слои которого боролись между собой за установление наиболее отвечающего их интересам социально-политического строя, выдвигая своих вождей и претендентов на власть.

Революцией или, вернее, кульминационным пунктом целой эпохи революции, нанесшей окончательный удар Риму как полису, С. Л. Утченко считает Союзническую войну, массовое восстание италийского крестьянства, требовавшего земли и политических прав, открывших доступ к земле. Фактическая победа италиков ликвидировала замкнутость гражданства, обуславливавшую гражданством в сравнительно небольшой общине владельческие права на ее территории, превратила в фикцию участие всех граждан в народном собрании, обусловила массовое пополнение легионов италиками, не связанными с традициями Рима-полиса. Так оказалась разрушенной уже ранее разлагавшаяся античная форма собственности, основа римской гражданской общины, т.е. произошло решительное «вторжение в отношения



собственности», характерное для всякой социальной революции. С. Л. Утченко приводит ряд примеров таких революций, имевших место внутри одной и той же формации (Крестьянская война 1525 г. в Германии, революция 1848 г. во Франции, революция 1905 г. в России), либо решавших задачи, оставшиеся нерешенными после социальных революций, знаменовавших смену одной формации другой, либо такие революции подготовлявших. Но, как и при всех досоциалистических революциях, широкие народные массы не пришли к власти, и требования их после Союзнической войны были удовлетворены лишь в незначительной мере. Их борьбой и победой воспользовались соперничавшие группировки господствующего класса. Последние гражданские войны и были результатом этого соперничества. Под таким углом зрения и рассматривает их С. Л. Утченко. Он показывает, что ни слабый, распыленный плебс, ни группировки, возникавшие среди сенаторов и всадников, не могли быть прочной опорой в борьбе за установление каких-то новых социально-политических форм. В Риме еще не было классов, способных создать свои партии в современном значении этого слова. С. Л. Утченко, опираясь на детальный терминологический анализ римских авторов, убедительно опровергает мнение тех, кто считал такими партиями оптиматов и популяров. Единственной организованной силой была армия. Цезарь, начинавший свою деятельность как популярь, на практике убедился в слабости римской демократии и римского плебса и понял, что в борьбе со своими противниками может опереться только на армию. Однако победа Цезаря, а впоследствии Августа не может рассматриваться как победа солдатского вождя, военного диктатора. В этой связи С. Л. Утченко в книге «Юлий Цезарь» (М., 1976) пересматривает представления, связанные с зародившимся в иную историческую эпоху понятием «цезаризм», доказывая их неосновательность в применении как к самому Цезарю, так и к последующим римским императорам. Действительно, по-видимому, Римская империя на любой стадии своего существования не в большей мере может считаться диктатурой, чем всякое иное государство в классовом обществе. При всем значении армии, как «материальной опоры» императорской власти, ее истинной широкой социальной опорой были поддерживавшие и Цезаря те, по словам С. Л. Утченко, «более перспективные» фракции господствующего класса, которые боролись со старой сенатской знатью и отеснили ее, лишив власти.

С. Л. Утченко не расшифровывает подробно свое понимание таких «перспективных» фракций или слоев, но все его исследование достаточно ясно показывает, что они собой представляли. С разложением Рима как полиса открывался широкий путь для рабовладельческого способа производства и на передний план выдвигается класс рабовладельцев в собственном смысле этого слова, т. е. более или менее значительных собственников средств производства и, в первую очередь, земли, ведущих свое хозяйство на основе эксплуатации находившихся в их полной собственности рабов и производивших более или менее значительную часть своей продукции на продажу. Этот класс уже окреп в городах Италии, издавна существовал в некоторых восточных провинциях и постепенно начал формироваться в городах западных провинций из переселявшихся туда италиков, наделенных землей ветеранов и романизовавшихся провинциалов. Он выступал против римской, а в провинциях и против местной крупной землевладельческой знати (часто связанной с раннерабовладельческими и нерабовладельческими формами эксплуатации и натуральным хозяйством), господство которой тормозило развитие социально-экономических и политических отношений, наиболее благоприятных для класса рабовладельцев. С установлением власти Цезаря и особенно Августа этот класс быстро набирает силу как носитель для того времени еще прогрессивного развитого рабовладельческого способа про-

изводства. Таким образом, совершается не только «вторжение в отношения собственности» (помимо крушения полисной собственности в Риме, следует учитывать и передачу значительной части земли, принадлежавшей ранее старой италийской и провинциальной знати, новым муниципальным собственникам), но и переход власти к иной фракции господствующего класса, формирование иной классовой базы римского государства. Поскольку же рабовладельческий способ производства был еще на подъеме, создание условий, обеспечивавших его дальнейшее развитие вширь и вглубь, было прогрессом, а не регрессом, каким склонны считать установление империи некоторые античники.

Такое понимание падения римской республики, основанное на марксистском подходе к анализу сущности революции, резко отличается от понимания ее буржуазными историками и, вместе с тем, гораздо более глубоко объясняет имевшие место в последний век республики и первые века империи события и процессы, чем попытка объяснить их «революцией рабов» и установлением военной диктатуры. Недаром книга С. Л. Утченко приобрела большую популярность не только в нашей стране, но и за рубежом.

Следует отметить также данную С. Л. Утченко совершенно справедливую критику восходящих еще к Моммзону бесчисленных попыток выявить юридические основы власти Августа (*imperium, auctoritas, tribunicia potestas*), чрезмерного преувеличения значения таких «основ» в ущерб анализу фактического положения дел. Август, пишет С. Л. Утченко, наименовал созданную им систему *respublica restituta*, хотя отлично знал, что это лишь пропагандистский лозунг, не соответствующий действительности. При всем значении юридического момента в анализе тех или иных социальных и политических сторон римской действительности совершенно неправильно преувеличивать его именно при анализе реальной сущности власти Августа и последующих императоров, в политике которых социальная демагогия играла исключительно большую роль.

Рассматривая падение республики и становление империи под охарактеризованным здесь углом зрения, С. Л. Утченко всегда уделял очень большое внимание идеологии борющихся между собою группировок. Ей была посвящена его первая книга. В ней С. Л. Утченко прослеживает издавна шедшую в Риме борьбу между филэллинской и охранительной тенденциями, совпадавшую с борьбой между идеологией, призывавшей к консолидации интересов всех граждан Рима, и идеологией, выдвигавшей на передний план интересы какого-то определенного общественного слоя. Первую тенденцию он прослеживает от старших анналистов и Катона до Августа; вторую — от младших анналистов до Саллюстия. Наиболее ярким представителем первого направления был Цицерон, второго — Саллюстий. С. Л. Утченко детально анализирует эволюцию взглядов того и другого в связи с эволюцией общего положения в Риме, разложением полисных институтов, обострением классовой борьбы. Он показывает значение и классовую сущность теории «упадка нравов» в политической концепции Саллюстия, как и учения о смешанном государственном устройстве и «согласии сословий» в концепции Цицерона. Обе концепции он сопоставляет с мероприятиями Цезаря, шедшего своим путем, который был подсказан насущными нуждами управления, а не некими утопическими планами, сводившимися, в общем, к возрождению Рима как полиса. Исходя из необходимости идеологически оформить созданную им систему, Август заимствовал «надпартийные» лозунги Цицерона, но последнего никак нельзя считать идеологом и провозвестником монархии, какого пытались видеть в нем многие историки.

Большой заслугой С. Л. Утченко был его тонкий анализ кризиса идеологии социальных слоев, сложившихся на основе полиса, в связи с кризисом самого полиса. Их политические учения были утопичны потому, что, как можно видеть из самого хода событий, начиная с Гракхов, возродить Рим как полис было невозможно. Вместе с тем, исследование С. Л. Утченко показывает, насколько живуча была полисная идеология и система ценностей, сложившаяся в условиях Рима-полиса. По существу говоря, социальные слои, объективно борющиеся за установление империи, не имели своей осознанной идеологии, сформулированной программы, противопоставляемой полисной, и даже Август, создавая идеологические основы принципата, сознательно или бессознательно вынужден был черпать материал из системы ценностей, из политических лозунгов той же римской гражданской общины. А это лишний раз подтверждает ее определяющую роль для всей системы, для всех структур римского общества и римской культуры.

К проблеме идеологии и идеологической борьбы С. Л. Утченко на более широкой основе вернулся в своей последней, еще не опубликованной книге «История политических учений в Риме». Центральное место в ней занимает история проникновения в Рим эллинистической культуры, ее трансформация там под влиянием основных черт римского мировоззрения, борьба с «чужеземными влияниями» и их постепенная адаптация. Процесс этот исследуется в тесной взаимосвязи с изучением классово-вой борьбы и конфликтов внутри господствующего класса. В противоположность тем, кто видит в Риме лишь сторону, пассивно воспринимавшую эллинистическую культуру, С. Л. Утченко показывает самобытность римской идеологии и культуры, вклад Рима в синкретическую античную культуру, распространившуюся по всему Средиземноморью при империи, но формировавшуюся уже при республике.

С. Л. Утченко был не только глубоким исследователем, но и превосходным стилистом, и в этом также причина большой популярности его книг среди широкой читающей публики. Интерес С. Л. Утченко к личности, характеру, целям и намерениям исторических деятелей выгодно отличает его работы от некоторых ранних наших работ по античности, в которых нередко живой исторический процесс затемнялся общими социологическими схемами.

С. Л. Утченко в изучавшейся им области истории дал образец творческой реализации общих положений исторического материализма о роли личности в истории на примерах основных политических деятелей и идеологов бурной и переломной эпохи римской истории конца республики. Уже в своей первой монографии об идейно-политической борьбе в Риме накануне падения республики (1952 г.) он уделил особое внимание характеристике взглядов и роли Саллюстия и Цицерона.

В последующих работах С. Л. Утченко развил и углубил этот подход. В его монографиях «Кризис и падение Римской республики» и «Древний Рим. События. Люди. Идеи» получила глубокую трактовку историческая роль Суллы, Помпея, Клодия, Цицерона, Цезаря, Октавиана.

Что характерно для этих работ С. Л. Утченко? Прежде всего, принципиальный отказ от всякой модернизации и подчеркивание глубочайшей связи данного исторического деятеля с его эпохой и определенным социальным слоем, решительное преодоление телеологизма, категорический отказ от мифов, сложившихся под влиянием конечных результатов деятельности того или иного протагониста, тщательное определение субъективных стремлений и объективных последствий в деятельности крупной исторической фигуры, их несовпадение, порождающее противоречивость, раздвоенность в конечных оценках роли конкретного деятеля.

Исследование политической деятельности ряда политических фигур I в. до н. э. позволило С. Л. Утченко дать оригинальные, весьма убедительно разработанные портреты исторических деятелей эпохи падения римской республики. Это можно показать хотя бы на примерах его анализа исторического значения Клодия и Помпея, но особенно Цицерона и Цезаря, весь материал о которых был изучен настолько досконально, известен так хорошо, что, казалось бы, вряд ли здесь можно что-нибудь сделать. Оригинальные и глубоко аргументированные оценки С. Л. Утченко покоятся на скрупулезном анализе каждой конкретной ситуации, выявлении всех возможных связей того или иного явления с другими, на новом чтении всего круга источников и размышлении о сущности исторического описания, принадлежащего пристрастным очевидцам. Историки, занимавшиеся изучением середины I в. до н. э., много внимания уделяли движению Клодия и фигуре его руководителя. Н. А. Машкину удалось преодолеть распространенную точку зрения на Клодия как на ставленника Цезаря, беспринципного анархиста, и показать его известную самостоятельность. Тщательный анализ ситуации позволил С. Л. Утченко внести существенные коррективы в понимание характера деятельности Клодия. Он обратил внимание на интерес Клодия к аграрным проблемам, на социальный состав отрядов Клодия, на сложность отношений Клодия с Цезарем. «Есть достаточные основания считать, — пишет он, — что в 50-х гг. широкое общественное мнение признавало главой популяров скорее Клодия, чем Цезаря, и трибунат Клодия был поэтому своеобразной «демократической реакцией» на разочаровавшую широкие массы деятельность Цезаря во время его консульства»<sup>54</sup>.

Следует отметить мастерство исторической характеристики в оценке такой противоречивой фигуры, как Помпей. Исследователю здесь пришлось преодолевать не только давление многочисленных оценок, имеющих в историографии, но и решать проблему исторического подхода к побежденному в конечном счете полководцу, которого к тому же всегда рассматривают на фоне успехов его победителя Цезаря. С. Л. Утченко успешно преодолел эти опасности, обратившись к тщательному анализу конкретной исторической ситуации, и дал весьма оригинальное понимание роли деятельности и личности Помпея. Он решительно возражает против нигилистического отношения к последнему, идущего от Друмана и Моммзена, вскрывает несостоятельность концепции Эд. Мейера о Помпее как основателе принципата, подчеркивает его крупную роль в истории римского государства 70–50-х гг. I в. до н. э.

Однако наиболее важны в интересующем нас аспекте две последние вышедшие монографии С. Л. Утченко — «Цицерон и его время» и «Юлий Цезарь», в которых впервые советский читатель получил наиболее систематическое и вместе с тем наиболее оригинальное исследование о двух ключевых фигурах римской истории I в. до н. э. Именно в анализе их деятельности всего полнее проявилось исследовательское мастерство ученого.

В этих монографиях С. Л. Утченко с особенной убедительностью продемонстрировал плодотворность своих принципиальных установок в подходе к анализу деятельности и значения исторической личности. Отказ от описательного биографизма, от телеологического подхода, преодоление сложившегося мифа, рассмотрение всех поступков в конкретной исторической обстановке, установление многочисленных связей данной ситуации, интерес ко всем свидетельствам (порой совершенно незначительным на первый взгляд), глубина психологического анализа позволили

<sup>54</sup> Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 216.

С. Л. Утченко дать ясную, аргументированную картину исторической деятельности и значения этих основных протагонистов конца республики. Нашедшая свое выражение в этих книгах концепция С. Л. Утченко о Цицероне и Цезаре — новое слово в советской и мировой историографии.

В одной статье нет возможности дать исчерпывающий анализ всего научного творчества С. Л. Утченко. В заключение лишь подчеркнем, что значение новых идей С. Л. Утченко в постановке и решении фундаментальных проблем античной и римской истории весьма велико и плодотворно для развития советского антиковедения. Он обогатил советскую науку рядом принципиально новых положений, которые будут способствовать ее дальнейшему развитию.

### К. Маркс об античном обществе\*

Одним из важнейших достижений в области общественной мысли XIX в. была разработка К. Марксом и Ф. Энгельсом исторического материализма. «Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений, — писал В. И. Ленин, — устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-первых, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-вторых, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил»<sup>55</sup>.

Материалистическое понимание истории дало научное объяснение хода мирового исторического процесса, решило ряд теоретических проблем, бывших камнем преткновения для всех предшествующих историко-философских теорий: понимание человеческой истории как единого и закономерно развивающегося процесса, проходящего ряд этапов (социально-экономических формаций); проблему движущих сил исторического процесса как проявление противоречий между совершенствованием производительных сил и структурой производственных отношений, выражающихся

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1983. № 5. С. 34–45.

<sup>55</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 57–58.

в борьбе классов; проблемы социальной революции и сущности государства: соотношение между экономическим базисом и культурой и многое другое. Исторический материализм как новая историко-философская теория неизмеримо обогатил развитие мировой историографии, стал мощным стимулом развития всех ее направлений от глубокой древности до современности.

Огромное воздействие оказал исторический материализм и на развитие мирового антиковедения, историографии античной истории как одного из основных направлений европейской историографии в целом. Влияние идей Маркса на историографию античной истории проявилось не только в воздействии общих положений исторического материализма как таковых. К. Марксу принадлежит и глубокая разработка концепции собственно античной истории. К. Маркс был всесторонне образованным мыслителем, в частности, он имел превосходную подготовку и в этой области.

К. Маркс получил классическое образование в Трирской гимназии. В его аттестате зрелости специально было указано, что при изучении древних языков он легко и уверенно толкует древние тексты, в первую очередь такие, «где трудности заключаются не столько в особенностях языка, сколько в сущности и общей связи идей»<sup>56</sup>. К. Маркс продолжил свое классическое образование в Берлинском университете, в котором античная история и философия были основой университетского курса, и далеко не случайно темой его докторской диссертации была избрана проблема античной философии — «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». К. Маркс знал древние языки настолько, что чтение античных авторов в подлиннике было для него отдыхом. К. Маркс любил античную историю и культуру и сохранил эту любовь на всю жизнь. Разрабатывая различные проблемы своего учения, в частности материалистического понимания истории, К. Маркс подвергнул специальному исследованию античную историю. Эта разработка проводилась на основе профессионального исследования огромного материала источников и специальной литературы. Так, например, только во время работы над «Капиталом» К. Маркс проштудировал в подлинниках сочинения таких древних авторов, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Платон, Аристотель, Феофраст, Дикеарх, Демосфен, Плутарх, Демокрит, Цицерон, Дионисий Галикарнасский, Ливий, Сенека, Колумелла, Лукиан и многие другие. К. Маркс внимательно следил за специальной литературой в области антиковедения. В его трудах цитируются книги наиболее крупных представителей европейского антиковедения: А. Бёка, К. Германа, Г. Нибура, Т. Моммзена, епископа Фелуола, Дж. Грота, Эд. Гиббона, Дюро де ла Малля, Фюстель де Куланжа, К. Бюхера, Э. Курциуса и многих других. Вот почему концепция античной истории К. Маркса стала крупнейшим вкладом в мировое антиковедение.

Эта концепция представляла собой оригинальное понимание античного общества. Исходя из учения об общественно-экономических формациях, К. Маркс рассматривал древность прежде всего как социально-экономическую формацию, как определенный этап всемирной истории, имеющий свою собственную структуру и свое историческое место в мировом процессе. Были определены границы этой формации: ее начало относилось ко времени разложения родового общества в конце гомеровского периода в Греции, т. е. к рубежу IX–VIII вв. до н. э., к реформам Сервия Туллия в середине VI в. до н. э. в Древнем Риме. Концом формации была признана традиционная дата падения Западной Римской империи в 476 г. Эта формация понималась К. Марксом как рабовладельческая, т. е. ее структурообразующим элементом явля-

<sup>56</sup> *Карл Маркс. Биография.* М., 1973. С. 6.

ются отношения рабства, рабовладельческие производственные отношения. Именно они придают ей особое качество, делают ее особой общественно-экономической формацией, отличают ее от других, например феодальной или капиталистической.

Уже в этом определении можно было видеть принципиально новое достижение мировой историографии. Ведь до К. Маркса античное общество понималось как неопределенное по своему характеру: или как культурный комплекс, в котором растворялись все другие стороны; или как общество с элементами феодализма и вместе с тем в некоторой степени близкое капиталистическим отношениям XIX в.; или как идеальное утопическое общество, своего рода образец, к которому человечество должно стремиться.

Правда, целый ряд видных историков XIX в., например А. Бёк, М. Дюро де ла Малль, Дж. Грот, А. Валлон и другие, уделяли в своих работах внимание, и порой значительное, античному рабству, но и они рассматривали его не как основу, а лишь как одно из явлений жизни древних народов. Более того, в работах по истории античного общества середины XIX в. (особенно это проявилось в трудах А. Валлона) сформировалось глубоко негативное понимание роли рабства в античном обществе. Эта негативная оценка была связана с борьбой победившей буржуазии против архаических форм труда и особенно рабства в колониях, которым капиталисты противопоставляли как наиболее прогрессивный и передовой наемный труд и капиталистическую систему эксплуатации. Эта глубоко отрицательная оценка роли рабского труда в XIX в. переносилась и в античность, а рабское хозяйство понималось как глубоко разрушительное.

Понимание рабства К. Марксом было более содержательным и многосторонним. Для него рабовладельческие отношения в античности естественно вырастали из родового строя. На базе рабства сложилась своеобразная экономика, новые общественные отношения, политическая организация и культура, которые в целом были прогрессивным этапом в развитии всемирной истории. «В общих чертах, — писал К. Маркс, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»<sup>57</sup>. «Только рабство, — писал Ф. Энгельс, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнанно. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»<sup>58</sup>.

Рабство, рабовладельческие отношения рассматривались К. Марксом как господствующие, определяющие структуру общества, сущность его политических учреждений, особенности античной цивилизации. Однако классики марксизма отнюдь не упрощали сложной исторической действительности, не абсолютизировали сущность и характер рабовладельческих отношений. Их концепция рабства была глубоко историчной. К. Маркс отчетливо представлял себе различия между рабовладельче-

<sup>57</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

<sup>58</sup> Там же. Т. 20. С. 185–186.

скими отношениями в странах древнего Востока и в античных Греции и Риме; между древним и современным рабством, например в южных штатах Америки или колониальных странах XVIII–XIX вв., где рабство развивалось в рамках капиталистического производства для мирового рынка. Более того, для разных областей античного мира подчеркивалось различие в степени развития рабовладельческих отношений, например, в Афинах и Коринфе, Риме или в Спарте, «...Экономический базис, — писал К. Маркс, — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»<sup>59</sup>.

Огромным вкладом К. Маркса в мировую историографию античности была разработка новой для своего времени концепции античной экономики. К. Маркс предпринял специальное исследование античной экономики при разработке своего общего экономического учения и при анализе капиталистического производства. В «Капитале» К. Маркс не случайно много раз обращается к разным аспектам античной экономики. Ведь для исследовательского приема К. Маркса характерно сочетание логического и исторического методов анализа, что предполагает глубокое знание предшествующих ступеней, в том числе античного и средневекового хозяйства. Результатом специального анализа античной экономики и было создание глубоко продуманной концепции, которая представляет огромный интерес и для экономистов и для историков.

Прежде всего, хотелось бы отметить многосторонность и богатство поставленных проблем экономического развития древности. К. Маркс подверг анализу общие цели рабовладельческого производства и отметил их принципиальное отличие от капиталистической экономики. Он показал, насколько беспочвенными являлись взгляды ряда ведущих антиковедов XIX в., отождествляющих античное хозяйство и капиталистическое. «В реальных энциклопедиях по классической древности, — писал он, — можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «не хватало только свободного рабочего и кредитных учреждений». Даже г. Моммзен в своей «Римской истории» тоже совершает «одну *quid pro quo* [нелепость] за другой»<sup>60</sup>. К. Маркс показывает, что античная экономика отличалась от капиталистической своими основными характеристиками: древность не только не знала основного капиталистического отношения (капитал — наемный труд), но и сами цели производства при рабстве и при капитализме были различными, а соотношение между промышленным и сельскохозяйственным развитием было обратным.

К. Маркс подверг исследованию ключевые стороны античной экономики. Ему принадлежит выявление основных периодов в развитии древнего рабства. Он выделяет две стадии: стадию патриархального рабства и стадию рабовладельческой системы развитого типа. «В античном мире, — писал К. Маркс, — влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую си-

<sup>59</sup> Там же. Т. 25. Ч. II. С. 354.

<sup>60</sup> Там же. Т. 23. С. 178.



стему, направленную на производство прибавочной стоимости»<sup>61</sup>. К. Маркс не только наметил разные стадии развития рабовладельческой экономики, но и определил экономическое содержание каждой стадии. Важное значение имела характеристика особенностей рабовладельческого хозяйства, которое сложилось в эпоху расцвета классического рабства, когда рабовладельческие отношения овладели производством и стали господствующими. Прежде всего, К. Маркс подчеркивает укрупнение производства и приход на смену мелкому парцеллярному хозяйству античного крестьянина или ремесленника рабовладельческих поместий и крупных ремесленных мастерских, отделение ремесла от земледелия и создание условий для бурного развития античных городов. Крупное производство в рабовладельческих хозяйствах приводит к развитию товарных отношений, укреплению связей рабовладельческих имений с рынком и вовлечению их в общее товарно-денежное обращение. В сущности говоря, это были принципиально новые направления экономического развития в античности, свидетельство больших достижений древней экономики. Вместе с тем К. Маркс многократно подчеркивал, что указанные им особенности отнюдь не говорят о капиталистическом характере античной экономики, как полагали почти все историки и экономисты XIX в. Блестящий анализ позволил К. Марксу логично объяснить расцвет античной цивилизации успехами античной экономики и в то же время избежать модернизации ее в духе капиталистических отношений, как это имело место в буржуазной историографии, которая понимала античную экономику как капиталистическую или, напротив, как весьма примитивную (например, у К. Бюхера).

Самому обстоятельному изучению было подвергнуто собственно рабовладельческое производство. Здесь К. Марксом были исследованы самые различные стороны: техническая база производства и особенности ее развития при рабстве, эксплуатация рабского труда и ее отличия от эксплуатации труда крепостного и наемного. Особое значение имеет анализ К. Марксом проблемы эксплуатации рабского труда и его производительности, одной из самых сложных в античной экономике. К. Маркс отмечает, прежде всего, что рабовладельческое производство предполагает объединение рабов в производственный коллектив, внутри которого хозяин имел возможность установить разделение труда и использовать простую и элементы сложной кооперации. Данное обстоятельство, с точки зрения К. Маркса, определяло преимущества объединенного рабского труда по сравнению с изолированным трудом парцеллярного крестьянина или ремесленника-одиночки и стало одним из условий известного роста производительности рабского труда по сравнению с трудом зависимого или полужависимого работника. «...Во всех этих случаях, — писал К. Маркс, — специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочими преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции»<sup>62</sup>.

В «Капитале» К. Маркса дано решение еще одной ключевой проблемы античной экономики — проблемы воспроизводства основных отношений, в частности рабской рабочей силы и основных средств производства. К. Маркс показывает, что это воспроизводство носило ограниченный характер, прибавочный продукт был относительно невелик, и он к тому же мало использовался для целей расширенного производства. «...Древние и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной

<sup>61</sup> Там же. Т. 25. Ч. I. С. 364–365.

<sup>62</sup> Там же. Т. 23. С. 341.

степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления.) Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непродуцируемые затраты — на произведения искусства, на религиозные и общественные сооружения. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и развертывании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве»<sup>63</sup>.

В процессе воспроизводства основных условий труда, отмечает К. Маркс, происходило постепенное сокращение источников такого воспроизводства, особенно рабской рабочей силы и земельного плодородия, других источников сырья, что заводило рабовладельческие хозяйства в тупик, вело к кризису рабовладельческую экономику в поздний период ее существования. Преодолением этого кризиса явилось дробление крупных рабовладельческих имений на мелкие парцеллы, свертывание рабской централизованной обработки и переход к мелкому производству зависимых колоннов, что открывало дорогу к формированию новых протофеодальных производственных отношений.

Создание тщательно разработанной концепции античной экономики было огромным творческим вкладом К. Маркса в европейское антиковедение и мировую экономическую науку. Дело в том, что античное общество в историографии XVIII-XIX вв. воспринималось в значительной степени как некий эталон гармонически развитого целого, и обычные экономические критерии к нему мало применялись. Отдельные специальные сочинения по античной экономике, как, например, «Политическая экономия римлян» Дюро де ла Малля, были не столько концептуальными, сколько антикварными произведениями, где преобладал интерес к детали, а предметом внимания ученого была не столько экономика как система, сколько собрание отдельных этюдов по тем или иным вопросам: количество населения, каталог цен на товары, размеры налогов и т.д. К. Маркс вскрыл особенности античной экономики как целого, как взаимодействие производительных сил и производственных отношений во всем их объеме: он исследовал экономическую жизнь древних народов как развивающуюся систему. Тем самым античное общество как бы получило свой фундамент, обрело основы своего существования. История античной экономики в европейской науке об античности начинается с марксовой концепции. Но заслуга К. Маркса не только в том, что это была новаторская, ранее неизвестная в науке концепция, открывающая новые пути развития научной мысли. Концепция К. Маркса до сих пор служит источником научного поиска ученых: эксплуатация рабочей силы, роль техники производства, производительность рабского труда, характер рабского хозяйства, степень товарного производства, условия воспроизводства и сейчас самые дискуссионные темы современной науки, продолжающей освоение выводов гениального мыслителя.

Исследование экономической системы древних обществ К. Маркс проводил в тесной связи с изучением их социально-классовой структуры. И в этой области его точный анализ обогатил европейское антиковедение и предопределил на многие десятилетия, вплоть до нашего времени, главные направления научных изысканий. Прежде всего, хотелось бы отметить постановку одной из ключевых проблем всей античной истории — проблему античного полиса. В буржуазной историографии ее впервые поставил Фюстель де Куланж в своей нашумевшей работе «Античная

<sup>63</sup> Там же. Т. 26. Ч. II. С. 587.

гражданская община» (1864). Не говоря уже о том, что Фюстель де Куланж дал идеалистическое истолкование основных причин и путей формирования античных полисов, хотелось бы отметить, что К. Маркс обратился к изучению этой проблемы значительно раньше. Уже в «Немецкой идеологии», т. е. в 1847 г., К. Маркс и Ф. Энгельс сформулировали положения об античной форме собственности, которые составили основу их концепции полиса. В экономических рукописях 50-х годов концепция полиса была уже разработана в основных частях<sup>64</sup> и была сформулирована в последующих произведениях К. Маркса, и прежде всего в «Капитале».

С точки зрения К. Маркса, античный полис в его двух вариантах — греческого города и римской общины — это социально-экономический и политико-культурный организм, сформировавшийся в природном окружении античного Средиземноморья, а его структурообразующей основой является античная форма собственности, предполагающая противоречивое сочетание частной и государственной собственности. Он отметил ее отличия от древневосточной формы, с одной стороны, и от германской — с другой. Античный полис рассматривался как коллектив граждан, земельных собственников, сосредоточенных, как правило, в городах, жизнь и деятельность которых проходит в условиях господства рабовладельческих отношений. Для античного полиса характерны своя военная организация, определенный набор политических учреждений и система культурных ценностей. В античных полисах сложились довольно сложные социально-классовые отношения. Большое значение для дальнейшего развития научных изысканий в области социальной истории античных обществ имело новое содержание такого важнейшего понятия, как класс. Как известно, это понятие было введено в европейскую науку французскими историками времен Реставрации (Гизо, Тьери и др.), но их определение класса было расплывчатым и схематичным. Для понимания этого термина у К. Маркса характерно прежде всего установление его связей с производством. Классы — это прежде всего группы людей, занимающие определенное место в производстве, связанные с теми или иными отношениями собственности на средства производства и распределения полученного прибавочного продукта.

«Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, — говорит К. Маркс, — и вы получите определенную форму обмена... и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»<sup>65</sup>. Поскольку античное общество рассматривалось К. Марксом как общество рабовладельческое, то его основными классами он считал классы рабов и рабовладельцев. «История всех до сих пор существовавших обществ, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте», — была историей борьбы классов. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»<sup>66</sup>.

Однако классовая структура античного общества не ограничивалась только этим делением. В ряде мест К. Маркс говорит о большой роли крестьянства в ан-

<sup>64</sup> Там же. Т. 46. Ч. I–II.

<sup>65</sup> Там же. Т. 27. С. 402.

<sup>66</sup> Там же. Т. 4. С. 424.

тичной общественной структуре и его многочисленности. «Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство»<sup>67</sup>. И в другом месте К. Маркс говорит о том, что многочисленный класс крестьян составляет огромное большинство мелких самостоятельных производителей в докапиталистических обществах, в том числе и в античном<sup>68</sup>.

Многочисленный класс крестьян существовал во все периоды античного общества: и на ранней стадии, когда рабство еще не овладело производством (тогда он играл основную роль в производстве и обществе), и в наивысший период развития рабовладельческих отношений, когда крестьянство существовало рядом с рабами как основными производителями.

Однако социальная структура античных обществ в целом не исчерпывается существованием только упомянутых трех основных классов: рабов, рабовладельцев, крестьян. Наряду с этими классами К. Маркс говорит о социальных прослойках, сословиях и группах, образующих целую лестницу общественных положений. «В предшествующие исторические эпохи, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте», — мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации. Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не ничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»<sup>69</sup>.

Таким образом, К. Маркс рассматривал социальную структуру рабовладельческого общества (в данном случае он берет в качестве примера древнеримское общество) как довольно сложное общественное явление с более дробной классовой и сословной структурой, чем общество капиталистическое. Для рабовладельческого общества Древнего Рима характерно существование еще одного социального слоя, не имеющего аналогий для других общественных формаций. Речь идет о паразитическом слое люмпен-пролетариев, живущих, как писал К. Маркс, за счет общества. «В различных местах «Капитала», — писал К. Маркс в редакцию «Отечественных записок», — я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также

<sup>67</sup> Там же. Т. 25. Ч. II. С. 371.

<sup>68</sup> Там же. Т. 143.

<sup>69</sup> Там же. Т. 4. С. 424–425.

образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздною *чернью*, более презренные, чем недавние «poor whites» южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства<sup>70</sup>».

Усложненность и многообразие спектра социальных состояний в рабовладельческих обществах получили проявление в различных аспектах классовой и социальной борьбы, придали ей определенную историческую специфику. Следует отметить, что сама постановка проблемы классовой борьбы во всей ее сложности и многообразии применительно к древним обществам была принципиально новым явлением для европейской историографии об античном мире. Ведь античный мир рисовался в значительной степени как общество гармоничное, и самое большее допускалось противоречие между аристократией и демократией, т. е. самым верхним слоем античных общественных отношений. Понимание классовой борьбы в древности К. Маркс распространил на все классы, все социальные прослойки и сословия рабовладельческого общества и этим внес огромный вклад в мировую науку.

Проблема классовой борьбы в рабовладельческом обществе исследуется К. Марксом прежде всего как следствие главного отношения раб — рабовладелец, как проявление основного противоречия эпохи, но вместе с тем подход К. Маркса отличается глубокой историчностью, тщательным учетом всех сторон этой борьбы. Еще в «Коммунистическом манифесте» К. Маркс и Ф. Энгельс определили противоречие между рабами и свободными, то есть рабовладельцами, как основное и сравнивали его с аналогичным противоречием помещик и крепостной, буржуа и пролетарий. Наиболее яркие проявления классовой борьбы рабов и рабовладельцев К. Маркс видел в сицилийских восстаниях II в. до н. э., движении Спартака, личность и организаторский талант которого высоко оценивались К. Марксом («великий полководец (не чета Гарибальди), благородный характер, истинный представитель античного пролетариата») <sup>71</sup>. В одной из работ К. Маркс определил борьбу рабов против угнетателей как единственно справедливую войну<sup>72</sup>.

Рассматривая классовую борьбу рабов и рабовладельцев как проявление основного классового противоречия и тем самым определяя ее огромное историческое значение, К. Маркс, однако, был далек от схематизма в ее понимании. Глубокий историзм К. Маркса позволял вскрыть такие особенности классовой борьбы рабов, которые вытекали из их особого положения в обществе и отличались от других, например от крестьянских войн эпохи средневековья, не говоря уже о классовой борьбе пролетариата. Важнейшей особенностью классовой борьбы рабов был ее стихийный, изолированный характер, который препятствовал организованному проявлению протеста и вооруженным выступлениям. Восстания сицилийских рабов или движение Спартака были единичными явлениями. «В Древнем Риме, — писал К. Маркс, — классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом

<sup>70</sup> Там же. Т. 19. С. 120–121.

<sup>71</sup> Там же. Т. 30. С. 126.

<sup>72</sup> Там же. Т. 5. С. 124.

для этих борцов»<sup>73</sup>. Основное классовое противоречие рабовладельческого общества порождало состояние постоянной и острой напряженности в социальных отношениях в целом, на фоне которой формировались и получали более организованное завершение другие направления борьбы всех классов и социальных групп.

Рассматривая разные периоды античной истории, К. Маркс прослеживает и другие линии классовой борьбы. Например, в «Коммунистическом манифесте» борьбу патрициев и плебеев он ставит в один ряд с главным противоречием раб — рабовладелец. Эту линию противоречий К. Маркс прослеживает в разных формах, в частности в форме борьбы мелкого землевладельца с крупным<sup>74</sup> и в форме борьбы между кредитором и должником<sup>75</sup>.

Понимание социальной истории античных обществ, разработанное К. Марксом, стало крупнейшим завоеванием европейского антиковедения и определило пути его развития вплоть до настоящего времени.

Исследование экономического развития и социальных отношений, всесторонний анализ разных направлений классовой борьбы позволили К. Марксу и Ф. Энгельсу предпринять изучение и других сторон античного общества, в частности античной государственности, культуры и религии. Прежде всего, основоположники марксизма поставили изучение надстроечных явлений на научную почву, подвели под них прочный социально-экономический фундамент, в то время как в мировой науке того времени они изучались сами по себе, изолированно от социально-экономической истории и не имели корней в подлинной исторической жизни. И это имело принципиальное значение в истории общественной мысли. «Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, — писал К. Маркс, — может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественно-го сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»<sup>76</sup>.

Это основное положение марксизма имело особенно плодотворное воздействие на европейскую историографию античной истории, в которой проблемы античной государственности, культуры, идеологии и религии всегда занимали ведущее место и рассматривались в известной абстракции. В отличие от большинства буржуазных ученых, исследующих политическую историю античных обществ как воплощение гармонических идей гражданства, как реализацию идей вечной демократии или, напротив, выработку принципов устойчивого аристократического правления, К. Маркс видел в античной государственности влияние рабовладельческих отношений. «Существование государства и существование рабства, — писал К. Маркс, — неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное

<sup>73</sup> Там же. Т. 16. С. 375.

<sup>74</sup> Там же. Т. 28. С. 368.

<sup>75</sup> Там же. Т. 23. С. 147.

<sup>76</sup> Там же. Т. 13. С. 6–7.

рабство — эти неприкрытые *классические* противоположности — были *прикованы друг к другу*<sup>77</sup>.

Ф. Энгельс посвятил специальную монографию «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) самому доскональному исследованию сложнейших проблем развития государственных институтов из родового строя, формированию античной государственности и ее последующей эволюции в тесной связи с состоянием социально-экономических отношений. В этом произведении, которое В. И. Ленин назвал одним из основных сочинений современного социализма, Ф. Энгельс излагает свою и К. Маркса концепцию формирования античной государственности из родовых отношений в связи с возникновением частной собственности, классового деления и развития семьи. Впервые в истории мировой общественной мысли эти сложнейшие проблемы были изложены в свете исторического материализма на основе скрупулезного анализа конкретного материала источников и теоретических обобщений. Для развития антиковедения эта концепция имела особенное значение, потому что большая часть монографии Ф. Энгельса посвящена как раз истории возникновения античного общества, в частности формирования государственности в Афинах и Риме. До сих пор яркая картина развития раннеантичных обществ, созданная Ф. Энгельсом, является основополагающей в советской и современной зарубежной марксистской историографии, и громадный материал новых фактов ее все более и более подтверждает.

К. Маркс постоянно интересовался различными сферами культурной и религиозной жизни античных народов. Напомним, что выпускное университетское произведение, докторская диссертация К. Маркса, было посвящено исследованию философских систем Демокрита и Эпикура. Его вывод о самостоятельности философии Эпикура как целого направления в античной философии было новым в исследованиях по истории мировой философии. Ведь среди специалистов XVIII–XIX вв. преобладал взгляд, согласно которому Эпикур рассматривался как простой эпигон Демокрита, отрицалась новизна и творческий характер философской системы этого интересного мыслителя. В античной философской мысли К. Маркс видел рождение линии материализма, определял его отличительный характер как стихийно-диалектический, с одной стороны, и созерцательный — с другой, в то время как в европейской философии, и это особенно ярко проявилось у Гегеля, специалисты старались или не замечать существование материалистического направления в греческой философии, или всячески его дискредитировать.

К. Маркс ценил прекрасное греческое искусство, и обнаруживал к нему постоянный интерес всю жизнь. И в этой области К. Маркс обогатил европейскую науку рядом фундаментальных идей, вскрывающих глубокую зависимость искусства от общественных отношений, сложность и опосредствованный характер этой зависимости, и своеобразие искусства каждой эпохи. Особенно обстоятельной разработкой было подвергнуто К. Марксом развитие древнегреческого искусства. «Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами, или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть

<sup>77</sup> Там же. Т. 1. С. 440.

созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пределах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию»<sup>78</sup>.

Иными словами, понимание К. Марксом особенностей замечательного греческого искусства объясняло его высоту, обаяние и огромное воздействие на культурное развитие человечества полнее, многостороннее и глубже, чем теории, господствующие в европейской общественной мысли.

В трудах К. Маркса сформулировано много и других плодотворных идей, мыслей, наблюдений над целым рядом общих и конкретных сторон, отдельных личностей, явлений в античных обществах. Уже рассмотренные вкратце основные положения К. Маркса об античном обществе в целом, о его экономической структуре, социальных отношениях, политических институтах, культуре и искусстве показывают огромную силу идей К. Маркса, глубину проработки огромного материала, создание принципиально новых положений, решение ключевых проблем античной истории, перед которыми останавливались крупнейшие авторитеты своего времени.

Концепция античного общества, созданная К. Марксом, стала крупнейшим событием мирового антиковедения, она определяла и определяет до сих пор направление исследований античного мира в советской и прогрессивной зарубежной науке об античности. Вместе с тем профессиональный анализ разных сторон античного общества показывает, на каком прочном фундаменте специальных знаний покоилась теория исторического материализма в целом.

### **К. Маркс об античной экономике\***

К. Маркс, разрабатывая различные аспекты материалистического понимания истории, анализируя процесс исторического развития человеческого общества, наряду с изучением разных разделов всемирной истории подверг исследованию и античную историю. Историю античного общества он считал органической частью всемирного исторического процесса и обнаруживал к ней живой интерес всю жизнь. К. Маркс получил прекрасную подготовку по антиковедению в классической гимназии, знал древние языки, изучал античную философию в Берлинском университете, темой его докторской диссертации неслучайно была избрана проблема «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура».

Но К. Маркса классическая древность интересовала не только в связи с исследованием различных сторон исторического материализма и собственно проблем всемирной истории, но и при разработке его экономического учения. Гениальный анализ капитализма покоится не только на всестороннем изучении категорий собственно капиталистической экономики, но и на специальном исследовании проис-

<sup>78</sup> Там же. Т. 12. С. 736.

\* Первая публикация: в ж. Вестник древней истории. 1983. № 2. С. 3–39.



хождения этих категорий начиная с самых ранних периодов человеческой истории. При исследовании эволюции мировой экономики К. Маркс подверг глубокому изучению особенности античной экономики, разработал свою концепцию экономической структуры древних обществ, которые составили часть его общей экономической теории. Разработка К. Марксом концепции античной экономики проводилась на основе профессиональной проработки источников и литературы по проблемам античной истории и экономики. К. Маркс проштудировал в подлинниках сочинения античных авторов, в том числе Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Феофраста, Дикеарха, Плутарха, Демосфена, Демокрита, Цицерона, Дионисия Галикарнасского, Ливия, Колумеллы, Сенеки, Лукиана и мн. др., он хорошо знал специальную литературу по истории античности. Так, среди цитируемых им произведений можно найти имена наиболее крупных представителей европейской науки того времени, например, А. Бека и К. Германа, Г. Нибура и Т. Моммзена, епископа Фелуола и Дж. Грота, Бахофена и Шемана, Мейна и Фюстель де Куланжа, Эд. Гиббона и Дюро де ла Малля, К. Бюхера и Э. Курциуса и многих других. Создание К. Марксом его концепции античной истории и экономики является не только вкладом в создание марксистской теории мирового исторического процесса, но и крупнейшим вкладом в изучение истории древнего мира.

Итак, каковы основные особенности концепции античной экономики у К. Маркса? Прежде всего, экономическая система античных обществ рассматривается им как органическая часть мирового экономического развития, как его необходимая и закономерная ступень. «В общих чертах, — писал К. Маркс, — азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства...»<sup>79</sup>. «Производственные отношения в своей совокупности, — писал К. Маркс в другой работе, — образуют то, что называют общественными отношениями, обществом и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества»<sup>80</sup>. Итак, классическая древность как экономическая система, как совокупность производственных отношений — не некое идеальное общество гармонически живущих греков и римлян, создателей замечательных культурных ценностей, не отклонение от общего пути развития, а начальная ступень в развитии классового общества. Закономерное возникновение и дальнейшее развитие античного общества предполагает его трансформацию и переход в общество феодальное или средневековое.

Экономика любого общества, будь то античное, средневековое или буржуазное, рассматривается как сложившаяся система со своей структурой, которая определяется понятием способ производства. К. Маркс называет способ производства, господствовавший в классической древности, античным. Античный способ про-

<sup>79</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 13. С. 7–8. О проблеме азиатского способа производства у Маркса и в современной историографии см.: Кочановский Ю. В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства. М.: Наука, 1971; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977.

<sup>80</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 442.

изводства — это производственная система, основанная на рабстве. Структурообразующим элементом рабовладельческих производственных отношений является античная форма собственности, которую следует отличать как от восточной и германской, так и от феодальной и капиталистической.

Главной особенностью рабовладельческого способа производства является отсутствие в его структуре таких экономических категорий, как производительный капитал и товарный характер рабочей силы основного производителя материальных благ. «Деньги и товары, точно так же как жизненные средства и средства производства, отнюдь не являются капиталом сами по себе. Они должны быть превращены в капитал. Но превращение это возможно лишь при определенных обстоятельствах, которые сводятся к следующему: два очень различных вида товаровладельцев должны встретиться друг с другом и вступить в контакт — с одной стороны, собственник денег, средств производства и жизненных средств, которому требуется закупить чужую рабочую силу для дальнейшего увеличения присвоенной им суммы стоимости; с другой стороны, свободные рабочие, продавцы собственной рабочей силы и, следовательно, продавцы труда. Свободные рабочие в двойном смысле: они сами не принадлежат непосредственно к числу средств производства, как рабы, крепостные и т.д., но и средства производства не принадлежат им... Этой поляризацией товарного рынка создаются основные условия капиталистического производства»<sup>81</sup>. «... Для того чтобы превратить деньги в капитал, — писал К. Маркс в другом месте, — недостаточно наличия товарного производства и товарного обращения. Для этого необходимо, прежде всего, чтобы в качестве покупателя и продавца противостояли друг другу, с одной стороны, владелец стоимости или денег, с другой стороны — владелец субстанции, образующей стоимость...»<sup>82</sup>.

Поскольку в античных обществах не было категории производительного капитала, К. Маркс высмеивает утверждения ряда специалистов-античников, например Т. Моммзена, о наличии капитала в древности. «Г-н В. Киссельбах (“Der Gang des Welthandels im Mittelalter”. 1860)..., — пишет К. Маркс, — действительно все еще живет представлениями того мира, в котором купеческий капитал есть форма капитала вообще. О капитале в современном смысле он не имеет ни малейшего представления, как и г-н Моммзен, который в своей “Römische Geschichte” говорит о «капитале» и о господстве капитала»<sup>83</sup>. «В реальных энциклопедиях по классической древности можно встретить нелепое утверждение, что в античном мире капитал был вполне развит, — «не хватало только свободного рабочего и кредитных учреждений». Г-н Моммзен в своей “Römische Geschichte” тоже совершает одну *quid pro quo* [нелепость] за другой»<sup>84</sup>.

Поскольку в античных обществах отсутствовало само капиталистическое отношение как таковое, то и конечная цель рабовладельческого и капиталистического производства, общая направленность производства были совершенно различными. «Капитал не изобрел прибавочного труда. Всюду, где часть общества обладает монополией на средства производства, работник, свободный или несвободный, должен присоединять к рабочему времени, необходимому для содержания его самого, излишнее рабочее время, чтобы произвести жизненные средства для собственника средств производства, будет ли этим собственником афинский *καλός καγαθός* [ари-

<sup>81</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 726.

<sup>82</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 582–583.

<sup>83</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 360.

<sup>84</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 178. Прим. 39.

стократ], этрусский теократ, *civis romanus* [римский гражданин], норманнский барон, американский рабовладелец, валашский боярин, современный лендлорд или капиталист. Впрочем ясно, что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде»<sup>85</sup>.

Говоря о стремлении удешевить товар и ускорить накопление капитала, Маркс отмечает: «В прямую противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости авторы классической древности обращают внимание исключительно на качество и на потребительную стоимость... Если писатели классической древности и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона, который видит в разделении труда основу распада общества на сословия, так и у Ксенофонта...»<sup>86</sup>.

Если главной целью капиталистического производства является постоянное возрастание капитала через расширенное воспроизводство, через увеличение постоянного капитала, на что уходит большая часть прибавочного продукта, то цель античного производства была иная. «Но древние и не помышляли о том, чтобы превращать прибавочный продукт в капитал. Во всяком случае, если и делали это, то только в незначительной степени. (Широко практиковавшееся ими собирание сокровищ в собственном смысле слова показывает, как много прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления). Значительную часть прибавочного продукта они обращали на непроизводительные затраты — на произведения искусства, на религиозные и бщественные сооружения. В еще меньшей степени строилось их производство на развязывании и разворачивании материальных производительных сил — на разделении труда, машинах, применении сил природы и науки в частном производстве»<sup>87</sup>.

«При капиталистической системе производство менее всего является производством ради непосредственной потребительной стоимости, ради потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся как сплетение производства и обращения»<sup>88</sup>.

Одной из характерных особенностей капиталистического производства является господство промышленного капитала, который подчиняет себе такую важнейшую отрасль народного хозяйства, как сельское хозяйство, превращая земледелие в такое же поле деятельности капитала, как и собственно промышленность. Иная структура производства сложилась в докапиталистических обществах. «У народов с оседлым земледелием — эта оседлость уже большой прогресс, — где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; промышленность или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принципы организации земледелия в города и в городские отношения. Даже капитал — поскольку он не есть

<sup>85</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 246–247.

<sup>86</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 377–378.

<sup>87</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. С. 587.

<sup>88</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 122.

чисто денежный капитал, — в средние века, в виде традиционных орудий ремесла и т. д. имеет тот же землевладельческий характер. В буржуазном обществе дело обстоит наоборот. Земледелие все более и более становится только одной из отраслей промышленности и совершенно подпадает под господство капитала»<sup>89</sup>.

Преобладающий характер земледельческого производства, его господство над всеми производственными отношениями предопределили специфический характер античных городов, которые были, по мнению К. Маркса, центрами поселения земельных собственников, и только земельные собственники были полноправными гражданами такого города.

Итак, характеризуя самые общие особенности античной экономики, К. Маркс прежде всего отмечает их принципиальные отличия от экономики капиталистической, а именно: в античности не было известно основное отношение капиталистического производства (производительный капитал — наемный труд), цель производства при капитализме и в древности была различной (производство непрерывно возрастающей меновой стоимости в первом случае и производство потребительных стоимостей в заданных пределах в другом), структурные соотношения в рамках всего народного хозяйства, промышленности и сельского хозяйства были совершенно иными, наконец, формы античной и буржуазной собственности как отражение глубинных особенностей производственных отношений были глубоко различными.

Античное общество как особая общественно-экономическая формация охватывает довольно продолжительный период. К. Маркс — создатель теории исторического материализма, давший непревзойденные образцы анализа исторического развития капиталистической экономики с ее первых шагов, — рассматривал и античное общество, в том числе и античную экономику как таковую, с точки зрения ее зарождения, развития, функционирования зрелых форм и, наконец, ее разложения. Марксова концепция античной экономики глубоко исторична и потому предполагает рассмотрение ее отдельных категорий не вообще, а применительно к тому или иному периоду, той или иной стадии античного общества.

Помимо собственно эпохи разложения структуры античной экономики во времена Поздней Римской империи, К. Маркс, как это представляется автору данной статьи, выделяет две стадии, две фазы развития античной экономики как системы. Движущими факторами этого развития были изменения в процессе производства и в торговле, ростовщичество, войны, политические и другие факторы. Сущность изменений состояла в разложении мелкой земельной собственности и мелкого производства, как в земледелии, так и в ремесле, в распространении собственно рабских хозяйств, предполагающих крупное земледелие и элементы мануфактурной организации ремесленного производства, товарное производство и обращение.

В более общей формулировке, имеющей в виду древний мир в целом, К. Маркс говорит о существовании двух стадий в развитии античной экономики, когда анализирует роль торгового капитала. «Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в направлении меновой стоимости, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены, главным образом, на производство потребительной стоимости. Но как далеко заходит это разложение старого способа

<sup>89</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 731.

производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т.е. какой новый способ производства становится на месте старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости. Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства. Отсюда следует, что сами эти результаты обусловлены, кроме развития торгового капитала, еще совершенно иными обстоятельствами»<sup>90</sup>.

И еще одно очень важное определение К. Маркса: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»<sup>91</sup>.

Таким образом, К. Маркс находил две стадии в развитии экономики классической древности в целом (включая греческий мир и древний Рим): стадию патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, которая, кроме того, характеризуется господством мелкого крестьянского хозяйства, производством мелких самостоятельных ремесленников, слабым развитием рабовладельческого хозяйства как такового, невысоким уровнем торговли и ремесла, товарного и денежного обращения. И вторую стадию — формирование рабовладельческой системы, направленной на производство прибавочной стоимости, превращение рабства в основу производства, господство рабовладельческого способа производства, появление крупного рабовладельческого земледелия и ремесла, развитие торговли, товарного производства и обращения. Для мира древнегреческих полисов рубежом, отделяющим указанные ступени развития экономики выступает конец V в. до н. э., для римской истории этот рубеж в работах К. Маркса определяется как позднейший период республики, поскольку он упоминает Катона как земельного собственника нового типа<sup>92</sup>.

Чем характеризуется первая стадия развития античной экономики и в чем отличия этих стадий производства друг от друга?

Наибольшее отличие проявляется в двух направлениях. Первая стадия производства предполагает патриархальную систему рабства, рассчитанную на собственное потребление, господство мелкого труда в земледелии и ремесле, слабое развитие рабовладельческих отношений в обществе и производстве. Все эти особенности есть следствие того важнейшего положения, что процесс производства совершается в рамках полисных коллективов, генетически восходящих к ранним временам, в которых коллективизм составляет одну из основ жизни и производства. Но полисный коллектив отличается от древневосточной общины. «Эта вторая форма предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже

<sup>90</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 364–365.

<sup>91</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 346. Прим. 24.

<sup>92</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 349. Прим. 42а.

созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников)... Община (как государство), с одной стороны, есть взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира, в то же время она их гарантия. Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются работающие земельные собственники, парцеллярные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины, использованием *ager publicus* для общих потребностей, общей славой и т. д... Концентрация в городе, территория которого включает в себя окружающую сельскую местность; мелкое сельское хозяйство, производящее для непосредственного потребления; промышленность как домашнее побочное занятие жен и дочерей (прядение и ткачество) или как получившая самостоятельное развитие только в отдельных отраслях производства (*fabri* и т. д.). Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности... Для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизводство себя как члена общины, воспроизводство себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины»<sup>93</sup>.

Для таких мелких общин, которые реализуются в классической древности в форме полисов или *civitas*, характерна простота производственного механизма и слабое разделение общественного труда и, следовательно, слабое развитие торговли и товарного производства в целом, господство отношений натурального хозяйства. В условиях мелкого земледелия и невысокого уровня ремесла в этих небольших по территории и населению государственных образованиях большое воздействие на процесс их производства оказывало природное окружение, естественные условия. Благоприятные природные условия создавали большие возможности для производства, получения большего прибавочного продукта, накопления богатства, роста населения, чем в обществах, имеющих меньшие природные возможности. «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т.п., и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т.п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и т.д. На начальных ступенях культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства. Сравните, например, Англию с Индией или — в античном мире — Афины и Коринф со странами на побережье Черного моря. Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя»<sup>94</sup>. В мире

<sup>93</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 465–467.

<sup>94</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 521.

многочисленных античных полисов именно наличие или отсутствие тех или иных естественных богатств обеспечивали процветание или, напротив, прозябание разных государственных образований, богатство или бедность тех или иных обществ и, следовательно, большую или меньшую их роль в античной истории, и К. Маркс считает необходимым отметить этот фактор развития.

На первой стадии развития античной экономики господствующим типом производства было мелкое производство с небольшим применением рабского труда и прежде всего в домашнем хозяйстве и в земледелии. Вот почему К. Маркс в своем анализе античного производства на ранней стадии его развития уделяет такое большое внимание исследованию парцеллярной собственности и мелкому производству как таковому, рассматривая этот предмет с разных сторон. Для К. Маркса мелкое производство и парцеллярная собственность выступают как экономические категории, существующие при разных способах производства, и имеют ряд общих качеств. «Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельное свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы, с одной стороны, образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности, с другой стороны, мы встречаем ее у современных народов как одну из форм, проистекающих из разложения феодальной земельной собственности. Таковы йомены в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французское и западногерманское крестьянство...

Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть, очевидно, самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, т.е. для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда и в котором земледелец, свободный собственник или подданный производит всегда сам себе средства к жизни независимо, как обособленный работник со своей семьей. Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства. Она образует здесь базис для развития личной самостоятельности. Она является необходимой переходной ступенью для развития самого земледелия»<sup>95</sup>. Поскольку земледелец выступает как собственник своей земли, он не уплачивает арендной платы, следовательно, прибавочный продукт как таковой, в принципе достается целиком самому производителю и образует основу его благосостояния как гражданина. Свободная земельная собственность, по мнению К. Маркса, есть базис для развития личной самостоятельности гражданина, основа его гражданского самосознания, ограниченности от всех неграждан, как не имеющих земельной собственности. Напротив, если земледелец вынужден арендовать землю, то значительная (а в ряде случаев и вся) часть его прибавочного продукта переходит земельному собственнику в качестве арендной платы, в то время как земледелец довольствуется компенсацией лишь необходимых издержек. В условиях низкого уровня земледелия в античных полисах и малого прибавочного продукта арендные отношения практически не могли функционировать в более или менее развитой форме, так как низводили мелкого земледельца до жалкой роли паупера, не имеющего экономической возможности сводить концы с концами. Вот почему в античных полисах в основе всех политических коллизий стоял аграрный вопрос в форме наделения безземельной или малоземельной части гражданства мелкой земельной собственностью и закрепление ее за владельцем,

<sup>95</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 371–372.

ибо только при таких условиях возможно было какое-то гарантированное существование гражданина как активного члена полиса, воина и участника народного собрания. Определенным резервом для решения аграрного вопроса и поддержки мелкого земледелия была государственная собственность — *ager publicus* — как органическая часть всей организации мелкого производства. Как только мелкое производство утратило свои ведущие позиции в полисной экономике, уступив их рабовладельческому хозяйству, изменилось содержание аграрного вопроса, который принял иные формы (денежные и хлебные раздачи, кассация долгов, наделение ветеранов), *ager publicus* как государственный фонд, как первостепенный резерв, потерял решающее значение, хотя и продолжал сохраняться, играя иную роль. Вместе с тем К. Маркс далек от идеализации мелкого производства, мелкой земельной собственности и земледелия. «Мелкая земельная собственность предполагает, что громадное большинство населения живет в деревнях, что преобладает не общественный, а изолированный труд; что, следовательно, при этом исключается разнообразие и развитие воспроизводства, то есть и материальных, и духовных условий его, исключаются условия рациональной культуры»<sup>96</sup>. «Мелкая земельная собственность, — пишет он в другом месте, — по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, животноводство в крупных размерах, прогрессивное применение науки.

Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели... Бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Безмерное расточение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и вздорожание средств производства — необходимый закон мелкой собственности»<sup>97</sup>. Конкретное исследование сельского хозяйства и аграрных отношений как в греческих полисах до середины V в. до н. э., так и в Риме до начала II в. до н. э., т.е. во времена господства парцеллярной собственности и мелкого земледелия, показывает, что уровень их агрикультуры был весьма низок, и успехи как древнегреческого, так и римского земледелия были связаны с последующим этапом развития, этапом формирования рабовладельческих поместий, собственно рабовладельческого хозяйства. Приведенные выше высказывания К. Маркса не позволяют согласиться с теми исследователями античной экономики, которые высказывают предположение о большей прогрессивности в принципе парцеллярного хозяйства в античную эпоху, чем собственно рабовладельческих поместий, и которые связывают высшие успехи античного земледелия не с рабовладельческими именами, а с мелким земледелием. К тому же господство парцеллярной собственности, тесно связанное с абсолютным преобладанием сельского населения, естественно, сдерживало развитие античного урбанизма, рост городов как торгово-ремесленных и культурно-политических центров.

Исследование парцеллярной собственности и связанного с ней мелкого производства затрагивает важную проблему о роли ростовщического капитала в докапиталистических обществах, в том числе и античности. «Однако характерные формы существования ростовщического капитала во времена, предшествовавшие капиталистическому способу производства, были две. Я говорю характерные формы... Эти две формы следующие: *во-первых*, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд расточительной знати, преимущественно земельным собствен-

<sup>96</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 378.

<sup>97</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 372.



никам; во-вторых, ростовщичество путем предоставления денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых принадлежит ремесленник, но в особенности крестьянин, так как при докапиталистических отношениях, поскольку они вообще допускают существование мелких самостоятельных, индивидуальных производителей, огромное большинство последних составляет класс крестьян»<sup>98</sup>. Ростовщичество поражает прежде всего мелкого производителя, собственника средств производства. «Ростовщический капитал как характерная форма капитала, приносящего проценты, соответствует преобладанию мелкого производства крестьян, живущих своим трудом, и мелких мастеров-ремесленников»<sup>99</sup>. В древнем Риме, и это К. Маркс подчеркивает неоднократно, ростовщиками были в основном патриции, то есть крупные землевладельцы того времени и, следовательно, фигуры крупного землевладельца и ростовщика, во многих случаях различные, в Риме совпадали. Это совпадение если не исключало, то, во всяком случае, сводило к минимуму, по терминологии К. Маркса, первую характерную форму ростовщичества, а именно: ростовщичество, направленное против знатных расточителей и, напротив, всей своей тяжестью обрушивалось на мелких производителей. «Те самые войны, которыми римские патриции разоряли плебеев, принуждая последних нести военные повинности, мешавшие им воспроизводить условия их труда и поэтому превращавшие их в нищих (обнищание, то есть истощение или потеря условий воспроизводства является при этом преобладающей формой), — наполняли амбары и кладовые патрициев добычей в виде меди — тогдашних денег. Вместо того, чтобы прямо давать плебеям необходимые для них товары, — хлеб, лошадей, крупный рогатый скот, — они ссужали им эту бесполезную для них самих медь и пользовались своим положением для того, чтобы выжимать громадные ростовщические проценты, при помощи которых они превращали плебеев в своих должников-рабов»<sup>100</sup>. К. Маркс здесь обобщает большой материал по раннереспубликанской истории, получивший яркое отражение в законодательстве XII Таблиц, а также в литературной традиции, переданной Титом Ливием, Дионисием Галикарнасским, Плутархом о том суровом долговом праве, которое обескровливало римское общество вплоть до издания законов Петелия — Папирия, отменивших долговое рабство римских граждан. Суровое долговое право, как единодушно передает римская литературная традиция, было направлено, прежде всего, против мелких землевладельцев, плебеев и было, с одной стороны, одним из источников социального напряжения, с другой стороны, одним из условий хозяйственной жизни раннего Рима.

К. Маркс отмечает такую особенность ростовщичества, как затрудненность контроля за высотой процента в ранних обществах и возможность для ростовщиков взвинчивать его до такой суммы, которая включает весь прибавочный продукт. «В форме процента весь избыток сверх самых необходимых средств существования производителя (сверх суммы, составляющей позднее заработную плату) может быть здесь поглощен ростовщиком (что позже выступает как прибыль и земельная рента), и потому в высшей степени нелепо сравнивать высоту *этого* процента, отнимающего всю прибавочную стоимость, за исключением того, что приходится на долю государства, с высотой современной процентной ставки, когда процент — по крайней мере нормальный — образует лишь часть этой прибавочной стоимости»<sup>101</sup>.

<sup>98</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 143.

<sup>99</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 143.

<sup>100</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 148.

<sup>101</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 144.

Высота долгового процента, вплоть до изъятия всего прибавочного продукта, — обычное явление в древнем мире — создавала реальную возможность деградации и пауперизации для мелкого производителя вплоть до потери имущества и даже свободы. «...Для мелких производителей сохранение или потеря условий производства зависят от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильны обнищанию и представляют момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать воспроизводство в своем хозяйстве в прежних размерах. Следовательно, он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится»<sup>102</sup>.

И еще один важный момент подчеркивает К. Маркс в своем анализе ростовщичества: его воплощение в денежной форме. Ростовщик, будь это землевладелец или обладатель только денежной суммы, дает ссуду преимущественно в форме денег и требует возмещения ссуды и процентов в деньгах. Ростовщичество является одним из способов создания, аккумуляции и самовозрастания денежного капитала как такового, и потому в обществе со слабым развитием товарного обращения является особым, отличным от наличных экономических условий явлением. «Чем менее элементы производства входят в процесс производства как товары и выходят из него как товары, тем более их происхождение из денег представляется обособленным актом. Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем больше расцветает ростовщичество.

Тот факт, что денежные средства развиваются как особые средства, означает в отношении ростовщического капитала, что последний владеет всеми своими требованиями в форме денежных требований. Ростовщический капитал развивается тем больше, чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью»<sup>103</sup>.

Денежная форма ростовщичества особенно опасна для мелкого производителя, ведущего натуральное хозяйство, она усиливает его страдания, делает перманентным его задолженность и ведет к пауперизации. Ростовщичество выступает, таким образом, как важный фактор хозяйственной жизни, органическая часть экономической системы, оказывает на ее функционирование значительное воздействие. Влияние ростовщичества выступает как глубоко негативное по отношению к мелкому производству. «Ростовщичество централизует денежное имущество, там, где средства производства распылены. Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях. Отсюда народная ненависть к ростовщикам, особенно сильная в античном мире, где собственность производителя на условия его производства являлась в то же время основой политических отношений, основой самостоятельности граждан»<sup>104</sup>.

Быстрая деградация и пауперизация, вплоть до обращения в долговое рабство мелких производителей, граждан того или иного античного полиса под влиянием неконтролируемого действия ростовщиков, подрывают самые глубокие экономические основы полиса как особого социально-экономического организма, и потому

<sup>102</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 148–149.

<sup>103</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.

<sup>104</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145–146.

государство, гражданство в целом предпринимают ряд мер по защите мелкого производства как основы полисного коллектива. На определенном уровне экономического развития предпринимается как необходимая защитная мера ограничение ссудного процента. На примере римского законодательства XII Таблиц можно видеть ограничение процента до  $8 \frac{1}{3}\%$  год, а затем уровень процента был понижен до 6% в год, или 0,5% в месяц, а долговое рабство было запрещено совсем. Таким образом, римские плебеи, мелкие земледельцы и ремесленники в законодательном порядке добились права на получение большей части прибавочного продукта в свою пользу, а не ростовщика и тем самым получили известную гарантию своего существования как полноценных членов гражданского коллектива. Законодательное ограничение ссудного процента определенным минимумом, запрещение долгового рабства, так же как получение земельного участка из фондов *ager publicus* на правах собственности (то есть без необходимости платить арендную плату), стали важнейшими завоеваниями римских плебеев прежде всего в экономической области, стали основой их гарантированного, в известной мере, существования как активных членов гражданского коллектива, обеспечили расцвет классического полиса как на территории древней Греции, так и в древней Италии, экономической основой которых стало в некоторой степени гарантированное законом мелкое независимое земледелие и ремесленное производство.

При характеристике ранней стадии развития античной экономики К. Маркс особое внимание уделяет как анализу мелкого производства и парцеллярной собственности, так и роли ростовщического капитала, пышным цветом расцветшего в условиях господства этого мелкого производства. Означает ли это, что перед нами экономическая система, функционирующая вне рабовладельческих отношений? Отнюдь нет. Мелкое производство и ростовщический капитал К. Маркс рассматривает обычно как экономические категории, распространенные в докапиталистических обществах, и потому он в этом исследовании, абстрагируясь от других экономических форм, выделяет некоторые общие для мелкого производства признаки, характерные как для древности, так и для средневековья. Однако ряд положений Маркса, имеющих прямое отношение к эпохе раннего Рима (ранней истории Греции Маркс касается меньше), показывают его внимание к различным аспектам рабства. Когда К. Маркс говорит о господстве мелкого производства крестьян — собственников своей земли — или ремесленников — владельцев собственных орудий труда, он подразумевает эту форму хозяйства как ведущую, но отнюдь не единственную. Рядом с мелким земледелием существовала крупная земельная собственность тех же патрициев, выступавших вместе с тем и как ростовщики. Крупные хозяйства патрициев противостоят мелкому земледелию плебеев. Вместе с тем пышно развивающееся ростовщичество предполагает владельцев денежного капитала, сосредоточенного опять-таки у патрициев. Иначе говоря, крупное землевладение патрициев дополнялось наличием у них же денежных капиталов, которые вместе составляли их имущество как исходный пункт производства. Какими средствами осуществлялось производство в крупных земельных владениях римской знати? Оно велось если не целиком, то, по крайней мере, частично с помощью рабской рабочей силы. «Внутренняя история (речь идет о римской истории до эпохи Августа. — В. К.) явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством. Долговые отношения, играющие такую большую роль с самого начала римской истории, выступают лишь как естественные последствия мелкой земель-

ной собственности»<sup>105</sup>. Таким образом, борьба мелкого землевладения с крупным, по мысли Маркса, велась на фоне рабовладельческих отношений, которые придавали этой борьбе определенное историческое своеобразие, отличающее последствия этой борьбы в другие исторические эпохи.

Какие источники пополнения рабов, поддержания воспроизводства рабской силы действовали в эту эпоху? Эти источники тесно связаны с механизмом ростовщического капитала, в частности, с превращением в рабство за долги. Поскольку ростовщиками в ранний период выступали те же патриции — земельные собственники, поскольку все рычаги политической и военной власти были в их руках, то расцвет ростовщических операций и высота процента обеспечивали пополнение рабского рынка через этот источник. Видимо, суровость долгового права находилась в прямо пропорциональной зависимости от потребности в существовании именно этого источника рабской рабочей силы для земельных владений патрициев. Конечно, одним из источников пополнения рабов были войны, которые вели мелкие полисы между собой, поскольку роль войны и военной организации была очень велика. Во всяком случае, крупное землевладение, противостоящее мелкому, как производственный организм функционировало на основе рабовладельческих отношений.

Но рабовладельческая система, которая сформировалась в крупном землевладении ранней поры, была особого, раннего типа. К. Маркс называет ее патриархальной системой рабства, направленной на производство непосредственных средств существования или потребительной стоимости. В рамках этой системы производство имело узкие пределы удовлетворения собственных и еще неразвитых потребностей землевладельца, его семьи и челяди и потому не требовало от работников, в данном случае от рабов, повышенной эксплуатации. «Впрочем, ясно, — писал К. Маркс, — что если в какой-нибудь общественно-экономической формации преимущественное значение имеет не меновая стоимость, а потребительная стоимость продукта, то прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей, но из характера самого производства еще не вытекает безграничная потребность в прибавочном труде. Ужасным становится чрезмерный труд в древности в тех случаях, когда дело идет о добычании меновой стоимости в ее самостоятельной денежной форме — в производстве золота и серебра. Насильственный труд, убивающий работника, является здесь официальной формой чрезмерного труда. Достаточно почитать Диодора Сицилийского. Однако это исключения для древнего мира. Но как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т.д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т.д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда»<sup>106</sup>.

При господстве мелкого земледелия крупное землевладение играло второстепенную роль, к тому же сама его внутренняя организация могла базироваться не только на труде рабов такого рода, как кабальные должники, но и на использовании труда зависимых лиц разного происхождения нерабского статуса. К тому же при господстве мелкого земледелия вообще сама организация производства в крупных владениях по существу копировала и воспроизводила производственный процесс в мелком земледелии. Более того, ожесточенная борьба мелкого производства за свое

<sup>105</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 368.

<sup>106</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 247.

существование, завершившаяся в Риме ограничением ссудного процента, отменой рабства-должничества, наделением бедных граждан земельными участками из *ager publicus* на правах собственности, обеспечила перевес мелкого земледелия над крупным в известный период существования полиса (его наиболее цветущая пора), замедлила развитие крупного землевладения за счет мелкого.

Победа плебса в многовековой борьбе патрициев и плебеев к началу III в. до н. э. показала бесперспективность развития крупного землевладения на прежних основах: то есть на патриархальном рабстве с использованием труда рабов-должников, на сугубо натуральном производстве, жестком ростовщичестве, направленном против своих же граждан, наконец, на основе пронизанности организации крупных владений отношениями мелкого земледелия.

Маркс следующим образом определяет причины разложения парцеллярной собственности как основы полисного коллектива мелких земельных собственников. «Чтобы община как таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее данных объективных условиях. Само производство, рост населения (а население тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т.д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он был основан... В особенности влияние военного дела и завоеваний (что в Риме, например, по существу, относилось к экономическим условиям самой общины) подрывает реальную связь, на которой она покоится.

Во всех этих формах основой развития является *воспроизводство заранее данных* (в той или иной степени естественно сложившихся или же исторически возникших, но ставших традиционными) отношении отдельного человека к его общине и *определенное*, для него *предопределенное, объективное* существование как в его отношении к условиям труда, так и в его отношении к своим товарищам по труду, соплеменникам и т. д., — в силу чего эта основа с самого начала имеет *ограниченный* характер, но с устранением этого ограничения она вызывает упадок и гибель. Именно такое влияние оказывает у римлян развитие рабства, концентрация землевладения, обмен, денежные отношения, завоевания и т. д., несмотря на то, что все эти элементы до известного момента казались совместимыми с основой их общества и отчасти как будто лишь расширяли ее невинным образом, отчасти казались простыми злоупотреблениями, развившимися из этой основы. Здесь, в пределах определенного круга может иметь место значительное развитие»<sup>107</sup>.

В изменившихся социально-экономических условиях открывался новый путь развития крупного землевладения на новой производственной основе. Новые основы в виде отдельных элементов созревали в недрах старых отношений, они усиливались и в конечном итоге получили простор для развития. Этими явлениями экономического прогресса стало формирование крупного производства в земледелии и отчасти в ремесле, развивавшегося на базе рабовладельческого способа производства, на основе рабовладельческой системы, направленной на производство прибавочной стоимости. Период развития античной экономики, содержанием которого была система патриархального рабства, целью которой было получение непосредственных средств существования в виде потребительной стоимости, сменился новым периодом развития.

<sup>107</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 474–475.

«В различных местах «Капитала», — писал К. Маркс в редакцию «Отечественных записок», — я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие, каждый сам по себе, свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы. То самое движение, которое отделило их от их средств производства и существования, влекло за собой не только образование крупной земельной собственности, но также образование крупных денежных капиталов. Таким образом, в один прекрасный день налицо оказались, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме своей рабочей силы, а с другой стороны — для эксплуатации их труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной чернью, более презренной, чем недавние «poor whites» южной части Соединенных Штатов, а вместе с тем развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства»<sup>108</sup>.

В работах Маркса и особенно в его «Капитале» содержится подробная характеристика рабовладельческого способа производства как такового, который он считает определяющим все другие стороны древних обществ, основой основ античной экономики эпохи ее расцвета. Именно рабовладельческий способ производства в его наиболее развитой форме сравнивается им с капиталистическим и феодальным способами производства, когда речь идет об их наиболее глубоком различии.

На второй стадии развития античного хозяйства основой производства выступает рабство, а процесс производства по сравнению с предшествующей стадией существенно трансформируется. «Когда ростовщичество римских патрициев, — говорит Маркс, — окончательно разорило римских плебеев, мелких крестьян, наступил конец этой форме эксплуатации и место мелкокрестьянского хозяйства заняло хозяйство чисто рабовладельческое»<sup>109</sup>.

В каком направлении происходят изменения в процессе производства? Меняются многие условия производства. Меняются основные фигуры производства, на место парцеллярного крестьянина, ремесленника, как основных производителей и вместе с тем владельцев-собственников условий производства и прибавочного продукта, приходит лишенный всяких средств производства, да и собственной личности, раб, с одной стороны, с другой, — собственник условий производства, включая средства существования, — рабовладелец — собственник земли, орудий труда, денежных сумм, располагающий рычагами политической власти. Такой собственник имеет экономические возможности завести крупное хозяйство, как в земледелии, так и в ремесле.

Таким образом, меняются не только основные фигуры производственного процесса и возникает новое господствующее отношение раб—рабовладелец, но меняются и собственно условия производства — на место мелкого хозяйства приходит крупное производство в виде рабовладельческих поместий и ремесленных мастерских, основанных на рабском труде. Маркс пишет: «Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в более или менее естественно выросшую производствен-

<sup>108</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 120–121.

<sup>109</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 144.

ную общину... Данная форма тем и отличается от рабовладельческого или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»<sup>110</sup>.

Таким образом, меняется основная форма, ячейка производства, появляются новые особенности производственного процесса. Маркс в ряде случаев сопоставляет рабовладельческое хозяйство с плантаторским производством, работающим на широкий рынок. «Здесь нам нет надобности, — писал Маркс, — более подробно останавливаться на собственно рабовладельческом хозяйстве (которое тоже проходит ряд ступеней — от патриархальной системы, рассчитанной на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок)»<sup>111</sup>.

Термином «плантаторское хозяйство» Маркс обозначает, в отличие от мелкого хозяйства, крупное рабовладельческое производство, ориентированное на рынок, иначе говоря, его организация и цель производства существенно изменяются по сравнению с мелким производством. Целью такого крупного рабовладельческого производства является уже не получение потребительной стоимости, а прибавочной стоимости, а роль собственно денежного хозяйства и обращения резко возрастает по сравнению с предшествующим временем. «Во всех тех формах, в которых хозяйство, основанное на рабском труде (не патриархальное, а как оно сложилось в позднейшую греческую и римскую эпохи), существует как средство обогащения, где, следовательно, деньги служат средством присвоения чужого труда через куплю рабов, земли и т. д., — именно потому, что деньги могут быть затрачены таким способом, они приобретают способность применяться как капитал, начинают приносить проценты»<sup>112</sup>. Итак, развитое рабское хозяйство существует как средство обогащения, а не получения потребительной стоимости. И на самом деле, крупное земледельческое производство, так же как и ремесленное, теперь ориентировано не только на то, чтобы создать средства существования данного рабочего коллектива, собственника и его челяди, но озникает возможность получения и другого прибавочного продукта, реализованного в виде денег. А раз одной из целей производства является получение прибавочной стоимости и особенно в форме денег, то производство удаляется от собственно натурального хозяйства, а товарное производство и денежное обращение получают новый импульс к своему развитию по сравнению, с предшествующим временем. «Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности... Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни. Современное общество, которое еще в детстве своем вытатило Плутона за волосы из недр земных (здесь Маркс цитирует Афиняя I. IV. 23. — В. К.), приветствует золото как блестящее воплощение своего сокровеннейшего жизненного принципа»<sup>113</sup>.

Получение дохода от рабовладельческого поместья или ремесленной мастерской в денежной форме становится одной из целей производства. В этом отношении представляет большой интерес анализ Маркса экономических категорий экономики и хрематистики, приведенных у Аристотеля. Маркс цитирует Аристотеля: «Истинное

<sup>110</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 353–354.

<sup>111</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 368.

<sup>112</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 143.

<sup>113</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 142–143.

богатство  $\acute{o} \acute{\alpha}\lambda\eta\theta\iota\nu\acute{o}\varsigma \pi\lambda\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma$  состоит из таких потребительных стоимостей; ибо количество собственности этого рода, необходимое для хорошей жизни, не безгранично. Существует, однако, искусство приобретения иного рода, которое обыкновенно и совершенно правильно называется хрематистикой; для последней не существует, по-видимому, границ богатства и собственности... Экономика, а не хрематистика, имеет границу... первая ставит своей целью нечто отличное от самих денег, вторая стремится лишь к их увеличению... Смещение этих двух форм, переходящих одна в другую, дало некоторым повод рассматривать сохранение денег и увеличение их количества до бесконечности как конечную цель экономики»<sup>114</sup>.

Таким образом, получение дохода от занятий сельским хозяйством и ремеслом в денежной форме становится одной из целей новых производственных ячеек собственно рабовладельческого производства, а это уже довольно существенное изменение цели производства по сравнению с предшествующей стадией развития с его господством мелкого парцеллярного хозяйства.

Вместе с тем Маркс предостерегал от модернизации античных отношений и смещения рабовладельческого или плантаторского хозяйства с собственно капиталистическим. «И даже в тех земледельческих хозяйствах древнего мира, в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и Риме, больше сходства с плантаторским хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации. Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии повода для формальной аналогии, — которая к тому же во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства и кто не открывает подобно г-ну Моммзену капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве, — мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческий данник Рима и потому земледелие в основном было нацелено на экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова»<sup>115</sup>. Итак, денежное или «плантаторское хозяйство», функционировавшее в наиболее развитых обществах античной древности, в частности, в Карфагене и Риме в эпоху их максимального расцвета, отличалось существенным образом как от мелкого парцеллярного производства, так и от капиталистического хозяйства. Рабовладельческое производство имеет свою собственную природу, свое собственное лицо, свои специфические особенности. Хотя Маркс и применяет понятие «капитал» к передовым хозяйствам древнего Рима, тем не менее это понятие он не рассматривает как производительный капитал, как структурное отношение капиталистического производства. Для Маркса античный капиталист — это землевладелец и предприниматель в одном лице, организующий производство в хозяйстве иного типа, чем капиталистическая ферма. «А. Смит показывает, что в его время (да и для нашего времени это остается в силе по отношению к плантаторскому хозяйству в тропических и субтропических странах) рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист, каким был, например, Катон в своих имениях. Но это обособление — как раз предпосылка капиталистического способа производства, самой сущности которого вообще противоречит такой базис, как рабство»<sup>116</sup>.

<sup>114</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 163.

<sup>115</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 349–350.

<sup>116</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 349. Прим.



Рабовладельческому поместью как основной производственной ячейке периода расцвета античной экономики соответствует в городе ремесленная мастерская с использованием рабского труда, которая пришла на смену мелкой мастерской предшествующего времени. Маркс иногда называет такую крупную ремесленную мастерскую мануфактурой, основанной на ремесленном труде, и видит в этой форме следующий этап в развитии промышленности как таковой.

Развитие крупного рабского земледелия и крупного ремесленного производства разрывало ту органическую связь между мелким земледелием и домашней промышленностью как подсобным промыслом, которая была характерной особенностью производства предшествующего времени. Создавалась экономическая возможность разделения труда и концентрации земледельческой деятельности в сельской местности, а ремесла — в городах. Но тем самым создавались основы мощного развития античного урбанизма, распространения городов не только как центров земельных собственников, но прежде всего как центров сосредоточения ремесленной деятельности, торговли, политической жизни и культуры, т.е. городов в собственном смысле этого слова. Причем в одних городах, в зависимости от местных условий, можно видеть преобладание купеческого капитала, т.е. торговых операций, в других городах — промышленное развитие. «По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли. Связь торговли с развитием городов и, с другой стороны, обусловленность последнего торговлей понятны таким образом сами собой. Но насколько рука об руку с этим идет промышленное развитие, это целиком зависит здесь от других обстоятельств. В Древнем Риме уже в поздний республиканский период купеческий капитал в своем развитии достигает более высокого уровня, чем когда-либо прежде в древнем мире, без какого бы то ни было прогресса в развитии промышленности; между тем в Коринфе и в других греческих городах Европы и Малой Азии развитие торговли сопровождалось высоким развитием промыслов»<sup>117</sup>.

Итак, крупное земледелие в сельской местности и ремесленные предприятия с зачатками мануфактуры стали наиболее общими особенностями рабовладельческой экономики как таковой.

Крупное производство рабского типа, сменившее мелкое хозяйство самостоятельных производителей, было новым шагом вперед в развитии производительных сил, хотя мелкое хозяйство никогда не исчезало. Мы уже приводили положения Маркса об ограниченном характере мелкого производства как такового. Приведем еще одно. «Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими первоначальными границами производства и общества»<sup>118</sup>.

«Верно, — писал Маркс в другом месте, — что крестьянин, например, затрачивает много труда на обработку своей маленькой парцеллы, но труда изолированного и лишенного объективных как общественных, так и материальных условий производительности»<sup>119</sup>.

<sup>117</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 365.

<sup>118</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 771.

<sup>119</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 230.

В чем же Маркс видит известные преимущества рабовладельческих хозяйств, поместий и ремесленных мастерских, по сравнению с хозяйством крестьян и мелких ремесленников предшествующего времени? Он видит это, прежде всего, в известной концентрации производства, в переходе от мелкого производства к крупному, хотя эта концентрация и это крупное производство коренным образом отличаются от капиталистического хозяйства и господства капитала. Эта концентрация производства проявилась не только в объединении под руководством одного собственника больших средств производства, но и в новом характере соединения рабочей силы со средствами производства, новыми условиями эксплуатации рабочей силы — бесправных и целиком принадлежащих данному собственнику рабов. Маркс уделяет довольно большое внимание анализу особенностей рабской рабочей силы.

Прежде всего, собственник денежных сумм и земли может приобрести на рабском рынке большие партии рабов для их производственного использования. Раб принадлежит своему господину целиком. Маркс особенно подчеркивал это отличие раба как работника от наемного рабочего, который не принадлежит капиталисту, а продает ему свою рабочую силу как равный товаровладелец. «Эта обманчивая видимость отличает *наемный труд* от других исторических форм труда. На основе системы наемного труда даже *неоплаченный* труд представляется *оплаченным* трудом. У *раба*, наоборот, даже оплаченная часть его труда представляется неоплаченной. Для того чтобы работать, раб, разумеется, должен жить, и часть его рабочего дня идет на возмещение стоимости его собственного содержания. Но так как между рабом и господином не заключается никаких торговых сделок, так как между обеими сторонами не совершается никаких актов купли и продажи, то весь труд раба кажется безвозмездным»<sup>120</sup>. Одним из важнейших структурных соотношений в капиталистической производстве является соотношение между постоянным и переменным капиталом, причем их разное соотношение отражает серьезные изменения в развитии капиталистического способа производства. Возрастание постоянного капитала и уменьшение переменного капитала, т.е. той части капитала, которая идет на оплату рабочей силы, — один из важнейших законов капитализма, открытых Марксом, именно на нем основывается другой важнейший закон капиталистической экономики — закон об абсолютном и относительном обнищании пролетариата. Маркс анализирует эту проблему с разных сторон, в том числе и строение переменного капитала в античности, в частности, определяя роль той денежной суммы, которая выплачивается за раба. Он отмечает принципиальные различия между этими категориями работников — рабом и наемным рабочим.

«При системе рабства денежный капитал, затрачиваемый на покупку рабочей силы, играет роль денежной формы основного капитала, который возмещается лишь постепенно, в течение активного периода жизни раба. Поэтому у афинян прибыль, которую рабовладелец получал непосредственно, путем промышленного использования своего раба, или косвенно, отдавая его в наем другим лицам, применявшим труд рабов в промышленности (например, в горном деле), рассматривалась просто как процент (вместе с амортизацией) на авансированный денежный капитал, — точно так же, как при капиталистическом производстве часть прибавочной стоимости плюс износ основного капитала промышленный капиталист считает процентом и возмещением его основного капитала, что является правилом у капиталистов, сдающих в аренду свой основной капитал (дома, машины и т. д.). Простые домашние рабы,

<sup>120</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 136.

служат ли они для оказания необходимых услуг или только для показной роскоши, не принимаются здесь во внимание, они соответствуют нашему классу прислуги»<sup>121</sup>. Поскольку стоимость рабочей силы рабов входит в состав постоянного капитала, а не переменного капитала, то последний ограничивается небольшим объемом, в то время как в составе постоянного капитала получает преобладание не та его часть, которая затрачивается на совершенствование техники, орудий и средств производства, а другая, выделяемая на приобретение больших или меньших партий рабов. Иначе говоря, вся структура рабовладельческого производства и ее функционирование приобретает глубоко отличный от капиталистической экономики характер, центр тяжести производства переносится не столько на развитие средств и орудий производства, сколько на организацию и эксплуатацию рабочей силы. Степень эксплуатации рабов объясняется и общими особенностями рабской рабочей силы и вместе с тем новыми целями производства, направленного на получение прибавочной, а не потребительской стоимости, т.е. ориентированной частично на рынок и на получение дохода в ачестве денег. Тем самым раздвигаются узкие границы производства прибавочного продукта, ранее ограниченного потребностями рабовладельца и его челяди, как было в условиях мелкого производства или при патриархальном рабстве, рождается жажда прибавочного продукта, которая толкает вперед развитие производства и вместе с тем ведет к повышению эксплуатации основного производителя, раба, труд которого достигает возможной в то время интенсификации. «Рабовладелец покупает своего рабочего так же, как он покупает свою лошадь. Теряя раба, он теряет капитал, который приходится возмещать новой затратой на невольничьем рынке»<sup>122</sup>. Далее Маркс цитирует Кернса: «Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, с введением торговли невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно заместить новым рабом, приведенным из чужих негритянских «заповедников», продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможную большую массу труда в возможно меньший промежуток времени»<sup>123</sup>. Маркс, очевидно, соглашается с Кернсом, формулирующим тут одно из главных правил плантаторского рабовладельческого хозяйства: повышение эксплуатации рабского труда в хозяйствах, связанных с рынком, в условиях обильных источников рабства. Для американского Юга такими источниками были дешевые питомники негритянских невольников и активная работорговля с Африкой.

Для античных обществ такими источниками, кроме самой активной работорговли, организованной в средиземноморском масштабе, можно отметить многочисленные и успешные войны римлян, в процессе которых поработались значительные массы населения завоеванных стран. Обильные источники рабства вели к повышенной и жесточенной эксплуатации. В то же время сокращение источников рабства, вздорожание рабов на рынках, следует полагать, вносили известные коррективы в способ эксплуатации рабского труда, приводили к появлению иных, более смягченных форм такой эксплуатации. В частности, в экономически развитых полисах

<sup>121</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 544.

<sup>122</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 276.

<sup>123</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 276.

Греции, таких, как Афины, Коринф, Милет, Хиос и др., относительная скромность рабских рынков и довольно высокие цены на рабов в V–IV вв. до н. э. по сравнению с последними столетиями Римской республики и ранней Империи предопределили иную форму и степень эксплуатации рабского труда. Видимо, этим объясняются такие формы использования рабского труда, как вывод их на оброк, законодательные ограничения абсолютной власти рабовладельцев на жизнь раба, имевшие место в Афинах и др. Напротив, в римском обществе, куда поступали громадные массы рабов и после военных кампаний и через рабские рынки как таковые, мы видим жесткие формулировки юристов, доведенную до максимальных высот для античного мира эксплуатацию рабов. «При тех наиболее благоприятных для рабочих условиях накопления, — говорил Маркс, — которые предполагались до сих пор, отношение зависимости рабочих от капитала облекается в сносные или, как выражается Иден, «удобные и либеральные» формы. Вместо того, чтобы по мере роста капитала становиться интенсивнее, оно становится лишь экстенсивнее, т.е. сфера эксплуатации и господства капитала расширяется только вместе с увеличением его самого и числа его подданных... благодаря этому они (то есть наемные рабочие — *В. К.*) могут расширять круг своих потребностей, лучше обеспечивать свой потребительный фонд одежды, мебели и т. д. и создавать даже небольшие денежные запасные фонды. Но как лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительный *rescuium* не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации, точно так же это не уничтожает отношения зависимости и эксплуатации и для наемного рабочего»<sup>124</sup>.

К. Маркс рассмотрел очень подробно все условия эксплуатации наемного рабочего, в частности, величину рабочего дня и границы ее изменения, различные приемы интенсификации труда при разных условиях, особенности заработной платы в самых разных формах, и пришел к выводу о присущей капиталу тенденции к повышению интенсификации и эксплуатации труда, истощения его основных источников. «В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности... В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупается ценой разрушения и истощения самой рабочей силы»<sup>125</sup>.

Этот анализ Маркса имеет непосредственное отношение к исследованию процесса труда и способов эксплуатации других исторических категорий рабочей силы, в частности рабской рабочей силы. При рабовладельческих отношениях, когда раб целиком и полностью принадлежал собственнику условий производства, находился юридически в его абсолютной власти, когда не было в принципе никаких гарантий со стороны общества и государства по отношению к его личности, труду и рабочему времени, процесс труда превращался в источник еще больших мучений, истощения и разрушения его здоровья, личности и рабочей силы. Видимо, из всех исторических форм труда (рабский, крепостной, наемный труд) именно в условиях рабства, направленного на производство прибавочной стоимости, эксплуатация непосредствен-

<sup>124</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 631–632.

<sup>125</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 514–515.

ного производителя — раба — достигла наиболее высоких в истории труда норм и степени.

Повышение степени эксплуатации рабов при развитом рабовладельческом способе производства было вызвано известной ориентацией как поместий, так и ремесленных мастерских, на рынок, стремлением к большему доходу, чем удовлетворение непосредственных потребностей собственника средств производства, и накоплению денег, как одной из целей хозяйства. Однако Маркс не драматизировал ситуации, искусственно не преувеличивал ужасы положения рабов, как это иногда делалось в тогдашней историографии и публицистике. Анализ Маркса был объективен и точен. Маркс анализирует положение раба с точки зрения одних и тех же принципов, что и положение крепостного крестьянина или наемного рабочего. Содержание всех этих категорий работников требует средств существования для восстановления нормальной работоспособности, которые выражаются в форме необходимого труда. Причем объем этого необходимого труда бывает различен не только в разные исторические эпохи, например, в древности, средние века или новое время, но даже в одну и ту же эпоху, но в разных странах.

«В процессе ее (рабочей силы — *В. К.*) осуществления, в труде, затрачивается определенное количество человеческих мускулов, нервов, мозга и т.д., которое должно быть снова возмещено. Эта усиленная затрата предполагает усиленное возмещение. Собственник рабочей силы, трудившийся сегодня, должен быть в состоянии повторить завтра тот же самый процесс при прежних условиях силы и здоровья. Следовательно, сумма жизненных средств должна быть достаточна для того, чтобы поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности. Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т.д., различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большей мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная»<sup>126</sup>. Это положение Маркс распространяет и на рабовладельческое общество, т.е. и на содержание рабов, так как к этому отрывку он дает примечание о разнице в содержании вилика и других рабов и ссылается на «Римскую историю» Т. Моммзена.

В качестве одного из частных примеров этого положения К. Маркс отмечает небольшой объем жизненных средств и, стало быть, необходимого труда как бесспорного средства поддержать нормальную жизнедеятельность работника, в данном случае раба. Поэтому известные преувеличения по поводу ужасного содержания рабов, которых очень плохо кормили и очень плохо одевали, представления о рабах, как голодных, раздетых, больных, содержащиеся в ряде работ по истории римского рабства, покоятся скорее на примерах отдельных эксцессов, имеющих место во всяком обществе, а не на повседневном явлении. Правилom же рабовладельческого хозяйства было поддержание нормальной жизнедеятельности раба, нормальное возмещение

<sup>126</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 181–182.

затраченных мускулов, нервов, мозга и т.д. И дело здесь заключалось не абстрактном гуманизме рабовладельцев, а в элементарном экономическом расчете.

И еще очень важную сторону хочется отметить в этом определении Маркса: исторический и моральный момент, который входит в понятие необходимых издержек на содержание рабочей силы. Хотя здесь Маркс имеет в виду современное ему общество, но не отрицается хотя бы частичное применение этого правила и к другим обществам, в том числе и к рабовладельческому. Применительно к римскому времени, например, содержание виллика и чернорабочего было различным (и это отмечает сам Маркс), содержание раба-писца, библиотекаря, скульптора, ремесленника или земледельца было различным. Видимо, содержание рабов во II в. до н. э. и, например, в I в. н. э. было неодинаковым именно в силу того, что Маркс определяет как исторический момент, продукт истории, предполагающий естественное развитие потребностей. Между тем в литературе по проблемам рабства обычно слабо учитываются эти особенности положения рабов, комплектовавшихся из разных народностей и в разные эпохи, а их положение рисуется одной, преимущественно черной краской. Несколько выше приводилось высказывание Маркса о возможности для отдельных категорий рабов получать лучшую пищу, одежду, иметь пекулий, об изменении обращения с ними, вплоть до смягченных и либеральных форм<sup>127</sup>. И еще — поясняющее данное положение высказывание Ф. Энгельса. Ф. Энгельс отвечает здесь на вопрос, чем отличается пролетарий от раба. И отвечает: «Раб продан раз и навсегда, пролетарий должен сам продавать себя ежедневно и ежедневно. Каждый отдельный раб является собственностью *определенного* господина, и, уже вследствие заинтересованности последнего, существование раба обеспечено, как бы жалко оно ни было... Раб считается вещью, а не членом гражданского общества. Пролетарий признаётся личностью, членом гражданского общества. Следовательно, раб может иметь более сносное существование, чем пролетарий, но пролетарий принадлежит к обществу, стоящему на более высокой ступени развития, и сам стоит на более высокой ступени, чем раб»<sup>128</sup>.

Таким образом, анализ Маркса экономического и бытового положения рабов, выраженный в категориях политэкономии, в понятиях необходимого и прибавочного труда, отличается глубиной постановки проблемы, и ему совершенно не свойственно прямолинейное и упрощенное представление о положении рабов в античном обществе, которое отличало целое направление буржуазной историографии XIX в. Нужно сказать, что данные положения Маркса и в настоящее время открывают новые перспективы для исследований о положении рабов и функционировании рабской рабочей силы в процессе производства.

При исследовании процесса производства в разные исторические эпохи одним из важнейших вопросов является состояние производительности труда. Более высокая производительность труда — показатель прогрессивности нового способа производства по сравнению с прежним. Маркс уделяет анализу этой ключевой проблемы очень большое внимание. Он исследует различные стороны этой экономической категории вообще, как применимой к античному, феодальному и капиталистическому способам производства, хотя в центре его изысканий в «Капитале» стоит прежде всего капиталистическое производство. Эти важные положения Маркса представляют огромный интерес для изучения античной рабовладельческой экономики. Как известно, в специальной исторической и экономической литературе довольно распро-

<sup>127</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 631.

<sup>128</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 325.

странен взгляд о том, что производительность рабского труда как в земледелии, так и в ремесле была очень низкой, так сказать более низкой, чем производительность труда какого-либо другого типа работника, в частности, ремесленника или мелкого земледельца, ведущего свое хозяйство рядом с рабовладельческим хозяйством. Очень низкий уровень производительности рабского труда по сравнению с трудом мелкого земледельца объяснялся незаинтересованностью раба в результатах своего труда. Каковы же взгляды Маркса на этот вопрос? Прежде всего, в работах Маркса нет ни одной формулировки о том, что производительность рабского труда ниже, чем производительность труда мелкого производителя, а проблема производительности труда рассматривается как зависящая от целого ряда обстоятельств. «Под повышением производительной силы труда мы понимаем здесь всякое вообще изменение в процессе труда, сокращающее рабочее время, общественно необходимое для производства данного товара, так что меньшее количество труда приобретает способность произвести большее количество потребительной стоимости... Необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства, чтобы повысилась производительная сила труда, чтобы вследствие повышения производительной силы труда понизилась стоимость рабочей силы и таким образом сократилась часть рабочего дня, необходимая для воспроизводства этой стоимости»<sup>129</sup>.

«Производительная сила труда, — пишет он в другом месте, — определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»<sup>130</sup>. Несколько выше мы приводили характеристики Маркса относительно узости границ мелкого производства и parcelлярной собственности, о новом этапе в развитии производства после перехода от мелкого производства к рабовладельческому хозяйству, в котором было организовано крупное производство. Согласно мнению Маркса, это был новый шаг вперед в развитии производительных сил. Крупное производство позволило объединить в рамках одного хозяйства больший объем средств труда, орудий производства и использовать массы рабского труда, т.е. укрупнить процесс производства в целом до определенных пределов. В таком крупном производстве можно было наладить общественное разделение труда и внедрить кооперацию усилий отдельных работников.

«По сравнению с равновеликой суммой отдельных индивидуальных рабочих дней комбинированный рабочий день производит большие массы потребительных стоимостей и уменьшает поэтому рабочее время, необходимое для достижения определенного полезного эффекта. В каждом отдельном случае такое повышение производительной силы труда может достигаться различными способами: или повышается механическая сила труда, или расширяется пространственно сфера ее воздействия, или арена производства пространственно суживается по сравнению с масштабом производства, или в критический момент приводится в движение большее количество труда в течение короткого промежутка времени, или пробуждается соперничество отдельных лиц и напрягается их жизненная энергия, или однородные операции многих людей получают печать непрерывности и многосторонности, или различные операции выполняются одновременно, или экономятся средства произ-

<sup>129</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 325.

<sup>130</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 48.

водства благодаря их совместному употреблению, или индивидуальный труд приобретает характер среднего общественного труда. Но во всех этих случаях специфическая производительная сила комбинированного рабочего дня есть общественная производительная сила труда, или производительная сила общественного труда. Она возникает из самой кооперации. В планомерном сотрудничестве с другими рабочими преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции»<sup>131</sup>. Маркс здесь опять-таки ссылается на авторитет Аристотеля, что позволяет считать, что это общее положение Маркса имеет отношение и к античности. Следуя логике Марксовой мысли, можно сделать вывод, что труд двух десятков организованных рабов в поместье или в ремесленной мастерской позволяет получить больший прибавочный продукт, чем механическая совокупность того же количества одиночных мелких землевладельцев или ремесленников. В ряде мест «Капитала» Маркс называет крупную ремесленную мастерскую мануфактурой<sup>132</sup>, которая является как раз той формой, где разделение труда и его комбинация были основным производственным принципом<sup>133</sup>. «В Древнем Риме со времени последних лет существования республики, где мануфактура стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире, купеческий капитал, денежно-торговый капитал и ростовщический капитал достигли — в пределах античных форм — высшего пункта развития»<sup>134</sup>. При решении проблемы производительности труда Маркс уделяет внимание анализу такой ее стороны, как техническая вооруженность производства, состояние технической базы, так как, по его словам, «необходим переворот технических и общественных условий процесса труда, чтобы повысилась производительная сила труда». У Маркса дан ответ и на этот вопрос. Как себе представляет Маркс состояние технической основы рабовладельческого производства? Этот вопрос представляет особый интерес потому, что именно ему уделялось повышенное внимание в историографии об античном рабстве.

Приведем много раз цитированный отрывок — знаменитое примечание 17 к главе V I тома «Капитала». Это примечание относится к тому месту основного текста, где Маркс говорит, что с точки зрения капиталиста, только что купившего на рынке рабочую силу «...не должно иметь место нецелесообразное потребление сырого материала и средств труда, потому что неразумно израсходованный материал и средства труда представляют излишне затраченные количества овеществленного труда, следовательно, не учитываются и не принимают участия в образовании стоимости продукта». К этому месту идет примечание 17: «Это — одно из тех обстоятельств, которые удорожают производство, основанное на рабстве. Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale*

<sup>131</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 340–341.

<sup>132</sup> Конечно, мануфактура как производственная ячейка в античности не достигла такого развития, как в новое время, и потому можно говорить лишь о зачатках, начальных элементах мануфактуры. Простая кооперация, говорит Маркс, «выступает приблизительно в такой форме в ремесленных еще зачатках мануфактуры и в том виде крупного земледелия, который соответствует мануфактурному периоду, существенно отличаясь от крестьянского хозяйства лишь массой одновременно применяемых рабочих и размерами концентрированных средств производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 347).

<sup>133</sup> Специально о разделении труда в античном ремесле и об узких рамках такого разделения Маркс говорит, разбирая известное место (VIII 2. 5) из «Киропедии» Ксенофонта, «который и характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской», чем Фукидид, Платон, Исократ, Аристотель (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 379).

<sup>134</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 142.



[одаренное речью орудие] от животного как *instrumentum semivocale* [одаренного голосом орудия] и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum* [немое орудия]. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и *con amore* [со сладострастием] подвергая их порче, он достигает создания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче. Поэтому в рабовладельческих штатах, расположенных у Мексиканского залива, до начала Гражданской войны были в ходу плуги старокитайской конструкции, которые рыли землю, как свинья или крот, но не делали борозды и не переворачивали пласта. Ср.: *Cairnes J. E. The Slave Power. London, 1862. P. 46 sqq.* В своем “*Sea Board Slave States*” Олмстед рассказывает между прочим: “Мне показывали здесь орудия, которыми ни один находящийся в здравом уме человек не позволил бы обременить наемного рабочего; их чрезвычайная тяжесть и неуклюжесть, думается мне, по крайней мере, на 10 процентов увеличивает труд по сравнению с теми орудиями, которые обыкновенно употребляются у нас. Но меня уверяли, что при том небрежном и грубом обращении, которому они подвергаются у рабов, было бы неэкономно предоставлять последним более легкие и менее грубые орудия и что те орудия, которые мы постоянно даем нашим рабочим, причем извлекаем из этого выгоду, не сохранились бы и одного дня на хлебных полях Виргинии, хотя почва здесь легче и не так камениста, как у нас. Точно так же, когда я спросил, почему на всех фермах лошади заменены мулами, то первым и, конечно, самым убедительным доводом было то, что лошади не могут переносить того обращения, которому они всегда подвергаются со стороны негров; лошади быстро надрываются или калечатся от этого, между тем как мулы переносят побои и недостаток пищи и не претерпевают от этого существенного вреда, не простужаются и не заболевают, если пренебрегают уходом за ними, или перегружают их работой. Впрочем, мне стоит только подойти к окну той комнаты, где я пишу, и почти каждый раз я вижу такое обращение со скотом, за которое почти всякий фермер на Севере немедленно прогнал бы рабочего”<sup>135</sup>. Общий контекст и содержание данного отрывка состоит в противопоставлении капиталистического и рабовладельческого отношения к средствам производства. Подчиненному ненасытной жажде прибавочной стоимости капиталистическому производству, предполагающему беспощадную экономию во всех компонентах, противопоставляется производство, основанное на рабстве. Это противопоставление технической базы двух способов производства проводится как контрастное и особенно очевидное, когда сравниваются параллельно существующие рабские и капиталистические фермы в Америке первой половины XIX в. Самоочевидна разница во всех компонентах производства, в том числе и в технике. Ведь основным принципом капиталистического производства является непрерывное увеличение постоянного капитала, совершенствование технической базы капитала, в то время как принципом рабовладельческого и феодального обществ было сохранение имеющегося базиса. Каждый способ производства имел определенный тип работника со своими навыками, квалификацией и соответствующими ему орудиями труда. Естественно, в новое время рабу нельзя было дать те орудия, которые были созданы и приводились в движение наемным рабочим.

<sup>135</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 207–208.

Однако это положение Маркса не предполагает противопоставления рабского хозяйства мелкому, поскольку и то и другое близки по своей структуре и отличны от капиталистического производства, не предполагает противопоставления технической базы мелкого крестьянского хозяйства и ремесла как технически более вооруженного рабскому хозяйству как технически менее вооруженному. Технический уровень и рабского хозяйства, и мелкого производства свободных земледельцев и ремесленников был в целом более или менее единым. Напротив, в рамках того крупного производства, которое в форме рабовладельческих поместий и ремесленных мастерских пришли на смену крестьянским дворам, создавалось больше возможностей для некоторого (в узких рамках того времени) технического прогресса, чем в мелких хозяйствах с раздробленными средствами производства, с трудом сводящих концы с концами.

Технический базис античного общества был скромным еще и потому, что раб, как работник, покупался на рынке раз и навсегда, и потому затраченные на него средства входили в состав постоянного, а не переменного капитала. Но тем самым уменьшалась та часть постоянного капитала, которая включает собственно оборудование и средства производства как таковые. Поэтому возрастание количества рабов вело к понижению сумм, затрачиваемых на приобретение и совершенствование техники производства. Главное внимание рабовладельца было направлено не столько на совершенствование производственной базы, сколько на приобретение и организацию рабского труда. И еще одно важное обстоятельство, удорожающее, по словам Маркса, производство, основанное на рабстве по сравнению с капиталистическим. Если капиталистическое производство основано на строжайшей производственной экономии и всеобъемлющем расчете, включая все детали производства, потому что все подчинено возможно большему возрастанию капитала, то целью рабовладельческого производства (а также мелкого производства и феодального) было в принципе получение потребительных стоимостей, и не было такой ненасытной жадности прибавочного труда. Это, естественно, не способствовало производственной экономии и детальному расчету, приводило к перерасходу сырья, рабочей силы, большим потерям, при всей возможной скарденности тех или иных хозяев, например того же Катона.

В этом отношении представляет интерес вопрос о возможности применения машин в рабовладельческих хозяйствах. Маркс отмечает, что во времена Цицерона появилась водяная мельница, по его словам, «эта элементарная форма всех производительных машин», и далее он цитирует высказывание Аристотеля о том, что, если бы орудия могли бы сами производить работу, то «не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»<sup>136</sup>. То есть идея машинного производства была отчетливо известна. Более того, известны примеры изобретения машин в античности, например, на полях Галлии со времени Плиния до Палладия (т.е. около 300 лет) использовали примитивную жатвенную машину. Однако машины не стали важнейшим элементом античного производства и не нашли применения. И дело здесь не только в слабости науки или технической мысли: ни мелкое производство свободных производителей, ни крупное рабовладельческое производство не нуждались в машинах, они были противопоказаны их структурным особенностям, направленным прежде всего на воспроизводство и организацию рабочей силы.

<sup>136</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 419.

Рабская рабочая сила имеет свои специфические особенности. Раб куплен рабовладельцем, и последний тем самым брал на себя расходы по его содержанию. Но в то же время он должен был поставить раба в такие условия, чтобы раб даром не продал хозяйские средства. Важнейшим элементом организации рабской рабочей силы и ее принуждения к труду было создание продуманной системы надзора. Маркс считает такой труд одним из органических элементов любого способа производства, основанного на антагонизме классов. «...Труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает при системе рабства. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства охватывает два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами.

У античных писателей, непосредственно наблюдавших систему рабства, обе стороны труда по надзору были неразрывно соединены в теории, как это имело место и на практике...»<sup>137</sup>. И далее Маркс цитирует рекомендации Катона Старшего и Аристотеля по организации рабочей силы рабов, причем он подчеркивает особую важность рекомендаций по надзору за рабами у Аристотеля. Маркс отмечает, что система надзора так, как она сформулирована у Аристотеля и претворена в жизнь в поместьях Катона, предполагает иерархию надсмотрщиков, которым господин поручает осуществление надзора. Очень важно положение Маркса о том, что труд по надзору — это не паразитическое употребление времени, как, например, слугами, а часть производительного труда. «...Во всех работах, при выполнении которых кооперируются между собой многие индивидуумы, связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижером оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства»<sup>138</sup>. Естественно, труд по надзору и управлению и выделение специальной категории надсмотрщиков, отстранение их от непосредственного труда повышало потребность в прибавочном труде, выколачиваемом из непосредственных производителей, так как он шел на содержание рабской администрации. «"Если характер работы требует распределения работников" (именно рабов) "на большом пространстве, то число надсмотрщиков, а потому и расход на вознаграждение труда, вызываемого этим надзором, должны соответственно возрасти"»<sup>139</sup>.

Сложная и разветвленная система надзора и принуждения работника к труду является органической частью рабовладельческого производства, она есть не что иное, как реализация того самого очевидного и самого полного отношения господства и подчинения, которое свойственно рабству в самой неприкрытой и абсолютной форме. Эти отношения самого грубого подчинения Маркс образно определяет как принуждение к труду с помощью бича надсмотрщика. Бич надсмотрщика, цепи,

<sup>137</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 422–423.

<sup>138</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 422.

<sup>139</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 422.

которыми раб прикован к своему рабовладельцу, — это понятия, содержание которых отражает сущность голого насильственного принуждения раба к труду. Однако Маркс далек от того, чтобы эти образные выражения понимать буквально. Тщательный анализ Маркса экономических категорий рабовладельческого способа производства показывает, что не только насилие, но и экономические факторы управляли рабовладельческим хозяйством. В этом отношении хотелось бы напомнить приведенные выше слова Маркса: «...лучшая одежда, пища, лучшее обращение и более или менее значительный *rescuium* не уничтожают для раба отношения зависимости и эксплуатации»<sup>140</sup>. Лучшая одежда, пища, хорошее обращение, наличие пекулии, возможность попасть в состав рабской администрации — это, по существу, экономические рычаги, с помощью которых рабовладелец пытался увеличить количество прибавочного труда от своих рабов, комбинируя эти рычаги с бичом надсмотрщика. Таким образом, Маркс рассматривал проблему принуждения рабов к труду как проблему многостороннюю, в которой наряду с голым насилием применялись и иные методы, носившие собственно экономический характер. Это открывает перед исследователями античного общества новые перспективы.

Рассмотренный выше материал о рабском производстве эпохи его расцвета, а именно: создание крупного для того времени производства, разделение труда даже в ограниченных размерах, использование кооперации работников, создание разветвленной системы надзора, состояние технической базы, усиление интенсивности и эксплуатации рабского труда вели к известному росту производительности рабского труда по сравнению с производительностью труда свободных, разобщенных мелких производителей<sup>141</sup>.

Все отмеченные выше компоненты процесса производства при рабовладельческой системе, направленной на производство прибавочной стоимости, указывают на новый этап развития производительных сил в условиях классического рабства, создание большего прибавочного продукта и увеличение богатства общества в целом, что позволило содержать на возросшую долю прибавочного продукта непосредственных производителей категории населения, занятые в создании культурных ценностей, в обслуживании господствующего класса. «На начальных ступенях культуры производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних. Далее, на указанных первых ступенях относительная величина тех частей общества, которые живут чужим трудом, ничтожно мала по сравнению с массой непосредственных производителей. С ростом общественной производительной силы труда эти части возрастают абсолютно и относительно»<sup>142</sup>.

Если, например, сравнить социальную структуру римского рабовладельческого общества, допустим, II в. до н. э. и I в. н. э., то можно сказать, что в I в. н. э. количество населения, живущего за счет труда непосредственных производителей-рабов (люмпен-пролетариат, огромный обслуживающий персонал, довольно многочисленный слой интеллигенции, огромная армия), резко возросло, и этот рост, в конечном итоге, был возможен за счет получения большего прибавочного продукта, чем в прежние времена.

<sup>140</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 631–632.

<sup>141</sup> В одной записи набросков своих экономических рукописей Маркс записал: «... рабский труд производительнее, чем свободный, если последний не комбинирован», со ссылкой: «Уэйкфилд. VI. 8» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 517).

<sup>142</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 520.

При исследовании той или иной общественно-экономической формации, того или иного способа производства одной из важнейших проблем является анализ воспроизводства данного способа производства. Маркс уделил большую часть второго тома «Капитала» именно анализу разных аспектов воспроизводства капитала. Каково было положение с воспроизводством в условиях рабовладельческой системы? Выше был приведен отрывок из «Теорий прибавочной стоимости» о том, что древние и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал и значительную часть прибавочного продукта употребляли на непроизводительные траты. Однако из этого положения не следует, что в античности было известно только простое воспроизводство. «В самых различных общественно-экономических формациях имеет место не только простое воспроизводство, но и воспроизводство в расширенных размерах, хотя последнее совершается не в одинаковом масштабе. С течением времени все больше проводится и больше потребляется, следовательно, больше продукта превращается в средства производства. Однако процесс этот не является накоплением капитала, не является, следовательно, и функцией капиталиста до тех пор, пока рабочему средства его производства не противостоят еще в форме капитала»<sup>143</sup>. Признание расширенного производства, хотя и в ограниченных масштабах, в античной рабовладельческой формации имеет большое значение, так как позволяет увидеть тот процесс развития, совершенствования, распространения рабовладельческих хозяйств как шири, так и вглубь, позволяет внести коррективы в распространенные представления о принципиальной застойности, глубоком консерватизме, так сказать, отсутствии развития рабовладельческого способа производства как такового.

Воспроизводство предполагает восстановление основных источников производственного процесса, т.е., с одной стороны, средств производства, с другой стороны, рабочей силы. Для капиталистического способа производства, детально исследованного Марксом, такими компонентами являются воспроизводство постоянного капитала и источников рабочей силы, на содержание которой идет переменный капитал. Основной особенностью капиталистического воспроизводства, согласно Марксу, является прежде всего воспроизводство и увеличение постоянного капитала, совершенствование производственной и технической базы производства.

Однако в античных рабовладельческих обществах роль разных компонентов в воспроизводстве была иной, чем при капитализме. Прежде всего, в античности решающую роль играла не промышленность, а сельское хозяйство, и потому основной проблемой в воспроизводстве было не промышленное оборудование и сырье, а земля, источники ее плодородия. Структура производства, как было отмечено выше, была такова, что в состав «постоянного капитала» входило не столько оборудование, техника производства, сколько рабочая сила — рабы. Таким образом, основными компонентами воспроизводства в античных рабовладельческих обществах (при известном значении и других, конечно) были источники получения рабочей силы, т.е. рабов, и восстановление плодородия земли. Обе эти проблемы были трудными для античной эпохи. При младенческом состоянии науки решение проблемы восстановления почвенного плодородия было сложным, и это ставило очень узкие границы для развития крупного земледелия. Развитие крупного земледелия и стремление к получению большего прибавочного продукта, большего урожая предъявляли высокие требования к почвенному плодородию и предполагали постоянное восстановление его источников, а это при отсутствии научного почвоведения, агрономии, химии,

<sup>143</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 611.

значительного количества удобрений было затруднено. Древние шли по пути освоения новых земель, окультуривания лесных и заболоченных пространств, каменистых и бросовых участков, но такой путь имел свои границы. В период Римской империи по всему Средиземноморью на новых землях распространяются рабовладельческие виллы с интенсивным хозяйством, но в какое-то время этот экстенсивный путь развития исчерпал свои возможности, и воспроизводство на этой базе было уже невозможно.

Другой основной компонент античного воспроизводства — пополнение рабочей силы рабского типа. Интенсивная эксплуатация рабского труда, людей, находящихся под абсолютной властью господина, укорачивала срок производственной жизни раба по сравнению с трудом, например, мелкого производителя. Это приводило к тому, что ротация рабочей силы в производстве была относительно быстрой, и рабовладельческое хозяйство постоянно нуждалось в воспроизводстве рабочей силы. Казарменное содержание рабов, отсутствие *узаконенной* семьи снижало роль внутренних источников пополнения рабской рабочей силы (хотя отрицать роль этого источника нельзя). Возникла потребность приобретать рабов откуда-то извне. Отсюда большая роль воины (к этому Маркс добавляет еще морской разбой и т.п.<sup>144</sup>) в воспроизводстве источников рабской рабочей силы и материальных средств. Упоминает Маркс и рабские рынки, торговлю рабами как важный элемент воспроизводства рабочей силы, причем речь идет о рабских рынках не как о местах скопления рабов, где происходит их перемещение от одного хозяина к другому, а о рабских рынках, где продаются в рабство ранее свободные люди, т.е. изменяется их социальный статус (продажа за долги, например в провинциях, продажа пиратской добычи, а также своих соплеменников вождями варварских племен и т.п.). Во времена многочисленных войн, постепенного завоевания Римом всего Средиземноморья эти источники воспроизводства рабской рабочей силы действовали успешно, но по мере сокращения римских завоеваний, с одной стороны, и распространения рабских хозяйств по всему Средиземноморью (что усилило потребность в рабах), с другой стороны, происходит сокращение основных источников воспроизводства рабочей силы. Традиционный метод решения проблемы воспроизводства рабочей силы стал исчерпывать себя.

Характеризуя развитие капиталистического производства, Маркс пишет: «В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда — средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего, общественная комбинация процессов труда — организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности... В современном земледелии, как и в современной городской промышленности, повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупается ценой разрушения и стощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же самое время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего»<sup>145</sup>.

<sup>144</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 544.

<sup>145</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 514–515.

В определенной степени аналогичные процессы (конечно, принимая во внимание все особенности рабовладельческого способа производства) происходили, например, в римской экономике эпохи расцвета классического рабства. В условиях рабовладельческого способа производства воспроизводство его основных источников в определенный момент его развития стало невозможным. Об этом хорошо сказал Ф. Энгельс: «Основанное на рабском труде хозяйство латифундий перестало приносить доход; но в ту эпоху оно было единственно возможной формой крупного сельского хозяйства. Мелкое хозяйство снова сделалось единственно выгодной формой земледелия. Одна вилла за другой дробились на мелкие парцеллы, последние передавались наследственным арендаторам, уплачивавшим определенную сумму, или их получали *partiarum*, которые были скорее управляющими, чем арендаторами, и получали за свой труд шестую, а то и всего лишь девятую часть годового продукта. Преобладала, однако, сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе со своей парцеллой; они, правда, не были рабами, но и не считались свободными... Они были предшественниками средневековых крепостных»<sup>146</sup>.

Большое внимание в своей концепции античной экономики Маркс уделяет роли товарного производства в условиях рабовладельческого способа производства. Товарное производство и товарно-денежное обращение, их соотношение с собственно натуральным хозяйством, бесспорно, одна из ключевых проблем экономики любого докапиталистического общества. В работах Маркса и, прежде всего, в «Капитале» эти проблемы разбираются самым обстоятельным образом.

Маркс считает целью античного производства как такового производство потребительной стоимости, удовлетворение повседневных нужд, а не получение меновой стоимости, столь характерной для капитализма. Если такой является конечная цель производства, то основная производимая продукция потребляется непосредственно, не участвуя в обращении. Таким образом, наиболее важной структурной особенностью античного производства является натуральное хозяйство. Натуральное хозяйство безраздельно доминирует при патриархальной системе рабства, направленной на получение потребительной стоимости, предполагающей господство мелкого хозяйства земельных собственников. И это понятие само собой. Но натуральное хозяйство остается основой производства и на следующем этапе развития античной экономики, когда рабовладельческая система направлена на создание прибавочной стоимости, а сам процесс производства осуществляется в рабовладельческих поместьях и относительно крупных ремесленных мастерских со всеми их особенностями, о которых говорилось выше.

Как и при мелком производстве свободного земледельца или ремесленника эпохи расцвета классического полиса, так и в рабовладельческих поместьях и ремесленных мастерских, основанных на рабском труде, большая часть получаемого продукта шла на потребление производителя и его семьи, если она у него была, или рабовладельца и его семьи и челяди, на поддержание известного образа жизни, на выплату налогов и повинностей в пользу государства, а на рынок поступали излишки основной продукции. При развитых рабовладельческих отношениях, когда основным производителем становится раб, причем требовалось большое количество рабов, перемещаемых с помощью рынка, на первый взгляд, положение должно измениться существенным образом, ведь в рыночное обращение поступило одно из основных

<sup>146</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 148.

условий производства — рабы, а не только собственно излишки производимой продукции. Естественно, напрашивается аналогия с процессом покупки рабочей силы наемного рабочего при капитализме, которое породило основное отношение капиталистического производства: владелец капитала, с одной стороны, рабочий, продающий свою рабочую силу, — с другой.

Однако эта аналогия только кажущаяся. Маркс подчеркивает принципиальную разницу в отношениях: наемный рабочий — капиталист и раб — рабовладелец. Эту разницу он видит в особом характере рабской рабочей силы и ее воспроизводства, который он определяет как натуральный характер присвоения. «Возьмем, например, рабовладельческое хозяйство. Цена, уплачиваемая здесь за раба, есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычит из того капитала, которым он располагает в действительном производстве. Он перестал существовать для рабовладельца, — совершенно также, как капитал, затраченный на покупку земли, перестал существовать для земледелия. Это лучше всего доказывается тем, что он вновь начнет существовать для рабовладельца или собственника земли лишь в том случае, если они снова продадут раба или землю. Но тогда этот капитал перестает существовать для этого покупателя. Оттого что он купил раба, он еще не в состоянии сразу эксплуатировать раба. Эту возможность даст ему лишь дальнейший капитал, который будет помещен им в само рабовладельческое хозяйство»<sup>147</sup>. Итак, деньги, вложенные в раба, изымаются из обращения и в него практически не поступают, они лишь постепенно возмещаются в течение производственной жизни раба. Более того, в рабовладельческом обществе действуют другие источники пополнения рабочей силы, которые срastaются с натуральным хозяйством как таковым. «Но и система рабства, — поскольку она представляет собой господствующую форму производительного труда в земледелии, мануфактуре, судоходстве и т.д., как это было в развитых государствах Греции и в Риме, — сохраняет элемент натурального хозяйства. Самый рынок рабов постоянно получает пополнение своего товара — рабочей силы — посредством воин, морского разбой и т.д. А весь этот разбой, в свою очередь, обходится без посредства процесса обращения, представляя собой натуральное присвоение чужой рабочей силы путем прямого физического принуждения»<sup>148</sup>. В условиях самой полной системы господства и подчинения, которая свойственна рабству, вообще роль внеэкономических факторов в обществе в целом, в том числе в пополнении источником рабочей силы, была высока.

Итак, сам характер эксплуатации рабского труда, источники его воспроизводства, в отличие от системы наемного труда, были органической частью натурального хозяйства как такового и вместе с тем питали существование натурально-хозяйственной основы всего производства в целом.

Однако натуральному хозяйству, как основе рабовладельческого производства, согласно концепции Маркса, ничуть не противоречит существование товарного производства и товарного обращения. С точки зрения Маркса, натурального хозяйства в его абсолютно чистом виде не существует в человеческом обществе со времен поздней первобытности. Превращение продуктов в товар — органическая часть про-

<sup>147</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 373–374.

<sup>148</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 544.



изводства. «По самой природе вещей получается так, что как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, ее продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли»<sup>149</sup>.

Маркс уделил большое внимание анализу роли товарного производства и обращения в античности. Он подчеркивал, что товарное производство присуще рабовладельческому хозяйству, вытекает из него, а не инородное, привнесенное извне явление. Это следует из его определения развитого рабовладельческого хозяйства как системы, направленной на получение прибавочной стоимости, следовательно, оно характеризуется значительно большей зрелостью товарного производства, чем ранее.

Укрупнение до известных пределов производства в земледелии и в ремесле (вплоть до образования мануфактур), разделение общественного труда и его кооперирование, повышение интенсивности и производительности рабского труда — все это создавало значительно большее количество продуктов, чем требовалось для потребления данного производственного коллектива, и излишек шел на рынок, где реализовывался в деньги. Получение большего прибавочного продукта и превращение его через рыночное обращение в деньги послужило стимулом дальнейшего развития античного производства и в некоторой степени видоизменило цели производства.

Выше уже приводилось высказывание К. Маркса о влиянии торговли и торгового капитала на развитие производства<sup>150</sup>. Анализируя роль торговли в докапиталистических, в том числе рабовладельческих обществах, Маркс в другом месте писал: «Конечно, торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на те общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и пропитание она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта. Этим она разлагает старые отношения. Она увеличивает денежное обращение. Она захватывает уже не только избыток продуктов, но мало-помалу пожирает и самое производство и ставит в зависимость от себя целые отрасли производства»<sup>151</sup>. Маркс, таким образом, видит довольно серьезные сдвиги в античной экономике во второй период ее развития по сравнению с предыдущим временем, он пишет о частичном изменении и цели производства (получение меновой стоимости) и его структуры (развитие денежного хозяйства), об ориентации на рынок *не только излишков* продуктов, но и «целых отраслей производства». Иначе говоря, если в предшествующий период натуральное хозяйство охватывало производство целиком сверху донизу, то теперь оно превращается лишь в основу производства, на базе которой получает простор товарное производство и денежное обращение.

Однако характер товарного производства, степень его развития и роль в обществе в условиях рабовладения, согласно концепции Маркса, глубоко отличны от аналогичных явлений капиталистического общества. Наибольшие отличия заключаются в том, что античное товарное производство воплощается, прежде всего, в активном развитии такой формы капитала, как торговый или купеческий капитал, который функционирует в обществе сам по себе, а не как часть производительного или промышленного капитала при капитализме. Преобладание денежно-торгового капитала и его преимущественное развитие в обществе приводит к повышению роли

<sup>149</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 365.

<sup>150</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 364–365.

<sup>151</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 363.

денег как формы общественного богатства. «Вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар пробуждается жажда золота. С расширением товарного обращения растет власть денег, этой абсолютно общественной формы богатства, всегда находящейся в состоянии боевой готовности... Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых *res sacrosanctae, extra commercium hominum* [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей] (здесь Маркс делает примечание, в котором говорит о похищении фокидянами сокровищ дельфийского храма — *В. К.*). Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный уравниватель, стирают всяческие различия. Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его жизни»<sup>152</sup>. К этому месту в примечании Маркс приводит отрывок из «Антигоны» Софокла:

«Ведь нет у смертных ничего на свете,  
 Что хуже денег. Города они  
 Крушат, из дому выгоняют граждан,  
 И учат благородные сердца  
 Бесстыдные поступки совершать,  
 И указуют людям, как злодейства  
 Творить, толкая их к делам безбожным»<sup>153</sup>.

Маркс далее уделяет внимание учению Аристотеля об экономике и хрематистике, в частности, анализирует сугубо отрицательное отношение Аристотеля к хрематистике как искусству делать деньги, а не потребительные стоимости. Взгляды Аристотеля отражают объективное противоречие рабовладельческого производства развитого типа, — с одной стороны, довольно высокий уровень денежного хозяйства в обществе, с другой стороны, отрицательное отношение к нему как свидетельство прочности натурально-хозяйственной основы производства.

Многочисленные примеры истории греческих полисов, а особенно Рима конца республики и первых столетий империи блестяще подтверждают эти мысли Маркса о большой роли денег в экономике, общественной и политической жизни того времени.

Развитое денежное хозяйство предполагает и развитое товарное обращение. Однако денежно-товарное обращение в условиях классического рабства имело свою глубокую специфику, на которую много раз указывал Маркс. Товарно-денежное обращение, функционирование купеческого капитала было мало связано с производством, обладало известной самостоятельностью, и в этом коренное отличие товарно-денежного капитала в древности (при сравнительно высоком уровне его развития) от эпохи капитализма. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала как купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.е. равно-

<sup>152</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 142–143.

<sup>153</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 143. Прим.

сильно развитию капитала на основе чуждой ему и не зависимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества.

Самостоятельное купеческое имущество как господствующая форма капитала означает обособленность процесса обращения от его крайних членов, а эти крайние члены... остаются самостоятельными по отношению к процессу обращения, как и этот процесс по отношению к ним. Продукт становится здесь товаром благодаря торговле. В этом случае именно торговля приводит к тому, что продукты принимают форму товаров, а не произведенные товары своим движением образуют торговлю. Следовательно, здесь капитал впервые выступает как капитал в процессе обращения. В процессе обращения деньги развиваются в капитал. В обращении продукт впервые развивается как меновая стоимость, как товар и деньги. Капитал может образоваться в процессе обращения и должен образоваться в нем, прежде чем он научится подчинять себе его крайние члены, различные сферы производства, обращение между которыми он опосредствует. Денежное и товарное обращение могут опосредствовать сферы производства самой разнообразной организации, сферы, которые по своей внутренней структуре все еще направлены, главным образом на производство потребительной стоимости. Это обособление процесса обращения, при котором сферы производства связываются между собой при посредстве третьего члена, выражает двоякого рода обстоятельство. Во-первых, — то, что обращение еще не овладело производством, а относится к нему как к данной предпосылке. Во-вторых, — то, что процесс производства еще не включил в себя обращения в качестве просто своего момента. Напротив, в капиталистическом производстве произошло и то, и другое. Процесс производства основывается всецело на обращении, а обращение представляет собой лишь момент, переходную фазу производства, лишь реализацию продукта, произведенного как товар, и возмещение элементов его производства, производимых как товары. Форма капитала, происходящая непосредственно из обращения, — торговый капитал, — является здесь лишь одной из форм капитала в процессе его воспроизводства»<sup>154</sup>.

Слабая связь с производством, самостоятельное развитие купеческого капитала приводит к тому, что в процессе товарного обращения цены на товары устанавливаются не по производственным издержкам, т.е. не определяются производственными условиями (затратой сырья, рабочей силы и т.п.), а довольно произвольно и, как пишет Маркс, представляют собой систему грабежа, что несовместимо с ролью торгового капитала в условиях капитализма. «Пока торговый капитал опосредствует обмен продуктов неразвитых стран, торговая прибыль не только представляется результатом обсчета и обмана, но по большей части и действительно из них происходит. Помимо того, что торговый капитал живет за счет разницы между ценами производства различных стран (и в этом отношении он оказывает влияние на выравнивание и установление товарных стоимостей), купеческий капитал при прежних способах производства присваивает себе подавляющую долю прибавочного продукта, отчасти как посредник между обществами, производство которых в основном еще направлено на потребительскую стоимость и для экономической организации которых продажа части продуктов, вообще поступающей в обращение, следовательно, вообще продажа продуктов по их стоимости, имеет второстепенное значение; отчасти потому, что при прежних способах производства главные владельцы при-

<sup>154</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 360–361.

бавочного продукта, с которыми имеет дело купец, — рабовладелец, феодальный земельный собственник, государство (например, восточная деспотия), — представляют потребляющее богатство, которому расставляет сети купец... Итак, повсюду, где торговый капитал имеет преобладающее господство, он представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, хищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т.д.»<sup>155</sup>.

Таким образом, сама структура товарного обращения и денежного хозяйства при рабовладельческих отношениях носит принципиально иной характер, чем при капиталистическом производстве, и различие между ними громадное.

Маркс называет товарное производство в докапиталистических, в том числе и античных обществах, простым товарным производством, которое не овладело всей экономикой и не стало ее структурообразующим элементом, в отличие от капиталистического товарного производства, которое он называет всеобщим. Масштабы и объем простого и всеобщего товарных производств несоизмеримы. «...Денежное хозяйство присуще всякому товарному производству, а продукт выступает в качестве товара в самых различных общественных производственных организациях. Следовательно, отличительной чертой капиталистического производства являлся бы лишь тот объем, в котором продукт производится как предмет торговли, как товар, а следовательно, и тот объем, в котором элементы, образующие продукт, должны в качестве предметов торговли, качестве товаров, снова войти в то хозяйство, из которого выходит этот продукт.

В действительности капиталистическое производство есть такое товарное производство, которое стало всеобщей формой производства, но оно является таковым — и по мере своего развития становится все более таковым — лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром, лишь потому, что рабочий продает труд, т.е. продает функцию своей рабочей силы, и притом, как мы предполагаем, продает по ее стоимости, определяемой издержками ее воспроизводства. В той мере, в какой труд становится наемным трудом, производитель становится промышленным капиталистом, поэтому капиталистическое производство (а, следовательно, и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель является наемным рабочим»<sup>156</sup>.

В условиях товарного производства, получившего известный простор для своего развития и проявившегося в расцвете купеческого (товарно-денежного) капитала, нашла свое место и другая известная в докапиталистических обществах форма капитала — ростовщический капитал. При характеристике особенностей античной экономики в период преобладания мелкого производства отмечалось господство ростовщического капитала, причем обращалось внимание на то, что фигура ростовщика-кредитора очень часто совпадала с фигурой крупного землевладельца (для раннего Рима — патриция). С появлением крупных рабовладельческих хозяйств, частично ориентированных на рынок, на получение прибавочной (не потребительной) стоимости, и развитием товарного производства и купеческого капитала роль ростовщического капитала меняется. Мелкое производство, которое существовало рядом с рабовладельческими хозяйствами, по-прежнему было объектом ростовщичества, и положение в этой сфере хозяйства изменилось мало. Но мелкое производ-

<sup>155</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 363–364.

<sup>156</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 133.

ство уступило свое господствующее положение, как ведущей экономической формы, рабовладельческим хозяйствам. Теперь объектом приложения ростовщического капитала уже стал не мелкий производитель (им не мог стать и раб, поскольку раб не имел собственности), а владелец крупного хозяйства, т.е. рабовладелец. В этих условиях произошло в целом разделение фигур крупного землевладельца-кредитора на два самостоятельные фигуры собственно владельца рабовладельческого поместья или мастерской и обладателя денежной суммы как таковой — ростовщика, заимодавца, дельца в собственном смысле этого слова. Хотя это не исключало в ряде случаев совмещения в одном лице и собственно землевладельца, и купца, и ростовщика. Так, например, в позднереспубликанском Риме основные денежные операции, а из их собственно ростовщические занимали очень большое место, проводили через руки представителей всаднического сословия, в то время как нобили по своему социальному статусу принадлежали к землевладельческой знати, хотя некоторые нобили не без успеха (например, Брут) занимались самым свирепым ростовщичеством. В период ранней Империи ростовщичество и различные денежные операции постепенно сосредоточивались в руках богатых отпущенников.

Разделение фигур землевладельца и ростовщика вело к новым формам давления ростовщического капитала на производство. Его объектом становится рабовладельческое хозяйство, и тем самым ростовщический капитал начинает выжимать соки уже из рабовладельца, который, естественно, усиливает свое давление на занятых в его хозяйстве непосредственных производителей — рабов. «Пока господствует рабство или пока прибавочный продукт проедается феодалом и его челядью, и во власть ростовщика попадает рабовладелец или феодал, способ производства остается все тот же; он только начинает тяжелее давить на работника. Обремененный долгами рабовладелец или феодал высасывает больше, потому что из них самих больше высасывают. Или же в конце концов они уступают свое место ростовщику, который сам становится земельным собственником или рабовладельцем, как всадники в Древнем Риме. Место старого эксплуататора, у которого эксплуатация носила более или менее патриархальный характер, так как являлась главным образом орудием политической власти, занимает грубый, жадный до денег выскочка. Но самый способ производства не изменяется»<sup>157</sup>. Ростовщичество, направленное на рабовладельческие хозяйства, ведет к интенсификации, повышению эксплуатации рабочей силы, увеличивает трудности их воспроизводства, приближает кризис рабовладельческих хозяйств в целом. «...Как разорение богатых земельных собственников ростовщичеством, так и высасывание соков из мелких производителей, — приводит к образованию и концентрации крупных денежных капиталов. Как далеко заходит в связи с этим разложение старого способа производства, как, например, в современной Европе, и становятся ли на его место капиталистический способ производства, — это зависит от исторической ступени развития и от обусловленных ею обстоятельств»<sup>158</sup>.

Глубокое исследование Марксом проблем товарного производства и обращения, роли купеческого и ростовщического капитала, денежного хозяйства в целом, самой природы рабовладельческого способа производства показывает принципиальные отличия во всех компонентах между капиталистическим и рабовладельческим способами производства. Вместе с тем при анализе античной, феодальной или капиталистической экономики Маркс пользуется, как правило, одними и теми же экономическими категориями: необходимый и прибавочный труд, меновая и потребительная

<sup>157</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 146.

<sup>158</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 143.

стоимость, ростовщический и купеческий капитал, разделение труда и кооперация, воспроизводство, производительность труда и его интенсивность, эксплуатация и т.д., и т.п. Маркс не рассматривает античную экономику как абсолютно иную, чем последующие способы производства, как некое отклонение, как феномен истории, не связанный никакими связями с последующим развитием. Античное рабовладельческое общество — это одна из необходимых ступеней, в рамках которой подготавливаются общие условия экономического развития, закономерно ведущие к капиталистическому хозяйству, а через него — и к более высоким формам общественного труда. «Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т.д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного продукта требуется для страхового фонда от разного рода случайностей для обеспечения необходимого, соответствующего развитию потребностей и росту населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т.д. Он приводит, таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые при более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще»<sup>159</sup>.

### **Об изучении социально-экономической истории древнего мира в произведениях В. Д. Блаватского\***

В. Д. Блаватский по своему узкому профилю был специалистом в области истории античного искусства и искусствоведом. Как известно, его кандидатская и докторская диссертации были посвящены как раз искусствоведческим проблемам, а сам он имел диплом доктора искусствоведения. В течение всей своей долгой творческой жизни В. Д. Блаватский создал глубокие исследования многих проблем античного искусства, стал крупнейшим знатоком этой обширной части античного культурного комплекса. Однако эти наиболее близкие его узкой специальности труды далеко не исчерпывают многообразия его научных интересов, его постоянного внимания к самым различным аспектам антиковедения. В его творчестве получили глубокую интерпретацию самые разные стороны античной цивилизации, в том числе экономика и социальные отношения античного мира.

<sup>159</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 385–386.

\* Первая публикация: в сб. Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 36–43.

Проблемы социально-экономических отношений в его научном творчестве не были привходящими, случайными. Напротив, они естественно вытекали из его концепции античной цивилизации. Важнейшим принципом понимания им античной цивилизации было органическое единство ее разных сторон, где искусство, культура, как духовная, так и материальная, политические учреждения и военные институты, социальные отношения и хозяйственная жизнь — это разные проявления одного и того же целого, между частями которого существуют тесные и взаимообогашающие связи.

Это можно видеть на примере его работ по социально-экономической проблематике, которые можно вычлнить в методических целях из того органического сплава общих идей В. Д. Блаватского об античной цивилизации.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть многоплановость его конкретных исследований социально-экономических отношений в античности. Следует выделить три крупных направления: 1) изучение экономики и социальных отношений конкретного государственного образования, которое он знал досконально и как полевой первооткрыватель и как тонкий интерпретатор — а именно Боспора, боспорского сложного общества и государства на протяжении почти тысячелетнего его существования; 2) изучение основных линий экономического и социального развития античного Северного Причерноморья в его целом как одного из регионов античного мира как такового и 3) его концепция хозяйственной жизни и социальной стратификации античного мира и его соотношения с древневосточным миром уже в глобальном масштабе в пределах тогдашней ойкумены.

Крупным вкладом в историографию стали его исследования социально-экономической истории Боспорского царства. В. Д. Блаватский был одним из первооткрывателей Боспора как полевой исследователь, как добытчик того материала, который стал достоянием всех последующих исследователей Боспора. Его мастерство в раскрытии Пантикапея и Фанагории, его работы на хоре в Синдике, его разведки по всей территории Боспорского государства, включая разведки затопленной приморской полосы Керченского пролива, всегда носили целенаправленный характер, вели к постановке и решению крупных проблем, в том числе социально-экономических отношений.

Доскональное знание всего материала, его глубокая интерпретация позволили В. Д. Блаватскому создать ту концепцию боспорского хозяйства и социальных отношений, которая сейчас является господствующей в советской науке. В. Д. Блаватский в противовес принятой в науке теории о преобладании в экономике Боспора торговли, развил и обосновал выводы о решающей роли земледелия в экономике Боспора, о значительной роли ремесленного производства, определил место и для торговли как части боспорской экономики. Иначе говоря, было дано определение соотношения разных ветвей боспорской экономики, которое гармонично соответствует и конкретному материалу и общей экономической ситуации в античности<sup>160</sup>.

В. Д. Блаватский был тонким знатоком конкретного материала источников и не признавал навязанных извне схем. Так, например, под влиянием ольвийских источников в нашей науке получила распространение точка зрения о серьезном социально-экономическом кризисе в III–II вв. до н. э., которую переносили на исто-

<sup>160</sup> Блаватский В. Д. Архаический Боспор // МИА. 1954. № 33. С. 7–44; Он же. О боспорском ремесле IV–I вв. до н. э. // СА. 1959. № XXIX–XXX. С. 42–57; Он же. О производстве мегарских чаш в Пантикапее // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 174–176; Он же. Об археологическом исследовании хоры // ВМГУ. 1958. № 4. С. 9–14.

рию Боспора III–II вв. до н. э. Исследование конкретных данных показало, что на Боспоре положение было иным. Города Боспора в III в. до н. э. были крупными и богатыми экономическими центрами. В сельском хозяйстве наблюдается развитие виноградарства при некотором снижении роли хлебопашества в Европейской части, в то время как на Азиатском Боспоре оно продолжало развиваться. Относительно боспорского ремесла за исключением торевтики, нет данных о его упадке или затухании, напротив, можно говорить об успехах строительного дела, керамического и кожевенного производства. Торговля Боспора в III–II вв. до н. э. со Средиземноморьем достаточно интенсивна, хотя несколько снижаются размеры хлебного экспорта, но зато возрастает вывоз кожи, рабов, вина и других товаров. Следует отметить, что выводы исследователя, основанные на скрупулезном анализе конкретных данных, вместе с тем хорошо соответствуют общей экономической ситуации эллинистического мира III в. до н. э., который именно в это столетие переживал экономический и политический подъем<sup>161</sup>.

Трактовка В. Д. Блаватским социально-экономических отношений на Боспоре III–II вв. — классический пример исторического исследования. Большое значение имеют его выводы о разной организации и хозяйственном своеобразии Европейского и Азиатского Боспора, об античном способе организации сельского хозяйства и аграрных отношений на Европейском Боспоре и широком использовании местных (нерабовладельческих) форм на Азиатском<sup>162</sup>.

Если социально-экономические отношения классического и эллинистического Боспора были предметом специального анализа в литературе, пусть одностороннего и неполного, но все-таки были, и давали отправные точки исследования для будущего, то социально-экономическая история Боспора римского времени была в значительной степени темным пятном. Здесь В. Д. Блаватскому пришлось поднимать целину и как раз в этом разделе проявились его исследовательские качества. Он установил периодизацию социально-экономического развития (до вторжения готов и после вторжения) и наполнил каждый из этих периодов конкретным содержанием, по крупицам собрав весь имеющийся материал источников. В. Д. Блаватский пришел к интересным заключениям о таких своеобразных явлениях социально-экономической истории Боспора, как явления рустификации Боспора в римскую эпоху и постепенного преобладания новых форм труда в лице пелатов, близких по своим функциям и своему положению римским колонам, о постепенном изменении характера Пантикапея, превратившегося из торгово-ремесленного центра в аграрно-ремесленный. Рустификация боспорских городов и, прежде всего, Пантикапея в сарматский период (появление винодельческих хозяйств, зерновых ям на городской территории, рыбозасолочных цистерн, перепланировка городской территории, некоторое сокращение внутренней торговли, рост сельских сюжетов в искусстве и интерес к сельской жизни) объясняется исследователем как результат существенной перестройки в самом способе производства, усилении натуральных принципов ведения хозяйства, сокращения имеющихся элементов товарного производства<sup>163</sup>. Очень интересны соображения о своеобразных формах боспорского крупного землевладения, существовании

<sup>161</sup> Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 94–125; Он же. О боспорском ремесле... С. 42–57.

<sup>162</sup> Блаватский В. Д. Пантикапей... С. 152–160, 214–216; Он же. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 193–196; Он же. Северопонтийские города в конце II–I вв. до н. э. // ВМГУ. 1949. № 7. С. 60 сл.

<sup>163</sup> Особенно обстоятельно см.: Блаватский В. Д. Земледелие... С. 167–194.



мелких земледельцев, их соотношения с рабским сельским населением, о наблюдающихся изменениях в соотношении различных отраслей сельского хозяйства, в частности о постепенном внедрении виноградарства, о значительной роли скотоводства, причем он рассматривает в тесном взаимодействии эти структурные изменения в сельском хозяйстве с изменением форм землевладения.

Творческому влиянию В. Д. Блаватского наша наука обязана разработкой проблем боспорской экономики и специально сельского хозяйства, разных видов ремесла, которое проводили его сотрудники, такие как И. Т. Кругликова, И. Д. Марченко, М. М. Кобылина и др.

Блестящий анализ социально-экономических отношений Боспора, этого сложнейшего общественного и государственного образования, где причудливо переплелись многие явления греческой цивилизации и многочисленных местных культур, позволил В. Д. Блаватскому дать глубокую интерпретацию социально-экономических отношений в греческом мире всего региона Северного Причерноморья. В. Д. Блаватский был одним из лучших знатоков всего материала греческих полисов Северного Причерноморья. И в этой сфере своего научного творчества он добился очень важных результатов. Именно ему принадлежат две работы: «Краткий очерк античного земледелия в Северном Причерноморье» (1952 г.) и монография «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья» (1953 г.) в которых дана цельная картина и комплексная характеристика этой важнейшей отрасли античного хозяйства. Его сводная монография рассеяла бытовавшие в нашей науке представления, что дать связный очерк античного земледелия в Северном Причерноморье невозможно из-за скудости и фрагментарности источников. Следует отметить широту проблематики этой работы: здесь и значение земледелия в жизни античных государств и религиозных системах, проблемы землевладения, искусственного орошения, организация сельскохозяйственной территории, системы земледелия и способы восстановления почвы, полевые и садовые культуры, виноградники, системы земледелия и агротехника, животноводство, сельскохозяйственные орудия и постройки, урожайность и хранение продуктов питания. Очень важна глава 15, в которой обстоятельно рассмотрен первостепенной важности вопрос об организации труда и эффективности рабочей силы и социальном составе производителей. В распоряжении автора был очень фрагментарный и на первый взгляд малоинформативный материал, единичные и случайные упоминания древних писателей, и главным образом археологические данные. Но скрупулезный анализ этого материала позволил автору дать связный и убедительный очерк сложнейшей проблемы античного сельского хозяйства Средиземноморья. В. Д. Блаватский выделяет два сектора в сельском хозяйстве разных греческих полисов Северного Причерноморья: рабовладельческую организацию сельскохозяйственного производства античного типа, существующую на Гераклеяском полуострове около Херсонеса, в окрестностях боспорских городов на европейской стороне Боспора (Феодосия) и «племенной» сектор, в рамках которого вели примитивное земледелие зависимые от знати соплеменники. «Едва ли можно сомневаться в том, что эти земледельцы представляли подавляющее большинство производителей в сельском хозяйстве Боспора»<sup>164</sup>. Представляет большой историко-экономический интерес изучение вопроса о степени товарности как рабовладельческих хозяйств, так и племенного производства и общий объем товарного зерна боспорских правителей и в связи с этим проблемы интенсивного хлебного экспорта

<sup>164</sup> Там же. С. 178.

боспорского хлеба в Эгеиду в IV–II вв. до н. э. Таких работ сводного характера буквально единицы в масштабах Средиземноморья, где несравненно большее количество самых разнообразных источников, в том числе, например, таких, как трактаты Феофраста, римских агрономических писателей. Для аграрной истории античных государств Северного Причерноморья этот труд В. Д. Блаватского является одним из основополагающих в нашей науке об античном Причерноморье.

Аграрная история античных государств Северного Причерноморья была лишь частью широких интересов В. Д. Блаватского при разработке им общих аспектов исторического развития Северного Причерноморья как региона греческого мира. В целом ряде работ были намечены главные линии социально-экономического развития этого региона в целом. Результаты его исследований были изложены в ряде докладов на всесоюзных конференциях и на международных съездах археологов и историков. Так, в 1960 г. на XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме он выступил с обобщающим докладом «Процесс исторического развития и роль античных государств Северного Причерноморья». Здесь следует, прежде всего, отметить разработку периодизации социально-экономического развития античного Северного Причерноморья. Им выделены следующие периоды:

1) догреческий период и спорадические контакты местного населения и греков до VI в. до н. э.;

2) полисный период (с VI в. до н. э. до конца первой четверти IV в. до н. э.);

3) период протоэллинизма (375—309 гг. до н. э.);

4) эллинистический период (конец IV в. до н. э. — конец II в. до н. э.);

5) период вхождения большей части Северного Причерноморья в состав державы Митридата Евпатора (конец II в. до н. э. — середина I в. до н. э.);

6) середина I в. до н. э. — середина III в. н. э. (римский период);

7) конец III–IV в. н. э. — позднеантичный, завершающий.

В. Д. Блаватский прослеживает конкретные изменения хозяйственной жизни, эволюцию социальных отношений, политических институтов, давая наполненную конкретным содержанием многовековую и полнокровную историю античного Северного Причерноморья, притом в тесной связи с общей эволюцией средиземноморской античной цивилизации, и эта периодизация и основное историческое наполнение каждого из этих периодов сейчас представляются сами собой разумеющимися.

Хотелось бы особенно подчеркнуть одну сторону концепции античного Северного Причерноморья, выработанной В. Д. Блаватским, а именно, рассмотрение этого региона как органической, теснейшим образом связанной со средиземноморским миром части. Это проявляется не только в таком структурном принципе, как сочлененность периодизации античного Северного Причерноморья со средиземноморским миром, но и во всем сущностном понимании северо-пантийской цивилизации, ее включенности в мир Средиземноморья и его судьбы<sup>165</sup>. В этом отношении представляет интерес его трактовка двух очень важных экономических аспектов взаимоотношений между Северным Причерноморьем и Средиземноморьем. Я имею

<sup>165</sup> Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 7–39; Он же. Процесс исторического развития и историческая роль античных государств Северного Причерноморья // Вопросы истории. 1960. № 10. С. 76–88 (Доклад на XI Международном конгрессе исторических наук. Стокгольм, 1960); Он же. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII–V вв. до н. э.) // СА. 1964. № 2. С. 13–26; Он же. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // СА. 1964. № 4. С. 25–38.

в виду проблему хлебной торговли Боспора с Афинами, другими эгейскими центрами и проблему пополнения рабских рынков Средиземноморья северо-понтийскими рабами. Особенно хотелось бы отметить исследование данных источников о северо-понтийских рабах, тонкий анализ текста Полибия в совокупности с другими материалами показали, что нельзя преувеличивать роли Северного Причерноморья в качестве рабского рынка для Средиземноморья. Хотя тот же В. Д. Блаватский в своей интересной заметке о рабах-меотах привел дополнительный материал о северо-понтийских рабах в Балканской Греции<sup>166</sup>.

Подчеркивая органическое единство античного Северного Причерноморья со Средиземноморьем, В. Д. Блаватский, как большой ученый, и здесь не позволял себе впадать в схематизм и оперировать произвольными аналогиями и ставить их на место конкретного исследования. Знаком огромного материала В. Д. Блаватский видел специфические особенности в развитии и институтах Северного Средиземноморья. Интереснейшим его положением, как выражение специфики исторического развития Северного Причерноморья, является его теория протоэллинизма на Боспоре, концепция, вызвавшая большой интерес на международном конгрессе классических археологов в Риме в 1958 г.<sup>167</sup> Боспор рассматривается исследователем как одно из окраинных государственных образований греческого мира, наряду с Сицилией, Карией, Македонией, оказавшихся в более благоприятных условиях, чем переживающие серьезные внутренние потрясения греческие полисы середины IV в. до н. э. Эти благоприятные условия выразились в территориальном расширении этих небольших окраинных образований, включению в их состав негреческих племен, находившихся на более низкой стадии развития и новых импульсах движения вперед. «Слияние окраинных эллинских полисов с местными обществами определили особый путь их исторического развития, отличный от судеб греческой метрополии в IV в. до н. э.» При этом протоэллинистический период в истории названных окраинных стран был временем их большого подъема. Но этот расцвет был локальным, а не общегреческим.

При наличии некоторых особенностей у различных протоэллинистических государств общей чертой их было близкое государственное устройство, отличное от ранее известных объединений эллинских полисов. Новая государственная форма характеризуется «наличием в ней греческих городов и варварской хоры под властью единоподержавных правителей, носивших различные наименования»<sup>168</sup>.

В. Д. Блаватский был антиковедом в самом широком смысле этого слова, тонким знатоком античной цивилизации. У него сложилась четкая концепция античного общества и культуры, в которой социально-экономические отношения выступают как структурообразующие части. Не имея возможности изложить эту концепцию в полном объеме, хотелось бы остановиться на трех ее аспектах, которые стали предметом специального анализа Блаватского и которые являются фундаментальными проблемами всей древней истории. Одна из таких проблем — проблема существа, возникновения, развития и трансформация античного полиса. Эта ключевая проблема античной истории рассматривалась в его работах как многосторонняя пробле-

<sup>166</sup> Наиболее подробно о хлебной торговле с Афинами см.: *Блаватский В. Д.* Пантикапей... С. 101–104; Он же. Земледелие... С. 7–12; Он же. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // *СА.* 1954. № XX; Он же. О рабах-меотах // *КСИА.* 1969. Вып. 116. С. 68–69.

<sup>167</sup> О протоэллинизме: *Blawatsky V. D.* Il periodo del Protoellenismo sur Bosporo // *Atti del 7 Congresso Internazionale di Archeologia Classica.* Roma, 1961. Vol. III.

<sup>168</sup> *Блаватский В. Д.* Пантикапей... С. 59.

ма, античный город исследовался как градостроительная система, как экономический, социальный, политический, культурный и религиозный центр, как средоточие той особой формы гражданской жизни, которая по своему стилю отличается, например, от древневосточного города. На примере Пантикапея были всесторонне и конкретно прослежены все аспекты этого развития, начиная от эволюции градостроительных планов до особенностей духовной жизни<sup>169</sup>. Но Пантикапей — лишь один из конкретных примеров. В обобщающей работе «Античный город» объектом исследования стали общие принципы структуры, исторического формирования и функционирования зрелых форм античного города, начиная с его зарождения в качестве убежища еще в древнее время до захирения его в конце римской империи. Превращение центра убежища в ремесленный центр самостоятельного полиса, тяготеющего к автаркии, преодоление этой автаркии в силу расцвета ремесел в классическое время (V–IV вв. до н. э.) и тенденции к образованию союзов (наиболее яркий пример — афинская архэ), к полису эллинистического типа, инкорпорированному в структуру монархического государства и активное участие всех городов в международной экономической политике, что способствовало общему прогрессу социально-экономических отношений и культуры до римских муниципальных центров и ряда других типов городов в римское время — таков путь античного урбанизма, эволюция античного города как основа всей греко-римской древности<sup>170</sup>.

В. Д. Блаватский постоянно проявлял интерес к такой злободневной и сейчас весьма популярной в мировой науке проблеме, как взаимодействие природы и общества. В одной из своих последних работ «Природа и античное общество» (1976 г.) эта проблема получила монографическое освещение. Как известно, сейчас в мировой науке эта тема привлекает пристальное внимание ученых: исследуются различные стороны взаимодействия общественного развития и природного окружения, проводятся международные конференции, обсуждался доклад на XV конгрессе историков в Бухаресте. Но в советской науке эта проблема практически не разрабатывается. Преобладает по-прежнему взгляд об абсолютном и подавляющем (фактически единственном) приоритете роли внутреннего развития, главным образом социально-экономического плана. Роль природных процессов, взаимодействие их с процессами внутреннего развития учитывается очень мало, явно недостаточно.

В. Д. Блаватский намечает здесь новые пути научного поиска, которые должны быть проведены в будущем. В этой работе он во многих планах прослеживает степень влияния работы античного человека на окружающую среду, на то природное окружение, в котором он жил и творил. Изучение этих аспектов жизни античного общества, безусловно, обогатит современные представления о социально-экономических отношениях в античном мире, наполнит их новым содержанием, позволит нам избавиться от некоторого схематизма, который до сих пор еще окончательно не изжит в нашей науке об античности.

Одной из самых фундаментальных проблем древней (и мировой) истории является проблема исторического пути и сущности обществ античных и древневосточных, или короче, проблема Восток — Запад. Именно эта проблема разработана В. Д. Блаватским в его докладе на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г.<sup>171</sup>

<sup>169</sup> Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

<sup>170</sup> Блаватский В. Д. Античный город // Античный город. М., 1963. С. 7–30.

<sup>171</sup> Blawatsky V. D. Le monde Antique et Ancient Orient: XIII Congres International des Sciences Historiques. Moscou, 1970.

В докладе были отмечены существенные различия в социально-экономическом и культурно-политическом развитии обществ античного мира и древневосточных стран как основных вариантов одной и той же социально-экономической формации. Эти различия он видит в своеобразии исходных начал и темпов развития, особенностях географического окружения, взаимоотношений человека и природной среды, формировании разных типов социальных общностей и роли в них отдельного человека. Между античным миром и древним Востоком, с точки зрения В. Д. Блаватского, бесспорно существовали контакты и взаимовлияния, но в целом можно говорить вплоть до времени эллинизма о разных путях и типах развития античных и древневосточных обществ. Уже довольно беглый перечень принципиальных аспектов показывает, какую глубокую разработку получил этот важнейший аспект античной истории — социально-экономические отношения — в творчестве В. Д. Блаватского, какой существенный вклад был внесен им в советское антиковедение.

### **Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности\***

Проблемы классовой структуры, положения основного класса-производителя античного общества — рабов, источников его пополнения, способов использования и эксплуатации, возрастания степени социальной напряженности в римском обществе, форм классовой борьбы вплоть до вооруженных восстаний рабов и их участия во всевозможных социальных столкновениях давно стали для советских историков, с начала 1930-х годов, предметом скрупулезного исследования, объектом многих монографий, диссертаций и различных публикаций.

В зарубежной немарксистской историографии названные проблемы, напротив, мало привлекали специалистов. О них упоминали мимоходом, а выводы советских исследователей игнорировались. Однако влияние марксистской историографии, а также вовлеченные в научный оборот новые материалы привели к тому, что социально-экономические отношения, рабство и его роль в общей системе античного, и прежде всего римского, общества занимают в западной литературе с середины 1950-х годов все более заметное место. Одна из влиятельных в буржуазной историографии — западногерманская школа И. Фогта предприняла исследование разных аспектов античного рабства с учетом новых материалов и новых точек зрения<sup>172</sup>. Но и сторонники этой школы продолжали игнорировать классовую борьбу рабов.

Положение изменилось к середине 1970-х годов, когда пробудился заметный интерес именно к этой проблеме. Многие западные специалисты занялись изучением сицилийских восстаний, но особенно — наиболее яркого проявления классовой борьбы в римском обществе — восстания рабов под руководством Спартака и его роли в бурной истории кризиса и падения Римской республики. В 1977 г. в Благоевграде в Болгарии был созван международный симпозиум, в котором участвовали

\* Первая публикация: в ж. Вопросы истории. 1986. № 10. С. 61–77 (совместно с Е. М. Шгаерман).

<sup>172</sup> Историография античной истории (под редакцией В. И. Кузицина). М., 1980. С. 301–302, 305.

многие западные специалисты по истории этого восстания<sup>173</sup>. Возросшее внимание к различным аспектам рабских восстаний не случайно, ибо речь идет о коренных вопросах истории Рима конца Республики.

Советские историки на материалах источников убедительно доказали, что восстание Спартака было ярким проявлением классовой борьбы рабов, выступивших с оружием в руках против римского государства как органа классового господства рабовладельцев. Восстание Спартака, как и предшествовавшие ему восстания сицилийских рабов, стало возможно в условиях существования определенной классовой структуры римского общества, которая предполагала выделение основных классов-антагонистов — рабов и рабовладельцев (хотя в нем существовали и другие классы), а также обострение классового антагонизма.

Несмотря на ряд оговорок, преследующих цель преуменьшить историческое значение этих восстаний, рассмотрение их как следствия жестокой эксплуатации рабов римскими и сицилийскими рабовладельцами было общепринятым и в буржуазной историографии XIX и начала XX в., хотя буржуазные историки, исследовавшие последнее столетие Римской республики, ограничивались лишь беглыми упоминаниями об этих движениях. Современные буржуазные историки, стремясь опровергнуть марксистскую концепцию истории Рима, отказываются от признания ведущей роли классового антагонизма «рабы — рабовладельцы» в римском обществе вообще, и в истории двух последних столетий Римской республики в частности. В противоборстве марксистских и немарксистских концепций социальной структуры римского общества приобрела особое значение проблема роли рабских восстаний, их движущих сил, и прежде всего движения рабов под руководством Спартака. Проблема Спартака с середины 70-х годов стала своего рода фокусом принципиальной дискуссии между советскими и немарксистскими историками по коренным вопросам римской истории.

Анализ зарубежной немарксистской историографии по указанной теме — с середины 1970-х годов — дан в монографии Р. Орены<sup>174</sup>. Автор (как отмечается во введении) ставил своей целью не только проанализировать вышедшие за последние годы работы о восстании Спартака, но и проследить их связь с идеологической борьбой между сторонниками и противниками марксизма и политической ориентацией различных исследователей, отразившейся на трактовке этих событий. Дискуссии о Спартаке, подчеркивает Орена, как правило, выходят за рамки обсуждения конкретных эпизодов восстания, состава его участников, их тактики и программы и перерастают в полемику о характере римского общества — можно ли считать его рабовладельческим и допустим ли вообще термин «рабовладельческий способ производства». Дискутируются вопросы о социальной структуре Рима — можно ли считать рабов и рабовладельцев его основными классами и вообще признавать существование в Риме классов; о правомерности отводить классовой борьбе решающую роль в его истории — можно ли считать, что рабы действительно вели классовую борьбу; наконец, о допустимости применения термина «революция» как к переходу от республики к империи, так и к переходу от античности к феодализму.

С точки зрения этого автора, в марксистской, особенно в советской историографии интерес к восстанию Спартака обуславливался, с одной стороны, эмоциональным отношением к самому Спартаку как борцу за права угнетенных, а с другой —

<sup>173</sup> Spartacus — Symposium Rebus Spartaci gestis Dedicatum 2050. Sofia, 1981.

<sup>174</sup> Orena R. Rivolta e Rivoluzione. Il bellum di Spartaco nella crisi della repubblica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984.

поисками подтверждения как теории о классовой борьбе (некоей исторической константы), так и характеристики римского общества как основывающегося на рабовладельческом способе производства (этот термин автор берет в кавычки, подчеркивая тем самым свое с ним несогласие). В данном случае Орена, в общем, примыкает к английскому историку М. Финли, который утверждал, будто дискуссии о рабстве и рабовладельческом способе производства вызываются идеологическими разногласиями, а вовсе не стремлением установить историческую истину<sup>175</sup>.

Марксистам Орена приписывает модернизацию истории Рима в силу того, что они находят в ней и классовую борьбу и революцию, руководствуясь, по его словам, теми отношениями, которые сложились в современном обществе, а также опытом Французской конца XVIII в. и Октябрьской революций. В Риме, уверяет этот автор, не было класса, сознательно ставившего целью свое освобождение и переустройство общества. Таким классом не могли быть рабы, они не могли совершить революцию. Восстание Спартака было всего лишь эпизодом, обросшим впоследствии мифами, которые начала создавать уже римская историография. Саллюстий, например, стремился объяснить размах восстания неспособностью правительства нобилитета. Более поздние авторы хотели скрыть, что в восстании большую роль играли свободные люди.

По словам Орены, мифы о Спартаке затем развивала советская историография, преследуя цель доказать тезис об однолинейности исторического процесса как некоего континуума, в основе которого лежат определенные общие закономерности, а именно характер взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, борьба классов, революционный переход от одной общественной формации к другой. Орена не отрицает, что в античности имели место антагонизмы между разными социальными слоями, среди которых были и рабы, но последние, по его словам, не составляли класса. Поэтому он особенно большое значение придает разногласиям между участниками восстания Спартака.

Западногерманские историки Т. Моммзен<sup>176</sup> и И. Фогт<sup>177</sup>, а также американский историк У. Уестерман<sup>178</sup> противопоставляли сицилийские восстания, отличавшиеся однородным составом участников, спартаковскому, которому была свойственна этническая неоднородность, что, по мнению этих авторов, и определяло разногласия в среде его участников, расхождения в тактике, недисциплинированность и т.п. Фогт, например, писал, что восстание Спартака не было закономерным результатом борьбы классов, а обуславливалось стечением случайных обстоятельств: концентрацией в Италии большого числа людей, лишь недавно порабощенных, особой жестокостью господ, организаторскими талантами Спартака, отсутствием в Италии основных воинских сил Рима, занятых в Испании и на Востоке<sup>179</sup>. Приверженцы теории Фогта, замечает Орена, сочувствуют «мирным» планам Спартака, желавшего обрести свободу, уйдя за Альпы, и осуждают Крикса за стремление сокрушить Рим. Они готовы оправдать восстание, вызванное тяжестью положения рабов, но не сочувствуют их борьбе против существующего строя. Орена не согласен и с марксистами, видящими, по его словам, в восстании Спартака кульминационный пункт «разруши-

<sup>175</sup> Orena R. Op. cit. P. 28–40; См. также: Finley M. *Ancient Slavery and Modern Ideology*. Cambridge, 1980.

<sup>176</sup> Моммзен Т. *История Рима*. М.—Л., 1937. Т. II. С. 656.

<sup>177</sup> Vogt J. *Zur Struktur der antiken Sklavenkriege*. Wiesbaden, 1957.

<sup>178</sup> Westermann W. L. *The Slave System of Greek and Roman Antiquity*. Philadelphia, 1955. P. 66.

<sup>179</sup> Vogt J. Op. cit. S. 49–50.

тельной потенции» рабов и главную причину перехода от республики к принципату. Такие представления, пишет он, вызваны концепцией двух основных классов в Риме и реминисценцией теории «революции рабов»<sup>180</sup>.

Говоря о значении фактора социальной неоднородности повстанцев, Орена признает заслугу А. В. Мишулина<sup>181</sup>, впервые сформулировавшего концепцию, учитывающую это обстоятельство, хотя, как считает Орена, не в полной мере показавшего роль свободной сельской бедноты и преувеличившего степень революционного сознания рабов. В этой связи он критикует уже пересмотренную и отвергнутую в советской историографии теорию «революции рабов»<sup>182</sup>, стремясь оспорить заодно и революционный характер перехода от античности к средневековью. Он пытается доказать, что концепция революции, имевшей место в конце античности, вызвана ошибочным, с его точки зрения, представлением о кризисе рабовладельческого способа производства, об «однолинейном» развитии общества, а также модернизацией древней истории, к которой, по его мнению, неприложимо понятие «революция» (такowymi были только Французская конца XVIII в. и Октябрьская, даже английская XVII в. к революциям не относится), Орена ссылается на слова Маркса о римских рабах как о «пьедестале» общества<sup>183</sup> как на доказательство неспособности рабов совершить революцию. При этом выражается сожаление, что советские историки, отказавшись от теории «революции рабов», заодно не отказались от понятия «социальная революция» и не вернулись к положениям Э. Гиббона, Т. Моммзена и М. Ростовцева<sup>184</sup>.

Возражает Орена и против тезиса об основных и неосновных классах римского общества, считая, что и он навеян теорией «революции рабов», стремлением приписать последним основную революционную роль. С его точки зрения, против этого тезиса говорит участие свободных в движениях рабов (как у Спартака) и рабов в движениях свободных, что-де было возможно, поскольку разные группы общества (сословия, статусы) имели признаки, не совпадавшие с их юридическим и политическим местом в обществе, и не все рабы находились в антагонистических отношениях к свободным. Спартака поддержали не городские рабы, но экономически близкие рабам «свободные с полей», как их называл Аппиан<sup>185</sup>.

Вопросу о роли свободных в восстании Спартака было уделено значительное внимание на организованном в 1979 г. Институтом А. Грамши в Пизе конгрессе историков на тему «Римское общество и рабовладельческое производство»<sup>186</sup>, на котором отмечалась необходимость нового подхода к исследованию роли свободных земледельцев в восстании Спартака. Орена останавливается на позиции М. А. Леви, З. Д. Рубинсона, А. Гуарино, которые особенно резко выступали против марксистской концепции рабовладельческого общества и способа производства. Данные источников об участии в восстании Спартака «свободных с полей» они пытались использовать для утверждения, будто это восстание вообще не было выступлением рабов, поскольку, по их мнению, ведущую роль в нем играли италики, особенно активно действовав-

<sup>180</sup> *Orena R.* Op. cit. P. 43–63.

<sup>181</sup> *Ibid.* P. 65–81; *Мишулин А. В.* Спартак. М., 1947.

<sup>182</sup> *Orena R.* Op. cit. P. 83–116.

<sup>183</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. С. 385–386.

<sup>184</sup> *Orena R.* Op. cit. P. 111.

<sup>185</sup> Appian. *Bellum civile*. I. 540. Анализу проблемы «свободных с полей» посвящена VII гл. книги Орены (См. С. 159–182).

<sup>186</sup> *Orena R.* Op. cit. P. 129, 132.



шие во время Союзнической войны и более всего пострадавшие от репрессий Суллы, равно как и изменений в аграрном строе южной и центральной Италии.

Восстание Спартака изображалось, таким образом, лишь как часть общего антиримского движения в Италии и провинциях, а отнюдь не выражение классовых противоречий в римском обществе. Рабов, как и в предшествовавших восстаниях, использовали в своих интересах свободные. Именно в этом духе и рассуждает изучавшая восстания с 501 по 84 г. до н. э. итальянская исследовательница М. Капоцца, которая доказывает, будто все они организовывались и вдохновлялись оппозиционными Риму элементами, рабы же играли в них подчиненную роль<sup>187</sup>. По мнению Орены и Капоцци, если бы в Риме и существовала классовая борьба, она должна была бы вестись за отмену рабства, а такой цели рабы не ставили. Наконец, в заключении к своей книге Орена пишет, что, поскольку в восстаниях никогда не участвовали все рабы (в силу своей неоднородности), то это тоже говорит против классовой природы их борьбы<sup>188</sup>.

Заявки буржуазных историков на новизну точки зрения, отрицающей связь восстания Спартака с классовой борьбой в римском обществе, не подкреплены каким-либо новым фактическим материалом, не аргументируются ссылками на надежные источники, а представляют собой произвольное переосмысление ясной и устойчивой античной исторической традиции, которая рассматривает восстание Спартака как выступление италийских рабов, т.е. фактически как яркое проявление классовой борьбы этого самого угнетенного класса римского общества. Новые же точки зрения на восстание Спартака, появляющиеся в западной историографии, объясняются обострением противоборства марксистской и немарксистской концепций античной истории на современном этапе. «Новая трактовка» восстания Спартака затрагивает кардинальные проблемы всей римской (и античной) истории, она находится в эпицентре теоретических дискуссий о классовой структуре античного общества, о роли в нем классовой борьбы и социальной революции.

Ряд западных специалистов решительно отвергает классовый характер социальной структуры Рима. Так, французский историк Ж. Гаже, книгу которого часто цитируют на Западе, не видит разницы между социальными категориями «класс», «сословие», «статус», уходит от определения этих понятий, полагая, что твердо установившихся классов и классовой борьбы в Риме не было<sup>189</sup>. П. Мак Маллен, американский исследователь, тоже не видит разницы между «классами» и многослойными «статусами», считает неправильным выделять класс рабов, среди которых были и бедные и богатые. Основное, с его точки зрения, противоречие в римском обществе было не между рабами и господами, а между бедными, незначительными, невежественными, с одной стороны, и богатыми, значительными, образованными — с другой<sup>190</sup>. Понятие «класс» в марксистской интерпретации, по мнению Альфельди<sup>191</sup>, неприменимо к римскому обществу, которое делилось не только по экономическим, но и по сословным критериям, причем вторые не совпадали полностью с первыми. Декурион мог быть беден, а отпущенник богат, но это не меняло их положения в обществе. В Риме — «своеобразное» общество, заключает Альфельди, делившееся на «сословия» (к ним принадлежали те, кто занимал высшее положение и пользовал-

<sup>187</sup> Capozza M. Movimenti servili nel mondo Romano in età repubblicana. R., 1966.

<sup>188</sup> Orena R. Op. cit. P. 226–230.

<sup>189</sup> Gagé J. Les classes sociales dans l'Empire Romain. P., 1966.

<sup>190</sup> Mac Mullen P. Roman Social Relations, 50 B. C. to A. D. 284. New Haven, 1974.

<sup>191</sup> Alföldi G. Römische Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1975.

ся престижем) и «слои» (простой народ). Не было в римском обществе и классовой борьбы, поскольку низшие слои были так или иначе связаны с высшими, разделяли их идеологию и не могли конституироваться в «революционный класс», а соответственно и конфликты, как внутри «сословий» и «слоев», так и между ними, не могли перерасти в «революцию».

Большую популярность на Западе приобрела книга М. Финли<sup>192</sup>, представляющая собой попытку теоретически обосновать подобные концепции. Автор уделяет особое внимание соотношению в Риме «сословий» и «статусов». Первые он называет юридически определенными группами населения с формализованными привилегиями и запретами и стоящими в иерархическом отношении между собою (сенаторы, всадники, римские граждане, перегрины). «Статус» (например, нобилитет) — это группа, не оформленная юридически, хотя и занимающая определенное место в иерархической структуре того или иного сословия (нобилитет возглавлял иерархию сенаторов). Марксистское понятие «класс», считает Финли, к римскому обществу вообще неприменимо, поскольку в соответствии с ним в один класс должны были бы входить и рабы и лишенные средств производства свободные, а в другой — богатые сенаторы и владельцы гончарных мастерских.

Финли цитирует часто приводимое западными историками положение Д. Лукача из его книги, впервые изданной в 1921 г. и неоднократно переиздававшейся в дальнейшем<sup>193</sup>. Лукач считал, что в докапиталистических обществах самосознание «статуса» маскирует классовое самосознание, которое, собственно, и определяет класс как категорию. Римское же общество строилось по кастам и сословиям, экономические элементы переплетались здесь с политическими и религиозными настолько тесно, что не могут рассматриваться независимо друг от друга. По мнению Финли, термин «статус» подходит к тем группам римского населения, у которых экономическое и сословное положение не совпадало или же не было оформлено юридически. Экономическая модель античности у Лукача опиралась на концепцию «статусов». Так, различие в экономическом положении маскировало идентичность их правового «статуса». Между рабами и свободными всегда был большой «спектр состояний» (клиенты, колонны, наемные работники). Рабы рассматриваются и Финли лишь как одна из категорий зависимых людей, работавших по принуждению. Только в периоды расцвета Греции и Рима рабы отгесняли на второй план иные виды принудительного труда, хотя и тогда они работали наряду со свободными. В своей новой книге Финли<sup>194</sup> снова повторяет, что для античности применимы главным образом понятия «статус» и «сословие», причем здесь же оговаривается, что термины «бедных» и «богатых» он употребляет лишь в «обиходном», а не в марксистском смысле.

Применить современные социологические методы к анализу структуры римского общества пытается английский историк К. Гопкинс<sup>195</sup>. Он в основном также исходит из понятий «страты» и «статусы», но прибавляет еще весьма неопределенную, очевидно, заимствованную у итальянского социолога 1920-х годов, сторонника Муссолини В. Парето категорию «элит». Гопкинс толкует о борьбе внутри «элиты» и между «элитой» и «неэлитой», наконец, между старой «элитой», опиравшейся на землевладение и престиж предков, и новой, опиравшейся на «новые системы» —

<sup>192</sup> *Finley M. Ancient Economics.* Berkeley—Los Angeles, 1973.

<sup>193</sup> *Lukács G. History and Class Consciousness.* Cambridge, 1971.

<sup>194</sup> *Finley M. Politics in the Ancient World.* Cambridge—N.Y.—Lnd., 1983.

<sup>195</sup> *Hopkins K. Conquerors and Slaves.* Cambridge, 1978.

армию, право, ораторское искусство. Конфликты в римском обществе для Гопкинса в первую очередь результат борьбы бедных и богатых, а также различных групп и институтов за присвоение материальных богатств общества и престижного положения в нем. Он не высказывает определенного мнения, были ли рабы классом, замечая лишь, что социальный статус некоторых рабов противоречил правовому. Подоплеку такого подхода к социальной структуре римского общества охарактеризовал близкий к марксизму американский специалист по истории античного мира Е. Сен Круа<sup>196</sup>, отметивший, что анализ античного общества с точки зрения его классовой структуры представляется ряду историков «опасным», поскольку его можно применить к современному обществу и сделать соответствующие выводы о неизбежности классовой борьбы.

Таким образом, основные возражения против марксистской трактовки социальной структуры римского общества сводятся к следующему: отрицается наличие классов, рабы не признаются классом, как и их борьба — классовой, а заодно отвергается тезис о революционном характере перехода от античности к феодализму. На первый план выдвигается такой аргумент, как отсутствие у рабов классового самосознания, собственной идеологии, отличной от других слоев. Класс же как социальная категория, заявляют эти критики марксизма, определяется самосознанием и ясным пониманием целей своей борьбы. И делается вывод: рабы, которые сближались и экономически и идеологически с лишенными средств производства свободными, не имели самостоятельного значения как класс, они не состояли в антагонистических отношениях со свободными, а значит — и не вели классовой борьбы<sup>197</sup>.

Буржуазные историки, выступающие против марксистской историографии, весьма приблизительно знакомы как с марксистскими положениями, относящимися к докапиталистическим формациям, так и с историко-материалистическим методом анализа, формационным подходом к исследованию древних обществ и т.д. Почти всем они не знакомы с трудами В. И. Ленина. Утверждают, например, будто в марксизме нет четкой дефиниции класса, но при этом игнорируют определение, данное Лениным<sup>198</sup>. Не учитывается ими и введенное Лениным понятие класса-сословия, которое он использовал в конкретно-историческом анализе<sup>199</sup>.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс противопоставляли социальную структуру докапиталистических обществ, делившихся на сословия, внутри которых существовали еще свои дробные деления различных общественных положений, структуре капиталистического общества с его бессословными классами<sup>200</sup>. Упрекать марксистов в недоучете сложности и дробности социальной структуры докапиталистических обществ и роли в них сословного фактора нет никаких оснований. Маркс прямо говорил о том, что структура этих обществ, определявшаяся характерными для них формами собственности, уровнем развития производства, степенью разделения труда и развития обмена, принципиально отлична

<sup>196</sup> Croix E. St. Karl Marx and Classical Antiquity // Arethusa. 1975. Vol. 8. N 1 (Marxism and the Classics). P. 22.

<sup>197</sup> Об отсутствии у рабов собственных религиозных представлений, отличных от представлений свободных, что якобы является аргументом против классовой борьбы рабов, пишет, в частности, Ф. Бёмер (Bömer F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. Vol. I. Die wichtigsten Kulte und Religionen in Rom und im lateinischen Westen. Wiesbaden, 1981).

<sup>198</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

<sup>199</sup> Там же. Т. 2. С. 475–476; Т. 6. С. 311; Геронова В. Д. Советская историография о сословии и классе рабов // Вопросы истории. 1982. № 10.

<sup>200</sup> Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424–425.

от современной<sup>201</sup>. Чем менее был развит обмен, тем сильнее были связи индивидов внутри той общности, к которой они принадлежали; отношения между ними основывались на личной зависимости, господстве и подчинении несобственника собственнику или коллективной организации труда<sup>202</sup>. Разделение труда, вышедшее за рамки общины, закреплялось в виде сословий, каст, цехов, гильдий; индивиды вступали между собою в общение именно как члены какой-нибудь касты или сословия. И определяющую роль в этом играл способ производства<sup>203</sup>.

Маркс подчеркивал, что основу всех общественных отношений, а, следовательно, и социальной структуры, составляют отношения, складывающиеся в основной, ведущей отрасли экономики, каковой в докапиталистических обществах было земледелие. Земельному собственнику принадлежал как прибавочный труд, так и прибавочный продукт. Складывавшиеся на этой базе отношения определяли и все другие, например, в ремесле<sup>204</sup>. Основу социальной структуры римского общества также следует искать в отношениях, складывавшихся в землевладении и земледелии. Классы постепенно развивались здесь из социальных групп. В докапиталистическом, в частности в римском, обществе образование классов, например, рабов, представляло, по словам Маркса, необходимый и последовательный результат развития собственности, основанной на общинном строе и на труде в условиях этого строя<sup>205</sup>. Рабство и крепостничество изменяют и извращают первоначальные формы всех общин, сами становясь базисом последних. При рабстве и крепостничестве одна часть общества обращается с другой его частью просто как с неорганическим природным условием собственного воспроизводства, раб становится в один ряд с прочими существами природы, со скотом<sup>206</sup>. Этот тезис Маркса поясняет его известное определение рабов как «пассивного пьедестала», на котором разворачивается борьба среди свободных<sup>207</sup>. Здесь подчеркивается своеобразие положения класса рабов, но вовсе не отрицается его существование и значение для данного общества.

Как и ко всякому общественному явлению, Маркс подходил к социальной структуре римского общества с позиции строгого историзма. Исходным пунктом его развития он считал античную городскую общину. Это обстоятельство никоим образом нельзя упускать из виду, поскольку оно составляет коренное отличие социальной истории Греции и Рима от истории капиталистического общества, формировавшегося на основе феодального, с издавна существовавшими классами-сословиями и сильным государством. В римской общине социальные группы конституировались в процессе разделения труда и выделения различных общественных функций. С дальнейшим разделением труда, развитием обмена, товарного производства, частной собственности из социальных групп формируются классы, в первую очередь в ведущей отрасли экономики, сельском хозяйстве, а именно: класс-сословие крупных земельных собственников и класс мелких землевладельцев и арендаторов частных и государственных земель.

Теми же факторами было обусловлено развитие рабства. Внутри римской общины в период ее расцвета после побед плебса, наделения неимущих земель, запреще-

201 Там же. Т. 4. С. 96, 144–146, 153, 154.

202 Там же. Т. 3. С. 65, 77; Т. 46. Ч. 1. С. 100–101, 106–107.

203 Там же. Т. 4. С. 154; Т. 46. Ч. 1. С. 106–107.

204 Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 228–229, 456.

205 Там же. Т. 16. С. 375.

206 Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 478, 482.

207 Там же. Т. 16. С. 385–386.

ния долгового рабства и ограничения долговой кабалы, запрещения требовать деньги у клиентов крайне сузились возможности эксплуатации сограждан, потребность же в дополнительном труде росла, а удовлетворить ее можно было лишь за счет эксплуатации рабов-иноплеменников. Так сложились большие группы людей, не принадлежавшие к гражданскому обществу, но ставшие его «пьедесталом», «неорганическим условием воспроизводства».

Положение этих групп вне гражданского общества отличало их и от пролетариев современности, и от феодальных крестьян. Но при всем своеобразии своего положения рабы, несомненно, были классом, вернее, классом-сословием: сословием если не по сумме прав, то по юридически закрепленному бесправию, классом, по своему отношению как «большой группы людей» к средствам производства (которые у них отсутствовали), по своему месту в процессе производства (они были основными производителями материальных благ), по той форме эксплуатации, которой они подвергались (непосредственно, а не в форме ренты или прибавочной стоимости, присвоения их прибавочного продукта). Класс-сословие рабов конституировался постепенно по мере экономических и социальных изменений, происходивших в римской гражданской общине, причем в наиболее чистом виде, со всей суммой его классовых признаков в ведущей отрасли экономики — сельском хозяйстве. А сложившаяся в этой отрасли форма эксплуатации трудящихся влияла и на формы эксплуатации рабов в ремесле, хотя, разумеется, с известной модификацией.

Выше уже упоминалось о получившей распространение в немарксистской историографии концепции Лукача о том, что из-за отсутствия классового самосознания рабов нельзя считать классом. Однако это положение так и осталось недоказанным, поскольку не было исследовано на конкретном материале источников. Более того, оно не соответствует исторической реальности античного общества. Такая группа людей, составлявшая внушительную долю населения, занимавшая значительное и специфическое место в производстве и обществе, как класс рабов, не могла не иметь собственного самосознания. Конечно, в источниках содержатся лишь скудные свидетельства о самосознании рабов, об их идеологии, психологии и морали. Но эти свидетельства все же имеются. Античные авторы, рассматривавшие рабов как инструмент, как людей, стоявших неизмеримо ниже свободных, не останавливались на этой констатации. Многие, например, считали, что рабы должны так уставить на работе, чтобы их единственным желанием было спать, а не думать. Уже то, что сельским рабам запрещалось общаться с рабами других вилл, гадателями, принимать участие в общих культах, кроме культа ларов, дабы они не набрались «вредных мыслей», показывает, что такие мысли были и представлялись рабовладельцам опасными<sup>208</sup>. Позже Апулей, Лукиан, Цельс старались дискредитировать простонародный кинизм и христианство, ссылаясь на то, что проповедников этих учений слушают ремесленники, беглые рабы и собирающаяся на кухне челядь<sup>209</sup>.

Историографическая традиция создавалась представителями господствующих классов, которые мало интересовались идеологией основных производителей материальных благ. Внимательное же исследование марксистскими историками данных, сохранившихся в источниках, позволяет сделать вывод, что класс рабов выработал свои моральные нормы, имел свою идеологию, свои религиозные культы (например, культ Сильвана, не входившего в официальный пантеон, бога-труженика и покрови-

<sup>208</sup> Liv. V. 3. 8; Cat. De agr. VII. 3–4; CLII. 1–2; Plut. Cat. Mai. 21; Col. De agr. I. 8; XI. 1.

<sup>209</sup> Apul. Flor. I. 7–8; IV. 27; Luc. Servi fugitivi; Ранович А. Античные критики христианства. М., 1935. С. 37, 39, 52.

теля тружеников), свою систему духовных ценностей, ряд важных элементов которой вошел затем в религиозно-моральную систему раннего христианства. Нет никакого противоречия в том, что многие аспекты этой идеологии и морали, системы духовных ценностей рабов совпадали с представлениями низших и обездоленных слоев свободного населения, страдавшего от норм рабовладельческого общества и поэтому, осознанно или неосознанно, разделявшего протест против этих норм. И в другие эпохи всемирной истории ряд моральных ценностей, отражавших протест низших классов, будь то феодальное крестьянство или класс пролетариев, оказывал мощное идеологическое воздействие на другие классы, сословия и слои населения. Было бы нарушением историзма и насилием над реальной действительностью представлять себе формы морали и идеологии низших классов (рабов, феодального крестьянства и пролетариата) по образу и подобию идеологии, морали и психологии рабовладельцев, феодальных сеньоров или капиталистов.

Противники марксизма-ленинизма приписывают советским ученым упрощенное понимание класса рабов как некоей нерасчлененной массы. Однако именно они исследовали разные формы рабовладельческого производства, структуру класса-сословия рабов, показали его сложность и расчлененность, несовпадение положения и интересов различных групп рабов, в частности сельских рабов и рабов-ремесленников, рабов-слуг, доверенных агентов господ, рабской интеллигенции<sup>210</sup>. Но эта дифференциация ни в коем случае не подрывает представления о единстве рабов как класса-сословия. Для марксистской историографии характерен системный подход к разбираемому вопросу, предполагающий рассмотрение проблемы класса рабов в органической связи с анализом характера всего античного производства, учитывающий процесс разложения примитивной общинной структуры, социальное и юридическое положение различных групп рабов в обществе, особенности формирования их самосознания.

Постоянное внимание к разным аспектам происхождения, положения и эксплуатации рабов как основных производителей, а также эволюции всех этих факторов в связи с общим развитием социально-экономического и политического строя вытекает из основного методологического положения марксизма-ленинизма о решающей роли в истории классов — производителей материальных благ. В советской науке об античности выработано четкое представление о классовой структуре рабовладельческого общества (в данном случае римского) как достаточно сложной и расчлененной, предполагающей наличие, кроме основных классов-антагонистов — рабов и рабовладельцев, также и других классов, в частности свободных мелких производителей, крупных землевладельцев, использующих труд зависимых лиц (не рабов) и других промежуточных социальных групп.

Главные доводы тех, кто отрицает наличие и роль основного классового антагонизма в античном (в данном случае римском) обществе, следующие: восстания рабов были редки, не играли особой роли в развитии общества, не являлись результатом постоянного классового антагонизма, а вызывались случайным стечением обстоятельств. Однако сам по себе факт признания движений рабов свидетельствует об острейшем классовом антагонизме в античном обществе. Последние исследования, проведенные даже в рамках буржуазной методологии, например, школой И. Фогта, говорят о весьма значительной роли рабов в римском обществе, о наличии в нем известной социальной напряженности. Но даже такое весьма ограниченное признание

<sup>210</sup> Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. М., 1971.

фактов, свидетельствующих о борьбе рабов, встретило возражения ряда западных специалистов,

Какие же новые аргументы предлагают в этой полемике буржуазные историки? Можно назвать три основных: 1) отсутствие у рабов классового самосознания и ясного понимания целей своей борьбы; 2) неучастие в ней многих рабов и даже целых их слоев; 3) отсутствие восстаний, в которых бы участвовали одни только рабы, активность широких слоев свободной бедноты и подчиненная, в сущности, роль рабов в этих восстаниях. Недоказанность и несостоятельность последнего аргумента вынужден признать даже Орена<sup>211</sup>. Представители «новых» взглядов на восстание Спартака (и сицилийские восстания) так и не привели каких-либо ранее не известных материалов и источников в пользу своей концепции.

Буржуазные историки обвиняют марксистов в «модернизации» истории, но именно западные исследователи не мыслят классовой борьбы, отличной от той, которая характерна для нового времени, т.е. занимаются модернизацией античности. Марксисты же исходят из того, что класс — идеологическая, а социальная категория, существующая объективно, независимо от чьего-либо сознания. В силу своего положения рабы не могли освободиться как класс, т.к. для такого класса в античном гражданском обществе места не было и освобождение вело к его самоликвидации. Не могли ставить себе рабы целью отмену рабства как института, т.к. этот институт представлялся тогдашнему обществу социально необходимым<sup>212</sup>. Рабство еще соответствовало уровню производства, всему строю жизни и культуры, а ставить себе целью переустройство общества люди могут лишь тогда, когда существующие отношения приходят в противоречие с его объективными социальными и экономическими потребностями. Ведь даже со сменой рабовладельческой формации феодальной рабство не было отменено и сходило на нет лишь постепенно.

Неубедителен и аргумент относительно того, что не все рабы принимали участие в борьбе, в частности в восстаниях. Рабы уже потому не могли выступать как единое целое, что являлись классом-сословием, не представлявшим единого целого. Более того, неоднородность класса-сословия усиливалась с развитием товарного производства, с умножением и усложнением социальной, политической, идеологической сфер жизни общества. Уже к концу Римской республики (а тем более во время империи) выходцы из рабов являлись арендаторами земли и ремесленных мастерских (к этим группам применимы слова Маркса о том, что в обществе с господством личных отношений на определенной стадии развития отношения могут принимать вещный характер, однако ограниченный и потому представляющийся личным<sup>213</sup>), низшими членами административного аппарата провинциальных наместников, а в самом Риме — доверенными агентами политических деятелей, проникали в сферу умственного труда. Эти группы в классовой борьбе рабов участия не принимали и даже, напротив, выступали на стороне власти имущих. Такая позиция, конечно, не осознавалась ими как «классовая», да и «самосознание статуса» для них отступало на задний план перед фактической социальной принадлежностью. Соответственно неоднородны были и высшие классы-сословия, и для них понятия «класса» и «сословия» часто не совпадали.

Исследование способа производства и зиждущейся на нем общественно-экономической формации предполагает выделение тех классов, без которых он вооб-

<sup>211</sup> Орена Р. *Op. cit.* P. 133.

<sup>212</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 747.

<sup>213</sup> Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 108.

еще немислим. В обществе, развившемся из античной гражданской общины, остававшейся основой античного мира вплоть до его полного разложения, эксплуатируемым в широком масштабе и в самом полном объеме классом могли быть только рабы. Поэтому вполне закономерно называть этот способ производства рабовладельческим, абстрагируясь от численности рабов, о которой можно строить более или менее убедительные гипотезы. Сливавшиеся с колонами клиенты, аддикты, наемные работники, с одной стороны, свободные мелкие земледельцы — с другой, опять-таки независимо от их численности, сохранялись от времен расцвета римской гражданской общины и дополняли своим трудом труд рабов. Без рабов же римское общество и его производство немислимы, т.к. его основы несовместимы с широкой и полной эксплуатацией превращенных в зависимых людей сограждан, до кризиса античного мира бывших юридически равноправными и имевших право на определенный прожиточный минимум. Именно в этом смысле и следует говорить об основных классах общества.

При изучении отдельных эпох, периодов, конкретных событий учитывается вся реальная многослойность общества, взаимоотношения различных слоев, групп, их союзы и конфликты, их эволюция в ходе исторического развития, ее влияние на общество в целом, на его социально-экономическую, политическую, идеологическую жизнь. Но и при таком конкретно-историческом анализе нельзя упускать из виду влияние, оказываемое основной формой эксплуатации, основным классовым противоречием, которое во многом определяло и другие формы эксплуатации и положение эксплуатируемых. Так, несмотря на все попытки ограничить долговую кабалу, она постоянно возрождалась, и должники фактически переходили на положение рабов. В фамилию нанимателя стали включаться наемные работники, а сама работа по найму всегда рассматривалась как сближавшая наемного работника с рабом; только экономическая независимость давала полную свободу. Профессии, обычные для рабов (не только связанные с физическим трудом, но, например, и профессия учителя), унижали свободного. Чем далее, тем более «маленькие люди», зависевшие от какого-нибудь хозяина, патрона, были вынуждены, по примеру рабов, приносить жертвы его ларам, его гению, образовывали коллегии его «обожателей» и «почитателей».

Когда образовались сословия «благородных» и «простонародья»<sup>214</sup>, наказания для представителей последнего определялись в соответствии с теми, что были обычны для рабов. В середине II в. вопреки прежнему запрещению превращать гражданина в раба была юридически санкционирована самопродажа в рабство совершеннолетних граждан, т.е. официально признано, что человек, работающий на другого, может стать рабом. Имущество колона, и ранее нередко частично включавшееся в инвентарь имения, в конце концов было приравнено к рабскому пекулюю. Все это было результатом господства норм, характерных именно для рабовладельческого общества. Тем более странно отрицать основной антагонизм и классовую борьбу рабов только

<sup>214</sup> *Honestiores* и *humiliores*. К первым принадлежали сенаторы, всадники и декурионы городов, ко вторым — все остальные. Положение тех и других было оформлено юридически, что и позволяет считать их сословиями. «Благородных» нельзя было казнить без санкции императора, приговаривать к работам на рудниках, применять телесные наказания, пытать, что, напротив, вполне допускалось в отношении «простонародья». Показания на суде «благородных» имели больший вес, чем показания «простых», самые бедные из которых вообще не выслушивались. Нанесенное «благородному» оскорбление каралось более жестоко, чем обида «маленькому человеку» (как именовались *humiliores*).



на том основании, что в ней участвовали и свободные, и что свободные трудящиеся и рабы придерживались одинаковых взглядов, которые выражали более или менее осознанный протест против существующих отношений, против идеологического нажима верхов на низы.

Совершенно неправомерно также ставить в один ряд участие рабов в конфликтах между высшими слоями, смотревшими на рабов лишь как на пассивное орудие, от которого в случае успеха следует избавиться (например, истребление Серторием гвардии Мария, состоявшей из рабов), и совместную, принимавшую различные формы борьбу рабов и свободных бедняков. Различие «статусов» здесь никакой роли не играло, что видно хотя бы на примере коллегий «маленьких людей», включавших в себя и свободных тружеников и рабов, а также на примере ставших столь обычными браков рабов с юридически свободными женщинами, что юристы, формально подчеркивая невозможность законных семейных связей рабов, все же специально рассматривали судьбу приданого, принесенного женой мужу-рабу<sup>215</sup>.

Особенно важно, что сами формы классового протеста определялись опять-таки условиями рабовладельческого общества. Участие каких-то групп свободных людей в восстании Спартака вполне вероятно, но это не доказывает, что в данном случае не имело места именно восстание рабов, и в первую очередь наиболее сплоченной группы сельских рабов, составивших ядро класса-сословия рабов. Восстания рабов нельзя считать случайными вспышками массового недовольства, как и крестьянские восстания феодальной эпохи. И те, и другие были закономерны и неизбежны, их порождает определенный этап развития данной общественно-экономической формации. И дело вовсе не в том, какое влияние восстание Спартака оказало на дальнейшие события, такие, как переход к колонату, установление империи и т.п. Колонат вообще был старинным установлением, и его большее или меньшее распространение зависело от преобладания определенного типа хозяйства — вилл средней величины, возделывавшихся трудом рабов, или больших имений, в которых выгоднее было сочетать последний с мелким земледельческим хозяйством.

Восстание Спартака показало неспособность сенатского правительства справиться с новыми условиями, сложившимися в римской державе. Напряженность в отношениях рабов и господ уже не могла — как некогда — подавляться в рамках фамилии, т.е. применением лишь абсолютной власти господина, ее главы. Соответственно и для господствующего класса в целом уже стало недостаточным сохранять неприкосновенность этой власти в замкнутом мирке фамилии. Требовалась дополнительная внешняя сила, способная, с одной стороны, ограничить злоупотребление глав фамилий властью, чтобы не обострять недовольство рабов, не доводить их до восстаний, а с другой — способная более эффективно подавлять сопротивление рабов и держать их в повиновении. Такой силой мог быть только военно-административный и полицейский аппарат, созданный Августом и постоянно укреплявшийся его преемниками. Политика Августа относительно рабов, продолженная императорами I—III вв., служила обеим этим целям. Начиная с Августа рабы всё более включались в сферу действия государства, старавшегося избежать крайностей, приводящих к чрезвычайно пугавшим господ открытым выступлениям рабов, и вместе с тем обеспечить покорность последних жестокими мерами, вроде изданного при Августе закона, известного под названием «Силанианского сенатусконсульта», предписывавшего в случае убийства господина казнить всех рабов, находившихся

<sup>215</sup> Dig. XXIII. 3. 39; XVI. 3. 27.

под одной с ним кровлей. Но если восстание Спартака и не привело к превращению рабов в колонов, это вовсе не принижает его значения в истории римского общества и государства конца Республики.

Антагонизм между рабами и их господами, кстати сказать, в полной мере осознававшийся последними, проявлялся не только и не столько в восстаниях. И это был именно антагонизм между рабами и рабовладельцами, а не между рабами и свободными. Он был обусловлен отрицаемым западными историками противоречием между производительными силами и производственными отношениями, подрывавшим рабовладельческий способ производства. Развитие производительных сил тогда по ряду причин шло не столько за счет техники, сколько за счет накопления опыта и роста квалификации работников, их все более дробной специализации и соответствующего обучения. Но, как явствует из ряда мест сочинений Колумеллы и Палладия, из некоторых статей кодексов<sup>216</sup>, господа постоянно опасались, что знающие, толковые рабы окажутся «мятежниками». Рабы же не хотели в полной мере проявлять свои знания и умение.

Отсюда бесконечное возрастание «труда надзора», убыточность тех крупных рабовладельческих хозяйств, где такой последний надзор был недостаточно эффективен и дорого обходился, постепенный упадок культур, требовавших высокой квалификации работников, падение рентабельности хозяйств. Отсюда актуальность и острота «рабского вопроса», попытки заинтересовать хотя бы часть рабов морально и материально, популярность рассказов о «преданных рабах», спасавших господ, иногда ценою жизни, что, как замечает Аппиан, было тем более удивительным, что сентиментальные восхваления возможной дружбы между господами и рабами «противоречили природе вещей»<sup>217</sup>.

Необходимость заинтересовать рабов материально постепенно вела к переходу от непосредственного изъятия прибавочного продукта труда рабов к изъятию его в виде одной из форм ренты за отведенные рабу участки земли, сданные ему в аренду ремесленные мастерские или лавки, и это постепенно изменяло экономический базис общества. Попытки же морального воздействия на рабов вызывали обратную реакцию, как среди рабов, так и со стороны свободных трудящихся, поскольку выдвижение какого-либо раба вызывало настороженность со стороны его окружения. То же имело место и относительно свободных трудящихся. «Опасно для низко стоявшего человека превосходить других в искусствах», — гласила пословица. А близкие к народу баснописцы Федр и Авриан доказывали, что стремление выделиться пойдет во вред «маленьким людям». Им не следует доверять знатым и богатым, которые только притворяются друзьями для того, чтобы их разъединить и погубить. Им вторили народные пословицы, известные как «Сентенции» Публилия Сира и учившие, что не может быть дружбы между рабом и господином, она возможна лишь между хорошими людьми, а богач — или негодяй, или наследник

<sup>216</sup> Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Указ. соч. С. 37–38, 301.

<sup>217</sup> Такие рассказы собирались и приукрашивались теми представителями господствующего класса, которые, видя несовершенство рабовладельческого хозяйства и силу ненависти рабов к господам, старались воздействовать на сознание рабов в надежде смягчить остроту социальных противоречий. Начало подобным историям положил Сенека, теоретик новых форм взаимоотношений рабов и господ. Сделанную им подборку фактов дополнили Валерий Максим, посвятивший в своем сочинении особую главу верности рабов (VI. 8. 1–7), и Аппиан в главах, посвященных проскрипциям (Bell. civil. IV. 15–51). Наиболее полно соответствующие рассказы собрал Макробий в 11-й главе первой книги своих «Сагурналий».

негодая, так как добродетель не живет в высоких хоромах<sup>218</sup>. Свободные трудящиеся, положение которых во многом определялось положением рабов, вместе с ними отвечали таким образом на попытки подчинить их морально.

Идеологическая борьба в римском мире носила классовый характер. Это особенно хорошо видно на материале истории ранней империи. Открытые восстания рабов легко подавлялись мощным военно-административным аппаратом рабовладельцев. Между тем на разных ступенях развития общества формы проявления классового антагонизма бывают различны, как и их эффективность. Рабы и свободные бедняки последовательно отчуждались от всех официальных духовных ценностей, от учений о «вечном Риме», «божественном императоре», проповедуемых сверху добродетелей, якобы доступных лишь мудрым и образованным, от богов, образующих официальный пантеон. Достигший своего высшего напряжения в раннем христианстве «с его демократически-революционным духом»<sup>219</sup> духовный протест против идеологического порабощения, против активного участия в делах, шедших на пользу господ и патронов, подрывал не только экономику, непосредственно зависевшую от работников, но и моральную опору императорской власти, которую Энгельс ставил наравне с ее материальной опорой — армией<sup>220</sup>. И процесс этот кончился упадком античного мира, крушением Западной Римской империи.

То обстоятельство, что в этой идеологической борьбе участвовали и рабы, и эксплуатируемые свободные, не подтверждает, однако, мнения тех, кто считает, что в Риме имела место не классовая борьба рабов, а извечная борьба бедных и богатых. Конечно, в любом эксплуататорском обществе низшие классы бедны, а высшие богаты. Но борьба их в каждой формации и даже на каждом этапе ее развития обретает специфические черты. Здесь играют роль господствующие формы эксплуатации основного класса производителей материальных благ и близких ему слоев, социальная структура, политический строй, характер и значение идеологического фактора, формы организации эксплуатируемых масс и другие подобные моменты.

Проблема перехода от рабовладельческой к феодальной формации вызывает немало споров и в марксистской историографии. Дискуссии шли и идут о степени развитости или об отсутствии элементов феодального способа производства в рамках Римской империи, о роли внешних (варварские вторжения) и внутренних (обострение классовой борьбы) факторов в падении империи, о значении действий различных классов, о дисконтинуитете или континуитете при переходе к феодальному строю. Но все или почти все марксистские историки признают революционный характер перехода от рабовладельческого строя к феодализму. При этом никто уже не считает, что переход этот был результатом «революции рабов». Концепция «революции рабов» отвергнута марксистской историографией и, кстати говоря, значительно раньше, чем ее стали критиковать на Западе.

Исходя из представлений о революции как об однократном акте, подобном Французской буржуазной революции конца XVIII в., критики марксизма игнорируют то обстоятельство, что Римская империя, хотя и объединенная политически, была многоукладна в социально-экономическом смысле. Правда, М. Финли замечает, что не существовало единой римской экономики<sup>221</sup>, но не делает из этого выводов и далее рассматривает Римскую империю как унифицированное целое, для которого

<sup>218</sup> Phedr. I. 5. 21. 31; II. 8; Avian. II. 13. 16. 41.

<sup>219</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43.

<sup>220</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 310–311.

<sup>221</sup> Finley M. Ancient Economics... P. 28.

и ищет единые принципы социальной стратификации. Но таким целым империя никогда не была. В ее состав входили племена и народы, стоявшие на разных уровнях развития, с разными отношениями собственности и эксплуатации, с различными способами производства и различной социальной структурой. И эта разница сохранялась на протяжении всей ее истории, несмотря на то, что в отдельные периоды в том или ином регионе тот или иной уклад мог получить столь значительный перевес, приобрести столь решающее значение, что казалось, будто он полностью вытеснил остальные.

Маркс, разбирая экономические последствия римских завоеваний, приводил римлян в качестве примера народа, оставлявшего у побежденных их способ производства и довольствовавшегося данью, и упоминал при этом, что способ производства победителей и побежденных может образовывать некий синтез<sup>222</sup>. Успехи археологии и эпиграфики позволили пересмотреть господствовавшую ранее концепцию относительно полной будто бы романизации провинций. Тезис Маркса находит все новые подтверждения. Наряду с областями, где ведущей была античная городская гражданская община со всеми ее особенностями, выявляются области с преобладанием различного типа кровнородственных и сельских общин и крупного, сложившегося еще до римского завоевания землевладения, сочетавшегося с мелким землепользованием, и районы, где прибавочный продукт изымался в виде одной из форм докапиталистической ренты, а работники не были лишены средств производства и в той или иной степени прикреплялись к земле. Метод, применявшийся Лениным для анализа сущности и взаимоотношений различных укладов в пореформенной России, может быть применен и в данном случае. Как и в тогдашней России, уклады распределялись и территориально и переплетались в одном районе и даже в одном хозяйстве. Внутри этой сложной системы складывалось не менее сложное переплетение классовых и внутриклассовых отношений. Государство пыталось опереться то на один, то на другой из имущих классов или их отдельные слои, достигая некоторой ограниченной самостоятельности, когда между борющимися классами устанавливалось известное равновесие сил<sup>223</sup>.

Под таким углом зрения допустимо рассматривать и соотношения между различными укладами и позицией государства в Римской империи, особенно когда господствующий рабовладельческий способ производства стал приходить в упадок, а развивавшийся в синтезе с ним и под его влиянием представленный сельскими общинами и внегородскими, возделываемыми колонами именными, протофеодальный уклад, выраставший из доримских отношений, стал приобретать все большее значение. Возникали элементы феодальных отношений: сословная собственность сенаторов, земли которых с конца II в. автоматически изымались из территории городов, колонны, которые хотя и не были юридически оформлены в сословие, но фактически стали таковым, их законодательно регулируемые владельческие права и обязанности, делавшие их собственностью сословной. Возникла и корпоративная собственность общин, ремесленных коллегий, городских курий. Как указывал Маркс, сословная и корпоративная собственность характерны для феодализма<sup>224</sup>. Развивались все виды ренты, в том числе и отработочная, а, как замечает Маркс, обыкновенно

<sup>222</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 34.

<sup>223</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 268–269; Т. 9. С. 195–196; Т. 20. С. 325—330; Т. 33. С. 13.

<sup>224</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 22–23.

крепостное состояние возникает из барщины<sup>225</sup>. Усиливалась власть землевладельцев над зависимыми людьми. Ремесло постепенно перемещалось в крупные имения и села. Изменился характер классовой борьбы, главными участниками которой становятся крестьяне. Изменялся и господствующий класс, в который теперь входили менее романизированные выходцы из туземной землевладельческой знати и «варваров». Оживают прежде оттесненные римской культурой местные культуры. Слабеют экономические связи, т.к. западные провинции Рима становятся экономически автономными, и господствовавшие в них земельные магнаты чем далее, тем более тяготеют к власти Рима, видя в императорах бесполезных претендентов на прибавочный продукт, производимый их колоннами, а также на земли, принадлежавшие государству. Они выдвигают своих «узурпаторов», вступают в союз с вождями «варваров», отделяются от Рима.

В таких условиях социальная революция как единовременный акт была невозможна. Что же дает в данном случае право говорить о ней? При всем своеобразии перехода от античности к феодализму налицо были присущие всякой социальной революции признаки и результаты: изменение отношений собственности (перестала существовать античная форма собственности), смена класса, стоящего у власти (муниципальные собственники рабовладельческих вилл, составлявшие опору принцепата, были отстранены от власти, господствующим стал класс не связанных с городами крупных землевладельцев из туземной и «варварской» знати), разрушение римского государства, созданной им армии и бюрократического аппарата и установление новых государственных форм, новых принципов организации армии и управления (чему ни в коей мере не противоречит сохранение ряда пережитков старого), устранение препятствий, тормозивших развитие новых производственных отношений, зарождавшихся уже в старом обществе, широкие народные движения (в основном крестьянские), сопровождавшие и ускорявшие этот процесс, — восстания багаудов в Галлии и Испании, агонистиков в Африке, готов и примкнувших к ним крестьян и рабов на Дунае и во Фракии, завершившиеся разгромом римской армии под Адрианополем; наконец, частичное смягчение положения трудящихся. То обстоятельство, что в падении Западной Римской империи активную роль играли «варварские» вторжения, не меняет революционного характера происходивших перемен.

Как видим, вопрос о революции в трактовке основоположников марксизма и современной марксистской историографии гораздо более сложен и многообразен, чем это представляют их критики, упрекающие марксистов в модернизации и догматизме. И вовсе не догматическое требование обязательного признания революции в конце формации, а именно конкретно-исторический анализ сосуществовавших в Римской империи укладов, степени развития элементов феодального способа производства, борьбы классов внутри укладов и между ними, борьбы между сторонниками и противниками тогдашнего государства и его роли, анализ значения внешних войн и восстаний эксплуатируемых классов, наконец, результатов падения власти Рима в одной области Западной империи за другой позволяют говорить об «эре войн и революций» в конце античности.

Это не была «революция рабов». Классовая борьба рабов в ее различных формах обусловила невозможность дальнейшего развития экономики рабовладельческого способа производства и его упадок, неизбежность его гибели. Силы же, приведшие к этой гибели, формировались в основном в других укладах. Противоречия между

<sup>225</sup> Там же. Т. 23. С. 248.

рабами и господами, между закрепощаемыми крестьянами и крупными землевладельцами, складывавшимися в новый класс-сословие, противоречия между последними и римским государством, несмотря на его попытки лавировать, проникновение в империю «варваров», их наступление на империю, их победы, их союзы как с высшими, так и с эксплуатируемыми слоями ее населения — все это приводило к разворачиванию революционного процесса и к тем результатам, к каким и приводит социальная революция. Особенностью ее было то, что движущими силами оказывались в основном классы и слои не рабовладельческого, а феодализирующегося уклада, особенность, впрочем, легко объяснимая, т.к. именно эти классы и слои, ставшие основными в новой формации, были наиболее оппозиционны римскому государству с его военно-бюрократической машиной, тормозившей их развитие.

Подведем итоги. Дискуссии между марксистскими историками и их оппонентами могут быть плодотворными и продуктивными, но только при условии, что последние будут, во-первых, лучше знать те положения и тот метод, из которых стремятся исходить марксистские историки; во-вторых, учитывать современное состояние советской историографии и не приписывать ей положений, уже пересмотренных; в-третьих, основываться на системном анализе имеющихся в распоряжении историков данных, изучать рабство и римское общество в целом как развивающуюся по своим законам систему, а не соотносить их постоянно с капитализмом, ища только сходство и разницу между этими «социальными организмами», что ведет лишь к затемнению исторической действительности и ее модернизации.

### Экономика и политика в античном обществе\*

Ведущие современные зарубежные историки Греции и Рима (такие, как М. Финли, Р. Дункан-Джонс) исходят из резкого противопоставления античной экономики — как крайне примитивной, не умеющей рассчитывать, предвидеть, заботиться о наиболее целесообразных капиталовложениях, доходах, производительности труда, прогресса — экономике капиталистической. Это, по их мнению, опровергает попытки видеть в экономике базу социальных и политических феноменов древнего мира<sup>226</sup>. Другие (наибольший резонанс в этом плане имела книга К. Гопкинса «Господа и рабы»)<sup>227</sup> считают, что социологические законы, выведенные путем анализа мира капиталистического, применимы и к античности, хотя античные общества были рабовладельческими в отличие от современных. Гопкинс строит выводы в основном на умозрительных заключениях (считает, что данные источников, скудные и случайные, не имеют для него решающего значения).

Против концепции Финли в последнее время выступают два автора, глубоко изучившие конкретный и достаточно бесспорный античный материал. Один

\* Первая публикация: Вопросы истории. 1989. № 8. С. 39–53 (совместно с Е. М. Штаерман). Вторая публикация: *Esclavage et dépendance dans l'historiographie soviétique récente*. Paris, 1995. P. 9–30 (совместно с Е. М. Штаерман).

<sup>226</sup> Особенно настойчиво отрицается значение экономического фактора в формировании классовой структуры античного мира.

<sup>227</sup> Hopkins K. *Conquerors and Slaves*. Cambridge, 1979.

из них — К.-Д. Уайт, собравший богатый материал по греческой и римской технологии<sup>228</sup>. Точка зрения Финли, пишет он, может быть верна для мелких греческих полисов, но не для эллинистических и римских держав. Уже римские завоевания II в. до н. э., потребовавшие в короткий срок огромных затрат труда и средств на снаряжение и вооружение армии, не согласуются с представлением о примитивной экономике. И впоследствии, хотя бы на примере организации мастерских в Помпеях, можно видеть, как рационально было организовано работавшее на рынок производство; то же подтверждается организацией труда в каменоломнях, рудниках, в имениях, где учитывались особенности почвы и климата, применялись соответствующие орудия труда и методы для облегчения и ускорения различных операций, усовершенствовались плуги, грабли, бороны, мотыги, кирки, серпы, ножи, топоры и т.д.

Другой автор — К. Грин исследует данные археологии для суждения о римской экономике<sup>229</sup>. Много внимания он уделяет новым материалам, полученным благодаря развитию подводной археологии. На затонувших римских кораблях находят сложные механизмы с зубчатыми колесами, которые по своему устройству могли появиться лишь в конце XVII века. Тоннаж судов, предназначавшихся для перевозки зерна, вина, масла, керамики из разных мастерских, и их скорость также были превзойдены только к началу XVIII века. Гавани были прекрасно оборудованы доками, механизмами для погрузки и разгрузки судов, складами, гостиницами. Видимо, пишет автор, капиталовложения в кораблестроение и морскую торговлю были весьма значительными. Сделанные находки опровергают мнение о несовершенстве наземного транспорта (упряжи, конструкции колес и т.п.). Различные повозки изготовлялись искусно, и такие же повозки применялись в Европе до конца XVII века. Вряд ли, замечает автор, совместимы с представлением о римской экономике Финли и Дункан-Джонса римские дороги, мосты, акведуки, усовершенствования в строительном деле (например, своды и купола), рынки, распространенность монеты, массовый экспорт и импорт товаров из провинции в провинцию и из-за границы империи. Мастерские по изготовлению керамики были иногда велики (одинаковые клейма находят на десятках тысяч изделий), они имели свои филиалы в других местах, работали на отдаленные рынки. Если в Италии получили слабое применение изобретенные в Галлии и Реции жатвенные машины, сенокосилки, то только потому, что холмистая местность Италии делала невыгодным их применение, а вовсе не из-за отсутствия интереса к усовершенствованиям, предполагаемого Финли и его сторонниками.

В последнее время значительное распространение получила концепция, выдвинутая в 20–30-х годах К. Поланьи. В основе ее лежит деление типов экономики по формам распределения произведенной в обществе продукции. Форма, соответствующая примитивным обществам — «взаимообмен дарами» между отдельными родами, племенами, вождями и между собою и рядовыми соплеменниками и сородичами (последние приносят дары, знать устраивает угощения, праздники, одаривает рядовых членов общины и пр.). Форма, преобладающая в древних и феодальных обществах — «перераспределение продукции», произведенной в обществе и собранной в центре (монарх, полис, феодальный манор) по инициативе этого центра между членами общества в соответствии с их рангами, статусами и т.п. И, наконец, распределение путем рыночного обмена, характерное для капитализма. Концепция К. Поланьи и ее варианты служат в известной степени основанием для отличия социальной,

<sup>228</sup> *White K.-D. Greek and Roman Technology. Lnd., 1984.* Хорошо известна его книга “Agricultural Implements of the Roman World”. Cambridge, 1967.

<sup>229</sup> *Green K. The Archaeology of the Roman Economy. Lnd., 1986.*

классовой структуры капиталистического мира от якобы бесклассовой, основанной на рангах, статусах и т.п. структуры докапиталистических обществ и соответственно отрицанием значения экономической основы как фактора, определяющего структуру общества на всех этапах его развития, поскольку главную роль здесь играют или кровнородственные связи или характер власти. Однако слабость данной концепции заключается в том, что за основу здесь принимается не производство, а распределение, с производством теснейшим образом связанное («обратная сторона производства»), но все же не первичное, а самим способом производства определяемое.

Значительно ближе, по-видимому, к анализу сущности проблемы подошел М. Годелье<sup>230</sup>, когда рассматривал экономику первобытного общества как основу-вающуюся на совпадении кровнородственных связей, деления по полу и возрасту с производственными отношениями, возникающими в результате разделения труда, что и определяло тип всей структуры данного общества, в частности, существующие в нем формы распределения и соотношения идеологических, организаторских и чисто трудовых функции и т.п.

В какой мере может и должен быть аналогичный анализ применен в античности, дабы выяснить, как и почему основные черты античного производства обуславливали обычно отмечаемую историками значительную роль политики и соответственно каков был, и существовал ли вообще механизм воздействия экономического базиса на социальную структуру, идеологию и т. п.?

В отечественной литературе, несмотря на многие исследования по антиковедению, эта задача, в общем, не ставилась. Это объяснялось различными причинами: преимущественный интерес к экономическим проблемам при значительно меньшем интересе к проблемам политическим; сосредоточенность на анализе рабовладельческого способа производства в классовой борьбе рабов, долгое время недостаточно органично увязывавшаяся с другими структурными элементами античного общества как целостной системы; стремление несколько упрощенно продемонстрировать идентичность механизма действия основных и общих закономерностей во все исторические эпохи. При этом советские историки основывались на капиталистическом производстве, что служило и служит одним из основных упреков в наш адрес со стороны зарубежных оппонентов. Между тем если в конечном счете такие закономерности, к которым относится и определяющая роль способа производства, присущи всем эпохам, то в каждом случае действовать они будут, опосредованные всем характером, всей структурой того или иного «социального организма», в свою очередь, обусловленной способом, каким «в те эпохи добывали средства к жизни».

Античный мир во времена своего расцвета зиждился на земледельческой и землевладельческой городской общине особого типа с определяющими ее функционирование и воспроизводство взаимоотношениями граждан между собой и с гражданским коллективом в целом. Дальнейшим развитием этих отношений были сначала разделение труда и образование слоя ремесленников с их собственностью, независимой от земельной, а затем появление подневольного рабского труда как основы, пьедестала внутриобщинных отношений, свободы и равенства граждан. В отличие от капитализма, крепнущего с развитием товарно-денежных отношений, проникновением их по все сферы жизни, обмена, предполагающего равенство контрагентов и равенство членов общества, в античном мире торговля и деньги вели к разложению существующего строя, нарушали равенство между согражданами-общинниками, до-

<sup>230</sup> Godelier M. Rationalité et irrationalité en économie. P., 1966. P. 90–98.



пуская равенство только между участниками сделок, предусмотренных и разработанных римскими юристами. Но при всех изменениях сохранялась первоначальная основа строя, то есть античная городская община граждан, что определяет и возможности и лимиты эволюции.

Такое принципиально качественное различие между античным и капиталистическим строем должно было обуславливать и различные отношения между экономикой, социальным строем и политикой, как и другими надстроечными структурами. При неразвитости системы обмена и денег индивиды, хотя их взаимоотношения кажутся более личными, вступают друг с другом в общение только как индивиды в той или иной социальной определенности, как члены каст, сословий и т.п. Личные же отношения в пределах своей сферы на определенной фазе развития принимают здесь вещные формы, но они имеют ограниченный определенной природой характер и потому представляются личными<sup>231</sup>. В качестве примера можно было бы привести отношения раба-инститора с господином или предпринимателя-отпущенника с патроном, отношения по существу вещные, но выступающие как результат личных связей господства и подчинения, Личный (хотя и имеющий иногда вещную основу) характер отношения сочетается таким образом с отношениями, обусловленными определенными формами разделения труда в обществе, возникшими из условий материального производства и лишь затем оформляемыми как касты, сословия и т.п.

Такое разделение труда в обществе, естественно, вытекает из вышеприведенной характеристики античной гражданской общины как кооперации граждан в войне и труде на общую пользу, когда труд рассматривался не столько как частное дело гражданина, сколько как отправление определенной общественной функция. Отсюда возникновение разных римских *ordines*, не совсем точно переводимых как «сословия», но скорее означающих именно ранги, разряды граждан, объединенных одинаковой функцией в управлении общественными делами, в армии, в производстве<sup>232</sup>, и только частично совпадающих с сословиями в собственном смысле (патриции, плебеи, сенаторы, всадники, позже *honestiores* и *humiliores*).

Особая структура соотношения политических, социальных и экономических мотивов в римском обществе хорошо прослеживается в разных направлениях аграрной политики римского правительства как эпохи Республики, так и Империи. Аграрная политика по своему существу предполагает, так сказать, естественный примат экономических мотивов над всеми другими, и прежде всего политическими, поскольку в своей глубокой основе она призвана решать самую насущную проблему любого общества — проблему продовольственную. Однако, рассматривая главные направления римской аграрной политики, можно видеть, как менялось их соотношение. Так, например, в таком направлении аграрной политики, как колонизация, то есть вывод малоземельных крестьян в колонии, причем как на землях Италии, так и провинций, экономическая сторона зачастую уступала свое лидирующее место не только социальным, но и военно-политическим мотивам. Выбор места колонизации, состав колонистов, размеры земельных участков и даже правовой статус колонии определялся не только и не столько решением сельскохозяйственных проблем, сколько целями социальными, политическими и военными. Колонизационный бум, наступивший после Ганнибаловой войны, когда за 12 лет было основано 16 колоний, то есть больше, чем за три предшествующих столетия римской истории, явно вызы-

<sup>231</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 106–108.

<sup>232</sup> Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312–43 av. J. C.). P., 1966. Vol. I. P. 121.

вался военно-стратегическими задачами укрепления римского господства над италийскими союзниками, хотя, конечно, вывод каждой колонии решал и собственно экономические проблемы.

Гракхи пытались придать своим аграрным законам сугубо экономическую направленность, хотя и в них прослеживается сильная социальная и политическая струя. Однако эта попытка Гракхов оказалась относительно изолированной в римском аграрном законодательстве. Последующие колонизации Мария, Суллы, Помпея и Цезаря, грандиозное перераспределение земли Августом преследовали более разнообразные цели, и среди них одно из важнейших мест занимало создание сильной политической опоры рождающемуся имперскому режиму. В этой колонизационной практике можно проследить известное противопоставление экономических и социально-политических целей. Наделение ветеранов землей и создание мелкого свободного земледелия не устранили продовольственных трудностей того времени. Мелкие хозяйства, слабо связанные с рынком, не могли решить проблему снабжения многочисленных римских городов, которые обеспечивались товарной продукцией рабовладельческих вилл. В императорскую эпоху положение изменилось, и собственно экономические мотивы стали играть большую роль, чем ранее, так как императоры раздавали своим ветеранам крупные участки вплоть до центурий, на которых можно было вести товарное рабовладельческое хозяйство, снабжающее соседний город сельскохозяйственной продукцией.

Одним из важнейших направлений римской аграрной политики, начиная с Гракхов, было создание особого социального слоя люмпен-пролетариата, который официально должно было содержать государство. Содержание люмпен-пролетариата ложилось тяжким бременем на государственные финансы и являлось по своей сути антиэкономическим явлением, гипертрофированным преобладанием политики над экономикой. Тем не менее, без люмпен-пролетариата невозможно представить себе римское общество эпохи классического рабовладения. И этот исторический феномен можно объяснить не каким-то экономическим соображением, а лишь исходя из всей совокупности структуры общества, основанного на античной форме собственности и рабовладении, понятии гражданства и его системы ценностей.

При изучении римского общества эпохи Империи мы сталкиваемся с таким фундаментальным процессом, как романизация провинций, римского Средиземноморья. Что такое романизация? Можно ли ее определить как процесс распространения экономических форм классического рабовладения, системы товарных вилл и других хозяйственных форм, сложившихся в Италии? Бесспорно, этот процесс был важной частью общего понятия «романизации». Но такой ответ был бы неполным и вряд ли может заменить более сложное и многомерное понятие «романизация». Речь должна идти и о таких его важнейших направлениях, которые нельзя отнести только к следствиям, как распространение античной формы собственности в целом, связанных с ней социальных и политических структур, наконец, чисто политических мотивов сохранения и укрепления римского господства как такового. Романизация Средиземноморья может быть определена как органический сплав экономических, социальных, политических и культурных направлений, и выделить в них преобладающий компонент часто бывает затруднительно: он меняется в зависимости от конкретных исторических обстоятельств.

Структурообразующий элемент античного мира — городская община граждан и ее основа — античная форма собственности, элемент, настолько органичный, что пренебречь ею как основой античного мира не мог, несмотря на все огромные пережитые им на протяжении многих веков изменения. И действительно, укрепле-

ние античной системы как целого происходило за счет распространения городских гражданских общин благодаря колонизации, основанию новых городов на территориях эллинистических царств и римских провинций. Не только поселения, получавшие от Рима статус городов (что предполагало измерение территории, разделение ее на общественную землю города, земли коллектива граждан и частные их наделы, составление соответственного кадастра, формирование городского совета, магистратур, народного собрания граждан, официальных городских культов и празднеств, устраиваемых за счет казны города и магистратов), но и самые различные организации римлян неизменно соблюдали тот же общинный принцип, сочетавший частное и общественное начала. Там, где в провинциях и частично в Италии сохранялись разного типа общины: паги, села, соседства, кровнородственные, соседские, смешанные, римляне, не вмешиваясь в их внутренние отношения (такие общины получали суммарно измеренную территорию, отвечая за нее как за единое целое и распределяя землю внутри по своему усмотрению), сохраняли их самоуправление, культы, не препятствовали выделению из общины индивидуальных владельцев, посессоров, оберегая по возможности от захвата частными лицами общие угодья, выпасы и т.п.

По сходному образцу строились разного рода товарищества и коллегии. Члены деловых товариществ могли обобществить свое имущество или часть его; члены коллегий имели свою казну, здания (иногда земли), магистров, общие священнодействия, совместные трапезы, на которые значительную долю средств вносили выборные должностные лица и патроны. Насколько римляне не мыслили себе людей, стоявших вне каких-либо аналогичных коллективов, видно из появления с конца II—I в. до н. э., когда возросло число рабов, оторвавшихся от фамилий, различных состоявших из рабов и частично отпущенников коллегий со своими богами-покровителями, общественными средствами, выборными магистрами и министрами, священнодействиями.

Общиной была и фамилия, в которой наследники главы считались латентными совладельцами, и глава был обязан преумножать достояние фамилии, где фамильные Лары выступали гарантами освященных религией и традицией норм взаимоотношений ее сочленов, А со временем, в эпоху Империи, следуя примеру императорских дворцов и вилл, владельцы организовывали в своих фамилиях коллегии для рабов, отпущенников, клиентов хозяина, строившиеся так же, как и коллегии в городах и селах, с взносами сочленов на культ, надгробия, посвящения хозяину, угощения фамилии, выборными должностными лицами и жрецами богов фамилии.

В той или иной степени во всех таких объединениях наблюдалась сходная структура — сочетание индивидуального и общего, решающая роль собрания сочленов и их решений при одновременном признании авторитета, естественно, возникшего как авторитет *pater familias*, иногда лиц назначенных (так, по преданию, то ли Нума, то ли Сервий Туллий зачислял в паги префектов для надзора за работой *pagani* и, возможно, сходную роль играли в городах позднее префекты ремесленников) или, по крайней мере, в принципе выборных патронов города, села, пага, коллегии, магистрата, совета, при неперменной обязанности носителей этого авторитета тратить свои средства на различные нужды возглавляемых ими сообществ. Такое положение возникло на заре истории античной гражданской общины и обуславливало и организацию ценза, и принцип так называемого геометрического равенства, согласно которому более богатые, талантливые, знатные (то есть имевшие предков, отличившихся подвигом на пользу городу) должны были давать больше средств и затрачивать больше труда «для общего блага», чем люди, имевшие мало средств, незнатные и бесталанные.

Но римский ценз в эпоху расцвета римской общины предусматривал также контроль за нравственностью граждан, то есть верностью установленным нормам, и за выполнением гражданами своих обязанностей земледельцев: за небрежно возделанное поле цензоры переводили его владельца в низший разряд эрариев (граждан без права голоса). И во все времена действовал закон, позволяющий занимать землю, два года оставленную владельцами не возделанной. Индивидуальный надел являлся частью земельного фонда общины, и заботиться о наилучшем извлечении плодов или дохода — оба эти понятия обозначались термином «*fructus*» — было такой же обязанностью гражданина, как и идти на войну. Он должен был наделить приданным дочерей, чтобы они вступили в брак и дали общине новых граждан; он был обязан обеспечить сыновей, а если они расточали свое имущество, закон лишал их правоспособности.

Подчеркиваемое обычно обстоятельство, что в Риме развивались индивидуальная собственность и продажа земли, не противоречит общинному его характеру: передача земли одного владельца другому в пределах общины (негражданин не мог владеть землей города) существовала во всех общинах, известных истории и этнографии. Но дело решала не возможность отчуждения (что могло вести только к имущественной дифференциации внутри общины), а верховный контроль коллектива общинников за использованием земли и, в конечном счете, за ее распределением и перераспределением, на чем и основывалась борьба за аграрные законы во времена Республики и начала Империи, когда «власть и величество римского народа» перешли к принцепсу с правом распоряжения землей.

Этот феномен римского общества (сочетание частного и общественного начал) обуславливал то обстоятельство, что подобно тому, как в первобытном обществе производственные отношения совпадали с кровнородственными, с разделением труда по полу и возрасту, здесь они совпадали с разделением труда в гражданской общине, для блага которой был обязан трудиться каждый гражданин, внося свой вклад в общее дело обеспечения функционирования и воспроизводства города. Таков был смысл существования упоминавшихся *ordines*, коллегий, пагов, соседств и, по-видимому, только при подобном тождестве производственных отношений с отношениями, возникавшими между социально-политическими ячейками (будь то территориальные единицы или функциональные группы — *ordines*, коллегии, сословия), могла вообще существовать любая община, составляющая некий целостный организм. Но в отличие от иных известных общин городская античная община с самого начала своей истории не была настолько примитивной, чтобы жить вне связей с внешним миром, и не была частью некоего большего, стоящего над нею более сложно организованного объединения (федерации племен, государства), которое могло бы оказывать на нее давление. Поэтому разделение труда и функциональные *ordines* могли развиваться достаточно свободно, естественно, стимулируемые внутренним и внешним обменом, постоянными военными столкновениями. И то и другое приводило к имущественной и социальной дифференциации, обеднению части граждан, попавших в зависимость от других граждан.

В этом заключается коренное отличие соотношения экономики и политики в современном и античном мире. В современном мире политические и гражданские права никоим образом не связаны с отношением к собственности, поскольку «гражданское» и «политическое» общества разделены и собственность от последнего независима. Огромное большинство жителей современных государств лишены собственных средств производства, работают по найму, но никоим образом не урезаны в своих политических правах и свободах. Для римлянина свободным был только са-

мостоятельный хозяин; человек, работавший на другого, не был полноценным гражданином. Известны слова поэта II в. до н. э. Энния о царе Сервии Туллии, который роздал бедным землю, избавив их от необходимости работать на других, и тем укрепил свободу граждан<sup>233</sup>. Плата за труд — цена рабства, гласил распространенный афоризм. Только тот, кто владел наделом на земле общины, был одновременно и совладельцем общественной земли, территории, находившейся в верховной собственности и под верховным контролем коллектива граждан, и своим трудом (личным или организуемой им фамилией) умножал плодородие земли, доход общины, имел полное право участвовать в решении общих дел, выборе магистратов, законодательной деятельности (в том числе таких важнейших законов, как аграрные, как определявшие права и обязанности различных сословий, народа в целом, как объявление войны и заключение мира и т.п.).

Особенностью античного, и в частности римского, общества было присутствие «политики» в самых глубоких экономических структурах, в которых, казалось, она должна отсутствовать, например, торговых операциях, системе кредита, денежном обращении. В Риме конца Республики крупные торговые и другие финансовые операции были официально в государственном порядке закреплены за всадническим сословием, причем имелось в виду не только обеспечение финансовых операций, подверженных игре экономических сил, но в значительной степени перераспределение социальных и политических функций между сенаторским сословием и всадническим. Можно лишь с большой долей условности выделить и в качестве доминирующей ту или другую сторону: экономическую, социальную или политическую. Даже в сфере денежного обращения и выпуска монет вмешательство политического фактора было весьма заметным. Рассмотрение имперского бюджета, например, по завещанию Августа, показывает, что основными его расходными статьями были содержание огромной армии, многочисленных зрелищ, всевозможных раздач, то есть прямо были связаны не столько с экономическими, сколько с социальными или политическими нуждами. Имеющиеся в распоряжения историков данные о финансовых кризисах (63 г. до н. э., 49–46 гг. до н. э., наконец, 33 г. н. э.) свидетельствуют о том, что последние вызывались не игрой экономических сил, а обострением политической обстановки и решались более политическими, нежели экономическими средствами. Более того, общий механизм товарно-денежного обращения в частности такой важный его элемент, как ценообразование, находился под постоянным контролем общины или государства и регулировался далеко не всегда в соответствии с экономическими законами, в том числе и законом стоимости, который, видимо, в эпоху античности еще и не был открыт.

Часто вслед за М. И. Ростовцевым<sup>234</sup> исследователи истории Рима считают, что при Республике и ранней Империи правительство не вмешивалось в экономику, предоставляя инициативу владельцам хозяйств, и только при доминате государство стало регулировать хозяйственную жизнь, что, в конце концов, и привело к упадку и гибели Империи. С этим можно согласиться, если исходить из современных критериев роли государства в таких мероприятиях, как законы в пользу протекционизма или свободной торговли, поощрения и поддержки тех или иных предприятий и отраслей хозяйства, регулирования деятельности акционерных компаний и банков, патентного права, учета при составлении государственного бюджета ряда долговременных и кратковременных экономических прогнозов и т.п. (отсутствие всех подоб-

<sup>233</sup> Dumézil G. Servius et la Fortune. P., 1943. P. 141, 159.

<sup>234</sup> Rostovtzev M. Storia economica e sociale del impero romano. Firenze, 1933. P. 63, 68 etc.

ных моментов в античном мире особенно подчеркивает Финли<sup>235</sup> в доказательство примитивности античной экономики), Но если исходить из основных характеристик античного мира, то упомянутое мнение вряд ли можно считать оправданным.

Экономическая деятельность контролировалась и регулировалась сначала совпадавшим с «гражданским», «политическим» строем, затем правителями ранней Империи с целью сохранения и воспроизводства (в меру возможности на разных этапах) основ античного строя. Во время Республики экономический контроль осуществлялся через принявшиеся народным собранием аграрные законы и выведение колоний, а когда постановлений народного собрания стало недостаточно, передел земли совершался в ходе гражданских войн и проскрипций. Императоры I в. продолжали в значительной мере проводить в аграрном вопросе политику популяров, конфискуя (под маркой репрессий против оппозиционных сенаторов и провинциальной знати) латифундии, деля их между посессорами небольших участков, возвращая общинам захваченные общественные земли, стимулируя, умножая нужные мелким хозяевам сервитуты, заботясь о расширении пригодных для обработки земельных площадей, поощряя выпады против латифундий и их владельцев в трудах агрономов и сочинениях ораторов, опираясь на законы о праве конфисковывать и передавать другим плохо возделываемые земли. Взяв в свои руки соответственные права народа, они, продолжая развивать преторские, времен Республики, интердикты, охранявшие владения от захвата, защищали собственность добросовестных владельцев, укрепляли их права, что было необходимо для развития рационального хозяйства с трудоемкими и многолетними культурами.

С начала II в. до н. э. стали издаваться многочисленные законы против роскоши. Большая заслуга в этом, как считают, принадлежит единомышленникам Катона, восставшим против «иноземных непотребств» и развращения нравов нобилитета. Конечно, эти мотивы, как и стремление преодолеть неравенство граждан, несомненно, имели место. Но, по-видимому, были и иные, более существенные причины. При чтении произведений античных авторов нельзя не отметить, что хрестоматийные примеры бедности и скромности знаменитых деятелей (за исключением Цинцинната) встречаются в III и начале II в. до н. э., тогда как в IV и V вв. до н. э. говорилось о людях богатых. Раскопки подтверждают, что в Риме того времени не было ни богатых жилищ, ни предметов роскоши. То было время побед плебеев, наделение значительной их части земельными участками в завоеванных колониях, а также добычей. Рим и Италия, ему подчиненная, становятся крестьянскими, и еще были близки к крестьянам владельцы вилл, подобных катоновской. Правилom тех и других было не тратить средства по-пустому на изысканные блюда и т.п., а вкладывать их в дело, потому что, вопреки мнению Финли о неспособности римлян понимать смысл капиталовложений и доходов<sup>236</sup>, главным критерием добросовестности хозяина классического времени было извлечение им из земли *fructus*.

Юристы времен Империи оценивали деятельность мужа, управлявшего именем жены, человека, действовавшего за наследника, опекуна и т.д., исходя из того, какие необходимые и полезные расходы он производил, чтобы имение не стало убыточным, а принесло доход. Доход же отдельного владельца был так или иначе частью общего дохода сограждан, и он обязан был его с ними делить. Любопытно, что Фест толкует слово *immunes* как свободный от *munera* — обязанностей в пользу общества,

235 *Finley M. The Ancient Economy. Berkeley, 1973. P. 21, 25 etc.*

236 *Ibid.*

а потому ненавистный согражданам<sup>237</sup>. Если учесть, что Цезарь, издавший один из последних законов против роскоши, вместе с тем ограничил 65 тыс. сестерциев сумму, которую человек мог хранить дома, для того, чтобы остальную часть денег он вложил в какое-нибудь дело, то связь между законами против роскоши и стимулированием прибыльных капиталовложений будет ясна. Одновременно с попытками ограничить роскошь граждан растет колоссальное богатство гражданского коллектива, казны за счет непрерывных завоеваний. Воздвигаются великолепные храмы и общественные здания, все пышнее и многочисленнее становятся игры, празднества по случаю триумфов, подарки народу, раздача бедноте хлеба по дешевке, позже и даром.

При Империи «щедротами» (*largitiones*) распоряжаются императоры, а в городах Италии и провинций — магистраты, патроны, коллегии. И уже самое установление ценза не только для сенаторов и всадников, но и для магистратов и декурионов, как и регулирование «законами об анноне» цен на зерно говорит о совершенно определенной политике правительства в области экономики, преследовавшей все ту же цель — установить «геометрическое равенство» граждан, чтобы сохранить гражданскую общину. Ту же политику проводили императоры, пытавшиеся сохранить города как общину разными мерами — от субсидий из казны до прикрепления декурионов к их повинностям в пользу города, от постоянного пополнения городского слоя землевладельцев, могущих стать декурионами, за счет наделения ветеранов земель и различными привилегиями, до распространения городского гражданства и связанных с ним обязанностей на первоначально не входивших в число граждан туземцев-провинциалов, продолжавших жить на тех или иных условиях на городских территориях (*incolae*).

Таким образом, вряд ли справедливо отрицать определенную направленность контроля за экономикой со стороны властей как в Республике, так и в Империи. Но связь экономики и политики была здесь особой, определявшейся особенностями способа производства. Основой его была земельная собственность, возможная только в рамках гражданской общины, так как только гражданин мог иметь здесь свой надел по «квиритскому праву» и быть совладельцем общественной земли, контролировать распоряжение ею (как член народного собрания), способствовать увеличению ее размеров (как член народного ополчения). Вне своего города гражданин не имел никаких прав, и чем более возвышался его город среди других разнообразных общин (городских, племенных, соседских и т.п.), тем более возвышался и он сам. Поэтому по мере побед римской армии римский гражданин чувствовал себя повсюду господином и все более проникался уверенностью в том, что принадлежит к народу, предназначенному править миром. Но и победы становились возможными потому, что по мере успехов плебса, демократизации и крестьянизации низших, прежде неимущих слоев его, римская армия, особенно пехота, становилась гораздо более боеспособной в отличие от армий, где значительную роль играли наемники или основывавшиеся на преобладании родоплеменной или городской аристократии отряды конницы или отряды, набиравшиеся в странах, раздираемых этническими и классовыми противоречиями, которыми римляне умели пользоваться весьма искусно.

Так экономика и политика, «гражданское» и «политическое» общество неразрывно переплетались именно потому, что способ производства гражданской общи-

<sup>237</sup> Fest. De significat, verborum (sub verbo “*immunes*”).

ны предполагал, во-первых, контроль наделенного законодательной властью народного собрания над землей, верховным собственником и распорядителем которой была община граждан; во-вторых, потому, что только согласие народного собрания на объявление и ведение войны могло, в случае победы, увеличить земельную площадь общины и умножить число самостоятельных хозяев, наиболее полноценных граждан и самостоятельных земледельцев, и вместе с тем умножить богатства гражданской общины в целом, шедшие на ее нужды; в-третьих, потому, что необходимое для управления, военного дела, материального и духовного производства разделение труда, порождавшее функциональные ordines (сословия sui generis), обуславливало так же, как это было в средние века, совпадение места сословий в политической и социальной, экономической сфере. На сохранение и воспроизводство такого строя была направлена и экономическая политика в эпохи, когда Рим был на подъеме.

Самый ход развития подобной общины приводил к появлению подневольного труда рабов или (и) крепостных (типа илотов) как основы данного общества. Как известно, илотино и рабство, становящиеся фундаментом античного мира, К. Маркс выводит из особенностей античной гражданской общины<sup>238</sup>. В наших работах мы обычно шли обратным путем, начиная с рабства, а затем переходя к прочим особенностям античного мира.

На неправомерность такой операции справедливо указал Гопкинс: рабы, по его подсчетам, имелись в 500 с лишним обществах от первобытных до современных, но рабовладельческими обществами, по его мнению, можно считать только передовые греческие полисы, Рим, южные рабовладельческие штаты США и Вест-Индию<sup>239</sup>. Вряд ли он прав, объединяя последние с античностью, а также ставя во главу угла численность рабов, которую для Рима определяет наугад, без всяких к тому оснований. Но он прав в том отношении, что наличие рабов, независимо от их количества, не делает общество рабовладельческим. Таковым оно, видимо, может считаться лишь в том случае, когда только за счет эксплуатации рабов-чужеземцев можно удовлетворить возникающую потребность в дополнительном, выходящем за рамки семьи или взаимопомощи соседей труде, вследствие отсутствия или крайнего снижения возможности эксплуатировать собственных сограждан или соплеменников в качестве клиентов-прекаристов, арендаторов по неравноправным договорам, кабальных должников, батраков, прикрепленных к земле и обязанных различной рентой работников и т.п. А подобные условия сложились только в античных гражданских общинах, где народ, располагая законодательной властью и составляя ополчение, смог добиться положения, исключавшего в широких масштабах «работы на другого» за «плату — цену рабства».

Античное классическое рабство было производным явлением, но, возникнув, стало оказывать огромное, во многом определяющее воздействие на дальнейшую судьбу античного мира. Развитие рабовладельческого хозяйства обусловило развитие торговли и денег до такой степени, какая стала действовать разлагающе на систему античных гражданских общин и отдельные составляющие ее структуры и субсистемы. Индивидуальная собственность, индивидуальный интерес стали превалировать над общественной, коллективной и, соответственно, старые ordines, сложившиеся на базе общественного разделения труда для «общей пользы», теряли роль и значение, сменялись постепенно (хотя и не полностью) новыми социальными подраз-

<sup>238</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 474–475.

<sup>239</sup> Hopkins K. Op. cit. P. 53.



делениями, основанными на богатстве, а затем законодательно утвержденными условиями (*honestiores* и *humiliores*) с неравными юридическими и политическими правами. Ускоряется разложение общин, существовавших наряду с городскими, выделение индивидуальных собственников, ставящих от себя в зависимость отдельных соплеменников и общины в целом, изменяется структура фамилии — власть отца над свободными ее сочленами и их имуществом слабеет, прежде неприкосновенная власть господина над рабами, в конце концов, ограничивается государством, личные отношения господина и раба, отпущенника и патрона в ряде случаев принимают вещное обличье.

Казалось бы, идут процессы, внешне сходные с тем высвобождением частной собственности, которое приводило к разделению экономики и политики. Однако этот процесс не мог не только завершиться, но и набрать полную силу. Прежде всего потому, что наряду с действием сил разделения экономики и политики развивались новые силы их сплетения. Ведь расцвет классического рабства означал вместе с тем широкое внедрение в общественный организм новых более жестких отношений господства и подчинения, между миром свободы и миром рабства, классом рабов и классом рабовладельцев, а эти отношения должны были регулироваться не столько экономическими, сколько политическими средствами, ускоряя процесс рождения большого государственного аппарата, формирующегося по бюрократическому принципу. Отношения классического рабства не могли не приводить к усилению роли внеэкономических методов господства, которые переплетались с собственно экономическими, образуя их органическое единство, составивших одну из самых характерных особенностей классического рабства как общественной системы.

Вместе с тем первоначальный структурообразующий элемент античного мира не мог исчезнуть, что сдерживало полное развитие и логическое завершение шедших процессов. Городская гражданская община в Италии и провинциях оставалась основой и экономической, и социальной, и политической структуры. По-прежнему богатые и сановные граждане городов обязаны были тратиться на нужды сограждан, и из них пополнялись высшие государственные сословия, военно-бюрократический аппарат. По-прежнему ремесленные коллегии получали право на существование и некоторые привилегии, если работали «на общую пользу», чем далее, тем более при Империи осознававшуюся как польза государства и исполнение налагаемых им повинностей. Само государство сочетало неразрывно, и чем далее, тем в большей мере, экономические и политические функции. Преемник римского народа, глава государства — принцепс, был крупнейшим фактическим собственником Империи, и вместе с тем верховным собственником всей земли, которой мог распоряжаться, как некогда римское народное собрание. Этого не оспаривали даже такие идеологи «антииранической» оппозиции, как Сенека и Плиний Младший, призывая только «хорошего» императора этим правом не злоупотреблять, не отбирать землю у тех, кому она отведена.

Императоры I в. пользовались совпадением своего положения как собственника и как созерца для укрепления мелких и средних имений за счет латифундий, что давало и экономическую — более тщательная обработка земли, и политическую выгоду — подавление оппозиции крупной знати Италии и провинций и расширение социальной базы императорской власти за счет роста муниципальных слоев. Антонины, ставленники «партии сената», осудив своих предшественников как «тиранов», перестали сдерживать рост крупного частного и государственного землевладения, что привело к постепенной замене труда рабов, невыгодного в крупнейших хозяй-

ствах, трудом колонов разных категорий. И в этой плане императорские хозяйства были в значительной мере образцом для частных: в них, видимо, раньше всего стали на положение арендаторов переводить рабов, признав за ними юридические права на собственность, семью и т.п.; императорские колоны первыми были освобождены от муниципальных повинностей; законы Адриана давали ряд льгот и права посессоров заемщикам запустелых императорских земель.

Вместе с тем с растущей невыгодностью рабского труда основная тяжесть налогов и повинностей стала возлагаться на крестьян-собственников и арендаторов, свободных, отпущенников, рабов и, соответственно, и в императорских, и в частных хозяйствах непосредственное изъятие прибавочного продукта раба сменилось разными видами рент, что со временем привело к полной перестройке экономики, социальной структуры, политического строя, идеологии Империи. Разделить здесь экономику и политику так же трудно, как разграничить функции римского императора как собственника и сюзерена, функции, которые в буржуазном (домонополистическом) государстве, выступающем только как сюзерен, никак не смешиваются. Но можно ли из такого отличного от нового времени соотношения экономики и политики в античном мире делать вывод о недействительности для последнего положений исторического материализма об определяющей роли экономического базиса, отсутствии классов и т.п.? По-видимому, нет. Именно то обстоятельство, что люди могли обеспечить свое существование только в рамках античной городской гражданской общины, определяло и ее экономический и политический строй, и ее политику в целом.

Для примера рассмотрим, как велись Римом войны. О причинах этих войн высказывались разные мнения. Авторы, склонявшиеся к уподоблению Рима капиталистическим государствам, объясняли их соперничеством с другими государствами за торговые пути и рынки сбыта. Не склонные к модернизации объясняют войны иногда общей воинственной ментальностью как римского народа в целом, так особенно римской элиты, жаждавшей богатства и славы. Есть мнение, что римляне часто втягивались в военные действия помимо своей воли, вследствие интриг своих союзников сначала в Италии, а затем в эллинистическом мире, где в постоянных взаимных спорах полисы и государства старались заручиться помощью Рима<sup>240</sup>. В советской литературе высказывалось предположение, что римляне стремились к захвату пленных для превращения их в рабов.

На разных этапах истории Рима положение несколько менялось и усложнялось. В первоначальном примитивном Риме, мало отличавшемся от других примитивных обществ, войны, как правило, вели за землю. Землю и скот отбирали у побежденных, а затем или раздавали воинам, или они поступали в общую собственность граждан. По существу, земля и добыча как цель оставались и впоследствии, но в более усложненном виде. Земля, так или иначе, присваивалась, объявлялась собственностью римского народа, в частности отводилась под колонии, частично оставлялась провинциалам, которые со временем тоже организовывались в городские общины и приобщались к образу жизни, экономике и культуре, гражданству и власти Рима, укрепляя социальную базу его господства. В качестве добычи основными стали не богатства, награбленные во время военных действий, а извлекаемые из покоренных стран ресурсы, в первую очередь зерно и некоторые другие продукты (вино, масло, рыбные соусы, копчения), а также металлы и ремесленные изделия, в частно-

<sup>240</sup> Обзор точек зрения дан в книге: Gruen E. *The Hellenistic World and the Coming of Rom*. Berkeley—Los Angeles—Lnd., 1984. Vol. I—II.

сти предметы роскоши. Частично все это взималось в виде податей, частично приобреталось на средства, выкачиваемые из той же провинции. Наконец, не последнюю роль играло и переселение в Рим не только рабов, но в свободных людей разных специальностей: врачей, учителей, художников, архитекторов, ученых, творческой интеллигенции и т.п.

Цели и результаты войн Рима, при некотором внешнем сходстве с колониальными войнами капиталистических стран, были на деле различны. Если последние развивали свою промышленность за счет колоний, тормозя их промышленный прогресс, то римляне после первоначального ограбления провинций стимулировали рост в них аграрного и ремесленного производств, продукцией которых снабжались города Италии, причем собственное ее производство постепенно деградировало. В сельском хозяйстве с распространением мелкого производства колонов преобладающими стали зерновые культуры как более простые, ремесло тоже примитивизировалось по сравнению с новыми и старыми торгово-ремесленными центрами провинций. Исключение составлял Рим, остававшийся крупнейшим производственным центром. Поступления извне путем войн или эксплуатации «внутренней периферии», то есть провинциального крестьянства, были необходимы, чтобы сохранять экономику городских общин на уровне, дающем возможность поддерживать хотя бы видимое единство сограждан и хотя бы минимально обеспеченное существование всех сочленов, сохраняя видимость их свободы, участия в управлении и «общей пользы» и «геометрического равенства» — обязательных условий сохранения античного строя. Здесь опять-таки экономика и политика нераздельны, но эта нераздельность определяется способом производства, основанным на всей системе античной гражданской общины.

Можно ли считать, что система эта с ее функциональными *ordines*, ее сословиями, сочетающими показатели происхождения и ценза (при превалировании в разное время то одного, то другого показателя) исключает наличие классов и классового антагонизма? Вряд ли с таким мнением можно согласиться. Учитывая, однако, что классы были не бессословные, а классы-сословия, и в той мере, в какой они совпадали с сословиями, они, как и все сословия в любом сословном обществе, не были однородны. Причем по мере эволюции и усложнения системы, дифференциация внутри сословий и классов-сословий усиливалась, члены одного и того же сословия вливались в разные классы. В известном смысле такой процесс свидетельствовал о начавшемся разделении класса как экономической категории от сословия как категории социально-политической, поскольку сословия опирались на свою социально-политическую функцию, лишь до известной степени совпадавшую с функцией хозяйственной, производственной, местом в производственных отношениях. Так, в раннем Риме плебей отличался от патриция ограничением в политических правах, но не отношением к средствам производства, к собственности. И плебеи, и патриции могли быть бедны или богаты, и плебей мог подвергнуться эксплуатации в индивидуальном порядке, потому что лишился земли, впал в долги и т.п., а не потому, что он был плебеем, то есть на таких основаниях, на каких эксплуатируется пролетарий, феодально-зависимый крестьянин, раб — вследствие принадлежности их к определенному классу, занимающему определенное место в производственных отношениях, в отношениях к собственности на средства производства.

Сословия формируются в обществе в целом, классы в наиболее чистом виде — в ведущей отрасли экономики: при капитализме — в промышленности, в доиндустриальных обществах, в частности и в Риме, — в сельском хозяйстве, причем влия-

ние процесса классового образования в таких ведущих отраслях на другие отрасли может быть более или менее значительно (при капитализме положение сельскохозяйственного пролетариата отличалось от пролетариата промышленного, в Риме — положение сельских рабов от рабов в ремесле и тем более в администрации, духовном производстве и т.д., причем здесь отличие было еще значительнее, поскольку разные слои рабов часто определяла не классовая, а сословная принадлежность). Так же в ведущей отрасли производства формировался господствующий класс (в Риме — крупных и средних землевладельцев), в доиндустриальных обществах более или менее совпадавший с высшими сословиями.

Таким образом, и в классовой структуре моменты политические и экономические более или менее совпадали. И если в капиталистическом мире только на высшей стадии развития классовой борьбы и классовой сознательности пролетариата он переходит от чисто экономических требований к политическим, то в античном мире, и в Греции, и в Риме, с самого начала выступлений демоса и плебса экономические и политические требования были неразделимы, так как только превращение человека в самостоятельного хозяина, владельца земельного надела, избавленного от необходимости работать на другого и подчиняться чужой воле, делало его свободным и полноправным членом как «гражданского», так и неотделимого от него «политического» общества.

Свобода и экономическая независимость нераздельными и взаимно обусловленными представлялись во все времена существования Рима. Недаром когда при Империи общество стало принимать все более иерархическую структуру и в положение клиентов и «младших друзей» стали попадать не только простые люди, но даже сенаторы, нуждавшиеся в покровительстве своих коллег, ближе стоявших к главе государства, ведущим в идеологии стало учение о свободе как отказе от материальных благ, делающем человека рабом того, кто властен их дать или отнять. Служить и получать «благоденствия», сохраняя достоинство и свободу, можно было только если в виду имелась некая политическая целостность. Лукиан доказывал, что служба императору (воплощавшему Республику) совсем не то, что служба патрону, а гражданин считал, что община (городская или сельская), которой он обязан отдавать свой труд и имущество, в свою очередь за счет богатых сограждан обязана ему «благоденствовать», кормя его и развлекая, давая ему заработок, заботясь о благоустройстве города, о бесперебойном снабжении его продуктами и т.п.

Взаимосвязь зависимости экономической с политической и моральной особенно наглядно иллюстрирует специфику античного мира. Она, кстати, предвосхитила и некоторые черты будущих феодальных отношений, элементы которых уже зарождались и развивались. Так, колонны, прекарисы, фруктуарии и т.п. работали на землях крупных собственников, даже еще будучи формально свободными, оказывались фактически на положении клиентов так же, как целые сельские общины, получившие какие-нибудь «благоденствия» от богатого соседа. Как видно из писем Плиния Младшего, одной эклоги Немезиана<sup>241</sup>, некоторых надписей, землевладелец разбирал тяжбы крестьян, делил между ними участки, строил им храмы, устраивал рынки, организовывал культовые коллегии. Особенно примечательно, что, судя по одному из писем Киприана Карфагенского<sup>242</sup>, если во время гонений на христиан середины III в. землевладелец представлял справку о принесенной им в храме жертве (а значит,

<sup>241</sup> Plin. Min. 3. 19; 7. 30; 9. 15; Nemesian. I. 52–55; Dig. 31. 77. 33.

<sup>242</sup> Сурпrian. Ep. 55. 13.

не был христианином), то это ставило вне подозрений и всех его рабов и колонов, то есть считалось само собой разумеющимся, что подобные клиентам колоны разделяют религию хозяина их земли так же, как за много веков до этого клиенты должны были разделять политические взгляды патрона и голосовать за него в народном собрании.

Думается, что из всего вышеизложенного можно сделать некоторые хотя бы гипотетические выводы. Во-первых, по-видимому, при попытке осветить проблемы античной экономики, ее соотношения с политикой и т.п. следует исходить не из большего или меньшего сходства с капитализмом в смысле степени развития товарно-денежных отношений, способности античного человека оценить и рассчитать выгодность тех или иных капиталовложений, возможных доходов, усовершенствований в области орудий и организации труда и т.п., а из принципиального отличия и специфики основы общества — античной гражданской общины с присущей ей формой собственности, что обуславливало специфику воздействия на данный социальный организм тех же товарно-денежных отношений, которые независимо от степени их развития не могли привести к тем же результатам, что при капитализме.

Во-вторых, особенность основы античного мира предопределяла более или менее полное (в зависимости от разных конкретных обстоятельств) совпадение производственных отношений с отношениями политическими, поскольку те и другие и в гражданской общине в целом, и во входящих в ее состав родственных, и территориальных общинах обуславливались разделением труда в управлении, организации, воинском деле, материальном и духовном производстве между архаическими функциональными сословиями — *ordines*, — обязанными трудиться на «общую пользу». Отсюда — теснейшая, вплоть до совпадения, связь экономики и политики, поскольку такая община могла эффективно функционировать и воспроизводиться, когда каждый гражданин, будучи владельцем своего надела и совладельцем всей общинной территории, участвовал в управлении ею, решал важнейшие вопросы о распределении собственности, войне и мире, законодательстве, управлении, сохраняя право на свободное волеизъявление, которого лишался человек, получивший землю или иные средства существования не от народа, а от отдельного лица как плату за труд. Отсюда же и особое понимание неразрывной связи гражданской и политической свободы, отличное от современного.

В-третьих, античное рабство было не первичным фактором, обуславившим особенности греко-римского общества, а, напротив, производным, сложившимся в ходе дальнейшего развития экономико-политического строя полиса и *civitas*. Наконец, особенности структуры античной системы с ее функциональными сословиями не предполагают отсутствия классов, однако анализ соотношения классов и сословий требует подхода, отличного от подхода к анализу бессловных классов капитализма.

И в заключение следует отметить, что упомянутые особенности определяли идеологию и основанную на ней культуру античного мира, прежде всего цели, которые ставили перед собой носители идеологии и культуры, идеалы, создававшиеся в разных сферах общества и в разное время. Видимо, неправомерно поступают исследователи, оценивающие античную науку, исходя из методов, достижений и целей современной науки, или античные представления о моральных идеалах по современным критериям. Иная структура, иное соотношение экономики и политики порождали особые духовные ценности, отнюдь не всегда поддающиеся оценкам с точки зрения наших ценностей.

## The Crisis of Historical Science: What is It?\*

Public opinion at present, excited by internal cataclysms, has generated a mighty wave of widespread interest in history, in particular Russian history. In addition, people have declared that Soviet historiography finds itself in a deep crisis and that it cannot give answers to the vital questions of present-day life.

The crisis itself is portrayed as a kind of disintegration, a collapse, the helplessness and even the death of the previous historiography. A. Ia. Gurevich believes that the crisis is manifested as follows: it is a drift toward the history of the economy, of political or legal institutions; a retreat into plain description with no serious attempt to explore deep-seated and event-driven meaning, and, in particular, human content; it is traditionalism in the statement of problems and in a fear of new problems, particularly those connected with culture and spiritual life; it reflects the obsolescence of the conceptual apparatus of historical science, a loss of the international status that had been achieved by our science before the Revolution. But the cornerstone of the crisis of Soviet historiography, it is thought, is the archaic character of Marxist methodology, which is not up to modern standards of world science<sup>243</sup>. It is hardly surprising, then, that many of our contemporaries are trying to find an answer to the burning questions of historical life not in current research by this country's professional historians but in the works of pre-revolutionary historians, the works of religious thinkers, and studies by our colleagues abroad.

Thus the conviction is spreading that historical science in this country is in deep crisis and is disintegrating as a natural consequence of the collapse of the Soviet social and economic system. Is this true? We cannot agree with the allegation that the field of Soviet historiography was fruitless, that all it accomplished was to grow a crop of scientific weeds. We could name a whole series of scientific trends — in this country's history as in foreign history, Oriental studies, historical anthropology, and ethnology — to which Soviet historians have made a substantial contribution.

But that is not even the main point. A definite shift of emphasis is taking place, one that distorts the very content of the concept "crisis of historical science." There is no question that the Marxist conception of world history, which long served as the methodological foundation of Soviet historical science, has grown obsolete and needs to be replaced. But how can we view the process of replacing one dominant conception with a different one as a crisis of historical science, as the disintegration and destruction of it? Quite the contrary: in our opinion it is a natural process of the self-development of a science.

In the history of Russian/Soviet historical science we can discern several critical junctures which determined its movement: in the early 1930s, the restoration of the system of historical education and historical research; in the mid-1950s, the revision of the dogmas connected with the cult of personality; and in the late 1970s and the early 1980s, a new view of the nature of socioeconomic formations. To be sure, the state of historiography in the late 1980s and the early 1990s is fundamentally different from all preceding periods. But it is inaccurate to portray the state of professional Marxist historiography exclusively as a stagnant swamp rather than as an entity that traversed several cycles of internal development.

\* Первая публикация: Current Problems of Historical Theory. Materials from a Round Table on 12 January 1994. Russian Studies in History. Winter, 1996–1997. Vol. 35. No. 3. P. 58–63.

<sup>243</sup> Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11; Он же. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

It is also inaccurate to assert that only this country's historical science is in a critical state, while the situation is relatively untroubled in European and world science. Can we argue that foreign historiography is dominated by one school or another (however influential), whether it be the second-wave or third-wave Annales school, Arnold Toynbee's historical philosophy of civilizations, the brilliant Frankfurt school, the theory of the industrial society, or Max Weber's sociological theory, reborn like a phoenix from the ashes? We cannot. Each of these schools, although it controlled the scholarly front for one or two decades, was nonetheless subjected to quite harsh and, as a rule, relatively well-argued criticism. But it would be naive, to say the least, to view that rivalry as an unhealthy condition, as it was depicted not so long ago in our theoretical literature. Quite the contrary: it is one of the most powerful factors in the development of historical science; it represents movement toward the kind of global history F[erdinand] Braudel attempted to realize — although, to be sure, not altogether successfully.

Any rejection of the undivided rule of Marxist methodology in our country's science and transition to methodological pluralism is a difficult, painful process, one that involves chopping off various outmoded methodological dogmas; it is also, however, beneficial. It is a process of establishing new ideas and conceptions.

One feature of the crisis of historical science is its excessive "actualization" of historical research. Unquestionably, research historians do not live in a vacuum; the reality that surrounds them not only shapes them as individuals and as specialists, it also determines, as a rule, the direction of their creative effort, the range of their research problems, and even their assessments of historical personages and events. Weber presented a fuller and better-argued demonstration than others have of the influence that an established system of values has on the researcher's endeavors. However, several researchers have gone further; those elements of objectivity of historical knowledge that Weber maintained they discarded, and subjectivism in approaches to history as determined by the situation contemporary to the historian attained undivided dominion. In its extreme form, this subjectivism found its manifestation in the well-known statement that "history is politics thrown backward into the past," and, in American historiography, in the emergence of the conception of "presentism" [*prezentizm*], in which the past is explained in terms of the needs of present-day politics.

American sociologist R. [C. Wright] Mills wrote that today's historians: "...*have no intention of limiting themselves to the study of history as a particular chain of past events. Their intention is to glorify the present. ... Clever historians today, fulfilling their social role as high-caliber journalists who have come into fashion and are attracting the public's attention to themselves, belong to that category of historians who are capable of interpreting the past in a new way more quickly than others ... in keeping with present-day moods and are more skillful than others in hunting down in the past (to meet the needs of today) the kinds of heroes and kinds of events which are more able than others to inspire optimism and heartfelt cheerfulness*". [Retranslated from the Russian — Ed.]<sup>244</sup>.

At present, Russian historical science is going through a similar vulgar period of making history current. Historical events and historical leaders are, in the broadest sense, being utilized in the interests of today's situation, present-day parties, movements, and various "fronts." History is basically being rewritten from the standpoint of the prevailing concerns of the moment, and, as a rule, for narrowly party or nationalistic purposes. This "actualization" of history tends to mean that scholarly research and assessments based on scrupulous

<sup>244</sup> Миллис Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 479.

research into historical facts are being crowded out by one-sided, loaded topical commentary serving narrow party purposes. Right now, leaders of the revolutionary movement are the targets of special attacks; from being national heroes, as they were until recently, they are being turned into ordinary criminals. Contrariwise, leaders of the conservative camp (and even what used to be called the reactionary camp) are being placed on a pedestal. It is not merely that new materials which have appeared and brought new circumstances to light are prompting a change in established assessments; rather, primarily, generally familiar material is being deliberately distorted to favor the fashionable new conception. The while heat of topical writing is a treacherous weapon. When it pursues personal, nationalistic, or party interests, it can lead to the outright falsification of history and inflict tremendous harm on born science and the national culture. This is why one of historians' most important tasks is to fight for objectivity in scholarly research, for the reconstruction of the past exactly "as it was" rather than the way it is represented from the standpoint of topical concerns. Any "actualization" of history is very dangerous, for it serves to deepen the crisis of historical science.

In connection with this, it is essential to rethink the theory that history rigidly and unequivocally predetermines the present and even the future. Unquestionably, the present grows out of the past, but this thesis must not be interpreted as a justification for interpreting the past from the standpoint of current politics and changing that interpretation depending on particular political shifts. Past events have already taken place, and thereby acquire a certain self-sufficiency, a value in and of themselves, a certain absolute content.

Genghis Khan built his great nomadic empire on blood; Ivan the Terrible strengthened the centralized state in iron and blood; Peter the Great put a bridle on Russia and turned her face to the West; and the English kings, through strength and treachery, conquered India and turned it into the most precious jewel in the English crown. The Roman legions, crushing everything in their path, conquered the vast space of the Mediterranean area. And all this has to be acknowledged as fact, with all its contradictory consequences. To be sure, new research and new materials may introduce correctives — sometimes, indeed, quite substantial ones — into the characterizations of these and other historical events; nevertheless, a precipitous change of plus signs into minus signs in assessing these events would do direct violence to the past; it would be a modern falsification of it.

The "actualization" of history is also manifested in the fact that historical events are becoming favorite plot elements for many writers, directors, journalists, and topical commentators. To a certain extent, this is natural. It is, however, preferable for the development of such plots in the mass media and in fiction to be based on a professional foundation, using sources, rather than being subject to manipulation in which particular, arbitrarily interpreted facts are taken out of their historical context.

Given the present state of historical science, there is a need for special discussion of the problem of the Marxist legacy. To be sure, even in the Soviet period not all historians worked according to the Marxist conception, but it was nevertheless the dominant, official doctrine in historical science. Now Marx's theory of social development not only has lost its official status but has in fact come to be viewed as hostile to the new post-Soviet regime. In both scholarly literature and the mass media, harsh critiques of Marxist propositions have been made. At the moment, evidently, the only people who can attain popularity among the public are those who distinguish themselves by their vehement criticism of Marxism, which is being equated with communism and fascism. Even at the end of the nineteenth century, G.V. Plekhanov wrote that no assistant professor [*dotsent*] of economics could be awarded the rank of professor in any German



university unless he could make two or three critical remarks against Marx's economic theory<sup>245</sup>.

Today's harsh criticism of Marxism is a natural reaction to its long period of domination as the official ideology. But the problem is not solved merely by "destroying" and rejecting Marxism. In fact, it is hardly possible to "destroy" a particular social theory through articles in newspapers and magazines. The problem is much more complex. It must be specifically noted that first-class research was conducted within the framework of Marxist theory, studies that have become part of the golden treasury of our national science (for example, the works of B. D. Grekov, N. M. Druzhinin, A. I. Neusykhin, S. V. Bakhrushin, S. D. Skazkin, E. A. Kosminskii, Iu. V. Got'e, N. I. Konrad, N. A. Mashkin, E. M. Shtaerman, and V. V. Bartol'd). It would also be foolish not to see that, within the framework of this theory, historical science began to focus its attention on various aspects of social development that for a long time had remained at the periphery of historical thought.

At present, numerous flaws and weak points have been discovered in Marxist historical theory. A feverish search is under way for a new theory that can replace the deposed historical materialism. This quest has proved to be a difficult business. Under conditions of the theoretical pluralism characteristic of Western historiography, various schools are offering their own visions on the world historical process: the new, third wave of the Annales school, with its primary focus on historical anthropology (J[acques] Le Goff, E[mmanuel] Le Roy Ladurie, and M[arc] Ferro); the conception of mathematical historical science, with its primary focus on quantitative principles of research ([Robert] Fogel and D. North); the new social history and the new economic history (N. McCloskey, M[ichel] Vovelle, and P[ierre] Chaunu); and present-day followers of the sociological theory of M[ax] Weber. To be sure, since the 1980s increasing recognition has been given to so-called synthetic theory, which supposedly combines the strengths of all the above schools — a theory of all-encompassing cultural anthropology. This process is still far from complete, but the main point is that this methodological approach is difficult to realize in actual historical research.

The materialistic interpretation of history, although it may have lost its official, dominant status, still holds and will continue to hold a place in the many-hued diversity of historical doctrines, and several of its elements will continue, in one form or another, to form part of the general edifice of modern historiography and methodology of history, especially in analysis of social and economic relations.

## **К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской державе\***

Город Рим, основанный по преданию в середине VIII в. до н. э., впоследствии стал завоевателем и организатором огромной державы, превратился в административно-политический и культурно-религиозный центр всего Средиземноморья, столицу ми-

<sup>245</sup> Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938. С. 122.

\* Первая публикация: Рим. Константинополь. Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. М., 1997. С. 41–53.

ровой империи. С эпохи Августа (рубеж I в. до н. э. — I в. н. э.) вокруг Рима стала разрабатываться концепция особой провиденциальной исторической миссии Рима, к концу III в. оформившейся в виде культурно-политической теории, из которой (в трансформированном виде) развилась концепция абстрактного Рима и которая зажила своей особой жизнью, могла быть перенесена и была перенесена на столицы других великих держав, в частности, столицу Византии Константинополь и столицу Российского царства — Москву. Любопытно, что если в Византии и России разрабатывалась и реализовывалась концепция Рима как столицы великой державы, в Западной Европе была воспринята концепция Римской империи как государственного образования в целом, в то время как роль Рима как столицы отходила на второй план.

Краеугольным камнем концепции I Рима стало понятие прежде всего столицы огромной многонациональной, созданной в результате завоеваний мировой державы. Следует с самого начала отметить, что само по себе понятие столицы, как оно понимается в настоящее время, в древности нельзя считать устоявшимся и определенным. В странах древнего Востока столица — это прежде всего резиденция монарха и его главного божества-покровителя, то есть, прежде всего, политический и религиозный центр, причем таких резиденций могло быть несколько (например, Мемфис, Фивы, Ахетатон, Пер-Рамсес в Египте, Персеполис, Сузы, Вавилон, Экбатаны в Персии, и т.д.), или они могли переноситься (Ашшур, Ниневия, Дур-Шаррукин в Ассирии, и др.). Для греческих полисов, италийских цивитас центральный городок был не столицей, а средоточием всякой жизни: общественной, политической и культурной.

Для крупных эллинистических государств понятие столицы начинает формироваться, но этот процесс еще не вышел за пределы первых шагов, поскольку эллинистические столицы воспринимались как временные и в значительной степени как эфемерные резиденции правителей, которые могли довольно быстро перемещаться, например, Вавилон, Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре у Селевкидов или быть достаточно инородным образованием для страны как Александрия в царстве Птолемея.

Лишь в Римской империи можно говорить о формировании понятия столицы как с незапамятных времен возникшего города, так сказать, естественного центра политической, общественной, культурной и религиозной жизни всей страны, как олицетворения мощи и вечности государства, общества и культуры, цивилизации в целом. В сущности говоря появление такого понятия было выражением высокого уровня античной цивилизации в целом, концентрировало многие направления развития античной государственности и культуры. Формирование такого фундаментального понятия заняло и не могло не занять довольно продолжительный промежуток времени.

Но, прежде всего, следует сказать о том, что, видимо, далеко неслучайным является возвышение именно Рима, а не, скажем, Тускула, Медиолана или Тарента в качестве будущей столицы сначала Италии, а затем и Средиземноморья. В определенной степени это было запрограммировано особенностями срединного расположения Рима в географическом центре Италии — 42 градуса северной широты (географические границы Италии от 46 градусов в Альпах до 38 градусов на юге Аппенинского полуострова). Расположенный в самом центре Тирренского побережья, на берегу самой крупной реки полуострова — Тибра, который глубоко проникает в центральные области Италии, на одной из самых нужных для жизни человека торговых магистралей — соляной дороги и в то же время недалеко от морского побережья Рим был, прежде всего, естественно-географической столицей Италии, как бы самой природой предназначенный к своей будущей исторической миссии.

Можно выделить несколько этапов в истории возвышения и формирования Рима как столицы. Первый этап был, видимо, самым продолжительным по времени, он растянулся на пять долгих столетий, собственно с возникновения первого поселения в VIII в. до н. э. до превращения Рима в господствующую общину объединенной Италии в сер. III в. до н. э. В VIII–VII вв. до н. э. Рим — обычный родовой поселок, мало чем отличающийся от других латинских городков: Пренесте, Тибура, Тускула, Альбы-Лонги и т.д.

Положение стало меняться с VI в. до н. э., когда начинаются римские завоевания. В их ходе Рим не так уж редко терпел и поражения, подвергался разрушениям, тем не менее, общий баланс военных столкновений был в пользу римской общины, которая в конечном итоге стала ядром нового государственного образования, римско-италийского союза, объединявшего Аппенинский полуостров. Под политической властью Рима оказалось несколько сот более мелких и ранее самостоятельных государственных, полугосударственных и племенных образований. Со стороны последних Рим рассматривался как господствующий город, выдвинувшийся недавно, как бывший противник или как равноправная сторона, которая в силу завоевания, политического принуждения, добровольного союза или каких-либо иных обстоятельств был признан господствующим. Концепция принудительной федеративности римско-италийского союза базировалась на заключении договоров между Римом и многочисленными общинами Италии, которые при всей их неравноправности и очевидном приоритете Рима подчеркивали, что Рим признается господствующим партнером, но все-таки союзником, т.е., одним из политических центров Италии. Тем не менее, уже в этот период накапливаются некоторые элементы будущей столицы. При сохранении разного типа союзных отношений и теоретическом партнерстве членов федеративного образования союзники передают в ведение Рима внешнюю и военную политику, т.е. важнейшие функции государственной жизни, рассматривая Рим уже как некий политический центр, выступающий и от их имени и по их добровольному или принудительному согласию. Принципиальное значение, с нашей точки зрения, имела аграрная политика Рима, а именно, конфискация по праву завоевания у многих союзников до 1/3 пахотной земли в пользу Рима, превращение ее в агер публикус и выведение на нее колоний римского и латинского права, которые юридически рассматривались как органическое продолжение Рима, его территории, гражданства, управления и религии. Принципиальное значение имело распространение римского (полного и неполного) гражданства в Италии и дарование ряду италийских общин прав муниципиев, что стало своего рода распространением собственно римской территории, римских обычаев и культуры, стало быть, превращало Рим в родной город, город-мать по отношению к дальним колониям или муниципиям. Следует отметить и другой процесс, хотя для этого периода и довольно замедленный. Распространение прав римского гражданства среди населения италийских городов не могло не способствовать известной циркуляции населения, в частности, переселению части новоиспеченных римских граждан, главным образом, аристократии, из своих прежних мест в город Рим, что не могло не вносить в жизнь собственно Рима обычаев и традиций иных италийских центров.

Второй этап формирования Рима как столичного центра охватывал период римской и средиземноморской истории с середины III в. до н. э. до времени Августа. Его наиболее характерными особенностями является внутренняя трансформация Италии, ее экономики, социальных, политических отношений и культуры на основе завоевания римлянами многих средиземноморских стран. Внедрение в экономику Италии отношений классического рабства, приток рабов и материальных ценностей

в Италию из вновь завоеванных провинций способствовало созданию эффективной экономики, как в деревне, так и в городах, интенсивной урбанизации и общему экономическому подъему Италии в целом и тем самым ее известному экономическому объединению. Естественным последствием этого процесса стала унификация социальных отношений, а стало быть, и стирание политических и культурных различий городов, общин и племенных территорий Италии, т.е. формирование ее политической и культурной однородности. Конечно, этот процесс проходил далеко не идиллически и был лишь конечным результатом острых политических и военных столкновений (например, кровопролитная союзническая война 91–88 гг. до н. э.). Социально-экономическое и культурно-политическое сближение различных частей Италии проходило под очевидным общепризнанным руководством именно Рима, и совершенно справедливо этот процесс унификации Италии определяется как романизация Италии, и наиболее ярко он проявлялся в том, что требованием всех жителей Италии было не укрепление независимости или даже автономии своих общин, а, напротив, в еще большем слиянии с Римом, в принятии всеми италиками римского гражданства в его наиболее полной форме. На этом фоне Рим все более выдвигается в качестве общепризнанного и законного центра притяжения и объединения.

После союзнической войны жители Италии получили права римского гражданства, а римско-италийский союз превратился в принципиально иное политическое образование, так сказать, италийскую общегражданскую общину, которая стала своего рода правопреемником римской цивитас. Стало быть, и город Рим, центр римской цивитас, в рамках нового политического образования — Италийской цивитас — стал рассматриваться как средоточие всей Италии, ее административное, культурное, религиозное и в определенной степени и экономическое ядро. Однако данная историческая ситуация не была простым повторением и воспроизводством ситуации порядков города-государства, полиса-цивитаса. Если в мелких общинах или полисах классического (и эллинистического) типа центральный город — это, как правило, единственный город, то в Италии существовало множество крупных городов (Капуя, Тарент, Тускул, этрусские города и мн. др.). Вот почему возвышение Рима в объединяющейся Италии было вместе с тем утверждением его именно как города центрального, рядом с которым существуют многие другие города, которые рассматривают Рим не как враждебный или равноправный, но как особый, столичный.

Но Италия во II–I вв. до н. э. не покрывала все римское государство. Римская республика II–I вв. до н. э. — это средиземноморская держава, в которой Италия лишь центральная часть, наряду с которой существуют и провинции. Завоевание Римом заморских провинций проводилось не только силами собственно римских граждан, но и италийских союзников, освоение обширных завоеванных территорий в политическом и экономическом отношениях опять-таки проводилось не только собственно римлянами, но также и италийцами. Естественно, италики, завоевывающие в составе римских армий те или иные области Средиземноморья, а затем осваивающие их экономически, были вместе с тем соучастниками захваченной добычи и выкаченных из провинций богатств, которые были использованы для вложений в хозяйство, строительство и украшение италийских городов, развитие своей культуры. Иначе говоря, завоевание Римом средиземноморских стран еще более консолидировало собственно Италию, объединяло Италию во главе с Римом в единое целое перед лицом провинциального населения Средиземноморья.

В связи с этим меняется структура связей между Римом и Италией в целом. Вместо рыхлой федерации, предполагающей известную самостоятельность частей во главе с господствующим партнером, Италия к середине I в. до н. э. превращается

в единое политическое, экономическое и культурное целое, противостоящее и питающееся за счет средиземноморских провинций, а город Рим рассматривается в качестве законной, признанной и естественной столицы. Но объединение Италии вокруг Рима было многообразным процессом — включало кроме экономической и политической также и культурную и религиозную консолидацию, интенсивный обмен историческим и культурным опытом италийских племен и народностей между собой, но особенно между собой и городом Римом. В растущую столицу переселяются наиболее талантливые представители со всех уголков Италии. Многие наиболее талантливые представители римской литературы II—I вв. до н. э. были выходцами из разных городов Италии (Ливий Андроник, Плавт, Энний, Цецилий Стаций, Акций, Катулл, Вергилий и т.д.), но жили и творили в атмосфере именно столичного города и именно эта атмосфера способствовала раскрытию их талантов.

Во II—I вв. до н. э. Рим постепенно приобретает свойства столицы Италии, но не средиземноморской державы. Италия во главе со своей столицей Римом занимала господствующее положение над политически бесправными и беспощадно эксплуатируемыми провинциями, которые официально рассматривались как доходные поместья римского (италийского) народа, как завоеванные, т.е. предназначенные к грабежу территории. Для провинций Рим не был столицей, он выступал как город-завоеватель, как город-насилъник, как город чуждый и враждебный.

Вместе с тем, можно видеть и первые признаки будущей романизации и собственно римских провинций. Прежде всего, они проявились в том сильном эллинофильстве и увлечении греческой культурой, которую можно видеть в среде римской аристократии, начиная со Сципиона Старшего и кончая Цицероном. Насколько глубоко оно проникло в недра римского общества, включая его средние слои показывает, с одной стороны, эллинизация римского пантеона и придание ему довольно заметного олимпийского характера, проникновение эллинистических (культ Великой матери богов и др.) божеств, с другой стороны, самая широкая популярность театральных представлений, греческих комедийных сюжетов и сильное воздействие греческой и эллинистической литературы на римскую.

Во время завоевания греческих и эллинистических городов римляне захватывали множество статуи, рельефов, картин, собраний греческих книг, которые естественно оказывали большое влияние на развитие италийской и римской культуры. Можно говорить о заимствовании ценного опыта Карфагена в области военного дела, техники, торговли, ведения рационального сельского хозяйства. В господствующих слоях римского общества и государства вызревает новая концепция римского государства, которая предполагает более органичное включение римских провинций в структуру державы, выдвигается идея романизации провинций (например, у Цицерона и Цезаря).

Третий этап формирования Рима как столицы державы охватывает период ранней Римской империи, включая династию Северов. Для этого времени характерен процесс интенсивной романизации средиземноморских провинций, т.е. распространение сложившихся на территории Италии отношений классического рабства, рациональной рабовладельческой экономики, связанных с ней форм собственности, социальных отношений, государственности и культуры. Интенсивный процесс романизации привел к определенному выравниванию социально-экономического и культурно-политического уровня Италии и провинций, создание некоторого экономического единства, социальной консолидации господствующих классов средиземноморского общества, приемлемой для них формы имперской государственности, создание синкретической средиземноморской цивилизации. Конечно, проблема

социально-экономического и культурно-политического единства ранней Римской империи дискуссионная и многогранная. Отметим лишь несколько моментов имеющих принципиальное значение для Рима как столицы империи. Первый из них — это создание имперского господствующего класса, как на уровне аристократии, так и местной знати, так называемых куриалов. Это любопытный и знаменательный феномен социальной истории Империи I–II вв. н. э., когда практически исчезло понятие провинциальной знати как явления неполноценного и неполноправного в социально-политической отношении. Какой-нибудь сирийский, африканский или паннонский аристократ к концу II в. н. э. считал себя таким же полноправным членом общеимперского господствующего сословия, как и родовитый римский или италийский нобиль. Неудивительно, что цитадель имперской аристократии — римский сенат — включал в свой состав многих представителей высшего средиземноморского общества, а на троне римских императоров появляются выходцы практически из всех римских провинций (Испании, Африки, Галлии, Паннонии и др.). Другим важнейшим явлением социальной и политической унификации Империи было распространение прав римского гражданства на все свободное население Империи (эдикт Каракаллы 212 г.), т.е. создание единого гражданства, наделенного определенной совокупностью прав. И третьим принципиальным моментом является экономическая стабильность, хозяйственный подъем, интенсивный рост городов и городской жизни, известное благосостояние широких кругов Империи. Естественно, все эти важнейшие явления в жизни империи вели к общей консолидации общества, государственности и культуры, рождали психологию имперской гордости и удовлетворения. И основным ядром, своего рода двигателем великой и процветающей Империи естественным образом являлся Рим, местопребывание императора и его двора, повелевающего миром. Рим уже не рассматривается, не говоря уже об Италии, но и провинциями как город-завоеватель, чуждый или даже ненавистный, а как естественный мудрый руководитель, признанный как олицетворение средиземноморского государства, как воплощение цивилизованного образа жизни, символ мощи, богатства и культуры, средоточие лучших интеллектуальных сил. В Рим переезжают и обосновываются, заседают в сенате не только провинциальные аристократы (по эдикту Траяна попавшие в сенат провинциалы были обязаны приобретать земли в Италии и, так сказать, пускать там корни). Рим аккумулирует лучшие творческие силы провинции.

Рим как признанная столица Средиземноморья получает идеологическое обоснование в философско-географической концепции Плиния Старшего, который рассматривает Италию (и ее олицетворение — Рим) как естественный центр всего цивилизованного мира, самой природой и божественным провидением поставленный в центр всего Средиземноморья, и как таковой наделенный благоприятным климатом, громадными природными богатствами, самыми плодородными почвами, лучшими растениями, животными, самыми деятельными людьми, который щедро, по-матерински, распределяет все лучшее среди средиземноморских стран. Для Плиния Старшего Италия — «кормилица и родительница всех стран», «она за короткий срок сделалась единой общей родиной для всех племен и всей ойкумены» (III. 39). Таким образом, Рим как олицетворение Италии — это естественный, законный центр ойкумены, средоточие ее лучших сторон, освященный богами и провидением, а не нечто навязанное силой, завоеванием, а не только местопребывание высшей власти.

В I в. постепенно вызревает, а во II в. получает завершение понятие вечности римского народа, вечности Рима, а Рим определяется как вечный город.

Идея вечности Рима — это фундаментальная идея, за которой стоит продолжительная история самого Рима как такового, теряющаяся во мраке веков вплоть

до Энея, связанного с историей древней Трои и древних микенских царств. Идея вечности Рима — это идея, созданная трудом бесчисленных поколений цивилизованной культуры, противостоящей варварству, идея ее мощи и несокрушимости в будущем. Как вечный город Рим противостоит всем столицам прежних царств, которые были лишь временными по сравнению с вечным городом. Идея вечности стала одним из краеугольных камней концепции Рима как универсальной столицы.

Органической частью концепции Рима как естественной столицы средиземноморской империи было стремление верховной власти превратить Рим в крупнейший в Империи культурный и религиозный центр. Эта задача стала одной из самых тяжелых для римских императоров. Ведь Рим, собственно говоря, никогда до Августа и не был центром культуры и даже не претендовал на эту роль. Даже самые талантливые римляне такие, как Цицерон, Варрон, Вергилий и многие другие отдавали себе отчет в этом, и не ставили Рим как центр образования и культуры в один ряд, например, с Афинами, Родосом, Александрией, Антиохией. Лучше всего подобное настроение было сформулировано великим Вергилием в его чеканных стихах: Энеида. II. 848-854.

Смогут другие создать изваяния живые из бронзы,  
Или обличье мужей повторить во мраморе лучше,  
Тяжбы лучше вести и движение неба искусней  
Вычислять иль назовут восходящие звезды, — не спору;  
Римлянин! Ты научись народами править державно —  
В этом искусство твое! — налагать условия мира,  
Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Как можно видеть, Вергилий отдает пальму первенства в области культуры другим народам, в частности грекам, высшую цель Рима он видит в политическом и военном господстве.

Однако, в I-м и особенно II-м вв. концепция изменилась. Рим, ставший естественной столицей, центром управления, средоточием лучших интеллектуальных сил Средиземноморья претендует уже и на положение крупнейшего культурного центра Империи. Это выражается во многих направлениях культурной политики Империи. Прежде всего, в Рим приглашаются или съезжаются наиболее талантливые представители провинциального населения, причем многие из них приближаются к императорскому двору и достигают высокого положения. Здесь можно ограничиться лишь некоторыми примерами. Прежде всего, следует сказать о мощном «испанском десанте» в Риме в I в. н. э. Сенека-отец и Сенека-сын, их племянник Лукан, Марциал, Квинтилиан, Колумелла, греки Федр, Плутарх, Эпиктет, Лукиан, Страбон, Дион Хрисостом, Аполлоний из Дамаска, Иосиф Флавий, Апулей из Африки и многие другие. Пребывание в Риме для многих из этих выдающихся мыслителей было не просто данью моды, а настоящей творческой школой, в которой совершенствовались их талант независимо от того, оставались ли они в Риме навсегда или возвращались на родину, как, например, Марциал, Иосиф Флавий или Плутарх. В I–II вв. Рим становится одним из крупных центров философской мысли в Империи. При Флавиях создалась даже настоящая философская оппозиция, многие из представителей которой были насильственно высланы из города. В Риме создалась одна из лучших философских школ позднего стоицизма, представленного такими именами как Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. Можно назвать целый ряд выдающихся деятелей античной цивилизации в целом, которые жили и творили в Риме, определяя высший уровень мастерства в своих жанрах: историки Тит Ливий, Кремуций Корд, Иосиф Флавий,

Корнелий Тацит, географы Страбон, Помпоний Мела, ораторская школа Квинтилиана, медицинская школа Галена—Корнелия Цельза, астрономическая школа Клавдия Птолемея, агрономическая школа Колумеллы, создан энциклопедический труд Плиния Старшего и мн. др.

Целенаправленная политика императоров способствовала созданию в Риме лучших библиотечных собраний того времени. При строительстве прекрасных римских форумов, таких как Форум Августа и Форум Траяна неперменной частью их величественных архитектурных ансамблей были здания библиотеки, которые курировали сами императоры. В дворцах римских сенаторов библиотека становилась необходимой принадлежностью быта хозяина. Библиотеки были при многочисленных римских термах, которые имели специальные помещения для чтения и бесед с философами и выполняли до известной степени роль дискуссионных и образовательных клубов. Заслуживает особого внимания политика императоров по реформированию всей системы образования и превращения Рима в крупнейший образовательный центр империи. Четкое выделение трех ступеней образования: школа, школа грамматика и школа ритора создавали лучшую в античности законченную систему начального, среднего и высшего образования. Именно в Риме были созданы специализированные (мы бы сказали вузы) учебные заведения типа медицинских школ Галена—Сорана или знаменитые школы римского права Прокула и Сабина. Наконец, любопытным примером продуманной культуртрегерской политики верховной власти является учреждение императором Адрианом римского Атеней, который должен был затмить Александрийский Мусейон и афинские философские школы (Академию, Ликей, Сад Эпикура).

В целом можно говорить о превращении Рима в мощный культурный центр, который должен стать таковым согласно принятой концепции Рима как естественной столицы Средиземноморского мира. Естественным дополнением и реализацией этой концепции было превращение Рима также в своего рода религиозный центр огромной и многоконфессиональной империи. Эта задача была особенно сложной, поскольку римская религия была механическим конгломератом множества религиозных систем, верований и традиций. Эту задачу императоры I–II вв. решали целенаправленно и терпеливо, проявляя повышенный такт и государственную мудрость. Основы этой политики были заложены Августом. Август начал с поддержки и реставрации всех религиозных культов, как в Риме, так и в империи, выступая в качестве, так сказать, верховного покровителя всех культов. Именно при Августе в Риме был построен Пантеон, который рассматривался как храм всем богам. Могущество Рима было обожествлено и персонифицировано в особом божественном культе, который ассоциировался с гением императора. После Августа проникновение провинциальных божеств и их культов, особенно культа малоазийской Великой Матери, египетских Изиды и Сарapisа, иранского Митры, иудейского Яхве и др., было постоянным явлением. Город Рим постепенно наполняется провинциальными культурами, превращаясь в своего рода космополитический религиозный центр. Естественным и закономерным явлением было очень ранее возникновение в Риме христианской общины, которая стала не только одной из самых ранних, но и самых влиятельных в Империи уже в конце I в. н. э. Любопытным примером религиозного синкретизма является домашняя часовня императора Александра Севера, в которой находились вместе изображения Юпитера, Митры, Яхве, Иисуса Христа.

Наконец, и чисто внешне Рим представляет собой в I–III вв. особый город в чисто архитектурном отношении. Это самый крупный по населенности город, насчитывавший более миллиона жителей, представляющих собой пеструю смесь жителей



из всех частей римского государства. Вместе с тем это самый благоустроенный город, с великолепными форумами, храмами, комплексами императорских дворцов, замечательными архитектурными и скульптурными памятниками, общественными сооружениями и термами, имеющий прекрасную канализацию, снабжаемый великолепной питьевой водой. Рим действительно становится одним из красивейших городов Средиземноморья, который поражал любого провинциала своим художественным великолепием и вместе с тем наполнял гордостью за то, что его столица Рим является таковой. Аммиан Марцеллин красноречиво передает то чувство удивления и восхищения красотой Рима, которое испытал при его посещении император Константин II и сопровождающий его персидский царевич Ормузд в сер. IV в. (XVI. 10. 15–16).

Эдикт Каракаллы 212 г. был своего рода последней точкой в утверждении Рима как естественной и признанной юридической столицей средиземноморской многонациональной империи, в принципе населенной римскими гражданами.

Последний период в жизни Рима как столицы Римской империи охватывает два ее последних столетия. В Риме III–IV вв. окончательно стираются следы его латинского и италийского происхождения с их специфическими традициями. По составу населения, экономическим связям, социальной структуре, составу административного аппарата, культуре, образу жизни Рим выступает как космополитический центр именно Средиземноморья, впитавший в себя его традиции и рассматриваемый большей частью его населения (будь то сирийцы или британцы, фракийцы или мавританцы) как их центр, как символ общей государственности и цивилизации, что отнюдь не отрицает существования реального сепаратизма, время от времени отрывавшего одну за другой части от единого тела империи. Императорские резиденции как местопребывание высшего эшелона государственного управления в целом или его отдельных частей могли быть перенесены в другие города (Никомедию или Медиолан, Равенну, Сирмию или Трир, в новый город Константина), но это не колебало завоеванное в длительной эволюции положение Рима как вечного города, естественной и общепризнанной столицы, как средоточия римской государственности и римской цивилизации в целом. Напротив, такие переносы императорских резиденций из Рима в другие города в IV в. лишь подчеркивали столичную роль Рима, хотя, конечно, не могли не подтачивать его основы. В этом отношении глубоко символический факт разгрома Рима полчищами Алариха в 410 г. Различные императорские резиденции в других городах могли быть взяты и разграблены, но эти события воспринимались общественным мнением как факты обычной, повседневной истории. Но взятие Рима для такого тонкого мыслителя как Аврелий Августин означало событие космического значения именно потому, что город Рим и никакой другой был вечным городом государства земного как настоящая и единственная столица его, как воплощение наиболее характерных черт образа жизни, государственности, идеологии и культуры всего античного мира. С точки зрения Августина разгром Рима — это итог всего развития языческого мира и начало нового космического этапа. В этом новом мире Рим утратил моральное право быть вечной, естественной, освященной богами столицей. В сущности говоря, эта концепция находила свое обоснование в том, что на берегах Боспора Фракийского набирал силу Новый Рим, основанный Константином, императором милостью божьей, сделавшим для торжества христианства столь многое. После разгрома 410 г. и новой идеологической интерпретации роли старого и нового Рима началась новая жизнь города Рима в системе Рим — Италия, Рим — империя, Рим — ойкумена.

Из реальной космополитической столицы средиземноморского мира город Рим превращается (с течением времени) в идеологический и абстрактный символ антич-

ной цивилизации, прошлой высокой культуры и великой государственности, наследие которого бесценно и желанно для всех будущих поколений. Иначе говоря, именно в V в. создались реальные условия для того, чтобы этот абстрактный символ, отделившись от реального исторического Рима, мог быть перенесен в его наиболее характерных свойствах на другую столицу крупной многонациональной державы. Эстафету исторического Первого Рима принял Новый Рим — будущий Константинополь, который воспринял многие концептуальные положения Первого Рима. После же захвата Константинополя турками и падения Византии, концепция Рима была подхвачена и развита применительно к новым условиям Москвой как столицей формирующегося русского многонационального государства.

Подводя некоторые итоги можно наметить основные черты идейно-политической теории Первого Рима. Рим — это столица крупного многонационального государства, политический центр, резиденция центрального аппарата управления, это место пребывания высших прослоек господствующего класса, собранного со всех областей империи. Это крупнейший по своим масштабам и населению город, ведущий культурный центр, сосредоточие лучших интеллектуальных сил государства, религиозный центр, это город, воспринимающийся как олицетворение могущества, величия и красоты общества, лучших его традиций, идеологически и психологически воспринимаемый как естественный центр для каждого входящего в державу народа или региона.

Распространение концепции Рима на какой-либо другой город (Константинополь в Византии, Москва в Российской державе) означало, что при всех исторических модификациях в рамках новой великой державы данный город достиг такого же статуса как Первый Рим или на него претендует.

## Этика труда в античности\*

### 1. Древняя Греция

Человек начал трудиться с самого выделения из царства природы, своего первоначального животного состояния. Однако этот труд носил повседневный инстинктивный характер, он диктовался элементарными, но могущественными законами выживания и носил скорее характер добывания пищи, чем осознанного труда. Понимание труда не просто как добывания пищи, а как деятельности, контролируемой и направляемой сознанием и одухотворенной некими нравственными правилами, потребовало значительного усложнения как собственно производственной деятельности (т.е., добывания материальных благ для продолжения рода), так и собственно культуры, как некоей искусственно созданной среды, которая эту производственную деятельность трансформировала из животных инстинктов в сознательную, собственно человеческую деятельность. Именно тогда должна была начаться рефлексия: что такое трудовая деятельность, в чем ее цель и кто должен ею заниматься?

---

\* Публикуется по изданию: Этика и организация труда в странах Европы и Америки. Древность, средние века, современность. М., 1997. С. 35–64. Впервые статья напечатана в журнале Вопросы истории (1996. № 8. С. 31–45) под названием «Трудовая этика и античный полис».

В раннем греческом обществе такие рассуждения впервые появляются в поэмах Гомера, в основном созданных, видимо, на рубеже IX–VIII вв., но содержащих сильные реминисценции о временах более ранних. Эти первые рефлексии о смысле трудовой деятельности оказались направленными на осознание различий в трудовой деятельности разных слоев населения и распределения среди них разных функций. Так, масса народа Должна была пахать землю, пасти скот, заниматься ремеслами, а другая часть должна была охранять границы, вести войну, и за это она должна была оплачиваться трудовым народом:

«Главк! Почему между всех наиболее нас отличают местом почетным и мясом и полной на пиршествах чашей в крае ликийском и как на бессмертных богов на нас смотрят?

Мы и участком обширным владеем на берегу Ксанфа лучшей земли, и с садом, и с пашней, родящей пшеницу.

Нужно поэтому нам и в передних рядах находиться, твердо стоять и без страха кидаться в кипящую битву» (Ном. II. XII. 310–316).

Выделение особого военного пласта в трудовой деятельности — это, видимо, самое начало размышлений о процессе труда и необходимости разумного разграничения его разных направлений. И дело здесь не только в некоем захвате привилегий и, если хотите, паразитизме аристократии. Выделение военной функции в трудовой деятельности — это взаимовыгодный рациональный процесс, обогащающий общую трудовую деятельность; это разделение воспринималось как богоданный, т.е., справедливый феномен.

Более сложными были рефлексии о смысле трудовой деятельности основной массы населения, можно сказать, основных производителей. Кто они, для чего и как трудятся, как к ним относятся всемогущие и справедливые боги? В эпоху Гомера этого вопроса в обществе, видимо, не ставили; вернее, он воспринимался весьма элементарно: этот народ земли должен обслуживать военную аристократию во всех смыслах, так сказать, не мудрствуя лукаво, вот это и есть высший моральный смысл их жизни и трудовой деятельности.

Мораль гомеровских героев, отражающая менталитет греческой аристократии VIII в. до н. э., впоследствии трансформируется. VIII–VI вв. были временем становления греческого полиса, коллектива граждан, в составе которого заняли свое место и потомки гомеровских героев<sup>246</sup>. Социальный слой гомеровских басилеев превращается в сословие архаической греческой аристократии. Здесь нет необходимости останавливаться на дискуссионной проблеме о формировании архаической греческой знати. Это задача специальных исследований. Заметим лишь, что в процессе формирования полиса происходило изменение социально-политических функций раннегреческой аристократии: на смену аристократической, в частности, колесничной военной организации приходит фаланга гоплитов, состоящая из граждан среднего достатка. Рост политического значения народных собраний ослаблял и властные функции аристократического слоя<sup>247</sup>.

<sup>246</sup> Ленская В. С. Аристократический этос в архаической Греции. Рукопись канд. дисс., М., 1995.

<sup>247</sup> О становлении греческого полиса существует огромная литература. Назовем лишь некоторые работы: Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. М., 1976; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988; Античная Греция. Т. I. М., 1983; Finley M. Early Greece. The Bronze and Archaic Ages. L., 1970; Jeffery L. Archaic Greece. The city-states c. 700–500 B. C. L., 1976; Starr Ch. The Economic and Social Growth of Early Greece 800–500 B. C. N.Y., 1977; Sakelariu M. B. The Polis-state. Definition and Origin. Athens, 1989. Кроме указанных работ, рассматривающих роль аристократии обстоятельно,

В этих условиях аристократия меняет свой образ жизни и моральные традиции. Лирические поэты VII–VI вв. (Архилох, Феогнид, Алкей, Сапфо, Анакреон) отражают эту новую мораль, призывая не к воинским подвигам или политическим свершениям, а к праздному времяпрепровождению, уладам любви, наслаждениям молодостью и красотой. Иными словами, в этике начинают проявляться элементы гедонизма, потребительства и паразитизма. Трудности военных походов, политические разборки, уже не говоря о земледельческой деятельности, рассматриваются как нечто недостойное родовитого аристократа. Основные принципы этого аристократического этоса сохранялись у значительной части греческой аристократии в VI–V вв. до н. э.

Однако уже на рубеже VIII–VII вв., то есть на заре греческой архаики, произошел огромный сдвиг, настоящий прорыв в осмыслении более широких пластов трудовой деятельности и была представлена определенная моральная рефлексия о смысле трудовой деятельности основного производителя, мелкого земледельца, трудом которого создавались материальные блага, за счет которых и жили все социальные слои греческого общества. Эти размышления развивались Гесиодом в его поэтическом произведении «Труды и дни».

Если Гомер — это, скорее, легендарный рапсо́д, реальное существование которого пока не подтверждено, то Гесиод — это вполне историческая личность, в сущности, первый авторский поэт в истории греческой литературы. Гесиод был рапсо́дом, поэтом, участвовал в состязаниях рапсо́дов, т.е., был профессионалом на поэтическом поприще, но вместе с тем он был и земледельцем, собственником земельного участка, который сам же обрабатывал, занимался продажей своих продуктов, т.е., был хозяином, который знал хозяйственную жизнь как ее непосредственный участник. Это редкое, может быть, уникальное сочетание в одном лице крестьянина с его особой психологией и поэта, склонного к философскому рефлексированию, позволило Гесиоду создать удивительно глубокое произведение — поэму «Труды и дни», в которой была предложена целая философия трудовой деятельности основного труженика — земледельца<sup>248</sup>.

Гесиод рассматривает земледельца как человека свободного, т.е. независимого от какого-либо другого человека, коллектива или общины в целом. Он достаточно зажиточен, во всяком случае, успешно отводит угрозу голода и может себе позволить вывозить свои продукты на рынок. Он владеет участком земли если не на правах частной собственности (это понятие в эпоху архаики, видимо, еще не сформировалось), то на правах достаточно полного распоряжения и использования. У него дом,

---

можно указать также: *Курбатов А. А.* Аристократия в социально-экономическом развитии архаической Греции. Астрахань, 1994; *Arnheim M.* Aristocracy in Greek Society. L., 1977; *Greenhalgh P.* Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in Homeric and Archaic Ages. Camb., 1973; *Snodgrass A.* The Hoplite Reform and History // JHS. 1965. v. 85; *Davies J. K.* Athenian propertial families (600–300 B. C.). Oxf., 1971.

<sup>248</sup> Нет необходимости, да и возможности указывать огромную литературу о Гесиоде. В сущности говоря, ни одна из работ по греческой литературе, религии, культуре и истории не обходится без анализа его творчества. Для целей нашего исследования укажем лишь следующие работы: *Захаров А.* Гесиод и его поэзия «Дела и дни» // Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926; *Новосадский Н. И.* Реализм Гесиода. М., 1928; *Ярхо В. Я.* Религиозно-нравственная проблематика в поэмах Гесиода // ВДИ. 1965. № 3. С. 3–21; *Burn A. R.* The World of Hesiod. L., 1936; *Лосев А. Ф.* Гесиод и мифология // Уч. зап. МГПИ. 1954. Т. 83; *Kumanieck K.* Kompozycja Hesiodywycch Prac I dni // Meander. 1964. Vol. 19; *Luce J. V.* The Polis in Homer and Hesiod. Dublin, 1978; *Groningen B. A.* Hesiod et Perses. Amsterdam, 1957.

семья, необходимое число рабочего скота (без которого нельзя предотвратить голод), несколько помощников (рабов или батраков).

«В первую очередь — дом и вол работающий для пашни,  
Женщина, чтобы волов подгонять; не жена — покупная!  
Все же орудия в доме да будут в исправности полной,  
Чтоб не просить у другого — откажет он, как обернешься?»

Иначе говоря, у земледельца есть все исходные условия для нормальной жизни; нужно лишь использовать эти условия. Как же это сделать? У Гесиода совершенно четкий ответ: нужно упорно трудиться на земле.

«Помни всегда о завете моем и усердно работай,  
Перс, о потомок богов, чтобы голод тебя ненавидел,  
Чтобы Деметра в прекрасном венке неизменно любила,  
И наполняла амбары тебе всевозможным припасом;  
Голод, тебе говорю я, всегдашний товарищ ленивца.  
Боги и люди по праву на тех негодуют, кто праздно  
Жизнь проживает, подобно безжалюному трутню, который,  
Сам не трудясь, работой питается пчел хлопотливых.  
Так полюби же дела свои делать вовремя с рвеньем,  
Будут ломиться тогда у тебя от запасов амбары.  
Труд человеку стада добывает и всякий недостаток,  
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее  
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.  
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,  
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам  
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом.  
Хочешь бывалое счастье вернуть, так уж лучше работай,  
Сердцем к чужому добру перестань безрассудно тянуться  
И, как советую я, о своем пропитанье подумай.  
Стыд нехороший повсюду сопутствует бедному мужу,  
Стыд, от которого людям так много вреда, но и пользы.  
Стыд — удел бедняка, а взоры богатого смелы».

(Hes. Lab. 298–319).

Итак, труд, труд и снова труд, — таков девиз Гесиода. И только в этом случае ты обрешь достаток, почет и уважение, будешь считаться добродетельным и милым всемогущим богам.

В сущности, это принципиально новая постановка вопроса по сравнению с Гомером. Там война, грабеж чужого имущества, доставляла богатство и почет, А трудящийся народ вообще не принимался в расчет относительно этих понятий, ведь он был создан не столько для своей собственной жизни, сколько для обслуживания военной аристократии.

Теперь иное понимание смысла трудовой деятельности: это уже не захват чужого, это созидание материальных ценностей своим собственным трудом. Именно отсюда рождаются богатство, почет, уважение, любовь богов. «Бездельники мерзки», — подчеркивает Гесиод. Кого он имеет ввиду? Если учесть историческую реальность VIII–VII вв., то это как раз та аристократия, которая или воевала, или проводила время в пирах, любовных утех или спортивных состязаниях. Гесиодовский идеал, таким образом, прямо оппозиционен гомеровскому и постгомеровскому ари-

стократическому этосу. Это — четкая формулировка моральных, а потом и политических требований нового слоя греческого общества — слоя свободных земледельцев, составивших к концу архаики основу гражданского общества, коллектива свободных земледельцев, членов гоPLITской фаланги и основных участников народных собраний, руководивших делами общины.

Итак, Гесиод призывает трудиться и трудиться. Но как он понимает этот труд, как воспринимает трудовой процесс? Здесь четко выделяется несколько компонентов. Прежде всего, это личный физический труд земледельца. Он пашет землю, он собирает урожай, он ухаживает за скотом, он производит ремонтные работы. Далее, земледелец Гесиода — это одновременно и торговец; у него есть небольшие суда — скорее всего большие лодки — и на них он везет свою продукцию по морю на обмен. Он таким образом влияет, хотя и очень неглубоко, на рыночные отношения; он уже не просто производитель — он товаропроизводитель, а это уже расширение его производственного кругозора.

Более того, земледелец Гесиода — это хозяин нескольких рабочих единиц: во всяком случае, не менее трех, а именно пахаря, женщины-батрачки (без сосунка, т.е. ребенка), батрака для первичной обработки собранного урожая, мальчика, видимо, раба, отгоняющего птиц при посеве. Иначе говоря, перед земледельцем Гесиода в качестве организационной части его производственной деятельности выдвигается новая функция — функция организаторская, предполагающая управление рабочей силой, т.е., по существу, функция предпринимательская.

И еще одна очень важная и акцентируемая Гесиодом часть трудовой деятельности его земледельца: он должен быть человеком, сведущим в сельском хозяйстве, знатоком природного календаря, хорошо разбираться в агрономических советах. Во всяком случае, агрономические правила, сформулированные Гесиодом применительно к требованиям природного календаря, — весьма дельные, и они надолго сохранили свою ценность в греческом сельском хозяйстве. Итак, земледелец Гесиода — человек не только опытный в силу повседневных наблюдений, обычных для традиционного крестьянского быта, но и человек, знающий некоторые элементы научных наблюдений, произведенных другими людьми.

С этой стороны тесно связана еще одна часть трудового процесса, а именно, соревновательность в производстве. Для Гесиода труд — это не столько самодостаточное, независимое и замкнутое на себя действие, сколько соревнование с другими тружениками, конкуренция, перерастающая в зависть, т.е., некое раздорное чувство:

«Зависть питает гончар к гончару и к плотнику плотник;  
Нищему нищий, певцу же певец соревнуют усердно» (25–26).

Но в этом соревновании, в этих раздорных взаимоотношениях есть и некое позитивное начало, собственно соревновательное начало, вызывающее здоровые стимулы к более производительному труду:

«Видит ленивец, что рядом другой близ него богатеет,  
Станет и сам торопиться с посадками, с севом, с устройством  
Дома. Сосед соревнует соседу, который к богатству  
Сердцем стремится. Вот эта Эрида для смертных полезна» (21–24).

Итак, для Гесиода трудовой процесс — это сложное и многостороннее явление, сочетающее физический труд, агрономические знания, торговые навыки, организаторские способности и соревновательный элемент. Сам земледелец в качестве субъекта этой деятельности выступает как довольно развитая личность, которая мо-

жет противостоять силе обстоятельств. Вместе с тем Гесиод постоянно подчеркивает, что этот земледелец искусен не только в сельскохозяйственном труде. Он наделен целым рядом высоких моральных качеств. Это чувство справедливости, почитание богов, уважение к своим согражданам и особенно соседям, качества примерного семьянина. Эти достоинства обеспечивают ему уважение сограждан и любовь богов. Еще одно качество подчеркивает Гесиод — это незлобивость земледельца, неприязнь к раздорам и козням, тяга к своему дому, своей земле, своей семье. Все эти качества определяют жизнь земледельца, направление его существования. Высшая цель упорного труда — не получение богатства ради богатства, или для обеспечения возможностей захвата власти, притеснения, демонстрации своей гесиодской могущества, перед которым остальные должны трепетать. Нет, цель гесиодовского хозяина — скромный достаток, рассчитанный на сытное потребление, но отнюдь не накопление, это возможность приносить обильные жертвы богам, это помощь друзьям и соседям. Скромное существование, умеренный достаток, выполнение своих религиозных и гражданских обязательств — вот высшая цель и основа существования и труда греческого земледельца.

Вместе с тем в поэме Гесиода постоянным рефреном проводится та мысль, что участь земледельца тяжела, что труд его тяжок, а его самого подстерегают бури и невзгоды. Кроме природных катаклизмов и гнева богов жизнь земледельца омрачает еще один фактор — социальная несправедливость, т.е., прежде всего, неправедные судьи, притеснения басилеев, козни различных злых людей<sup>249</sup>. Гесиод рассматривает этот фактор как органическую часть сельскохозяйственного труда, некоторое постоянное отрицательное начало, обременяющее трудовую этику земледельца. И хотя эта сторона только обозначена, а не разработана, как другие, сама заявка этой социальной стороны делает гесиодовский анализ трудовой деятельности земледельца законченным. Все последующее развитие крестьянского труда вплоть до последнего времени показывает, насколько важно учитывать и преодолевать этот социальный фактор<sup>250</sup>. Столь обстоятельно и глубоко разработанная моральная концепция трудовой деятельности мелкого земледельца стала основой главных моральных ценностей греческого полиса и его гражданства. Спустя 300 лет афинский комедиограф Аристофан, избравший своими главными героями рядовых афинских граждан-земледельцев — Дикеополя, Стрепсиада, Тригея и т.д., в сущности воспроизводит эту концепцию в своих комедиях, выдвигает ее в качестве основания достойной человеческой жизни и благополучия полиса как целого<sup>251</sup>. Его герои честно трудятся на виноград-

<sup>249</sup> В упомянутой выше статье В.Н. Ярхо (с.18–20) сводит понятие социальной несправедливости прежде всего к судебному произволу басилеев. На наш взгляд, Гесиод подразумевает и другие формы угнетения (например, насилие, поборы, ростовщичество).

<sup>250</sup> Разработанная Гесиодом трудовая этика должна рассматриваться как некая программа, ориентированная на будущее. С нашей точки зрения было бы некорректно полагать, что концепция Гесиода отражает господствующую реальность греческой жизни VII–VI вв. до н. э. Напротив, насколько можно судить, положение греческих мелких землевладельцев, адресатов Гесиода, было крайне тяжелым, и они едва ли могли реализовать в полном объеме принципы Гесиодовой трудовой этики. Но Гесиод сделал главное. Он уловил рождающиеся тенденции и оформил их в определенную этическую концепцию. И она стала работать, к ней стали обращаться, она превратилась в важный фактор общественной мысли и политической жизни.

<sup>251</sup> Об Аристофане в связи с нашим исследованием см.: Ярхо В. Н. Социальная позиция аттического крестьянства в отражении фрагментов древней комедии // ВДИ. 1954. № 2; он же. Комедия Аристофана и афинская демократия (к вопросу о социальной позиции аттического крестьянства) // ВДИ. 1954. № 3; Соболевский С. И. Аристофан и его время. М., 1957; Сахненко Л. И. Аристофан

никах, в полях, пасут скот в горах, торгуют как на афинской агоре, так и со своими соседями — мегарцами и беотийцами, руководят работой домохозяев, располагают каждый двумя-тремя рабами-помощниками. Они примерные отцы семейства, строго соблюдающие нормы справедливости и морали, часто исполняющие общественные и государственные обязанности. Но у Аристофана появляются и новые сравнительно с Гесиодом черты в концепции крестьянского труда. Три столетия греческой истории, в ходе которых сформировался классический полис как особый феномен, внесли свои изменения. Гесиоду приходилось доказывать, что его герой, мелкий земледелец, — это личность, человек достойный и угодный богам. Здесь сквозит полемика с архаическими представлениями о земледельцах как о рабочем скоте, призванном обслуживать аристократов. Теперь времена изменились. За три столетия земледельцы добились отмены тех привилегий знати, от которых так страдал Гесиод. Теперь именно они составляли основную массу фаланги, их трудом жило население Афин; отсюда рождалось чувство гордости за себя, свой статус, труд и образ жизни. Земледельцы Аристофана четко осознают, что они-то и есть лучшие люди, соль земли, хозяева жизни, и с полным правом критикуют своих противников, будь то незадачливые военачальники вроде Ламаха, демагоги типа Клеона или глупые сутяжники. Исчез столь громкий у Гесиода мотив незащищенности, некоторой неполноценности, тяжелой доли земледельца, страха перед голодом. Оборонительная позиция земледельца превратилась в наступательную, исполненную чувства собственного достоинства. Последнее было связано у рядового земледельца с укреплением полисных институтов. У Гесиода только труд создает богатство, а богатство является основой благополучной, устойчивой, достойной жизни. У Аристофана можно видеть иной поворот этой рефлексии: его герои — это активные участники народных собраний (как Дикееполь, смело разоблачающий вороватых военачальников), судебных заседаний (как Филоклеон в «Осах»), это Тригей в «Мире», берущий на себя инициативу окончания общегреческой войны. Активная позиция в общественной жизни стала органической частью образа жизни земледельца, ставшего и главной ударной силой в бою. Гесиодовский крестьянин не проявлял такой активности; его оттесняли аристократы, базили, неправедные судьи, даряйды. Конечно, активность аристофановского земледельца опиралась на его некоторый достаток, полные амбары и винохранилище, то богатство, о котором говорил Гесиод; вместе с тем участие в работе судов и народных собраний, в военных походах отрывало земледельца от его участка, и, чтобы предохранить себя от разорения, аристофановский крестьянин вынужден был активизировать свою организаторскую деятельность, т.е., так направить труд своей семьи и рабов, чтобы его хозяйство не терпело ущерба от отвлечения хозяина на общественные дела. В частности, и поэтому у Аристофана нет таких lamentаций о тяжести труда, как у Гесиода.

Сформировавшаяся этика трудовой деятельности, обеспечивающей достойную жизнь, включала в себя и центральную проблему этических систем — проблему счастья. Лучше всего определение счастья было сформулировано Геродотом, хотя и относившим свой рассказ к сер. VI в., но почерпнувшим свою концепцию, вернее всего, из собственной эпохи, настолько она гармонирует с идеалом Аристофана. Вот этот рассказ:

---

и афинская демократия. Автореферат канд. дисс. Л., 1983; *Ehrenberg V. The People of Aristophanes. A sociology of Old Attic Comedy.* Cambr., 1951; *Okal M. Problemy athenskey democracie a Aristofanes.* Bratislava, 1969; *Dover K. J. Aristophanic comedy.* L., 1972; *Whitman C. Aristophanes and the comic hero.* Cambr. (Mass.), 1964.



Афинский мудрец и прославленный реформатор Солон прибыл в столицу могущественного лидийского царства — Сарды — к царю Крезу. Тот оказал Солону радужный прием, а на третий или четвертый день слуги Креза по его приказу провели Солона по царским сокровищницам. После осмотра огромных богатств царя, Крез обратился к Солону: «Гость из Афин! Мы много слышали о твоей любви к мудрости и странствованиях, именно, что ты из любви к мудрости, чтобы повидать свет, объездил много стран. Теперь я хочу спросить тебя, встречал ли ты счастливейшего человека на свете?» Царь задал этот вопрос, надеясь, что гость назовет его само-го; Солон же несколько не желал льстить Крезу и сказал правду: «Да, царь, я видел самого счастливого человека. Это — афинянин Телл». Крез очень удивился такому ответу, и спросил: «Почему ты считаешь Телла самым счастливым?» Солон ответил: «Этот Телл жил в цветущее время родного города, у него были прекрасные и благородные сыновья и ему довелось увидеть, как у всех них также родились и остались в живых дети. Это был по нашим понятиям зажиточный человек; к тому же ему суждена была славная кончина. Во время войны афинян с соседями он выступил в поход и при Элевсине обратил врагов в бегство, но и сам пал доблестной смертью. Афиняне же устроили ему погребение на месте гибели, оказав этим высокую честь» (см. Herodot. I. 30).

Несколько обобщая наши рассуждения, можно сказать, что к сер. V в. в Греции для социального слоя граждан среднего достатка была разработана этика труда и образа жизни, которая предполагает гармонически развитую личность, сочетающую крепкое здоровье как результат физического труда и службы в фаланге, организаторские навыки, знание основ товарной экономики, активное участие в государственных делах, чувство собственного достоинства, хороший культурный уровень. Это человек энергичный, волевой, работающий. Именно этот нравственный идеал, разработанный в основном Гесиодом и завершенный в рефлексиях Аристофана и Геродота придал мощный импульс развитию великой греческой цивилизации.

Этот идеал рядового греческого гражданина-земледельца отличается от образа восточного общинника, обложенного тяжелыми поборами, крепостного крестьянина, зависящего от своего сеньора, даже от современного фермера, барахтающегося в бурных волнах рыночной экономики. Можно ли сказать, что этот идеал распространялся и на более зажиточные слои греческого полуса, например на круги крупных землевладельцев (обладателей не скромных гоплитских участков в 3–5 га, а владений в 20–30 га, где работали 15–20 работников)?<sup>252</sup> А ведь такие поместья в Греции V, а главным образом IV в., уже появились. Какие нравственные правила разделял их владелец? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дан в трактате Ксенофонта «Экономика», написанном скорее всего в 70-х гг. IV в.<sup>253</sup>

<sup>252</sup> Несколько выше говорилось, что аристократический этос VII–VI вв. не предполагал какой-либо хозяйственной деятельности. И, действительно, большая часть греческой аристократии признавала это правило. Однако в ее среде формировалась новая группа знати, представителями которой были Солон, Алкмеониды, новые богачи Феогниды, которые стали заниматься хозяйственной, предпринимательской деятельностью. Постепенно эта группа греческой аристократии возматривалась численно и консолидировалась социально. В связи с этим хотелось бы отметить серию законов против роскоши, проведенных Солонем в Афинах, Периастром в Коринфе и т.д., которые были направлены против расточительства знати и ориентировали аристократию на более рациональное применение имеющихся материальных и рабочих ресурсов. См.: *Starr Ch. Ук. соч.*; *Davies J. K. Ук. соч.*; *Зельин К. К. Борьба политических группировок знати в Аттике в VI в. до н. э. М., 1964.*

<sup>253</sup> См.: *Фролов Э. Д. Экономические взгляды Ксенофонта // Уч. зап. ЛГУ. 1956. Т. 142. Сер. История. Вып. 21; он же. Политические тенденции трактата Ксенофонта «О доходах» // Пробле-*

В центре рассуждений Ксенофонта богатый и преуспевающий афинянин Исхомах, который охотно делится своими представлениями о себе, о государстве, о мире. У Исхомаха хороший дом в Афинах, солидное поместье в 15–20 га в окрестностях; он — уважаемый гражданин, покровительствующий иностранцам (скорее всего, их проксен, возможно, и консультант по различным делам); у него много друзей, которым он охотно помогает советами и деньгами; он исполняет литургии в пользу города, ведет активную деятельность в суде, он прекрасный наездник, участник военных действий своего города, физически тренированный, как подчеркивается специально, человек. Он очень богобоязнен и подчеркивает, что богатства нажиты им сугубо честным путем. Т.е., это совершенный во всех смыслах человек, kalos k'agathos, своего рода образец, достойный подражания. Создавая образ такого человека, Ксенофонт прослеживает его жизнь шаг за шагом, день за днем. И в центре всей его жизни, менталитета, нравственности находится активная повседневная, инициативная трудовая деятельность: ни минуты безделья. «Так вот, Сократ, отвечал Исхомах, вставать с постели я привык в такой час, когда могу еще застать дома, кого мне нужно повидать. Если у меня есть такое дело в городе, то исполнение его служит мне прогулкой, а если у меня в городе нет никакой надобности, то слуга мой отводит лошадь вперед меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню — это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в деревню, сажают ли там у меня, или сеют, или подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать поининому, если знаю какой лучший способ. После этого я большей частью сажусь на лошадь и провожу верховые упражнения, возможно более похожие на те, что нужны на войне. По окончании этого слуга, дав лошади выкататься в песке, ведет ее домой, а вместе с тем несет из усадьбы в город что нам нужно, а я то шагом, то бегом возвращаюсь домой и чищу себя скребницей, потом завтракаю и ем столько, чтобы весь день быть ни голодным, ни сытым» (Хен. Оес. 11. 14–18). После завтрака Исхомах идет по городским делам — встречается с иностранцами и магистратами, участвует в деятельности народного собрания и суда, следит за деловой ситуацией. В это время в его богатом доме проинструктированная им супруга вместе с обученной им же экономкой делают все дела по дому, а специально обученный управляющий в поместье обеспечивает нормальное ведение необходимых работ. Поздним вечером Исхомах возвращается домой и супруга докладывает ему, как прошел день.

Итак, деятельный активный труд с раннего утра до позднего вечера. Но Исхомах не считает такую жизнь неприятной или тяжелой, он считает ее наиболее достойной и полезной, и вне нее не мыслит своего существования. С его точки зрения именно она дает ему здоровье, богатство, уважение граждан, чувство собственного достоинства, милость богов. Есть ли темные пятна в этой благополучной, но напряженной жизни? Ксенофонт упоминает только одно — зависть злых людей, готовых таскать Исхомаха по судам. Но Исхомах считает, что это не самая страшная напасть: он достаточно образован, красноречив и опытен в делах (кстати, Ксенофонт пишет, что Исхомах даже дома упражняется в красноречии перед своими слугами), чтобы легко опровергнуть своих клеветников. Трудолюбие и здесь оказывается опорой его жизненного благополучия.

---

мы социально-экономической истории древнего мира. М.—Л., 1963; *Борщ И. 3.* Сведения о рабах и рабстве в трактатах Ксенофонта «Экономика» и «Меморалии» // ВДИ. 1963. № 3; *Deleveque Ed.* Sur la date et l'objet de l' "Economique" Xenophon // Revue des etudes Greques. 1957. LXIV; *Luccieni J.* Les idées politiques et sociales de Xenophon. P., 1948; *Mosse Cl.* Xenophon Economiste. Brux., 1978; *Novo Tonanga S.* Economica ed etica nell' Economica di Senofonte. P., 1970.

Итак, и в этом случае, случае богатого землевладельца, труд воспринимается как основа основ всего этического комплекса. Можно, однако, заметить и ряд различий в понимании труда по сравнению с аристофановским и геродотовским крестьянином. Как указывалось, понятие трудовой деятельности мелкого земледельца многоаспектно; оно включает в наибольшей степени физический труд на земле, в меньшей — организацию чужого труда, участие в рыночных операциях и т.д. В случае богатого землевладельца соотношение этих аспектов существенно меняется: на первое место выходит организационная сторона трудовой деятельности (надо подобрать нужное число работников, их начальников (управляющего, его заместителя, экономку), и не просто подобрать, а научить их самих управлять работниками; хозяин должен знать количество затрат, правильно расставить людей по работам в поместье и городском доме и т.д.; наконец, хозяин каждый день лично контролирует по нескольку часов, как выполняются его распоряжения. Иначе говоря, в деятельности крупного землевладельца практически прекращается личный физический труд, а ведущее место занимает организация и управление производством. Конечно, такая задача довольно сложна и требует больших знаний и силы воли. «Если при появлении господина на работе, — господина, который может и наказать плохого работника, и отлично наградить усердного, если при этом среди рабов не произойдет никакой заметной перемены, такому хозяину я не позавидую. Напротив, если при виде господина рабочие вострепнутся, если у каждого из них пробудится сила, взаимное соревнование, желание отличиться во всем, — про того я скажу, что в душе у него есть что-то царственное. Вот это-то и есть самое важное, как во всяком деле, где что-либо исполняется человеческими руками, так равно и в сельском хозяйстве. Но, клянусь Зевсом, я уже не скажу, что этому можно научиться взглянувши или раз послушавши; нет, чтобы иметь эту силу, нужно и образование, и природные дарования, и, самое главное, милость богов» (Хен. Оес. 21. 10–11).

Необходимым компонентом хозяйского труда по организации производства является знание экономической обстановки в городе и стране: ведь часть продукции продается на рынке, а значительная часть оборудования и инвентаря как в поместье, так и в городском доме покупается. Более того, Исхомах, сделавший свои поместья прибыльными, склонен, как и его отец, продавать свои поместья и покупать другие, т.е., он участник земельного рынка. Вот почему Исхомах так много времени посвящает деловому и дружественному общению в городе: благодаря этому он хорошо владеет деловой ситуацией. И еще один важный нюанс в деятельности Исхомаха как хозяина крупного сельскохозяйственного предприятия: он знаток юридических вопросов (ведь он часто выступает в суде, упражняется в красноречии у себя дома). «Да, Сократ, отвечал он, я не перестаю практиковаться в произнесении речей. То, заслушав обвинение или защиту кого-либо из слуг, я стараюсь показать, что он не прав, то в разговоре с друзьями хвалю или браню кого-нибудь, то миру каких-нибудь знакомых, стараясь доказать, что им полезнее быть друзьями, чем врагами; то, собравшись у стратега, мы выражаем порицание кому-нибудь или вступаемся за кого-нибудь, если на него несправедливо жалуются; то между собою обвиняем кого-нибудь, если он не по заслугам пользуется почетом. Часто во время заседания буле мы хвалим или отвергаем проект желательный или нежелательный нам. Много раз, Сократ, я собственной персоной попадал под суд; разбирали, какому наказанию или штрафу меня подвергнуть» (Хен. Оес. 11. 23–25).

Итак, перед нами напряженная, требующая затраты всех сил, разносторонняя деятельность владельца крупного предприятия. В этой деятельности нет четкого деления на собственно труд как тяжелое рутинное дело, требующее затрат энергии,

и собственно досуг как время освобождения от труда, как это можно проследить у Гесиода или аристофановского героя, предающегося после жатвы и других срочных дел веселью и загулам. Трудовая деятельность Исхомаха — это свободная игра творческих сил человека, образованного, здорового, уверенного в своих силах, исполненного чувства собственного достоинства. В таком труде залог его самоуважения, своего рода реализация счастья. «Мы пришли к заключению, что для человека благородного самое лучшее занятие и знание — земледелие, посредством которого люди добывают себе все, что нужно для жизни. Этому занятию, как мы решили, очень легко научиться и очень приятно работать при нем; оно делает тело очень здоровым и сильным, а душе оставляет много свободного времени для заботы о друзьях и отечестве. Вместе с тем, как мы решили, земледелие побуждает человека быть храбрым — тем, что вне укреплений производят полевые плоды и кормят скот — то, что нужно земледельцу. Вот почему такой образ жизни и пользуется величайшим почетом в полисах — потому что признано, что он делает людей самыми лучшими гражданами, наиболее любящими отечество» (Хен. Оес. 6. 8–10).

Итак, этическим идеалом, воплощенным в образе kalos k'agathos, Ксенофонт считает не крупного землевладельца вообще (он приводит примеры нерадивых помещиков, растрачивающих свое богатство ленью, пьянством, блудом и обжорством<sup>254</sup>), не абстрактного скопидома — владельца богатства, а энергичного, предприимчивого, постоянного в труде, образованного культурного человека, умело и заботливо ведущего свое хозяйство, т.е., человека работающего.

Несмотря на отмеченные отличия характера труда Исхомаха от труженика-земледельца Гесиода и Аристофана, между ними можно найти и сходство этических позиций. Те и другие — труженики, а не ленивцы, не бездельники; те и другие — глубоко религиозные люди. «Я первым делом почитаю богов, но стараюсь поступать так, чтобы они по моим молитвам даровали мне и здоровье, и телесную силу, и уважение в городе, и любовь в кругу друзей, и благополучное возвращение с войны с честью, и умножение богатства честным путем» (Хен. Оес. 11. 8). Более того, общим выступает такое принципиальное положение, как идентичная цель занятий хозяйством. Целью тяжелого крестьянского труда является не накопление богатства вообще, а создание надежного достатка, сытой жизни; у гесиодовского крестьянина нет намерений использовать богатство в неправедных целях. Но такова же, в конечном счете, высшая цель Исхомаха. Да, его хозяйство велико, дом — полная чаша, деньгами он располагает; но эти излишки не идут на расширение хозяйства, не используются как инструмент разгула, подкупа, коррупции, финансовых махинаций, например, одиозного ростовщичества или спекулятивной торговли. Сам Исхомах называет своими основными расходными статьями: служение богам, помощь друзьям в случае нужды, взносы в пользу города, отправление литургий. Любопытно,

<sup>254</sup> Оес. I. 20–22: Сократ обращается к Критобулу: «Ты считаешь пороком безделье, душевную дряблость, безразличие. Да, есть и другие повелительницы и обманщицы, носящие личину радостей: азартные игры, вредные знакомства; с течением времени и самим жертвам обмана становится ясно, что это печали, лишь окруженные корочкой радости, которые подчиняют их своей власти и мешают им заниматься полезным делом». «Однако, Сократ, — сказал Критобул, — другим эти господа не мешают работать; напротив, они выказывают много энергии в работе, много изобретательности по части доходов; и тем не менее они доводят до разорения свое хозяйство и попадают в безвыходную нужду». «Да ведь и они рабы, — возразил Сократ, — и притом рабы очень суровых господ: у одних — это любовь вкусно поесть, у других — сладострастие, у иных — пьянство, у других — какое-нибудь глупое или разорительное тщеславие; эти господа властвуют над людьми, которых поработают, очень сурово».

что как крестьянин с небольшим достатком, так и богатый Исхомах в личной жизни ведут весьма умеренный образ жизни, их личные траты весьма скромны и схожи.

Конечно, такое большое хозяйство, как поместье Исхомаха, не могло обойтись без рынка, но товарные связи оставались минимальными. Подавляющая часть продукции производилась и потреблялась в пределах самого хозяйства, и товарные связи не могли пронизывать все производство, бросая хозяина в бурное море рыночной стихии. В этом отношении разница между хозяйством аристофановского земледельца и Исхомаха количественная, но не принципиальная. Отсюда определенная общность этических основ и образа жизни земледельца-труженика и предпринимателя-землевладельца. Они могли понять и понимали друг друга, что и позволяло поддерживать определенный полисный коллективизм в V — начале IV в.

К каким реальным социальным слоям относятся земледельцы Аристофана и землевладельцы типа Исхомаха? Если брать афинские реалии (а все обсуждаемые — афинские), то они могут быть причислены к одним прослойкам солоновского ценза, причем Исхомах, скорее всего, может быть отнесен ко второму разряду (всадникам), а аристофановский герой — к зевгитам или гоплитам. За пределами указанных категорий остаются, с одной стороны, члены высшего слоя — пентисотмерники, — а, с другой стороны, представители низшего слоя афинского гражданства — феты. Согласно солоновскому цензу, который, при всей относительности своих показателей к V–IV вв., тем не менее имел некоторое символическое значение, к категории всадников относились лица с доходом в 300–500 мер, а зевгиты-гоплиты имели доход в 200–300 мер. Разница в доходах, как можно видеть, колебалась в соотношении 1/1, 5/2, т.е., была весьма незначительна. Конечно, в IV в. в связи с ростом богатств и экономическим оживлением эта разница скорее всего возросла, и между хозяйством Дикеополя (5 га и 2–3 работника) и Исхомаха (20–25 га с 15–20 рабами) она поднимается уже до 4–5 раз, но это различие относительно сравнимое. Во всяком случае, здесь нет разительного контраста, тем более, что политика афинской демократии увеличивала бремя общественных литургий для зажиточных слоев населения, смягчая имущественный контраст. Именно этими обстоятельствами можно объяснить известную близость этических правил и до некоторой степени образа жизни аристофановского героя и ксенофоновского рачительного хозяина.

Теоретическим завершением и философским обобщением этических представлений этих слоев населения стал философский анализ Аристотеля. Не углубляясь в специальный вопрос о рождении этики как полноправной части греческой философии, можно сказать, что поворот к этическим проблемам и постановка их в центр философских рассуждений была начата Сократом и в полной мере продолжена Платоном. Однако именно у Аристотеля этика стала, так сказать, полнокровной философской дисциплиной наряду с онтологией и гносеологией<sup>255</sup>. Неудивительно, что среди сочинений Аристотеля находятся такие произведения, как «Никомахова этика»,

<sup>255</sup> Из безбрежной литературы об Аристотеле назовем лишь следующие работы: *Жебелев С. А.* Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля. М., 1911; *Доватур В.* Политика и политики Аристотеля. М.—Л., 1966; *Бергер А. К.* Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966; *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М., 1975; *Железнов В.* Аристотель как экономист // *Вестник Европы*. 1917. С. 7–8; *Finley M.* Aristotle and economic analysis // *Past and Present*. 1970. V. 47; *Mosse Cl.* La conception du citoyen dans la «Politique» d'Aristotle // *Eirene*. 1967. V. 6; *Huxley G.* On Aristotle and Greek Society. Belfast, 1979; *Hardie W. F.* Aristotle's Ethical Theory. Oxf., 1980; *Hamburger M.* Morals and Law: The Growth of Aristotle's legal theory. N.Y., 1965; *Aristoteles als Wissenschaftstheoretiker / Hrsg. J. Irmscher and R. Müller.* Berl., 1983; *Irwin T. H.* Moral Science and political Theory in Aristotle. Crux, Essays in Greek History. L., 1983; *White S. A.* Sovereign

«Большая этика», «Эвдемова этика», наконец, в его «Политике» этические проблемы поставлены в центр всего изложения. Каково же место трудовой этики в общем этическом учении? Первоначально этического учения Аристотеля является положение о деятельности как основе человеческой жизни. Жизнь есть деятельность, а деятельность есть жизнь. Вне деятельности Аристотель не мыслит существования человека и достижения им счастья и блаженства. Причем по Аристотелю деятельность должна быть разумной и направленной на благо, т.е., сообразной с добродетелью. Если Платон признавал в качестве единственно нравственной лишь созерцательную деятельность философа, то Аристотель выделяет практическую деятельность как одно из органических направлений нравственной жизни. По Аристотелю «всякое рассуждение направлено либо на деятельность, либо на творчество, либо на умозрение» (Arist. *Metam.* VI. I. 1025. v25). В другом месте он писал: «Итак, поскольку нынешние наши занятия не ставят себе целью только созерцание (мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными, иначе от этой науки не было бы никакого проку), постольку необходимо внимательно рассмотреть то, что относится к поступкам, а именно, как следует поступать» (Arist. *Eth. Nik.* II. II. 2. 1103. v25). «Если счастьем должна считаться благая деятельность, то и вообще для всякого государства, и, в частности, для каждого человека, наилучшей жизнью была бы жизнь деятельная» (Пол. VII. 3. 5). В чем же конкретно должна состоять эта деятельность? Аристотель отвечает: «Граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники и торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью), граждане проектируемого государства не должны быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге для развития добродетели и для политической деятельности» (Arist. *Pol.* VII. 8. 2). «Из добродетелей же полезны для досуга и пользования счастьем те, которые имеют применение и во время досуга, и во время работы. Ведь для того, чтобы иметь возможность наслаждаться досугом, нужно обладать многими предметами первой необходимости, поэтому государству надлежит быть и воздержанным, и мужественным, и закаленным» (Arist. *Pol.* VII. 13. 17). Очевидно, что высший этический идеал Аристотеля, так сказать, срисован с несколько идеализированных образцов греческих зажиточных земледельцев гоппитского / зевгитского слоя и такого типа предпринимчивого землевладельца из всаднического слоя, как ксенофонтос Исхомах. Одним из ключевых понятий аристотелевой этики является середина как гармонизирующий фактор. «Добродетель, — говорит он, — есть сознательно избираемый склад души, состоящий в обладании серединой по отношению к нам, причем определенной таким суждением, каким определяет ее рассудительный человек. Серединой обладают между двумя видами порочности, один из которых от избытка, другой — от недостатка» (Arist. *Eth. Nik.* II. 6. 1106; I. 35. 1197). Общее учение о срединном как предельной философской рефлексии в социальном и политическом размышлении Аристотеля реализуется в решающей роли средних слоев населения, которые являются подлинным стабилизатором общественной жизни и процветания государства. «Итак, очевидно, средний вид государственного устройства наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям: там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают группировки и раздоры. ...Поэтому величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, а другие ничего не имеют,

возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания» (Arist. Pol. IV. 9. 8–9).

И еще одно принципиальное начало аристотелевой концепции счастья как благой жизни, связанное с трудовой деятельностью человека. Практическая деятельность и создание известного достатка как некое основание добродетельной жизни необходимы. Такая практическая, так сказать, предпринимательская деятельность необходима и с точки зрения Аристотеля, это часть домохозяйства, или, в его терминологии, экономики. Но Аристотель знает и другой вид практической предпринимательской деятельности, который он определяет другим термином — хрематистика. Под хрематистикой подразумевается предпринимательская деятельность, ведущаяся не для создания достатка как материальной базы досуга и добродетельной жизни, что и составляет цель экономики, а деятельность по бесконечному наращиванию богатства, превращающемуся, во-первых, в самоцель и утрачивающему границы, а, во-вторых, ведущемуся не согласно с природой, которая в ответ на заботу человека растит ему плоды (как в земледелии), а из внеприродных источников. Аристотель называет следующие предосудительные источники богатства: торговлю (торговец ничего не производит, но только покупает выращенный плод и перепродает с лихвой); ростовщичество (деньги рождают деньги из себя) и продажа своей рабочей силы (рабочий получает плату не за то, что сам произвел, а за то, что еще до этого продал свою рабочую силу). Совершенно очевидно, что это философское суждение Аристотеля имеет в виду положение в товарном производстве земледельцев и землевладельцев описанного ранее типа, который лишь частично связан с рынком, и, с другой стороны, формы товарооборота, существующие отдельно от производства. В исторической действительности Греции IV в. товарные отношения неглубоко проникли в структуру греческой экономики, производство (особенно в земледелии), торговые операции, финансовые сделки и рынок рабочей силы существовали в значительной степени изолированно друг от друга, не составляя еще характерного для капитализма единого механизма товарно-денежных отношений.

Таким образом, можно проследить некое направление в создании четко определенной трудовой этики начиная от Гесиода и кончая Аристотелем. Оно началось с формирования основ, выдвинув на первый план прославление трудолюбия, умеренного достатка, некоторой предприимчивости и чувства достоинства. В эпоху Гесиода все это было резко заявленной оппозицией безделью, разгулу, насилию и своеволию военно-земледельческой знати. В V в. этот идеал реализовался в образах зажиточных, уверенных в своей значимости, располагающих реальной властью и военной силой героев Аристофана. С другой стороны, образ праздного, отдающего лишь военным делам, спортивным состязаниям и политическим интригам родовитого аристократа, трансформировался к IV в. в образ энергичного, предприимчивого, создающего богатство умелым управлением рабочей силой и знанием самого земледелия аристократа нового типа, образованного, физически развитого, прекрасного воина и командира. И тот, и другой образы отеснили на задний план представителей старой родовитой аристократии, разоряющейся в новых условиях, и опустившихся крестьян, едва сводящих концы с концами, не имеющих досуга и вынужденных идти в батраки, пополняя ряды низшего социального слоя — фетов. Предельным обобщением этих глубинных процессов стала разработка Аристотелем абсолютного этического идеала, цельного этического учения, в основе которого лежала психология, мировоззрение и менталитет обеих разновидностей одного и того же типа энергичного, предприимчивого, образованного, умелого, богобоязненного, уверенного в своих силах, честного в мыслях и поступках труженика. Этот труженик

рассматривался не как некий сверхчеловек, создающий богатство и пользующийся досугом лишь для собственного удовольствия, а как гражданин, ориентирующий свое трудолюбие, мастерство, здоровье и богатство на пользу всего гражданского коллектива, ибо только в его составе он может реализоваться во всех своих лучших человеческих проявлениях, достигнуть добродетели и конечного счастья. Создание этого благородного, внутренне целостного идеала стало стимулом и для развития экономики, и для деятельной гражданской жизни, и создания великих культурных ценностей, и вообще всех лучших сторон великой греческой цивилизации.

## 2. Древний Рим

Древний Рим по своему социально-экономическому и государственному устройству был довольно близок структуре греческих полисов и по существу представлял собой один из вариантов полиса как такового вплоть до I в. до н. э. Более того, уже после кризиса гражданских войн и установления Империи, когда на смену автономным полисным структурам пришла муниципальная система, реминисценция и реальные остатки полисного устройства и мировоззрения сохранились. Близость принципиальных основ римского *civitas* и греческого *polis* естественно порождали довольно близкие этические концепции, в том числе и в такой специфической части этики, как этика труда и производства. Общеизвестно огромное воздействие греческой религии, греческой философии и культуры в целом на римскую религию, философию и культуру. Не только образованное общество, но и довольно среднее по своему достатку гражданство любило и знало греческую литературу, публицистику, философию, в том числе поэмы Гесиода, сочинения Платона, Аристотеля, греческих ораторов. Причем, среди римских хозяев был особенно популярен Ксенофонт, в особенности его «Экономика»: она была удостоена редкой чести и переведена на латинский язык самим Цицероном. Экономические советы Ксенофонта охотно использовались такими знаменитыми аграрными писателями, как Варрон, Вергилий, Плиний Старший, Колумелла. Популярность именно этих произведений была, конечно, не случайной: не столько из-за высоких литературных достоинств Ксенофонта, сколько из-за того, что этические воззрения на сущность труда, организацию жизни и хозяйства, четко сформулированные Ксенофонтом, были близки римским деловым людям.

Однако, и собственно римский менталитет, как он сформировался еще до близкого знакомства с греческой культурой, выработал этические концепции труда, довольно близкие греческому нравственному идеалу. Очень четко и определенно исконный римский этический идеал выразил Марк Порций Катон Старший. «Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь это только почетно. А предками нашими так принято и так в законах уложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. Поэтому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином против вора. И хорошего человека когда хвалили, то хвалили его так: «Хороший земледелец и хороший хозяин». Считалось, что кого так похвалили, тот взыскан высшей похвалой. Я считаю купца человеком стойким и ревностным к наживе, только жизнь его, как сказано выше, и опасна, и бедственна. А из земледельцев выходят самые верные люди и самые стойкие воины. И доход этот самый честный, самый верный, и вовсе не вызывает зависти — люди, которые на этом деле заняты, злого не умышляют нисколько» (*Cat. Praef.*). Этот идеал трудолюбивого, предприимчивого, здорового и доброго человека и стойкого воина сохранял свою силу в римском обществе вплоть



до первого века Империи. Он стал одним из центральных образов в поэме Вергилия «Георгики» и в энциклопедии Плиния Старшего. Вергилий подчеркивает не только напряженный труд зажиточного землевладельца в течение страдных работ, приносящих в дом довольство и достаток. Даже глухие дни зимнего перерыва крестьянская семья постоянно в труде: сам «хозяин перед огнем светильника в бдении время проводит, точа железом факелы острым, свой тем временем труд утешая песнею долгой, звонко бегущий челнок пропускает жена на основе», когда «девушки сучат уроки ночные», а «молодежь терпелива в трудах, довольная малым, с почтеньем относится к отцам» (Verg. Georg. I. 291–474). Столетие спустя Плиний Старший рассказывает о почтенном и трудолюбивом земледельце Гае Фурии Кресиме. Этот усердный земледелец получал со своего поля очень богатые урожаи, чем вызвал зависть соседей и был обвинен в колдовстве. Ему грозило тяжелое обвинение. И он изобрел оригинальный способ защиты. «Он принес на форум весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, ухоженных, хорошо одетых, как говорит Пизон, с железными орудиями превосходной работы, с тяжеловесными кирками, увесистыми лемехами и сытыми волами, а затем сказал: «Вот мое колдовство, квириты, но я не могу показать вам или привести на форум мои ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот» (Plin. VIII. 41–43).

Конечно, в этих отрывках содержится формулировка определенного нравственного образца, и речи не шло о реализации этого образца в реальной действительности. Насколько нам известно, историческая реальность в Риме I в. до н. э. — I в. н. э. сильно отличалась от этого идеала. Однако в данном случае важно то, что подобный идеал сохранял свою хотя бы теоретическую привлекательность, в некоторой степени играл роль парадигмы, достойной подражания.

Сохранял свое значение и даже стал более популярным и разработанным образ заботливого, предприимчивого и преуспевающего землевладельца, который уже не работает в поле, не встает рано и не проливает пот на ниве, как Гай Фурий Кресим, но который ведет напряженную и разнообразную деятельность по организации доходного хозяйства, изучает солидную специальную литературу, учитывает опыт удачливых соседей, знает региональный рынок трудовых ресурсов (цены на рабов разных специальностей, батраков и наемников), цены на сельхозпродукцию. Иначе говоря, это образ римского Исхомаха, только еще более прагматичного, более предприимчивого, более рационального.

Примером такого удачливого предпринимателя-собственника доходных поместий стал Луций Модерат Колумелла, автор первой сельскохозяйственной энциклопедии и одного из лучших произведений в мировой агрономической литературе вплоть до середины XIX в. «Пусть тот, кто посвятит себя хозяйству, знает, — писал Колумелла, — что важнейшее, чем он должен обладать, — это знание дела, возможность тратиться, воля действовать. Только у того земля будет обработана, кто, как говорил Тремеллий, и знает, как ее обрабатывать, и может, и хочет это сделать. Недостаточно знать или хотеть, не имея средств, которых требуют работы. Но, в свою очередь, воля действовать и возможность тратиться не принесут никакой пользы, если нет знания, так как самое главное в каждом занятии — это знать, что надлежит делать. Это особенно верно для земледелия, где воля и возможность, не соединенные со знанием, часто приносят хозяину большие потери, так как на работы, выполненные без толку, деньги тратятся зря... Однако ни прилежный труд и опытность вилика, ни наличие средств и желание их расходовать не имеют такой силы, как одно присутствие хозяина: если он не будет часто появляться на работах, то все остановится, как войско, где нет полководца» (Col. I. I. 1–2. 18). С точки зрения Колумеллы владе-

лец такого поместья или нескольких поместий будет человеком богатым, влиятельным и уважаемым, ведущим здоровый и нравственный образ жизни — настоящая опора закона и государства.

Насколько можно видеть, образы предпринимателя-земледела у Ксенофонта и Колумеллы довольно близки, однако, очевидна и разница. Предприниматель-земледелец Колумеллы более богат, он уже владеет несколькими поместьями, расположенными по всей Италии и даже за ее пределами, эти поместья большие по затратам капитала и с большей рабочей силой, чем небольшое имение Исхомаха. Его владелец, как правило, человек, более активно включенный в политическую жизнь своего города или центральных органов власти, которые иногда на несколько лет могут оторвать его от своих поместий. Вот почему в таких условиях усложняется труд, организация и управление хозяйством по сравнению с Исхомахом, который мог ежедневно лично осматривать свое небольшое предпринимательское хозяйство. Теперь нужно руководить и подбирать целую администрацию своих помощников и координировать их деятельность. Да и степень риска возрастает, ведь вкладываются большие средства и в земледелие, и в рабочую силу, и их потеря может вообще разорить хозяйство. Так, например, Плиний приводит пример сенатора и консулара Тария Руфа, который вложил огромные средства — несколько миллионов сестерций — для обработки своих пиценских поместий и неудачно: он не смог возратить затраченные деньги и разорился (Plin. XVIII). Напротив, сам Колумелла и такой знатный вельможа, как Плиний Младший, располагали рационально устроенными поместьями, которые приносили им приличный доход, а они, несмотря на занятость политическими и государственными делами, постоянно, заботливо и лично занимались своим огромным хозяйством.

Анализируя структуру этого труда, можно заметить, что при повышении степени доходности сам характер использования дохода мало изменялся по сравнению со временем Исхомаха. Полученные средства не вкладывались в расширение и совершенствование производства как такового, а шли на более утонченное или престижное потребление, политическую благотворительность, наращивание социального веса землевладельца.

То понятие добродетели, умеренности и срединности, которое разрабатывал Аристотель и которое было теоретическим обобщением реальной ситуации в Греции IV в. до н. э. и которое придавало деловой активности как средних, так и богатых граждан высокую нравственную одухотворенность, на римской почве теряет свои высокие этические качества, наполняясь деловым рационализмом и даже плоским прагматизмом. Деловая активность, предпринимательская деятельность теперь рассматриваются не через призму добродетельной и благой жизни, достойной настоящего гражданина, а как средство для чрезмерного потребления, получения власти в муниципии, провинциальном городе или центральном аппарате, увеличения социального престижа или удовлетворения личных амбиций.

Такое изменение характера этического образца приводило к выхолащиванию высокого нравственного начала в трудовой этике и ее трансформацию в этические категории другого типа. На место добродетельного, трудолюбивого хозяина своей судьбы, с чувством собственного достоинства, гражданина-воина, приходит иной идеал — зависимого, трудолюбивого, тихого землепашца, который должен исправно платить все возрастающие налоги и в этом видеть свой высший нравственный идеал. В то же время энергичный предприимчивый землевладелец как умелый организатор производства и активный участник общественной жизни трансформируется в крупного вельможу-землевладельца, отходящего от руководства своим хозяйством

и перепоручившим его ведение своим слугам, сибаритствующего на одной из своих сельских вилл-дворцов, которых у него несколько. У него уже нет ни воли, ни знаний, чтобы заниматься организацией своего хозяйства: политические интриги, борьба за власть, погоня за наследствами, приятное чувство неограниченной власти над зависимыми от него колонами становятся для него целью и смыслом его существования. Здесь уже нет места для производительного труда в форме организаторской работы в своих хозяйствах. Естественно, смена этических приоритетов, с одной стороны, отражала общее изменение социально-экономической и культурно-политической ситуации, а, с другой стороны, влияла на изменение этой ситуации, формируя новые принципы экономической, социальной и политической жизни.

И не в последнюю очередь великие достижения античной цивилизации в самых разных сферах были обязаны своим существованием формированию этического идеала трудолюбивого, предприимчивого, независимого, жизненно активного гражданина, наделенного скромным достатком, любящего свое государство и свой гражданский коллектив, разделяющего с ним его победы и поражения, его радости и печали.

Как оказалось, этот этический образец пережил античную эпоху и в новых условиях современного мира, в несколько трансформированном варианте вновь становится основой современной демократии и правового общества.

## Исторические формы товарного хозяйства\*

В условиях, когда активизируются процессы деструкции товарного хозяйства и стоимостного обмена, свидетельствующие о завершении экономической эпохи в истории человечества<sup>256</sup>, задача теоретической реконструкции становления данной эпохи не только не утрачивает свою актуальность, но и впервые становится вполне реальной, поскольку лишь обладая информацией о завершенных формах социального организма, мы можем достаточно уверенно выделить основные этапы прогресса.

Определяя экономический строй как второй гигантский период в развитии цивилизации, К. Маркс, как известно, рассматривал в качестве составляющих его элементов азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства<sup>257</sup>. При этом он совершенно однозначно относил к этой вторичной эпохе широкий «ряд обществ, основанных на рабстве и крепостничестве»<sup>258</sup>, хотя роль товарных форм в их рамках традиционно не рассматривается в советской и российской исторической и экономической науке как существенная. В этом нет серьезного противоречия; утверждение о том, что товарные связи являются движущей силой развития экономической эпохи как единого целого, предполагает, что мера развитости этих связей

\* Первая публикация: Вестник Российской Академии наук. 1998. Т. 68. № 7. С. 602–611 (совместно с В. Л. Иноземцевым).

<sup>256</sup> Inosemitsev V. L. The Constitution of Post-Economic State. Aldershot—London, 1998.

<sup>257</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

<sup>258</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. С. 419.

не может быть одинаковой на всем ее протяжении<sup>259</sup>. Однако необходимо констатировать, что по сей день фактически не было попыток рассмотреть экономическую эпоху с точки зрения внутреннего источника ее развития, а трактовки ее периодизации по степени зрелости товарного производства в явном виде отсутствуют не только в отечественной, но и в зарубежной литературе. Предлагаемый нами подход не претендует на всеобщий характер и, безусловно, требует конкретизации и развития, но, на наш взгляд, позволяет гораздо более полно, чем прежде, понять механизм становления и узловые точки развития экономического строя.

Мы полагаем, что история этого общества может быть разделена на два основных этапа, вычленимых по степени развитости товарных отношений и их распространенности в рамках той или иной социальной формы.

Первый из них характеризуется тем, что на его протяжении товарное производство не только не выходило за пределы второстепенного хозяйственного явления, но, что гораздо более важно, не имело потенциала, который позволил бы ему широко распространиться во всех общественных странах. Товарный обмен оставался ограниченным либо социальными традициями (как в Карфагене или Галлии), либо спецификой природных факторов и ими обусловленными типами политической организации (как в древних государствах Передней Азии, Индии и Китая), либо особым характером стратификации социума и присущим ему специфическим типом товарных потоков (как в античных обществах Средиземноморья). Во всех этих случаях товарные отношения существовали в более или менее развитых формах, складывалась внутренняя и внешняя торговля, получали все большее распространение денежные сделки и даже кредитные операции, однако все эти процессы оставались локализованными в рамках определенных социальных страт; общественная структура, не удучи гомогенной, не могла обеспечить товарным формам возможности беспрепятственно распространиться на все общественное целое. Подобная ситуация в еще большей мере была характерна для доклассовой эпохи, где движение благ между общинами и среди частных лиц регулировалось принципами дарообмена.

Наиболее характерной чертой этого периода, повторим еще раз, была невозможность широкого распространения товарных отношений, которые, несмотря на определенное совершенство их форм, оставались ограниченными узкой социальной нишей, расширение которой требовало радикального политического переустройства общества, инициировать которое товарное производство было еще не в силах. Данный этап с его локализованным характером товарного обмена и преобладанием факторов личной зависимости над элементами сугубо экономического типа мы называем периодом структурного товарного хозяйства.

Второй этап отличается от первого не столько тем, что товарные отношения вышли на качественно иной уровень развития, но, прежде всего тем, что они получили возможность широкой экспансии. Начавшись на европейском континенте со времени упадка политических структур Римской империи, этот этап с первых столетий своего развития знал большинство тех форм, которые характеризовали впоследствии товарное производство буржуазной эпохи. Мы считаем не отражающим реального положения вещей широко распространенный тезис о «возрождении натурально-хозяйственной тенденции» в эпоху раннего средневековья; напротив, мы полагаем, что на временном отрезке почти в полторы тысячи лет, вплоть до первой трети нашего столетия, нельзя

---

<sup>259</sup> *Иноземцев В. Л.* Очерки истории экономической общественной формации. М., 1996; *Иноземцев В. Л.* Исторические формы товарного хозяйства как этапы прогресса экономической общественной формации // ВМГУ. Серия Экономика. 1997. № 2. С. 22–50.

найти точку, которая обозначала бы серьезное изменение исторических судеб экономической эпохи. Буржуазное общество было в этом отношении в той же мере преемником экономической системы времен Карла Великого, в какой сама она не выступала прямым наследником античных производственных порядков, будучи отделена от них наиболее значимым переломом в истории экономического строя.

Важнейшей характеристикой этого второго периода стала резко возросшая гомогенность общества, позволившая товарным отношениям, несмотря на то, что таковые принимали время от времени характер прямого обмена продуктами, расширить их присутствие в рамках общественного целого и стать тем фактором прогресса, противостоять которому политические обстоятельства были уже не в силах. Устранение подточенных изнутри феодальных порядков стало заключительным аккордом в истории становления товарного хозяйства и сделало его, безусловно, определяющим лицо социального строя. Этот период, основной чертой которого стало обретение товарным производством способности к бурной экспансии и вторичность политических факторов перед лицом экономических, мы считаем эпохой системного товарного хозяйства.

Таким образом, мы полагаем возможным разделить период восходящего развития экономической эпохи гранью, по одну сторону которой остаются времена, когда товарные отношения не могли развиваться в рамках всего общества, а политические и социальные факторы сохраняли доминирующее значение; по другую лежит период, ознаменованный широчайшим развитием форм товарного хозяйства и подчинением потребностям его прогресса всех остальных сторон социальной действительности. Следовательно, переход, отделивший средневековье от античности, представлял собой важнейшую социальную трансформацию в рамках периода, заключенного между аграрной и информационной революциями. Значение этого перехода еще не осмыслено в полной мере; для этого необходимо, во-первых, проанализировать наиболее развитую форму структурного товарного производства, что можно сделать на примере хозяйства Римской империи начала нашей эры, и, во-вторых, средневековое хозяйственное устройство как образец системного товарного производства, еще не достигшего своего всеобщего характера.

### **Структурное товарное хозяйство**

Анализ основных характеристик структурного товарного хозяйства предполагает, прежде всего, выделение базовых секторов производства с точки зрения их технологической и организационной специфики; оценку направления и активности товарных потоков между ними; исследование динамики развития этой социальной системы.

Наиболее полно и четко основные черты структурного хозяйства раскрылись в эпоху Римской империи I–III вв., когда весь античный мир Средиземноморья политически и культурно был объединен в рамках одного государственного образования. Империя соединила самые различные социально-экономические, политические и ультурные структуры — от родоплеменных до высокоорганизованных греческих и ллинистических обществ, и никакие ее усилия не привели к преодолению глубоких различий между отдельными комплексами провинций, а гетерогенность основополагающих сфер хозяйства, общества и культуры осталась важнейшей особенностью империи. В экономическом отношении наиболее развитой частью Римской империи были Италия и Галлия, и именно здесь сложилось товарное хозяйство того типа, который мы определяем как структурное.

Мы выделяем четыре основных структурных единицы античного хозяйства, каждая из которых по-своему воздействовала на формирование регулярного товарного обмена.

Первой структурной единицей античного производства являлось сельское хозяйство, в котором было занято до 4/5 активного населения. В административном отношении центральная часть империи делилась на так называемые муниципии, в центре которых находился город. В его окрестностях располагались крестьянские дворы, поместья горожан, аристократические латифундии, муниципальные угодья. Именно здесь производились сельскохозяйственная продукция и сырье, потребляемые на месте и вывозимые в город. Основным хозяйственным подразделением было поместье средних размеров от 50 до 100 га, где работали 20–30 рабов. Специальные исследования показали, что, минуя городской рынок, продукция таких рабовладельческих вилл обеспечивала внутреннее потребление занятых работников и городской дом хозяина с обслуживающим персоналом. Но одна из отраслей, например виноградарство, маслиноводство или птицеводство — в зависимости от природных условий и экономической конъюнктуры, — резко доминировала в хозяйстве виллы, и до 90% ее продукции шло на городской рынок. Иными словами, это производство имело ярко выраженную товарную направленность<sup>260</sup>.

Колумелла, один из теоретиков и практиков такого типа хозяйства, отмечал, что для успешной деятельности владелец виллы должен отвечать трем условиям: он должен иметь желание хозяйствовать, уметь хозяйствовать и иметь достаточно средств для хозяйственных нужд. По принципам своего функционирования товарная вилла Колумеллы мало чем отличалась от фермерских хозяйств Европы XIX — начала XX вв. Да и доходность такой виллы, требовавшей солидных инвестиций, была довольно высока даже по современным меркам — около 10–12% в год<sup>261</sup>. Однако общий объем товарной продукции вилл ограничивался спросом: ведь население муниципального центра в значительной мере обеспечивалось продовольствием, сырьем, а зачастую и первичной ремесленной продукцией напрямую из собственных поместий, минуя городской рынок.

Другой распространенной формой сельскохозяйственного производства стала в I–III вв. латифундия — крупное поместье с сотнями рабов, занимавшее до 500 га и выше, с крестьянскими деревнями на этой территории. Для владельцев латифундий, людей родовитых, приближенных к власти, имеющих громадные доходы в виде жалованья и военной добычи, это владение было основой их социального и политического статуса. Латифундии обеспечивали продовольствием и сырьем своих хозяев, зависимых от них лиц, многочисленных рабов, но не были ориентированы на получение прибыли через рационализацию хозяйства и участие в товарообороте, хотя излишки продукции могли быть отправлены на рынок. Плиний Младший, один из вельмож-латифундистов, говорил, что его латифундия — это особое государство для его людей, в экономическом отношении совершенно независимое от муниципального центра, живущее своей собственной жизнью.

Однако наряду с товарными рабовладельческими виллами и громадными латифундиями большую роль на муниципальной территории играли и мелкие крестьянские землевладения. Мелкое землепользование крестьянского типа никогда не исчезало в римском обществе, и именно в этом секторе производились, в конечном счете, максимальные объемы продовольствия и сырья, предназначенного, прежде всего,

<sup>260</sup> Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С. 102–118.

<sup>261</sup> Duncan-Jones R. The Economy of Roman Empire *Quantitative Studies*. Cambr., 1974. P. 33–59.

для собственного потребления, хотя спорадически каждый крестьянин был связан с местным рынком<sup>262</sup>.

Второй структурной единицей античной хозяйственной системы было ремесло, представляющее собой по своей природе более восприимчивый к товарным связям сектор производства, нежели сельское хозяйство. Среди основных его форм следует выделить совершенно не связанное с рынком подсобное производство в хозяйствах сельских жителей; восприимчивое к рыночным тенденциям, но удовлетворяющее в основном нужды низших слоев общества производство свободных ремесленников в городах; ориентированное на рынок относительно массовое, хорошо организованное и высокопроизводительное производство в эргастериях, использовавших труд как наемных работников, так и рабов, и выполнявшее подсобные функции ремесленное производство в поместьях и городских домах аристократов, продукция которого потреблялась в других составляющих большой familia.

Как можно видеть, все эти формы организации ремесленного производства были тесно связаны с наличными типами землевладения. В частности, массовая продукция рабских эргастериев удовлетворяла постоянный и довольно емкий заказ, идущий из товарных вилл. Но между различными секторами ремесленного производства не устанавливалось экономического взаимодействия или конкуренции; каждый сектор занимал свою производственную нишу.

Третий и четвертый структурные элементы античной хозяйственной системы близки по своему хозяйственному значению. С одной стороны, следует особо отметить государственное хозяйство, основными задачами которого были обеспечение потребностей армии и флота; строительство в крупных городах оборонительных сооружений и публичных зданий; обеспечение минимального потребления для городского пролетариата, а также охрана границ и развитие путей сообщения. Учитывая, что в то время налоговая система пребывала в зачаточном состоянии, этот сектор хозяйства представлял собой как бы огромную латифундию, классическим примером чему служит снабжение низших классов римского общества хлебом, выращивавшимся на императорских землях в Египте<sup>263</sup>. Располагая громадными натуральными запасами продовольствия и сырья, государство имело большой простор для нетоварного маневрирования огромными ресурсами. Так, при катастрофическом неурожае в 100-м году в Египте император Траян направил туда многочисленные суда с зерном из других провинций, причем ни о каких денежных расчетах речи не шло.

С другой стороны, нельзя не остановиться на представителях так называемых праздных классов, потребление которых в большей мере также не было источником развития рыночных отношений, если не учитывать предьявлявшийся ими спрос на отдельные виды ремесленной продукции и рабов. Однако, поскольку основным признаком выделения секторов хозяйства является для нас их влияние на развитие товарных отношений, мы не будем более подробно останавливаться на третьем и четвертом сегментах, так как их влияние на активизацию рыночного оборота не представляется значительным.

Структурное товарное хозяйство характеризуется, прежде всего, четко разделенным рыночным и нерыночным обменом продуктами. Рыночный обмен базируется на товарообороте между земледельческим и ремесленным секторами: обмен

<sup>262</sup> Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 168–171.

<sup>263</sup> Nicolet Cl. Rendre a Cesar. Economie et Societe dans la Rome antique. P., 1988. P. 205–211; Veune P. Le pain et le cirque. Sociologie historique d'un pluralisme politique. P., 1976. P. 534–540.

излишков, возникающих у мелких сельскохозяйственных производителей, на изделия ремесла на городских рынках, ярмарках и в торговые дни; регулярные поставки на рынок сельскохозяйственной продукции рабовладельческих вилл, предъявлявших спрос на ремесленные изделия; активное предложение продукции ремесленных мастерских, противостоявшей на рынке результатам производства сельскохозяйственных предприятий, а также эпизодическая торговля излишками продукции латифундий. Нерыночный обмен представлен движением больших масс ремесленных изделий для нужд государства, армии и флота; перемещением значительных материальных ценностей при выполнении общественных работ; обменом внутри государственного сектора, а также притоком рабов из-за пределов системы и обменом продуктами между провинциями, контролируемым государством. При этом нерыночный обмен заметно превалирует как по масштабам, так и по степени организованности, тогда как потоки рыночно перемещаемых благ ограничены не более чем 10–12% национального продукта и не могут быть радикально расширены в первую очередь из-за установившейся сословно-классовой организации общества.

Анализ этого обстоятельства приводит к другому важному и на первый взгляд парадоксальному заключению, также характеризующему античное товарное производство как структурное: денежные операции ограничены в большей мере обслуживанием транзакций между частными лицами и государством — начиная от откупа или сборов налогов с провинций и кончая закупками продовольствия и рабов, финансированием общественных работ и выплатой жалования чиновникам и армии — и поэтому являются слабым регулятором рыночного обмена<sup>264</sup>. Поступления денег в государственную казну связаны, в первую очередь, с данью провинций, военной добычей, разработкой серебряных и золотых рудников, а также порчей монеты. Не более 10–15% финансового оборота опосредует сделки в рыночном секторе хозяйства. Видимость «денежного» хозяйства, на чем настаивали многие антиковеды, весьма иллюзорна и проистекает из распространенности обмена в основных городах империи — Антиохии, Карфагене, Александрии, и, конечно, в самом Риме, а также из динамики обменных операций, развитости ссудного дела и активной денежной торговли на внешних границах *rae Romanae*. Между тем истории неизвестны примеры создания крупных состояний ни в аграрном секторе, ни даже в торговле (!), а лишь в ростовщичестве, откупе налогов или на государственной службе<sup>265</sup>; как следствие этого, практически отсутствует и феномен, который можно было бы определить как инвестиции. Показателем оторванности денежного обращения от реальной хозяйственной жизни может служить анализ финансовых затруднений III в. н. э. и более позднего периода, когда непосредственное производство — как в аграрном, так и в ремесленном секторах — еще не переживало неизбежного кризиса<sup>266</sup>.

Другой иллюстрацией этого явления служит то, что чеканная монета появилась в Риме лишь в конце III в. до н. э. и слабо использовалась на протяжении следующих двух столетий, хотя интенсивность и размах торговых операций в римском обществе были весьма велики, в I–II вв. н. э. денежная масса резко возросла, но значительная ее часть оседала в виде кладов и сокровищ. Истошение серебряных рудников в Испании к середине II в. связано именно с наращиванием денежной массы и повышенной эксплуатацией серебряных монет.

<sup>264</sup> *Andreau J.* La vie financière dans le monde Romain: Les métiers de manieurs d'argent (IV Siècles av. J—C. III Siècle ap. J—C.). P., 1987. P. 643–670.

<sup>265</sup> *Duncan-Jones R.* Op. cit. P. 343–344.

<sup>266</sup> *Callu J.-P.* La politique monétaire des l'empereurs romains de 238 a 311. P., 1969.



Концепция структурного товарного производства, учитывающая как факт гетерогенности античного общества и экономики, так и факт существования товарных и нетоварных ее секторов, позволяет сравнительно безболезненно преодолеть крайности теорий античного капитализма (Эд. Мейер, М. И. Ростовцев), ойкосного хозяйства (К. Бюхер) или концепции, предложенной М. Финли<sup>267</sup>. Каждая из них имеет свою ценность до тех пор, пока не распространяет понимание одной из сторон античной экономики на общество в целом.

Структурное товарное производство, при всей глубине рыночных отношений в структурных компонентах античной экономики, не могло выйти за рамки конкретных общественных институтов того исторического периода. Оно было «замкнуто» прежде всего на античный урбанизм и классическое рабство и разделило их судьбу. Политические потрясения III в., кризис муниципальных городов, сокращение источников рабства и его производственных возможностей, казалось, подсекли под корень структурное товарное производство и рыночные отношения. В то же время нетоварные структуры продолжали существовать и развиваться, но это развитие уже не могло не воспринять накопленный исторический опыт. Поэтому когда появились новые условия для возникновения рыночных отношений, они стали формироваться на гораздо более прочной, системной основе.

### **Системное товарное хозяйство**

Подходя с таких же позиций к средневековой хозяйственной системе, мы основываемся на фактическом материале, предоставляемом северо-итальянскими государствами, Францией, Англией и Голландией XI–XIV вв. В отличие от структурного товарного хозяйства, секторами, требующими особого внимания, здесь являются сельское хозяйство, ремесленное производство и торговля.

Первым по своему значению остается сельское хозяйство; мера занятости в нем населения аналогична античной. Технические условия становятся заметно более совершенными лишь с XIII в. Между тем в средневековом земледелии невозможно выделить строгие организационные формы, как в античном хозяйстве, и это является главным отличием системного товарного хозяйства от структурного. Тот факт, что землепользователи оказались поставленными в одинаковое положение, знаменует собой радикальный переворот во всей хозяйственной системе. Контроль феодального класса предполагает отчуждение части продукта в форме продуктовой или денежной аренды; и в том, и в другом случае значительная ее доля поставляется на рынок: в первом — агентами феодалов для обмена на деньги, необходимые им для приобретения ремесленных изделий, вооружения и финансирования строительных работ, во втором — самими крестьянами для расчетов с представителями господствующего класса. Хотя норма прибавочного продукта остается низкой, один только этот фактор делает объем товарного оборота равным 12–15% валового продукта.

Вторым важнейшим сектором становится ремесло, развитие которого активно стимулируется рыночным спросом на ремесленные изделия. Их производство может быть оценено не менее чем в 15% национального продукта, и фактически все это количество поступает на рынок. Качественными отличиями средневекового ремесла выступают формирование класса ремесленников как значимой социальной прослойки, широкое применение наемного труда и распространение вполне партнерских отношений между этой возникающей социальной стратой и представителями тор-

<sup>267</sup> Finley M. The Ancient Economy. Berkley—Los Angeles, 1973.

гового капитала и государства. Все эти факторы находят свое воплощение в новой роли городов в этот период, в быстром развитии внутренней торговли предметами широкого спроса и в активном взаимодействии формирующегося класса и политических структур.

Третьей важнейшей чертой средневекового хозяйственного строя становится развитие предпринимательства, к формам которого могут быть отнесены ростовщичество и торговля. В отличие от античного периода, торговлю ведут фактически исключительно частные лица; влияние государства заметно лишь там, где она составляет основную деятельность большинства граждан, как в Венеции или Генуе, либо проявляется значительно позже в форме его участия в капитале торговых компаний; при этом приоритеты смещаются от внешней торговли предметами роскоши к внутренней торговле промышленными изделиями, а также имевшим особое значение товарами, такими как соль, серебро и т.д.

Основной характеристикой системного товарного хозяйства является возможность обозначения любого обмена продуктами как формы рыночного обмена. Принципом возмездности регулируются даже отношения между крестьянами и их сеньорами, а также отношения в среде аристократии. Отсутствие той центральной власти, которая существовала в античную эпоху, позволило ремесленным центрам, и, прежде всего городам, выйти из-под юрисдикции феодалов, что вызвало невиданный для античности рыночный характер потребления господствующего класса. Освобождаясь от формальной опеки феодалов, ремесленники продолжали концентрироваться вокруг дворов монархов и удельных князей как потенциальных источников платежеспособного спроса. Последний обуславливался получением ими средств в виде арендных платежей или натуральных податей крестьян; таким образом, впервые в истории возник замкнутый круг оборота товаров и услуг, охвативший все социальные страты, и, хотя сам объем обмениваемых благ оставался еще весьма незначительным, предела его развитию уже не существовало. Итог формирования нового типа хозяйственных связей был подведен к началу второго тысячелетия появлением регулярных денежных платежей в пользу государства — налогов, не только ставших основой пополнения бюджета, но и сделавших спрос на деньги — важнейший элемент экономической системы — постоянным и устойчивым.

Соответственно можно констатировать, что уже с VII–VIII вв. н. э. денежные операции стали той неотъемлемой частью рынка, статуса которой они так и не достигли в античное время. Последствия этой трансформации трудно переоценить. Во-первых, именно устойчивый спрос на деньги в значительной мере обеспечил формирование класса наемных работников, причем столь быстрое и повсеместное, что, начиная с XIII в. все чаще издаются законы, запрещающие забастовки и стачки<sup>268</sup>. Во-вторых, государство с XIV в. стало выступать по мере распространения займов субъектом не только требований, но и обязательств<sup>269</sup>, что сделало возмездные экономические отношения еще более распространенными. В-третьих, что кажется нам наиболее важным, собственно денежные операции, такие как меновые сделки, выдача кредитов и ссуд, учет векселей и продажа долговых обязательств, стали ориентироваться не столько на потребности и возможности представителей праздных классов, сколько на реалии производственной деятельности; даже контраст между процентной ставкой в Риме времен Цезаря и Помпея, достигавшей 48%, и в Венеции

<sup>268</sup> *Beaud M. A History of Capitalism 1500–1980. N.Y., 1983. P. 20; Kamen H. European Society 1500–1700. L.—N.Y., 1996. P. 81–82.*

<sup>269</sup> Подробнее см.: *Collins J. B. Fiscal Limits of Absolutism. Berkeley, 1988.*

и Генуе XIV в., где она порой снижалась до 2% годовых<sup>270</sup>, не отражает в полной мере масштаба перемен, важнейшим последствием которых стало производительное использование привлеченных средств, возникновение понятия инвестиций и формирование основ в полной мере капиталистических по своему характеру отношений.

Между тем такое положение определило и динамику развития формирующегося общества. В античный период упадок централизованного государства произошел в условиях, когда политические формы господства имели достаточно возможностей, чтобы не допустить явного прогресса товарных отношений, но при этом были бесцельны, с одной стороны, перед исчерпанием людских и естественных ресурсов внутри державы, а с другой — перед ростом военных возможностей внешних врагов. В средневековый период ситуация оказалась существенно иной: государство вполне инкорпорировалось в рыночную среду, став как активным производителем услуг, так и потребителем благ, но при этом развитие товарных отношений уже не требовало сохранения его внешней формы, а поддержание последней традиционными средствами становилось уже невозможным.

Господствующий класс, в римскую эпоху существовавший в отграниченной от сферы товарного обмена нише, в новое время стал активным потребителем благ, получаемых рыночными по своей сути путями, но направляемыми на сохранение социальной структуры, враждебной по отношению к носителям товарных тенденций. Поступления французского бюджета в тоннах чистого серебра выросли с 1484 по 1715 г. в 23 раза; при этом все большая их часть непосредственно перераспределялась в пользу представителей праздного класса. Быстрее всего росли расходы на армию, которые с 1620 г. превысили во Франции все остальные расходы, вместе взятые, достигая 4/5 всех трат бюджета даже в мирное время<sup>271</sup>. В их структуре затраты на 15 тыс. офицеров-дворян превышали затраты на содержание и вооружение 300 тыс. солдат и унтер-офицеров, а жалованья придворным чиновникам, должности которых имели лишь символическое значение, достигли феноменальных значений<sup>272</sup>. Однако еще более опасной стала практика масштабных заимствований, в результате чего в той же Франции государственный долг вырос с начала XVII по конец XVIII в. более чем в 30 раз, приблизившись к астрономической сумме в 2 млрд. ливров<sup>273</sup>, а платежи по его обслуживанию и вызвали тот невероятный дефицит бюджета, который все историки однозначно называют основной причиной переворота 1789 г.<sup>274</sup>

### Переход от структурного товарного хозяйства к системному: логика и значение процесса

Оценив основные различия структурного и системного типов товарного хозяйства, мы можем уже с иных, по сравнению с общепринятыми, позиций подойти к исследованию характера и исторической роли той трансформации, которая устранила античный тип производства и дала начало новой Европе.

<sup>270</sup> Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme*. Т.3. P.6. 1979. P. 208.

<sup>271</sup> Potter D. *A History of France*. P. 146; Lis C., *Soly H. Poverty and Capitalism in Pre-Industrial Europe*. Atlantic Highlands (N.J.). 1978. P. 99–100; Bayard F. *Guignet Ph. L'economie francaise aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siecles*. P., 1991. P. 117–118.

<sup>272</sup> Briggs R. *Early Modern France 1560–1715*. L., 1977. Graph 5.

<sup>273</sup> Mousnier R. *Le Conseil du Roi de Louis XII a la Revolution*. P., 1970; Mousnier R. *Les institutions de la France sous la monarchie absolue, 1598–1789*. Т. 1–2. P. 1980.

<sup>274</sup> Goubert P. *The Ancien Regime*. L., 1997. P. 164–165; Soboul A. *La Revolution francaise*. P., 1982. P. 118–119; Lefebvre G. *The Coming of the French Revolution*. Princeton, 1988. P. 21–23, и др.

В отечественной исторической науке, и в особенности в экономической истории, существовало множество стереотипов, затруднявших адекватный анализ событий этого времени. Особое значение для формирования получившей широкое распространение концепции имели три обстоятельства. Во-первых, так называемые варварские королевства, пришедшие на смену Западной Римской империи, воспринимались, как правило, в качестве примитивных структур, которым надлежало пройти длительный путь исторического развития, чтобы достичь античного уровня. Проблема почти не рассматривалась под тем углом зрения, что источники общественного и экономического развития античности оказались исчерпаны, что, в частности, оказывался перекрыт магистральный путь товарного производства — главного механизма общего экономического развития. Во-вторых, не рассматривая товарное хозяйство римского периода в качестве структурного и не осознавая всей его ограниченности и локальности, многие исследователи отмечали, что переход к «темным векам» был ознаменован прежде всего резким ренессансом так называемого «натурального» типа хозяйства; особое внимание, уделявшееся внешним формам проявления рыночных связей, не позволяло им заметить, что устранение этих гипертрофированных явлений играет, скорее, позитивную, чем негативную роль, свидетельствующую о прогрессивном характере происходящих изменений. И, наконец, в-третьих, общепринятая в советский период концепция «общественно-экономических формаций»<sup>275</sup>, не позволявшая в должной мере исследовать эволюцию экономического общества в качестве единого целого и относившая формирование серьезного комплекса товарных отношений лишь к позднефеодальному периоду, трактовала античность и феодальный строй как два способа производства, по сути своей в равной степени определенных неэкономическими факторами, что приводило к утверждению о неактуальности самого исследования товарных отношений при переходе от первого ко второму.

Между тем мы основываем наш подход на иных тезисах. Во-первых, мы полагаем, что социальная структура постримских обществ не была лишь несколько модернизированным под римским влиянием организмом варварских племен; скорее, верно обратное: до X в. европейские страны оставались прямыми носителями социальных отношений позднеримского типа, лишь отчасти видоизмененных влиянием общинного строя варваров. Во-вторых, мы считаем, что модификации товарного оборота и денежного хозяйства в этот период несли на себе гораздо меньший отпечаток упадка и деструкции, чем это принято считать. И, в-третьих, мы придерживаемся мнения, что исследование перехода от античного общества к феодальному следует вести, исходя из трактовки этих двух социальных форм именно в качестве этапов поступательного прогресса экономического общества как единого исторического феномена.

Упадок Римской империи, и это кажется нам наиболее значимым, является в то же время процессом преодоления характерной для античной эпохи гетерогенной экономической и социальной структуры. Данная трансформация включала в себя два параллельных, но в то же время разнонаправленных процесса: с одной стороны, развитие крупных, пусть даже и самодостаточных форм производства, вело к прогрессирующему размыванию класса свободных землевладельцев, обезземеливанию крестьян, формированию сначала свободной, а затем и полусвободной аренды, которая впоследствии получила наиболее полное воплощение в системе отношений

<sup>275</sup> О характерных чертах и процессе становления данной концепции подробнее см.: *Иноземцев В. Л.* К теории постэкономической общественной формации. М., 1995. С.155–186.

римского колоната<sup>276</sup>; с другой стороны, шел процесс постепенного смягчения форм рабской зависимости, в результате чего некоторые категории рабов и военнопленных оказались весьма приближенными по своему имущественному положению и по формам социальной зависимости к крестьянам-колонам<sup>277</sup>. Данное обстоятельство исключительно важно по двум причинам. Во-первых, новый тип социальной организации позволял унифицировать все подавленные слои населения и становился исключительно удобной средой для развития обменных отношений, основой которых выступали арендные платежи за землю, вне зависимости от того, вносились ли они в денежной или натуральной форме. Во-вторых, что не менее существенно, новая социальная структура оказывалась далеко не столь антагонистичной по отношению к обществу строю германских и франкских племен, ибо не предполагала первоначального резкого разделения всего социума на *civitas Romanis* и бесправных рабов; во многом именно поэтому вполне естественным для варварских правителей в III–V вв. было не разрушение империи и ее институтов, а внедрение в них или их приспособление к своим учреждениям<sup>278</sup>. Это обстоятельство имело отнюдь не поверхностный характер; поддержание старых порядков воплощалось не только в том, что до VII в. многие варварские правители продолжали чеканить монету римских времен, обозначая себя в качестве императоров; гораздо более важно, что благодаря такому поддержанию социальная структура раннефеодальных обществ в Европе оставалась близка позднеимперской, а рабство, как это ни парадоксально, исчезло в большинстве европейских государств только к XII в., в период, когда во многих из них было официально отменено и крепостное право. Таким образом, становление раннефеодальных обществ в Европе было не столько совершенствованием варварских порядков, сколько преобразованием позднеимперского общественного строя, трудным путем становления системного товарного производства из структурного, а не возникновения товарного хозяйства из спорадических обменов между варварскими племенами. Широко известное мнение Ф. Энгельса о том, что «между римским колонном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин»<sup>279</sup> кажется нам не вполне корректным. Более верными представляются утверждения А. Пиренна о возможности рассмотрения европейской истории вплоть до VIII–IX вв. как продолжения эволюции римских социальных отношений<sup>280</sup>.

Нельзя не отметить и радикальное изменение характера денежной экономики в период между расцветом Рима и становлением зрелых феодальных форм в X–XI вв. В античный период денежное обращение обслуживало в первую очередь нужды обмена между весьма ограниченным кругом лиц, потребности внешней торговли, государственные трансакции, а также крайне ограниченный сектор кредитных операций. Именно поэтому катастрофические последствия для денежного хозяйства имел не столько кризис аграрного сектора и ремесла (здесь падение производства вплоть до начала IV в. не было масштабным), сколько проблемы государственных финансов.

<sup>276</sup> *Latouche R.* The Birth of the Western Economy. Economic Aspects of the Dark Ages. L.—N.Y., 1981. P. 18–19; *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 62–70.

<sup>277</sup> *Block M.* La societe feodale. P., 1989. P. 358–359.

<sup>278</sup> *Wolfran H.* History of the Goths. Berkeley—Los Angeles, 1990. P. 211–216, 327–331; *Howarth P.* Attila, King of the Huns. The Man and the Myth. L., 1994. P. 153–154.

<sup>279</sup> *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21. С. 153–154.

<sup>280</sup> *Pirenne H.* Mohammed and Charlemagne. L., 1939; *Pirenne H.* Medieval Cities. Their Origin and the Revival of Trade. Princeton, 1969.

Отсутствие комплексной системы поступления доходов в государственный бюджет, предназначенный для непомерного финансирования армии и органов управления, фактически предполагало, что необходимые средства могли поступать только извне системы<sup>281</sup>, что было возможно в условиях территориальной экспансии и значительной военной добычи и дани. Между тем по мере сокращения возможностей агрессии вовне и роста расходов, порождаемого внутренними проблемами, государство стало прибегать к внедрению в обращение различного рода суррогатов, к уменьшению веса монеты и снижению доли драгоценного металла в ней<sup>282</sup>, что вызвало неконтролируемую инфляцию и бегство от денег; полноценная же монета изымалась из обращения, становясь объектом тезаврации. Однако эти катастрофические, на первый взгляд, обстоятельства не привели к резкому снижению количества обмениваемых товаров; напротив, торговля переориентировалась на внутренний рынок, что способствовало ее дальнейшему развитию. Основными предметами обмена стали распространённые потребительские блага, а не предметы роскоши, что сделало рынок более емким по сравнению с античным периодом; ярмарки, с VII в. распространившиеся во всех европейских странах, не только предполагали прямой продуктообмен, но оказывались главным местом притяжения денег, которые стали быстро приспосабливаться не столько к нуждам государства и отдельных членов аристократического класса, сколько к потребностям обслуживания массовых торговых сделок. Весьма характерно в связи с этим, что в VI–IX вв. Европа фактически полностью ушла от использования римских ауреусов, тогда как удобная в повседневных расчетах мелкая серебряная монета чеканилась почти в каждом крупном городе<sup>283</sup>.

Радикально изменилась в данный период и роль государства. Являясь одной из мощнейших антирыночных сил, античное государство оставалось инструментом по своей природе неэкономическим, перераспределяя потоки материальных ценностей вне рыночного сектора. В Европе же, начиная с VIII–IX вв., налоговая система стала основываться на относительно регулярных подушных сборах, к которым позднее присоединились налоги на собственность и другие формы косвенных платежей. На основе этих поступающих средств сеньоры формировали свой спрос на ремесленные изделия как рыночный фактор; с XII–XIII вв. появились первые государственные бюджеты, несколько позже власти стали прибегать к займам, а в XV в. начал формироваться рынок государственных долговых обязательств. Ни одно из отмеченных явлений не присутствовало в сколько-нибудь развитом виде в условиях античного способа производства.

Все это подчеркивает несовершенство распространенного в отечественной историографии подхода, основанного на относительно автономном рассмотрении античного и феодального обществ и базировавшегося на понимании, как первого, так и второго в качестве двух способов производства, характеризующихся не различным уровнем развития товарно-денежных отношений, а единым, внеэкономическим, типом принуждения непосредственного производителя к продуктивной деятельности.

Важнейшим результатом рассмотрения всех этих вопросов мы считаем новое понимание характера и исторического значения того перехода, который опосредо-

<sup>281</sup> *Duncan-Jones R. Structure and Scale in the Roman Economy. Cambridge, 1990. P. 187–198; Duncan-Jones R. Money and Government in the Roman Empire. Cambridge, 1994. P. 33–46; Stambaugh J. E. The Ancient Roman City. Baltimore—L., 1992. P. 142.*

<sup>282</sup> *Harl K. W. The Coinage in the Roman Economy. Baltimore—L., 1996. P. 127, 130, 164, 212, 216, 229, и др.; Coffield J. A Popular History of Taxation. L., 1970. P. 54.*

<sup>283</sup> *Fossier R. Le Moyen Age. T. 1. Les Mondes Nouveaux. P., 1986. P. 97.*

вал становление средневекового строя на европейском континенте. Понимая прогресс европейских наций как противоречивое, но поступательное развитие отношений экономической эпохи, мы обращаем внимание на сложную природу данной исторической трансформации. С одной стороны, мы подчеркивали и подчеркиваем ее огромное значение как основного, переломного момента в становлении экономической эпохи, как события, сделавшего возможным доминирование экономических начал над политическими. С другой стороны, мы отмечаем, что революционная сущность этого преобразования ни в коем случае не должна приводить к недооценке ее эволюционной формы; с этой точки зрения, переход от античности к феодализму характеризовался существенными элементами преемственности, а не резким разрывом с прежними хозяйственными отношениями. При этом как первое, так и второе обстоятельство обусловлены эволюционным развитием общества как экономического целого.

Рассматривая развитие хозяйственных отношений в период перехода от античного способа производства к феодальному, мы обнаруживаем также ряд важных обстоятельств, требующих особого внимания. Во-первых, одной из главных характеристик хозяйства на всем этапе перехода стало отсутствие явного диссонанса между массой обращающихся благ и мерой развитости форм товарного обращения, которая не должна рассматриваться как свидетельство некоей натурализации хозяйства. Во-вторых, товарные отношения получили возможность широкого распространения только тогда, когда произошла относительная унификация организационных форм производства в различных его секторах и странах. В-третьих, быстрый прогресс рыночных отношений был обусловлен возникновением значительной общественной прослойки, оказавшейся их носителем, причем она уже не обеспечивала интересы одной лишь аристократии, а базировалась на широком развитии товарно-денежных отношений на «низовом» уровне. В-четвертых, формирование новой системы неразрывно связано с привнесением экономических форм в характер взаимодействия хозяйственных субъектов с государством, до этого времени являвшимся воплощением главным образом политического начала в общественной жизни.

## **Гений Александра\***

Не согласимся с Лотреамоном, говорящим: «Поэт полезнее любого гражданина своего времени. Его творчество — кодекс для дипломатов, законодателей, наставников молодежи». Суть в том, что поэт начинается там, где кончается человек. Оттого полезнее поэта — правитель, личным примером задающий жизненный кодекс. Поэт пребывает в идеальном; предводитель отечества же — конкретный человек — реально вменяет образцы подданным.

Александр Македонский прожил без малого 33 года. Находился у власти 13 лет (336–323 гг. до н. э.). 3 года из них ушло на стабилизацию собственного правления на родине; 10 лет — на ведение восточной завоевательной кампании. Для лакея нет героя. В обыденно-житейском смысле судьба Александра невзрачна: к каким высо-

---

\* Первая публикация: Власть. 1998. № 2. С. 58–63 (совместно с В. В. Ильиным).

там приобщился он, кроме тягот, лишений, в общем элементарного ратного существования, скрашиваемого безысходными солдатскими попойками и тривиальными походными оргиями?! Научная точка зрения, однако, располагает к иному ракурсу видения. Она обязывает подойти к феномену Александра не как к казусу, отдающему случайную дань происходящему, а как к единичности, поднятой до уровня явления.

Равнодостоинство людей перед ликом вечности неоспоримо. Между тем в нашем обозримом локале все мы друг другу не равны. Покой и воля — не атрибуты исторической призванности; не каждый способен реализовать соответствие вызову времени, некое высшее, если угодно, метафизическое назначение. Верно, Александр воплотил версию человека, не чуждого частной жизни, но и нечто большее: нашу пап, отработав правила складывания империй, он открыл в мировой истории эпоху обмирщения великих социальных проектов.

### Социально-политический кризис полисной организации

V–IV вв. до н. э. — вершина классической эллинской цивилизации, эпоха замечательных достижений в социокультурной и политической сферах. Древние греки создали рациональное поставляющее хозяйство, заложили фундамент гражданского общества, разработали эффективные формы участия народа в государственной жизни. Неподражаемыми эталонами высокого, непревзойденными раритетами духа и по сей день остаются творения Эсхила, Софокла, Аристофана, Геродота, Фукидида, Платона, Аристотеля... И наряду с несомненным подъемом — глубочайший внутренний кризис, вызванный пороками полисных общественных институтов.

Политическая автономия городов-государств, стимулируя суверенный прогресс всякой отдельно взятой социальной структуры, не только не способствовала общенациональному развитию, но и прямо препятствовала ему.

Попытки обуздать ситуацию, создать союзные объединения успеха не имели. Набирающие было силу центростремительные тенденции, сплывающие народ вокруг, допустим, Афин, мгновенно гасились центробежными контртенденциями, идущими от той же Спарты. Никакое из греческих полисных государств не могло установить верховенства — противодействующий блок однотипных государств немедленно пресекал претензии на гегемонию. Положение усугублялось многочисленными «священными» (защищавшими интересы храмов) войнами, выведшими на новые витки деструктивного разброда и погружавшими в тенета преступного брадобийственного насилия.

На доктринальном уровне консолидацию обеспечивали мощные сплотительные ценности, противопоставляющие Грецию как таковую внешнему общему врагу. Возникли платформы Исократы, единящего нацию в потенциальной борьбе с Персией (программа натиска на Восток с целью его торгово-промышленной колонизации), и Демосфена, единящего ее в актуальной борьбе с Македонией (программа отстаивания национального суверенитета против аннексионистского курса Филиппа II). С прагматической точки зрения единственное, способное нейтрализовать удельщину, сепаратизм, — это твердое государственное начало, жесткая властная вертикаль, которую в обход концептуальных штудий, модельных конструкций (умозрительные проекты идеальных социумов Платона и Аристотеля) на деле начал внедрять Филипп II (382–336 гг. до н. э.). Завоевав Фессалию, Иллирию, Фракию, ряд других областей и пространств, подчинив себе Грецию, отец будущего императора стал четко проводить в жизнь вдохновительные решения коринфского конгресса (337 г. до н. э.), провозгласившего стратегический союз Афин с Македонией, установившего мир



между полисами, введшего ограничения демократических инициатив (запреты на передел земли, уничтожение долговых обязательств), высказавшегося за симмачию — союз независимых полисных структур в виде симбиоза формально свободных социальных единиц с централизованной военно-монархической властью.

Победила, таким образом, партия Исократы: национальный мир стал возможен в обмен на сугубо захватническую идею; линия войны с Персией (во имя «отмщения эллинов») позволила подчинить энергию народа требованиям не народной (и в смысле ненациональной, и в смысле авторитарной), но решающей проблемы народа власти. (Акцентируем данный момент, важный для последующего.)

Человек предполагает, бог располагает. Достигший акме 47 лет от роду Филипп II на свадьбе дочери неожиданно погибает от рук убийцы. Царем Македонии, гегемоном эллинского союза провозглашается 20-летний Александр. Ему, темпераментному жизнелюбивому юноше, выпадает жребий решать сложнейшие вопросы греческой национальной судьбы: выводить народ на неведомые, но чаемые цивилизационные магистрали.

### Дело отца — кредо сына

Воспитание ребенка, говорят англичане, начинается за сто лет до его рождения. Важна почва, традиции, приобщившись к которым, возможно подключиться к достойному. Образованием Александра руководил светлейший ум древности Аристотель, прививший ему свойства сознания государственного. Активно способствовал личностному росту и отец, доверявший, как в битве при Херонее, командование важными участками фронта. К моменту вступления на престол наследник обладал необходимыми для трондержателя качествами: имел боевой опыт, располагал редкими душевными способностями — такими, как умение лавировать, осуществлять расчет, проявлять волю. Вокруг отмеченного печатью незаурядности человека сплотился круг соратников в лице талантливой фрондерствующей молодежи — Птолемей, Гарпал, Гефестион, Неарх.

Укротив интриги при македонском дворе, расправившись с потенциальными претендентами на корону из числа родственников и оппозиционеров-полководцев, Александр решительно пресек удельные тенденции в среде фракийско-иллирийских племен, гетов, антимакедонские выступления в Греции. Репрессии, конечно, не отнести к совершенным политическим технологиям. Тем не менее следует отдавать отчет: нередко они оправданны. Корень оправданности репрессий располагается в плоскости национальных интересов — все, что обслуживает их, способствует благу целого, приемлемо и желанно. Подвергнувший нещадному разгрому население Фив, срывший город до основания, Александр снискал себе славу не варвара, но героя. «Не верь, не бойся, не проси» — кредо лица державного, готового на подвиг, самопреодоление во имя Отечества. Сотворения человека государственного имеют наполнения внеисторические. Убивает, насилует, грабит людей — мародер. Уничтожает, стирает, порабощает народы — стратег. Деятельность последнего идет по ряду не дремучего висельника, а вождя, от имени и по поручению нации управляющего великое триединое дело — дело завоевания, упрочения, устройства.

Не причастный к нему (делу) властитель — исторический промах, не способный нести крест промыслительного. Власть получает признание в веках. Во власти важно величие. Вековую историю делают пусть злые, но гении. Убогому, серому, ничтожному не достается места в Анналах. (Акцентируем и эту мысль, востребуемую в будущем.) Посредством насаждения на земле греческой «эллинского страдания»

(Арриан) Александр сугубо укрепил державу, ликвидировал внутренние затруднения для осуществления дела отца — великой восточной кампании.

### Поход на Восток

Экспедиция на Восток началась ранней весной 334 г. до н. э. Небольшая по численности, но отменно подготовленная греко-македонская армия (30 тыс. пехоты, 5 тыс. конницы), переправившись через Дарданеллы (Геллеспонт), достигла азиатского берега. Первым вступивший на вражескую землю Александр по традиции метнул копьё, символически объявляя войну противнику. В техническом отношении операция покорения огромной, простиравшейся от Индии до Эфиопии, от Арала до Эгейского моря Персии прошла блестяще: войско Александра не проиграло ни одного сражения количественно многократно превосходившей его персидской армаде.

Битвы при Гранике, Иссе, Гавгамелах, Гидаспе, взятие Милета, Галикарнаса, Тира, Газы, Сангалы, подчинение Сирии, Финикии, Палестины, Египта, Вавилонии, Сузианы, Бактрии, Гиркании, Парфии, Арейи, Согдианы, Кашмира, Гедросии, Кармании, установление господства в Восточном Средиземноморье, Балканах, Индии, Средней Азии — непреходящие вехи не имеющей аналогов в истории кампании. За 10 лет борьбы по пустыням, горам, болотам греко-македонская армия преодолела 20 тыс. километров, покорила десятки стран, государств, народов. В итоге оформилась крупнейшая мировая держава, единая значительные фрагменты Запада и Востока.

### Имперостроительство Александра

Оккупировать территорию легко, трудно ее обустроить. Как подчинить эффективной власти колоссальные цивилизационно не сопряженные пространства, наладить в них управление, вовлечь население в гражданские жизнеобеспечивающие воспроизводительные циклы? Проблема аккультурации захваченного, перевода завоеванного из плоскости «соперничества» в плоскость «сотрудничества» — капитальнейшая в отношениях победителей и побежденных. С полной определенностью можно сказать: это — проблема империи.

«Империя», которую и создал Александр, не терпит применительно к себе квалификаций уничижительных. Она есть высококачественный продукт исторического развития, представляющий властно консолидированный цивилизно продвинутый социум, располагающий а) развитой военно-бюрократической государственностью; б) выраженной тенденцией к тем или иным формам ценностного идентитета (мощные единительные, духоцентричные, конфессиональные, идеологические, державные комплексы).

По мере ослабления этих скреп статус (цельность, целостность) империи разрушается. Избегать эрозии империи как института позволяет либо поддержание дисциплинарного тона общественных связей сверху, либо стимулирование самодетельного, инициативного поведения населения снизу. Александр в основном и преимущественно успел и сумел опробовать первый способ, связанный с применением жестких технологий достижения странового единства. Универсальный гарант от смуты, провалов державности, отработывающийся непосредственно в завоевании, складывался в виде абсолютизма и военно-монархического, бюрократического централизма.

У кого сила, у того право. Сила и право — первейшие рычаги имперостроения. Однако ограничиться утверждением, будто империя Александра держалась лишь правом силы основного войска и власти наместников-сатрапов, было бы столь же верно, сколько и поверхностно. Наша мысль состоит в проведении идеи, что Александр — не тривиальный тронзахватчик, посредством грубого силового напора покоривший некий фрагмент мира. Александр — едва не первый в истории политический деятель, стремившийся рационально — целесообразно-разумно — организовать государство. Напомним, что государство — феномен безусловно объемный, глубоко эшелонированный, агрегирует порядки: — главенства: властный регламент; — господства: регламент доминирования; — правления: регламент подчинения; — управления: регламент соподчинения; — права: дисциплинарный (полномочный) регламент.

Совместно они выражают момент целостной природы государства: государство — легальный институт конституирования интересов общего. Догосударственные, предгосударственные, негосударственные общности пропитаны частным. Лишь государство (как должностная корпорация) сосредоточена на социальной тотальности.

Государство — форма державного объединения людей на конкретном жизненном пространстве с опорой на власть, право, ценности. Субъект государства — не институции (конторы), а народ, являющийся политико-гражданской предпосылкой и материей государства. Натуралистическая его предпосылка — участок поверхности Земли (территории, акватории), исторически и фактически данный народу. Государство не идентично власти. Власть во всех измерениях шире, что чисто выразительно передается фигурами «власть традиции», «власть авторитета», «власть дум». Государство есть только специфическая власть — власть правооформленных (кодифицированных) институтов. Государство не комитет, не кабинет по выполнению частичных социальных ролей, оно — режим перманентного поддержания целостности гражданских структур, быть целостными для которых — не естественное состояние, а эффект немалых, хорошо скоординированных усилий. Государство инспирирует не классы, а логика саморегуляции внутренне дифференцированной многоотсечной групповой жизни, естественно-исторически культивирующая публично-правовые, силовые, институциональные, ценностные механизмы налаживания кооперативной воспроизводственной деятельности. Универсализм государства сказывается в заявлении и проведении народно-национального интереса, непосредственно и посредством выражаемого через оптимизацию и гармонизацию «бытия тотальности» (Гегель), зависимых от нее элементов, факторов.

Возвращаясь к оцениваемому сюжету, акцентируем: государство возникает там и тогда, где и когда появляется необходимость обособления функций социального целого, где и когда целое заявляет самодостаточность, обнаруживает, обнажает особые, высшие интересы. Сосредоточивая под своей эгидой всю полноту власти, целое реализует ее через «силу» и «право». В таком первоисточном смысле «государство» как бы примыкает к «империи». «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас», — повествует Екклесиаст. Империя — не особый (модифицированный) тип государства, а исходно само государство, опирающееся на силу (военную власть) и юрисдикцию («*impregium*» есть полнота власти, полномочий). В геральдике символы власти и права передаются фасцией — связанным кожаным ремнем пучком прутьев с воткнутым в него топориком — знаком полномочной должностной и карающей власти. Государство как

империя и империя как государство — институциональные субъекты социальности, наделены полнотой власти, на данной территории в данном народе стяжают монополию на силовую и правовую инициативу. Государство, говоря кратко, жизнедействует как машина выработки условий, анаболитический механизм упорядочивания импульсов от людей, народа, общества с образованием вещества социально гарантийного, гражданского существования. В фундаменте этого анаболитического механизма, что очевидно, — монополия, исключительное право на институциональную (силовую, правовую) инициативу. В свете того, что «монополия» — силовая и правовая прерогатива «государства» — генетически сближается с «империей», понятен особый интерес к легендарной фигуре Александра — пионера государственника-имперостроителя.

«Природа, — назидал Аристотель, — устроила так, что и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов, у последних тело мощное, пригодное для выполнения необходимых физических трудов, свободные же люди имеют свободную осанку и не способны для выполнения такого рода работ: зато они способны для политической жизни... Ведь раб по природе — тот, кто может принадлежать другому и кто причастен к рассудку в такой мере, что способен понимать его приказания, но сам рассудком не обладает. Польза, приносимая домашними животными, мало чем отличается от пользы, доставляемой рабами: и те и другие своими физическими силами оказывают помощь в удовлетворении наших насущных потребностей... Очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие — рабы и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо». Именно такими по природе рабами и считались все негры, которых называли варварами. Но тем и ценен ученик, что идет дальше учителя. Варианту сервилизации Александр противопоставляет собственный вариант культивации завоеванных пространств. Дальнеперспективным рычагом подобной культивации выступало последовательное превращение многочисленных покоренных этносов в единую нацию.

Этнос — натуралистическая общность; нация — общность социально-политическая (можно быть евреем и американцем, славянином и французом). Нация как образующая историческое есть групповая целостность с признаками политического, территориального, хозяйственного, культурного единства. Верно, нация замыкается на некую этническую определенность, но «этническое» не сущнообразующий атрибут нации.

Таковым выступает «державность» — политико-государственная организация осваивающего данную территорию народа, которая позволяет охранять, сохранять, поддерживать имеющийся во владении народа, исторически закрепленный за ним фрагмент земной поверхности. Подразумеваемая радикальность черты «государственность» для нации (равно как «культуры», «языка» — для национальности), возможно понимать «нацию» как совокупность граждан державы на базе конституированного отношения согражданства. Такое понимание отсекает ненужные, нередко опасные этнические модуляции и шлейфы, осложняющие кооперацию не однородных, но нужных друг другу людей на конкретной государственной территории.

С позиций хроногеометрических рассмотрений «этнос» (национальность) стремится стать нацией (добиться державной организации) при достижении этнической чистоты в некотором антропогеоценозе.

Лучшим и естественно благотворным влиянием на ситуацию является в этом случае ресурс не жестких (принудительное переселение, ассимиляция, резервация), а мягких технологий, активизирующих возможности плавильного котла. Этнической

концентрации с тенденцией сепаратизации противостоит цивилизация (монополией на которую в стране обладает государство), конкретно такие ее модусы, как урбанизация, интенсивная коммуникация, институты образования (школа в широком смысле), армия. Обобщая, можно утверждать: данные модусы дробят племенное, перемалывают этнически-народное; создавая оторванную от местной привязки цивилизационно обработанную массу, они делают аборигенов конформными с многонациональной культурой по параметру адаптированности к общежитию. При желании снизить порог межэтнического противостояния требуется не вводить войска, а усиливать культуротворческую программу — развивать города, строить дороги, образовывать, совершенствовать обстановку в армии. Рычаг цивилизации — рычаг «Вавилона», выполняющего (при редукции иных модусов) генетически первородную «космополитическую» (антиэтнодиктаторскую) функцию. Племенному аборигенному сельскому варварству Александр исходно противопоставлял городскую «космополитическую» цивилизацию — не единую общину, а смешение племен и народов с разнообразием языков, наречий, обычаев, религий; разобщенность, непрерывное от нее преобладание материального, экономического интереса над интересом корпоративным (город даже в зачаточной его форме в принципе не управляется на основе обычая, традиции. Он по самой своей сути требует иных форм организации, управления, каковыми оказываются положительный закон, публичная власть, замещающая авторитет старейшин)<sup>284</sup>.

### Уроки истории

Перипетии державного опыта Александра во многих смыслах примечательны. самого пристального внимания заслуживает техника созидания империи. Чисто опытно Александр нащупал, выявил здесь свои зависимости, которые в мировой практике использовались в последующем вполне сознательно.

Цивилизация, эксплуатирующая, но не культивирующая, не имеет будущего. В отличие от своих советников это отлично понимал Александр, поставивший на обихожение аннексируемых пространств подключение покоряемых аборигенных народов к высотам цивилизации. Цивилизация противостоит варварству жизнепроизводственным отрывом — более высоким уровнем культурных, индустриальных, гражданских, сельскохозяйственных технологий. «Империя» в наиболее широком смысле, подчеркивает Бицилли, есть отношение властвование — подчинение, отношение господствующего народа и подвластных<sup>285</sup>. Подобное отношение реализуется через кратократическое начало, государственную опеку, силовое давление. Империя в начале своей повышательной фазы наращивает территориальную громаду, расширяя масштабы исключительно применением силы. Далее, однако, о себе заявляет логика гарантийного воспроизводственного процесса. Завоевать территорию, народ можно, но держать их в подчинении одной силой продолжительное время достаточно трудно. Трудно по причине затратности — рано ли, поздно ли, силы тают; воевать с народом на его территории невозможно. Для удержания завоеваний в отношении покоренных окраин требуется программа приемлемого (по крайней мере достаточного для срыва немедленного выступления) существования. Если выработать ее удастся, империя, пребывая в повышательной фазе, самостабилизируется. В противном случае внутренние антагонизмы обостряются, освободительная борьба

<sup>284</sup> Так же см.: Поздняков Э. А. *Философия государства и права*. М., 1995. С. 86.

<sup>285</sup> См.: Бицилли П. *Наследие империи // Рубежи*. 1996. № 8. С. 83.

нарастает, удерживать целое в исходном порядке становится все затруднительнее, империя входит в понижательную фазу развития, характеризующуюся державным деградансом вплоть до распада и краха. В отношении первого Александр преуспел. С державной (аннексионистской) миссией он справился. В отношении второго Александр не успел. Между тем империя его целеустремленно начала выполнять культуротворческую, устроительную миссию: применительно к покоренной провинции проводилась дальновидная стратегия цивилизационного обихоживания, состоящая из глубоких шагов:

- экспорта этноса из метрополии (подкрепляющая экспансию торгово-промышленная колонизация земель);

- экспорта бюрократии (привлечение к управлению местами ставленников из центра);

- инкорпорации аборигенной знати во власть;

- урбанизации (закладка нескольких десятков стратегически ответственных опорных пунктов, городских центров);

- централизации финансовой политики (введение для Греции и Передней Азии единой монетной системы);

- интернационализации армии (создание контингентов в из эпигонов — обучаемых по-македонски юношей аборигенных народов);

- либерального, избирательного отношения к обычаям покоренных народов (сакрализация власти — для Востока, поддержание демократических традиций властвования — для Запада);

- активного наступления на эндогамию (поощрение межнациональных браков, создание энергичной, буферной диаспоры, — «чтобы путем... родственных уз установить между величайшими материками согласие и дружбу, какая существует между родственниками»).

Все эти, безусловно, перспективные слагаемые имперостроения, начавшие материализоваться Александром, не смогли за его короткий век проявить себя полноценно и представительно. Как следствие — отсутствие единой экономической, хозяйственной, культурной, административной основы державности, без которой последняя выступала не органической целостностью, а хаотичным конгломератом непереваренных плавильным котлом местных укладов.

Не решил Александр проблемы регламента власти. Это касается моментов как отправления, так и передачи властных функций. Отправление власти во многом опиралось не на легитимный правоустановленный порядок, а на импульсивную импровизацию первых лиц. Аналогичное справедливо и касательно вопроса передачи власти. Самый опасный, тревожный момент государственности — послевластие, обостряющее борьбу за трон. Державу Александра Македонского разорила война диадохов. (кризис государства Селевкидов после смерти Антиоха IV целиком и полностью вызван династической враждой (с участием членов царской семьи, временщиков, узурпаторов); по выделении Вавилонии, Персии, Мидии царства не стало). Для предотвращения паралича деятельности аппарата государственности смена власти должна протекать в четко очерченном легитимном, правовом поле. Никаких актов, процедур, инструкций, задающих канву, контур подобного поля, империя не имела.

В результате борьбы вокруг вопроса о престолонаследии Грецию и Македонию получил Антипатр; Египет — Птолемей; Каппадокию и Пафлагонию — Эвмен; гелеспонтскую Фригию — Леоннат; Фригию — Антигон; Фракию — Лисимах.

Великое детище Александра — грандиозная империя древности пала.

## Эпопея Октавиана Августа\*

### Ситуация в Риме

Вторжение галлов, повлекшее распад латинской федерации, с середины IV в. до н. э., вынудило Рим восстановить свое ведущее положение в Лации силой. В 340–338 гг. до н. э. идет латинская война за гегемонию Рима в среде латинских городов. После разгрома коалиции латинов, аврунков, вольсков, кампанцев населению неримских городов даровано право римского гражданства. Затем начинается вторая Самнитская война (326–304 гг. до н. э.), направленная на аннексию Кампании, греческого Неаполя. Третья Самнитская война (298–290 гг. до н. э.) позволила существенно расширить территориальные владения Рима — он подчинил себе всю среднюю Италию от По до северной Лукании. Победив Пирра, с 272 г. до н. э. Рим продолжает территориальную экспансию — берет Тарент, покоряет независимые племена от Мессанского пролива до Рубикона; с этого момента он — крупное государство западного Средиземноморья.

Начало империи, следовательно, связывается с 1) завладением главенства среди равнодостоинных городских центров; 2) наращиванием территорий через пространственную экспансию. Далее — последовательное усиление государства с дальнейшим ростом территории за счет захвата. Одно подталкивает к другому: силовое присоединение земель опирается на укрепление государственной машины. Растет внешний экстремизм, растет милитаризация, внутренний этатизм.

I Пуническая война с Карфагеном начинается из-за Сицилии, которая в 241 г. до н. э. становится первой внеиталийской римской провинцией. II Пуническая война — следствие пресечения силой карфагенской цивилизации европейского материка. В 201 г. до н. э. подписан мирный договор, лишивший Карфаген заморских владений; африканская держава перестает быть метрополией. Рим же, создавший собственный флот, получивший по контрибуции карфагенскую флотилию, оказывается гегемоном западного Средиземноморья. Следующий виток имперостроительства — покорение эллинистического Востока, I и II Македонские войны, отторжение от Македонии территорий в Малой Азии, Эгейском море, установление контроля над Македонией, Грецией, война с Антиохом III, укрепление позиций в восточном Средиземноморье. Потом — покорение Коринфа, разгром Ахейского союза, подчинение Малой Азии, Сирии, Иудеи, Египта. Затем — III Пуническая война, разрушение Карфагена, покорение Испании, Пергама. Таковы вехи 120-летнего силового оформления Римской империи — крупнейшего государства древности.

Безмятежная державная гомофония продолжалась, а все признаки ее безнадежного деграданса между тем были налицо.

Производительная отсталость рабства, падение уровня жизни неимущих, гнет центральной и местной властей, внутрисоциальные пикировки, антагонизм метрополии и колоний демонстрировали крайнюю неотлаженность образа существования, свидетельствовали о беспочвенности имперских претензий Рима на владычество миром. Решительными действиями поправить положение тщился Цезарь, ставший на путь реформ. От имени государства он ввел прямые налоги, издал закон против злоупотреблений наместников, интенсифицировал колонизацию провинций [Рим реализовывал не греческий — пространственный (клерухии, катекии), а финансово-торговый (ростовщичество, аренда, откуп) тип колонизации], инспирировал переезд

\* Первая публикация: в ж. *Власть*. 1998. № 3. С. 36–41 (совместно с В. В. Ильиным).

на периферию 80 тысяч граждан, предоставил гражданство аборигенной знати, дал автономию ключевым городам, демократизировал управление — расширил сенат, увеличил число магистратур, провел раздачу земель солдатам, на 1/4 списал долг популярам, на 1/3 снизил налоги в азиатских провинциях. Цезарь ввел и самый титул «император», подчеркивая причастность к высшим командным армейским и духовным началам. «Император» ассоциировал пожизненную связь с войском, папство нации («отец отечества», «великий понтифик»), сакрализовывал власть в персоне. Рим стал империей, или монархией августейшей особы, военно-духовной вотчиной властвующего лица.

Инновации Цезаря улучшили ситуацию, но не решили главного — не повысили державную кредитоспособность империи как таковой. Централизовав и сакрализовав власть, Цезарь повысил ее имперскость, что диссонировало с народно-демократическим духом преобразований. Империя способна модернизироваться лишь в сторону империи. Этнически гетерогенные (неоднородные), цивилизационно неоднородные, культурно несопряженные, социально конфликтные части возможно удерживать в целом силой армии, административного гнета. «Народно-демократическое», «республиканское» — плохая сущностная канва для оптимизации «имперского». «Империя» — другой архетип, требующий иных технологий улучшения. Несообразие содержания форме преобразований было уловлено обществом. В марте 44 г. до н. э. с Цезарем покончено. Цезарь убит заговорщиками за деформацию перспектив, искажение логики имперосозидания. Понимая это, более или менее удачные его преемники только восстанавливали эту логику с тем или иным успехом для себя, преодолевая сопротивление обстоятельств. Не стремясь к явленной полноте, воспроизведем и прокомментируем нужное нам в потоке истории, обращая внимание на то, что весь постцезарианский период есть борьба первых государственных лиц за укрепление властных основ империи.

### Начало пути

По требованию легионов во имя «устроения республики» создается правительство трех наиболее почитаемых, влиятельных лиц (так называемый триумvirат). В их числе — наследник Цезаря, внук его сестры — Октавиан, соратник Цезаря опытный полководец Марк Антоний, популярный сенатор Эмилий Лепид. Получив неограниченные, санкционированные армией полномочия, триумвиры обрушили молот жесточайших репрессий на политических противников. Поставленные вне закона, включенные в проскрипции («черные списки»), они подлежали уничтожению без суда и следствия. Карательные меры, однако, дестабилизируя обстановку, лишь усилили напряженность в римском обществе. Дополнительный элемент социальной деструкции привнесла обострившаяся между триумвирами борьба за властное первенство, унесшая несколько десятков тысяч человеческих жизней. В результате многочисленных козней, столкновений, войн Лепид, получивший Африку, совершенно отлучается от ведения государственных дел. Проигравший игру Антоний в 30 г. до н. э. заканчивает жизнь самоубийством. С этого момента вся полнота государственных прерогатив переходит к Октавиану, лицом к лицу сталкиваемому с тяжелейшей задачей: погасить пожар гражданской войны, укротить разгул насилия, вдохнуть новую жизнь в измотанное недугами, подавленное системным кризисом общество.

История бросила выбор: быть или не быть Риму? Поднявший перчатку Октавиан принялся за поиск достойного ответа сему историческому кризису.



### Стратегия перемен

По лозунгом «Торопиться не надо» Октавиан наметил объемную программу фронтальных реформ, модернизирующую все жизневоспроизводственные структуры.

Исходя из того, что принципиальными моментами государствообразования являются:

— консолидация жизненного пространства: по генезису и статусу государство предполагает полномочное очерчивание жизненного коммуникационно-прозрачного пространства (территория, акватории), составляющего предмет его (государства) исключительной собственности;

— формирование, наличие институтов в лице права, бюрократии, аппарата, инстанций. Отсутствие учреждений — законоустановленного истеблишмента, штатного строя размывает контуры гарантийной жизни. Взять лишь налоговую политику, ответственную за пополнение казны, производство общесоциальных накоплений. Как показывает Геродот, при Кире, а затем Камбисе в Персии «определенной подати не существовало вовсе... подданные приносили подарки». За эвфемизмом «подарки» — произвол поборов чиновного люда, должностных лиц, разбалансировавших порядок социальности. Дезорганизация администрирования предопределила крах персидской державы, Восстановление и укрепление государства Ахеминидов связывается с именем Дария I, начавшего с нормосообразования институтов. Идентичные акции проведены в Риме, завершились принятием Законов XII таблиц, с тем лишь различием, что объектом упорядочения выступала не налоговая, а судебная политика (а точнее — ее отсутствие, имея в виду засилье произвола в судах). Не бывает, не может быть государства без машинерии нормосообразованных институтов — правоконституированных инстанций регулирования межсубъективных связей;

— упрочение территориальных социокультурных общностей с характерным языком, самоназванием. Смещение племен, замена кровнородственных связей территориальными достигается активизацией плавильного котла городской культуры, развитием коммуникационных сетей, прогрессом внутреннего обмена, рынка, естественной для всех этих единительных тенденций интенсивной аккультурацией. На разрезе глаз, этноисключительности государства не образуешь, Государству нужен не этнос, а оседлый народ, размещающийся на исторически данном ему участке суши.

Подобно полису, вырабатывающему регламентный тип поселенческой культуры, государство вырабатывает, укореняет регламентный тип цивилизованной народной культуры. Государство есть державный народ на исторически данном жизненном пространстве, обихаживаемом машиной институциональной суверенной власти.

Исходя из этого, с упорной строгостью Октавиан принял за упрочение римской имперской государственности. Достоинство его деятельности — в результатах, феноменологически выражаемых: установлении принципата; ужесточении законодательства (по части рабовладения); стимулировании укрепления, развития семьи и брака (холостяки ограничивались в праве наследования, занятии должностей, многодетные подводились под патронажные программы); пожаловании гражданства неиталикам; нещадном подавлении сепаратизма на местах (восстания в Фиваиде, Сирии, Малой Азии, Испании, Далмации, Паннонии); расширении европейской колонизации (Запад Европы); централизации власти (военной, гражданской, духовной). Двоевластие императора и сената в державе со времен Октавиана стало формальным; за фасадом его — личная монархическая власть принцепса.

### Пусковые механизмы реформ

Доктринально ясно: государство создает условия, задает предпосылки самого способа вершения народом собственной истории в сотрудничестве и соперничестве с другими народами. Это свое назначение государство реализует комплексно, всеобъемлюще, фронтально, начиная с гарантии территориальной и кончая гарантиями культурно-исторической неприкосновенности, целостности. Квинтэссенция государства — гарантии. Гарантии самобытного развития, замыкающиеся на исключительном владении частью поверхности земли, поддержании подданных, сохранении и умножении завещанного предками достояния, наследия.

Идею гарантий Октавиан распространяет на субъект государства — народ, чему подчиняет методы преобразований. Лучшей характеристикой последних будут квалификации «эволюционизм» и «мелиоризм», скрывающие неспешный, ламинарный путь оперативных улучшений, дающих непосредственный, обозримый, жизненно значимый эффект.

Развернутой к крайностям форсированной социальной встряске Октавиан противопоставляет взвешенный план реформ, акцентирующий в устройении не «строительство нового», а «обновление старого».

Рычагом инноваций принимается легитимная конституционно-правовая технология трансформирования социально-политического уклада, обеспечиваемая принципатом, под которым понимается формально диархический режим, крепящийся на равноучастии в правлении императора (принцепса) и сената и представляющий своего рода республиканскую монархию. Принципат — несомненно оригинальная форма государственного устройства, за счет встраивания в традицию (римский республикализм), камуфлирования под гражданскую точку зрения, позволяющая питать реформы единоличными, по необходимости авторитарными (недемократическими) решениями и действиями.

Никто, даже люди, не желает принудительного, вынужденного. Своей общесоциальной лояльностью принципат блокировал недовольство реально делающего реальную историю активного ядра национальной политической элиты и одновременно развязывал руки отправляющему преобразования верховному реформатору. И волки сыты, и овцы целы, — подлинный раритет политической жизни, воплощенный Октавианом, за что ему было присвоено сакральное имя Августа.

Основной итог жизнедеятельности Октавиана Августа состоит не столько в управлении и устройении расстроенного Отечества, хотя это и важно, сколько в технологиях достижения этого. Дух политических инициатив, реализованный императором-республиканцем, надолго пережил его век и, представляется, принадлежит вечности.

### Идея социальных констант

Лишь сон и смерть, ничего не обещая, все исполняют. В реальности не так. Бесконечная тяга к улучшению, понуждая превращать яд в лекарство, сталкивает реформы и власть, делает их внутренне конфликтными, пикирующимися. Модернизирующая реформа проблематизирует власть; стабилизирующая власть стопорит реформу. Разум вызывает кризис разума. Покамест никому в социальной практике не удалось достичь оптимума изменения и сохранения, инновации и мобилизации. Упоминание обо всем этом в качестве идейного фона позволяет внести некие общие представления порядка связи власти и реформ, укладываемые в циклику:

— повышательная фаза: реформа — усиление государственной власти, централизация, бюрократизация, наступление на народ, милитаризация, колонизация, собирание земель;

— сатурация: подтачивание народной жизни, рост недовольства масс — дестабилизация, переход в понижательную фазу;

— понижательная фаза: ослабление государственной власти, децентрализация, деконструкция институтов, рост компрадорства, сепаратизм, утрата земель;

— сатурация: реформа — укрепление власти (вариант верхов), народно-патриотическое движение за восстановление Отечества (вариант низов) — стабилизация, переход в повышательную фазу; возобновление цикла.

Как видно, реформа в ситуации дисбаланса «государство — народ» вносит соответствующие коррективы, компенсации, модифицирующие реалии в направлении наращивания могущества то «власти» (нередко в ущерб народу), то «народа» (нередко в ущерб власти). Возникает капитальная проблема гармонизации социального целого, понимаемая как достижение гарантированного желаемого. Именно в данном контексте заволаживает опыт Октавиана Августа.

По аналогии с фундаментальными физическими константами (ФФК) — введем понятие фундаментальных социальных констант (ФСК). По аналогии же с тем, что ФФК ответственны за устойчивость связанных состояний от ядер и атомов до звезд галактики, наделим ФСК ответственностью за фиксированность общественных структур в цивилизационной системе отношений.

Основная идея, какую мы выносим из опыта вершения истории, заключается в том, что историческое бытие осмысленно, что подлинная цель исторической жизни состоит в наращивании плодов цивилизации, обеспечивающих эффективность производства, конституционность, легальность, достоинство существования. Речь, стало быть, идет о просматриваемой выделенной траектории эволюции человечества по вектору умножения гуманитарности.

Мир не взорван до сих пор изнутри потому, что имеются универсальные постоянные социальности в виде законов эффективной коллективности, производительности, экзистенциальности. Из теории никак не вытекают значений констант для обеспечения жизни. Теория как перебор логических диспозиций, вообще говоря, допускает любые значения. На деле в естествознании и в общественности не много-, а одновариантность. Само наличие жизни отрицает произвольные значения ФФК, не стимулирующие факт жизни. Также наличие социальности отрицает любое устройство общества, ставящее под сомнение факт социальности при несоблюдении ФСК. Хотя общество а priori может организовываться по-разному, условия отбора накладывают жесткие ограничения на социальную технику в лице системных требований цивилизованности. Поскольку есть ФФК, есть единство истории, понимаемое как внутреннее тождество, родство, сходность способов, приемов вершения, отправления гарантированной жизни. Наша социальность не случайна. Ее комплексы *de facto* лимитируют многообразие видов устройства жизни.

В обществе потенциальный кредит имеют лишь гуманитарно-оправданные формы. Перспектива дееспособного общества просматривается для минимума комбинаций параметров, которые обособливают в ансамбле миров особое цивилизованное подмножество. Остальное — дикость. Нецивилизованные стадии человечности.

В задачу теории и входит фиксация гуманитарно-оправданных, цивилизованных образцов общественного устройства, которые, подчиняя части целому как властвующему началу, никогда не упускают из виду ничего, что может сделать всех, насколько это подобает, достойно живущими.

### Политические апологии и технологии

Апология как стратегический ресурс дальнего прицела судит о строе, конечных целях. Технология как тактический, избавленный от глобализма, отрешенности, совершенствующий ресурс судит о механизмах и институтах. Достоинство апологии — глубина идей, связывающих почву с цивилизационными универсалиями. Достоинство технологии — отлаженность, оперативность воздействий в створе мелиоризма. Учитывая важность тезиса, выскажемся пространнее. Политическим технологиям противопоставлен радикализм «быстрее, дальше, больше»; не насилюющая революция, а шадящая эволюция — режим их отправления. Рациональность их обеспечивается: — постепенностью социальных изменений; — демпфированием возмущений; — слаженностью властей через разделенность функций; — предотвращением автократии; — саморегуляцией, минимальностью централизованных вмешательств в автохтонные (коренные) ритмы жизни; — искоренением мании грандиоза, крупномасштабных всеобъемлющих реконструкций социума.

Крупномасштабность, революционность, радикальность применительно к преобразованию реальности — синонимы безответственности; сопровождающиеся насилием, страданием, они противопоставлены политическим технологиям. Постепенная, постадийная, обозримая, критическая, рефлексивная, обходящая форс-мажорную утопию эволюция — объект желаемого.

Политика — резюме просеивания отбраковки фигур отклоняющегося, мизантропичного поведения, граждански опасных девиаций отклонение. Естественный отбор направляет воспроизводство жизни по вектору воплощения гуманитарных констант, абсолютных устоев социальности. Сказанное не пропаганда идиллической пасторали, когда, выражаясь библейским слогом, волк живет вместе с ягнцем, а барс лежит вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол пребывают вместе, а удержание на избирательности в логике пролонгации исторической жизни.

Общественное бытие упорядочено, внутренне связано, регулировано, что означает (в массе, на больших интервалах) исключение экстремизма, затратных крайностей. Обмирщаются немногие конкурентоспособные возможности, отличающиеся преимущественной жизнестойкостью в гарантиях достоинства существования. Политика, сколь бы полиморфной она ни была, строится не как попало. Скажем: нужна политика программа наращивания потребления. Ближайшее решение — сокращение населения — уполовинишь сограждан — вдвое поднимешь уровень жизни. Приемлемо? Смотря как рассуждать. Если политика автономна от жизни — приемлемо (практика красных кхмеров). Если политика не автономна от жизни, а подчинена ей, — неприемлемо. Инверсность политики как обоюдоострого и ценностно несамодостаточного предприятия особенно важно представлять в наши дни — дни омассовления политосферы, при нарастающем понимании того, что «убить человека» и «убить человечество» опасно сблизилась (Адамович).

Рациональность политики таится в диалектических хитросплетениях триады «цель-средство-результат», навевающих диспозиции: 1) не все цели хороши; 2) даже хорошие цели нередко недостижимы; 3) даже достижимые хорошие цели никогда не достигаются любой ценой.

Историей правит произвол, утверждал Шеллинг. С его мыслью в контексте обсуждаемого предмета мы позволим себе не согласиться. Историей правит не произвол, а прошедшие испытания цивилизованным отбором принципы целесообразной организации жизни. Произвол в мысли — от «охотящейся за людьми» (Платон) софистики; произвол в истории — от государственно и морально безнравственного,

безрассудного политиканства, защищающего не ценности, а величайшие химеры. Сопрягаемая не с «фоном личности», а с социальными устоями политика по всем азимутам блокирует девиации. Отправная ее точка — жизненные гарантии, неважно чем обусловленные — ритуалом («ли» конфуцианцев), законом («фа» легистов), мифом (древневосточные Авеста, «Законы Ману», гесиодовские «Труды и дни», аккумулирующие нормы «совместного поселения»), но не регулирующие самоосуществление лиц, правителей, государств, народов.

Рациональность в политике приобретает реакцию противостояния цивилизации варварству. Имеются два принципа существования: дивергенция — линия почвы, наращивания многообразия (тот же Восток с началом подданничества и Запад с началом гражданства) и конвергенция — линия единства истории, цивилизационных инвариантов (обеспечение достойного воспроизводства жизни во всех регистрах экзистенциальности). Как ни обустривать жизнесферу, суть — в достижении гарантированного существования, укрепления уверенности в завтрашнем дне, преодолении отнимающего лучшую часть доблестей рабства, духовном, гражданском раскрепощении, творческой, продуктивной самореализации.

Спектр политических воздействий на социальные единицы обозрим, достаточно узок. Наименее эффективны в нем традиционные, центрально-административные технологии, связывающие людей через диктат обряда, бюрократии. Богатство инициатив, простор воплощений здесь втиснут в прокрустово ложе автоматичных реакций на директивы. Предпочтительнее либеральные технологии, не исключающие наблюдения, присмотра, опеки, но ставящие на суверенность, предприимчивость субъективного.

Политические акты, позитивные, негативные (блокирование инициатив), нацеленные на оптимальное достижение целей, проведение интересов, не могут не быть конформными опыту созидания социальности по обособливаемому естественным отбором множеству общезначимых форм, олицетворяющих начала достойного, желанного, потребного существования. Интенция на подобные формы в мысли и действии конституирует законосообразность, упорядоченность политосферы, а через это — ее рациональность.

## **Античность Нового Света как цивилизационный центр мировой истории\***

В мировом историческом процессе развития человечества при всех различиях многочисленных локальных и региональных культур обычно выделяют 3 главных очага цивилизационного движения: средиземноморско-переднеазиатский, объединенный на рубеже нашей эры в грандиозную Римскую империю, центрально-азиатский, структурообразующим центром которого была Индия и дальневосточный, мощным центром которого был Китай.

К настоящему времени историческая наука накопила огромный материал, который позволяет определить основные особенности и главные направления развития этих центров мировой цивилизации, выделить вклад каждого из них в ее сокровищницу. Правда и здесь безусловный приоритет имеют исследования средиземномор-

\* Первая публикация: Развитие цивилизации и Новый Свет: Первые Кнорозовские чтения. Материалы научной конференции 20–21 октября 1999 г. М., 1999. С. 8–9.

ского региона, особенности формирования, функционирования, упадка и наследия античной греко-римской цивилизации как основы последующего европейского очага мирового цивилизационного развития.

Исследование этих очагов цивилизационного процесса, насчитывающее не одну сотню лет и имеющее прочную историографическую традицию, усиленную еще и тем, что историческое наследие этих цивилизационных центров было воспринято народами Европы, Индии и Китая и стало органической частью их средневековой и даже (в трансформированном виде) современной культуры.

Вместе с тем в современной науке, изучающей процессы мирового цивилизационного развития, к настоящему времени накоплен достаточный материал, который позволяет со всей определенностью выделить еще один, четвертый центр развития мировой цивилизации, — а именно (условно говоря) американский. Под ним следует понимать комплекс локальных и даже региональных культур и, прежде всего, в еверных Андах и Месоамерике, которые при всех различиях, тем не менее, имеют ряд общих особенностей, которые позволяют их рассматривать как нечто целое, как цивилизационный очаг Нового Света.

Делающиеся попытки ряда исследователей привязать культурные достижения цивилизации Нового Света к традиционным цивилизационным центрам Старого Света, прежде всего к дальневосточному очагу, в свете современных исследований можно считать необудительными. Изучение исторического развития народов Америки и их локальных культур со всей убедительностью показывают оригинальность и независимость пути формировавшейся цивилизации через разложение и трансформацию примитивных рядовых структур. Наличие ряда аналогий с цивилизацией Старого Света и, прежде всего, с Египтом, Китаем и Японией носят внешний характер. Наиболее глубокие духовные и религиозные принципы, ритмы развития, структуры сознания и менталитета были иными, что и определяет особое лицо американской античности.

Глубокое своеобразие самой структуры американского цивилизационного очага, а также тот факт, что его спонтанное развитие было прервано насильственно европейскими завоевателями, отнюдь не подрывает того вывода, что в Америке, в андском регионе и Месоамерике сформировался еще один очаг мирового цивилизационного развития, были созданы культурные ценности в разных областях хозяйственной деятельности, социально-политических структур и духовной жизни, которые обогатили мировой цивилизационный процесс. В современной цивилизации как некоей культурно-исторической ценности, по моему мнению, непременно присутствуют прямо или косвенно достижения каждого из этих 4 очагов, т.е. включая и американский цивилизационный очаг. В мировой истории ничего не пропадает бесследно, не пропали и созданные доколумбовыми цивилизациями многие культурные ценности.

### **Товарное производство в античности как исторический тип товарного производства\***

1. При исследовании античной экономики в историографии XIX–XX вв. различные аспекты товарного производства затрагивались постоянно (в работах Э. Мейера,

\* Первая публикация: Экономическая история. Обзорение. Вып. 5. М., 2000. С. 73–75.

К. Бюхера, М. Вебера, М. И. Ростовцева, М. Финли, Р. Дункан-Джонс и др.). Однако как самостоятельная научная проблема — структура античной экономики и ее место в античной и всемирной истории — является малоисследованной.

2. Кроме того, в новейшей историографии изучение проблемы товарного производства, как правило, проводилось несколько упрощенно, основываясь на узкой базе основных признаков: например, с точки зрения рабской ремесленной мастерской (как у Э. Мейера), латифундиального хозяйства (как у К. Бюхера), состояния потребительского рынка (как у М. И. Ростовцева) или интенсивности инвестиций (как у М. Финли).

3. В данной работе предлагается выделить набор нескольких признаков, которые в целом позволят, на наш взгляд, более адекватно определить степень и интенсивность товарного производства в античности, в частности:

- выделение товарного типа в сельском хозяйстве;
- наличие товарных типов в структуре ремесленного производства;
- объем потребительского рынка, в частности, объем потребностей в товарной продукции разных слоев населения;
- структура товарных потоков, обеспечение товарного обмена, в частности, роль денежного обращения, правового обеспечения товарного оборота;
- структура государственного хозяйства, государственного бюджета и его связь с общим товарным оборотом;
- эталон экономической (предпринимательской) этики в обществе и ее влияние на товарный оборот.

4. Для более корректного изложения каждого из указанных признаков, мы будем исходить из состояния античного общества и его экономики в определенный исторический период, а именно в I–II вв., эпоху расцвета экономически объединенного под римской властью античного Средиземноморья и его наиболее продвинутых регионов — Италии и западных провинций.

5. В сельском хозяйстве, где было занято около трех четвертей всего населения, сосуществовали три основных производственных типа: а) самообеспечивающийся крестьянский двор, спорадически связанный с рынком, поставляющий туда не более 10% своей продукции; б) обширные виллы, где было налажено не только сельскохозяйственное производство, но и ремесло, очень слабо связанные с рынком и поставляющие в товарный оборот не более 15% своей продукции; в) средние товарные виллы, которые были ориентированы на рынок и поставляли туда до 30–40% своей продукции. Именно в этом типе хозяйства применялась передовая технология, привлекались инвестиции, проводилась рационализация, а целью хозяйствования было доходное предпринимательство.

6. В ремесленном секторе, сосредоточенном в многочисленных городах, мелкая мастерская (2–3 чел.) работала на заказ, а средние (до 20 рабов) и крупные (до 100 рабов) работали на широкий рынок и выпускали массовую товарную продукцию, раскупаемую городским населением и владельцами товарных вилл. Товарный оборот, однако, ограничивала ремесленная продукция из латифундиальных мастерских и домашних мастерских городских магнатов. Источники показывают, что крупных состояний и больших прибылей владельцы городских мастерских не имели. Редкость крупных мастерских, производивших массовую товарную продукцию, обилие мелких производств, работающих на заказ, ограничивали товарный оборот в ремесленном секторе производства.

7. Объемы потребительского рынка в Римской империи I–II вв. расширились. В Римской империи насчитывалось около 1500 городов, население которых

снабжалось через рынок, а то время как сельское население в значительной степени самообеспечивалось собственными продуктами. Однако особенности античного города, а именно: часть его жителей (не менее половины) — это были земледельцы и землевладельцы, влиятельные лагифундисты, которые жили в городе и снабжались из своих поместий или участков. Люмпен-пролетариат снабжался продовольствием из государственных складов, минуя рынок. Частые раздачи продовольствия со стороны магнатов и государства так же ограничивали объемы потребительского рынка. Видимо, не более 40% городских жителей были активными участниками товарного оборота продовольствия и сырья через рынок.

8. Структура товарных оборотов в Римской империи показывает большую роль денежного обращения, и это свидетельство определенной интенсивности товарного производства. Римское право давало солидное юридическое обеспечение рыночных отношений через детальную разработку различных типов договорных обязательств.

Однако валютный характер римских денег упирался в ограниченность запаса валютного металла (серебра), что вскоре привело к порче монеты и дезорганизации денежного и товарного обращения.

9. Необходимость выполнения сложных функций государственного управления, содержания огромной армии, охраны растянутых границ, строительства публичных зданий, содержания люмпен-пролетариата, устройства роскошных общественных празднеств привели к созданию огромного государственного хозяйства, большого государственного бюджета, в котором вращались миллиарды сестерций (несколько млрд. современных долл.). И эти огромные средства вбрасывались в товарный оборот, придавая ему дополнительную интенсивность. Но здесь действовали некоторые ограничители: наличие огромных императорских поместий и ремесленных мастерских, натуральные налоги с провинций, военная добыча, конфискованное имущество магнатов — их продукция шла на удовлетворение государственных нужд, минуя сферу товарного производства и рыночного обращения. Серьезным ограничителем товарного обращения было зачаточное состояние налоговой системы: невысокие ставки налогов (10–15%), отсутствие прямого налогового обложения римских граждан, небольшой перечень косвенных налогов.

10. Общее состояние экономической этики (предпринимательства) не ориентировало общество на получение прибыли, накопление богатства и развитие производства.

Идеалом гражданина был средний достаток, средние потребности. В обществе осуждалось ростовщичество, рискованные сделки и товарные операции. Античная трудовая этика была, так сказать, неким антиподом протестантской этики, о которой так блистательно писал М. Вебер.

11. Таким образом, можно сказать, что в рамках каждого сектора античной экономики можно видеть появление нового для того времени товарного типа, и в рамках каждого сектора эти товарные типы заняли свою производственную нишу, четко отграниченную от нетоварных, нерыночных типов. Эти товарные типы вбрасывали в товарный оборот до 25–30% товарной продукции, которая распределялась по правилам рыночной экономики. Товарные типы производства и обращения поддерживали жизнеобеспечение такого сложного образования, как римское средиземноморское общество, определяли максимальный прогресс в античный период развития мировой экономики, который стал общекультурным достоянием и впоследствии воспроизводился в период позднего средневековья, т.е. в период становления европейского капитализма.



12. Товарные типы занимали свои особые места в рамках каждого сектора народного хозяйства в целом, свои особые ниши; они резко отличались от нетоварных типов и не переплетались друг с другом, не проникали друг в друга. Поэтому античный тип товарного производства мы определяем как структурное товарное производство.

С нашей точки зрения, структурное товарное производство стало основой для формирования системного товарного производства в будущем, характеризующегося взаимопроникновением и взаимообогащением товарных типов во всех секторах и нишах народного хозяйства в целом.

### **Почему и как создаются и распадаются великие империи? Исторические реминисценции из опыта Римской империи\***

Распад Советского Союза как великой супердержавы, изменивший структуру современного мирового порядка не мог не привлечь внимание исследователей к глобальной исторической проблеме как судьбы великих империй в период их существования и в мировой истории в целом. Почему и как создаются мировые империи, что определяет их историческое существование, почему и как распадаются, казалось бы, могущественнейшие государства и какое место они занимают в мировой истории?

Все эти вопросы на рубеже XX–XXI вв. приобрели особую актуальность не только в научных исследованиях (здесь они не теряли своей значимости всегда), но и в обширной околонулевой литературе, публицистике, средствах массовой информации.

В околонулевой литературе и особенно в средствах массовой информации под влиянием неоднозначных событий, связанных с распадом Советского союза, Британской, Французской империй довольно широко распространяются выводы о негативной исторической роли великих империй вплоть до претензий принести «покаяние» за «ущерб», нанесенный многим составляющим империю «порабощенным» народам. Более взвешенным представляется научно-профессиональное исследование поставленной проблемы: в свете судеб и распада великих империй XX в. вновь вернуться к вечно актуальному вопросу о том, почему и как возникают, существуют и распадаются супердержавы, и какую роль они играют в исторических судьбах составляющих империю народов и в мировом историческом процессе.

В статье предпринимается попытка поставить эти проблемы на опыте существования Римской Средиземноморской империи и главным образом механизма ее распада и исторического наследия. Но сначала несколько вступительных замечаний, некоторые обобщения о судьбах великих супердержав в древности.

Первое замечание: *как создаются великие империи?* Специальные исследования показывают, что процесс их создания происходит в конкретных ситуациях, которые вряд ли где повторяются. Однако, обобщая исторический опыт можно определить два основных пути создания супердержав:

\* Первая публикация: в кн. Мировой порядок XXI в. и проблема украинско-российских отношений. Симферополь, 2006. С. 6–16.

1) Чисто насильственный путь (или точнее с преобладанием насилия: военное завоевание, удачное использование краткосрочной исторической ситуации и т.д. (например, Ассирийская супердержава VIII–VII вв. до н. э., Персидская империя VI–IV вв. до н. э., держава Чингиз-хана, Португальская империя XVI–XVII вв. и др.).

2) Объединение многих стран, народов и государств под влиянием исторической необходимости (геополитическое положение соседних стран, совместная оборона против кочевников, большие возможности объединения для экономического и культурного развития и др.).

От того, каким путем возникают великие империи, зависит их прочность, их историческая судьба, их значение в мировой истории. Как правило, империи, создаваемые первым путем, не только непрочны и недолговечны, сколько практически бесплодны по своей исторической роли и не оставляют после себя какого-либо заметного позитивного исторического наследства. От великой империи хеттов не осталось никакого следа, исчезла не только супердержава, определявшая мировой порядок почти столетие, но исчез и рассеялся сам народ хеттов. От почти мировой державы ассирийцев ничего не сохранилось в исторической памяти народов кроме ее крайней жестокости, а от великого имперского народа сохранилась лишь очень маленькая этническая группа (которую проклинают ветхозаветные пророки). Даже поистине мировая Персидская империя Ахеменидов, над которой никогда не заходило солнце, и существовавшая свыше 200 лет, практически ничего не оставила в культуре, экономике, политических институтах и развалилась под ударами войск Александра Македонского как картонный домик в течение 4 лет. Исчезла Кушанская империя в Лете истории, ничего не оставив после себя, и ведь это была великая империя, а кто такие кушаны мы не знаем до сих пор.

Но исторический опыт показывает, что существуют и другие типы империй, супердержав, у которых при всех войнах, разрушениях, жестоком насилии иная историческая роль, иная историческая судьба, которую можно определить в двух словах затасканным и лукавым термином — «имеющих прогрессивное значение в истории». С моей точки зрения, таковой оказалась судьба Египетской империи XVI–XII вв. до н. э., древнекитайской империи Хань, Римской Средиземноморской империи I–V вв.

Несколько слов о том, как создавалась огромная Римская держава. В VI в. до н. э. Рим был небольшим городком в области Лаций, одним из нескольких десятков латинских городов, а в I в. н. э. он стал великой империей, объединившей все Средиземноморье. Это объединение было достигнуто в процессе многочисленных и жестоких войн. Но не только войны и битвы, хорошо отлаженная военная организация римлян создавали империю. Здесь действовали более глубокие причины. Как писал еще Плиний Старший, Рим и Лаций занимал место геополитического центра в Италии, к которому тяготели области Центральной Италии (Этрурия, Умбрия, Самний, Кампания) и которые были с глубокой древности связаны с Римом и Лацием разнообразными связями. Через Кампанию Рим и Лаций был в постоянном контакте с Южной Италией и Сицилией, через Этрурию и Умбрию — с долиной реки По. Все эти разнообразные связи аккумулировались на реке Тибр, прорезавшей большую часть Центральной Италии, и в городе Риме, расположенном на Тибре, недалеко от впадения его в море. Через Рим пучок различных коммуникаций итальянских областей имел естественный выход в море, в просторы Западного Средиземноморья. Однако эти объективные условия для прочного объединения Италии вокруг Рима нужно было реализовать. Римляне это сделали, создав в рамках своей общины, а за-

тем и объединенной Италии такие образцы прочного внутреннего устройства и цивилизованного образа жизни, которые были восприняты всеми народами Италии, как несущие им стратегические выгоды и преимущества.

Объединив и укрепив Италию, Рим постепенно завоевывал сначала Западное, а затем и Восточное Средиземноморье, реализовав на этот раз геополитическое положение Италии, как центра всего Средиземноморского региона, опять-таки предложив населению завоеванных провинций (и, прежде всего, правящей элите) образцы более высокой цивилизации, стратегические выгоды и преимущества. Конечно, в рамках одной статьи невозможно конкретизировать этот сложный процесс, ограничимся лишь констатацией конечного вывода.

Конечно, процесс создания огромного римского государства проходил не гладко, а преодолевая многочисленные препятствия. Перед структурообразующей народностью — римским народом (*populus Romanus*) — и его правящей элитой вставали колоссальные трудности. Много раз римская государственность стояла на грани полного развала, а самому Риму грозило полное уничтожение. В начале V в. до н. э. этрусский царь Порсена захватил Рим и лишь чудо спасло город от полного уничтожения. Ганнибал после битвы при Каннах вполне реально угрожал уничтожить и римско-италийский союз и сам Рим. В конце I в. до н. э. римская держава после кровопролитных гражданских войн, унесших чуть ли не половину римских граждан, стояла на грани полного развала и превращения Рима в третьеразрядное государство. Примеры можно продолжить.

Однако римский народ и его правящая элита в самые критические периоды находила эффективные, часто остроумные и парадоксальные меры, которые приводили к решению возникающих трудностей, и не только к возрождению, но и к укреплению могущества великой державы. В двух словах эти меры состояли в следующем. Римская правящая элита в критические периоды своей истории преодолевала свои корпоративные партийные интересы и спланивалась в единую структуру, преследующую общегосударственные интересы, отбрасывая часто устаревшие традиционные приоритеты. Так, римская элита сумела полностью инкорпорировать в состав римского народа весь плебс на раннем этапе (IV в. до н. э.), всех италийцев в I в. до н. э., всех провинциалов (II — начало III вв. н. э.), преодолев жесточайшее сопротивление сторонников патрицианской верхушки, римской знати или италийской аристократии. Иначе говоря, правящая элита целенаправленно и твердо формировала структурообразующую народность империи, состоящую из большинства этнических конгломератов. В сущности говоря, римский народ II–III вв. был интересным и новым историческим образованием, созданным из многих этнических групп, в котором был в значительной степени нейтрализован вирус этнической исключительности, всегда составляющий основу национального и культурного сепаратизма.

С 212 г. все население необъятной империи получило полные права римского гражданства и стало римским народом (*populus Romanus*). В I в. н. э. римский сенат стал комплектоваться из всех италиков, а во II в. — из провинциальной аристократии. Начиная с Траяна (начало II в.) практически все римские императоры были провинциального происхождения. Римский народ и его элита постоянно пополнялись за счет лучших представителей сначала италийского, затем провинциального, а на закате Империи — варварского происхождения, т.е. происходило пополнение и обновление правящей элиты. Новые полноправные римляне, новые члены правящей элиты, как правило, с большей энергией и большим искусством защищали государственные интересы Империи, высокие ценности римской культуры, чем выходящие представители древнейшей римской аристократии.

Ко II в., когда в Риме начал править первый император из провинциалов Траян (он был из Испании), оказавшийся одним из самых прославленных полководцев, Римское Средиземноморское государство вступило в эпоху своего максимального расцвета, получившего название «золотого века» Римской империи, римской государственности и римской культуры.

Римская Средиземноморская империя в I–II вв. представляла собой уникальное явление древней (да и не только древней) истории. В первый и в последний раз в мировой истории огромный средиземноморский регион, а также большая часть современной Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы были объединены в рамках единого государства. В настоящее время на территории Римской империи находится около 40 различных государств. Общее население Империи по разным оценкам достигало от 60 до 100 млн. человек из 200–250 млн. человек, населявших нашу планету в I–II вв. Располагая колоссальными ресурсами средиземноморского региона, римляне создали процветающую экономическую систему. По предположениям целого ряда специалистов (Ж. Тутен, М. И. Ростовцев, Л. Омо и др.) в римскую эпоху Средиземноморье пользовалось благосостоянием, которого его народы не имели ни в прошлом, ни в будущем.

На территории Империи насчитывалось до 2000 городов разного типа, очень многие из которых были крупными производственными центрами, благоустроенными и комфортабельными городами с великолепными храмами, дворцами, амфитеатрами, театральными зданиями, цирками, библиотеками. Большая часть современных крупных европейских городов восходят к этому времени.

В громадной многонаселенной империи было налажено четкое эффективное управление, сочетающее авторитарную центральную власть императоров, гибкое провинциальное звено и широкое местное самоуправление. Мощная, лучшая в древности легионная армия обеспечивала безопасность растянутых границ. Удачной в целом была социальная политика империи: были решены застарелые и сложные проблемы аграрных отношений. Широкое распространение прав римского гражданства среди провинциалов, разработка и внедрение норм римского права, активное включение провинциальной аристократии в состав римского сената, имперскую и провинциальную бюрократию, римскую армию обеспечили в целом спокойную социальную обстановку, снизили степень социальной напряженности.

В целом удалось снять с повестки дня и острейший рабский вопрос, вызывающий в период Поздней Республики грандиозные рабские восстания (восстания рабов в Сицилии во II в. до н. э., восстание Спартака). Широкое распространение отпуска на волю рабов, правовые меры против жестокого отношения с рабами, более активное вовлечение рабов в экономическую жизнь позволили ликвидировать угрозу разрушительных рабских восстаний.

Особенно впечатляющими стали достижения в области культуры. Римлянам удалось объединить достижения многих составляющих империю народов: греков, египтян, кельтов, сирийцев и многих других, и создать из многих национальных культур новую синкретическую средиземноморскую культуру, которую многие этносы стали считать также своей. Неудивительно, что, например, испанцы Сенека или Марциал, стали один выдающимся имперским философом, а другой поэтом. Выходец из сирийского города Самосаты Лукиан стал выдающимся имперским писателем, писавшим на латинском языке лучше, чем коренные жители Рима, а житель захолустной африканской Мадары Апулей стал автором одного из лучших романов, написанных на латинском языке.

В целом уровень экономического, социального и политического развития, культурного процветания, цивилизованного образа жизни был такой, что для большинства народностей, этносов, племенных объединений, жить в Империи, быть приобщенным к образу жизни римского подданного было желанным, выгодным и почетным. Неудивительно, что Римская империя существовала как прочное государственное образование, как средиземноморская цивилизация в течение очень продолжительного срока.

Римская империя исторически выполняла важную цивилизационную задачу: из конгломерата различных этносов, культур, социально-экономических систем, политических структур, существующих в Средиземноморье, создать социально-экономическое и политическое объединенное пространство, новую культуру и распространить ее на весь средиземноморский регион и большую часть Западной Европы. И это, в конечном счете, понимали и поддерживали большинство составляющих империю структурных частей. Более того, богатство материальных ресурсов, твердый внутренний порядок, довольно комфортный образ жизни, высокая культура, благоустроенные римские города как магнит притягивали окружающие римские границы варварские народы, племена германцев, сарматов, даков, берберов. Конечно, желание пограбить богатые римские провинции и города у варваров было сильным, но не только это обстоятельство направляло варваров в римские пределы. Действовал и другой стимул: проникнуть на территорию Империи, поселиться там, приобщиться к великой культуре и цивилизации.

Теперь некоторые соображения о распаде Римской империи, каковой датируется, как общеизвестно, концом V в. (точнее 476 г.), когда юридически прекратила свое историческое существование так называемая Западная Римская империя. Империя как великая супердержава, определившая мировой порядок и всю структуру международных отношений Средиземноморья, Европы, Ближнего и Среднего Востока в I–III вв., к концу IV–V вв. переживала период серьезного социально-экономического и политического кризиса, вызванного процессом распада античной системы и формированием феодальных отношений.

В настоящей статье невозможно остановиться на детальном описании этого сложного процесса. Достаточно ограничиться некоторыми общими соображениями. Это был всеобщий и системный кризис, который свидетельствовал о полном исчерпании всех заложенных в древнеримской цивилизации потенций. Как это ни парадоксально звучит, но наиболее сильные проявления кризиса возникали в самых благополучных сферах римского общества и государственности.

В I–II вв. римляне создали эффективную экономическую систему, представленную сложными технологиями, высокой технической оснащенностью разных сфер производства и, прежде всего, сельского хозяйства, достаточно развитым товарным производством, интенсивным денежным обращением, квалифицированной рабочей силой. Но к чему привели все эти экономические успехи? Передовые сельскохозяйственные технологии привели к истощению природных ресурсов, падению почвенного плодородия и резкому сокращению урожайности (минеральных удобрений древность не знала); исчерпанию запасов полезных ископаемых, особенно чувствительным было сокращение запасов серебра, недостаток которого подкосил денежное обращение и средиземноморскую торговлю.

Сокращение крупномасштабных войн и превращение Средиземноморья в зону мира, было фактором, способствующим экономическому процветанию, но, с другой стороны, это привело к резкому сокращению рабочей силы, умелая эксплуатация которой обеспечивала развитие экономики. Экономические трудности и пере-

ход от рабского товарного производства к зависимому труду колонов и близких к ним типов работников привели к сокращению общей товарной массы, и это больно ударило по городской торговле, и, наряду с недостатком серебра, совершенно расшатало денежное обращение. Началось обнищание низших и средних классов, что подорвало установленное в I–II вв. некоторое социальное спокойствие.

В этих условиях нестабильности началась перестройка государственного управления в сторону резкой централизации власти и ее бюрократизации. Возрастает численность армии, чиновников, они начинают бесцеремонно вмешиваться во внутреннюю жизнь, свергивается местное самоуправление. Римская государственность приобретает деспотический характер. В этих условиях растет апатия римского гражданства, которое утрачивает интерес к государству, его армии, его институтам. Знаменитые своей боевой подготовкой и дисциплиной римские легионеры утрачивают былую боеспособность, их комплектование проходит с трудом. Римские граждане, которые ранее гордились правом служить в легионах, теперь предпочитают смотреть гладиаторские бои или состязания колесниц. Общую экономическую и социально-политическую нестабильность дополняла ожесточенная борьба рождающегося христианства с отживающим язычеством, что еще более ослабляло Империю.

В целом этот всеобщий системный кризис привел к резкому ослаблению военной организации и государственности Империи, чем не могли не воспользоваться окружающие растянувшие римские границы варварские племена. IV–V вв. — это время резкой активизации варварских вторжений на пограничные области Римской империи. Эта возросшая варварская угроза совпала с так называемым Великим переселением народов — грандиозным перемещением громадных масс варваров-кочевников из Восточной и Центральной Европы. Новые мощные варварские орды, привлеченные богатством римских городов, обрушились на ослабленную Империю.

Перед римской государственностью, правящей элитой во весь рост встал вопрос: быть или не быть Великому Риму, или, по крайней мере, как продлить его историческое существование? Первым направлением решения этой проблемы стали радикальные реформы Диоклетиана и Константина, которые позволили укрепить Империю и обеспечить ее историческое существование в течение всего IV в. Однако к концу IV в. внутренний потенциал Империи был исчерпан и вновь встал вопрос: быть или не быть Империи? Нужны были новые решения.

Как известно, в 395 г. после смерти императора Феодосия I единая Римская империя разделилась на Западную империю во главе с Гонорием и Восточную империю во главе с Аркадием и столицей в Константинополе. Перед громадными полчищами воинственных кочевников ослабленные Западная и Восточная империи оказались в отчаянном положении. Пустая казна, разлагающаяся армия, социальная напряженность, церковные споры, борьба придворных группировок за власть делали обе империи беззащитными и поставили их перед катастрофой.

В этих тяжелейших условиях римская правящая элита, кстати, пополнившаяся за счет романизированных варваров (достаточно вспомнить вандала по происхождению и фактического руководителя Западной Римской империи Стилихона и галла Руфина — префекта претория и всемогущего регента при дворе константинопольского императора), предпринимает единственно возможное решение, а именно, защищать империю силами одних варваров против других. В качестве защитников Империи были использованы варварские племена, уже около столетия находившиеся в военно-политических контактах с Империей, и довольно часто сотрудничавшие с римской властью. Вдоль всей Рейнской границы с жившими здесь пограничными германскими племенами франков, алеманов, бургундов, севов, римское правитель-

ство заключило союзные договоры, образуя своего рода оборонительный пояс, защищающий империю от так называемых диких варваров, т.е. новой волны кочевников, нахлынувших на Запад из глубин Восточной Европы. Среди этих диких орд самыми сильными и активными были многочисленные гунны, аланы, сарматы и другие племена, которые все сметали на своем пути, угрожая уничтожением всех достижений античной цивилизации.

Классическим примером римской стратегии при ничтожных ресурсах поддерживать существование Империи и превратить врагов в союзников, и их силами бороться с другими варварами являются отношения Империи с племенами вестготов. Готы были могущественным и многочисленным противником, именно вестготы в 378 г. разгромили отборную римскую армию под Адрианополем и практически оккупировали большую часть придунайских провинций Рима. Лишенный всякой военной возможности противостоять вестготам император Феодосий был вынужден заключить союзный договор, по которому под их управление была передана провинция Иллирик. Готы получали продовольствие с государственных складов, освобождались от налогов, могли исповедовать свою религию (арианство). В сущности говоря, это была капитуляция Империи. Однако вестготов и эти щедрые условия договора не устраивали и именно они захватили и разграбили историческую столицу Империи — город Рим (в 410 г.). Фактически вестготы стали хозяевами большей части Западной Империи, и их конунг Атаульф стал вынашивать планы создания в западных провинциях Империи независимого готского государства «Великой Готии». Однако он отказался от этого плана, хотя практически был полновластным хозяином в регионе, а Империя не имела сил ему противостоять. Как пишет Орозий, Атаульф понимал, что, выделившись из Империи, вестготы не смогут организовать управление и нормальную жизнедеятельность государства. Ему представилось более предпочтительным остаться в пределах Империи, в структуре римской цивилизации. Поэтому Атаульф предпочел принять подданство западного императора Гонория и согласиться предоставить свою сильную армию на службу Империи. Платой за это стало предоставление провинции Аквитании и северо-восточной Испании (совр. Каталонии) для поселения готов. Все римское население этих провинций поступало под их власть, римская администрация прекратила свое существование. Сам Атаульф получил высшие имперские звания: римского патриция и магистра всех войск, т.е. выступил не как самостоятельный правитель, а как один из высших чиновников Империи. Как таковой он поставил свою армию на службу Империи и энергично оборонял ее границы от диких варваров.

Другой пример. С 429 г. переправившиеся в Африку вандалы разгромили римские отряды, уничтожили римскую администрацию, установили свое управление в африканских провинциях и образовали свое независимое Вандальское королевство с конунгом Гейзерихом. Более того, именно вандалы в 455 г. захватили и подвергли невиданному разгрому город Рим, породив сам термин «вандализм». Бессильная империя могла лишь наблюдать за бесчинством вандалов. Однако Гейзерих совершенно неожиданно отказался от полной независимости своего королевства и предпочел принять подданство от императора и взять обязательство защищать интересы Империи. Вандалам было выгоднее выступать в качестве римских подданных, т.е. находиться в структуре имперской государственности и цивилизации, получить легитимное положение в мире, чем оказаться диким варварским народом, врагом блестящей культуры.

И еще один пример. Конунг остготов (восточных готов) Теодорих Великий в конце V в. управлявший своим государством совершенно независимо (Западная

Римская империя уже пала в 476 г., а Византия и не претендовала на Паннонию) в 486 г. обратился к византийскому императору Зенону с любопытным посланием, где называет себя слугой и сыном Зенона и просит его повеления послать Теодориха на завоевание Италии и добавляет: «Если смогу победить, буду владеть Вашим дарением, Вашим благодеянием. Если окажусь побежденным, благочестие Ваше ничего не потеряет» (Иордан. *Get.* 292). Опять-таки совершенно независимый варварский конунг просится в структуру великой империи, великой культуры, под императорское благословение, имперский сюзеренитет.

Почему же прежде жестокие враги Империи, в борьбе с которыми римляне понесли огромные потери, превратились не только в ее лояльных подданных, но и стойких защитников? Почему они не хотели уничтожения Империи как носителя высшей государственности и замечательной культуры? Прежде всего, по следующим причинам.

Когда империя была сильна, именно римляне нападали на окружающие варварские племена, захватывая их территорию, превращая их в рабов, пополняя свои материальные ресурсы. Когда Империя ослабела, варвары перешли в наступление и сами стали проникать на ее территорию. Однако они встретились с труднейшими проблемами: как организовать собственное управление, создать собственные государственные институты. Самостоятельно они это сделать не смогли, и они заимствовали римский опыт, римские законы, римскую культуру.

К тому же варварским племенным вождям нужно было легитимное утверждение их власти со стороны римского императора, превращавшее выборных племенных предводителей в легитимных и полновластных королей. Утверждая племенных вождей готов, франков, алеманов, бургундов, вандалов в качестве королей, как своих вассалов, Римская империя подготавливала систему легитимных раннесредневековых королевств, передавала им свой исторический опыт цивилизованной жизни, т.е. создавала основы будущей средневековой Европы. И предводители возникающих в границах Римской империи варварских королевств это понимали. Им была необходима легитимизация их королевской власти, поэтому они поддерживали как могли умирающую Империю.

В середине V в. для Империи возникла смертельная опасность от гуннских орд. Талантливый и жестокий правитель Атиллы объединил разрозненные гуннские племена в единое кочевое государство и, все сметая на своем пути, направился к границам Империи. Решительное и одно из самых ожесточенных сражений между ордами гуннов — а они располагали армией в 165 тыс. воинов — произошло в июне 451 г. в районе Каталаунских полей (совр. Шампань). Победа Атиллы означала бы гибель Империи, но для многих варварских племен — вестготов, свевов, бургундов, франков — утвердившихся в пределах Империи в качестве ее федератов это означало бы потерю многих выгод и преимуществ, которые они получили в качестве подданных Империи. Вот почему на Каталаунских полях на стороне Империи наиболее боеспособными и верными ее защитниками стали так сказать романизированные варвары и, прежде всего, вестготы. Около 100 тыс. из них полегло на поле боя, где они защищали целостность Империи и свое право находиться в структуре римского государства и римской культуры.

Каталаунская победа не только спасла Империю от уничтожения, но и подтвердила ее высокий престиж среди части варваров, которые нуждались в ее существовании. И когда Империя погибла в силу своих внутренних потрясений, именно романизированные варвары восприняли ее историческое наследие, которое они использовали для строительства нового общества в так называемых варварских ко-



ролевствах раннего Средневековья. И даже в периоды зрелого Средневековья идея Римской империи продолжала существовать как актуальная политическая идеология. Многие завоевания Юстиниана в VI в. были ничем иным, как попыткой восстановления Римской империи. Карл Великий, удачливый завоеватель, в IX в. создавший империю франков, рассматривал ее как своего рода продолжение Римской империи. В XI в. на карте Европы появилась Священная Римская империя, которая восприняла притягательное имя ушедшей реальной Империи.

Рассматривая реальное место Римской Средиземноморской империи в европейской истории можно сделать один генерализирующий вывод. Возникающие и существующие великие империи играют плодотворную роль и оставляют ценное наследство, если при всех войнах, разрушении и насилии они возникают, как реализация некоей геополитической и цивилизационной миссии, а ее ядро — структурообразующая народность несет покоренным или присоединяемым народам стратегические блага и преимущества. Исторический опыт показывает, что ни один народ не оставался в империях надолго, если правящая элита этого народа не видела больших выгод в существовании Империи как таковой. А выгоды эти могут быть самыми разными — от безопасности до качественно новых возможностей экономического и культурного развития.

Важнейшая функция прочной империи — создавать высокие образцы: культурные, политические, военные, моральные, которые воспринимаются и защищаются входящими в ее состав народами, как их руководящие ценности. Римская Средиземноморская империя I–V вв. такие высокие образцы создала, что обеспечило, с одной стороны, ее продолжительное историческое существование, с другой стороны, важное значение в мировой истории, высокую востребованность ее исторического наследия последующими поколениями. Что же оставила последующим поколениям великая Средиземноморская римская империя, что было востребовано последующими поколениями? Она оставила христианство — великую религию, латинский язык, ставший основой многих европейских языков, римское право — вплоть до конца XIX в., великую культуру, высокие культурные эталоны.

Итак, великие империи, какими бы они ни были прочными и хорошо организованными и как бы они долго ни существовали, не являются вечными. Они всегда возникали и погибали. Вечным является лишь Царство Небесное, а земным империям неизбежно грозит гибель и разрушение. Казалась вечной Британская империя, но она распалась, каким прочным казался Советский Союз, но и он прекратил свое существование. Кажутся нерушимыми великие США, управляющие сейчас судьбами современного мира, но и они не вечны, и как показывает опыт мировой истории, они не станут исключением из общего правила.

Однако опыт мировой истории показывает, что великие империи играют разную историческую роль и разрушаются по-разному. Одни уходят не оставляя после себя какого-либо следа и растворяются в Лете истории (хетты, кушаны). Другие оставляют по себе негативную память своей жестокостью и изощренным насилием (ассирийцы, монголы, Тамерлан, Гитлер и др.). Третьи решают глобальные исторические задачи, оставляют после себя богатое наследство, которое помогает следующим поколениям развивать человеческую цивилизацию, играют позитивную историческую роль. Каковым же будет историческое наследство и судьбы распавшихся Британской или Советской империи, покажет будущее. Движение мирового исторического процесса продолжается.



## Раздел IV

# Античное рабство как экономическая система

### **Внеэкономическое принуждение и создание поместной администрации в Италии II в. до н. э. — I в. н. э.\***

Самой главной особенностью раба, как непосредственного производителя, особенностью, которая отличает его от всех других типов непосредственного производителя: свободного земледельца, колона-арендатора, крепостного крестьянина или наемного рабочего, является полная абсолютная экономическая незаинтересованность в результатах своего труда. Низведенный до уровня говорящего орудия, лишенный свободы, семьи, раб работал и жил не для себя и не для общества, а для господина. Последнему принадлежали его личность, его потомство, его время. Работал ли раб привратником, носил ли скамеечку для ног господина, трудился ли он в поле, на винограднике, в ремесленной мастерской или бездельничал — в принципе он получал одинаковое содержание, достаточное для сохранения его жизни.

С другой стороны, рабовладелец, приобретая раба на рынке, полностью апроприруя его личность, должен был содержать раба независимо от того, занят он был в производстве или нет. Купить раба, затратив определенную сумму денег, а затем уморить его с голоду — значило бы просто выбросить эти деньги на ветер. Раб прекрасно понимал, работал ли он или нет, работал ли он хорошо или плохо, рабовладелец все равно должен был его кормить и одевать. Поэтому раб не хотел работать добровольно, для раба не существовало каких-либо стимулов — экономических, моральных, социальных, религиозных, которые побуждали бы его к труду. Чтобы заставить раба участвовать в производительном труде, нужно было его просто заставить, применить насилие, т.е. использовать внеэкономическое принуждение. Но раб работал до тех пор, пока действовало это насилие. Вот почему при господстве рабского труда для нормального и непрерывного хода производственного процесса необходимо было постоянное внеэкономическое принуждение.

Непрерывное внеэкономическое принуждение было постоянно действующим фактором рабовладельческого способа производства.

Внеэкономическое принуждение должно было действовать на класс рабов в целом, на его отдельные производственные коллективы, на каждого раба как работника. Каждый час, каждое движение раба принадлежали рабовладельцу. Следовательно, перед рабовладельцем вставала одна из самых главных и первоочередных задач — практическое осуществление внеэкономического принуждения, создание системы

---

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1965. № 5. С. 66–81.

постоянного и разветвленного надзора, выработка такой организации рабского труда, чтобы каждый раб находился под непрерывным контролем.

Катон, Варрон, Колумелла дают много конкретных сведений о существовавшей в рабовладельческих поместьях Италии II в. до н. э. — I в. н. э. системе надзора за трудом рабов. Главой этой системы был сам господин. Вот что говорит по этому поводу Колумелла: «...ни усердный труд, ни возможность и желание тратиться не имеют такого значения, как одно присутствие самого хозяина. Если он не будет часто появляться во время работ, то все остановится как в войске, когда нет полководца. Думаю, что это главным образом и имел в виду Магон Пуниец, начавший свою работу с такого предисловия: «Купивший имение, пусть продаст дом, чтобы не предпочитать городского жилья сельскому. Человек, которому городское обиталище более по сердцу, не нуждается в деревенском имении»<sup>1</sup>.

Таким образом, самым идеальным случаем было бы постоянное пребывание при рабском войске самого верховного командующего — господина. Такими хозяевами были Сазерна<sup>2</sup>; живший в своих имениях, стоивших 6 млн. сестерций, т.е. с обширным рабским персоналом, сын Росция Америкского<sup>3</sup>, очевидно, дядя Колумеллы, дай сам Колумелла<sup>4</sup>. Много примеров о постоянной жизни владельцев в деревенских имениях приводит Плиний Младший<sup>5</sup>. Все эти примеры имеют в виду крупнейших землевладельцев, которые в силу своего положения и богатства вынуждены, кроме того, заниматься политикой, военным делом или науками. Мелкие и средние рабовладельцы, владевшие одним поместьем катоновского типа, для которых оно было единственным источником дохода, по-видимому, постоянно жили в нем и следили за хозяйством и своей рабской фамилией. Об этом свидетельствуют раскопанные в окрестностях Помпей остатки хозяйственных помещений (*villae rusticae*). Все они были небольшими или средними по своим размерам, приблизительно катоновского типа. Большинство из них имело хорошо отделанные господские апартаменты (*villa urbana*)<sup>6</sup>.

Нам представляется несомненным, что они предназначались для постоянного пребывания в них хозяина. Иначе не было смысла строить дорогое помещение для хозяев в маленьком небогатом поместье<sup>7</sup>, тем более что все эти виллы расположены самое большее в 8–10 км от Помпей.

Однако чаще всего рабовладельцы не жили постоянно в своих имениях. Рабовладелец являлся основной фигурой античного города-государства, как определенного коллектива таких же граждан — земельных собственников и рабовладельцев,

<sup>1</sup> Col. De re rustica. I. 1. 18

<sup>2</sup> Сергеевко М. Е. Сазерна и его фрагменты // ВДИ. 1946. № 3.

<sup>3</sup> Cic. Pro Rosc. Amer. XV. 43–47.

<sup>4</sup> Col. Praef. I. 1. 18–20; I. 2. 1–2; II. 15. 3; III. 20. 1–6.

<sup>5</sup> Plin. Ep. II. 1. 8; II. 1; 15. 1; III. 19. 1; VII. 25. 2.

<sup>6</sup> Описание двух, лучше всего сохранившихся *villae rusticae* под Помпеями см.: Сергеевко М. Е. Помпеи. М.—Л., 1949, а также Кузицин В. И. Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э. // Вестник Московского университета. Серия Общественные науки. 1958. № 4; Rostovzev M. Storia economica e sociale dell'impero romano. Firenze, 1933. С. 31–35, 70–73 с богатой библиографией. Интересные исследования этих вилл произвел Каррингтон: см. его статьи «Some Ancient Italian Country Houses» (Antiquity. 1934. Vol. VIII. No. 31) и «Studies in the Campanian Villae Rusticae» (The Journal of Roman Studies (JRS). 1931. Vol. 21. P. 1).

<sup>7</sup> Некоторые из этих вилл не имеют *villa urbana*, очевидно, потому, что хозяин в них не жил постоянно. См. отчеты М. Делла Корте о раскопках вилл в «Notizie degli Scavi di Antichità». 1921. Vol. XVIII (вилла II); 1923. Vol. XX (вилла VIII). Следовательно, там, где имелась *villa urbana*, хозяин жил в ней постоянно.

как и он сам, поэтому на нем лежало бремя разнообразных политических, военных и иных обязанностей, которые не давали ему возможности заниматься исключительно своими поместьями. Вот почему постоянным местом жительства для него была не деревня, а город. Однако и при этом условии он не переставал быть главным надзирателем и организатором труда своих рабов.

Теория и практика рабовладельческого хозяйства выработала определенные формы постоянного наблюдения за своей рабской фамилией. Как бы ни был занят господин в городе, он должен был как можно чаще выкраивать время для инспекционных поездок по своим имениям и лично проверять, как осуществляется принуждение его рабов к постоянному труду.

«Когда хозяин пришел в усадьбу, — сообщает Катон, — когда он поклонился семейному лару, то пусть в тот же день, если возможно, он обойдет поместье, если не в тот же день, то на следующий. Когда он узнал, каким образом обработано поместье, и какие работы сделаны, а какие не сделаны, то на следующий день он позовет вилика и спросит его, что из работ сделано и что остается; достаточно ли своевременно были выполнены работы, можно ли выполнить те, которые остаются, и сколько получено вина, хлеба и всех прочих продуктов. Когда он узнал все это, ему следует проверить по отчету уроки и рабочие дни. Если он не видит дела, а вилик говорит, что он старался, что рабам нездоровилось, погода была плохой, рабы убежали, он отправлял общественные повинности, то, когда он привел эти причины и множество других, верни его к отчету уроков и рабочих дней. Если погода была дождливой, то вот работы, которые можно делать в ливень... В праздники можно чистить старые каналы и т.д. Если рабы болеют, им не надо давать столько же еды.

Когда обо всем спокойно узнано, надо позаботиться об остальных работах, чтобы они были исполнены. Надо проверить количество денег и хлеба, то, что приготовлено на корм скоту...

Чего не хватает на год, то должно быть куплено... хозяин должен распорядиться работами, которые он хочет сделать и которые он хочет сделать с подряда, и составить их письменный перечень. Он должен осмотреть скот. Он должен произвести продажу: продать масло, если оно в цене, вино, излишки хлеба, старых волов, увечный скот, увечных овец (шерсть, шкуры), старую телегу, старые железные орудия, пожилого раба, болезненного раба»<sup>8</sup>.

Этот длинный отрывок показывает, насколько подробно и обстоятельно инспектировал труд своей рабской фамилии господин, как он вникал во все мелочи трудового процесса, отдыха и жизни рабов.

Еще более показательны предписания на этот счет Колумеллы. Он предлагал наезжать в свои поместья не по несколько раз в год, как Катон, а гораздо чаще, например, в пригородное поместье приезжать каждый день «после занятий на форуме»<sup>9</sup>. Любопытно, что, по совету Колумеллы, приехавший хозяин должен сразу же проверить состояние своей фамилии: как она одета, накормлена, как работает и отдыхает, нет ли каких-либо подстрекателей («qui seditionibus familiam concitant»), нет ли недовольных, или клеветников на начальство, кто наказан и почему, кто не наказан, достаточно ли охрана эргастулов, крепко ли закованы рабы, на местах ли все многочисленные надзиратели<sup>10</sup>. И лишь только после выполнения этой не терпящей отлагательства задачи хозяин имения совершает богослужение, затем, если позволит

<sup>8</sup> Cat. 2.

<sup>9</sup> Col. I. 1. 19.

<sup>10</sup> Col. I. 8. 15–18.

время, в тот же день, а если нет, то на следующий, осмотрит все участки своего владения: виноградники, деревья, поля и т.д. Колумелла уделяет системе надзора гораздо большее внимание, вникает глубже во все детали трудового процесса рабов, чем Катон.

Крупнейший римский землевладелец и политический деятель конца I в. н. э. — начала II в. н. э.<sup>11</sup>, имея около восьми поместий, расположенных в Лации, Умбрии, Этрурии, Цизальпийской Галлии, Кампании, несмотря на большую занятость государственными делами, уделяет огромное внимание своим имениям. В пригородных поместьях — Лаврентинском, Тибуртинском, Тускуланском — он проводит всю зиму, в своем наиболее крупном и доходном имении — Тусках — проводит все лето, даже его наезды в относительно далекие команские владения довольно часты. Плиний Младший лично наблюдает за жатвой. В случае необходимости он просит у самого императора длительный отпуск (30 дней) для устройства своих хозяйственных дел.

Рассматриваемый нами период является как раз временем интенсивного строительства римскими землевладельцами роскошных загородных резиденций в своих поместьях. Эти загородные хозяйские половины являются неотъемлемой частью не только громадных латифундий магнатов, но и средних поместий<sup>12</sup>.

Большой интерес представляет исследование хозяйственных помещений, раскопанных под Помпеями и принадлежавших, очевидно, мелким и средним рабовладельцам, гражданам этого небольшого итальянского города<sup>13</sup>. Большинство их имеют площадь 30 x 35 м, т.е. около 1000 кв. м, и имеют хозяйские половины. Такими виллами являются знаменитая вилла Боскореале (№ 13 по списку М. Ростовцева), вилла Фанния Синистра (№ 16), вилла Ареллия Сукцесса (№ 23), Азеллия (№ 27), Попидия Флора (№ 29)<sup>14</sup>.

Весь архитектурный комплекс построек — господская половина и хозяйственные службы (стойла, давальни, хранилища, эргастулы, ток, сеновал и т.д. и т.п.), — на наш взгляд, свидетельствует о том, что каждый господин подолгу жил в своем имении и постоянно, ежечасно контролировал, как выполняла его приказанья рабская фамилия. Господские апартаменты, как неотъемлемая часть усадьбы, строились и были задуманы не как резиденция для отдыха и праздного времяпрепровождения господина (правда, были и такие случаи), а как постоянный командный пункт, с которого хорошо было видно все хозяйство и все обслуживавшие его рабские «войска». В сущности, строя господские помещения в своих сельских виллах, римские рабовладельцы в какой-то мере выполняли совет пунийца Магона: «Купив имение, следует продавать городской дом»<sup>15</sup>.

Правда, римские рабовладельцы не продавали свой городской дом, а переносили его, воспроизводили в своих поместьях. «Хозяин должен устраиваться, смотря

<sup>11</sup> См.: Кузицин В. И. Хозяйство Плиния Младшего // ВДИ. 1962. № 2.

<sup>12</sup> См.: Swoboda K. Römische und Romanische Paläste. Wien, 1919; Tanzer E. The Villas of Pliny of Jounge. N. Y., 1924.

<sup>13</sup> Среди этих villae имеется роскошная вилла Агриппы Постума, внука императора Августа (вилла № 31 по списку М. Ростовцева, вилла II по списку Делла Корте). Делла Корте (Notizie degli Scavi di Antichita. 1922. Vol. XIX. P. 459–479) полагал, что она принадлежала отпущеннику Клавдию Евтиху. М. Ростовцев убедительно доказал, что Клавдий Евтих был лишь прокуратором Агриппы Постума (Ростовцев М. Указ. соч. С. 34). Роскошной была вилла Мистерий (№ 24 по списку М. Ростовцева). Maiuri A. Villa dei Misteri. Roma, 1931. Но все они были лишь исключениями.

<sup>14</sup> Подробно этот вопрос исследован: см. Carrington R. C. Studies in the Campanian Villae Rusticae // JRS. 1931. Vol. 21. P. 115–123.

<sup>15</sup> Plin. XVIII. 35.

по средствам, но как можно лучше, чтобы охотнее приезжать в деревню и жить там с большим удовольствием. А если его сопровождает супруга, существо более слабое и по своему полу и по своей духовной организации, то, конечно, ее придется завоевывать удобствами и приятным местоположением, чтобы она терпеливее оставалась с мужем»<sup>16</sup>.

Итак, хозяин вместе с супругой, т.е. предполагается, что на долгое время, часто приезжал в свою сельскую резиденцию и лично брал в свои руки руководство хозяйственной деятельностью своего имения и своим рабским войском.

Однако, как бы часто ни наезжал хозяин в свое имение, большую часть времени он был оторван от него и не мог осуществлять постоянный контроль и надзор над нормальным ходом трудового процесса в его хозяйстве. Поэтому теория и практика рабовладельческого хозяйства выработали такие формы постоянного и всестороннего наблюдения за рабской фамилией, которые предполагали длительное отсутствие хозяина. Это достигалось созданием сложной и громоздкой системы наблюдения и контроля, носителями которой были сами же рабы,

Разветвленная рабская администрация, взаимный контроль и система доносов, своеобразная система поощрений, наконец, особые принципы формирования рабской фамилии (например, в имении старались не иметь много рабов одной национальности) обеспечивали нормальное функционирование системы постоянного контроля и надзора за каждым рабом. Эта система имела целью осуществлять непрерывное принуждение раба к труду.

Величина поместной администрации колебалась весьма сильно в зависимости от размеров имения, числа рабов, направленности хозяйства. В средних по своим размерам рабовладельческих поместьях в 100, 120<sup>17</sup>, 240 югеров земли с относительно небольшим рабским персоналом в 13–16 единиц, которые рассматривает Катон, если исключить вилика и ключницу, то в надзоре нуждались как непосредственно занятые на сельскохозяйственных работах 11–14 рабов. Во главе рабской иерархии стоял вилик. Ключница была супругой и помощницей вилика и помогала ему в его многочисленных и хлопотливых делах организации и надзора. Если вилик осуществлял контроль и принуждение к труду непосредственно в поле, то ключница выполняла аналогичные функции непосредственно на вилле, где, конечно, даже во время самых горячих работ было занято какое-то количество рабской силы. Погонщик ослов, овчар, свинопас, скорее всего, находились под ее началом и повседневным контролем<sup>18</sup>.

Таким образом, вилик непосредственно следит за работой пяти рабочих и трех пахарей, возможно и погонщика ослов, а вилика — за тремя рабами и несколькими женщинами и детьми, которые имелись на вилле, но число которых нам совершенно неизвестно<sup>19</sup>.

Следует думать, что вилик весьма эффективно мог принуждать к труду такое число работников и не позволять им лениться. У Катона вилик и ключница — основ-

<sup>16</sup> Col. I. 4. 8.

<sup>17</sup> Cat. 3. 5.

<sup>18</sup> Засолка орококов (Cat. 162), хранение и приготовление мяса, сыра, необходимые перевозки — все это входило в круг обязанностей вилика.

<sup>19</sup> На основании сообщения Плутарха (Cat. 21) следует предположить, что рабыни были не только в городском доме Катона, о чем собственно и говорит здесь Плутарх, но и в сельском поместье. См. также косвенные намеки в Cat. 157. 4–5. 11; 156. 6 (о ребенке). Свои многочисленные обязанности по ведению домашнего хозяйства вилика, конечно, не могла выполнить одна. См.: *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.—Л., 1958.

ные фигуры поместной администрации. Однако у него имеются беглые упоминания и о других представителях рабской администрации. Очень любопытно упоминание об *epistata*<sup>20</sup> —смотрителе. К сожалению, оно единично и о функциях эпистата можно строить лишь догадки. У Катона смотритель поставлен в один ряд с виликом, с ключницей, овчаром; как и они, он получает содержание от господина и является, очевидно, таким же рабом, как и они. Однако он почему-то не назван при перечислении рабского персонала виноградника или масличного сада. Каковы же его функции? Во всяком случае, он не работает в поле, т.е. он не рядовой производитель, а представитель поместной администрации, почему и получает несколько меньший паек.

По нашему мнению, некоторый свет на его обязанности может пролить упоминание эпистата рядом с колодниками, закованными за провинности рабами. Люди дерзкие и непокорные, колодники для принуждения к труду нуждались в особом наблюдении и, естественно, вилик, поглощенный многочисленными обязанностями, не мог систематически и эффективно контролировать работу и надзор за этой категорией рабов. При относительно небольшом рабском персонале в 11–14 человек таких колодников не могло быть много, вряд ли больше пяти-шести, скорее всего меньше<sup>21</sup>. К тому же отнюдь не обязательно, чтобы колодники были на вилле всегда, их могло и не быть. Вот почему Катон и не включает смотрителя над ними в постоянный штат работников<sup>22</sup>. Но в том случае, когда было несколько колодников, за ними наблюдал особый представитель, и рабский персонал возрастал на единицу, хотя количество непосредственных работников оставалось прежним.

По-видимому, по мере развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Италии, установления все более тесных связей рабовладельческого имения с рынком, увеличения прибавочного продукта и усиления эксплуатации непосредственного производителя росло недовольство рабов, все чаще в имениях находятся рабы-колодники, а их смотритель становится непременным звеном рабской иерархии.

Много раз Катон упоминает о надсмотрщике — *custos*<sup>23</sup> и подробно описывает его обязанности. Надсмотрщик назначается непосредственно господином, а не виликом, и ведет наблюдение за сбором маслин и приготвлением оливкового масла, осуществляемыми артелью наемных рабочих во главе с подрядчиком. Артель эта многолюдная — до 50 человек<sup>24</sup>, поэтому наблюдают за ними три сторожа-надсмотрщика — двое свободных и один раб<sup>25</sup>. Свободных сторожей господин, очевидно, нанимал, а одного из своих рабов он назначал в надсмотрщики над ними. Судя по перечислению его обязанностей, надсмотрщик должен был хорошо знать все тонкости приготовления масла и сбора маслин, т.е. он должен быть опытным *olearius*. Вряд ли было бы целесообразным с точки зрения хозяйских интересов назначать на эту должность не искусенного в сельских работах городского раба, для этой цели он, очевидно, выбирал опытного маслодела из состава своей *familia rustica*, скорее всего из тех пяти рабов, которые ухаживали за маслинами.

<sup>20</sup> Cat. 56: «familiae cibaria qui opus facient per hiemem tritici modios IV per aestatem modios IV s vilico, vilicae, epistatae, opilioni modios III, compeditis per hiemem panis p. IV».

<sup>21</sup> Во всяком случае, Катон ничего не говорит об эргастуле.

<sup>22</sup> Ср. точку зрения С. Протасовой, примечание к гл. 56. Катон. Земледелие / Пер. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1950. С. 179.

<sup>23</sup> Cat. 13. 66–67, 144–145.

<sup>24</sup> Вероятно, что один из надсмотрщиков был старшим, и с ним-то имеет дело подрядчик. См.: Cat. 66–67, 144–145.

<sup>25</sup> Cat. 13. 144. 4.

Трудно предположить, что при сборе маслин и приготовлении масла наемниками эти пять рабов-маслоделов из постоянного штата имения не принимали в нем никакого участия, скорее всего один из них, самый опытный и преданный хозяину, назначался на ответственную должность надсмотрщика. Другие же четыре раба-маслодела, возможно, были черпальщиками<sup>26</sup>.

Таким образом, этот сторож-надсмотрщик уже выделялся хозяином из остальных рабов и, весьма вероятно, после окончания подрядных работ страдной поры и в остальное время года при повседневных работах осуществлял функции контроля и надзора за остальными четырьмя рабами, являясь своего рода помощником виллика, и, следовательно, поэтому отчасти входил в состав поместной администрации.

В винограднике, где работали 10 виноградарей, один из них, вероятно, выполнял аналогичную функцию надсмотрщика-сторожа.

Таким образом, общая схема рабской администрации в рабочем коллективе небольшого катоновского поместья в 11–14 производящих единиц будет таковой: хозяин-господин, виллик, виллика, эпистат-смотритель, старший раб — специалист-надсмотрщик, т.е. пять должностей, на долю каждого, в конечном счете, выпадало по три-четыре рядовых раба-производителя. Из числа этих четырех надсмотрщиков три (виллик, виллика, смотритель) практически в сельских работах участвовали мало, почему и получали теоретически меньший паек, и на их содержание шла часть прибавочного продукта, производимого остальными рабами.

Какова же была поместная администрация в более крупном, чем катоновское, хозяйстве, где трудились 30–50 рабов?

Варрон рассматривает среднее поместье, но большее по размерам, чем Катон. Поэтому он, видимо, воспринимает в целом расчеты своего предшественника и очень мало внимания уделяет поместной администрации. Однако внимательное чтение 18–19 глав первой книги Варрона<sup>27</sup> приводит к выводу об известном расширении рабской иерархии, очевидно, за счет появления новых должностей. В общей форме Варрон говорит о тех, *qui praesunt*, а не об одном виллике, как Катон, о *praefectes principes* во множественном числе, которым он рекомендует дать для сожительства рабынь и иметь детей, оказывать некоторые знаки внимания, дать в пекулий скот и т.д.<sup>28</sup>. От этих префектов, судя по контексту, отличаются другие начальники, очевидно пониже рангом, которых он называет *de operariis qui praestabunt alios*, которым, правда, не дают сожительниц, но заботятся об их пище, одежде, отдыхе<sup>29</sup>. Эта категория надсмотрщиков в тексте всегда встречается вместе с *operarii*, т.е. теми рабами, которые работали в поле, винограднике, маслиннике (по Катону, пахарь, овчар, свинопас, погонщик ослов не принадлежат к *operarii*), что позволяет предположить, что это руководители отдельных операций, отвечавшие за полевые работы, уход за виноградником, обработку оливкового сада, т.е. те, кого позднее Колумелла называл *magistri operum*.

К сожалению, о количестве и функциях всех этих лиц Варрон ничего не говорит. Что касается отдельных представителей рабской администрации, то он упоминает чаще всего виллика и его ключницу и двойника виллика — старшего пастуха — *magister pecoris*<sup>30</sup>. У Варрона имеется единственное упоминание о специальном

<sup>26</sup> Cat. 66–67.

<sup>27</sup> Varr. R.r. I. 18–19.

<sup>28</sup> Varr. R.r. I. 18. 5–6.

<sup>29</sup> Varr. R.r. I. 18. 6–7.

<sup>30</sup> Varr. R.r. I. 2. 13–14; II. 1. 23; II. 3. 8; II. 10. 10.



стороже (*ostiarius*), следившем за уходом и приходом рабов и стерегшем виллу<sup>31</sup>. Причем эта должность устанавливалась лишь в относительно большом рабском коллективе; в катоновских имениях эти функции возлагались на вилика.

Любопытен следующий отрывок: «itaque ideo Sasernae liber praecipit, nequis de fundo exeat praeter vilicum et promum et unum quem vilicus legat»<sup>32</sup>. Здесь обозначены три должности: вилик, ключник-эконом и некий *unum* — доверенный вилика и, конечно, принадлежавший к рабской верхушке<sup>33</sup>. *Promum, ostiarius* — это новые должности поместной администрации, не известные Катону<sup>34</sup>. Любопытно появление особого ключника-эконома (*promum*). Очевидно, одна вилика уже не справлялась со всем хозяйством на вилле, вилик сосредоточивался на контроле над рабами, работавшими в поле, и часть его функций возлагалась на новое должностное лицо.

Таким образом, размеры поместной администрации в эпоху Варрона увеличились, усилился надзор за рабской фамилией, она стала систематически и, видимо, более эффективно принуждаться к труду, а, следовательно, возросла ее эксплуатация.

Варрон, как известно, первый ввел в употребление столь популярный впоследствии термин «латифундия» (*latifundi*)<sup>35</sup> для обозначения громадного имения с несколько отличным от интенсивных катоновских поместий типом хозяйства и, тало быть, с более обширным рабским персоналом, среди которого были не только сельскохозяйственные рабы, но и рабы-ремесленники — кузнецы, валяльщики, медники, гончары<sup>36</sup>. Однако Варрон совершенно не касается вопроса о рабской администрации латифундий. Нам известно, что главным распорядителем в латифундии был прокуратор, а не вилик, как в среднем поместье, но Варрон ни разу не употребляет этого названия. Однако эта должность была хорошо известна римским хозяевам-рабовладельцам I в. до н. э. Так, в речи «За Туллия», произнесенной в 69 г. до н. э., Цицерон говорит о вилике и прокураторе в имении Марка Туллия<sup>37</sup>, как о разных должностях поместной администрации с особыми функциями. В Куманском имении у самого Цицерона были вилики и прокураторы, причем говорит он о них во множественном числе<sup>38</sup>.

В приведенных местах прокуратор подразумевается в качестве верховного распорядителя всего хозяйства, а вилик или несколько виликов поступают под его начало. Появление должности прокуратора было вызвано увеличением размеров имения и рабской фамилии. Вилик уже не мог эффективно уследить за всеми разросшимися сторонами большого хозяйства, и появилась необходимость освободить его от ряда функций. Можно лишь предполагать, как происходило разграничение функций вилика и прокуратора.

Гораздо больший материал по этому вопросу дает нам Колумелла. Имение Колумеллы по своим размерам гораздо обширнее имений катоновского и варроновского

<sup>31</sup> Ibid. I. 13. 2.

<sup>32</sup> Ibid. I. 16. 5.

<sup>33</sup> Вряд ли было целесообразным посылать за пределы имения непосредственно занятого в поле раба, полевода, виноградяра или оливководя. Смысл всего отрывка состоит в том, чтобы не отвлекать полевых работников на излишние поездки.

<sup>34</sup> Варрон ничего не говорит об эпистате — смотрителе за колодниками, как, впрочем, и о самих колодниках. Но косвенно они подразумеваются, по нашему мнению, в *Varr. R.r. I. 17. 7*. В таком случае смотритель также был необходим.

<sup>35</sup> *Varr. R.r. I. 16. 4*.

<sup>36</sup> Ibid. I. 2. 22–23; I. 16. 4.

<sup>37</sup> *Cic. Pro Tull. 17*.

<sup>38</sup> *Cic. Ad Att. XIV. 16. 1*: «*Piliae nostrae villam ad Lucrinam, villicos procuratores tradidissem*».

типов; по подсчетам Гуммеруса, средняя величина поместья Колумеллы до 1500 гектаров<sup>39</sup> и, следовательно, рабочий персонал его соответственно более многочислен, чем у его предшественников. Естественно, что появились новые должности и в поместной администрации.

Колумелла, в отличие от Варрона, упоминает должность прокуратора, стоявшего над виликом и являвшегося в отсутствие господина верховным распорядителем в имении. Его апартаменты рекомендуется располагать на втором этаже над воротами и так, чтобы было удобно наблюдать над входившими и выходившими, видеть всю виллу и даже ток, где производили обмолот зерновых<sup>40</sup>.

К сожалению, Колумелла ограничивается лишь двумя беглыми и неясными упоминаниями о столь важной и ответственной в хозяйстве должности. Он предпочитает говорить об обязанностях господина и даже госпожи, вилика и т.д.<sup>41</sup>.

Нет никаких сомнений в том, что это не случайно. Должность прокуратора в средних по своим размерам рабовладельческих имениях не воспринималась в качестве важнейшей, основной в организации производственного процесса. Скорее всего, она не была постоянной и учреждалась лишь по мере надобности, в зависимости от тех или иных обстоятельств и, следует думать, в имениях более крупных, имевших свыше 1000 югеров<sup>42</sup> земли.

Напротив, в латифундиях должность прокуратора становится основной и оттесняет на второй план должность вилика. Крупнейший латифундист своего времени Плиний Младший имеет дело прежде всего с прокураторами как главными посредниками между массой сельских рабов и господином<sup>43</sup>. Как бы то ни было, прокуратор освобождал вилика от части его административных и финансовых обязанностей, тем самым вилик сосредоточивал свое внимание на непосредственной организации работ в поле, винограднике, плодовом саду.

В связи с ростом рабского персонала задачи вилика по контролю и наблюдению усложнились. Колумелла в связи с этим более внимательно и обстоятельно исследует обязанности вилика и его помощницы вилика в специальных книгах XI и XII. Особое внимание следует обратить на тщательное описание функций вилика. Как известно, Катон очень бегло остановился на них, а Варрон вообще обошел их молчанием. Среди обязанностей вилика Колумелла называет следующие: она следит, чтобы все рабы шли на работу в поле и не оставались на вилле. Если кто не идет на работу, она должна узнать, не болен ли, и в случае болезни — отправить в лечебницу. Если рабы оставлены на вилле для каких-либо работ, то вилика следит, чтобы они не бездель-

<sup>39</sup> См.: *Gummerus H. Die Römische Gutsbetrieb als Wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella.* Lpz., 1905. P. 78–79.

<sup>40</sup> Col. I. 6. 7. 23.

<sup>41</sup> Одно место у Колумеллы (Col. XII. 3) позволяет думать, что госпожа вместе с хозяином принимала участие в контроле действий вилика и установленного порядка.

<sup>42</sup> Как более важное, чем вилик, лицо прокуратор, бесспорно, имел свою семью и соответствующие апартаменты. В качестве иллюстрации к упомянутому месту Колумеллы (Col. I. 6. 7) можно привести данные средней и близкой к типу усадьбы Колумеллы виллы, раскопанной в 1902 г. в Гранано. Найденные здесь в помещении № 20 пара золотых сережек с жемчужинами и серебряный плечевой браслет принадлежали скорее всего жене прокуратора (*Notizie degli Scavi di Antichita.* 1923. Vol. XX. P. 275–280).

<sup>43</sup> Plin. Ep. VII. 30; VI. 3. Здесь Плиний подробно описывает необходимые качества прокуратора. Plin. Ep. III. 9. 2–3, возможно Ep. VII. 11. 1, т.е. почти везде, где речь идет об управлении имением, упоминается прокуратор. Любопытно, что даже для небольшого имения в 100 югеров подыскивается прокуратор, а не вилик. Во II в. н.э. во всех крупных имениях прокуратор становится основной фигурой. См.: *Anderson J. An Imperial Estate in Galatia // JRS.* 1937. Vol. 27. P. 1.

ничали. Она наблюдает за работой в ткацких мастерских, за приготовлением пищи, за ключниками и кладовщиками, за пастухами, приносящими молоко, за стрижкой шерсти, за садовниками и их инвентарем и т.д. и т.п.<sup>44</sup>.

Таким образом, по сравнению с прошлым административно-контрольные функции вилки увеличились, возросло их значение в хозяйстве, и Колумелла со всей тщательностью их исследует<sup>45</sup>.

В некоторых поместьях, судя по данным надписей, создавалась специальная должность помощника вилка — *subvilicus*<sup>46</sup>, хотя о ней Колумелла ни разу не упоминает. Специально занимавшийся этим вопросом А. Сираго приходит к выводу о том, что в частных имениях это была довольно редкая должность, в то время как в императорских поместьях субвилек был обычным явлением<sup>47</sup>. Эта должность, скорее всего, появилась в штатах поместной администрации в I в. н. э. и была неизвестна прежде.

Следующей по своему значению и месту в рабской иерархии, согласно Колумелле, была должность *astor*'a — управляющего. В имении Колумеллы было несколько управляющих, и все они находились под началом вилка и вилки<sup>48</sup>. Акторы, очевидно, имели свои семьи на вилле и их жены работали и в поле, и на вилле, и в ткацких мастерских под руководством вилки<sup>49</sup>.

Каковы были обязанности акторов, сказать трудно, сам Колумелла лишь четыре раза упоминает акторов, причем в первых двух отрывках этот термин, на наш взгляд, является простым синонимом слова «вилек»<sup>50</sup>. Третье упоминание<sup>51</sup> дает несколько больше сведений в этом отношении. Здесь актер обязывается особое внимание уделять уходу за лошадьми. Вряд ли в этом случае имелся в виду вилек обширного хозяйства, занятый организацией полевых работ и контролем за трудом рабов. Скорее всего, здесь подразумевался другой представитель поместной администрации. Некоторая неясность и определенная двусмысленность в употреблении слова *astor* Колумеллой говорит о недавнем происхождении новой должности, еще не вполне отпочковавшейся от должности вилка. Кроме того, это позволяет предположить, что актер мог часто исполнять обязанности вилка и являлся своего рода первым заместителем, а если их было несколько, что, конечно, случалось в обширном хозяйстве, то заместителем вилка. В поместье Колумеллы предполагается уже несколько акторов. Еще больше их в латифундиях. Так, у Плиния Младшего их предполагается уже множество<sup>52</sup>, а владения Плиния, конечно, не были исключением.

Интересный анализ сведений об акторах и вилках I–II вв. н. э. дал А. Сираго. Его выводы хорошо согласуются с нашей интерпретацией данных Колумеллы.

<sup>44</sup> Col. XII. 3.

<sup>45</sup> Колумелла сообщает, что некий Гай Матий написал об этом даже три книги. Col. XII. 46.

<sup>46</sup> Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 324 со ссылкой на Orelli. Inscript. 2859.

<sup>47</sup> Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 324 со ссылкой на Orelli. Inscript. 2859.

<sup>48</sup> Col. III. 3; «*nihil enim nocebit si sibi atque actoribus et aliis in honore servulis vestis domi confecta fuerit, quo minus patris familias rationes onerentur*».

<sup>49</sup> Col. XII. 3. Колумелла часто говорит о женщинах на вилле.

<sup>50</sup> Col. I. 7. 7: «*ita fit ut actor et familia peccent et ager saepius infametur...*»; Col. I. 8. 5: «*sed qualicumque vilico contubernalis mulier assignanda est quae contineat cum et in quibusdam rebus tamen adjuvet. Eidem actori praecipendum est, ne convictum cum domestico...*».

<sup>51</sup> Col. VI. 27. 1.

<sup>52</sup> Plin. Ep. III. 19. 2.

В ряде текстов и надписей разных областей Италии и империи термины *actor* и *vilicus* тождественны, но чаще всего они обозначают разные должности, причем вилик контролирует полевые работы, а актер ведет бухгалтерию. В посленероновскую эпоху актер и вилик уже разные должности. Ульпиан определяет обязанности актора, приписывая ему административное руководство и счетоводство<sup>53</sup>.

Если в надписях I в. н. э. этот термин встречается редко, то во II в. н. э. он является уже обычным. Любопытно, что должность актора встречается, как правило, в частных имениях и относительно редко в императорских<sup>54</sup>.

На основе проведенного анализа напрашивается вывод о том, что термины *subvilicus* и *actor* обозначали одну и ту же должность (актор — в частных имениях, субвилик — в императорских). Причем обязанности актора были шире, чем простое счетоводство, и включали также контроль за определенными трудовыми операциями. Это тем более вероятно, что акторов было несколько и вряд ли все они занимались бухгалтерией.

Таким образом, прокуратор, вилик и вилика, субвилик и актер — это высшие чины рабской иерархии.

Среднее звено включало начальников отдельных работ — *magistri singulorum officiorum*, надсмотрщиков — *monitores*, надзирателей в эргастулах — *ergastularii*, начальников десятков — декурионов.

В системе поместной администрации начальники отдельных работ занимали одно из важнейших мест. Именно они обеспечивали своевременное и квалифицированное выполнение всех необходимых работ. Колумелла называет их иногда специалистами — *peritissimi olearii*<sup>55</sup>, *prudentes maxime callentes vinitores*<sup>56</sup>, *sapientes rustici*<sup>57</sup>.

При описании обязанностей вилика и его подготовки хозяин более всего обеспокоен тем, чтобы вилик не оказался профаном перед лицом своих подчиненных — *magistri* и был бы их начальником, а не учеником<sup>58</sup>.

Высокая квалификация подчиненных здесь предполагается как нечто само собой разумеющееся. Несколько ниже Колумелла говорит об этом прямо: «*Quis ergo inquis docebit futurum vilicum si nullus professor est? Et ego intelligo difficillimum esse ab uno velut auctore cuncta rusticationis consequi praecepta. Verum tamen ut universae disciplinae vix aliquem consultum, sic plurimos partium eius invenias magistros, per quos efficere queas perfectum vilicum. Nam et arator reperiat aliquis bonus et optimatus fossor aut foeni sector nec minus abrorator et vinitor, tum etiam veterinarius et probus pastor, qui singuli rationem scientiae sua desideranti non subtrahant*»<sup>59</sup>.

В этом отрывке перечислены в основном функции различных *magistri singulorum operarum, rusticarum rerum*: пахарей, косарей, виноградарей, садовников, маслоделов и виноделов, пастухов различных пород скота, специалистов по разведению птицы,

<sup>53</sup> Dig. 33. 7. 12. 38.

<sup>54</sup> Sirago A. Op. cit. P. 180–186.

<sup>55</sup> Col. XII. 50.

<sup>56</sup> Col. IV. 27. 11.

<sup>57</sup> Col. IV. 27. 5; 28. 1. В приведенных местах, правда, не говорится о том, что все эти термины относятся к «магистрам отдельных работ», но подразумеваются, на наш взгляд, именно они. Во всяком случае, это не господа, не вилик, не акторы, но вместе с тем и не рядовые рабы, а специалисты своего дела, знатоки разного рода работ. Особенно характерно близкое соседство терминов *sapientes rustici* (Col. IV. 27. 5) и *magistros rusticarum rerum* (Col. IV. 28. 1).

<sup>58</sup> Col. XI. 1. 4.

<sup>59</sup> Col. XI. 1. 12.

которые обеспечивали не только квалифицированное руководство всеми работами, но и определенный контроль за рабской фамилией.

В упомянутом Колумеллой случае таких *magistri* можно насчитать около 10–12 единиц. Каждый из них, исполняя функции организации и технического руководства, возможно, также принимал некоторое участие в работах наряду с неквалифицированными рабами<sup>60</sup>.

Если во времена Катона опытный раб надзирал за наемниками по сбору маслин и изготовлению масла, а в остальное время года — за своими товарищами по рабству, то ко времени Колумеллы возникла целая когорта разнообразных специалистов — *magistri rusticarum gerum*. Колумелла несколько раз говорит о враче-ветеринаре на вилле<sup>61</sup>, которого он причисляет к *magistri singulorum operarum* (как известно, еще в эпоху Варрона лечение скота возлагалось на старших пастухов)<sup>62</sup>. Первая помощь скоту чаще всего оказывалась самими пастухами и во времена Колумеллы<sup>63</sup>, но теперь этого уже недостаточно, и появляется специальный врач-ветеринар. Кажется несомненным, что и он также кроме лечения скота осуществлял известный контроль за работой пастухов.

Несколько ниже *magistri* стояли надсмотрщики — *monitores*. О них Колумелла говорит следующее: «При этом виде сельских работ (речь идет об обработке виноградников. — *В. К.*) меньше, чем в каких-либо других, требуется честность, так как виноградарь должен работать под надзором *monitores* и совместно [с ними]»<sup>64</sup>. «Следует разбить рабов на группы не больше, чем из 10 человек, древние называли их декуриями и очень хвалили, так как за таким количеством работников очень удобно наблюдать при работе, и внимание идущего впереди монитора не будет рассеиваться»<sup>65</sup>.

Итак, монитор — это начальник над группой рабов в 10 человек, десятник, который поднимает свою группу с постели, ведет ее на место работы, тщательно следит за каждым во время трудового процесса, держит рабов вместе, не позволяет им разбрестись по укромным углам по 2–3 человека и, уединившись, побездельничать. Наконец, он же определяет каждому рабу конкретное производственное задание и следит за его выполнением. Монитор, в свою очередь, непосредственно подчинен соответствующему *magister*. Монитор скорее всего был надсмотрщиком над рабами, незакованными, над *servi soluti, dissoluti*<sup>66</sup>.

Рабская фамилия в целом делилась на две части: на рабов закованных (*vinci, alligati*) и рабов незакованных (*soluti*)<sup>67</sup>. Закованные рабы жили в особом тюремном

<sup>60</sup> Col. I. 9. 1: «*magistros operibus oportet praeponere sedulos ac frugalissimos. Ea res utraque plus quam corporis statura roburque confert huius negotio quoniam id ministerium custodiae diligentis et artis officium est*». Здесь сказано, что функции контроля и организации были главнейшими в их работе, а их непосредственное участие в трудовом процессе было чисто символическим.

<sup>61</sup> Col. VII. 5. 14; XI. 1. 12.

<sup>62</sup> Var. R. r. II. 10. 5 и 10.

<sup>63</sup> Col. VI. 36. 4; 27. 1; VII. 4. 1; 5. 14

<sup>64</sup> Col. I. 9. 4.

<sup>65</sup> Col. I. 9. 7.

<sup>66</sup> Это ясно видно из отрывка (Col. I. 8. 17), где речь идет о подчинении рабов в кандалах многочисленным начальникам, среди которых нет *monitores*. Однако монитор наблюдает за такими рабами, работающими в винограднике (Col. I. 9. 4). Очевидно, термин *monitores* имел два значения — широкое, в значении надсмотрщик вообще, и как таковой применен в последнем случае, и более узкое, для обозначения надзирателя за группой в 10 рабов. Надзиратель за закованными рабами назывался специальным термином *ergastularius*.

<sup>67</sup> Col. I. 7. 1. .

помещении, так называемом эргастуле (*ergastulum*). Колумелла оставил нам его описание<sup>68</sup>, а остатки помпейских *villa rustica* позволяют представить эти сооружения<sup>69</sup>. В эргастуле находилось разное количество рабов, в эргастулах вилл Гранано и Агриппы их число колебалось от 11 до 14. Если колодников было больше, то или строили большее помещение (см. вилла Гранано), или даже два эргастула с таким расчетом, чтобы каждый вмещал по 14–15 рабов<sup>70</sup>. (*Quindecim vincti faciunt ergostulum. Apul. Apol. 47*).

Охрана эргастулов, принуждение к труду содержащихся там колодников были задачей еще более сложной и ответственной, чем охрана и принуждение незакованных рабов. Естественно, это требовало специальных людей — надсмотрщиков, обладавших соответствующей выучкой. Колумелла сообщает, что эта обязанность возлагалась на особого эргастулярия<sup>71</sup>, причем таких эргастуляриев было несколько, так как он говорит о них во множественном числе. Закованные рабы были занесены в специальные списки, хранимые у вилика<sup>72</sup>, и, конечно, у их смотрителей и *magistri*<sup>73</sup>. Каждое утро вилик устраивал переключку колодников<sup>74</sup>. Наказанные, закованные, заключенные в эргастул, получавшие худшую пищу и одежду, колодники работали плохо, хуже, чем остальные рабы. Поэтому логично предположить, что надзор за ними был более строг, и это выражалось в том, что один эргастулярий, очевидно, охранял и контролировал не 10 рабов, как монитор, а меньшее число. Возможно, размеры колодок (на 10 и 14 человек), найденных в Помпеях, предполагают существование двух эргастуляриев, причем на долю каждого выпадало по пять—семь рабов<sup>75</sup>. Принудить к труду эту категорию рабов, даже усилив надзор за ними путем создания специальной должности — эргастуляриев, было, видимо, трудной задачей, вот почему Колумелла предписывает, чтобы сам хозяин, лично вилик и *magistri operarum* уделяли особое внимание колодникам: пересчитывали узников, проверяли прочность оков, контролировали справедливость наказания, обращение с ними со стороны низших начальников, качество пищи и одежды. Этим рабам даже позволяли приносить жалобы<sup>76</sup> — вещь неслыханная для раскованных рабов. Максимальное внимание к ко-

<sup>68</sup> Col. I. 6. 3: «vinctis quam saluberimum subterraneum ergastulum plurimis idque angustis illustratum fenestris, atque a terra sic editis ne manu contingi possint».

<sup>69</sup> *Notizie degli Scavi di Antichita*. 1923. Vol. XX. P. 275–280; NSA. 1922. Vol. XIX. P. 459–479 дают примеры разных типов эргастулов. В первом случае — это обширное помещение в 160–170 кв. м, обособленное от остальных, хотя и не наглухо, и разделенное на пять каморок. Во втором случае — это две небольшие (13 и 10 кв. м) комнаты. Посреди эргастула был вкопан столб, к которому прикреплялись кандалы, рассчитанные на 14 рабов одновременно. На вилле же Евтиха колодки были рассчитаны на 11 человек.

<sup>70</sup> Об эргастулах упоминает Cic. *Pro Cluent.* 7. 21; *Ad Fam.* X. 33; XI. 19; *Div. II.* 13; *Caes. B.C.* III. 22; *Sen. Contr.* V. 33; *Lucan. Phars.* II. 94–95; *Plut. Mar.* 41; *Suet. Aug.* 32; *Suet. Tib.* 8; *Script. Hist. Aug. Nadr.* 18. Специально об эволюции эргастулов говорит И. Е. Тимошенко (*K Spart. Nadr.* 18 // *Филологическое обозрение.* 1897. Т. XIII); а также см.: *Westermann W. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity.* Philadelphia, 1955. P. 68–69.

<sup>71</sup> Col. I. 8. 17.

<sup>72</sup> Col. XI. 1. 22.

<sup>73</sup> Col. I. 9. 17.

<sup>74</sup> Col. XI. 1. 22.

<sup>75</sup> У Катона специальный эпистат приставлен к 3–5 колодникам. Эти нормы, возможно, действовали и в I в. н. э. Найденные в Помпеях колодки на 10–14 рабов употреблялись тогда, когда рабы запирались на ночь. Работать в поле, винограднике, саду в таких колодках всем вместе было невозможно. Очевидно, при полевых работах применялись более легкие и удобные кандалы.

<sup>76</sup> Col. I. 8. 16–18.

лодникам со стороны всей громоздкой рабской администрации объясняется стремлением получить от этой особой категории работников наибольший экономический эффект. В ряде случаев это удавалось, но столь разумный и расчетливый хозяин, как Плиний Младший, считал использование колодников делом невыгодным<sup>77</sup>.

Итак, десять рабов незакованных, пять-семь колодников — это такие группы работников, совместное использование которых в трудовом процессе дает максимальный с точки зрения рабовладельца экономический эффект.

Однако одно место из Колумеллы<sup>78</sup>, на наш взгляд, содержит указание на то, что иногда приходилось в процессе производства разбивать даже этот малый коллектив на еще более мелкие группы по несколько человек, но сам Колумелла признает, что в таком случае монитору было труднее уследить за рабом. Следует думать, что в этом случае приходилось назначать новых надсмотрщиков, возможно из преданных старших рабов, которые в то же время и работали.

В конечном счете, каждый раб находился под самым внимательным и пристальным наблюдением. Во время полевых работ за ним смотрели вилик, акторы, соответствующие магистры, мониторы, старшие рабы. Во время отдыха на вилле к этим начальникам присоединялись другие: вилика, ключница, ключники, остиарии, кладовщики — целларии, сторожа — *atriensii*<sup>79</sup>.

Попробуем хотя бы приблизительно определить количество рабской администрации, осуществлявшей контроль за произвольно взятым коллективом в 50 рабов, из которых 30 рабов незакованных и 20 колодников. Это будут — прокуратор, вилик, вилика, два-три актора, пять-шесть магистров, три монитора, четыре эргастулярия, шесть-семь старших рабов, один-два прома-ключника, остиарии, три-четыре целлария, т.е. 28–30 человек, из которых в производстве прибавочного продукта не принимали участия 20–25, так как три монитора и старшие рабы сочетали непосредственный труд с надзирательскими функциями.

Иначе говоря, на 50 рабочих единиц приходилось около 20 контролеров, наблюдателей, организаторов, не считая остальных десяти человек из низшего состава рабской иерархии.

В небольших рабовладельческих хозяйствах катоновского типа в 100, 200, 240 югеров, где трудились рабские коллективы в 13–16 единиц, было три-четыре надзирателя, т.е. доли производящего и непроизводящего населения распределялись так: 9–10 человек (70–77%) и 3–4 (23–30%) в оливковом саду; 12–13 (75–82%) и 3–4 (18–25%) в винограднике. В имении Колумеллы (около 1500 югеров с рабским коллективом в 70–75 единиц) соотношение непосредственных производителей с поместной администрацией будет иным, соответственно 50 человек (67–71,5%) и 20–25 (29,5–33%).

Итак, в больших рабских коллективах возрастает удельный вес паразитической рабской иерархии и уменьшается доля производителей. Следовательно, возрастают издержки на содержание этой администрации и, соответственно, уменьшается доходность такого хозяйства; его рентабельность ниже, чем у более мелких хозяйств. Стремясь компенсировать издержки и получить больший прибавочный продукт, рабовладелец, в конечном счете, увеличивал эксплуатацию непосредственных производителей.

<sup>77</sup> Plin. Ep. III. 19. 7; Плиний Старший (Plin. N.H. XVIII. 19–21) особенно резко отрицательно отзывался о труде колодников.

<sup>78</sup> Col. I. 9. 7.

<sup>79</sup> Col. XI. 1. 19; XII. 3.

Таким образом, для эффективного принуждения рабов к труду было необходимо создание громоздкой поместной администрации, поглощавшей до 33% вполне пригодного к труду населения. Каждый рабовладелец хорошо понимал, что такая разбухшая администрация, проедавшая в буквальном смысле слова прибавочный продукт, дорого обходится, но она была необходима, так как иначе резко упала бы производительность и интенсивность рабского труда. Создание столь сложной иерархии, очевидно, диктовалось и тем, что сами администраторы нуждались в контроле и принуждении. Вот почему прокуратор следил за виликом, вилик — за актерами, акторы — за магистрами и т.д. Никогда еще система взаимного контроля и слежки не была столь полной, как в условиях рабовладельческого общества.

«Труд по надзору необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между работником как непосредственным производителем и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за работниками. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства»<sup>80</sup>.

В больших рабских фамилиях, например в латифундиях с 400 рабами<sup>81</sup>, происходило не только количественное увеличение поместной администрации, но и появились новые, не известные в средних имениях должности, такие, как *dispensator*, *praepositus* и т.д.<sup>82</sup> Следует думать, что рост поместной администрации происходил до некоторого предела, вне которого он уже терял всякий экономический смысл<sup>83</sup>. При коллективе в 600 единиц иметь 200 или в 1000 — 300 рабов поместной администрации явно абсурдно. Поэтому латифундист в силу экономических соображений был вынужден несколько уменьшить ее состав. Это приводило к ослаблению надзора за рабами; ослабевало внеэкономическое принуждение рабов к труду, что сразу же, несмотря на дополнительные меры в виде поощрений или наказаний, приводило к падению производительности рабского труда, к сокращению количества прибавочного продукта, превращало латифундии в малорентабельные, а зачастую и в нерентабельные хозяйства. Владельцы рабовладельческих латифундий попали в заколдованный круг: чтобы поднять рентабельность хозяйства, нужно было увеличить поместную администрацию до астрономических размеров, но тогда издержки на ее содержание повышались настолько, что поглощали большую часть прибавочного продукта, а хозяйство опять становилось малоодоходным. Эту проблему латифундисты решили проще: они большую часть земли разбили на мелкие parcelлы и начали сдавать их в аренду колонам. Громоздкая поместная администрация была уже в прежнем виде не нужна, она была резко сокращена, так как процесс производства мог совершаться нормальным образом без ее участия<sup>84</sup>.

<sup>80</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. I. С. 422.

<sup>81</sup> Apul. Apol. 93. О поместье в Триполитании середины II в. н. э.

<sup>82</sup> Sirago A. Op. cit. P. 144–145.

<sup>83</sup> Расчетливый Колумелла считал рабский труд рентабельным, хотя именно он-то и настаивал на организации такой поместной администрации. Но он уже говорит о существовании в имении и колонов, труд которых не требовал столь систематического контроля.

<sup>84</sup> Анализ писем Плиния Младшего позволяет наметить основные этапы сокращения или уничтожения рабской администрации. На первом этапе латифундисты отказались от закованных рабов, колодников, в силу крайне низкой производительности их труда (Plin. Ep. III. 19. 7; Plin. N.H. XVIII. 19–21), что сразу привело к уничтожению должностей, связанных с охраной, содержанием и надзором за ними. Раздел имения на parcelлы, сдаваемые в аренду колонам, сделал излишним должности старших рабов, мониторов, начальников работ, а обязанности акторов, виликов и прокураторов изменились существенным образом: они стали осуществлять теперь не столько контроль,



Распространение латифундий, имевшее место в Италии и Империи с I в. н. э., знаменовало тяжелый кризис рабского способа производства. Рабовладельцы отказывались применять рабский труд при обработке крупных площадей и переходили к децентрализованному мелкому земледелию зависимых колоннов.

### **Эволюция итальянского земледелия и возрастание эксплуатации рабского труда\***

Исследование итальянского земледелия II в. до н. э. — I в. н. э. показывает, что оно достигает в это время своего наивысшего расцвета. Это объясняется широким распространением рабского труда. Миллионы рабов были согнаны на землю Италии, чтобы оросить ее почву своим потом, полить кровью, вырубить леса и осушить болота, взрыхлить ее плотную землю, засадить виноградниками, оливами и плодовыми деревьями, акклиматизировать и окультурить новые растения или сорта. Мелкое производство свободных плебеев или полузависимых арендаторов сменяется рабовладельческими имениями в несколько сот югеров с рабскими коллективами в несколько десятков человек, производящими в большей или меньшей степени на рынок. Владельцы этих имений были заинтересованы в получении большего прибавочного продукта, интенсивном ведении хозяйства, рациональной организации производства, усилении внеэкономического принуждения рабской рабочей силы.

Нельзя, конечно, упрощать сложный исторический процесс и предполагать, что распространение рабовладельческих вилл в Италии привело к полной и повсеместной ликвидации мелкого производства свободных или полусвободных производителей. Мелкие хозяйства существовали во многих областях Италии. Центральное правительство, начиная с Гракхов и кончая Траяном, проводило политику их поддержки, однако их роль в сельском хозяйстве в течение трех столетий господства классического рабства была второстепенной. Вместе с развитием сельскохозяйственного производства совершенствуется организация рабского труда в земледелии, становится эффективнее внеэкономическое принуждение рабов к труду. Сама организационная ячейка рабовладельческого производства — рабское имение или вилла — за это время проходит определенный путь развития, достигая известной законченности в I в. н. э.

Рациональная организация рабского труда, совершенствование системы внеэкономического принуждения, а также другие факторы, приводимые в действие рабовладельцем, преследовали в конечном счете одну цель: увеличение прибавочного продукта, повышение производственной эффективности рабского труда в единицу времени, т.е., иначе говоря, возрастание производительности рабского труда.

---

сколько административное руководство, вели бухгалтерию и т.п. Рабовладелец, веками приученный к мысли о том, что непосредственный производитель работает только в том случае, если над ним стоит надсмотрщик, не мог позволить и колону работать без надзирателя (см. Plin. Ep. III. 19. 6; IX. 37. 3. 4). Однако труд колона был настолько отличным от труда раба, что вскоре Плиний отказался от надзирателей и перешел на систему натуральной аренды из доли урожая.

\* Первая публикация: в ж. Вестник Московского университета. Серия 9. История. 1966. № 5. С. 77–95.

Проблеме производительности труда классики марксизма-ленинизма уделяли большое внимание. Производительность труда, ее рост, застой или падение — один из важнейших критериев определенного состояния производства, конкретного соотношения производительных сил и производственных отношений в ходе производственного процесса. Рост производительности рабского труда привел к смене первобытнообщинного строя рабством, а патриархального, неразвитого рабства классическим рабством.

В докапиталистических формациях, в частности в условиях рабовладельческой общественно-экономической формации, решающей отраслью народного хозяйства, определяющей наиболее характерные особенности производства, было сельское хозяйство, в особенности земледелие. В связи с этим вопрос об эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э. и проблемы производительности рабского труда в земледелии имеют большое методологическое значение. Их исследование позволяет осветить отношения между непосредственным производителем и собственником средств производства, рабом и рабовладельцем в процессе производства, дает возможность понять существо рабовладельческих отношений вообще.

В процессе труда работник производит определенный продукт в единицу времени. Часть этого продукта потребляется самим производителем, это так называемый необходимый продукт для воспроизводства растроченной работником энергии, другая часть, прибавочный продукт, принадлежит собственнику средств производства или обществу. То количество рабочего времени, которое необходимо для производства этого прибавочного продукта, — прибавочный труд, присваиваемый собственником средств производства, есть абсолютная величина эксплуатации и может составлять 1,2 и вплоть до 7–8 часов рабочего времени. Под степенью же эксплуатации рабочей силы К. Маркс понимал отношение прибавочного труда к необходимому и выражал ее в процентах<sup>85</sup>.

В руках собственника средств производства существует несколько способов увеличения эксплуатации труда и повышения степени эксплуатации. Это, например, возможно путем сокращения необходимого труда, т.е. уменьшения количества продукта, требуемого для восстановления затраченной силы и энергии работника, сведения его к самым крайним границам прожиточного минимума. Это ведет к хищническому расточению рабочей силы, известному нам для всех эпох классового антагонистического общества. При неизменной продолжительности рабочего дня уменьшение необходимого труда ведет к увеличению прибавочного труда и поднимает как абсолютную норму, так и степень эксплуатации труда. Другой способ увеличения прибавочного труда заключается в увеличении продолжительности рабочего дня до крайне допустимых пределов.

Однако увеличение доли прибавочного труда и соответствующего уменьшения необходимого можно достигнуть и другим, более сложным способом, а именно путем роста производительности труда работника. Производительность труда — это его эффективность в данный отрезок времени. Она измеряется количеством продукции, выработанной одним рабочим в единицу времени, или рабочим временем, затраченным на производство единицы продукции. Уменьшая количество затрат труда на единицу продукции, т.е. повышая производительность труда, работник за один и тот же рабочий день производит большее количество прибавочного продукта, следователь-

<sup>85</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 228–230.

но, возрастает как абсолютная величина эксплуатации, так и ее степень. Вот почему собственник средств производства заинтересован в росте производительности труда и способствует этому росту<sup>86</sup>. С другой стороны, процесс производства сам по себе, поскольку он совершается непрерывно все новыми и новыми поколениями людей, обогащенных опытом и знаниями прежних поколений, предполагает увеличение производительной силы труда в силу своего внутреннего развития.

Таким образом, экономический закон повышения производительности труда вытекает как из материальной природы производства, так и из чисто субъективных и объективных условий, в которых находятся собственники средств производства. Экономический закон роста производительности труда является общим законом производства, действующим во всех общественно-экономических формациях, стало быть, и в первобытнообщинной, рабовладельческой и т.д. Производительность труда в рабовладельческом обществе была выше, чем в первобытнообщинном, в феодальном выше, чем в рабовладельческом и т.д. Однако рост производительности труда находит свое непосредственное, конкретное воплощение в пределах каждой формации. К. Маркс блестяще доказал это для капиталистического способа производства, в обзоре генезиса капиталистической земельной ренты, и для феодального<sup>87</sup>. Рабовладельческая формация не представляла собой исключения, и в ее пределах экономический закон роста производительности труда действовал так же, как и в других формациях.

Вопрос о повышении производительности рабского труда слабо разработан в советской историографии античности. В общей форме считается бесспорным, что в условиях рабского способа производства производительность рабского труда была очень низкой, гораздо ниже, чем производительность труда свободного или полусвободного работника, и почти совсем не росла. Обычно вопрос о производительности и эксплуатации рабского труда ставился и решался более или менее одинаково для всех периодов развития рабовладельческого способа производства. На протяжении всех этих, столь различных по своему хозяйственному уровню периодов, рабский труд считался в одинаковой степени непроизводительным, а раб — столь же одинаково незаинтересованным в результатах своего труда. Однако такая постановка вопроса сильно упрощает, а для некоторых периодов искажает действительную картину историко-экономического развития рабовладельческой формации.

Следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые приводили к усилению степени эксплуатации рабов, занятых в доминирующей отрасли рабовладельческого производства, сельском хозяйстве, в частности в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

Раб как работник имеет целый ряд специфических особенностей, которые отличают его от всех других категорий работников: незаинтересованность в результатах своего труда, полная апроприация личности раба господином и низведение его до уровня говорящего орудия, применение внеэкономического принуждения к труду, отсутствие каких-либо сдерживающих, экономических, юридических, моральных и религиозных факторов, ограничивающих рабовладельца в эксплуатации рабов. В связи с этим при рабстве открывалась возможность самой зверской, самой всеобъемлющей эксплуатации труда, какой не было и не может быть в каком-либо другом обществе. Однако все эти особенности созрели и проявились не сразу, действовали не во все периоды рабовладельческой формации с одинаковой интенсив-

<sup>86</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 246–248.

<sup>87</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 344–379.

ностью, вследствие чего норма и степень эксплуатации рабского труда не стояли на одном уровне, а непрерывно менялись.

Патриархальное рабство — это еще неразвитое рабство, рабовладельческие отношения еще не достигли своего зенита. Этот период характеризуется господством натурального хозяйства, слабым развитием торговли и товарно-денежных отношений, низким уровнем производительных сил и низкими темпами развития производства.

Поскольку производство было направлено на создание непосредственных средств существования, то потребность в прибавочном продукте была ограничена нуждами семьи рабовладельца, лимитировалась определенными границами, переступать которые не было экономической необходимости. В связи с этим эксплуатация непосредственного производителя также была ограничена некоторыми рамками. Отсюда вытекает соответствующее положение раба в обществе. Юридическая и фактическая грань между рабом и свободным не была еще резкой, оставалась неясной в ряде случаев. В эпоху классического рабства отношения изменились. Рабовладельческий способ производства достиг своего наивысшего расцвета. Достигают известной высоты товарно-денежные отношения, при сохранении натуральной основы рабовладельческие хозяйства ориентируют производство частично на рынок.

Происходит бурное развитие сельского хозяйства, ремесла, строительства, ускоряются темпы развития производства. Класс рабов становится самым многочисленным. Раб превращается в основного производителя, его участие в производстве приобретает решающее значение, доля свободного и полусвободного труда уменьшается и играет второстепенную роль. Так как производство теперь направлено на создание прибавочной стоимости и частично ориентировано на рынок, то существующие при натуральном хозяйстве границы при получении прибавочного продукта теперь существенно раздвигаются, а потребность в прибавочном продукте возрастает в значительной степени. Получение большего прибавочного продукта достигается прежде всего усилением эксплуатации работника самым грубым и простым путем: увеличением до его естественных пределов продолжительности рабочего дня, интенсификацией труда, сокращением необходимых потребностей. Вопрос о продолжительности рабочего дня — один из важнейших в любой общественно-экономической формации, так как от той или иной ее величины зависит соотношение прибавочного и необходимого труда, его интенсивность, эксплуатация непосредственного производителя. Если в условиях капитализма и феодального общества существуют многие факторы, которые помимо чисто экономических соображений лимитируют продолжительность рабочего дня<sup>88</sup>, то при развитом рабстве не было сдерживающих начал в этом отношении, кроме чисто физической необходимости поддерживать рабочую энергию на необходимом уровне. Общество, государственная власть, религия, общественное мнение не вмешивались в отношения между господином и рабом, и хозяин устанавливал величину рабочего дня по своему усмотрению, доводя его до допустимых физических пределов.

К сожалению, древние не оставили нам точных сведений о продолжительности рабочего дня раба, но ряд сведений по этому вопросу имеется в их сочинениях. Много об этом пишет Катон. Рабы должны быть всегда в работе (Cat. 5. 2), летом в поле в течение длинного летнего дня; если стоит дождливая погода и работать в поле нельзя, то рабов ожидает масса дел на усадьбе (Cat. 2. 3). В календаре понтификов, со-

<sup>88</sup> См.: Маркс К. Капитал. Т. I. Отдел III. Гл. 8. § 6.

ставленном еще в VI–IV вв. до н. э., был определен перечень праздничных дней, во время которых запрещалось производить сельскохозяйственные работы, а земледельцы должны были отдыхать в так называемые праздничные дни — *feriae* (Col. II. 21. 1), и тем самым определенное количество рабочего времени раба пропадало бесцельно. В эпоху натурального хозяйства и неразвитости товарных отношений такие потери не были страшны и не наносили большого ущерба хозяйству. Во II в. до н. э. — I в. н. э. эти потери не могли быть терпимы, и Катон уже составляет перечень полевых работ, которые можно делать в праздники: чистить старые каналы, прокладывать общественную дорогу, вырезать колючие кусты, вскапывать огород, обкашивать луга, резать веники, вырывать колючую траву, обгаливать полбу, наводить чистоту (Cat. 2. 4); это довольно полный список, позволяющий по существу перечеркнуть строгие религиозные запрещения. Рабовладелец ищет возможности занять раба и после наступления темноты, Катон дает точные указания, что делать в это время рабу: «теши колья круглые и четырехреберные; делай факелы, выноси навоз» (Cat. 37. 3).

Раб должен работать или спать — таково основное правило Катона (Plut. Cat. Mai. 29), и оно свидетельствует о стремлении рабовладельца к максимальному заполнению времени раба производительным трудом. Однако по сведениям Катона нельзя составить более или менее ясного и точного представления о продолжительности рабочего дня рабов. Более определенны в этом отношении данные Колумеллы и Плиния.

Колумелла пишет буквально так: вилик должен следить, чтоб рабы быстро и без проволочек следовали на работу с первым лучом света (*a prima luce*), а возвращались на виллу только в сумерках (*ubi crepusculum incesserit*. Col. XI. 1. 17–18), иначе говоря, в летнее время продолжительность рабочего дня достигала 16–17 часов. Уменьшение светлого времени сокращало рабочий день в поле, но рабовладелец, видимо, находил работу рабам и после наступления темноты, прихватывая по 1–1,5 часа от предрассветных сумерек и столько же от вечерних. Если день продолжался 12 часов, то вероятное добавление еще 2–3 часов доводило общую продолжительность рабочего дня до 14–15 часов. В зимнее время день сокращался до 9 часов (Col. XI. 2. 91), но рабовладелец заставлял трудиться и после наступления темноты, так что общая величина рабочего дня изменялась мало, оставалась более или менее на одном уровне.

Колумелла подробно перечисляет, какие работы можно производить в это время: готовить колы и подпоры для виноградников, мастерить ульи, плести корзины и кошелки, чистить салик и вымачивать подвязки под виноградник, затачивать железные инструменты, делать заготовки для рукояток или прилаживать их к режущим частям (Col. XI. 2. 90—91), а Плиний добавляет: нарезать факелы, чинить рассохшиеся бочки, шить попоны для овец и вычесывать их (Plin. XVIII. 233. 236). В любой местности, признается Колумелла, имеется что-нибудь, что можно делать в темное время (*nulla regio non aliud affert, quod ad lucubrationem confici possit*. Col. XI. 2. 90).

Для определения продолжительности рабочего дня раба в зимнее время очень важно было бы установить продолжительность в часах рабочего времени в сумерках (принимая во внимание сообщение Колумеллы, что самый короткий день зимой — 9 часов, Col. XI. 2. 91). Плиний считает нормальным рабочим днем раба в это время, если за день (9 часов) он приготовит 30 четырехгранных и 60 круглых кольев, а в сумерках соответственно 10 (5 до рассвета и 5 вечером) и 20 (10 до света, 10 вечером) (Plin. XVIII. 233). Иначе говоря, труд при огне продолжается 3 часа (1,5 часа утром и 1,5 часа вечером), и за это время раб выполнял 1/3 работы, сделанной днем, т.е. весь рабочий день длится не менее 12 часов.

Колумелла приводит другой расчет (Col. XI. 2. 15). По его мнению, один рабочий (*una orega*) сможет приготовить 100 круглых и 60 четырехгранных кольев, в том числе до рассвета 10 и 5, и соответственно вечером столько же, а всего в темное время 20 и 10, таким образом, за день (9 часов) рабу следует изготовить 80 круглых кольев и 50 четырехгранных, а в темное время 20 и 10, т.е. на их изготовление уходит от 1/4 до 1/5 дневного времени, или 2 часа, а общая продолжительность рабочего дня при наименьшем зимнем дне — 11 часов, а скорее всего несколько больше (12 часов), если учесть время на необходимую заточку инструментов.

Анализ продолжительности рабочего дня рабов в разные периоды года, таким образом, дал такие результаты: в горячие летние месяцы рабочий день продолжался 16–17 часов, а в зимнее время он сокращался до 11–12 часов, а в остальные месяцы скорее всего достигал 14–15. Средняя годовая продолжительность рабочего дня — 14–15 часов в сутки<sup>89</sup>.

Еще Катон стремился производительно занять рабов во время религиозных праздников. К I в. н. э. круг работ, допустимых в праздники, значительно расширился. Колумелла уже посвящает этому очень важному для рабовладельца вопросу 21 главу II книги. Согласно его рецептам, праздничные дни по существу ничем не отличаются от будничных. Как грубо и откровенно попирались религиозные предписания, показывают такие примеры: понтифики запрещали перевозить и сажать деревья в праздники. Колумелла в связи с этим рекомендует не перевозить деревья на животных, а переносить их на рабах (!), поскольку запрещений по этому поводу не было. Принеся в жертву щенка, рабовладелец мог проводить все необходимые работы: сеять, пахать, обрезать деревья, собирать виноград, стричь овец, косить и перевозить сено и т.д. (Col. II. 21. 3–4). Иначе говоря, раб не только лишается праздников; общая тенденция заключается в том, чтобы целиком уравнивать характер работ в религиозные праздники и будни, отменить по существу древние религиозные предписания, как стесняющие инициативу рабовладельцев, расточающие рабочее время раба, принадлежащее хозяину. Увеличение продолжительности рабочего дня рабов, доведение его до максимальных норм, сокращение или даже уничтожение праздничных дней (о выходных днях для рабов ничего неизвестно) — неизбежный и закономерный процесс рабской системы, направленной на производство прибавочной стоимости<sup>90</sup>.

Насколько нам известно, римские писатели нигде не упоминают об обеденных и прочих перерывах в течение рабочего дня. Рабы принимали пищу перед уходом на

<sup>89</sup> «Рабочий день есть не постоянная, а переменная величина... хотя... рабочий день есть не устойчивая, а текучая величина, все же, с другой стороны, он может изменяться лишь в известных границах. Однако минимальные пределы его не могут быть определены. Зато у рабочего дня есть максимальная граница. Он не может быть продлен за известный предел. Эта максимальная граница определяется двояко. Во-первых, физическим пределом рабочей силы. Человек может расходовать в продолжение суток... лишь определенное количество жизненной силы. Так, лошадь может работать изо дня в день лишь по 8 часов. В продолжение одной части суток сила должна отдыхать, спать, в продолжение другой части суток человек должен удовлетворять другие физические потребности — питаться, поддерживать чистоту, одеваться и т.д. Кроме этих чисто физических границ удлинение рабочего дня наталкивается на границы морального свойства: рабочему необходимо время для удовлетворения интеллектуальных и социальных потребностей, объем и количество которых определяется общим состоянием культуры. Поэтому изменения рабочего дня совершаются в пределах физических и социальных границ. Но как те, так и другие границы весьма растяжимого свойства и открывают самые широкие возможности. Так, например, мы встречаем рабочий день в 8, 10, 12, 14, 16, 18 часов, т.е. самой различной длины». Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 243–244.

<sup>90</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 346–365.

работу, после возвращения с работы на виллу они получали горячую пищу, приготовленную виликой или другими женщинами, о чем сказано специально<sup>91</sup>. Любопытно отметить, что характер питания рабов был таков, что допускал ее быстрое приготовление и потребление, что сокращало до минимума личное время раба, а, следовательно, увеличивало его рабочее время.

Стремясь интенсифицировать рабский труд, заполнить весь рабочий день, теоретики и практики рабовладения разработали довольно сложную систему дневных, недельных и месячных норм выработки почти для всех главных работ в сельском хозяйстве, за невыполнение которых с рабов строго взыскивалось, а перевыполнение поощрялось. Эта система норм разрабатывалась и складывалась постепенно.

Катон говорит о ней еще очень обще и неопределенно. Сазерна определил норму дневной выработки на пахоте — наиболее важной и трудоемкой операции. Варрон подробно разработал нормы для различных отраслей в скотоводстве. Однако наиболее полное завершение система получила в I в. н. э.: тогда строго нормировались и учитывались все главные и второстепенные виды работы вплоть до сбора листьев в осеннем лесу и т.д.

При патриархальном рабстве и натуральном хозяйстве питание, одежда, бытовое положение раба, очевидно, мало чем отличались от таковых младших членов фамилии и семьи рабовладельца. В классическую эпоху экономия за счет необходимых потребностей раба — один из возможных источников получения прибавочной стоимости, являющейся одной из целей рабовладельческого хозяйства. Правда, было бы неправильным упрощать реальную картину бытового положения рабов, рисуя его исключительно бедственным. Никак нельзя представлять римского раба в виде вечно голодного и нагого, совершающего непосильный труд работника. Некормленный и раздетый раб не мог быть хорошим работником; рабовладелец это прекрасно понимал и не гуманные чувства, а реальный экономический расчет диктовал господину приличное обращение с рабом. Характерен в этом отношении пример Катона, человека трезво-расчетливого и жестокого. Он придерживался следующих правил при обращении с рабами: «...рабам не должно быть плохо: они не должны мерзнуть и голодать» (Cat. 5. 2); это не было риторическим оборотом или теоретическим положением. Так, если римский гражданин во время прохождения военной службы в легионах получал в месяц 3,5 модия зерна (Polyb. VI. 39), то Катон отпускал своим рабам от 4 до 4,5 модиев, т.е. больше, чем легионеру, не считая приварка из маслин, вина, бобов, горячей пищи и т.д.<sup>92</sup>

Во II в. до н. э. одним из самых употребительных злаков оставалась еще полба, но Катон рекомендует выдавать своим рабам пшеницу<sup>93</sup>. Хозяин хорошо кормил только работающего раба; работник, не занятый тяжелой физической работой, например вилик, овчар, погонщик мулов и др., получал меньший паек (Cat. 56). Зимой в связи с сокращением рабочего дня и уменьшением полевых работ паек уменьшался. Во время болезни дневной паек был значительно меньше. К сожалению, данных о рабском довольствии в I в. до н. э. — I в. н. э. очень мало и не все детали нам ясны<sup>94</sup>.

<sup>91</sup> Сергеевко М. Е. Жизнь Древнего Рима. М.—Л., 1964. С. 125–126, 260.

<sup>92</sup> О пище рабов хорошо сказано у М. Е. Сергеевко: Жизнь Древнего Рима. С. 121–125.

<sup>93</sup> Катон говорит об этом совершенно определенно, хотя предположение Н. Ясного о том, что Катон давал своим рабам и полбу, на наш взгляд, очень вероятно. *Jasny N. The Wheat's in Classical Antiquity.* Baltimore, 1960. P. 56; Сергеевко М. Е. Жизнь Древнего Рима. С. 309.

<sup>94</sup> Sen. Ep. 87. 7 говорит о том, что в его время раб получал в месяц 5 модиев зерна и 5 денариев. М. Е. Сергеевко и Ж. Андре толкуют это сообщение Сенеки в том смысле, что данное довольствие

Колумелла считает превосходной пищей для рабов смесь пшеницы и ячменя (Col. II. 9. 16). Он рекомендует в ряде случаев использовать для питания рабов различные менее ценные растения: ячмень, лупин, чечевицу, горошек, репу и т.д., готовить хлеб из проса и могара, который можно есть, преодолевая некоторое отвращение (Col. II. 9. 17–18). При уменьшении урожайности пшеницы в I в. н. э. замена пшеницы менее ценными зерновыми и более широкое употребление бобовых для питания сельских рабов, видимо, было общим явлением. Употребление менее ценных продуктов до известной степени сокращало издержки на питание непосредственных производителей. Типичный образ раба в комедиях Плавта — это раб обжора, раб, мечтающий о сытой жизни (Plaut. Menech. 972–980; Most. 41 и др.) — есть не более как литературное отражение реального положения рабов, далекого от идеальных рекомендаций Катона.

Другим проявлением экономии на необходимых потребностях раба было лишение рабов семьи и переход на казарменное содержание, как более дешевое и удобное. Е. М. Штаерман обратила внимание на то, что рыночная стоимость раба — 400–500 денариев — довольно значительна, и сделала вывод, что затраты на воспитание раба в денежном выражении не отличались особенно сильно от стоимости раба на рынке. В связи с этим она обращает значительно большее внимание на внутренний источник воспроизводства рабской рабочей силы внутри имения, чем это делалось почти во всех работах советских историков<sup>95</sup>.

В распоряжении современного исследователя имеются данные, которые позволяют произвести приблизительный подсчет стоимости содержания раба до его совершеннолетия (до 16 лет). Согласно Катону, не занятый физической работой раб получал три модия пшеницы в месяц, или  $3 \times 12 = 36$  модиев в год, или  $36 \times 16 = 576$  в 16 лет. Если считать, что потребление ребенка составляет половину этого пайка, то на его содержание пойдет 288 модиев пшеницы, которая будет стоить (по четыре — пять сестерциев за модий)<sup>96</sup> 1144–1430 сестерциев, или 286–357,5 денариев. Взрослый раб выпивает в год семь квадранталов вина (Cat. 57), за 16 лет он выпьет 56 квадранталов общей стоимостью (по 15 сестерциев за 1 амфору. (Col. III. 3. 10) в 1680 сестерциев, 420 денариев, т.е. на долю зерна придется 210 денариев, что вместе с хлебным довольствием составит  $286 - 357,5 + 210 = 496 - 567,5$  денариев. Рабу было положено в месяц по 1 секстарию оливкового масла (в год 12 секстариев и за 16 лет 192 секстария), общая стоимость которого, видимо, такая же, как и вина. Если подсчитать стоимость других продуктов: маслин, фруктов, полбы, бобовых, молочных

было обычным рабским пайком. *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. С. 267, а также ее же: Колумбарий Статилийев Тавров // ВДИ. 1964. № 4. С. 85; *André J.* L'alimentation et la cuisine a Rome. Paris, 1960. P. 73–74. Однако при таком предположении бросается в глаза очень высокая норма потребления для среднего раба (5 модиев и 5 денариев — это ровно в два раза больше хлебного пайка римских граждан, получающих довольствие из государственных магазинов). Римские граждане получали только 5 модиев, а на 5 денариев можно было купить еще столько же. В связи с этим более убедительны толкования этого отрывка Сенеки Валлоном, который полагает, что имелся в виду не месячный паек раба вообще, а нечто вроде заработной платы привилегированного раба-артиста деньгами и натурой, на которую он мог не только пропитаться, но и иметь какой-то излишек. Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 317–318. Во всяком случае, распространять эту высокую норму довольствия на всех рабов, в том числе сельских, вряд ли целесообразно.

<sup>95</sup> См.: *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М., 1964. С. 36–54.

<sup>96</sup> *Jasny N.* Wheat Prices and Milling Costs in Classical Rome. California, 1944. P. 137–168. Большинство исследователей считает, что за 1 модий пшеницы в Риме платили 4–5 сестерциев; Н. Ясный поднимает эту цену до 8–10 сестерциев за 1 модий.



продуктов, одежды и обуви, то общая сумма окажется значительно превышающей 500 денариев<sup>97</sup>.

Кроме содержания детей, необходимо было кормить жену раба, некоторое время вынужденную не работать. К тому же семейная жизнь раба делала невозможным для него продолжительный рабочий день. Иначе говоря, необходимые издержки по воспитанию раба на вилле были довольно велики, и для рабовладельца было значительно выгоднее купить раба на рынке и перевести его на казарменное положение. Иметь семью для раба было важнейшей привилегией, распространяемой в порядке особой милости лишь на поместную администрацию и вряд ли доступной основной массе непосредственных производителей. Вопрос о возможности семейной жизни рабов, вернее, основной массы рабов, можно решить, если проанализировать жилищные условия членов сельской фамилии. Слово «казарменное содержание», на первый взгляд, предполагает, что вся рабская фамилия жила в некоей обширной казарме-бараке, специально приспособленном для этих целей. Исследователи, которые находят в источниках указания на каморки для рабов, в связи с таким узким пониманием этого термина начинают ставить под сомнение сущность самого определения «казарменный» и склонны предполагать, что раб жил в маленькой каморке со своей сожительницей и получал возможность иметь и воспитывать собственных детей<sup>98</sup>.

Катон рекомендовал устраивать для рабов специальные каморки (*cellas familiae*), т.е. для 13 или 16 рабов виноградника или оливкового сада строилась не одна общая казарма-комната, а несколько комнатушек. При перечислении инвентаря указанных имений Катон перечисляет личные вещи рабов, работающих в маслиннике: матрасов 8, чехлов на них 8, подушек 16, одеял 10, полотенцев 3, лоскутных одеял 6, кроватей с ременной сеткой 4, топчанов 3; виллику и вилике предназначалась особая кровать (*Cat. 10. 4*), т.е. всего 8 кроватей.

Весь рабский персонал виллы можно разбить на четыре-пять категорий: 1) виллик и вилика, живущие в отдельной комнате со спальней; 2) пахари, живущие около стойл; 3) чернорабочие, вероятно, живущие все вместе, если их не больше 3–5 человек; 4) овчары, свинопасы, погонщики ослов; 5) закованные рабы-колодники.

Распределение постельных принадлежностей, видимо, происходило следующим образом: виллик и вилика получали особую кровать — *lectum in cubicolo*, кровать с ременной сеткой приходилась на каждого пахаря, т.е. в маслиннике, где было три пахаря, использовались три кровати с ременной сеткой, одна кровать была в запасе; для чернорабочих и прочих работников выделялось три топчана, на которых они все располагались. На каждую кровать было положено по одному тюфяку, чехлу и по две подушки. Каждому рабу выдавалось по одеялу, а несколько одеял хранилось в запасе. Поэтому для размещения 13–16 рабов на усадьбе, видимо, нужно было

<sup>97</sup> Можно предложить и другой расчет: в конце I в. н. э. был установлен алиментарный фонд, из которого получали содержание дети бедных родителей: мальчики 16 сестерциев, девочки 12 сестерциев в месяц. Таким образом, на мальчика до 16 лет расходовалось  $16 \times 12 \times 16 = 3072$  сестерциев, или 768 денариев, причем содержание детей рабов стоило, вероятно, столько же. К тому же следует учесть, что алименты государства составляли не все содержание ребенка, а лишь его часть, т.е. общая сумма, необходимая для воспитания, была большей. Однако если господин хотел воспитать не простого работника, а квалифицированного, например виноградаря или пахаря, вилика или магистра, то расходы на его содержание и обучение, видимо, не очень сильно отличались от розничной стоимости такого раба — 6, 7, 10 тыс. сестерциев (*см. Plut. Cat. Mai. 29; Col. III. 3. 5; Varr. I. 16. 4–5 и др.*).

<sup>98</sup> См.: Штарман Е. М. Указ. соч. С. 56.

иметь четыре-пять каморок (одна для вилика и его семьи, одна для пахарей, одна-две для чернорабочих, одна — для овчаров, свинопасов и т.д. и специальная комната для колодников — закованных рабов.

Колумелла останавливается на описании рабских каморок особо. Рабские каморки, пишет он, следует ориентировать на юг, чтобы они хорошо обогривались солнцем зимой и находились в тени летом. «Помещения (*cellae*) для пастухов и пахарей расположены возле хлевов, чтобы им удобнее было выходить досматривать свой скот. Все рабы должны жить как можно ближе друг от друга, чтобы вилик, обходя различные части усадьбы, в своем усердии не разрывался во все стороны и чтобы каждый был свидетелем старательности и лености другого» (Col. I. 6. 8). Колумелла оставил подробное описание эргастула — подвального помещения с рядом узких окошечек, расположенных довольно высоко, где находилось одновременно до 15 колодников, классический тип настоящей рабской казармы в узком смысле этого слова. Авторы, к сожалению, не говорят о размерах этих каморок, их оборудовании и утвари, что позволило бы воссоздать повседневный быт сельского раба. Однако в руках современного исследователя имеются такие прекрасные источники, как остатки шампанских сельских вилл. В некоторых из них сохранились рабские каморки со всей их незамысловатой утварью.

Рассмотрим рабские помещения на виллах № 13 (знаменитая вилла Боскореале, раскопанная в 1893–1895 гг.)<sup>99</sup>, № 34 (вилла Гранано)<sup>100</sup>, № 31 (вилла внука Августа Агриппы Постума)<sup>101</sup> и № 33<sup>102</sup>. Расположение, размер рабских каморок, их утварь показывают, что строители, видимо, руководствовались советами римских агрономов, настолько точно они соответствуют их рекомендациям. На вилле Боскореале обнаружено пять рабских каморок, совершенно одинакового размера в 8 кв. м, причем вилик и вилика (особого остиария при малочисленной фамилии не было. Varr. I. 13. 2) жили в особом помещении около выхода, скорее всего, в Л или К. На вилле (а по подсчетам М. Е. Сергеенко, общая земельная площадь ее была около 100 югеров, а рабская фамилия видимо насчитывала около 16 человек)<sup>103</sup> находилось шесть рабских каморок, в которых жили рабы по два-три человека. В каждой каморке стоял один топчан, на все пять каморок приходилась одна ручная мельница, на которой рабы молили полученное зерно. Все пять каморок были расположены рядом в глубине дома, далеко от входа и предполагают общий быт полуказарменного типа, исключающий возможность семейной жизни и воспитания детей.

На вилле Гранано каморки для рабов, скорее всего, находились в помещениях 16–26, причем каморки 16–19 группировались вокруг эргастула F, и в них, видимо, жили колодники или наказанные рабы, а в 20–26 жили рабы незакованные; пахари и конюхи скорее всего жили в помещении С, сообщающемся с обширным хлевом,

<sup>99</sup> Подробное описание этой виллы дано у *Сергеенко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949. С. 282–303.

<sup>100</sup> См.: *Notizie degli Scavi di Antichita.* (NSA). Roma, 1923. Vol. XX. P. 275–280. Описание этой виллы см. также: *Сергеенко М. Е.* Помпеи... С. 304–306; Кузищин В. И. Хозяйство италийской ла-тифундии в I в. до н. э. // ВМГУ. Серия историко-филологическая. 1958. № 4.

<sup>101</sup> См.: *Notizie degli Scavi di Antichita.* Vol. XIX. P. 459–479. М. И. Ростовцев определил ее как императорскую виллу см. *Storia economica e sociale dell'impero Romano.* Firenze, 1933. P. 69–71.

<sup>102</sup> По списку *М. Делла Корте VII.* *Notizie degli Scavi di Antichita.* Vol. XX. P. 271–274.

<sup>103</sup> *М. Е. Сергеенко* (Помпеи. С. 301–303) насчитывает в Боскореале 13 рабов: вилик, вилика, привратник, 10 работников, из них две женщины. На наш взгляд, общая численность рабской фамилии была не менее 16 человек, привратника, видимо, не было, его функции нес вилик. Кроме того, в нее входили пахари, свинопасы, овчары, саликтарий, погонщик ослов, 5–6 виноградарей, 2–3 маслодела.

где обнаружены скелеты быков и лошадей. Виллик и вилика этого обширного поместья имели свои апартаменты, по-видимому, на втором этаже, куда вела лестница, остатки которой сохранились. В помещении 20 найдены пара золотых сережек с жемчужинами, большой плечевой серебряный браслет, разливательная ложка, цедилка, ключи, безмен, свинцовые гири. Все предметы, вероятно, упали со второго этажа из комнаты вилики. Размеры рабских каморок в эргастуле от 6,25 до 10 кв. м., а остальных — от 4 до 7,5 кв. м. Утварь, найденная в каморках, бедна и однообразна: одна — две — три амфоры, кувшины, сосуд для рыбного соуса, горшки, тарелки, изредка попадаются светильники<sup>104</sup>. Бросается в глаза, что рабские каморки расположены рядом друг с другом в глубине двора, подальше от ворот.

Классический пример типичного расположения рабских помещений являет вилла Агриппы Постума. Здесь вдоль всей восточной стороны виллы тянется девять совершенно одинаковых каморок в 6 кв. м, образующих в целом своего рода барачное помещение или казарму, где люди могли только спать, рядом находился эргастул (помещения 1 и 2), состоящий из двух комнат. Совершенно аналогично расположены рабские каморки на вилле 33: они занимают удаленную часть виллы около кухни, помещения 5, 6 и 7; правда, размеры каждого около 13–14 кв. м. По-видимому, в каждой комнате жило не по два — по три человека, а несколько больше<sup>105</sup>. Виллик и привратник, по мнению М. Делла Корте, занимали помещения 1 и 2 около ворот.

Рабские помещения на всех виллах легко опознать; они имеют ряд общих черт: голые, плохо оштукатуренные, лишенные каких-либо украшений и росписей стены, глинобитный пол, топчан, минимум посуды; иногда ручная мельница на всех. Каморки обычно очень небольшие — 6–8 кв. м, редко 10–14 кв. м, и в каждой из них жили по два — пять человек. В редких случаях раб жил в каморке один. Правда, местная администрация жила в отдельных комнатухах со своими семьями.

Рабские каморки размещались в глубине виллы, подальше от входа; они строились в виде однотипных комнат-спален, в целом образующих своего рода полуказарменное, полубарачное помещение с однообразным бытом, который исключал своеобразие семейной жизни с её индивидуальным хозяйством.

Бросается в глаза малочисленность женских вещей и украшений<sup>106</sup>. Возможно, что многие ценные вещи и украшения были унесены в момент катастрофы, тем не менее, незначительное число женских вещей на виллах говорит о том, что женщин там было очень мало. Так, по мнению М. Е. Сергеенко, на вилле Боскорреале было три женщины и 10 мужчин (по нашему мнению 13 мужчин). Видимо, такие

<sup>104</sup> Перечислим находки в помещениях 21–26 по отчету NSA. Vol. XX. P. 275–280: в помещении 21 найдена только одна амфора, 22 — одна амфора и один одноручный кувшин высотой 14 см, 23 — четыре амфоры и кувшин для рыбного соуса, 24 — 10 железных скоб, два стеклянных сосуда, 2 одноручных кувшина, бокал, два горшочка, 25 — бронзовый набалдашник, бронзовая кастрюля, конские удила, керамика (долей высотой 55 см с четырьмя ручками, 6 амфор, один кувшин, горшок, бокал, три светильника, грубая тарелка и псевдоаретинская миска); 26 — амфора, горшок с двумя ручками.

<sup>105</sup> Вилла № 33 (VII по списку М. Делла Корте) раскопана не вся, но даже раскопанная часть составляет 928 кв. м, т.е. почти столько же, сколько вилла Боскорреале (ее площадь 1000 кв. м.), следовательно, ее рабская фамилия была не меньше — рабских же каморок, вернее комнат, обнаружено не 5 (как в Боскорреале), а 3, т.е. в каждой из них жили по 4–5 рабов.

<sup>106</sup> Мы уже называли предметы, обнаруженные в помещении 20 виллы Гранано, видимо, принадлежавшие вилике. На вилле Агриппы Постума в шкафу Д обнаружены два круглых бронзовых зеркала, в рабских каморках — каменная из сердолика, два золотых колечка, изделие из амбры, пять серебряных ложечек, зеркало, четыре балзамария (помещение 5), около помещения 13–21 звено от ожерелья из стекла, под лестницей — зеркало, арибалл.

же пропорции имели место и в других виллах такого же размера, с подобным хозяйством. Данные римских агрономов не расходятся с этими выводами. На виллах Катона кроме вилики были и другие женщины. Одной женщине справиться с большим домашним хозяйством, обслуживавшим 15 работников, было невозможно<sup>107</sup>. На вилле было один-два ткацких станка (Cat. 10. 4; 14. 2), на которых работали женщины. Катон прямо говорит о женщинах, мальчиках и девочках на вилле (Cat. 83; 127. 2; 156. 6; 157. 4. 10–11). Варрон пишет: «...рвение у начальников (рабов, т.е. представителей поместной администрации. — В. К.) следует подогревать наградами, позаботиться, чтобы у них была кое-какая собственность; дать им для сожительства рабынь, от которых у них будут дети. От этого становятся они вернее и больше привязываются к имению. Семьи эпирских рабов пользуются такой доброй славой и так ценятся именно благодаря этой кровной связи» (Varr. I. 17. 5).

В I в. н. э. в поместьях Колумеллы большинство рабской администрации получило возможность более или менее нормальной жизни с подобием собственного хозяйства, выделенного в пекулий, т.е. такая «семья» начинает жить своим «хозяйством» и выделяется из однообразного, полуказарменного быта рабской фамилии. Очевидно, вилики, акторы, магистры, мониторы пользовались этим правом, а господа поощряли их семейную жизнь путем отпуска их плодovitых подруг на свободу (но не их мужей, которые продолжали оставаться в рабстве).

Поскольку рабская администрация в I в. н. э. сильно выросла, то и на виллах увеличилась численность женского и детского населения. В имении Колумеллы с рабским персоналом в 70–75 человек — мужчин, женщин, видимо, было 15–20 человек. Вот почему Колумелла о женщинах говорит как о такой категории работников, которую нужно занять производственной деятельностью<sup>108</sup>. Однако основная масса непосредственных производителей — рабов была лишена семьи.

Низведенный до уровня рабочей машины, лишенный семьи и человеческого достоинства, незаинтересованный в результатах своего труда, раб принуждался к труду путем насилия в его самой примитивной, грубой форме. Сложная система многочисленной рабской иерархии, окончательно сформировавшейся в I в. н. э. имела своей целью не только постоянное принуждение рабов к труду, но и его максимальную интенсификацию.

Возрастание степени внеэкономического принуждения, интенсификации труда, увеличение продолжительности рабочего дня, переход на казарменное содержание и лишение рабов семьи вело к усилению эксплуатации рабов. По нашему мнению, интенсивная эксплуатация рабочей силы — одно из характерных и необходимых условий классического римского рабства, рабской системы, целью которой является производство прибавочной стоимости. Рост эксплуатации и доведение ее до крайних норм привели к соответствующему изменению юридического положения, общественных взглядов на раба.

Раньше раб имел некоторые права человеческой личности, сейчас он их теряет; прежде закон до некоторой степени запрещал чрезмерную эксплуатацию раба, сейчас эти запрещения снимаются. В раннем обществе раб еще сохранял остатки человеческих прав, но они стесняли хозяйственную инициативу рабовладель-

<sup>107</sup> Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958. С. 13–14.

<sup>108</sup> Женщины работали и на тяжелых работах (Col. I. 8. 19), в том числе и в поле под открытым небом (Col. XII. 3. 5), в дождливые, морозные и непогожие дни трудились в ткацких мастерских и на кухне (там же), причем использовался и детский труд (puerile opus). Col. II. 2. 13. О женщинах и детях см. также Col. XI. 3; XII. 4.

ца классической эпохи и должны были исчезнуть. Постепенно сложился взгляд на раба как на инвентарь имения, как на *instrumentum vocale*. Такое положение раба характерно только для эпохи классического рабства. Рабовладелец в эпоху классического рабства получает экономическую и юридическую возможность использовать рабский труд по своему усмотрению, доводить степень эксплуатации раба до максимальных размеров. В руках хозяина-рабовладельца находился и такой рычаг для увеличения количества прибавочного продукта, как увеличение производительности труда.

Производительность труда, как указывал К. Маркс, определяется многими обстоятельствами, «между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»<sup>109</sup>. Совокупность перечисленных условий определяет данный уровень производительности труда, а изменение этих факторов всех вместе или в той или иной комбинации приводит к изменению этого уровня, его повышению или понижению.

Период классического рабства отличается от предшествующего прежде всего количественным увеличением применения рабского труда в сельском хозяйстве. Уже одно это обстоятельство позволяет рабовладельцу использовать все выгоды простой кооперации, что уже само по себе ведет к росту прибавочного продукта и экономии средств труда. Нет необходимости доказывать, что древние хорошо понимали и умело использовали все преимущества простой кооперации. Более сложным представляется вопрос о том, знали ли древние преимущества сложной кооперации, иначе говоря, дошли ли они до единичного разделения труда в сельском хозяйстве. Исследование этого вопроса на материале римского сельского хозяйства, в частности разделения труда внутри рабской фамилии, показывает, что рабская фамилия не была некоей нерасчлененной совокупностью неквалифицированных рабских единиц, а имела внутри себя известное единичное разделение труда, которое, правда, было неполным, неглубоким и спорадическим, но которое, однако, существовало и приносило рабовладельцу существенные выгоды в виде повышения производительности рабского труда.

Нельзя отрицать также и того, что в эпоху наибольшего развития сельского хозяйства Италии I в. до н. э. — I в. н. э. произошло известное повышение, выражаясь словами К. Маркса, средней степени искусства рабочего. Виллик, главный пастух, магистры, ветеринары, виноградари, пахари — это уже своего рода специалисты, которые и стоят дорого и обращения требуют особого. В передовом хозяйстве того времени широко применялись агрономические знания, которые были сформулированы в специальных трактатах. Помпейские сельские виллы являют примеры интенсивных хозяйств, стоящих на уровне агрономической науки своего времени. Одним из показателей зрелости италийского сельского хозяйства классического периода является уровень римской агрономии, нашедшей свое наивысшее отражение в подлинной сельскохозяйственной энциклопедии Колумеллы.

Важнейшим средством повышения производительности труда является совершенствование орудий производства. Рабу нельзя было доверить дорогое и очень сложное орудие, он ломал его, вот почему правилом рабовладельческого производства было употребление примитивных и неуклюжих орудий труда, а прогресс в этом

<sup>109</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 48.

направлении был очень медленным. Тем не менее, отрицать какой бы то ни было прогресс, значит не считаться с историческими фактами.

В условиях хорошо налаженной системы надзора использование передовых методов ведения хозяйства, совершенствование орудий труда было выгодно рабовладельцу даже при опасности повреждения орудий. К тому же даже самые совершенные и сложные орудия труда древности были в достаточной степени громоздкими и неуклюжими, и их трудно было быстро повредить. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о совершенствовании орудий труда в течение II в. до н. э. — I в. н. э. Появились тяжелые и легкие плуги, колесный плуг, галльская жнейка, винтовые прессы для давления сока и масла, водяные мельницы, улучшилась конструкция ярма, усовершенствовалось мукомольное дело, увеличился ассортимент виноградных ножей, получил распространение буравчик.

Стремясь поднять производительность рабского труда, рабовладелец искал способы создать у раба некоторую иллюзорную заинтересованность в результатах труда. Лучшее питание и одежда, более мягкое обращение, включение в состав рабской иерархии, отпуск на волю использовались как меры поощрения за хороший труд, а в более позднее время рабовладелец выделял рабу клочок земли. Рабовладелец в этих случаях шел на известное повышение необходимых издержек. Видимо, они экономически себя оправдывали. Колумелла признается, что он никогда не раскаивался в их применении (Col. I. 8. 15). Так называемое гуманное отношение рабовладельца к своим рабам на деле было лишь более изощренной и более эффективной формой эксплуатации непосредственного производителя.

Подъем производительности рабского труда был одним из средств увеличения прибавочного продукта, повышения доходности рабовладельческого поместья. Вместе с тем это неизбежно вело за собой интенсификацию производства, его более ускоренное развитие.

При развитом классическом рабстве действуют такие экономические факторы и силы, которые были или в зародыше или совсем неизвестны в предшествующий период. Увеличение доходности рабовладельческого имения, прогресс италийского земледелия, совершенствование орудий производства, повышение производительности рабского труда означали вместе с тем и прежде всего резкое возрастание степени эксплуатации непосредственного производителя — раба, доведение ее до максимальных норм, приводили к хищнической растрате сил работника.

Рабы трудились в поле при разной погоде, в зной и холод, в ведро и ненастье. Заботясь о своих интересах, хозяин должен был обращать внимание на одежду раба, которая, будучи недорогой, обеспечивала бы ему более или менее сносные условия для труда. Раб не должен мерзнуть, ему не должно быть плохо, наставлял своих современников Катон (Cat. 5. 2). Одним из первых он определил, какой должна быть одежда раба: это туника (tunica) весом в 3,5 фунта и плащ (saga), которые выдавались раз в год. Деревянные башмаки (sculponea) менялись через год. Одежда для рабов была совершенно особой. Колумелла специально останавливается на этом вопросе; по его словам, лучше всего защищает рабов от холода и дождя не обычная туника и плащ-сага, а особая одежда — *pellis manica*, т.е. усовершенствованный вариант туники — туника с длинными рукавами, сделанная из особо прочного материала, возможно, даже из шкур (обычная туника была без рукавов и делалась из тонкой шерсти). Другая одежда раба — это *cuculus sagatus* — вариант плаща с капюшоном (Col. XI. 1. 21).

В Италии существовали специальные мастерские, и даже отдельные города, которые специализировались на ее выделке. Крупным центром производства рабочей

одежды был Рим, и Катон рекомендовал покупать здесь туники, тоги, плащи, ло-скутные одеяла и деревянные башмаки (Cat. 135. 1). Страбон отмечает, что Лигурия и страна инсубров поставляет самую грубую шерсть, в которую одевается большинство рабского населения Италии (Strab. V. 1. 12). Поскольку одежда рабов приобреталась на рынке, то она учитывалась виликом (134), который, выдавая новую одежду, отбирал старую (59). В эпоху Колумеллы о хранении одежды заботятся и вилик и вилика (Col. XI. 1. 21; XII. 1. 3); одежда, как и железные орудия, дважды в месяц проверяется лично виликом (Col. XI. 1. 21).

Тяжелый, изнурительный труд под открытым небом и под бдительным взором многочисленных надсмотрщиков поглощал все силы раба. Катон рекомендовал такой труд, после которого раб должен был только спать. Раб должен или работать или спать — таково основное правило рабовладельца классического времени.

Описывая помещения виллы, Варрон советует отводить рабам место, «где они могут находиться и где всего удобнее отдохнуть и прийти в себя, устав от работы, от холода и зноя» (Varr. I. 13. 1). Катон рекомендует вилику работать в поле, но оговаривает только «не до усталости» (Cat. 5. 4), а это предполагает изнурительный труд остальной рабской фамилии. По мнению Колумеллы, хозяину выгоднее бывает иногда дать однодневный отдых рабу под присмотром вилики, так как обессиленный раб только портит дело (Col. XII. 3. 5). Так как рабская администрация обкрадывала рабов, уменьшала рекомендованные господином рабские пайки, выдавала негодную одежду и т.д., то за качеством пищи наблюдает лично вилик, он проверяет, чтобы целлари выдávalи ее без обмана (Col. XI. 1. 19). Сам хозяин, приехав в усадьбу, «должен попробовать, хорош ли вкус хлеба и питья, обследовать состояние их одежды, обуви» (Col. I. 8. 18), он разрешает рабам приносить жалобы на своих начальников, о жадности которых проговаривается сам автор. Однако наезды господина были редки, вилики, как правило, были далеко не идеальными выразителями господских интересов<sup>110</sup>, а реальное бытовое положение рабов было тяжелым.

Тяжелые условия жизни раба приводили к подрыву и расстройству его здоровья. О заболеваниях сельских рабов римские агрономы говорят очень часто и настолько подробно, что можно даже установить, чем обычно болели рабы. В поместьях Катона заболевшим рабам уменьшали дневной продовольственный паек (Cat. 2. 4), а если раб был болезненным, его продавали вместе с одряхлевшими собратьями по рабству (Cat. 2. 7).

Среди рабов Сазерны заболевания были настолько обычным явлением, что хозяин при планировании тех или иных полевых работ постоянно учитывает время болезни и в соответствии с этим увеличивает количество времени, необходимое для их выполнения. Например, 8 югеров можно вскопать за 32 дня, но при рабском труде это потребует 45 дней, причем 13 дней он кладет на нездоровье, ненастье, лень и небрежность (Varr. I. 18. 2). У старшего пастуха и вилика имелись записи о том, как лечить заболевший скот и людей (Varr. II. 10. 10), во многих имениях среди рабской фамилии имелись врачи-специалисты, стоявшие довольно дорого (*medici*), (Varr. I. 16. 4), которые лечили заболевших работников. Если своих врачей не было, то их нанимали в соседнем городе, деревне или имении. Во всяком случае, по мнению Варрона, врач в имении с относительно большим рабским персоналом был необходимой фигурой, что свидетельствует о частых заболеваниях рабов.

<sup>110</sup> См.: *Сергеенко М. Е.* Вилик // ВДИ. 1956. № 4. Все три типа виликов, тонко обрисованных автором, обкрадывали рабов без всякого стеснения.

Лечение заболевших рабов очень важная проблема и для Колумеллы. Он уже говорит об особом помещении на вилле, выделенном под лечебницу, так называемом *valetudinarium* (Col. XI. 1. 18; XII. 3. 5 и 6). Вилик, вернувшийся в сумерках с полевых работ, должен осматривать рабов, перевязать тех, кто порезался или поранился на работе. Он же должен определить тех, кто переутомился сверх меры (*aliter languidior est*), и немедленно отвести в *valetudinarium* и назначить ему соответствующий уход. Вилика же следит, чтобы все рабы шли на работу и не задерживались на вилле. Если кто-нибудь не идет на работу, ей следует узнать, не болен ли; если болен, немедленно отправить в *valetudinarium* (Col. XII. 3. 5–6). Одна из обязанностей вилики — многократно осматривать вилетудинарий и, если он окажется без больных (*sivacent ab imbecilles*), очистить его от всяких нечистот, чтобы *valetudinaria*<sup>111</sup> были чисты, опрятны, здоровы и готовы к приему больных. К сожалению, мы не знаем, как была оборудована эта домашняя лечебница, сколь много рабов находилось там, сколь велик был обслуживающий персонал.

В эпоху Варрона на виллах были специалисты-медики, видимо, они были и среди рабской фамилии в I в. н. э. и находились под контролем вилика и вилики. Любопытно отметить, как менялось отношение к заболевшим рабам: Катон больным рабам выдавал меньший паек<sup>112</sup>, Колумелла же рекомендует относиться к заболевшим с максимальной предупредительностью и заботливостью, причем, по всей вероятности, речь идет и об улучшении питания (Col. XII. 1. 4–5). Видимо, потеря раба приносила убыток, с которым считались. Не вызывает никакого сомнения то, что основной причиной частых заболеваний рабов было переутомление в результате изнурительного тяжелого труда. Не случайно Колумелла во всех случаях, когда упоминает о лечебнице, говорит не о болезнях как таковых, а о переутомлении, перенапряжении, он использует термины — *languidior* (Col. XI. 1. 18), *languorem* (Col. XII. 3. 6), *imbecilles* (Col. XII. 3. 7), *languens* (Col. XII. 3. 7), *ad corpus reficindum* (Col. XII. 33). У Катона и Колумеллы содержится достаточно сведений об основных болезнях сельских рабов. Среди них много желудочных заболеваний: расстройство желудка, колики, глисты и солитеры, диспепсия (Cat. 114. 115; 126; 127; 156. 5; 157. 2; 158), часто упоминаются ссадины, вывихи (Cat. 158), кровоподтеки и язвы, нарывы, гнойные раны и фурункулы (Cat. 157. 3. 4. 7. 12. 13); т.е. болезни травматического или простудного происхождения.

У рабов Колумеллы чаще всего были желудочно-кишечные заболевания (Col. XII. 33. 36; 38. 42) и простудные болезни, причем особенно часто говорится о кашле (Col. XII. 32. 33. 35; 36).

Хочется обратить внимание на отрывок (Col. XII. 51 (53). 3), где речь идет о нервных заболеваниях работников, которые лечатся с помощью смеси оливкового масла особого рода с виноградным сусликом. От различных внутренних болезней рекомендовали вино маррубиев, приготовленное особым образом (Col. XII. 32), лихорадку лечили одним из сортов айвы. Часто упоминает Колумелла о порезах, ссадинах и травмах рабов (Col. XI. 3; XI. 1. 18). Характер заболеваний говорит о чрезмерном труде рабов, их перенапряжении, тяжелом бытовом положении, плохом питании.

<sup>111</sup>Колумелла говорит в этом месте (Col. XII. 3. 7) не о *valetudinarium*, а *valetudinaria*, т.е. упоминает это слово во множественном числе. Очень вероятно, что *valetudinaria* занимали несколько комнат.

<sup>112</sup> Варрон пишет о Гортензии, знаменитом ораторе, который очень мало заботился о своих заболевших рабах. Варрон и его многочисленные собеседники осуждают подобное отношение (Varr. III. 17. 8).



Простудные заболевания рабов были неизбежны при постоянной работе под открытым небом и той грубой одежде и обуви, которая выдавалась рабам.

О заболевших рабах и их лечении много говорят надписи и римские юристы. Расходы на лечение рабов юрист Сабин считал столь же необходимыми, как, например, на строительство мола или здания, амбара или мельницы, на текущий ремонт или реставрацию оливкового сада (Dig. XXV. I. 1. 1–3).

Ульпиан полагал, что заболевания рабской фамилии столь обычное явление, что в большинстве случаев бывает трудно отделить больных рабов от здоровых (Dig. XXI. 1. 35). По мнению Диона Хрисостома, заболевания среди рабов настолько привычны, что сами заболевшие уже не принимают никаких мер для своего лечения и господам приходится применять насильственное лечение (Dio. Orat. X. 9). Основные обязанности господина по отношению к своим рабам, согласно Эпиктету, кормить, одевать и лечить их (Epict. Contr. IV. 1. 33).

Врач (раб или отпущенник) стал постоянной и необходимой фигурой в рабовладельческом поместье. Надписи часто упоминают об отпущенных на свободу рабах-врачах разных специальностей, которые, видимо, раньше лечили своих заболевших собратьев, да возможно, и продолжали лечить их и после отпуска на свободу<sup>113</sup>.

Таким образом, частые заболевания рабов — закономерное проявление интенсивной эксплуатации рабского труда в хозяйствах, связанных с рынком. Из рабов в буквальном смысле выжимали все соки, а затем бросали на произвол судьбы. Об этой распространенной практике Плутарх отзывался так: «...по мне то, что он, Катон, выжав из рабов, словно из выючного скота, все соки, к старости выгонял их вон и продавал — мне это кажется признаком нрава крутого и жестокого, не признающего никаких иных связей между людьми, кроме корыстных» (Plut. Cat. Mai. 5). Этот отрывок ясно говорит о том, что сами рабовладельцы прекрасно понимали сущность эксплуатации рабов как полное истощение сил и способностей рабов.

К. Маркс, цитируя в I томе «Капитала» Д. Кэрнса, соглашается с его выводами: «Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, с введением торговли невольниками, превращается, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, если его можно заместить новым рабом..., продолжительность его жизни становится менее важной, чем его производительность при жизни. Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: самая действенная экономия заключается в том, чтобы выжать из человеческого скота (human cattle) возможно большую массу труда в возможно меньший промежуток времени»<sup>114</sup>. К. Маркс считает возможным распространить выводы Д. Кэрнса о рабовладельческих отношениях в Америке на капиталистическое общество. На наш взгляд, с еще большим правом можно сделать это для рабовладения развитого типа в Италии. Если раб часто болел, то он становился обузой для хозяйства и не приносил должного прибавочного продукта. Анализ всех дошедших до нас рецептов Катона и Колумеллы показывает, что предусматривалось не длительное лечение, а весьма кратковременное, порядка нескольких дней. Хотя нет прямых данных о том, как поступали рабовладельцы I в. до н. э. — I в. н. э. с болезненными рабами, но, видимо, они придерживались рекомендаций Катона и удаляли их, так или иначе, заменяя свежими, здоровыми работниками.

<sup>113</sup> Dig. XXXVIII. 1. 27; Année épigraphique. 1936. N 138; VII. VI. 8501; 10229.

<sup>114</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 276.

Таким образом, при рабской системе, направленной на производство прибавочной стоимости, повышенная эксплуатация рабов была необходимым условием рентабельности хозяйства, но это вместе с тем вело к хищнической растрате сил работников, к их быстрому износу и требовала замены подорвавших здоровье рабов свежими, из источников внешних по отношению к данному хозяйству. Воспроизводство рабов внутри фамилии в пределах подобных интенсивных хозяйств для основной массы было затруднено и не имело большого практического значения.

Как и в современной городской промышленности, писал К. Маркс, в современном земледелии «повышение производительной силы труда и большая подвижность его покупается ценой разрушения и истощения самой рабочей силы. Кроме того, всякий прогресс капиталистического земледелия есть не только прогресс в искусстве грабить рабочего, но и в искусстве грабить почву, всякий прогресс в повышении ее плодородия на данный срок есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия... Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же время источники всякого богатства: землю и рабочего»<sup>115</sup>.

Исследование древнеиталийского земледелия показывает, что расточение рабочей силы, ее истощение и разрушение, характерное для капиталистического способа производства, имело место как в рабовладельческом обществе, так и в любом обществе, основанном на классовом антагонизме. Все успехи италийского земледелия были достигнуты за счет хищнического разрушения рабочей силы миллионов рабов, согнанных на землю Италии, обильно поливших ее своим потом, кровью и слезами.

Интенсивная эксплуатация рабского труда в классический период не могла продолжаться долго, растрата рабочей силы шла столь быстро, что классическая система, направленная на производство прибавочной стоимости, вскоре оказалась нерентабельной, перестала приносить доход, исчерпала свои производственные возможности и должна была быть заменена другой системой. Указанные тенденции развития ярче всего проявлялись в ведущих рабовладельческих хозяйствах, виллах среднего размера, относительно тесно связанных с рынком. Однако было бы неправильным видеть в сложной исторической действительности только эту, хотя и главную линию развития. Наряду с интенсивными хозяйствами, тесно связанными с рынком, существовали имения и среднего размера и латифундии, редкие в Италии до I в. н. э., где связи с рынком были слабее, натуральное производство было преобладающим. В классическую эпоху, эпоху развития товарно-денежных отношений, подобные хозяйства были менее рентабельными, чем имения Катона, Варрона, Колумеллы. В них в связи с этим была меньшая степень эксплуатации рабочей силы и земли, и создавались условия для внутреннего воспроизводства рабочей силы, иначе говоря, действие тех факторов, которые вели к кризису интенсивных хозяйств, в них до некоторой степени нейтрализовались. Тем не менее, главная тенденция развития рабовладельческого способа производства развитого типа Италии II в. до н. э. — I в. н. э. была связана с эволюцией средних интенсивных хозяйств, втянутых в товарно-денежные отношения. Именно эти хозяйства определяли лицо производства, физиономию общества во всем его своеобразии и оттенках.

<sup>115</sup> Там же. С. 514–515.

## Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. (Проблема производительности рабского труда и ее эволюции)\*

Особенностью современного сельского хозяйства является его обусловленность развитием промышленности: оно превращается, в сущности говоря, в разновидность промышленности, хотя и сохраняет некоторую специфику.

В докапиталистических обществах, в частности в условиях рабовладельческой формации, положение было иным. Промышленности в нашем понимании не существовало, а решающей отраслью народного хозяйства было сельское хозяйство. Оно определяло лицо эпохи, наиболее характерные особенности производства и производственных отношений. В особенности была важна роль земледелия. В античном мире не развитие ремесленного производства определяло уровень и направление развития земледелия, а напротив, развитие сельского хозяйства обуславливало ход и эволюцию ремесла. В связи с этим вопрос об эксплуатации рабского труда в сельском хозяйстве Италии I в. до н. э. — I в. н. э. и проблема производительности рабского труда в земледелии имеют большое методологическое значение. Изучение этих вопросов позволит осветить одно из основных отношений между непосредственным производителем и собственником средств производства, рабом и рабовладельцем в процессе производства, даст возможность понять существо рабовладельческих отношений вообще.

Предварительно необходимо изложить несколько общих замечаний теоретического характера об эксплуатации и производительности труда как таковых.

То количество рабочего времени, которое необходимо для производства прибавочного продукта — прибавочный труд, присваиваемый собственником средств производства, — есть абсолютная величина эксплуатации, которая измеряется затраченным на производство прибавочного продукта рабочим временем. Под степенью же эксплуатации рабочей силы К. Маркс понимал отношение прибавочного труда к необходимому труду и выражал ее в процентах<sup>116</sup>.

В руках собственника средств производства есть несколько способов увеличения эксплуатации труда и повышения степени эксплуатации. Например, этого можно достичь посредством сокращения необходимого труда, т.е. уменьшения количества продукта, требуемого для восстановления затраченной силы и энергии работника, сводя его не только к самым крайним границам прожиточного минимума, но и ниже этих естественных границ.

Однако увеличение доли прибавочного труда и соответствующего уменьшения необходимого могло быть достигнуто и иным, более сложным способом, а именно посредством повышения производительности труда работника. Производительность труда — это его результативность, эффективность в определенный отрезок времени. Она измеряется количеством продукции, выработанной одним рабочим в единицу времени, или рабочим временем, затраченным на производство единицы продукции. С ростом производительности труда увеличивается количество прибавочного труда, а, следовательно, возрастает абсолютная величина эксплуатации и ее степень.

\* Первая публикация: Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 38–45.

<sup>116</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 229–232.

Вот почему собственник средств производства, кто бы он ни был, заинтересован в росте производительности труда и способствует этому росту<sup>117</sup>.

С другой стороны, процесс производства сам по себе, независимо от субъективных побуждений собственников средств производства, поскольку он совершается непрерывно все новыми и новыми поколениями людей, обогащенных опытом и знаниями прежних поколений, предполагает увеличение производительной силы труда в силу своего внутреннего развития. Экономический закон роста производительности труда — общий закон производства, действующий во всех общественно-экономических формациях<sup>118</sup>. Никто не станет отрицать, что производительность труда в рабовладельческом обществе была выше, чем в первобытнообщинном, в феодальном выше, чем в рабовладельческом и т.д. Однако рост производительности труда находит свое непосредственное, конкретное воплощение в пределах каждой формации. К. Маркс блестяще доказал это для капиталистического способа производства, при обзоре генезиса капиталистической земельной ренты, а также для феодального<sup>119</sup>. Следует думать, что рабовладельческая формация не представляла исключения, и в ее пределах экономический закон роста производительности труда действовал, как и в других формациях.

Вопрос о повышении производительности рабского труда еще слабо разработан в советской исторической и экономической литературе. Считается бесспорным, что в рабовладельческой формации производительность рабского труда была очень низкой, гораздо ниже, чем труда свободного или полусвободного работника, и почти совсем не росла. Обычно вопрос о производительности рабского труда и неразрывно связанный с ним вопрос об эксплуатации рабов ставился и решался совершенно одинаково для всех периодов рабовладельческого общества, будь то гомеровское рабство, патриархальное, классическое или рабство в период кризиса и разложения всего способа производства. На протяжении всех этих столь различных по своему хозяйственному уровню периодов рабский труд считался в одинаковой степени непродуктивным, а раб столь же одинаково незаинтересованным в результатах своего труда. Однако такая постановка вопроса сильно упрощает, а для некоторых периодов просто искажает действительную картину историко-экономического развития рабовладельческой формации. Метафизическая, теоретически неверная, она не соответствует историческим фактам, отрицает идею развития, разрывает единство действия экономического закона роста производительности труда, идеализирует истинное положение рабов, преуменьшает их действительную эксплуатацию, поскольку возрастание производительности рабского труда являлось одним из рычагов увеличения прибавочного продукта, усиления эксплуатации рабов.

Задача настоящего доклада — обратить внимание на некоторые обстоятельства, которые приводили к усилению степени и величины эксплуатации рабов, занятых в доминирующей отрасли рабовладельческого производства — в сельском хозяйстве, в частности в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

Раб как работник имел целый ряд особенностей, отличавших его от всех других категорий работников, например, от свободного земледельца, полусвободного колона, крепостного крестьянина или наемного рабочего. Эти особенности: а) абсолютная незаинтересованность раба в результатах своего труда; б) полная апроприация

<sup>117</sup> Там же. С. 324–330.

<sup>118</sup> *Евстафьев Г. Н.* Экономический закон повышения производительности труда. М., 1962. С. 39–48.

<sup>119</sup> *Маркс К.* Капитал. Т. III. Гл. 47; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 344–379.

личности раба господином и низведение работника до уровня говорящего орудия; в) применение внеэкономического принуждения, точнее — голого насилия для принуждения к труду; г) отсутствие каких-либо сдерживающих сил — экономических, законодательных, моральных и религиозных, — ограничивающих рабовладельца в эксплуатации рабов, даже самой чрезмерной; д) возможность применения в процессе труда больших количеств рабов, в связи с чем открывалась возможность самой неограниченной, самой зверской, самой всеобъемлющей эксплуатации труда, какой не было и не может быть в каком-либо другом обществе. Однако все эти особенности созрели и проявились не сразу, действовали они не во все периоды рабовладельческой формации с одинаковой интенсивностью, вследствие чего нормы и степень эксплуатации рабского труда не стояли на одном уровне, а непрерывно менялись.

В условиях патриархального рабства, господства натурального хозяйства, когда рабство еще не овладело производством, рабы работали в качестве вспомогательной рабочей силы, так как потребности этого в значительной мере замкнутого натурального хозяйства ограничивались главным образом естественными потребностями фамилии и не были связаны с рынком. Тогда еще не существовало экономической необходимости в максимальной эксплуатации рабов. В этих условиях перед рабовладельцем не стояли задачи использования всех средств для получения максимального прибавочного продукта<sup>120</sup>.

Положение изменилось в эпоху классического рабства, в период II в. до н. э. — I в. н. э., когда появилась так называемая плантаторская система, работающая на мировой рынок, или система, целью которой является производство прибавочной стоимости<sup>121</sup>. В этот период перестают действовать факторы, ограничивающие эксплуатацию рабочей силы, а потребность в прибавочном продукте возрастает неограниченно. Перед рабовладельцем вставала задача получить максимум прибавочного продукта и сократить до минимума необходимый продукт. Это достигалось, прежде всего, усилением эксплуатации работника самым грубым и простым путем: увеличением вплоть до его естественных пределов продолжительности рабочего дня, интенсификацией труда и производственным заполнением всех пор рабочего времени, сокращением необходимых потребностей.

Сочинения римских сельскохозяйственных писателей — Катона, Варрона, Колумеллы — содержат богатый материал по этому вопросу. Вот их основные рецепты. Рабы должны быть всегда в работе, для них не существует праздничных и выходных дней, даже в случае непогоды они трудятся столько же времени, как и в ясный день. Летом фамилия без проволочек во главе с виликом как с вождем шла на работу с первым лучом света, т.е. в 4 ч. утра, а возвращалась на виллу в сумерках, в 10–11 ч. вечера, так что рабочий день рабов летом продолжался около 18–19 часов. В зимнее время, несмотря на сокращение светлого времени, продолжительность рабочего дня рабов не уменьшалась. Колумелла предписывает, чтобы в зимнее время рабы до света занимались изготовлением кольев и подпор и чтобы до наступления светлого времени, приблизительно к 8 ч., они приготовили 10 заостренных с двух сторон кольев или пять подпор. Столько же кольев или подпор раб должен был приготовить и в вечернее время, при дневной производительности в светлое время 100 кольев или 60 подпор.

Несложный расчет показывает, что при таких условиях рабочий день раба начинался с 5–6 ч. утра и продолжался до 8–9 ч. вечера, иначе говоря достигал 16 часов.

<sup>120</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 246–247.

<sup>121</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 368.

Насколько нам известно, римские агрономы нигде не упоминают об обеденных и иных перерывах в течение рабочего дня. Рабы принимали пищу перед уходом на работу и получали свой паек при возвращении с работы, о чем сказано специально. Принимая во внимание характер пищи рабов, следует думать, что рабовладелец не позволял делать нормальные обеденные перерывы, ограничивался очень короткими остановками для поглощения скудного пайка всухомятку, экономя таким образом производственное время работника.

Стремясь интенсифицировать рабский труд, заполнить все поры рабочего дня, теоретики и практики рабовладельческого хозяйства разработали довольно сложную систему дневных, недельных и месячных норм выработки почти для всех главных работ в сельском хозяйстве, за невыполнение которых с рабов строго взыскивалось, а перевыполнение поощрялось. Любопытно проследить, как постепенно разрабатывалась и складывалась эта система дневных норм выработки рабов. Катон говорит о ней еще очень неопределенно и в общей форме. Сазерна определяет норму дневной выработки наиболее важной и трудоемкой операции — вспашки. Варрон приводит ряд данных по затратам рабочей силы в различных отраслях скотоводства. Однако наиболее полное свое завершение эта система норм дневной выработки получила лишь в эпоху Колумеллы, когда она охватывала уже все главные и второстепенные операции вплоть до сбора листьев в осеннем лесу и т.д. Создание столь дробной системы облегчало контроль за трудовым процессом раба, интенсифицировало трудовую процесс.

В условиях натурального хозяйства и патриархального рабства питание, одежда и образ жизни рабов, очевидно, мало чем в принципе отличались от условий жизни младших членов семьи господина, так как у последнего не было особой надобности уменьшать сумму необходимых потребностей раба. В эпоху плантаторского рабства экономия путем сокращения необходимых потребностей раба, сведения их к крайним пределам, допустимым природой, или даже выход за их рамки, — один из источников излишка прибавочной стоимости, являвшегося теперь одной из целей рабовладельческого хозяйства. Катон оставил нам описание дневного, месячного и годового довольствия рабов, которое с необыкновенной точностью предусматривает удовлетворение лишь самых минимальных потребностей человека как носителя рабочей силы, не больше. Любопытно, что характер пищи рабов — печеный хлеб и так называемое рабское вино — предусматривал очень быстрое ее приготовление и потребление, что сокращало до минимума время, необходимое для удовлетворения личных потребностей раба, и, следовательно, увеличивало его производственное время. Довольствие рабам не было одинаковым; раб, выполняющий более тяжелые работы, получал полный паек, но стоило ему перейти на физически легкую работу, например вилика, ключницы или смотрителя, паек уменьшался. Иначе говоря, здесь действовал безошибочный расчет: раб получал ровно столько, сколько он расходовал как рабочая машина. Большое внимание, умственная энергия, душевное напряжение, чувство ответственности, т.е. качества, свойственные работнику как человеческому существу при выполнении сложных обязанностей вилика, смотрителя, старшего пастиуха и т.п., в расчет не принимались.

Однако, как было уже сказано, ничто не мешало рабовладельцу выходить за пределы физических возможностей в его стремлении сократить необходимые потребности раба. Порядки, существовавшие в сицилийских поместьях Дамофила, который вообще рабов не кормил и не одевал, — по существу не результат помешательства одного рабовладельца, а, на наш взгляд, одно из закономерных проявлений, хотя и крайних, рабовладельческой системы развитого типа. Характерно, что Диодор, ко-

торый жил в эпоху развитого рабства и понимал нужды рабовладельцев, осуждает эти действия Дамофила не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они оказались одним из поводов страшного сицилийского восстания. Другим крайним проявлением экономии на необходимых потребностях раба как человеческой личности являлось лишение рабов семьи. Раб с семьей и детьми стоил слишком дорого, так как возрастал необходимый труд и соответственно уменьшался прибавочный труд. В условиях товарно-денежного хозяйства и стремления получить прибыль рабовладелец не мог этого допустить, ему было выгоднее перевести раба на казарменное содержание, более дешевое и более удобное, лишив семьи своего работника.

Низведенный до уровня рабочей машины, лишенный человеческих качеств, абсолютно не заинтересованный в результатах своего труда, раб принуждался к труду голым насилием в его самой примитивной, бесчеловечной форме. Одновременно сложная система многоступенчатой рабской иерархии, окончательно сформировавшаяся также к началу Империи, имела своей целью не только постоянное принуждение рабов к труду, но и его максимальную интенсификацию.

Таким образом в эпоху классического рабства стремление к получению прибавочного продукта привело к резкому увеличению как абсолютной величины, так и степени эксплуатации рабов по сравнению с временем патриархального рабства. Это увеличение произошло самым простым, так сказать, очевидным образом в виде удлинения рабочего дня и его максимального производственного заполнения, сокращения необходимых потребностей работника, интенсификации его труда. Однако в руках хозяина-рабовладельца находился еще такой рычаг для увеличения количества прибавочного продукта, как повышение результативности рабского труда в единицу времени, т.е. увеличение производительности труда. Важно выяснить, получила ли в практике рабовладельческого способа производства свое осуществление и воплощение эта теоретическая возможность, знали ли о ней теоретики и практики своего времени или нет.

«Производительная сила труда, — как указывал К. Маркс, — определяется разнообразными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, общественной комбинацией производственного процесса, размерами и эффективностью средств производства, природными условиями»<sup>122</sup>. Определенное сочетание перечисленных условий обуславливает уровень производительности труда, а изменение этих факторов всех вместе или в той или иной комбинации приводит к изменению этого уровня, его повышению или понижению.

Период классического рабства отличается от предшествующего прежде всего количественным увеличением применения рабского труда в сельском хозяйстве. Уже одно это обстоятельство позволяет рабовладельцу использовать все выгоды простой кооперации, что уже само по себе ведет к росту прибавочного продукта и экономии средств труда. Например, индивидуальная производительность раба-пахаря была на 40 процентов ниже, чем свободного, но хлебное поле в 200 югеров обрабатывали 12–14 рабов, т. е. один из них обрабатывал около 14–17 югеров, а свободный римский крестьянин со своей семьей обычно возделывал участок от 4 до 14 югеров (участки большего размера у римских плебеев были очень редкими и не были типичными). Такое, казалось бы неожиданное, повышение производительности труда рабского коллектива объясняется преимуществами кооперации труда. Нет не-

<sup>122</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 48.

обходимости доказывать, что древние хорошо понимали и умело использовали все преимущества простой кооперации. Более сложным представляется вопрос о том, знали ли древние преимущества сложной кооперации, иначе говоря, дошли ли они до единичного или мануфактурного разделения труда в сельском хозяйстве. Исследование этого вопроса на материале римского сельского хозяйства, в частности на основе данных о разделении труда внутри рабской фамилии, показывает, что фамилия не была некоей не расчлененной совокупностью однородных неквалифицированных рабских единиц, а имела внутри себя известное разделение труда, которое было, правда, неполным, неглубоким и спорадическим, но которое, однако, существовало и приносило рабовладельцу существенные выгоды.

Нельзя отрицать также и того, что в эпоху наибольшего развития сельского хозяйства Италии I в. до н. э. — I в. н. э. произошло известное повышение, выражаясь словами К. Маркса, средней степени искусства рабочего. Вилик, главный пастух, *magistri oregum*, ветеринары, виноградари, пахари — это уже своего рода специалисты, которые и стоят дорого и за свои знания требуют особого обращения. Нельзя представить себе передовое хозяйство того времени без того, чтобы там не применялись положения, сформулированные в трактатах Катона, Варрона, Колумеллы, Сазерны, Тремеллия Скрофы, Цельса или Аттика. Помпейские сельские виллы воочию показывают примеры подобных интенсивных хозяйств, стоящих на уровне агрономической науки своего времени. Одним из показателей зрелости италийского сельского хозяйства классического периода является уровень римской агрономической теории, нашедшей свое наивысшее отражение в подлинной сельскохозяйственной энциклопедии Колумеллы.

Важнейшим средством повышения производительности труда является совершенствование орудий производства. Рабу нельзя было доверить дорогое и очень сложное орудие, он ломал его, вот почему правилом рабовладельческого производства было употребление примитивных и неуклюжих орудий труда, и прогресс в этом направлении был очень медленным. Тем не менее, отрицать какой бы то ни было прогресс, значит не считаться с историческими фактами.

В условиях хорошо налаженной системы надзора использование передовых методов ведения хозяйства, совершенствование орудий труда было выгодно рабовладельцу даже при всей опасности повреждения орудий. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о совершенствовании орудий труда в течение II в. до н. э. — I в. н. э. Оно происходило в разных направлениях: тяжелые и легкие плуги, колесный плуг, галльская жнейка, винтовые прессы для выжимания сока и масла, улучшение конструкции ярма, достижения в мукомольном деле, водяные мельницы. Упомянем также увеличение ассортимента виноградных ножей, распространение буравчика.

Стремление повысить производительность рабского труда заставляло рабовладельца иногда искать способ к преодолению незаинтересованности раба в результатах своего труда, приводило к попыткам создания у него некоей иллюзорной заинтересованности. Лучшее питание и одежда, более мягкое обращение, отпуск на волю как поощрение за хороший труд, включение в привилегированные категории рабов, а несколько позднее посадка на клочок земли — все эти попытки создания заинтересованности рабов также нельзя сбрасывать со счетов. Эти попытки рабовладельца не были только символическими, они означали известное повышение необходимых издержек и, если господин на них шел, значит он извлекал из них определенную экономическую выгоду. Говоря о таких попытках, Колумелла весьма красноречиво признается, что он никогда не раскаивался в их применении (I. 8).



Так называемое гуманное отношение рабовладельца к своим рабам на деле было лишь более изощренной и более эффективной эксплуатацией непосредственного производителя.

Таким образом, исследование конкретного материала показывает, что рабовладелец был кровно заинтересован в повышении производительности рабского труда и использовал для этого все имеющиеся в его распоряжении способы. Подъем производительности рабского труда был одним из средств увеличения доли прибавочного продукта, повышения доходности рабовладельческого поместья. Вместе с тем повышение производительности труда неизбежно вело за собой интенсификацию производства, его ускоренное развитие. Действие всех указанных факторов привело к быстрому подъему италийского сельского хозяйства — росту урожайности, появлению новых сортов и культур, улучшению способов восстановления плодородия почвы, появлению плодопеременной системы земледелия, применению тогдашних научных методов ведения хозяйства, наконец, появлению самой агрономии как науки.

При развитии классического рабства происходит действие таких экономических факторов и сил, которые были или в зародыше или совсем неизвестны в предшествующий период. Увеличение доходности рабовладельческого имения, прогресс италийского земледелия, совершенствование орудий производства, повышение производительности рабского труда означали вместе с тем и прежде всего резкое возрастание эксплуатации непосредственного производителя — раба, повышение как абсолютной нормы, так и степени эксплуатации, доведение ее до максимальных норм, приводивших к хищнической растрате как работника, так и средств производства. Усиление эксплуатации, сокращение необходимых потребностей раба, интенсификация его труда быстро истощали силы и здоровье непосредственного производителя, делали его непригодным к труду уже через непродолжительное время. Показателем этого можно считать случаи массовых заболеваний рабов внутри фамилии. Сазерна вообще полагает заболевания рабов настолько обычным явлением, что считает время болезни раба его производственным временем и учитывает его при планировании дневных норм выработки раба. Комната для лечения рабов (*valetudinarium*) — одно из необходимых помещений на вилле I в. н. э., а вилик и вилика, помимо исполнения своих непосредственных обязанностей, должны были также и лечить рабов домашними средствами. Чрезмерная эксплуатация рабов была такова, что даже сам господин (*Col. XII. 3. 6*) признавал выгодным дать однодневный отдых уставшему рабу, чтобы поднять его силы и сделать его полноценным работником на будущее. При подобной зверской эксплуатации на вилле постоянно находились рабы с подорванным здоровьем, т.е. не способные работать в полную силу, по терминологии Катона, — одряхлевшие рабы. Такого бесполезного для производства раба немедленно удаляли и заменяли свежим. Иначе говоря, в условиях подобной эксплуатации рабовладельческое хозяйство могло быть рентабельным, приносило максимальную пользу лишь при условии быстрой смены персонала, при существовании обильных и дешевых источников рабов. Уменьшение притока рабов или увеличение их стоимости подрывало в корне доходность рабовладельческого поместья классического времени, нарушало самые основы рабовладельческого производства этого типа, низводило его на низшую ступень или делало необходимым появление новых производственных отношений, при которых процесс производства совершался бы нормальным образом. В эпоху классического рабства производство, пользуясь словами К. Маркса о капиталистическом производстве, «развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то

же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего»<sup>123</sup>. Хищническая, варварская эксплуатация рабского труда в классический период не могла продолжаться долго, растрата рабочей силы была столь быстрой и интенсивной, что в силу развития самого процесса производства система такой эксплуатации довольно скоро исчерпала свои производственные возможности и должна была смениться другой системой.

### **Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве (II в. до н. э. — I в. н. э.)\***

Проблемы производительности рабского труда являются одними из важнейших при анализе рабства с экономической точки зрения. Не выяснив их, трудно определить значение рабства как экономического явления, а, следовательно, и общее значение рабства.

Предметом настоящего доклада являются проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э., т.е. в ту историческую эпоху, когда античное рабство достигло своих наивысших форм. Для Рима этого времени характерно широкое и глубокое распространение рабства в сельском хозяйстве — ведущей отрасли древнеримской экономики. Естественно, определение производительности рабского труда в главной отрасли римской экономики представляет большой интерес, так как ее уровень ярко отражает структуру рабского производства, его преимущества и недостатки.

В литературе различные стороны проблемы рабского труда затрагивались довольно часто, так как невозможно обойти их при характеристике римского рабства, аграрных отношений, истории хозяйства. Однако нельзя сказать, чтобы они были предметом специального анализа. Как правило, о производительности рабского труда говорилось мимоходом, в порядке теоретического предположения (см., например, последнюю работу о рабстве У. Уэстермана). Детальному исследованию мешал, прежде всего, односторонний подход к проблеме рабства, рассмотрение его с этической точки зрения, известное пренебрежение экономической сущностью этого важнейшего явления античной жизни.

Рассмотрение рабства с этической точки зрения и вытекающее отсюда осуждение рабства приводили к выводу о его пагубном влиянии на все стороны жизни общества. Отсюда следовало заключение, что рабский труд как таковой был трудом менее качественным по всем своим показателям (включая и производительность труда), чем труд свободных или полусвободных людей; поэтому его применение в хозяйстве было возможным только потому, что рабский труд был очень дешев, так как рабов было очень много.

Таковы основные выводы, которых придерживаются многие исследователи рабской экономики и рабства. Указанные положения, тесно связанные между собой,

<sup>123</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 515.

\* Первая публикация: Материалы 5-го Международного конгресса по экономической истории, Ленинград, 1970. (отд. оттиск).

иллюстрировались примерами из источников, но по существу были скорее теоретическими заключениями, чем доказанными выводами.

Э. Мейер один из первых попытался подойти к рабству с экономической точки зрения и противопоставить морализаторской оценке рабства другой взгляд. Однако он излишне сближал рабский труд со свободным наемным трудом своего времени и не обратил должного внимания на существенную разницу между ними и тем самым впал в другую крайность.

Большой интерес к различным проблемам рабского труда был проявлен в советской историографии, в работах советских ученых В. С. Сергеева, С. И. Ковалева, Н. А. Машкина, М. Е. Сергеенко, Е. М. Штаерман и др. Это естественно, так как одним из важнейших положений советской историографии античности является признание рабовладельческого характера античной, в том числе и римской экономики.

В последние десятилетия растет интерес к различным аспектам рабского труда и его производительности у ученых других стран; сейчас имеется уже ряд интересных работ, в которых указанные проблемы подвергнуты тщательному анализу (исследования Ф. де Робертиса, К. Д. Уайта, Г. Шрота, Е. Колендо). Отражением пристального внимания современной науки к различным проблемам производительности рабского труда в античной Греции и Риме является создание специальной подсекции V Международного конгресса экономической истории.

Производительность труда — это результативность производственной деятельности людей в определенный период времени. Она измеряется количеством продукции, выработанной одним работником в единицу времени, или количеством рабочего времени, затраченным на производство единицы продукции. Чем больше продукции вырабатывается в единицу времени или чем меньше затраченное на производство единицы продукции рабочее время при постоянном напряжении работника, тем выше производительность труда. К повышению производительности труда приводит изменение в трудовом процессе, в результате которого сокращается рабочее время, необходимое для производства какого-либо продукта. Такое изменение может быть вызвано вводом в эксплуатацию новых орудий труда или усовершенствованием старых, накоплением производственного опыта одним или несколькими поколениями и ростом среднего уровня искусства рабочего, совершенствованием организации производственного процесса, овладением наиболее оптимальной производственной формой. Эта форма зависит от степени достигнутого разделения труда — как общего и частного разделения труда, так и единичного разделения труда внутри отдельных предприятий, а также от степени развития товарного производства и денежного обращения.

На состояние производительности труда оказывает влияние также уровень развития науки, особенно применение научных результатов в процессе трудовой деятельности. Причем, видимо, нет прямой связи между уровнем развития науки и степенью ее технологического применения, так как возможно относительно высокое состояние теоретических исследований — например, в Греции IV в. до н. э. и в период эллинизма — и слабая степень их применения.

Известное влияние на рост производительности труда оказывает психологический настрой работников, заинтересованность или ее отсутствие в результатах труда. Конечно, возможно создание таких условий труда, которые могут регулировать этот настрой, особенно в условиях машинной индустрии, когда машина определяет ритм труда и подчиняет ему рабочего. Однако при господстве ручного труда влияние психологического настроения рабочего имеет довольно большое значение.

От производительности труда следует отличать его интенсивность; хотя количество продукции, выработанной в единицу времени, увеличивается и при росте производительности, и при интенсификации трудового процесса, в последнем случае это достигается увеличением напряжения рабочей силы, конденсированием большего труда в единицу времени, в то время как при росте производительности труда увеличение продукции достигается при одном и том же усилии работника.

Определение производительности рабского труда, как и любого труда, зависит от многих условий. Вот почему было бы неправомерным принимать во внимание лишь один какой-либо фактор, будь то психологический настрой работников, уровень технического развития или организация производственного процесса. Многие исследователи преувеличивали значение психологического настроя рабов, считая его решающим при определении производительности труда. Решение проблемы заключается в рассмотрении многих составляющих условий и их взаимодействия.

Значительный интерес представляет изучение возможности изменения производительности рабского труда в указанное время. Оставалась ли она на одном уровне, росла или в ее движении перемежались периоды роста и упадка?

При изучении древней истории исследователь постоянно сталкивается с недостатком многих данных, иногда необходимых, особенно при анализе экономических проблем, в том числе производительности труда. Однако было бы излишним скептицизмом на этом основании отказаться от попытки какого-то их решения. Внимательный анализ показывает, что имеются некоторые, хотя и отрывочные данные, которые могут оказаться своеобразными точками опоры. Слабая изученность производительности рабского труда в древности, с нашей точки зрения, объясняется скорее слабым интересом ученых, чем недостатком сведений. Последние исследования проф. К. Д. Уайта показывают, что при более внимательном рассмотрении имеющиеся данные могут привести к интересным и свежим выводам.

Одно из важнейших условий, определяющих производительность рабского труда, как и любого труда, — уровень развития техники. Степень развития античной и римской техники вообще и сельскохозяйственной техники в частности — один из дискуссионных вопросов современной науки. В последнее десятилетие наблюдается рост интереса к истории античной техники, что получило отражение в появлении ряда специальных исследований (У. Финли, К. Д. Уайт, Г. Плекет, Ш. Парен, А. Драхман, Р. Форбс и др.), а также в постановке доклада на IV Международном конгрессе экономической истории (Г. Плекет). Судя по всему, этот интерес не прекратится и в ближайшем будущем. По справедливому мнению Ш. Парена, имеющийся в нашем распоряжении материал письменных, археологических и других источников еще нуждается в специальном анализе.

В настоящее время популярно мнение о замедленности, а то и просто невозможности, технического прогресса в условиях рабства в римской древности.

Выдвигается несколько аргументов в пользу этого мнения. Ряд советских ученых (Е. Г. Кагаров, П. Н. Шульц, В. С. Сергеев, С. И. Ковалев) полагали, что рабу как незаинтересованному работнику нельзя доверить новое орудие, что совершенствование орудий труда, технический прогресс имел место в хозяйствах свободных и полусвободных производителей, а не на базе рабского труда.

Ряд исследователей обращает внимание на то, что распространению даже сделанных открытий, их техническому применению препятствовало обилие рабов и характер мировоззрения господствующих классов, не обнаруживавших интереса к технологии (М. Финли, Г. Плекет, А. Эймар).

Этой точке зрения другие исследователи противопоставляют иную концепцию, согласно которой в античной древности и в частности в римском сельском хозяйстве имел место определенный технический прогресс, появились новые орудия труда, которые экономили рабочую силу, реально применялись в хозяйстве и получили известное распространение, а рабство не было противопоказано техническому прогрессу; владельцы имений проявляли интерес к росту технической вооруженности своих хозяйств (А. Драхман, К. Д. Уайт, Е. Колендо, Ф. де Робертис, Р. Ремодон). Особенно заметен технический прогресс как раз в сельском хозяйстве, в частности в совершенствовании основного пахотного орудия рала и плугов (А. Гоу, А. Одрикур, М. Е. Сергеев), появлении других орудий (самая полная сводка — в работе К. Д. Уайта). Эта точка зрения представляется более обоснованной.

Если сравнить техническую вооруженность сельского хозяйства Италии, например, в эпоху Катона Старшего и во времена Колумеллы не может не броситься в глаза, что она ко второй половине I в. н. э. выросла в разных направлениях. Увеличился ассортимент орудий труда, усовершенствовались старые и появились новые, довольно совершенные и сложные орудия (колесный плуг, галльская жнейка, винтовой пресс для выжимки винограда, в также новые виды серпов, садовых и виноградных ножей, борона с зубьями, более сложное молотило, совковая лопата для провеивания зерна, галльский буравчик, лучшая конструкция ярма); произошли усовершенствования в мукомольном деле и т.п.

В настоящее время никто, кажется, не отрицает, что новые орудия труда применялись преимущественно в имениях, где использовался рабский труд, а не на мелких парцеллах, хотя этот вопрос не получил еще специальной разработки и не все детали здесь ясны. Имеющийся в нашем распоряжении небольшой материал подтверждает этот вывод.

Применение колесной жатки прямо приурочено к просторам латифундий; винтовой пресс, увеличение ассортимента серпов и ножей, совершенствование конструкций мельниц и увеличение их размеров, совершенное молотило, также предполагают крупное хозяйство и, следовательно, рабское производство, а не мелкие участки крестьян или колонов. Что касается колесного плуга, то из-за краткости сообщения Плиния и малой изученности пока трудно решить, где его могли применить больше — в крупном хозяйстве или на мелких парцеллах: он мог быть применен и здесь и там, однако его использование на больших площадях само по себе было более выгодно, чем на мелких, так как управлять им было легче, а качество работы было лучше и не требовалось специальной выучки пахаря.

Не является, конечно, случайным, что появление и распространение новых орудий совпало как раз со временем наиболее широкого использования рабского труда в Италии и Галлии, с расцветом рабовладельческих отношений.

Владелец имения был заинтересован в том, чтобы обеспечить нормальный ход работ с меньшим числом рабов. Правда, в отдельные периоды времени наплыв рабов на рынки был таким большим, а цены на них падали так низко, что хозяин был равнодушен к экономии труда и приобретению новой техники. Однако общим правилом было другое: отбор ограниченного числа рабов, обслуживавших поместье в течение всего года, и набор дополнительной рабочей силы на период срочных летних работ. В этих условиях сокращение постоянного рабского персонала и улучшение качества работ за счет более совершенных орудий труда было не только экономически целесообразным (А. Драхман, Е. Колендо), но и облегчало организацию рабочей силы, уменьшало опасность сосредоточения рабов в пределах одного хозяйства.

Высказывалось предположение (В. С. Сергеев, С. И. Ковалев, Н. А. Машкин), что рабу нельзя доверить новое орудие, так как он его может сломать и тем самым хозяйство потерпит убыток. Действительно, опасность поломки существовала, но ее нет оснований преувеличивать: новые орудия не настолько уж отличались от прежних, чтобы опасность поломки стала особенно острой. В условиях налаженного контроля опасность поломки орудий рабом значительно уменьшалась. Исследователи, преуменьшающие технический прогресс в сельском хозяйстве древности, обращают внимание не столько на слабый технический прогресс вообще, сколько на малое распространение технических открытий (Ш. Парен, Г. Плекет, М. Финли). Например, новая борона редко упоминается Колумеллой, колесный плуг, по всей вероятности, не вышел из пределов Реции (возможно, он употреблялся в северной Италии), галльская жнейка, видимо, не применялась за пределами Галлии.

Однако было бы преждевременным делать окончательные выводы. Глубокое исследование римской сельскохозяйственной техники только начинается, еще не обследованы с этой целью многие европейские музеи, где хранятся археологические материалы, наконец, возможны новые открытия, которые могут существенно изменить наши представления. Последние находки изображений галльской жнейки в Бельгии и Франции во всяком случае говорят о том, что она была распространена на больших территориях, чем можно было думать раньше.

Имеется ряд данных, позволяющих говорить об обмене техническими достижениями, приемам и агротехники между различными областями Средиземноморья.

В имении Катона употреблялась испанская мельница, греческие блоки были смонтированы в трапет. Колумелла применял галльский буравчик, а также некоторые виды удобрений из Испании. В Италии успешно акклиматизировали новые сорта зерновых, виноградных лоз и плодовых деревьев из Балканской Греции, Малой Азии, Египта, Карфагена.

Есть основания говорить об известном прогрессе в технологии, лучше применении уже известных орудий труда и приемов агротехники, их оптимальном приспособлении к условиям места (Т. Франк, Ф. де Робертис). Шло улучшение приемов жатвы, обмолаота и пахоты (переворачивание пласта и глубокое рыхление земли, введение многократной вспашки, прививка и обрезка лоз и деревьев).

В процессе труда человек узнаёт все качества имеющегося инструментария, приравнивает к нему свои возможности. Нет оснований отвергать накопление производственного опыта также и для производителей в сельскохозяйственной Италии, т.е. отрицать повышение среднего искусства работника. Правда, передача производственного опыта в рабских коллективах происходила сложнее и труднее, чем в поколениях крестьян, тем не менее, она имела место.

Накопление производственного опыта происходит постоянно, однако в некоторые эпохи более интенсивно, чем в другие. Видимо, более благоприятная атмосфера для этого создается тогда, когда появляются новые орудия труда или совершенствуются старые. Процесс производственного освоения новых орудий труда в целом стимулирует и лучшее использование старых. Такой эпохой были II в. до н. э. — I в. н. э., и, видимо, именно в это время произошел скачок в накоплении производственного опыта в римском сельском хозяйстве. Иначе говоря, раб-пахарь или другой работник середины I в. н. э. был более искусным, более опытным в использовании имеющегося инструментария, чем его предшественник в начале II в. до н. э. (в свое время на это обратил внимание Т. Франк; см. также у А. Драхмана).

Если проблема технического развития в Риме до сих пор — предмет дискуссий, то вопрос об организации сельскохозяйственного производства, рабочей силы рим-

ского имения, стоящий в центре трактатов Катона, Варрона и Колумеллы, получает все более и более согласное решение. В свое время Кэрнс обратил внимание на экономические преимущества рабского труда по сравнению с трудом мелких свободных производителей, проявляющиеся главным образом в том, что рабские коллективы допускают самую полную организацию. Видимо, А. Драхман сильно преувеличивает, когда он оценивает искусство организации римлян как триумф человеческой организации. Тем не менее, сейчас мало исследователей, которые подвергли бы сомнению высокую организацию римского имения, продуманное распределение рабочей силы, хорошо налаженную дисциплину труда, специализацию работников. Несмотря на известное согласие среди ученых, нельзя сказать, чтобы все проблемы организации рабочей силы были решены — в частности, один из важнейших вопросов о степени специализации в рабском коллективе и квалификации рабского труда в целом.

В отличие от прежних исследователей, подчеркивавших низкую квалификацию рабского труда как такового (Э. Чикотти, К. Барбагало, У. Хейтланд, Р. Барроу), в настоящее время все больше принимается точка зрения о том, что по степени своей квалификации рабский труд не уступал свободному труду (А. Сираго, Г. Плекет, К. Д. Уайт, Е. М. Штаерман, И. Чешка). Насколько можно судить по имеющимся данным, в I в. н. э. нам не известна ни одна сельскохозяйственная операция, которую бы не выполнял раб.

Получает все большую популярность и мнение о росте специализации в сельской фамилии рабовладельца, причем можно говорить о постепенном углублении этой специализации, ее усложнении. Сочинение Колумеллы, видимо, фиксирует период наибольшей специализации в рабском производственном коллективе. Конечно, нельзя преувеличивать степень специализации внутри рабского коллектива и представлять ее хотя бы даже похожей на специализацию внутри предприятий нового времени, как это делают сторонники подхода к римскому хозяйству — в том числе и сельскому хозяйству — как к хозяйству капиталистическому. Скорее всего, эта специализация была не полной и не носила абсолютного характера; происходило перемещение работников, занятых одной специальностью, на другие. В сельском хозяйстве в период домашинной техники при известной нерасчлененности сельскохозяйственного производства такое перемещение всегда имеет место. Но и при этих условиях нельзя отрицать известную специализацию среди сельских рабов I в. н. э., закрепление за отдельными рабами или их группами определенного рабочего цикла и известного совершенствования в нем. Во всяком случае, степень специализации работников в рабовладельческом имении была выше, чем в мелком хозяйстве, где один работник должен был выполнять многие сельскохозяйственные операции.

Существование коллектива, где работники рассредоточены по специальностям, создает благоприятные возможности для кооперации их трудовых усилий. Это имеет большое значение для экономии средств труда и роста производительности труда, делает возможными для такого коллектива выполнение больших по объему задач, чем труд механической суммы оторванных друг от друга производителей. В процессе труда коллектива развиваются дополнительные силы за счет специализации и кооперации труда. В таком производственном коллективе труд отдельного работника утрачивает свой индивидуальный характер и приобретает характер среднего труда. Иначе говоря, в рабском коллективе действовали такие факторы повышения производительности рабского труда, которых не было в мелком хозяйстве (А. Сираго, Е. М. Штаерман).

На состояние общей производительности рабского труда оказывала влияние специализация имений. Поместье, стоящее в центре внимания Катона, Варрона и Колумеллы, — это многоотраслевое хозяйство с одной ведущей, ориентированной на рынок отраслью: в одних хозяйствах ею было виноградарство, в других оливководство; в третьих разведение птицы или животноводство (Т. Франк). Существовали узко специализированные хозяйства, особенно в специфических пригородных условиях (М. Е. Сергеев), однако типичной была многоотраслевая вилла с ведущей отраслью. Преобладание той или иной отрасли в хозяйстве обуславливало повышенное к ней внимание, которое выражалось в применении лучших орудий труда, оптимальной технологии, выделении лучших работников и приводило к росту продукции и повышению производительности труда.

Вопрос о ведущей форме сельскохозяйственного производства в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. сейчас еще не решен, является предметом дискуссий. Однако в настоящее время можно считать преодоленной одностороннюю точку зрения исследователей, которые ведущей и широко распространенной формой с начала II в. до н. э. считали рабовладельческую латифундию. Ученые обращают внимание на множественность форм (Т. Франк, М. И. Ростовцев, Ж. Тутен), сосуществующих друг с другом (латифундия, вилла, децентрализованная латифундия, мелкое хозяйство). В последнее десятилетие была предложена точка зрения о том, что ведущей формой рабовладельческого хозяйства в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. была вилла средних размеров (одна или несколько центурий), а латифундии как централизованные, так и децентрализованные, во II–I вв. до н. э. были редкими, не играли поэтому большой роли; их широкое распространение относят к императорской эпохе (В. И. Кузищин, Е. М. Штаерман). В пользу последней точки зрения говорит то, что именно вилла средних размеров, не латифундия, стоит в центре римских сельскохозяйственных трактатов, включая сочинение Плиния Старшего, а большая часть найденных в окрестностях Везувия сельских вилл принадлежит как раз к таким имениям (М. И. Ростовцев, Р. Каррингтон. Д. Дей).

Намечается известное согласие среди исследователей относительно роста товарного производства в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э., причем мало кто оспаривает мнение М. И. Ростовцева о широкой торговле как раз основными продуктами питания (вином, хлебом, маслом, мясом; ср. А. Сираго). Сторонники сближения античного хозяйства с капитализмом очень сильно преувеличивают товарность римских рабовладельческих имений, представляя их похожими на капиталистические предприятия, с чем никак нельзя согласиться. Рост товарного производства в римском сельском хозяйстве во II в. до н. э. — I в. н. э. не привел к преодолению натуральных основ хозяйства, что предопределило узкие границы товарного производства в римском сельском хозяйстве (В. С. Сергеев, Н. А. Машкин, С. И. Ковалев, Е. М. Штаерман, А. Сираго).

Типичная вилла того времени связана с рынком, но не всеми своими сторонами, как капиталистическая ферма; лишь одна из отраслей, выделяясь по своему удельному весу, ориентируется на рынок. Из имения выделены ремесла, а ремесленная продукция доставляется из внешних по отношению к поместью источников. Хозяина волнуют проблемы рентабельности ведущих отраслей, подъездных дорог, возможности ввоза и вывоза.

Усилившиеся связи имений с рынком развивали экономические принципы хозяйствования, создавали благоприятные экономические и психологические условия для увеличения продукции, роста рентабельности, повышения производительности труда рабов.



Этому выводу противостоит довольно распространенное в литературе положение о том, что земля в древности и, в особенности в Риме, не рассматривалась как источник высокого дохода. В качестве таковых источников называют захват военной добычи, откуп налогов, крупная морская торговля, финансовые спекуляции. Земля же, ее приобретение и хозяйство в имении скорее были фундаментом определенного социального положения и в редких случаях чем-то большим.

Действительно, имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят об относительно невысоких доходах, получаемых от имения. Доход с земли считался меньшим, чем ростовщический процент, не говоря об откупе налогов или финансовых спекуляциях. Однако следует обратить внимание на то, что более выгодные операции не были доступны многим, к тому же осуждались общественным мнением как не совсем законные (что не мешало заниматься ими через подставных лиц). Напротив, доход от земли рассматривался и как надежный, и как законный.

Анализ хозяйственных советов Катона и Колумеллы показывает, что их весьма занимали проблемы рентабельности хозяйства, его доходности (Т. Франк, Г. Миквитц, К. Д. Уайт, Г. Шрот).

И если с помощью земельных доходов нельзя было создать очень крупные состояния, то они могли быть вполне достаточными для небольших накоплений основной массы рабовладельцев, собственников мелких и средних имений типа сельских вилл, раскопанных в окрестностях Везувия.

Для периода II в. до н. э. — I в. н. э. характерно развитие римской агрономии как науки, о которой нам хорошо известно из дошедших до нас трактатов Катона, Варрона, Колумеллы, поэмы Вергилия, энциклопедии Плиния Старшего. Сочинение Колумеллы, относящееся к середине I в. н. э., представляет собой итог античной агрономической науки (Г. Гуммерус, М. И. Бурский, М. Е. Сергеев и др.). Трактат Палладия, написанный, видимо, в IV в. н. э., уступал в этом отношении произведению Колумеллы.

Трактат Колумеллы написан на основе большого практического опыта, агрономических произведений, а также специальной научной литературы, в том числе сочинений на естественнонаучные темы Демокрита, Гиппарха, Аристотеля, Феофраста, Корнелия Цельза и др. Агрономия, изложенная Колумеллой, — это не только сумма практических советов и унаследованных правил, а научная дисциплина, требующая больших практических и теоретических званий, научного метода, громадной специальной подготовки. Вместе с тем это наука не теоретическая, а реально применявшаяся в практике того или иного хозяйства, и это отличает произведение Колумеллы от трактата Феофраста. Следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что римляне внедрили в производственную практику то, что, возможно, было известно грекам и карфагенянам в качестве теоретических выводов (Ф. де Робертис, Р. Ремондон). В качестве примера можно привести положение Колумеллы о неисчерпаемости почвенного плодородия и о возможности получать все большие урожаи при условии тщательного и правильного унавоживания. Это положение — возможно, известное и раньше, — обрело контуры агрономического вывода лишь в трактате Колумеллы.

Исследование римских сельскохозяйственных трактатов позволяет сделать вывод о существовании в I в. н. э. в Италии хорошо организованного и рационального земледелия, основанного на учете практического опыта и теоретических знаний, с продуманной организацией труда (ср. Т. Франк, А. Сираго).

При исследовании проблем рабского труда особое внимание обращалось на незаинтересованность в труде как на один из решающих факторов его низкой производительности (особенно У. Хейтланд, Ф. де Робертис).

Действительно, раб в принципе не заинтересован в результатах своего труда, а это понижало его производительность. Об этом хорошо было известно римским рабовладельцам, например, Колумелле. Однако тот же Колумелла считает возможным говорить в целом о большей рентабельности рабского труда по сравнению с трудом арендаторов-колонов. Дело в том, зная об этой особенности рабского труда еще со времен Гомера, рабовладельцы выработали ряд средств для ее преодоления. Среди этих средств первое место занимала организация строгой и разветвленной системы надзора, администрации из числа рабов, которая принуждала к труду своих собратьев по рабству путем разработанной системы наказаний. По всей вероятности эта система надзора, поместная администрация создавалась постепенно, по мере развития рабовладельческих отношений, и известную законченность приобрела к середине I в. н. э., включая в свой состав прокуратора, виллика, субвиллика, акторов, эргастуляриев, надзирателей, десятников и других чинов (А. Сираго, И. Чешке, В. И. Кузищин).

Зная о незаинтересованности раба в труде, рабовладельцы стремились преодолеть этот порок и иными способами, в частности прибегали к попыткам создания иллюзорной в конечном счете (которую А. Сираго сильно преувеличивает), но имеющей некоторое значение заинтересованности в результатах своего труда: лучшее питание и одежда, разрешение иметь семью, пекулии, более мягкое обращение, отпуск на волю как поощрение за хороший труд, включение в привилегированные категории рабов, а несколько позднее и выделение клочка земли (Ф. де Робертис). Эти попытки приводили к известному повышению необходимых издержек. Колумелла, делавший такие попытки, признается, что он никогда не раскаивался в этом.

В настоящее время следует, видимо, отказаться от довольно распространенной в прошлом точки зрения о том, что рабов очень плохо кормили и одевали. Конечно, рабовладельцы стремились ограничиться необходимыми издержками; были случаи, когда эти издержки были еще ниже. Однако известные нам нормы довольствия италийских рабов говорят о том, что они не были совсем малыми. Катон кормил своих рабов неплохо, им была положена качественная пшеница и достаточный приварок; в I в. н. э. месячное довольствие раба достигало 5 модиев, т.е. не уступало норме легионера (Ж. Андре). Правда, необходимые издержки на содержание раба понижались вследствие того важного факта, что рабы, как правило, были лишены семьи и жили на казарменном положении, что к тому же облегчало надзор и организацию рабочей силы.

Интересным и новым моментом в исследованиях о рабском труде последнего времени и, в частности, о его производительности является более внимательный анализ рабочих норм рабов, известных нам из римских сельскохозяйственных трактатов — главным образом, Колумеллы (К. Д. Уайт, Е. Колендо, В. И. Кузищин). Само по себе нормирование труда есть показатель рационального хозяйства, относительно высокой организации труда. Изучение римских сельскохозяйственных сочинений приводит к выводу о существовании довольно разработанной системы нормирования рабского труда в рабовладельческих хозяйствах Италии. Катон, как известно, дал расчет рабского персонала для двух типов поместья: имения с виноградарским уклоном и поместья с преобладанием маслиноводства. Упоминает Катон в общей форме также расчет уроков и дней. Однако он вскользь говорит об этом. В сочинениях последующих писателей — Сазерны, Варрона, Плиния Старшего и особенно Колумеллы — этому вопросу уделяется много внимания. Приводятся подробные расчеты трудовых затрат для главных и многих второстепенных сельскохозяйственных операций. Было известно, за сколько рабочих дней можно вспахать югер легкой, средней, тяжелой или влажной почвы, за сколько дней можно обрезать югер вино-

градника, окопать лозы, произвести плантаж, сколько ям разной величины выкопает один раб, сколько он свяжет вязанок сена, снопов соломы, сколько корзин листьев он наберет в осеннем лесу. Знали, сколько кольев круглых или квадратных и из каких пород дерева раб приготовит за светлое и темное время суток. Было подсчитано, сколько рабочих дней требует полная обработка одного югера, включая главные сельскохозяйственные операции от первой борозды до жатвы: например, полная обработка 1 югера пшеницы — 10,5 дней, ячменя — 6,5, бобов — 8, вики — 4, виковой чечевицы — 8, стручков — 3, фасоли — 4, нута — 6, чечевицы — 8, проса — 10, кунжута — 15, льна — 11, люпина — 3, люцерны — 4 рабочих дня.

Бесспорно, каждый крестьянин или зависимый арендатор знал сложившиеся традиционные нормы трудовых затрат на те или иные сельскохозяйственные операции и придерживался их как ориентира. Скорее всего, при создании рабовладельческих хозяйств широко использовали эти сложившиеся нормы, так же как и рабочие нормы, действовавшие в греческих и пунийских рабовладельческих имениях. Однако, видимо, не могло быть механического переноса традиционных крестьянских норм, а такие греческого и пунийского опыта на нормы выработки италийских рабов, работавших в других природных и производственных условиях. Та постепенная детализация рабочих норм, которая замечается в трактатах римских писателей, от суммарных и неясных сведений Катона к подробным данным Колумеллы, на наш взгляд, отражает процесс создания рабочих норм путем систематизации и переработки традиционных крестьянских, греческих, карфагенских и, наконец, ряда местных норм в своего рода общеиталийские нормы с вариантами для ряда конкретных хозяйств. Видимо, в том варианте, в котором они даны Колумеллой, эти нормы считались рабскими нормами и как таковые отличались от норм, действующих в крестьянских хозяйствах.

Из-за отсутствия надежных сведений сейчас трудно решить вопрос о том, какую эволюцию претерпели те или иные нормы рабской выработки со времен Катона до Колумеллы, повышались они или понижались. Однако представляется весьма вероятным, что за этот довольно длительный промежуток времени рабочие нормы, известные в раннее время, проверялись, уточнялись и дополнялись — так сказать, осваивались в большинстве хозяйств. Вполне возможно, что некоторые нормы в процессе освоения росли, а некоторые понижались. Скорее всего, вначале были установлены нормы выработки в немногих главных операциях — например, при пахоте, мотыжении, плантаже, обрезке ветвей или лоз, но с течением времени стали регламентировать и другие операции — например, в скотоводстве, птицеводстве; стали нормировать даже второстепенные операции вроде сбора листьев в лесу, изготовления кольев из дуба, ясеня, клена и т.п.

Исследование приводимых Колумеллой рабочих норм показывает, что они были отнюдь не малыми. К сожалению, в нашем распоряжении нет таких же данных о нормах, действовавших в мелком хозяйстве, и потому нет возможности сравнить их и тем самым получить наглядные данные о производительности рабского и свободного труда.

Однако сравнение между приведенными данными Колумеллы и рабочими нормами, действовавшими в ряде стран Европы при ручной обработке в более позднее время, привело проф. К. Д. Уайта к обоснованному выводу о том, что с точки зрения затрат труда на единицу площади римская практика выглядела довольно благоприятной.

Изучение норм выработки рабов таким образом отнюдь не позволяет сделать вывод о том, что эти нормы были значительно более низкими, чем нормы выработки

свободного мелкого производителя. Скорее всего, они были выше, чем последние, хотя трудно сказать, насколько выше.

Правда, при исследовании норм выработки необходимо учитывать, что эти нормы свидетельствуют не только об определенном уровне производительности рабского труда, но и о степени его интенсификации и эксплуатации. Потому теоретически допустимо, что повышенные нормы выработки могут указывать на большую интенсификацию труда и эксплуатацию работника, а производительность труда может оставаться на одном уровне. Однако, принимая во внимание общие условия движения производительности рабского труда, о которых было сказано выше, представляется более вероятным вывод о том, что появление рабочих норм и их производственное освоение в италийском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э. является показателем не только интенсификации рабского труда, его растущей эксплуатации, но и повышения производительности рабского труда.

В распоряжении современного исследователя имеются и другие данные, правда, более общего порядка, которые могут дать представление о росте производительности рабского труда в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э. Это, прежде всего, возрастание численности городского населения Италии этого времени, связанное с притоком главным образом сельского населения, вытесняемого из деревни рабскими поместьями. Притом это вытесняемое население не компенсировалось рабскими контингентами. Не говоря о скотоводческих хозяйствах, предполагающих значительные и малонаселенные пространства, даже мелкие и средние рабовладельческие хозяйства порядка 100, 200, 400 югеров с полным рабским контингентом в несколько десятков рабов предполагали меньшее население, чем в том случае, если бы эти земли были заняты крестьянскими дворами. Возрастание численности городского населения и уменьшение общей численности сельского населения является некоторым показателем общего роста производства, в том числе и производительности труда. Следует, однако, принять во внимание продовольственную помощь провинции, особенно для снабжения города Рима.

Обобщая предшествующее изложение, можно предложить следующие выводы. Исследование условий и факторов, определяющих производительность труда в сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э. не позволяет утверждать, что они были менее благоприятными в рабских коллективах, чем в мелких хозяйствах, что говорило бы о более низкой производительности рабского труда по сравнению с трудом свободным или зависимым. Напротив, общая совокупность этих условий была более благоприятной именно в рабовладельческих имениях (более высокий технический уровень, лучшая организация и кооперация труда, товарное производство, применение достижений тогдашней науки, система надзора и контроля, нормирование труда), что делало рабский труд, скорее всего, более эффективным, чем труд мелкого свободного производителя.

Производительность рабского труда не стояла на одном месте в течение всего исследуемого периода. Определяемая рядом условий и факторов, она менялась в целом в сторону повышения, росла и, скорее всего, достигла самого высокого уровня к середине I в. н. э. Видимо, эволюция была такова: рабский труд до II в. до н. э. был менее эффективным, чем труд свободного мелкого производителя, который во II–I вв. до н. э. вытеснялся из деревни в силу многих, в том числе и экономических, но далеко не только экономических причин; но по мере совершенствования рабовладельческого хозяйства и действия других факторов происходит повышение производительности рабского труда вплоть до того пункта, когда он не только не уступал, но и стал превосходить производительность труда свободного производителя, достигнув наи-

большей высоты к середине I в. н. э. Рабовладельцы были заинтересованы в росте производительности рабского труда.

Производительность рабского труда была неодинаковой в различных типах римских хозяйств: наивысшей она была в рабовладельческих виллах средних размеров порядка одной-нескольких центурий, стоящих в центре внимания авторов сельскохозяйственных трактатов. Более низкой она, видимо, была в латифундиях — как централизованных, так и децентрализованных, и в хозяйствах среднего размера, мало связанных с рынком. Поэтому решение вопроса об общем уровне производительности рабского труда во II в. до н. э. — I в. н. э. зависит от определения ведущего, самого распространенного типа рабовладельческого хозяйства этого времени. По мнению автора, таким ведущим типом рабовладельческого хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э. была вилла средних размеров, описанная Катонем, Варроном, Колумеллой, что определило общий высокий уровень производительности рабского труда в сельском хозяйстве Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

### **Рабы—пленные и не—пленные в древнем Риме\***

Рабство и военное пленение, война как источник античного рабства — одна из центральных проблем для исследования античного и, в особенности, римского общества.

До 1960-х гг. в современной специальной историографии доминировала и, как казалось, считалась общепризнанной концепция решающей роли войны и пленения как важнейшего источника римского рабства, по крайней мере, во II—I вв. до н. э. Эта концепция была в наиболее отчетливой форме сформулирована в последнем труде У. Уестермана о греко-римском рабстве в 1955 г.

Однако Х. Фолькманн и Е. М. Штаерман предложили другую точку зрения и их положения представляются достаточно аргументированными. Тем не менее, традиционная концепция имеет очень серьезные основания. По моему мнению, в настоящее время возникла некоторая неопределенность в понимании проблемы в целом, когда традиционная концепция уже не доминирует, а новая точка зрения еще не завоевала широкого признания. Сложившаяся неопределенность ситуации нуждается в коллективном и специальном обсуждении этой важнейшей исторической проблемы среди специалистов, новом внимательном исследовании этой проблемы и возможности выработать некоторую единую точку зрения.

Именно поэтому следует признать очень своевременным и актуальным предмет настоящего симпозиума, посвященного общей дискуссии по проблеме «Рабство и война в Античности и Новое время» (о. Мальорка, август 1992 г.). Естественно, эта широкая проблема имеет много различных аспектов, но в своем докладе мне хотелось бы предложить на обсуждение три главных вопроса (и главным образом для римской Италии):

1) Были ли рабы-военнопленные и рабы иного происхождения особыми и разными категориями в общей рабской массе или только условными, мало отличающимися друг от друга социальными подразделениями;

---

\* Доклад был представлен на международном симпозиуме «Рабство и война в Античности и Новое время» (о. Мальорка, август 1992 г.).

2) Какое численное соотношение было между категориями «военнопленные» и «не военнопленные» в общей рабской массе в разные эпохи римской истории и почему это соотношение менялось, если менялось;

3) Какое влияние оказывало (если оказывало) различное численное соотношение этих категорий, их специфический вес, на общий характер системы рабства в древнем Риме, его главные институты, общую атмосферу общества.

Но, прежде всего, хотелось бы уточнить определение понятия «военнопленные» — «*captivi*» и «не военнопленные» — «*non-captivi*» в настоящем докладе. Римское право не знало понятия (хорошо разработанное в современном международном праве, хотя часто нарушаемое) «*combattantes*» «*non-combattantes*» с их правами и обязанностями. Законы войны в античности были иные. Можно напомнить слова Полибия: *τὸ δ' ἂν παθόντες οὗτοι δίκην δοξάειν ἀρμόζουσαν δεδωκέναι τυχόν ἴσως εἶποι τις ἂν προθέντες μετὰ τέκνον καὶ γυναικῶν ἐπεὶ κατεπολεμηθήσαν ἀλλὰ τοῦτο γε καὶ τοῖς μηθῆν' ἄσπεβές ἐπὶ ἐπιτελεσαμένοις κατὰ τοὺς τοῦ πολέμου νόμους ὑποκεῖται παθεῖν* (Polyb. II. 58. 9–10). И также определение Ливия: *esse enim quaedam belli iura, quae ut facere, ita puti sit fal: sata exuri, dirui tecta, praedus hominum, pecorumque agi, misere magis quam indigna patienti esse* (Liv. XXXI. 30).

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что под понятием *captivus* (пленный) закон войны подразумевал людей, захваченных во время войны (до заключения мирного договора, каждый вводил оккупационный режим в захваченном регионе и для живущего там населения), включая военнопленных из числа вражеских воинов, население захваченных городов (как его граждан, так и не граждан), включая женщин и детей. Конечно, не могло быть обращения в рабство всего населения захваченной территории (за исключением редких экстраординарных случаев как, например, в Карфагене, Коринфе, некоторых регионах Эпира, кимвров и тевтонов), тем не менее, некоторая часть мирного населения захваченных городов, включая женщин и детей, обращалась в рабство.

Кто обращался в рабов среди местного населения захваченного города? Можно предложить такой гипотетический ответ: победители порабощали наиболее физически здоровых людей, трудолюбивую, интеллектуальную и красивую (женщины) часть населения. Конечно, часть такого контингента могла быть продана на рабском рынке с большой выгодой или быть включена в рабскую фамилию своих непосредственных завоевателей. Обращение в рабство, так сказать, элитарных групп местного населения преследовало несколько целей: 1) собственно наказание за сопротивление во время военных действий; 2) экономическую выгоду непосредственно через продажу и более стратегическую цель — 3) ослабление физического и интеллектуального потенциала оккупированных территорий для более комфортабельного управления оставшимся населением.

Таким образом, свободнорожденные люди, элита местного населения, бывшие войны в одночасье превращаются в рабов — *instrumentum vocale* — абсолютно бесправные существа. Трудно предположить, что вчерашняя элита, превращенная в рабов, сразу же воспринимала новый образ рабской жизни, что их общая психология и стереотипы поведения, сформированные долгим прошлым, изменялись немедленно. По моему мнению, должно пройти немалое время новой рабской жизни, чтобы изжить сложившуюся психологию свободного человека. Вся общая прошлая жизнь должна была протестовать против рабства. С другой стороны, их новые господа должны были решать не менее тяжелую проблему: как наиболее эффективно использовать таких непокорных и враждебных работников.

Следовательно, можно утверждать, что рабы-военнопленные, включая и часть только что завоеванного мирного населения, были особой категорией внутри общей рабской массы, со своей особой психологией и менталитетом. Прошлый образ жизни рабов, если они происходили из греческих или эллинистических городов, мало отличался от образа жизни победителей-римлян (а иногда был и более высок). Этой категории рабов была присуща особая психология свободнорожденных людей, психология самоуважения, протеста против brutального отношения новых господ, внутренней непокорности как общего стиля поведения. С другой стороны, такоймышленный раб имел способность к умелому саботажу приказов господина (достаточно вспомнить хитрых рабов Плавта). Поэтому господин должен был выработать специфические методы обращения с этой категорией рабов, если он хотел получить от них положительный для себя результат.

Это было непростой задачей как раз во II—I вв. до н. э., когда в Италию хлынули толпы рабов-военнопленных (*captivi*) и часть мирных жителей из Греции и эллинистических стран ближнего Востока. Широко известными примерами непокорности и активного протеста против рабского образа жизни и жестокого обращения хозяев стали хорошо организованные восстания недавних *captivi* в разных местах: в самом Риме, Италии и Сицилии в течении II—I вв. до н. э. (восстания 199 г. до н. э. в Остии, 135–132 гг. до н. э. в Сицилии, 107–105 гг. до н. э. в Пантикапее, 104–101 гг. до н. э. в Сицилии и, наконец, грандиозное восстание Спартака в Италии в 73–71 гг. до н. э.

Все эти восстания были, прежде всего, восстаниями рабов-*captivi*, относительно недавно плененных и пригнанных из Карфагена, Сирии, Киликии, Скифии, Боспора Киммерийского, Фракии, Галлии, Германии. Хорошая организация этих больших восстаний, умелое искусство их полководцев, победы над прославленными римскими легионами свидетельствовали о том, что рабы-*captivi* очень хорошо помнили об их прошлой свободной жизни, что они сохранили их прошлые способности свободных людей и успешно могли бороться за свою свободу даже после очень трудных условий своего рабского существования.

Кроме рабов-*captivi* в общей рабской массе римского общества в целом находились другие категории рабов, попавшие в рабскую зависимость по другим различным причинам: долговое порабощение, уголовное наказание, рабы *vernae*, продажа своих соплеменников варварскими вождями на римских границах и т.п. В общем и целом все эти категории рабов были рабами *non-captivi*. Источники их порабощения имели иной характер, чем захват после победоносных войн. Эти источники считались более естественными и потому рассматривались как более «справедливые»: рождение рабов от рабов-родителей, невыплаченная задолженность, наказание за тяжелое преступление и т.д. Порабощение для них рассматривалось как нормальное состояние, как закономерный результат их прошлой жизни. Вместе с тем можно сказать, что такие рабы по своему происхождению принадлежали к бедным людям, как правило, в отличие от рабов-*captivi*, часто принадлежащим к элитарным слоям завоеванного населения. Таким образом, можно сказать, что рабы *non-captivi* имели другую психологию, другой менталитет, привыкли к другому образу жизни, чем рабы-*captivi*, т.е. были другой категорией рабов в общей рабской массе.

Еще в 1920-х гг. Д. Лукач предложил новую для того времени концепцию отсутствия общего классового самосознания у рабской массы как целого. Эта концепция, поддержанная М. Финли, подтверждает наше понимание глубокого различия в психологии и менталитете между категорией рабов-*captivi* и обширной группой рабов *non-captivi*. Поэтому вполне можно говорить, что в общей массе рабов (здесь нет необходимости определять общую численность рабского населения Рима) мы мо-

жем выделить две многочисленные категории рабов: рабы *captivi* и рабы *non-captivi*. Еще раз необходимо подчеркнуть, что фундаментальные различия этих слоев носили не социальный, не экономический, не юридический характер, но характер более глубокого различия, а именно в психологии и менталитете, которые проявлялись постоянно и непосредственно в каждодневном поведении.

Историография XIX в. рассматривала рабский класс как гомогенную массу, как монолитный класс (например, А. Валлон). Современная историография рассматривает рабское население как гетерогенный конгломерат, состоящий из различных социальных статусов, страт, групп, категорий (Ж. Гани, П. Мак-Маллен, Д. Альфельди, К. Хопкинс, М. Финли, Е. М. Штаерман и др.): например, группы рабов-производителей, рабов-менеджеров, рабов-слуг, рабов-интеллектуалов, гладиаторов, охранников своего господина.

Однако деление на рабов *captivi* и *non-captivi* носило другой характер, чем вышеупомянутые социальные или функциональные группы. По моему мнению, многие современные исследователи римского общества игнорируют важность такого критерия как различия в психологической и ментальной структуре разных общественных слоев. Как правило, преимущественное внимание исследователей привлекают юридические, социальные, экономические и политические различия. Та или иная ментально-психологическая структура может разделить народ на различные социальные и политические группировки, но она же может объединить разные юридические и политические группы в надсоциальное, надюридическое, надполитическое целое.

И неизвестно, какие взаимоотношения окажутся более стабильными и важными: социальные, юридические, политические или ментально-психологические структуры народа.

Кроме рабов *captivi* таким ментально-психологическим и надсоциальным объединением стали религиозные объединения (классический пример ментально-психологическая структура — христианские общины, состоящие из членов, принадлежащих к разным социальным и политическим слоям).

Поскольку ментально-психологическая структура *captivi* проявлялась в повседневном поведении, их владелец должен был принимать меры к нейтрализации их постоянной непокорности, с одной стороны, а с другой с выгодой использовать ее в своих интересах. Римские владельцы *captivi* успешно решили эту сложнейшую проблему. И не зря А. Драхман назвал римлян величайшими организаторами: в течение трех с половиной столетий (II в. до н. э. — II в. н. э.) они использовали весьма эффективно труд многочисленных *captivi*.

Можно назвать некоторые специальные меры, применяемые для эффективного использования упрямых *captivi*, меры, разработанные самими владельцами: не иметь многих рабов одной и той же национальности, жесткая организация римской *familia* с абсолютной властью *pater familias*, поселение рабов в многочисленных *villas rusticae*, превращенных в хорошо охраняемые настоящие крепости-тюрьмы (поэтому как раз со времени Катона Старшего начали строить специальные рабские тюремные помещения (*ergastula*) для строптивых рабов, просуществовавшие вплоть до времени императора Адриана). *Familia rustica*, заключенная в хорошо охраняемую и изолированную *villa rustica*, находилась под присмотром и управлением многочисленной рабской администрации (*procurator*, *villicus*, *monitor*, *actor*, *ergastularius*, *decanus* и др.). Можно предположить, что как раз *captivi* как недавние свободные, квалифицированные, умные, сильные физически люди были первыми кандидатами для формирования рабской «бюрократии».



Варрон прямо говорит, что *captivi* из Иллирии были превосходными пастухами. В целом очень многие рабы-пастухи в южной Италии, в Апулии и Лукании были набраны среди бывших военнопленных. Они были смелыми людьми и их жизненный путь мало отличался от образа жизни свободных пастухов. Нет сомнений, многие контингенты гладиаторов состояли из бывших пленных воинов (*captivi*). Существующие особые подразделения гладиаторов, такие как самниты, галлы, фракийцы (хотя их названия были условными) в определенной степени отражали реальную практику их формирования из реальных *captivi* самнитов, галлов или фракийцев, пополняемых после реальных войн с этими народами (см. например, А. Фол, В. Велков о фракийцах).

Хорошо известно, что во время гражданских войн I в. до н. э. многие римские аристократы имели персональную охрану из крепких рабов. Более того, воюющие стороны создавали специальные подразделения из рабов (например, Марий, Клодий, Милон, Цезарь, сыновья Помпея, Октавиан). А 10 тысяч Корнелиев — это были головорезы-рабы, сформированные Суллой из рабов проскрибированных аристократов. Очень вероятно предположить, что эти подразделения формировались из недавних *captivi*, бывших воинов. Весьма поучительную информацию на этот счет может дать персональный анализ колумбариев римских аристократов. Только один пример. В колумбарии Статилиев Тавров содержится 130 надписей (из 381 всех надписей), принадлежащих рабам-германцам, т.е. *captivi* недавних германских войн Августа и Тиберия, которые были персональной охраной господина. Использование бывших *captivi* как воинов или персональной охраны или пастухов предполагает максимальное знание и учет особого менталитета и психологии бывших *captivi* и решение трудной проблемы (по крайней мере, частично) непокорности и враждебности, так как *captivi* тем самым получали некий привилегированный статус, некоторую степень от свободного человека.

Также и некоторые другие группы рабов, принадлежащие к *captivi*, например, рабы-интеллектуалы, искусные ремесленники, красивые женщины. Они также использовались в соответствии с их прежними способностями. Весьма вероятно, что развитие италийского сельского хозяйства и ремесла в I в. до н. э. было связано с притоком многочисленных искусных мастеров из числа эллинистических рабов. Также как бурный взлет римской культуры в I в. до н. э. был обязан (по крайней мере, частично) приходу рабов-интеллектуалов из Греции и эллинистических стран. Естественно, положение искусных мастеров-ремесленников, рабов-философов, скульпторов, архитекторов или прекрасных гетер было весьма отличным от образа жизни основной массы рабов.

Второй большой проблемой является определение соотношения между категориями рабы-*captivi* и рабы-*non-captivi*. Эта проблема тесно связана с вопросом о роли войны как источника рабства в целом. Если признать справедливой концепцию важнейшей или решающей роли войны как источника рабства, это соотношение групп *captivi* и *non-captivi* будет решаться с одним выводом. Напротив, если признать более соответствующей исторической действительности концепцию Х. Фолькмана и Е. М. Штаерман, проблема будет решаться иначе. Конечно, решение проблемы о соотношении групп *captivi* и *non-captivi* зависит от многих плохо известных условий: общая численность рабов в Италии, количественный состав каждой категории, сам статус рабов и отпущенников, продолжительность жизни рабов и т.д.

Однако положение не безнадежное: корректная постановка проблемы, наличие косвенных данных, использование современных методов исследования позволяет нам определить приблизительное соотношение. Не входя в детали проблемы

(это должно быть итогом специального исследования), можно приблизительно определить соотношение рабов-captivi и non-captivi для трех главных эпох римской истории:

- 1) II–I вв. до н. э. (до Августа) — приблизительно как 1:1, т.е. 50 % captivi и 50 % non-captivi;
- 2) I–II вв. н. э. (включая время Траяна и, возможно, Адриана) как 1:2, т.е. 33 % captivi и 67 % non-captivi;
- 3) IV в. н. э. как 1:4, т.е. 20 % captivi и 80 % non-captivi.

В данном соотношении общая численность рабов для всех этих эпох не рассматривается, так как это предмет специального и очень трудоемкого исследования. Различная численность и соотношение рабов-captivi и non-captivi зависит от многих обстоятельств и факторов, но среди них необходимо выделить три главных. Первый фактор — это общий уровень и характер римской экономики и соответствующая потребность в рабочей силе как основного так и дополнительного характера. По моему мнению, в римском обществе II в. до н. э. — II в. н. э. оформился такой тип рациональной экономики, который нуждался, прежде всего, в рабской рабочей силе. Не имея возможности в настоящем докладе подробно аргументировать это важнейшее положение, достаточным будет сказать следующее: получение продовольствия для населения многочисленных городов римского Средиземноморья, поставка сырья для ремесленного производства требовали для развития всех этих отраслей хозяйства хорошо организованного и эффективно эксплуатируемого рабского труда. Ни общинная экономическая система, ни мелкокрестьянская экономика, ни громоздкие латифундии не могли решить эти проблемы. Эти трудные проблемы могли решить только рабовладельческие товарные поместья, рабовладельческие ремесленные мастерские с рационально организованным интенсивным производством, требующим новых и новых рабских контингентов. Только постоянный и наполненный рабами рынок мог обеспечить бесперебойное функционирование такого производства. Но требование постоянного пополнения рабского рынка приводило к интенсификации всех имеющихся источников получения рабов, и особенно включая войны. Глубокие изменения в римской экономике I–II вв. н. э., в частности, распространение латифундиального хозяйства с натуральным производством, ослабление экономических связей между городом и деревней, сбой в денежном обращении привели к упадку товарных поместий и ремесленных мастерских и, как следствие, к сокращению потребности в рабской рабочей силе и пополнении рабских рынков в целом.

Другим фактором, определяющим соотношение рабов-captivi и non-captivi, стало изменение общего характера римской политики военного ограбления завоеванных стран, степень его интенсивности и структурного изменения направления. Без сомнения, было бы очень примитивным рассматривать победоносные войны римлян как особый вид охоты за рабами. Конечно, римская агрессивная политика определялась многими факторами. Тем не менее, необходимо признать, что пополнение рабского рынка было одной из важнейших целей римских войн, даже принимая во внимание многие аргументы Х. Фолькмана и Е. М. Штаерман. В течение II–I вв. до н. э. потребность в пополнении рабского рынка была столь острой, что римляне позволяли активное пиратство в Средиземноморье главным образом потому, что пираты пополняли рабские рынки. После ганнибаловой войны и вплоть до времени Августа римские войны были очень успешными, захват пленных и населения (captivi) был очень интенсивный, рабские рынки постоянно пополнялись. По всем данным соотношение рабов-captivi и non-captivi достигло очень высокого уровня 50 % : 50 %. В I в. н. э. интенсивность войн если не сократилась, то изменила свой характер, римские легионы

захватывали регионы с редким и варварским населением. Возможность порабощения культурной, образованной, искусной, элитарной части населения в этой дикой среде уменьшилась. Новая политика стратегической обороны Империи при Адриане привела к резкому сокращению контингентов *captivi* в количестве.

Третьим важным фактором, повлиявшим на корреляцию рабы-*captivi* и *non-captivi*, стало укрепление цивилизованного образа жизни, в особенности распространение моральных норм в римском обществе, его проникновение в структуру публичного менталитета, в законодательство, что вело к изменению сущности рабства как такового. Согласно Аристотелю, рабство понималось как естественное и справедливое состояние как для господ, так и для самих рабов, так как только объединение разумно господствующего хозяина (*dominus*) и физических возможностей раба создает комфортные условия для благородной жизни (*τοῦ ἐυξήν*). В древнем Риме можно было наблюдать постепенное изменение понимания сущности рабства от полного принятия концепции Аристотеля (например, Катонем Старшим или Плавтом) до постепенной релаксации и преодоления воззрений Аристотеля.

Римские философы I в. до н. э., например, Цицерон или Варрон, рассматривали рабство очень прагматически, только как необходимый и полезный институт, не касаясь его глубокой сущности. Е. М. Штаерман справедливо подчеркивает актуализацию рабского вопроса в I в. н. э., ссылаясь на труды Сенеки, Эпиктета, императорские законы и др. Она обращает внимание на глубокое изменение общественного мнения относительно сущности рабства, понятия рабства как общественного явления. Общественное мнение римлян I в. н. э. рассматривает рабство как случайное, временное, неестественное, практически несправедливое состояние, в особенности, порабощение свободнорожденных народов во время войны, т.е. оно напрямую осуждает само явление *captivi* как таковое.

Возникновение и распространение раннего христианства, и его понимание человеческого существа как творения Господа Бога, включение рабов в христианские общины как братьев и сестер во Христе предполагало, как следствие, неременное понимание рабства как несправедливого института. С другой стороны, большое внимание римских императоров к рабскому вопросу, разработка некоторых правил в отношении «господин—раб» и включение их в корпус римского права также отражало определенную эволюцию в римском понимании рабства как такового.

По моему мнению, эти обстоятельства имели очень важное влияние на изменение роли различных источников рабства, и в особенности, на интенсивность порабощения пленных и части мирного населения во время войны (т.е. *captivi*). Дион Христом ясно говорит о том, что порабощение *captivi* является очень несправедливым источником рабства, так как порабощаются свободнорожденные люди и — подчеркивает Дион — люди благородные и уважаемые (*Orat. XV. 1–30*). Следовательно, порабощение *captivi* хотя и продолжалось в I–II вв. н. э., несмотря на распространение таких взглядов, но, видимо, интенсивность такого порабощения уменьшилась. Было бы интересно сопоставить информацию и сам подход к этой проблеме римских писателей II–I вв. до н. э. (например, Катона, Полибия, Цицерона, Ливия, Диодора) и авторов I–II вв. н. э. (Сенеку, Плутарха, Диона Хрисостома, Светония). Если Полибий, Цицерон, Ливий, Диодор дают богатую информацию о таком виде порабощения, о многочисленных *captivi* во время войн, то Светоний, Тацит, Дион Кассий об этом говорят очень редко и мало. Например, Дион Кассий весьма детально сообщает о такой большой и победоносной кампании как знаменитые дакийские войны Траяна, перечисляет подробно огромную военную добычу римлян, но совершенно не упоминает сколько *captivi* было обращено в рабов.

Очень важным и принципиально новым событием в отношении порабощения *captivi* стала, по моему мнению, политика императора Марка Аврелия во время войны с маркоманами, квадами и сарматами. Он не превращал их в рабов-*captivi* как это делали предшествующие римские военачальники и императоры, но расселил побежденных в пределах пограничных провинций как зависимых земледельцев-колонов Римской империи, то есть зависимых, но не рабов. И это сделал не кто иной, как Марк Аврелий, так сказать, не как обычный глава государства, а император-философ, выдающийся представитель римского стоицизма, который придерживался более цивилизованных взглядов на природу и сущность рабства, считая глубоко несправедливым порабощение свободнорожденных людей.

Могущественным цивилизационным фактором римской социальной истории было принципиальное отношение римского гражданства в целом к возможности включения потомков рабов в состав римского гражданства как полноценных граждан. С одной стороны, это позволило пополнять состав римского гражданства здоровыми, предприимчивыми, талантливыми людьми, с другой стороны, рождало могущественный стимул для увеличения их квалификации, предпринимательства, стремления получить желанную свободу, открывающую возможность получения римского гражданства. Сама возможность для бывшего раба превратиться в римского гражданина заполняла абсолютную и вечную юридическую пропасть между понятиями *δεσπότης* — *πολίτης*, *ἀνδράποδος* — *βάρβαρος*, в свое время детально разработанными Аристотелем. С другой стороны, реальная возможность превращения бесправного раба в юридически полноценного гражданина означала, прежде всего, для *captivi* (как мы подчеркивали выше), которые принадлежали к элите покоренного населения, некоторое возвращение попорченной справедливости, естественного (или мистического) круговорота всемогущественной судьбы в человеческой жизни. Можно отметить, что этот процесс пополнения римского гражданства отпущенными на волю рабами был довольно интенсивным и начался довольно рано. Еще Сципион Эмилиан в 130-х гг. до н. э. говорил, что большинство римского плебса состоит из бывших рабов, которых он недавно привел в Рим в цепях, то есть бывших *captivi*.

В течение I в. до н. э. — I в. н. э. численность бывших рабов-*captivi* в римском гражданстве вероятно еще более возросла. Во всяком случае, согласно данным Т. Франка около 40 % всего населения города Рима состояло из бывших рабов. Очень вероятно, что наиболее предпочтительными кандидатами для пополнения состава римского гражданства были прежде всего *captivi*. Изменение соотношения *captivi* — *non-captivi* в общей рабской массе в различные периоды римской истории регулировалось уменьшением или увеличением роли войны как источника рабства. Однако роль других источников порабощения не уменьшалась, наоборот, она возрастала, например роль семейных отношений в рабской среде, значение работорговли в пограничных с варварами регионах, — но это отдельная тема.

Естественно, та или иная структура внутри рабской массы, в частности соотношение групп *captivi* — *non-captivi*, влияла на общее состояние социально-политической и даже моральной атмосферы в римском обществе. Так, высокий процент *captivi* в общей рабской массе II–I вв. до н. э. вносил в социально-политическую и моральную атмосферу римского общества новый образ мысли, прежде всего, направленный на совершение жестокости как принципа поведения. Действительно, интенсивное развитие римской экономики требовало огромного количества рабочих рук и есть все основания предполагать, что основная масса рабов-*captivi* была поглощена в многочисленных сельских виллах и городских ремесленных мастерских

Италии. Но принудить к тяжелому труду недавних свободнорожденных и часто респектабельных на своей родине людей, превращенных в рабов-*captivi*, было возможным только через жестокое принуждение, через прямое насилие. Поэтому сельские рабы были заключены на виллах-тюрьмах, с эргастулами-карцерами, под неусыпным контролем многочисленных надсмотрщиков, а их господин имел над ними законное право жизни и смерти. Естественно, жестокое обращение, грубое принуждение к труду рождало чувство протеста, неповиновение, саботаж рабов и, прежде всего, у рабов-*captivi*. Можно сказать, что в целом период II—I вв. до н. э. в Италии был временем очень острого антагонизма между рабовладельцами и рабами. Конечно, далеко не случайным было то, что именно во II—I вв. до н. э. эти острые антагонизмы вылились в крупные, хорошо организованные рабские восстания, такие как восстания в Сицилии (136–132 гг. до н. э. и 104–101 гг. до н. э.), восстание скифских рабов на Боспоре (107–105 гг. до н. э.), восстание афинских рудокопов (103–102 гг. до н. э.) и, наконец, настоящая рабская война (даже не восстание) галло-фрако-германских отрядов во главе со Спартаком.

Эти восстания были кульминацией протеста и ответом рабов на жестокость обращения во II—I вв. до н. э., с одной стороны, а с другой, проявлением психологии и менталитета главным образом *captivi* — еще недавно свободнорожденных людей. Между прочим, Диодор отчетливо понимал, что именно жестокость обращения рабовладельцев была основной причиной сицилийских восстаний, а Плутарх открыто осуждает жестокость Катона Старшего. Жестокость рабских отношений II—I вв. до н. э. стала важной причиной общей атмосферы тотального насилия в римском обществе, начиная с Гракхов, которое деформировало отношения всех социальных групп, и это в конечном итоге вылилось в кровопролитие гражданских войн I в. до н. э.

Следует еще раз подчеркнуть, что рабы-*captivi* были реальными организаторами, подлинными вдохновителями этих восстаний как более квалифицированная и сознательная часть общей рабской массы. Вспомним лидеров рабских восстаний: это были сирийцы Эвн и Сальвий, кикийцы Клеон и Афинион, скиф Савмак, грек Ахей, фракиец Спартак, галл Крикс, германец Эномай. Даже в рабстве они сохранили их знания, профессионализм, храбрость, человеческое достоинство. Достаточно вспомнить очень высокую оценку человеческим качествам Спартака, данную Плутархом: «Спартак... человек не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени» (Plut. Crass. VIII. 2). Видимо, эти качества были присущи и другим вождям рабских восстаний, как правило, вышедших из рядов *captivi*. Военные способности некоторых рабов (и, прежде всего, недавних *captivi*) хорошо знал уже Марий, который видимо один из первых использовал их в качестве воинов своей армии. После Мария их использовали многие римские полководцы, включая Октавиана. Широкое использование рабов-*captivi* в кровавых и жестоких гражданских войнах было естественным порождением общей атмосферы жестокости, господствующей в римском обществе в целом, а с другой стороны, питало эту атмосферу.

Общая обстановка изменилась в I—II вв. н. э. в силу следующих обстоятельств: 1) уменьшение интенсивности порабощения *captivi*; 2) имеющиеся рабы-*captivi* были уже не заключены на сельских виллах-тюрьмах и в городских мастерских для использования на тяжелых работах, а использовались в качестве гладиаторов, как персональная охрана господина, как рабская администрация, надзиратели и слуги, т.е. как привилегированная группа рабов. Римские философы, обсуждающие «раб-

ский вопрос» и, прежде всего, Сенека, говорят о превратностях судьбы в жизни каждого свободного, даже знатного человека, о несправедливости жестокого обращения с рабами. В гражданский кодекс включаются эдикты императоров, осуждающие жестокое обращение с рабами. Эргастулы как символы жестоких наказаний практически исчезают, во всяком случае, в наших источниках они уже не упоминаются. Эпоха жестокости и острых антагонизмов сменяется новой эпохой более спокойных и регулируемых законом отношений между разными классами и сословиями, включая отношения между рабами и их владельцами. И важным фактором изменения общей атмосферы стало новое отношение к проблеме положения *captivi*, использование их для исполнения более привилегированных функций в соответствии с их психологией и менталитетом и предполагаемое их включение в состав римского гражданства после отпуска на свободу. Иначе говоря, взаимоотношения между рабами и их владельцами в I–II вв. н. э. приобрели другой характер, чем во II–I вв. до н. э. Исчезли условия и причины, вызывающие рабские восстания, подобные сицилийским восстаниям или рабской войне, подобной восстанию Спартака.

Римское общество законодательно «переварило», так сказать, непокорное рабство, трансформировало его в относительно стабильную социальную систему, которая поддерживала более или менее сносное существование римского средиземноморского общества в течение почти двух столетий. Однако для этой стабильности понадобился тяжелый опыт жестокой рабской системы II–I вв. до н. э. Хотелось бы отметить специально, что во II–I вв. до н. э. эпизодически проводился эксперимент по использованию рабов в качестве воинов римской армии. Однако в I–II вв. н. э. этот опыт был существенно трансформирован. Он приобрел, во-первых, систематический и отрегулированный характер. Во-вторых, в армию зачислялись не *captivi*, которые уже были превращены в рабов и провели хотя бы некоторое время в рабском состоянии со всеми вытекающими последствиями, а *captivi* без собственно порабощения, непосредственно включаемые в ряды вспомогательных войск (*auxilia*). В-третьих, часть пленных, включая мирное население, расселяли в пограничных провинциях на положении зависимых колонов, как это сделал впервые Марк Аврелий с побежденными маркоманами и квадами.

В середине III в. н. э. Империя пережила системный кризис своих фундаментальных институтов. Чехарда правящих императоров, общее ослабление государственного порядка, своеволие отдельных армий расстроили экономику, нанесли удар по процветающим городам. На смену процветающим, основанным на передовых технологиях, эффективно управлявшимся квалифицированным рабским трудом товарным виллам в сельской местности и ремесленным мастерским в городе пришли громадные латифундии, на землях которых работали полусвободные колоны, используя дедовские технологии. В условиях господства военщины и политического произвола хиреет торговля, расстраивается денежное хозяйство, сокращается товарное производство. Новое производство в сельской местности и в городах теперь уже не нуждается в пополнении квалифицированными кадрами рабов, которых римляне захватывали в завоеванных странах. Да их и не могло быть в варварских племенах, с которыми теперь главным образом воюет Империя.

В этих условиях потребность в *captivi* прежнего времени резко снижается, да и сами источники их пополнения иссякают. Происходит изменение самой сущности войны. Она сейчас превращается в средство присоединения новых территорий, захват материальных ресурсов или обороны от варваров. Захваченные пленные воины и здоровое мирное население не превращаются в рабов, а расселяются на завоеванных землях или на тех, которыми они раньше владели в качестве зависимых,

юридически свободных поселенцев-колонов, выплачивающих налоги государству или своему господину. Количество *captivi* в старом своем понимании резко сокращается. Конечно, частично они еще существуют, но теперь они уже практически не составляют основной контингент рабочей силы на виллах и в мастерских. Они используются как гладиаторы, как привилегированная охрана, как гвардейские части. В целом их количество в общей рабской массе понижается, да и в новых социальных условиях, сложившихся после издания эдикта Каракаллы в 212 г. н. э. их социальное положение сближается с положением полусвободных земледельцев-колонов, которые заменяют их на сельских виллах или в ремесленных мастерских. Таким парадоксальным путем процесс исторического развития решил одну из сложных проблем — *captivi* и *non-captivi* римского общества.

### Список использованной литературы

1. Велков В. Рабство в Тракия и Мизия прес античности. София, 1967.
2. Кац А. Л. Рабы у Плавта и Катона // ВДИ. 1964. № 3.
3. Кузицин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.
4. Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. М., 1990.
5. Луццатто Дж. Экономическая история Италии. М., 1954.
6. Мишулин А. В. К изучению роли войны и военного производства в древности // ВДИ. 1940. № 1.
7. Павловская А. И. Полибий о рабстве. Война как источник рабства // ВДИ. 1963. № 3.
8. Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958.
9. Сергеев М. Е. Колумбарий Статилия Тавров // ВДИ. 1964. № 4.
10. Сергеев М. Е. Ремесленники древней Италии. М.—Л., 1968.
11. Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия I хилядолетие до н. э. София, 1970.
12. Шгаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.
13. Шгаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.
14. Шгаерман Е. М., Трофимова М. К. рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.
15. Barrow R. H. Slavery in the Roman Empire. London, 1928.
16. Bradley K. R. Slavery and rebellions in the Roman world (140–70 B.C.). Bloomington, 1989.
17. Brunt P. A. Italian Manpower (225 b.c. — 14 a.d.). Oxford, 1971.
18. Buckland W. W. The Roman Law of Slavery. Cambridge, 1970. 2-ed.
19. Capozza M. Movimenti servile nel mondo romano in età repubblicana. Roma, 1966.
20. Chautrairie. Freigelassene und Sklave in Dienst der römischen Kaisers // Studien zu ihrer Nomenklatur. Wiesbaden, 1967.

21. Cicotti E. Il tramonto della schiavitù nel mondo antico. Udine, 1940.
22. Dumont I.-Chr. Servus Rome et l'esclavage sous la République. Rome, 1987.
23. Finley M. The Black sea and Danubian Region's and the slave trade in Antiquity // Klio. 1962. T. 40.
24. Finley M. The Ancient Economy. London, 1973.
25. Finley M. Ancient Slavery and modern ideology. London, 1979.
26. Frank T. Race mixture in the Roman Empire // AHR. 1916. № 21. P. 689–708.
27. Gordon M. L. The nationality of slaves under the Early Roman Empire // JRS. 1924. № 14. P. 93–111.
28. Gordon M. L. The nationality of slaves under early Roman Empire // Slavery of classical Antiquity / Ed. by M. Finley. Cambridge, 1960.
29. Hopkins K. Conquerors and Slaves. Cambridge, 1978.
30. Mangas I. Manjorres, Esclaves u libertas en la España Romana. Salamanca, 1971.
31. Morabito M. Les réalités de l'esclavage d'après Digesta. Besançon-Paris, 1981.
32. Orena R. Rivolta e rivoluzione. Il bellum di Spartaco nella crisi della Republica e la riflessione storiografica moderna. Milano, 1984
33. Spartacus — Symposium Rebus Spartaci gestis Dedicatum 2050. Sofia, 1981.
34. Spranger P. Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz. Wiesbaden, 1960.
35. Vogt J. Struktur der antiken Sklavenkriege. Mainz, 1957.
36. Vogt J. Ancient Slavery and the Ideal of man. Cambridge, 1975.
37. Vollkmann H. Die Massenversklarungen der Einwohner eroberter Stadte in der hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1963.
38. Wallon A. Histoire de l'esclavage dans l'antiquite. Paris, 1879.
39. Westermann W. The slave systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1959.

### **Transformation from *servus* through *libertinus* to *civis romanus*: the social and religious adaptation (1st cent. B. C. — 1st cent. A. D.)\***

First of all it is necessary to say that this report is not supposed to deal with the two following questions: the quantity of slaves and the role (big or small) of slaves in Roman society of I c. B. C. — I c. A. D.

The main problem here is the discussion of the manner in which the former slave was transformed into *civis romanus*. As it is well known, the Roman *civitas* was perhaps unique among the numerous social structures of Mediterranean societies, where the emancipated (*libertinus*) had received the civic rights. And this rule prevailed in *civitas*, where the Ro-

---

\* Первая публикация: Religion et anthropologie de l'esclavage et des formes de dependance. (Actes du XXeme colloque du GIREA, Besançon 4–6 novembre 1993). Besançon, 1994. P. 229–240.



man *plebs* and then the *socii italici*, and after that *provinciales*, had obtained the civic rights in the course of several centuries of intense struggle.

It is well known that Augustus had granted civic rights very cautiously, that the emperor Claudius met with strong opposition in the Senate when he wanted to grant *ius honorum* to the aristocracy of *Aedui*, the ancient and distinguished allies of Rome.

And in the background of this exclusive, selective grant of civic rights, even for the provincial aristocracy, we find the ordinary presentation of civic rights to former slaves!

What a paradoxical, inconceivable situation! But is it perhaps that this phenomenon took place only in exceptional and rare cases, and had not disturbed the whole social situation?

However the data provided by our sources prove, that this was not exceptional, but a mass phenomenon. Only two examples to illustrate it: in 130 B.C. Scipio Aemilianus had stated in comitia that its majority consisted in former chained slaves. And, secondly, in 56 A.D. the Roman Senate discussed the problem of punishment for guilty *liberti*. And the *senatores* had stated about *liberti*: *hinc plerumque tribae, decuriae, ministeria magistratibus et sacerdotibus cohortes etiam in urbem conscriptas. Et plurimis equitum, plerisque senatoribus non aliunde originem trahi. Si separentur libertini, manifestam fore penuriam ingenuorum* (Tac. Ann. XIII, 27).

Also let us note the massive accession of slaves to Roman citizenship. The former Scythian or Sarmatian, the German or Thracian, the Dacian or Numidian, after several years of slavery, had received the *libertas* and at the same time the civic rights, the most privileged position in Roman society.

How is it possible to understand this paradox?

First of all I would like to insist that this Roman practice was very different from that of Greek *poleises*, in which the slaves were freed extremely rarely — and if even they were freed, they never were included in citizenship. And this is not surprising: according to Aristotle, the slaves were barbarians, and the barbarians had a different physical and intellectual organization; and because of that they could by their nature neither be citizens, nor freed people.

The opinion of the Roman elite on the nature of slavery was quite different. Yet, in the early Republic, the well-known Appius Claudius had included the sons of *liberti* in the Roman Senatus. In the plays by Plautus the slave often was more quick-witted, crafty and enterprising than his *dominus*. The founder of Roman literature was the captive slave, then *libertinus*, Livius Andronicus. From the 2nd century B.C. many captive Greeks had formed the *stratum* of the *intelligentsia*. The idiomatic expression “*capta Graecia vincet Roma*” means also the Greek slaves’ becoming the *pedagogi*, the teachers, architects, librarians, secretaries etc. in the rich and noble Roman families. Naturally in this context there is no room for the notion of the natural superiority of Romans over enslaved Greeks and, then, enslaved Germans, Thracians, Gauls, Scythians etc...

We must call attention to the important feature of Roman conquests. It is well known that during the conquests the Romans took great quantities of *captivi*. H. Staerman and H. Volkmann have firmly proved that after a conquest the Romans enslaved not all the inhabitants of conquered countries. And this selective enslavement can be only understood to mean that the conquerors had selected the most valuable part of population: the skilful workers, the strong men, the intelligent people, the beautiful women etc. Strictly speaking, they brought to Italy not an ordinary cheap people, but the intellect, the beauty and the best strength of the conquered country.

Therefore the initial conditions of enslavement, the severe selection of slaves, invites us by themselves to consider the new slaves to be skilful, clever and strong people capable

of increasing wealth and power of the Roman state and its citizens. It is very probable that this “leakage of brains and strength” from the provinces was one of the important causes of economic and cultural development in Rome and Italy in the 2nd and 1st centuries B.C.

However the concentration of the best resources of the conquered countries, in particular of strong and energetic men, frequently having a high social position in their former motherland (Spartacus, for example) had brought real danger because the new slaves could revolt at any moment which gave them such an opportunity. Just so it was in the 2nd and 1st centuries B.C., in Sicily and Italy (Spartacus) for example. Of course the slave-owners had understood this danger and took measures to prevent the revolts and even the resistance of slaves.

As special investigations have shown, the most important measures to prevent the resistance of slaves in the 2nd and 1st centuries B.C. were: the organization of brutal conditions of life and the system of permanent control of the everyday behaviour of slaves. The works of Cato and Varro, the brilliant pages of Diodorus on Sicilian slaves show that the brutal treatment, the organization of detailed supervision, the elaborate system of punishments were the main measures to prevent the political protest of slaves who remembered their freedom and had strength and ability for the struggle.

As we already know, this brutal system, including the merciless suppression of slave revolts had secured a quite effective operation of slave estates (the villas of Cato and Varro) and slave workshops in cities.

It is true that in Roman law there were elaborate norms of emancipation of slaves and, moreover, the possibility for a *libertinus* to receive the civic rights. Of course these norms could open favourable prospects for slaves and inspire them to be reconciled with their present position for the sake of their future freedom. However this factor was developing very weakly, the emancipation of slaves was a rare event and the total quantity of *libertini* in Rome was relatively small even in the 1st century B.C. The main and predominant method of treating slaves was terrorizing them in order to compel them to work through the system of brutal punishments. Naturally the predominance of terrorizing methods of treatment had made very difficult the adaptation of slave-mass to the Roman style of life, had made the majority of slaves hostile to their *domini*, to Rome in general.

But the terrorizing system, even working with some efficiency, had its own limits. The tendency to maximize the exploitation of slaves through pure violence led to quick physical exhaustion and to the necessity of their quick replacement through the slave-market; and the permanent supervision upon the slaves required a big staff of supervisors and so involved great expense. But mainly the permanent violence gave birth to reciprocal hatred, and the general social situation became very dangerous and unstable. After some time the terrorizing system began to exhaust itself and called for a correction.

This correction had to bring with itself a deep transformation of all the slave system, which coincided with the general deep changes of human society, promoted by emperor Augustus.

The main and principal transformation of the slave-system was the movement away from the brutal methods of treatment with the slave mass, as it existed earlier, to more rational and economic measures, in order to utilize the physical and intellectual abilities of slaves, the switching of their energy and intellect from the sense of hatred and rejection over to a quieter attitude to slave life, to slave society, to Rome in general, to the adoption of Roman society as their own.

Naturally this deep reform required the elaboration of new methods for the effective adaptation of the slave mass of different origins and nationalities to the Roman way of life, to Roman values. During the elaboration of this adaptation were used the ancient Roman

institutions and customs (very seldom used earlier), in particular the institution of Roman *familia* and the Roman form of emancipation of slaves.

As is well known, the structure of the Roman family was determined by the specific principles of *patria potestas* as the despotic absolute power of *pater familias*, and on the agnatic system of relationship, which supposed in principle the same degree of dependence from *pater familias* for his native children as well as for his slaves. Thus the position of family slaves and the free *agnati* was equalised by the law. Yet even more important was the religious structure of the Roman family. The most intimate, most respectable cult of *lares* and *penates* and of the *pater familias*' *genius*, which united the family, had included the slaves and accustomed them to the same sacred objects and places, to the same intimate spiritual values. And this circumstance was very important for slaves, torn off from their distant motherland and their habitual gods.

Being inside the closed world of the family, under permanent supervision, working from morning to evening, the slaves just could not have the opportunity to worship their native gods and had to worship new Roman gods — and first of all the family cult. Varro (I. 17, 4) had advised his readers not to buy slaves of one and the same nationality. As a rule, this advice is interpreted as a preventive measure against home disorders because the slaves of one nationality could unite and revolt. Of course, this possibility existed. But attention must be given to the second meaning of this advice; I think that Varro also refers to the possibility of a more active adaptation of slaves of different nationalities to the new slave conditions, to the new religious cults, to quicker oblivion of native customs, gods and way of life.

It is not necessary to repeat how energetically Augustus had strengthened the main principles of the Roman family, and what essential political meaning he ascribed to his family laws. In previous Roman history there never was such a large-scale and deliberate policy in this sphere. The strengthening of the traditional Roman family was important not only for the stabilization of relations among free members of the family, loosened during the civil wars. At the same time, the second aim of the family laws was the restoration and activation of the inherent mechanism of the Roman family and its capacity for slave adaptation to the Roman way of life, to the Roman system of spiritual values. Precisely to achieve this aim Augustus had begun to put forward the policy of reduction of excessive brutality towards the slaves in the *familia*. There are examples of Augustus expressing displeasure at the brutality of some Roman aristocrats, such as Vedius Pollio, Hostius Quadrus etc. in relation to their slaves. Augustus himself had shown humanity towards his slaves. And even more important was the juridical security of this new relationship to slaves. Thus, the contemporary of Augustus Labeo had quoted the norms limiting the absolute power and pointless brutality of the *pater familias* as far as slaves were concerned (Dig. IV. 3, 7, 7 ; VII. 1, 15, 3; XXI. 1, 17, 2; XLVII. 10, 15, 4; XLVIII. 18, 1, 8).

Thus the strengthening of the traditional Roman family and of the power of the *pater familias* on the one hand, and the measures aimed at stopping pointless brutality in relation to slaves on the other hand didn't contradict, but completed each other. They had directed the attention of the *pater familias* to the replacement of violent methods of slave treatment to more rational and civilized methods. Augustus had supposed that the latter might strengthen the Roman family more effectively than unconditional restoration of despotic *patria potestas*.

While discussing the Augustan family laws it is necessary to return to the well-known *senatusconsultum Silanianum* (10 A.D.). This law is commonly regarded as an obvious example of terrorizing attitude to the members of the slave family. However it is possible here to draw attention to the following: the capital punishment of the whole slave family

for killing the *pater familias* may be regarded not only as punishment for the murder of the *dominus*, but also as punishment for the murder of a *pater familias*, that is, for the murder of the legal father of all the slaves. That is why just as for the murder of a father the Roman laws prescribed the most brutal punishments, similarly for the murder of the *pater familias* all slaves were sentenced to very cruel punishments. Thus the *senatusconsultum Silanianum* might conceive a specific extension of public jurisdiction from free people to the slaves, that is, the specific unification of free and enslaved members of the Roman family in some aspects.

The policy of encouragement of rational methods of treatment of the slaves inside the family was completed by the system of reforms in which Augustus took measures in favour of closer social adaptation to Roman conditions beyond the *familia*, and particularly in the sphere of religious cults. Thus Augustus established a mass cult in every quarter of Rome, the cult of *Lares Compitales* and *Genius Imperatoris*. In the *collegiae* of this cult were admitted many slaves and *libertini* of quarters, which might be elected as the *magistri* and *ministri*. According to H. Staerman even the majority of servants of this cult in the 1st century. A.D. consisted of slaves and *libertini*. In 265 quarters of Rome there were about 20000 *ministri* and *magistri* — slaves and *libertini*. They organized the games and ceremonies, constructed and restored the altars and the sanctuaries, and were interacting with many people who were the active guides of official Roman policy, religion and way of life.

So any enslaved man from some country of the Mediterranean, the strong and intellectual young man who had come to Rome or another Italian city, was included in the body of the Roman family ! He had to learn Latin, to worship the *lares, penates, genius* of the *pater-familias* together with all members of family, he worked in *villa rustica*, in *officina*, in the market or at home, participated in family and city festivals. This slave might be the member of *collegia*, organizing the cult of *Lares Compitales* and *Genius imperatoris*, he might be elected *minister* or *magister* of this *collegia*. When we consider such conditions of life, we may suppose that his adaptation to the Roman system of values, mentality and way of life, was rather successful and more or less complete. Of course, there could be exceptions, the indocile people, who had resisted such an adaptation. But the majority of slaves had become more or less adapted to Roman conditions of life and Roman values, and were gradually transformed from real barbarians to potential Romans.

This psychological transformation occurred first of all through insertion into the structure of the concrete family, and only through the family was there acceptance of the general interests of the Roman state.

And yet an even stronger power of adaptation was doubtless the hope of emancipation, the gift or the ransom of freedom and the transformation from slaves to freedmen.

The dream of freedom, of future freedom was the powerful means of securing obedience and a stimulus to mobilize creative energy and the enterprise spirit of a clever slave. This rule is a common rule in all slave societies, but the actual power of this rule depends upon the possibilities and conditions of the emancipation of slaves. Unlike what happened in many slave societies, the problem of slave emancipation was regarded in Roman society as an important state problem and there was a special mechanism to solve it. In general, slave-emancipation is the outcome of every slave-system in every society. It was known to Rome since ancient times but till the 1st century B.C. it was a rare and in essence extraordinary phenomenon. In the 1st century B.C. the big increase in the number of slaves, the critical situation of civil wars, the economic development had caused the acceleration of emancipation and a considerable growth in the number of freedmen in Rome. Nevertheless this process was fragmentary and spontaneous and was influenced by the extraordi-

nary circumstances of the civil wars. The situation had changed with the rule of Octavian Augustus. Among different social reforms was formulated a special policy in relation to freedmen, and this policy acquired imperial importance.

First of all, with Augustus, there was an increase in the scale of emancipation and the quantity of *libertini*. *Libertini* had become an important *stratum* (*ordo*) of Roman society, and the imperial government had to elaborate a special policy in relation to them. In this policy we can trace several directions. First of all Augustus made an attempt to control and to regulate the process of emancipation. There is no room here for a detailed analysis of the well-known laws *Fufia Caninia* and *Aelia Sentia*, but we must note that these very laws had meant the decisive intervention and strict regulation of the process of emancipation.

According to these rules were determined generous norms of emancipation, namely from 20 to 50 per cent of the slave *familia*. In my opinion these norms must be considered not as the sign of a limitation in emancipation but on the contrary as the legalization of a very high level of emancipation. On the other hand, the law *Aelia Sentia* had determined the age-limit of emancipation, namely 30 years for a slave. In my opinion this age limit had supposed that every slave must have been in slavery at least for about ten years. Probably at the age of 30 the slave, so to speak, had exhausted his main capacity for work and had reached the “age of retirement”. To *domini* it was more profitable to emancipate the slave and to permit him to use the experience acquired in order to earn his living in new conditions of freedom.

On the other hand, these laws had led the slave-owners to more careful and responsible emancipations of only those slaves who had been sufficiently prepared for the Roman conditions and could be useful and loyal members of Roman society.

Probably, the legislator had carefully thought out the necessary period of slavery, in which the slave had to be adapted to Roman life. And this problem was not peripheral or accidental. Thus, Cicero had spoken in the Senate of six years of slavery for some of *captivi*, and this period was determined by him as being sufficient for honest and capable slaves (*Cic. Phil.* VIII, 11). Varro had written, that the *dominus* had to buy slaves at their best at the age of 22. (*Varr. R. r. I.* 17, 3). Suetonius informs us, that the *captivi* of some indocile tribes were sold by Augustus on the condition they would not be emancipated during their twenties (*Suet. Aug.* 21). But this was a special measure for the indocile and warlike tribes, and the period of slavery for them was two or three times longer than for ordinary slaves.

In our opinion the law *Aelia Sentia* supposed a normal period of slavery of about 10 years. This period of slavery was considered to be enough for the adaptation of an ordinary honest and obedient slave to Roman values and was quite a legal reason for normal emancipation. So the slave who was quite adapted to Roman conditions (in particular to those of the concrete Roman family) was emancipated by his *dominus* on legal grounds, that is, in the presence of magistrates through *vindicta*, *census* or *testamentum*. The *libertinus* received the *nomen* and *praenomen* of his *dominus*, received the rights of *civis romanus*, and was included in *ordo libertinorum*. Yet these rights were not the full rights of Roman citizens. The legal capacity of freedman was incomplete in comparison with *ingenui cives romani*. The *libertus* continued to preserve dependent relations with his former *dominus* who had become his *patronus* and their interrelations were regulated by special *ius patronatus*. There is no need to trace here in details the different forms of dependence of *libertinus* upon his former *dominus* — his present *patronus*. We only want to remark that the new relations were profitable for the former *dominus* in two aspects: 1. the *libertinus* had to support himself; 2. the former *dominus* received the possibility to utilize the energy and the enterprise of his freedmen for his own purposes, and the forms of this utilization were most various.

At the same time the former dominus, now a patronus, was responsible for the general behaviour in society of his freedman. If the *libertinus* did not fulfill some conditions, he could be relegated to his former slavery (*revocatio in servitudinem propter ingrati-tudinem*). We may think that these laws were a powerful stimulus for the honest and obedient behaviour of freedmen. As we know, according to many inscriptions of the 1st and 2nd centuries A.D. the *libertini* had become obedient, industrious and enterprising people. We have accounts of their modest lives, worthy family relations, faithfulness to patrons, that is, of the very values which were cherished by their *domini* and the whole Roman society.

The personal responsibility of former *domini* now *patroni* for the future adaptation of their freedmen was supported by a well-considered policy of the imperial government in relation to *Ordo libertinorum* in general. In the Roman society of the 1st and 2nd centuries A.D. were created favourable conditions for the participation of *libertini* in Roman industries and commerce. We may assume that the *libertini* had become the main participants (workers and owners) of Roman industry and commerce in the 1st and 2nd centuries. And in Roman society the indifferent and scornful attitude of republican times (Cicero) to productive activities changed into a more favourable position, for example, that of Seneca and Epictetus.

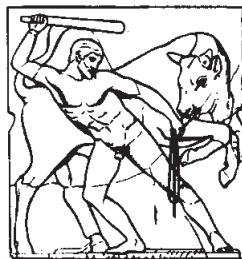
The official authorities of the Empire had put into practice of the policy of protection a *Ordo libertinorum* in the social, religious and legal spheres. So Augustus had granted to the honest and rich freedmen the honorary right to wear the golden ring, to be appointed to high offices, in central as well as in provincial staff. *Cohorti urbani* were completed out of *liberti*. Many *liberti* were desirable *vilici*, *procuratores*, *actores* etc. in the *latifundia* and *domus* of their former *domini* and other rich landowners.

But particular importance was given to their inclusion (more precisely, their continuing inclusion) into the sanctuaries of the families of former *domini* — their present *patroni* — as well as into the religious systems and cults of the Roman Empire on the whole. As all other members of the *familia*, the *liberti* had worshipped the traditional family cults of *lares*, *penates*, in particular, of the *genius* of *pater familias*, continuing to absorb Roman religious ideas. But Augustus had gone further. His well-considered policy of assimilation of *ordo novus* to Roman social and religious structures had supposed the establishment of special imperial cults in which the spiritual assimilation of *libertorum* had acted with great effect. Thus, it was Augustus who established the mass cults of *Lares Compitales*, in which the *liberti* had a right to be elected *magistri* and *ministri*, the real organizers of this cult. Besides this, in the reign of Augustus was founded the new imperial cult, which became one of most popular cults in the Empire. And it was precisely the *liberti* who got the priority rights to organize this cult as its *magistri* and *ministri*, being included in the prestigious *collegium* of *seviri augustales*. The office of *seviri augustales* was the most prestigious to any *libertus*. something like the certification of his honorary position and recognition in Roman society in general. Naturally *seviri augustales* were becoming the most faithful adherents of the imperial system of values. The Roman emperors had well understood the problem and granted the organization of this official and very popular cult to the *liberti*, who were thus attracted to the Empire, being a numerous, influential, rich and industrious class of Roman society.

Such was this well-considered, far-reaching, enlightened social policy. Attracting to Italy, and then to the whole Empire, the strength and intellect of the provinces and the peripheral barbarian countries, the ruling classes of Roman society had in essence secured and guaranteed the constant influx of splendid human resources through the well-considered system of purposeful education, of social and spiritual-religious adaptation of the slaves and then of the *liberti* to Roman values. After all the former slaves, at first disobedient and

rebellious, then hard-working and enterprising, the faithful freedmen had been transformed in *cives romani*, even *cives romani* to a higher degree than the native *cives*, and they served their new motherland, Rome, better than the *lumpen* masses of native origin, corrupted by privileges and subsidies.

The common feature of numerous inscriptions of *liberti* of the 1st and 2nd centuries A.D. is the glorification of family relations, the touching love of husbands and wives, children and parents. And these notions contrasted with the crises in relations in the upper and middle strata of Roman society or the Roman *Lumpen-proletariat*. As we know, Augustus had unsuccessfully struggled against these crises by strengthening family relations and in particular by stimulating childbirth. These measures affected *liberti* too. Thus, the *libertinus*, who had three children, got important privileges. *Vice versa*, if the *libertus* was childless, his property was returned to his former *dominus* thus he couldn't achieve the aims he had pursued throughout his life (or, more precisely, to which he had been led) through the long years of slavery and hard work as a *libertus*. Moreover, psychologically speaking, liberty, too, was supposed to establish firmer family relations in a large family, because during the years of slavery the slave lived without such relations of his own; liberty inspired him to value the basic human feelings much more than could be done by native citizens corrupted by free habits and city wealth. It was precisely the *ordo libertinorum* which gave the Empire new masses of Roman *cives*, brought up in industrious and enterprising families, devoted to the ideals of Roman society. The Roman imperial elite was sure that the children of the *liberti* had become highly adapted to Roman society, had finished the proper course of education and obedience, and thus become true Romans who could be at any rate trusted to defend the Empire in the *legio* or pretorian ranks as well, and to administer the Empire from a senatorial seat, a post as provincial governor or imperial minister, and even from the Imperial palace itself. And this system of well-considered adaptation of foreigners provided for stability and prosperity in this complex Mediterranean society for several centuries.





## Раздел V

# Историческая информатика и античная история

### Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса\*

В настоящее время исследователи все чаще стали обращаться к использованию математических методов в общественных науках, в том числе в истории. Математические методы и ЭВМ успешно применяются как новый и более совершенный инструмент для переработки информации, содержащейся в различных исторических источниках. Как для историков, так и для математиков большой интерес представляет переход к следующему этапу применения математических методов в исторических исследованиях — математическому моделированию историко-социальных процессов.

Модель в широком понимании — отражение наших представлений о реальном мире. В кибернетике математическая модель определена как «относительная истина, отражающая определенные особенности изучаемых явлений»<sup>1</sup>. Продвижение к абсолютной истине возможно только путем изучения бесконечного ряда относительных истин-моделей, приближенно отражающих различные стороны реальной действительности. Существуют различные способы представления моделей: интуитивный, словесный, механический, электрический, математический. При изучении источников историк создает в своем сознании определенное представление об исторической реальности — умозрительную модель, которую оформляет в виде монографий, очерков, статей и т.п. В физико-технических исследованиях давно используются механические модели (модель самолета, ракеты в аэродинамической трубе, модель ГЭС в лабораторном бассейне и т.д.), достаточно приближенно описывающие реальные объекты. В естественных науках уже со времени Ньютона применяются математические модели. Законы Ньютона были одной из первых важных моделей процессов, изучаемых физикой, моделью механического движения. Современные успехи механики, физики, астрономии основаны на широком использовании надежных математических моделей.

В общественных науках математические модели впервые были применены К. Марксом в «Капитале». Вместе со словесным представлением строго научной модели, вскрывающей закономерный характер генезиса и развития капиталистического способа производства, а также предсказывающей его неизбежную гибель и дальней-

---

\* Первая публикация: в ж. Вопросы истории. 1976. № 11. С. 91–108 (совместно с В. А. Устиновым, Ю. Н. Павловским, А. С. Гусейновой). Вторая публикация: Quaderni di storia. 1980. Vol. 12 (совместно с В. А. Устиновым, Ю. Н. Павловским, А. С. Гусейновой).

<sup>1</sup> Миссеев Н. Н. Математические модели экономической науки. М., 1973. С. 5.



шее развитие общества, в наиболее важных ее разделах К. Маркс использует математическое описание. Теория стоимости, описывающая многочисленные и разнообразные свойства товара, модель расширенного воспроизводства, покрывающая важнейшие особенности производства, выражены К. Марксом на языке математики. Основоположники марксизма-ленинизма стремились применять математические методы в своих исследованиях социально-экономических процессов. К. Маркс, например, писал: «Я неоднократно пытался — для анализа кризисов — вычислить эти *up and downs* (повышения и понижения.— Ред.) как неправильные кривые и думал (да и теперь еще думаю, что с достаточно проверенным материалом это возможно) математически вывести из этого главные законы кризисов»<sup>2</sup>. Известно, какое значение придавал статистике и математическим методам анализа В. И. Ленин. Он видел в статистической сводке материала один из важнейших инструментов познания объективных процессов, происходящих в обществе. Так, в первые месяцы осуществления нэпа, когда очень остро стоял вопрос о темпах и характере восстановления экономики, В. И. Ленин предложил «составить своего рода *index-number*», то есть число-показатель, с тем чтобы представлять «ежемесячную сводку главных данных нашей хозяйственной жизни (цифры и кривая)». «Без этого у нас не будет обзора хозяйственной жизни. Это одна из баз работы Госплана»<sup>3</sup>, — подчеркивал он.

В современной экономической науке сформировалось мощное самостоятельное направление экономико-математических исследований, основанное на конструировании и изучении математических моделей.

Математическое представление модели, в отличие от всех других способов представления, использует формально-логический аппарат математики для описания, характеристик, свойств, особенностей изучаемых объектов и процессов реального мира. С помощью современных математических методов и технических средств (ЭВМ) можно глубже и полнее понять эти свойства и особенности, всесторонне анализировать поведение модели в целом. Создание математических моделей и их исследование и есть математическое моделирование.

Важное преимущество математического моделирования — широкая возможность количественного анализа моделей. В памяти машины могут быть записаны все числовые параметры исследуемой модели, которые относятся к экономике, демографии, военным операциям, строительству, культуре, быту и т.д. Если умозрительные описательные модели весьма редко конструируются на основе количественных оценок, то при математическом моделировании с помощью ЭВМ открывается возможность довольно полного учета, строгого и логического анализа всех числовых данных, включенных в исследование.

Успехи применения математического моделирования в области естественных наук обусловлены тем, что в течение веков разрабатывался математический аппарат, развивались определенные математические дисциплины (дифференциальное и интегральное исчисление, теория дифференциальных уравнений, функциональный анализ и т.д.). Новые направления в математике, созданные для потребностей естественных наук (математическая экономика, динамическое программирование, теория информации, математическая лингвистика и др.) возникли только в послевоенное время. Сама электронная вычислительная техника, появившаяся всего около 30 лет назад, и прежде всего для потребностей естественных наук, только теперь,

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 72.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 214, 215.

когда создано ее третье поколение<sup>4</sup>, может быть использована для целей общественных наук.

Применение математического моделирования в области общественных наук позволяет ставить и решать важные комплексные проблемы. Организация комплексных исследований предполагает органическое слияние различных методов исследования, участие специалистов разных областей знания (философов, экономистов, историков, социологов, юристов, лингвистов, этнографов, археологов и т.д.), подчинение исследования задаче решения единой комплексной проблемы, освоение смежных областей знания, привлечение разнообразных и специфических для каждой из этих отраслей знания источников. Математическая модель любого процесса — это прежде всего совместное творчество специалистов, которые изучают этот процесс, и математиков, которые занимаются инструментом — конструированием модели.

В настоящее время интенсивно развиваются имитационные методы моделирования, которые включают в себя систему математических моделей исследуемого историко-социального процесса, математические программы, по которым ЭВМ реализует течение процесса, и исследователей, изучающих данный процесс. Общение исследователей с ЭВМ осуществляется с помощью различных технических устройств, позволяющих вводить в ЭВМ данные, необходимые для воспроизведения процесса, получать из ЭВМ информацию о течении процесса. Современные технические устройства дают возможность оперативно общаться с машиной и в наглядной форме получать результаты решения задачи, на основе изучения которых человек вновь обращается к машине; так продолжается до тех пор, пока не будет получено удовлетворительное имитирование изучаемого процесса, наиболее адекватно отражающее реальную действительность.

С освоением и внедрением математического моделирования в общественные науки укрепляется техническая и общеметодическая база научно-исследовательской работы, и вместе с тем выдвигаются новые, повышенные требования к уровню научной методологии. На эту сторону вопроса обратил внимание А. И. Данилов, который писал в статье «К вопросу о методологии исторической науки»: «Перед современной исторической наукой стоит задача правильно использовать в исследовательской практике все достижения научного познания, в том числе и математической логики. Это диктуется самим развитием науки, необходимостью совершенствовать конкретные методики исторического исследования»<sup>5</sup>. Далее в статье подчеркивается, что познавательный арсенал историка не нейтрален по отношению к его мировоззрению, к его классовым интересам, к вопросу о партийности философии. Никакая «прикладная логика истории», никакая формализация исторического знания «не могут устранить классовый подход к историческим явлениям»<sup>6</sup>.

Нами была построена и исследована имитационная социально-экономическая модель конкретного исторического процесса. В процессе имитационного исследования были выполнены следующие виды работ: I. Изучен выбранный для имита-

<sup>4</sup> Первое поколение машин — это ламповые машины с быстродействием порядка 10–20 тыс. операций в секунду. Например, машина БЭСМ-1 (1953 г.) имеет емкость памяти — 2048 слов, скорость — 7–8 тыс. операций в секунду. Второе поколение — это транзисторные машины с быстродействием порядка сотен тысяч операций в секунду. Например, БЭСМ-6 (1967 г.), объем памяти — 32768 слов, скорость — 1 млн. операций в секунду. Третье поколение — машины на интегральных схемах и вычислительные комплексы с быстродействием порядка миллионов операций в секунду.

<sup>5</sup> Коммунист. 1969. № 5. С. 69.

<sup>6</sup> Там же. С. 72.

ционного моделирования исторический период; II. Составлена словесная модель исторического процесса этого периода; III. Разработана графическая блок-схема причинных связей модели; IV. Разработаны математические уравнения, соотношения, отражающие связь между всеми параметрами исследуемого процесса; V. Разработана и составлена блок-схема вычислительного процесса; VI. Вычислительный процесс запрограммирован для ЭВМ на алгоритмическом языке; VII. Изучаемый процесс проимитирован на ЭВМ; VIII. Проанализированы и оценены важнейшие результаты.

Для построения имитационной модели очень важен выбор подходящего объекта исследования. Прежде всего, о нем должна содержаться достаточная информация в дошедших до нас источниках, и вместе с тем он должен быть важным историческим событием, оказавшим влияние на ход общественного развития. Это событие должно протекать в более или менее однородной исторической среде, то есть в условиях сложившейся общественной системы. Для первой попытки менее эффективны так называемые переходные исторические эпохи, когда в системе общественных отношений сложно и противоречиво переплетаются пережитки прежней эпохи и новые явления. Наконец, объект должен удовлетворять еще одному условию: это должно быть общество с достаточно высоким уровнем цивилизации, так как слишком примитивное или сложное общественное устройство для этих целей малоприспособно: первое — в силу малой эвристической ценности результатов, второе — в силу особой трудности для исследования.

Поиск такого объекта был направлен на древнегреческие полисы. Объектом исследования было избрано одно из важнейших событий в истории древнегреческих полисов, а именно: греческое рабовладельческое общество периода Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). При выборе именно этого объекта исследования учитывался ряд соображений. Вторая половина V в. до н. э. — эпоха «высочайшего внутреннего расцвета Греции»<sup>7</sup>, расцвета классического рабовладельческого способа производства, создания интенсивной экономики, развития простого товарного производства, морских и торговых связей, оформления греческой демократии, расцвета греческой культуры. К середине V в. в раздробленной на множество полисов Греции оформились два крупных военно-политических блока: Пелопоннесский союз и Афинский морской союз, вокруг которых объединились многие греческие полисы. Острые военно-политические и социальные противоречия между этими союзами вылились в общегреческую кровопролитную войну, которая потребовала крайнего напряжения сил, выявила и обнажила многие стороны общественно-экономической и политической жизни, в мирных условиях остававшиеся скрытыми. Пелопоннесская война оказала огромное влияние на последующее развитие древней Эллады, греческого рабовладельческого общества. Она подробнее отражена в источниках, материалов по ней несколько больше, чем по другим военным кампаниям древности.

Таким образом, попытка построить имитационную модель хода Пелопоннесской войны позволяет «проиграть» одно из ключевых событий высшего периода внутреннего развития Древней Греции, причем на относительно богатом материале источников и литературы. Это придает данной модели определенную историческую реальность, дает возможность полнее отработать механизм создания такой модели и вместе с тем имеет значение для проверки существующих точек зрения, то есть некоторое научное значение. В пользу этого объекта были аргументы и чисто техни-

<sup>7</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 98.

ческого характера. Исследование имитационных моделей с помощью ЭВМ второго поколения весьма затруднительно. Для этого нужны ЭВМ с большой памятью (ЭВМ третьего поколения). Мы располагали машиной БЭСМ-6, поэтому нужно было выбрать такой исторический процесс, чтобы его имитационную модель можно было считать на БЭСМ-6, машине второго поколения.

Пелопоннесская война была общегреческой и затронула очень многие полисы Древней Греции, из которых одни выступали на стороне Афин, другие на стороне Спарты. Из-за недостатка данных невозможно было учесть средства всех участников войны, включая мелкие полисы. Поэтому пришлось иметь дело с ведущими полисами, игравшими в военных действиях основные роли. Так, для афинской стороны речь идет о военно-экономическом потенциале Аттики, включая денежные средства и корабли союзников. С отбором основных полисов другой воюющей стороны дело обстояло сложнее: здесь одна Спарта не могла представлять военно-экономический потенциал Пелопоннесского союза. Поэтому при подсчетах средств пелопоннесской стороны учтен также потенциал Коринфа и Фив. Невозможно понять общую ситуацию в Греции того времени, если не принять также во внимание военно-экономический потенциал одного из крупнейших греческих полисов Сицилии — Сиракуз, хотя в первые годы войны Сиракузы не принимали активного участия в военных действиях.

В модели население каждого полиса разделено на слои, причем за основу принято социально-классовое членение афинского общества как относительно более развитого и сложного. Были выделены следующие слои среди гражданства: крупные землевладельцы — типа пентакосео-медимнов Солона; средние землевладельцы — всадники Солона; зажиточные землевладельцы — зевгиты; бедные землевладельцы-крестьяне — часть фетов, по Солону; крестьяне — безземельные, арендующие землю; наемные сельскохозяйственные рабочие, живущие главным образом продажей своей рабочей силы. Вторая большая группа граждан — занятые в ремесленном производстве или живущие в городе и утратившие связь с сельским хозяйством. В этой группе выделены следующие слои: работающие по найму, мелкие торговцы, владельцы крупных ремесленных эргастериев (богатые ремесленники), владельцы средних по размерам ремесленных рабовладельческих мастерских (средние ремесленники) и бедные ремесленники. С учетом важности негражданского населения во многих греческих полисах выделена третья группа населения, которая условно названа афинским термином «метеки» и которая в схеме также делится на три слоя: богатые, средние и бедные метеки.

Особая графа отведена государству. Хотя рабы были основным производящим классом и их численность в наиболее развитых полисах была весьма значительной, они не помещены в отдельную рубрику, а распределены по тем слоям свободного населения, к которым они принадлежат.

Для характеристики каждого слоя взяты следующие показатели: количество рабов, количество хозяйств и общая численность слоя, включая женщин и детей, площадь каждого хозяйства, общая площадь полиса, площадь обрабатываемой земли, количество полученных с земли продуктов, необходимый импорт и экспорт, стоимость необходимых товаров и потребительский минимум представителя каждого слоя. Сделана попытка учесть запас денег у каждого слоя населения, комплектование войска из разных слоев, доходы и расходы государства, каждого слоя, а также потери в войнах, рабах, опустошение неприятелем территории и, следовательно, сокращение сельскохозяйственного производства. Естественно, этот отбор потребовал большого количества цифрового материала, который, к сожалению, не всегда был

достаточен. К тому же данные о тех или иных величинах у современных исследователей сильно отличаются друг от друга. Поэтому пришлось отбирать количественные данные с большой осторожностью, много раз проверяя материал, максимально используя сообщения первоисточников, заимствуя статистические подсчеты из литературы.

Для построения самих связей имитационной модели греческого общества на примере пяти ведущих полисов не требовалось детального уточнения случайных и единичных цифр, сохранившихся в источниках. Даже специальные исследования на эту тему приводят к малоутешительному выводу о недостоверности цифровых подсчетов и к значительным расхождениям среди специалистов. В дальнейшем наша цель была такой: зная ход и результаты процесса (в частности, Пелопоннесской войны), на основе имеющихся данных построить его полную математическую модель с включением всех необходимых для этого данных и коэффициентов. Для этого использовались цифровые материалы, к сожалению, случайные, которые сохранились в источниках, прежде всего в сочинениях Фукидида, Ксенофонта, ораторов, некоторых надписях, для аналогии привлекались цифровые данные древнеримских писателей и подсчеты современных исследователей (избегая крайних точек зрения). Для различных расчетов использовались главным образом работы советских авторов Н. А. Машкина, Я. А. Ленцмана, В. Д. Блаватского, К. М. Колобовой, Л. М. Глускиной, В. Н. Андреева, Э. Д. Фролова, Т. Ф. Новиковой. При определении исходных данных были использованы работы К. Белоха, А. Франкотта, Г. Глотца, П. Клоше, С. Лауффера, А. Джонса, П. Оливь<sup>8</sup>. При работе с цифровым материалом приходилось обращаться и к гипотезам, основанным на некоторых случайных данных и анализе общей ситуации.

При отборе цифровых показателей проводилась их проверка и уточнение, и избирался непротиворечивый для общей системы вариант. Проиллюстрируем это на примере общих расчетов населения Афин, сделанных в свое время А. Франкоттом, Г. Глотцем и Д. Гоммом. По Франкотту, общее число жителей в Афинах — 220–290 тыс., из них граждан с семьями — 96,6 тыс., метеков с семьями — 46 тыс., рабов — 75–150 тысяч. Глотц насчитывал в Афинах граждан с семьями — 135–140 тыс., метеков — 65–70 тыс., рабов — 200–210 тыс., а Гомм соответственно всего 155 тыс., из них граждан с семьями — 60 тыс., метеков — 25 тыс., рабов — 70 тысяч.

Общая площадь Аттики определяется приблизительно в 2418,75 кв. километров. Так как значительную часть ее территории составляют горные и неудобные для земледелия массивы, то площадь обрабатываемой земли достигает 25–27% территории, или около 65 тыс. гектаров<sup>9</sup>. В модели функционируют пять видов необходимых сельскохозяйственных продуктов: зерно, вино, масло, мясо, шерсть. По Цицерону, каждый югер земли (близ Леонтин) засевали 1 медимном зерна (Cic. Verg. III. 112).

<sup>8</sup> Для характеристики общего социально-экономического положения Спарты использовались работы: Jones A. H. Sparta. Oxford, 1967; Oliva P. Sparta and Her Social Problems. Prague, 1971, особенно С. 29–62. О положении Фив см.: Cloché P. Thèbes de Béotie. Des origines à la conquête romaine. Namur, 1955. О Сиракузах см.: Фролов Э. Д. Выступление и приход к власти Дионисия Старшего // ВДИ. 1971. № 3; Новикова Т. Ф. Экономическое развитие Сиракуз в V в. до н. э. // Ученые записки Башкирского пединститута. VII. 1956; Fiori A. Le città della Magna Graecia. R., 1965. Однако большинство исследований основывается главным образом на афинском материале, так как социально-экономическое положение Афин изучено более полно и служит опорой и неким образцом при многих наших подсчетах и предположениях. О ценах см. исследование: Spaventa-Novellis L. I prezzi in Graecia e a Roma nell'antichità. R., 1934.

<sup>9</sup> Андреев В. Н. Размеры земельных участков в Аттике в IV в. до н. э. // ВДИ. 1959. № 2. С. 122.

Следовательно, 1 га засевали 4 медимнами зерна. Учитывая малую плодородность аттической почвы, можно допустить, что средний урожай в Аттике равен сам-4<sup>10</sup>. Итак, с одного га снимают урожай в 16 медимнов зерна, 4 медимна которого используются для посева, а остальные 12 — для продажи и потребления.

Для определения урожайности виноградников использовались следующие расчеты. По свидетельству Плиния, с югера виноградника получали 20 амфор, или 840,32 л вина, по данным Грецина, — 525,2 л, по расчетам Колумеллы, — 787,8 л вина. Таким образом, с 1 га получали 2 тыс. — 3320 л вина<sup>11</sup>. В Аттике повсеместно выращивали виноград и экспортировали вино. Греки были искусными виноградарями. Допустимо предположение, что в среднем с 1 га виноградника получали 3 тыс. л вина.

В Аттике оливководство было одной из процветающих отраслей. Данных по выработке оливкового масла, к сожалению, нет. Но в современной Греции выход оливкового масла с 1 га оливковой рощи равен 230–400 литрам<sup>12</sup>. Современная агротехника позволяет выработать масла больше, чем в древности. Поэтому можно предположить, что в Аттике V в. до н. э. с 1 га маслинника получали, возможно, 200 л оливкового масла.

Согласно данным Полибия, норма потребления зерна для римского легионера была 3,5 модия в месяц (Pol. VI. 39), Катон рекомендовал давать своим рабам 4–4,5 модия в месяц (Cat. 56), остальным полевым работникам — по 3 модия. В переводе на греческие меры это составляет около 5,5 медимнов в год. По Катону, в год на раба полагалось 183,82 л вина (Cat. 57). Положим, что один раб в год потребляет 180 л вина, а свободное население в зависимости от состоятельности 180–220 л на человека в год<sup>13</sup>. По Катону, в месяц рабу выдается 0,54 л масла, в год — 6,5 литра. Потребление свободных было несколько выше, возможно, 7–9 л оливкового масла в год на человека, в зависимости от имущественного положения.

Начнем с анализа цифр Глотца. Для удовлетворения нужд населения в вине нужно: 400 тыс. человек X 190 л вина/чел. = 76000 тыс. л вина. Для производства такого количества вина требуется 76000 тыс. л вина : 3 тыс. л/га = 25333 гектара. Афины экспортировали свое вино, и на его экспорт шло не менее 10–15% общего производства. Таким образом, площадь земли под виноградниками составляет не менее 28 тыс. гектаров.

Для потребления масла 400 тыс. человек нужно 400 тыс. чел. X 7 л масла/чел. = 2800 тыс. л масла. 2800 тыс. л. : 200 л/га = 14 тыс. гектаров. Афины довольно много экспортировали масла (вряд ли менее 25–30% общей выработки), тогда площадь земли под оливковыми деревьями составляет 20 тыс. гектаров. Тогда площадь под злаками 65 тыс. га — 20 тыс. га — 28 тыс. га = 17 тыс. га, в пересчете на потребление населения зерна производится только на 40 тыс. человек, что составляет 10% общей численности населения. Для обработки 65 тыс. га земли достаточно 70–75 тыс. человек (вместе с рабами), что составляет 17–19% от общей численности населения.

<sup>10</sup> *Jardé A.* Les cereales dans l'antiquité grecque. P., 1925. P. 58; Дж. Томпсон. Исследования по истории древнегреческого общества. М., 1959. С. 308.

<sup>11</sup> *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 160.

<sup>12</sup> *Попов В. Д.* Экономика Греции. М., 1962. С. 45, 49.

<sup>13</sup> Ps.-Xen. Ath. pol. I. 10. Здесь подчеркивается, что по одежде, внешнему виду трудно отличить гражданина от раба или метека. Возможно, что и нормы потребления у тех и других не очень отличались. Во всяком случае, в Риме нормы потребления рабов и крестьян были близки (См.: *Сергеевко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. М., 1964. С. 121–122).

Однако, насколько известно из общей ситуации, в Аттике того времени сельское хозяйство занимало большее место в хозяйственной жизни полиса. Приведенные же цифры несколько принижают роль сельского хозяйства в экономике Афин, а, следовательно, и роль крестьянства в политической жизни государства.

Проведем аналогичные расчеты для цифр Гомма: 155 тыс. чел.  $\times$  190 л/чел. = 29450 тыс. л вина, или 10 тыс. гектаров. 155 тыс. чел.  $\times$  7 л/чел. = 1085 тыс. л масла, или 7 тыс. гектаров. Зерна хватает на 80 тыс. человек, что составляет свыше 50% населения. В сельском хозяйстве Афин занято более 70 тыс. человек (вместе с рабами), причем свыше 70% граждан. Но на рудниках и государственных стройках работают 39 тыс. человек, из них 10 тыс. рабов<sup>14</sup>. Таким образом, непосредственно производством ремесленных изделий занято 12 тыс. человек и 25 тыс. рабов. Вряд ли город с таким количеством ремесленников можно считать крупным торгово-ремесленным центром. Едва ли эти цифры отражают размах торгово-ремесленной активности Афин, которые от одних только пошлин получали значительные средства.

Возьмем, наконец, цифры, предложенные Франкоттом: всего — 235 тыс. человек, из них граждан с семьями — 105 тыс., метеков — 50 тыс., рабов — 80 тысяч. Проведем для них аналогичные расчеты: 235 тыс. чел.  $\times$  190 л вина/чел. = 44650 тыс. л вина, или 16 тысяч гектаров. 235 тыс. чел.  $\times$  7 л масла/чел. = 1645 тыс. л масла, или 11,5 тыс. гектаров. Зерна хватает на 70–80 тыс. человек, что составляет 30–34% населения. Около 40% граждан занимается сельским хозяйством. Непосредственно производством ремесленных изделий занято 25 тыс. граждан, 50 тыс. метеков, 35 тыс. рабов. Эти цифры лучше отражают общую ситуацию в Афинах, поэтому они и были использованы при моделировании.

Ряд данных был выяснен и уточнен путем экспериментальных подсчетов на ЭВМ. Так, были подсчитаны потоки ввозимых и вывозимых товаров, набор товаров<sup>15</sup>, производимых одним ремесленником, спрос и предложение каждого слоя населения. После того как были определены все экономические коэффициенты мирного периода времени, на их основе были выведены цифры военного периода. Таким образом, была получена уточненная словесная модель этого исторического периода и привлечены для дальнейшего анализа данные, которых не доставало. Используемые данные характеризовали: население, территорию, экономику (сельское хозяйство, ремесло, внутреннюю и внешнюю торговлю, производительность труда, потребление, финансы и т.д.), состав и численность армии, вооружение, военные расходы, а также строительство, дань союзных государств и всевозможные другие числовые значения.

На основе всех этих сведений была составлена графическая блок-схема причинных связей модели изучаемого процесса (См. рис. 1), которая отражает группы взаимодействующих параметров, взаимосвязь и взаимовлияние между ними. Направление взаимосвязей изображено дугой, стрелка которой показывает направление изменения двух взаимодействующих групп параметров. Знак «+» или «-» указывает на то, увеличивается или уменьшается группа параметров, на которую направлена дуга взаимодействия, при увеличении группы параметров, из которой эта дуга исхо-

<sup>14</sup> Глушкина Л. М. О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. 1973. № 2. С. 30–31. Автор пишет о широком применении труда рабов и метеков в строительстве, на рудниках, в различных ремеслах.

<sup>15</sup> Было принято, что в хозяйстве функционируют 12 видов товаров: зерно, вино, оливковое масло, мясо, шерсть, руда, предметы обихода, сельскохозяйственные орудия, текстильные изделия, предметы роскоши, оружие, рабы.





дит. Графическая блок-схема причинных связей дает легко обозримое изображение структуры моделируемой системы. Такие схемы впервые начал использовать в процессе моделирования Дж. Форрестер<sup>16</sup>. На ее основе было разработано математическое описание, где на языке математических уравнений и соотношений отражены связи между всеми параметрами исследуемого процесса.

При моделировании был выбран достаточно высокий уровень агрегирования (замены нескольких параметров системы одним параметром). Уровень агрегирования определяется возможностью объединять в один фактор группы различных факторов, сходным образом действующих на систему. Например, были приняты, что хозяйства у представителей одного и того же слоя населения одинаковы, что все представители одного и того же слоя имеют равные доходы, расходы, потребление. Все ремесленные товары были агрегированы. Например, за одно текстильное изделие принимался тот набор одежды, который изнашивает один человек за год. За шаг моделирования был взят один год, то есть цикл развития сельского хозяйства.

В процессе имитации войны модель автоматически учитывает все изменения параметров, связанные с военными операциями. Враг наступает и захватывает часть территории полиса. В зависимости от степени внезапности нападения (для каждого года вводится этот коэффициент) модель рассчитывает, сколько денег, продуктов было захвачена врагом у каждого слоя. Захваченная добыча распределяется в определенных пропорциях внутри вражеского лагеря. В машину вводятся только коэффициенты, характеризующие пропорции распределения военной добычи. Модель автоматически рассчитывает, сколько денег, продуктов захватили воины каждого слоя населения.

В военное время организуется войско, ведущее военные действия. В связи с этим ухудшается обработка земли, так как часть земледельцев мобилизована в армию. Следовательно, снижаются урожаи зерна, винограда, оливок даже на площади, не подвергшейся нападению врага. Воины, выходящие из ремесленных слоев, исключаются из процесса производства ремесленных изделий. В ходе войны войско несет потери. Модель рассчитывает соответствующую реакцию изменения этих величин на другие величины модели. Уменьшается численность войска, значит, государство тратит меньше денег на оплату воинам, и т.д.

Математическому моделированию подвергались очевидные отношения. Они описывают в количественной форме процесс производства материальных благ, процессы их распределения, потребления и обмена при помощи рынков. Математическая модель и ЭВМ «освобождают» исследователя от интуитивного получения следствий указанных отношений.

В общих чертах процесс имитации состоит в следующем. Имея в своем распоряжении начальные значения, относящиеся к определенному году, зная данные о численности слоев населения и их потреблении, цены на различные товары, задавая спрос и предложение этих слоев на все виды товаров в следующем году в соответствии с их имущественным положением и местом в процессе производства, можно с помощью ЭВМ вычислить запасы товаров, денег, количество рабов у слоев населения в следующем году. Результаты подсчета поступают операторам — людям, имитирующим органы, которые принимают экономические и политические решения полисов в рассматриваемой системе. Эти решения касаются спроса и предложения на товары на различных рынках в следующие годы, объявления войны, организации

<sup>16</sup> Форрестер Дж. Основы кибернетики предприятия. М., 1971.

войска, совершения некоторых военных акций (походы, осады), заключения союзов и т.д. Эти решения дают возможность рассчитать анализируемые величины (запасы товаров и денег, количество рабов) в следующие годы. Операторы анализируют полученные результаты, корректируют их и принимают новые решения, по которым на ЭВМ рассчитываются следующие годы. Этот процесс принято называть «имитационным экспериментом». ЭВМ избавляет исследователя от многочисленных подсчетов экономических параметров системы, делает его труд более производительным,

Общей целью исследования было воссоздание такой системы данных, характеризующих рассматриваемый процесс (численность населения полисов, численность его слоев, площади обрабатываемой земли, данные о производительности труда, цены и т.д.), чтобы в результате проведения имитационных экспериментов последовательность полученных величин, характеризующих запасы продуктов, денег, количество рабов у слоев населения полисов, не противоречила общему ходу исторического процесса, различным данным, имеющимся в источниках, естественным образом объясняла бы принятые политические решения.

В процессе имитационного эксперимента ЭВМ осуществляет расчет величин, характеризующих экономическое функционирование системы полисов, после того как все решения экономического, политического и военного характера выработаны операторами, экспертами, анализирующими течение имитационного эксперимента. Именно эксперты оценивают и учитывают субъективные факторы, безусловно, влияющие на ход исторического процесса. Тем не менее, имитационная модель и проводимые с ее помощью эксперименты дают принципиальную возможность глубокого понимания соотношения объективного и субъективного в исторических процессах. Зная динамику экономического функционирования анализируемой системы, то влияние, которое могут оказывать на эту динамику экономические, политические и военные решения, можно с большей достоверностью отделить случайное от закономерного, глубже почувствовать те пределы, в которых возможно влияние субъективных факторов на ход объективного исторического процесса. Таким образом, имитационное моделирование позволяет сочетать формальные и неформальные приемы анализа ситуаций и качества решений.

На основе разработанных математических уравнений и соотношений, отражающих связи между всеми параметрами системы, была составлена блок-схема вычислительного процесса (См. рис. 2). С помощью такой блок-схемы была написана математическая программа (на языке «ALGOL—60»), по которой на ЭВМ реализуется вычислительный процесс.

Для одного шага моделирования по программе вычислительного процесса решаются свыше 2 тыс. уравнений. Вводилось при этом как можно меньше параметров, учитывались наиболее важные, в ряде случаев составлялись более простые соотношения, чем хотелось бы. Все это обуславливалось возможностями используемой нами вычислительной техники. При разовом обращении к машине просчитывалось пять шагов—лет. При этом в вычислительном процессе участвовало свыше 20 тыс. параметров. Конечно, без использования математических методов, без ЭВМ проделать такое количество расчетов один историк не может.

Поскольку отрывочный цифровой материал оказывался связанным в единую систему, удавалось реконструировать и уточнять некоторые цифры. Проиллюстрируем это на следующем примере, где определенную систему образуют такие величины, как дневная плата наемного рабочего (ремесленника), цены на продукты первой необходимости и величина участка мелкого землевладельца. Если брать отдельно

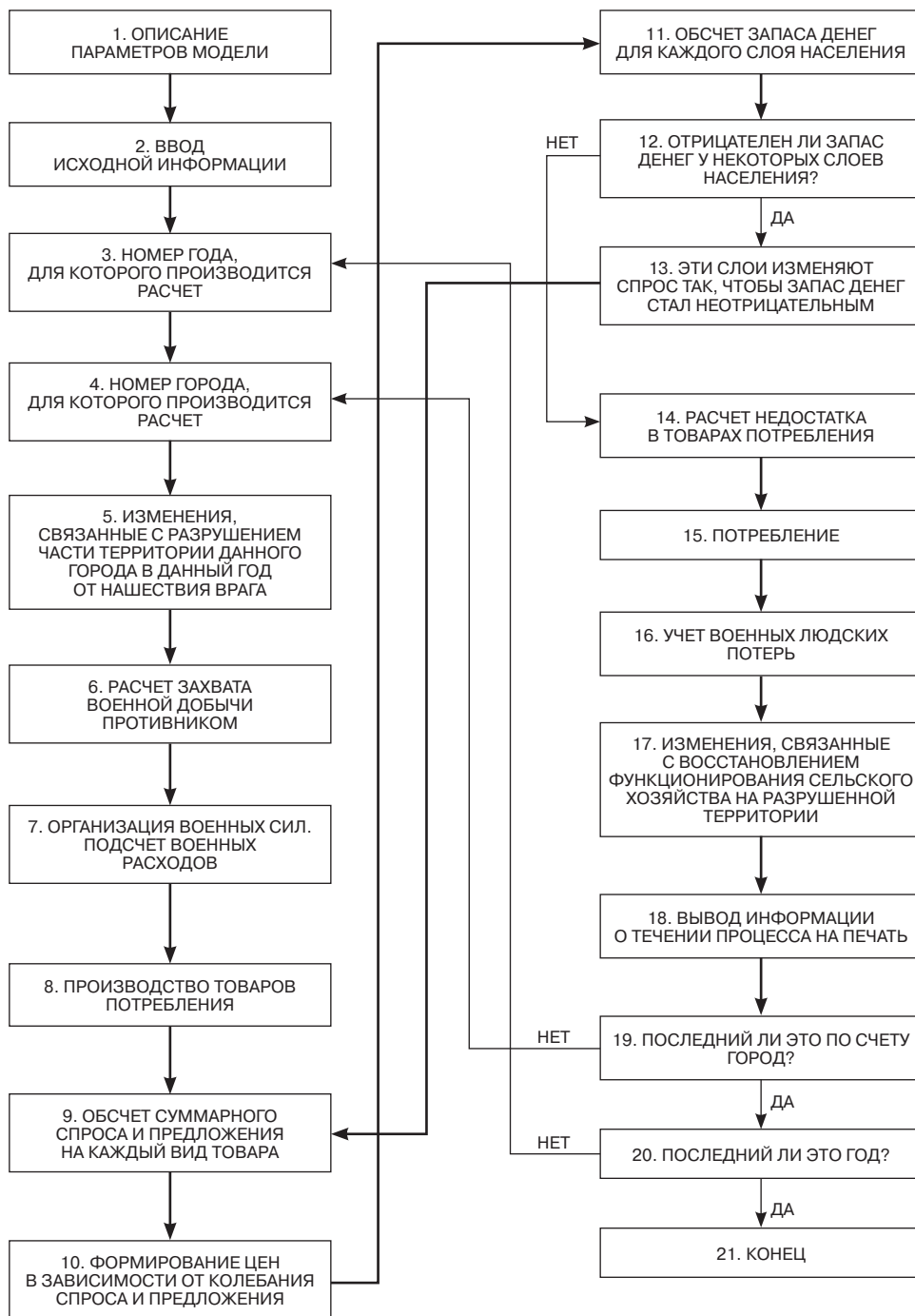


Рис. 2. Блок-схема вычислительного процесса

каждую величину, то трудно определить ее количественную характеристику. Но, связанные в определенную систему, они могут дать хотя бы приблизительное решение. Известно, что наемному рабочему на государственных стройках платили 1 драхму в день (SIG. № 572)<sup>17</sup>. Таким образом, в год рабочий зарабатывал около 360 драхм (неучет праздников и выходных дает погрешности порядка 10–15%, что является вполне приемлемым для разработанной модели: многие данные имеют большую погрешность). На эти деньги он содержал свою семью. Приблизительно столько же зарабатывал ремесленник. Зная цены на некоторые ремесленные изделия и предполагая, что все ремесленники имеют одинаковую производительность труда (индивидуальные отклонения не учитываются) и производят один и тот же набор товаров, оказалось возможным определить состав этого набора товаров. При этом учитывалось удовлетворение спроса на основные ремесленные изделия внутри полиса.

В источниках имеются следующие случайные цифры на вино: 1 л высокоценного хиосского вина стоит 2,5 драхмы, 1 л высококачественного аттического вина стоит 1,8 об., 1 л обычного аттического вина — 0,6 обола. Попытаемся выбрать лучший вариант цен. Примем стоимость 1 л вина за 0,6 обола. Тогда в год человеку нужно: 108 об. на вино (180л X 0,6 об./л = 108 об.), 72 об. на зерно (6 мед X 12 об./мед = 72 об.), 30 об. на мясо (10 кг X 3 об./кг = 30 об.), 42 об. на масло (7 л X 6 об./л = 42 об.)<sup>18</sup>. Итого, на продукты питания нужно 252 обола. На покупку шерсти и набор предметов обихода одному человеку нужно 100 оболов<sup>19</sup>. Предположим, что семья состоит из четырех человек. Тогда вся семья в год расходует  $352 \times 4 = 1408$  оболов.

Строительный рабочий зарабатывает в год 360 драхм = 2160 об., следовательно, в запасе у него остается:  $2160 \text{ об.} - 1408 \text{ об.} = 752 \text{ об.}$  в год. Это весьма высокая сумма. Однако продолжим расчеты. Если принять стоимость 1 л вина в 1 об., то, проведя аналогичные расчеты, получим, что семья в год расходует 1696 оболов. Тогда в запасе остается всего 464 обола. Если взять стоимость 1 л вина выше 1 об., то в этом случае сумма в 360 драхм окажется недостаточной для содержания семьи. Наиболее вероятной ценой 1 л вина нам кажется 1 об.; это более соответствует общей хозяйственной ситуации Афин того времени.

Продолжим анализ системы дальше. В частности, проведем расчет продуктов, получаемых с участка земли мелкого землевладельца в 2 га. Предположим (для удобства расчетов), что все хозяйство равномерно смешанные (то есть участки засажены зерновыми, виноградником, маслинами в одинаковых пропорциях). Исходя из обычной урожайности культур, определяем величину урожая. Со своего участка в 2 га мелкий землевладелец ежегодно получает 15 медимнов зерна, 1360 л вина, 72 л масла, 35,6 кг мяса, 14 кг шерсти. Вместе со своей семьей в год он потребляет 22 медимна зерна<sup>20</sup>, 720 л вина, 28 л масла, 20 кг мяса, 8 кг шерсти. У него остается:

<sup>17</sup> В этой надписи речь идет о плате строительным рабочим при постройке Эрехтейона в 409 г. до н. э. См. также: *Глускина Л. М.* Указ. соч. С. 32.

<sup>18</sup> *Блаватский В. Д.* Античный город // Античный город. М., 1963. С. 13. Здесь приводятся некоторые цены; См. также: *Альтман М. С.* К технике виноделия в Древней Греции // Из истории материального производства в античном мире. М.—Л., 1935. С.140–146.

<sup>19</sup> Под набором предметов обихода понимается набор предметов обихода, который потребляется одним человеком за год. Его цена равна 60 оболам. Стоимость 1 кг шерсти — 20 оболов. Один человек использует за год 2 кг шерсти.

<sup>20</sup> В принятом расчете зерна не хватает для потребления семьи мелкого землевладельца. При развитии товарного производства в Афинах второй половины V в. до н. э., росте спроса на вино и масло вполне допустимо такое хозяйство даже мелкого землевладельца. Последнему было выгоднее производить на продажу вино и масло, чем занимать землю менее ценными зерновыми. Конечно,

1360 л — 720 л = 640 л вина, 72 л — 28 л = 44 л масла, 35,6 кг — 20 кг = 15,6 кг мяса, 14 кг — 8 кг = 6 кг шерсти. От продажи излишков продукции он получает: 640 л вина X 1 об./л = 640 об., 44 л масла X 6 об./л = 264 об., 15,6 кг мяса X 3 об./кг = 46,8 об., 6 кг шерсти X 20 об./кг = 120 об., всего — 1070,8 обол. Его расходы таковы: 84 об. за 7 медимнов зерна, 256 об. за 4 набора предметов обихода, 300 об. за 2 сельскохозяйственных орудия<sup>21</sup>. Общая сумма расходов равна 640 оболам. В результате у мелкого землевладельца остается 430,8 об. чистого дохода в год, это близко к доходу, получаемому ремесленником или наемным работником, и соответствует одинаковому общественному положению этих лиц.

Если принять стоимость 1 л вина в 0,6 об., то чистый доход мелкого землевладельца составил бы 40 об., что не соответствует общей характеристике экономического положения этого слоя. Площадь участка у мелкого землевладельца была взята в 2 га не только потому, что она встречается в источниках<sup>22</sup>, но и потому, что сельскохозяйственных продуктов, получаемых с площади в 1 га, не хватило бы для прокорма семьи, в то время как с земельного участка в 3 га чистый доход мелкого землевладельца равнялся бы 1370 оболам, а это в несколько раз больше, чем у емесленника или работника по найму. Кроме того, это не соответствует тому, что, как правило, семья мелкого землевладельца потребляет большую часть производимой продукции, тогда как при доходе в 1370 об. солидная часть продукции должна продаваться на рынке.

Итак, приведенные подсчеты таких параметров, как цены на предметы первой необходимости, дневная заработная плата ремесленника и минимальный размер земельного участка, показали их тесную взаимосвязанность и позволили внести некоторые уточнения (в частности, видимо, обычная цена вина в Аттике равнялась все-таки не 0,6 об. за литр, как это известно из одного случайного упоминания, а 1 оболу). Этот же анализ позволяет более уверенно судить об усредненном участке мелкого землевладельца Аттики — он достигал 2 гектаров. Конечно, были большие и меньшие участки, но более типичным и распространенным для этого слоя был участок в 2 гектара<sup>23</sup>.

Поскольку в наших расчетах большую роль играли доходы от разработок Лаврионских серебряных рудников, проиллюстрируем наши расчеты этих доходов. Известно, что раб, работающий на этих рудниках, ежедневно приносит 1 обол дохода своему хозяину и что на этих рудниках работало свыше 20 тыс. человек<sup>24</sup>. Предположим, что на рудниках работают 10 тыс. государственных рабов, 3 тыс. рабов, принадлежащих крупным землевладельцам, 2 тыс. рабов, принадлежащих средним

---

существовали и автаркичные хозяйства, обеспечивавшие себя хлебом, вином и маслом, но и не вывозившие свои излишки на рынок. В таком случае соотношение площадей под культурами было другим.

<sup>21</sup> Был составлен перечень предметов, которые имеются в хозяйстве. Из этого перечня выписаны те предметы, которые землевладелец покупает у ремесленника на рынке. Из расчета, что срок использования металлических предметов — 10 лет, а гончарных изделий — 5 лет, было определено количество предметов, которое ежегодно покупается для хозяйства определенного размера. За 1 сельскохозяйственное орудие принят тот набор орудий труда, который приобретает ежегодно для хозяйства размером в 1 гектар.

<sup>22</sup> Андреев В. Н. Указ. соч. С. 125–126.

<sup>23</sup> Там же. С. 122, 142 и др.

<sup>24</sup> Древняя Греция. М., 1956. С. 250. Вопрос о количестве рабов, занятых на Лаврионских рудниках в IV в. до н. э., подробно исследуется С. Лауфером (*Lauffer S. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Weisbaden, 1955–1956*). См. рецензию на эту работу Л. М. Глускиной (ВДИ. 1959. № 3). С. Лауфер считает, что на Лаврионских рудниках в IV в. до н. э., в период наивысшей их активности, работало около 35 тыс. рабов.

землевладельцам, 5 тыс. наемных рабочих. Раб ежедневно потребляет продукты стоимостью около 1 обола. Конечно, труд его приносил доход государству еще не менее 0,5 обола. Если это выразить в стоимости добытого серебра, то получится, что ежедневно один раб добывает руды на 2,5 об. серебра. Один наемный рабочий ежедневно получает 1 драхму на свое содержание и, конечно, приносит доход государству, допустим, не менее 1 об., то есть ежедневно добывает 7 об. серебра. Общее количество серебра, ежегодно добываемого на Лаврионских рудниках, следовательно, может быть таким: 15 тыс. рабов  $\times$  2,5 об./день  $\times$  360 дней<sup>25</sup> = 375 талантам; 5 тыс. наемных рабочих  $\times$  7 об./день  $\times$  360 дней = 350  $\times$  36 тыс. об. = 350 талантам. Иначе говоря, за год добывается  $375 + 350 = 725$  талантов серебра.

На основе других данных и аналогичных подсчетов были уточнены размеры участков земли у представителей различных слоев населения, цены на некоторые товары, численность войска, ежегодные военные расходы, ежегодное состояние государственной казны.

Приведенные выше примеры можно назвать примерами «статического системного анализа» числовой информации. Они поясняют, каким образом готовился «исходный» числовой материал, с которого начались имитационные эксперименты. В ходе последних многие величины (военные расходы, численность войска из каждого слоя населения, степень ухудшения обработки земли, численность рабов у каждого слоя населения и т.д.) подвергались коррекции так, чтобы в результате возникла непротиворечивая картина Течения процесса на протяжении всего анализируемого периода времени. Таким образом, имитационный эксперимент дает возможность выполнить «динамический системный анализ» исторической информации. Конечно, если бы историки располагали более широким объемом точных данных, чем было в описываемом опыте, то с помощью модели, экспериментальных расчетов модели на ЭВМ можно было бы расширить информацию (числовой материал) о процессе, получить значительно более точные значения параметров, известных в данном случае неточно или вообще неизвестных.

В модели земледельческие слои населения, возделывая землю, получают сельскохозяйственные продукты, часть которых используют для личного потребления. В модели каждый полис имеет свой рынок, на котором вступают в сделки все слои населения. Учтены расходы соответствующего слоя населения на уплату пошлин трех видов: за вывоз товаров, за ввоз товаров, за право продажи на рынке. Все слои населения могут изменять свое предложение товаров и спрос на них, число нанимаемых рабочих. В модели учитывается ежегодное изменение цен на данный вид товара в каждом полисе в зависимости от колебаний спроса и предложения на него. Каждый слой населения платит систему налогов. Учтены чеканка монет, судебные сборы, оплата государственных должностей, дань союзных государств, строительство крупных государственных сооружений. Государство имеет возможность экспортировать и импортировать товары. Ведется подсчет количества ввозимых и вывозимых товаров.

Анализ расчета мирного периода (436–432 г. до н. э.) показал, что во всех пяти полисах у всех слоев населения происходит процесс увеличения запасов товаров, денег. В Афинах разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров равна 750 талантам серебра. На Лаврионских рудниках ежегодно добывается 725 талантов серебра. Ежегодная дань союзных государств, форос, в эти годы равен

<sup>25</sup> В Риме II в. до н. э.— I в. н. э. в сельском хозяйстве рабы не имели выходных и праздничных дней.

600 талантам. Таким образом, количество серебра и ценностей (золотых украшений и т.д.) в Афинском государстве ежегодно увеличивается на  $725 + 750 + 600 = 2075$  талантов. Ежегодно ввозится 800 тыс. медимнов зерна стоимостью в 266 талантов (800 тыс. X 12 об.), 45 тыс. кг шерсти стоимостью в 25 талантов (45 тыс. X 20 об.), вывозятся вино, оливковое масло, текстильные изделия, предметы обихода, роскоши общей стоимостью свыше 1 тыс. талантов. Подсчеты по модели доходов и расходов Афинского государства показывают, что ежегодно в казне Афинского полиса остается свыше 500 талантов в запасе.

В Фивах разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров равна 275 талантам. Полис обеспечивает себя сельскохозяйственными продуктами и ремесленными изделиями. Из него вывозится 250 тыс. медимнов зерна, 2000 тыс. л вина, 325 тыс. л масла, 155 тыс. кг мяса, 116 тыс. кг шерсти.

В военное время организуется войско четырех видов: всадники, тяжеловооруженные, легковооруженные, матросы. В модели учитываются расходы государства на постройку кораблей. Если в данный год подверглась захвату некоторая площадь обрабатываемой земли, то люди покидают эти земли и не собирают урожай в этот год. В модели учитываются степень внезапности нападения, военная добыча, степень разрушения садов и виноградников. Та часть людей, сады и виноградники которых не сильно пострадали и были восстановлены на будущий год, причисляется к своему слою, другая же часть относится при расчетах к слоям с частично восстановленным хозяйством.

Счет первых пяти лет войны (431–427 г. до н. э.) показал, что хозяйству Спарты в целом не был нанесен серьезный ущерб. Правда, внезапные набеги афинян на побережье Спарты причиняют большой урон населению, проживающему там, но площади разрушения и число людей, живущих на этой территории, незначительны. Территория Фив и Коринфа не подвергалась разрушительному нападению врага. Поскольку в Фивах войско не оплачивается, то государство не несет больших военных расходов. Мобилизация же гоплитов наносит ущерб их хозяйству. Население испытывает недостаток в ремесленных изделиях, так как сокращены некоторые отрасли ремесленного производства в связи с усилением активности мастерских, обслуживающих военные нужды. Однако при слабом развитии ремесла это не играло заметной роли в общей ситуации.

В Коринфе войско оплачивается, поэтому из государственной казны ежегодно расходуются значительные суммы. Ремесленное производство переживает спад, так как часть ремесленников мобилизуется в войско. Сокращение ремесленного производства сказывается главным образом на уменьшении экспорта ремесленных изделий. Сами ремесленники живут на деньги, получаемые за несение воинской службы, и не испытывают материального недостатка. Государство покрывает военные расходы за счет своих доходов: торговых пошлин и налогов с богатых слоев населения. Однако жители Коринфа, особенно в первые годы Пелопоннесской войны, принимали лишь небольшое участие в объединенной армии противников Афин. Коринф главным образом финансировал пелопоннессцев. Его финансовое благополучие оказывалось стабильным. Лишь активизация афинской политики на западе Греции после 427 г. стала представлять серьезную угрозу положению Коринфа, и ему пришлось подталкивать Спарту к более решительным действиям. Не исключено, что организация похода Брасида на Халкидику — дело рук Коринфа. Во всяком случае, социально-экономическое положение Коринфа в первое пятилетие войны было довольно стабильным.

Совсем другое происходит в Аттике. Половина площади обрабатываемых земель подверглась здесь опустошению. Владельцам этих земель нанесен большой ущерб.

Они живут за счет запасов продуктов и денег, а также за счет средств, получаемых из государственной казны за несение воинской службы. Наблюдается увеличение импорта сельскохозяйственной продукции и сокращение экспорта ремесленных изделий. Афинское государство содержит большое войско и флот, поэтому военные расходы его огромны. За первые пять лет войны государственная казна, самая богатая в Греции, значительно опустела.

В начале войны в афинской государственной казне было 9500, в 428 г. — 4300, а к концу пятого года войны — только 3500 талантов. Военные расходы Афинского государства ежегодно составляли не менее 2200–2300 талантов. Основная часть военных расходов (около 2 тыс. талантов) идет на содержание армии. Служащие в ней не испытывали недостатка в деньгах. Наоборот, у бедных слоев доходы в военное время были выше, чем в мирное. Разность между стоимостью импортируемых и экспортируемых товаров составляет 600–700 талантов, то есть ежегодно через рынок из государства уходит 600–700 талантов серебра, тогда как в мирное время населению через рынок поступает 750 талантов. Афиняне, видимо, не ожидали столь быстрого истощения своих обильных денежных средств, которые в начале войны казались Периклу почти неисчерпаемыми. Поэтому к началу 427 г. они вынуждены изменить политику ведения войны.

Сторонники афинской олигархии — крупные землевладельцы, поддерживаемые афинским крестьянством, предлагали заключить мир и тем самым стабилизировать военное и финансовое положение, и это действительно было реальным выходом из того тупика, в котором оказались Афины. В мирных условиях можно было за несколько лет накопить новые средства и поправить финансовые дела государства. Ремесленное население во главе с владельцем крупной кожевенной мастерской Клеоном предлагало ликвидировать финансовые трудности путем увеличения фороса с союзников, литургий (государственные повинности), введения прямого военного сбора с граждан, главным образом богатых, и активизировать военные действия против Спарты и Коринфа. В 427 г. предложение группы Клеона было принято. Форос с союзников был повышен до 1300 талантов, введена эйсфора (прямой налог на граждан) в 200 талантов, возможно, повышены литургии. Активизировалась афинская военная политика. Эти чрезвычайные меры на некоторое время поправили финансовое положение Афин, привели к ряду военных успехов.

Построение математической модели позволяет более конкретно представить реальный ход исторического процесса, в данном случае Пелопоннесской войны, положение воюющих сторон, поведение союзников и политических группировок. Хотя в основных чертах все эти события известны, но, тем не менее, модель позволяет сделать это знание значительно более конкретным, точным. Например, из описания Фукидида известно, что главным зачинщиком войны с пелопоннесской стороны был Коринф, представители которого всячески подталкивали Спарту на военное выступление. Мало того, коринфяне даже грозили выходом из Пелопоннесского союза и присоединением к Афинскому союзу, если спартанцы не откроют военных действий (Тусс. I. 68–71). Но лишь математическая модель может проиллюстрировать реальность и конкретность этого требования Коринфа.

Коринф — значительный торгово-ремесленный центр Греции. В руках крупных и средних ремесленников здесь сконцентрированы большие денежные ресурсы. Полис импортирует 1260 тыс. медимнов зерна стоимостью в 420 талантов, 870 тыс. кг мяса стоимостью в 72,5 таланта, 480 тыс. кг шерсти стоимостью в 267 талантов. Полис обеспечен своим зерном на 15%, мясом — на 30%, шерстью — на 25%. Разность между стоимостью экспортируемых и импортируемых товаров составляет 2700 та-



лантов. Отсюда ясно, что торговля — жизненная необходимость для полиса, и блокада Коринфа с моря грозит его населению голодом. Действительно, такую массу продуктов соседние полисы не в состоянии предложить Коринфу. Если, например, предположить, что Спарта не начинает Пелопоннесскую войну и оставляет Коринф в одиночестве, то нетрудно спрогнозировать вступление его (добровольно или принудительно) в состав Афинского морского союза. Слияние же флота и финансов этих полисов привело бы к установлению полного господства Афин в Греции. Организация же Коринфом блока с другими членами Пелопоннесского союза (без Спарты) способствовала бы конфликту между Спартой и другими членами Пелопоннесского союза. Это также грозило гибелью Спарте. Расчеты подтверждают, что объявление Спартой войны Афинам было необходимостью.

Или другой пример. Хорошо известно, что от пелопоннесских вторжений прежде всего пострадало сельское население Аттики, включая крестьян и владельцев крупных и средних рабовладельческих хозяйств, которые составляли питательную среду для олигархических группировок, настаивавших на мире со Спартой. Однако построение математической модели и расчет понесенных потерь показали, насколько пострадали эти слои и, следовательно, сколь сильны были мирные настроения в Аттике. В хозяйствах, подвергшихся нападению врага, не производились вино и масло. Известно, что виноградники могут быть восстановлены лишь через три-четыре года, а масляные рощи — через 12–15 лет после разрушения. В результате Афины из государства, экспортирующего вино и масло, превратились в государство, их импортирующее, что видно из таблицы (См. Таблицу 1).

Ущерб, нанесенный одному хозяйству крупного землевладельца, составляет 30 тыс. об. в год, среднего землевладельца — 15 тыс. об., зевгита — 4 тыс. об., мелкого землевладельца — 2 тыс. обол. Расчеты по модели с учетом изложенных выше обстоятельств, то есть степени разрушения садов и виноградников и функционирования слоев с частично восстановленным хозяйством, показывают, что эти хозяйства дают 10% довоенной продукции.

Невозможно описать здесь все особенности построенной имитационной модели, указать на те важные и существенные уточнения, которые она вносит. Поскольку эта модель — одна из первых, за ее основной задачей было не столько открытие каких-либо новых существенных сторон хода Пелопоннесской войны, сколько отработка методики построения модели: отбор и уточнение методики вычисления параметров, реконструкция, перепроверка и оценка значений случайных цифр, сохранившихся в источниках, математическая обработка параметров, приспособление их к языку машины данного типа, устранение противоречий и создание непротиворечивой реальному ходу войны математической картины. Попутно были, разумеется, получены и некоторые новые выводы, которые могут стать предметом научного размышления. Так, расчет первых пяти лет войны показал, что в Афинах должен был происходить рост цен. Об этом очень глухо и в самой общей форме упоминается в литературе, хотя данный факт сам по себе довольно важен. Модель не только подтвердила его, но и показала (конечно, гипотетически) возможные темпы этого роста. Общая стоимость всех необходимых в год одному человеку товаров возросла, согласно расчетам, на 20% (90 обол). В военное время в первую очередь растут цены на дефицитные товары первой необходимости — на хлеб и масло. Цены на зерно, согласно расчетам, возросли вдвое — с 12 обол за 1 медимн до 24 обол, на масло — с 6 обол за 1 л до 9 обол (то есть на 50%).

Таким образом, выполненные на ЭВМ имитационные эксперименты позволили: реконструировать, уточнить и перепроверить в связи с другими параметрами

числовой материал исследуемого исторического процесса, определить объем информации, который необходим для построения имитационной модели и просчета ее на ЭВМ; уточнить смысл и значение факторов и событий в ходе развития исторического процесса; прогнозировать события экономического характера и, оперируя социально-экономическими соотношениями, глубже и конкретнее понять политические решения. В целом построение таких моделей открывает новые горизонты перед историками. На самом деле, представить конкретно в цифровой системе основных параметров положение воюющих сторон год за годом — это мечта любого исследователя, и если это можно сделать (пусть с пропусками), то, значит, мы получаем в свое распоряжение новый инструмент познания.

Таблица 1

	Зерно (мел.)	Вино (л)	Масло (л)	Мясо (кг)	Шерсть (кг)	Предметы обихода	Текстильные изделия	Предметы роскоши	Рабы
Экспорт (тыс.)	0	0	0	0	0	40	40	20	0
Импорт (тыс.)	880	15000	500	300	300	0	0	0	5,4

### Две модели античного поместья: Первичные опыты экономического моделирования\*

Вряд ли можно представить себе состояние и движение экономики XX века без прогнозирования, построения и самого широкого применения моделирования в самых различных областях. Данное обстоятельство отражает сложность современных экономических процессов, разнообразие многих факторов, влияющих на ее развитие, наконец, зрелость современной экономической теории и научных технологий в целом. И далеко не случайным является сам факт необходимости всестороннего экономического моделирования именно в конце XX века, когда экономические процессы приобрели глобальный, исключительно сложный и противоречивый характер. Хотя первые опыты экономического моделирования относятся еще к XVIII веку, т.е. к начальному этапу развития экономики капиталистического типа.

Для более ранних эпох, таких как феодальная или античная эпохи, казалось бы, нет оснований говорить о применении метода экономического моделирования к хозяйственным процессам в силу их примитивизма и господства традиционных технологий. Однако такое довольно распространенное мнение нуждается если не в переосмотре, то хотя бы в серьезной корректировке. Степень развития античной экономики и зрелости экономической мысли в античности оказалась достаточно высокой, чтобы начать сложную рефлексию по поводу построения, по крайней мере, некоторых моделей. Создание таких пусть примитивных моделей ряда экономических процессов

\* Первая публикация: Экономическая история. Обзорение 1999. М., 1999. С. 319–332.

как абстрактной конструкции оптимального экономического образца было не только игрой чистой экономической мысли, но отражало существенные стороны реальной действительности может быть более точно, чем конкретные экономические факты. С нашей точки зрения можно говорить о применении первых элементов экономического моделирования применительно к решающей отрасли античного производства — сельскому хозяйству. Причем объектом такого моделирования стала одна из основных производственных и социальных ячеек античного общества, а именно, поместного хозяйства, связанного с рынком. А методом построения такой модели стала разработка наиболее оптимального, наиболее рационального с точки зрения современников, так сказать, идеального, т.е. не существующего в реальной действительности образца.

В распоряжении исследователя имеется несколько примеров таких идеальных образцов сельских поместий античной эпохи, а именно, поместье афинского землевладельца Исхомаха, описанного Ксенофонтом (IV в. до н. э.), и сельская вила римского аристократа Катона Старшего (II в. до н. э.) как она представлена в его трактате «О земледелии».

Поместье афинянина Исхомаха как первичная модель основной производственной ячейки в Греции IV в. до н. э., как идеальное домохозяйство стало предметом специального трактата «Домострой» (или «Экономик») <sup>26</sup>, который довольно часто переводят как Экономика), принадлежащего афинянину Ксенофону (430–354 гг. до н. э.). Ксенофонт — представитель довольно знатной афинской семьи (видимо, принадлежал к солоновскому классу всадников), получил хорошее образование, был одним из прилежных учеников Сократа, придерживался консервативных взглядов. Изгнанный из демократических Афин за свои проспартанские убеждения, Ксенофонт около полутора десятков лет скитался по Малой Азии и Греции в качестве наемника, в частности, служил в армии персидского царевича Кира Младшего, у фракийских династий, на рубеже 390–380 гг. перебрался в Спарту. За большие заслуги перед Спартой ему было пожаловано поместье в местечке Скиллунте около Олимпии, где он провел 16 лет, занимаясь сельским хозяйством, охотой, литературным трудом.

Таким образом, Ксенофонт хорошо знал хозяйственный опыт не только Аттики, откуда он был родом, или Спарты и Элиды, где он прожил около двух десятков, но также Малой Азии и Фракии. Неудивительно, что именно ему принадлежит первая попытка обобщить и свой собственный и общегреческий опыт, и попробовать дать описание наиболее выгодного, оптимального образца домохозяйства, построить его некоторую модель. Эта модель составляется через описание домохозяйства вымышленного образа образцового афинского гражданина и хозяина — некоего Исхомаха, определяемого как калос кагатос, т.е. совершенного во всех отношениях человека.

Что же собой представляет это идеальное домохозяйство или ойкос <sup>27</sup>. Ойкос Исхомаха структурно состоит из двух органических частей — большого дома в горо-

<sup>26</sup> Из специальных исследований относительно домохозяйства-ойкоса Исхомаха укажем Carlo Natali. *Senofonte. L'amministrazione della casa (Economica)*. Venice, 1988. Но особенно работу Fabrizio Pesandro. *Oikos ed ktesios. La casa greca in eta classica*. Perugia, 1987., где данные об ойкосе Исхомаха исследуются на фоне всего материала греческих полисов IV века, включая результаты раскопок далекого Херсонеса Таврического. Ф. Пезандро восстанавливает план городского дома-усадыбы Исхомаха. См.: *Op. Cit.* P. 88–92.

<sup>27</sup> «Экономика» Ксенофонта была объектом исследований многих специалистов. Их результаты обобщены в недавней работе Сары Померой, представляющей исчерпывающий социально-экономический комментарий и перевод на английский язык «Экономики» Ксенофонта. См.: *Xenophon's Oeconomicos. A social and historical Commentary*. Oxf., 1994. 378 p.

де Афинах и сельского владения в окрестностях города. И городской дом, и сельское поместье Исхомаха обширные и богатые, они обслуживаются рабочим контингентом, превышающим десяток человек. Это не крестьянский участок и небольшой дом мелкого земледельца, это крупное домохозяйство другого типа. Вот описание городского дома Исхомаха. В доме нет лепных украшений, но есть множество помещений и комнат для хранения продукции, жизни и труда хозяев и работников. Спальня расположена в безопасном месте с дорогими покрывалами и необходимыми вещами, хранилища для хлеба устраиваются в сухих частях дома, вино хранится в прохладных помещениях, светлые комнаты предназначены для проведения домашних работ, т.е. являются рабочими мастерскими. Жилые комнаты должны быть расположены таким образом, чтобы они летом были прохладны, а зимой теплы. Женская половина дома отделена от мужской дверью с засовом, чтобы рабы мужчины не общались в любое время с рабынями женщинами и не могли выносить из дома или потреблять хранящиеся там припасы. В доме хранятся предметы необходимые для жертвоприношений, женские праздничные наряды, мужская одежда для праздников и военного похода, покрывала в женской половине дома, постельные принадлежности для работников-мужчин, обувь женская и обувь мужская, оружие, инструменты для пряжи шерсти, для печения хлеба, посуда для приготовления пищи, парадная столовая посуда, принадлежности для мытья. В разных помещениях дома хранятся запасы, заготовленные на год, отдельно на месяц, отдельно расходующиеся ежедневно (Хеп. Оес. IX. 2–10). То есть, городской дом Исхомаха представляется как полная чаша, здесь заготовлены и хранятся запасы на целый год, в течение которого обеспечивается повседневная жизнь, включая будни и праздники. И всем этим внушительным оборудованием и запасами распоряжается супруга домохозяина, которой помогает экономка-рабыня, а в их подчинении находится некоторый штат рабынь в количестве не менее 4–7 человек.

Если супруга является полновластной распорядительницей в городском доме, то сам собственник руководит всеми делами хозяйства вне стен городского дома и, прежде всего, организует работу в сельском владении. Вот как описывает сам Исхомах свои обязанности: «Так вот, Сократ, отвечал Исхомах, встать с постели я привык в такой час, когда могу еще застать дома, кого мне нужно повидать. Если у меня есть такое дело в городе, то исполнение его служит мне прогулкой, а если у меня в городе нет никакой надобности, то слуга мой отводит лошадь вперед меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню — это, пожалуй, полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в деревню, сажают ли там у меня, или сеют, или подвозят хлеб, я смотрю, как идут работы, и приказываю работать по-иному, если знаю какой лучший способ. После этого я большей частью сажусь на лошадь и провожу верховые упражнения, возможно более похожие на те, что нужны на войне. По окончании этого слуга, дав лошади выкататься в песке, ведет ее домой, а вместе с тем несет из усадьбы в город что нам нужно, а я то шагом, то бегом возвращаюсь домой и чищу себя скребницей, потом завтракаю и ем столько, чтобы весь день быть ни голодным, ни сытым» (Хеп. Оес. XI. 14–18). Иначе говоря, все утренние занятия господина занимают время порядка 4–5 часов.

Как видно из этого рассказа Исхомаха, в сельском поместье у него имеются какие-то строения, в которых господин останавливается в утренние часы и откуда он осуществляет наблюдения за работами, но он совершенно умалчивает об устройстве или архитектуре этих сельских строений, в отличие, например, от писателей, основное внимание которых сосредоточено именно на описании сельской усадьбы. Как известно, усилиями сотрудников Американской школы классических исследований и Британской школы в Афинах (И. Янга, Дж. Джоунса, Е. Томсона и др.) удалось

нащупать и провести разведочные раскопки некоторых сельских усадеб в Аттике<sup>28</sup>. Тем не менее, лучшие результаты по исследованию сельских усадеб IV–III вв. до н. э. были получены после раскопок гераклейских усадеб в окрестностях Херсонеса Таврического в Крыму, и в этом их большое научное значение<sup>29</sup>. Изучение остатков гераклейских усадеб позволяет довольно полно дополнить рассказ Исхомаха о структуре греческого дома-ойкоса именно в той ее части, где Исхомах-Ксенофонт прерывает свое повествование. Исследование херсонесского материала показывает, что сельская усадьба представляла собой вполне определенное специализированное сооружение, включающее несколько (до полутора-двух десятков) помещений, размещенных вокруг хозяйственного двора и представляющих главным образом хранилища для сельскохозяйственной продукции и инвентаря. На этих усадьбах с трудом локализируются жилые помещения и пока не обнаружено даже следов господских помещений, предполагающих известный комфорт жизни (мощный пол, оштукатуренные стены и фрески, банные помещения и т.п.), чем эти усадьбы отличаются от сельских вилл в Италии, например, от раскопанных в окрестностях Помпей. Отмеченные особенности аттических сельских строений или предполагаемых деревенских помещений Исхомаха преимущественно как складских и чисто производственных, лишь дополняющих расположенный неподалеку городской дом господина, где сосредоточена жилая и потребляющая часть домохозяйства, объясняет со всей очевидностью, почему столь подробный Ксенофонт неожиданно прерывает свое повествование, когда заходит речь о сельских строениях.

Еще более показательна бедность и структурная аморфность раскопанных в Аттике сельскохозяйственных построек, определяемых обычно как сельские дома, но они вряд ли могли быть рассчитаны на проживание, даже временное, более или менее зажиточных землевладельцев. Вместе с тем, исследование городских домов в тех же Афинах, но особенно в халкидском Олинфе и Херсонесе Таврическом, показали, что по существу эти городские дома зажиточных горожан средними размерами около 500–800 кв. м. представляют собой обширные усадьбы, в которых хранится и перерабатывается продукция сельских владений, живут хозяева, работают рабы<sup>30</sup>. Иначе говоря, пространственно-территориальная организация идеального хозяйства Исхомаха отражает реальный опыт и является их некоторой моделью.

Какова площадь идеального имения Исхомаха как некоего обобщения реальных и конечно очень различных по своим размерам афинских поместий. Прямого ответа на этот вопрос в трактате Ксенофонта нет, но по многим косвенным данным можно заключить, что общая площадь сельского владения Исхомаха составляла величину порядка 20–25 га. Как известно в Аттике никогда не было латифундий и обычные размеры крупного землевладения для Аттики, да и большинства греческих полисов колебались в пределах 15–30 га<sup>31</sup>. Что касается размеров городского дома—усадьбы, то, как уже упоминалось выше, они обычно колебались в пределах 400–800 кв. м.

<sup>28</sup> *Pesandro F.* Op. cit. Cap. IV. Le testimonianze archeologiche. Il problema del modello. P. 95–122.

<sup>29</sup> *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961; *Pecirca J.* Country Estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea in *Ricerche storiche ed economiche in memoria di Corrado Barbagallo*. Vol. I. Napoli, 1970. P. 459–477; *Saprykin S.* Ancient Farms and Landplots on the Khora of Chersonesos Tauricos. Amsterdam, 1994.

<sup>30</sup> См. сравнительные таблицы с планами городских домов и сельских усадеб из разных мест Греции V—IV вв. до н. э. у *Pesandro F.* Op. cit. P. 95–119.

<sup>31</sup> *Андреев В. Н.* Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э. // *Античная Греция. Становление и развитие полиса*. Т. 1. М., 1983. С. 266–272.

Судя по реконструкции плана дома Исхомаха, сделанной Ф. Пезандро, городская усадьба Исхомаха достигала размеров 800 кв. м.

Другим важным блоком моделирования крупных греческих домохозяйств — ойкосов был расчет и организация рабочей силы (определение ее характера — использование рабов или батраков, централизованная обработка или сдача земли в аренду). Этому вопросу в трактате Ксенофонта уделено повышенное внимание и на него даны четкие недвусмысленные ответы. Домохозяйство, состоящее из двух органических половин, т.е. городской усадьбы и сельского владения, рассматриваются как единое производство, организованное и руководимое из единого центра, т.е. самого собственника. О сдаче каких-либо земельных участков или отдельных видов работ в аренду ничего не говорится.

Основными работниками и в городском доме и в сельском поместье совершенно определенно выступают покупные рабы. О батраках или поденщиках упоминаний нет. Рабский контингент рационально организован. Его высшим распорядителем выступает сам господин-хозяин. А над женским составом его супруга. Но ни господин, ни его жена не могут обеспечить постоянного ежечасного надзора за рабами. Поэтому предусмотрены двое помощников хозяев-господ — управляющий (эпистат) в качестве помощника господина и экономка как помощница госпожи. Целых две большие главы трактата Ксенофонта (12 и 13) посвящены описанию качеств идеального управляющего и экономки, их подбору и обучению, что говорит об их рабском статусе. Хозяин может совершенно спокойно заниматься всеми другими, в том числе общественными делами, если у него работает хороший управляющий. Очень обстоятельно описывает Ксенофонт правила обращения с рядовыми работниками, чтобы они с максимальной отдачей трудились на хозяина. Следует отметить, что Ксенофонт считает необходимым для хорошей работы не столько наказывать работников, сколько поощрять их. Однако при всей подробности изложения этого вопроса, Ксенофонт не считает возможным говорить о выделении из общего состава своего рабского контингента его так сказать сельской части, т.е. той части, которую римляне четко (с оформлением в правовых документах) обозначали термином сельская фамилия (*familia rustica*). Ксенофонт упоминает женскую и мужскую половины своего городского дома, рассуждает довольно пространно о сельскохозяйственных работах рабов-мужчин, но не больше. Как уже сказано выше, автор умалчивает о деталях устройства своей сельской усадьбы и быте своих сельских рабов. Приведенные выше данные показали, что жилая часть сельских усадеб выражена очень слабо. Скорее всего, эти данные говорят о том, что сельская фамилия (*familia rustica*) организационно не выделилась в качестве постоянной части всего рабского контингента общего домохозяйства. Видимо большая часть рабов размещалась в городском доме господина и отсюда переправлялась в сельскую усадьбу, причем в период срочных весенних или осенних работ могла находиться на усадьбе в течение всего лета и части осени. В остальные периоды годового цикла большая часть занятых на сельских работах рабов опять переправлялась в городской дом, хотя конечно небольшая часть рабов могла оставаться в усадьбе в качестве сторожей-хранителей, вспомогательных работников. Иначе говоря, не оформился еще тот определенный контингент рабов, который постоянно жил и работал на сельской вилле круглый год, и организационно выделился из той части, которая обслуживала городской дом и составляла собственно *familia urbana*.

Невыделенность *familia rustica* из общего рабского контингента, постоянный, так сказать, обмен между сельскими работниками и рабами, обслуживающими городской дом, т.е. собственно слугами, не мог способствовать особой специализации среди сельских работников и появлению, например, специалистов — виноградарей,

оливководов, маслоделов и др., о чем так много говорят римские сельскохозяйственные писатели и о чем хранит красноречивое молчание столь обстоятельный в других вопросах Ксенофонт. Росту и закреплению специализации не позволяла сложившаяся структура греческого ойкоса-домохозяйства.

Хозяйство Исхомаха было смоделировано Ксенофонтом как наиболее доходное производство для своего времени. Однако о самом производственном процессе, о механизме способа получения дохода как раз говорится мимоходом, вскользь. При всей подробности описания других аспектов хозяйства, особенно организации рабочей силы, автора слабо интересует тот или иной способ обработки почвы, внесение удобрений, количество семян, соотношение отраслей (хлебопашество, виноградарство, маслиноводство и т.д.), получаемая доходность, затратность каждой из отраслей, удобство вывоза, рыночная конъюнктура. Более того, Исхомах даже не видит здесь какой-либо проблемы. Для него сам сельскохозяйственный процесс занятия земледелием как таковым — это несложное производство, которому собственно и нечего учиться: «Нет, Сократ, — сказал Исхомах, — земледелию не так трудно научиться, как другим профессиям, при изучении которых ученик дойдет до изнеможения раньше, чем будет зарабатывать на хлеб. Нет, стоит тебе посмотреть, как работают, а отчасти даже только послушать об этом, и ты сейчас же поймешь настолько, что сможешь даже учить других, если захочешь. Да, я думаю, что ты много понимаешь в земледелии, сам того не замечая» (Оес. XV. 10). Неудивительно, что всего 4 главы из 20 посвящены описанию собственно производственного процесса, которые излагают самые элементарные сведения, известные каждому, вроде совета хорошо пахать, копать глубокие ямы, а осенью срезать виноградные грозди и убирать в хранилища зерно. Ксенофонт рассматривает технологию своей модели как традиционную, восходящую к нехитрому и устоявшемуся опыту мелкокрестьянских хозяйств.

Насколько можно понять из рассказа Исхомаха, весь годовой урожай собирался, перерабатывался и потреблялся в самом домохозяйстве. Доходность с поместья понималась как обеспечение достойной сытой жизни всех членов данного домохозяйства. Вместе с тем, Исхомах говорит о том, что он как богатый и уважаемый человек несет расходы вне хозяйства, т.е. располагает излишками продукции и средств, получаемых в поместье. Исхомах перечисляет эти расходы — жертвоприношение богам, помощь друзьям в беде, исполнение положенных на богатых граждан литургий (т.е. хорегия, триерархия, гимнасиархия и др.) (Оес. XI. 9). Исхомаху приходится покупать рабов, инвентарь, необходимое снаряжение, которое он со всей подробностью перечисляет. Иначе говоря, хозяйство Исхомаха по необходимости связано с рыночным оборотом. Однако проблема товарных связей, товарности Исхомаха не интересует. Товарные связи конечно неременная часть хозяйства, но весьма второстепенная часть. Опять-таки, здесь проявляется прочная крестьянская традиция, которая предполагает, конечно, эпизодические контакты с рынком, выходы на рынок и получение звонкой монеты, но главный интерес все-таки лежал в самообеспечении и автаркии хозяйства. Какого-либо влияния на структуру хозяйства, соотношение отраслей, производительность труда, качество продукции эти эпизодические связи не оказывали. Насколько нам известна реальная ситуация в Греции IV в. до н. э., товарные связи сельских поместий с городским рынком были довольно прочными и интенсивными, а торговля сельскими товарами на городских рынках была оживленной (об этом постоянно говорит Аристофан в своих комедиях, например, в «Ахарнях»). Однако в идеальной модели поместья, описанного Ксенофонтом, эта сторона экономической деятельности отодвинута на второй план — повышение товарности хозяйства, интенсификация товарооборота рассматривается как некое отклонение от принятого идеального со-

стояния. Занятия земледелием, ведение поместного хозяйства в идеальном варианте — это не столько производственный процесс получения прибыли, роста доходности, предполагающий сложные расчеты, наблюдения за меняющейся рыночной конъюнктурой, необходимость и целесообразность инвестиций, сколько приятное занятие, тренирующее физическую силу, сохраняющее здоровье, воспитывающее благочестие и добродетель. «Как видно, занятие земледелием — это вместе с тем и какое-то удовольствие, и обогащение, и телесные упражнения, дающие организму силу для исполнения всякого труда приличному свободному человеку» (Оес. V. 1).

Марк Порций Катон Старший один из крупнейших политических деятелей конца III — первой половины II в. до н. э. Выйдя из семьи зажиточных крестьян, собственными руками обрабатывающий свой небольшой земельный надел, Катон уже в начале II в. до н. э. превратился не только в крупного и самобытного политика, прошедшего всю лестницу римских магистратур, но стал богатым человеком, крупным землевладельцем, собственником нескольких поместий. Он хорошо знал италийский опыт ведения сельского хозяйства, был знаком с практикой земледелия Балканской Греции и Испании, где он управлял провинциями, но, прежде всего, сам был рачительным и внимательным хозяином своих собственных поместий. Суммируя свои обширные познания в организации хозяйства и технологии земледелия, Катон в начале II в. до н. э. написал специальный трактат «О земледелии», кстати — первое прозаическое произведение на латинском языке, являясь и в области римской литературы, так сказать, первопроходцем. Этот первый специальный трактат о земледелии в римской литературе оказался настолько информативным и точным, что постоянно использовался италийскими землевладельцами и сельскохозяйственными специалистами в течение последующих трех столетий. Рекомендации Катона были весьма авторитетны для таких метров италийской агрономии, как Колумелла и Плиний Старший, живших в середине I в. н. э.<sup>32</sup>

И уже в этом первом римском трактате о земледелии Катон, наряду с самым тщательным анализом текущей реальной сельскохозяйственной ситуацией II в. до н. э., описывает модель наилучшего идеального хозяйства, которая по его понятиям отличается от реальных поместий своей наивысшей рациональностью. Как можно увидеть, эта модель самым существенным образом отличается от греческой модели, описанной Ксенофонтom.

Эти отличия прослеживаются по нескольким направлениям и, прежде всего, в самой структуре поместного хозяйства как такового. Если домохозяйство Исхомаха — это неразрывное единство городского дома, выполняющего роль усадьбы, и сельского владения как совокупности сельскохозяйственных угодий, то для Катона городской дом существует сам по себе как автономная единица, а поместье само по себе как другая автономная хозяйственная единица. Поместье Катона — это комплекс угодий (зернового поля, виноградника, оливковой плантации и др.) и построенной среди угодий солидной усадьбы-виллы со складскими и производственными помещени-

<sup>32</sup> Литература о Катоне и его «Земледелии» необъятна. Отметим лишь некоторые работы, имеющие прямое отношение к исследуемой проблеме: *Gummerus H.* Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, *Varro und Columella*. Lpz., 1906; *Dohr I.* Die italische Gutshofe nach den Schriften Catos und Varros. Köln, 1965; *Martin R.* Recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales. P., 1971; *White K. D.* Roman agricultural Writers (Varro and his Predecessors) // *Aufstieg und Niedergang der römischen welt*. Berl.—N.Y., 1973. P. 439–497; *Tielscher P.* Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft. Berl., 1963; *Сергеевко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.—Л., 1958; *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973.



ми, жилыми комнатами для постоянного контингента работников-рабов, обширной кухней и большой печью. Здесь же находятся господские апартаменты со спальнями, стены которых украшены мозаиками и фресками, с комплексом банных помещений и другими комнатами, обеспечивающие хозяину и его семье определенный комфорт. «Господские апартаменты в имении, — писал Катон, — строй по средствам. Если ты в хорошем имении хорошо построишься, хорошо поставишь дом, если тебе в деревне будет житься ладно, то ты охотнее и чаще будешь приезжать, с имением пойдет лучше, меньше будет неполадок и доходу ты получишь больше» (Cat. 4)<sup>33</sup>. Иначе говоря, катоновское поместье в производственном отношении независимо от городского дома господина. В таком поместье хозяин может жить круглый год и руководить своим хозяйством, что видимо и делали многие римские землевладельцы. Например, тот же Колумелла писал: «Кто купил себе имение, пусть продает дом, чтобы не предпочесть городского жилья деревенскому; кому городское обиталище больше по сердцу, тому деревенское имение не нужно» (Col. I. 18). Хозяин афинского поместья Исхомах этого сделать не мог. Римские архитекторы разработали особый архитектурный тип сельской усадьбы — виллы, в которой предусмотрены все необходимые части для производственного процесса (*villa rustica*) и достаточно комфортные апартаменты для хозяина и его семьи. К настоящему времени открыты и исследованы многие сотни римских сельских вилл, в то время как греческие сельские строения такого типа нам известны буквально в немногих экземплярах<sup>34</sup>.

С точки зрения организации сельскохозяйственного производства, вилла римского типа, включающая господские апартаменты и сбалансированную, специально ориентированную хозяйственную часть, лучше обеспечивала рентабельное доходное производство. Не городской дом, а деревенская вилла становилась реальным центром сельскохозяйственного производства как такового. Поскольку поместье с виллой в центре становится автономной производственной единицей, слабо связанной с городским домом, землевладелец получал возможность иметь два, три и более поместий, которые могли работать в автономном режиме. А городской дом становился лишь потребляющим элементом крупного землевладения, в то время в Греции IV в. до н. э. городской дом играл роль главным образом организующего производственного центра.

Если структура домохозяйства Катона и Ксенофонта-Исхомаха существенно различаются, то размеры их сельских поместий довольно точно совпадают. Катон совершенно определенно называет цифру в 100 югеров, т.е. 25 гектаров, что весьма близко к величинам сельских владений Ксенофонта. Более или менее близки по размерам и городские дома, в которых проживали греческие помещики IV в. до н. э. и римские землевладельцы II–I вв. до н. э., если сопоставить исследованные городские дома в греческом городе Олинфе и италийских Помпеях.

Довольно сходными с Ксенофонтом были рекомендации Катона по организации рабочей силы, начиная с советов, как обращаться с рабами, и до выбора и функций

<sup>33</sup> Остатки нескольких (семи) вилл II в. до н.э. в окрестностях Помпей были исследованы учеником М. И. Ростовцева Роджером Каррингтоном: *Carrington R. C. Some ancient Italian country-houses // Antiquity. 1934. Vol. 8. P. 261–275.*

<sup>34</sup> Литература о римских виллах огромна. Отметим лишь некоторые обобщающие работы, особенно: *Die römische Villa. Darmstadt, 1990; Oehme M. Die römische Villenwirtschaft. Bonn, 1988; Mielsch P. Die römische Villa-Architektur und Lebensform. Munich, 1987; Percival. The roman Villa. An historical introduction. Berkeley, 1976; Mac Kay A. G. Houses, Villas and Palaces in the roman World. N.Y., 1975; Skydsguard J. E. Den romerska villa rustica. Kobenhavn, 1961.*

управляющего виллика и экономки<sup>35</sup>. Однако при общей основе в этих рекомендациях можно заметить и существенную разницу. Если у Ксенофонта рабский персонал как производственный контингент един, то у Катона он разделен на сельских работников — *familia rustica* и городских слуг — *familia urbana*<sup>36</sup>. Рабы из *familia rustica* постоянно, круглый год, живут в поместье: здесь у них стационарные комнатки и все необходимые производственные помещения, кухня с очагом, где они питаются, алтари божеств, которым они поклоняются; здесь же они отмечают дозволенные им празднества. Оформление коллектива сельских рабов как постоянного контингента привело к важным последствиям в самых различных областях жизни и быта, и даже в гражданском праве, но особое значение оно должно было иметь для самого процесса производства. Прежде всего, оно позволяло ввести известную специализацию, единичное разделение труда, выделить в качестве особых специалистов чернорабочих, пахарей, виноградарей, оливководов, скотоводов, о которых столь часто говорится у Катона и у последующих римских агрономов. Так, Колумелла писал: «Думаю я следующее: нельзя давать любую работу кому попало, нельзя чтобы все занимались всем. Это совершенно невыгодно хозяину, потому ли, что никто никакого дела не считает своим, потому ли, что старания одного идут на пользу не ему одному, а всем, и поэтому от работы он всячески уклоняется, кроме того, в плохой работе, выполненной многими людьми, нельзя уличать отдельных лиц. Поэтому пахарей следует обособить от виноградарей, а виноградарей от пахарей, а их от чернорабочих» (Col. I. 9. 5–6). В конечном итоге это вело к повышению производительности труда сельской фамилии и интенсификации производственного процесса.

Важной новой особенностью оптимальной модели сельского поместья Катона, отличавшей его от модели Ксенофонта, был иной взгляд на цель занятий сельским хозяйством. Для Ксенофонта такая цель — не столько доход, прибыль, сколько удовольствие, добropорядочная жизнь на лоне природы. Для Катона имение — это, прежде всего, доходное предприятие напряженная деятельность хозяина по извлечению дохода и обогащению. «Хозяин обязан, — говорит Катон, — подвести счет деньгам, хлебу, тому, что приготовлено на корм скотине, вину, маслу; подсчитать, что продал, что взыскано (с должников), что остается, что есть на продажу, что должно быть получено — нужно получить, остальное привести в ясность. Чего на год не хватает, то купить, чего есть излишек, то продать, что нужно сдать с подряда, то сдать. Хозяин должен распорядиться и оставить запись о том, какие работы он хочет сделать своими силами и какие хочет сдать с подряда. Он должен осмотреть скот, устроить распродажу, продать масло, если оно в цене, вино, лишний хлеб, продать состарившихся волов, молочных телят и ягнят, шерсть, шкуры, старую телегу, железный лом, состарившегося и болезненного раба, продать вообще все лишнее. Хозяину следует больше продавать, чем покупать» (Cat. 2. 5–7). В связи с изменением акцентов в целях производства, получения прежде всего прибыли, особое значение в катоновской модели приобретает проблема товарности производства, его ориентация на рынок. И здесь

<sup>35</sup> *Maroti E.* The vilicus and villa-system in ancient Italy // *Oikumene. Studia ad historiam antiquam classicam et orientalem spectantia.* Budapest, 1976. P. 109–124; *Carlsen I.* Vilicus. A Study in roman estate management. L., 1994; *Сергеенко М. Е.* Виллик // ВДИ. 1956. № 4. С. 46–54.

<sup>36</sup> *Martin R.* Familia rustica: les esclaves chez les agronomes latins // *Actes du colloque 1972 sur l'esclavages.* P., 1974. P. 267–298; *Kolendo I.* La religion des esclaves dans le «De agricultura» de Caton // *Religion et anthropologie de l'esclavage et des formes de dependance.* P., 1994. P. 267–274; *Борщ И. З.* Сведения о рабах и рабстве в трактатах Ксенофонта «Экономика» и «Меморалии» // ВДИ. 1963. № 3. С. 107–112.

Катон направляет свое особое внимание на состояние путей сообщения, удобства и рентабельности ввоза и вывоза продукции, отношение собственника и торговца, состояние рыночной конъюнктуры, в частности, обилие (а, стало быть, и дешевизна) рабочей силы. «Ищи места с хорошим климатом, где не бывает бурь, с хорошей землей, которая сама родит, покупай имение у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водонос, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживленная дорога. Пусть оно будет в такой местности, где хозяева меняются нечасто, а те, кто продал свои имения, жалеют о том, что продали» (Cat. 1. 2–4). «Будь хорош к соседям, — продолжает Катон, — рабам провинностей не спускай. Если соседи будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабов. Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом» (Cat. 4. 1).

Поскольку хозяйство ориентировано на рынок, его владелец уделяет повышенное внимание производственному процессу, определению его оптимальной структуры, определению наиболее рентабельных отраслей, соотношению доходности и издержек при их возделывании, т.е. тому, что Ксенофонт практически опускает из своего рассмотрения. «Помни, — подчеркивал Катон, — что с землей как с человеком — сколько бы он ни наживал, если он много проживает, то прибыли ему мало. Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так — сто югеров с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте; во 1-х, с виноградником, если вино хорошее и если вина много, во 2-х, с поливным огородом, в 3-х, с ивняком, в 4-х, с масличным садом, в 5-х, с лугом, в 6-х, с хлебной нивой, в 7-х, с лесом, где можно резать листья на корм скоту, в 8-х, с виноградником, где лозы вьются по деревьям, в 9-х, лес с деревьями, дающими желуди» (Cat. 1. 6–7). Как можно видеть из этого перечня, идеальное поместье Катона предполагает многоотраслевое хозяйство, в котором, однако, явно превалирует одна полевая отрасль — виноградарство — ведь наряду с прямо указанными первой и девятой позициями, посадки ивняка явно работают на шпалерный виноградник, т.е. обеспечивают его так называемым «приданым» (прутьями для подвязки лоз, кольями для подпорки кустов и другими вспомогательными материалами).

Здесь нет необходимости в более детальном анализе структуры поместного хозяйства Катона и организации собственно производства в нем, поскольку имеется обширная исследовательская литература на этот счет<sup>37</sup>. Важно отметить фундаментальный принцип катоновского моделирования оптимального поместья — повышенный интерес к собственно к проблеме производства и его рентабельности в первую очередь, чего нет в модели Ксенофонта.

Если обобщить приведенные выше основные принципы моделирования экономики греческого ойкоса Ксенофонта и римского поместья Катона Старшего, то можно наметить определенные черты сходства и различия. Сходство проявляется в том, что обе модели предполагают: 1) относительно средние по своим площадям (порядка 20–25 гектаров) поместья, легко обозримые и удобные для управления; 2) централизованное производство, т.е. организованное и направляемое из одного центра, а не сдачу его в аренду мелкими участками арендаторам; 3) многоотраслевое хозяйство, направленное на максимальное самообеспечение; 4) эпизодические связи с рынком, т.е. предполагающее некоторую товарность и, как следствие, минималь-

<sup>37</sup> Можно назвать лишь некоторые работы и прежде всего капитальную монографию *White K. D. The Roman Farming. L., 1970.* А также: *J. Kolendo J. L'Agricoltura nell'Italia Romana. Roma, 1980;* *Sirago A. V. L'Agricoltura italiana nell'II sec.A. C. Napoli, 1971.*

ные инвестиции; 5) в качестве основной рабочей силы используются рабы, порядка 15–20 рабочих единиц, т.е. легко обозримый и удобный для управления контингент. Вместе с тем в этих моделях явно просматриваются и существенные различия, отражающие разную степень зрелости аграрных отношений Греции IV в. до н. э. и римско-италийского региона II в. до н. э.

Суть этих различий можно суммировать следующим образом:

1) Хозяйство Исхомаха было ориентировано всецело на городскую жизнь — городской дом являлся одновременно и усадьбой, игравшей роль производственно-жилого и складского центра всего домохозяйства. Имение Катона было преимущественно ориентировано на сельскую жизнь, на постоянное пребывание определенного контингента в деревне, в поместье, где находились стационарные жилые помещения, очаги, бани, кухни, алтари богов, господские апартаменты. Сельская вилла, а не городской дом, становится подлинным производственным центром всего поместного хозяйства. В римской архитектуре разрабатывается особый архитектурно-строительный тип сельской усадьбы-виллы, многочисленные остатки которых открываются во всех западных провинциях Рима.

2) Перемещение центра производственной деятельности в сельскую усадьбу-виллу, оформление постоянного рабочего контингента как коллектива сельских рабов — *familia rustica*, открывало более благоприятные возможности в рациональной организации хозяйства, управляемости производственным процессом, специализации работников внутри *familia rustica*, росту производительности их труда, улучшению технологий, а, следовательно, рентабельности и доходности хозяйства в целом.

3) Управление поместьем со стороны Исхомаха в идеале рассматривалось как совмещение собственно экономической деятельности как управленческого труда с приятным времяпрепровождением на природе как своего рода организации оптимального досуга, причем с преобладанием именно последнего. Для владельца римского идеального поместья управление имением есть напряженный труд, тяжелое бремя расчетов, рисков, забот и размышлений, направленных на извлечение дохода и увеличение своего богатства, в то время как о приятном времяпрепровождении говорится как о побочном деле, например, у Колумеллы, а Катонем вообще игнорируется. Иначе говоря, управление хозяйством рассматривается как вполне профессиональная деятельность, закономерной оплатой которой оказывается повышение общей доходности хозяйства.

4) Ойкос Исхомаха-Ксенофонта — это в принципе самообеспечивающееся хозяйство с минимальной товарностью. Римское поместье ориентировано на рынок специально — в его структуре одна из отраслей (будь это виноградарство, оливководство или зерновое поле) работает на рынок. А это обстоятельство вносит новый элемент в поместное производство — в рыночной отрасли вводится передовая технология, подбираются лучшие работники-специалисты. Владелец поместья живо интересуется состоянием рыночной конъюнктуры, дорожной сети и транспорта. Иначе говоря, идеальное поместье Катона по сравнению с ойкосом Исхомаха выступает как хозяйство более организованное, как производственный организм нового типа предпринимательской, товарной экономики, чем домохозяйство Исхомаха, еще не преодолевшее ограничителей традиционной, восходящей к мелкому земледелию дедовской технологии. Естественно, эти различия, в конечном счете, отразили в определили разные варианты экономического и, прежде всего, аграрного развития римской *civitas* и греческого полиса в конкретной исторической действительности.



## Раздел VI

# История античного Причерноморья

### Херсонес и Рим в начале II в. до н. э. Первые контакты\*

Изучение всемирного опыта показывает, что в каждый исторический период в мире существует пестрое разнообразие различных государств: великих держав, играющих ведущую роль в мировой политике, государств, так сказать, средней руки и мелких государственных образований.

В своих многообразных отношениях великие державы вступают в отношения разного типа как между равновеликими им другими державами, в отношения с государствами среднего размера, наконец, устанавливаются свои отношения между великими державами и мелкими государственными образованиями. Как показывает изучение всемирной истории, такие отношения являются отношениями разного типа. К тому же исторический опыт показывает, что нельзя недооценивать сам по себе фактор отношений между великими державами и мелкими государствами, которых всегда очень много и они в своей совокупности представляют немаловажный элемент международных отношений. Вот почему, по нашему мнению, в мировой истории, международных отношениях существует важная историческая проблема, а именно проблема взаимоотношении великой державы и мелких государств.

Если брать средиземноморский мир начала II в. до н. э., — а именно этот регион представлял собой важнейшую часть тогдашнего мира, то в рамках Средиземноморья Римская Республика стала великой державой тогдашнего мира, державой, наращивающей свой военно-политический потенциал, успешно идущей к размерам сверхдержавы, контролирующей своими действиями практически все Средиземноморье. Рим, только что разгромивший могущественный Карфаген, нанесший решающее поражение сильной Македонии и подчинивший своему политическому влиянию Балканскую Грецию в конце 190-х гг., подорвав мощь селевкидской империи, и стремительно, с истинно бульдожьей хваткой расширял свое политическое влияние в Передней Азии и, прежде всего, в Малой Азии, как своего рода форпосте всей Передней Азии. В политическом отношении Малая Азия представляла собой замысловатый конгломерат государственных образований самого разного типа, в котором богатый Пергам соседствовал с такими влиятельными государствами, как Вифиния, Понт, Армения, Каппадокия. Вместе с тем, в Малой Азии существовали мелкие и мельчайшие полисы, княжества, храмовые образования и племенные территории, полузависимые или самостоятельные. Все эти мельчайшие, мелкие, средние и крупные малоазийские государства вступали между собой в замысловатые союзы, создавали различные коалиции, которые распадались также часто, как и соз-

---

\* Первая публикация: Херсонесский сборник. 1996. Вып. 7. С. 87–92.

давались. Рим, разгромивший Антиоха III и продиктовавший гордым Селевкидам унижительный Апамейский мир в 188 г. до н. э., по которому Селевкиды были отброшены за Тавр, вступил в непосредственный контакт с этим сложным конгломератом государств, который сложился в Малой Азии. Перед римским сенатом встало множество сложных задач по выработке различных типов политико-дипломатических отношений с малоазийскими государствами разного ранга, с мощным Пергамом и сильной Вифинией, галатскими племенами и каппадокийскими княжествами, малоизвестными Риму Понтом и Арменией, богатыми греческими полисами Гераклеей Понтийской и Синопой. Вместе с тем, Риму пришлось столкнуться с десятком мелких и мельчайших городов, княжеств и храмовых территорий, которые при всей их мелкости в целом были важным фактором развития этого региона. В литературе различные стороны отношений Рима с сильными и крупными державами Малой Азии, такими как Пергам, Родос, Понт, Каппадокия, Киликия, Вифиния, Армения исследованы если не досконально, то, во всяком случае, многократно, так что мы в целом неплохо представляем себе международные отношения той эпохи с этой стороны.

Иное положение относительно взаимоотношений Рима с мелкими и мельчайшими государственными образованиями Малой Азии и это вызвано двумя причинами: во-первых, недооценкой исследователями важности отношений Рима как великой державы с совокупностью мелких государств<sup>1</sup>, и, во-вторых, крайним недостатком источников, что не позволяет изучать такие отношения на почве исторических фактов, а не произвольных предположений. С этой точки зрения, т.е., оценки отношений Рима с мелкими государствами представляют немалый интерес отношения великого Рима и маленького полиса, образовавшегося в южной Таврике, а именно Херсонеса Таврического. Несколько соображений позволяют считать данный случай особенно важным. Прежде всего относительно хорошая исследованность истории самого Херсонеса, наличие достаточной источниковой базы, прежде всего археологических материалов, надписей и монет, которые позволяют установить внешнюю политику Херсонеса, наконец, явственное вычленение среди внешних взаимоотношений Херсонеса отношений херсонесско-римских, которые установились где-то в начале II в. до н. э., продолжались без перерыва и достигали большой интенсивности вплоть до византийского времени, т.е. более шести столетий. Такое продолжительное существование херсонесско-римских отношений и наличие достаточного количества источников позволяет проследить различные этапы этих отношений и их последовательность с такой полнотой, какая практически невозможна для других полисов или городов. Таким образом, проблема изучения отношений Рим — Херсонес помимо своей конкретно-исторической ценности приобретает некоторое общее значение как своего рода модель взаимоотношений великой державы и мелких государственных образований в целом.

<sup>1</sup> В богатой общей библиографии взаимоотношений Рима и эллинистического мира естественно имеются и немногие исследования и такого рода, например: *Colin J. Rome et la Grece*. P., 1909; *Bickertmann E. Rom und Lampsakos* // *Philologus*. 1939. Bd. 87. Hf. 3. и др. Большое место взаимоотношениям Рима и отдельных городов Причерноморья уделяется в работах отечественных авторов, начиная с М. И. Ростовцева (*Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес* // *Известия археологической комиссии*. 1917. Вып. 63; Он же. *К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи* // Сборник статей в честь графа П. С. Уварова. М., 1916), например, в монографиях Т. В. Блаватской, М. И. Максимова, М. Н. Инадзе, Д. Б. Шелова, Н. Ю. Ломоури, В. И. Кадеева, Е. А. Молева, Е. П. Голубцовой. Одной из последних обобщающих работ является фундаментальное исследование С. Ю. Сапрыкина «Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический». М., 1986.

Однако, в настоящей статье нас интересует эта любопытная проблема не в ее целом (для этого рамок одной статьи совершенно недостаточно), а лишь в одной ее части, а именно — поставить вопрос о начале этих контактов, вскрыть условия, при которых эти контакты были нащупаны, какими интересами обе неравные стороны руководствовались, какие цели преследовали и в каких формах данные отношения были установлены.

Прежде всего, представляет большой интерес проблема самого начала установления отношений между Римом и Херсонесом. Характерно, что ни один литературный источник не упоминает об установлении каких-либо контактов между Римом и Херсонесом, и это понятно. Для античных историков и писателей Великий Рим и маленький Херсонес, затерянный в далекой Тавриде, были понятиями несоизмеримыми и, казалось, совершенно несопоставимыми, и потому они не попали на страницы большой дипломатической истории. Однако, в распоряжении историка есть уникальный исторический документ, а именно, надпись, содержащая текст договора между понтийским царем Фарнаком I и Херсонесом, который фиксирует установление известных отношений между Римом и Херсонесом. Этот договор был заключен в 179 г. до н. э. и эта дата есть точное установление самых первых отношений могущественной римской республики и маленького, находящегося на краю ойкумены Херсонеса<sup>2</sup>.

Сама эта дата, на первый взгляд, является маловероятной и легко могла бы быть поставлена под сомнение, если бы не точные, не вызывающие никаких сомнений, формулировки текста государственного договора.

Почему такая ранняя дата как 179 г. до н. э. вызывает недоверие об установлении прямых отношений между Римом и Херсонесом. Насколько можно судить по состоянию источников по истории греческих городов Северного Причерноморья, Рим не имел каких-либо контактов ни с одним из государственных образований Северного Причерноморья, включая Тиру, Ольвию, Боспор. И первым греческим полисом, вступившим в отношения с Римской республикой, оказался именно Херсонес.

Сам по себе этот факт нуждается в объяснении, было ли случайностью установление первых дипломатических контактов могущественного Рима именно с небольшим Херсонесом.

Таким образом, перед нами встает сразу две задачи — более конкретная первая: выяснить фактологическую сторону установления первых контактов Рима с Херсонесом и вторая — определить на этой основе принципы римской политики как великой державы по отношению к маленькому полису. Для этого следует напомнить главные факты международного положения в начале II в. до н. э. В первую четверть II в. до н. э. римляне добились очень крупных военно-политических успехов в Балканской Греции и Малой Азии. В результате II македонской войны Македония была разгромлена и из лидера Балканской Греции превратилась в слабое государство, лишённое полноценной армии, дипломатически изолированное, уже не представлявшее какой-либо угрозы Риму. Провозглашение свободы греческих городов стало ловким политическим маневром, который фактически поставил греческие полисы под римское влияние. Разгром Антиоха III в сирийской войне отбросил государство

---

<sup>2</sup> Эта уникальная надпись найдена в ноябре 1908 г., по словам Х. Лепера, «при скале в окладке колодца, засыпанного в римское время в северо-восточной части городища близ северо-восточной базилики» и впервые опубликована Лепером в Известиях Археологической комиссии (вып. 45), а также В. В. Латышевым (IOSPE. I<sup>2</sup>. 402) в 1916 г. Сейчас храниться в фондах Херсонесского музея-заповедника.

Селевкидов за пределы Тавра и тем самым исключил из малоазийских дел. На место селевкидского влияния в Малой Азии пришло римское. Рим стал верховным арбитром многочисленных споров и сложных отношений малоазийских государств. Орудием своих политических планов римляне в первую четверть II в. до н. э. сделали Пергам, усилив его за счет малоазийских владений, отобранных у Селевкидов. Однако римляне не пренебрегали силами других государств, вступив в различные отношения с Вифинией, Понтом и другими государствами. Именно в это время римляне обратили внимание на богатый греческий полис — Гераклею, который установил союзные отношения с великим Римом. Казалось бы, Рим должен был, так сказать, основательно завязнуть в сложных делах Малой Азии и разбираться не одно десятилетие в хитросплетениях малоазийской политики. Тем более общее положение в Испании, где с римскими войсками активно боролись свободолюбивые местные племена, положение в Африке, где еще существовал карфагенский очаг сопротивления, было не простым. На Балканах угрожала постоянно Македония, непростые отношения сложились у римлян со Спартой, Ахейским и Этолийским союзом. В этих условиях проведение активной политики в самой Малой Азии было далеко не простым и, казалось бы, не было никакого дела до маленького затерянного на границах далекой ойкумены Херсонеса. Однако, точные данные показывают, что даже в этих сложных условиях Херсонес оказался включенным в поле зрения римской большой политики. В договоре, заключенном между наиболее крупными малоазийскими государствами Пергамом, Понтом, Вифинией, Каппадокией в 179 г. до н. э. и о котором сообщает Полибий (XXV. 2. 12), и, бесспорно, инспирированным римлянами, были включены Херсонес и сарматский царь Гатал, с которым херсонеситы находились в дружеских отношениях<sup>3</sup>. Этот общий договор был дополнен, видимо, серией частных двухсторонних договоров, из которых по счастливой случайности дошел до нас договор между царем Понта Фарнаком I и Херсонесом, датированный тем же 179 г. до н. э. В этом договоре прямо говорится о том, что Херсонес принял на себя обязательство соблюдать дружбу с римлянами и не предпринимать против них ничего враждебного<sup>4</sup>. Нет никаких сомнений в том, что обязательство соблюдать дружбу с римлянами предполагает установление такой дружбы (φιλίαν) некоторый образом оформленное, во всяком случае, известное согласование этой статьи херсонеско-понтийского договора с римлянами. Было бы странным предполагать включение такой важной статьи, защищающей римские интересы за спиной римских политиков. Таким образом, римляне совершенно отчетливо представляли себе реальное значение Херсонеса, установили с ним дружбу и естественно потребовали включения Херсонеса в тот большой договор 179 г. до н. э. между основными малоазийскими государствами как одной из сторон. О неплохой осведомленности общей ситуации в далекой Тавриде со стороны римлян, кроме реального учета сил самого Херсонеса, является включение в состав договора сарматского царя Гатала, как известного союзника Херсонеса в его изнурительной борьбе против наступающих скифов. Иначе

<sup>3</sup> Polyb. XXV. 2. 12–13: "... περιελθρήσαν δὲ ταῖς συνθήκαῖς τῶν μὲν κατὰ τὴν Ἀσίαν δυναστῶν Ἀρταεῖας ὁ τῆς πλείσθης Ἀρμενίας ἄρχων καὶ Ἀκουσίλοχος, τῶν δὲ κατὰ τὴν Ἑυρώπην Γάταλος ὁ Σαρμάτης, τῶν δ' αὐτονομουμένων Ἡρακλεῶται, Μεσημβριανοὶ, Χερρονησίται, σὺν δὲ τούτοις Κυζικηνοί." Насколько нам известно, единственная попытка Х. Фон Фритце отнести данное упоминание Полибия к жителям Херсонеса Фракийского, а не Херсонеса Таврического, встретила единодушное возражение у всех специалистов. См. подробнее: *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3.

<sup>4</sup> IOSPE. 12 . 402: "... τὰν τε ποτὶ Ῥωμαίους φιλίαν διαφυλάσσόντος καὶ μηδὲν ἐναντίον αὐτοῖς πράσσοντος..."



говоря, римляне включили в орбиту своей политики не только Херсонес, но и его союзников, как определенный элемент многосторонних отношений, развивающихся под общим покровительством Рима. Иначе говоря, перед нами не случайный зигзаг римской политики, а продуманная политическая акция, за которой, видимо, стояли далеко идущие планы римского сената.

Почему же именно Херсонес привлек такое пристальное внимание римского сената при всех трудностях общей внешнеполитической ситуации и очень сложном положении в Малой Азии.

Проблема усложняется еще одним обстоятельством: тяжелейшим положением Херсонеса в начале II в. до н. э. перед лицом скифской угрозы<sup>5</sup>. Скифское царство с центром в Неаполе резко активизировало свои нападения на все причерноморские греческие центры. Как известно, Ольвия перешла под протекторат скифских царей, скифское влияние усилилось на Боспоре. Особенно тяжелым было положение Херсонеса, расположенного под боком у скифской столицы на расстоянии одного конного перехода. Херсонес потерял свои владения в Северо-западном Крыму, пустеют его благоустроенные надель на Гераклейском полуострове, скифские наездники атакуют херсонесские праздничные шествия, как только они выходят из-под защиты крепостных стен. В этих условиях обращение Херсонеса за помощью к более сильным державам стало жизненно необходимым. И естественно обращение гибнущего города к решающей силе, распоряжающейся в Малой Азии, к могущественному Риму. Таким образом, римляне отчетливо сознавали, что включение Херсонеса в орбиту римских интересов, установление дружбы с гибнущим городом, извлечение искомым преимуществ должно быть оплачено: Херсонес, с которым устанавливают контакты, должен быть защищен, т.е. римляне должны были принять на себя определенные обязательства. Как было сказано выше, это было совсем непросто для Рима в той внешнеполитической ситуации. Однако Рим на них пошел, т.е., видимо, выгоды установления контактов Рима с Херсонесом оказались более весомыми, чем взятые на римскую сторону обязательства.

Итак, что же влекло Рим к установлению прямых контактов с гибнущим, нуждающимся в помощи маленьким городом, затерянным на краю ойкумены. Может быть, здесь действовали простые причины, а именно римляне могли рассматривать Херсонес просто как придаток Гераклеи, с которой они заключили союз. Однако, эта точка зрения вряд ли имеет право на существование. Дело в том, что Херсонес после IV. до н. э. был совершенно суверенным государством, и находился, так сказать, в самостоятельных и весьма сложных отношениях со своей метрополией.

Отнюдь не отрицая всем известного влияния на римско-херсонесские отношения Гераклеи Понтийской, тем не менее, следует признать их принципиальную самостоятельность. Итак, что же могло привлечь могущественный Рим, начинающий активное вмешательство в запутанные малоазийские дела в установлении контактов с Херсонесом, включая дружбу с херсонесскими союзниками. Внимательный анализ внешнеполитической ситуации того времени в малоазийском регионе и Причерноморье не позволяет отметить каких-либо ближайших выгод, так сказать тактического характера, ведь никакой военной, политической, экономической помощи маленький, находящийся в крайне тяжелом положении Херсонес Риму оказать не мог<sup>6</sup>, напо-

<sup>5</sup> Об этом со всей обстоятельностью изложено в монографии *С. Ю. Сапрыкина* «Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический». М., 1986. С. 161–197.

<sup>6</sup> *С. Ю. Сапрыкин* (Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 194–197), по нашему мнению, сильно преувеличивает антимакедонскую направленность римско-херсонесских от-

тив, он сам жаждал получить такую помощь. По всей вероятности, здесь римским сенатом руководствовали не ближайшие, а стратегические интересы, которые могли сосредоточиться вокруг обладания прямым путем через Черное море, который, как известно, начинался в промежутке между Гераклеей и Синопой (мыс Карамбис), а оканчивался у мыса Бараний Лоб в Тавриде, где-то недалеко от Ялты и, бесспорно, контролировался или вернее мог контролироваться именно Херсонесом. Явно не в римских интересах было уничтожение Херсонеса как греческого полиса, органически включенного в регион Малой Азии, а, следовательно, и в сферу римских интересов. Вполне очевидно, что установление скифского господства над Херсонесом, а, следовательно, над северным участком прямого пути через Черное море могло обесценить его стратегическое значение, нанести удар по свободе торговли в акватории Черного моря, повиснуть военной угрозой над всем левый флангом малоазиатского региона и угрожать, как дамклов меч, всем военным, политическим и дипломатическим акциям римлян в этой области.

Иначе говоря, установление связей Рима с Херсонесом приобретало серьезное стратегическое значение в далеких планах римской державы. В частности, оно свидетельствовало о том, что уже в начале II в. до н. э., когда римским владением еще не стала не только ни одна область Малой Азии, но даже Балканского полуострова, замыслы римского сената простирались очень далеко. В римском сенате уже начинают разрабатывать военно-политические доктрины по завоеванию всей Малой Азии и Восточного Средиземноморья. Для обеспечения благоприятных условий реализации такой стратегии установление римского контроля над северным участком стратегически важного прямого пути через Черное море, т.е. над Херсонесом, поддержание его независимости перед лицом скифской угрозы имело значение принципиальное и, поэтому Рим стал последовательно стремиться к поддержанию покровительственных отношений с Херсонесом<sup>7</sup>, несмотря на очень напряженное общеполитическое положение своей державы. Игра, так сказать, стоила свеч.

Следует отметить, что дальнейшее развитие международных отношений в Малой Азии и Причерноморье, да и во всем Восточном Средиземноморье в I в. до н. э. развивалось, так сказать, по римскому сценарию, основные линии которого формировались в начале II в. до н. э. Эти далекие стратегические расчеты показывают большую зрелость и незаурядное дипломатическое искусство римских политиков, умение извлекать большие выгоды стратегического порядка из контактов с маленькими государствами, вовлекать их в свою крупную игру.

Конечно не всякий, даже маленький, полис мог согласиться играть роль маршкетки в руках великой державы. Однако мастерство римских политических расчетов проявилось в том, что в данном случае теснимый скифами Херсонес не мог отказаться от навязываемого покровительства. Напротив, римляне, как это они мастерски делали и в других случаях, например в Африке (Масинисса), в греческих городах (Ахейский союз, Афины), в Галлии (эдуи), обставили дело так, что малые государства их слезно просили о защите, а римляне выступали как сторона, благодетель которой добиваются его меньшие братья. Этот прием был превосходно разыгран и с Херсонесом. Маленький теснимым скифами город, поставленный на край

---

ношений в международных отношениях того времени. Какой-либо прямой или косвенной выгоды Риму в военно-политической или дипломатической борьбе с Македонией Херсонес, с трудом обронувшийся от скифов, оказать не мог.

<sup>7</sup> Видимо, эти отношения носили характер иностранной клиентелы Рима, которую столь обстоятельно исследовал в своем труде Э. Бэдиан (*Badian E. Foreign Clientele. Oxf., 1958*).

пропасти, настойчиво просит великую державу о дружбе и покровительстве, может быть, не отдавая отчет в том, что это отвечает собственно имперским амбициям римлян.

Однако, как было сказано выше, общеполитическое и военное положение самой римской республики было очень сложным и военных сил Рима было явно недостаточно, чтобы не только контролировать ситуацию в Херсонесе и Малой Азии, но даже на Балканском полуострове. И римляне прекрасно это понимали. И в этой довольно щекотливой ситуации римляне проявили большое дипломатическое искусство, которое они демонстрировали много раз и в других частях Средиземноморья на протяжении своей тысячелетней истории, а именно: они были мастерами использовать силы других государств в своих собственных интересах, используя лишь дипломатическое давление и политическое влияние. Так было и в случае с Херсонесом. Конечно, никаких войск Рим на защиту гибнущего Херсонеса не собирался посылать. Для обеспечения реальной помощи Херсонесу были избраны крупнейшие державы Малой Азии: Пергам, Понт, Вифиния, Каппадокия. Очевидно, под давлением римлян Херсонес был включен как полноправная сторона в число участников союза государств 179 г. до н. э., который стал своего рода договором коллективной безопасности. Но более того, не без давления римлян одно из укрепляющихся государств, участников этой коалиции, а именно Понт, заключило двухсторонний оборонительный союз, который должен был оказать военную и материальную помощь Херсонесу в случае реальной скифской угрозы<sup>8</sup>. Правда, в начале и середине II в. до н. э. Херсонесу удалось отбиться от скифов, но когда в конце II в. до н. э. собственных сил не хватило, именно помощь из Понта спасла город от уничтожения его скифами (поход Диофанта). Таким образом, оборонительный союз Херсонеса и Понта, а также система коллективной безопасности малоазийских государств 179 г. до н. э. стали реальными гарантами существования Херсонеса, и все это было сделано не без участия Рима и обеспечивало римские интересы. Система договоров 179 г. до н. э., за которой стоял Рим, поставила в конечном итоге под римский контроль внешнюю политику Понта и Херсонеса, прямой путь через Черное море, имеющий стратегическое значение. Причем для обеспечения римских стратегических интересов не было затрачено никаких ни людских, ни материальных средств, а сам Рим не испортил отношений ни с одним из малоазийских и причерноморских государств. В этом, конечно, проявилось высокое искусство римской дипломатии.

Таким образом, договоры 179 г. до н. э. положили начало контактов между Римом и Херсонесом, которые после этого продолжались до конца существования единой Римской империи (мы не берем византийский период, когда Херсонес стал

<sup>8</sup> Наиболее распространенная точка зрения на характер заключенного союза заключается в том, что он был выгоден в первую очередь Фарнаку (См.: *Сапрыкин С. Ю.* Указ. соч. С. 196; *Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 15–17; *Колобова К. М.* Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 35–36). Однако, по нашему мнению, следует учитывать, что только что побежденному в войне 183–179 гг. до н. э. и обескровленному огромной денежной контрибуцией Фарнаку, брать на себя дополнительные обязательства и расходы по спасению далекого Херсонеса от грозных скифов давало не столько выгоды, сколько хлопоты и неприятности. К тому же за спиной Херсонеса стоял Рим, так что Фарнаку и в будущем дружба с Херсонесом мало что обещала. По нашему мнению, договор Фарнака I с Херсонесом был заключен под давлением Рима и в его интересах прежде всего. Потерпевший в войне 183–179 гг. Фарнак, естественно, не мог ничего противопоставить диктату Рима и был вынужден уступить.

составной частью Византии) и которые с минимальными затратами обеспечивали левый фланг огромного региона Восточного Средиземноморья и регулировались Римом в зависимости от конкретной ситуации.

### **«Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического (Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.**

**Начальник и научный руководитель экспедиции – проф. В.И. Кузицин\***

Хора Херсонеса Таврического довольно хорошо исследована, что объясняется уникальной сохранностью остатков раннеэллинистической системы земельного межевания на примыкающем к городу Гераклеюскому полуострову и традиционным интересом отечественных ученых к этим памятникам. С начала века десятки различных археологических экспедиций вели здесь систематические раскопки<sup>9</sup>, однако памятники римского времени в округе Херсонеса привлекали значительно меньше внимания исследователей и известны гораздо хуже<sup>10</sup>. Именно поэтому Херсонесская историко-археологическая экспедиция исторического факультета МГУ избрала для исследования памятник римской эпохи.

Работа экспедиции велась на наделе 150 по общепринятой нумерации (227 — по нумерации И. Т. Кругликовой), находящемся в центральной части Гераклеюского п-ова. На территории этого надела имеются остатки двух усадеб, расположенных в его северо-западной и юго-западной части. Первая из них была раскопана в 1976–1977 гг. Г. М. Николаенко. Согласно материалам ее раскопок, речь идет о стандартной эллинистической усадьбе, существовавшей с конца IV до второй половины III в. до н. э., когда она была покинута и более не восстанавливалась<sup>11</sup>. Очевидно, взамен покину-

\* Первая публикация: Вестник древней истории. 1998. № 1. С. 205–233 (совместно с А. И. Иванчиком). Первая часть статьи написана А. И. Иванчиком, вторая — совместно А. И. Иванчиком и В. И. Кузициным, третья — В. И. Кузициным. Эти части в статье разделены звездочками.

<sup>9</sup> Назовем лишь основные публикации: *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Симферополь, 1961; *Dufková M., Pečírka J.* Excavations of Farms in the Chora of Chersonesos in the Crimea // *Eirene*. 1970. 8. P. 123–174; *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978; *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века нашей эры. Харьков, 1981; *Кругликова И. Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклеюском полуострове // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 9–16; *Жеребцов Е. Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклеюского полуострова // Там же. С. 17–26; *Николаенко Г. М., Соломоник Э. И.* О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (К IOSPE. 12. № 402) // ВДИ. 1990. № 2. С. 79–99; *Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (Экономика и социальные отношения). Киев, 1993; *Saprykin S. J.* Ancient Farms and Land-Plots on the Khora of Chersonesos Taurike. Amsterdam, 1994.

<sup>10</sup> О херсонесских усадьбах римского времени см. *Николаенко Г. М.* Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. (По материалам Гераклеюского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 203–211.

<sup>11</sup> *Сапрыкин С., Николаенко Г. М.* Исследование усадеб клера № 150 хоры Херсонеса // АО 1976. М., 1977. С. 368 сл.; *Николаенко Г. М.* и др. Исследования на Гераклеюском полуострове и в Бельбекской долине // АО 1977. М., 1978. С. 362 сл. Ср.: *Saprykin*. Op. cit. P. 71. Fig. 33.

той в южной части того же клера была построена новая усадьба. Собранный вокруг южной усадьбы надела 150 подъемный материал относился в основном к римскому времени, а прослеживаемые на дневной поверхности остатки строений свидетельствовали о ее больших размерах, далеко превосходящих размеры эллинистических усадеб Гераклеяского п-ова. Таким образом, еще до начала раскопок удалось установить, что речь идет о крупной усадьбе римского времени, что и определило ее выбор в качестве объекта исследования. Раскопки на южной усадьбе 150-го надела проводились с 1976 по 1987 г. Их результатом стало раскрытие всего комплекса помещений усадьбы (4800 кв. м), а также исследование остатков строительной и сельскохозяйственной деятельности на ее территории.

Южная усадьба клера 150 была построена в 8 км от Херсонеса на крутом повороте к югу Юхариной балки, прорезающей южную и юго-западную часть Гераклеяского п-ова от Казачьей бухты до мыса Фиолент. В этом месте узкое ложе балки значительно расширяется и превращается в достаточно обширную низину с глубоким почвенным слоем, где существовали благоприятные возможности для выращивания как зерновых, так и виноградников и плодовых деревьев.

Время основания усадьбы достаточно уверенно определяется по обнаруженному здесь керамическому материалу. Среди находок выделяется небольшая группа рельефных чаш, известных под названием «мегарских». Находки сосудов этой группы на территории Северного Причерноморья датируются концом III–II в. до н. э. Хотя производство таких чаш началось еще в начале III в. до н. э., сосуды ранней группы вообще встречаются в Северном Причерноморье крайне редко<sup>12</sup> и среди находок на усадьбе не представлены. На усадьбе обнаружены фрагменты «мегарских» чаш, происходящих с Делоса, Самоса и из Пергама, но преобладают сосуды боспорского производства<sup>13</sup>. Все они датируются концом III–II в. до н. э. и концентрируются в башне и непосредственно примыкающем к ней помещении XXXI. Что касается помещения XXXI, то происходящие отсюда фрагменты «мегарских» чаш найдены в нижнем слое под уровнем пола помещения. Речь идет, очевидно, о мусорном слое, накопившемся здесь до строительства помещения XXXI и относящемся к самому раннему периоду существования усадьбы.

Среди обнаруженных на усадьбе материалов полностью отсутствуют фрагменты амфор Гераклеи и Фасоса, которые господствуют в импорте северопричерноморских памятников до середины III в. до н. э. В то же время представлены амфоры Синопы (9 ножек), Коса (9 ножек), Родоса (3 ножки)<sup>14</sup> и Книда (2 ножки), относящиеся ко второй половине III–II в. до н. э. Такое соотношение типов импортной керамической тары, характерное для северопричерноморских комплексов второй половины III–II в. до н. э., позволяет датировать основание усадьбы временем позднее середины III в. до н. э.

<sup>12</sup> Лосева Н. М. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // МИА. 1962. № 103. С. 195; Шелов Д. Б. Находки в Танаисе «мегарских» чаш // Античные древности Подонья—Приазовья. М., 1969. С. 240; Усачева О. Н. Рельефная керамика эллинистического времени из раскопок Тиры // Северное Причерноморье. Киев, 1984. С. 121–128.

<sup>13</sup> Об этой группе см. Блаватский В. Д. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее // КСИ-ИМК. 1959. Вып. 75. С. 74–76; Лосева. Указ. соч. С. 204 сл.; Шургая И. Г. К вопросу о пергамском импорте на Боспоре во II в. до н. э. // КСИА. 1962. Вып. 103. С. 108 сл., 116 сл.; Шелов. Указ. соч. С. 235 сл.

<sup>14</sup> Среди родосских фрагментов следует особо отметить фрагмент двустольной ручки маленькой амфоры редкого типа, относящегося к концу III — первой четверти II в. до н. э. (Брашинский И. Б. Стандарты родосских амфор // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 14 сл.).

Среди ранних материалов усадьбы, кроме импортных, достаточно хорошо представлены фрагменты амфор эллинистического Херсонеса (13 ножек). Кроме того, обнаружено херсонесское клеймо астинома Аполлофана, сына Героида, и два клейма с монограммами гончаров. Согласно общему мнению, деятельность этого астинома относится к заключительному этапу херсонесского клеймения<sup>15</sup>, однако предлагавшиеся абсолютные датировки этих клейм, в особенности Р. Б. Ахмеровым и В. Б. Борисовой, сильно омоложены. Нам представляется, что прекращение производства и во всяком случае клеймения херсонесских амфор связано с резким сокращением сельскохозяйственной территории Херсонеса в результате неудачных войн со скифами и последовавшим затем разгромом квартала гончаров, так называемого «херсонесского Керамика», находившегося за пределами оборонительных стен города в районе башни Зенона<sup>16</sup>. Обжигательные печи «Керамика», в которых, очевидно, производилась львиная доля херсонесских амфор, не восстанавливались и вскоре после своего разрушения были частично перекрыты одной из поспешно перестраивавшихся башен Херсонеса (XVII). Эта перестройка с полной уверенностью датируется рубежом III–II вв. до н. э.<sup>17</sup>, что позволяет отнести к близкому времени и разрушение упомянутых обжигательных печей. Другие центры производства херсонесских амфор конца III в. до н. э. не обнаружены. Сказанное позволяет полагать, что в конце III в. до н. э. производство херсонесских амфор резко сократилось, если не прекратилось вовсе. Достаточно большое количество фрагментов амфор эллинистического Херсонеса, в том числе клейменных, среди ранних материалов усадьбы свидетельствует о том, что она была основана ранее рубежа III–II вв. до н. э.

Находки амфорных клейм<sup>18</sup> подтверждают эту датировку. Самая большая их группа принадлежит Синопе (восемь астиномных и три гончарных), а именно — астиномам Гекатею Посидееву (гончар Филимон), Ифию Гестиеву (гончар Гефестий), Навпону Каллисфенову (гончар Сагарий), Фемию Фесилееву, Гестиею Артемидорову, Каллихору Протагорову (гончар Филимон), Клеомену Плейстархову (гончар Сималион) и Плейстархиду Апимантову. Первые четыре астинома из этого списка принадлежат к концу V хронологической группы согласно схеме Б. Н. Гракова<sup>19</sup>, а остальные четыре — к началу VI хронологической группы<sup>20</sup>. По схеме В. И. Цехмистренко названные клейма относятся к IV и V периодам четвертого этапа клеймения<sup>21</sup>. Абсолютные даты хронологических групп синопских клейм окончательно пока не установлены<sup>22</sup>, однако наиболее вероятной датировкой границы

<sup>15</sup> Ахмеров Р. Б. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса // ВДИ. 1949. № 4. С. 109; Борисова В. В. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // НЭ. 1974. IX. С. 112 сл. № 15; Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм // ВДИ. 1979. № 2. С. 150. Табл. I. 4; Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1. С. 105 сл. Табл. II. 15–17.

<sup>16</sup> Иванчик А. И. Конечная дата производства амфор эллинистического Херсонеса // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 61 сл.

<sup>17</sup> Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) // СХМ. 1969. Вып. 4. С. 16; Щеглов. Указ. соч. С. 131.

<sup>18</sup> Клейма из раскопок усадьбы изучены и определены А. Г. Авдеевым.

<sup>19</sup> Граков Б. Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928. С. 143, № 8; 153, № 12; 144, № 19, 27.

<sup>20</sup> Там же. С. 149, № 11, 24, 26; 150, № 37.

<sup>21</sup> Цехмистренко В. И. Клейма как источник для изучения керамического производства в Синопе в IV–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. С. 7 сл.

<sup>22</sup> Литературу см. Шелов Д. Б. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н.э. М., 1975. С. 134–140; Колесников А. Б. Керамические клейма из раскопок усадеб у Евпаторийского маяка // ВДИ.

между V и VI хронологическими группами в настоящее время представляется конец III в. до н. э. Кроме названных, на усадьбе обнаружено еще три синопских клейма: Артемидора, Папа и с не идентифицированным именем.

Родосские клейма представлены четырьмя экземплярами. Три из них принадлежат эпонимам Сохару, Писистрату и Антилоху. Первое датируется, очевидно, более ранним временем. В. Грейс первоначально относила деятельность этого эпонима к I хронологической группе<sup>23</sup>, однако позже пересмотрела эту дату<sup>24</sup>. Клеймо датируется началом II группы, между 240 и 210 гг. до н. э. Клеймо Писистрата датируется второй четвертью II в. до н. э.<sup>25</sup>, а клеймо Антилоха, — видимо, второй половиной II в. до н. э.<sup>26</sup> К тому же времени относится четвертое родосское клеймо, найденное на усадьбе, — клеймо фабриканта Родона (V группа)<sup>27</sup>. Кроме того, на усадьбе было обнаружено косское клеймо с именем Οἶνον(ίδας), датировка которого неясна.

Итак, часть обнаруженных на усадьбе клейм датируется, видимо, последней четвертью III в. до н. э. (синопские клейма V группы и, вероятно, херсонесское клеймо), а родосское клеймо Сохара принадлежит даже концу третьей — началу четвертой четверти III в. до н. э. Учитывая эти данные, время основания усадьбы может быть достаточно уверенно определено как конец третьей — начало четвертой четверти III в. до н. э. Среди монетных находок к первому периоду существования усадьбы относится лишь редкий бронзовый дихалк с головой Аполлона на аверсе и правую и сложный изображением треножника на реверсе, выпуск которого был кратким и датируется 130–120-ми годами до н. э.<sup>28</sup>

Полученная по археологическому материалу датировка основания усадьбы легко вписывается в общий исторический контекст. К концу третьей четверти III в. до н. э. Херсонес утратил часть своих владений в Северо-Западном Крыму, и постоянным набегами скифов стали подвергаться уже и непосредственные окрестности города (ср. IOSPE. I<sup>2</sup>. 343). В это время погибли неукрепленные поселения на склонах Сапун-горы и в Балаклавской долине, у Карантинной балки и возле самого Херсонеса, а также часть усадеб «Гераклеи» (например № 25)<sup>29</sup>. В этих условиях слабоукрепленные или неукрепленные усадьбы не могли более существовать.

1985. № 2. С. 67–69; Федосеев Н. Ф. Итоги и перспективы изучения синопских керамических клейм // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 147–163. Ср.: Он же. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Синопе // ВДИ. 1993. № 2. С. 85 сл.

<sup>23</sup> Grace V. R. Timbres amphoriques trouvés à Délos // BCH. 1952. 76. P. 530.

<sup>24</sup> Grace V. R., Savvatianou-Pétropoulakou M. Les timbres amphoriques grecs // Exploration archéologique de Délos. 1970. T. XXVII. P. 292–293 (датировка времени появления названий месяцев в легенде клейм — период около 275 г. до н. э.: в клейме Сохара с усадьбы имеется название месяца Διοσβίος); Шелов. Керамические клейма... С. 14–26. Впоследствии эта датировка также была изменена: время появления названий месяцев в легендах клейм, т.е. перехода ко II группе, датируется теперь периодом ок. 240 г. до н. э.; Grace V. R. Revisions in Early Hellenistic Chronology // AM. 1974. 89. S. 193–200.

<sup>25</sup> Grace. Op. cit. P. 529; Шелов. Керамические клейма... С. 67 сл.

<sup>26</sup> Шелов. Керамические клейма... С. 34.

<sup>27</sup> Там же. С. 116 сл.; Бадалянец Ю. С. Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм // НЭ. 1980. XIII. С. 12.

<sup>28</sup> Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев. 1977. С. 32, 146, № 176.

<sup>29</sup> Щеглов. Указ. соч. С. 130 сл. С. Ф. Стржелецкий датировал гибель усадеб 25 и 26 одним периодом — второй половиной II в. до н. э. (Указ. соч. С. 92–109). Эта датировка, вероятно, правильная для второй, неприемлема для первой усадьбы. Среди ее материалов полностью отсутствуют находки, характерные для II в. до н. э. («мегарские») чаши, синопские клейма VI группы), широко представленные на усадьбе 26. Разрушение усадьбы следует датировать поэтому временем не позже конца III в. до н. э.

Одной из таких усадеб была северная усадьба надела 150, практически лишенная укреплений. Она была покинута и заменена новой, гораздо лучше укрепленной, которая была возведена в южной части надела. При этом, очевидно, часть инвентаря с северной усадьбы была перенесена на южную; например, вторично была использована черепица. В этом убеждает находка на южной усадьбе двух фрагментов синопской черепицы с клеймами. Клейма принадлежат астиномам Хабрию (гончар Гераклид) и Миссию (гончар Синопион). Первый из них относится к концу первой хронологической группы по схеме Б. И. Гракова, а второй — к началу второй группы<sup>30</sup> (согласно схеме В. И. Цехмистренко, оба клейма примерно одновременны и относятся к первому этапу II периода клеймения<sup>31</sup>). Они, очевидно, датируются концом третьей — началом последней четверти IV в. до н. э.<sup>32</sup> Хронологический разрыв между датой этих двух клейменных черепиц и всем остальным материалом, происходящим с южной усадьбы 150, может быть объяснен только тем, что они были сняты с кровли покинутой северной усадьбы того же клера. Это подтверждается и совпадением даты названных двух клейм со временем строительства ранних усадеб на Гераклейском п-ове.

*Окончание существования усадьбы* также датируется достаточно надежно по монетным находкам и массовому керамическому материалу. Шесть из девяти найденных на усадьбе монет относятся к последнему периоду ее жизни; это монеты Максимиана (286–305 гг.), Лициния (308–324 гг.), Валента (364–378 гг.), Валентианиана I (364–375 гг.), Феодосия (379–395 гг.) и Льва I (457–474 гг.). Последняя из них определяет *terminus post quem* прекращения существования усадьбы. Керамический материал при этом указывает на то, что усадьба не дожила до VI в.: среди находок отсутствуют типы амфор, характерные для этого времени. Для датировки последнего периода существования усадьбы важны фрагменты светлоглиняных амфор, типология и классификация которых хорошо изучена. Одним из наиболее распространенных типов амфор в поздних слоях усадьбы являются светлоглиняные амфоры типа F по классификации Д. Б. Шелова<sup>33</sup>. В то же время следующей по времени тип E<sup>34</sup> представлен лишь четырьмя фрагментами венцов и тремя — доньев. Особое значение имеет комплекс находок, обнаруженных в цистерне К—I, выдолбленной в скале внутри башни. Цистерна функционировала до конца жизни усадьбы, и ее заполнение определяет дату этого события<sup>35</sup>. Среди ее материалов обнаружена целая светлоглиняная амфора типа F, а также верхняя часть, корпус и другие фрагменты амфор того же типа. Кроме того, в состав комплекса входила верхняя часть амфоры

<sup>30</sup> Граков. Указ. соч. С. 117, 126 сл.

<sup>31</sup> Цехмистренко. Указ. соч. С. 5; ср. Кац В. И. Экономические связи позднеклассического Херсонеса (По данным амфорных клейм) // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 187.

<sup>32</sup> Кац. Экономические связи... С. 187; Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л., 1980. С. 26, 43; ср. Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории античных сельских усадеб на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 80–81.

<sup>33</sup> Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 19. Рис. 10.

<sup>34</sup> Там же. С. 19. Рис. 9.

<sup>35</sup> Публикация этого комплекса (Федотов В. В. Керамический комплекс из цистерны в башне 150-й усадьбы Гераклейского полуострова (Материалы раскопок 1977 г.) // ВМГУ. Сер. История. 1980. № 3. С. 68–76) крайне неудачна. Практически все содержащиеся в ней определения типов амфор и датировки неправильны: достаточно сказать, что в качестве аналогии найденным здесь светлоглиняным амфорам типа F приводятся не только светлоглиняные амфоры других типов (А и С), но даже и корпус фасосской амфоры III в. до н. э.



типа Е (См. рис. 3). Таким образом, материал цистерны К—I позволяет предположить, что прекращение жизни на усадьбе примерно совпадает со временем перехода от светлоглиняных амфор типа F к типу Е. В это время амфоры первого типа еще продолжали использоваться, но незначительное количество амфор второго уже успело поступить на усадьбу. Д. Б. Шелов в свое время датировал производство амфор типа F концом III—IV вв., однако эта датировка должна быть продлена до середины V в. Она основывалась в значительной степени на датировке рубежом IV—V вв. верхней границы существования черняховской культуры, в погребениях которой найдены амфоры типа F весьма многочисленны. Впоследствии, однако, стало ясно, что эта культура доживает, по меньшей мере, до середины V в.<sup>36</sup>; соответственно должна быть изменена и датировка амфор типа F. Ряд других комплексов также свидетельствует о том, что они существовали, по меньшей мере, до середины V в.<sup>37</sup> Кроме светлоглиняных, в цистерне были обнаружены также крупные фрагменты сосудов других типов, подтверждающие предложенную датировку: горло амфоры типа найденной в Делакее IV—V вв.<sup>38</sup>, корпус амфоры так называемого инкерманского типа конца IV — середины VII в.<sup>39</sup>, два фрагмента плоских ручек, плавно спускающихся на плечики коричневоглиняных амфор позднего типа (III—V вв.)<sup>40</sup>.

Таким образом, прекращение жизни на усадьбе датируется, видимо, в пределах третьей четверти V в. н. э., это совпало с переходом от производства и импорта в Херсонес светлоглиняных амфор типа F к амфорам типа Е. Усадьба не была разрушена и, видимо, была покинута в достаточно спокойной обстановке, поскольку основной инвентарь был из нее унесен, а главные входы и усадьбу и ряд ее помещений аккуратно заложены камнем. Усадьба, таким образом, была не брошена, а законсервирована, однако хозяева сюда больше не вернулись.

*Дипинти на амфорах, легионные клейма на черепице и проблема идентификации владельца усадьбы.* На некоторых амфорах, обнаруженных в упомянутой цистерне К—I, имеются надписи красной краской. На горлах двух разнотипных светлоглиняных амфор (F и E) одинаковым почерком нанесены надписи ΒΑΣΙΛ (на горлах двух других ΒΑ и ΒΑΣ), которые следует интерпретировать, видимо, как сокращение

<sup>36</sup> Шуклин М. Б. К вопросу о верхней хронологической границе черняховской культуры // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 21; Махно Е. В. К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 67–68 и др.

<sup>37</sup> См., например, погребение 8 могильника Извоар в Румынии, где такая амфора найдена со стеклянным кубком типа Косино середины — второй половины V в.: Vulpe R. Izvoare. Bucuresti, 1957. P. 296. Fig. 315, 320. Ср. также крымские комплексы: Айбабин А. И. Проблемы хронологии памятников Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1. С. 105 слл.

<sup>38</sup> Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 120. Тип. 100; Самойлова Т. Л. Основные типы амфор I—IV вв. н. э. из Тире // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978. С. 205. Рис. 4, 1–3.

<sup>39</sup> Зеест. Указ. соч. С. 118 сл.; Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice). Libya Antiqua. Suppl. V. 2. Tripoli, 1979. P. 229 сл. Type LR 10; Peacock D. P. S., Williams D. F. Amphorae and the Roman Economy. An Introductory Guide. L.—N.Y., 1986. P. 188–190. Class 45; Hayes J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. 2. The Pottery. Princeton, 1992. P. 63. Type 3.

<sup>40</sup> Михлин Б. Ю. Амфоры из коричневой глины из Северо-Западного Крыма // СА. 1974. № 2. С. 61 сл. Рис. 1, 2; Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время // СА. 1975. № 1. С. 88; Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 16. Рис. 3, 1; Tsetskhladze G. R., Vmukov S. Y. Colchian Amphorae: Typology, Chronology and Aspects of Production // The Annual of BSA. 1992. 87. P. 370–372. Fig. 12.

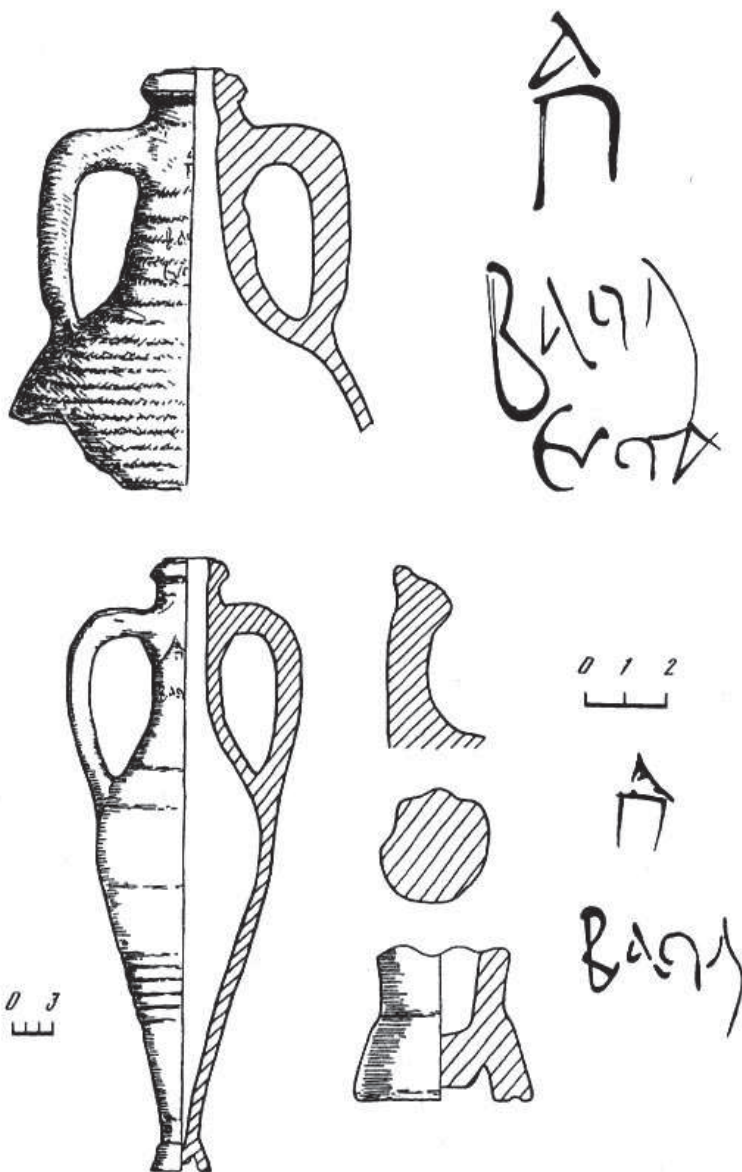


Рис. 3. Светлоглинянные амфоры с дипинти из цистерны К-1. Рисунок С. Дурасова

личного имени (См. рис. 3.). Из многочисленных имен, содержащих этот элемент, в просопографии Херсонеса встречается только имя Βασιλείδης<sup>41</sup>, что позволяет условно восстановить его и в этом случае, хотя, конечно, другие восстановления, например, Βασιλίσκος или Βασίλειος, тоже возможны. Из возможных интерпретаций надписи наиболее вероятным представляется предположение о том, что это личное имя владельца амфор, а следовательно, и усадьбы. Предположение о том, что это имя виноторговца, маловероятно, поскольку одинаковая надпись нанесена на две разные типные амфоры, видимо, происходящие из разных партий.

Ниже имени ΒΑΣΙΛΑ на одну из амфор нанесена надпись, читаемая как ΕΥΣΤΑ (См. рис. 3). Она имеет близкую аналогию — надпись ΕΥΣΤΑΘ на горле светлоглиняной амфоры неизвестного происхождения<sup>42</sup>. Д. Б. Шелов толковал ее как εὔσταθής — «крепкий»<sup>43</sup>. Это слово, однако, обозначает «крепкий» в значении «стабильный, прочный, здоровый (о теле)» и, конечно, не может служить определением вина<sup>44</sup>, так что толкование Д. Б. Шелова должно быть отвергнуто. На наш взгляд, данное сокращение должно быть дополнено как εὔσταθμος — «имеющий правильный размер, хорошо измеренный, полновесный», т.е. «мерный стандарт». В папирусах IV–VII вв. это слово очень часто встречается в значении «полновесный» (о монете: χρυσοῦ νομισμάτια εὔσταθμα ἀριθμῶ Χ — «полновесные золотые монеты числом Χ» ср. νομισμάτια εὔσταθμα — Cod. Just. 10.27.2.6)<sup>45</sup>. Известно, и его употребление в значении «мерный стандарт». В декрете Птолемея Эвергета II, относящемся к 121–118 гг. до н. э., при перечислении злоупотреблений говорится, что чиновники при исчислении размера налога пользуются мерами, превосходящими бронзовые эталоны, находящиеся в каждом номе: τὰ εὔσταθμα ἐν ἐκάστῳ νόμῳ ἀποδεδειγμένῃνα χα(λκῶ)<sup>46</sup>. Очевидно, именно это значение следует иметь в виду и в нашем случае. Амфоры стандартного объема, служащие для измерений, входили, согласно сообщениям римских агрономов, в состав необходимого на вилле инвентаря (См. Cat. 11. 2: amphorae sparteae). Одним из таких эталонов, видимо, и служила амфора (очевидно, предварительно тщательно измеренная), которая была обнаружена в цистерне К-1. Если наша трактовка этой надписи правильна, то она служит еще одним подтверждением интерпретации надписи ΒΑΣΙΛΑ как сокращения имени владельца усадьбы: эта надпись была нанесена одновременно с надписью ΕΥΣΤΑ, т.е. уже после того как амфора поступила на усадьбу.

Таким образом, удается установить, хотя и с некоторой долей сомнения, имя одного из последних владельцев усадьбы. Для нее, следовательно, может быть принято условное наименование «усадьба Василида». Как уже указывалось, это имя известно в просопографии Херсонеса, однако зафиксировано оно здесь лишь однажды: на алтаре с посвящением Немесиде второй половины II — начала III в.<sup>47</sup> Учитывая

<sup>41</sup> Имя хорошо известно на Боспоре: КБН. С. 858; Шелов Д. Б. Личные имена на амфорах из Танаиса // НЭ. XII. С. 48.

<sup>42</sup> ОАК за 1873 г. С. 63.

<sup>43</sup> Шелов. Личные имена... С. 51. Прим. 22.

<sup>44</sup> См. LSJ. P. 732.

<sup>45</sup> Использование CD ROM Packard Humanities Institute 6 позволило обнаружить 122 таких случая в деловых папирусах. Неполные списки см. Preisigke F. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden mit Einschluß der griechischen Inschriften, Aufschriften, Ostraka, Mumienschilder usw. aus Agypten. Bd. III. В., 1931. S. 347; Suppl. 1 (1940–1966) / Hrsg. von E. Kiessling. Amsterdam, 1971. S. 422.

<sup>46</sup> The Tebtunis Papyri. Pars. I / Ed. B. P. Grenfell, A. S. Hunt, J. G. Smyly, L. — N.Y., 1902. № 5, 85–86; ср. Lenger M. — Th. Corpus des Ordonnances des Ptolémées. Bruxelles, 1964. № 53, 85–86.

<sup>47</sup> Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 90. № 126.

редкость этого имени в Херсонесе, а также греческий обычай сохранять имя в семье, передавая его от деда к внуку, можно предположить родственную связь между двумя Басилидами. В пользу этого предположения говорит еще один, хотя и косвенный, аргумент.

При раскопках усадьбы было обнаружено 15 фрагментов черепицы с клеймами V Македонского легиона, подразделения которого входили в состав расквартированного в Херсонесе римского гарнизона (См. рис. 4)<sup>48</sup>. До сих пор на территории Херсонесского государства, насколько нам известно, было обнаружено лишь одно аналогичное клеймо (не опубликовано): создается впечатление, что чуть ли не вся партия черепицы с клеймами этого легиона поступила на усадьбу 150. Такое обилие легионной черепицы, совершенно уникальное на херсонесской хоре, очевидно, свидетельствует об особых тесных связях ее владельца с командованием римского гарнизона. Поставки легионной черепицы в строящиеся по римскому образцу дома связанной с Римом местной элиты известны и в других местах: такие поставки практиковались, например, в начале II в. на дунайской границе<sup>49</sup>. Подразделения V Македонского легиона были расквартированы в Херсонесе между серединой 110-х и серединой 160-х годов (наиболее вероятные даты — 116–168 гг.)<sup>50</sup>. Упомянувшееся выше посвящение Немесиде относится к близкому времени. При этом следует заметить, что культ Немесиды был совершенно не характерен для Херсонеса, зато очень популярен в дунайских провинциях, особенно среди легионеров<sup>51</sup>. Общеизвестно, что этот культ был принесен в Херсонес именно легионерами, прибывшими из Нижней Мезии<sup>52</sup>; он не получил распространения среди херсонесцев и продолжал оставаться культом расквартированных в городе легионеров<sup>53</sup>. Посвящение херсонесским жителем алтаря божееству римских легионеров, конечно, свидетельствует о его близости с их командованием. Таким образом, в нашем распоряжении имеются три факта: в V в. хозяин усадьбы 150 носил имя «Басилид»; его единственный известный в Херсонесе тезка во второй половине II в. был близок командованию римского гарнизона и посвятил алтарь богине легионеров; хозяин усадьбы 150 в это же время тоже был близок командованию гарнизона и получил большую партию легионной черепицы для ее постройки. По отдельности связи каждой пары этих фактов между собой могут быть объяснены простым совпадением, однако взятые вместе они подкрепляют друг друга, делая предположение

<sup>48</sup> Три из них опубликованы: *Сапрыкин С. Ю.* Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 58–62. Все клейма изготовлены одним штемпелем, но оттиски имеют разное качество и разную степень сохранности. Легенда клейм гласит: Leg(io) M(acedo)ni(ca) V. NA. Значение двух последних букв неясно. См. также *Сапрыкин С. Ю.* О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья // РА. 1997. № 1. С. 199.

<sup>49</sup> *Móscy A.* Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. London—Boston, 1974. P. 89–91.

<sup>50</sup> *Авдеев А. Г.* О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. 1995. № 2. С. 112–121.

<sup>51</sup> *Kazarow G.* Thrake. Religion // RE. 1936. VI. A. S. 526; *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960. S. 336. Ср.: *Karanastassi P., Rausa F.* Nemesis // LIMC. 1992. V–VI. P. 733–770.

<sup>52</sup> См.: *Щеглов А. И.* Фракийские посвятельные рельефы из Херсонеса Таврического // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969. С. 135–177; *Соломоник Э. И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам) // ВДИ. 1973. № 1. С. 57 сл.

<sup>53</sup> Ср. алтарь с латинским посвящением Немесиде, сделанный одновременно с посвящением Басилида и предназначенный для того же храма: *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. № 10.

о неслучайности этих связей более вероятным. Это позволяет в осторожной форме предположить, что посвяtitель алтаря Немесиде и хозяин усадьбы 150, получивший легионную черепицу, был одним лицом, причем его усадьба 300 лет спустя находилась в собственности той же семьи, один из представителей которой носил то же имя.

\* \* \*

Таким образом, южная усадьба клера 150 существовала в течение 700 лет (ок. 225 г. до н. э. — ок. 475 г. н. э.). За это время она неоднократно подвергалась существенным перестройкам, что позволяет выделить пять периодов ее существования. Открытые при раскопках усадьбы помещения относятся главным образом к III–V вв. Более ранние сооружения и постройки были практически полностью уничтожены при перестройках усадьбы, однако обнаруженные остатки позволяют все же в общих чертах представить себе развитие усадьбы и в более раннее время.

К *первому строительному периоду* (См. рис. 5, 1) относятся наиболее ранние строительные остатки усадьбы. Это прежде всего ранняя часть башни — помещение I (площадь около 20 кв. м), которое, собственно, и представляло собой раннюю башню. Ее тщательная кладка характерна для построек эллинистического времени. Стены башни были усилены противотаранным поясом, причем он был сооружен со всех четырех сторон. Та часть пояса, которая окружала внешнюю стену, имела пирамидальную форму, обращенная внутрь усадьбы — вертикальную. Подобные противотаранные пояса были сооружены в близкое время вокруг башен многих усадеб Гераклеяского п-ова (7, 9, 10, 26, 91 и др.)<sup>54</sup>. Внутри башни находилось подвальное помещение. Впоследствии, в тот же период (Iб) или в начале следующего башня подверглась коренной перестройке. Противотаранный пояс с западной стороны был разобран, и его блоки были использованы для сооружения помещения II, пристроенного к башне с этой стороны. При этом блоки были перевернуты и положены широкими частями вверх, а суженными вниз. Около узкого (0,8 м) входа в башню в восточной части помещения I была сооружена каменная лестница, ведущая на второй этаж. Вероятно, существовал и третий этаж, о чем свидетельствует массивность стен башни (1,3–2,5 м). Лестница перекрыла существовавший ранее в помещении I подвал, который при перестройке был засыпан.

Кроме башни к первому периоду относится также ранняя стена (РС), остатки которой перекрыты вымосткой помещения VIII и стеной, разделяющей помещения VII и VIII. Эта стена толщиной 1,2 м (прослежена на длину 15 м), сложенная из хорошо пригнанных блоков, видимо, служила внешней стеной ранней усадьбы и была разобрана при ее расширении. Из других сооружений к первому периоду принадлежит цистерна К-III грушевидной формы, перекрытая вымосткой помещения X. Возможно, уже в это время внутри башни была сооружена цистерна К-I, функционировавшая до конца существования усадьбы. Видимо, в первый период своего существования усадьба была небольшой (она занимала пространство между башней и стеной РС, находящейся на расстоянии примерно 12 м от башни), но хорошо укрепленной и, помимо хозяйственных функций, выполняла и чисто военные. Очевидно, иного типа постройки и не могли существовать во II в. до н. э. на Гераклеяском п-ове, подвергавшемся постоянным набегам скифов. В ходе раскопок в ряде мест между

<sup>54</sup> С. Ю. Сапрыкин (Ор. cit. P. 17–19, 31, 42–43) видит в этом строительстве воплощение единого плана херсонесских властей, направленного на защиту хоры.

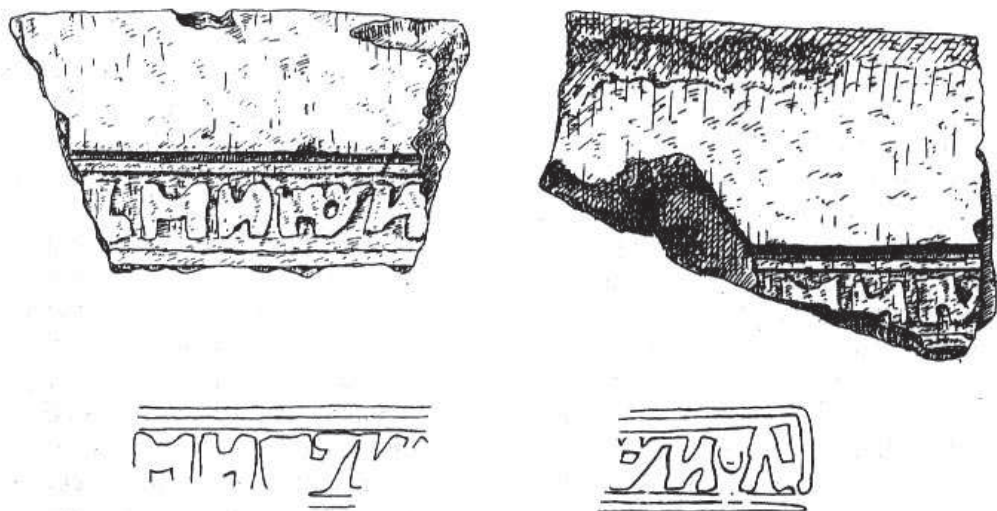


Рис. 4. Прорисовка клейм V македонского легиона. Рисунок С. Дурасова

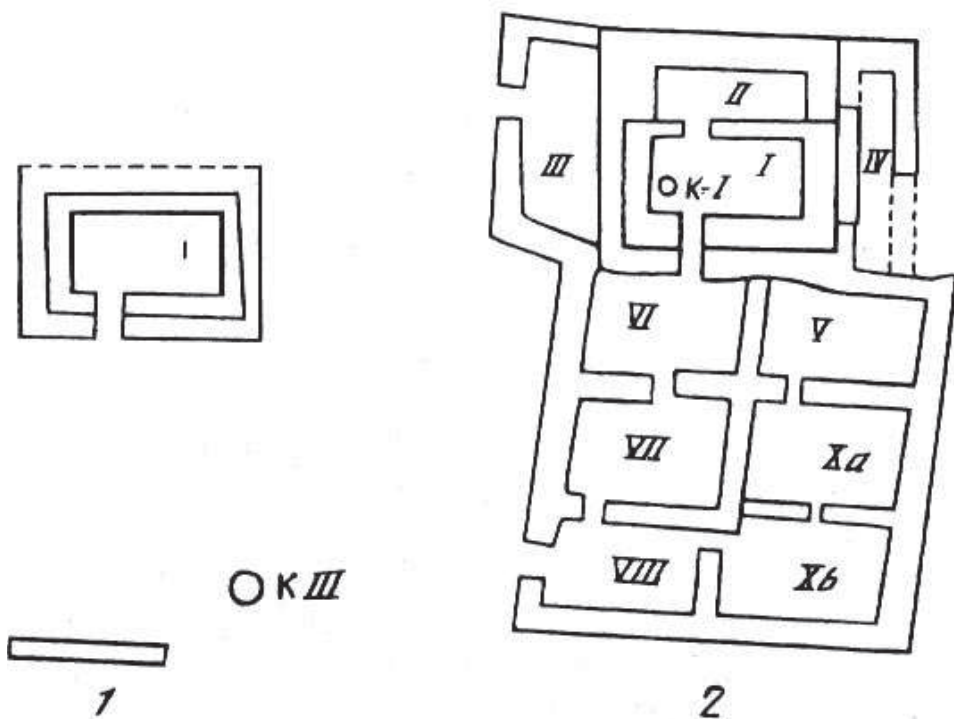


Рис. 5, 1–2. Схематические рисунки строительных остатков I и II периодов

башней и стеной РС был зафиксирован горелый слой, перекрытый более поздними помещениями и относящийся к первому периоду существования усадьбы. Его плохая сохранность не позволяет установить, была ли усадьба уничтожена пожаром или этот слой имеет иное объяснение. Нельзя исключить, однако, что усадьба первого строительного периода была уничтожена, как и многие другие усадьбы Гераклеяского п-ова, в конце II в. до н. э. В любом случае никакого существенного перерыва в заселении усадьбы не прослеживается и, если она и была разрушена, то ее вскоре восстановили.

В начале *второго строительного периода* (См. рис. 5, 2) усадьба была подвергнута коренной перестройке и расширена. К башне с востока на месте более ранних построек был пристроен комплекс помещений V, VI, VII, VIII, X (впоследствии разделено на помещения XI–XV). Первоначально на месте помещений X–XV существовало обширное строение, разделенное на два помещения, восточное и западное. Видимо, одновременно с этим к югу от башни было возведено помещение III, а к северу — помещение IV. Наружные стены этого комплекса помещений служили, очевидно, наружными стенами усадьбы. Усадьба оставалась небольшой по размерам, хотя и значительно расширилась по сравнению с предыдущим периодом. Датировка перестройки усадьбы и, следовательно, перехода от первого ко второму строительному периоду может быть определена благодаря тому, что вымостка вновь построенного помещения X перекрыла цистерну К-III. Заполнение этой цистерны, следовательно, может датировать это событие. Обнаруженный здесь набор керамики, прежде всего амфор, характерен для I в. до н. э., скорее для его середины или второй половины: совершенно отсутствуют амфоры, господствовавшие в импорте II в. до н. э., часть из которых доживает до начала I в. до н. э. В то же время отсутствуют и светлоглиняные амфоры типа А и с воронкообразным горлом, преобладающие в херсонесских комплексах I в. н. э. В комплексе преобладают фрагменты светлоглиняных амфор с двустольными ручками, причем их ножки относятся к типу I в. до н. э. (тип I по С. Ю. Внукову)<sup>55</sup>, представлены и красноглиняные амфоры с двустольными ручками. Итак, дата заполнения цистерны, а следовательно, и перехода от первого ко второму периоду — I в. до н. э., причем вряд ли его начало. Эта датировка подтверждается находкой бронзовой монеты второй четверти I в. н. э.<sup>56</sup> (эта монета отнесена Н. А. Фроловой к I веку до н. э.) на вымостке пола помещения VIII среди камней ранней стены РС, включенных в эту вымостку. Заполнение подвала помещения I башни, засыпанного при перестройке, указывает на ту же дату. В заполнении обнаружен достаточно многочисленный материал конца III–II в. до н. э., включая фрагмент «мегарской» чаши, ручку херсонесской эллинистической амфоры с гончарным клеймом, фрагменты синопских амфор. Представлен также материал I в. до н. э. (коричневоглиняные амфоры, светлоглиняные с двустольными ручками), однако фрагменты I в. н. э. отсутствуют.

Полученная по археологическому материалу датировка соответствует общей исторической ситуации. Как мы видели, и результате перестройки усадьба 150 практически утратила свою оборонительную мощь: башня из оборонительного сооружения превратилась в жилое и хозяйственное, ее противотаранный пояс был разобран (с запада) или застроен помещениями (с остальных трех сторон). Очевидно, такого рода перестройка могла произойти только в достаточно безопасный период, когда

<sup>55</sup> Внуков С. Ю. Светлоглиняные амфоры городища Чайка близ Евпатории // ВМГУ. Сер. История. 1984. №6. С. 58–59.

<sup>56</sup> Анохин. Указ. соч. Табл. XIV. № 214.

жителям херсонесской округи уже никто не угрожал. Такая благоприятная ситуация сложилась в начале I в. до н. э. после походов Диофанта, в результате которых Херсонес был избавлен от скифской опасности. Ситуация еще более стабилизировалась с установлением римского протектората и получением элевтерии от Рима при Юлии Цезаре<sup>57</sup>. Таким образом, первая фундаментальная перестройка усадьбы, происшедшая в начале второго строительного периода, датируется в рамках I в. до н. э., скорее ближе к его середине или второй половине.

В результате следующей перестройки, которой начинается *третий строительный период* (См. рис. 6), усадьба, имевшая ранее стандартные для Гераклейского п-ова размеры, значительно расширилась. Существовавшие ранее помещения продолжали функционировать, но подверглись перестройке. Стена, разделявшая помещение X на две половины, была снесена, и внутри него было сооружено шесть небольших помещений (X–XV), расположенных с двух сторон от вымощенного плитой коридора. В помещении X обнаружены остатки каменной лестницы, которая вела на второй этаж, расположенный над помещениями V и VI. Новые помещения пристраивались к уже существовавшим в два этапа, что позволяет выделить внутри третьего строительного периода два подпериода. Первоначально к раннему комплексу помещений с востока были пристроены помещения IX, XVI и XVII. Через некоторое время северная стена помещения XVII была частично разобрана, в результате чего в ней образовался широкий проем, и к ней был пристроено помещение XVIII, а внешняя восточная стена всего комплекса помещений была усилена дополнительной кладкой. Проводившиеся одновременно с этим работы существенно расширили размеры усадьбы. К уже имевшимся строениям с севера был пристроен комплекс помещений XIX–XXII, соединенный с ними проходом, а также помещение XXV. Далее, северная стена помещения IV была частично разобрана, в результате чего образовался широкий проем, и к нему были пристроены помещения XXIX и XXX; в первом помещении была сооружена цистерна K-IV.

Наконец, в следующий подпериод выделяется пристройка новых помещений, еще более расширивших площадь усадьбы. С севера к ней был пристроен комплекс помещений XXIII, XXIV, XXVI, XXVII, XXVIII. Одновременно северная стена помещения XXV была снесена, и оно было расширено, с запада к башне было пристроено помещение XXXI. Был сооружен большой загон для скота, имеющий почти правильную круглую форму, и связанные с ним помещения XXXIII–XXXV. К тому же времени, вероятно, относится сооружение перед основным входом в усадьбу двора A и круглого строения Kp-I.

Датировка описанных перестроек вызывает некоторые трудности из-за отсутствия закрытых комплексов. Керамический материал, обнаруженный на уровне полов вновь построенных помещений, относится ко II в. н. э. (светлоглиняные амфоры типа C); материал I в. до н. э. — I в. н. э. обнаружен лишь под уровнем полов этих помещений и относится, видимо, к мусорным слоям, накопившимся на этой территории до ее застройки. Материал, следовательно, указывает на II век н. э. как наиболее вероятную дату начала третьего строительного периода. Очевидно, именно для этих крупных перестроек на усадьбу была ввезена партия черепицы с клеймами V Македонского легиона (См. выше), что позволяет уточнить дату третьего периода. Подразделения этого легиона входили в состав херсонесского гарнизона примерно

<sup>57</sup> Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. Вып. 63; Кадеев В. И. Указ. соч. С. 13–17; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 12–18.



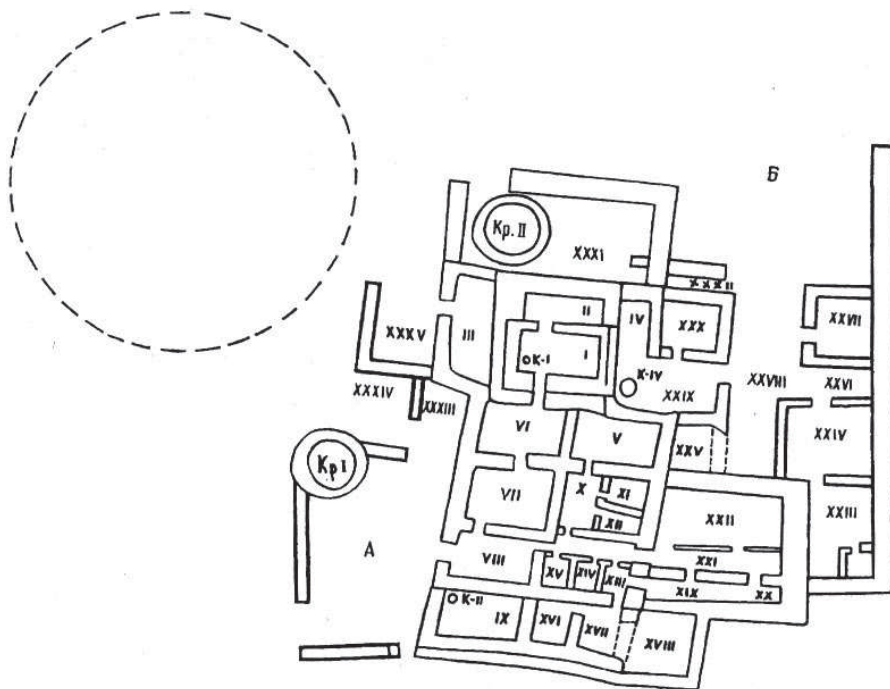


Рис. 6. Схематический рисунок строительных остатков III периода

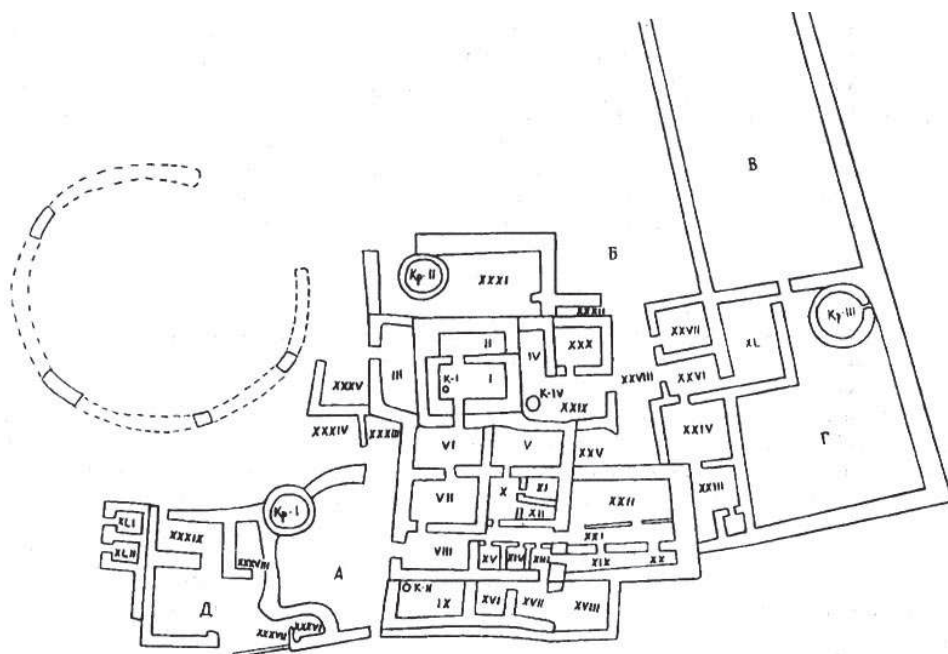


Рис. 7. Схематический рисунок строительных остатков IV и V периодов

в 116–168 гг., что позволяет отнести перестройку усадьбы 150 примерно к тому же времени<sup>58</sup>.

В результате этой перестройки окончательно оформился архитектурный облик основной части усадьбы, причем она приобрела ряд признаков сельских вилл римского типа, описанных в трактатах Катона, Варрона, Колумеллы и Палладия<sup>59</sup>. Сопоставление материалов раскопок с трактатами римских агрономов позволило в большинстве случаев определить назначение раскопанных помещений (См. ниже).

В результате следующей перестройки, начинающей *четвертый строительный период* (См. рис. 7), усадьба приобрела свои максимальные размеры. С юга к ней был пристроен комплекс помещений XXXVI–XXXIX, отделенный от основной части усадьбы хозяйственным двором А. С севера были сооружены обширные скотные дворы В и Г с помещением XL, и Кр-III. Несколько позже к южной стене помещения XXXIX и двора Д были пристроены два помещения XLI и XLII.

Помещения, существовавшие во время третьего строительного периода, в основном сохранили свое назначение и планировку. Таким образом, в отличие от предыдущих, между третьим и четвертым периодом существует явная преемственность, а перестройка усадьбы, разделяющая их, была развитием уже существовавшего ее плана. Перепланировки построенных в предыдущий период зданий были незначительны, и перестройка состояла в основном в расширении усадьбы. Она отражает, однако, существенные изменения в направлении ее хозяйства и прежде всего резкое возрастание роли скотоводства. О тех же изменениях, и, в частности, о свертывании виноградарства, свидетельствуют многочисленные находки тарапанов, разбитых и использованных вторично в качестве строительного материала<sup>60</sup>.

Датировка перехода от третьего к четвертому строительному периоду определяется, прежде всего, по керамическому материалу. В течение первых трех периодов существования усадьбы территория к югу от нее, куда выходил главный вход, использовалась для сброса мусора, в результате чего здесь образовался значительный мусорный слой, содержащий материалы конца III в. до н. э. — II в. н. э. Построенные здесь помещения XXXIII–XXXIX, XLI–XLII перекрыли эти мусорные напластования. Уточнить датировку их сооружения позволяет изучение керамического материала, происходящего из забутовок стен помещений. Для нее использовался грунт, взятый на месте, и вместе с ним в забутовку попадала и керамика из существовавшего здесь раннего слоя. Соответственно в забутовках стен этих помещений обнаружена та же керамика, что и в мусорных напластованиях. Наиболее поздние фрагменты, представленные единичными экземплярами, относятся к первой половине III в. н. э.; преобладают фрагменты I в. до н. э. — I и II в. н. э. Это позволяет определить дату сооружения помещений южного крыла, а соответственно и начала четвертого строи-

<sup>58</sup> Во II в. перестраиваются и расширяются многие виллы в различных римских провинциях: см. *Frömersdorf F.* Der römische Gutshof in Köln—Mürgersdorf. B., 1933; *Maeyer R.* de. Romeinsche Villas in België. Een archeologische studië. Antwerpen, 1937; *Serra Rafols J. de.* La villa Romana de la Dehesa de la Cocosa. Badajos, 1952; *Nikolov D.* The roman Villa at Chatalka, Bulgaria. L., 1976.

<sup>59</sup> См. о подобных виллах, раскопанных в окрестностях Помпей: *Carrington R. C.* Some Ancient Italian Country—Houses // *Antiquity*. 1934. 8. P. 265–275. Ср. также: *Dohr B.* Die italischen Gutshofe nach den Schriften Catos und Varros. Köln, 1965.

<sup>60</sup> Те же изменения — свертывание виноградарства, повышение роли производства зерновых и скотоводства — во II–III вв. отмечены и на других усадьбах Гераклеи: *Janushevich Z. V., Nikolaenko G. M.* Fossil Remains of Cultivated Plants in the Ancient Tauric Chersonesos // *Archaeo—Physika*. 1979. 8. P. 127–131; *Saprykin.* Op. cit. P. 25, 27 f. Так, в это время у стен усадьбы № 9 также был сооружен загон для скота, а ее округа перепланирована.

тельного периода, началом III в. н. э. Указанная датировка подтверждается и керамическим материалом, обнаруженным на уровне полов помещений — он относится в основном к III в. н. э.; особенно широко представлены светлоглиняные амфоры типа D. Сходная картина фиксируется и на северной окраине усадьбы, с той лишь разницей, что культурные напластования имеют здесь гораздо меньшую мощность.

Ко времени четвертого строительного периода, очевидно, относится и коренная перепланировка территории поместья, центром которой была «усадьба Басилица». Усадьба построена на высоком склоне Юхариной балки в том месте, где ее ложе расширяется и образует вместе с противоположным пологим склоном достаточно обширную низину, имеющую глубокий почвенный слой и создающую хорошие условия для занятий земледелием. Однако расширение обрабатываемых площадей здесь было затруднительно: почвенный слой, покрывающий скальное основание, в этой части Гераклеяского п-ова, как правило, очень тонок (20–30 см), а в некоторых местах скала выходит на поверхность. Видимо, в ранний период существования усадьбы прилегающие к ней плодородные земли удовлетворяли нужды ее владельцев, однако теперь положение изменилось. Оба склона балки были террасированы, что значительно увеличило обрабатываемые площади. На каждом склоне было сооружено по одной подпорной стене, поддерживавшей террасу. Подпорные стены, которые точно следовали изгибам балки, прослежены на расстояние около километра. На пологом склоне балки напротив усадьбы была сооружена еще одна подпорная стена, прослеженная на расстояние около 300 м, которая позволяла создать в этом месте дополнительную террасу. Верхняя и нижняя подпорные стены были соединены поперечной стеной, вдоль которой проходила дорога, пересекавшая балку и подходившая к южному входу в усадьбу с востока.

Подпорные стены, составляющие единую систему, могут быть датированы благодаря керамическому материалу, обнаруженному в их забутовках. Шурфами было вскрыто 17 участков подпорных стен, расположенных в достаточно удаленных друг от друга местах, однако происходящий из их забутовок материал вполне однороден. Датированные фрагменты (светлоглиняные амфоры типа D) относятся к III в. н. э., что позволяет синхронизировать сооружение подпорных стен с перестройкой усадьбы, начинающей ее четвертый строительный период. Обрабатываемые площади в это время были, таким образом, значительно увеличены за счет террасирования склонов балки (вероятно, они использовались скорее всего для выращивания виноградников), а ее верхние каменистые части использовались, вероятно, как пастбища. Следует специально отметить, что в окрестностях усадьбы отсутствуют следы межевых стенок эллинистического времени, столь хорошо прослеживаемых в других частях Гераклеяского п-ова. По-видимому, это объясняется тем, что эти стенки, отделявшие наделы эллинистического времени друг от друга, были разобраны при перепланировке поместья, а их камень использован для сооружения новой системы подпорных стен. Некоторые элементы эллинистической системы межевания, однако, сохранились: так, подходившая к усадьбе дорога и окаймляющая ее стена восходят к эллинистической эпохе. Эти элементы, однако, были включены в новую систему. Таким образом, на месте нескольких средних (площадь 25–26 га) наделов эллинистического времени появилось крупное поместье, которое может считаться настоящей латифундией<sup>61</sup>.

<sup>61</sup> Ср. аналогичный процесс поглощения соседних имений и создания латифундии в тиферском имении Плиния Младшего: Кузицин В. И. Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н. э. // ВДИ. 1962. № 2.

Его центром была «усадьба Басилида», перестроенная бывшая усадьба эллинистического клера 150.

*Пятым строительным периодом* стал позднеантичный слой, который можно датировать IV–V веками. Если конец этого периода фиксируется более или менее надежно, то его начальная дата имеет несколько размытые границы между серединой и концом III в., а возможно, и началом IV в. Вполне вероятно, что начало серьезных перестроек хозяйства, выразившихся в резком возрастании роли скотоводства и превращении его в ведущую отрасль, свертывании интенсивного виноградарства и плодородства связано с готским нашествием и опустошением окрестностей Херсонеса в конце 260-х — начале 270-х годов<sup>62</sup>. Если это так, то начало заключительного периода существования виллы относится к последней четверти III в. В этот период все прежние помещения и обширные размеры усадьбы сохранились, но были сделаны и новые пристройки, в частности, огромные скотные дворы (дворы «В» и «Г» площадью до 400 и 500 кв. м) для крупного рогатого скота с большим помещением XL (ок. 35 кв. м) для скотников, двор «Д» с помещениями XXXVI–XXXIX, XLI–XLII, скорее всего приспособленный для разведения коз, а также отдельно стоящее помещение АГ (в забутовке одной из его стен найдена монета императора Валентиниана I). Вилла приобрела свои наибольшие размеры как раз в позднеантичный период, причем последние перестройки сопровождались резкой переориентацией хозяйства в сторону увеличения роли скотоводства<sup>63</sup>.

<sup>62</sup> Кадеев. Херсонес Таврический... С. 34–35; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 118–121.

<sup>63</sup> Авторам статьи не удалось прийти к общему мнению относительно позднего периода существования усадьбы. Мнение В. И. Кузицина изложено в тексте. Согласно мнению А. И. Иванчика, материал свидетельствует о сокращении территории усадьбы в рамках этого периода. В результате этого сокращения было заброшено южное крыло (помещения XXXIII–XXXIX, XLI, XLII, Кр—I), сооружение которого относится к предыдущему периоду. Для его датировки особое значение имеет керамический материал, обнаруженный в заполнении подвальной части помещения Кр—I. Материал этого заполнения определено датирован III веком н. э. Среди находок преобладают светлоглиняные амфоры типа D, причем они представлены крупными фрагментами, включая несколько целых верхних частей, что исключает возможность перемещения этих фрагментов из более ранних слоев. Здесь же обнаружены фрагменты красноглиняных амфор того же времени (Зеест. Указ. соч. Типы 72–73, 75, 80). Ни одного фрагмента IV в. н. э. не обнаружено. Таким образом, помещение Кр—I прекратило функционировать не позже конца III в. н. э. Более того, на всей остальной площади названных помещений керамика IV в. н. э. практически не встречается. Материал IV — первой половины V в. н. э. обнаружен лишь на территории двора А, непосредственно примыкающего к основному ядру усадьбы, использовавшемуся в это время. Несмотря на малую мощность и слабую выразительность культурных слоев, на северном скотоводческом комплексе фиксируется та же картина. Среди находок здесь преобладает материал III в., керамика IV в. практически отсутствует. Если эти наблюдения справедливы, то они свидетельствуют об упадке хозяйства, который можно связать с готским нашествием. Несмотря на сокращение территории усадьбы, ее центральная часть продолжала активно использоваться, о чем свидетельствует значительное количество обнаруженного здесь материала IV — первой половины V в. О том же свидетельствует и заполнение цистерны К—IV, содержавшее многочисленные, в том числе крупные, фрагменты светлоглиняных амфор типа F. Новое строительство на усадьбе, видимо, уже не производилось, если не считать мелкого ремонта. Единственным исключением стало сооружение в 30 м к востоку от усадьбы, на склоне балки, отдельно стоящего здания АГ площадью около 18 кв. м. Здание перекрывало и частично использовало подпорную стену, сооруженную ранее на склоне балки. Оно было перекрыто черепичной крышей и снабжено небольшим полуподвалом площадью 2,5 кв. м. Время сооружения здания датировается благодаря находке в забутовке западной стены монеты Валентиниана I концом третьей — последней четвертью IV в.: керамический материал не противоречит этой дате. Вход в здание был аккуратно заложен и здание было покинуто одновременно со всей усадьбой.

\* \* \*

Прослеженное типологическое сходство между классическими средиземноморскими образцами усадебного строительства и эволюцией «виллы Басилидов» от первоначальной фортификационной башни в типичный римский комплекс крупной сельской виллы — наглядное свидетельство тесной связи, которая установилась и постоянно поддерживалась между средиземноморскими центрами и Херсонесом. В частности, много близких аналогий между комплексом поздней виллы-претория, описанным Палладием, и окончательной планировкой херсонесского поместья (например, Pall. I. 8. 1–2; 9. 1–2; 22. 1; 34. 1–2 и др.), однако это специальный вопрос и, к сожалению, нет возможности остановиться на нем подробно<sup>64</sup>. Общая площадь помещений и дворов усадьбы, вскрытых раскопками, составляла ок. 4800 кв. м, включая вторые этажи. Всего вскрыто 42 помещения, два хозяйственных двора и три скотоводческих комплекса.

Исследованная вилла четко подразделяется на несколько строительных комплексов: 1) монументальная башня (помещение I и II); 2) центральная часть — помещения V–XXII с хозяйственным двором «А», которая может быть определена как производственно-жилая часть всей виллы; 3) комплекс помещений IV, XXIII–XXX, XXXII с хозяйственным двором «Б», который может быть определен как хозяйственно-складское крыло виллы; 4) скотоводческие комплексы, один в южной части виллы, включающий большой загон (БЗ) для овец с помещениями III, XXXI, XXXIII–XXXV, Кр—I, Кр—II, двор «Д» с помещениями XXXVI–XXXIX для коз, третий — скотоводческий комплекс в северной части виллы, включающий скотные дворы «В» и «Г» для крупного скота и помещения XL и Кр—III; 5) отдельно стоящее в 30 м от основной виллы помещение, так называемый дом «АГ», предназначенное, скорее всего, для хранения фруктов и овощей (См. рис. 8).

Вилла существовала около семи столетий, достраивалась и перестраивалась настолько радикально, что сейчас с трудом можно представить облик усадьбы первого строительного периода. В законченном и полном виде это помещение и комплексы усадьбы сложились во II–III вв. н. э., продолжали функционировать в IV–V вв. н. э., поэтому мы дадим описание именно этого комплекса помещений.

*Монументальная башня (помещения I и II)* была центром всей виллы и поместья (ср. выше). После перестройки башни и сооружения помещения II в нем был устроен выдолбленный в скале подвал, в котором *in situ* обнаружены остатки пяти огромных пифосов и углубления для днищ еще трех пифосов. Некоторые из них имели свинцовые скобы для крепления лопнувших стенок, что свидетельствует, во-первых, о длительном использовании пифосов, во-вторых, говорит о том, что в них хранился не жидкий продукт (вино или масло), а зерно, и, в-третьих, указывает на проведение ремонтных работ с этими пифосами непосредственно на вилле.

Таким образом, во второй половине I в. до н. э. на усадьбе было построено трехъярусное монументальное сооружение с мощными, до 3 м, стенами, позволяющее иметь солидный запас продовольствия и воды для пребывания нескольких десятков человек на втором и третьем ярусах, которые имели общую площадь до 100 кв. м. Фактически башня была микрокрепостью в пределах всей виллы, где могли отсидеться в обороне все постоянные работники и обитатели поместья в случае напа-

<sup>64</sup> Например, вилла в окрестностях г. Бадахос (Южная Испания) имела компактную структуру, аналогичную «вилле Басилида», вплоть до окончания своего существования в V в. н. э. (*Serra Rafols. J. de. La villa Romana de la Dehesa de la Cocosa. Badajoz, 1952. P. 152–163*).



дения воинственных местных тавров или неожиданного набега скифского конного отряда.

Монументальная башня была архитектурно-организационным центром всех усадебных помещений и основой обороны, однако производственная и повседневная жизнь людей протекала в других помещениях, которые образовывали *особое крыло виллы как ее производственный центр*. Это крыло находилось сразу за главным выходом (ГВ), но оно предварялось и организовывалось хозяйственным двором «А». Двор «А» (площадью 100 кв. м) представляет собой открытое незастроенное пространство, защищая и оформляя главный вход в производственно-жилой комплекс виллы и помещения башни. Поверхность двора «А» была выровнена, под ним прослеживается водосток, выложенный из тонких каменных плит, поставленных на ребро, который отводил сточные воды из основных помещений за пределы виллы. Из двора «А» через широкий проем можно было попасть на скотный двор для овец и в помещения XXXIII и XXXIV, а через узкий проем-калитку (0,9 м шириной) можно было выйти за пределы виллы.

Ограждающая двор «А» с юга стена имеет закругленную форму и в нее встроена холодильная камера Кр-I. Со стороны двора открыт дверной проем в эту холодильную камеру. Такая конструкция позволяет считать, что ограждающая двор стена и помещения Кр-I построены одновременно.

Сохранившийся производственно-жилой комплекс относится к третьему строительному периоду. К нему относятся помещения V–XXII, т.е. всего 17 помещений, и хозяйственный двор «А». Комплекс занимает юго-восточное крыло и является основным ядром виллы. Здесь находились производственно-ремесленные помещения и жили постоянные работники. Помещения производственно-жилого комплекса связаны системой проходов, имеют единую канализационную систему отвода сточных вод и отгорожены глухими стенами от других хозяйственных и скотоводческих комплексов. В свою очередь комплекс четко разделяется на две почти равные половины: жилую — помещения V, X–XXII и производственную — помещения VI–IX.

Начнем описание с характеристик жилых помещений. Помещение V — прямоугольное, общей площадью около 30 кв. м — одно из самых больших. Оно было изолированным по своему положению и связано узким проходом с помещением X. При исследовании внутренних поверхностей стен помещения V были обнаружены выпиленные в каменных блоках отверстия-скобы диаметром около 5–7 см и на расстоянии около 1,3–1,5 м друг от друга, которые располагались на высоте 0,3–0,4 м от поверхности пола. Пять таких скоб обнаружено в западной стене и три в северной. Эти отверстия-скобы, по нашему определению, сделаны для того, чтобы привязывать наказанных рабов цепью или тросом. Изолированное расположение помещения V, соединенного только узким проходом (0,8 м) с жилым комплексом X–XV, и наличие специальных скоб для цепей или канатов позволяет определить данное помещение как эргастул для наказанных работников виллы<sup>65</sup>.

<sup>65</sup> Вопрос о том, как содержались рабы в эргастуле, совершенно не ясен. Таких рабов Колумелла называет закованными, или колодниками (*vinciti*), в отличие от свободных, «не стесненных» (*soluti*). Однако вряд ли следует думать, что *vinciti* работали в поле или винограднике в кандалах — это крайне затрудняло бы для них выполнение их заданий. Скорее всего, *vinciti* наказывались тем, что они помещались в особые помещения типа карцера и заковывались в кандалы после работы. Об этом говорят выражения Колумеллы: *optime solutis servis cellae meridiem aequinoctialem spectates fient: vincitis quam saluberimum subterraneum ergastulum* (Col. I. 6. 3). При раскопках одной из помпейских вилл (виллы Тиберия Клавдия Евтиха) найдена железная групповая колодка с 14 ячейками, которые замыкали одну из ног колодника, т.е. такая конструкция могла удерживать до 14 рабов, но передви-

Помещения с X по XV определяются как жилые. Это небольшие каморки более или менее одинаковой площади (6–8 кв. м), которые расположены вокруг широкого центрального прохода, объединяющего помещения X–XV в единый жилой комплекс перистильного типа. Этот центральный проход не имел крыши и был вымощен камнем (так называемая вымостка III), в то время как полы помещений X–XV глинобитные. Каких-либо следов штукатурки или других отделочных работ на стенах этих помещений не обнаружено, что заставляет считать их жилыми каморками для работников рабского статуса<sup>66</sup>. В помещении X были обнаружены остатки монументальной лестницы, ведущей на второй этаж, надстроенный над помещениями V–VI, скорее всего он был жилым.

Проход из помещения XIII вел в помещение XVII с полом из тщательно уложенных каменных плит. Напомним — лишь два помещения из 42 имеют вымощенный пол, и это свидетельство более тщательной отделки данного помещения. Оно достаточно большое, около 18 кв. м, его сохранившиеся стены имеют регулярную кладку, вдоль одной из них обнаружены развалины лестницы на второй этаж. Проход соединяет это помещение с помещением XVI, а широкий проем (шириной 3,8 м) ведет в помещение XVIII, которое, судя по сохранившейся лестничной площадке, было двухэтажным, своего рода небольшой угловой башней. В этих помещениях сделаны относительно богатые находки: 26 фрагментов стеклянных сосудов, в том числе одна стеклянная бусина, два массивных железных гвоздя, железный предмет, напоминающий согнутое массивное долото, около двух десятков обуглившихся зерен пшеницы, обломок солена с плохо сохранившимся клеймом, пирамидальное грузило, часть ручного жернова, довольно большое количество черепков амфор, краснолаковая и простая керамика, медная монета императора Лициния, сопровителя Константина. Эти данные позволяют предположить, что вышеназванные помещения были жилыми и предназначались для администрации виллы. находка стеклянной бусины позволяет предположить, что это были апартаменты вилика, и бусина принадлежала его жене. Расположение помещений в глубине усадьбы рядом с каморками рабов вполне соответствует классическим описаниям римских агрономов, а с высоты второго этажа помещения XVIII вилик мог наблюдать за ходом сельскохозяйственных работ во всем имении и за всем, что творилось на вилле.

Расчлененность жилого комплекса на три разные части: эргастул для провинившихся рабов, шесть каморок для основной массы работников и апартаменты вилика и его семьи вполне совпадают с рекомендациями такого классика римской агрономии, как Колумелла<sup>67</sup>.

---

гаться, а тем более работать, они, конечно, не могли (см. *Notizie degli Scavi di Antichita*. 1922. XIX. P. 465). На «вилле Басилида» колодников привязывали к скобам на ночь.

<sup>66</sup> Исследование кампанских вилл (особенно вилл № 13, 31, 33, 34) показывает, что это был компактный комплекс из 6–12 совершенно одинаковых каморок площадью от 6 до 14 кв. м, которые группировались вместе и располагались в глубине двора (см. *Сергеевко М. Е.* Помпеи. М.—Л., 1949. С. 301–306; *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973. С. 96 сл.). В таких каморках, как предполагают исследователи, проживали два раба. В таком случае в шести каморках «виллы Басилида» могло проживать 12 человек.

<sup>67</sup> Вот, например, несколько советов Колумеллы, которые как бы непосредственно реализованы на «вилле Басилида» в жилом крыле: *At in rustica parte alta et magna culina ponetur ut et contignatio careat, incendii periculo et in ea commode familiares omni tempore anni murari queant. Optime solutis servis cellae meridiem aequinoctialem spectantes fient: vinctis quam saluberrimum subterraneum ergastulum plurimis, sitque id angustis inlustratum fenestris atque a terra sic editis, ne manu contingi possint... Vilico iuxta ianuam fiat habitatio, ut intrantium exeuntiumque conspectum habeat, procuratori supra ianuam ob easdem causas (Col. I. 6. 6–7).*



*Производственные помещения.* Двумя проходами помещения XIX–XXII соединены с жилым крылом виллы помещениями X–XV. Жилые помещения X–XV и помещения XIX–XXII образуют четко выраженный единый архитектурный ансамбль. Можно думать, что этот комплекс в самом центре виллы был своего рода местом сбора большей части рабочего люда — людской кухней, которую упоминают римские агрономы. К сожалению, очень тонкий культурный слой (ок. 0,15 м) не позволяет выяснить назначение всего комплекса помещений.

Помещения VI, VIIa и VIIб, VIII, IX образуют замкнутый комплекс производственно-ремесленного назначения. Довольно большое помещение VI (его площадь около 30 кв. м) непосредственно примыкает к башне и имеет стены, выложенные тщательной кладкой. Здесь обнаружено довольно много фрагментов лепной посуды, а также ком желтой глины значительных размеров (0,8 X 0,6 м), который, видимо, служил сырьем. В юго-восточном углу имеется зольное пятно — свидетельство каких-то работ, связанных с огнем. Поперек помещения от прохода в башню сохранилась выложенная из тонких каменных плиток дорожка, делящая помещение VI примерно на две равные части. Здесь найдены медные монеты императоров Валента и Феодосия I, а также небольшая пирамидальной формы известняковая плита с рельефным изображением молодого Геракла, идущего вправо (размеры 0,2 X 0,2 X 0,11 м). Расположение помещения около башни, где хранились основные припасы, в частности, стояли восемь пифосов со следами починки, сырьевая глина, железные гвозди, а также его большие размеры говорят о том, что здесь было налажено какое-то производство, возможно, связанное с ремонтными работами и подготовкой продуктов к хранению в башне.

Назначение помещений VII и VIIa неясно. В помещении VII найдена медная монета императора Льва I. Пол помещения VIII (площадь 22 кв. м) представляет собой тщательно выложенную вымостку из больших каменных плит, именно здесь находился главный вход в производственно-жилое крыло и башню виллы. Помещение можно определить как своего рода «прихожую» виллы, аналогичную римскому *vestibulum*. Из этого *vestibulum* проходы вели, с одной стороны, в помещения VI–IX и в башню, а с другой стороны — в жилое крыло с помещениями V, X–XXII. В помещении VIII обнаружены остатки наиболее ранней внешней стены (PC) виллы второго строительного периода. При последующих перестройках она была разобрана, а ее сохранившаяся часть сглажена и вместе с вновь сделанной вымосткой превратилась в каменный пол нового помещения VIII.

Помещение IX (площадью 28 кв. м), смежное с вестибюлем, отделено от него глухой стеной. Входили в него, видимо, по приставной лестнице через специальный проем. В его юго-западном углу открыта цистерна для хранения воды (глубина 2,1 м, наибольший диаметр 1,45), в северной части находился мощный зольник в пределах закругленного ряда камней, что предполагает наличие постоянного очага. Изолированность, большие размеры, цистерна для воды и постоянный очаг заставляют предполагать, что помещение использовалось для ремесленных работ с применением воды и огня (может быть, здесь работали колодники из эргастула, чем и объясняется изолированность помещения). Кроме большого количества керамики здесь найден хорошо сохранившийся железный лемех для плуга, который по результатам металлографического анализа датируется позднеантичным временем.

*Хозяйственно-складской комплекс.* Помещения XXIII–XXX, XXXII и двор «Б» имеют единую архитектурную планировку, продуманную систему проходов, связывавших их в замкнутый комплекс. Он отгорожен глухими стенами от производственно-жилого крыла виллы и скотных дворов «В» и «Г». Анализ имеющихся материалов

позволяет определить назначение раскопанных помещений следующим образом. Небольшое помещение XXXII (площадь около 6–7 кв. м), расположенное у широкого въезда (ширина 3,5 м), очевидно, является каморкой остиария, сторожа, наблюдавшего за привозом и вывозом продукции, ее охраной и учетом. Помещения XXIII–XXIV, XXVI–XXVII не имеют каких-либо специфических особенностей и могут быть определены как обычные кладовки для хранения снаряжения, инвентаря и некоторых продуктов. Помещение XXV имеет ряд особенностей: оно довольно просторное (площадь около 36 кв. м), по периметру его стен обнаружены круговые каменные выкладки разного диаметра от 0,4 до 1,1 м, которые использовались как гнезда для пифосов (три гнезда) и для крупных позднеантичных амфор (четыре гнезда), многочисленные фрагменты которых часто встречаются при раскопках виллы. В помещение вел проем шириной 3 м, куда могла въехать груженная повозка. Поэтому помещение XXV может быть определено как винохранилище, в котором стояли пифосы и крупные амфоры.

Помещение XXIX (площадью около 40 кв. м) имеет ту особенность, что в его южной части около башни в скальной породе вырублена огромная грушевидной формы цистерна для хранения воды (глубина 4,7 м, диаметр узкой части — 1,7 м, в самой широкой части — 3,1 м). Помещение предназначалось для пополнения, поддержания и расходования запасов воды в цистерне, бывшей основным водохранилищем виллы. Помещение XXVIII (площадью 42 кв. м), скорее всего, было открытым двориком, куда выходили дверные проемы помещений XXVI–XXX.

Большой тщательностью кладки и относительным разнообразием находок выделяется помещение XXX (площадь около 22 кв. м). Фрагменты краснолаковой посуды, множество обломков амфор, простой посуды, ручных мельничных жерновов, каменная ступка и большое количество костей животных говорят о жилом назначении этого помещения. Возможно, здесь размещался рабочий персонал, обеспечивавший доставку и обработку хранимых продуктов.

Органической частью хозяйственно-складского крыла был двор «Б», раскинувшийся перед главными воротами, ведущими в комплекс помещений XXIII–XXX. Его общие размеры ок. 180 кв. м. Он представлял собой ровное пространство, дневная поверхность которого тщательно выровнена за счет утрамбованного грунта и подтеки скалы. Видимо, здесь скапливались повозки, выючные животные, носильщики, происходил учет продукции, прежде чем она могла быть распределена по помещениям XXIII–XXX.

Интересным и достаточно редким в практике археологических раскопок Причерноморья является раскрытие довольно хорошо сохранившихся остатков приусадебных сооружений, которые могут быть определены как скотоводческие комплексы. Один из них был предназначен для овец, второй и третий были связаны с содержанием коз и крупного рогатого скота. Скотоводческий комплекс для овец включал следующие помещения: большой загон (БЗ) — громадное открытое помещение, окруженное каменной кольцевой оградой до 30 м в диаметре, общей площадью от 900 до 1000 кв. м<sup>68</sup>, примыкающее с юга к башне помещение III, тщательно отделанное (площадью около 32 кв. м), и предназначенное для постоянного жительства

<sup>68</sup> По сведениям современных пастухов, и сейчас гоняющих овечьи отары на Юхариной балке, в таком загоне могло поместиться до 1000 овец. Это очень большое стадо. Варрон называл огромными (*greges magni*) овечьи отары, которыми владел Аттик (ок. 800 голов), а также свои (ок. 700 голов), он приводит и расчет о количестве пастухов в таких стадах: один пастух на 80–100 голов (*Var. II. 10. 11*). Если исходить из этих расчетов как ориентировочных, то на «вилле Базилида» пастухов-овчаров было 10–12 человек, и все они могли жить в помещениях III, XXXIV–XXXV.

пастухов и других скотников, ухаживающих за овцами; помещения XXXIII, XXXIV и XXXV, связанные с обслуживанием овечьей отары<sup>69</sup>.

Интерес вызывают круговые помещения Кр—I и Кр—II: помещение Кр—I представляет собой круглое в плане сооружение (диаметром около 4,0 м) с подвалом, вырубленным в скальной породе на глубину 1,6 м. Над ним расположена кольцевая стена из двух рядов кладки. Хотя ее сохранившаяся часть имеет высоту лишь 0,9 м при толщине около 1,0 м, предполагаемая общая высота наземной части сооружения в момент функционирования усадьбы не менее 2,5–3 м. В подвальную часть вела очень крутая лестница, от которой сохранились пять каменных ступеней. Пол подвального помещения тщательно выровнен и обмазан глиняным раствором белого цвета. Здесь обнаружены многочисленные фрагменты черепицы (помещение башенного типа было покрыто черепицей), мощное зольное пятно (до 0,25 м толщиной), множество костей животных, преимущественно овец и коз, а около лестницы скопление амфорных фрагментов, в том числе остатки 10 раздавленных амфор и одного пифоса. Судя по множеству костных остатков, тщательно вырубленному каменному подвалу и расположению в непосредственной близости от скотоводческих комплексов, сооружение Кр—I (и аналогичное Кр—II) могло играть роль своего рода холодильной камеры для хранения скоропортящихся продуктов: мяса, сыра, молока.

С холодильной камерой Кр—II связано крытое помещение XXXI (общая площадь около 110 кв. м). Возможно, в нем обрабатывали скоропортящиеся продукты, забивали скот, осуществляли первичную мясообработку, прежде чем помещать мясо в холодильное помещение.

Всю северную часть виллы занимали два огромных скотных двора «В» и «Г», пристроенных к основным зданиям виллы и обнесенных мощной стеной в 1,2 м толщиной и 1,5 м высотой (она стала и внешней стеной всей усадьбы). Северный комплекс состоял из огромного незастроенного загона (двор «В»), довольно благоустроенного скотного двора «Г», который включал также помещение XL, круговое помещение Кр—III и водопой. Двор «В» квадратной формы представлял собой выровненное пространство общей площадью не менее 500 кв. м (только сохранившиеся стены дают площадь 420 кв. м), совершенно открытое с северо-западной стороны, скорее всего перекрываемое воротами или перегородками из легких жердей. Здесь могло содержаться не менее 100 голов скота<sup>70</sup>, выгоняемого днем на пастбище. Двор «Г», размеры которого, включая все внутренние помещения, около 400 кв. м, имел в центре выдолбленное в скале углубление овальной формы глубиной около 0,5 м (общие размеры 2,5 X 1,25 м), скорее всего служившее водопоем для скота. Помещение XL (площадь около 50 кв. м), крытое черепицей, предназначалось для волопасов, занятых на этих дворах. Круговое помещение (диаметр около 4,5 м) Кр—III по своей архитектурно-строительной структуре отличается от описанных выше Кр—I и Кр—II. Оно не имеет выбитого в скале подвала, а его пол тщательно выровнен, при этом сохранившиеся фундаменты стен (до 0,6 м высотой) выложены правильной регулярной кладкой и слегка конусовидны. В восточной части обнаружен небольшой проем для стока вод. Этот необычный объект определен как помещение для выращивания первого молодняка, нуждающегося и самым внимательным уходе.

<sup>69</sup> На этот счет существовало общее правило, четко сформулированное Колумеллой (I. 6. 8): *Bubulcis pastoribusque cellae ponantur iuxta sua pecora ut eorum curam sit opportunus excursus.*

<sup>70</sup> Ср. Varr. II. 5. 18: *numerum gregum alius facit alium, quidam centenarium modicum putant esse, ut ego Atticus centum viginti habet, ut Lucienus.* Такое стадо обслуживало четыре пастуха-волопаса (Varr. II. 10. 11).

В южной части виллы раскопаны четыре помещения (XXXVI–XXXIX), выходящие на широкий двор («Д») и образующие замкнутый и компактный комплекс общей площадью ок. 150 кв. м, площадь отдельных помещений колеблется от 10 (пом. XXXVI) до 30 кв. м (пом. XXXIX). Со двора широкий проход (около 2,5 м) вел за пределы виллы. Данный комплекс изолирован от всех других дворов, а с овцеводческим комплексом связан узкой калиткой (0,8 м шириной) только для прохода людей. Этот комплекс предположительно определяется как козоводческий. О разведении коз на усадьбе свидетельствуют многочисленные находки их костей. Изолированное расположение этого комплекса соответствует указанию римских агрономов, согласно которому коз следует содержать в местах, удаленных от усадебных помещений в силу их своенравного поведения (Col. VII. 8). Варрон считает, что козье стадо должно быть меньше овечьей отары и даже стада крупного рогатого скота, поскольку козы имеют привычку разбегаться и подвержены массовым заболеваниям, т.е. требуют более тщательного надзора. Поэтому, считает Варрон (II. 3. 10), 50 коз считается уже достаточно большим стадом. Общие размеры раскопанных помещений XXXVI–XXXIX хорошо соответствуют этим расчетам и общим рекомендациям античных агрономов. Такое стадо обслуживало не менее четырех козопасов, которые могли жить здесь же, например, в помещении XXXIX (общая площадь ок. 30 кв. м) с узкой дверью, соединяющей помещение с овцеводческим комплексом. Судя по небрежной кладке стен и плохим полам, козий двор и хлева были сооружены в последний период существования виллы.

Особое расположение имели помещения XLI и XLII. Они пристроены ко двору «Д», но с внешней стороны и совершенно с ним не связаны. Сейчас невозможно определить их назначение, но их открытость овцеводческому комплексу позволяет сделать предположение, что они функционально составляли часть именно овцеводческого комплекса.

Отдельно стоящее помещение (дом АГ: площадь ок. 18 кв. м) было расположено в 30 м от северо-восточного угла помещения XVIII на восток на склоне балки и впритык к подпорной стене, окаймляющей склон Юхариной балки. Помещение было крыто черепицей. Внутри дома обнаружен внутренний полуподвал (площадью около 2,5 кв. м). Время строительства дома определяется найденной в забутовке западной стены бронзовой монетой Валентиниана I. Поскольку дом построен впритык к подпорной стене, которая формировала террасу наносного грунта, можно думать, что половина дома имела полуподвальный характер. Наличие же внутри дома микроподвала (может быть холодильника) позволяет предположить, что оно предназначалось для хранения скоропортящихся продуктов растительного происхождения (фруктов, винограда — *cella fructuaria*). Вход в дом был аккуратно заложен в момент прекращения жизни на вилле, т.е. в конце V в. н. э. С другой стороны, не исключено, что здесь хранились и перерабатывались молочные продукты.

*Исследования на территории поместья.* Исследование остатков сельскохозяйственных строений на территории поместья за пределами виллы важно для того, чтобы полнее воссоздать представление о хозяйстве данного поместья и лучше изучить назначение отдельных частей усадьбы. Такие работы на Гераклейском п-ове проводятся, но, как правило, строительные остатки и следы внутреннего размежевания относятся к эллинистическому периоду. На «вилле Базилида» выявлены постройки на территории поместья в римское и позднеримское время.

На обследованной площади в 50 га, окружающей виллу, выявлена система сельскохозяйственного строительства и организации поместного хозяйства. Она заключалась в максимально полном использовании рельефа местности и почвенно-

климатических особенностей центральной части полуострова. Противоположный усадьбе пологий склон балки с мощным почвенным слоем позволял использовать ее для посадок плодовых деревьев с глубокой корневой системой. Склоны Юхариной балки террасированы подпорными стенами, которые тянулись вдоль всей балки. Следы таких стен обнаружены на расстоянии до 1000 м на противоположном от усадьбы склоне балки и на расстоянии до 350 м на той ее стороне, где построена усадьба. Таким образом, на каждом склоне Юхариной балки на протяжении более километра были созданы две террасы с достаточно мощным почвенным слоем (до 1,0–1,5 м). К тому же подпорная стена не только накапливала почвенный слой, но и служила накопителем влаги, которая задерживалась у основания стены и увлажняла корневую систему виноградников.

На всем протяжении балки на каждой ее стороне построено по одной подпорной стене. Но около самой усадьбы террасирование очень пологого склона приобрело более сложный характер. Здесь обнаружена еще одна подпорная стена общей протяженностью около 300 м. Между верхней и нижней террасами (собственно между верхней и нижней подпорными стенами) выявлены следы поперечной стены, которые вместе с верхней стеной образуют в целом неправильный прямоугольник, огражденный со всех сторон стенами, общей площадью около 2 тыс. кв. м. Кроме того, обнаружены дорожный перекресток и дорога, пересекавшая балку и подходящая к помещению усадьбы. Хотя сохранность участков подпорной стены около усадьбы значительно лучше, чем на противоположной стороне балки, однако в целом можно отметить принципиальную схожесть конструкции стен и единство всей системы строительства подпорных стен и террасирования склонов Юхариной балки, что говорит об их одновременности. Хорошо организованное поместье, включая сельскохозяйственную территорию в том виде, в каком оно существовало во II в. н. э. показывает, что оно отличалось от эллинистических наделов небольшого размера (около 25–26 га), разделенных многочисленными каменными плантажными стенками. Во II–V вв. на месте этих небольших участков появились обширные пастбища, значительные по площади террасы со сплошными посадками и посевами, включая ложе Юхариной балки.

*Поместная каменоломня* находилась в 1–1,5 км от башни виллы в восточном направлении на крутом склоне восточного рукава Юхариной балки. Ее верхняя часть выходила на скалистую возвышенность, практически лишенную почвенного слоя и представлявшую собой пастбище для скота. Эта часть поместных угодий не могла использоваться интенсивно (т.е. под зерновые, виноградники и т.п.), и это позволяло организовать здесь добычу и транспортировку камня. Каменоломня в целом представляла собой совокупность отдельных карьеров разной величины, из которых обследовано 15 карьеров, получивших обозначения К—I (карьер I), К—II, К—III и далее до К—XV. Насколько известно, археологического обследования античных каменоломен в Северном Причерноморье не проводилось, да и в европейской литературе такая практика получила слабое отражение. Для стационарных раскопочных работ был избран карьер К—VIII (а и b) в центре цепочки карьеров, один из самых больших по масштабам выборки камня. К карьере К—VIII (а и b) примыкает карьер К—IX (а и b). Здесь обнаружена керамика античного времени, установлены профиль и особенности разработки камня. В целом карьер представлял собой два яруса выборки, расположенные уступами друг над другом.

Как было выяснено в процессе раскопок, «вилла Басилида» существовала около семи столетий, ее рабский персонал составлял несколько десятков человек — предположительно 40–50. Естественно, возникает вопрос, как владельцы поместья хо-

ронили умерших рабов. Конечно, возможно, что их тела вывозили для захоронения на городской некрополь Херсонеса или в какое-либо другое место, или их погребали где-нибудь поблизости. На крутых каменистых склонах Юхариной балки, как на ее южном (где находилась вилла), так и на восточном рукаве имелись естественные пещеры, куда возможно было складывать тела умерших рабов. В одной из таких пещер, расположенной в 1,5 км от виллы на восточном рукаве Юхариной балки, были найдены остатки человеческих костяков и фрагменты керамики, которые вполне могли быть связаны с захоронениями античного времени. К югу от виллы на расстоянии 630 м на самом дне Юхариной балки обнаружены еще две естественные пещеры, и хотя там не было сделано никаких находок костей или керамики, однако нельзя исключать, что они могли быть использованы также для захоронений.

В 1016 м к западу от башни «виллы Василида» обнаружен колодец глубиной 11,5 м, верхнюю его часть составляет кладка высотой в 3,7 м из правильно отесанных блоков известняка. Его нижняя часть (7,8 м) представляет собой вырубленную в скальной породе шахту цилиндрической формы. Верхнее отверстие — почти правильная окружность диаметром около 1,5 м. Шахта колодца (диаметр 1,8–1,9 м) несколько расширяется до окончания кладки на уровне ее перехода в вырубленную скалу. Колодец был сооружен в начале XIX в. (к этому времени относится кладка его верхней части) на месте более ранней скважины. Возможно, эта ранняя скважина относилась еще к античному времени.

Благодаря исследованиям на территории поместья нам удалось получить некоторые данные для определения его размеров. Это колодец-водопой (1016 м от виллы), поместная каменоломня (980–1500 м от виллы) и склепы «поместного некрополя», расположенные в 630 м к югу от помещений виллы. Таким образом, минимальный размах границ (если считать, что указанные объекты находились на самых дальних границах поместья) с востока на запад был около 2–2,5 км и с севера на юг от 1 до 2 км. Опираясь на эти данные, можно сделать вывод, что общая площадь «поместья Василида» во времена максимального расширения хозяйства (III–V вв.) могла насчитывать от 300 до 400 га, а возможно, и больше (т.е. около 1200–1600 югеров). Иначе говоря, «поместье Василида» — одно из самых крупных из всех исследованных когда-либо в Херсонесе — было самой настоящей латифундией. Ее большие размеры находят свое полное соответствие и с огромной виллой, и со знатным происхождением ее владельца, принадлежавшего к верхнему слою херсонесской аристократии.

## Региональная экономика Причерноморья в античности\*

Понятие «региональной экономики» в настоящее время не является достаточно разработанным применительно к античной истории, хотя для современной экономики это понятие используется постоянно. Вот почему следует признать весьма своевременным и плодотворным постановку такой проблемы как «модель региональной экономики».

\* Доклад представлен на Лазаревских чтениях в Черноморском филиале МГУ им. М.В. Ломоносова (Севастополь, 4.10.2002 г.)

По нашему мнению, в современной науке об экономической истории древности наступил такой период, когда включение понятия «региональная экономика», так сказать, «стучится в дверь». Более активное включение этого понятия в исследовательские работы может открыть новые возможности в науке об экономике античного мира в целом.

В данном сообщении объектом анализа является экономика региона Причерноморья, т.е. анатолийского, балканского, кавказского и северного побережья, узкой прибрежной полосы, в которой были основаны, развивались и трансформировались греческие колонии, начиная с VII в. до н. э.

С физико-географической точки зрения черноморское побережье представляет собой особую зону, отделенную от хинтерланда или горными кряжами (южное Причерноморье), или пустынными окраинами степей (северное Причерноморье), разные части которого легко доступны морским путем. Относительно небольшое (прямой путь с юга на север занимал одни сутки плавания уже в древности), закрытое Черное море выступало с начала регулярного мореплавания как мощный фактор объединения всей береговой зоны. Вместе с тем впадающие в Черное море многие реки и речки, среди которых такие крупные, как Дунай, Днестр, Южный Буг, Днепр, Дон, Кубань, Риони, Галис и многие другие, обеспечивали удобную связь Причерноморья с огромным внутренним хинтерландом.

Причерноморье было богато ценными природными ресурсами: хороший корабельный и строительный лес (юго-восточное побережье), высококачественные железные руды (халибское, амисское, ягорлыцкое железо), обильные запасы рыбы, благоприятные почвенно-климатические условия для разведения виноградников позволяли не только создать процветающее хозяйство, но и снабжать ценнейшими сырьевыми ресурсами другие районы Средиземноморья. Но материальные ресурсы Причерноморья возрастали во много раз, поскольку расположенные здесь города по многочисленным рекам могли получать продукцию обширного хинтерланда. Такой продукцией были: скот и шкуры, мед и воск, зерно и рабы.

Ход экономического развития Причерноморья в античности представлял собой постепенную реализацию заложенных в природе региона экономических потенциалов.

В становлении и формировании черноморской экономики можно выделить несколько этапов. Хотя греческие мифы (о походе аргонавтов, Ифигении, лестригонах и др.) намекают на эпизодические связи Эгейской Греции с Причерноморьем во II тыс. до н. э., видимо, до Великой греческой колонизации нельзя говорить о создании правильной экономической жизни на пустынном черноморском побережье. В VII–VIII вв. до н. э. понтийское побережье стало зоной самой активной, главным образом, ионийской колонизации (видимо, было основано до сотни городов и поселений). Греческие колонии поддерживали самые тесные (особенно на первых порах) связи со своими метрополиями. И хотя каждая апойкия являлась самостоятельным полисом, фактически без постоянной и разнообразной поддержки метрополии существовать не могла: связка колония—метрополия образовывала неразрывный тандем. Поскольку каждая колония органически тяготела, прежде всего, к своей метрополии, она оказывалась в изоляции по отношению к другой, даже рядом расположенной колонии, основанной другой метрополией, а тем более к окружающему местному варварскому населению (например, положение многих городов по берегам Боспора Киммерийского: Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Фанагории, Гермонассы).

Однако уже в этот первый (изоляционный) период в причерноморской полосе начинается действие интеграционных сил. Их действию способствовало несколько

обстоятельств, и, прежде всего, тот факт, что большая часть причерноморских колоний была основана ионийцами, главным образом, Милетом. Достаточно напомнить, что основные центры Причерноморья были милетскими колониями: Синопа, Диоскуриада, Пантикапей, Феодосия, Ольвия, Тира, Аполлония. Принимая во внимание теснейшие связи между колониями и метрополией в первые периоды своего существования, можно сделать вывод о том, что Милет в VII–VI вв. до н. э. создал зону своего влияния, в том числе экономического, практически на всех берегах Черного моря.

Другим фактором, способствующим созданию регионального единства, является установление первых связей греческих колонистов с местным племенным миром. При всем этническом и экономическом разнообразии окружающего Причерноморье племенного мира (фракийцы, геты, скифы, тавры, сарматы, синды, иберы, халибы, каппадокийцы и т.д.) постепенно формируется общее направление взаимодействия местных племен и греков: установление мирных экономических отношений с более или менее единым направлением товарных потоков: от греков — вино, масло, ремесленные и ювелирные изделия; от местных племен — руда, строевой и корабельный лес, золото, шкуры, зерно, рыба, рабы.

Однако в VII–VI вв. до н. э. можно говорить лишь об эмбрионах причерноморской региональной экономики. Новые колонии были еще слабыми и малонаселенными, полисная экономическая структура только создавалась, отношения с местным населением только налаживались,

V–IV вв. до н. э. — новый, второй этап в истории причерноморской экономики, которая развивается под действием новых мощных факторов. Прежде всего, следует отметить создание высокопроизводительной товарной экономики рабовладельческого типа в греческом мире как таковом. Функционирование такой экономики требовало интенсивного обмена сырьем, готовой продукцией, рабочей силой.

Одним из последствий такого развития была более активная интеграция окраинных областей греческого мира, в том числе Причерноморья, в глобальную систему Греции как целого. Греческие города Причерноморья в большей части превращаются в развитые экономические центры с процветающим земледелием, ремесленным производством, торговлей, мало уступающие по своему уровню экономике метрополий. Опираясь на возросший экономический потенциал, большинство понтийских центров превращается в суверенные полисы, распространяющие свое влияние на соседние варварские территории: Гераклея, Синопа, Истрия, Аполлония, Тира, Ольвия, Херсонес, Боспор, Диоскуриада.

Экономическое и политическое развитие этих городов приобретает противоречивый характер. С одной стороны, увеличение экономического потенциала, укрепление суверенитета отрывало причерноморские колонии от метрополий, усиливало автономизацию в причерноморской экономической зоне.

Но, с другой стороны, создавались условия для установления новых типов экономических и политико-культурных связей (взамен архаических: колония—метрополия) между черноморскими городами и Эгейскими полисами на новой основе. Ведь новые суверенные полисы с процветающей экономикой не могли жить в изоляции в большом греческом мире V–IV вв. до н. э. Как показывает ход исторического процесса в V–IV вв. до н. э., причерноморские города постепенно превращаются в необходимый фактор нормального функционирования греческой экономики в целом, поскольку они постоянно подпитывали ее богатыми материальными и людскими ресурсами региона. С другой стороны, они обеспечивали сбыт готовой продукции как среди собственно греческого населения на Понте (например, хорошим



вином, оливковым маслом, а в Причерноморье маслина не растет) и в большей степени в огромной варварской периферии.

Наконец, все более набирает силу третий фактор интеграции причерноморской экономики как региональной — это процессы интенсивных трансформаций собственно варварских обществ в V–IV вв. до н. э. Лучше всего это можно проследить на эволюции скифского общества и его отношений с понтийскими центрами. Укрепляющаяся скифская аристократия при всей своей воинственности и стремлении пограбить и даже захватить греческие города была, однако, заинтересована в конечном итоге в их существовании как процветающих посреднических или производящих центров, из которых или через которые они могли получить вино, масло, украшения, парадную посуду, оружие и т.д. в обмен на свои сырьевые ресурсы.

Взаимодействие этих трех факторов развития вело к формированию особой экономической зоны, собственно причерноморской экономики, в структуре которой наблюдается специфическое сочетание экономических потребностей центра (Эгейская Греция), собственно региона (Причерноморье) и варварской периферии.

Противоречивое взаимодействие основных факторов в целом вело к постепенному укреплению интеграционных процессов в Причерноморье, причем следует отметить, что политические и экономические факторы тесно переплетались. Заслуживает внимания политика Перикла в Причерноморье: она была со всей очевидностью направлена на интеграцию некоторых важнейших городов Причерноморья (Синопа, Нимфей, Ольвия) в состав Афинской державы в качестве сырьевого региона. Возможно, Перикл выступал здесь как правопреемник ионийцев и прежде всего Милета — метрополии указанных городов, но эта политика продолжения архаического типа связи (колония—метрополия) уже не соответствовала новым историческим реальностям на Понте. Процветающие черноморские центры: Гераклея, Синопа, Боспор, Феодосия, Ольвия, Истрия и др. не хотели быть сырьевым и политическим придатком даже сильнейших эллинских полисов. Они уже претендовали на роль местных и политических лидеров в Причерноморье. В IV в. до н. э. формируются четыре зоны, в каждой из которых действие интеграционных связей оказывается сильнее, чем в другой, и во главе которой стоит свой лидер:

1. Гераклея — Херсонес — Каллатия;
2. Синопа — юго-восточное побережье Понта;
3. Боспорское царство;
4. Северо-западное Причерноморье — Ольвия — Тира — Истрия.

Как показывает анализ сохранившихся источников разных типов, в IV в. до н. э. поддерживались наиболее интенсивные связи (экономические, политические и культурные) именно в рамках этих зон, хотя каждая из них могла вступать в торговые и политические отношения и с городами другой зоны (например, большое количество синопского импорта в Херсонесе и, наоборот, гераклеяского импорта в Ольвии и Пантикапее).

Бесспорно, укреплению торгово-политических связей между южным и северным Причерноморьем и Понта с Эгеидой послужило освоение в конце V в. до н. э. и интенсивно использовавшегося в IV в. до н. э. прямого пути через Черное море от мыса Карамбис к мысу Бараний лоб (всего одни сутки хода корабля). Показателем интенсивности морских сношений — богатства товарных потоков на Черном море — является активное пиратство в IV в. до н. э. Все эти факторы развития усиливали интеграционные процессы в причерноморской зоне, которые приняли форму двух вариантов: интеграция внутри одной из четырех отмеченных зон, но, с другой стороны, интеграция всего Причерноморья как единого экономического региона.

Любопытной попыткой политически закрепить интеграционные процессы на Понте был не столь уже утопический план боспорского царя Евмела в конце IV в. до н. э. создать единую черноморскую державу с центром в Пантикапее. Однако эта попытка не увенчалась и не могла увенчаться успехом. Экономические и политические условия для этого на Понте не созрели. Причерноморье экономически и политически было слишком тесно связано с эллинским миром IV в. до н. э., раздробленным на множество суверенных полисов (и Причерноморье также), настолько органично интегрировано в общую экономическую структуру греческого мира, чтобы образовать действительно региональную единую экономику с известным самодовлением.

Нужно было изменение экономических и политических условий эллинского мира в целом, чтобы региональные интеграционные процессы на Понте завершились достижением нового, более тесного объединения.

Новый, третий этап в историческом развитии Причерноморья, как и всего греческого мира, начался в период эллинизма. Перемещение основных экономических центров из Эгейского моря в Восточное Средиземноморье, захирение ранее ведущих полисов (Афины, Милет, острова), изменение социально-экономической структуры эллинистического мира в целом оказали сильное влияние на экономическую ситуацию на Понте. Превращение Балканской Греции в периферию эллинистического мира способствовало ослаблению связей Причерноморья с Эгеидой и, так сказать, его эмансипации от Эгеиды; усиливается своего рода изоляционизм Причерноморья и его обособления как региона в целом.

Процессы изоляционизма и обособления Причерноморья усиливались и со стороны варварской периферии, которая пришла в движение и стала давить на все без исключения понтийские полисы (мы не будем касаться причин такой активизации — это другой вопрос). Очевидно, давление варварского хинтерланда, с одной стороны, при ослаблении связей с греческой метрополией вели к социально-экономическому и политическому кризису многих причерноморских полисов (Истрия, Ольвия, Херсонес, Боспор и др.) в эллинистическое время. В этих условиях естественным выходом из создавшегося положения было объединение причерноморских полисов между собой перед лицом варварской угрозы и новой ситуации в Эгейской Греции. Причерноморским городам, так сказать, приходилось надеяться только на себя. Только в рамках известного объединения своих сил и ресурсов они могли выстоять перед лицом варварской угрозы и преодолеть тяжелую кризисную ситуацию. В этих условиях интеграционные процессы усиливаются, в частности, активизируются экономические и политические связи между упомянутыми выше экономическими зонами: “черноморским треугольником” (зона Гераклеи) и северо-западным Причерноморьем, зоной Синопы и Боспора. Своего рода экономическим центром Причерноморья становится Синопа, импорт из которой представлен практически во всех центрах Причерноморья. Процессы экономической интеграции, развивающиеся по традиционным направлениям, переплетались с политическими тенденциями в регионе. Перед лицом варварских вторжений рождалось естественное стремление к политическим союзам и коалициям. Гераклея ищет союза с Пергамом и Каппадокией, Херсонес — с Боспором. Однако уже в конце III в. до н. э. выдвигается новая политическая сила, которая смогла в полной мере использовать далеко зашедшие интеграционные процессы в Причерноморье и дополнить складывающееся региональное экономическое взаимодействие политическим объединением. Такой силой стало Понтийское царство, правители которого в течение всего II в. до н. э. целенаправленно и умело боролись за создание Понтийской державы и в конечном итоге создали

ее при Митридате Евпаторе. Не случайно понтийские цари, начиная с Митридата II, стремились овладеть Синопой, Фарнак I овладел этим городом, а Митридат V сделал ее столицей своего царства. Понтийские цари понимали, что их борьба за создание причерноморской державы завершится успехом, если она будет исходить из Синопы как экономической «столицы» Причерноморья.

Итак, захват Синопы в 180 г., основание Фарнакии, договоры о дружбе и покровительстве с Одессой, Херсонесом, Кизиком и Месембрией, союзные отношения с Гераклеей и Боспором уже при Фарнаке определили контуры Понтийской державы. Видимо, с Фарнака и до смерти Митридата VI в 63 г. до н.э. можно говорить о существовании сложившейся причерноморской экономики как региональной экономики, которая дополнялась сначала военно-политическим союзом, а затем единым государственным образованием.

В упомянутой выше триаде — соотношение общеэллинической экономической суперструктуры, региональной экономики и варварской периферии — региональная экономика приобрела известное самодовление, собственную структуру, законченность и определенность. Она получила свое естественное завершение в политическом объединении большинства причерноморских городов и в определенном этническом единстве, опираясь как на грекоязычное население, т.е. собственно эллинов, так и сильно эллинизированное местное население (как, например, на Боспоре или в Ольвии).

Подчеркивая известное самодовление и особую структуру причерноморской экономики как региональной с начала II в. до н.э. и до середины I в. до н.э., нельзя абсолютизировать эти особенности и совершенно отрывать ее от эллинистического большого мира и варварской периферии. Взаимоотношения с Эгейской Грецией и эллинистическими государствами (особенно с Пергамом и Родосом) причерноморских городов были достаточно активными. Несмотря на войны с варварской периферией, утрату части владений (Херсонес), временную потерю независимости (Ольвия), ослабление государственного могущества (Боспор), товарные потоки между греческими городами и варварским миром циркулировали, хотя и с меньшей интенсивностью.

Эти взаимоотношения делали экономику причерноморских городов именно региональной, т.е. частью большой экономической эллинистической суперсистемы, а не особой экономической суперсистемой.

Смерть Митридата в 63 г. до н.э., окончательная победа Рима и захват им западной части эллинистического мира, организация системы римских провинций в Малой Азии привели к радикальному изменению ситуации на Понте, начиная с середины I в. до н.э., и новому, четвертому этапу. Причерноморская держава была уничтожена, все южное Причерноморье стало органической частью римских малоазийских провинций и было, так сказать, оторвано от Причерноморья и переориентировано в сторону малоазийского хинтерланда. Создание в I в. до н.э. системы римских провинций в Мезии, Фракии и Дакии привели к отрыву западного Причерноморья и его переориентированию на дунайский хинтерланд. Восточное Причерноморье и, в первую очередь, Колхида ориентирует свои связи внутри материка. В Северном Причерноморье наиболее крупное политическое образование — Боспор замыкается в своих границах, сокращая свои связи с другими берегами Причерноморья и Эгеиды. Ольвия влачит после гетского разгрома жалкое существование, и только Херсонес поддерживает активные отношения с другими центрами Причерноморья, Эгеидой (Синопа, Пергам) и Восточным Причерноморьем (стекло из Сирии и Александрии). Известное политическое единство Причерноморья, сложив-

шая региональная экономика разрываются на свои составные и более устойчивые экономические и политические зоны: южное побережье, ставшее органической частью малоазийской региональной экономики, западное побережье, вошедшее в дунайский экономический регион, к которому тяготеет ослабевшая Ольвия и еще сильный Херсонес, Боспорское царство и колхидское побережье. Конечно, еще существовали традиционные связи между всеми берегами Черного моря, но тенденция экономического развития заключалась в постепенном размывании общепонтийского экономического единства II–I в. до н. э. и его разложении на экономические и политические зоны более низкого уровня: малоазийская, балканская, колхидская, боспорская зоны. Парадокс развития этого региона в I–V вв. до н. э. состоял в том, что, несмотря на объединяющую Причерноморье римскую власть и большое внимание Империи к Причерноморью, средиземноморская экономическая суперсистема сама распадалась на ряд подчиненных систем региональной экономики (Восточное Средиземноморье, Дунайско-Балканский регион и др.), которые растаскивали черноморские берега по своим «ведомствам». Этот процесс продолжается и в более позднее время, в византийский и последующие периоды, и, по существу, является таковым и в настоящее время.

### **От кочевий к царству: этапы формирования скифской государственности\***

1. Обширная зона степных просторов Восточной Европы, протянувшаяся от предгорий Карпат до Урала, оказалась зоной тесных контактов и активного взаимодействия кочевого мира и различных земледельческих регионов с VIII–VII вв. до н. э.

Загадочные киммерийцы и могущественные скифы, свирепые сарматы, дикие гунны, авары, хазары, печенеги, половцы, Золотая Орда сменяли друг друга на протяжении 2,5 тысяч лет. Они устанавливали свое господство над местным автохтонным населением, налаживали экономические и культурные связи между многочисленными центрами античной цивилизации, а с середины I тыс. н. э. и со славянским миром.

Историческое развитие этого региона есть история самого тесного взаимодействия и взаимообогащения земледельческих, городских и кочевых обществ, сформировавшихся и сосуществующих друг с другом на протяжении многих столетий.

2. Предметом настоящего доклада является особый период такого взаимодействия, а именно сосуществование и взаимодействие скифского кочевого объединения с античными городами Северного Причерноморья в VII в. до н. э. — III в. н. э. Причем особое внимание привлечет проблема влияния причерноморских эллинических центров на формирование скифской государственности как одного из фундаментальных институтов цивилизации.

В причерноморских степях скифские кочевники появились в VII в. до н. э., вытеснив киммерийцев; земледельческое население оказалось под властью скифов. Как

---

\* Первая публикация: Диалог цивилизаций. Вып. 2. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого шелкового пути (По материалам международной конференции). Бишкек, 2003. С. 25–27.

кочевники скифы, так и местное автохтонное население, оказавшееся под властью скифов, проживало в условиях родоплеменного догосударственного строя.

Завоевание и освоение обширных степных просторов скифами хронологически совпало с начавшейся колонизацией древними греками в кон. VII–VI вв. до н. э. Северного Причерноморья и основанием постоянных поселений, вскоре превратившихся в благоустроенные города. В V в. до н. э., по словам Геродота и данным археологии, процесс скифо-греческих взаимодействий принял устойчивый характер.

3. Скифы, как определенное культурно-социальное объединение, существовали около 10 столетий, пройдя большой путь формирования государственности: от стойких родовых отношений, через этап военной демократии к раннему государству как оформившемуся цивилизационному институту. На этом пути можно выделить три больших этапа:

1 этап (VII–VI вв. до н. э.) отмечен разложением родовых учреждений и появлением первых ростков государственности;

2 этап (V–IV вв. до н. э.) связан с формированием некоторых ранних форм государственности;

3 этап (III в. до н. э. — III в. н. э.) — оформление скифской государственности как особой формы кочевого государства.

И на каждом этапе на формирование скифской государственности оказывалось мощное воздействие высококоразвитых греческих полисов Причерноморья.

На первом этапе контакты скифов с греками носили эпизодический характер. Скифы пришли в непосредственное соприкосновение с греками в Крыму, на Таманском полуострове, в районе Ольвии. Отдельные представители скифской элиты, как Анахарсис, царь Скилл охотно посещали греческие города и полюбили греческие обычаи. Устанавливаются некоторые торговые и культурные связи. Греческие писатели уже хорошо знают скифские обычаи, описанные Геродотом.

Процесс взаимодействия культур резко усилился и принял устойчивый характер с середины V в. до н. э. Устанавливаются достаточно тесные экономические связи скифов с причерноморскими городами: хлеб, кожа, рабы из Скифии идут к грекам, греческие ювелиры производят по заказам скифской аристократии изумительные по красоте золотые и серебряные сосуды и украшения, обильно представленные в неразграбленных курганных погребениях. Скифы проникают на территорию ряда греческих городов — Ольвии (так называемые эллино-скифы или миксэллины Геродота).

В Скифию широким потоком идет греческое вино и оливковое масло. Многие знатные скифы оседают на территории Боспора и вливаются в состав боспорской знати. Влияние скифов на Боспоре настолько велико, что Боспор иногда называют греко-скифским царством. Исследования археологов показали, что греческие вещи находят на территории практически всей современной Украины.

Показателем зрелости скифского производства является основание главного города степных скифов, так называемого Каменского городища (около современного Никополя), где скифские металлурги, используя опыт греческих мастеров, создавали свои ремесленные изделия.

Социальная дифференциация в скифском обществе достигла высокого уровня. Торговля с греками обогащала скифскую знать, рабство стало распространенным явлением, причем значительная часть поработаемого населения продавалась не только в причерноморские города, но даже в Афины.

В V–III вв. до н. э. был создан социально-экономический фундамент, на котором началось формирование скифской государственности. Оно выразилось в превра-

пении власти вождей рыхлого племенного союза в царскую власть, передаваемую по наследству, превращении власти региональных племенных вождей в подчиненных царю местных правителей, т.е. в политическом объединении скифов, проведении государственной внешней политики. Именно такой стала Скифия при знаменитом царе Атее (IV в. до н. э.). Однако это была еще ранняя государственность, с пережитками племенной военной демократии.

Более явственно основные признаки государства как цивилизованного фундаментального института сложились у скифов в III в. до н. э., во время последнего этапа скифского владычества в степном Причерноморье, продолжавшегося до III в. н. э. Этот процесс определялся тремя важнейшими факторами: внутренним развитием самого скифского общества, взаимодействием с греческими городами-государствами (с усвоением их государственного опыта) и внешним воздействием (вторжение воинственных сарматов на территорию степной Скифии).

4. Особое значение имел фактор сарматского вторжения. Сарматы частично уничтожили, частично отеснили скифов в Крым и в Нижнее Приднепровье. Именно здесь возникло Позднескифское царство, которое может быть однозначно определено как «зрелая государственность». Оно смогло выстоять в течение шести столетий как против могущественных сарматов, вытеснивших их из причерноморских степей, так и против агрессии греческих приморских городов-государств, включая сильное Боспорское царство и даже могущественный Рим.

Какие же признаки скифской государственности проявляются в Позднескифский период?

а) Четко определилась компактная территория, что позволило определить границы и обеспечить их защиту, без чего не может быть прочного государства;

б) происходит определенная этническая консолидация многочисленных племенных групп, живших в степном Крыму и Нижнем Дунае, и собственно скифов. Теперь термин скифы фактически означает новую народность, в составе которой скифы составляли лишь часть;

в) скифы перешли к оседлому земледельческому быту, таким образом, произошла фундаментальная трансформация всей скифской культуры;

г) крымские скифы основали собственные города и, прежде всего, столицу Неаполь Скифский как административный, культурный и экономический центр. К тому же скифы захватили в III–I вв. до н. э. целый ряд поселений и мелких городов, ранее принадлежавших грекам, и включили их в состав своего государства. Тем самым было создано территориальное управление, без которого невозможно существование классического государства;

д) важнейшим показателем цивилизованности позднескифского общества является принятие крымскими скифами греческой письменности и внедрение ее в повседневную жизнь скифской элиты, о чем свидетельствуют дошедшие до нас надписи скифских царей и их вельмож из Неаполя Скифского;

е) интенсивные межгосударственные отношения (военные, дипломатические и экономические) между царством Скилура-Палака, Боспорским царством и Херсонесом говорят о Скифском царстве, как о сильном, сплоченном, хорошо организованном государстве.

Все эти данные свидетельствуют о том, что если Боспорское царство можно называть греко-скифским государством, то Крымское царство II в. до н. э. — III в. н. э. можно условно определить как скифско-эллинистическое государство.

5. Имел ли какое-либо отношение этот региональный процесс формирования государственности у скифских кочевников к функционированию Великого Шелково-

го пути как мощного канала обмена культурно-историческим опытом земледельческих и кочевых стран и народов, через которые пролегли разные его ветви, сказать однозначно трудно.

Но автор считает, что определенная связь между функционированием Великого Шелкового пути и рождением государственности у скифов-кочевников имеется по нескольким причинам:

а) черноморские скифы были западной частью обширного так называемого скифо-сибирского культурно-исторического единства, внутри которого проходил интенсивный обмен товарами, технологиями и идеями;

б) черноморские степи были тем регионом, по которому шла северная ветвь Великого Шелкового пути как раз в период существования позднескифского государства. Заслуживают пристального внимания слова греческого географа Страбона о том, что племена, обитавшие в прикаспийских степях, «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (XI.5.8). Греко-скифский город Танаис в I–III вв., т.е. в период активизации Великого Шелкового пути, играл роль крупного торгового центра в посреднической торговле греков с кочевыми народами Причерноморья и Прикаспия. Археологические материалы из Танаиса, в том числе многочисленные находки импортных античных вещей показывают, что они встречаются в глубинных районах Поволжья, Приуралья, Казахстана, Сибири и Средней Азии.

Таким образом, функционирование сложной сети сухопутных караванных дорог, которую объединяют общим термином Великий Шелковый путь, служило одним из мощных факторов взаимодействия и взаимообогащения многочисленных кочевых и земледельческих обществ, по территории которых проходили его маршруты. Формирование скифской государственности является одним из этих факторов.





## Раздел VII

# Олимпийские игры как фактор исторического развития

### Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры\*

В апреле 1896 г. в Афинах состоялась первая Олимпиада, положившая начало современному олимпийскому движению. В XX в. это движение превратилось в важный фактор общественной жизни и культуры, охватило все страны и континенты, вовлекло в свою орбиту сотни миллионов людей. Олимпийское движение с самого начала своего возникновения рассматривалось, прежде всего, как адекватное восстановление главных принципов и ритуалов античного олимпизма, древнегреческих олимпийских игр, проводимых вот уже в течение почти 12 столетий. Определяющие принципы, философия, ритуалы античного олимпизма оказались наполненными таким гуманистическим содержанием, такой высокой нравственностью и интеллектуальным потенциалом, что превратились не только в одну из мощных сфер античной цивилизации, но стали общечеловеческой ценностью, способной играть созидательную роль в процессе развития мировой культуры.

Благородные ценности олимпизма приобретают все большую актуальность и значимость в современном мире, наполненном разрушительными природными катастрофами, жестокими войнами, господством преступности, духовным опустошением.

Создание благородных принципов, высокой этики и эстетических ритуалов олимпизма происходило в рамках созревания и становления великой греческой цивилизации, определялось общим развитием древнегреческой культуры и вместе с тем активно влияло на это развитие.

Нельзя сказать, что проблемы олимпийских игр в античности обойдены вниманием исследователей древнегреческой истории и культуры. Однако в этой огромной литературе установились своего рода излюбленные направления исследований. Одним из таких направлений стало исследование Олимпии как архитектурно-археологического комплекса, предполагающего тщательное описание сохранившихся остатков зданий и сооружений (включая результаты ведущихся археологических работ), в которых реализовались те или иные ритуалы проведения игр. Другой излюбленной сферой внимания стал их анализ с точки зрения формирования физической культуры и спортивных состязаний, так сказать, их спортивно-состязательная сторона. Оба этих направления исследования дали не один десяток добротных работ, в которых данные аспекты олимпийских состязаний получили детальное освещение и стали достижением современной историографии античности<sup>1</sup>.

\* Первая публикация: в ж. Вопросы истории. 1997. № 1. С. 41–49.

<sup>1</sup> Соколов Г. И. Олимпия. М., 1980; Колобова К. М., Озерецкая Е. Л. Олимпийские игры. М., 1958; Curtius E. Olympia. Brl., 1935; Dorpfeld W. Alt-Olympia. Brl., 1935; Kunze E., Schleif K. Olympische



Однако, по нашему мнению, довольно слабо в современной науке представлены иные аспекты олимпийских игр, а именно, их понимание как одного из проявлений общей греческой культуры, которое, являясь одним из ее феноменов, вместе с тем стало стимулирующим фактором ее общего развития, интегрирующим ее разные сферы в единый комплекс греческой культуры как целого. Более того, будучи одним из мощных факторов культурного процесса, олимпийские игры, лежащая в их основе философская и религиозная концепция стала важным феноменом вообще всей греческой цивилизации и тем самым явлением, выходящим за пределы собственно античного круга развития, превратившись в общечеловеческую ценность и явление мировой культуры. Именно в этом своем качестве античный олимпизм был возрожден в своих принципиальных основах в современном олимпийском движении и стал играть заново уже в изменившихся условиях XX в. ту же стимулирующую и благородную роль в современной культуре.

Одной из самых фундаментальных основ олимпийских игр была идея священного перемирия-экехерии, то есть прекращения военных действий. Оно предполагало несколько главных позиций. Прежде всего, каждый раз подтверждался принцип мирной экстерриториальности самого округа Олимпии, его неприкосновенности. Ни один полис, ни один военный отряд не имел ни человеческого, ни божественного права входить на территорию святилища с оружием в руках.

И это было одним из фундаментальных новых политических принципов в греческой большой политике, почти рукотворным чудом в Греции, уже со времен микенских царств разрываемой многочисленными и постоянными войнами. Рассказывая о героических временах, Павсаний передает: «так как Эллада тогда страдала от гражданских войн и от болезни, вроде моровой язвы, то Ифит отправился в Дельфы спросить бога, как найти избавление от этих бедствий. И говорят, что пифией ему было предписано, чтобы он сам и элейцы восстановили олимпийские состязания» (Paus. V. 4. 4). То есть, согласно древней традиции, сам факт организации олимпийских игр был специальным актом, не имеющим аналогов, как создание зоны мира, находящейся под особым покровительством богов. «Много чудесного можно увидеть в Элладе, — продолжает Павсаний, — о многом удивительном можно услышать, но ни над чем в большей мере нет божьего покровительства, как над элевсинскими мистериями и над олимпийскими состязаниями» (Paus. V. 10. 1). Какие процессы политического и культурного развития выражал сам факт установления особой зоны в Греции, непрерывно потрясаемой войнами и раздорами, почему именно небольшая долина, затерянная в глухом углу Пелопоннеса стала священной зоной мира? Можно, видимо, усмотреть в этом несколько причин как политического, так и религиозного и геополитического порядка.

Согласно традиции, олимпийские состязания были организованы по договору между ахейцем из микенского центра Пизы Клеосфеном, этолийцем из Элиды Ифитом и знаменитым законодателем из Спарты Ликургом. Как видим, само основание олимпийских игр было результатом своего рода договора основных племенных групп

---

Forschungen. Vol. 1–6. Bri., 1944–1966; Herrmann H.-V. Olympia. Brl., 1972; Gardiner E. N. Olympia. Its History and Remains. Oxford, 1925; Poole L. and G. History of ancient Olympic games. N. Y., 1963; Harris H. A. Greek Athletes and Athletics. Lnd., 1964; Bengston H. Die olympische Spiele in der Antike. Zürich—Stuttgart, 1971; Patrucco R. Lo sport nella Grecia antica. Firenze, 1972; Kirran J. Story of the Olympic Games. Phil., 1973; Finley M. and Pleket H. The Olympic Games: the First Thousand Years. N. Y., 1976; Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletics. N. Y., 1968; The Archaeology of the Olympics. Lnd., 1988; Young D. The Olympic Myth of Greek Amateur Athletics. Chicago, 1985.

греков, т. е. задумывались как некое общегреческое празднество. Для придания договору более обязательного характера Ифит запросил мнение дельфийского оракула и получил его одобрение. Любопытно, что мифологическая традиция связывает одобрение пифии именно со стремлением противостоять гражданским войнам, смутам, эпидемиям и прочим бедствиям. Другое фундаментальное обстоятельство, связанное с заключением договора об организации олимпийских игр, — это установление факта священного перемирия, провозглашения священного мира во время проведения олимпийских празднеств и обязанности беспрепятственного прохода через враждующие стороны участников празднеств и паломников в Олимпию. Поскольку сам факт договора был санкционирован дельфийским Аполлоном, данное условие превращалось в божественное установление, закрепляемое руками договаривающихся людей как исполнителей божественной воли. Мифологическая традиция возводит описанный выше договор к героическим временам (к IX в. до н. э.), однако, скорее всего, заключение такого договора между несколькими греческими полисами, среди которых числится и суровая Спарта, состоялось в VI в. до н. э., к которому относится и период наивысшего политического влияния на греческие дела дельфийского храма. Да и сам факт допуска к олимпийским празднествам всех греков, включая жителей далеких греческих колоний, относится именно к VI в. до н. э. (хотя традиция его относит к 40 олимпиаде, т. е. к 616 г. до н. э.).

Согласно установленному в V в. ритуалу за несколько недель до точной даты открытия празднества, которая определялась особой комиссией, из Олимпии направлялись три вестника с оливковыми венками и специальными посохами в руках, чтобы оповестить все эллинские города о дате олимпийского праздника, и приглашали их жителей принять в нем свое участие. Именно с этого момента объявлялось священное перемирие — экехерия, которое продолжалось три месяца и по которому военные действия должны были прекращаться, а воюющие стороны должны были пропустить через свои земли участников и паломников на празднества. У современного исследователя нет данных, позволяющих надежно утверждать, что три вестника из Олимпии смогли обойти все греческие города, рассеянные в огромном Средиземноморье и Причерноморье, нет данных о том, что священное перемирие соблюдалось всегда за 12 столетий олимпийских празднеств. Конечно, были нарушения и, видимо, нередкие. Однако главное заключалось в выработке фундаментальной идеи, создании высочайшей этической ценности — провозглашении священного мира на три месяца как освященного богами и подкрепленного древним (видимо, мифическим) договором права на мир в течение пусть короткого, но все-таки некоторого периода времени. Этот трехмесячный отрезок, регулярно повторяющийся каждые четыре года, внедрял в сознание граждан и их политических лидеров важнейшую идею мирного сосуществования, остужал воинственные страсти, стимулировал мирные переговоры и в целом благотворно действовал в любой накаленной политической атмосфере. Далеко не случайным представляется тот факт, что именно в Олимпии хранилась стела с текстом договора о тридцатилетнем мире между Афинами и Спартой, главными антагонистами в Балканской Греции V в. до н. э. (Thuc. V. 18. 10.). Где же было еще хранить договор между самыми непримиримыми противниками как не в священной зоне мира — Олимпии? Превращению зоны Олимпии в священную зону мира способствовало особое геополитическое положение Олимпии на Пелопоннесе и Балканской Греции вообще. Расположенная в 15 км от морского побережья Олимпия была защищена в некоторой степени от нападений пиратов и от разбойников, промышлявших на сухопутной дороге, вьющейся вдоль морского побережья. Святилище находилось в небольшой и закрытой долине реки Алфей, окруженной со всех сторон невы-

сокими горами, из которых господствующей была гора Кронос. Долина густо поросла оливковыми и платановыми деревьями, дававшими прохладу и тень в летний зной. Оказавшийся в закрытой, тенистой, тихой долине паломник, прибывший в Олимпию, попадал в атмосферу умиротворенного и сбалансированного пейзажа, глубокого природного уединения и тишины. Он как бы попадал в другой мир, оставляя за собой суету городов, толчею в портах, сутолоку на дорогах. И, конечно, не случайно Демосфен заявил, что олимпийское святилище построено в самой прекрасной части Греции. Кроме того, Олимпия была расположена в той части Греции, которая находилась рядом с главными политическими и религиозными центрами микенской, архаической и классической Греции. Относительно недалеко находились Пилос и Спарта, Сикион и Коринф, Афины и Аргос, через коринфский пролив поддерживалась связь с Этолией. Вместе с тем, этот прекрасный уголок был расположен настолько удачно, что оказался вне главных территориальных споров и политических разногласий, сотрясавших Грецию с микенского времени. Практически ни одна ведущая политическая сила не претендовала на Олимпию, как политически спорную территорию.

И рядовые граждане, и их лидеры, видимо, вполне отдавали себе отчет в необходимости организации такой зоны мира, как некоторой гарантии от того, чтобы народ не истребил себя в постоянных и кровопролитных войнах. Олимпия была святыней особого рода, она охранялась всем греческим народом, вот почему за тысячелетнюю историю проведения Олимпиад в источниках сохранилось очень немного случаев насильственного вмешательства в процедуру олимпийских празднеств, которые решительно осуждались всеми греками. Так, по сведениям Страбона аргосский тиран Федон использовал свое политическое могущество и провел олимпийские состязания с применением насилия, что вызвало возмущение греков, а результаты этих игр были аннулированы и не занесены в официальные списки (Strab. VIII. 3. 33.). Одним из преступлений Килона, попытавшегося установить личную тиранию в Афинах, был не только захват Акрополя, но захват Акрополя военной силой во время олимпийских празднеств (Thuc. I. 126. 5.). Во время Пелопоннесской войны, когда ожесточение воюющих сторон достигло предела, спартанцы захватили укрепление Лепрей во время проведения игр и были подвергнуты наказанию, вплоть до лишения их права участвовать в празднествах, которые они тщетно пытались оспорить (Thuc. V. 49–50.). Были, видимо, и другие случаи нарушения священного перемирия и вторжения на территорию святилища вооруженных людей. Однако, это были лишь редкие исключения. В целом же одна из великих идей олимпийских празднеств — быть в беспокойном, наполненном звоном мечей обществе общепризнанной зоной мира, спокойствия, дружеского сосуществования и национального духовного единения греческого народа действовала как постоянная и мощная сила, значение которой в истории древней Греции трудно переоценить.

Олимпийские игры были, прежде всего, религиозным празднеством в честь Зевса и его супруги и сестры Геры. Весь ритуал олимпийских празднеств, вся его философия — это панэллинское почитание высших божеств классического пантеона. Как бы ни превалировали в разные периоды античной истории профессионально-спортивная, общественная сторона или политический резонанс олимпийских празднеств, религиозная основа постоянно присутствовала и определяла сущность празднеств. Вот почему долгая и непрерывная история олимпийских игр, пронизанных религиозными мотивами, была вместе с тем и историей греческой религии, религиозной мысли и мифологии. Мощное воздействие Олимпиад на развитие греческой религиозной системы и религиозной мысли проявлялось в нескольких направлениях. Одним из важнейших направлений стало создание общегреческой, так называемой олимпийской, религии

из многочисленных локальных культов, которые складывались в разных регионах греческого мира и в среде различных племенных групп. Выше уже отмечалось, что само заключение соглашения об организации олимпийских празднеств, которое легендарная традиция приписывала ахейцу Клеосфену, этолийцу Ифиту и дорийцу Ликургу, совершенно отчетливо ориентируется на общегреческое звучание. Постепенное возрастание престижности олимпийских игр в VIII–VII вв. и официальное включение в состав участников Олимпиад всех свободных греков, где бы они ни жили и каким бы локальным культам они ни поклонялись, красочные церемонии в честь Зевса и Геры, распространяемые на всех участников, создавали благоприятный климат культурного и религиозного единения, кристаллизации панэллинского религиозного сознания, которое и лежало в основе олимпийской религии как таковой. И прежде всего наиболее благоприятные возможности появлялись для утверждения культа Зевса как высшего божества олимпийского пантеона. В «Теогонии» Гесиода Зевс выступает в качестве высшего мужского божества, как прародитель богов и людей, как промыслитель и царь. «В небе царит он, громом владеющий страшным и молнией огненно-жгучей, силою верх одержавший над Кроном-отцом. Меж богами все хорошо поделил он и каждому почесть назначил». Функции Зевса изложены Гесиодом очень суммарно, и его божественный образ отличается абстрактностью. К началу V в. завершается разработка образа Зевса как верховного божества греков, а его функции как верховного божества даны в более полном виде. Наиболее важное направление теологической разработки образа Зевса в ходе олимпийских игр было преодоление грубой силы как важнейшего качества верховного божества и возрастание его моральных и цивилизованных качеств как первенствующих. В олимпийских одах Пиндара Зевс выступает как покровитель олимпийских победителей в ходе законного соревнования, как носитель Истины, Благозаконности, Справедливости, Мира и Правды. Наиболее полное воплощение новых качеств Зевса как верховного божества было достигнуто в сооружении замечательного памятника классической греческой архитектуры — храма Зевса Олимпийского, построенного архитектором Либоном, и в скульптурном его оформлении, которое создал знаменитый Фидий. Фронтонные композиции и рельефы метоп прославляют именно созидательные функции Зевса как устроителя достойного свободного гражданина греческого полиса. На фронтонных композициях Зевс покровительствует герою Пелопсу, который должен победить коварного и жестокого Эномаю, на западном фронте Аполлон как сын Зевса благословляет победу греков-лапифов над кентаврами как олицетворениями звериного начала. На метопах изображены подвиги Геракла как любимого сына Зевса, которые в целом символизируют триумф законопослушания, упорядоченной силы, гибкого разума и высокого мужества над проявлениями злобы, мелкой зависти, жестокости, и хаоса<sup>2</sup>. Но в наиболее полной мере новым образом верховного божества олимпийского пантеона стала, конечно, культовая статуя Зевса, исполненная Фидием и ставшая, согласно традиции одним из 7 чудес света. Насколько можно судить по описаниям (сама статуя не сохранилась) она поражала зрителей концентрацией доброты, гармонического величия, мощи и благодати. Она стала художественным воплощением нового понимания божества, в котором на первое место выступала не всесокрушающая грубая сила, как в Зевсе эпохи Гесиода, а функция

<sup>2</sup> Соколов Г. И. Указ. соч. С. 87–148; Herrmann H.-V. Olympia. Heiligtum und Weltkampfstätte. München, 1972. S. 120–161; Mallwitz A. Olympia und seine Bauten. München, 1972. S. 17–76; Gardiner N. Op. cit. P. 234–266; Buschor E. und Hamann R. Die Sculpturen des Zeustempels zu Olympia. Marburg, 1924; Aschmole B. und Jalouris N. Olympia. The sculptures of the Temple of Zeus. Lnd., 1967; Liegle J. Der Zeus des Phidias. Bri., 1952.

благости и доброты как принципиально новой функции верховного бога, которая вызывала у верующего человека не столько чувство страха перед мощью бога, сколько чувство беспредельной любви к божеству, излучающему справедливость, доброту, умиротворенность. Как писал Дион Хрисостом — «кто станет перед этим образом, тот забудет обо всем, что огорчает и терзает человеческую жизнь». Философ Эпиктет советовал любому человеку поехать в Олимпию и лицезреть статую Зевса, так как умереть, не увидев ее, он считает величайшим несчастьем. По существу, созданный Фидием образ Зевса стал завершением длительной работы греческой религиозной мысли, теологическим осмыслением внутреннего содержания идеи верховного бога олимпийского пантеона, который стал каноническим вплоть до появления христианства. Новый образ Зевса с преобладанием функций высшей морали, нравственности и справедливости как вседержителя и заступника всех греков стал одним из достижений греческой религиозной мысли. Он разрабатывался не только в силу общих тенденций развития греческого общества и греческой классической культуры. Одним из основных центров этой разработки был культ Зевса в Олимпии, сам факт проведения олимпийских игр, в которых принимали участие все греки, на которых были провозглашены принципы законных состязаний, подчиненных высшим принципам справедливости и морали.

Многолетнее проведение олимпийских игр, их высокий общественный и религиозный престиж, сам факт единения всех греков, освященный правилом священного перемирия, привел к внедрению принципов дружеского общения участников-соперников и созданию атмосферы согласия и здорового соперничества. Это не могло не способствовать переосмыслению многих архаических представлений в греческой мифологии, наполнить этическим содержанием многие известные мифы, в которых действия и поступки богов и героев изображались зачастую в натуралистической грубой форме. В качестве примера можно привести новые трактовки многих традиционных мифов в олимпийских одах Пиндара. Олимпийские оды Пиндара были созданы в 70–60-х гг. V в. до н. э., в тот период, когда Олимпия кардинально перестраивалась, когда творили и архитектор Либон и скульптор Фидий, по новому осмысливавшие образ Зевса и его культ<sup>3</sup>. С нашей точки зрения, Пиндар в своих олимпийских одах провел большую работу по переосмыслению и рационализации традиционных мифов. Сама структура его олимпийских од далеко не случайно содержит как неперемное условие включение в каждую оду одного или двух мифологических циклов, которые он переосмысливает прежде всего с религиозно-этических позиций. Можно ограничиться только одним примером переосмысления Пиндаром сказаний о Тантале и о состязании Пелопса и Эномая. В более ранней версии мифа Тантал совершил страшное преступление перед олимпийскими богами, предложив им трапезу из своего убитого сына Пелопса. Пиндар коренным образом переосмысливает этот древний миф. Он отказывается от натуралистической и оскорбительной для его благородного чувства трактовки богов:

Но нет, это сказки:  
Ведь так часто людская молва  
Переходит за грани истины:  
И сказания, испещренные вымыслами,  
Вводят в обман.  
Ведь Харита,

<sup>3</sup> Пиндар. Вакхилид. Оды, фрагменты. М., 1980.

Подательница всего, что нам мило,  
 Представляла нам неверное верным!  
 Нет: бегущие дни — надежнейшие свидетели:  
 Человек о богах  
 Должен говорить только доброе,  
 И на нем не будет вины.  
 Я скажу о тебе иное, чем предки.  
 Нет! Я не смею назвать людоедами богов.  
 Слишком часто кара настигала богохульников (Oda I. 28–41).

И Пиндар предлагает свой вариант мифа о Тантале и Пелопсе. Тантал не убивал своего сына Пелопса и не предлагал его сваренное мясо богам в качестве угощения, Деметра не съедала часть пелопсова плеча, а Гермес не собирал по кусочкам изрубленное тело Пелопса и не оживлял его в кипящем котле, заменив часть съеденного Деметрой плеча слоновой костью. Ничего этого не было. А миф состоит в том, — объясняет Пиндар, — что Тантал созвал на пир богов, а во время пира влюбленный в красивого Пелопса Посейдон перенес юношу в «небесный широкославный чертог» на Олимп. Суть же преступления Тантала заключалась не в совершении детоубийства и дикого способа испытания всеведения богов, а в том, что он попытался украсть бессмертие у богов и передать его смертным людям. Кипящий котел, где оживал убитый Пелонс, Пиндар понимает как купель для новорожденного младенца Пелопса, а белизну его плеча как естественную красоту его тела.

В более гуманном плане переосмысливается содержание мифа и о его победе над Эномаем. Согласно ранней трактовке Пелопс для победы над Эномаем подкупил его возницу Миртилу, обещав ему часть царства Эномая и любовь дочери Эномая и невесты Пелопса Гипподамии на одну ночь. Миртил принял эти условия, внес повреждение в колесницу Эномая, что привело к его гибели. Но одержавший победу таким нечестным способом Пелопс обманул Миртилу, не выполнив ни одного из условий. Более того, желая избавиться от неудобного свидетеля, Пелопс убивает Миртилу, который проклинает Пелопса и его род. Пиндар, воспевающий славу, величие Олимпии и благородство победителей олимпийских игр, не мог допустить, чтобы в основе этого замечательного праздника лежало столь ужасное сказание, которое в определенной степени дискредитировало сами олимпийские празднества в целом. И Пиндар переосмысливает этот миф. Пелопс победил жестокого Эномая не таким преступным образом, а благодаря помощи богов, в частности, Посейдона, который предоставил в его распоряжение быструю колесницу, и благодаря своему спортивному уменью, в то время как Эномай потерпел поражение из-за своего коварства, злобы и жестокости по отношению к многочисленным женихам своей дочери Гипподамии. Такое переосмысление мифов о Тантале и Пелопсе может быть объясняет, почему в центре священного круга Олимпии, между самыми почитаемыми святынями — храмами Зевса и Геры, высится одна из древнейших святынь Олимпии героон Пелопса. Перетолковывание мифа о Пелопсе имело важное религиозное и культурное значение для еще большей славы олимпийского святилища в греческом мире и престижа олимпийских игр.

Однако благородная атмосфера олимпийских состязаний как священнодействия в честь Зевса и Геры не ограничивалась лишь теологическим переосмыслением примитивных воззрений архаики. Оно вместе с тем органически дополнялось художественной разработкой образов эллинских главных божеств и прежде всего Зевса и Геракла. Художественная разработка образов главных греческих божеств проходила по разным направлениям. Прежде всего, следует отметить важность соз-

дания цельного храмово-религиозного олимпийского комплекса — Альтиса, видимо, одного из первых в Элладе. Храмовый комплекс в Олимпии — это не только определенная совокупность красивых архитектурных шедевров. Он стал священным пространством, где каждый элемент выполнял свою сакральную роль, имел свое религиозное назначение. Священное пространство Альтиса имело свои внутренние законы и строгую логику. Постоянное строительство в самом Альтисе и вокруг него, которое продолжалось непрерывно вплоть до поздней римской эпохи, рассматривалось как совершенствование и приумножение этого сакрального пространства и подчинялось заложенным там издревле законам и принципам. Альтис задумывался и реализовывался как средоточие главных для эллинов сакральных принципов. Это место было отмечено многими священными знаками, здесь воспроизводились многие эпизоды мифической и реальной истории с микенского времени, которые были зачастую драматичными. Эти мифические знаки воплощали сущность жизни и ее важнейших проявлений у греческого народа. И в Олимпии они получили свое оригинальное проявление, так же как в сакральном комплексе Дельф или афинского акрополя. Однако именно в Олимпии эти принципы формирования священного общегреческого комплекса были разработаны с наибольшей полнотой и раньше всего и затем стали заимствоваться во многих других центрах Эллады.

Замечательный храмовый комплекс Олимпии состоял из архитектурных зданий уникального значения, которые стали не только шедеврами греческой архитектуры, но и послужили образцом для дальнейшего развития греческого зодчества, греческой ордерной системы. Храм Геры в Олимпии был одним из первых греческих периптеров, в Олимпии формировались основы дорического ордера. Одним из шедевров греческой архитектуры, где начался синтез дорического и ионического ордеров, стал знаменитый храм Зевса постройки Либона. В Олимпии были построены один из уникальных архитектурных памятников круглой формы — знаменитый Филиппейон, а также лучшие образцы той архитектурной формы, которые получили название палестры и гимназия. Здесь нет возможности перечислить другие шедевры архитектуры и строительства, которые во многом определяли общее направление развития греческого зодчества как в архаическое, так в классическое и эллинистическое время. Опыт разработки архитектурных олимпийских шедевров (кстати, так же, как и после проведения современных олимпиад) затем широко внедрялся во многих других местах греческого мира.

Аналогичное положение характеризует и развитие греческой скульптуры. Эта проблема нуждается в специальной разработке. Здесь можно отметить наряду со статуей Зевса работы Фидия такие шедевры, как образ летящей Ники работы Пеония, Дискобола работы Мирона, Дорифора работы Поликлета, статуи раннего Лисиппа, Гермеса с младенцем Дионисом работы Праксителя.

Как известно, победители олимпийских игр имели право ставить статую в Олимпии и в родном полисе и широко пользовались этим правом. Эти статуи победителей воспроизводили прекрасные образы греческих атлетов, физически развитых и красивых людей, наделенных олимпийским благородством. Они стали материальным выражением сформировавшегося в греческой общественной мысли и морали образа калос кагатос, т. е. совершенного человека и вместе с тем сами развивали и обогащали этот образ. Этот образ, который во времена архаики был, как правило, образом знатного аристократа, в эпоху классики стал представлять образ идеального рядового гражданина греческого полиса, что говорило о глубоком внедрении полисного гражданского демократического мировоззрения в структуру общественного и художественного мышления.

Другими формами художественного творчества, которое стимулировалось проведением постоянных общегреческих олимпийских празднеств, было как непрерывное музыкальное и поэтическое сопровождение самих праздничных церемоний, так и постоянное участие в них выдающихся ораторов (Исократ, Демосфен), историков (Геродот), поэтов (Пиндар), философов (Эмпедокл), трагиков (Софокл) и многих других, которые вдохновлялись в атмосфере спортивных состязаний и религиозных церемоний, и это становилось стимулом их замечательного творчества.

Нельзя не отметить большого политического значения результатов олимпийских состязаний. Участие в них, а тем более победа, делали олимпийников важными политическими фигурами, помогали им в их политических домогательствах. Видимо, ни один греческий крупный политик, тиран или реформатор не манкировал участием или поддержкой олимпийских празднеств. Не говоря об аристократах, политиках, тиранах эпохи архаики, которые часто получали свою власть после победы на олимпийских играх. Напомним, как внимательно следил за олимпийскими афинский стратег Перикл, а сицилийский тиран Дионисий I просто перекупал на свою сторону победителей за большие деньги. По сведениям Геродота (Herod. V. 22), македонский царь Александр I, запятнавший себя в глазах греков сотрудничеством с персами во время великого похода Ксеркса, всячески добивался права участия в олимпийских состязаниях и, наконец, добился такого права. Тем самым Александр I смог сразу же решить две крупные политические проблемы: он как бы признавался принадлежащим к эллинам, а не варварам, а с другой стороны, был реабилитирован в глазах греков за свою проперсидскую позицию. Спустя сто лет, когда Филипп II не совсем легитимно унаследовал в той же Македонии престол и имел не совсем прочное политическое положение, он всячески добивался упрочения своего положения через участие в олимпийских играх и, кстати, одержал победы на трех Олимпиадах — в 356, 352, 348 годах. Причем в день его первой победы на 106 Олимпиаде в 356 г. до н. э. родился его сын Александр, будущий Александр Великий. Этим победам Филипп II придавал такое большое значение, что включил символику своих побед на новые монетные номиналы — серебряные тетрадрахмы и золотые статыры.

Олимпийские празднества породили целый ряд важнейших общегреческих лозунгов. Так, во время 97 олимпиады в 392 г. до н. э. софист Горгий в своей олимпийской речи впервые провозгласил идею объединения всей Греции и организации объединенного военного похода против Персии. Та же идея была затем повторена оратором Лисием на следующей Олимпиаде в 388 году (Lys. 33. 6). Свои сложные политические задачи через участие в олимпийских играх решали многие эллинистические властители из династий Селевкидов, Птолемеев, Атталидов и другие. Даже члены императорского дома Юлиев-Клавдиев, в частности, Тиберий, будущий римский принцепс и его племянник Германик, император Нерон считали за большую честь участвовать и побеждать в олимпийских состязаниях, и это было важной политической акцией (Suet. Nero. 24. 2.).

Наконец, следует отметить, что сам факт установления счета общегреческого времени по отрезкам Олимпиад стал важным показателем общегреческого счета времени, неким объединяющим символом единого течения времени эллинского народа, эллинской истории и цивилизации.

Эллинская народность, эллинская культура, эллинская цивилизация в целом не может быть представлена без постоянно, каждые четыре года, повторяющихся общегреческих олимпийских празднеств. И они были насильственно прекращены, закрыты в 394 г. ревностным христианином императором Феодосием тогда, когда



античная цивилизация как таковая прекратила свое существование, и ей на смену пришла новая средневековая христианская цивилизация.

Однако в исторической памяти греческого народа великое наследие античного эллинизма продолжало жить и в византийское время и при турецком владычестве. А когда греческому народу удалось завоевать независимость и создать свою новую государственность, мечта о возрождении замечательных древних традиций стала обретать реальность. В 1858 г., через два десятилетия после обретения независимости, когда страна еще не оправилась от последствий многовекового османского ига, грек Цаппос, ветеран войны за независимость Греции, пожертвовал большую сумму денег специально, как он писал, «для восстановления олимпийских игр, проводимых каждые четыре года по установлению наших предков». В 1859 г. в Афинах были восстановлены и проведены первые олимпийские празднества, затем они были продолжены в 1870 и 1875 годах. Блестящие открытия немецкой экспедиции во главе с Э. Курциусом в Олимпии привлекли внимание всей Европы к этому прославленному месту древней Эллады. За организацию восстанавливаемых олимпийских игр взялся молодой, энергичный французский аристократ барон Пьер де Кубертен. Они теперь уже мыслились не только как праздник объединения греческого народа, а как праздник единения всего цивилизованного мира, как распространение благородных принципов античного олимпизма на современный мир. В знак особого признания Греции как родины олимпизма Первая современная всемирная Олимпиада была проведена в столице Греции в Афинах на специально построенном мраморном стадионе, который до сих пор украшает Афины. И с тех пор уже в течение ста лет регулярно проводятся всемирные Олимпиады, которые также играют стимулирующую роль не только и не столько в современном спортивном движении, но являются важным фактором культурного развития современного сложного мира. В знак особого признания древнего олимпизма для каждой современной Олимпиады олимпийский огонь зажигается на развалинах древней Олимпии самой красивой девушкой гречанкой. Во время торжественного шествия всех участников Олимпиады впереди несут государственный флаг Греческой республики, а колонна греческих олимпийцев открывает само шествие.

## Древние Олимпийские игры как миротворческий фактор\*

Олимпийские игры в древней Греции проводились регулярно с 776 г. до н. э., когда впервые был объявлен победителем и увенчан лавровым венком человек по имени Кореб, имя которого было занесено первым в длинный список олимпиоников, олимпийских чемпионов. С этой даты и вплоть до 394 г. н. э., когда римский император Феодосий своим указом запретил празднование Олимпийских игр, они проводились регулярно каждые четыре года, несмотря на самые крупные политические и военные осложнения. Олимпийские игры древности, насчитывающие 12 столетий, стали одним из важнейших факторов развития и существования великой античной цивилизации. Они оказали большое влияние на античную культуру, религию, зодчество, скульптуру, литературу, философию<sup>4</sup>. Олимпийские празднества оказывали благотворное влияние

\* Первая публикация: в ж. Вопросы истории. 2000. № 8. С. 119–135.

<sup>4</sup> Кузицин В. И. Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры // ВИ. 1997. № 1; Соколов Г. И. Олимпия. М., 1980; Herrmann H.-V. Olympia. Heiligtum und Wettkampfstätte. Brl.,

на атмосферу общественной жизни античного общества, на его существование, в самой структуре Олимпийских игр было заложено глубокое миротворческое начало.

Миротворческие принципы античного олимпизма реализовывались в разных формах: они органически включались в теологию и философскую концепцию праздника, воплощались в его общем художественном оформлении, были задействованы в процедуре его организации. Олимпийские игры в древности не были спортивными состязаниями как таковыми. Это было религиозное общезлинское празднество, торжественное собрание представителей всех греческих городов-государств, демонстрация национального единства, глобальной идеи панэллинизма. Спортивные состязания, хотя и занимали очень важное место в общей системе праздничных мероприятий, концептуально лишь дополняли общественно-религиозное празднество в честь верховного божества общегреческого пантеона — Зевса Олимпийского<sup>5</sup>.

Храм Зевса Олимпийского — один из архитектурных шедевров греческого зодчества — был центром празднества. Его органически дополняли другие священные сооружения главных олимпийских божеств. Рядом с храмом Зевса стоял величественный храм Геры, сестры и супруги Зевса, прекрасный храм матери всех богов — Метроон. В пределах священного олимпийского участка — Альтиса — находилось святилище Афродиты Урании, богини космической, пронизывающей весь мир любви, святилище Деметры, богини плодородия и земледелия. Среди священных статуарных групп представлены все другие члены божественной олимпийской семьи — Посейдон, бог водной стихии, Аполлон, бог света и солнца, его сестра Артемида, покровительница растительности, животных, девственной природы, Афина, богиня мудрости, Гелиос, божество Солнца, Дионис, Гермес, Гестия, богиня домашнего очага. Большое место в теологии Олимпийского святилища занимала фигура Геракла, любимого греческого героя, труженика, вершителя многих добрых дел на благо людей<sup>6</sup>. Вместе с тем в Олимпии среди ее знаменитых храмов и святилищ, статуарных групп и алтарей практически отсутствуют божества, олицетворяющие хаос, насилие, мрачные силы, войны, бедствия. И хотя в общегреческом пантеоне такие божества были, в Олимпии они отсутствуют, даже такое важное божество, один из 12 важнейших олимпийских божеств, как бог войны, мрачный и кровавый Арес<sup>7</sup>.

1972; ejusd. Olympia und seine Spiele im Wandel der Zeiten // Gymnasium. 1973. LXXX; Gardiner E. N. Olympia. Its History and Remains. Oxford, 1925; Bengston H. Die Olympische Spiele in der Antike. Zürich—Stuttgart, 1971; Finley M., Pleket H. The Olympic Games: the First Thousand Years. N.Y., 1976; Proceedings of an International Symposium on the Olympic Games. 5–9 September 1988. Athens, 1992; The Archaeology of the Olympics: the Olympics and the other Festivals in Antiquity. Univer. of Wisconsin Press., 1988.

<sup>5</sup> Drees L. Olympia: Gods, Artists and Athletics. N.Y., 1968; Koerbs W. Kultische Wurzel und die fruhe Entwicklung des Sports // Studium generale. 1960. XIII; Mallwitz A. Cult and Competition Locations at Olympia // The Archaeology of the Olympics; Nilsson M. Cult, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951; Sinn U. Olympia: Kult, Sport und Fest in der Antike. München, 1996; ejusd. Olympia: die Stellung der Weltkämpfe im Kult des Zeus Olympios // Nikephoros. 1991. IV.

<sup>6</sup> Соколов Г. И. Указ. соч.; Бейков А. Олимпизм и искусство. София, 1985; Mallwitz A. Olympia und seine Bauten. München, 1972; Buschor E., Hamann R. Die Skulpturen des Zeustempels zu Olympia. Marburg, 1924; Aschmole B., Jalouris N. Olympia. The Sculptures of the Temple of Zeus. Lnd., 1967.

<sup>7</sup> Конечно, изображение Ареса, одного из 12 важнейших богов олимпийской семьи совершенно невозможно было исключить из художественно-мифологического убранства Олимпии. И Павсаний дает единичное упоминания об Аресе (Paus. V. 1. 6; 7. 10. 15; 6. 18; 5. 20; 3. 22. 6). Однако в этих упоминаниях Павсаний дает иное истолкование образа Ареса, удаляя из его образа черты насилия, кровопролития, распри. Он подчеркивает его состязательные черты (см. например, у Павсания

Такой своеобразный подбор в олимпийском святилище Альтисе, с абсолютным преобладанием светлых, созидательных, мирных божеств и исключением мрачных, кровожадных, разрушительных стал демонстрацией особой теологии, как самого олимпийского святилища, так и проводившихся здесь праздничных церемоний. Посетители Олимпии попадали в особый мир добрых, созидательных, благожелательных божественных сил, они должны были, хотя бы на время, забыть о раздорах, крови, убийствах, страданиях. Следует отметить, что многочисленные храмы, святилища, алтари, статуи богов были созданы лучшими зодчими, художниками, скульпторами, были подлинными шедеврами, созерцание которых пробуждало самые лучшие качества человеческой личности, укрепляло в ней высокие нравственные ценности.

Подчеркивание высоких нравственных созидательных качеств особенно ярко проявилось в разработке образа Зевса Олимпийского, главы всего олимпийского пантеона<sup>8</sup>. В архаических мифах Зевс выступает как великий воитель против титанов и гигантов, различных чудовищ, в его образе еще много хтонических, темных черт. Однако в процессе развития греческой религиозной мысли образ Зевса теряет свои свойства воителя, мрачные хтонические черты и становится олицетворением светлых сторон жизни. Хотя Зевс выступает покровителем героев, уничтожающих хтонических чудовищ, он осуждает кровопролитие и стихийные бедствия войны в лице Ареса<sup>9</sup>. Зевс занимается в классическое время как покровитель общности людей, городской жизни, защитник обиженных и покровитель молящих о защите. Он дает людям законы, его называют «дарователем жизни», «помощником в беде», «спасителем» (Paus. IX. 26. 7; Soph. fr. 392), «отцом», покровителем дружеских союзов, «охранителем клятв», покровителем гостеприимцев. Зевс в Олимпии олицетворяет прежде всего светлую сторону бытия. Основным направлением теологической разработки образа Зевса в ходе Олимпийских празднеств стало преодоление грубой силы, бесцеремонного насилия при устройстве космического порядка и возрастание его моральных и цивилизаторских качеств как первенствующих. В олимпийских одах Пиндара Зевс выступает как покровитель олимпийских победителей в ходе честного, законного соревнования, как олицетворение Истины, Благозаконности, Справедливости, Мира и Правды, противопоставленных Обману, Противозаконию, Насилию и Войне. Наиболее полным художественным воплощением этого нового понимания образа Зевса стала культовая статуя Зевса, исполненная великим скульптором Греции — Фидием, ставшая одним из семи чудес света древнего мира. Этот образ излучал справедливость, доброту, умиротворенность, гармоническое величие,

---

изображение группы богов Асклепия и Гигеии — божеств врачевания и здоровья, Ареса и Агона — как олицетворения мирного состязания (Paus. V. 20. 2). Еще более ярким отрывком Павсания, говорящим о перетолковании образа Ареса, так сказать, в мирном смысле является изображение Ареса на ларце Кипсела, хранящегося в Олимпии. Павсаний сообщает: «Военные сцены заполняют третье поле ларца, большая часть там пеших воинов, но есть изображение и парных конных запряжек. По тому, как держат себя воины, можно заключить, что, хотя они и собираются вступить в сражение, но они готовы признать друг друга и приветствовать как друзей» (Paus. V. 18. 2).

<sup>8</sup> О культе Зевса существует огромная литература. Укажем лишь некоторые работы: Лосев А. Ф. Античная мифология в историческом развитии. М., 1957; Нильссон М. Греческая народная религия. СПб., 1998; Cook A. B. Zeus: a Study in Ancient Religion. Vol. I–III. Cambridge, 1914–1940; Willamowitz-Moellendorf von U. Der Glaube der Hellenen. Bd. I–II. Brl., 1931–1932; Nilsson M. P. Vater Zeus // Archiv für religionswissenschaft. 1938. Bd. 35. 1–2; Aebli D. Klassischer Zeus. München, 1971.

<sup>9</sup> Yannakis T. The Relationship between the Underground — Chthonian World and the Sacred Panhellenic Games // Nikephoros. 1990. III.

а Софокл награждает его именем спасителя, он покровитель человеческой общности, защитник обиженных и молящих о защите. По существу, созданный Фидием образ Зевса стал завершением длительной работы греческой религиозной мысли, теологическим осмыслением нового внутреннего содержания идеи верховного бога олимпийского пантеона, который стал каноническим вплоть до появления христианства<sup>10</sup>.

Разработка созидательных моральных сторон образа Зевса разительно отличается от понимания сути верховного божества Юпитера у римлян, сопоставляемого с греческим Зевсом. Если в раннее время римский Юпитер рассматривается как верховное божество со многими функциями, как абстрактный бог неба, дневного света, грома и молний, царь богов, гарант верности клятвам и даже покровитель земледелия, то уже с начала Республики усиливаются в его культе функции бога войны, воинской победы (Юпитер получает эпитеты Непобедимый, Победитель, Мститель). Развитие этих функций привело к созданию обряда триумфа, когда победоносный полководец, положивший на поле брани не менее 5 тысяч неприятельских воинов, в пурпурной одежде и с инсигниями Юпитера, с выкрашенным в красный цвет лицом (как у статуи бога и символизирующим пролитую кровь) на квадриге, перед которой вели захваченных рабов и военную добычу, в сопровождении своей победоносной армии, отправлялся на Капитолий, к храму Юпитера, где приносил ему благодарственную жертву из взятой на войне добычи и возлагал к его ногам свой лавровый венок. Именно со военными победами, добытыми ценой пролития крови, и символизовавшим их триумфом были связаны и проводившиеся в честь Юпитера Великие или Римские игры, самые знаменитые и престижные в Риме, аналогичные по своей значимости Олимпийским играм.

Если в Олимпии, в священных зданиях, святилищах, алтарях воспроизводились образы богов (и прежде всего Зевса) созидательных, согласительных, дружественных миротворческих функций, а один из высших олимпийских богов Арес был практически элиминирован из общего божественного круга, то в Риме, напротив, в образе Юпитера превалировали функции бога войны, победы на поле брани, связанной с пролитием крови. И чем больше врагов убивалось на поле боя, тем больше прославлялись полководцы и сам Юпитер. Наряду с усилением воинственных функций у Юпитера, возрастает в системе римских религиозных верований и празднеств значение бога войны и раздора Марса. По мере римских завоеваний Марс приобретает все большее и большее почитание. В 366 г. до н. э. в Риме у Капенских ворот, откуда римское войско выступало в поход, был построен один из самых почитаемых храмов Рима, храм богу Марсу. В центре роскошного форума Августа был возведен великолепный храм Марсу—Мстителю. В эпоху Империи культ Марса один из самых популярных в громадной римской армии и в Западных провинциях<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Лучшее описание этого уникального памятника эллинского искусства дано Павсанием (Paus. V. 11), а наиболее философское осмысление этого шедевра Фидия дал Дион Хрисостом в своей знаменитой «Олимпийской речи или о первоначальном осознании божества», произнесенной в Олимпии в 97 г. при проведении 219 олимпиады. Из бесчисленных описаний статуи Зевса в Олимпии можно назвать: *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. М., 1994; *Соколов Г. И.* Указ. соч.; *Liegle J. Der Zeus des Phidias.* Bri., 1952; *Aschmole B., Jalouris N.* Op. cit.; *Picard Ch.* La sculpture antique de Phidias a l'ere byzantine. P., 1923.

<sup>11</sup> *Штаерман Е. М.* Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987; *Dumesil G.* Juppiter, Mars, Quirinus. P., 1941; *Grenier A.* Le genie romain dans la religion, la pensee et l'art. P., 1925; *Hermansen G.* Studien über den italischen und romischen Mars. Kb., 1940; *Latte K.* Romische Religionsgeschichte. München, 1960; *Wissowa G.* Religion und Kultus der Romer. München, 1912.

В целом можно сказать, что высший смысл религиозной доктрины так, как она воспроизводилась и воспринималась в самом центре олимпийского культа, в Олимпии, состоял в почитании светлых, миротворческих, созидательных начал, направлявших энергию своих адептов к здоровой соревновательности и утверждению жизни, а не к прославлению войны и раздора, всегда связанных с насилием, жертвами и кровью.

Подобная теология общеэллинского величайшего религиозного празднества стала основой соответствующей философской концепции олимпийского панегирия. Эта концепция разрабатывалась в одах Пиндара, Вакхилида и в творчестве великих трагиков V в. до н. э. и прежде всего Эсхила и Софокла. Суть новой концепции в наиболее полном и концентрированном виде воспроизводится в олимпийских одах Пиндара<sup>12</sup>. Для Пиндара Олимпийские игры — это самое знаменитое религиозно-общественное празднество всех эллинов, где бы они ни жили:

Лучше всего на свете — вода;  
 Но золото, как огонь, пылающий в ночи,  
 Затмевает гордыню любых богатств.  
 Сердце мое, ты хочешь воспеть наши игры?  
 Не ищи в полдневном пустынном эфире  
 Звезд светлей, чем блещущее солнце.  
 Не ищи состязаний, достойней песни,  
 Чем Олимпийский бег.  
 Лишь отсюда многоголосый гимн  
 Разлетается от мудрых умов,  
 Чтобы славить Кронида... (Ол. 1.1–11)

Однако с точки зрения Пиндара в концепции Олимпийского состязания, как она представлена в существующих мифах, содержится неверная богохульная основа. Суть этого противоречия в том, что в самой Олимпии, в центре Альтиса, между храмами Зевса и Геры находился героон Пелопса как одна из самых почитаемых святынь Олимпийского праздника. Согласно существующим архаическим мифам Пелопс, сын Тантала, считался одним из основателей славного олимпийского состязания, но обстоятельство его основания в ранних мифах были таковы, что подрывались самые существенные основы этого празднества. В ранних версиях мифа предлагалось своеобразное понимание событий, предшествующих основанию Олимпийских игр, в центре которых оказались Пелопс и его отец Тантал.

Суть этих событий заключается в том, что Тантал, пытаясь выяснить всеведение богов, предлагает им на пиру блюдо из тела своего сына Пелопса, убитого им, то есть совершает самое страшное преступление и перед богами и перед людьми. С другой стороны, возрожденный Олимпийскими богами Пелопс, согласно версиям мифа, получает в жены дочь царя Элиды Эномая, победив его в колесничем состязании путем преступления (Пелопсом был подкуплен возница Эномая Миртил, который потом был убит им же). И став царем Элиды, Пелопс в память своей победы устраивает Олимпийские игры.

Итак, мифологическая, концептуальная первооснова Олимпийского состязания покоилась на богохульстве, обмане и убийстве своего почитаемого основателя. Мог-

<sup>12</sup> О поэзии Пиндара и его одах в честь победителей панэллинских состязаний см. *Пиндар*. Вакхилид. Оды, фрагменты. М., 1980; *Willamowitz-Moellendorf von U. Pindaros*. Bri., 1922; *Meller A. M. Apolline Ethics and Olympian Victory Pindar's eighth Pythian 67–78 // Greek, Roman and Byzantine Studies* (Durham). 1989. Vol. 30. 4.

ло ли общественное мнение Греции VI–V вв. до н. э., ее выдающиеся мыслители и, в частности, Пиндар согласиться с такой концепцией основания наиболее светлого праздника? И уже в 1-й Олимпийской оде Пиндар коренным образом перерабатывает этот древний миф. Он отказывается от натуралистической и оскорбительной для эллина трактовки этого мифа, дискредитирующего представления об Олимпийских богах и Олимпийском панегирее и предлагает свой вариант мифа о Тантале и Пелопсе (Ol. 1. 28–41). Тантал не убивал своего сына Пелопса и не предлагал его тело богам в качестве угощения, Деметра не съедала часть пелопсова плеча, а Гермес не собирал по кусочкам изрубленное тело Пелопса и не оживлял его в кипящем котле, заменив часть съеденного Деметрой плеча слоновой костью. Ничего этого не было. А миф состоит в том, — объясняет Пиндар, — что Тантал созвал на пир богов, а во время пира влюбленный в красивого Пелопса Посейдон перенес юношу в «небесный широкославный чертог» на Олимп. Суть же преступления Тантала заключалась не в совершении детоубийства и диком способе испытания всеведения богов, а в том, что он попытался похитить тайну бессмертия у богов и передать ее смертным людям. Кипящий котел, где оживал убитый Пелопс, Пиндар понимает как купель для новорожденного младенца Пелопса, а белизну его плеча — как естественную красоту его тела.

Коренным образом переосмысливается содержание мифа и о победе Пелопса над Эномаем. Пелопс победил жестокого Эномаю не таким преступным образом, как в дошедших мифах, а благодаря помощи богов, в частности Посейдона, который предоставил в его распоряжение быструю колесницу, и своему спортивному умению, в то время как Эномай потерпел поражение из-за своего коварства, злобы и жестокости по отношению к многочисленным женихам своей дочери Гипподамии<sup>13</sup>.

Такое переосмысление мифов о Тантале и Пелопсе могло достойно объяснить, почему в центре священного округа Олимпии, между самыми почитаемыми святынями — храмами Зевса и Геры, высится одна из древнейших святынь Олимпии — героон Пелопса. Перетолкование мифа о Пелопсе имело важное религиозное и культурное значение для еще большей славы олимпийского святилища в греческом мире и престижа Олимпийских игр.

Новая версия мифов о Тантале и Пелопсе, как и мифической предыстории Олимпийских игр приводила в соответствие теологию олимпийских божеств V в. до н. э. и предысторию Олимпийских состязаний как проявления их высоких моральных миротворческих функций, основанных на принципах Добра, Справедливости, Истины, честного состязания.

В сформировавшейся в VI–V вв. до н. э. концепции Олимпийских празднеств миротворческое ненасильственное начало проявилось еще одной стороной. Покровитель Олимпии Зевс почитался не только как верховный бог, установитель законности и порядка. В его культе получила развитие такая его функция, как священное покровительство съехавшимся в Олимпию участникам и зрителям проводимых торжеств. Зевс выступал как божественный Проксен (покровитель) для всех эллинов,

<sup>13</sup> Согласно мифологической традиции жестокий Эномай, царь Элиды, был сыном бога Ареса и Гирпины («около Эгины стоит Гирпина, — говорит Павсаний, — по сказаниям элейцев и флиасийцев, с которой сочетался Арес, и эта Гирпина была матерью Эномаю, царствующего в Писейской области» (Paus. V. 22. 6). По другому архаическому мифу Эномай всякий раз совершал жертвоприношение Зевсу Арею (воителю), когда он состязался с женихами Гипподамии. Однако в классическое время этот жертвенник стал называться не жертвенником Зевса Арея, а жертвенником Гефеста, то есть воинственная сущность Зевса Воителя была переосмыслена в трудовую деятельность бога Гефеста.

приехавших в Олимпию и становившихся тем самым его гостями (*xenoi*). Иначе говоря, здесь вступали в действие уже древние законы гостеприимства. Объявление всех присутствующих на Олимпийских играх эллинов «гостями» Зевса-гостеприимца как их покровителя превращало их из обычных зрителей, так сказать в полноправных соучастников праздника, между которыми возникали особо доверительные связи как между общими гостями Зевса, то есть они получали равный доступ ко всем святыням, священнодействиям, зрелищам, спортивным площадкам. Должностные лица, организующие игры, обязаны были создать им благоприятные условия для пребывания на олимпийской территории. Все эллины, являясь персональными «гостями» Зевса, вместе с тем становились гостями друг для друга, то есть приехавшие из Синопы, Кампанских Кум, Эфеса или Афин превращались не только в единоплеменников и ощущали свое национальное единство, но между ними возникали более сильные связи, более прочное единение как общими гостями их верховного божества Зевса. Эти возникающие связи как общих гостей Зевса скреплялись общим пиршеством, которое устраивалось распорядителями Олимпийских празднеств — элейцами в честь победителей игр. Сам факт совместной трапезы как бы юридически и сакрально завершал договор общего гостеприимства, предполагающего взаимопомощь, доброжелательность и мирные отношения<sup>14</sup>.

Возникшие отношения взаимоуважения во время совместного участия на празднике сохранялись и после того, как его участники разъезжались по своим полисам. Ведь в самом основании института гостеприимства предполагалась его длительность, которая продолжалась годами и даже могла передаваться по наследству. В этом отношении интересен рассказ Элиана о случае с Платоном (Ael. IV. 9): «Платон, сын Аристона, жил в Олимпии под одним кровом с людьми, которых он не знал и которым он был тоже незнаком. За время совместной жизни он столь расположил их к себе и очаровал их своим обхождением, что они не могли нарадоваться этой встрече. Философ не упоминал в разговоре ни Академии, ни Сократа, сказал только, что его зовут Платоном. Когда эти люди попали в Афины, Платон принял их чрезвычайно гостеприимно, и они попросили его: «Покажи-ка нам своего тезку, ученика Сократа, сведи нас в Академию и познакомь с ним, чтобы нам его послушать». На это Платон по своей привычке слегка улыбнулся и сказал: «Это же я». Гости Платона были поражены, что, общаясь с таким мужем, не поняли, кто он. Платон же был прост и безыскусственен и доказал этим, что может привязывать к себе людей не только философскими беседами»<sup>15</sup>.

<sup>14</sup> Проксения — покровительство гостям из других мест — восходящая к древним обычаям и традициям, в классическое время стала одним из важнейших институтов международного и сакрального права, призванного обеспечить мирные отношения между отдельными людьми, между полисами и между разными народами. Особенно строгое исполнение правил гостеприимства соблюдалось при проведении наиболее чтимых панэллинских праздников и прежде всего во время проведения Олимпийских игр. О проксениях см.: *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. СПб., 1997; *Monceux P.* Les proxenies grecques. P., 1886; *Raubitschek A. E.* The Panellenic Idea and the Olympic Games // *The Archaeology of the Olympic*; *Schnitzer F., Marek Ch.* Die Proxenie. Bri., 1987.

<sup>15</sup> На олимпийские праздники съезжалась значительная часть греческой элиты: поэты, ораторы, историки, философы, архитекторы, скульпторы, которые обменивались своими идеями. Кроме собственно спортивных состязаний и ритуальных действий во время олимпийских празднеств создавался своего рода временный центр интеллектуальной и художественной жизни Греции. *Bilinski B.* Agoni ginnici: componenti artistiche ed intellettuali nell'antica agonistica greca. Wroclaw—Roma, 1979; *Kokolakis M.* Intellectual Manifestations in the Margin of the Olympiads // *Acts of the 3-rd International Congress of the Peloponnesian Studies.* Kalamita 8–15 Sept. 1985. Athens, 1987–1988. Vol. III. Part 2.

Весь смысл отрывка предполагает, что во время Олимпийского праздника (скорее всего это было на 103-й Олимпиаде — 368 г. до н. э., когда одним из победителей оказался афинянин Пифострат)<sup>16</sup> у Платона завязались отношения гостеприимства с посетителями Олимпии, и эти связи продолжались спустя много лет. В Элладе, раздробленной на множество мелких полисов, часто враждующих друг с другом, устанавливаемые во время Олимпий узы массового гостеприимства не могли не вносить сильную миротворческую струю, смягчать общее политическое напряжение в Греции. Естественным следствием религиозной и мифологическо-философской концепции Олимпийских празднеств, в которых превалировало ненасильственное, созидательное, объединительное соревновательное начало, стал институт священного перемирия — экехейрии, провозглашаемого на период, включающий подготовку и проведение Олимпийских игр. Возникает вопрос, с какого времени можно говорить о выработке понятия экехейрии и включении его в процедуру организации Олимпийских празднеств: с самого ли начала Олимпиад, т.е. с 776 г. до н. э., или в более поздние сроки. Ответ на этот вопрос в греческой традиции об Олимпийских играх был совершенно однозначным. Этим вопросом специально занимался Аристотель. Среди его многочисленных произведений находилось специальное сочинение, посвященное определению и классификации списка олимпиоников, победителей соревнований. Аристотель неоднократно бывал на Олимпиях, а Павсаний говорит о том, что в Олимпии еще в его времена стояла статуя Аристотеля, поставленная его учениками (Paus. VI. 4. 5).

В связи с этими изысканиями Аристотель, по свидетельству Плутарха (Лус. 1-fr. 533), использовал такой древнейший источник по Олимпийским играм, как бронзовый диск, на котором он прочитал имя Ифита и спартанского реформатора Ликурга, которым греческая традиция уже в IV в. до н. э. приписывала заключение соглашения об организации Олимпийских игр. Именно в этом соглашении, по мнению Плутарха, был установлен институт экехейрии как священного перемирия. После Аристотеля традиция постоянно связывала установление экехейрии с самым началом Олимпийских игр, т.е. началом VIII в. до н. э., рассматривала этот институт как фундаментальное основание всего празднества,

Наиболее полное изложение этой традиции дано в сочинении Флегонта из Тралл, автора знаменитого произведения «Олимпиады или Хроника», составленного вскоре после смерти императора Адриана, но раньше, чем сочинение Павсания<sup>17</sup>. Согласно данным Флегонта, первооснователями всенародного Олимпийского празднества были герои Писон (эпонимный герой города Писы), Пелопс и Геракл, но пелопоннесцы прервали проведение этого празднества, и в результате этого перерыва в Элладе возник раздор. Желая прекратить этот опустошительный раздор, наиболее прославленные правители эллинских общин — спартаец Ликург, элеец Ифит и пизанец Клеосфен, согласно Флегонту, «решили восстановить по древним установлениям для поддержания мира и согласия среди народа Олимпийское празднество и устраи-

<sup>16</sup> Moretti L. *Olympionici i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Roma, 1957. P. 120.

<sup>17</sup> Флегонт из малоазийского города Траллы был отпущенником императора Адриана (117–138). Испоняя, видимо, задание страстного эллинофила Адриана он составил исторический труд под названием «Олимпиады или Хроника», в котором изложил события переднеазиатской, греческой и римской истории, начиная с 1-й олимпиады 776 г. до н. э. до 229 олимпиады 137 г. н. э. По всей вероятности его труд был написан в конце 130-х годов, то есть до 230 олимпиады 141 года. Труд Павсания был написан где-то в 170-е гг., то есть спустя 30–40 лет после труда Флегонта. В данной статье мы пользуемся текстом Флегонта, изданным К. Мюллером. *Fragmenta historicorum graecorum*. Vol. III. P. 1870.



вать спортивные состязания. Они направили запрос к Богу в Дельфы — одобряет ли он их решение. Бог одобрил при условии, если они сделают следующее: установят, чтобы в полисах, которые захотят участвовать в новых состязаниях, была провозглашена экехейрия. После того, как этот оракул был объявлен в Элладе, на бронзовом диске тремя элланодиками были записаны правила проведения Олимпиад. Однако пелопоннесцы были недовольны установленными правилами состязаний, игнорировали их, и их постигла эпидемия, которая привела к гибели всего урожая. Тогда пелопоннесцы снова послали людей Ликурга к Богу, умоляя его указать на средства для прекращения эпидемии.

И Пифия изрекла так:

«О вы, населяющие славный во всей земле акрополь Пелопида,  
Старейшие и самые лучшие среди смертных.  
Запомните ответ Бога, объявленный мной:  
Зевс высокогремящий, великий повелитель безмерного неба  
Гневается на вас, пренебрегающих Олимпийскими правилами.  
На вас, осмелившихся эти святыя повеления и эти игры упразднить,  
Зевс послал Эпидемию, голод и проклятье.  
Но эти напасти прекратятся, если святыни будут восстановлены».

Получив этот оракул, пелопоннесцы передали элейцам устройство Олимпийских состязаний и объявление экехейрии в полисах. А элейцы... послали людей в Дельфы запросить новое прорицание.

И Пифия ответила так:

«Воздерживаясь от войны, вы защитите вашу страну,  
Обучайте эллинов общепризнанной дружбе,  
Как только придет дружеский пятый год»

(т.е. год очередной Олимпиады. — В. К.).

Получив это прорицание, элейцы стали воздерживаться от войн, стали заботиться о проведении олимпийских празднеств» (Phleg. Trall. I. fr. I).

Согласно данным Флегонта, Олимпийские празднества были изначально установлены, чтобы прекратить раздор, то есть войны, царящие в Элладе. Попытка пелопоннесцев нарушить это правило (видимо, по причине своего военного превосходства они считали невыгодным для себя прекращение войны) привела к гневу богов, к губительной эпидемии и голоду. Вновь оракул Аполлона подтвердил свое требование установления мира и согласия во время Олимпийских празднеств. Флегонт приводит текст изречения Пифии, видимо, восходящий к глубокой древности, относительно миссии, возлагаемой Аполлоном на общину элейцев: «Воздерживаясь от войны, вы защитите вашу страну. Обучайте эллинов общепризнанной дружбе, как только придет дружеский пятый год». Иначе говоря, институт экехейрии рассматривался Пифией не как утилитарный перерыв в военных действиях во время Олимпийских игр, а как своего рода школа воспитания миролюбия и согласия среди эллинов, а сам год проведения Олимпийских празднеств объявлялся Пифией как *philophron*, т.е. рождающим дружбу, приветливость, ласку.

Итак, Олимпийские празднества воспринимались эллинами, греческими полисами еще в глубокой древности как принципиальный общеэллинский институт, созданный легендарными мудрецами и героями по указанию богов, институт поддержания мира и согласия, национального единства, как фактор, охраняющий эллинские полисы от взаимоуничтожения в междоусобных войнах.

Олимпийские празднества прежде всего рассматривались как самое торжественное общегреческое религиозное действо, возвеличивающее Зевса Олимпийского. Спортивные состязания не играли самостоятельной, самодовлеющей роли, они были органической частью религиозного ритуала, вне которого не было бы блеска, великолепия и славы участников спортивных соревнований и особенно их победителей олимпиоников. Как можно было видеть, и институт экехейрии предполагал определенную религиозную основу. Согласно традиции, установление экехейрии было прямо инициировано богами-покровителями эллинов для поддержания мира и согласия среди греков, то есть поддержания жизнедеятельности народа.

Вместе с тем экехейрия имела и большое чисто светское содержание, выступала как институт реальной жизни, установленный для совершения фундаментальных действий сугубо прагматического порядка. Согласно установленным издревле правилам организации Олимпийских празднеств они проводились в 1-е или 2-е полнолуние, наступающее после летнего солнцестояния, то есть по определению специальной комиссии они устанавливались в период от середины июля до середины сентября. Если учесть, что правило экехейрии предполагало безопасность приезда участников и зрителей и их отъезда, то фактически время олимпийских празднеств охватывало июль, август и начало сентября, время сбора урожая, жатвы зерновых, первого сбора плодов виноградников, оливок. Таким образом, празднество было приурочено к важнейшему событию в жизни каждого полиса, обеспечивало мирные условия для завершения сельскохозяйственного года. Поскольку вплоть до IV в. до н. э. полисное войско состояло из средних земледельцев, естественно, такие сроки проведения Олимпийских празднеств были всем воинам жизненно необходимыми для завершения своих земледельческих работ.

Представляет интерес вопрос о количестве дней, в течение которых действие священного перемирия считалось обязательным. Вопрос этот весьма дискуссионный из-за отсутствия достаточно точных сведений относительно самой процедуры объявления времени очередной Олимпиады. Олимпиада — это четырехлетний промежуток времени от одного олимпийского празднества до другого. Греки полагали, что новые Игры начинаются через 4 года, то есть когда закончатся ровно четыре года со времени прошлой Олимпиады, иначе говоря, она проводится на 5-й год со времени прошлых Игр. Вот почему именно пятый год считался годом следующей Олимпиады (*Olympiacos etos*) (Xen. Hist. gr. IV. 4. 28). Этот год согласно древнему изречению Пифии рассматривался как священный, как *Sebastos*, находящийся под особой охраной олимпийских богов и прежде всего Зевса Олимпийского. В рамках этого олимпийского года особо выделялось время священномесечья — *iegotmaenia*. Это понятие, видимо, происходит от названия *ieros maen* — «священный месяц», время праздничных церемоний в честь божества, однако, в классический период оно не совпадало с понятием месяца как единицы времени в 30 дней, и «священный месяц» мог продолжаться от нескольких дней до двух месяцев (ср., напр., празднование Элевсиний — 55 дней).

Какое время отводилось под «официальное», общепризнанное во всей Элладе празднование Олимпий, проводившихся через 4 года на 5-й после предшествующих игр? Обратимся к имеющимся скудным данным.

Начало года при счете лет по Олимпиадам выпадало на летнее солнцестояние, то есть 20-е числа июня по современному календарю. А собственно Олимпийские игры начинались с 1-го или 2-го полнолуния, после летнего солнцестояния, то есть с 20-х чисел июля или 20-х чисел августа по современному календарю, то есть через 70 (или 60) дней после летнего солнцестояния. Таким образом, от начала олим-

пийского года до начала собственно олимпийских состязаний проходило 1 или 2 месяца (около 30–60 дней). Кроме того, церемония самих празднеств, соревнований, чествование победителей, пребывание многочисленных зрителей (среди них греческая интеллектуальная элита — Геродот, Фукидид, Платон, Ксенофонт, Аристотель, Демосфен и многие другие) занимало не менее 1–2 недель (около 10–15 дней).

Можно ли считать этот промежуток времени в 2 месяца от начала олимпийского года (*Olympiacos etos*) до завершения олимпийских празднеств (*iegotaeonia*) — священномесечьем? Приведем некоторые имеющиеся данные источников. Так, Фукидид говорит о том, что для произведения клятвы на верность мирному договору Афин с Аргосом, Мантинеей и Элидой стороны должны прибыть в Олимпию за 30 дней до начала собственно Олимпийских празднеств (Thuc. V. 47. 13). Данное место Фукидида следует понимать так, что в промежуток 30 дней до самих игр никакие иные действия, кроме самой подготовки торжеств, не допускаются в силу наступления *iegotaeonia*. Павсаний, объясняя процедуру допуска атлетов на состязания, сообщает, что они должны в течение 10 месяцев под наблюдением элланодиков тренироваться в гимнасии города Элиды, а затем 30 дней тренироваться непосредственно в самой Олимпии (Paus. VI. 23. 1). Об этом упоминает и Филострат (*Vita Apoll.* V. 43). Перевод атлетов, допущенных после предварительного просмотра в Элиде, в Олимпию должен был означать, что они приобретают особый статус олимпийских участников, так сказать, приобретаются к святыне.

И еще одно важное сообщение Павсания. Он описывает здание Элланодикейона, главной ставки распорядителей Олимпийских игр — элланодиков. После их избрания (а они избирались в народном собрании Элиды на время проведения каждой Олимпиады), по его сообщению, они в течение 10 месяцев специально изучали правила проведения Олимпийских игр, которые им доверено судить и организовывать, и лишь затем они считались подготовленными и переходили в Олимпию для организации игр. Они на два месяца получали особый статус посвященных в олимпийские церемонии, то есть приобретали некоторый сакральный и международный статус. Эти два месяца и покрывают все необходимые сакральные и светские функции элланодиков от начала олимпийского года до завершения олимпийских церемоний и в целом, очевидно, обозначались термином *iegotaeonia* — священномесечье. Еще одним подтверждением именно такого срока «священного месяца», общепризнанного всеми эллинами как полного времени Олимпийских празднеств, является сопоставление его с полным сроком празднования Элевсинских мистерий, которые продолжались 55 дней (см. CIA. I. I).

Таким образом, можно сделать общее заключение и о сроке действия экехейрии. Священное перемирие объявлялось на все время священных церемоний в Олимпии, то есть в течение 2-х месяцев, от начала олимпийского года (*Olympiacos etos*), от начала летнего солнцестояния и до полного завершения Олимпийских игр. Любопытно, что эти месяцы носили весьма характерные названия в элейском календаре: *Apollonios* (Аполлонов) и *Parthevios* (Девичий), по именам одних из главных олимпийских божеств, любимых детей Зевса Олимпийского, близнецов Аполлона и Артемиды, олицетворявших солнце и луну, важнейшие небесные светила, дающие жизнь людям, животным и растениям.

Заслуживает специального рассмотрения вопрос и о том содержании, которое вкладывалось древними эллинами в понятие экехейрии как священного перемирия. Важная информация об этом заключена в самом термине экехейрия. Как известно, древние греки обозначали понятие мира, мирной, спокойной (без войны) жизни термином *эйрене* (*eiraenae*). Греки очень ценили мир, и это нашло отражение в обожест-

влении этого понятия в образе богини Эйрене, культ которой приобрел популярность в классический период<sup>18</sup>. Однако понятие священного перемирия вело свое происхождение не от этого ключевого термина, а имело иную этимологию. Термин *ekescheiria* восходит к слову *cheir* (рука, сила, власть, насилие, которое может совершить рука) и приставке *ek*, означающей движение от объекта, отделение, освобождение, обособление и, в том числе, зависимость. Таким образом, этимология термина *экехейрия* обозначает сложное понятие: освобождение руки от силы, от мощи-руки, сжимающей оружие во время боя. Этот импульс, идущий из глубины, от некоей внутренней силы, более могущественной и более мудрой, чем ожесточенный разум воюющего человека, останавливает руку, сжимающую меч или копье, остужает ожесточение разума и чувства. Он являлся божественным импульсом. Поэтому, естественно, слово *экехейрия* заключает в себе сложное понятие, предполагающее соединение божественного и человеческого начала как перерыв в насилии, устанавливаемый богами, и адекватно переводится как священное перемирие.

Сакральная составляющая придавала высокий авторитет понятию *экехейрии* в глазах всех эллинов. Этот авторитет еще более повышался в силу того обстоятельства, что божественный импульс, прерывающий кровопролитие, воспринимался как исходящий от самого Зевса, главы и владыки Олимпа. Ведь сам институт *экехейрии* возник в связи с культом Зевса в Олимпии и провозглашался во время подготовки и проведения самого почитаемого всеэллинского Олимпийского праздника. Таким образом, генезис и этимология понятия предполагают особый непререкаемый авторитет всего института *экехейрии* в греческом мире, эллинском обществе.

Бесспорно, такие ключевые понятия как *эйрене* и *экехейрия*, обозначающие отсутствие войны, военных действий, мирное положение, тесно связаны между собой, но вместе с тем они отражают разные сферы мира как такового. *Эйрене* это состояние мира как спокойной (без войны) жизни. Оно устанавливается на долгий срок (обычно на 30, 50 и даже 100 лет) как завершение, окончание большой войны между конкретными полисами. Она завершала (а не прерывала) военные действия особым документом в письменной и узаконенной народным собранием форме и ставилась под защиту богов и законов.

Термин *экехейрия* обозначает другое: краткое перемирие, именно перемирие в военных действиях (как мы видели выше, на 2 месяца). Оно предполагает не окончание войны, а именно перерыв, остановку на период подготовки и проведения общеэллинского великого праздника, прежде всего Олимпийского, а несколько позже и других (Пифийского, Истмийского и Немейского). После окончания краткого срока действия *экехейрии* военные действия могли возобновляться, и это не было нарушением ни международного права, ни древнего обычая. *Экехейрия* не фиксировалась каждый раз в особой письменной форме, узаконенной народным собранием конкретного полиса, она была установлена особым, единственным соглашением предков, то есть договором Ликурга, Ифита и Клеосфена, одобрена оракулом Аполлона

---

<sup>18</sup> *Эйрена* — богиня мирной, тихой, спокойной (без войн и насилия) жизни. В архаические времена не имела своего культа и всего упоминается Гесиодом (*Theog.* 901) как одна из трех гор (наряду с *Эвномеей* и *Дике*), ведающих сменой времен года и плодородием полей. С середины V века до н. э. ее роль в греческом пантеоне повышается, и она стала почитаться как самостоятельная общеэллинская богиня со своим культом. В ее честь возводятся алтари, воздвигаются статуи. Ее образ часто воспевается в греческой поэзии (напр. Пиндаром.) Аристофан посвятил ей одну из своих комедий, впервые прославив *Эйрену* в качестве общеэллинской богини, приносящей мир и процветание всей *Элладе*.

и лишь провозглашалась в период проведения Олимпийского, а затем и других панэллинских празднеств между всеми эллинскими государствами, а не конкретными полисами.

В древнегреческой религиозной и международной практике существовал еще один вид перемирия, который обозначался термином спонде (*spondae*) или спонда (*sponda*). О таком перемирии говорит Ксенофонт в своей «Греческой истории». В IV.7.2 он повествует о подготовке похода лакедемонян на Аргос в 391 г. до н. э., то есть через год после проведения 97-й олимпиады (392 г. до н. э.) и, следовательно, после окончания действия экехейрии как олимпийского священного перемирия. В 391 г. до н. э. лакедемоняне превосходили в силах Аргос и посчитали момент удобным для сокрушения своего противника. Понимая это, аргосцы стремились сорвать поход и выдвинули в качестве причины, что у них проходит празднество и, следовательно, наступило действие священного перемирия, которое Ксенофонт передает не словом экехейрия, а словом спонде. Термин спонде этимологически выражает перемирие, акт провозглашения которого предполагает возлияние вина на жертвеннике, то есть определенное ритуальное действие.

Любопытно, как в этом случае действовал спартанский военачальник Агесиполид. Не отрицая необходимость соблюдения перемирия во время религиозного праздника, он заявил, что Аргос сфальсифицировал время праздника. «По мнению Агесиполида, — продолжает Ксенофонт, — этот праздничный месяц наступал у них не тогда, когда он должен был наступать по календарю, а всякий раз, как они слышали, что лакедемоняне собираются идти на них войною». В связи с этим благочестивый Агесиполид обратился к оракулу Зевса в Олимпии и к оракулу Аполлона в Дельфах, указывая на фальсификацию Аргоса. «Божество объявило ему, — продолжает Ксенофонт, — через свои знамения, что вполне благочестиво не принимать перемирия, если оно является только придиркой, выставленной безо всякого законного основания». Отметим, что спонде объявлялось полисом Аргос, живущим по своему календарю, и могло быть поставлено под сомнение другими полисами, в том числе панэллинскими святилищами в Олимпии и Дельфах и предполагало особый ритуал провозглашения. Спонде, таким образом, отличалось от понятия экехейрии четырьмя особенностями: 1) Оно имело местное значение, принималось конкретным полисом и могло признаваться или не признаваться другими полисами; 2) Законность спонде должна была подтверждаться панэллинскими святилищами; 3) Обряд провозглашения спонде, связанный с возлиянием вином, отличался от обряда провозглашения экехейрии; 4) В отличие от экехейрии, продолжавшейся определенное количество дней (2 месяца), при спонде число праздничных дней, видимо, не фиксировалось твердо, а могло варьироваться в определенных границах. В связи с тем, что понятия экехейрия и спонде имели смысловые и ритуальные отличия, они применялись в разных категориях празднеств. Скорее всего, экехейрия провозглашалась на панэллинских играх, признаваемых всеми греками и проводившихся в установленные сроки. Они посвящались главным олимпийским богам и проводились по принятому всеми эллинами ритуалу. Такими празднествами были (кроме Олимпийских) Пифийские, Истмийские и Немейские игры, организованные по образу и подобию Олимпийских. Экехейрия провозглашалась при проведении Элевсинских мистерий, которые имели общегреческое значение и продолжались около 55 дней (СИА. I. I). Видимо, экехейрия провозглашалась и при праздновании Великих Панафиней, проходивших раз в четыре года (как и Олимпиады) и отличались особой пышностью с приглашением жителей многих греческих полисов. Спонде, очевидно, провозглашалось на многочисленных празднествах местного полисного уровня.

Особенности внутреннего содержания понятий экехейрии и спонде как вариантов священного перемирия определяли различный способ публичного оповещения о начале панэллинских игр, особенно Олимпийских. Хотя прямых указаний на этот счет в источниках нет, ряд косвенных данных позволяет реконструировать основные черты этой процедуры.

Как указывает Павсаний, подготовка и организация очередных Олимпийских празднеств начиналась с выбора элланодиков и номофилаков (знатоков олимпийского устава, олимпийских законов) в Народном собрании Элиды за 10 месяцев до завершения 4-летнего цикла прошлой Олимпиады (Paus. VI. 24. 3). Выбранные элланодики, проходили обучение всем правилам олимпийского устава под наблюдением специальных номофилаков, видимо, из числа прежних элланодиков, хорошо знакомых на практике со всеми тонкостями организации Олимпийских празднеств. Это обучение проходило не в Олимпии, а в городе Элиде, в специальном помещении Элланодикейоне (буквально, «дом элланодиков», олимпийских судей), расположенном около главного гимнасия Элиды, где могли тренироваться атлеты, прибывшие на Олимпийские игры.

10-месячное проживание и обучение элланодиков в Элланодикейоне завершало период прошлой олимпиады. Через 10 месяцев начинался «Олимпийский год», и обученные элланодики переезжали в Олимпию в специальное помещение, скорее всего, в Булевтерий. Приезд элланодиков означал начало исполнения их прямых обязанностей и сопровождался определенными ритуальными действиями, в ходе которых объявлялось начало очередного Олимпийского года и провозглашалась экехейрия на ближайшие 2 месяца, включающими непосредственную подготовку и проведение олимпийских празднеств, а также отъезд участников и зрителей.

Какова была процедура передачи информации о начале экехейрии и олимпийских празднеств в многочисленные греческие города, разбросанные по всему Средиземноморью и Причерноморью? Довольно распространено мнение, что о проведении и сроках очередной Олимпиады оповещали специальные посланцы, направляемые из Олимпии во все города Эллады. Прежде всего, видимо, в Спарту не только в силу территориальной близости Спарты и Олимпии, но и в силу того, что одним из основателей Олимпийских игр и самого института экехейрии был спартаец Ликург. Очевидно, что в полисы Пелопоннеса, Средней Греции, на острова Эгейского моря такие сообщения направлялись через специальных посланцев.

Однако обойти все греческие полисы, разбросанные по всему Средиземноморью, физически маловероятно или потребовало бы слишком большого количества посланников. Скорее дело обстоит иначе. Поскольку сроки Олимпиад, а именно 5-й год после очередной Олимпиады и с начала летнего солнцестояния, были хорошо известны, каждый полис, представители которого предполагали направить своих атлетов как участников и граждан как зрителей, создавал особую полисную депутацию, представлявшую именно данный полис. Поскольку эта депутация выезжала на панэллинское религиозное торжество, она определялась как феория, «священное посольство» города, которое имело право свободного прохода и проезда через территорию воюющих государств в силу действий экехейрии, право аккредитации и пребывания на Олимпийских играх, право приношения жертв в честь Зевса Олимпийского, других богов и героев. Вся феория и ее отдельные члены получали статус гостей Зевса-Гостеприимца со всеми вытекающими отсюда привилегиями. Видимо, в процессе формирования такой феории ее руководители и должностные лица соответствующего полиса сами доставали всю необходимую информацию о процедуре предстоящих Олимпийских игр, возможно, предварительно направляя специального

посланца в Элиду или Олимпию, где принимались решения об Олимпийских торжествах.

Итак, понятие экехейрии прежде всего выражает перерыв в военных действиях между воюющими государствами в период проведения Олимпийских празднеств. Однако это лишь часть общего содержания этого понятия. Выше уже приводились сведения Флегонта из Тралл, который упоминал одно из изречений Пифии, данное при организации Олимпийских игр:

«Воздерживаясь от войны, вы защитите вашу страну.  
Обучайте эллинов общепринятой дружбе,  
Как только придет дружеский пятый год».

Этот ответ предполагал расширительное толкование экехейрии, объявление которой Аполлон вручал жителям Элиды. Объявлять воздержание от насилия, экехейрию по оракулу Аполлона могло только государство, не ведущее войн, государство, которое своим процветанием должно являть собой образец благополучия и спокойствия в условиях мирной жизни. Государство, ведущее войны, раздираемое внутренними смутами, страдающее от эпидемий, не может, по мысли греков, быть хранителем и исполнителем священного перемирия. «Ифит установил Олимпийские игры, — сообщает Страбон, — а элейцы были теперь священными. В силу этих обстоятельств население Элиды достигло процветания, ибо, в то время как другие полисы постоянно воевали друг с другом, одни элейцы пользовались продолжительным миром, да и не только они сами, но и чужестранцы, жившие у них, так что их область стала самой населенной из всех» (Strab. VIII. 8. 33)<sup>19</sup>.

Однако согласно оракулу жители Элиды не только подавали пример мирного благоденствия на своем собственном историческом опыте, они к тому же должны были обучать эллинов общепринятой дружбе, а сам олимпийский год определялся как *philophron*, как рождающий дружбу, т.е. миротворческие функции экехейрии воспринимались не просто как пассивное воздержание от войны, а включали активное начало благотворного воздействия священного перемирия на умиротворение внутреннего ожесточения, терзающего души людей, и врачевали вражду в ее наиболее глубоких основах. И с этим толкованием связана еще одна сторона миротворческого содержания экехейрии — она призывала отказаться от применения насилия не только во внешних сношениях, войнах полисов друг с другом, но и от внутренних смут внутри полисов, то есть от гражданских распрей<sup>20</sup>. И это глубинное миротворческое начало, заложенное в понятие экехейрии, реализовывалось на каждой Олимпиаде. Лютые враги на поле брани, только что призывавшие к убийству врага, пылающие жаждой мщения (Thuc. VII. 68) в одночасье, в момент объявления священного перемирия мирно соревнуются на олимпийском стадионе бок о бок, участвуют в совместном заключительном пиршестве в конце соревнований, приносят совместные жертвы Зевсу. Здесь в Олимпии они не лютые враги, а друзья-соперники, единый коллектив эллинов, славящих Зевса и Геракла. Здесь, находясь в благополучной Элиде, они ви-

<sup>19</sup> Еще более содержательные сведения о процветании Элиды как устроителя олимпийских празднеств, пользующийся своего рода дипломатической неприкосновенностью от военных действий на своей территории, сообщаются Полибием (Polyb. IV. 73–74).

<sup>20</sup> Преступление афинянина Килона и его сторонников, вызвавшееся в вооруженном захвате Акрополя, отягощалось в глазах граждан и тем, что это вооруженное насилие произошло во время Олимпийских игр, т.е. во время действия объявленной экехейрии (речь идет о 35 Олимпиаде, т.е., 640 г. до н. э. См. Thuc. I. 126. 3–12; Plut. Solon. 12).

дят благотворность мира, спокойной мирной жизни. Действительно, в Олимпии происходит обучение ожесточившихся людей дружбе, взаимопониманию, созидательно-му сотрудничеству.

Благодаря комплексу миротворческих акций и образов Олимпия действительно выступала эффективной школой воспитания мира и созидания. Олимпия как место, откуда объявлялась экехейрия, рассматривалась в целом как источник мира среди греков. Вот почему считалось, что мирные договоры, заключаемые воюющими сторонами в конце военной кампании, обретают особую авторитетность, если они хранятся в Олимпии под покровительством Зевса Олимпийского.

Древнейшие договоры, восходящие к VI в. до н. э., в частности, договоры между Элидой и Гереей, договор между жителями Сибариса и сардами хранились именно в Олимпии (SEG. XXII. 36). Для заключения мирного договора между лесбосцами и Лакедемоном в 428 г. до н. э. представители обеих сторон встречаются для переговоров именно в Олимпии и накануне Олимпиады 428 г. до н. э. «Оправдайте наши надежды, — передает речь послов Митилены Фукидид, — которые возлагают на вас (т.е. лакедемонян. — *В. К.*) элины, устыдитесь Зевса Олимпийского, в святыне которого мы находимся подобно молящим о защите, станьте союзниками митилеян и защитите их» (Thuc. III. 14. 1).

Далеко не случайно, что спартанцы пригласили митиленских послов именно в Олимпию и накануне объявления экехейрии во время Олимпиады 428 г. до н. э. С точки зрения тогдашних политиков заключение мирного договора в Олимпии перед Олимпиадой усиливало его значимость и авторитет, к тому же дополнялось последующим провозглашением священного перемирия.

Одна из самых ожесточенных войн в греческом мире — Пелопоннесская война — в 421 г. до н. э. завершилась мирным договором между Афинским и Пелопоннесским союзами, который заключался при непосредственной апелляции к Зевсу Олимпийскому как главному гаранту такого договора. «Обе стороны в лице 17 человек от каждого государства, — цитирует текст мирного договора Фукидид, — пусть дадут клятву, какая в нем считается величайшею. Клятва должна гласить так: «Я пребуду в этих условиях и договоре по справедливости и без обмана»... Обеим сторонам возобновлять клятву ежегодно (очевидно, в Олимпии. — *В. К.*). Стелы (с текстом договора. — *В. К.*), поставить в Олимпии, у Пифона (т.е. в Дельфах. — *В. К.*), на Истме, в Афинах на Акрополе, в Лакедедоне в Амиклах».

Еще более детально процедуру заключения и сохранения условий мирного договора передает текст договора между афинянами и коалицией аргивян, элейцев и мантинеян, заключенный на 100 лет. Для прочности договора предусматривалось принесение величайших клятв. «Для возобновления клятвы афиняне должны явиться в Элиду (т.е. к храму Зевса Олимпийского в Олимпии. — *В. К.*), Мантинею и Аргос за 30 дней до Олимпийских празднеств, аргивяне, элейцы и мантинейцы должны явиться в Афины за 10 дней до Великих Панафиней. Условия относительно мирного договора, клятв и союза афиняне должны начертать на каменной стеле на Акрополе, аргосцы — на площади в святыне Аполлона, мантинейцы — на площади в святыне Зевса. Сообща должна быть поставлена бронзовая плита в Олимпии на предстоящих вскоре Олимпийских празднествах» (Thuc. V. 47. 10). Следует заметить, что если в городах — участниках мирного договора — ставятся каменные стелы, то в Олимпии текст договора написан на бронзовой плите от имени всех участников. Иначе говоря, в Олимпии хранится своего рода подлинник важного договора и помещается во время празднования Олимпийских игр (это 90-я Олимпиада 420 г. до н. э.), то есть



во время объявления экехейрии, что предполагает как бы международное санкционирование заключенного договора.

Таким образом, в глазах греков Олимпия воспринималась как неприкосновенная для военных действий зона, источник священного перемирия, провозглашаемого регулярно каждые четыре года, храм Зевса Олимпийского как хранилище наиболее важных мирных договоров, а Олимпийское празднество как общепризнанное место, где эти мирные договоры провозглашаются всенародно и получают как бы международную санкцию.

Все эти важные обстоятельства приобретали особое значение в международных отношениях многочисленных греческих полисов. И это значение проявлялось, главным образом, в мощном миротворческом воздействии на общественное мнение, на политическую жизнь Эллады в целом. Тем самым мир греческих полисов, постоянно враждующих друг с другом, создавал механизм противодействия деструктивным силам, ведущим к разрушению греческой государственности и культуры<sup>21</sup>.

Как действовал этот механизм в беспокойном греческом мире? Или, может быть, высокие принципы мирного сосуществования, провозглашаемые институтом экехейрии, были лишь теоретической конструкцией, которая в конкретной действительности не наблюдалась? В нашем распоряжении имеется достаточное количество конкретных данных о том, что институт экехейрии как комплекс миротворческих принципов и реальных действий в греческом мире был достаточно эффективным. Уже приведенные выше примеры говорят о том, как часто военные противники заключали мирные договоры, апеллируя к высокому авторитету Олимпийских празднеств. Любые попытки нарушить состояние мира и спокойствия во время экехейрии вызывали самый решительный международный отпор. Можно привести несколько случаев. Уже в VII в. до н. э. могущественный правитель Аргоса Фидон, «самый дерзостный из всех эллинов, — как пишет Геродот (VI. 127), — изгнал элейских судей на Олимпийских играх и сам руководил олимпийскими состязаниями». Однако этот акт насилия, надругательства над понятием священного перемирия и связанной с ним процедурой игр был осужден всем эллинским миром. Олимпийские игры, проведенные Фидоном, были аннулированы, лаконцы вместе с элейцами, считая, что в этом случае правило экехейрии не действует, выступили в поход против Фидона и сокрушили его могущество (Strab. VIII. 33). Кошунство Фидона не только стоило ему жизни, но и оставило о нем позорную память на века (вплоть до II в. н. э., см. Paus. VI. 22. 2) как об одном из самых жестоких тиранов.

По сведениям Павсания (VI. 22. 2–3) попытки жителей города Писы силой провести 34-е (644 г. до н. э.), 48-е (578 г. до н. э.) Олимпийские игры и нарушить тем самым принятый порядок и принципы экехейрии привели к тому, что судьба Писы в дальнейшем была печальной. Эти Олимпиады были аннулированы, а Писа была опустошена, покинута жителями и вообще прекратила свое существование (Strab. VIII. 3. 30).

Еще более ярким примером всеобщего возмущения греков насильственным нарушением принципа экехейрии стал эпизод вокруг города Лепрей, расположенного на границе между Элидой и Мессенией. Вот как об этом рассказывает Фукидид: «В это лето (420 г. до н. э., 90-я Олимпиада) происходили Олимпийские празднества,

<sup>21</sup> Problemes de la guerre en Grece ancienne. P., 1968; Raubitschek A. E. Homonoia kai eirene dia to olympiakon agonon // Horos. 1988. VI; Rüder T. Koine eirene. General Peace and local Independence in Ancient Greece. Lnd., 1965; Laemmer M. Der sogenannte olympische Friede in der griechischen Antike // Stadion. 1982–1983. VIII–IX.

на которых аркадянин Андросфен одержал в первый раз победу в панкратии (вид борьбы. — В. К.). Лакедемонян элейцы (т.е. элланодики, избираемые в Элиде. — В. К.) отстранили от святыни с воспреещением им приносить жертвы и участвовать в состязаниях за то, что те не уплатили пени, наложенной на них элейцами по суду, согласно олимпийскому уставу, именно элейцы обвиняли лакедемонян в том, что они обратили оружие против их укрепления Фирка и во время Олимпийского перемирия<sup>22</sup> послали в Лепрей своих гоплитов. Пеня была в 2 тысячи мин, по 2 мины на каждого гоплита, согласно уставу. Лакедемоняне через послов возражали, что их принудили к уплате пени несправедливо, так как в то время, как они послали своих гоплитов, в Лакедемон не пришло еще известие о перемирии. Элейцы отвечали, что перемирие лакедемонянам было уже известно, так как его объявляют прежде всего им» (Thuc. V. 49. 1–2), Итак, решение олимпийских судей было оставлено в силе, и лакедемоняне, то есть самый могущественный полис Эллады, не был допущен к Олимпийским играм. Однако история этим не закончилась. Один из спартанцев, Лихас, попытался тайком проникнуть на Олимпийские игры и сумел стать победителем в беге колесниц, запряженных двумя конями, но так как не мог выступать от имени недопущенных спартанцев, то объявил, что его колесница принадлежит не команде Спарты, а беотийцам. Однако обман был раскрыт, и Лихас прямо на ипподроме был жестоко избит рабдухами (судьями, следящими за порядком), а его победа аннулирована. Любопытно, что спартанцы в этом случае не выразили никакого протеста, посчитав такое решение олимпийских судей справедливым (Thuc. V. 50. 3–4). И достойным финалом этой истории является выполнение Спартой олимпийского наказания и уплата положенного штрафа за нарушение священного перемирия в казну Зевса Олимпийского.

В этом рассказе Фукидида следует отметить несколько важных моментов: 1) строгость самого наказания за применение насилия во время объявления священного перемирия; 2) наказание применяется к самому могущественному полису Эллады, главе Пелопоннеского союза; 3) сама Спарта подчеркивает нерушимость правила священного перемирия и оправдывается тем, что она не была официально уведовлена о его объявлении; 4) Спарта посчитала справедливым наложенное на нее наказание, не защитив своего гражданина и победителя Олимпийских игр Лихаса; 5) история с Лихасом показывает, как ценили древние эллины право участвовать в Олимпийских состязаниях.

Еще более ярким примером применения строгих санкций против насильственного вмешательства в процедуру проведения Олимпийских игр и против нарушения правил экехейрии является применение наказания к императору Римской империи Нерону. Нерон, для которого не существовало никаких законов, и, следовательно, и древнейшего олимпийского закона, произвольно перенес празднование 211-й Олимпиады с 65 г. на 67 г., желая принять в ней личное участие. Конечно, в окружении своих преторианцев он одержал множество побед. Однако вскоре элланодики, официальные судьи Олимпийских празднеств аннулировали все результа-

<sup>22</sup> Это место нуждается в комментарии. Фукидид, всегда точный в подборе терминологии, употребляет в этом месте для обозначения понятия «олимпийское перемирие» не термин экехейрия, как он это делает постоянно, а термин *Lumpiasai Spondai*. Однако следует обратить внимание на то, что Фукидид использует этот термин во множественном числе. Видимо Фукидид предполагал, что олимпийское перемирие экехейрия как максимально длительное (около 60 дней) как бы включает в себя несколько более локальных и более коротких религиозных перемирий (от нескольких дней до двух недель).

ты этой, признанной незаконной Олимпиады, и она была исключена из постоянного олимпийского списка (Paus. X. 36. 9; Dio. Cass. LXIII. 14. 20).

Иначе говоря, институт экехейрии действовал достаточно эффективно на протяжении многих сотен лет, его нарушение было редким явлением и каралось суровым образом — отлучением от участия в последующих играх, от возможности принесения жертвоприношений Зевсу Олимпийскому, а также весьма солидными денежными штрафами. Строгость санкций и неумолимость их применения к самым могущественным государствам, эллинистическим царям и даже римским императорам объясняется огромным значением института экехейрии во всей жизнедеятельности древнегреческого общества.

Эффективные миротворческие принципы экехейрии, сформировавшиеся во время проведения Олимпийских празднеств, затем были распространены и на другие общеэллинские игры, такие, как Пифийские в честь Аполлона в Дельфах (установлены с 582 г. до н. э.), Истмийские — в честь Посейдона (установлены с 581 г. до н. э.) в Коринфе, Немейские — в честь Зевса в Немее (установлены с 573 г. до н. э.), на Элевсинские мистерии и другие региональные праздники. В целом институт экехейрии приобрел общеэллинское значение, стал важным миротворческим фактором в греческом мире, раздираемом многочисленными войнами, фактором культурно-религиозного единства, национального самосохранения, создания условий для развития всех сфер великой эллинской цивилизации.

Возрожденные в 1896 г. современные Олимпийские игры унаследовали этот фундаментальный институт древних Олимпийских игр и положили его в основу современных олимпийских принципов. В Олимпийской хартии, регулирующей все современное олимпийское движение, основном законе современного олимпизма так формулируются цели олимпийского движения: «содействие развитию физических и моральных качеств, которые являются основой спорта; воспитание молодежи с помощью спорта в духе взаимопонимания и дружбы, способствующих созданию лучшего и более спокойного мира; всемерное распространение олимпийских принципов для создания доброй воли между народами; Олимпийские игры объединяют спортсменов-олимпийцев всех стран в честных и равноправных соревнованиях; Международный олимпийский комитет обеспечивает максимально широкую аудиторию для Олимпийских игр; по отношению к странам или отдельным лицам на Олимпийских играх не допускается никакой дискриминации по расовым, религиозным или политическим мотивам»<sup>23</sup>.

Современные Олимпийские игры несут в себе мощное миротворческое, созидательное начало, служат для установления спокойного и стабильного мира. Выработанные в глубокой древности миротворческие принципы продолжают играть роль хранителей общечеловеческих ценностей, на которых базируется современная противоречивая цивилизация<sup>24</sup>.

<sup>23</sup> Олимпийская хартия. М., 1990. С. 6.

<sup>24</sup> Современные Олимпийские игры в 1916, 1940 и 1944 гг. не состоялись, поскольку во время 1-й и 2-й мировых войн и крайнего взаимного ожесточения воюющих сторон стало невозможным выполнение миротворческих задач современного олимпизма. Вместе с тем следует отметить, что во время зимней Олимпиады в Нагано в 1998 г. США прислушались к призыву Международного Олимпийского Комитета и перенесли проведение военной акции против Ирака уже после завершения зимней Олимпиады в Нагано.

## Список научных трудов профессора В. И. Кузицина

### 1954

1. Открытие новой экспозиции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина // ВДИ. — 1954. № 3. — С. 186–187.

### 1956

2. Крупное рабовладельческое хозяйство Италии в конце Республики: (Эволюция структуры имущества и доходности каждой из частей): Автореф. дис.... канд. ист. наук. — М., 1956.

### 1957

3. О степени распространения латифундий в Италии в конце Республики // ВДИ. — 1957. № 1. — С. 64–80.

### 1958

4. Земельные владения Цицерона // Научные доклады высшей школы. Серия: Исторические науки. — 1958. № 3. — С. 127–140.
5. Хозяйство италийской латифундии в I в. до н. э. // ВМГУ. Серия историко-филологическая. — 1958. № 4. — С. 15–29.
6. Кафедра древней истории в 1957 г. // ВДИ. — 1958. № 2. — С. 253–254.
7. Рец.: Машкин Н. А. История Древнего Рима. — М., 1956 // ВДИ. — 1958. № 2. — С. 185–189.
8. Рец.: Pallotino M. Etruscologia // СА. — 1958. № 2. — С. 307–313.
9. Рец.: Westerman W. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. — Philadelphia, 1955 // ВДИ. — 1958. № 4. — С. 136–158. (в соавторстве с А. Р. Корсунским, Я. А. Ленцман, А. И. Павловской, И. С. Свенцицкой)

### 1959

10. Срастание сенатской знати с верхушкой всадников в Риме в конце Республики // ВМГУ. Серия историко-филологическая. — 1959. № 2. — С. 209–237.
11. Подводные разведки древней Фанагории // Вестник АН СССР. — 1959. № 1. — С. 130–131. (в соавторстве с В. Д. Блаватским)

### 1960

12. О латифундиях во II в. до н. э. (о толковании 7-й гл. I книги «Гражданских войн» Аппиана) // ВДИ. — 1960. № 1 — С. 46–60.
13. Цицерон—домовладелец: (К вопросу о концентрации имущества в Риме в конце Республики) // ВМГУ. Сер. 9. Исторические науки. — 1960. № 5. — С. 69–79.
14. Рец.: Сергеев М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. — М.—Л., 1958 // ВДИ. — 1960. № 2. — С. 142–145.

### 1961

15. Подводные разведки в 1958 г. // КСИА. — 1961. Вып. 83. — С. 136–138. (в соавторстве с В. Д. Блаватским)

### 1962

16. Хозяйство Плиния Младшего: (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I в. н. э.) // ВДИ. — 1962. № 2 — С. 27–55.
17. Буассье // СИЭ. — М., 1962. — Т. 2. — С. 783.

### 1963

18. Гиперкритицизм // СИЭ. — М., 1963. — Т. 4. — С. 451–453.
19. Рец.: Sirago V. A. L'Italia agraria sotto Traiano. — Louvain, 1958 // ВДИ. — 1963. № 2. — С. 177–183.

### 1964

20. Из истории сельского хозяйства Италии II в. до н. э. — I в. н. э.: (Римское почвоведение и почвы древней Италии) // ВДИ. — 1964. № 3. — С. 15–37.
21. Диоклетиан // СИЭ. — М., 1964. — Т. 5. — С. 223.

22. Доминат // СИЭ. — М., 1964. — Т. 5. — С. 286–287.
23. Дукати Перикле // СИЭ. — М., 1964. — Т. 5. — С. 400.

#### 1965

24. Внеэкономическое принуждение и создание поместной администрации в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. // ВМГУ. Сер. 9. История. — 1965. № 5. — С. 66–81.
25. О чтении обзорных лекций по истории Древнего мира на заочном отделении исторического факультета МГУ // Из опыта преподавательской работы со студентами-заочниками исторических факультетов государственных университетов. — М., 1965. — С. 14–21.
26. Каркопино Жером // СИЭ. — М., 1965. — Т. 7. — С. 40–41.
27. Колонат // СИЭ. — М., 1965. — Т. 7. — С. 509–512.
28. Колумелла Луций // СИЭ. — М., 1965. — Т. 7. — С. 545.
29. Крестьянство в рабовладельческом обществе // СИЭ. — М., 1965. Т. 8. — С. 123–124.
30. Латифундии // СИЭ. — М., 1965. — Т. 8. — С. 484–485.
31. Лутаций Катул // СИЭ. — М., 1965. — Т. 8. — С. 819.
32. Рец.: Варрон. Сельское хозяйство / Пер. с лат., комм. и вступительное слово М. Е. Сергеевко. — М.—Л., 1963 // ВДИ. — 1965. № 2. — С. 141–145.
33. Рец.: Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. — М., 1964 // ВДИ. — 1965. № 3. — С. 159–166.

#### 1966

34. Очерки по истории земледелия Древней Италии. — М.: Издательство МГУ, 1966. — 310 с.
35. Земледелие и землевладение в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — М., 1966.
36. О датировке катоновского «Земледелия» // ВДИ. — 1966. № 2. — С. 54–67.
37. Теория почвенного плодородия в римской агрономии I в. до н. э. — I в. н. э. // Культура античного мира. — М., 1966. — С. 116–123.
38. Эволюция италийского земледелия и возрастание эксплуатации рабского труда // ВМГУ. Сер. 9. История. — 1966. № 5. — С. 77–95.
39. Моммзен Теодор // СИЭ. — М., 1966. — Т. 9. — С. 594–595.
40. Рец.: Pallotino M. Che cos'è l'archeologia. — Firenze, 1963 // СА. — 1966. № 2. — С. 330–332.

#### 1967

41. Нормы и степень эксплуатации труда сельскохозяйственных рабов в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. (Проблемы производительности рабского труда и ее эволюции). Международная конференция античников в Ленинграде, 1964 // Античное общество. — М., 1967. — С. 38–45.
42. Пайс Эггоре // СИЭ. — М., 1967. — Т. 10. — С. 726–727.
43. Парибени Роберто // СИЭ. — М., 1967. — Т. 10. — С. 828.

#### 1969

44. Вестник древней истории в 1937–1969 гг. // ВИ. — 1969. № 11. — С. 162–167.
45. Ростовцев Михаил // СИЭ. — М., 1969. — Т. 12. — С. 218–219.
46. Сальвиоли Джузеппе // СИЭ. — М., 1969. — Т. 12. — С. 502.
47. Северы, Септимий Север // СИЭ. — М., 1969. — Т. 12. — С. 678–679, 779–780.

#### 1970

48. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве (II в. до н. э. — I в. н. э.) // Материалы 5-го Международного конгресса по экономической истории. — Ленинград, 1970. — 19 с. (отд. оттиск)
49. Problems of Slave-Labor Productivity in Roman Agriculture (2<sup>nd</sup> Century B.C. — 1<sup>st</sup> Century A.D.) // V International Congress of Economic History. Leningrad, August 10–14, 1970. — Moscow, 1970.
50. Антонины // БСЭ. — 3-е изд. — М., 1970. — Т. 2. — С. 94.

#### 1971

51. История Древнего Рима. — М.: Высшая школа, 1971. — 494 с. (гл. ред., автор 14 п. л.)
52. V Международный конгресс экономической истории // ВДИ. — 1971. № 3. — С. 209–218.
53. Тамара Михайловна Шепунова: К 70-летию со дня рождения // ВМГУ. Сер. 9. История. — 1971. — С. 95–96. (в соавторстве с И. Л. Маяк и С. С. Соловьевой)
54. Вилла // БСЭ. — 3-е изд. — М., 1971. — Т. 5. — С. 57–58.

55. Спартака восстание // СИЭ. — М., 1971. — Т. 13. — С. 737–740.
56. Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве (II в. до н. э. — I в. н. э.). 5-й Международный конгресс по экономической истории. Ленинград, 10–14 августа 1970 г. // ВДИ. — 1971. № 3. — С. 216–217.

**1972**

57. Восстановление почвенного плодородия у римлян (Применение удобрений в сельском хозяйстве в Италии II в. до н. э. — I в. н. э.) // Древний Восток и античный мир. — М., 1972. — С. 184–208.
58. Николай Николаевич Пикус: (Некролог) // ВДИ. — 1972. № 1. — С. 274–275.
59. Древний Восток и античный мир. — М.: Издательство МГУ, 1972. — 255 с. (гл. ред.)

**1973**

60. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. — М.: Издательство МГУ, 1973. — 256 с.
61. Крестьянское хозяйство Древнего Рима как экономический тип // ВДИ. — 1973. № 1. — С. 35–54.
62. О роли крестьянства в Италии во II в. до н. э. — I в. н. э. // ВМГУ. Сер. 9. История. — 1973. — № 2. — С. 79–91.
63. Торговля в древности // СИЭ. — М., 1973. — Т. 14. — С. 316–320.

**1974**

64. История на древния Рим. — София: Наука и искусство, 1974. — 428 с. (пер. на болгарск. яз.)
65. Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества // ВДИ. — 1974. № 3. — С. 69–87.
66. Франк Тенни // СИЭ. — М., 1974. — Т. 15. — С. 259.

**1975**

67. Методические проблемы преподавания на первом курсе исторического факультета университета — М.: Издательство МГУ, 1975. — 76 с. (ред., совместно с И. Л. Маяк, автор 1 п. л.)
68. Методические рекомендации к учебнику В. И. Авдиева «История Древнего Востока». — М.: Издательство МГУ, 1975. — 23 с.
69. Земельные владения Марка Порция Катона Старшего (Структура крупного землевладения в Италии во II в. до н. э. до реформ Гракхов) // ВДИ. — 1975. № 4. — С. 41–59.
70. Изучение произведений художественной литературы как исторического источника // Методические проблемы преподавания на первом курсе исторического факультета университета. — М., 1975. — С. 25–34.
71. Собрание античной ассоциации при отделении исторических наук АН СССР // ВДИ. — 1975. № 4. — С. 204–206. (в соавторстве с С. С. Соловьевой)
72. Типы общин в античном мире // 15-й Международный конгресс историков в Сан-Франциско, 1975. — Москва, 1975. (в соавторстве с Е. С. Голубцовой и Е. М. Штаерман)

**1976**

73. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). — М.: Издательство МГУ, 1976. — 267 с.
74. История на древния Рим. — София: Наука и искусство, 1976. (пер. на болгарск. яз.)
75. Опыт имитационного моделирования историко-социального процесса // ВДИ. — 1976. № 11. — С. 91–108. (в соавторстве с В. А. Устиновым, Ю. Н. Павловским, А. С. Гусейновой)
76. Советская наука о Древнем мире и XXV съезд КПСС // ВДИ. — 1976. № 2. — С. 3–6.
77. О научной работе Кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ // ВДИ. — 1976. № 2. — С. 28–35.
78. Латифундия как экономический тип // 14-я Международная конференция античников в Ереване. — Ереван, 1976. — С. 372–379.
79. Цезарь // СИЭ. — М., 1976. — Т. 16. — С. 805–808.

**1977**

80. Из истории римской агрономии I в. н. э. // Вопросы истории Древнего мира и Средних веков. — Минск, 1977. — С. 45–62.

81. К проблеме римского города: Италийский город I в. до н. э. — I в. н. э. // Древние города. — Л., 1977. — С. 29–31.
82. Севооборот и его применение в Риме во II в. до н. э. // История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 91–95.
83. С. Л. Утченко — историк античного мира // ВДИ. — 1977. № 1. — С. 13–24. (в соавторстве с Е. М. Штаерман и М. А. Коростовцевым)
84. 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции и развитие советской исторической науки о Древнем мире // ВДИ. — 1977. № 4. — С. 3–16.
85. Рец.: Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975 // ВДИ. — 1977. № 2. — С. 143–146. (в соавторстве с А. М. Ременниковым)

#### 1978

86. Крупный вклад в историографию античности // ВИ. — 1978. № 10. — С. 141–147.
87. Некоторые проблемы изучения рабовладельческого способа производства // Вопросы методологии и истории исторической науки. — М., 1978. — Вып. 2. — С. 60–71.
88. Изучение позднеантичной сельской виллы в окрестностях Севастополя // АО 1977 г. — М., 1978. — С. 344–345.
89. Всеволод Игоревич Авдиев: (Некролог) // ВИ. — 1978. № 8. — С. 220. (в соавторстве с С. С. Соловьевой)
90. Рец.: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. — М., 1977 // ВИ. — 1978. № 4. — С. 164–167.

#### 1979

91. История Древнего Востока. — М.: Высшая школа, 1979. — 456 с. (гл. ред., автор 3,75 п. л.)
92. Le caractère de la main-d'oeuvre dans un domaine du IV<sup>e</sup> siècle d'après le traité de Palladius // Actes du colloque sur l'esclavage. Nieborów, 2–6. XII. 1975. — Warszawa, 1979. — P. 239–255.
93. Анатолий Георгиевич Бокшанин (1903–1979) // ВДИ. — 1979. № 4. — С. 216–218.
94. Рец.: Nicolov D. The Roman Villa at Chatalka // ВДИ. — 1979. № 1. — С. 214–218.

#### 1980

95. Историография античной истории. — М.: Высшая школа, 1980. — 415 с. (гл. ред., автор 11 п. л.)
96. Некоторые проблемы древней истории в свете ленинских идей // ВДИ. — 1980. № 2. — С. 3–10.
97. О системах земледелия в Италии I в. до н. э. — I в. н. э. // Древний Восток и античный мир. — М., 1980. — С. 220–234.
98. Памяти Анатолия Георгиевича Бокшанина // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1980. № 1. — С. 82–87.
99. Раскопки позднеантичной виллы близ Севастополя // АО 1979 г. — М., 1980. — С. 294.
100. Essai de construction du modèle imitatif d'un processus historico-social // Quaderni di storia. — 1980. — Vol. 12. (в соавторстве с А. С. Гусейновой, В. А. Устиновым, Ю. Н. Павловским)
101. Историко-археологическая зона Гераклейского полуострова (район г. Севастополя) и проблемы ее охраны // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах: Материалы Всесоюзной конференции. — Ереван, 1980. — С. 41–43. (в соавторстве с М. Я. Быковым)
102. Рец.: Штаерман Е. М. Древний Рим: Проблемы экономического развития. — М., 1978 // ВДИ. — 1980. № 2. — С. 156–166.
103. Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира МГУ (30 января 1979 г.) // ВДИ. — 1980. № 1. — С. 221, 226. (вступ. и заключ. слово)
104. Древний Восток и античный мир. — М.: Издательство МГУ, 1980. — 238 с. (гл. ред.)
105. Хрестоматия по истории Древнего Востока. — М.: Высшая школа, 1980. — Ч. 1–2. (ред., совместно с М. А. Коростовцевым и И. С. Кацнельсоном)

#### 1981

106. История Древнего Рима. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 1981. — 336 с. (гл. ред., автор 18 п. л.)
107. История Древнего мира: (Программа для госуниверситетов). — М.: Издательство МГУ, 1981. — 58 с. (гл. ред., автор 2 п. л.)
108. Пленум секции истории Научно-технического Совета Минвуза СССР // ВИ. — 1981. № 4. — С. 107–110. (в соавторстве с А. С. Орловым)

109. Раскопки позднеантичной виллы в окрестностях Севастополя // АО 1980 г. — М., 1981. — С. 270–271.  
 110. Владимир Дмитриевич Блаватский // ВИ. — 1981. № 1. — С. 188.  
 111. Владимир Дмитриевич Блаватский: (Некролог) // ВДИ. — 1981. № 4. — С. 215–218.

**1982**

112. Источниковедение Древней Греции: (Эпоха эллинизма). — М.: Издательство МГУ, 1982. — 240 с. (гл. ред., автор 1 п. л.)  
 113. Марк Туллий Цицерон. О природе богов / Пер. и комм. Т. А. Лапиной // ВДИ. — 1982. № 2. (вступительная статья, с. 218–221)  
 114. О подготовке кадров высшей квалификации по всеобщей истории (по статистическим материалам ВАК при Совете Министров СССР) // Новая и новейшая история. — 1982. № 2. — С. 31–41. (в соавторстве с Н. В. Сивачевым и В. Г. Сироткиным)  
 115. L'espansione del latifondo in Italia alla fine della repubblica // L'agricoltura romana: Guida storica e critica. — Roma, 1982. — P. 41–63.  
 116. Социально-экономическая история античности в произведениях В. Д. Блаватского. 1-е Чтения памяти В. Д. Блаватского. 18 февраля 1981 г. // ВДИ. — 1982. № 2. — С. 216.  
 117. П Сергеевские чтения на кафедре истории древнего мира МГУ (30–31 января 1981 г.) // ВДИ. — 1982. № 1. — С. 217. (вступ. слово)  
 118. Марк Туллий Цицерон. О природе богов / Пер. и комм. Т. А. Лапиной // ВДИ. — 1982. № 2–4; 1983. № 1. (ред.)

**1983**

119. К. Маркс об античной экономике // ВДИ. — 1983. № 2. — С. 3–39.  
 120. К. Маркс об античном обществе // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1983. № 5. — С. 34–45.  
 121. Позднеантичная вилла в окрестностях Севастополя // АО 1981 г. — М., 1983. — С. 279–280.  
 122. Спартак — вождь восставших рабов, полководец, человек // Лесков В. А. Спартак. — М., 1983. — С. 364–378.  
 123. Рец.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первые века нашей эры. — Харьков, 1981 // ВДИ. — 1983. № 3. — С. 159–164. (в соавторстве с И. А. Гвоздевой, М. И. Горбатовской)  
 124. Котис II или Котис I? Флегонт из Тралл. XV. 20: опыт исторического контекст анализа. 2-е Чтения памяти В. Д. Блаватского. 5 января 1983 г. // ВДИ. — 1983. № 3. — С. 204.  
 125. Лесков В. А. Спартак. — М.: Молодая гвардия, 1983. — 383 с. — (Жизнь замечательных людей). (гл. ред.)

**1984**

126. La grande proprietà agraria nell'Italia Romana. — Roma, 1984. — 278 p.  
 127. Источниковедение истории Древнего Востока. — М.: Высшая школа, 1984. — 392 с. (гл. ред., автор 1 п. л.)  
 128. Senas Romas Vesture. — Riga: Zvaigzne, 1984. (гл. ред., автор 18 п. л.; пер. на латышск. яз.)  
 129. История Древнего мира: (Методические указания). — М.: Издательство МГУ, 1984. — 98 с. (гл. ред., автор 2 п. л.; в соавторстве с М. С. Садовской и В. М. Строгоцким)  
 130. Кафедра истории Древнего мира и кафедра древних языков // Исторические науки в Московском университете в 1934–1984 гг. — М., 1984. — С. 234–270. (в соавторстве с И. Л. Маяк, А. Ч. Козаржевским, С. С. Соловьевой)  
 131. Раскопки позднеримской виллы в окрестностях Севастополя // АО 1982 г. — М., 1984. — С. 284–285.  
 132. III юбилейные Сергеевские чтения (28–29 января 1983 г.) // ВДИ. — 1984. № 1. — С. 219. (вступ. слово)

**1985**

133. История Древнего Востока. — 1985. (гл. ред., автор 3,75 п. л.; пер. на японск. яз.)  
 134. В секции истории Научно-технического Совета Минвуза СССР // ВИ. — 1985. № 10. — С. 114–116.  
 135. Государство рабов в Сицилии // История: Научно-популярные очерки. — М., 1985. — С. 14–19.  
 136. Рец.: Античная Греция. — М., 1983. — Т. 1–2 // ВИ. — 1985. № 8. — С. 131–135.



**1986**

137. История Древней Греции. — М.: Высшая школа, 1986. — 382 с. (гл. ред., автор 24 п. л.)  
138. История Древнего мира: (Программа для госуниверситетов). — М.: Издательство МГУ, 1986. — 56 с. (гл. ред., автор 2 п. л. в соавторстве с С. С. Соловьевой)  
139. Об изучении социально-экономической истории древнего мира в произведениях В. Д. Блаватского // Проблемы античной культуры. — М., 1986. — С. 36–43.  
140. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // ВИ. — 1986. № 10. — С. 61–77. (в соавторстве с Е. М. Штаерман)  
141. IV Сергеевские чтения (28–30 января 1985 г.) // ВДИ. — 1986. № 1. — С. 185, 193. (вступ. и заключ. слово)

**1987**

142. Хрестоматия по истории Древнего Рима. — М.: Высшая школа, 1987. — 431 с. (гл. ред., сост., автор 17 п. л.)  
143. 70-летие Великого Октября и задачи советского антиковедения // ВДИ. — 1987. № 4. — С. 3–14.  
144. Рец.: История Древнего мира. — М., 1982–1983. — Кн. 1–3 // ВИ. — 1987. № 6. — С. 112–120.  
145. Рец.: Формации и социально-классовые структуры. — М., 1986 // Новая и новейшая история. — 1987. № 5. — С. 221–224. (в соавторстве с Ю. С. Кукушкиным)

**1988**

146. История Древнего Востока. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 1988. — 416 с. (гл. ред., автор 8,5 п. л.)  
147. Журналу «Вестник древней истории» 50 лет // ВИ. — 1988. № 3. — С. 132–138.  
148. V Сергеевские чтения (29–30 января 1987 г.) // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1988. № 3. — С. 93. (вступ. слово).

**1989**

149. О публикации новых глав труда академика М. И. Ростовцева // ВДИ. — 1989. № 1. — С. 206–207.  
150. О формировании государства в Риме // ВДИ. — 1989. № 2. — С. 92–94.  
151. Экономика и политика в античном обществе // ВИ. — 1989. № 8. — С. 39–53. (в соавторстве с Е. М. Штаерман)  
152. V Сергеевские чтения (29–30 января 1987 г.) // ВДИ. — 1989. № 2. — С. 220. (вступ. слово)  
153. Словарь античности. — М.: Прогресс, 1989. — 704 с. (гл. ред.)

**1990**

154. Античное классическое рабство как экономическая система. — М.: Издательство МГУ, 1990. — 269 с.  
155. Подготовка специалистов по истории Древнего мира на историческом факультете МГУ // ВДИ. — 1990. № 4. — С. 73–75.  
156. Причерноморье как экономический регион // 10-й Международный конгресс по экономической истории. — Лувен, 1990.

**1991**

157. Памяти сэра Рональда Сайма // ВДИ. — 1991. № 1. — С. 237–240. (в соавторстве с Е. М. Штаерман)  
158. Efficacité du travail servile à Rome (ses avantages et défauts) // Acta Universitatis Carolinae. — Praha, 1991. — P. 53–64.  
159. История Древнего Востока: Материалы по историографии. — М.: Издательство МГУ, 1991. — 200 с. (ред., совместно с А. А. Вигасиным)

**1992**

160. Istoria Romei Antice. — Chişinău: Lumina, 1992. (пер. на молдавск. яз.)  
161. История культуры Древнего Востока: Учебное пособие. — М.: Издательство РОУ, 1992. — 38 с.  
162. История Древней Греции. Ч. 1: Учебное пособие. — М.: Издательство РОУ, 1992. — 42 с.  
163. История Древнего мира: Древний Восток, Греция, Рим: (Программа). — М.: Издательство РОУ, 1992. — 24 с.

164. О преподавании древней истории в свете новых требований эпохи перестройки: Доклад на VII Всесоюзных Сергеевских чтениях (29–31 января 1991 г.) // ВДИ. — 1992. № 4. — С. 208.
165. О преподавании древней истории в свете новых требований эпохи перестройки: Тезисы доклада на VII Всесоюзных Сергеевских чтениях (29–31 января 1991 г.) // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1992. № 3. — С. 89.
166. Словарь античности. — М.: СП «Внешсигма», 1992. — 704 с. (гл. ред.)

**1993**

167. История Древнего Рима. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1993. — 366 с. (гл. ред., автор 29 п. л.)
168. Scientific News from Russia: (The Survey of Investigations of Ancient History. 1989–1991) // Gerion. — 1993. № 11. — P. 387–401.

**1994**

169. Transformation from Servus through Libertinus to Civis Romanus: The Social and Religious Adaptation // Religion et antropologie de l'esclavage et des formes de dépendence. — Besançon, 1994. — P. 229–240.
170. Греция Древняя // Военная энциклопедия. — М., 1994. — Т. 2. — С. 507–509.
171. Греко-персидские войны // Военная энциклопедия. — М., 1994. — Т. 2. — С. 500–501.
172. Античность // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 21–26.
173. Древний Рим // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 149–156.
174. Древняя Греция // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 157–166.
175. Рабство // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 334–336.
176. Спартака восстание // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 381–382.
177. Юлия Цезаря военные походы и политическая деятельность // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 429–432.
178. Эллинизм // ЭСЮИ. — 2-е изд. — М., 1994. — С. 424–428.

**1995**

179. Économie et politique dans la société antique // Esclavage et dépendence dans l'historiographie soviétique récente. — Paris, 1995. — P. 9–30. (в соавторстве с Е. М. Шгаерман)
180. Рец.: Зубарь В. М. Херсонес Таврический в античную эпоху: Экономика и социальные отношения. — Киев, 1993; Зубарь В. М. Херсонес Таврический и Римская империя: Очерки по военно-политической истории. — Киев, 1994 // ВДИ. — 1995. № 3. — С. 214–220.
181. В поисках исторической теории // Тезисы юбилейной конференции «Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Исторические науки». — Ярославль, 1995. — С. 172–173.

**1996**

182. История Древней Греции. — 2-е изд. — М.: Высшая школа, 1996. — 399 с. (гл. ред., автор 25 п. л.)
183. О некоторых принципиальных положениях методологии истории // Новая и новейшая история. — 1996. № 3. — С. 84–87.
184. Трудовая этика и античный полис // ВИ. — 1996. № 8. — С. 31–45.
185. Херсонес и Рим в начале II в. до н. э.: Первые контакты // ХСб. — 1996. Вып. 7. — С. 87–92.
186. IX Сергеевские чтения (30 января — 1 февраля 1995 г.) // ВДИ. — 1996. № 1. — С. 199. (вступ. слово)

**1997**

187. Климат, рельеф и реки Древней Италии // Ильинская Л. С. Древний Рим: История, быт, культура. — М., 1997. — С. 4–8.
188. Олимпийские игры как феномен древнегреческой и мировой культуры // ВИ. — 1997. — № 1. — С. 41–49.
189. Этика труда в античности // Этика и организация труда в странах Европы и Америки: (Древность, Средние века, современность). — М., 1997. — С. 35–64.
190. The Crisis of Historical Science: What is It? // Current Problems of Historical Theory: Russian Studies in History. — Winter, 1996–1997. — Vol. 35. № 3. — P. 58–63.

191. К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской державе // Рим. Константинополь. Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. — М., 1997. — С. 41–53.
192. Олимпийские игры как явление древнегреческой культуры. Античность и современность. К 100-летию первой Олимпиады: (Тезисы доклада на конференции «Олимпийские игры в истории мировой культуры. К 100-летию возобновления современных Олимпийских игр» (30 мая 1996 г.) // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1997. № 2. — С. 102–103.
193. Олимпийские игры как явление древнегреческой культуры. Античность и современность. К 100-летию первой Олимпиады: (Тезисы доклада на конференции «Олимпийские игры в истории мировой культуры. К 100-летию возобновления современных Олимпийских игр» (30 мая 1996 г.) // ВДИ. — 1997. № 2. — С. 248.
194. Реформы в истории России: Позитивный и негативный опыт // Всероссийская научная конференция «Россия, XXI век». — М., 1997. — С. 36–37. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
195. Thucydides and L. Tolstoj about the Reasons and Meaning of World War // The Thesis of 2<sup>nd</sup> International Colloquium of Thucydides. — Athens, 1997. — P. 30. (with V. Luybetsky)

#### 1998

196. Программа по истории Древнего мира // Историческое образование: Программы общих курсов. — М., 1998. — С. 131–183.
197. Исторические формы товарного хозяйства // Вестник РАН. — 1998. — Т. 68. № 7. — С. 602–611. (в соавторстве с В. Л. Иноземцевым)
198. Реформы и власть: Гений Александра // Власть. — 1998. № 2. — С. 58–63. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
199. Реформы и власть: Эпопея Октавиана Августа // Власть. — 1998. № 3. — С. 36–41. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
200. Реформы и власть: Провал Диоклетиана // Власть. — 1998. № 4. — С. 65–69. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
201. Реформы и власть: Иван Третий — устроитель русского национального государства // Власть. — 1998. № 5. — С. 69–73. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
202. Реформы и власть: Реформы Петра Великого — революция сверху // Власть. — 1998. № 6. — С. 66–71. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
203. Реформы и власть: Упрочение императорской России // Власть. — 1998. № 7. — С. 53–57; № 8/9. — С. 92–98. (в соавторстве с В. В. Ильиным)
204. «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического: (Результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг.) // ВДИ. — 1998. № 1. — С. 205–233. (в соавторстве с А. И. Иванчиком)
205. Фукидид и Лев Толстой о причинах и смысле мировых войн: Отчет о 2-м Международном симпозиуме, посвященном творчеству Фукидида // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1998. № 6. — С. 110–121. (в соавторстве с В. Любецкой)
206. Хозяйство Исхомаха и имение Катона: две модели античного поместья // Материалы конференции «Закон и обычай гостеприимства в античном мире». — М., 1998. — С. 99–113.
207. Argos, Athena and Sparta in 420–418 B.C.: The Theses of Report in the International Conference at Poros. — Athena, 1998.
208. X Сергеевские чтения (Москва, МГУ, 30–31 января 1997 г.) // ВДИ. — 1998. № 2. — С. 203, 207. (вступ. и заключ. слово)
209. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 1. — М.: Русский Двор, 1998. — 163 с. (гл. ред.)

#### 1999

210. История Древнего Востока. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 1999. — 462 с. (гл. ред., автор 9 п. л.)
211. Две модели античного поместья: Первичные опыты экономического моделирования // Экономическая история. 1999. — М., 1999. — С. 319–332.
212. Античность Нового света как цивилизационный центр мировой истории // Развитие цивилизации и Новый свет. Первые Кнорозовские чтения, 20–21 октября 1999: Материалы научной конференции. — М., 1999. — С. 8–9.

213. Вступительное и заключительное слово на заседании круглого стола «Олимпийские празднества (игры) как фактор греческого этнокультурного единства» (Москва, 28 мая 1998 г.) // ВМГУ. Сер. 8. История. — 1999. № 1. — С. 105–106.
214. Вступительное и заключительное слово на заседании круглого стола «Олимпийские празднества (игры) как фактор греческого этнокультурного единства» (Москва, 28 мая 1998 г.) // ВДИ. — 1999. № 1. — С. 233.
215. О научно-педагогической деятельности В. И. Авдиева. Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. И. Авдиева (16–19 октября 1998 г., Москва) // ВДИ. — 1999. № 4. — С. 226.
216. Общество и власть в Херсонесе Таврическом: Тезисы доклада // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. — М., 1999. — С. 65–66.
217. Приветственное слово на научной конференции «Мир и человек в литературах древних цивилизаций» в рамках научных чтений «Литературное наследие древности» // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. — 1999. № 2. — С. 100–101.
218. Существовала ли интеллигенция в античном обществе? // Материалы 10-й Международной конференции «Интеллигенция и интеллигеноведение на рубеже XXI века». — Иваново, 1999. — С. 33–34.
219. Фукидид, Пелопоннесская война и Олимпийские игры 432–404 гг. до н. э. Научные чтения памяти С. Л. Утченко // ВДИ. — 1999. № 2. — С. 249.
220. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 2. — М.: Русский Двор, 1999. — 173 с. (гл. ред.)

#### 2000

221. Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции. — СПб.: Алетейя, 2000. — 608 с. (гл. ред., автор 5 п. л.)
222. История Древней Греции. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2000. — 399 с. (гл. ред., автор 24,5 п. л.)
223. История Древнего Рима. — 4-е изд. — М.: Высшая школа, 2000. — 383 с. (гл. ред., автор 30,5 п. л.)
224. Древние Олимпийские игры как миротворческий фактор // ВИ. — 2000. № 8. — С. 119–135.
225. Ремесло современного историка (интервью) // Обозреватель. — 2000. № 5. — С. 85–87.
226. Творческий путь Е. С. Голубцовой: Тезисы доклада на XI Сергеевских чтениях (27–29 января 1999 г.) // ВДИ. — 2000. № 3. — С. 191–196.
227. Товарное производство в античности как исторический тип товарного производства // Экономическая история. Обзорение. — М., 2000. Вып. 5. — С. 73–75.
228. Древнеегипетская религия и христианство: Проблемы преподавания в общем курсе истории древности // Материалы научной конференции «Древний Египет и христианство (к 2000-летию христианства)». — М., 2000. — С. 84–85.
229. Общество и власть в Херсонесе Таврическом: Тезисы доклада на VII чтениях памяти В. Д. Блаватского (К 100-летию со дня рождения) // ВДИ. — 2000. № 3. — С. 196.
230. Общество и власть в Херсонесе Таврическом: Тезисы доклада на VII чтениях памяти В. Д. Блаватского (К 100-летию со дня рождения) // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2000. Вып. VIII. — С. 387.
231. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 3. — М.: Русский Двор, 2000. — 184 с. (гл. ред.)
232. Колосовская Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. — М.: Наука, 2000. — 288 с. (гл. ред.)

#### 2001

233. Олимпия древняя и современная // Шанин Ю. В. Олимпия. История античного атлетизма. — СПб., Алетейя, 2001. — С. 5–8.
234. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 4. — М.: Эко-Пресс-2000, 2001. — 224 с. (гл. ред.)
235. Римское частное право: Учебное пособие. — М.: Книжный мир, 2001. — 248 с. (гл. ред.)
236. Шанин Ю. В. Олимпия. История античного атлетизма. — СПб., Алетейя, 2001. — 191 с. (гл. ред.)

**2002**

237. История Древнего Востока. Тексты и документы. — М.: Высшая школа, 2002. — 719 с. (гл. ред., автор 8,0 п. л.)
238. Историография истории Древнего Востока: Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. — СПб.: Алетейя, 2002. — 302 с. (гл. ред., автор 0,75 п. л.)
239. XII Сергеевские чтения на Кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 29–31 января 2001 г.) // ВДИ. — 2002. № 1. — С. 220, 229. (вступ. и заключ. слово)
240. Институт священного перемирия и его миротворческая роль в политической жизни древней Греции: Тезисы доклада на заседании «Университетской олимпийской школы-семинара» (Москва, МГУ, 20 февраля 2002 г.) // ВДИ. — 2002. № 3. — С. 239–240.
241. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 5. — М.: Эко-Пресс-2000, 2002. — 320 с. (гл. ред.)

**2003**

242. От кочевий к царству: этапы формирования скифской государственности // Диалог цивилизаций. Развитие государственности в условиях взаимодействия кочевых обществ и оседлых оазисов в зоне Великого шелкового пути (По материалам международной конференции). — Бишкек, 2003. — Вып. 2. — С. 25–27.
243. XIII Сергеевские чтения на Кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 27–29 января 2003 г.) // ВДИ. — 2003. № 4. — С. 232, 242. (вступ. и заключ. слово)

**2004**

244. Олимпийские игры как явление древнегреческой и мировой культуры // Рождение Олимпийских игр. — М., 2004. — С. 6–13.
245. A Phenomenon of the Olympic Games in the Ancient Greek and in the World Culture (Presentation) // Mesogeios. — 2004. Vol. 24. — P. 7–8.
246. Les Jeux Olympiques dans l'antiquité comme facteur de pacification dans l'histoire de la Grèce ancienne. L'institution de l'armistice sacré (ἔκεχειρία) // Mesogeios. — 2004. Vol. 24. — P. 127–160.
247. Олимпийские и Пифийские игры: их взаимосвязь. Тезисы доклада на «Университетском олимпийском семинаре» (Москва, 7 июня 2002 г.) // Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. — М., 2004. — Вып. 6. — С. 251.
248. Бондаренко М. Е. Античная история и археология Херсонеса Таврического. Библиографический указатель (1788–1987 гг.). — М.: Компания Спутник+, 2004. — 130 с. (гл. ред.)
249. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 6. — М.: Старый Свет, 2004. — 296 с. (гл. ред.)
250. MESOGEIOS. Les Jeux Olympiques dans l'Antiquité (sous la direction V. I. Kuzishchin). — Paris, 2004. — Vol. 24. — 212 p. (гл. ред.)

**2005**

251. История Древнего Востока. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2005. — 460 с. — (Серия «Классический университетский учебник») (гл. ред., автор 9,0 п. л.)
252. История Древней Греции. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2005. — 400 с. — (Серия «Классический университетский учебник») (гл. ред., автор 25,0 п. л.)
253. История Древнего Рима. — 4-е изд. — М.: Высшая школа, 2005. — 384 с. — (Серия «Классический университетский учебник») (гл. ред., автор 30,5 п. л.)
254. История Древнего Рима. Тексты и документы: В 2 т. — М.: Высшая школа, 2004–2005. — Т. 1. — 430 с.; Т. 2. — 380 с. (гл. ред., составитель 26,0 п. л.)
255. История Древнего Рима. — М.: Академия, 2005. — 448 с. (гл. ред., автор 30,0 п. л.)
256. Бондаренко М. Е. Античная история и археология Нижнего Поднестровья. Библиографический указатель (1826–1991 гг.). — М.: Компания Спутник+, 2005. — 44 с. (гл. ред.)
257. Бондаренко М. Е. Пантеон античной Тире. — М.: МАКС Пресс, 2005. — 68 с. (гл. ред.)
258. Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории Древнего мира. Вып. 7. — М.: Эко-Пресс-2000, 2005. — 320 с. (гл. ред.)

2006

259. История Древней Греции. — М.: Академия, 2006. — 480 с. (гл. ред., автор 37,0 п. л.)
260. Мировые войны в мировой истории (К постановке проблемы) // Вторая мировая война: Человек, общество, государство. — Симферополь, 2006. — С. 51–58.
261. Почему и как создаются и распадаются великие империи? Исторические реминисценции из опыта Римской империи // Мировой порядок XXI в. и проблемы украинско-российских отношений. — Симферополь, 2006. — С. 6–16.
262. XIV Сергеевские чтения на Кафедре истории древнего мира Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, 2–4 февраля 2005 г.) // ВДИ. — 2006. № 1. — С. 219, 230. (вступ. и заключ. слово)

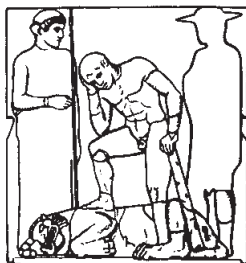
2007

263. История Древнего Востока. — М.: Академия, 2007. — 368 с. (гл. ред., автор 26,0 п. л.)
264. История Древнего Востока. — 3-е изд. — М.: Высшая школа, 2007. — 460 с. (гл. ред., автор 9,0 п. л.)
265. История Древнего Рима. — 4-е изд. — М.: Высшая школа, 2007. — 383 с. (гл. ред., автор 30,5 п. л.)
266. Монархия как тип государственного устройства в современной Европе: Отживший реликт средневековья или действующая политическая система // Южнобережный дом Романовых и сохранение культурно-исторического наследия Ливадии. — Симферополь, 2007. — С. 8–12.
267. Бондаренко М. Е. Государственные пантеоны древнегреческих полисов Северного Причерноморья. — М.: МАКС Пресс, 2007. — 248 с. (гл. ред.)

2008

268. Историография истории Древнего Востока: В 2 т. — М.: Высшая школа, 2008. — Т. 1. — 720 с.; Т. 2. — 490 с. (гл. ред., автор 1,2 п. л.)
269. Формирование права частной собственности на землю в римской юриспруденции во II—I вв. до н. э. // ВИ. — 2008. № 6. — С. 26–36.
270. Голод (угроза голода) как фактор исторического развития (К постановке проблемы) // Информационно-аналитический бюллетень Научного Совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории. — 2008. № 7.

Составитель: к. и. н. М. Е. Бондаренко





## Список сокращений

- АО — Археологические открытия. М.  
БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.  
ВДИ — Вестник древней истории. М.  
ВИ — Вопросы истории. М.  
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета.  
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.  
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.  
КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л.  
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.—Л.  
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.—Л.  
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.  
МГПИ — Московский государственный педагогический институт.  
МГУ — Московский государственный университет.  
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.  
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.  
ОАК — Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.  
РА — Российская археология. М.  
РАН — Российская Академия Наук.  
СА — Советская археология. М.  
СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.  
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.  
ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.  
ЭСЮИ — Энциклопедический словарь юного историка. М.
- AHR — American Historical Review.  
AJA — American Journal of Archaeology.  
AM — Athenische Mitteilungen (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, Stuttgart).  
BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique.  
BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies of the University of London.  
CAH — The Cambridge Ancient History.  
CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum.  
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.  
ESAR — An Economic Survey of Ancient Rome. (Ed. J. Frand).  
ILS — Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau/.  
IOSPE. P. — Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae.  
Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens / Edidit B. Latyshev. Petropoli, 1916. V. 1. Edit. 2.  
JHS — Journal of Hellenic Studies.  
JRS — Journal of Roman Studies.  
LIMC — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich.—München, 1981.  
LSJ — Lidell H. G., Scott R., Jones H. St. A Greek—English Lexicon. Oxford.  
NSA — Notizie degli Scavi di Antichità.  
RE — Pauly A, Wissowa G, Kroll W. Real—Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.  
REL — Revue des Études Latines.  
SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum.

**Кузицин Василий Иванович**  
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ  
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНТИЧНОСТИ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Оригинал-макет *Е. И. Шиленкова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.  
Издательство «Алетейя»,  
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.  
Тел./факс: (812) 560-89-47  
E-mail: office@aletheia.spb.ru (отдел реализации),  
aletheia@peterstar.ru (редакция)  
**www.aletheia.spb.ru**

Фирменные магазины «Историческая книга»  
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95  
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.  
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве  
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru  
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83  
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60  
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.  
Тел. (495) 915-27-97  
Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28  
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездииковский пер., 12/27.  
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21  
Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 04.07.2011. Формат 70×100<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.  
Усл. печ. л. 53. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.  
Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография “Наука”»,  
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12